4
К-26

Е. Ф. КАРСКИЙ

БЕЛОРУСЫ

ЯЗЫК БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

ВЫПУСК

1

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

504/89

4
K-26

АКАДЕМИЯ НАУК БССР
Институт языкознания

Е. Ф. КАРСКИЙ

БЕЛОРУСЫ

ЯЗЫК БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Выпуск первый

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
ЗВУКОВ
БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

Издательство
Академии наук СССР
Москва 1955

4
К-26
БИБЛИОТЕКА
Института
Языкознания
АН СССР
50489

Редактор, автор научно-биографических статей
доктор филологических наук
проф. В. И. БОРКОВСКИЙ

Е. Карский.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для дальнейшего развития белорусского языкознания важное значение имеют фундаментальные лингвистические труды выдающегося ученого, академика Е. Ф. Карского, положившего начало глубокому изучению белорусского языка.

Эти работы акад. Е. Ф. Карского давно уже стали библиографической редкостью. Между тем они имеют большое научное и практическое значение для каждого, кто занимается исследованием и изучением белорусского языка.

Особенно большое значение для развития белорусского языкознания имеет II том «Белорусов», отдельные выпуски которого посвящены трем основным разделам языкознания — фонетике (1-й вып.), морфологии (2-й вып.), синтаксису (3-й вып.).

Институт языкознания Академии наук БССР подготовил к переизданию 1-й выпуск II тома «Белорусов», посвященный изучению звуковой системы белорусского языка. В этом выпуске акад. Е. Ф. Карский на большом фактическом материале, взятом из древних памятников письменности, из народных говоров и записей народного творчества, дал подробное описание звуковых явлений в плане их исторического развития, определил основные звуковые закономерности белорусского языка.

В своих исследованиях Е. Ф. Карский уделял большое внимание не только изучению фонетической системы языка, но также изучению морфологии и синтаксического строя.

В «Общих замечаниях» к «Очеркам синтаксиса» Е. Ф. Карский отмечает, что его работа по изучению белорусского языка была бы незаконченной, если бы он ограничился только изучением звуков и форм. Определяя язык как «средство общения между людьми и передачи наших мыслей»[1], он далее указывает: «Знать звуки и их изменение, знать формы слов — еще не значит знать язык. Последний мы постигнем лишь тогда, когда обстоятельно уясним себе значение как отдельных звуков, так и особенно форм слов, их отношение к нашей речи...»[2]

В области диалектологии Е. Ф. Карский ставил задачу в первую очередь наиболее полно собрать данные о современных белорусских

---

[1] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, вып. 3, Варшава, 1912, стр. 3.
[2] Там же.

говорах, систематизировать их и дать им историческое объяснение. В современных белорусских народных говорах почти нет таких фонетических, морфологических и синтаксических особенностей, о которых бы в своих исследованиях не говорил Е. Ф. Карский. Из всех фонетических особенностей, известных нам по материалам Диалектологического атласа белорусского языка, в работах Е. Ф. Карского не нашли должного освещения только закрытые *о*, *е*.

Е. Ф. Карский как исследователь всегда придавал большое значение фактическому материалу. «Гипотезы, — говорил он, — построенные теоретически, опирающиеся на незначительное количество фактов, часто случайных, современем могут оказаться не имеющими под собой именно исторической почвы и, следовательно, лишенными цены, тогда как факты языка никогда не потеряют значения» [1].

Все собранное Е. Ф. Карским в области изучения белорусского языка является наиболее систематизированным и всесторонним из того, что опубликовано по белорусскому языку, хотя он и не мог дать полного описания фактического материала исторических источников, а также данных современного белорусского языка в его литературной форме и диалектах. Отдельные явления языка рассматриваются Карским лишь бегло, эпизодически, без выяснения изменений, которые протекали на протяжении всех периодов истории белорусского языка.

Карскому не всегда удается подняться выше фактов и, следовательно, установить определенную закономерность в развитии языка. Как известно, все исторические изменения в языке свидетельствуют о постепенном совершенствовании и обогащении его системы. Частные же и более общие выводы Карского не указывают непосредственно на эту исключительно важную сторону вопроса.

Не владея марксистским методом в подходе к изучению общественных явлений, академик Карский не мог дать глубокого теоретического обобщения своих ценнейших наблюдений и исследований в области белорусского языка. Не все его выводы, сформулированные много лет назад, соответствуют современным достижениям советского языкознания.

Необходимо критически относиться и к теоретическим выводам Е. Ф. Карского об образовании белорусской народности, о взаимодействии процессов развития белорусского языка с языками русским и украинским, о диалектах белорусского языка и т. д.

Е. Ф. Карский считал, что формирование языка народности происходит непосредственно на основе племенных диалектов; так, например, он говорит: «Современная белорусская речь сложилась постепенно, исторически, из языка тех древнерусских племен, которые преимущественно в эпоху литовского господства легли в основу белорусской народности. Насколько можно судить по сообщению нашей Начальной

---

[1] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, вып 2, Варшава, 1911, стр. III—IV.

Летописи, эти племена были дреговичи, радимичи и отчасти кривичи (полоцкие и смоленские)»[1].

Это утверждение нельзя считать правильным, так как в период складывания Литовского княжества существовали уже не племенные диалекты, а территориальные, которые не успели еще перемолоться в едином языке.

В работах Карского, в том числе и в послереволюционных, не нашли должного отражения труды классиков марксизма-ленинизма по национальному вопросу. Нигде им не затронут вопрос о формировании белорусской буржуазной и социалистической наций.

Критически рассматривая неправильные положения Карского, мы в то же время должны по достоинству оценивать и общее значение его исследований, поскольку они составляют весьма важный этап в истории белорусского языкознания. Следует помнить, что лингвистические труды Е. Ф. Карского имеют большое практическое и теоретическое значение для белорусского языкознания, а также для сравнительного изучения восточнославянских и вообще славянских языков. Белорусский язык изучался Карским в непосредственной связи с русским и украинским языками. Автор неоднократно подчеркивал, что белорусский народ кровно связан с братскими русским и украинским народами, а отсюда — крепкие, постоянные языковые связи, исторически обусловленные общим происхождением этих народов.

Институт языкознания Академии наук БССР переиздает в настоящее время раздел фонетики (1-й вып. II тома «Белорусов»). Готовил к печати и редактировал эту работу доктор филологических наук проф. В. И. Борковский, который учел поправки и дополнения, сделанные самим Е. Ф. Карским при подготовке тома к переизданию.

В дальнейшем Институт языкознания АН БССР выпустит вторым изданием и две другие книги II тома «Белорусов», в которых рассматриваются история форм словообразования и словоизменения и синтаксические явления белорусского языка.

Институт языкознания АН БССР

---

[1] Е. Ф. Карский. Русская диалектология. Л., 1924, стр. 81.

ОТ РЕДАКТОРА

Капитальный труд основоположника белорусского языкознания и белорусской филологии акад. Евфимия Федоровича Карского «Белорусы» давно уже стал библиографической редкостью, особенно том II, три выпуска которого посвящены исследованию белорусского языка.

Учитывая нужды научно-исследовательских учреждений, высшей школы, Институт языкознания Академии наук БССР решил переиздать все выпуски II тома «Белорусов».

В распоряжении редактора имеется авторский экземпляр «Белорусов» с поправками и дополнениями Е. Ф. Карского, подготавливавшего свой труд к переизданию. В вып. 3-м II тома, вышедшем четыре года спустя после вып. 1-го, даны «Дополнения и поправки к I т. и II т. (вып. 1, 2, 3)». Наконец, в томе LXXVI, вып. 1-м «Русского филологического вестника» помещена статья Е. Ф. Карского «Заметки по белорусскому наречию», в которой автор говорит: «Настоящие заметки касаются фонетики, морфологии и синтаксиса белорусского наречия и служат отчасти дополнением к тем данным, которые сообщены нами во II т. «Белорусов» (вып. 1, 2, 3), отчасти сообщают новые наблюдения».

Все дополнения, поправки Е. Ф. Карского учтены редактором при подготовке труда Е. Ф. Карского «Белорусы» к переизданию. В тексте поправки и дополнения не оговариваются, так как они принадлежат самому автору.

Принадлежащих лично редактору поправок и дополнений нет, так как редактор считал необходимым полностью сохранить авторский текст. Редактор позволил себе только устранить имевшиеся в «Белорусах» противоречия в терминологии.

Е. Ф. Карский в многочисленных своих трудах употреблял, рядом с терминами *белорусский народ, белорусский язык, западнорусский язык*, термины, являвшиеся, в условиях царского режима, вынужденной уступкой официальным кругам, суровой цензуре: *белорусское племя, белорусское наречие, западнорусское наречие.*

В новом издании «Белорусов» сохраняются только те наименования, которые отражают подлинное мнение самого автора, горячо любившего свой народ — белорусов, мечтавшего о времени, когда Белоруссия

будет свободной и счастливой. Этими наименованиями являются: *белорусский народ, белорусский язык, западнорусский язык.*

Так как читатель нового издания II тома «Белорусов» не всегда сможет иметь под рукой I том, редактор, сохраняя в «Сокращениях ко всему тому» ссылки Е. Ф. Карского на страницы и номера в I томе, приводит, на основании I тома «Белорусов», более полные библиографические сведения о вышедших трудах. Это позволит читателю не прибегать в каждом отдельном случае для расшифровки наименования к I тому «Белорусов».

Нет сомнений, что выход в свет второго издания «Белорусов» послужит дальнейшему росту белорусского языкознания, сыграет большую роль в подготовке научных кадров лингвистов.

Для развития советского языкознания совершенно необходимо, чтобы языковеды нашего времени хорошо знали то, что сделано лингвистикой в предшествующий период развития.

Белорусские языковеды, бесспорно, извлекут много ценного, полезного и нужного из трудов акад. Е. Ф. Карского, в первую очередь из его замечательного исследования «Белорусы».

В. И. Борковский

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящий 1-й выпуск II тома «Белорусов», кроме нескольких вводных статей, посвящен историческому очерку звуков белорусского языка, 2-й выпуск будет содержать морфологию (словообразование и словоизменение), а 3-й — синтаксис. Материал для II тома отчасти взят из прежних исследований автора, из которых большинства уже нет в продаже, а некоторые и не поступали на книжный рынок[1], отчасти вновь собран как из старинных западнорусских произведений, изученных в последнее время, так и из живых белорусских говоров; особенно много ценных данных позаимствовано из 32 ответов на белорусские программы, разосланные Академией наук, а также из новейших сборников народного творчества. Старые и новые материалы по возможности проверены во время командировки автора в 1903 г. и других неоднократных поездок в Белоруссию. Использованы и те данные, которые имеются в немногочисленных исследованиях по белорусскому языку, а также по истории и диалектологии русского языка, принадлежащих перу других лиц.

После выхода I тома «Белорусов», содержащего, между прочим, перечисление источников, прошло пять лет. За это время успело выйти несколько ценных собраний белорусских народных произведений, равным образом издано и отчасти даже открыто несколько неизвестных дотоле старинных памятников: все это заставило автора дать в виде сокращений на 24 страницах указатель источников ко всему тому; он облегчит чтение работы особенно для лиц, не имеющих I тома. Не столь важный указатель авторов, на исследования которых в соответствующих местах делаются ссылки, будет дан в конце целого тома, после синтаксиса.

---

[1] Например, самая крупная работа в этом роде: «К истории звуков и форм белорусской речи. Варшава, 1893», напечатанная лишь в количестве 50 экземпляров.

Выпуская в свет настоящую работу, автор не может не выразить глубокой благодарности Совету Варшавского университета за доставленные средства на ее издание и отдельным лицам, тем или иным способом содействовавшим ее усовершенствованию, И.А. Бычкову, Ф. Н. Добрянскому и особенно акад. А. И. Соболевскому за предоставленные из его коллекции в распоряжение автора некоторые снимки с западнорусских рукописей.

Варшава
Октябрь 1908 г.

СОКРАЩЕНИЯ
ко всему тому

Сокращения касаются только источников, но не пособий, которые указываются в соответствующих местах полностью. Ссылки делаются на страницы и №№ на них в I томе «Белорусов» (Варшава, 1903). Но так как в течение четырех лет, прошедших после появления этой книги, обнародованы некоторые старинные западнорусские памятники, бывшие неизвестными мне в 1903 г., равным образом так как за то же время появились некоторые новые работы, дающие материал для характеристики живых белорусских говоров, то и они попали в нижеследующий список. Исправлены также немногие погрешности, допущенные в определении времени написания некоторых памятников. Общеизвестные сокращения здесь не указываются.

А — Акты В. А. К. См. ниже.

А. А. Э. — Акты, собр. в библиотеках и архивах Российской империи Археогр. экспедициею Академии наук. СПб., 1836. 350, 4.

А. Б. — А. Б. «Воззрения белорусов на празднества Пасхи» («Мин. Лист.» 1886 г., № 27) и «Очерк положения женщины в крестьянск. среде Белор. края» («Мин. Лист.» 1886 г., № 39, 40, 42). 261.

Абрамов. — А. Абрамович. Kilka melodyj ludu białoruskiego, spisanych i ułożonych z towarzyszeniem fortepianu przez Antoniego Abramovicza (в «Rocznik'e Literack'om, wyd. przez Rom. Podbereskiego». Petersburg, 1843). 216.

Авен. — П. Авенариус. Образцы белорусского наречия разных местностей, доставленные П. Авенариусом. «Сборник ОРЯС», т. XLVI. СПб., 1890. 265.

Азбука 1596 г. 403, 30.

А. З. Р. — Акты, относящиеся к истории Западной России, собр. и изд. Археогр. комиссиею (в 5 томах). СПб., 1846—1853. 351, 11.

А. И. — Акты исторические, собр. и изд. Археогр. комиссиею (в 5 томах). СПб., 1841—1842. 350, 7.

А. К. — «Казки». Выдаў А. К. СПб., 1904.

Акад. — Сборник АН (45. 11. 1), содержащий между прочим западнорусскую летопись (лл. 147—182); писан в середине XVI в. Изд. в т. XVII ПСРЛ (Ср. еще «Известия ОРЯС», т. VIII, 1903. 100—107).

Akta gr. — Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczy Pospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego Bernardyńskiego w Lwowie w skutek fundacyi śp. Alexandra hr. Stadnickiego, wydane staraniem Galicyiskiego wydziału krajowego. T. I—XVI. We Lwowie, 1868—1894. 354, 26.

Актикация 1499 г. — Актикация жалов. грамоты Константина Острожского Виленскому Пречистенскому собору 1499 г. «Археогр. сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, изд. при управлении Виленского учебного округа», т. VI. 366, 124.

Акты 1444 г. — Судебные решения и акты, относящиеся к спорному делу между Круповичами и Бастунями — I, II, III, IV и V. «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собр. и изд. Археогр. комиссиею», т. I—XI. СПб., 1863—1879. 363, 63.

Акты В. А. К. — Акты, изд. Виленской комиссией для разбора древних актов, т. I—XXXVI. Вильна, 1865—1912. 352, 19.

Акт 1451 г. — Акт продажи земли с угодьями в Волковыйской волости Яном Корейвой Ядуговичем церкви св. Станислава. «Псан у Вилни». «Акты Южной и Западной России», т. II, № 71. 363, 68.

А. Л. Г. — Акты Литовско-Русского государства, вып. 1 (1390—1529). М., 1900 (из «Чтений в об-ве ист. и др. росс.» за 1899 г.). 355, 32 (в конце).

Александрия 1697 г. 394, 96.

Анимел. — Н. Анимелле. Быт белорусских крестьян. «Этнографический сборник, изд. РГО» вып. II. 227—228.

Антон. — А. Антонов. О врачебных растениях, дико растущих в Витебск. губ. и употребляемых населением ее в домашней народной медицине. «Памятн. кн. Витебск. губ.» на 1888 г. 264.

Апокрисис ок. 1597 г. 403, 32.

Апост. Скор. 1525 г. 399, 4.

Апост. ок. 1576 г. 401, 9.

Апост. 1580 г. — Апостол М. П. и Рум. муз. Собрания Тихонр. № 371.

Апост. 1591 г. 402, 20.

Апост. толк. XVI в. 385, 44.

Арбузов — М. Арбузов. Собрание слов, употребляемых в просторечии в г. Рославле (Смоленск. губ.) и уезде оного. Рукопись. (В рукоп. отд. биб-ки АН СССР). 231.

Archiwum — Archiwum książąt Lubartowiczów-Sanguszków w Sławucie, wydane nakładem właściciela pod kierownictwem Z. L. Radzimińskiego, т. I—IV. 1877—1890. 354, 30.

Археол. — Сборник археол. об-ва в СПб. № 43, содержащий разные рукописи, между прочим на лл. 43—73, писанных почерком XVI в., отрывки западнорусск. летописи. Изд. в т. XVII ПСРЛ.

Арх. Сб. — Археогр. сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, изд. при управлении Виленского учебного округа, т. I—XII. Вильна, 1867—1900. 353, 23.

Арх. Ю. Р. — Архив Юго-Западной России, изд. Временною комиссиею для разбора древних актов, учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском ген.-губернаторе. Киев, 1859—1893. 351, 15.

А. Ю. З. Р. — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. I—XI. СПб., 1863—1879. 352, 16.

Афан. — Афанасьев. Народные русские сказки. 242.

Б. А. — Белорусский архив древних грамот И. Григоровича, ч. I. М., 1824. 350, 3.

Бароний XVII в. 397, 113.

Барщ. — Ян Барщевский. Szlachcic Zawalnia, czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach. Poprzedzone krytycznym rzutem oka na Literaturę Białoruską przez Romualda Podberskiego. Petersburg, 1844—1846, 4 томика. 215—216, 436—437.

Б-вский — Суеверные обряды простонародия Западного края. «Русский мир», 1873, № 342, 343. 250.

Бекар. — Ст. Бекаревич. Сельские очерки. Село Нежков. «Могил. Губ. В.», 1864, № 31, 33, 45. 238.

Бел. Арх. — Беларускі архіў, т. I (XVI—XVII ст.), у Менску, 1927; т. II (XV—XVI ст.). Менск, 1928.

Бел. им. — Белорусские имена мужские и женские. «Могил Губ. В.», 1850, № 46. 220.

Бел. сл. Горк. — Белорусские слова, собр. в м. Горках Могил. губ. Оршан. уезда. Рукопись. (В рукоп. отд. биб-ки АН СССР). 245.

Берман — И. Берман. Календарь по народным преданиям в Воложинском приходе Виленск. губ. Ошмян. уезда. «Записки РГО», т. V, 1873. 248.

Беседы Григория XV—XVI в. 379, 23.

Беседы XVI в. — Сборник бесед. св. отцов Церкви. 388, 60.

Бесс. Б. П. — П. Бессонов. Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. М., 1871. 246.

Бесс. Кал. — П. Бессонов. Калеки перехожие. М., 1861—1864. 245.

Библ. Скор. XVI в. — Владимиров. Доктор Франциск Скорина. СПб., 1888, а также наш «Обзор звуков и форм белорусской речи». М., 1886, 398—399, 1—4.

Библ. 1568 г. — Библ. кн. Скорины, переписанные Жугаевичем. 381, 32.

Библ. 1569 г. — Библ. кн. Скорины, переписанные Лукою в Тернополе. 381, 33.

Библ. 1573, 1576 и 1577 г. — Библ. кн. с записями 1573, 1575 и 1577 гг. 381, 34.

Библ. кн. XVI в. Вил. № 262. 386, 48.

Библ. кн. XVI в. Публ. — Библ. кн. Публ. биб-ки. 387, 51.

Библ. кн. XVII в. Публ. б. Толст. № 158. 392, 80. Рукопись эта, несомненно, начала XVII в., так как представляет буквальный перевод (некоторых книг в извлечении) с польской библии Як. Вуйка 1599 г. (Biblia to iest księgi starego y nowego testamentv, według łacińskiego przekładu stárègo, w kościele powszechnym przyiętègo, na polski ięzyk z nowu z pilnością przełożonè... Przez D. Jakvba Wvyka z Wągrowca, Theologa Societatis Jesv. W Krakowie. M. D. XCIX).

Biełarúski lementár. СПб., 1906, то же русскими буквами.

Бирута — Pieśni białoruskie z powiatu Lidzkiego. («Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, wydawany staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie», т. XVI, 1892. 326.

Бобровск. — П. Бобровский. Гродненск. губ., ч. I. СПб., 1863. 233.

Богусл. — Ф. Богуславский. Народное предание о ручье «Буковище» в с. Юриновке Новгородсеверск. уезда («Черн. Губ. В.», 1854, № 15) и Село Юриновка в историческом и этнографическом отношениях («Черн. Губ. В.», 1855, № 19—21), 223—224.

Бодуэн — И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. Pieśni białorusko-polskie z powiatu Sokólskiego gubernii Grodzieńskiej («Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», т. XVI. 1892) и Dodatek do pieśni białorusko-polskie z powiatu Sokólskiego gubernii Grodzieńskiej, zapisanych przez prof. Dr. B. de C. («Zbiór wiadomości do antropologii krajowei», т. XVIII. 1895). 325—326.

Бодян. — Материалы по белорусскому языку в собрании О. М. Бодянского (рукопись). 231 [1].

Б. повечорки — Белорусские повечорки. «Калейдоскоп», 1862, № 27. 235.

Булгаков — Памятники народного творчества в Минск. губ., собр. А. М. Булгаковым («Виленск. вестн.», 1881, № 144, 145, 146, 148, 149, 151). 258.

Булгаковск. — Д. Булгаковский. Белорусские песни, собр. в Борисовск. уезде («Минск. Губ. В.», 1868, № 23). 244.

Бурач. — М. Бурачок. Dudka biełoruskaja. Kraków, 1891 [2].

Бусл. Хр. — Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия. М., 1861. 235.

Бывальк. — П. Бывалькевич. Иван Купала (В д. Углах Слуцк. уезда Минск. губ.). «Этнографическое Обозрение», 1891, т. XI. 324.

Быков. Б. — Владисл. Быковский. Белорусская свадьба Себежск. уезда Витебск. губ.

---

[1] См. также «Белорусы», т. II, вып. 3, стр. 290. (*Ред.*).

[2] Отзывы о Бурачке и других новейших писателях и изданиях на белорусском языке имеются в брошюре: Д-р Іляріон Святицький: Відроджене білоруського письменства Львів. 1908. 8° мал. 58 стр.

(«Памятн. кн. Витебск. губ.» на 1867 г.) и Свадебные обряды и песни в Пинском уезде Минск. губ. («Памятн. кн. Виленск. ген.-губ.» на 1867 г.). 243.

Быков. П. — П. Быковский. Pieśni obrzędowe ludu ruskiego z okolic Pińska («Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», т. II). 255.

Бяседа — Бяседа старого вольника з новыми, пра ихнае дзело. Могилев, 1861.

В. А. — Собр. А. В., см. ниже.

Валюк. — П. Валюкович. Обряды погребения в Игуменск. уезде. «Минск. Губ. В.», 1867, № 12. 243.

Варенц. — В. Варенцов. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. 231.

Вас. Великий XVI в. 395, 97.

Васил. — Л. Василевский. Zagadki białoruskie («Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem komisji antropologicznej Akademji umiejętności w Krakowie», II. 1897). 330.

Васильева Бесед. — Село Беседки Мозырск. уезда. «Минск. Губ. В.», 1879, № 29 и 31. 258.

Васильева быт М. — Заметка о быте крестьян Мозырск. уезда. «Минск. Губ. В.», 1879, № 17 и 18. 258.

Васильева вес. п. — Весенние песни и обряды в деревнях Мозырск. уезда. «Минск. Губ. В.», 1878, № 50. 258.

Васильева Граб. — Свадебные обряды в районе Грабовск. волости Мозырск. уезда. «Минск. Губ. В.», 1887, № 32—34. 257.

Васильева Рожд. пр. — Рождественские праздники крестьян Мозырск. уезда. «Минск. Губ. В.», 1878, № 5. 257.

Васильев — Белорусские поговорки. «Маяк», 1884, т. 15. 213.

Веренк. — Przyczynek do lecznictwa ludowego Ф. Веренка. «Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne», 1896, I. 329.

Верига Dum. — Dumki białoruskie... ze wsi głębokiego w powiece Lidzkim gubernii wileńskiej w r. 1885, spisane przez W. W. («Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», т. XIII, 1889). 264.

Верига Pod. — Podania białoruskie, Zebrane przez Władysława Weryhę, poprzedzone wstępem przez Jana Karłowicza. Lwów, 1889. 263—264.

Вертеп в Мог. — Вертеп в Могилеве. «Могил. Губ. В.», 1866, № 4. 238, 447—448.

Вил. — Западнорусск. летопись по Виленскому списку в сборнике Авраамки, новое изд. в т. XVII ПСРЛ. Ссылки делаются на страницы издания А. Бычкова: «Отрывок кр. лит. лет.» СПб., 1893.

Висков. — А. Висковский. Белоруссия. «Моск. Вед.», 1854, № 148—153. 223.

Вит. К. С. — Віцебскі краёвы слоўнік. Витебск, 1927.

Войнил. — Белорусские песни, собр. Войниловичем в Слуцк. уезде (рукопись). 231.

Vocabularium не раньше XVII в. 397, 114.

Гарм. — П. Гармаш. Собрание и объяснение областных слов, употребляемых в Черн. губ. по Стародубск. уезду. Рукопись. (В рукоп. отд. биб-ки АН СССР). 245.

Гаръмония 1608 г. 404, 36.

Гашк. — Н. Гашкевич. Щедрец. «Могил. Губ. В.», 1852 к № 11. 221.

Гильтебр. — П. Гильтебрандт. Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае. Изд. ред. «Виленск. вестн.», вып. I. Вильно, 1866. 239.

Гистория 1637 г. 405, 40.

Гнатов. — Гнатовский. Материалы из Могил. губ., доставленные Гнатовским (рукопись). 231.

Говор. — Говорский. Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской народности к русской вере и народности, вып. 2. Вильно, 1867. Отдельный оттиск из «Вестн. Западной России» Говорского. 353, 22.

Говор Хохл. — О говоре крестьян с. Хохлова Смоленск. уезда (рукопись). 231.

Гол. кут. — Проводная или голодная кутья. Очерк из белорусской простонародной жизни. «Виленск. вестн.», 1884, № 15. 260.

Головацк. — Я. Головацкий. Памятники дипломатического и судебно-делового языка русского в древнем Галицко-Володимирском княжестве и в смежных русских областях с XIV и XV столетия. «Науковый сборник», ч. I. 1866. 353, 21.

Голын. — Н. Голынский. Сватьба белорусских крестьян. «Могил. Губ. В.», 1841, к № 47. 220.

Горбач. — И. Горбачевский. Древность белорусских песен и их напевов. «Витебск. Губ. В.», 1896, № 83—85, 87, 89. 329.

Горбач. Слов. — Горбачевский. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского. Вильна, 1874. 429.

Грамматика 1586 г. 401, 15.

Грамматика Л. З. 1596 г. 403, 29.

Гр. Ант. и Козл. — Грамоты великого княжества Литовского с 1390 по 1569 г., собр. и изд. под ред. Влад. Антоновича и Конст. Козловского. Киев, 1868 (из «Университетск. известий», 1868, № 4—9). 353—354, 24.

Гр. А. М. — Грамоты и акты Минск. губ. Минск, 1846. 351, 10.

Гр. Напьер. — Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV в.; найдены в Рижском архиве К. Э. Напьерским и изд. Археогр. комиссиею (с 8 литогр. снимками). СПб., 1857. 351, 13.

Гр. 1229 г. — Дог. грамота смоленск. кн. Мстислава Дав. 357, 1. Редакция *Д* воспроизведена у Собол. и Пташ. (Палеогр. снимки с русских грамот, преимущ. XIV в. СПб., 1903), № 37.

Гр. ок. 1230 г. — Дог. неизвестн. смоленск. кн. 357, 2. Снимок у Собол. и Пташ., 36.

Гр. Герденя — Грамота Герденя 1264 г. по копии XIII—XIV вв. 357, 3. Литогр. снимок у Напьерск.

Гр. ок. 1265 г. — Грамота полоцк. кн. Изяслава по копии XIII—XIV в. 357, 4. Литогр. снимок у Напьерск.

Гр. 1284 г. — Грамота смоленск. кн. Феодора Ростисл. 357, 5. Снимок у Собол. и Пташ., 35.

Гр. 1284 г. о колок. — Грамота смоленск. кн. Феодора Ростисл. о колоколе. 358, 6. Литогр. снимок у Напьерск.

Гр. 1281—1297 г. — Грамота рижск. архиепископа смоленск. кн. Феодору. 358, 8. Литогр. снимок у Напьерск.

Гр. ок. 1297 г. — Грамота смоленск. кн. Александра Глебовича. 358, 7. Литогр. снимок у Напьерск.

Гр. еп. Іакова ок. 1300 г. 358, 9. Литогр. снимок у Напьерск.

Гр. риж. ок. 1300 г. 358, 10.

Гр. ок. 1330 г. — Дог. Полоцка с Ригой. 358, 12. Литогр. снимок у Напьерск.

Гр. ок. 1341 г. — Грамота торунск. гражданству Кестутия и Любарта. Кенигсб. архив. Снимок в «Памятниках» И. И. Срезневского.

Гр. 1349 г. — Дог. грамота литовско-русских князей с королем Казимиром. 358, 13. Снимок у Собол. и Пташ., 46.

Гр. ок. 1350 г. Лавр. — Данная Юрия Болковича Лавришевскому монастырю. 358, 14.

Гр. ок. 1350 г. О. — Купчая и меновая грамота Олехна Ромашковича. 358, 15.

Гр. ок. 1359 г. — Дог. смоленск. кн. Ивана Александровича с Ригою. 358, 11.

Гр. ок. 1377 г. — Вкладная грамота кн. Юлиании. 359, 16.

Гр. 1383 г. — Жалов. грамота кн. Александра-Витовта. 359, 17. Снимок у Собол. и Пташ., 17.

Гр. 1386 г. Лавр. — Вкладная грамота кн. Димитрия-Корибута Лавришев. монастырю. 359, 19.

Гр. 1386 г. Ю. — Дог. грамота смоленск. кн. Юрия Святославича. 359, 18. Снимок у Собол. и Пташ., 39.

Гр. 1387 г. Влад. — Грамота Владислава. 359, 21. Снимок у Собол. и Пташ., 14.

Гр. 1387 г. П. — Условие Панка, 359, 22. Снимок у Собол. и Пташ., 12.

Гр. 1388 г. Д.-К. — Грамота Димитрия-Корибута. 359, 23. Снимок у Собол. и Пташ., 5.

Гр. 1388 г. Д. О. — Грамота кн. Димитрия Ольгердовича. 359, 24.

Гр. 1388 г. Кор. — Поручная грамота князей и бояр королю Ягеллу за Корибута. См. Archiwum Sanguszków, I, № 9. Снимок у Собол. и Пташ., 6.

Гр. 1389 г. — Клятв. грамота Семена Лыгвения Ольгердовича. 360, 25. Снимок у Собол. и Пташ., 47.

Гр. 1390 г. — Грамота Витовта Андрею Василу. 360, 26.

Гр. 1393 г. — Грамота Олега Рязанск. королю Владиславу. 360, 28. Снимок у Собол. и Пташ., 7.

Гр. 1394 г. — Грамота Ягелла. 390, 30. Снимок у Собол. и Пташ., 15.

Гр. 1396 г. — Грамота полоцк. кн. Ярослава Изяславича. 360, 31.

Гр. 1398 г. — Правая грамота Витовта по спору между бискупом виленским и Викгайлом о ловищах. Оригинал в биб-ке римско-католич. Дух. Академии при рукописи № 3, 3. 13. Снимок у Сахарова, т. XV, № 17 и у Собол. и Пташ., 18.

Гр. до 1399 г. Андр. — Жалов. грамота полоцк. кн. Андрея Ольгердовича. 360, 34.

Гр. ок. 1399 г. Анофр. — Вкладная кн. Анофрия полоцк. Предтеч. монастырю. 361, 36.

Гр. 1399 г. Исет. — Грамота кн. Витовта о разделе оз. Исета. 361, 37[1].

Гр. 1399 г. канон. — Жалов. грамота Витовта виленск. каноникам. 361, 35. Снимок в «Вестн. Евр.», 1828, № 22. Где хранится оригинал, неизвестно.

Гр. 1399 г. Никт. — Грамота кн. Витовта на имя Никтиборга. 360, 33.

Гр. XIV в. А. Д. — Вкладная Андрея Данильевича. 361, 40.

Гр. XIV в. белк. — Грамота вдовы полоцк. кн. Андрея о белке. Снимок у Собол. и Пташ., 43.

Гр. XIV в. И. Н. — Вкладная Ив. Никоновича. 361, 39.

Гр. ок. 1400 г. — Грамота Монтигирда, наместника полоцк. 361, 41.

Гр. 1400 г. Алекс. — Грамота стародубск. кн. Александра Патрикеевича на верность королю Ягеллу. Снимок у Собол. и Пташ., 48.

Гр. 1401 г. Засл. — Присяжная грамота заславских князей. 361, 42.

Гр. 1401 г. Ю. Д. — Присяжная грамота Юрия Давидовича. 361, 43.

Гр. 1404 г. — Грамота полочан в Ригу. 361, 44.

Гр. 1405 г. пол. — Дог. полочан с рижск. магистром. 361, 46.

Гр. 1405 г. Риг. — Торг. дог. Риги с Полоцком. 361, 45.

Гр. 1407 г. — Дог. Полоцка с Ригой. 362, 48.

Гр. ок. 1407 г. — Отрывок торг. дог. Полоцка с Ригой. 362, 49.

Гр. 1409 г. — Грамота кн. Ивана Семеновича, полоцк. наместника. 362, 50.

Гр. 1414 г. — Грамота жителей г. Полоцка. 362, 51.

Гр. 1417 г. — Грамота Игумена Пересопницк. монастыря, писана в Слуцке. 362, 52.

Гр. 1428 г. — Грамота Витовта кн. Анне. 362, 53.

Гр. 1430 г. И. В. — Дог. грамота Ивана Влад. с Витовтом. 362, 56.

Гр. 1430 г. И. Ф. — Дог. грамота рязанск. кн. Ивана Федоровича с Витовтом. 362, 55.

Гр. 1432 г. 23 сент. — Грамота Сигизмунда. 362, 57.

Гр. 1432 г. 27 сент. — Грамота Сигизмунда. 362, 58.

Гр. 1433 г. — Жалов. грамота Свидригайла. 362, 59.

Гр. 1438 г. — Жалов. грамота Свидригайла. 362, 60.

Гр. 1440 г. — Грамота вел. кн. Казимира. 362, 61.

Гр. 1442 г. — Жалов. грамота Казимира Ягеллона. 363, 62.

Гр. 1447 г. — Грамота кн. Казимира. 363, 64.

Гр. 1450 г. — Жалов. грамота Свидригайла Ольгердовича. 363, 67.

Гр. 1452 г. — Грамота Казимира Ягеллончика. 363, 69.

Гр. 1454 г. — Жалов. грамота Михаила Нестручкого. 363, 70.

Гр. 1455 г. М. А. — Грамота слуцк. кн. Михаила Александровича. 363, 71.

Гр. 1455 г. М. К. — Грамота Михаила Кезгайловича. 363, 73.

Гр. 1455 г. Ю. Л. — Жалов. грамота Юрия Лынгвеневича. 363, 72.

Гр. 1456 г. 3 мая — Жалов. грамота Юрия Лынгвеневича. 363, 75.

---

[1] См. также «Белорусы», т. II, вып. 3, стр. 302. (*Ред.*).

Гр. 1456 г. 14 июня — Жалов. грамота кн. Юрия Лынгвеневича. 363, 76.
Гр. 1456 г. 28 июня — Жалов. грамота кн. Юрия Лынгвеневича. 363, 77.
Гр. 1456 г. Каз. А. — Грамота Казимира Андрею Федьковичу. 364, 79.
Гр. 1456 г. Каз. II. — Уставная грамота Казимира. 363, 78.
Гр. 1457 г. — Продажная грамота Николая Ляха. Снимок в «Dzien. Warsz». 1826, VI.
Гр. 1458—1459 г. — Жалов. грамота мстиславск. кн. Иоанна Юрьевича. 364, 82.
Гр. 1459 г. — Гр. Олехна Довойновича. 364, 81.
Гр. 1463 г. — Духовн. мстиславск. кн. Ивана Юрьевича. 364, 83.
Гр. 1463 г. Каз. — Грамота короля Казимира. 364, 84.
Гр. 1465 г. пол. — Грамота полочан в Ригу. 364, 85.
Гр. 1465 г. пол. н. — Грамота полоцк. наместника. 364, 86.
Гр. 1470 г. полоц. — Грамота бояр и наместника полоцк. Олехнова. 364, 89.
Гр. 1470 г. продажн. — Право продажное от Михаила Яновича. 364, 88.
Гр. 1470—1471 г. — Дог. грамота короля Казимира IV. 364, 90.
Гр. 1474 г. — Акт разграничения угодий между владениями бискупа и каноников виленских. 364, 91.
Гр. 1475 г. — Грамота бояр и мещан полоцких г. Риге. 364, 92.
Гр. 1476 г. — Грамота бояр и мещан полоцких г. Риге. 365, 93.
Гр. 1477 г. И. И. — Грамота Ивашки Илинича. 365, 95.
Гр. 1477 г. Я. К. — Грамота Яна Кучука. 365, 94.
Гр. 1478 г. — Дог. грамота полочан с Ригою. 365, 96.
Гр. 1480 г. — Жалов. грамота Александра Ходкевича. 365, 97.
Гр. 1481 г. — Грамота Казимира Ягеллончика. 365, 98.
Гр. 1482 г. — Грамота кн. Збараского. 365, 99.
Гр. 1483 г. — Дог. грамота короля Казимира. 365, 100.
Гр. 1486 г. Зуб. — Жалов. грамота кн. Софии Зубревицкой. 365, 103.
Гр. 1486 г. Остр. — Грамота кн. Михаила и Конст. Острожских. 365, 101.
Гр. 1487 г. — Грамота кн. Анны Слуцкой церкви св. Варвары. Снимок на стекле в библ. Ак. Н.[1]
Гр. 1489 г. — Жалов. грамота кн. Анны Слуцкой. 365, 104.
Гр. 1490 г. Каз. — Грамота Казимира Ягеллончика. 366, 107.
Гр. 1490 г. Петр. — Грамота Петраша Фоминича. 365, 106.
Гр. 1491 г. Вол. — Грамота Василия Воловича. 366, 109.
Гр. 1491 г. Хреб. — Грамота Федка Хребтовича. 366, 108.
Гр. 1492 г. 10 апр. — Жалов. грамота кн. Анны Слуцкой. 366, 110.
Гр. 1492 г. 31 мая — Жалов. гр. кн. Анны Слуцкой. 366, 111.
Гр. 1492 г. Алекс. — Грамота короля Александра. 366, 112.
Гр. 1492 г. Мен. — Грамота короля Александра, в Менску. 366, 115.
Гр. 1492 г. Петр. — Грамота Петраша Фоминича. 366, 114.
Гр. 1493 г. Алекс. — Грамота Александра Яцку Василевичу. 366, 118.
Гр. 1493 г. Иваш. — Грамота Ивашки Яцковича. 366, 117.
Гр. 1494 г. — Грамота Александра пане Васковой Павловичевой. 366, 119.
Гр. 1495 г. — Грамота кн. Александра Ягеллончика. 366, 120.
Гр. 1499 г. — Жалов. грамота короля Александра. 366, 123.

---

[1] Вот эта грамота: Во имѧ коѥ аминь Сѥ ꙗ кнгни михаловаꙗ александровича анна сѣтчѫ сн мой листко што некочи гпрь мои кнзь его мт̑ъ прнда бы кѫ стои варварѣ двѣ ведрѣ медѫ а десѧ грошеи поплатѫ надрокышцѫ на лопатичѫ, и ꙗ послѣ кнзѧ его мт̑и живота. прндала есми того члка кышереченого кѫ стои варвари. здаю тою и с поплато и з слубою. вѣчно и кѣ порѣшено то чл̑къ маѥ да и попла и слубѫ дати томѫ попу которын бутъ слѫжити оу цркви тое. а нагорѣ же ему слубы и дачи никоторое ненадѣ анато и печа нашу к семѫ листѫ привѣсили есмо да оу слуцку дѣ. ка. sqs.

В дате грамоты пропущено ч. Она не могла быть написана в 1397 г., так как Михаил Александрович умер в 1482 г.

www.ruslang.ru

Гр. XV в. В. Д. — Грамота Василия Дмитриевича из Полоцка в Ригу. 367, 128.

Гр. XV в. В. С. № 3 — Грамота второй половины XV в., Виленск. палеогр. снимки, № 3. 367, 129.

Гр. XV в. Мог. — Грамота Казимира Могил. боярам. 363, 65.

Гр. XV в. Сим. — Грамота полоцк. еп. Симеона в Ригу. Снимок и изд. у Собол. и Пташ., 44.

Гр. XV в. № 278 — Грамота полочан в Ригу. Русско-ливонские акты. 367, 125.

Гр. XV в. № 279 — Грамота полочан в Ригу. Русско-ливонские акты. 367, 126.

Гр. 1500 г. — Жалов. грамота кн. Александра. Виленск. публ. биб-ка.

Гр. 1516 г. — Грамота биб-ки Варш. унив. 367, 130.

Гр. 1581 г. — Грамота Стефана Батория. 367, 131.

Гр. 1589 г. — Грамота Сигизмунда III, печатная. 402, 19.

Гр. 1613 г. — Грамота биб-ки Варш. унив. 367, 132.

Грач. — В. Грачев — несколько статеек в «Смоленск. вестн.», 1890, № 35, 37, 39, 55, 78. 265.

Григ. Синаит XVI в. 387, 53.

Гродн. Акт. кн. XVI в. — Акты, изд. Виленск. Археогр. комиссиею, т. XVII. Вильна, 1890.

Грузин. Дух. ст. — А. Грузинский. Духовные стихи Минск. губ. Речицк. уезда («Этнографическое Обозрение», 1898, XXXVIII) и «Царь Максимилиан» (К истории народного театра. Там же). 325.

Грузин. Этн. — А. Грузинский. Из этнографических наблюдений в Речицк. уезде Минск. губ. «Этнографическое Обозрение», 1891, XI. 325.

Гуторка Паўлюка. 453.

Гуторка старого дзеда. 444—445.

Два загов. — Два заговора из Чериковск. уезда. «Могил. Губ. В.», 1889, № 2, и «Этнографическое Обозрение», I. 264.

Демб. — А. С. Дембовецкий. Опыт описания Могил. губ. Могилев на Днепре, 1882. 259—260[1]. Ему же принадлежит издание для немногих (в 20 экз.): «Свадебные песни белорусские». Дополнение к 1-й книге «Опыта описания Могил. губ.» Могилев, 1864. 16°. 44.

Демид. Вер. — П. Демидович. Из области верований и сказаний белорусов. «Этнографическое Обозрение», 1896, XXVIII—XXX. 329.

Демид. Игр. — П. Демидович. Белорусские детские игры. «Живая старина», 1898, III—IV. 329.

Десятоглав 1502—1507 г. 379, 25.

Дзял. — Дзялынский. Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. Tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznań, 1841. 350, 6.

Дмитр. П. и Ск. Вильн. — М. Дмитриев. Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края. Вильно, 1869. 242.

Дмитр. П. и Ск. Гр. — М. Дмитриев. Опыт собрания песен и сказок крестьян Северо-Западного края. Гродно, 1868. 241—242.

Дмитр. Сл. — М. Дмитриев. Алфавитный указатель особенных слов и выражений, извлеченных из песней и сказок крестьян Новогрудск. уезда. 1858 (рукопись). 241.

Дневник Евлашевского XVI—XVII вв. 393, 82.

Добров — В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. I—IV. 1891—1903; Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. 269—271.

Добр. весци — Dobryja wieści. 445.

Довн.-Зап. Зам. — М. В. Довнар-Запольский. Заметки о белорусск. говорах. 1. Говор Ново-Сверженск. волости Минск. уезда. «Живая старина», 1893, I. 267.

Довн.-Зап. Календ. — М. В. Довнар-Запольский. Календарь Северо-Западного края на 1889 г. М., 1889. 266—267.

---

[1] См. поправки к стр. 260 в «Белорусах», т. II, вып. 3, стр. 292. (*Ред.*).

Довн.-Зап. Пол. — М. В. Довнар-Запольский. Белорусское Полесье, вып. I. Песни пинчуков. Киев, 1895 (оттиск из «Университетских известий» за 1895 г.). 268.

Довн.-Зап. Свад. — М. В. Довнар-Запольский. Белорусская свадьба и свадебные песни. Киев, 1888. 266.

Докум. — Документы, объясняющие историю Западнорусского края и его отношения к России и Польше. СПб., 1865. Изд. С.-Петербургской Археогр. комиссии. 352, 18.

Долгор. — Витебск. губ. Историко-географический и статистический обзор, вып. I. История. Природа. Просвещение. Под ред. В. М. Долгорукова, Витебск, 1890. 265.

Дорог. — Н. Дорогунцов. Село Попова-гора. Этнографический очерк. «Черниговск. Губ. В.», 1871, № 20—22 и «Записки Черниговского губ. стат. комитета», 1872), кн. 2. 248.

Друцк.-П. — Р. Друцкий-Подберезский. Белорусская свадьба («Иллюстрация» 1841, № 1, и «Образец поэзии белорусов» («Иллюстрация», 1848, № 36). 216.

Дубр. — Летописный сборник XVI в. (Публ. биб-ки. F. IV. 238) Дубровского. Содержит три отрывка, имеющих непосредственное отношение к литовск. летописям (под годами 1341, 1350, 1377; на лл. 470б—473; 486—492б). Часть изд. в т. XVII ПСРЛ.

Дыб. Заг. — W. Dybowski. Zagadki białoruskie z gub. Mińskiej («Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», т. V, 1881; т. X, 1886). 258.

Дыб. Посл. — W. Dybowski. Przysłowia białoruskie z powiatu Nowogródzkiego («Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», т. V. 1881). 258.

Ев. 1317 г. 370, 2.

Ев. 1329 г. 370, 3.

Ев. 1520 г. 380, 28.

Ев. 1539 г. 380, 29.

Ев. толк. 1595 г. 403, 23.

Ев. Тяпин. ок. 1580 г. 401, 10.

Ев. учительное 1568—1569 г. 400, 7.

Ев. 1616 г. — Евангелие учительное, напечатано в Евье 1616 г. на западнорусском языке. В книге много полонизмов, иногда даже замечаются украинские особенности. Переводчики называют язык этого Евангелия русским: Казаня... тепѣръ ново, з кгрецкого й Словѣнского на рꙋскій переложеный... Працею й старанемъ Иноковъ... Монастыра Братского Виленского... (заглавный лист). В самом тексте находим подобное же понимание, напр.: Гс имя̀ ѣстъ Єврейское, словенскимъ языкомъ выкладаетсѧ Спсъ, ако спаситель: а рꙋскимъ, Звавителъ: Хс имя̀ ѣстъ кгрецкое, пожндовскꙋ Мессіа: порꙋскꙋ помазаный (252 л. б). Издание используется нами главным образом для изучения места ударения. Подробное описание см. у Каратаева, № 229. Мы пользуемся собственным экземпляром.

Евр. — Сборник Моск. главн. архива мин. иностр. дел, подаренный П. Евреиновым, № 76 (101). Западнорусская летопись «Книга великого княжества Литовского и Жеицкого» (лл. 441—534), переписанная в 1690 г., напечатана в т. XVII ПСРЛ.

Elementarz 1862 г. 446—447.

Ельск. — А. Ельский — несколько сочинений. 451—452. Ему же принадлежит: Pan Tadeusz. Poemat piarałażýu z polskaho na biełaruski jazyk. Kniha I. 1882 (41 стр.). 80.

Ельчан. — Н. Ельчанинов. О значении пословиц и поговорок («Смоленск. Губ. В.». 1864, № 28) и «О Бельском местном наречии» (там же). 238.

Ефрем Сирин XVI в. 389, 66.

Женитьба Сопрона. 452—453.

Жития XVI в. 388, 61.

Жития XVI в. 396, 109.

З***П. — П. З***: Дзяды. «Могил. Губ. В.», 1849. к № 17. 220 и 441.

Загадки XVII—XVIII вв. 397, 115.

Заг. Мог. — Загадки (употребительные в Могил. уезде). 220.

Заклинание XVII в. 396, 107.

Зап. — Записки РГО по отделению этногр., т. I и II указывают на белорусские пословицы Носовича, V — на белорусские песни его же. Иногда здесь делается ссылка и на Шейна (со стр. 281).

Западнорусс. летописи — ПСРЛ, изд. Археогр. комиссиею, т. XVII. СПб., 1907. См. Акад., Археол., Вил., Дубров., Евр., Крас., Позн., Рум., Супр., Увар.

Запись ок. 1392 г. 360, 27.

Запись 1393 г. 360, 28.

Записи XIV в. 361, 38.

Запись 1406 г. 362, 47.

Запись 1497 г. 366, 122.

Зеньк. — Р. Зенькевич. Piosenki gminne ludu pińskiego. Ковно, 1851. 220.

Зенькович — В. и А. Зенькович. Верования и обряды жителей Могил. губ.—белорусов. «Известия об-ва любителей естествозн.», т. 28. 255.

Игры бел. — Игры белорусов Смоленск. и Могил. губ. 264.

Изв. — «Известия ОРЯС», т. III, 1854, стр. 177—192, где помещены «Белорусские слова» С. П. Микуцкого.

Измарагд 1593 г. 382, 39.

Интермедии XVII в. 396, 110.

И-н. — И. И.-н. Иван Купало. «Смоленск. Губ. В.», 1854, № 3. 223.

Ирмологий нотный 1662 г. 394, 91.

Ирмологий нотный XVII в. Вил. 391, 92.

Ирмологий нотный XVII в. Вит. 394, 94.

Исаак Сирин XVI в. 389, 67.

Ист. сб. XV в. — Исторический сборник XV в. 375, 18.

И. Ю. М. В. — Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губ. Витебск. и Могил., хранящихся в Центральном архиве в Витебске и изд. под ред. архивариуса сего архива Созонова, тт. I—XXXII. Витебск, 1871—1906. 354, 27.

Иоанн Златоуст XVI в. — Сборник слов и поучений Иоанна Златоуста. 388, 59.

Иоанн Златоуст XVII в. 393, 88.

Иоанн Лествичник XVI в. Киев. 389, 63.

Иоанн Лествичник XVI в. Рум. 389, 65.

Казанье. 452.

Казанье Кирилла Иерус. 1596 г. 403, 27.

Казанья Карповича 1615 г. 393, 84.

Калайд. — К. Калайдович. О белорусском наречии. «Труды об-ва любителей росс. словесности при Московском университете», ч. I, кн. 1. 1822, 206—207.

Камен. — И. Каменко. Белорусские нравы. Богатая коляда. «Витебск. Губ. В.», 1846, № 1. 220.

Кар. Новогр. — Е. Карский. Белорусские песни с. Берёзовца Новогрудск. уезда Минск. губ. «РФВ», т. XII. 1884, 334.

Кар. Мат. — Е. Карский. Материалы для изучения белорусских говоров, вып. I, II, III («Известия ОРЯС» за 1897, 1898, 1900 гг.), вып. IV («Сборник ОРЯС», т. LXXV, № 5, 1903), вып. V («Сборник ОРЯС», т. LXXXII, № 8, 1907), вып. VI («Сборник ОРЯС», т. LXXXVIII, № 1, 1910). 337. Обыкновенно Кар. опускается.

Кар. Трок. — Е. Карский. Белорусские песни д. Новосёлок-Затрокских Виленск. губ. Трокск. уезда. «РФВ», т. XXI. 1899. 335.

Кар. С. Вн. б. — Внешний вид белорусов в Виленск. губ. «Виленск. вестн.», 1891, № 64. 263.

Кар. С. Пасха — Пасха у белорусов Виленск. губ. «Виленск. вестн.», 1891, № 110, 112, 263.

Кар. С. Сват. — Народные белорусские сватьбы в Ошмянск. уезде Виленск. губ. «Виленск. вестн.», 1888, № 104, 106, 109, 112, 120, 122. Отдельное издание — Вильна, 1888, 263.

Катих. 1562 г. 399, 5.
Катих. 1585 г. 401, 13.
Катих. 1595 г. 403, 24.
К. И. — И. К. Этнографические очерки: I. Белорусская свадьба в Слободск. волости Новоалександровск. уезда; II. Жатва у белорусов; III. Купалка (купаллё). «Ковенск. Губ. В.», 1890, № 31, 33, 35, 39, 45. 265.
Кир. Иер. XV в. — Кирилла Иерусалим. огласит. поучения. 374, 14.
Киркор. Ж. Р. — Живописная Россия, III. СПб., 1882. 230.
Киркор Сув. г. — Этнографические очерки Сувалкск. губ. «Памятн. кн. Сувалкск. губ.» на 1873 г. 230.
Киркор Э. взг. — Этнографический взгляд на Виленск. губ. «Этнографический сборник, изд. РГО», вып. III. 228[1].
Киев. летопись 1621 г. 393, 85.
К. К. — «Белорусская песня». Доставлена К. К. «Молва», 1835. 207—208.
К. Л. — Л. К. Очерки сев. Белоруссии. Воспоминания из посещения родных стран Яна Барщевского. Перевод. «Иллюстрация», 1846, т. II, № 10. 216.
Клих — E. Klich. Teksty białoruskie z powiatu Nowogródzkiego. «Materiały i prace komisji językowej», II, вып. 1. 1903, 333.
Коляда. 221.
К. П. Метр. — Книга посольская Метрики Вел. княж. Литовского. 351, 9.
Корева — А. Корева. Виленск. губ. СПб., 1861, 232.
Кормчая XVI в. Рум. № 232. 390, 71.
Кормчая XVI в. Рум. № 233. 390, 72.
Кормчая XVI в. Рум. № 234. 390, 73.
Кормчая 1634 г. 394, 90.
Коротын. — В. Коротынский. Стихотворение от имени простого народа. Вильно, 1858. 440—441.
Косич — М. Н. Косич. Литвины белорусы Черниговск. губ., их быт и песни. «Живая старина», 1901, II—IV. Отдельное издание — СПб., 1902. 333.
Коялов. — М. Коялович. Об этнографической границе между Россией и Польшей. «Русский инвалид», 1864, № 78. О том же — «С.-Петербургские ведомости», 1864, № 77. 236—237.
Крас. — Западнорусские летописи в сборнике Красинских XVI в. Изд. в т. XVII ПСРЛ. СПб., 1907.
Крачк. — Ю. Крачковский. Быт западнорусского селянина. М., 1874 (из «Чтений в об-ве ист. и др. росс.», 1873, кн. 4). 249—250.
Krótkie zebranie — Krótkie zebranie nauki chrześciańskiej dla wieśniaków, mówiących językiem polsko-ruskim wyznania Rzymsko-Katolickiego. 1835. 24 str. Wilno. Ср. ЖМНП. 1835 и Dzien. Powsz., 1835, № 364.
(Кукл.) — (Куклинский). Заметки о западной части Гродненск. губ. 228.
Кулж. — Г. Кулжинский. О духовных простонародных песнях Северо-Западного края. «Минск. Губ. В.», 1868, № 35. 239 и 448.
Кулж. Бет. — Г. Кулжинский. Бетлейки. «Душеполезное чтение», 1873; 12, т. 3. 250.
Кулж. Сцены — Кулжинский. Сцены из белорусского быта. «Виленск. вестн.», 1873, № 115. 250.
Куч — М. Куч. Przysłowia ludowe z okolic Witebska, Mohylewa, Smoleńska i Orła, dotyczące niektórych miejscowości w cesarstwie Rosyjskiem. «Materiały antr.-archeol. i etnogr.», т. IV. 1900. 332.
Кушин — П. Кушин. Гецыки. «Москвитянин», 1843, ч. IV, № 8. 212—213.
К. Я. — Я. К. Заклинания. «Могил. Губ. В.», 1890, № 46. 265.

Л. — Р. Л. А., см. ниже.
Лекарство 1607 г. 404, 35.

---

[1] См. также «Белорусы», т. II, вып. 3, стр. 290. (*Ред.*).

Леонт. — Акты литовской метрики. Собраны Ф. И. Леонтовичем, т. I, в. 1 (1413—1498); вып. 2 (1449—1507). Варшава, 1896—1897. 354—355, 31.

Леся-ий — Леся-ий. О гродницком наречии. «Основа», 1862, август. 235.

Лет. XV в. — Летопись вел. кн. Литовск. 376, 19, см. Увар.

Лет. Авр. — Летопись Авраамки XV в. 377, 20, см. еще Вил.

Летописец Быховца XVI в. 385, 43. Полное новое издание по Нарбуту в т. XVII ПСРЛ.

Лет. Переясл. Суздл. XV в. — Исторический сборник XV в. 375, 18.

Лист 1497 г. — Лист Конст. Острож. 366, 121.

Лист Иеремии 1596 г. 403, 28.

Литер. Библ. — В «Литер. Биб-ке», 1867, сент., стр. 111 помещено: «Из польского эпоса (Рассказ повстанца)» — «Кинувши, гринувши дурное повстанье». Есть более старый оригинал в собрании Бодянского («Чтения в об-ве ист. и др. росс.», № 158).

Лучина — Несколько стихотворений. 450. Вышли и отдельно вместе с новыми стихотворениями. Вязанка. Янки Лучины (Ивана Неслухоўскаго). СПб., 1903.

Любав. — М. Любавский: Литовско-русский сейм. «Чтения в об-ве ист. и др. росс.», 1901. № 4. 355, 34.

Лямент Острожский 1636 г. 393, 87.

Ляцк. Замеч. — Е. А. Ляцкий. Несколько замечаний к вопросу о пословицах и поговорках. I—V. СПб., 1897 (из «Известий ОРЯС», т. II). 269.

Ляцк. Матер. — Е. А. Ляцкий. Материалы по белорусской словесности и языку. «Известия ОРЯС», 1904, IV, 97—140.

Ляцк. Посл. — Е. А. Ляцкий. Материалы для изучения творчества и быта белорусов I. Пословицы, поговорки, загадки. Из «Чтений в об-ве ист. и др. росс.» М., 1898. 269.

М. А. — Собр. А. М., см. ниже.

Майхр. — Майхровский. Слова, употребляемые в Смоленск. губ. (рукопись). 231.

Мал. под. кн. Скор. 1525 г. (или МПК). 399, 3.

Малев. — С. Малевич. Белорусские народные песни. СПб., 1907. Ср. «Сборник ОРЯС», т. 82.

Мальч. — К. Мальчевский. Белорусские пословицы. «Могил. Губ. В.», 1850, № 40—42, 45. 220.

М. А. М. Ю. — Документы Моск. архива мин. юстиции. 355, 22.

Манж. — И. Манжос. Областные слова, употребляемые в Сураж. уезде Черн. губ. (рукопись). 245.

Маньк. Эн. — Ф. Маньковский. Энеида. 432—434. Ср. Ровин.

Марков. — П. Марковский. Встреча нового года в Гомельск. уезде Могил. губ. «Могил. Губ. В.», 1870, № 6. 244—245.

Марцин. Wieczern. — В. Дунин-Марцинкевич. Wieczernice i obłąkany. Mińsk. 1855, 439—440.

Марцин. Нар. — В. Д.-Марцинкевич. Нарол. Powieść, w języku białoruskiego ludu napisana. Mińsk, 1855. 439.

Марцин. Dudarz — В. Д.-Марцинкевич. Dudarz białoruski, czyli wszystkiego potrosze. Mińsk, 1857. 440.

Марцин. Siel. — В. Д.-Марцинкевич. Sielanka. Opera we dwóch aktach. Wilno, 1846. 437—438.

Марцин. Ciek. — В. Д.-Марцинкевич. Ciekawyś? — przeczytaj. Mińsk, 1856. 440.

Мат. Б. — Материалы для изучения белорусских говоров, вып. 6. СПб., 1897, 1898, 1900, 1903, 1907, 1910. 338—339.

Мат. М. — Материалы для изучения северномалорусских говоров, а также переходных от малорусских к белорусским, вып. I. СПб., 1898; вып. II, СПб., 1903. 339—340.

Мейер — А. Мейер. Описание Кричевск. графства. «Могил. старина», вып. II, 1901. 202—203.

Микуцк. б. сл. — С. П. Микуцкий. Белорусские слова. «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского яз. и др. слав. наречий», т. II. 1854. 226—227.

Микуцк. в. пес. — С. П. Микуцкий. Белорусские волочебные песни (рукопись). 226.

Микуцк. Отчет — С. П. Микуцкий. 6-й Отчет кандидата Станислава Микуцкого. «Известия ОРЯС», т. IV, 1855. 227.

Микуцк. п. Г. — С. П. Микуцкий. Белорусские песни и загадки, записанные в Витебск. губ., в имении Зябки Дрисенск. уезда, собр. Изабеллой Игн. Гласко. «Памятники и образцы народного языка и словесности», II тетр., 1853. 226.

Минея 1487 г. 372, 7.

Минея XV в. 372, 8.

Минея 1539 г. 380, 30.

Минея четья XVI в. 389, 64.

Минея XVI в. Неж. — Минея праздничная XVI в., писанная западнорусским полууставом, № 157 Нежинского И.-Ф. Института (ср. Перетц. Новые труды по источниковедению. Киев, 1907. 23).

Минея 1667 г. 394, 93.

Минея XVII в. 395, 98.

М. Н. Сказ. — Местные русские народные сказки. «Гродн. Губ. В.» 1864 г., № 44. 238.

Молитвы 1596 г. 403, 26.

М. П. — Праздник дзядов; Свадьба у белорусских крестьян. «Литературная газета», 1842, № 3 и 7. 211.

Мстиж. Ев. XIV в. 371, 5.

Мужицкая праўда — Mużyckaja prauda. 443—444. Авторы ее, как мне сообщали, Фел. Томашевский и Матв. Пиотровский.

Напьерск. — Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв. СПб., 1857.

Наша Доля } Виленск. периодическ. издания на белорусском языке. См. Святицький.
Наша Нива } Вын. на стр. 13.

Невер. — В. Неверович. О праздниках, поверьях и обычаях у крестьян белорусского племени, населяющих Смоленск. губ. «Памятн. кн. Смоленск. губ.» за 1859 г. 231.

Никиф. — Никифоровский сборник третьей четверти XV в., содержащий на лл. 226—267 литовскую летопись. Рукопись АН. (45. 11. 16). Текст летописи напечатан Белокуровым в «Чтениях в об-ве ист. и др. росс.» за 1898 г., № 4.

Никиф. Житье — Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895 (из «Витебск. Губ. В.» за 1894—1895 гг.). 298—300.

Никиф. Загад. — Н. Я. Никифоровский. Простонародные загадки. «Памятн. кн. Витебск. губ.» за 1898 г. 302.

Никиф. Мат. — Н. Я. Никифоровский. Материалы для изучения белорусских говоров. Ответ под № 18. «Известия ОРЯС» за 1900 г. 303.

Никиф. Очерки — Н. Я. Никифоровский. Очерки Витебской Белоруссии. «Этнографическое Обозрение», XII, XIII—XIV, 1892; XVII, 1893; XX, 1884; XXXI, 1896; XXXIV, 1897; XXXVII, 1898; XL—XLI, 1899. 302.

Никиф. Прим. — Н. Я. Никифоровский. Простонародные приметы и поверья. Суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897 (из «Витебск. Губ. В.»). 300—302.

Новиц. Сл. — Новицкий. Справочный словарь юридических терминов древнего актового языка Юго-Западной Руси. Киев, 1871 (из «Университетских известий» за 1871 г.). 428.

Нос. Бел. нар. — И. И. Носович. Опыт краткого филологического наблюдения о белорусском наречии (рукопись). 254.

Нос. Посл. — И. И. Носович. Сборник белорусских пословиц, составленный И. И. Носовичем. СПб., 1874. См. также «Сборник ОРЯС», т. XII за 1875 г. 253—254.

Нос. Песни — И. И. Носович. Белорусские песни. «Записки РГО по отделению этнографии», т. V. СПб., 1873. 254.

Нос. Сказки — И. И. Носович. Белорусские сказки (рукопись). 254—255.

Нос. Сл. — И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870. 251.
Н-ский — Иван Неслуховский (Янка Лучина). Роднай старонцы. 451.

Обмеж. 1398 г. — Обмежеванье спорных земель Лавриш. монастыря. 360, 32.
Ович — А. Ович. Белорусский танец с припевами. «Маяк», 1844, т. 13. 213.
Октоих 1582 г. 401, 11.
Описание собору Берестейского 1597 г. 403, 31.
Опис. Себеж. Нев. — Географическое, сельскохозяйственное и этнографическое описание Себеж. и Невельск. уездов. «Памятн. кн. Витебск. губ.» на 1888 г. 264.
Оправдание грешн. чел. перед Богом 1562 г. 406, 6.
Оржеш. — E. Orzeszkowa. Ludzie i kwiaty nad Niemnem. «Wisła», 1888, II; 1890, IV; 1891, V. 264.
Отказ — С. Ревка. Отказ на «Панское игрище». 452.
Отпис. 1599 г. 404, 33.
Отч. — Е. Ф. Карский. Отчет о поездке в Белоруссию в 1903 г. СПб., 1905 (из «Известий РГО», XLI, вып. 4).

Пам. П. Л. — Памятники полемич. литер. 397, 116.
Панегирик П. Могиле 1632 г. 393, 86.
Панское игрище. 452.
Пасха у бел. — Празднование пасхи у белорусов-католиков. (Новоалександровск. уезда Ковенск. губ.). «Виленск. вестн.», 1891, № 86 и 93 = «Ковенск. Губ. В.», 1891, № 29. 325.
Патерик XV в. — Патерик азбучный и иерусал. 375, 15.
Пашин. — Д. Пашин. Некоторые суеверные обычаи и предрассудки прихожан м. Петрикова Мозырск. уезда. «Минск. Епарх. В.», 1880, № 3. 256.
П. В. — В. П. Из деревни. Сценки. «Виленск. вестн.», 1882, № 40. 258—259.
Пвлвч — М. Пвлвч. Праздник дзядов в Белоруссии. «Могил. Губ. В.», 1841, к № 45. 220.
Передсмертный разговор — Pieredśmiertnyi rozhowor Pustelnika Pietra, katoryj żyŭ u puszczy dziewiećdzesiat let, a pamior majuczy sto sorok let. Peczatano w Kiewie. 445—446.
Писц. кн. Г. Э. — Писцовая книга Гродненской экономии (XVI столетия) в двух частях ч. I, Вильна, 1881; ч. II, 1882. 353. в.
Письмо XV в. — Письмо одного полоцкого начальника рижскому магистрату конца XV в. «Русско-ливонские акты, собр. К. Напьерским», изд. Археогр. комиссиею. СПб., 1868, № 266. «Витебская старина», I, 30. 367, 127.
Пов. полоцк. — Нечто о поверьях белорусцев Полоцкого уезда. «Вестн. Западной России», 1865, № 6 (декабрь). 238.
Подоб. — Ф. Подобед. Святочные забавы в Могил. губ. «Могил. Губ. В.», 1852, к № 6. 221.
Позн. — Западнорусская летопись познанского сборника XVI в. биб-ки Рачинских, № 94, изд. в т. XVII ПСРЛ.
Поливен — Н. Поливен. Свадебные обряды крестьян Себеж. уезда. «Витебск. Губ. В.», 1864, № 3. 237—238.
Помянник 1631 г. 394, 89.
Попис 1564 г. — Попись войска земъского великого князъства литовъского. 368, 136.
Попов — Несколько изданий, касающихся Белоруссии. 255—256.
По поводу письма и т. д. — По поводу письма бывшего ученика Минской гимназии, помещичьего сына (о языке простого народа Минск. губ.), учитель одной из западных гимназий. «День», 1863, № 28. 237.
Попроцк. — М. Попроцкий. Калужск. губ. СПб., 1864, две части. 234.
Посл. 1450 г. — Послание м-та Ионы королю Казимиру. 363, 66.
Посольство 1486 г. — Посольство польск. короля Казимира. 365, 102.
Пос. р. 1456 г. — Посольские речи короля Казимира рязанск. кн. Иоанну Феод. 363, 74.
Постнич. XVI в. — Св. Василия Вел. о постничестве. 387, 52.
Поучение XV в. — Повчение на Рожд. Хр. и сказание о Богородице. 375, 16.
Привил. 1393 г. — Привилегия мстиславск. кн. Лугвения. 360, 29.

Привил. 1457 г. — Привилей Казимира. 364, 80.

Привил. 1492 г. — Привилей жомойтский короля Александра. 366, 116.

Пригор. — И. Пригоровский. Народные песни Гродненск губ. Волковыск. уезда (м. Свислочь). «Гродненск. Губ. В.», 1868, № 17 и 18. 244.

Продажн. лист 1498 г. — Продажный лист Станка Волоховича 1498 г. Виленск. публ. биб-ки.

Пролог 1496 г. 374, 12.

Пролог 1512 г. 379, 26.

Пролог XVI в. Вил. 387, 54.

Пролог XVI в. Львв. 388, 58.

Пр ор. XVI в. — Книга пророков с толков. 387, 49.

Псалт. 1296 г. 370, 1.

Псалт. XIV в. 371, 4.

Псалт. до 1492 г. 373, 11.

Псалт. Скор. 1517 г. 399, 2.

Псалт. 1543 г. 381, 31.

Псалт. 1570 г. 400, 8.

Псалт. 1586 г. 401, 17.

Псалт. 1592 г. 402, 21.

Псалт. 1593 г. 402, 22.

Псалт. XVI в. — Псалтырь Рум. муз. № 335. 386, 47.

Псалт. 1611 г. 404, 38 — Псалтырь и т. д.

Псалт. 1623 г. 405, 39 — то же.

Псалт. XVII в. — Псалтырь М. П. и Рум. муз. № 1017. 396, 106.

Пщолко — А. Пщолко. Несколько небольших статеек. 331—332 [1].

Пщолко Мат. — А. Пщолко. О говоре с. Ореховно Лепп. уезда Витебск. губ. «Материалы для изучения белорусских гов.», IV, № 27. 332.

Пятикнижие 1514 г. 380, 27.

Радч. — З. Радченко. Гомельские народные песни (белорусские и малорусские). «Записки РГО по отделению этнографии», т. XIII, вып. II. 1888. 262—263 [2].

Размышления XVII в. 395, 103.

Разумих. — Разумихин. Село Бобровки и окружный его околоток Тверск. губ. Ржевск. уезда. «Этнографический сборник, издаваемый РГО», вып. I. СПб., 1853. 227.

Рафал. — П. Рафалович. Наблюдения над языком простого народа, живущего в Гродненск. губ. на восточной стороне от г. Гродно в расстоянии 10 верст (рукопись). 245.

Ревиз. К. Э. — Ревизия Кобринской экономии. 1563 г. Вильна, 1876, один снимок. 353, б.

Ревиз. п. — Ревизия пущ и переходов звериных в б. вел. княж. Литовском, с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли. Григория Воловича. 1559 г. Вильна, 1867. 353, а.

Реестр 1562 г. — Реестр роздаванья пенезей. 368, 135.

Реестр 1636 г. — Реестр граждан Могилева. 368, 137.

РИБ — «Русская ист. биб-ка». 354, 28. Том XX, Литовская метрика — первые три книги судных дел, под ред. П. Гильтебрандта. СПб., 1903; т. XXVII, Литовская метрика, ч. I, т. 1 СПб. 1910; т. XXX, Литовская метрика, ч. III, т. 1. Юрьев. 1914; т. XXXIII, Литовская метрика, ч. III. Петроград. 1915.

---

[1] См. также «Белорусы», т. II, вып. 3, стр. 295. (*Ред.*).

[2] К стр. 292-й авторского экземпляра «Белорусов», т. II, вып. 3 сделана вклейка, где рукой Е. Ф. Карского написано: «В 1881 г. Бесселем был издан первый сборник З. Ф. Радченко ее песен с напевом, а в 1911 г. второй сборник с напевом 180 песен. («Истор. вестн.», 1916, май, 576)». (*Ред.*).

Р. Л. А. — Русско-ливонские акты, собранные К. Напьерским. Изд. Археогр. комиссиею. СПб., 1868. 354, 25.

Р. О. — Рукоп. отд. Виленск. публ. биб-ки. Вып. I. 1871.

Ровин. — В. П. Ровинский. Энеида, перелож. с малороссийского. 231 и 432—434[1]. Новое изд. Е. Ф. Карского. Белорусская Энеида наизнанку. Харьков. Сборник в честь Н. Ф. Сумцова.

Родев. — М. Родевич. Из белорусской жизни («Моск. вед.», 1873, № 171) и «Хохлик» («Русский мир», 1873). 251.

Розенф. — Белорусские народные песни, записаны А. Розенфельдом. СПб., 1904.

Ром. — Роман. Бел. Сб.

Ром. А. — Романов А. Говор Павлович. волости Могил. уезда. «Живая старина», 1893, IV. 326.

Ром. Бел. Сб. — Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. I и II, Киев, 1886; вып. III, Витебск, 1887; вып. IV, Витебск, 1891; вып. V, Витебск, 1891; вып. VI, Могилев, 1901; вып. VII, Вильна, 1910; вып. VIII и IX, Вильна, 1912. Материал, входивший в X вып., опубликован в переводе на белорусский язык в 1928 г. в изд. Института белорусской культуры «Запіскі аддзелу гуманітарных навук», книга 2. «Працы клясы філёлёгіі», т. 1: «Гаворкі Магілеўскае губэрні». 303—313[2].

Ром. Вертеп. — Е. Р. Романов. Белорусские тексты вертепного действа. Могилев, 1898. 315.

Ром. Высок. — Е. Р. Романов. Материалы для изучения говоров Могил. губ. С. Высокое Оршанск. уезда. «Могил. Губ. В.», 1902, № 70, 71, 72, 74, 79, 80, 81, 83, 85, 86 (перепечатано в «Живой старине», 1902, вып. III—IV). 316.

Ром. Загов. — Е. Р. Романов. Сборник белорусских заговоров начала XIX в. «Могил. Губ. В.», 1900, № 19, 20, 22, 29, 30. 315—316.

Ром. Мат. — Е. Р. Романов. Несколько замечаний о разных белорусских чертах (по Могилевск. и др. губ.) в ответе на проект «Программы для собирания особенностей белорусского наречия» в «Материалах для изучения белорусских говоров», вып. I. СПб., 1897. 314—315.

Ром. Мат. Гр. — Е. Р. Романов. Материалы по этнографии Гродненск. губ. По поручению управления Виленского учебного округа ред. Е. Р. Романов. Изд. Виленского учебного округа, вып. I. Вильна, 1911; вып. II. Вильна, 1912.

Ром. Сл. — Е. Р. Романов. Опыт словаря белорусского наречия (рукопись). 303.

Ромер — А. Ромер. Oracja wielkanocna. «Wisła», 1897, XI. 330.

Рубер. — Н. Руберовский. Белорусские народные песни. «Виленск. вестн.», 1867, № 75, 76, 77. 240.

Рум. — Сборник XVII в. Рум., см. ниже.

Рып. Biał. — А. Рыпинский. Białoruś. Kilka słów o poezyi prostego ludu téj naszéj polskiéj prowincii; o jego muzyce, śpiéwu, tańcach etc. Paryż, 1840. 208 и 434—435.

Рып. Niacz. — А. Рыпинский. Niaczyścik, ballada białoruska. Wyjątek z jego Poezij. 435—436.

Речь Мелешка 1589 г. 382, 37.

Решение 1492 г. — Решеняе жмудск. старосты по делу о куничнике Трумне. 366, 113.

С. А. — А. С. О народных песнях Минск. губ. «Виленск. вестн.», 1864, № 131. 237 и 447[3].

С. А. Тр. д. — А. С. Троицын день. «Мин. Лист.», 1886, № 18. 261.

Сапун. — А. Сапунов. Витебская старина, т. I. Витебск, 1883; т. IV, 1885; т. V, 1888. 354, 29.

Сах. образцы — И. Сахаров. Образцы древней письменности. 1841. 350, 5.

Сб. пал. сн. Вил. — Сборник палеогр. снимков с древних грамот и актов, хранящихся

---

[1] См. также «Белорусы», т. II, вып. 3, стр. 291. (*Ред.*).

[2] См. там же, стр. 293—295. (*Ред.*).

[3] См. там же, стр. 292. (*Ред.*).

в Виленск. центр. архиве и Виленск. публ. биб-ке, вып. I (1432—1548 гг.). Вильна, 1874. 353, г.

Сб. 1483 г. 372, 6 — Сборник 1483 г. 372, 6.

Сб. 1490 г. — Западнорусский сборник биб-ки гр. Уваровых № 613.

Сб. XV в. Публ. б. № 391. 378, 21.

Сб. XV в. Син. б. № 367. 378, 22.

Сб. 1580 г. 382, 38.

Сб. 1585 г. 401, 14.

Сб. XVI в. Крас. 384, 41, по новой классификации № 3701, см. Крас.

Сб. XVI в. Кунц. 393, 81.

Сб. XV в. Моск. Д. Акад. 391, 76.

Сб. XVI в. (около 1580 г.) Позн. 391, 75. Летописец, занимающий лл. 225—291, изд. в т. XVII ПСРЛ, см. Позн.

Сб. XVI в. Рум. № 159. 392, 78.

Сб. XVI в. Син. № 558. 382—384, 40.

Сб. XVI в. Син. № 937. 391, 77.

Сб. XVI в. (1519 г.) Супр.-Арх. — Сборник, принадлежащий Супр. монастырю, а ныне Археогр. комиссии. 384, 42. Новое изд. по рукописи в т. XVII ПСРЛ. Описан сборник А. А. Шахматовым в т. XIII. Летоп. Зан. Археогр. Ком. См. Супр.

Сб. XVI в. Т.-Серг. 390, 68.

Сб. XVI в. Холм. 390, 70.

Сб. XVI в. Чуд. 392, 79.

Сб. XVII в. Вил. № 107. 395, 99.

Сб. XVII в. Могил. 396, 108.

Сб. XVII в. поуч. 395, 104.

Сб. XVII в. Публ. Толст. 397, 112.

Сб. XVII в. Син. № 790. 395, 105.

Сб. XVII в. Рум. — Сборник М. П. и Рум. муз. № 435 конца XVII в. Тут имеется западнорусская летопись: «Зъ кроники великаго княжества Литовскаго и Жемоитскаго». Описание сборника и находящихся в нем статей в изд. Б. А. Вахевича «Западнорусская летопись по списку Румянц. музея». Одесса, 1903 (из т. XXIV «Записок об-ва ист. и др. росс.»).

Сб. XVII в. Син. № 790. 395, 105. Ссылки на стр. оригинала по изд. Романова Варкалаб. летописи и на стр. «РФВ», XXIII. Подробное описание в т. XVII ПСРЛ, V—VII.

С. В. — Собр. А. В. См. ниже.

Свад. обр. Г. г. — Свадебные обряды крестьян Гродненск. губ. «Виленск. вестн.», 1867, № 103. 243.

Свадьба П. — Свадьба на Полесье. «Киевский телеграф», 1859, № 20, 25. 230.

Сваяк — Janko Swajak. В переводе на белорусский язык вышла в Кракове повесть Э. Оржешко «Jędza» и новелла Сенкевича «Janko Muzykant». Первая: Wiedźma (opowieść). 1904. Вторая: Janko Muzykant. 1904.

С. Г. Гр. — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностр. дел (в 4 частях). М., 1813—1828. 350, 2.

Семент. — П. Сементовский. Этнографический обзор Витебск. губ. «Витебск. Губ. В.», 1872, № 24—35 и 41. 256—257.

Сердюк. — И. Сердюков. Крестьянская жизнь и обычаи в Мстислав. уезде. «Могил. Губ. В.», 1867, № 50—52; 1868, № 14, 17, 23—30, 33—35, 40 и 41. 243.

Серебр. — Ф. Серебренников. Обычаи и обряды Себежск. уезда при крестинах, свадьбах и похоронах. «Памятн. кн. Витебск. губ.» на 1865 г. 238.

Сержп. — А. К. Сержпутовский. Сказки и рассказы белорусов-полещуков (Материалы к изучению творчества белорусов и их говора). Изв. ОРЯС, СПб., 1911.

Сержп. 1926 — А. К. Сержпутовский. Казкі і апавяданьні беларусаў з Слуцкаго павету. Надрукавана коштам Інстытуту Беларускае Культуры ў дзяржаўнай Акадэмічнай друкарні ў Леінградзе. 1926.

Сержп. Прымхі — А. К. Сержпутовский. Прымхі і забабоны беларусаў-паляшукоў. Менск, 1930.

Симеон Бог. XV в. — Симеона нового Богослова творения. 374, 13.

Симеон Метафраст XVI в. 389, 62.

Синяв. — Н. Синявский. Март месяц у Бельских крестьян Смоленск. губ. «Смоленск. Губ. В.», 1862, № 15. 235.

Сирах XVI в. — Книга Сираха. 387, 50.

Сирин 1492 г. — Поучения Ефрема Сир. 373, 10.

Скор. — ссылка на печатные изд. Скорины. 398—399, 1.

Сл. Нос. — И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870. 251.

Славут. — А. Славутинский. Этнографические очерки Гродненск. губ. («Виленск. вестн.» 1867, № 119 и 120) и др. статьи. 243.

Слова Красн. — Областные слова Смоленск. губ. Красненск. уезда. 231.

Слова поучит. XV в. 375, 17.

Служебник 1583 г. 401, 12.

Служебник XVII в. 395, 102.

Слупск. — А. Слупский. Северо-западный календарь на 1892 г. и 1893 г. 268—269.

Собол. Смол. — А. И. Соболевский. Смоленско-Полоцкий говор в XIII—XV вв. «РФВ», т. XV.

Собол. и Пташ. — В память двадцатипятилетия С.-Петербургского археол. института. 1878—1903. Палеогр. снимки с русских грамот преимущественно XIV в. Изд. С.-Петербургского археол. института под ред. А. И. Соболевского и С. Л. Пташицкого. СПб., 1903.

Собр. А. В. — Собрание древних грамот и актов городов Вильно, Ковно, Трок, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Вильно, 1843. 350, 8.

Собр. А. Круп. — Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с нею владений (от 1387—1710 г.), изд. Виленскою археограф. комиссиею под ред. М. Круповича, ч. I. Вильно, 1858. 351, 14.

Собр. А. М. — Собрание древних грамот и актов городов Минск. губ., православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск, 1848. 351, 12.

Сокол. — В. Соколов. Очерки нравов Борисовск. уезда. «Минск. Губ. В.», 1869. № 2. 244,

Сокол. Сл. — С. Соколов. Собрание белорусских слов. «Могил. Губ. В.», 1854, № 44—50. 223.

Список XVI в. с Святосл. сборн. 385, 45.

Срезн. Д. П. — И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв. СПб., 1863. 352, 17.

Срезн. Свед. Зам. — И. И. Срезневский. Сведения и замегки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. 352, 17.

Старч. — А. Старчевский. Русский объяснительный словарь, заключающий в себе непонятные слова русского книжного... и белорусского наречий... СПб., 1891, вып. I. 324.

Статут 1420—1423 г. 362, 54.

Статут 1529 г. 367, 133.

Статут 1566, 1578 г. 367, 134.

Статут 1588 г. 402, 18.

Судебник 1468 г. 364, 87.

Суев. бел. — Суеверия белорусов. 264—265.

Супр. — Супрасльская западнорусская летопись, изд. в ПСРЛ, т. XVII.

Супр. р. XVI в. 391, 74.

Суроцы. 327.

Сцепура — Ф. Сцепура. Этнографический очерк м. Семежова. «Минск. Епарх. В.», 1880, № 16. 256.

Тайна тайных XVI в. 390, 69. Отрывок из этой рукописи уже издан М. Н. Сперанским в книге «Из истории отреченных книг. III. Лопаточник. СПб. 1900 г.», стр. 27—31.

Тарас — Тарас на Парнасе. 442—443.
Терещ. — А. Терещенко. Быт русского народа, ч. II. СПб., 1848. 218.
Тимин. — В. Тиминский. Волостной сход («Виленск. вестн.», 1882, № 258). 258.
Толковая псалтырь XV—XVI в. 379, 24.
Требник XVI—XVII в. 388, 57.
Трефолой XVII в. 394, 95.
Трибунал 1586 г. 401, 16.
Троян. ист. XVII в. 397, 111.
Тулуб — А. Д. Тулуб. Об изучении народного языка в Черн. губ. «Черн. Губ. В.», 1851, № 21. 221.
Тышк. — Е. Тышкевич. Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospadarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim. Z dodaniem wiadomości: o obyczajch, śpiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach i t. d. Wilno, 1847. 216—217 [1].

Увар. — Западнорусская летопись по Увар. списку XV в. Новое изд. в т. XVII ПСРЛ. Где не указано *л.*, ссылки делаются на страницы изд. Попова.
Уния 1595 г. 403, 25.
Усл. 1387 г. — Условия Панка. 359, 22.
Учит. Ев. XVI в. Киев. 386, 46.
Учит. Ев. 1604 г. 393, 83.

Федер. — M. Federowski. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej, zgromadzone w latach 1877—1891 przez Michała Federowskiego. Tom I. Wiara, wierzenia i przesądy ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. W Krakowie. 1897. Tom II. Baśne, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Część I. Baśne fantasyczno-mityczne. W Krakowie. 1902. Tom III. Część II. Tradycje historyczno-miejscowe, oraz powieści obyczajowo-moralne. W Krakowie. 1903. 316—324.
Филипович — Lud i czas. Wilno, 1845. 213.

Х. А. — А. Х. Очерки сельского населения Белоруссии. Корреспонденция из Витебск. уезда. «Русская речь», 1880, № 6. 256.
Хр. Игн. — Ign. Chr.: Rzut oka na poezję ludu białoruskiego. «Rubon», V. Wilno, 1845. 213.
Хроника Бельск. 1564—1572 г. 381, 36.
Хроногр. XIV в. — Хронограф Георгия Амартола Моск. Дух. Акад. Собол. Лекции [4], 16.
Хроногр. XVII в. № 109. 395, 100.
Хроногр. XVII в. № 110. 395, 101.

Цебрик. — М. Цебриков. Смоленск. губ. СПб., 1862. 233.
Цецерский 1787 г. — Doktór przymuszony. В рукоп. Виленск. публ. биб-ки № 201 (польско-белорусская).
Цйотка — Пе́ршае чыта́нне для дзе́так белару́саў. Написа́ла Цйо́тка. СПб., 1906. 8°. 30.

Чарн. — М. Чарновская. Zabytki mitologii słowiańskiej w zwyczajach wiejskiego ludu, na Białej Rusi dochowywane. «Dziennik Wileński», 1817, т. VI. 205—206.
Часослов XVI в. 388, 56.
Челобитн. 1488—1489 г. 365, 105.
Черный — A. Černý. Piesni białoruskie z powiatu Dziśn'eńskiego gubernii Wileńskiej. «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», т. XVIII. 1895. 327—328.
Чечот — Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno, 1844; Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyrzmy w mowie sławiano-krewickiej, z postrzeżeniami nad nią uczynionemi. Wilno, 1846. 213—215 и 436.

[1] См. также «Белорусы», т. II, вып. 3, стр. 290. (*Ред.*).

Четвероевангелие 1600 г. 404, 34.

Четья 1489 г. 372, 9.

Чин исповедания XVI в. 388, 55.

Чистяк. — Ф. Чистяков. О бытовом и религиозно-нравственном состоянии Оздамичского прихода. «Минск. Епарх. В.», 1880, № 20. 256.

Чич. — И. Чичик. Вовкулак, полесская легенда. «Мин. Лист.», 1887, № 19. 261.

Чубин. — П. Чубинский. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, снаряженной РГО. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собр. П. П. Чубинским, т. I—VII. СПб., 1872. 248—249.

Чудов. — Н. Чудовский. Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор. Варшава. 1898 (из «РФВ», т. XL). 330.

Шахов. Ф. — Народные песни, записанные Шаховым и Марией Ф. «Календарь Северо-Западного края» на 1889 г., под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., 1889. 267.

Шаф. — П.-И. Шафарик. Slowanský Národopis. W Praze, 1842. 212.

Ш-вич — Ш(умо)вич. Свадебные обычаи и обряды простонародья в Борисовск. уезде. «Минск. Губ. В.», 1865, № 22—29, 35—37, 39 и 41—44. 238.

Шейн. Мат. — П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. I, ч. II, СПб., 1890; т. II, СПб., 1893; т. III, СПб., 1902. 273—298.

Шейн. Б. П. — П. В. Шейн. Белорусские песни, собр. П. В. Шейном. «Записки РГО по отделению этнографии», т. V, 1873. Отдельный оттиск — СПб., 1874. 271—272.

Шест. — П. Шестаков. Смоленский говор («Смоленск. Губ. В.», 1853, № 45 и 46) и «Духовщинское подречие» («Смоленск. Губ. В.», 1853, № 50). 222.

Шидл. — И. Шидловский. Obrzędy weselne ludu wiejskiego w gubernii Mińskiej, w powiecie Borysowskim, w parafii Haieńskiej, obserwowane w latach 1800, 1-szym i 2-gim z niektóremi piosnkami i ich zwyczajną nótą. «Tygodnik Wileński», 1819, т. VII. 203—204.

Широк. — К. Широков. Смоленский говор. «Смол. Губ. В.», 1854, к № 2. 223.

Ш-о М. — М. Ш-о. Игрище. «Мин. Лист.», 1894, № 84. 327.

Шпил. Б. пов. — (П. М. Шпилевский). Белорусские народные поверья. П. Древлянский (псевдоним). В прибавлениях к «Журналу мин. нар. просв.», 1846, кн. I и IV, 1852, № 3 (с фамилией — Шпилевский). 225.

Шпил. Б. посл. — П. М. Шпилевский. Белорусские пословицы. «Известия ОРЯС» т. II. 1853, приложение «Памятники и образцы народного языка». 225.

Шпил. Белор. — П. М. Шпилевский. Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических поверьях. «Пантеон», 1853, т. 8, № 4; т. 9, № 5, № 6; т. 10, № 7; 1854, т. 15, № 5, № 6; 1856, т. 25, № 1; т. 26, № 3. 225.

Шпил. волоч. — П. М. Шпилевский. К волочебникам в Витебск. губ. «Русский дневник», 1859, № 101. 226.

Шпил. замет. — П. М. Шпилевский. Заметки белорусца о белорусском языке (СПб., 1853. Рукопись). 226.

Шпил. исслед. — П. М. Шпилевский. Исследование о вовколаках на основании белорусских поверий. «Москвитянин», 1853, т. 2, № 5, март, кн. 1. 225.

Шпил. мозыр. — П. М. Шпилевский. Мозырщина. Из путешествия по Западнорусскому краю. «Архив исторических и юридических сведений о России», 1859, кн. 3. 226.

Шпил. н. посл. — П. М. Шпилевский. Народные пословицы, с объяснением происхождения и значения их. «Москвитянин», 1852, ч. 4, № 16. 225.

Шпил. Путеш. П. М. Шпилевский. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. «Современник», 1853, № 6. 225.

Шпил. песн. — П. М. Шпилевский. Белорусские песни (рукопись). 226.

Шпил. слов. — П. М. Шпилевский. Словарь белорусского наречия (1845. Рукопись). 226.

Шункевич — А. О. Шункевич. Сцяпан и Тацяна (из белорусской жизни). «Мин. Лист.», 1889, № 18. 450.

Эгил. — Эгилевский — несколько статеек в «Маяке». 213.

Эрем. — И. Эремич. Очерки белорусского Полесья. «Вестн. Западной России», т. 3, № 8 и 11. 238.

Э. С. — «Этнографический сборник, изд. РГО», вып. I. СПб., 1853 и т. д. 227.

Юркев. — И. Юркевич. Остринский приход Виленск. губ. Лицк. уезда. «Этнографический сборник, изд. РГО», вып. I. СПб., 1853. 227.

Юхнев. — Юхневич. Свадебные обряды в Морочском приходе Мозырск. уезда. «Минск. Губ. В.», 1877, № 23, 24, 26. 255.

Янковск. — П. Янковский. Местные суеверия и предрассудки. «Литовск. Епарх. В.», 1863, № 21 и 22. 237.

Янчук. Мин. г. — Н. Янчук. По Минск. губ. (заметки из поездки в 1886 г.) «Труды этнографического отдела об-ва любителей естеств., антропол. и этногр.», кн. IX, = «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», вып. I, М., 1889, стр. 57—112. 261—262.

Янчук поездка — Н. Янчук. Из научной поездки в Белоруссию. «Мин. Лист.», 1886, № 71 и 73; 1877, № 2, 3, 6, 7, 9, 10, 11, 14, 16, 19, 21, 70, 89. 261.

Ястр. — Д. Ястребов. Областные слова г. Погара (Черн. губ.) (рукопись). 245.

Θεσες 1608 г. 404, 37.

БЕЛОРУСЫ

Слушнам речь ѣстъ, абы вши княжацкие мл҃ти того народу языкъ миловати рачили, въ которомъ давные предъки и ихъ княжацъские мл҃ти панове Вщи нашихъ княжецкихъ мл҃ти славне пренѣшие преложенъства несутъ.

Из посвящения кн. Радивилам в Катихизисе 1562 г.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЗВУКОВ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

КАКИЕ ЗВУКИ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОВРЕМЕННЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

ОБЩЕЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Современные белорусские говоры представляют богатое разнообразие звуков как гласных, так и согласных, для передачи которых далеко не достаточно знаков употребляющейся у нас азбуки: придется значительно пополнять их отчасти введением надстрочных знаков, отчасти даже внесением некоторых начертаний, взятых из других азбук. Но и при таких способах передачи звуков мы все же не сумеем вполне точно отметить все оттенки звуков народной речи, так как разнообразие последних зависит от многих часто неуловимых причин, как: от индивидуальных особенностей лица говорящего и наблюдающего его слушателя, от возраста, пола; от положения данного звука в слове и речи (от звуков предшествующих и следующих за ним), не говоря уже о влиянии ударения и других условий, более или менее точно передаваемых и на письме[1].

---

[1] При изложении нижеследующего отдела главными пособиями, кроме непосредственного наблюдения, служили: наш «Обзор звуков и форм белорусской речи», 18—26, E. Sievers. Grundzüge der Phonetik[5], Leipzig, 1901; J. Rozwadowski. Szkic wymowy (fonetiki) polskiej (Materyały i prace komisyi językowej Akademii umiejętności w Krakowie т. I, стр. 95—114); А. И. Томсон. Общее языковедение. Одесса, 1906; В. Порженинский. Введение в языковедение. М., 1907.

Напомню, что в известном разборе «Белорусов» Н. Н. Соколова рассматривается и настоящий выпуск (Rocznik Slavist. III, стр. 232—244). Лиц, которые будут пользоваться этой статьей, покорнейше прошу проверять все ссылки рецензента по моей книге и отдельные фразы, выхваченные у меня, сопоставлять с контекстом: только в этом случае читатель гарантирует себя от заблуждений; для примера сошлюсь хотя бы на следующий случай: стр. 243 Rocznik'a, строка 10 сн.: «... отражая исконное нерасположение славян к произношению обойных согласных», а у меня напечатано (стр. 358): «... отражая исконное нерасположение славян к удвоению согласного в иностранных словах»; о произношении каких-то обойных согласных у меня во всей книге нет речи. Следует также помнить, что при писании своей книги я имел в виду читателей разной лингвистической подготовки, в том числе и обыкновенного читателя, интересующегося вопросами языка; вследствие этого я употреблял рядом с современной научной терминологией и употреблявшуюся до этого времени, имея в виду одними терминами пояснять другие, в бол. шинстве случаев совпадающие, а иногда кое в чем и различающиеся. Отсюда становится понятным отсутствие единства в терминах, что мне ставится на вид в названной рецензии.

Не стану касаться общих вопросов, напр. вопроса о делении звуков на гласные и согласные, а перейду прямо к описанию их. Наше внимание, однако, будет остановлено лишь на тех звуках, которые могут быть восприняты акустически, хотя бы и более или менее тонким слухом; те неуловимые оттенки звуков, которые могут быть обнаружены лишь по разной степени, напр. напряжения языка, доступной ощупыванию, нами не будут указываемы, так как такой способ наблюдения почти невозможно применить на практике, да и полученные результаты для объяснения языковых явлений имели бы мало цены и в то же время затрудняли бы общее изложение. Впрочем, более типичные и резкие явления и в этой области найдут отражение в нижеследующей классификации.

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

Гласные звуки в белорусском языке, как и южновеликорусском наречии русского языка, на своем качестве сильно отражают влияние ударения: лишь под ударением гласные бывают вполне явственными и определенными, вне ударения они обыкновенно бывают неявственными и неопределенными; причем одни гласные отличаются большею неявственностью, а другие меньшею. Гласные, напр., предшествующие ударяемому слогу непосредственно, яснее тех, которые следуют за ударяемым слогом, исключая гласные в конечных открытых слогах. Заметим при этом, что неявственность звуков в белорусском языке иногда обусловливается еще скороговоркой; если же кто говорит медленно, тогда и неявственные звуки произносятся довольно определенно. Неявственные звуки отличаются по большей части особенной краткостью, что дает возможность, с одной стороны, полной потере некоторых гласных, а с другой — потере некоторыми гласными их слогового характера; так, *и* и *у* могут сокращаться до *i̯* (*й*) и *u̯* (*ў*).

Ввиду большого развития в белорусском языке мягких (палатальных) согласных, и гласные звуки испытывают на себе их влияние, состоящее в том, что гласные, предшествующие мягким, обыкновенно становятся у́же, или, говоря точнее, повышаются в своем положении, часто становятся напряженными. Впрочем, если принять во внимание разные условия, влияющие на широту и узость гласных, то окажется таких категорий не две, а беспредельно много оттенков[1]. Это изменение особенно заметно, как увидим ниже, на звуке *е* (какого бы он ни был происхождения), который вследствие этого и бывает в белорусском *ɛ* узким и *ä* широким. Несколько повышаются в своем положении гласные и тогда, когда им предшествует смягченный согласный или *j* (*i̯*). Физиологически такое произношение совершенно понятно: образуя мягкий согласный, для чего органам речи придается нёбное положение, мы естественно несколько повышаем и положение, нужное и для образования непосредственно примыкающего к данному звуку гласного.

[1] I. Storm. Englische Philologie², I, 1. Leipzig, 1892.

Таким образом, не признавая, как особых гласных, так называемых «йотованных гласных», мы не можем, однако, не отметить, что под влиянием йота и мягких согласных и следующие за ними гласные несколько отличаются от гласных, стоящих самостоятельно или же находящихся за твердым согласным.

Вообще на качество гласных звуков влияют:

а) Положение языка, т. е. то обстоятельство, к какой части нёба и какою своею частью приближается язык и насколько близко он подходит к нёбу. Этим обусловливается форма полости рта во время произнесения данного звука, как резонатора в музыкальном инструменте, через который проходит произведенный звук.

б) Степень напряжения мускулов в языке. От этого зависит различие сходных звуков, так как, несомненно, при разной силе напряжения мускулов языка несколько меняется общий вид полости рта и получаются гласные напряженные и ненапряженные.

в) Положение губ. Могут они быть в обычном спокойном состоянии; могут выдвигаться вперед, причем или раздаваться вширь, или же принимать округленное положение; иногда губы, напротив, стремятся прочнее примкнуть к зубам или даже как бы стягиваться внутрь. У большинства белорусов при произнесении звуков губы вообще малодеятельны.

Попытаемся дать характеристику отдельных гласных звуков, сначала у д а р я е м ы х.

Самый узкий гласный п е р е д н е г о р я д а верхний, закрытый (high—front—narrow) *и*. При произношении его язык передней своей частью очень близко придвигается к твердому нёбу, а самый конец его плотно прилегает к нижним зубам; мускулы в передней части языка бывают сильно напряжены. Напр., п'и ц', ў з л' и́ н', б' и́ л' и.

Если, далее, наблюдать за звуком *и* не акустически, а посредством, так сказать, осязания, то можно заметить, что в некоторых случаях, напр. перед твердыми согласными, особенно перед губными и задненёбными, он бывает несколько шире, открыт (high—front—wide); при произношении его напряжение языка бывает значительно слабее, в чем можно убедиться приложением пальцев снаружи, в угол, образуемый подбородком и шеей. Такое *и* можно слышать, напр., в словах с' и́ в ы, з' и м, ц' и́ х о, д'з' и́ к а й а. Легче наблюдать *и* открытое в быстрой речи, при нестарательном произношении слов.

Если звуку *и* приходится стоять после шипящих *ж*, *ч*, *ш* и перед мягкими согласными, то он тоже бывает широким открытым, причем артикуляция его несколько приближается к среднему ряду (inner front): ж и ᵸ ц', ш и ᵸ ц', ч и ᵸ с'ц' и ц'.

В переднем же ряду стоит узкое, среднее по раствору полости рта, закрытое (mid—front—narrow) ɛ. При произнесении его язык передней своею частью, при сильном напряжении мускулов, приподнимается к переднему твердому нёбу, однако не так близко, как при *и*: он останавливается почти на середине раствора рта, а конец языка

примыкает к нижним зубам, напр.: й ɛ́ л'и, д'з'ɛ н', к а м'ɛ́ н'н'а. Это ɛ возможно только перед мягким согласным и после мягкого согласного или *j* (*i*).

Соответствующий *е* открытый имеет несколько оттенков: на конце слова, перед паузой, он бывает не настолько широк, как перед следующим твердым согласным; первое *е* (mid—front—wide) имеем, напр., в словах м н'е, м а й е́, ў ж е́, второе же *ӓ* (lowered mid—front—wide), бывающее всегда перед твердыми согласными, особенно перед задненёбными и губными: д'з'ӓ́ ў к а, ў м'ӓ́ р л а, п'ӓ́ к л о.

Когда звуку *е* не предшествует мягкий согласный или *j* (*i*) (имею в виду орфографическое *э*), тогда он в белорусском языке, особенно после звука *h*, а также в словах, заимствованных из польского, переходит в средний ряд, причем бывает и узким закрытым (mid—mixed—narrow) и широким открытым (mid—mixed—wide), в зависимости от следующих за ними мягких или твердых согласных. При произнесении этого *э* язык средней своею частью приподнимается к среднему нёбу, причем конец языка не упирается в нижние зубы. Примеры: т ɛ й, с л'а п ɛ́ й и га́ т ы, б а в ӓ́ л н а.

Истинным представителем звуков с р е д н е г о р я д а обыкновенно считается *ы*. Но его можно произнести с различной артикуляцией отчасти в зависимости от окружающих его согласных звуков. В белорусском языке *ы* обыкновенно бывает верхним звуком среднего ряда широким открытым (high—mixed—wide). напр., в слове с ы н. Более узок он (narrow) перед мягким согласным: в ы ц', д ы́ л'и. Когда ему приходится стоять перед задненёбными согласными, *ў* или *л* твердым, то он несколько передвигается назад (inner—mixed) и, может быть, даже немного спускается вниз (lowered high), напр., б ы к, б ы ў, п ы л. В некоторых говорах (у Мозыря и Речицы) он даже приближается к *у* (*и*).

Из области з а д н е г о р я д а белорусский язык знает звуки лабиализованные и нелабиализованные. К первым принадлежат *у* и *о*, а ко вторым *а*.

Звук *у* образуется приподнятием языка у корня к заднему мягкому нёбу, причем вообще особенного напряжения мускулов языка не бывает (high—back—wide—round), напр., д у́ м а, в у́ д а; более узкое *у* закрытое (high—back—narrow—round) перед мягкими согласными: б у ц', в у́ ж ɛ й, а также между мягкими согласными: л'у́ д'з'и. Но вообще напряжение языка при произнесении *у* очень слабое.

Средний звук заднего ряда, открытый лабиализованный (mid—back—wide—round) *о*, напр., в словах д о м, с'а л о́, г о́ д а, Перед мягкими согласными, напр., в словах о́ с'а н', к о н', *о*, повидимому, более узкое, приближающееся к закрытому (mid—back—narrow—round). Кое-где *о* бывает и совсем закрытое, близкое к *у*.

К звукам заднего ряда не лабиализованным обыкновенно причисляют *а*. В белорусском языке оттенков *а* много, вследствие чего разные наблюдатели народного произношения могут приходить к неодина-

ковым заключениям. Так, можно наблюдать *а* заднее почти низкое (корень языка немного приподнят) открытое (raised low—back—wide), причем мускулы языка не напряжены заметно. Такое *а*, напр., в междометии г а, очень распространенном в белорусском языке, при русском: *а, ась*. Несколько у́же такое *а*, если за ним следует мягкий согласный: г а́ д'з'и н а. Нельзя, однако, сказать, чтобы в обоих указанных случаях *а* было столь же задним, как *у; а* лежит ближе к среднему ряду (inner back). Иного рода *а*, стоящее между двумя мягкими согласными, напр., в слове з'а ц': тут оно несомненно близко к верхнему среднему закрытому (raised mid—mixed—narrow). На довольно большой площади Белоруссии известно *а* лабиализованное, стоящее перед *ў* (д о ў, ў з'б ў).

Что касается гласных б е з у д а р н ы х, то они, как уже было отмечено в своем месте, отличаются, вообще говоря, большею неясностью и неопределенностью. Впрочем, в медленной речи, а в некоторых говорах вообще бывают довольно явственными и безударные звуки.

Наибольшею неясностью отличаются *а* и *о*, которые в слоге, предшествующем ударению, и в конечном открытом, стоящем за ударяемым, обыкновенно совпадают в звуке, занимающем середину между ними, т. е. в звуке, который несколько шире *о* и у́же *а*, а иногда представляет из себя лабиализованное *а* заднего ряда, низкое; в слоге же втором от ударяемого к началу и непосредственно следующем за ним, особенно в слоге закрытом, этот звук в некоторых говорах близок к *ы̆* (средненёбный средний) или, вероятно, к тому звуку, который в старославянском письме передается посредством *ъ*, напр., г ъ л а̊ в а́.

Звук *е* безударный может считаться вторым по неясности выговора. В разных местах белорусской речи, а часто даже в одном и том же, но при разных условиях *е* безударный получает разные оттенки, приближаясь то к *а* (*ӓ*), то к *и* (*ɛ*), напр., в'ɛ с'ӓ л а́, в'и с'ӓ л а́, в'и с'а л а́, в'ъ с'а л а́. Как видно из последнего примера, в слоге втором от ударения к началу слышится иногда неопределенный гласный, который можно передать или через *i̯* или даже через *ъ*, разумея в последнем случае ту его роль, которую он играл в старославянском языке. Звук *ь* можно слышать и в других случаях. В слоге, предшествующем ударяемому, слышится или *ă* или *а°* или, что почти то же, *ӓ*.

Несколько явственнее безударное *ы*, которое может приближаться к *ъ*: б ъ к о́ ў с к'и, б ъ т а в а́ н ь н е д ъ х а в і́ ч н ы.

Довольно неопределенный звук, почти *ъ*, может получиться и на месте *у* безударного, стоящего между согласными: д у б о́ ў почти д ъ б о́ ў, с *ъ* закрытым.

Если неопределенному гласному *ъ*, какого бы он ни был происхождения, приходится стоять перед мягким согласным, и особенно в то же время — и после мягкого, то он становится звуком верхним закрытым, переходящим после мягкого согласного в *ь*: п ъ л'и ч ы (полечить), к ъ б'а л о́ к (кубелок), к а л'ь д а̊ в а́ н'н'а (колядованье), м'ь х к а̊ т а́.

Наконец, наименьшею неявственностью отличается *и* безударное: в'ино́, б'ъл'индра́сы (билиндрасы).

Вообще неявственность безударных *ы*, *у*, *и* заключается скорее в их количественном, нежели качественном изменении.

Оканчивая отдел о гласных, не можем не коснуться еще того частичного звука (назовем его за классическими грамматиками придыханием), с какого начинаются некоторые гласные, когда они стоят после паузы. Именно, перед *а*, *о*, *у* можно заметить глухой взрывный гортанный согласный, более заметный, когда начальный гласный произнести шопотом. Характер этого звука в речи образованных лиц почти неуловим, почему на письме обыкновенно и не обозначается; но в речи простого народа он выступает явственнее, напоминая в одних случаях — *i̯*, в других — *u̯*, в третьих — *h* легкое. И здесь пока эти придыхания малозаметны, напр., ʰ*a*, ᵘ*o*, ⁱ*i*, их обыкновенно не обозначают, но они легко развиваются в настоящие неслоговые согласные *i̯* (*й*), *u̯* (*ў*) и придыхательное *h* (*г*); в некоторых случаях перед *і* можно слышать спирант *j*: тогда уж их обозначают особыми буквами. Таким образом, из гласных, могущих начинать слова, с незаметными придыханиями могут употребляться только *а:* а́й (хотя можно слышать перед ним и слабое *h:* ʰ*ai̯*); *о:* о́ка̊ (но чаще ᵒо́ка̊, из чего дальше уже развилось обычное белорусское во́ко), а̊ў̯ца́ (на западе ʰа̊ў̯са́, откуда обычное га̊ў̯ца́); *у*: у́лка (чаще, однако, ᵘу́ɬка—ʰу́ɬка, откуда обычные ву́лка—гу́лка). Перед *е* и *і* в начале слова всегда слышится ⁱ̯ или даже *i̯* (*й*): йе́л'и, йа̊лка, йим, йим'а́. *Е* (*э*) в начале слова в одном случае иногда слышится и с ʰ: ʰе́ты (чаще, впрочем,— гэ́ты с вполне явственным *г*). Звук *ы* в начале слова не употребляется; безударные *ы*—*ъ*, конечно, возможны и в начале слова, но тогда перед ними чувствуется некоторое придыхание: ʳъстрыйо́.

Из предыдущего можно видеть, что в роли призвучных звуков перед гласными могут быть ⁱ̯ и ᵘ̯, способные развиться в *i̯* и *u̯* неслоговые. Они тем отличаются от соответствующих им гласных *і* (*и*) и *и* (*у*), что могут стоять только при гласных (впереди их или после) и вместе с ними образовать один слог; они, значит, сами по себе слога не образуют, но и не обращаются в согласные *j* и *v:* они ближе к гласным, но только слишком краткие, короче кратких.

Когда гласные соединяются с ними, получаются так называемые дифтонги; с *i̯* (*й*): *ай*, *ой*, *ей*, *уй*, *ый*, *ий* (рай, мой, гус'е́й, дуй, крый, л'ий); во всех приведенных примерах неслоговая часть следует за слоговой, но возможны дифтонги и обратные: *йа*, *йо*, *йу*, *йе*, *йи* (йа́ма, йо́лъп, йу́ха, йел'н'ик, -йи́ка̊ўка); естественно, что если такой *i̯* (*й*) окажется по обе стороны гласного, то получится трифтонг, но все же произносимый как один слог: *йай*, *йой*, *йей*, *йуй* (йайцо́, ма̊йо́й, йе̯й-йе̯й, ва̊йу́й). Начальное *i̯* (*й*), впрочем, часто переходит в явственное *j*.

Подобные же звуковые группы получаются и в соединении с *u̯* (*ў*), какого бы происхождения последнее ни было — из *в* или *л:* *аў*, *оў*,

ăў, иў, ыў, уў (браў, пâшбў, м'ăў, хâд'з'йў, быў, сýнуў, мâл'йнâўкă).

В тех говорах, которые в качестве приставочных звуков перед *о* и *у* знают *ў*, возможны и нисходящие дифтонги: *ўо, ўу;* первый, как увидим после, иногда является и на месте основного *о*, стоящего под ударением: ўâкнó, ўýлица, бýог; в исключительных случаях попадаются и трифтонги — *ўоў:* ўâўцá. Первое *ў(ў)* здесь акустически, однако, не вполне совпадает со стоящим после гласного.

В указанных дифтонгах с *ў* и *і* ударяемой, конечно, является слоговая часть. Но в белорусском языке, как увидим со временем, на месте *о* и *е* (из *ъ* и отчасти *е*), стоящих после согласных, возможны дифтонги и особого рода, в которых неслоговыми бывают *о* и *е*, т. е. получаются сочетания *ио(ўо), іе(ие)*: в них начинается произношение *и(у)* и *і(и)*, а при окончании звука слышится *о* и *е*, причем основная часть первая.

Как приведенные здесь дифтонги, так и раньше рассмотренные гласные произносятся в количественном отношении одинаково: долгих и кратких между ними нет; ударяемые, правда, при быстрой речи произносятся продолжительнее безударных, но такое произношение обусловливается не их собственным качеством, а действием ударения. При логическом ударении, а также с особенною целью при выражении внутренних аффектов, особенно удивления, чувства печали, горести и т. п., могут значительно протягиваться разные гласные: Бóожухна бâац'ухнаа! Да чаагóж ты тут? Бал'шéенный! и т. п.

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

В области согласных звуков мы различим прежде всего звуки I простые и II сложные. Среди тех и других можно указать звуки твердые и мягкие; быть может, в некоторых положениях следует говорить и о звуках средних. Твердыми обыкновенно бывают те согласные, которые в основном славянском стояли перед *а, о, и, у, ą* и *ъ;* мягкими в белорусском языке бывают те, которые в основном славянском стояли перед *j*, а также перед гласными *і, е, ѣ, ę* и *ь*. Звуки средние, полумягкие, т. е. такие, какие господствуют в других европейских языках и славянских, кроме польского[1], да и из восточнославянских языков отчасти известны в украинских говорах, в белорусском языке возможны в некоторых случаях вместо твердых, когда последним приходится стоять перед мягкими согласными и не происходит полного уподобления по мягкости. Средними согласными могут быть далеко не все согласные: многие из них перед мягкими согласными тоже становятся мягкими.

[1] Признавая в белорусском языке в некоторых случаях средние согласные, я примыкаю ко взглядам Р. Ф. Брандта: Лекции по исторической грамматике русского языка. М., 1892, стр. 105 и след.

Как увидим со временем, некоторые белорусские согласные отступили от старины и подверглись разным вторичным изменениям, отвердению, умягчению и др. изменениям, как результатам этих двух главных.

Твердость белорусских, как и русских, согласных состоит в том, что они произносятся с значительно широким раствором рта, каким сопровождается и произнесение гласных, с которыми они соединяются; иногда можно отметить еще лабиализацию согласных.

При произношении мягких согласных органы речи обыкновенно принимают такое же положение, как и при одноименных твердых, причем, однако, спинка передней трети языка приближается к средней части твердого нёба, как это бывает при произнесении *і*[1], а губы складываются в узкое отверстие, как для гласного *і* и родственного ему согласного *j*. Этот последний звук после мягких согласных совершенно не заметен: он тесно сливается с согласным, пропитывая его насквозь. Вследствие сужения полости рта, изменения в положении языка и даже перемены в положении губ артикуляция некоторых согласных значительно меняется; сказанное особенно относится к задненёбным, которые становятся вследствие палатализации средненёбными; то же следует сказать и относительно зубных и даже губных.

Рассмотрим отдельные согласные.

I. Простые согласные

На границе гласных и согласных поставим *йот*. На месте основного *j* и *і̯* русский язык не знает *j* спиранта, какой, напр., известен германским языкам; последний в нем слышится на месте мягкого *г* = *h*[2]. То же и в белорусском языке (о чем после). В середине слов, между гласными, в белорусском языке, как мы уже говорили, обыкновенно слышится *і̯*, да и в начале слов, а также после твердых согласных в середине, особенно после предлогов, слышится тоже *і̯*, но более сильный, приближающийся к *j*, однако не совпадающий с ним. Последний звук, напр., в словах j а́ м а, j и́ м' и, j а́ л к а (почти й а́ м а, й и́ м' и и т. д.), з J а́ н к ъ м, п а д і̯ е́ с'ц' и.

Звуки *р*, *л* и *н* (плавные). Переднеязычный голосовой звук, дрожащий — *р* в большинстве белорусских говоров бывает только твердым, напр., ц а р а́; иногда он мягче, как бы средний, напр., ч а р н' и́ ц'. Мягкий *р* знает только Восточная Белоруссия, притом часто и на месте *р* твердого. Примером мягкого *р* выставим р' а д, в котором на востоке совпадают др.-русск. **рѧдъ** и **радъ**.

Нёбнозубной голосовой, тоже отчасти дрожащий звук *л* бывает трех родов: твердый, средний и мягкий. Твердый *л* и артикуляции несколько иной, нежели мягкий: при нем не только конец языка примыкает к верхним зубам, но и корень языка несколько приподнимается

---

[1] Л. Л. Шахматов. К истории звуков русского языка. Смягченные согласные. «Известия», 1, стр. 695 и след.

[2] Р. Ф. Брандт. Лекции по исторической грамматике..., стр. 114 и след.

по направлению к мягкому нёбу. Причем, если такому *л* твердому приходится стоять после гласного на конце слова или даже перед согласным, то язык отстает от переднего нёба, *л* сильно лабиализуется и обыкновенно теряет свой характер, как звук *л*, переходя в *ў*. Только в именах существительных аналогия большинства форм с *л* поддерживает *л* и на конце после гласных (о чем подробнее после). Таким образом, *л* твердое имеем только перед гласными: лы́ка̊, ла́пъц'. *Л* мягкое — очень распространенный звук в разном положении: л и́ п а, Й и л'л'а́ и т. д., хотя иногда и наблюдается тенденция к отвердению после гласных: п а́ л ц ы, с'и́ л н ы, но без обращения такого вторично отвердевшего *л* в *ў*. *Л* средний очень редок, иной произнесет так: й и л н'ä н ы́ (льняной), хотя чаще: й и л'н'ä н ы́, т. е. с мягким *л*.

Язычноносовой голосовой *н* бывает двоякого рода: переднеязычный и заднеязычный горганный, латинским письмом передаваемый через ɷ. Последний можно наблюдать тогда, когда звуку *н* твердому приходится стоять перед задненёбными согласными *г*, *к*, *х*. Оба *н* могут быть твердыми: н а ш, п а н к а́, (р а ɷ к а́); мягким бывает только переднеязычное *н:* н'а́ н к а; последнее в произношении отдельных лиц может быть и средним: А н ц' и́ п.

Зубные звуки — голосовой *д* и безголосный *т*. Оба указанные зубные мгновенные могут быть только твердыми или средними; мягкими в белорусском языке они никогда не бывают, так как в этом случае подвергаются переходному смягчению. Твердое *д*, напр., в д а м, среднее в а̊ д л' и́ ц'; твердое *т* в т а м, среднее в а̊ т с' а́̆ к ц' и. Что в таких случаях, как а̊ д' л' и́ ц', а̊ т с' а́̆ к ц' и *д* и *т* средние, а не мягкие, видно из того, что они не перешли в *д͡з'* и *ц'*, в каковые созвучия непременно переходят в белорусском языке каждое *д'* и *т'* мягкое не только древнее, но и новообразованное (д' з' в' ä).

Зубные протяжные *з* и *с* (свистящие) бывают твердыми (з а́ й ь ц, с а́ л а̊), мягкими (з'ä м л'а́, с'ä м), а иногда и средними (з в'ä р, с н'ä г). Свистящие звуки, особенно *с*, в белорусском языке произносятся несколько иначе, нежели в литературной русской речи. Это явление отметил уже М. Н. К а т к о в[1], заявляя, что белорусское *с* среднее между *с* и *ш*. Наблюдение Каткова мы должны исправить в том смысле, что оно относится только к мягкому *с*, которое во многих местностях, действительно, по своему звуку приближается к *ш:* м'ъ г' и л'а́ ў ш' к' и (могилевский). Что же касается *с* твердого, то на мой слух оно только усиленное *с*, так сказать, долгое *с̄:* с̄ а́ л о (жир), хотя приведенное слово все же не совпадает с формою с с а́ л о к с с а ц (сосать). Таким, должно быть, казалось белорусское твердое *с* и К. К а л а й д о́ в и ч у, который в статье «О белорусском наречии», напечатанной еще в 1822 г. (ср. «Белорусы», 1, 206—207), помещает белорусское слово *сстаток* (скот). *С* усиливается в произношении и при брани (ср. Мат. Б. № 18 к § 53 Витебск.).

[1] «Об элементах и формах славяно-русского языка», стр. 99.

Губные *б* и *п*, губноносовой *м* и зубногубные *в* и *ф*. Мгновенные *б* и *п* бывают твердыми (б'а́б а, п о п), мягкими, но только перед гласными и ни в коем случае не на конце слов (б'ар о́з а, п'ɛ́с'н'а); можно слышать и среднее произношение (а̊б н'ў х а̊ц', а̊п л'и т а́ ц'). Сказанное относится и к билабиально-носовому *м*, которое поэтому бывает твердым (м а́ л ы), средним (м н'ä) и мягким (м'и́ л ы), но только перед гласными; на конце слов, как увидим после, *м*, как и другие губные, обыкновенно твердеет.

Что касается звука *в*, то в белорусском языке бывает и зубногубное *в*, как и в русской литературной речи, т. е. *в* спирант (что, однако, очень редко наблюдается), и *в* билабиальное, откуда совершенно естественен переход в *ў* (*ў*) неслоговое. То и другое *в*, однако, можно наблюдать только перед гласными, где они бывают или твердыми (в о́ к о, в ы́ л'и ц') или мягкими (в'о с, в'а л'и́ к) На конце слов и перед согласными общерусское *в* в белорусском переходит в *ў*, каковое бывает только твердым и вместе с предыдущим или последующим гласным составляет дифтонг (о чем у нас уже была речь).

Зубногубной спирант *ф* мало известен белорусскому языку; если его и можно слышать, то только в иностранных словах; белорусское же *в* в *ф* никогда не переходит. Таким образом, имеем *ф* твердое, напр. в слове Ф а р т ў́ х, среднее, напр. в слове в а́ Ф л'и, и мягкое, напр. в слове п а т р а́ Ф'и ц'. Обыкновенно, впрочем, и в приведенных словах *ф* заменяется другими согласными: *хв* или *п* (х в а р т ў́ х, п а̊ т р а́ п'и ц').

Задненёбные согласные *г*, *к*, *х*. *Г* в белорусском языке звук не мгновенный, а длительный, фрикативный, сходный с украинским и отчасти южновеликорусским *h;* в литературной русской речи подобный звук слышится в словах *когда*, *тогда*, *господь* и под. Звук *г*=*g* мгновенный известен белорусскому языку только на месте *к* перед голосовыми согласными [*г*(*g*) б'ӓ с у, *г*(*g*) г а р ӓ], а также в словах, заимствованных из польского, напр.: grunt, gwałt, ganek; но и эти слова современное поколение охотно произносит как hrunt, hwalt, hanak. Ввиду того, что слов с *г*=*g* в белорусском мало, будем употреблять начертание *г* в значении *h*. Этот *г* бывает или твердым (г а р ɛ́ ц), или средним (г д' з' ä), или мягким (г'и́ б н у ц'). В этом последнем случае *г'* по звуку своему почти не отличается от *j* спиранта родственных языков.

Соответствующий безголосный *х* также может быть твердым (х а́ т а, х в а л а́), средним (х в'и́ л' а), или мягким (х'и́ б а). В зависимости от того гласного, с которым соединяется *х*, оно может быть не только задненёбным, но и средненёбным.

Безголосный *к* также бывает твердым: к а́ м̆ ь н', средним: к н'и́ г а, и мягким: к'и в а́ ц'.

Перечисленные задненёбные *г*, *к*, *х*, становясь средненёбными мягкими (*г'*, *к'*, *х'*), в белорусском языке могут сочетаться только с *и* и гораздо реже с *е* [но только *г'* и *к'*; *х'* лишь в иностранных словах

(х'ерым)]; причем после *к' е* встречается почти только в словах, заимствованных из польского (напр., к'елба́са вм. обычного коўба́са́, но к'е́пско); такие же написания, как ге́тый, ге́бе́ль, ге́рцик (Сл. Нос., 111), состоят из *г* среднего + *е* или даже твердого, смотря по тому, ка́к где произносят. Сочетаний *к'*, *г'*, *х'* с другими гласными указать нельзя. Еще следует заметить относительно твердых *г*, *к*, *х*, что они не могут сочетаться с *ы*. Когда эти согласные в старинном сочетании с *ы* (*хы*, *гы*, *хы*) обратились в средненёбные, то и самый звук *ы* уступил место *и* (*хи*, *ги*, *хи*). На *гы* я могу указать только междометие гы́л'а (гынь в Сл. Нос.), употребляемое при выгоне гусей, и слово гы́ркаць' с производными от него, где, собственно, слышится *-гр-*; в других местностях это слово звучит га́ркаць'. На *хы* отметим междометие кыш, употребляемое для отогнания кур, и слова, в которых *ы* заменяет *о(а)*: кы́зька (козочка), а также слова с *ыр* = *гр:* кыркаць (Сл. Нос., 273), в других местностях ка́ркаць'. Таким образом, в белорусском языке задненёбные в бо́льшей степени удерживают свой основной характер, нежели в русском языке.

Средненёбные шипящие *ж* и *ш;* первый из них голосовой, второй безголосный. В белорусском языке они бывают или довольно твердыми: жа́ла̊, ша́пка, или средними: жн'е́ц', шл'а́хц'иц. Иногда шипящие даже произносятся довольно мягко — в северо-восточных областях (в Ржевском уезде Тверской губ.; А. А. Потебня. Два исследования, стр. 68, и нек. др. местах). Отвердение *ж* и *ш* в белорусском языке произошло, повидимому, позже, нежели в русском языке. Это видно из того, что перед ними не происходит расширения *е́* в *о́:* ад'з'е́жа, пад'з'е́ш.

II. Сложные согласные

Сложными согласными будем считать такие, которые, несмотря на свою сложность, представляют все-таки один звук, т. е. для своего произношения требуют не больше времени, как и всякий простой звук. Согласные дифтонги состоят обыкновенно из однородных мгновенных звуков и тесно слившихся с ними спирантов; произошло такое слитие оттого, что мгновенный звук еще не был окончен в произношении, язык не был оторван от той части полости рта — зубов, к которой он тесно примыкал, когда началось произношение спиранта, закончившего звук. Эти спиранты бывают свистящие и шипящие. С первыми образуются сложные звуки *д̂'з* и *ц'*, а со вторыми — *д̂'ж* и *ч*. Итак:

Зубной мгновенный мягкий голосовой + зубной протяжимый голосовой (свистящий) дают сложный звук *д̂'з*, передаваемый в некоторых польских изданиях белорусских народных произведений посредством ʒ, знака, изредка употребляемого в разных работах по сравнительному языкознанию. В белорусском языке этот звук слишком мягок, причем обе его части тесно сливаются одна с другой. Поэтому совершенно

понятны попытки некоторых исследователей белорусской речи (П. Бессонова, Е. Романова) изобразить этот звук одним знаком *д̄;* только в основу этого знака может быть не совсем правильно они кладут *д;* этот звук только дает ему начало, а длительная часть его — *з*. Наглядным образом можно его представить так: $^{д'}з$, или $\frac{д'+зз\ldots}{2}$. Мы поэтому удержим обычную его передачу, которая, хотя и не совсем удобная для письма, по крайней мере не может повести к фонетическим заблуждениям. Такое мягкое *д'з'* в слове д'з'ä т; несколько тверже в д'з'в'ä рядом с д'вä, в д'з'в'а́ры рядом с дв'а́ры. Совершенно твердое *дз* известно только в словах звукоподражательных, или заимствованных: дзын, дзыба́ты, по-лю́дзку (Зап. I, 440), что, однако, следует читать па̊л'у́цку (по-человечески).

Безголосный *т'с*, состоящий из мгновенного зубного мягкого *т* + зубной протяжимый *с* ($^{т'}с$, или $\frac{т'+сс\ldots}{2}$), в принятой нашей орфографии передается посредством *ц;* этим начертанием будем и мы пользоваться. В белорусском языке *ц* бывает твердым: цар, средним: цв'ик, и особенно часто мягким: ц'бтка. *Ц* твердое и мягкое не одного и того же происхождения в белорусском языке, о чем скажем после.

Зубной мгновенный + передненёбный (шипящий). Голосовым здесь является *д'ж*, которое произносится как один звук, который мы находим в сербском џ; в нем мгновенное мягкое *д* дает только начало звуку, оканчивается же он длительным *ж* ($^{д'}ж$, или $\frac{д+жж\ldots}{2}$). В научных изданиях белорусских народных произведений латиницей иногда употребляют ž. В белорусском языке этот звук бывает довольно твердым: в'и́джу. Несколько мягче похожий звук можно слышать в устах стариков на месте ожидаемого *д'з'*: джät (ср. серб. ђед).

Безголосный *т'ш* ($=^{т'}ш$ или $\frac{т'+ш\ldots}{2}$), для изображения которого будем пользоваться начертанием *ч*, бывает только твердым: чуц'; мягкий попадается изредка в пограничных с русскими областях.

В соединении с рассмотренными сложными согласными могут быть в начале их такие же звуки, какими они оканчиваются. Это обстоятельство уже в старину способствовало тому, что получившиеся таким путем согласные группы упрощались; для одной из них было даже особое начертание в азбуке (*щ*). Вследствие этого является возможность говорить о согласных трифтонгах.

Собственно говоря, настоящих трезвучий согласных в белорусском языке не существует. Те сочетания, которые мы отнесем сюда, состоят из двух звуков, из которых первый ничем не отличается от всякого другого простого звука, а второй представляет сложный звук из двух, тесно сросшихся один с другим. Трифтонги состоят:

1. Из зубного свистящего + мгновенный зубной мягкий + свистящий зубной.

Как голосовой отметим $\widehat{зд'з}$ $(= з^{д'}з$, или $з + \frac{д'+зз...}{2})$: з д'з'а́ р ц'и.

Как безголосный отметим $\widehat{ст'с}$ $(= с^{т'}с$, или $с + \frac{т'+сс...}{2})$: с ц а́ п а ц', с ц' а́ р ц' и.

Первая часть этих трифтонгов довольно тверда, а конец в первом — всегда мягок, а во втором может быть и тверд и мягок, смотря по происхождению *и*.

2. Из шипящего + мгновенный зубной + шипящий.

Голосовой $\widehat{жд'ж}$ $(= ж^{д'}ж$, или $ж + \frac{д'+жж...}{2})$ бывает только твердым: й е́ ж д'ж у.

Безголосный $\widehat{шт'ш}$ или $щ$ $(= ш^{т'}ш$ или $ш + \frac{т'+шш...}{2})$ тоже бывает только твердым: щ у́ к а (ш ч у́ к а).

Относительно твердости двух последних согласных групп заметим, что она бывает только в конце их, начало же группы не вполне отвердело, вследствие чего предшествующее *е* не подвергается расширению: й е́ ж д'ж у, л' ɛ ш ч.

Нами дан очерк гласных и согласных в большинстве случаев общебелорусских[1]. Кроме них, как мы вскользь замечали, в разных говорах еще имеются некоторые особые гласные и согласные, напр. сжатое *о* = почти *у*, лабиализованное *а* = почти *о*, слишком мягкое *ч;* обо всех этих звуках речь будет в фонетике. Здесь подведем лишь итоги сказанному. В дальнейшем изложении мы будем держаться следующих оснований при передаче белорусских звуков и форм:

1. Написания источников и пособий будут передаваться буквально точно: произведения, записанные русским письмом, и у нас будут передаваться русской азбукой; а те, которые будут взяты из сборников, напечатанных латиницей, и у нас, за редкими исключениями, будут передаваться латиницей со всеми ее особенностями.

2. Звуки и формы, взятые не из пособий и источников, будут передаваться фонетическим письмом, но кирилловским, а не латинским.

3. В фонетическом письме гласные без надписных знаков следует читать, как соответствующие им в латинице, т. е. $а = a$, $о = o$, $у = u$, $ы = y$, $ɛ = e^{i}$, $е = e$, $и = i$. Гласные со значками имеют такое же значение, как и в латинице: $ӓ = ê$, $а̊ = å$, $ӑ = ă$ и т. д. Кирилловские согласные без значков обозначают соответствующие твердые звуки, причем $г = h$, $щ = шч;$ сложные написания $д'з'$ и $д'ж$ рассмотрены раньше. Кирилловские согласные со знаком ' вверху справа обозначают мягкие звуки, так что, напр., *н'а, н'о, н'у, н'е, н'и* = обычным написаниям *ня, нё, лю, не, ни*, или латиницей: *n'a, n'o, n'u, n'e, n'i*. Написание *й* обыкновенно обозначает *i̯* неслоговое; вместо *u̯* неслогового

[1] В данном случае и в других местах под общебелорусскими звуками и общебелорусским произношением у меня разумеются такие звуки и такое произношение, какие свойственны большинству белорусов, нормальному белорусскому произношению в общепринятом понимании этого слова.

всегда употребляется знак *ў*. Стоящее над двумя гласными или согласными ⁀ показывает, что следует произносить их слитно, больше как один звук. Знаки ˊ и ъ в примерах, не взятых из печатных источников не обозначают твердости или мягкости согласных, а играют ту же роль, что и старославянские ѣ и ъ, т. е. обозначают слишком неявственные, широкий и узкий гласные.

В словах всегда обозначается ударение знаком ˊ. Другие знаки и написания замечаний не вызывают.

ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМА ЗАПАДНОРУССКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, НАЧИНАЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

(Палеографический очерк)

Как можно было видеть из I тома «Белорусов», письменные памятники с отдельными чертами белорусского языка появляются очень рано (с XIII в.) и тянутся почти до конца XVIII столетия. Попытки записывать современные народные белорусские произведения относятся к началу XIX в.; особенно ценные записи сделаны в конце истекшего столетия. Таким образом, памятники с особенностями белорусского языка обнимают все виды русского письма, начиная с устава и оканчивая позднейшей скорописью[1]. Некоторые новейшие записи сделаны латиницей.

ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ, ПИСАННЫХ УСТАВОМ

Произведения, писанные уставом, имеются уже с первой половины XIII столетия; правда, они не на чистом белорусском языке, но с явными чертами последнего; имею в виду смоленско-полоцкие грамоты, начинающиеся с 1229 г.; таковы же грамоты ок. 1230, 1284, ок. 1297 гг.; сюда же принадлежит вкладная Ив. Никон. XIV в.; уставом писаны и некоторые литовско-русские грамоты, напр. 1349, 1366, 1414 гг. и др. Есть и несколько рукописей с чертами западнорусского языка, писанных уставом, напр. Псалт. 1296 г., Ев. 1317 г. и нек. др.

Письмо древнейших западнорусских уставных памятников ничем не отличается от соответствующих северных и восточнорусских. В древнейших грамотах (XIII в.) оно довольно широкое, умеренной толщины,

[1] Пособия для изучения палеографических особенностей старых западнорусских произведений, как и вообще древних кирилловских памятников, указаны в моем «Очерке славянской кирилловской палеографии». Варшава, 1901 (из «Варш. Унив. Известий» за 1899—1901 гг.). На вышедшие после этого издания прекрасные сборники снимков акад. А. И. Соболевского ссылки будут сделаны в своем месте. Перечисление западнорусских памятников, с указанием снимков с них, если таковые имеются, дано в I томе «Белорусов», а также с дополнениями в списке сокращений в настоящем издании.

«Очерк» Е. Ф. Карского переиздан в 1913 и в 1915 гг. В 1928 г. вышла в свет в Ленинграде «Славянская кирилловская палеография» Е. Ф. Карского. (*Ред.*).

разгонистое, довольно крупное; вообще можно сказать, что оно не производит впечатления красивого письма[1]. В древнейших уставных рукописях, напр. Псалт. 1296 г., оно значительно красивее, но уже не широкое, расстояние между буквами меньше, поперечные линии идут не посередине, а значительно выше, иногда даже касаются верхов вертикальных линий.

Из отдельных начертаний обращают на себя внимание:

а) *Е.* Оно еще сохраняет древнюю форму є, однако в начале слов и после гласных оно обыкновенно шире: є, в середине же, после согласных, оно довольно узко є: єсмъı, єстъ, єго, своєго, тоє, вєдаємъ, нємєчькому. В гр. ок. 1297 г. встречаем и *е* особого вида ѐ — широкое с приподнятым языком и короткой нижней частью[2]. Ѥ также встречается изредка: своѐго, своѐю 1229 г., кланѧѥтъ 1264 г. (по копии). В некоторых рукописях (напр., Псалт. 1296 г., гр. ок. 1297 г.) ѥ имеет соединительную черту между і и є несколько приподнятой, так что язычок в є не служит ее продолжением; иногда соединительная черта бывает несколько скошена.

б) *И.* Для обозначения этого звука, кроме редких случаев с ї, обыкновенно употребляется и; причем в памятниках начала XIII столетия горизонтальная черта проводится посередине буквы или несколько выше середины, но немного; в памятниках же конца XIII столетия поперечная черта значительно поднимается выше, напр. в гр. 1284 г. и особенно в Псалт. 1296 г. (см. снимок на стр. 51). В последней изредка попадается *и* с несколько скошенной поперечной чертой — и (ср. поүти). В этом памятнике *и*, кроме того, как и все другие в нем буквы, пишется довольно узко.

в) *Ж* — обыкновенно уже пишется в пять приемов, причем верхняя часть становится довольно малой (напр., в гр. 1284 г.) и иногда совершенно исчезает (изредка в Псалт. 1296 г.: покажи на снимке у Саввы[3]).

г) *З* — имеет старинную форму ꙁ, иногда, однако, вместо нижнего угла бывает закругление — ꙁ (напр., изредка в Псалт. 1296 г.).

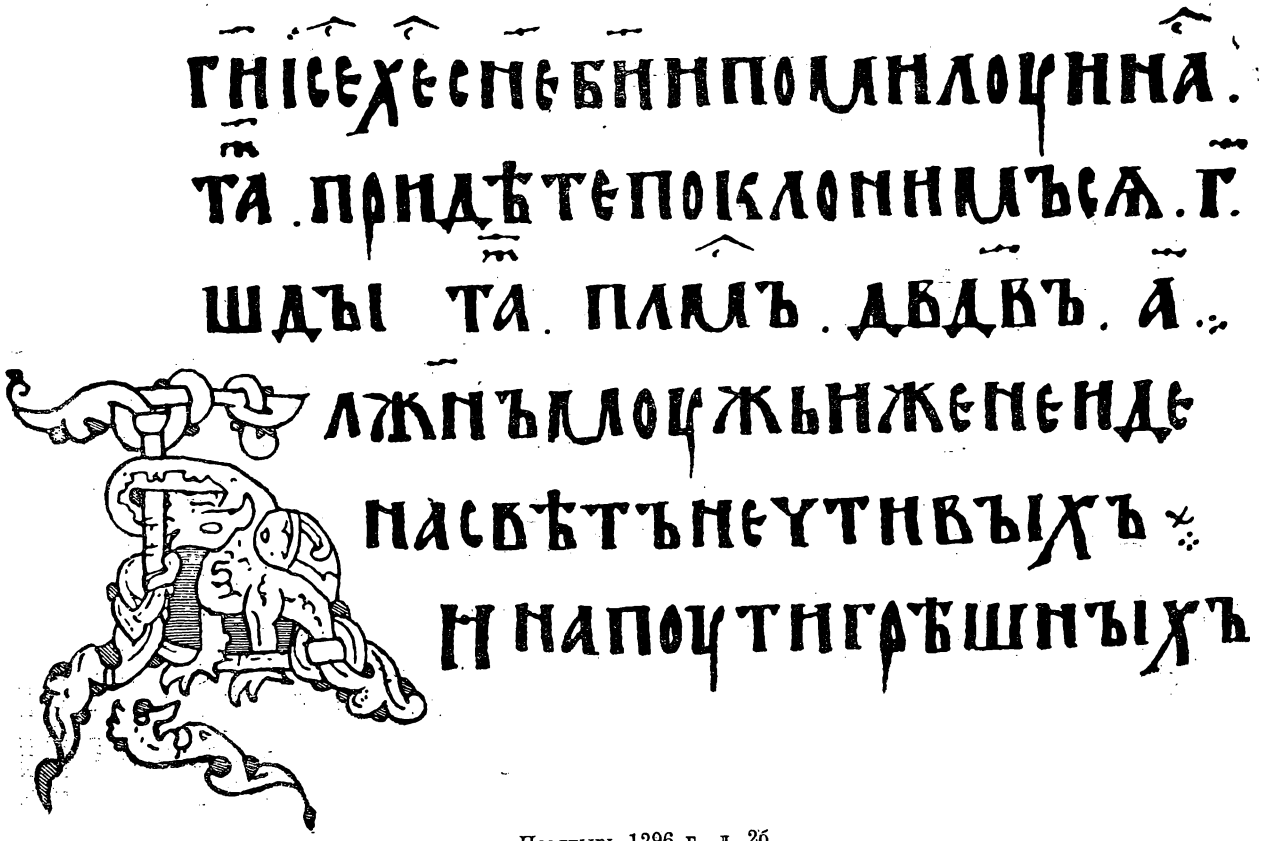
д) Особенно характерным во всех рассматриваемых памятниках является *м:* оно обыкновенно бывает довольно широким (иногда очень широким) с круглой средней петлей, часто спускающейся ниже строки. Отступлений в написании м не представляет даже Псалт. 1296 г., где вообще буквы узкие (ср. на снимке: моүжь). Вместо закруглений острый угол, но тоже спускающийся под строку, изредка встречается в м памятников конца XIII в. (коупьцомъ гр. 1284 г.).

---

[1] Ср. литографированные снимки с соответствующих грамот в изданиях К. Напьерского («Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв.» СПб., 1857), И. Сахарова («Образцы древней письменности»), А. Сапунова («Витебская старина». Витебск, 1883—1888).

[2] И. Срезневский. Славянорусская палеография. СПб., 1885, стр. 217.

[3] Палеогр. снимки с греческих и славянских рукописей Моск. Синод. биб-ки. М., 1863, табл. 27.

Псалтырь 1296 г., л. 2б.
Часть страницы.

е) *Н* сохраняет старинное написание н, хотя иногда косая линия, начиная сверху левой стороны, не достигает низа правой, а останавливается посередине ее (н) и даже выше, как, напр., нередко в Псалт. 1296 г. (см. снимок).

ж) Обычным написанием для *у* служит оу; но изредка бывают и другие знаки. Так, в гр. 1229 г. иногда ѹ (грнкнѹ, рѹсн); в других грамотах в середине слов иногда и ѹ (сутъ, прнндутъ, руськам).

з) *Ч* имеет обычную уставную форму — ч; в памятниках конца XIII в. (напр., гр. 1284 г.) *ч* иногда имеет форму не чаши, а ҵ.

и) Для *ы* употребляется только начертание ъі: гъ̏скъі, єсмъі, понскъікатн.

к) Ꙗ встречается очень редко; обыкновенно для передачи *я* употребляется а: кланаютъ.

л) В *ю* горизонтальная черта выше середины в памятниках конца XIII в.

м) Для звука *о* обыкновенно служит о; в слове *ожо* уже в гр. 1229 г. имеем очное ѳ: ѳко: по там же и ꙁа ѿкъ. В этой же грамоте ѡ иногда в русских словах (ѿстатъкъ, ѡднємь, ѿдиного); в других произведениях обыкновенно в ѡтъ (гр. 1284 г.), ѿ, а также в словах иностранных (ѡстафнн, ѡлєксл гр. 1284 г.).

Надстрочных знаков, кроме титл и изредка точек (одной или двух), других нет. Строчные — только точки. Титла простые (разной формы, в гр. 1229 г. дугообразные перечеркнутые) употребляются над числительными и изредка другими словами: бжнн, днн, ѵлвкъ. Буквенные титла (без покрытия и с покрытием) встречаются нечасто: ѿ того сл, кнл, ѥтъ, всѣ, грамѳ, лю, створн, рнжькъімн, ѿступн, такѳ, полоѵанѳ, таже, слѳ, крътъ и др. Точки в качестве надстрочных знаков встречаются, напр., в гр. 1229 г. над более или менее широкими буквами, стоящими в начале слов или после гласного: ѿндєто, рнꙁкнн, ѿстатъкъ, своюю, своєго, крьмєѥ, тою оутвѣрдать, ѳко, ꙁа ѿкъ; в одном случае над гласною, окруженною согласными: любо. Для обозначения тысяч при числительном а известный знак ⸗ ставится не перед буквой, а после нее, причем тесно к ней примыкает (а⸗).

Со стороны орфографии западнорусские памятники рассматриваемого времени (особенно грамоты) замечательны по смешению *ъ* и *е:* ведаемъ, роубѣжа, в сѣбе (гр. 1284 г.), оутвѣрдать (гр. 1229 г.); *ꙁ* и *ь* в известных случаях заменяются посредством *о* и *е;* иногда имеем *ь* вм. *ꙁ*, особенно после *м*. Грамота 1229 г. по списку *А* особенно замечательна по смешению разных букв; но вряд ли в нем следует видеть западнорусское явление: многое скорее объясняется неопытностью писца. В копиях этой грамоты орфография обычная[1].

---

[1] Орфография интересующих нас грамот рассмотрена у А. И. Соболевского («Смоленско-полоцкий говор в XIII—XIV вв.» «РФВ», т. XV) и у И. И. Срезневского («Славяно-русская палеография») в разных местах.

И в памятниках XIV в. (и отчасти начала XV в.) западнорусский устав[1] в общем сходен с общерусским. Так как он сохранился больше в грамотах, то обыкновенно бывает довольно небрежен, не в такой степени аккуратен по исполнению отдельных букв и по общему письму, как в рукописных книгах; впрочем, попадаются отдельные уставные грамоты, написанные очень старательно и красиво. Нижеследующие палеографические наблюдения над уставом в западнорусских произведениях XIV и начала XV в. основываются главным образом на изучении следующих памятников: грамоты ок. 1300, 1330, 1341, 1349, 1359 гг., 1386 г. Ю, 1387 г. Влад., 1394 г., вкладной Ив. Никон. XIV в., гр. 1414 г., Ев. 1317 г. Как видно из списка, сюда вошла и гр. 1341 г., относительно которой И. Срезневский («Славяно-русская палеография», стр. 244) почему-то сделал заметку: «...одна из старейших проб скорописи». Она написана несколько скошенным письмом, но не скорописным и даже не полууставным. Я думаю, что В. Ганкой был сделан от руки плохой снимок для Срезневского.

Общее впечатление от устава этого времени неодинаковое. Грамоты смоленско-полоцкого происхождения писаны крупным уставом старого типа, хотя иногда и небрежным; собственно западнорусские грамоты, писанные в Вильне, Троках, Кракове и др. городах, имеют устав помельче, с отдельными буквами, переходящими в полуустав (напр., в грамотах 1386 г. Ю, 1387 г.) и даже в скоропись (напр., в гр. 1414 г.). Больше позднейших мотивов, конечно, в грамотах второй половины XIV в.

Из отдельных написаний обращают на себя внимание следующие:

а) *Е*. В этом столетии все более и более замечается склонность поворота в язычке кверху. Это видим уже в гр. 1330 г. и др.; особенно рельефно выступает эта черта в гр. 1349 г., в которой язык у *е* иногда очень уж близко подходит к верхней части, так что получается написание вроде *е*. Иногда, кроме поднятия языка вверх, замечается и поворот самой буквы влево, так что она как бы полулежит (ср. гр. 1386 г. Ю, 1387 г.), а в одной грамоте (1394 г.) начальное очень крупное **є** в трех случаях совершенно лежит на спине. В большинстве произведений рассматриваемого рода еще встречается **ѥ**, хотя соединительная черта между **і** и **є** находится часто значительно выше середины буквы и иногда имеет скошенный вид (ср. гр. 1394 г., а также в снимке на стр. 55 слово **ѥсьмн**). Это **ѥ**, конечно, употребляется в начале слова и после гласных (**ѥсмь** 1359 г., **ѥсмо**, **ѥго**, **имѧтъ**, **дакмъ** 1394 г., **деменьтевъ** вкладная Ив. Никон. XIV в.); но эту же роль, часто в тех же самых грамотах, исполняет и **є** широкое разного положения и вида (**своѐ** 1359 г., **єго**, **єсмо** 1394 г.; **даёмъ** 1414 г.);

[1] Лучшие снимки западнорусских грамот имеются в издании Археол. института («Палеогр. снимки с русских грамот преимущественно XIV в.», под ред. А. И. Соболевского и С. Л. Пташицкого. СПб., 1903), а также у Наниерского, отчасти — у Сахарова. Ср. мою статью: «К вопросу об издании снимков с древнейших русских грамот» («Варш. Унив. Известия», 1904, т. IV).

реже встречается в начале слов и после гласных **є**: **єпископа**, **єсмь**, **берестне** (1341 г.), **далн есмо** (1394 г.). В отношении орфографии *е* еще следует заметить, что оно часто смешивается с *ъ*, вообще редко употребляющимся, напр.: **благословлѣнье**, **вѣликнѣ**, **зѣмль**, **лѣпен** и **вернѣн** (1394 г.) и др., особенно в гр. 1359 г. и 1387 г.

б) Буква **з** еще имеет старинное написание, хотя уже часто нижний угол становится закругленным (**ʒ**), напр. в гр. 1359 г., 1389 г., вкладной Ив. Никон. XIV в. (см. снимок).

в) Старинное начертание для *и* — **н** замечательно упорно держится: такое **н** можно отметить даже в начале XV в. (гр. 1414 г.), хотя, конечно, рано уже попадается, как мы видели из очерка палеографических особенностей XIII в., и **Н** и даже **и**, напр. в гр. 1386 г. Ю, 1387 г., 1394 г. (все три начертания — **н**, **Н**, **и**).

г) Буква *м*, будучи по размеру несколько меньше, чем в уставных памятниках XIII в., по форме своей представляет те же типы, т. е. **м** (ср. в снимке на стр. 55 **демень** —), такое же **м** с петлей, выходящей под строку, **м** и **м** со средней частью, выходящей под строку.

д) Звук *о* передается обыкновенно посредством **о**; в некоторых случаях это **о** бывает украшено внутри крестом, но неполным — без середины (гр. 1330 г.), или другою какою-либо фигурой, напр. **ѳ** (вкладная Ив. Никон. XIV в. **оц҃а**); чаще встречается очное *о* — **ѻ**, напр., **Ѻлександровичѣ**, **л ѻнн** (гр. 1359 г.), **ѻколица**, **ѻвапол҃ъ** (гр. 1387 г.); нередко можно встретить передачу звука *о*, особенно начального, и через **ѡ**: **не ѡстати**, **ѡсмьдесатъ** (гр. 1386 г. Ю), **ѡлита**, **ѡколо**, **за ѡдно** (гр. 1387 г.), **ѡнъ**, **ѡставлѧемъ** (гр. 1394 г.) и др.

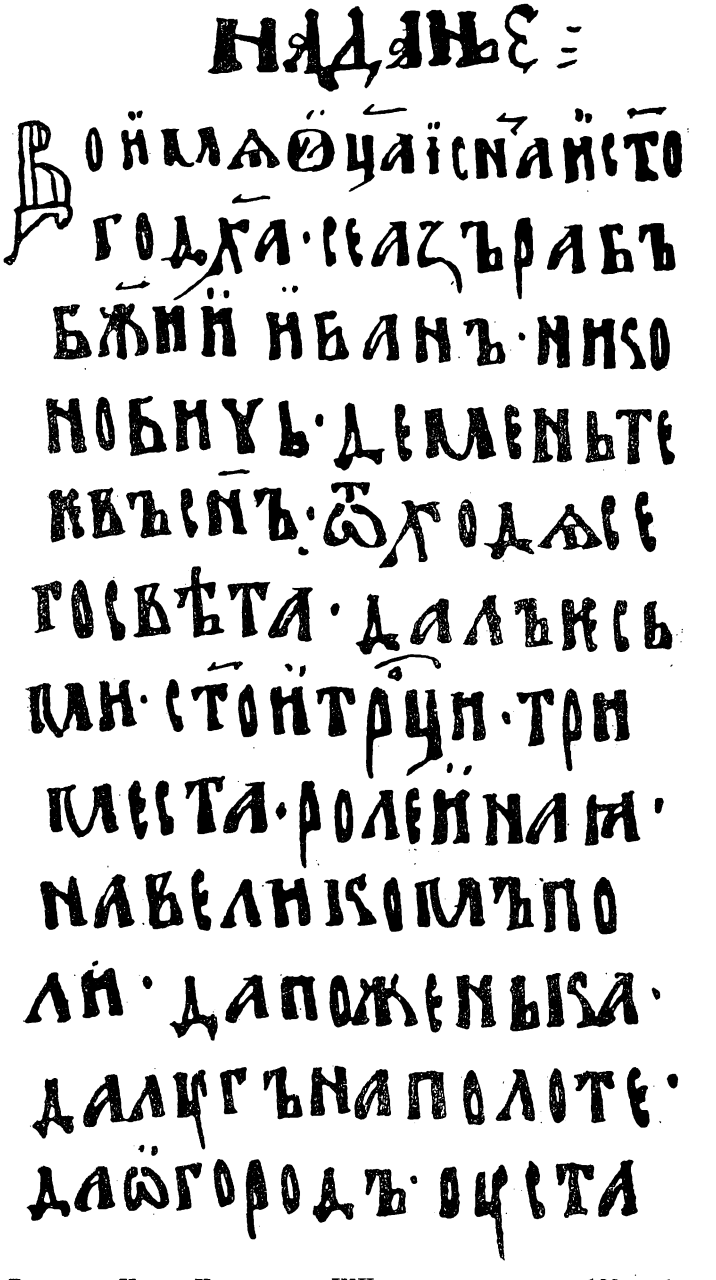
е) Буква **т** сохраняет обычное уставное написание; иногда только оно поднимается выше строки (гр. 1414 г.).

ж) С написанием для *у* дело в общем обстоит так же, как и в XIII в.: в начале слов имеем **оу**: **оугорьскын**, **оуложатъ** (гр. 1349 г.), **оунукъ** (гр. 1359 г.), **оу литву** (гр. 1386 г. Ю), **оу кануни** (гр. 1414 г.); в середине слов, как можно уже видеть отчасти из приведенных примеров, обыкновенно **у**; прибавим еще: **кестута** (гр. 1341 г.), **кму** (гр. 1394 г.), **справу**, **будеть**, **воску**. Не всегда, однако, писцы следовали выставленным положениям: иногда **оу** и в середине слов: **заоу҃шна** (гр. 1330 г.), **еоупутнн** (гр. 1349 г.), **непороухомо** (гр. 1394 г.); наоборот, **у** иногда и в начале слов: **у торунь** (гр. 1341 г.). После согласных встречается и **ѹ**: **слюбѹемъ** (гр. 1349 г.), **на тѹ** (гр. 1359 г.).

з) Буква *ч* уже редко имеет форму чаши (**ꙗ**, напр., в гр. 1414 г.): чаще оно равно **ѵ**.

и) Буква *ъ* в отдельности, и входя в состав **ы**, часто имеет скорописный вид **ь**, поднимаясь выше строки, напр. в гр. 1359 г. (**к домѣ**, **крт҃ѣ**), 1414 г. (**даѣмѣ**).

к) В гр. 1349 г. и 1394 г. **ы** пишется с соединительной горизонтальной чертой, проходящей посередине буквы; в гр. 1387 г. эта черта соединяет обе части **ы** внизу.

Вкладная Ивана Никоновича XIV в., написанная на 128 л. б. Полоцкого Евангелия Публичной библиотеки.
Собрание Погодина, № 12.
Часть первого столбца.

л) У *ю* вместо горизонтальной черты косая линия (ю), напр. в гр. 1386 г. Ю, 1394 г.

м) У *я*, где оно встречается, соединительная черта касается лишь верхней части — ѩ (ср. в снимке на стр. 55 **ролеѣнаѩ**); употребляется оно обыкновенно в начале слов и после гласных и то редко; в середине же слов после согласных его роль несет **а**; впрочем, последнее часто и там, где ожидали бы встретить ѩ; примеры: **некотораѩ** (гр. 1386 г. Ю), **изъ** (гр. 1387 г.), **сватоѣ**, **азъ**, **горожане**, **жаловою** (Срезневский, Славяно-русская палеогр., стр. 230).

Из надстрочных знаков отметим нередкое употребление двух точек в горизонтальном направлении (··), особенно часто над **н**, **ѡ**; но бывает и над другими буквами: **моймъ**, **стѣй**, **бжий**, **ѡнъ**, **ѡставлаемъ**, **даёмъ**, **кто ѡ грамѳ**, **памѣстьинку** (ср. еще снимок на стр. 55). В гр. 1330 г. над **н** часто встречается особый знак, напоминающий знак краткости: **которъй**, **прнймай**, **своймъ**.

К надстрочным же знакам принадлежат титла. Простые титла, больше имеющие форму ˇ и ˆ употребляются в обычных словах; число буквенных титл становится заметно больше: **смолнанй**, **своѥ**, **врѧ**, **грамота** (гр. 1359 г.), букв. титла ◌ᷣ, ◌ᷤ, ◌ᷦ в гр. 1387 г., , в гр. 1394 г. и др.

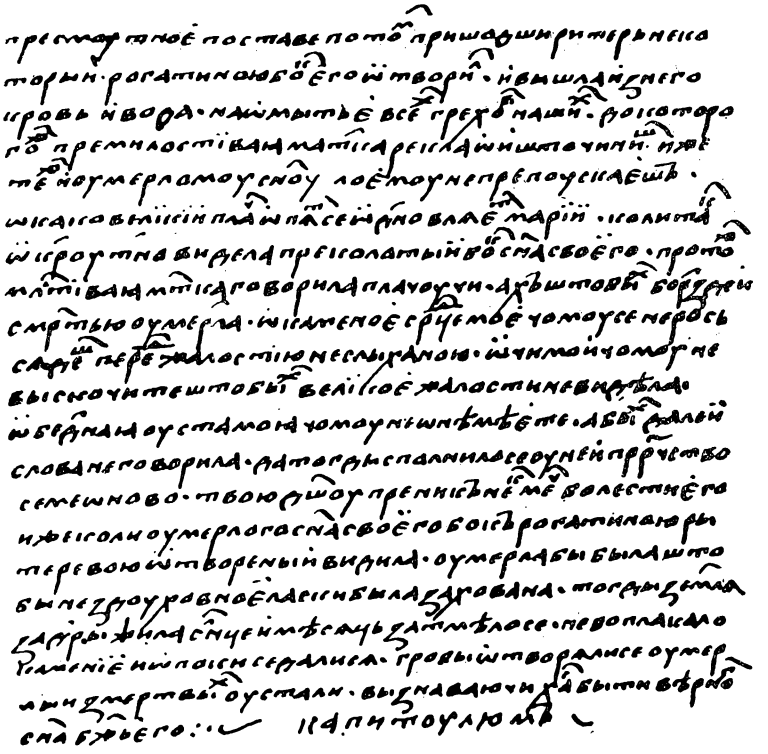
Строчные знаки: точки и двоеточие.

Из других особенностей обращают на себя внимание: употребление ї после гласного — **старѣншї** (гр. 1359 г.); связные написания **к** (в *также*) и **т** (*тагнеть*, гр. 1387 г.); **ф** вм. **ѳ** в **федоръ** (гр. 1386 г. Ю), **ик** (*ижоновичь*, вкладная Ив. Никон. XIV в.) и др.

ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ, ПИСАННЫХ ПОЛУУСТАВОМ

Рассматривая произведения второй половины XIV в., мы видели, что в некоторых из них почерк переходит в отдельных начертаниях из уставного письма в полуустав. Но этого мало. Некоторые грамоты XIV в. написаны совершенно типичным полууставом, причем от устава удержались лишь немногие начертания. К числу таких памятников принадлежат, напр., грамоты 1383, 1388 Д—К, 1389, 1393, 1398 гг. Век XV в произведениях письменности — господство полуустава: уставные памятники (напр., гр. 1414 г.) — редкие случаи. В это время иногда проявляется и скоропись. В XVI в. в западнорусских рукописях-книгах господствует полуустав (хотя есть и скоропись). Таким образом, западнорусский полуустав, зародившись в XIV столетии, господствует в XV и XVI и заходит в XVII столетие (в рукописных книгах).

Главное отличие полуустава в сравнении с уставом, как известно, в том, что основные линии букв менее правильны и вообще тип письма не строго последователен: вместо углов (напр., в буквах *ж*, *в*, *з*, *г*) часто допускаются закругления; вместо округленности (напр., в буквах *е*, *с*, *м*, *о*, *р*, *ч*) часто угловатость; вместо правильной соразмерности ча-

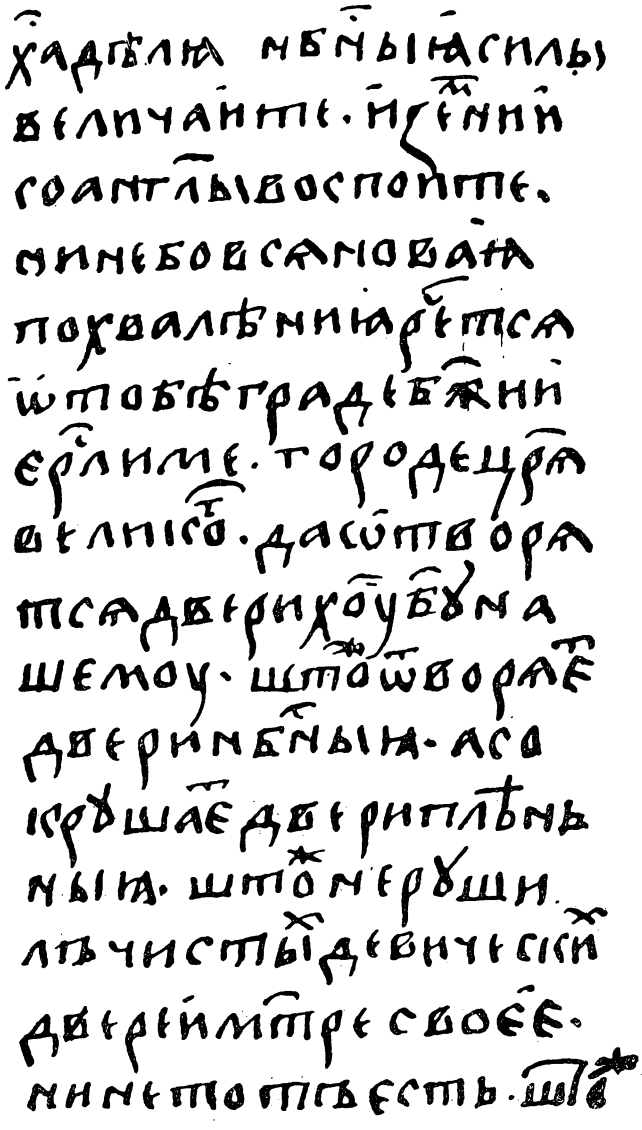

Сборник Публичной библиотеки XV в. № 391, л. 13б.
Часть страницы (верх).

стей обычна непропорциональность (ѳ, л); наблюдается различие и в начертании, а также в употреблении некоторых отдельных букв, о чем речь ниже. Буквы или отстоят одна от другой довольно далеко, или пишутся очень близко, но не так, как в уставе, на расстоянии, равном приблизительно ширине букв. Полуустав письмо большей частью некрупное, иногда бывает и довольно мелкое (ср. снимок на стр. 57).

Западнорусский полуустав, говоря вообще, представляет немало черт сходства как в общем, так и в мелочах с восточнорусским, но он имеет также и существенные отличия в сравнении с последним. Как и восточнорусский, белорусский полуустав бывает двух родов: старший и младший.

Старший полуустав еще находится в тесной связи с уставом. В нем еще не редкость **к**, напр. в гр. 1388 г. Д—К (**знакмо**, **ксмо** рядом со **слюбуємъ**), гр. 1393 г. (**ксмо**, **знакмо**, **за кго** и др., но **слюбуємъ**) и др., а также **є** широкое полулежачее, наклоненное влево, напр. в гр. 1388 г. Д—К. Старший полуустав знает **оу** и **у**, первое иногда употребляется, как в старом уставе, напр.: **кожномоу**, **кнажоую**, **лоукоу** (гр. 1383 г.), **оу великого**, **оуслъшн**, но **руского** (гр. 1393 г.), то же в гр. 1398 г. Написание для **ы** часто еще встречается в виде **ъı**, напр. в гр. 1388 г. Д—К (**шѣгкємъı**), в гр. 1393 г. и др.; **ѵ** и **ѕ** в роли букв не встречаются. Старший полуустав господствует с конца XIV в.

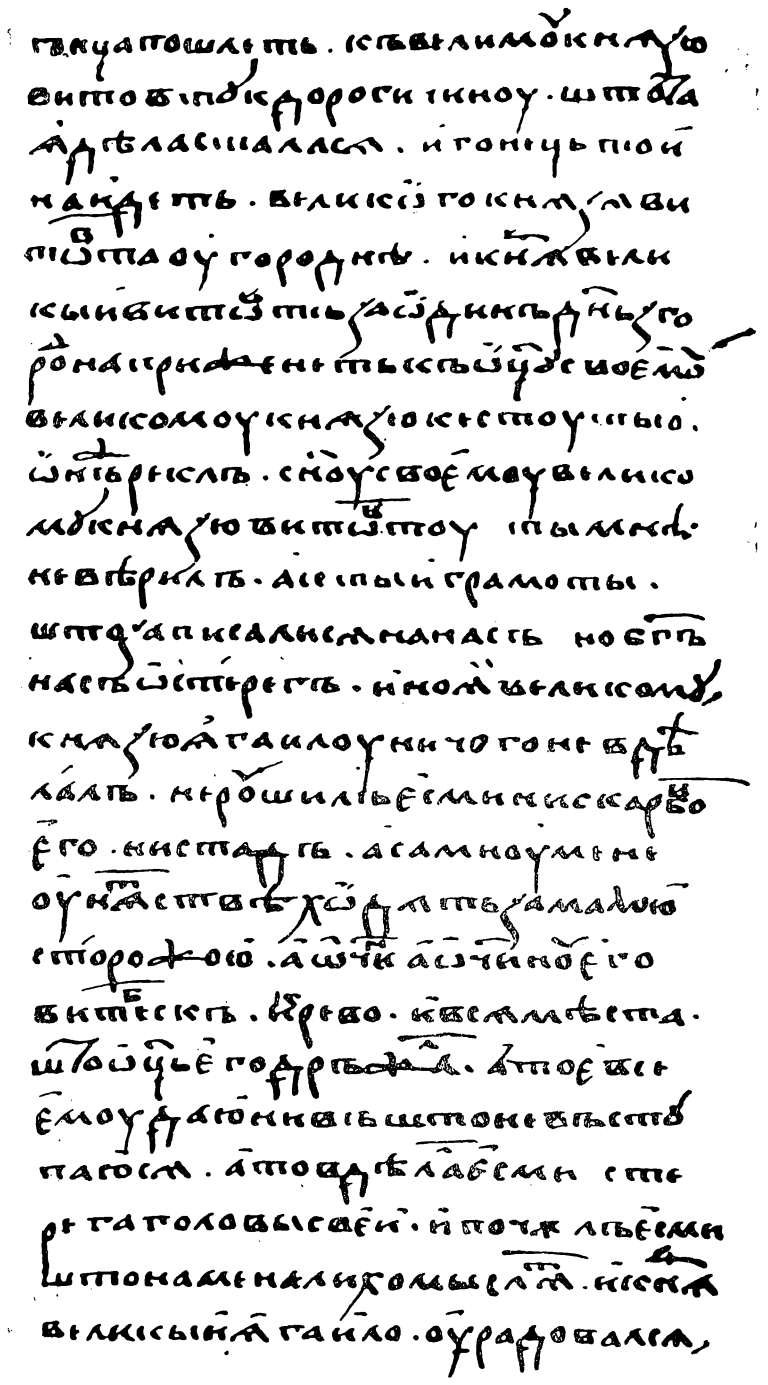

Четья 1489 г. Киевской Духовной Академии, IV, 208, писанная Березкою из Новгородка Литовского. Часть страницы, писанной в два столбца.

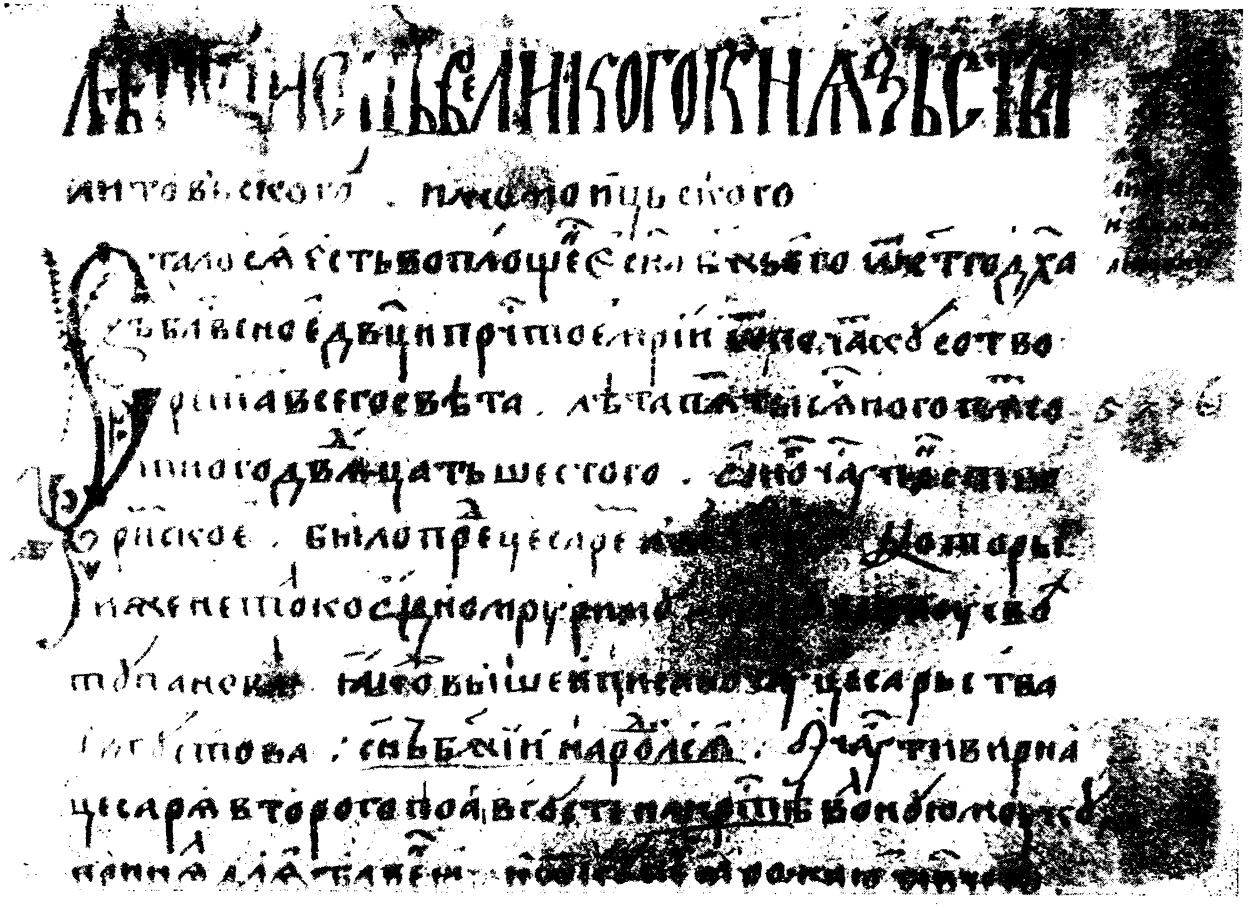
до половины XV в. В остальное время употребления полуустава и в Западной Руси развивается новейший полуустав.

В младшем полуставе, кроме обычного ѣ, есть еще ѣ длинное; очень обычно ѕ, иногда в виде ѕ, а также ѕ, зашедшее в изданиях Скорины даже в печать: крадевѕ (гр. XV в. № 3 Сб. Пал. Сн. Вил.[1]),

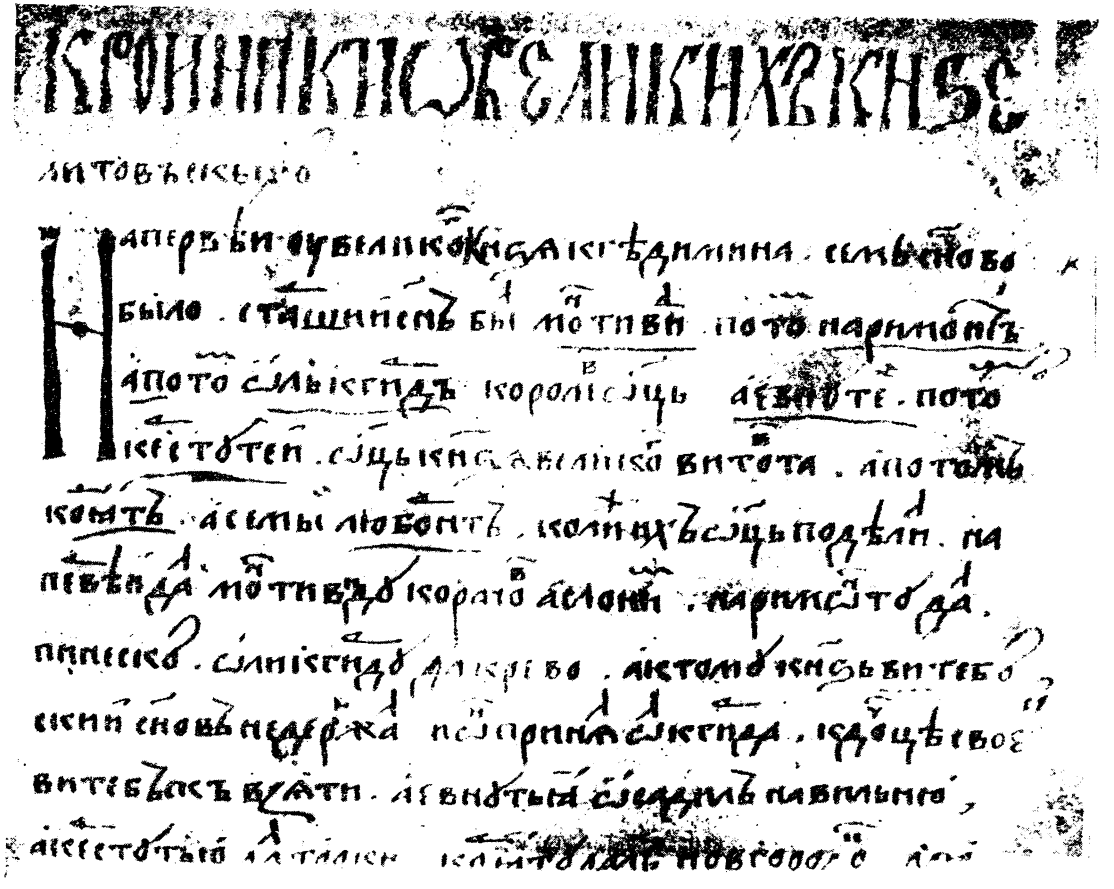
[1] Сборник палеогр. снимков с древних грамот и актов, хранящихся в Виленск. центр. архиве и Виленск. Публ. биб-ке. Вильна, 1894.

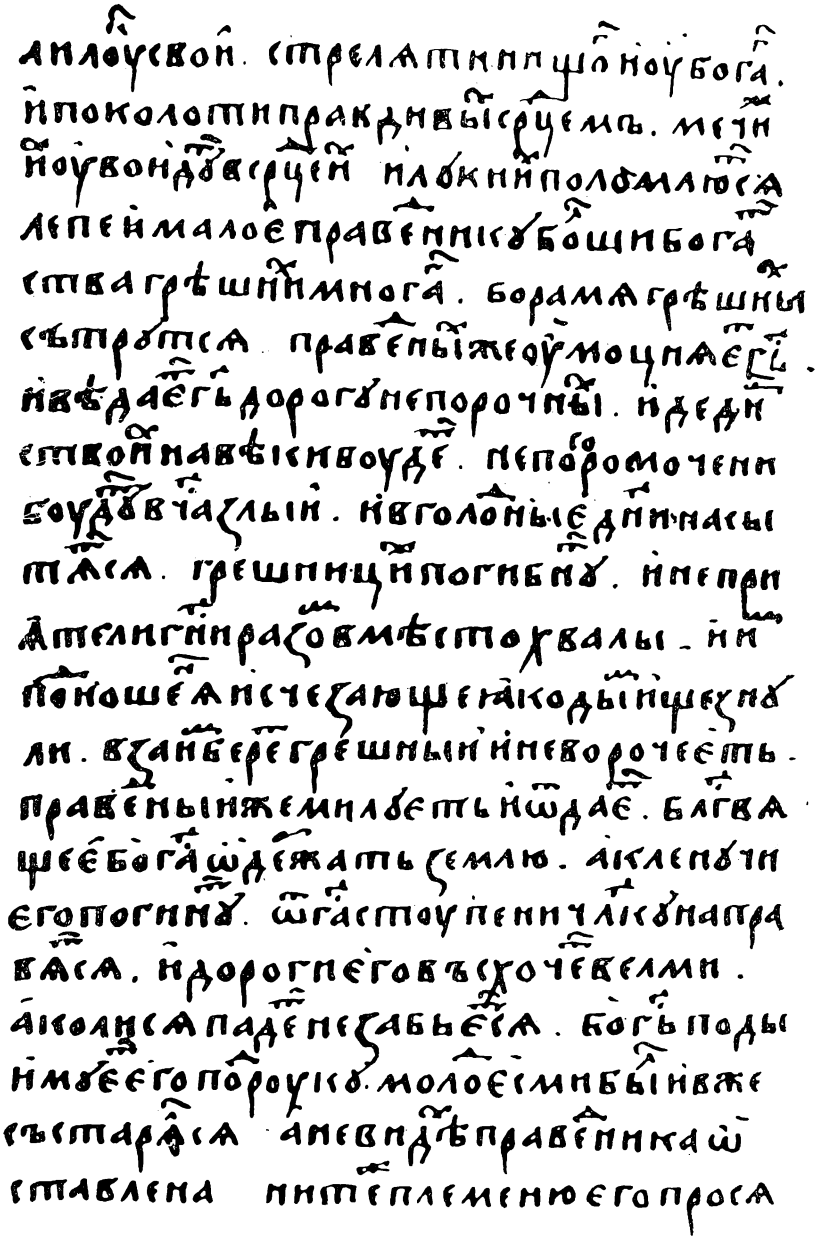
Западнорусская летопись 1495 г. в списке Авраамки, Виленской Публичной библиотеки, л. 440б.

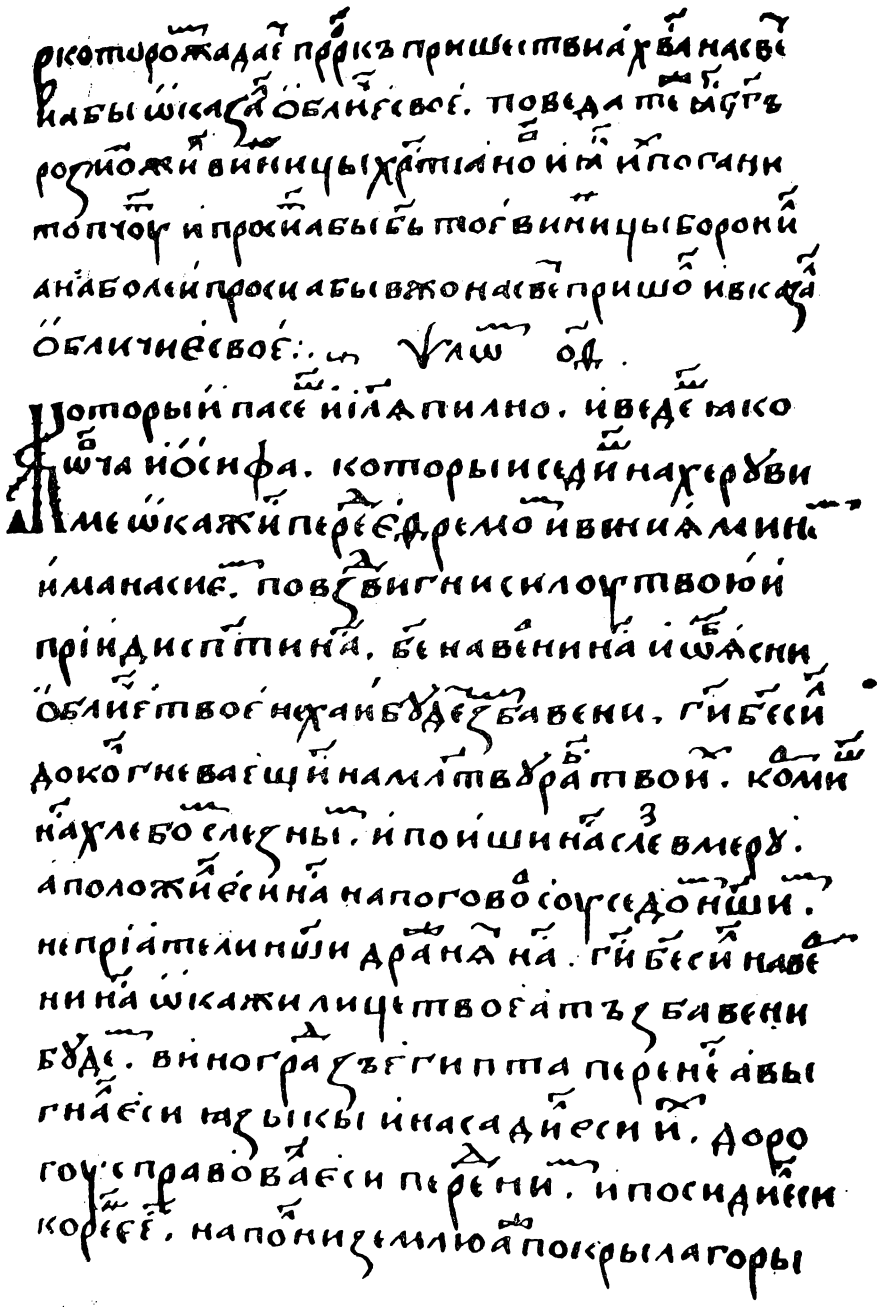
Летописец Великого Княжества Литовского XVI в., из сборника гр. Красинских в Варшаве, № 407 (3701), л. 64. Часть страницы.

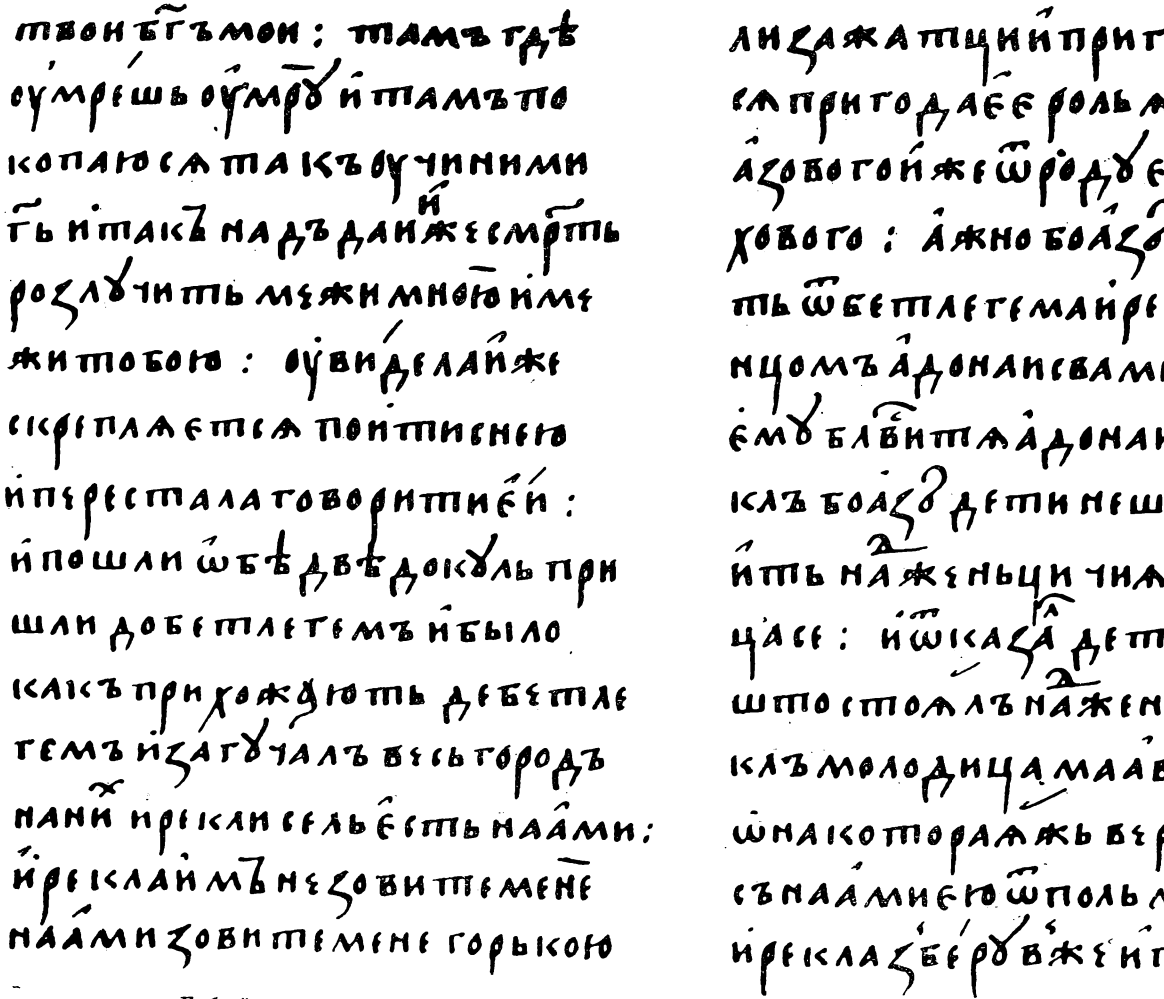
Хроника о великих князьях литовских XVI в., из сборника гр. Красинских в Варшаве, № 408 (3701), л. 73.
Часть страницы.

Западнорусская псалтырь XVI в., л. 38. Румянцевского музея № 335.

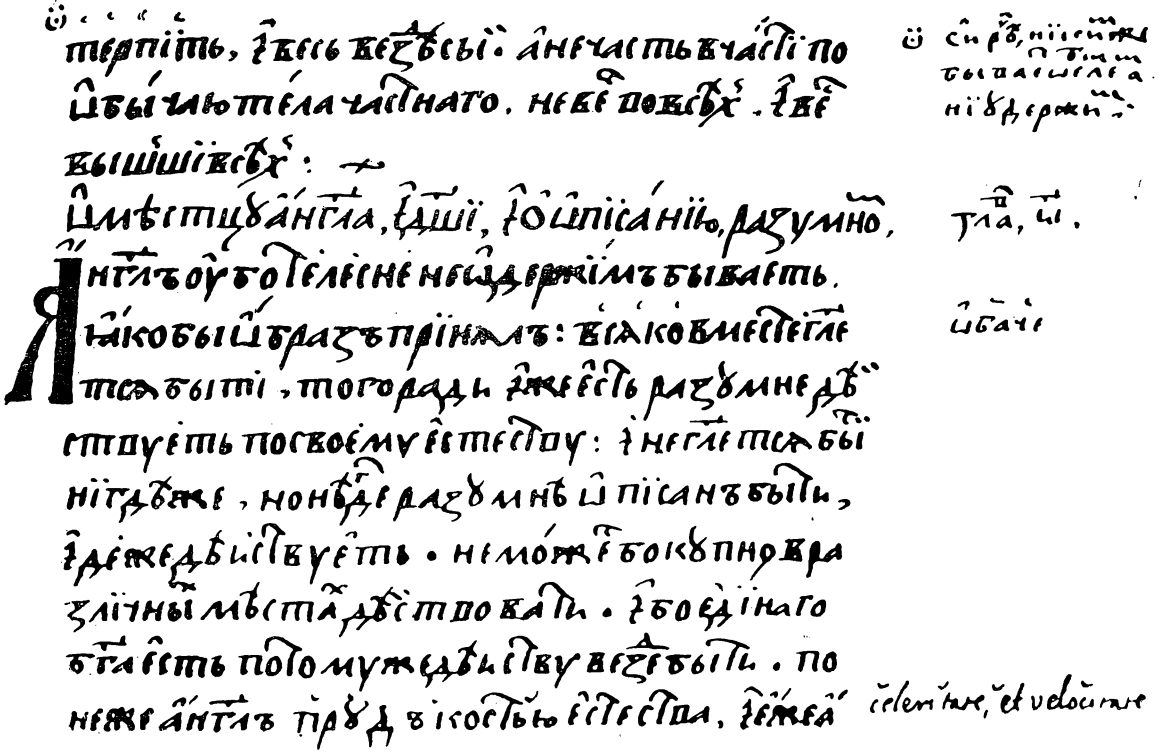
Западнорусская псалтырь XVI в., л. 83. Румянцевского музея № 335.

Библейские книги XVI в. Виленской Публичной библиотеки № 262, л. 39б. Часть страницы.

Новый Маргарит Курбского, Волынского музея, второй половины XVI в. юго-западнорусского письма. Часть страницы (низ).

Диалектика Иоанна Дамаскина в переводе Курбского и его друзей. Рукопись Московской Публичной библиотеки и Румянцевского музея второй половины XVI в. Часть страницы (верх).

къ келимо̆, своѥмо̆, неро̆шилъ (Лет. Авр. XV в., 440б, см. снимок на стр. 59); для *ы* обыкновенно **ы**; встречается и **s** в роли буквы; попадается и **ѳ** особой формы, близкой к **ф**, вследствие чего эти буквы, особенно в мелком письме, приближающемся к скорописи, трудно и различить. Отсюда естественно вытекает смешение этих букв, их взаимное употребление одной вместо другой, напр. в Четье 1489 г. (**филипп8** 230б, **филосо̆ф** 231 и др.), Сб. XV в. Публ. б. № 391 (**оў дикг8ре** 4, **фома** 64), летописях XV—XVI вв. (**лидлманскаѳ** 6 Вил., 5 ib., **содью** 11 ib., **ѡдери** 65б Крас.), Лет. Авр. (**силосодомъ** 25б), Псалт. XVI в. (**да̂шикого́** 13, **ѡ̆дера** 52, **ѡ̆фер8** 31б, **оў ѡ̆сифе** 84). Но вообще младший полуустав западнорусский более сходен с югославянским полууставом (не тонким), чем с русским (великорусским). В сравнении с последним, он отличается своею большей близостью к уставу XIV в., сказывающеюся, между прочим, в меньшем наклоне вертикальных линий, напр. в буквах **и**, **н**, **п**, **т** и под. Есть разница и в употреблении тех или других букв (о чем после). В западнорусском полууставе чаще, чем в восточнорусском, встречаются скорописные написания отдельных букв.

Что касается начертания отдельных букв, то к уже сказанному можем прибавить немногое.

а) *А* нередко принимает скорописную форму, с росчерками вверх и вниз разной величины и формы, иногда *а* бывает похоже на греч. *α* (ср., напр., *а* в *а* **прото̆**, **знама** гр. 1432 г. сент. 23 и 27), *α* (**оўменша**|**ти** Тайна тайных XVI в.), *α* (ср. в «Очерке палеографии» на снимке, стр. 183, во второй строке 1 и 2 *а*)[1]. Очень оригинальное *а*, несколько напоминающее размашисто написанное *з*, встречается в Сб. XVI в. Крас. (ср. на снимке, помещенном на стр. 60, **але**, *а*ча̂ў). Замечательно, что эти *а* не вошли затем в западнорусскую скоропись.

б) Начертание для *в*, как отчасти и в памятниках вообще русских, постепенно приближается к четырехугольнику, к которому с правой стороны сделана прибавка или внизу (что чаще), напр. в гр. 1383 г., 1398 г. и др., или вверху Лет. Авр., иногда к четырехугольнику не бывает никаких прибавок: Тайна тайных XVI в. Иногда *в* принимает и закругленный вид, причем такое *в* обыкновенно бывает и крупнее обыкновенного письма; такое *ϐ* иногда, напр. в Псалт. XVI в. Рум. м. № 335, Сб. XVI в. Крас. (Образцы разного полууставного *в* см. в прилагаемых снимках, стр. 57—66, а также в «Очерке палеографии», стр. 185, первая строка и три номера во второй)[2].

в) *Г* имеет обычное написание. Когда нужно бывало обозначить звук = g, то уже рано писали **кг**, напр. в гр. 1432 г. сент. 23: **жикгимонтъ**. Подробнее о случаях появления звука *g* и его передаче в западнорусских памятниках будем говорить после.

---

[1] «Славянская кирилловская палеография». Л., 1928, стр. 181. (*Ред.*).

[2] Там же, стр. 182.

г) Для *е*, кроме указанных раньше написаний, встречается еще ѥ обыкновенно в смысле **є**, т. е. заместителя **ѥ**: **жадаѣ**, **ѣ** (Псалт. XVI в. Рум. м. № 335); то же в Сб. XVI в. Крас. (ср. на снимках **єсть** л. 64, **своє** л. 73) и др., но бывает **є** и после согласных: **переставлѧ**, **жє**, **кѣжє** и др. (Сб. XVI в. Вил. № 262 л. 39б, ср. снимок, стр. 64), как и в памятниках восточнорусских. В гр. 1432 г. сент. 27, несмотря на XV в., встречается еще **ѥ** (**бо҃ию҃**); в ней же у **є** бывает иногда перечеркнут язычок (**къзнаваємъ**, **єсть**). В гр. п. 1341 г. Кестут. и Люб. **што іѥсте**, где перед **ѥ** поставлено **і**, конечно, под влиянием польской орфографии; то же в Сб. XV в. в Публ. б. № 391, где встречается **їѣ** (**їѣсть** 45б, **їѣіїю** 57).

д) Буква *ж* обычно пишется в пять приемов, но иногда она пишется и по-старинному в три приема, напр. в гр. 1383 г., в Лет. Авр., особенно в крупном почерке, часто в Сб. XVI в. Вил. № 262 (ср. снимок на стр. 64). Зато можно встретить и написания, в том или другом отношении близкие к скорописным, — *ж*, напр. в гр. 1398 г., Сб. XV в. Публ. б. № 391.

е) В некоторых рукописях XV—XVI вв., писанных младшим полууставом, как мы уже говорили, встречается **ꙁ**—**ѕ** и в роли буквы, напр. в Лет. Авр. (**презираємь**, **мнозѣ** и др.); в ней, а также в Сб. XV в. Публ. б. № 391 часто и **ѕ**; в XVI в. **ѕ** довольно часто в Сб. Крас. (**кѣѕь**, **звѣздарька** 3 и др.), Библ. кн. Вил. № 262 (**красѣ** 41), печатном Катихизисе 1562 г. (**кнѧѕ** 80б, 65б, 53б, **просьба** 165б, **зижу҃щиуъ** 167, **казнь** 86).

ж) Для *з* рядом со старым **ꙁ**—**ꙁ** употребляется и новое **ʒ**—**ʒ**, напр. в гр. 1432 г. сент. 27 (**оу҃ʒрать**), Псалт. XVI в. Рум. м. № 335 г. и др. Как можно видеть из снимков полуустава, головка у **ꙁ**, **ꙁ** бывает очень мала, и верхняя линия проводится несколько наклонно влево, вследствие чего верхний крючок примыкает часто к основной линии.

з) Буква *і*, употребляясь вместо числительного, часто бывает перечеркнута посередине: **а҃ѣ҃** гр. 1432 г. сент. 23 и 27; иногда перечеркивается **і** и не числительное (ср. снимок на стр. 66). Перечеркивание **і** — особенность чисто западнорусская. Перечеркивание хвостов и росчерков других букв, напр. в западнорусской Летописи Авраамки (ср. на снимке **ѳ**, **ѵ**, **д**, **ц**), может быть, тоже относится сюда. Перечеркнутое **і** особенно развито в скорописи. Написание **ї** становится довольно обычным и употребляется больше перед гласными, хотя и непоследовательно, бывает оно и после согласных: **мїрѣ**, **двїда** (Лет. Авр.), **вѣжїй**, **і҃ выкѣ** (Псалт. XVI в. Рум. м. № 335).

и) Для *м* обычное полууставное написание **м**, но есть еще следы **и** **м** с закругленной петлей, причем такое *м* имеет несоразмерные части (ср., напр., в гр. 1388 г. Д—К).

к) В букве *и* поясок чаще имеет наклон вправо, но бывает он уже и горизонтальным, хотя и реже (ср. в Псалт. XVI в. Рум. м. № 335: **гѝи**, но **пилно** и др., см. снимки).

л) Для *о* обыкновенно употребляется **о**, но в разных рукописях бывают и другие написания. Так, в Летописи Авраамки, кроме обычного **о**, которое в начале слов и после гласных в середине иногда становится довольно широким, еще бывают: **Δ** в начале слов (**Δна**, **ѡ Δгнѧ** и др.); **□** (**□ѹ̈вѣ̀жа**, **ст□ѣ̀**). О широкое в начале слов бывает и в других рукописях. В сб. XV в. в Публ. б. № 391, а также в Тайне тайных XVI в. буква *о* часто пишется похоже на **ѧ** до такой степени, что может даже ввести в фонетическое заблуждение (ср. на снимке на стр. 57: **преколотый**, **сполнйлосѧ**, **рогатиною** и др.). В очень многих рукописях попадается очное **ѳ** (Лет. Авр.: **ѳко ꙁа ѳко**, Псалт. XVI в. Рум. м. № 335: **ѳблѧ̑кѧ** и др.); иногда *о* бывает удвоенное (ib.). В разных памятниках в начале слов, а также и в других положениях часто бывает **ѡ** (ср. на снимке из Лет. Авр.: **великѡ̑го**, **ꙁа ѡ̆̀динъ**, **ѡ̑ц̑ѣ** и т. д., стр. 59). В гр. второй половины XV в. № 3 Сб. Пал. Сн. Вил. есть даже **ф**: **ф̓проче**.

м) *Т* в западнорусском полуставе довольно типично. Кроме традиционного **т**, тут очень распространено в разных памятниках **т**, с опущенными обоими крылами (см. снимки), а также 7, вроде цифры 7 (ср. на снимках: стр. 58: **ш7̏е** Четья; 59: **што 7ѧ** Лет. Авр.; 61: **нарймон7ъ** Хроника Крас.; 66: **7а́сч҃** Диалектика и др.). Последнее особенно часто в буквенных титлах, а также в вязях, напр. *тѳ* = **ѣ**, *тр* = **ѣ** (ср. снимок на стр. 65: **потрєвѳ̑**).

н) Несмотря на югославянское влияние на западнорусский полуустав, сказывающееся между прочим в нередком употреблении **ѫ** (ср. Тайна тайных XVI в., Сб. XVI в. Крас. и др. памятники), относительно *у* не установилось определенных правил, когда следует употреблять **оу**, **ꙋ**, **ѵ**—**ѳ**; иногда попадается даже **ѳꙋ** в роли *у* (ср. Тайна тайных: **оӱ колкоꙋ**, **ѧ ѳꙋ7рьѣ̀**, **ѡ̑совноꙋ̓ю**).

о) Для *ч* в полуставе два написания: от прежнего времени перешло **ѵ** (напр., в гр. 1388 г. Д—К, 1393 г., 1398 г., Лет. Авр., Сб. XV в. № 391), но обычное полуставное **ч** постепенно вытесняет его; оно господствует во всех рукописях, иногда рядом с **ѵ**.

п) **Ъ**, кроме того, что часто принимает вид скорописного (ср., напр., гр. 1389 г., снимок Хроники Крас.: **пинескъ**, **витебъский**, стр. 61, Сб. XVI в.: **коа́зъ**, стр. 64 и др.), в некоторых рукописях имеет сильно развитой крючок **ъ** почти как в курсивном нашем *т* (см. снимок на стр. 59: **стадъ**, **дрѣжа̑** и т. д.).

р) О разных видах *ы* у нас уже была речь. Здесь коснемся лишь одной мелочи: иногда у **ы** обе части бывают соединены чертой, которая проходит внизу, напр. в гр. 1432 г. сент. 23; в Лет. Авр. над **і** в **ы** иногда две точки (**ыї**).

с) Западнорусский полуустав знает *э*, напр. в Сб. XV в. Публ. б. № 391 (**экъсеквїе̋** и др.), летописях XV—XVI вв., Позн. Сб. XVI в., Статуте 1588 г. (примеры после). Трудно сказать, развилось ли оно здесь самостоятельно или же зашло из югославянских рукописей, где *э* встречается уже в XIII—XIV вв.

т) Для *я*, как и в XIV в., преобладающим написанием служит **ѧ**, но и **а** также известно, особенно в начале слов и после гласных, хотя бывают и отступления. В Сб. XV в. № 391 вм. **а** бывает и **їа** (**котораїа** 55б, **їасли** и т. д.), в чем, конечно, следует видеть влияние польской орфографии[1]; две точки бывают иногда и над **а** (**моїсеа**).

В полууставных рукописях часто попадаются разные вязи, напр. **ю** (**ѿпеканию**) гр. 1389 г.; о **ѣ**, **ѣ** в разных рукописях мы уже говорили; **мѣ** (**мѣнь**), **цѣ** (**цѣсо**) Лет. Авр.; **чѧ** (**чаѧ**), **кл** (**кладоѣ**) Сб. XVI в. Крас.; *жи* и *же* вязи — в титлах там же; **єѧ** (**сѣєѧ**), **пє** (= *те*), **пв** (= *тв*) Псалт. XVI в. Рум. м. № 335. Ср. на снимке, стр. 65, внизу любопытную вязь *егда*.

Над строками в полууставе встречается много разных значков, подчас едва заметных. Прилив их к нам усилился под влиянием югославянской реформы орфографии. Значки эти очень разнообразны: имеют вид точки — черточки одной или двух, написанных горизонтально, придыханий, эриков и т. д., одних или с соединениями со знаками ударений. Особенно любима постановка этих знаков над широкими буквами **ѡ**, **и**, **ы**, **а**, **ѣ**, или начальными гласными, но бывают надстрочные знаки и в других случаях, напр. над числительными и даже над согласными. В группе согласных очень распространен знак ʻ, ставившийся прежде обыкновенно на месте пропущенного **ъ** или **ь**. В конце слов над гласными часто ставится ˝ или ʻ на месте ожидаемого *й;* в Сб. XVI в. Чуд. ˝ имеет значение *и* не краткого в конце строки: **гон˝|тела** 167, **сокржш˝|**172, **прогоним˝|**280 и др.; над конечным *и* для означения его краткости уже нередко ˇ, ˘.

Титла встречаются разного рода: простые, как и в уставе, и особенно часты буквенные с покрытием или без него. Выносятся почти все согласные — в одиночку или целыми группами (**мѕ, лц, о͡, н͡, с͡ жн, же**) — и некоторые гласные; иногда после вынесенных согласных еще встречается знак ударения (**а́**). Особенно обильно выносятся буквы в разных списках западнорусских летописей — полууставных и переходящих в скоропись. Здесь может считаться законом — в середине слов, в группе согласных взметывание первой согласной, непосредственно стоящей за гласной (сюда принадлежит и *й*), а также той согласной, которая должна быть удвоена, как заместительница группы из согласного + *j;* на конце слов — почти все согласные взметываются; иногда это бывает и с целыми конечными слогами (**г** = **го**, **д˝** = **дн** и под.).

В строках, кроме точек, уже встречаются запятые, обыкновенно короткие (,,). В конце строк встречаются различные соединения знаков.

Во всех памятниках, как и древнейших, часто замечается слитное написание слов. Вообще следует заметить относительно западнорусского полуустава, что в нем предлоги и союзы в очень многих рукописях

[1] Конечно, не может быть тут речи о югославянском влиянии, что отмечено Н. М. Каринским («Образцы письма древнейшего периода истории русской книги». 1925, стр. 7). напр., в почерке Пандект Антиоха XI в.

пишутся связно со следующими за ними словами, вследствие чего Скорина ввел этот обычай даже в свои печатные книги. Примеры: Лет. Крас. л. 64: **ѿпочакѕ, прѣцесаре, поакгѕсте, йѿкѕпѣ апослрти, анекъставичкій, анидлчого** и т. д. (см. снимок); Позн. Сб. XVI в. Archiv f. sl. Ph. IX, 355: **жадному недалъ ксовѣ прыступити; Ипоехалъ штгуле косветому семишну иѕехалъ ѕводинъ городъ анашолъ вгороде** и т. д.; Библ. Скор.: заглавный л. Ёсфири — **ѿрѕки, ѕцарѧ, нехотела, напиръ, йдвадцетми йседми, напрестолѣ**; другое место: **Книги ѣсъдеръ ѥже ѿврей назыкаютъсѧ мъкгила. ззполъне выложенъı нарѕсъкий ѩзыкъ докторѡ франциско скориною сполоцъкы** и т. д.

Еще относительно инициалов полууставных западнорусских рукописей, писанных вообще бедно, отметим наблюдение, что в заглавных киноварных буквах преобладает особый способ украшений — угловатые скобки и точки на главных линиях, входящих в состав букв, а также ветки, идущие от этих линий вниз. На приведенных снимках так украшено С в Лет. Крас. (см. стр. 60; ср. еще «Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII вв.», 57—58, а также у Стасова («Славянский и восточный орнамент», табл. XCI и XCII). Впрочем, отмеченная особенность не исключительно принадлежит западнорусским рукописям.

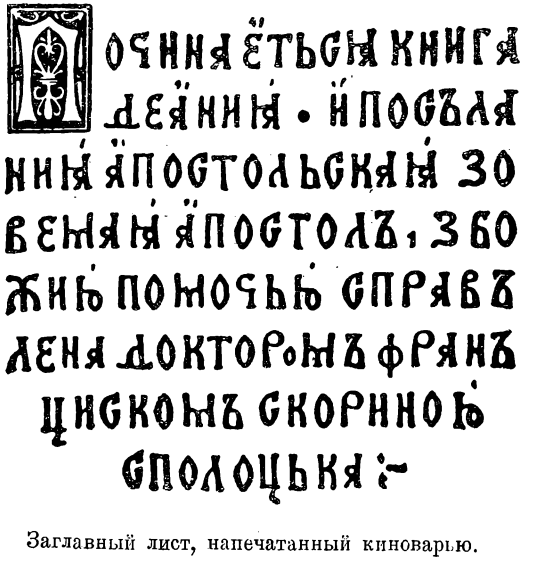
Полуставному письму подражают и шрифты старопечатных западнорусских книг. Древнейшие издания — это Библия Скорины. Не стану останавливаться на шрифте Скорины, так как он подробно исследован в известной диссертации П. В. Владимирова[1], стр. 62 sq., 173 sq.; отмечу только, что шрифтом такого же рисунка напечатаны, кроме пражских, и виленские издания Скорины, несвижские Симона Будного и Евангелие Тяпинского.

Как можно видеть из прилагаемых снимков, в шрифте Скорины основные линии выведены прямо вертикально, вследствие чего в общем буквы производят впечатление устава. Иллюзия, конечно, нарушится, если мы присмотримся к отдельным начертаниям. Тут мы заметим немало новизны, находящей для себя объяснение только в западнорусском полуставе, отчасти же в собственных комбинациях Скорины. Так, его буквы **к**, **в**, **т**, **ε**, **з** выводятся только из полуустава, оттуда же и его *в* с особенно маленькой головкой и *а*, похожее на наше *я* [ср. в заглавии Хроники Крас. «*ве*ликихъ» (стр. 61) или в заглавии Лет. Крас. «кнѧзьст*ва*» (стр. 60)]; но замечательно, что такие же *а* и *е* мы имеем в полоцком уставном «*на*данье» Ив. Никон. XIV в. (ср. стр. 55);

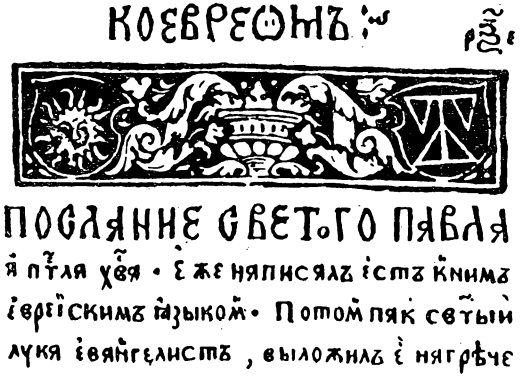
---

[1] «Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык». СПб., 1888. Исследование иллюстрировано множеством снимков. Снимки шрифта изданий Скорины имеются и в других сборниках, начиная с древнейших: Ф. Толстого. Палеографические снимки шрифтов с XV века по XVIII-й. М., 1829; И. Сахарова. Образцы славянорусского книгопечатания с 1491 г.; С. Пташицкого и А. Соболевского. Сборник снимков с славяно-русских старопечатных изданий. СПб., 1895.

Образцы шрифта Апостола Скорины 1525 г. (Вильна)

Заглавный лист, напечатанный киноварью.

Часть 165-го листа.

особые вычурные *ч*, *ж*, *ю*, *т* (ср. на снимках слова: з *божию* помочью, свтый) — изобретение самого Скорины. Таким образом, в основе печатного шрифта Скорины лежит западнорусский полуустав.

В 1569 г. прибывшие в Литву московские изгнанники Иван Федоров Москвитин и Петр Тимофеев Мстиславец выпускают в Заблудове Учительное евангелие, но уже шрифтом, не сходным со скорининским, а совпадающим по рисунку с восточнорусским полууставом. Шрифт московского рисунка употребляется затем в виленской типографии Мамоничей и в других западнорусских. В нескольких случаях, однако, Мамоничи и после прибегали к западнорусскому письму, но уже к скорописи, а не полууставу, о чем речь после.

Относительно орфографии полууставных западнорусских памятников следует заметить, что в ней, кроме традиций устава предшествовавшего времени, еще сильно сказывается югославянское влияние.

а) Югославянское влияние обнаруживается в появлении ѫ в разном значении: не только в тех формах, где он когда-то передавал носовой гласный, но и на месте основного *у* и даже *у* с предыдущей мягкостью согласного (*ю*). Вот несколько примеров употребления ѫ в разных ролях: Четья 1489 г.: третѫю (147), чистоѫ двоѫ (208), стѫѫ (ib.), лѫбовъ (211), своемѫ (208), родѫ члвчкомѫ (209б), тѫтъ (209), дрѫгомѫ (212 б) и др.; летописи XV—XVI вв.: княжнѫ (11 Вил.), Тетѫ (ib., собств. имя), нѫжно (10 ib.), къ Краковѫ (8 ib.), приженѫтъ (6 ib.), почѫлъ (4 ib.), Витовтѫ (3 ib.), Гѫстыномъ (3 ib.), Кестѫтью (ib.), Кестѫтья (2 ib.), живѫ (2 ib.), городѫ, собоѫ, волынскуѫ (1 ib.); Сборник XVI в. Крас.: дрѫгы (125), дѫхов'ны (134), п'равдѫ (116), ѿкѹдѫ (45) и др.; Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: бгѫ, книгѫ (133), богѫ (59б). В Сб. XVI в. Чуд. почти исключительно употребляется ѫ; ѹ (оу) является редко: исѫши, ѫкраси, дрѫга (63) и т. д.

б) Югославянское влияние обнаруживается в сильном распространении ъ и ь не только в окончании слов, где их употребление по преданию от старины почти не прекращалось, но и в середине слов, где вместо них уже давно употреблялись гласные *о* и *е*, или же где их уже не писали; особенно стали употребляться глухие при *р* и отчасти *л*, причем ъ возобладал, появляясь и там, где слышался *е*. Примеры: α) ъ и ь старинные: Четья 1489 г.: бесмрьтного (171б); готьскомъ (гр. 1265 г.), мьщати (ib.), отець (1 Вил.), Витебьска (ib.); Летопись Авраамки XV в.: трьпѣниѣ (2б); Сборник XVI в. Крас.: редъкїи (140); Статут 1588 г.: жалобьное (12), виньного, чжоземьцы (1), прочетъши (28) (в прич. прош. вр. перед *-ши* всегда (ъ); Тайна тайных XVI в.: ѿвець (81б), заець (11); Библия Скорины: вокрьви (Пр 10б), дъска (И 69, 75б), ѿвъстокѹ (1 4б), влъы (А 35б), тьстю (Б 55), отець (1 15б); Катихизис 1562 г.: въплощенъѧ (6 предисл.),

сѣвестїю (28); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: тлѣкование (2), истлѣковаша (ib.), прѣсескъ (120), ближѣшии (32б), мѣчь (95). β) ѣ и ь вторичные под югославянским влиянием. Летописи XV—XVI вв.: дрѣжати (2 Вил., 3 ib., 7 ib.), удрѣжати (11 ib.), дрѣжалъ (1 ib., 4 ib.), прѣвое (2 ib., 6 ib.), трѣпѣти (13 ib.); Летопись Авраамки XV в.: крѣмитѝ (2б, при *кормѣ* 398), прѣвѣмъ (4б), жрѣтовникъ (9б); Сборник XVI в. Крас.: тр҃пѣпети (153); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: прьвое (2), самодрѣжца (ib.) и др. Несомненно, под тем же югославянским влиянием развилась характерная черта белорусского полуустава, состоящая в постановке ѣ или вместо него знака ' в том случае, когда получалась группа согласных, напр. в грамотах: лавѣришовѣскую (1398 г.), литовѣский (1440 г.); в летописях XV—XVI вв.: Мосѣквою (22 Вил.), Витовѣтъ (3 ib.); в Летописи Авраамки XV в.: рекѣлъ (3б), витовѣтомъ (211б), сѣтрахѡ (34), чамѣблачѣ (218б), в лѣтѣвѣ (249б), Моськва (85б), пьсковѣ (74, ср., впрочем, «Исследование по русск. яз.», т. I, стр. 176); Сборник XVI в. Познн.: содерѣжавшы (180), пэрѣсове (181), молѣчавшы (187), ѵтерѣпевшы (204), тверѣдо (252), долѣго (23), борѣздо (24), земѣлю (155), волѣкъ (200), голѣдъ (284), солѣнъцэ (288), мѣщене (48), Сабэлѣликъ (182) и др. (Archiv IX, 355); Сборник XVI в. Крас.: войнѣст҃во (159—160) и др.; Библия Скорины: ѣ между согласными на месте старого ь: дѣневе (1 11б), о вѣсехъ (Д 20), агнѣци (Пл 3б), людѣми (и *людьми*, Пр. 5б), ѣ как чисто орфографический прием: ѣбѣлками (ПП 4б), ѣзѣва (П 32), есѣмы (1 13), Вастѣха (Э 3б) и др.; Статут 1588 г.: почонѣши (1), гд҃рѣского (ib.), канѣцлярея (35), глупѣства (5), неучѣтивыми (60), прокураторѣми (214), речѣми (39), долѣги (35); Сборник XVI в. Чуд.: ѡ҃рѣды (165).

в) Югославянское влияние сказывается еще в смешении ѣ и ь, чаще в постановке последнего вместо первого в тех случаях, где не может быть речи об обозначении посредством ь мягкости согласного, а посредством ѣ твердости предшествующего согласного: Примеры: α) ѣ вместо ь: Сборник XV в. Публ. б. № 391: королѣ (88б); Летопись Авраамки XV в.: погыбелѣ (101), ѡ҃сенѣ (205); Тайна тайных XVI в.: храбростѣ (36), кролѣ левъ (69); Катихизис 1562 г.: печалѣ свою (192б), досытѣ (1б посвящ.); Катихизис 1585 г.: весѣ (1б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: израелѣ (77б); Псалтырь XVI в.: ѡ҃сѵдѣ (13); Сборник XVI в. Кунц.: сѵтѣ (7б), збавителѣ (68); β) ь вместо ѣ: Четья 1489 г.: принесль (150), голось (191), празникъ (208) и др.; грамоты XIII—XV вв.: всемь (1265 г.), листъ (1383 г.), витовтъ (ib.), особь (1480 г.), непокоевь (ib.), слугъ (ib.), вѣковь (1490 г.); летописи XV—XVI вв.: Слонимь (1 Вил.), Ѳедорь (13 ib.), Витовтъ (30 Увар.), Богъ (ib.), нетъ (29 ib.), польтараста (44 ib.), королевь (27 ib.), оузяль быль (37 ib.), посадиль (29 ib.), оучиниль (30 ib.), держаль (ib.), вѣриль (ib.); Летопись Авраамки XV в.: изъ заморьи (163б), на сѣздь (ib.), ѡ҃юзъ свободи (17), Петрь (19), папь (33б), на кыѣвь (84), въста югъ вѣтръ (96), лютъ бѣ по-

www.ruslang.ru

жаръ (88б), въ двоусотъ (91б), позъванъ (112б) и др.: Статут 1588 г.: захорелъ (126); Тайна тайных XVI в.: оукказъ (22), вимъ (1-е л. мн. ч., 49); Катихизис 1562 г.: Петръ (54б, 139), скрежетъ (187); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: ѡцѣстиї лукъ (35), врагъ (ib.), нагль (89б), ѡставленъ (36), терпѣливъ (35), крѣпокъ (ib.), сказаль (37б), възненавидѣль (34б), вѣздышныї (38), съпхнѫтъ (прич. страд., 100б); Сборник XVI в. Чуд.: къ нѣнию (106), хлѣбъ, ковъ (5б) и др. В некоторых из приведенных случаев можно видеть и непосредственное влияние тех оригиналов, с которых переписывались наши рукописи.

г) Наконец, югославянское влияние следует видеть и в той особенности орфографии западнорусского полуустава, вследствие которой между гласными на письме нередко опускается *j*, т. е. вместо йотованных гласных пишутся простые. Впрочем, к указанной особенности памятников следует относиться с некоторой осторожностью, так как пропуск *j* между гласными, как увидим после, известен и некоторым современным белорусским говорам. Вот несколько примеров: Ист. сборник XV в.: и пре*а* власть ѡроплъкъ (15), *а* (= ѧ вин. пад., 81), ла*а* (65); летописи XV—XVI вв.: вѣлика*а* (89б Крас.): ста*а* (68б ib.), сотворен*а* (64 ib.), Евнути*а* (27 Увар.), пролити*а* крови (9 Вил.), непри*а*тели (5 ib.), бо*а*ры (11 ib.), велика*а* (10, 13 ib.), Олькгирдова*а* (13 ib.), Пруска*а* (6 ib.), Литовлянска*а* (5, 6 ib.), Ульа*а*ною (8 ib.); Сборник XVI в. Крас.: велика*а* (192—193), жа*а*на*а* (194) и др.; Библия Скорины: воздая*а*ние (Ч 15), твоа (Ц 172б), прелюбыдея*а*ние (Ч 15), ина*а*ше (Д 15б), стоа*а*ти (Д 5б) и др.; Катихизис 1562 г.: добра*а* (57б), такова*а* (84), два*а* жена, таа розница (34), нагорша*а* (86), съхранаа (43), пытаніахъ (1 предисл.); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: прошѣн*а* (120), лиха*а* (100б), стоати (114).

Под влиянием нескольких причин и отчасти даже живого произношения еще в уставном письме зародилось и особенно развилось в полууставе написание *л* и даже *лъ* вм. *ль*, напр., грамоты XIII—XV вв.: волное (1265 г.), волно (1264 г.), полского (1388 г. Д—К), велкого (wielkiego), велми (1349 г.), вилзни (1432 г.); летописи XV—XVI вв.: корол (36 Увар.), лва (37 ib.), Вилни (1 Крас.); Летопись Авраамки: Вилно (96); Статут 1588 г.: албо, колвекъ, волность (12, 35, 66, 111), волни (341), дашши, бошть (18, 234), неделное (46) и др.; Тайна тайных XVI в.: волвѫ (70б); Катихизис 1562 г.: ѡбилно (94), еванъгелское (1б посвящ.); Евангелие Тяпинского 1580 г.: болшы (6); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: телца (49б), колце (98б); Псалтырь XVI в.: нельзѧ (61), пекелны (91б), леторасълѣки (128б) и т. д. В польских словах *л*, несомненно, условно передает польское *l;* в других случаях, находясь перед твердыми согласными, *л* мягкое могло и в произношении отвердеть, чтб, как увидим после, во многих словах отчасти и произошло во всем белорусском языке, отчасти же в некоторых его говорах; наконец, пропуску *ь* могло содействовать смешение *ъ* и *ь* в группах согласных и вытеснение последнего первым, который также мог не писаться.

ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ, ПИСАННЫХ СКОРОПИСЬЮ

Полууставное письмо в западнорусских памятниках довольно рано стало уступать свое место скорописи. Так, скорописью написаны уже Условие 1387 г., гр. 1399 г. Никт.; в рукописных книгах типичная сплошная западнорусская скоропись является, впрочем, только в конце XVI и начале XVII в. (ср., напр., Сб. переводов Курбского Син. б. № 219, быть может, конца XVI в. и Библ. кн. XVII в Публ. б. Толст. № 158).

Скоропись употреблялась на большом пространстве времени, вследствие чего она имеет несколько разновидностей.

Древнейшая западнорусская скоропись еще очень близка к полууставу: отличается от него сравнительно малым размером букв, значительною широтою и размашистостью букв и некоторой крючковатостью отдельных из начертаний; постепенно появляются и особые буквы. В скорописи еще больше, нежели в полууставе, распространено взметывание букв над строкой, появляется связность письма (впрочем, в древнейшую пору в Западной Руси ее не было), замечается растягивание букв, имеющих хвосты, бросается в глаза непропорциональность некоторых начертаний.

Западнорусская скоропись, с которою впоследствии совпала и южнорусская, резко отличается от скорописи Северо-Восточной Руси. Различие между ними прежде всего в самом характере письма, а затем в различии отдельных написаний. Разница произошла оттого, что в Литовской Руси пришлось жить особой жизнью, в сравнении с Москвой, поддаваться влиянию западной культуры и вследствие этого знакомиться с латинским письмом. Часто случалось одному и тому же лицу писать по-латыни, по-польски и по-русски. А в латино-польской графике тогда господствовало так называемое готическое письмо; особенности его резко сказываются и на западнорусском письме древнейшей скорописи. Этот готический пошиб был причиной и того, что древнейшие скорописные западнорусские начертания вообще близки к полууставным, тогда как в восточнорусской скорописи они иного рисунка; таковы, напр., *а*, *б*, *д*, *и*, *і*, *к*, *л*, *м*, *н*, *п*, *р*, *с*, *у*, *ц*, *ч*, *ъ*, *ь*, *ы*, *ѣ*, *ю*, *ꙗ*, *ѧ*. В позднейшей западнорусской скорописи и эти начертания получили особое развитие.

Что касается различия между западнорусской и восточнорусской скорописью в отдельных начертаниях, то тут отметим следующее: в московской скорописи *в* часто имеет форму прямоугольника или квадрата, в западнорусской — редко; *д* встречается с короткими ножками, часто имеющими форму полукруга, в западнорусском письме *д* имеет длинные ножки с загнутыми влево оконечностями; подобные же длинные хвосты у *р*, *ц* и *щ*; *ѕ* в московской скорописи обычно и в качестве буквы, как это было и в младшем полууставе, в западнорусской скорописи *ѕ* встречается лишь как цифра; удлиненное *і* (*ј*), часто встречающееся как буква, в западнорусской скорописи больше имеет значение цифры,

причем бывает посередине перечеркнуто; в заглавной или вообще крупной букве *и* в литовском письме соединительная черта не горизонтальна, а косая, как в лат. *N;* в московской скорописи *с* часто удлиняется, чего нет в скорописи западнорусской, где *с* бывает очень малое, не сильно согнутое; *ѕ* в западнорусской скорописи довольно редко. Уже в древнейшей московской скорописи заметна наклонность к удлинению некоторых черт в буквах и к крючковатости; в западнорусской древнейшей скорописи, кроме *д, ц, р, щ,* эта наклонность к удлинению букв (а не отдельных их хвостов) очень слаба, и крючковатости нет. Все сказанное касается древнейшей западнорусской скорописи[1] (ср. снимки на стр. 78 и 79).

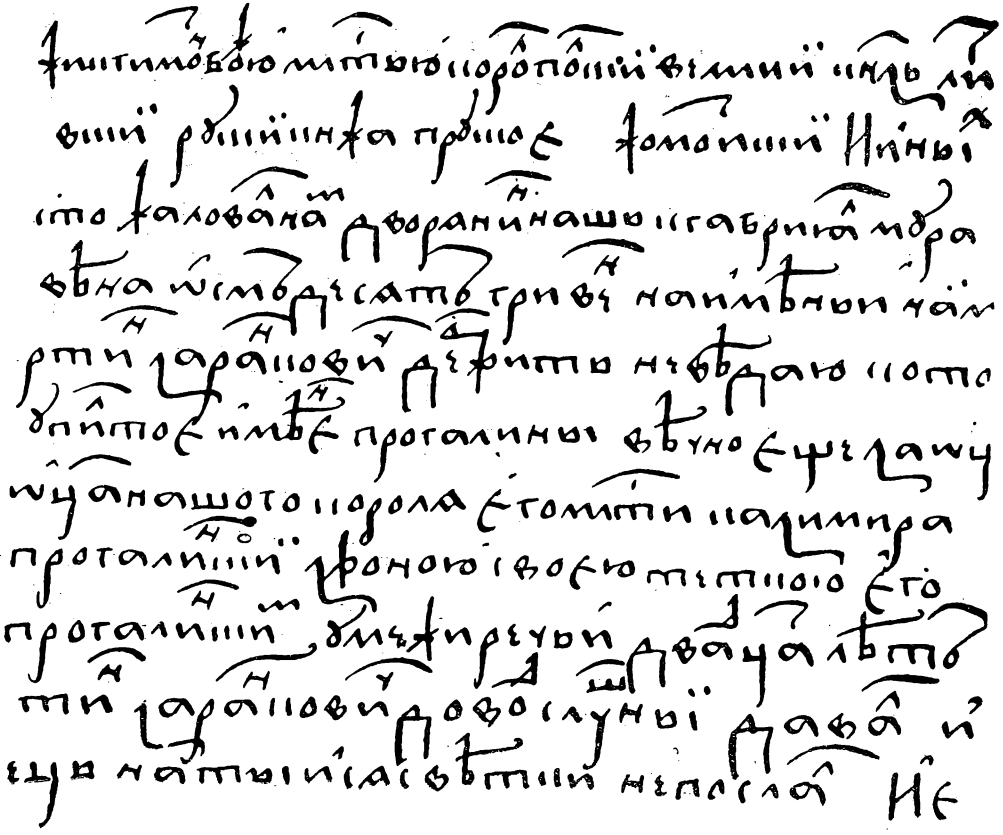
В западнорусской скорописи последующего времени замечается некоторая косость букв и связность письма (ср. снимки на стр. 80 и 84); очертания букв становятся округленнее и разнятся, кроме почерков отдельных лиц, еще по школам письма (ср. снимки, с одной стороны, на стр. 80 и 81, с другой — на стр. 82, 83 и, наконец, на стр. 84). В этой скорописи меньше случаев выноса букв над строку; но в общем связь с древнейшей скорописью очевидна[2].

Из отдельных характерных написаний этого времени отметим (ср. особенно снимки на стр. 82—84): особое написание для *в,* сходное с греч. Э, иногда приближающееся к *ѳ,* рядом, однако, с *в,* особое написание для г = g (ґ), сначала рядом с *кг,* а потом исключительно, для *ж, д, б,* для *ф* и *ѳ,* для *ы* и для *ъ* (ср. в соответствующих местах «Очерк палеографии»). Продолжается употребление *э,* изредка попадающегося, как мы видели, и в полууставе. Буква *з,* особенно в более крупном письме, нередко пишется сходно с лат. *z.* Вообще в написаниях букв заметна полная округленность, подчас излишняя крючковатость, хотя и не того типа, что в московской скорописи.

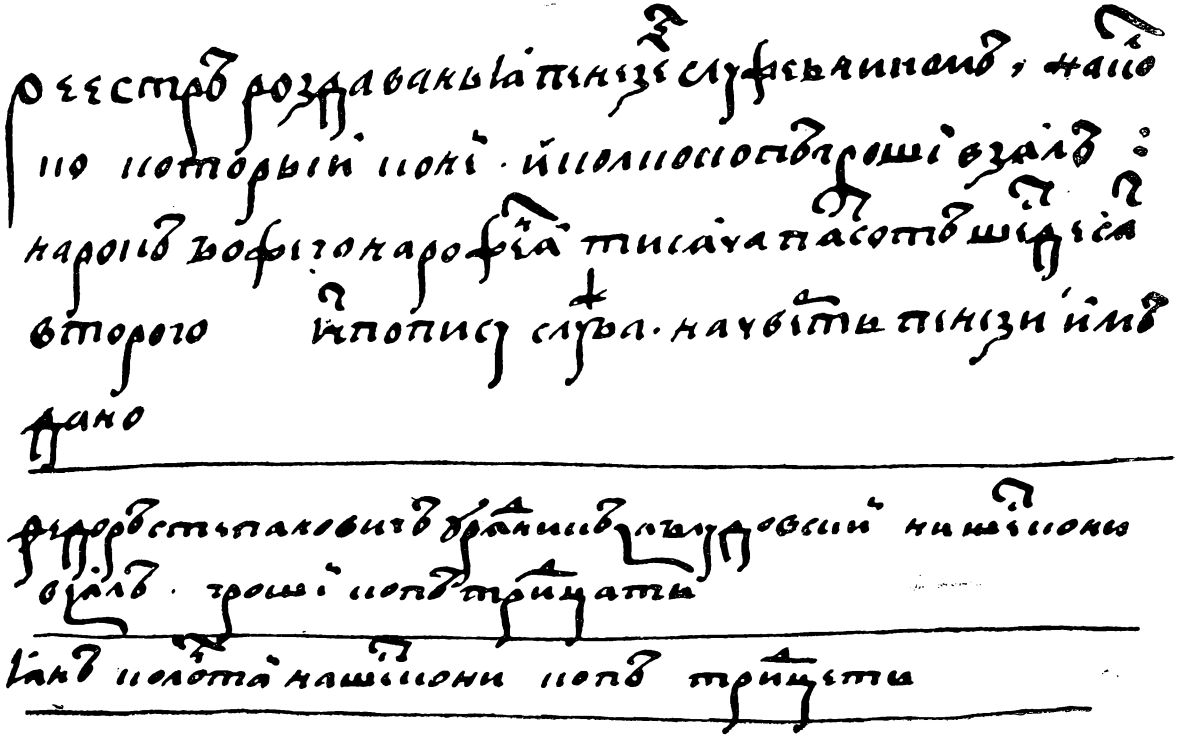
Некоторые орфографические приемы полуустава продолжаются и в скорописи. Сюда относится а) постановка *ъ* в группах согласных, напр., Сборник XVI—XVII вв. Кунц.: истинъну, лучъше (1), конъников (3), чювъствы (10), моцъно (5); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: хетътѣшвы (17), тръвоги (31), тръвожи (31б), вытръвеся (141) и др.; или б) большое распространение ' над гласной для обозначения *й:* Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: на м'ѣ (= на имя, 33б), заби'мо (32б), то' (56) и т. д.; Псалтырь XVII в.: мойсе' (102б), наскорѣ' (104) и др.; в) отсутствие обозначения мягкости *л* перед согласными: Сборник XVII в. Син. б. № 790: мосалскій (138), лву (141б), велми силные (142), в Полщи (170); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: невольниц$ (11б), больш (38б), полны (= полевых, 222),

[1] Хорошие образцы этого рода письма даны в виленском (1884 г.) «Сборнике палеографических снимков», № 4—59, с 1503 по 1547 г.

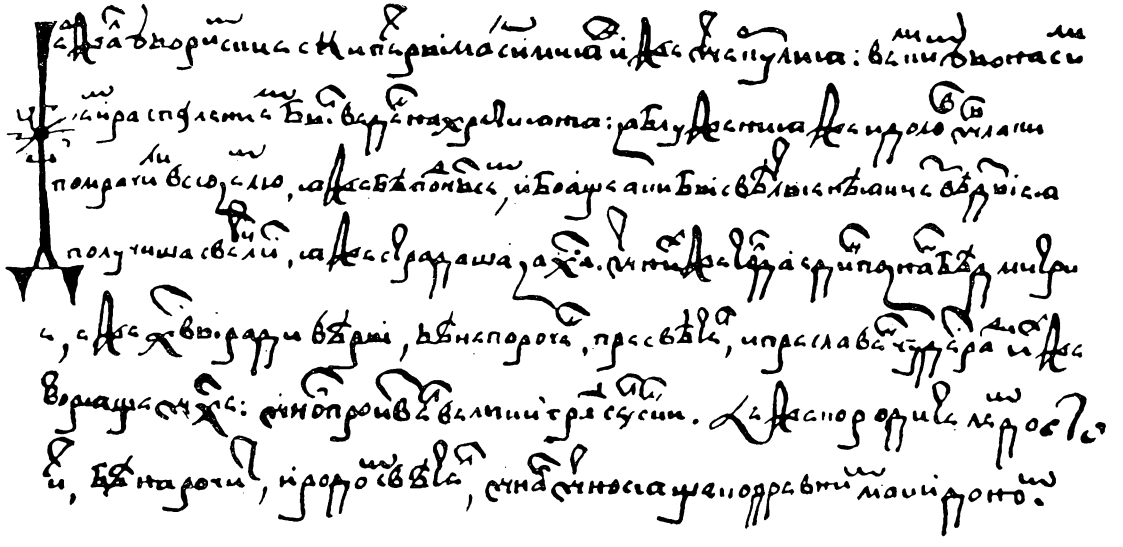
[2] Западнорусская скоропись этого времени и южнорусская вообще сходны; поэтому относительно подробностей можно отослать желающих к книге «Палеографический изборник. Материалы по истории южнорусского письма в XV—XVIII вв., изданные Киевской Комиссией для разбора древних актов». Киев, 1899. Введение Каманина.

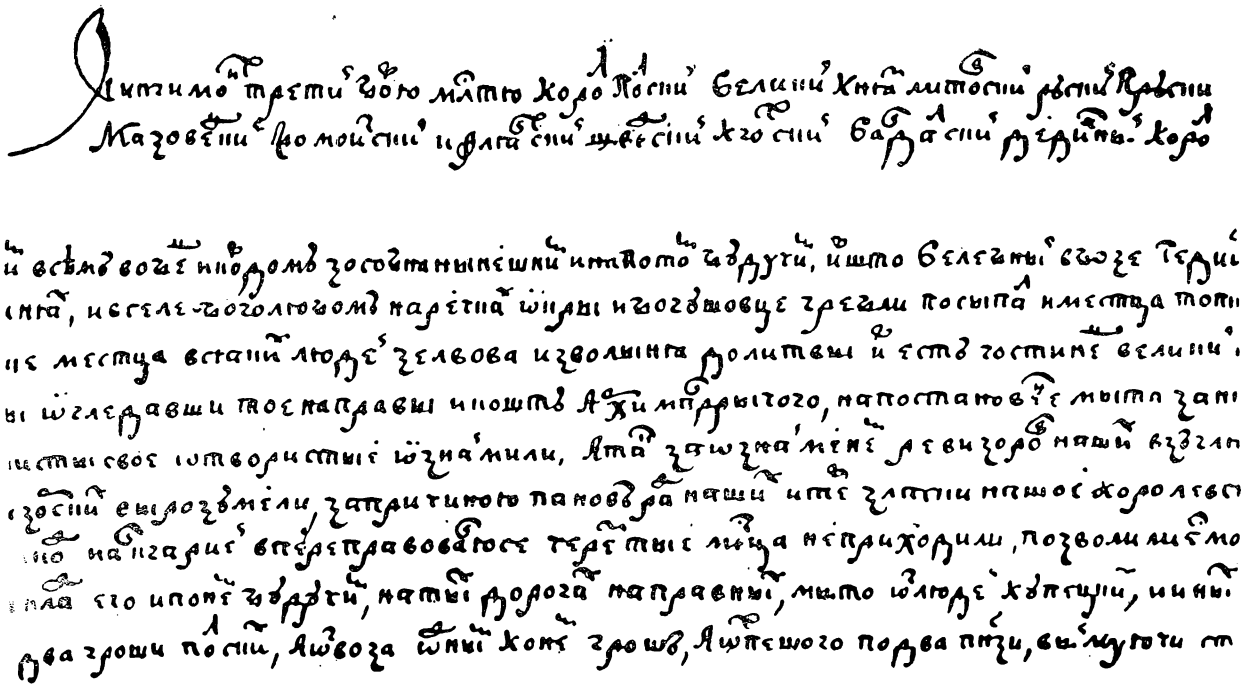
Западнорусская грамота 1516 г.
Часть листа.

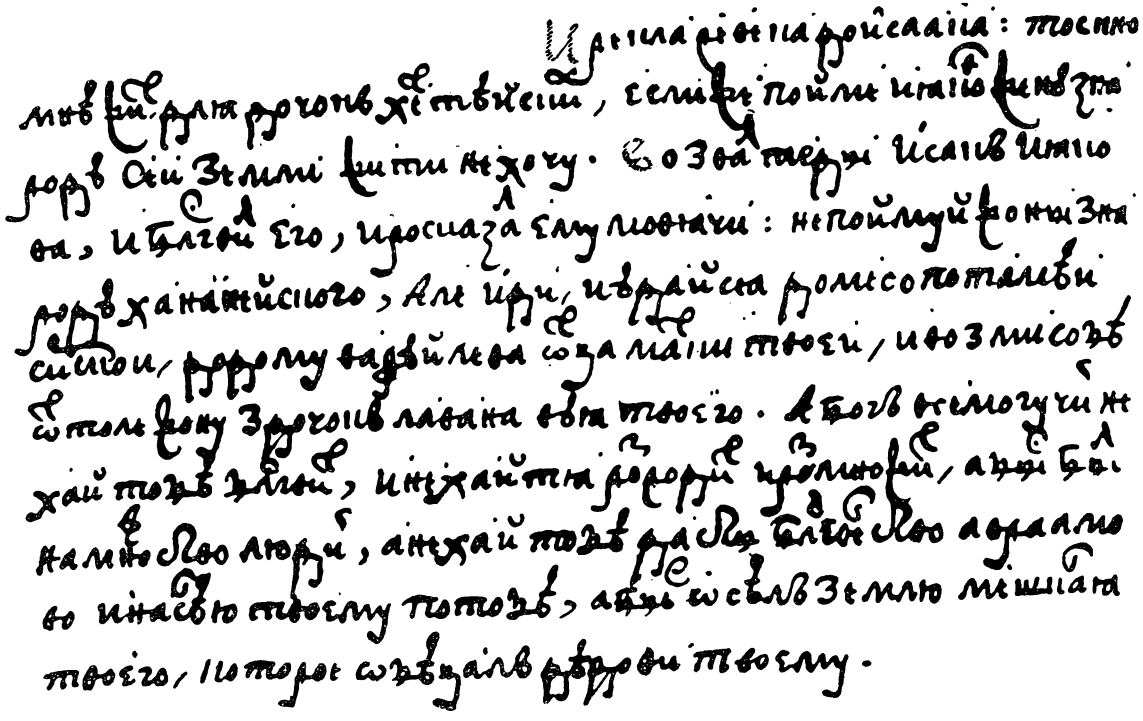
Рукопись западнорусского письма 1562 г.
Часть страницы.

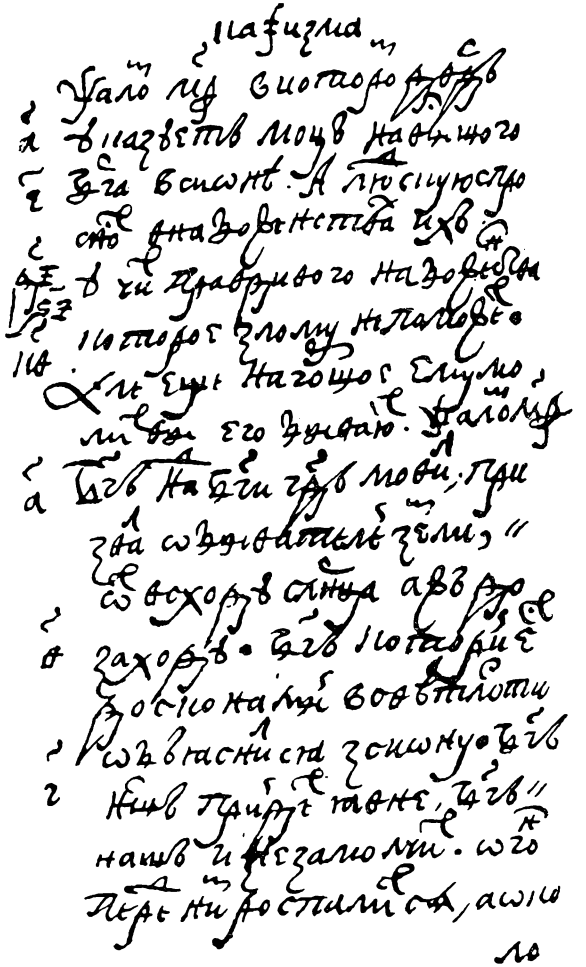
Сборник переводов Курбского и его друзей второй половины XVI в. (Синод. библ. № 219).
Часть страницы.

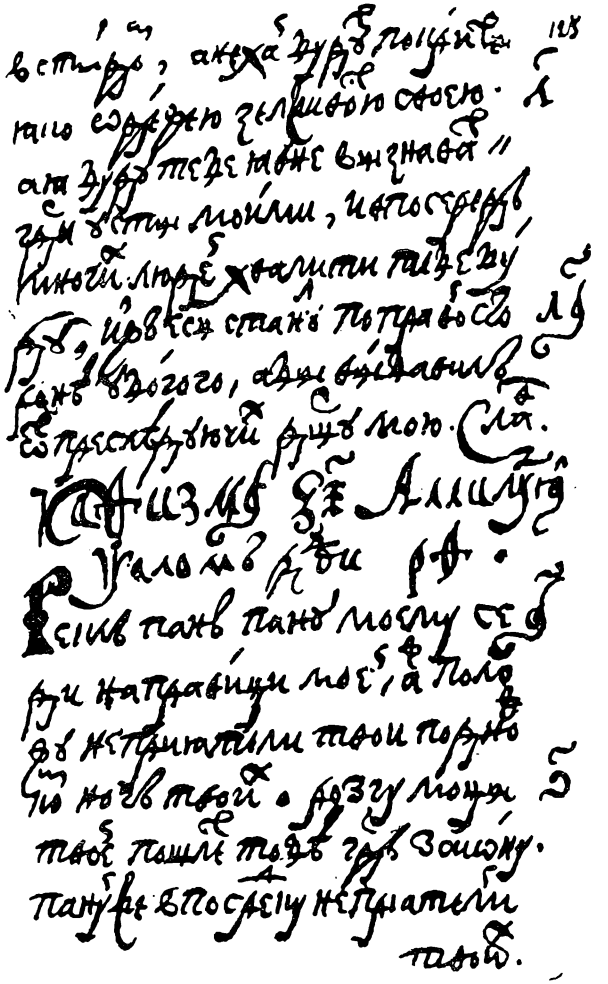
Западнорусская грамота 1613 г.
Часть листа.

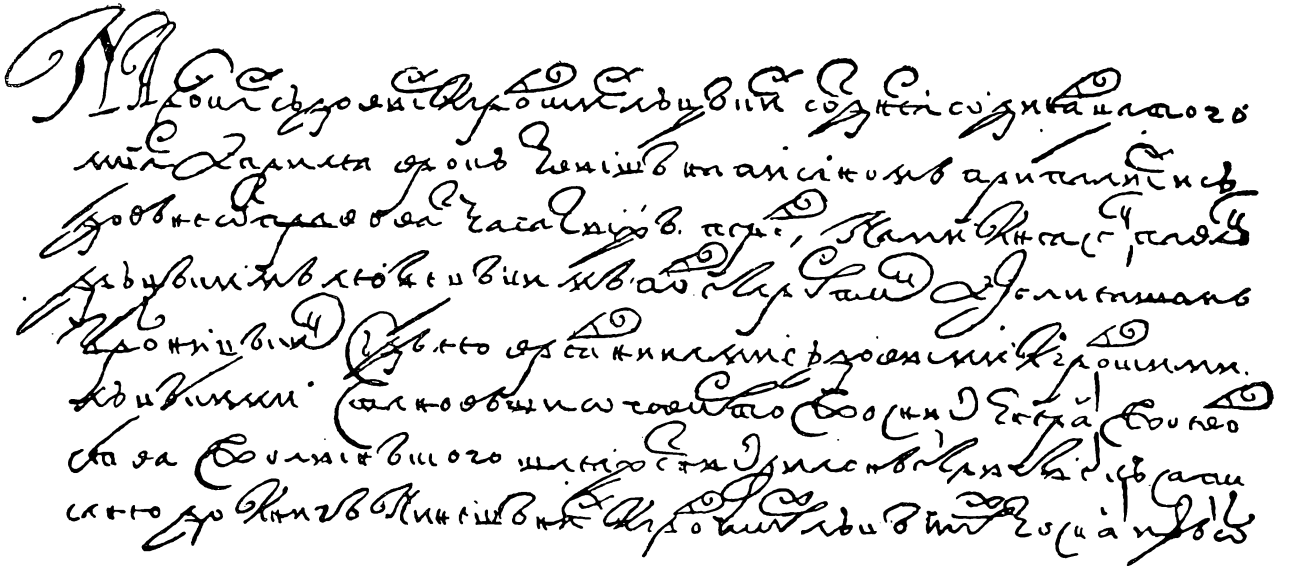
Библейские книги XVII в. Публичной библиотеки Толст. № 158, л. 63.
Часть страницы (середина)

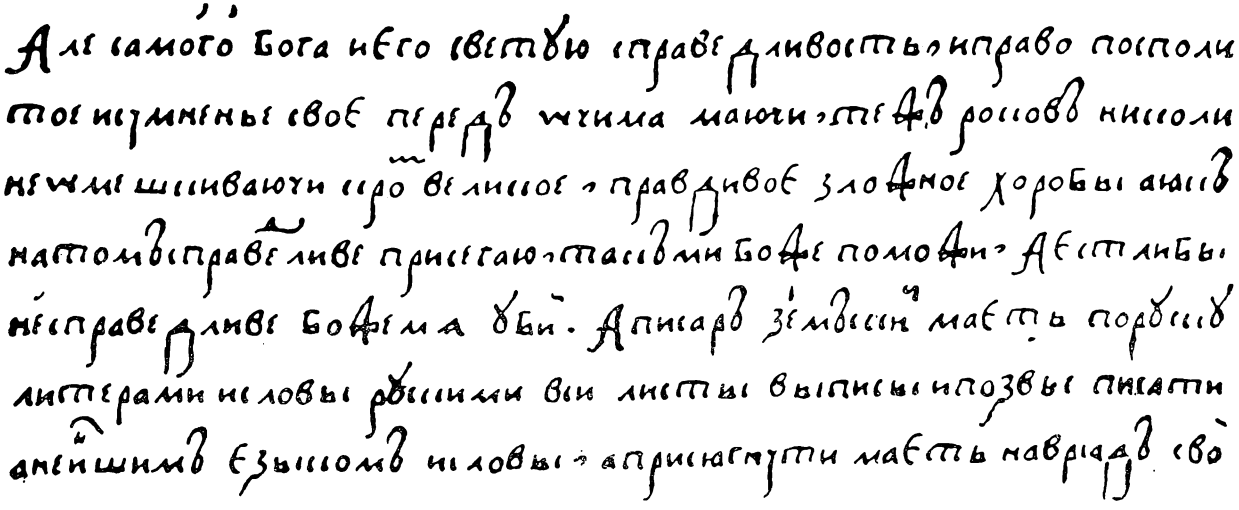
Западнорусская псалтырь XVII в., л. 29б Моск.
Публ. и Румянцевского музея № 1017.

Западнорусская псалтырь XVII в., л. 123 Моск.
Публ. и Румянцевского музея № 1017.

Документ юго-западнорусского письма 1630 г.
Часть страницы.

Образец шрифта Литовского Статута 1588 г. (по экземпляру Виленской Публичной библиотеки).

лвовъ (264); Псалтырь XVII в.: лва (94б), силны (73б), ѡда (= удали, 12б) и др.

Старшая западнорусская скоропись послужила образцом для особого печатного шрифта, который завела Виленская типография Мамоничей главным образом для напечатания известного Литовского Статута 1588 г. Шрифт этот явился, применяясь к нашей терминологии, курсивом к полуставу. Как можно видеть из прилагаемого (на стр. 85) снимка, начертания отдельных букв не только сходны со скорописными, но даже для отдельных букв удержано по нескольку начертаний (ѣ и є, ѵ и ȣ, ꙋ и ѫ), сохранены длинные хвосты *д*, *р*, *з*, *у* — вниз и *ъ* — вверх, хотя они сильно затрудняли набор; удержаны надстрочные знаки и буквы; предлоги и союзы пишутся слитно со следующими словами.

С конца XVIII в. польский язык постепенно вытесняет из канцелярий и школ западной Руси русскую речь и письмо. Естественно, что и скоропись западнорусская постепенно выходит здесь из употребления. Если мы и встречаем иногда книги и документы этого времени, писанные по-русски, то это уже не типичное западнорусское письмо, а южнорусское.

Естественно, что когда в начале XIX столетия появились записи белорусских народных произведений, то они были сделаны польским письмом и орфографией. Недостающим написанием оказалось обозначение *ў* неслогового. В первых записях его обыкновенно обозначают посредством *и* без всякого значка (Тышкевич), или посредством *и́* (Чечот), или *î* (Рыпинский). В польских записях белорусских текстов позднейшего времени замечаются попытки научным фонетическим письмом передавать русские звуки (Верига-Карлович и особенно в сборнике Федеровского — Розвадовский).

Современные русские собиратели белорусских народных произведений пользуются или научным фонетическим письмом, что́ реже (отчасти Е. Карский), или общепринятой орфографией, лишь пропуская *ъ* и *ь* (отчасти А. И. Соболевский и Е. А. Ляцкий), или даже с *ъ* и *ь*, но местами вводя фонетическую передачу безударных гласных, а иногда и изменившихся согласных (Шейн, Романов).

В дальнейшем исследовании, как уже было сказано в своем месте, в цитатах мы точно будем передавать написания оригиналов, от себя же слова будем приводить строго научным письмом, но русским, а не латинским.

К СНИМКАМ

Стр. 51. Псалтырь 1296 г. подробно исследована в труде Ф. И. Буслаева: «Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из XV рукописей Моск. Синод. библиотеки, с приложением 22-х снимков, литографированных Ионою Шелковниковым». М., 1855. Здесь же на табл. XII снимки в естеств. величину с двух целых страниц, с заставкой и инициалом, причем воспроизведены даже краски оригинала. Другие сведения об этой рукописи см. в «Белорусах», т. I, 370.

Стр. 55. Вкладная Ив. Никон. полностью воспроизведена литографским способом на табл. VIII в альбоме А. И. Соболевского: «Палеогр. снимки с русских рукописей XII—XVII вв.» СПб., 1901. Ср. еще «РФВ», т. XV, стр. 15.

Стр. 57. Снимок с целого листа 13б Сб. Публ. б. № 391 имеется в приложении к труду Н. М. Тупикова: «Страсти Христовы в западнорусском списке XV века». СПб., 1901 (Пам. др. письм., CXL). Там же (стр. 30) напечатан и самый текст снимка.

Стр. 58. Для суждения о характере письма Четьи 1489 г. достаточно и данного отрывка; в натуральную величину целая страница воспроизведена у А. И. Соболевского: «Новый сборник палеогр. снимков с русских рукописей XI—XVIII вв.» СПб., 1906, л. 26.

Стр. 59. Летопись Авраамки писана не одним почерком. Снимок с первого почерка имеется в т. XVI ПСРЛ; у нас впервые дан снимок страницы в естеств. величину из краткой собственно Литовской летописи, писанной особым почерком, который, впрочем, изредка попадается и на других листах сборника, напр. в киновари, начиная с 218 листа. Лист 440б напечатан в т. XVII ПСРЛ, на стр. 194.

Стр. 60. Целая страница листа 64-го Летописца в Сб. XVI в. Крас. напечатана у меня: «О языке т. н. литовских летописей», стр. 12, а также в т. XVII ПСРЛ, 227.

Стр. 61. Целая страница листа 73-го Хроники в Сб. XVI в. Крас. напечатана у меня: «О языке т. н. литовских летописей», стр. 13—14, а также в т. XVII ПСРЛ, 153.

Стр. 62 и *63.* Даны снимки двух почерков западнорусской псалтыри М. П. и Рум. м. № 335. Другие снимки оттуда же имеются в моем исследовании: «Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII вв.» Варшава, 1896.

Стр. 64. Типичный западнорусский полуустав, отрывок из кн. Руфь в Сб. Вил. Публ. б. № 262; часть его напечатана у меня: «К истории звуков и форм белорусской речи», 91—92.

Стр. 65 и *66.* Так как юго-западнорусский полуустав находится в тесной связи с западнорусским, будучи одинакового происхождения, то на указанных страницах даются образцы этого письма по рукописям XVI в. Фотографические снимки мне любезно предоставлены, как и некоторые другие, А. И. Соболевским. Насколько можно судить по приведенным небольшим отрывкам, оба эти памятника писаны не на старом западнорусском языке, а на обыкновенном тогдашнем литературном церковнославянском языке русской редакции; западнорусские особенности сказываются лишь в отдельных словах, орфографии и характере письма (ср. в Н. Маргарите: тресавица^{м}, мо́ра, телеса; в Диалектике: тела, ѡ мѣстѣ, ѕ ѡпїсанїю, телесне, вместе, прѣдъкостью [celeritate et velocitate] и др.). В первом отрывке обращают на себя внимание нередкие вязи, иногда очень замысловатые; начало его нужно читать следующим образом: Епи(сто)лія Іоа(н)на Зла(т)оустаго ко Али(м)пияди же зѣло славной, новопреведе(н)на, гла(ва) $\tilde{\text{р}}$:. ∞

Стр. 78. На данном снимке приведена только середина пергаменной грамоты 1516 г., имеющей огромный размер. Для характеристики почерка и данного отрывка достаточно. Читать его нужно следующим образом (недостающее на снимке помещается в скобках):

«Жикгимонтъ божою милостью король польский, великий князь литовский, руский, княжа пруское, жомоитский и иныхъ. (Смотрѣли есмо того дѣла съ паны радами нашими. Стояли передъ нами очиви)сто, ⌊жаловалъ намъ дворянинъ нашь Кгабриялъ Мура(вець на войского дорогицкого Мартина Заранковича тымъ обычаемъ, штожъ дей зять его Якубъ Прогалинский записал жонѣ своей, его тетце Брейде) вѣна осмъдесятъ гривенъ на имѣньи на йм(я на Прогалине на штожъ и записъ Якуба Прогалинского писанъ полатине передъ нами покладалъ. И тыми дей разы тое имѣнье Ма)ртинъ Заранковичь держитъ невѣдаю кото(рымъ обычаемъ, а мнѣ вѣна записаного тетце моей не хочеть платити; и Мартинъ Заранковичь передъ нами молвилъ, ижь отець его Заранко к)упилъ тое имѣнье Прогалины вѣчно еще за отц(а нашего Казимира короля его милости въ Якуба Прогалинского, далъ ему за то осмъ гривенъ задатку и былъ того въ держаньи дванадцать годъ за) отца нашого короля его милости Казимира, (а послѣ отца его онъ самъ доплатилъ за тое имѣнье Якубу Прогалинскому и его жонѣ тетце Муравцовой дванадцать гривенъ; и тотъ дей Якубъ) Прогалинский зъ жоною своею, теткою его (тыи пѣнязи въ него взяли

посполитою рукою и съ того имѣнья выступивши мешкала тая тетка его съ мужомъ своимъ Якубомъ) Прогалинскимъ у Межиречьи двадцать лѣтъ (а послѣ мужа своего тежъ мешкала пятнадцать лѣтъ, а того вена на немъ не йскала, а ни о томъ ся припоминала. И на то Мар)тинъ Заранковичь доводъ слушный давалъ и(жь тотъ Якубъ Прогалинский съ своею жоною, теткою Муравцовою посполитою рукою за тое имѣнье пѣнязи въ него брали, и Мура)вець на тыи ся свѣтки не послалъ. И е(що ... Писанъ у Вильни. Лѣта божьего тысяча пятьсотъ шостого надцать ...)».

Стр. 79. Отрывок западнорусской рукописи 1562 г. читается следующим образом:

«Реестр роздаванья пенезей служебникомъ наскольк|ко который коней и колко копъ грошей взялъ: | на рокъ божего нароженя тисяча пятьсотъ шестьдесят | второго; отъ попису служба, на чверть пенези имъ | дано.

Ѳедоръ Степановичъ урядникъ заблудовский на шесть кони | взялъ грошей копъ тридцать.

Янъ Колонтаи на шесть кони копъ тридцеть».

Стр. 80. Хотя переводы Курбского сделаны обыкновенным славянорусским литературным языком того времени, как можно видеть из прилагаемого отрывка, однако писаны они западнорусской скорописью, со всеми ее особенностями. Воспроизведенный отрывок по фотографич. снимку коллекции А. И. Соболевского читается следующим образом:

«Держал убо римские скипетры максимиянъ иже от еркулия: великим убо насилием и распалением был веден на хрстияня (?): заблужения же идолов облаки помрачили всю землю, яже бѣ под носем, ибо аще аки бы свѣтлые нѣякие звѣзды ея получиша светились, яже страдаша за ха от нихже тогда един познан бѣ дмитрие, еже хвы ради вѣры, бѣ непорочен, пресвѣтел, и преславен чудес ради их же творяще о хе: оног произвел великии град селунский: а еже ко родителем достоит, бѣ нарочит, и родом свѣтел, онаг относяще ко древним макидоном».

Стр. 81. На снимке приведена только середина грамоты 1613 г., писанной во всю длину полулиста бумаги. Читать ее нужно следующим образом (недостающее поставлено в скобках):

«Жикгимонтъ Третий божою милостью король польский, великий князь литовский руский, пруский, мазовецкий, жомоитский, ифлянтский, шведский, кготский, вандальский дедичный король.

(Ознаймуемъ тымъ листомъ наши)мъ всѣмъ вобецъ и каждому зособна нынешнимъ и напотомъ будучимъ, ижь што велебный въ бозе Гедионъ (Балабанъ, архимандритъ жидычинский вы йменю церковномъ, в селахъ Рок)иняхъ, и въ селе Гоголюбомъ, на речках Окры и Богошовце гребли посыпалъ и местца топкие (около нихъ лежачие кгрунътовне для доброго переезду через т)ые местца всякихъ людей зе Львова и зъ Волыня до Литвы, ижь есть гостинецъ великий (направилъ, на которые местца выслани были одъ насъ особы зацные, аб)ы огледавши тое направы и кошгу архимандычого, на поставенье мыта за н(акладъ его отъ людей купецкихъ до насъ господара на узнанье наше черезъ) листы свое отвористые ознаймили. А такъ за ознайменемъ ревизоровъ нашихъ взъгля(домъ кошгу и накладу архимандрычого, яко смы то зъ листовъ реви)зорскихъ вырозумели, за причиною пановъ радъ нашихъ и тежъ зъ ласки нашое королевс(кое маючи на то бачене, абы люди переежджие, и иные всякие до)шкодъ и анкгарией[1] въ переправованю се через тые местца не приходили, позволили есмо (и тымъ листомъ нашимъ позволяемъ архимандрытови нынешнему, за на)кладъ его и по немъ будучимъ, на тыхъ дорогахъ направныхъ мыто отъ людей купецкихъ и иныхъ (всякихъ торговыхъ тымъ способомъ выбирати, то естъ отъ воза накладного по) два гроши польских, а отъ воза однымъ конемъ грошъ, а отъ пешого по два пѣнези выймуючи съ т(ого ... Писан у Варшаве. Лѣта божого нароженя тисеча шестсотъ тринадцатого...)».

Стр. 82. Отрывок из Библ. кн. собр. Толст. № 158, читается следующим образом:

«И рекла ревека до йсаака: тоскно | мнѣ жить для дочокъ хеттѣйскихъ, если же пойме ияковъ жену з на|роду сеи земли жити не хочу. Возвалъ теды исакъ ияко ва, и благословилъ его, и росказалъ ему мовячи: не поймуй жоны з на|роду хананейского,

[1] Слово прочитано приблизительно. Ср. старопольское angarija.

Але иди, и удайся до месопотамѣи | сирскои, до дому ваѳулева отца матки твоеи, и возми собѣ | оттоле жону з дочокъ лавана вуя твоего. А богъ всемогучи' не|хай тобѣ благословить, и нехай тя розродит и розмножить, а бысь былъ | на множество людей, а нехай тобе дастъ благословенство авраамо|во и насѣню твоему по тобѣ, а бысь осѣлъ землю мешканя твоего, которое обѣцалъ дѣдови твоему».

Начальное *И* и в середине *В* написаны киноварью. Полностью эта страница литографским способом воспроизведена у А. И. Соболевского: «Палеогр. снимки с русских рукописей XII—XVII вв.» СПб., 1901, табл. XXXI.

Стр. 83. Обе страницы западнорусской псалтыри XVII в. нужно читать следующим образом:

«Кафизма. | Ѱаломъ мѳ, въ которомъ Давидъ | указуеть моцъ навысшого бога въ сионѣ, а людскую спро|сность въ набоженствахъ ихъ. | Учить правдивого набоженства | которое злому не поможетъ, | але еще на горшое ему мо|литвы его бывають. Ѱаломъ мѳ. |

Богъ надъ боги господь мовилъ, при|звалъ обывателей земли | отъ всходу солнца ажъ до заходу. богъ, который есть | доконалый въ свѣтлости, объяснился зъ сиону. богъ | нашъ прийдеть явне, богъ | нашъ и не замолчить. огонь передъ нимъ роспалится, **а око|ло...**

...вст҃ыдомъ, а нехай будуть покри́ты | яко оде́жею зельживостью своею, | а я буду тебе явне вызначати, | господи, усты моими, и впосредъ | многихъ людей хвалити тебе бу́|ду, ижъ есь станулъ по правой сторонѣ убогого, абы вы́бавилъ | отъ преслѣдуючихъ душу мою. Слава. |

Каѳизма ѕі. Аллилуя. | Ѱаломъ давидовъ рѳ. |

Рекъ панъ нану моему: се|ди на правѝци моей, ажъ поло|жу неприятели твои поднож|ком ногъ твоихъ. розгу моцы | твоеи пошлеть тебе господь з сио́ну; | пануй же впосредку непріателий | твоихъ...»

Кроме того, на полях листа 29б стоят цифры: а, е, г, ді, ѕі, кв, а, в, г; на листе 123: л, ла, а, в.

Стр. 84. Отрывок документа 1630 г. (Выписъ съ книгъ кгродскихъ замку луцкого Лѣта божого нароженя тисеча шестьсотъ тридцатого, мѣсяца априля осмнадцатаго дня) нужно читать:

«На срокахъ судовыхъ кгродскихъ луцкихъ отъ дня одинадцатого | мѣсяца априля въ року звышъ написаномъ припалыхъ и су|довъне отправовать зачатыхъ передъ нами княземъ Павломъ | Друцкимъ-Любецъкимъ, подстаростимъ Агелѝшомъ | Броницкимъ, судьею, врядниками судовыми кгродскими | луцкими, становши очевисто возный енералъ воевод|ства волынского шляхетный Ѳилонъ Стрыбелецъ запи|саню до книгъ нинешнихъ кгродскихъ луцкихъ зозналъ ижъ отъ...»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЗВУКОВ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

ОБЩЕЕ ЗАМЕЧАНИЕ

В III—V главах I тома «Белорусов» нами уже дан в общих чертах исторический очерк белорусского языка. Там можно было видеть, в каком отношении этот язык находится к прарусскому языку, а вместе с последним и к праславянскому; какие черты развились в нем во время общей жизни с некоторыми другими диалектами русского языка; какие особенности могли быть заимствованы у соседей; наконец, чем характеризуется самостоятельная жизнь белорусских говоров, начиная со времени возникновения их и до последнего дня. Настоящий выпуск посвящается подробному рассмотрению изменения основных русских (прарусских) звуков на почве белорусского языка до современного их состояния[1].

---

[1] Подробное перечисление пособий по изучению истории белорусского языка с характеристикой их дано в I томе «Белорусов» (гл. VIII). Здесь отметим главнейшие из них. Таковы: И. Недешев. Исторический обзор важнейших звуковых и морфологических особенностей белорусских говоров («РФВ», т. XII, 1884, стр. 1—54); акад. А. И. Соболевский. Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. («РФВ», т. XV, 1886, стр. 7—26); он же. Лекции по истории русского языка, изд. 4-е, М. 1907; проф. А. Брюкнер Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräf ich — Raczyński'schen Bibliothek in Posen (Archiv für slav. Philologie, IX, 1886); проф. П. В. Владимиров. Житие св. Алексея, человека божия, в западнорусском переводе конца XV века («Журн. мин. нар. просв.», 1887, октябрь); он же. Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888; М. Карпинский. Западнорусская Четья 1489 года («РФВ», т. XXI, 1889, стр. 59—106); Е. Ф. Карский. Обзор звуков и форм белорусской речи. М., 1886; К истории звуков и форм белорусской речи. Варшава, 1893 (из «РФВ», 1890—1893); Два памятника старого западнорусского наречия. 1) Лютеранский катихизис 1562 г. и 2) Католический катихизис 1585 г. («ЖМНП», август, 1893); О языке так называемых литовских летописей. Варшава, 1894 («Варш. унив. известия», 1894, II и III); Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках. Варшава, 1896; Западнорусский сборник XV века, принадлеж. Публ. библиотеке, Q. 1. № 391. Палеографические особенности, состав и язык рукописи. СПб., 1897 («Известия ОРЯС» т. II, стр. 964—1036); Западнорусское сказание о Сивилле пророчице по рукописи XVI века. Текст сказания, его состав и язык. Варшава, 1898 («Варш. унив. известия», 1898, II); «Два древнейших русских документа Главного архива Царства Польского в Варшаве (Древности. «Труды Археогр. комиссии Моск. археол. об-ва», т. I, вып. 3, 1898, стр. 543—550); Особенности письма и языка рукописного сборника XV века, именуемого летописью Авраамки. Варшава, 1899 («Варш. унив. известия», 1899, т. III); Западнорусский ярлык хана Золотой орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392—1393 г. («РФВ», т. LXXV, 1916). Другие пособия, напр. исследования акад. А. А. Шахматова, отмечаются в своем месте.

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

Мы видели («Белорусы», I, 85—86), что древнерусские говоры, легшие в основу белорусского языка, унаследовали от общерусского языка общеславянские гласные:

1) *а* и *о* довольно широкие;

2) *у* и *и* слоговые и неслоговые, т. е. *ў* (*u̯*) и *й* (*i̯*);

3) гласные — *е* довольно узкое и *ä* широкое (известное лишь диалектально), а также *ѣ;*

4) гласные *ъ* и *ь* глухие, причем в одних случаях они приближались к гласным полного образования, в других становились очень краткими и неопределенными (были сильные и слабые);

5) от общеславянской эпохи в русский язык перешел и особый звук *ы*, заменявший в большинстве случаев индоевропейское *ū*. Иногда вторичное *ы* из *ъ*, как отчасти и вторичное *и* из *ь*, развившиеся уже на общеславянской почве перед *i̯*, отличались некоторой неопределенностью звука и краткостью;

6) при своем выделении из общеславянского языка русский праязык, вероятно, получил и носовые *о* и *е* (ѫ — ѧ), которые, однако, перешли в него уже с сильно ослабленным носовым элементом; кроме того, и гласный звук их был несколько иной: *о* узкое и *ä* широкое.

Древнерусские говоры, легшие в основу белорусского языка, имели и те особенности в области гласных, которые развились на почве древнерусского праязыка (ср. «Белорусы», I, 88—91):

1) явился в некоторых формах особый ѣ (на месте ожидаемого ѧ), начало которому диалектально уже было положено в общеславянскую эпоху;

2) развилось полногласие; основные славянские сочетания *or* — *ol*, *er* — *el* на почве прарусского языка изменились в том отношении, что развили после себя из слогового согласного перед следующим согласным звук гласный, сходный с тем, который предшествовал согласному; причем *ol* (с *l* средним) вследствие лабиального произношения сначала перешло в *oł*; сочетание *el* перед следующим твердым согласным обратилось в *öł*, откуда, дальше, также *oło;*

3) основные славянские сочетания *ъr* — *ъl*, *ьr* — *ьl* после утраты слогового характера согласных *r* и *l* усилили слогообразующую роль предшествующих им неслоговых глухих и таким образом перешли

в *ъr — ъl*, *ьr — ьl;* в группе *ъl* средний согласный *l*, лабиализуясь, обращался в *ł*. Должно быть, очень рано, в подражание явлениям, рассмотренным в п. 2, и здесь после *r* и *l* сначала в слогах закрытых, получившихся после утраты за согласными неслоговых глухих, развилась склонность к возникновению вторичных глухих: появилось так называемое второе полногласие (*-ъrъ-*, *-ълъ-*, *-ьrь-*);

4) глухие *ъ* и *ь* в известных случаях приблизились к гласным чистым *о* и *е*, а очень краткие и неопределенные *ъ* и *ь* перестали быть слогорыми и пошли по пути к утрате;

5) носовые **ѫ** и **ѧ**, перешедшие в общерусский язык с сильно ослабленным носовым элементом в течение общерусской жизни, не позже половины X в., стали вполне чистыми гласными *у* и *а;*

6) на почве русского же праязыка начальное *е* в нескольких словах заменилось посредством *о* (*осемь*, *олень* и т. д.), причем переходной ступенью от *е* к *о* вследствие диссимиляции слогов со сходными или близкими гласными (*е* и *і*) было, вероятно, *ӧ*.

На белорусской почве, начиная с первого зарождения особенностей этого языка и до настоящего времени, приведенные гласные звуки, унаследованные от древнерусского языка, подвергались разным изменениям, причем в последних можно видеть или дальнейшее развитие тех черт, основание для которых было положено еще в общерусскую эпоху, или же явления, возникшие уже на почве западнорусских говоров по выделении их из общерусского языка.

По характеру изменений и по вызвавшим их причинам некоторые гласные объединяются в особые группы, что в свое время и будет отмечаться.

Здесь же, во избежание в дальнейшем изложении повторений, коснемся в общих чертах причин, вызывающих на белорусской почве (что отчасти наблюдается и на почве других восточнославянских языков) разные изменения в области гласных.

Уже в общерусском языке на характере гласных сказывалось влияние согласных звуков, следующих за ними и отчасти предшествующих им: лабиальное или лабиализованное твердое произношение согласных содействовало тому, что и гласные лабиализовались, приближаясь по своей артикуляции к *о* и *у*, напр., из какого-либо mel̥ko (с *l* чистым) на русской почве после обращения *л* в твердое лабиализованное явилось *мӧл̥жо*, а затем *мӧлоко — молоко;* из какого-нибудь цьl̥къ сначала явилось *вьл̥къ*, далее *въл̥къ — волкъ*. Гласные, предшествовавшие смягченным, палатализованным согласным, стали несколько у́же, по крайней мере не пошли по пути расширения; это, как увидим, особенно заметно на *е* из **є** и **ь** основного. В некоторых случаях и предшествующие согласные влияют на характер следующих за ними гласных, напр. *j*, *ж*, *ч*, *ш* обращают следующий за ними *е* в *ä* иногда даже перед смягченными согласными. Вообще же *j* и смягченные согласные несколько повышают положение следующего за ними гласного, сужива́ют его (ср. стр. 36).

Очень заметные изменения в области гласных происходят и в зависимости от положения их в отношении ударения. Влияние ударения на изменения гласных сказывалось уже в праславянском и древнерусском языке (напр., на ѣ и ъ, на появлении в некоторых случаях в конечном открытом слоге *ä:* jest'á), но особенно оно заметно в южновеликорусских и белорусских говорах: стоит лишь стать гласному под ударение, и он получает ясность, и наоборот — без ударения он становится в некоторых случаях совершенно неопределенным.

Немало изменений в области некоторых гласных произошло вследствие ослабления в произношении по безударности, а затем утраты конечных ѣ и ъ, а также стоящих и в середине слов в слогах, следующих за ударяемыми, вследствие редукции гласных количественной и качественной. Кроме того, что глухие гласные слогов, соседних с теми, которые утратили ѣ и ъ, стали более явственными, вследствие указанного падения в произношении глухих еще получились новые группы согласных, в некоторых случаях оказавшие свое влияние и на характер соседних гласных.

Характер гласного безударного меняется в некоторых случаях и в зависимости от того, какие гласные звуки находятся в соседних слогах, особенно в следующих за данным.

В отдельных случаях те или другие изменения гласных придется отнести и на действие аналогии родственных или сходных слов и образований, а также на народную этимологию. Прибегать к этим факторам иногда значительно безопаснее, нежели допускать возможность необычайных фонетических изменений, часто придуманных ad hoc.

ЗАМЕНЫ ОБЩЕРУССКОГО *А*

В эпоху выделения из общерусского языка говоров, легших впоследствии в основу белорусского языка, со звуком *а*, полученным из общеславянского, уже вполне совпал и тот звук, который был свойственен основному славянскому ѧ; поэтому всем тем изменениям, которые свойственны в белорусском звуку *а* из основного славянского *а*, подвергается и то *а*, которое в конце общерусской эпохи жизни языка получилось из ѧ. Конечно, *а* из ѧ смягчает в белорусском предшествующие ему согласные, за исключением некоторых, отвердевших на его почве, как *р* в известных говорах, шипящие *ж*, *ч*, *ш*, *щ* или *ц* из основного славянского *ц*. Кроме палатализации согласных перед таким *а* = ѧ, еще на почве общеславянского языка задненёбные *г*, *к*, *х* перешли в *ж*, *ч*, *ш*. Вследствие всего сказанного в дальнейшем изложении случаи изменений *а* из *а* и ѧ основных будут рассматриваться вместе. Конечно, не будут поставлены отдельно случаи и того *а* с предыдущей мягкостью согласного или *j*, а также *і*, которое развилось из основных славянских *ja*, *іа*, *іē*, *ē*(ѣ),

Звук *а*, перешедший из основного русского в древние говоры, легшие в основу белорусского языка, должно быть, ничем не отличался

от общерусского *а*, т. е. был звуком довольно широким, какой мы и теперь обыкновенно слышим в большинстве белорусских говоров, напр. в слове *вода́*. Мог быть он несколько у́же перед смягченными согласными, а также после них, как увидим это после из разных данных и соображений. На белорусской почве в некоторых говорах под влиянием лабиализованных гласных *а* мог лабиализоваться в разной степени, переходя даже в совершенно явственное *о*, а в некоторых случаях (редких) и в *у*. Указанные особенности заметны на ударяемом *а* и особенно на безударном, которое, вполне совпав с *о* безударным, стало иметь таких же заместителей, как и последнее.

Переход *а* в *о*

Обращаясь к судьбе *а* на белорусской почве, на первом месте поставим те случаи, где этот звук под влиянием тех или других причин заменяется посредством *о*.

Но тут прежде всего мы должны оговорить несколько случаев, имеющих *о*, которые только с точки зрения принятой в литературном русском языке орфографии будут представлять переход *а* в *о*, а на самом деле в своем написании сохраняют старину.

Таковы случаи употребления *о* в собственных именах и вообще словах иностранных на месте неславянского, особенно греческого *α* и латинского *a* безударных кратких. Напр., єроусолимъ (200 Четья 1489 г.), Лазора (26б Сб. XV в. № 391), ѡбрамово (41 ib.), Олехно (Александр, гр. 1492 г., Арх. с. III), Олександра (гр. 1466 г., Арх. с. VI, 144 Статут 1529 г.), Олексеева (гр. 1398 г., Акты изд. В. Арх. К. XI); Ондреи (гр. конца XV в., Р. Л. А. 241), Могдалыни (гр. 1478 г.), ѡстронома (64 Лит. Лет. Крас.), нотальѣ (120 Лет. Авр. XV в.), нозаръ (235 ib.), онтонова (419 ib.), ѡнанью, ѡфонаса (75 ib.), оцотъ, олтарь (Скор.), Олексей (2 Гродн. Акт. кн. XVI в.), Ондрей (1 ib), входечї до єрѹсолїма (27 Ев. Тяпин. 1580 г.), ерѹсолиме (33 ib); єрѹсолимѣ (53 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), посхалїю (64б Сб. XVI в. Чуд.), дамоскына (71 ib.), декобра (280б ib.), декобьра (338б ib.), ѡстрологию (5б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158). В подобных случаях уже в древнейших памятниках русского языка, а часто и старославянского на месте иностранного *а* обыкновенно бывает *о*. Западнорусские памятники, значит, только передают древнерусскую особенность.

В подражание подобным случаям в западнорусских памятниках явилось *о* вм. ожидаемого *а*:

1) в некоторых иностранных заимствованиях более позднего времени: фоундоментъ (43 Сб. XV в. № 391, ударение предполагается на *е*: fundamentum); Родивилъ (гр. 1432 г., Собр. др. гр. Вильна и т. д., 6), ратъмоновъ (гр. 1478 г.), полацу (12 Статут 1588 г.), у комнотѣ [рядом с *комнатъ*, Лит. Лет. Авр. (О языке Лит. Лет., 20)], крковского (ib., ударение на *-ко́в-*), хотя в двух последних примерах

можно видеть и лишь орфографический прием: влияние *о* соседних слогов; ѡтаманы (82 Лит. Лет. Крас.), тотарьскою (72 Лет. Авр. XV в.), тотаровѣ (79 ib.), розмойтыѣ (59 Псалт. XVI в.), мондатовъ (139, при *мо̑датовъ* 141б), Псалт. XVII в.;

2) в некоторых собственных именах даже вместо *а* ударяемого (если, конечно, предполагаемое нами на основании современного произношения место ударения правильно): Конъдротъ (гр. 1478 г.); Ягойло (неск. раз), см. указатель к XVII т. ПСРЛ; ѡфоносъ (274 Лет. Авр. XV в.), грамотїкъ (40 ib.), морова (43б ib.).

Не должно нас удивлять поэтому, если и в живых современных белорусских говорах даже под ударением находим *о* в таких случаях, как: о́цат, о́цэт (Мат. Б. № 5, 7, 8, 10, 17 и др.), во́цът (во́цт ib. 14), во́цыт (18 ib.), во́цат (29 ib.), ко́ляды (ib. 3, 5, 9, 10, 12, 16 и др.), ко́лиды (18 ib.). В говорах, знающих *о* безударное, вполне понятны такие формы, как o̯utarò̯ch (олътар-) Федер. I, 253 Волков.

К мнимым случаям перехода *а* в *о*, объясняемым нашей церковнославянской орфографией, относятся и многочисленные написания слов с приставкой *роз-*, притом не только под ударением, но и без него. Примеров подобных написаний масса в разных памятниках, напр.: розумети (2 Статут 1588 г.), росправу (9 ib.), розных (231 ib.), рошырати (34 Привил. 1457 г.), роздѣлох (гр. 1432 г.), розсказуемъ (гр. 1497 г.), роскрывавленья (гр. 1432 г.), рощетъ (гр. 1266 г.), розсудокъ (43б Ев. Тяпин. 1580 г.), розъпостри (45б ib.), росмотрива̑ (86б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), рощепинахъ (83б ib.), розъмѣючи (59 ib.), ро́зъмъ (74б ib.) и т. д. Как можно видеть из единогласного показания западнорусских памятников, в них исключительно господствует *ро̑з-* даже в таких словах, как *розумъ*, *розный*, которые в русском литературном языке имеют под ударением *раз-*. Не противоречат выставленному наблюдению такие случаи, как *на разѫ* (14 Тайна тайных XVI в.) *разъмекъ* (84 ib.), где в первом примере можно видеть и церковнославянское написание, а во втором простое аканье. Западнорусские памятники по своему *роз-* вполне совпадают с показаниями тех памятников древнерусского языка, на которых менее заметно церковнославянское влияние; даже русское *разум*, ввиду белорусского и украинского *ро́зум*, «едва ли можно считать исключением» (А. И. Соболевский, Лекции, 4, стр. 25), так как оно могло зайти в разговорную речь из церковнославянских книг[1].

Живые белорусские говоры знают *роз-* во всех случаях; конечно, в случае безударности этой приставки ее гласный меняется, как и всякое другое *о* безударное, стоящее в соответственном положении. Так *ро́зум* отмечено во всех ответах на белорусские программы. Ср., напр., пословицу: Людзе́й слу́хай, а свой *ро́зум* мей (Зап. I, 341), ròspisku Федер. II, 251 Волков.

[1] Ср. еще И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 21.

Наконец, есть еще один разряд слов со звуком *о* в тех случаях, где в русской литературной речи слышится *а*, но в старых западнорусских памятниках, как отчасти в северновеликорусском наречии и в других славянских языках и, вероятно, во многих случаях в основном славянском языке, имеются двойниковые формы с *о*. Таким образом, и здесь не может быть речи о переходе *а* в *о*, а лишь о возобладании параллельных образований с *о*. Сюда относятся, напр., такие случаи: роботъ (93, 314 Статут 1588 г., 18 Гродн. Акт. кн. XVI в.), ѿ робъ твоихъ (32 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), робы (87 ib.), робу (400 Лет. Авр. XV в.), для робы (72 Тайна тайных XVI в.), роба (81б Псалт. XVI в.), робота (84, 104 ib., при *въ работоу* 105б), робѣ (115б, 132 ib.). С ними можно сравнить **робъ** уже в Супр. р. XI в., болг. *роб*ъ, серб. *роб*, польск. robota, robić, сев.-великорусск. *роб*и́ть, укр. *роби́ти*. Такого же происхождения *ро́жины* (65 Лит. Лет. Крас.), *зровнитсѧ* (63 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) *ровѣ* (51 Псалт. XVI в.). И здесь для сравнения можем привести из Супр. р. XI в. **рованъ**, чешск. rovný, польск. równy, общерусск. *ровный* при взятом из ц.-слав. *равный*. В этот же отдел должно быть включено довольно обычное в старинных западнорусских памятниках написание *боранъ*: бораны (171 Четья 1489 г.), бораньею (ib.), боранка (Сб. XV в. № 391), боранъ (391б Лет. Авр. XV в., 68б Тайна тайных XVI в.), бо́раньѣ (43б ib.), бораны (115 Псалт. XVI в.). Литературное написание этого слова с *а* обязано, быть может, влиянию церковнославянского языка, так как уже в древнейших древнерусских памятниках встречается написание с *о:* за боранъ ногата (Р. Прав. и др.)[1]. Чешское *e* (beran) указывает, что колебание в огласовке корня этого слова было уже в диалектах основного славянского языка. Древнерусское написание воспроизводит *дѫбровы* (65 Лит. Лет. Крас., при ц.-слав. **дъбрава**), так как уже в Святосл. сб. 1073 г. изъ дубровы (ср.: И. И. Срезневский, Материалы, I, стр. 740); то же во многих современных говорах русского языка и в польском языке (dąbrowa). Написание немо (64б Лит. Лет. Крас.) передает живое народное белорусское произношение (*н'о́мом*, род. *н'о́мна*).

Современные белорусские говоры под ударением в указанных случаях также имеют *о:* ро́б'иц' [умев ро́бить — умей и одро́бливыць (Мат. Б. № 18 Витебск.)], ро́ўны, дубро́ва.

Переходя к случаям, действительно представляющим появление в произношении, а иногда, вероятно, только на письме звука *о* на месте *а*, отметим, что они могут быть сгруппированы по следующим категориям: а) звук *о* вм. *а* появляется вследствие лабиализации последнего звука; б) звук *о* в той или другой степени передает неопределенный гласный, развившийся на месте *а* вследствие его безударности и отчасти других причин; в) звук *о* на месте *а* является вследствие аналогии форм того же корня или других подобного образова-

[1] Ср.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 152, и И. В. Ягич. Критические заметки, стр. 55.

ния, представляющих *о;* г) написание *о* появляется вместо ожидаемого *а* как результат ложноорфографического приема, основанного на боязни писавшего подвергнуться упреку в передаче на письме аканья, как в случаях фонетического перехода *о* безударного в *а;* д) особую, впрочем небольшую, группу составляют случаи появления *о* на месте ожидаемого *а*, пока для меня непонятные.

Действительно фонетический переход *а* в *о* имеем в тех случаях, когда он вызван лабиализацией *а*. Первоначально, вероятно, слышался звук *å*, а затем под ударением стало произноситься и настоящее *о*. Без ударения и теперь в местностях, знающих это явление, слышится звук неопределенный, почти *å* или *o̯*. Произношение *а*, как *о*, впервые было замечено мною в некоторых местностях Минского уезда и притом только под ударением на месте основных слогов ѧл — ѧл, ѧв — ѧв, т. е. в сочетании *óў*[1]. Дальнейшие мои наблюдения, а также других лиц, дают возможность хотя бы в общих очертаниях определить местность распространения этой особенности, а также условия ее появления. К сожалению, старинные западнорусские памятники не дают нам материала для определения времени возникновения этой черты, так что приходится считать ее позднейшей местной особенностью. Приведем факты: трóўка, мурóўка, зóўтра, казóў, доў, ўзёў и т. д. (Мат. Б. № 1 Минск. у. возле С. Волмы); стоў (ставь), стóўшы, капóў, атабрóў, разадрóў, занёўся, стаёў (стоял), клёўся, ўзёўся и под. (Мат. Б. № 7 с. Гатов Минск. у); сказóў, ўзёў, стаёў и т. д. (Мат. Б. № 6 Молодечно Вилейск. у.): «Произношение доў, казоў, стоў и т. д. слышал в Виленск. г. Вилейск. уезда» (Мат. Б. № 29); *напóў* на воўчи след, укроў и украў, по-за-спытóўса, «одни произносят узёў, принёў, нанёў, купёў (покупал), патрафлёў, а другие... на -яў» (Мат. Б. № 31 Илия Вилейск. у.); узёў, стоў (стал), доў и т. д. (м. Мосты Гродн. у.). То же явление отмечают и лица из поляков, изучавшие живой белорусский язык: у Клиха — spac′ — spå′u̯ (59 Полонная Новогр. у.), pradóu̯ (151 Сенежичи), pałóu̯ (ib.), kasóu̯ (ib.), chwatòu̯ (91 Порозово), vzóu̯ (151 Сенежичи), baióu̯so (152 ib.), ukacóu̯so (ib.), zóu̯tra (151 ib); у Федеровского: dóu (I, 218 и вын. 2 Слоним. у.), ukròu̯ (но тут же ukràu̯) (III, 227 Свислочь Волков. у.). Во всех приведенных случаях *о* вм. *а* под ударением; но можно указать примеры написаний *оў* (*оu̯*) и без ударения, притом в разном положении в отношении к последнему: výtryvou̯ (Клих 9 Полонная), rassýrou̯, но adabrau̯ (10 ib.), zarádovou̯so (21 ib.), paiéxou̯ (23 ib.), paklikou̯ (29 ib.), paveiou̯ (35 ib.), dúmou̯ (114 Лычицы), padhól'iva̯u̯ (15 Полонная), spałóxa̯u̯so (23 ib). Такие же примеры попадаются и у Федеровского: dou̯nièj (I, 170 Свислочь, 174 ib., 182 ib.), dou̯nièjszyje (277 ib.), Pou̯lina (II, стр. XXIV; III, вын. 12 Свислочь Мстибов, Гнезна). Во всех приведенных примерах *о* стоит перед неслоговым *u̯* или билабиальным *w*, каковые звуки и вызвали лабиализацию *а*.

[1] Ср. «Белорусское óў на месте ál — áв». «РФВ», т. XXXIV, № 3—4, 1895, стр. 158.

Что касается географического распространения этого явления, то если нанести на карту перечисленные пункты, оно окажется в юго-западной области белорусского языка, если провести линию от г. Вилейки к Минску, а от этого последнего к Свислочи Волковыского уезда и отсюда через м. Мосты к Вилейке. Впрочем, эта граница только приблизительная; кроме того, это явление не сплошное, а распространяется только оазисами.

Повидимому, тоже лабиализацией *а* следует объяснять появление *о* перед *ў*, а также и в других случаях в некоторых местностях Рогачевского уезда Могилевской губ. Такогы случаи: здро́стуй (Ром. III, 88 из *здро́ўстуй*), скузо́ў (91 ib.), пуспыто́ў (27 ib.), путры-о́ў (ib.), узёўся (88 ib.), узёў (27 ib.), принёў (323 ib.) и т. д. Менее понятны для меня такие случаи оттуда же, как: до́ляй (Ром. III, 89), кро́сная (88 ib.), шуко́ць (ib.), ко́жуць (ib.), лумо́етца (90 ib.), пупыто́юся (27 ib.), ко́жучи (Мат. Б. № 31 Вилейск. у., в устах стариков и старух). В некоторых из приведенных примеров на сужение *а*, повидимому, оказало влияние соседство со следующим палатальным согласным.

Со временем мы увидим, что звук *о* безударный в известном положении переходит в *а;* но есть случаи, где *о* безударное произносится довольно явственно. Так как *а* безударное, равное основному русскому ъ, вполне совпало с *а* из *о*, то естественно было ожидать, что в тех случаях и говорах, в которых иногда возможно довольно явственное *о* безударное, могло появляться *о* и на месте *а* безударного. Случаи подобного явления мы уже видели в предыдущей статье. Старинные памятники также дают немало примеров этого явления; но в них многие случаи можно объяснять и проще: ложноорфографическими приемами, основанными на опасении заслужить упрек в аканье, как в примерах передачи *о* безударного через *а*. Многие слова с *о* вм. *а* можно объяснить также ложной этимологией и отчасти другими причинами, о чем речь после.

Здесь отметим еще ряд случаев из старинных западнорусских произведений и современных белорусских говоров, где звук *о* на месте *а* является вследствие аналогии форм того же корня или других подобных образований, представляющих *о*. Таковы: по̂гово́риваєть (101б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), не ѡбогово́риваи (109 ib., при *говорить*), росмо́трига (86б ib., при *смотреть*), хожива (65б Псалт. XVI в.), напоива (103б ib.), допроводи (78 ib., при *ходить, поить, водить*), присмо́трювали (Ев. 1616 г. рмв б). В подражание таким случаям стали возможны и другие, где во всех образованиях от данного корня имеется только *а:* насожоны (231б Лет. Авр. XV в.), кодачи (48 Тайна тайных XVI в.), рослова (75б Псалт. XVI в.). Или же из живой речи: пако́цицца, падо́рым, пасо́дзим, уто́йвай (Мат. Б. № 5). Первые три примера отмечены почти во всех ответах на белорусскую программу из разных местностей: Мат. Б. № 7, 8, 9, 13, 14, 15, 16 (только первое слово), 18 (коть = кати; як клубочик ко́-

цитца; мы подóрим табе цяли́цу), 26, 27 (только первое слово), 28, 31; утóйвай указано лишь в № 8 и 9; постóйвае, выгоróвающь, выпрóшваў, перамóлвали, покóшваў, здóйвали (здаивали, Мат. Б. № 10 Мозыр. у.); скамья́ — *скóлъи* (Добров. I, 6. 1); znǫ̀jdziesz (Федер. II, 54 Волков., ср. еще «Обзор» § 37 и «К истории», 184). Такое же образование в почти общебелорусском штóники [при *штаны́*, Мат. Б. № 5, 6, 8—11, 14—17, 18 (скидай штоники), 26, 28, 31 (о, як жа ш ты наштóниўся)]. Под влиянием действия ложной аналогии *о* вм. *а* ударяемого: на шавкóгыя трóеы (Ром. VI, 85 Гых.). Сюда же относится такое образование, как *запрóх — запрагла́* из **запрѧглъ** *прох — прагла́* (ср. *запрог, прог*, Мат. Б. № 4, 5, 8, 9 и т. д.; Ром. III, 188 Гых.). В этом случае появление *ó* на месте ожидаемого *á* можно объяснить следующим образом: формы этого слова с безударным *а* представляют в произношении *е* (*запрегчы*, о чем речь после); народное сознание стало смотреть на подобные формы, как на имеющие *е* из є или ѣ древнерусских, а поэтому придало данным образованиям такую огласовку, какую должны бы были представлять слова **прег*, **запрег* и под. Сюда же относятся такие примеры: кыли *запрóгся*, дык буць конём (Мат. Б. № 18 Витебск.); ў етыю *запрóжку* ни поробишь много (ib.); кыли б ни одежа, ды ня ежа, дык ба человек *опрóгся* лежа (ib.); отпрёг (Ром. IV, 217 Клим.). Такое же чередование представляет *пятко́ — пётна* (Мат. Б. № 26), *трóс* к *трасцú* (ст.-слав. **трастн**). Можно бы отнести сюда и *глёкъ* (Ром. III, 322 Рогач.), хотя расширение вторичного *е* из *а* (= ѧ) в *о* (*ё*) здесь должно быть затруднено следующим за ним мягким *к*.

Во всех рассмотренных случаях переход *а* в *о* происходит под ударением. Но можно указать из старинных памятников примеры, когда этот переход бывает и без ударения: пригодала (Лит. Лет. Увар.), wб'доровѣаши (ib. Крас. 69), з зо мо^{ра} (48б, Археол., вследствие смешения *зя* и *зо* = *с*), доведо́^{а}сѧ (49б), Родивилу (532 Евр., но и *Радивила* ib. 533б сўкоза^{а} (9 Тайна тайных XVI в.), козали (8б ib.), рас'лобʼлаѣ^{а} (42б ib.), соз'новати (55 ib.), не оўтоит'сѧ (39 ib.), оў стробитсѧ (89 ib., а раньше, л. 84б — о^{ў}страбитсѧ), дова́ти (3 ib.), ны^{до}вати (9б ib.), доватисѧ (53 ib.), не^{до}вай (14б ib.), з'ловаѧ (9 ib.); дова́ют' (90 Катих. 1562 г.), ѡполѣлъ (опалил, при *по́лымя;* 117 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), пологае́шь (50 ib.), дова^{а} (16б Псалт. XVI в.), гыдора^{а} (110б ib), располи (8 ib.), поклодаючиѣ^{а} (9 ib.), заклодае^{а} (13б ib.), ѡкоза^{а} (73 ib.), закоза^{а} (86 ib.), оўпосе^{а} (49б ib.), скора^{а} (28б ib.), скорай (34б ib.), росполи^{а}сѧ ѡгнь (40б ib.), превроти^{а} (80б; может быть, и не на месте ц.-слав. **прѣкратилъ**, а полонизм: в польском оригинале в данном месте — obrocił), гыслова^{а} (32б ib.), скозати (330 Сб. XVI в. Чуд.), накозати (168 ib.), вдовати (330б ib.), наподе (172 ib.), хто*гыслови^{а} (113 Псалт. XVII в.). В приведенных примерах, которые, к слову сказать, далеко не имеют такой ценности, как случаи перехода *а* в *о* ударяемое, и часто посредством *о* обозначают гласный вообще неопределенный, в особую группу

выделяются образования с *-ов-*, каковые в сознании пишущего в *ов* представляли известный суффикс: какое-нибудь *давати* казалось образованными так же, как **коуповати**.

Ложной этимологией образований можно объяснять неоднократно встречающееся *заподъ*, очевидно, рассматриваемое так же, как *сподъ, исподъ:* запо҃ (16 Тайна тайных XVI в.), ѿ запода (61б ib.), заподо҃ (63 ib.), запо҃номъ (54 ib.), до запо҃а (50 Псалт. XVI в.), на заподы (65б ib.), заподъ (76, 109 ib.), заподо҃ (102). Только благодаря ложной этимологии возможна переделка взятых из польского zápámiętáć, pámiętáć (которые, впрочем, и у себя на родине могли в свое время произноситься с *å*) в *запометы҃* (12б), *запомѧчоу҃* (77), помета҃ (88) (при *памѧтоуе҃* 105) — все из Псалт. XVI в. Конечно, *о* могло зайти в эти глаголы и под влиянием аналогии других глагольных образований от корня *-мен-* в соединении с приставкой *по-*, как мы, напр., видим в глаголе *оубомѧне* (21б ib.). Еще одно образование может найти более или менее удовлетворительное объяснение, это — *двожды* (6 Четья 1489 г., гр. 1486 г.) (Арх. сб. VI), *двожы҃* (119б Лет. Авр. XV в.). Явление это скорее морфологическое, развившееся под влиянием основы *дво-* (в *двохъ*) и таких образований, как *одиножды*[1]. Так же объясняется *о* в *двочадцѧ҃* (20 Сб. XV в. № 391), *на двочадцеть* (86 ib., при *на двѣчадцѧ҃* 49б, как вообще в белорусском), *двожадесаты҃* (76 Тайна тайных XVI в.), где, если читать *двой*, то будет особое образование с этим местоимением. Очень обычное в разных белорусских местностях *обо́двя* (при *обѣдвя*) (напр., Мат. Б. № 8, 9, 16, 17, 31), обо́двы (ib. № 18) [бусиньки-бусиньки — обо́двы голю́синьки (Витебск. 27)] следует объяснить таким образом, что в окончании *о* первой части сложного слова (*обо-*) усмотрели соединительный гласный ї, как в каком-либо *ледохо́д*. Кое-где можно бы видеть смешение похожих предлогов и приставок: помат'ливъ (10б Тайна тайных XVI в.), по҃оу (11 ib.). Ниже мы увидим, что безударное *о* в союзах и предлогах иногда сохраняется без перемены; по аналогии таких случаев и на месте *а* безударного, совпавшего с *о*, иногда слышится тоже *о:* kob jena Бодян. (№ 148, л. 3 Слуцк.).

Сюда отчасти примыкают и случаи появления *'о* на месте *'а*, а после отвердения предшествующего согласного и появление *о* на месте *а* в окончании возвратных и под. глаголов на *-с'а* (**сѧ**). В одних местностях *с'о — со* бывает только при условии появления известных гласных в предыдущих слогах, и поэтому оно чередуется с *с'а* (*сѧ*) — *с'е*(*сэ*), в других местностях вообще преобладает *с'о — со*. Так как это изменение *а* в *о* происходит в слоге безударном и открытом, то вряд ли можно видеть здесь фонетическое явление: вероятнее всего, здесь действие кокой-либо аналогии, напр., окончания ср. рода местоимений, прилагательных и причастий на *-ло*. Примеры: pokłalis*ło* (Федор. I, 176 Зельва), nasiekućs*ło* (ib.), siedawiàćs*ło* (I, 182 Межиречье),

[1] Ср. Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1897 г., 38, замечание А. А. Шахматова.

sniłosʹio (I, 211 Зельва), smiejàćsʹio ażäniųsʹio, (II, 94 Межиречье), spałochaųsʹio, zdaųsʹio (но prasicsia, (ib. 181); здесь, повидимому, на *о* оказал влияние предыдущий слог с лабиальным гласным: astàc'sʹio (II, 182 ib.), zabúduso (Клих 11 Полонная), uźáųso arół (ib. 10), прасúлосо (при *прасіўса, капилисэ*, Мат. Б. № 2 Соколка), наелосо (при *наéўса, смеялиса* въ (ib. № 20 Август. у.). Случаи появления на месте *с'а — са* слогов *с'е — сэ, си — сы* отмечены по другим поводам; здесь укажу, что, может быть, в *е* и *и* подобных примеров иногда можно видеть и морфологические явления.

Остальные, встречающиеся в старых западнорусских памятниках случаи написания *о* вм. *а* безударного можно рассматривать только как ложноорфографический прием писца, употреблявшего *о* на месте *а* безударного по недоразумению, так как он не отличал *а* безударного из основных *о* и *а*, и как на месте слышанного им в акающем произношении его современников *а* из *о* он писал *о*, так и на месте *а* из *а* основного он тоже старался писать *о*. В некоторых памятниках таких случаев очень мало, так как писец был довольно опытный, в других их больше. Вот примеры: оудолѡймоса (210 Четья 1489 г.), покоѡньемъ (217 ib.), боришникій (рядом с *бахышникова*, может быть, и простая описка или опечатка издателя, Статут 1529 г.), корати (Лит. Лет. Увар.; быть может, подражание в написании таким полногласным на белорусский лад формам, как *вохабой*), Колугу (ib. Увар., встречается и в других старинных памятниках[1]), Ѣкгоило (61б Археол., ср. еще стр. 95) накозанїю (4 Тайна тайных XVI в.), запохо (30б ib.), -*хо* (39 ib.), в токомже (39 ib.), сом'ца (38 ib.), с'лышо ес'ми (40 ib.), а но шосто (61 ib.), но во'на (на войнах, 10б ib.), жодаю, болъдицею (149 Сб. XVI в. Позн.), хо'дотаи (127), ходотаи (127), ходота (147б, рядом с *ходатáими* 172б) — все из Катихизиса 1562 г.; блогословенные (36б Ев. Тяпин. 1580 г.), блогословивши (37б ib.), блогословилъ (51б ib.). Во всех приведенных случаях у Тяпинского в церковнославянском тексте **благослов-**; на *о*, по всей вероятности, оказал здесь влияние польский язык своим błogosławić. Много примеров употребления *о* на месте *а* и в Псалтыри XVI в.: никокого (9), токо (52б), долеко (13), оудолаючиса (74), прикозанїе (123б), спрове'ливость (19б, 26, 56, 57), спрове'ливости (40, 42, 57), оспрове'ливи (73б, но *спрaведливы* 57), выброна (гыбранного, 90б), пропости (38), пропостей (71), застонови (35), растоваючій (57б), пострoваючи (58), гроницо (103б), нотрь моа пременилоса (74), мешкою (16б); в Сборнике XVI в. Чуд.: акоанамъ (168), маностырь (182), изьвозно (182б), кокою (319б), преподососа (7), бограно (60), проозрована (60), перѣосласка (рядом с *переяславли* 492б), посту (284 «РФВ», Сб. XVII в. Син. № 790). В *кожóй, тожóй, долёкий* можно с натяжкой видеть и фонетическое явление: ассимиляцию гласного предударного слога ударяемому. В Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: дармо

[1] Ср. Н. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903, стр. 172.

служи^ 23 [при совр. *дарма́*, хотя можно слышать и *да́рмо;* очевидно, особое морфологическое образование: ср. ni trebo (Федер. I, Шидловцы) при обычном *треба*], ѡбыхмо были поме^рли (85б) (рядом: с *абы°мо не ѵпали*), ѡ̆ бы^ мѣлъ мечъ (92) (не междометие ли здесь ѡ̆?), Псалт. XVII в.: ѡ̆бы бы^ людъ мо' мене послушны' (76).

Некоторые случаи употребления *о* вм. *а* под ударением (если они не описки и не опечатки) для меня не понятны: распадолоса (169 Четья 1489 г.), деръжовы (62 Статут 1588 г.).

Не будут представлять перехода *а* в *о* такие случаи, в которых огласовки с *а* и с *о* являются разными образованиями. Таковы, напр., встречающиеся у Скорины рядом с *каждыи*, *кажчыи* (Э 6, Ц 3б) *кажды* (Ю 23б) написания: *кождыи* (Б 62 и др.), *кожчыи* (Э 6 и др.). Их *о*, конечно, основывается на **ъ** местоимения **къжьдо**. Если в Библ. кн. XVI в. Вил. № 262 читаем *бро́здами* (43), то такое написание основывается не на **врази**, а на известном также в старинных памятниках **връзда**. Написание Сб. XV в. № 391 зора (38) основывается на более свойственной русскому языку, как отчасти и другим славянским языкам, форме **зора**, а не **зара**. Современное местное *хро́пижи* (Мат. Б. № 31 Вилейск.) при *храпижи* восходит к **кропа** (капля), встречающемуся уже в Супр. р. XI в.

Переход *а* в *ы*

Тут приходится рассматривать два ряда явлений, развившихся от совершенно несходных причин: появление *ы* на месте *а* ударяемого и возникновение *ы* или звука, приближающегося к нему, на месте *а* безударного.

Появление *ы* на месте *а* ударяемого и в старых западнорусских памятниках и в современном белорусском языке встречается, собственно говоря, в формах глагола *уда́рыць;* так, в Библ. кн. XVII в. Толст. № 158 читаем: ѵдырила (84б), ѵдыру (85б), ѵдыривши (89б), ѵдырй (98, 257). То же встречаем и в современных говорах: в ответах на белорусскую программу *удырыць* отмечено в Могил. губ. (Мат. Б. № 3), Минск. Новогр. у. (*удырим* ib. № 29) и Речицк. (ib. № 30); у Клиха — udýrýć (210). Более сложное образование — с дифтонгом, в основной части которого, однако, лежит *ы*, находим в записях Федеровского: ud*yer*ýć (I, 297 Шидловцы), ud*yj*erysz (ударишь, I, 294 Лысков). Этот переход, имеющий некоторую аналогию в польском (uderzyć) и чешском языках (udežiti), где гласный *а* тоже перешел в другой звук, для меня недостаточно ясен. На появление сочетания *ыр* после гласного *у* предыдущего слога не оказал ли влияние звук *р?*

Совершенно понятна причина появления *ы* на месте *а* в таких случаях, как: ды (да; Шейн Б. П. № 13 Лепп., № 46, Могил.), d*y*-j kàżä (Федер. II, 336 Рось), дык (так; Бесс. Б. П. 113, 22). Здесь *ы* на месте *а* собственно безударного, о чем речь ниже. Так же объясняется *ы* в выражении: Я, брыт, ни уважу (Мат. Б. № 18 Витебск.),

где *брат* произносится совершенно без ударения; «в слове *брат а* иногда как бы скрадывается, в особенности, если слово это произносит слишком озлобленный» (Мат. Б. № 31); здесь можно слышать и глухой звук: я, брът, знаю (Малев. 7 Слуцк.). Не будет перехода *а* в *ы* в таких местоименных наречиях, как *кудꙑ*, *сюдꙑ*, *тудꙑ* (Мат. № 31) (ср. еще «Обзор», § 66), так как эти слова, известные и другим восточнославянским языкам, а также старому западнорусскому (ср. *тоды* гр. 1432 г.), образованы при помощи не того суффикса, как *куда* (-кѫда) и под.

Иное дело случаи появления *ы* на месте *а* безударного. В тех белорусских говорах, которые знают на месте *о* безударного в известных слогах *ы*, этот последний звук очень обычен и на месте *а* безударного, что и вполне естественно, так как в белорусском языке *а* безударное из основного русского *а* и из *о* по звуку своему совпали и имеют одинаковую судьбу. Примеров рассматриваемого перехода в старинных памятниках, вследствие консервативности письма, вообще мало: серебрꙑны (гр. 1405 г.), в стꙋканꙑ (в истуканах, 81б Псалт. XVI в.), где на *-ыхъ* можно смотреть и как на окончание прилагательного или причастия прошедшего времени страдательного залога, каковым оно и является в действительности, происходя от глагола **истоукати** γλύφειν sculpere (Miklos. Lexicon p.-sl.). Такой же малоценный пример *в дрꙑгиваешь* Библ. кн. XVI в. Вил. № 262, где *-рꙑ-* под влиянием массы образований, в которых этот слог является на месте основного безударного *-ръ-* (*хробꙋ — крывй*), а также аналогии глагола *дрꙑгать* (польск. drygać). В современных записях белорусских народных произведений:

а) В слоге, непосредственно предшествующем ударению: сꙑма́ (Ром. IV, 88 Велиж.), повен ꙑнба́р (ib. 21 Орш.), вꙑлявся (ib. 16 Орш.), дꙑ са́ла кусок (ib. III, 18 Сенн.), бꙑра́н (ib.), дꙑ дзе́вычка мыя (Демб. 14, 526 Рогач.), цꙑра́ (Мат. Б. № 4, Могил. губ.), абꙑ б *трꙑва́* дꙑ *вꙑда́* — живоцинку припасём; до бога высоко, дꙑ *цꙑра́* далёко (ib. № 18 Витебск.), жꙑле́ць (ib. № 25 м. Городище Новогр. у.), вꙑда́, трꙑва́ (ib. № 26 Себеж. у. Могильн. в.).

б) В слоге, предшествующем ударяемому, но отделенном от него еще другим слогом (а иногда и несколькими): нꙑмачи́лися (Шейн Б. П. № 138 Витебск.), зꙑпасꙑваиць (запасает, ib.), узрꙑдува́лися (**къздадовалися**, ib.), зꙑкꙑноци́лыся (Ром. III, 264 Сенн.), стꙑрич6к (ib. IV, 203 Черик.), зꙑ цябе́ (ib. 87 Велиж.), нꙑ порбг (ib. III, 211 Сенн.), зꙑбиваетца (ib. IV, 16 Орш.), нꙑпячём (Шейн. Мат. I, 45 Бых.), зꙑбꙑўля́ю (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), нꙑмачи́лися, зꙑсыпа́ем (ib.), нꙑкꙑва́ння (ib.), досыць *бꙑлꙑва́ица — дꙑрмавщи́хый : ꙑгнима́ица*, нихай яны хлеба-соли *зꙑсꙑла́юць*, уси́ люди *узрꙑдꙑва́лиси* (ib. № 18).

в) В слогах, следующих за ударяемыми: распла́кꙑлася (Шейн Б. П. № 138 Витебск.), скꙑлыхну́лыся (ib.), здриган у́лыся зимля́ (ib.), с де́ткꙑми дрббненькими (ib.), вꙑгнꙑла (Ром. III, 11 Сенн.), пла́кꙑць (ib.), не́зꙑшто (ib. IV, 21 Орш.), дзе́лꙑв (ib. 16), ду́мꙑець (ib. III, 19 Сенн.),

дзе́лыем (Шейн. Мат. I, 17 Дукшты Новоалекс. у.), рыспла́кылыся з дзе́ткыми (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), што е́то зроби́ лыся: бацьки з деткыми рызыйшли́ся, *рыспла́кылыся* (ib. № 18), рассы́пылся, разбе́гылся (ib. № 26). Сюда относится и *ы* несколько неопределенное, развившееся в конечном, вторично отвердевшем слоге из *а* (= ѧ осн. слав.); имею в виду такие случаи, как prɔ́ĭcs*y* (Клих 109 Лычицы), rytáĭecs*y* u̯ ĭeh́ɔ́ (ib. 91 Негневичи), śḿeĭécs*y* и др. (Клих 236). Не следует относить сюда морфологических примеров, как u̯za̯ntry (Федер. I, 142 Дворецк.), da zàntry (ib. II, 155 Дятлов) (где вторично образован род. пад. к *га́ўтха*), или синтаксических: prándy, ńeprándy (Клих 236).

Из приведенных примеров можно видеть, что *ы* на месте *а* безударного слышится главным образом в северо-восточных областях Белоруссии; лишь после ударения в суффиксе из возвратного местоимения это *ы* изредка попадается и на юго-западе.

Переход *а* в *э*

В некоторых современных говорах отчасти под польским влиянием, а иногда и без него попадаются редкие случаи появления, притом под ударением, *э* на месте *а*. Имею в виду — *удэ́хыць* (Мат. Б. № 11 Новоалекс. у.) при польском uderzyć, и *хрэ́ўчыха* (Ром. I—II, 361 № 101) (польск. krawczyk); последнее не под влиянием ли аналогичного образования близкого по значению — *шэ́ўчык*? Без точного определения местности в Могилевской губ. отмечено: *лэ́дна*, *тэ́та*, *бэ́гна* (чит. begna — болото) (Мат. Б. № 4). Нечто подобное, особенно в иностранных словах, по словам Федеровского (II, стр. XXV), можно слышать на границе с мазурами. Отметим еще de-j (да-й = и, Федер. II, 86 Шидловцы), чему вполне соответствуют раньше (стр. 115) отмеченные нами случаи *ды-й* с неопределенным звуком на месте собственно безударного *а*. Сюда же принадлежит *э* вм. *а:* ён тябе отретовав от смерти (Ром. VI, 105 Гомельск.).

Переход *а* в *е*

Переход, который здесь подлежит рассмотрению, касается главным образом *а* умягчительного, т. е. возникшего на общерусской почве из основного славянского ѧ, а также *ja*, *ĭa*, *ĭē* и даже *ē* (*ѣ*). После шипящих и *р* такое *а* теряет свою способность смягчать согласные, но все же переходу в *е* в известных случаях подвержено. Явление это очень распространено в старинных западнорусских произведениях: стоило только такому *а* оказаться вне ударения, безразлично — в слогах, предшествующих ударяемым или стоящих после них, если предыдущий согласный мягок или был таковым прежде и особенно если следующий тверд, то такое *а* всегда почти заменялось на письме, а вероятно, и в произношении, посредством *е*. Из живых белорусских говоров *е* из *а*(*я*) знают только те, которым вообще известно *е* безударное в тех или других слогах (это южные говоры); другие говоры употребляют

здесь заместителей *е* безударного или проще — *а* безударного умягчительного (*я*). Тут наблюдается полная аналогия с тем, что бывает с *а* безударным неумягчительным: как оно переходит в известных случаях в *о* или *ы*, так и *'а* переходит в *е* и *и*. Все сказанное виднее будет из примеров. Расположим их по памятникам, начиная с древнейших. Четья 1489 г.: *е* из осн. слав. ѧ: светого (11), сентебрѧ (13б), свещеники (16), завезалъ (160), тысещю (100б), колодезь (163б), принела (157), поменоути (162), терпечи (169), потресласѧ (169б), досегноути (189), оуведа́ти (237), ждаешь (211), кнеженье (243б); *е* из ѣ и ѧ (= *ē*): ерополк (237), ѣсычѣ (206). Сборник XV в. Публ. б. № 391: *е* из ѧ: гледели (4), гледаче (33), памеⷮ (59), оуспоменоуⷮ (24б), оупомене (62б), ѣсегноули (26), ѿсег'ноути (74), смоутечесе (15), сталасе (1), не боисе (2), хочетлисе пити (13), направитисе (24), боѧсе — противит'се (26б), хороналисе 34), се смиловати (42б), ѿбрезоваютˈсе (88б), ѿбрезоваютсе (92); *е* из ѧ—ѣ: серебрены (1), мѣденого (4), селене (44б), 'ѥдовитого (35б), 'ѥдовитыми (46б), шлехетне (48), шлехетны (96), наⷮ ѧсленеи (53б), часоу нароженьё бжьёго (45), до малерѧ (24), по цере (55); *е* из ѧ находим также в числительных: ѿдиннадцеть (93б), зо двоунадцети (1б), восмонатьцеть лете (16), двадцеть (89), тридцеть (2, 20), с тридцетми пѣнѧ зи (54б), тредцети (61б); *е* из *а* (= *ē*) обыкновенно в глаголах: слышели (56), оуслышети (72), побежети (81), моучели его (7), гоучела (11), посѣютъ 79 — в последних двух примерах даже под ударением. Под ударением же имеем *е* вместо ожидаемого *а* с предыдущей мягкостью согласного в словах: дековати (bis) (95б), декоую (97б), проклетїа (25). Появление *е* в трех последних примерах для нас непонятно: не чешское ли здесь влияние, которое иногда заметно на рассматриваемой рукописи — děkovati, prokletı? Грамоты XIII—XV вв.: *е* из ѧ: жаловал се (1398 г.); этот случай может быть рассматриваем и как полонизм, так как грамота эта издана по копии из польской книги; паметь (1486 г. Арх. С. VI, 1478 г.), поменуть (1486 г. Арх. С. VI), светѣй (1454, 1406 гг.), почела́ (1409 г., но там же *почя́ли*), угледати (1480 г.), кнежати (1497 г. Арх. С. I), кнегиня (1409 г.), петнатцать (1499 г. Арх. С. VI), тысеча (ib.); в окончаниях — десеть (1406 г.), мѣсеца (1492 г. Арх. С. III), просечи (1499 г. Арх. С. VI); *е* из ѣ — ѧ: чесехъ (1478 г.), чешнико́мъ (1393 г. Акты Арх. К. XIII); *еко* из *ꙗко* — оно: ено коли вже к вамъ нашь прибѣглъ; ино то бы какъ дома (XV в. Лив. Акт. 242). Статут 1529 г.: повстегаючи (151). Статут 1588 г.: присегнути (9), светое (65), руск'и езыкъ (67), нетегнути (68), навезати (85), кнежата (94), кнегинь (110), памети (112), принела (88), присегою (1, 537, но *присягу* 239), бачечы (44), негледечи (30), несходечи (21), зъехатисе (47), нашлосе (184) и т. д., двадъцетъ (170), десети тисеч'е (32); дворени (30), водеѥымъ (ib.), деело (207). Литовские летописи: *е* из ѧ: наредиль (34 Увар.), поменоуша (36 ib.), кнегини (37 ib.); свѣтосла (78б Крас.), пометати (89б ib.), месники (272 Позн.), вте-

гнули (241 ib.), свещенницы (259 ib.), слѹжечи (68 Крас.); иногда даже бывает *е* вм. *я* и под ударением: ѡдно кж*е* ри*м*ское имене*м* полемо*м* (64б Крас.), оу нетьствѣ (плену, заключении, 30 Увар. рядом с *нятствъ* Вил., *ятство* 258 Позн.) повезаша (89 Лет. Пер.), паметь (2 Супр.), втѣнѹли (53б Археол.); *е* на месте ѧ: кнзѧ *Е*рославля (87б Крас. 88 ib., 32 Лет. Пер.), кынѣ (71 ib.), Резанцы (85 i'.), *Е*двигѹ и Н*е*вигѹ (65б Археол., 66 ib.). *Е* в *Гезами* (42 Увар.), *реѧтско* (82 Крас.), вероятно, под влиянием какой-либо особой этимологии этого слова, так как *Ре ѧзъ* встречается в памятниках и не западнорусских. Летопись Авраамки XV в.: слышети (51), новгородцы послаше (86б), почалѣ баше грабить (74), огорѣ... сватае оуфимыа (312). Ввиду того, что в этом памятнике и под ударением возможно *е* из *а* (печелемь 435, держелъ 275б), следует думать, что здесь мы имеем дело с известной псковской и новгородской чертой. Сборник XVI в. Позн.: прыходечы, мовечы, боечыса и т. д., *се* (131, 199), *ме* (150), светыи, витезь, мѣсець, десеть, паметка, гледите (но: ѹгланешъ 196, гладечы 38), ѹвезала, нетство (при *ятство* 258), месники (272), *Е*рослава (268), поесы, по тры єйцы (166), граженинъ (167), Витблене (258) и т. д. (ср. Archiv f. sl. Ph. XI, 357—358). Сборник XVI в. Крас.: жедати (202, 212), тресенї'е (97) тре'стисѧ (247). Гродн. Акт. кн. XVI в.: затегалъ (81), поесъ (2), молченье (40) (под ударением). Тайна тайных XVI в.: *е* из ѧ: паметливъ (89б), безъпамѣ'ство (47б), присегаю (17б), ѡсезанї'е (24б), с'варечиса (54б), за'ець (11), ложасе (43б), изъ'ѧ'снистьсе (58б); *е* из ѧ — ѩ и *ѣ*: ѡбрети'шли (47б), єгип'тенина (81б), ѡ коушени (38б), и ѡбычеи (10б). Библия Скорины XVI в.: паметь (И 26 и др.), паметаите (И 26), присега (463), присегали (Л 36), заець (Л 21б), кладезь (Б 41б), месець (Ч 25б), внучета (1 32б), светыи (МПК и Пс 1517), свещенник (Ср. 15), свезавши (И 24б), видечи (И 60б), приводечи (Ц 220б), немедлѧчи (Б 83б), пети (Ц 134), петдесѧти (И 68б), десеть (С 11), деветь (Б 15), двадцеть (Ч 4б), препоесалъ (МПК 25б), веселилосѣ (Е 5), редоваѧ (МПК 12), мекчеишее (Л 25б), должеишее (Ч 25). Апост. Скорины 1525 г.: светїи (20б), свезавъ (21), паметовали (22б), тысеща (23), двадесеть, мѣсеца (187). Катихизис 1562 г.: светого (1 предисл.), свѧще'нниковъ (242), ѡсвѧщоные (2 предисл.), памѧтати (pamiętać) (2б посвящ.), ѹпоменути (147б), ро'згледѣти (142), гледѣти (210), притегнути (4 предисл.), тисѧчьми (9), тисечи (а раньше было *тисячеи*, 1 посвящ.), девѧтины (чит. *девѧти'ны* — поминки на 9-й день, 2 ib.), жедаю́ть (2 предисл.), кнажеѧцкихъ при *жнажацъскихъ* (4б предисл.); възбран'ею́щимъ (28, под ударением?), кланѧю́ть, кланѧтиса (11), емѹса кланели (5б), старею́ть (стараются, 184), неприетела (177б), рыцерами (5б предисл.), слышели (167б), ѡде'ржели (32), мен'шеють (19). Катихизис 1585 г.: свѧтѡмѹ дхѹ (3б), паметьї (11б), йстезанй (4). Евангелие Тяпинского 1580 г.: *е* на месте *а* = ѧ: морї (пагубы) и тресеныа по месцахъ (33б), светомъ (34), светыхъ (44б), сьветыѣ ангелы (36),

присеги (6б), прїсегаю (39), присегою (39б), присега'етьсе (32б), ѡресите порох (50б), 'езыка (53б), 'езык (3, 28б), мекину (4б), ѡвезавши (28б); в *затресъсе* (28б) *е* зашло под ударение под влиянием *тресті* из *тряскі;* девети (24б), в десетї (49), тисечеи (ib.); говоречи (38); месецъ (34б); знаме (33б), семе (31), писклета (33); киньсе (29) и т. д.; *е* на месте *а* из ѣ — ѣ: по'есъ (43б), еръмо (15), 'едать и ѧдать (52), сее'лъ (36) ветренаѧ (48б), до скончены (43 ib.) Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: паме᷄ (97б), пѣнези (39), сталосе ємѵ (131), серебреномъ (89б), сребрънѣ (115б), юдѣены (131б), слышела (31), слышети (83б, 86б), ѡбрещу (19, быть может, под ударением?); розчетевъ (рассчитав, 90; вероятно, описка). Псалтырь XVI в.: *е* из ѧ: светы᷅ (16б), звеза᷅ши (17б), загледаю᷄ (13б), ѡгледае᷅ (36б), щесливеи (46), потресласѧ (47б, 65б), звитежи᷄ (138), злостници ходе᷄ (15), запомета᷅ (12б), запометанъ бѵде᷄ (13), ни впомен ѵ (17), помета᷄ (88, рядом с *опомане* 21б, *запомахоу᷄* 77, *памятоуе᷄* 105), паметкѵ (29), паме᷅' (114), жедае᷄ (23), жедаючи (44, при жадае᷄ 15); *е* на месте *а* безударного с предыдущей мягкостью согласного из основного ѣ или *ē:* роста'еныи воскъ (23б), глиненый (7б), 'египтено᷑ (105б), меденаа᷅ (109б), вороче'еть (38 ib.), неприателеми (22). В последнем случае звук *е* выводим из *а* (*я*) вторичного окончания *-ами -(ями)*, так как не находим возможности объяснять его из ъ безударного в окончании -ъми (неприательми 13б = непрїятельми по образцу основ на согласные). Несомненно, описка в *сѧжечиса не преслодо᷄цы* (61, вм. *на пр-цы*). В *леска* (113), при польском laska, либо описка, либо — что вероятнее — обычная постановка *е* на месте польского *а* с предыдущей мягкостью из основного *ѣ*. Сборник XVI в. Чуд.: обычею (149), кнезѧ (168б), поеса (330), свезаса (6б), греджща (68), ѡчеланиѣ (36б). ваше᷑ земѣ (47), тысещѫ (64б), паметь (135б), слышевше (172б), ноебра (325б), слѵ᷑ба лѣпшае (330), ка᷑сѫнене (330), пресмыкаѣса (623б), ѧтрокавиице влечаше (623б), мысле᷈наго сл᷄нце ха᷆ (728б), ѣраславича (731), ѣгаила (736). Сборник XVI в. Кунц.: светы᷅ (120), слышети (200). Сборник XVII в. Вил. № 107: гледѣлъ (66), гледи (65), паметаетъ (107), памети (106б), видечи (114), хотечи (69б), сталъ се (64), дивовалсе (67). Псалтырь XVII в.: погледи᷆ (6б), ѡгледаѣса (13б), ѡгледа᷅те (24б), ѡгледае᷄ (29), ѡгледа᷆ (35б), ѡгледае᷄ (43), ѡгледати (43б), ѡгледа᷄ѡса (53), ѡгледа᷅а (74), ѡгледали (98б), ѡгледа᷅ли (113), ѡгледа᷅ешъ (150), запаметали (21б), в памети (84б, рядом с *памѧта* 124, *памѧта* 135); пожедае᷄ (23), жедае᷄ (42), сприсегли (77б), не завстегну᷅ есми (14), ростегну (46), просечи (65б), мовечи (16б, 35, 88б), з него се не тѣшили (11), стас᷆е (28б), ста᷆се, ста᷆сѧ (116б), птахо᷑ повѣтрены᷑ (71), пѣснеми славити (42, хотя может происходить и из пѣснѣми от пѣснь). Жития XVII в.: кнѣжа᷅. Сборник XVII в. Синод. № 790: посветилъ (138). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: *е* из ѣ: поесъ (1 при *поясъ* ib.), злаелъ его (32), египтене (51б). Аналогично рассмотренным случаям образовано *ретовати* (6б, польск. ratować), где *е*

на месте *а* не после мягкого согласного. *Е* из *а*, равного основному славянскому ѧ, имеем в следующих случаях: сѐ (18), мовечи (46, при хотячи 18), почела (и *почяла* 116); присега (16), по десѐ кро̄ (256), углядаю (33), принела (446), взела (116, 446, 274), посрети (516), памѐка (52), кнежата (при *кнѧжатъ* 82), срещенический (1416), и тила — и ѡтела голову его (274), старе̂ся (старался, 326), старе̂тесѧ абысте чинили волю его (291); в двух последних примерах *е*, повидимому, под ударением. Юридические памятники: *е* из *'а* (= ѧ): памети (Бел. Арх. I 1548), десети [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)[1]], присегу (Бел. Арх. I 1596), присеги (1605), тисеча (1593, 1596), вытегали (1604), тегала [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.) Витебск.] просечи (Бел. Арх. 1548), подрезали [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.) Полоцк.], рынето 1538 (XVII в.), срещеньникъ [1532 (XVII в.)]. по курети [1531 (XVII в.)]. *Е* из *'а* (= ѧ): деели (Бел. Арх. I 1603), полочѐнинъ [Бел. Арх. II 1495 (XVII в.)]. *Е* в конечном открытом слоге: на́име [на имя Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)], уписалсе (Бел. Арх. I 1694). Форма этимологически правильная: племеньники [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)].

Гораздо меньше примеров рассматриваемого явления встретим в сборниках живых белорусских народных произведений. Это обстоятельство, несомненно, зависит от того, что рассматриваемый переход *а* в *е* на самом деле неизвестен многим белорусским говорам; отсутствие примеров с *е* вм. *а* отчасти объясняется и тем, что собиратели народных произведений, особенно прежние, не решались изображать эту черту, да и не всегда они замечали ее, особенно когда слышался звук довольно неясный и когда такое *е* было широким (*ӓ*), приближающимся к *а*, на что, как увидим ниже, есть указания в разных новейших собраниях. Как примеры рассматриваемой особенности можем указать следующие: по*ес* (Бесс. Б. П. 86), погледи́ (ib. 124), проси́лась (ib. 81), женӣтисе (ib. 86), пыта́е̄тьце (ib. 50), смеющце (ib. 86); этот же переход разумеет Бессонов (Б. П. 87), когда говорит: «*хоʼляда́* произносится по-белорусски с ударением на конце, а потому с переменою звука *я* выговаривается *ʼкаледа́* или *ʼкалʼда́*». Из какой местности бессоновские примеры, неизвестно, но по другим чертам можно думать, что они из южных областей Белоруссии. У Дыбовского: ма́сля̀нница (491 Посл. Новогр.); у Шейна Б. П: Не одчинюсе, брата боюсе. А... сама ли́сцем сцелюсе (№ 87 Витебск.); его же Мат. I: *ек* (412 Волков.) (частица, хотя и односложная, но все же на себе не имеющая ударения, так как передает его следующим словам), столеным (из *стальным* = стальным) гвоздём (b. II, 344 № 17), каледа (ib. I, 45 Мозырь), рубечи (ib. 556 Волков.), едрынистэ жито (ib. 96 Мозырь), светы вечар (ib. 64 Игум.), светый Петро (ib. 56 Мелешковичи Минск. губ.), взели (ib. № 36 Слуцк.), звезали (ib.); у Дмитриева П. и Ск. Вильн. — паси́цисе, неббйцисе (17 Новогр.), кохаўшисе (92 ib.); у Романова — гледючи (I — II, 63 Белица), колодзесь (V, 149 Черик.), вытрес

[1] В скобках указано столетие, к которому относится сохранившаяся копия акта. (*Ред.*).

(III, 367 Сенн.); у Дембовецкого — гледзючи (58. 533 Горецк.); trésı (Чечот 1846 г., 110); у Федеровского — tabie jekuràtnie zapłıczù (II, 182 Межиречье), jäk ni stanie jeje bić (= как станет ее бить, II, 53 Свислочь), jäk kazała (I, 69 Суховоля), pahledzièć (I, 4 Дворецк.), ahläniećsie (I, 25 Изабеллин), kaládka—kaledù (I, 106), jäzyki (I, 123 Мстибов.), za piećdziesiàtku (III, 81 Лысков), prychodziać i prosieć (II, 82 Суховоля); об этой же черте у Федеровского имеются и некоторые теоретические соображения, где он говорит о территории распространения этой черты (Волков., Слоним. и отчасти Новогр. у.) (ср. II, стр. XXV, и вын. на стр. 7—8 III тома). Переход *а* безударного в *е* так или иначе отмечен и у Клиха. На стр. 235—236 он указывает, что *а*, стоящее в слоге после ударения, подвергается редукции и приближается к немецкому *е* в слове bitte, что он в белорусских словах передает посредством ạ: śahóńńạ, bạčý, pạzélać; но тут же у него приводятся и другого рода примеры (ụčọrạ, žonkạ, sałdátạm и т. д.), из которых можно видеть, что здесь у него идет речь вообще о неопределенном *а*, а не только из *а* умягчительного. Дальше у него приводятся рассуждения, уже имеющие непосредственное отношение к рассматриваемому нами явлению. Он говорит, что очень часто слыхал в указанном нами положении звук, очень близкий к польскому *е:* próśicse, pasẹ̊ieli, ụ́ẹ̊ehnu, wýńeu, póies и т. д. Подобные же примеры у него и в белорусских текстах: ieicá (41 Полонная), jä tàk rab'íłı (111 Лычицы) jäk (9 Полонная), jäk pryxóźeć (28 ib. 3-е л. мн. ч.), stali łıieć (30 ib.), daktar'e léčeć (но havórać), (30 ib.), patúšeć (32 ib.), preźé (154 Сенежичи), ćáhál'i — ćähíl'i (42 Полонная), trasú, trašeće (но trešeš, 57 ib.), zaprahú, zaprażéćé (но zaprežeš, 58 ib.), vyb'iraiecse (9 ib.), hatóu zabýcse (11 ib.), výpłacše (14 ib.), даже matúle l'ixája (168 Сенежичи). И в материалах, собранных по белорусским программам, также иногда отмечаются случаи рассматриваемого перехода: напилиćэ [№ 2 Жуки Сокольск. у. (но только после -ш)], пóес, масленица, гледзи́, месаéд, каледá (№ 5 Слуцк. у.), кап це мядзьвець [№ 6 Диснен. у. (если это не полонизм = сіę)], так ек золатая (№ 8 Щацк Игум. у.); там же и другие примеры; взели́, знели́, пеци́, кленéцца, присегну́ли, зацегну́ў, óбнели (№ 10 Мозыр. у.), мáсленица, гледзи́ (№ 11 Новоалекс. у.), зáец, ейцо, поес, стрáцилась и др. (№ 13 Свенц. у.) и тут же замечание: «слышится звук *е*, но не совершенно чистый», каледá и др. (№ 17 Речицк. у.), ек прыдзя (№ 23 Старый Свержень Минск. у.), петнó, ẹ́дреноé, выгледáе, пéснеми и др. (№ 30 Речицк. у.); згаварылисэ (Отч., 28 Мозыр. у.), рэтýй (b). — даже на месте *а* не умягчительного. В северо-западной области Слуцкого уезда, по наблюдению Малевича (7), «звук *я* обыкновенно приобретает некоторую склонность к *е*, оставаясь, однако, несомненно более близким к *я*, чем к *е* (чистое *е* или *ё* вм. *я* — редки)», напр., я°рына́, я°равы́, я°сенёвы, прасилася°, звалилися°.

Из рассмотрения примеров, взятых из живых белорусских говоров, можно видеть, что переход *а* безударного в *е* особенно распространен

на юге и юго-западе Белоруссии. На юге видим совпадение с подобной же чертой северноукраинских говоров[1], а на западе нельзя не видеть в некоторых случаях влияния знакомства с польским языком, особенно в *-се*, так как в польском się носовой элемент не слышится. Влияние польского языка в этом отношении иногда следует предполагать и для старых западнорусских памятников (ср. еще «К истории звуков и форм белорусской речи», стр. 189—191).

Под влиянием целого ряда причин, отчасти очевидных, отчасти еще недостаточно выясненных, стали возможны случаи появления *е* на месте *'а* даже в слогах ударяемых. Примеры из старых западнорусских произведений нами неоднократно отмечались раньше, иногда с замечаниями относительно ударяемости слога. Я не решался выделить такие случаи в особую рубрику, так как относительно слов старого языка часто очень рискованно утверждать, где в них было ударение. В записях современных белорусских памятников дело обстоит иначе, так как имеются знаки ударения, да кроме того мы можем полагаться и на свой опыт. Итак:

а) *е* на месте *'а* ударяемого бывает в некоторых из таких слов, которые чаще всего употребляются с *е* безударным из *'а*, так что настоящий коренной гласный даже забывается (сказанное касается только некоторых местностей): hlenuų bez akno (Федер. III, 147 Суховоля, то же II, 285) pahlèń (ib. II, 259). В последнем примере на сужение мог оказать влияние и следующий мягкий согласный. В материалах, собранных по белорусским программам, имеем: гле́дзючы, подгле́дзиць, дрень, дре́нны, тысе́цки (№ 5 Слуцк., отчасти № 6 Диснен., № 7 Минск., № 8 Игум., № 9 Гых.; отчасти № 11 Новоалекс.; № 13 Свенц., № 14 Новоалекс., № 15 Игум., № 16 Гых., № 17 Речицк.), дрень от дрени родитца, дре́нный чиловек, усё ў яго нейк дре́нно гыхбдиць (№ 18 Витебск.) и т. д. Явление это довольно распространенное. Сюда же принадлежит: запрегць (Ром. XI, 37 Горецк.).

б) Когда стали возможны случаи появления *е* на месте *а* безударного и даже (хотя и редко) ударяемого, тогда явилась возможность перехода и *а* из основного *ē* тоже в *е;* таким образом, вторично произошло возвращение к первоначальному гласному; однакоже древние формы не оказались восстановленными, так как перед таким *е* согласный звук остался шипящим. Кроме указанного стремления к обращению *а* в *е*, на появление, точнее на сильное распространение таких форм в современном белорусском, да и в старом западнорусском большое влияние оказала аналогия подобных образований на *-тъ*, *-тлъ*, *-тйшій* и т. д. от корней не на задненёбные, где др.-русский *т* сохранялся без изменения. Примеры: стуче́ло, шырече́йшы, доўже́йш ы (Мат. Б. № 5 Слуцк.), застуче́ло, лигче́йшый, дуже́йшый (ib. № 9 Гых.); «на месте стоящего под ударением *а* в некоторых словах слышится звук *ыэ*:

[1] Ср.: А. И. Соболевский. Очерк русской диалектологии. III. Малорусское наречие, стр. 12, 18, 24 и др. — «Живая старина», 1892, № 4.

довжы͡э́йшы, легчы͡э́йшы, тоўщы͡э́йшы, брытчы͡э́йшы» (ib. № 10 Мозыр.), гручéло, крычéць и др. (ib. № 11, Новоалекс.), дужéйшы (ib. № 12 Слуцк., № 13 Свенц., № 14 Новоалекс., № 15 Игум., № 16 Бых., № 17 Речицк. и т. д.). Отметим еще — kaszèczajo plemia (Федер. I, 183 Свислочь).

Переход *а* в *и*

Дальнейшею ступенью изменения безударного *а* умягчительного (из основных ѧ, *ja*, *i͡a*) является звук *и*, который, конечно, не непосредственно являлся на месте *'а:* переходной ступенью было *е*. Доказать это можно тем, что и звук *е* из основного є и ѣ, будучи в подобном же положении, переходит в *и;* да и происходит это сужение *е* в *и* в тех же самых словах, в каких наблюдается и появление *е* на месте *'а*. Кроме того, здесь и полная аналогия с изменениями *а* неумягчительного: как там *а* — *о* — *ы*, так и здесь *'а* — *'е* — *'и*.

Старинные памятники, можно сказать, не дают достоверных примеров рассматриваемого явления, что можно объяснить, с одной стороны, более поздним временем появления перехода *е* (из *а*) в *и*, а с другой — отчасти тем, что польские графика и произношение, с которыми были знакомы западнорусские писцы, не давали для них никакой аналогии. Попадающиеся в памятниках случаи, за исключением очень немногих, более похожи на описки или же объясняются не в связи с *а*. С трудом можно видеть рассматриваемый переход только в следующих примерах: с пал'ц*и*ми долгими (22б Тайна тайных XVI в.), но здесь в слоге *-ци-* *'а* вторичное, не древнее, да и возникнуть могло под влиянием окончания следующего прилагательного; неприател*и*ми были мнѣ (135 Псалт. XVI в.), где на вторичное *'а* мог оказать влияние следующий слог *-ми*, да и просто можно видеть здесь описку; в темност*и*х ходи (266б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), хотя здесь *и* может быть и на месте *е* из основного *ъ;* воды твое дѣл*и* (94б Катих. 1562 г.). Еще при русском *гдж'й* в белорусском языке старом и новом встречается *гидж'й*: г*и*'кый (22 Тайна тайных XVI в.), г*и*дȣется (15 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), кожа моѧ стрескаласѧ и зг*и*доваласѧ (15 ib.), г*и*дкий (Микуцк. б. сл. Изв. 178, Сл. Нос. 112) [гадкий]; но, как можно судить по сочетанию *-ги-* = основ. гъı, здесь был бы переход *а* в *ы;* однако, как доказал в свое время А. А. Потебня[1], здесь следует видеть особое образование и строить основную форму *гъıдъкъ. Все другие примеры памятников скорее описки. Такогы: припр*и*влаётъ (77б Сб. XV в. Публ. б. № 391), зад'гыж*и*ла (13б ib.), роз'м*и*йты (46 ib.), пр'*и*вителѧ (10б Тайна тайных XVI в.).

Живые белорусские говоры, особенно северо-восточной группы, насколько можно судить по записям народных произведений, знают этот переход на большой территории и в значительном количестве случаев. Примеры: у Шейна Б. П.: кал*и*дá (№ 92 Лепп.), *и*éц (№ 138 Витебск.), *и*дранбя (ib.), выгл*и*дáиць (№ 65 Бых.), чирадзéйницы (№ 138 Витебск.);

[1] Два исследования: О звуковых особенностях русских наречий, 29 примеч., стр. 95.

у него же Мат.: ве́рнуцци, остациси (I, 180 Лепп.), цижарная (тяжькъ) (I, 15 Могил.), ик (I, 163 Гомельск.); вечери́ла (при *вечера́ла*, Зап. V, 92) ига́ (из *ега́, яга́*, ыга, Миклошич Vergl. Gr. I, 428) (Сл. Нос. 223); у Романова: ик (I—II, 5 Гомель), икова́ (ib. 129), попужа́лиси (III, 16 Сенн.), напла́валиси (I—II, 39 Сенн.), жани́циси (271, 258), сыля-та́лиси, сыюби́лиси и т. д. (ib. 273), усе́лиси (IV, 210 Клим.), надзе́вшиси (ib. 15 Орш.), вы́цинув (ib. 61 Горецк.), вы́нила (из *выняла* III, 305 Бых.), вы́нив (из *выняў*, ib. 215), обнила́ (ib. 11 Горецк.), перасто́ила (I—II, 45 Могил.), усто́ила (III, 11 Сенн., хотя в последних двух случаях можно видеть и морфологическое явление: образование с суффиксом *и*), ирового (ярового, I—II, 114 Белиц.), доглидала (IV, 216 Клим.), полидзя́ць (поглядзяць, ib. 158 Сенн.); у Добровольского из Смол. губ.: ичме́нь, изыка́, ик, дьивалы́ и т. д. (1, 7, 8). В новейших собраниях: ÿèczni (Федер. II, 334 Шидловцы), ṕiźźeśát (Клих 11 Полонная). В материалах, собранных по белорусским программам: по́ис, мисае́д, игня́ты, выглида́иць, я́стрыб (со вторичным отвердением *р*) и т. д. (№ 4 Могил. губ.), калида́, песними и др. (№ 9 Бых.); «Старики говорят: идраная (ядряное), выглидаиць» (№ 13 Свенц., № 14 Новоалекс.) (тоже известно *и* из *'а*); «при всех неударяемых случаях слышится *и*, за исключением: язи́, язёв, но изя́м, изя́ми»; изыки́; ичме́нь надто густэ́й, идрянэ́й; за по́исым (№ 18 Витебск.); по́ис, калида́ и т. д. (№ 28 Себеж.); «неударяемое „я“ произносят только как „и“» (№ 31 Вилейск.); ик (Отч. 3 Браслав), по́ис (26 Микуличи Орш. у.); узила́ (Розенф. 85 Минск.). Отмечаются подобные случаи и в Паричском районе: бида́, калида́, дзила́, висна́, глидзя́ць, циля́ и т. д. Но тут же можно слышать: весна́, дзеразе́е и др.

В каких слогах бывает этот переход и перед какими гласными — этого вопроса коснемся при *е;* теперь только отметим, что появление *и* в северо-восточных белорусских областях развилось не без влияния соседних русских говоров и ими он поддерживается. По крайней мере юго-западу нашей области такое *и* почти неизвестно.

Переход *а* в *у*

Старые памятники не знают этого перехода. В Тайне тайных XVI в. (44б) встретилось *сахѫрѫ*, но пример этот, как слово заимствованное, малонадежный. И в живой речи, которая в разных местах знает *у* на месте *о* безударного, этот переход редкий, да и имеет он переходной ступенью, несомненно, *о*. Имею в виду случаи: прие́хуў (Ром. VIII, 420 Городок.), разгне́вуўся (ib., 539 Орш.), uпруўля́им (ib.), pazabulàjemsie (Федер. I, 112 Лысков), zabullaśsie (ib.), zabulàjecsa (II, 222 Шидловцы, 265 Рось), zabulà,uś (II, 290 Свислочь). Во всех рассмотренных случаях, в результате появления на месте редуцированного *а* звука *о*, который приблизился к следующему за ним *ў*, став звуком закрытым, *-аў-* сначала перешло в *-оў-*, далее в *-уў-*, а это последнее в некоторых местностях стянулось в *у*. Еще примеры: вы-

гнуть (Ром. III, 7 Сенн.), рускужи (27 ib.), ку(ъ)жу́ (Отч. 9 Иллукст.), где на *а* безударное (в *жа-* и *каз-*) взглянули как на *о*, на месте которого в рассматриваемой местности возможно *у*. Такого же рода случаи: зугудаеш, устубйця, достувать [Ром. (Шахм. «РФВ», XLVIII, 68)], комнутку (Ром. VI, 354 Мстисл.), поглядзитку (ib. 37 Горецк., где *-жо*, может быть, и древнее *-жа*), как и в выше рассмотренных примерах с *-аў-*, ён вырвув (ib. 147 Клим.). Должно быть, так же представлялось *у* в слове иностранного происхождения *мулева́ная* (Шейн Б. П. 147 Бобр.) (польск. malować). В *дуружа́*, *гусужа́*, *ружа́* (Мат. Б. № 9) *у*, несомненно, вызвано ассимиляцией слогов. В двух примерах: разгулюйся (Ром. IV, 32 Горецк.), загулюетца (ib. 31) — имеем *у* (*ю*) на месте *а* (*я*) при посредстве *о* (*ё*). Следует отметить еще довольно странный для белорусской фонетики случай стяжения *ва* в *у:* хула́ табе, бо́жа, (вм. *хвала*, Шейн Б. П. 292 Витебск., Мат. Б. № 4 Могил. губ., 18 Витебск.).

Исчезновение безударного *а*

Излагая историю общерусского *а* на белорусской почве, нельзя не коснуться случаев и окончательного исчезновения звука *а* безударного. Последнее почти неизвестно живым белорусским говорам, но изредка наблюдается в старых западнорусских памятниках, где оно, быть может, и не отражает живого явления. Тут следует прежде всего отметить пропуск *а* в возвратном местоимении *с'а*. Ставши частицей-суффиксом для показания залога, *с'а* легко могло подвергнуться сокращению в *с':* изнайдетъ ли *сь* (54 Судебн. 1468 г.); в Лит. летописях: ополчис' (38 Увар.), створис' (36 ib.), возвратишась (35 ib.), надеяс' (33 ib., но *явилося* 3 Вил.); из современных говоров: дзевсь (Ром. IV, 64 Горецк.). Пропуск *а* (*я*) в *жызя* (44 Увар.) и *жаша* (34 ib.) объясняется сокращенным написанием слова: вероятно, в обоих случаях пропущено титло; звоевалъ (66б Крас. вм. *завоевал*) — явление морфологическое. Из живых явлений отметим: гэ́т'кое (Мат. Б. № 14 Новоалекс., 16 Еых.), *-ая* (31 Вилейск.), е́т_кую (Ром. IV, 21 Орш.), *-ое* (Ром. I—II, 456 Сенн.), гэт_ким (Ром. III, 212 Еых.), гéткоя (Бесс. 105), пост_нови́ (Ром. I—II, 361 № 102), ней_ких (= не́яких, Ром. III, 37 Клим.), нейкий (Сл. Нос.); за три тыщи (из *тыс_щи*) верст (Ром. VI, 14 Гомельск.).

ЗАМЕНЫ ОБЩЕРУССКОГО *О*

Говоря о заменах тех или других гласных в белорусском языке, мы должны расширить и область звука *о*, так как здесь, в белорусском, произошло совпадение нескольких звуков, начавшееся еще в общерусском языке. Именно, с основным русским и общеславянским *о* здесь вполне совпало то *о* в начальном слоге некоторых славянских, а в подражание им и заимствованных слов, развившееся также уже на общерусской почве, которому в основном славянском и других современных

славянских языках соответствует звук *е* (ѥ), причем в белорусском языке к известным общерусским словам (*во́ѥха* Дмитр. П. Ск. Вильн. 162 Новогр., бл'ха, бл'ен', адз'и́н) сюда присоединяется еще *о́жык* (напр., ò̂žyk Федер. I, 169 Волков.; в других местах *во́жык* — *го́жык*), имеющее для себя соответствие и в старых памятниках: Матей Ожык (Акты В. А. К. XXVI, 389); в Библ. Скор. XVII в. — ожикъ (Л 22б) (но В 30б — *ѥжика*); в Библ. кн. XVII в. Толст. № 158 — ѡжъ (72)[1]; под польским влиянием (как и в некоторых украинских говорах) иногда на юго-западе говорят jèdzin (Федер. III, 61 Волков.). Ничем не отличается от общеславянского и то *о*, которое явилось еще в общерусском в формах полногласия, на месте основных славянских сочетаний *or* — *ol*. Наконец, в белорусскую эпоху и то *о*, которое возникло из общеславянского слогового *ъ*, отчасти свойственного и древнейшей эпохе общерусского языка, в тех случаях, когда этот звук *о* не исчезал, ничем не отличалось по звуку от *о* основного; с ним совпало, конечно, и *о* из *ъ* в древнерусской группе *ъr* из основного славянского *tr*. Нечего и говорить, что ничем не отличался от всякого *о* звук, появившийся в слогах неударяемых слов, заимствованных на месте иностранного *а*, о чем у нас уже была речь раньше (стр. 94).

Все эти *о*, ничем не отличаясь по звуку в современном белорусском, да, вероятно, и в старом западнорусском языке, имели, однако, иногда особую судьбу своих вторичных заместителей: *о* из *ъ* не подвергается в некоторых случаях, как увидим после, тем переменам, какие свойственны *о* основному.

Прежде чем говорить о характере белорусского *о*, насколько он отразился в древнейших памятниках и современных говорах этого языка, необходимо коснуться тех причин, которые вызвали разные изменения в этом звуке. Среди этих причин первенствующее значение принадлежит ударяемости или безударности того слога, в котором стоит *о:* только в ударяемом слоге обыкновенно замечается вполне явственный звук *о*, иногда только более широкий или более узкий в зависимости от других условий, о которых речь ниже; звук *о* безударный в большинстве говоров в неизменном виде не сохраняется, приближаясь то к *а*, то к *ы*, то к *у*, то становясь совершенно неопределенным, приближаясь к основному славянскому *ъ*, а иногда и вполне совпадая с ним. Другою важной причиной, вызывающей изменения в звуке *о*, является в некоторых белорусских говорах его положение в слогах открытых или закрытых; в последнем случае он становится иногда очень узким, почти совпадающим с *у;* на более узкое произношение его влияет также мягкость следующего за *о* согласного. Бо́льшая, так сказать, лабиализация *о*

---

[1] Любопытно еще *о* в старых памятниках на месте иностранного *іо* — откуда ѥ: за ѡрда[ѳ] 30б Сб. XV в. Публ. б. № 391, до ѡтїѡпеи[х] (Ефиопия) 46б ib.: ѡакимомъ ѡрлмъ̑ки[ѳ]. 307 Лет. Авр. XV в. Сюда относят еще несколько слов, как ѡдва (едва) 15, 59б Сб. XV в. Публ. б. № 391, 70б ib., ѡли[ѳ] 4 ib., ѡдва 40 Лет. Авр. XV в ѡ[ѳ] 84 ib. (= еже), которые представляют особое морфологическое явление: образование с местоименным корнем *о* (ср. *ото* = вот), а не *е*.

обусловливается и соседством с ним в слоге губных согласных. Вообще характер согласных, предшествующих и следующих за *о*, не остается без влияния на этот гласный. Появление некоторых заместителей звука *о* безударного иногда также находится в связи с тем, какой гласный имеется в соседнем слоге, особенно в ударяемом, следующем за безударными.

Все сказанное придется принимать в расчет при нижеследующем изложении судьбы звука *о* в белорусском языке.

Вполне явственный, нормальный звук *о* слышится в большинстве белорусских говоров только под ударением, причем он бывает довольно широким, особенно в слогах открытых: *но́вы, оцэт, ро́та* (ръта), *гл'аву* и т. д. В слогах закрытых и перед смягченными согласными *о* бывает несколько у́же, что́, однако, в типичных белорусских говорах наблюдается лишь лицами, отличающимися тонким слухом, воспитанным в известном направлении. Примеры: *кош, кон', сон, дощ, Во́л'ка* (Ольга) и т. д.

Звук *о* безударный, притом довольно явственный, известен лишь в некоторых случаях, к тому же не всем белорусским говорам. Так, совершенно явственное *о* безударное, как и в литературной русской речи, слышится на конце таких слов, как *jа́го, мой, што* и др., когда они передают ударение следующим за ними словам: *jа́го сло́ва, мой ма́тка, што́п ты здаро́ў быў* и т. д. Во всех случаях безударность *о* — явление позднейшее и отчасти случайное, так как те же слова могут быть и под ударением, особенно в вопросах; аналогия таких случаев и удержала *о* от перехода в *а*.

Довольно часто можно слышать *о* безударное в разных местах юго-западной Белоруссии, причем чем ближе к украинской области, не знающей вообще аканья, тем эти случаи чаще и чаще: здесь, на самом юге, аканье представляет уже единичные случаи. Не знаю, как смотреть на обычное начертание с *о* в народных произведениях, записанных в Гомельском уезде, в сборниках Романова [1], вообще не отмечающего аканья, или в «Материалах» Шейна из Мозырского уезда; но в материалах, полученных Академией Наук в ответ на белорусские программы с юга Белоруссии, безударное *о* — явление вполне обычное. Так, напр., в Турове Мозырского уезда (Мат. М. № 5) наблюдатель отмечает: «...изменения безударных *о* и *е* в *а* и *я* не бывает». Очень решительно против аканья в д. Заполье и с. Комаровичах того же уезда говорит и другой наблюдатель (Мат. Б. № 10). То же отмечено и мною проверено в Шерешове Пружанского уезда: голова́, до́брого и др. (Мат. М. № 9). Сильное о́канье мною замечено и в Мозыре (Отч., 28), Лунине Пинского уезда (ib.), Дятловичах (ib.), Беловеже Пружанского уезда (ib.). Повидимому, не всегда бывает аканье и в с. Микуличах Речицкого уезда. По крайней мере, в записях рядом с *таго, палажыў* и под. встречаем *голова́, до́брого, ро́дом, тапоры́* и др. (Мат. Б. № 17). Образования с *о*

[1] В VI вып. на стр. 178 читаем замечание, что в Краснобудской вол. Гомельского уезда «*о* неударяемое слышится довольно отчетливо».

безударным рядом с *а* безударным очень обычны в разных записях из юго-западной Белоруссии, что и дало мне возможность в свое время («Белорусы», т. I, стр. 194—195) охарактеризовать эти говоры, как умеренно акающие.

Точные законы появления *о* безударного в умеренно акающих говорах установить для всей местности невозможно. С. Микуцкий[1] устанавливает наблюдение о появлении *о* безударного в слогах после ударения: «У Дряговичей *о* только перед ударением произносится как *а*, но после ударения остается неизменно, напр., Hórodno, dóbroho, haspadará, pi̇wo, dóbroje». Несколько иначе представится дело, если рассмотрим имеющиеся у нас разные материалы. Так, в с. Березовце Новогрудского уезда мною отмечено: пóводам (№ 4, 19) бéлого (№ 3, 14); то же в Посл. Дыб.: цúхога (58), где *о*, стоящее непосредственно за ударением не в конечном открытом слоге, не переходит в *а*. Впрочем, и на конце в открытом слоге, рядом с *а*, здесь можно слышать *о:* слóнейко (Кар. № 15, 5, 8), рáненько (№ 12, 1); такое же *о* можно наблюдать (хотя и не всегда) и в слоге втором от ударения к началу: воранúы (Кар. № 2, 2, 3), молодúы (ib. 4), золотóя (ib. 26); *о* после ударения в слоге закрытом: зялёной (Кар. № 3, 8), пахóдом (ib. 18), глáдок (Дыб. Посл. 6), зá-лоп (zá-lob, ib. 150). Иногда в подобном положении и в конечных открытых слогах можно слышать *о:* хúтро, мýдро (Дыб. Посл. 73), рядом: бог *высóка*, пан *далúóка* (ib. 56). В Слуцк. у.: сiéно, дубóбро, бáцько, губрко, дубóбраго, зéлляйко (Малев. 8). Подобные же явления отмечены одним наблюдателем в м. Городище Новогр. у.: дóброго, рáно, рóдом, жóнкой, но помаладзéла, маладóга и т. д. (Мат. Б. № 25). В записях из с. Студенки Новогр. у. (Мат. Б. № 24) подобных случаев масса, напр.: дзéтко, бáпкой, ничóго, мáткою, мáткой, дóбро, тáмока, арехоў, с бóгом, лéцячко, дзéвочка и т. д. В сборнике Федеровского, который вообще, как увидим после, несколько преувеличивает белорусское аканье, также можно отметить немало случаев написания с *о* и *ä*—*â* (которые у него передают звук, приближающийся к *о* безударному): pàrobäk, nieszto, srébnaho (I, 5 Слоним.), nidáu̯no (I, 8 ib.), kùmäczka (I, 8 Волков.), z lusterkâm (I, 5 ib.), litâść (I, 26 Мстибов), bačko (II, 97 Слоним.), dõbro (III, 179 ib.), nàdto (I, 5 Волков.), lustèrko (ib.), trebo (I, 6 ib.) (с *о* вторичным), swiatoho (ib.), zielònaho (I, 7), czasâm (I, 10 ib.), nà nâcz (ib.), hawòräno (II, 71 ib.), kruczäniatkom (II, 72 ib.), mièlnikou̯ (ib.), u̯jednäjï (I, 6 Сокольск.), czasäm (ib.), apòstalau̯ (I, 12 ib.), razbu̯ojnikou̯ (II, 83 ib.), wójnou̯ (III, 5 ib.) и т. д. Клих (234) отмечает в Новогрудском уезде случаи *о* безударного перед ударением в предлогах и приставках: potańéje, povaliu̯śe, pošl'î, podymáacsa, pottykáć, oddáu̯, dopytáu̯šě, spot karýta и т. д.; но тут же делает примечание, что обычно и в указанном положении бывает *а*. В слогах, следующих за ударяе-

[1] «Отчеты II Отд. Академии Наук о филологическом путешествии по западным краям России. Тетр. II». 1855, стр. 37 = «Известия II Отд. АН», т. IV, стр. 111.

мыми, по Клиху, дело обстоит следующим образом. Конечное безударное *о*, за исключением нескольких спорадических случаев (о которых речь при аканье), не переходит в *а*. Также и *о*, стоящее после ударения, находящееся в других положениях, тоже может оставаться без перемены: hórod, prybránoho, zółoto, pánom, púhoju, vółosu, párapkom, iałovina, matočka, nóvość, tamoka и т. д. Можно слышать в подобных случаях и *а* (стр. 235). Такое *о* может быть также подвержено редукции, т. е. перейти в неопределенный звук *ъ*, обыкновенно обозначаемый в научном письме посредством *ə:* za l'ésəm, aládək, Nomən, svókər, k kóńśkəmu и др. (237 стр.). Таким образом, в некоторых местах Новогрудского уезда и, вероятно, по соседству с ними возможно безударное *о* в слогах, удаленных от ударения к началу и непосредственно следующих за ударяемыми, но не всегда в конечных открытых.

Если доверять записям в издании Дембовецкого и некоторых других собраний, то иногда можно встретить *о* безударное и там, где его совсем мы не ожидали бы: паходзи́ла (1. 524 Черик.), абгародзи́ла (ib. 243. 573 Сенн.), зроби́ў, миргона́ў (Мат. Б. № 13 Свенц. у. Кобыльн. в.), хо́ладзе, но: хо́лоду (№ 15 с. Долгое Игум. у.), ога́пка (Бесс. Б. П. 40). Во всех приведенных примерах на появление *о* вм. ожидаемого *а*, быть может, влияет характер гласного следующего слога (напр., *и* в первых трех случаях). Несомненно, звук *ŭ* неслоговое (*ў*) поддерживает существование *о* во вторичном дифтонге *оŭ* следующих слов, и им подобных, в местности около Свислочи, Мстибова и Гнезны: poŭtrasać, poŭžazić, poŭchodzić и т. д. (Федер. III, 12, вын.).

Было ли известно *о* безударное старым западнорусским памятникам, судя по орфографии, трудно сказать. Памятники обыкновенно во всех случаях стремятся выдержать традиционное письмо, употребляя *о* там, где оно и в древнерусских произведениях вообще, напр., *Оле́ною* (гр. 1545 г.), *Оле́хна*, *Оле́ксеевичъ* (гр. 1542 г.) («Обзор», § 85), *олеи* (Влад. Скор., 261), *Овдотья*, *Омельянъ* («К истории звуков...», 182) и т. д. Но делать какие-либо выводы на основании такой последовательности было бы то же, что заключать о безударном *о* на основании современных сборников Шейна или Романова, придерживающихся в передаче безударного *о* принятой исторической орфографии.

Переход *о* в *у*

При рассмотрении случаев появления *у* на месте *о* выясняется три ряда причин, вызвавших это фонетическое явление. Это — слишком лабиальное произношение *о* в некоторых случаях, закрытость слогов, чаще безударных, вообще представляющих неопределенный гласный, и, наконец, в некоторых местностях Могилевской губернии произношение безударного *о* вообще при слишком суженной артикуляции. Рассматривая приводимые ниже примеры, не следует думать, что везде в них совершенно явственное *у* на месте *о:* в некоторых местностях в известных положениях слышится только *о* закрытое или — что

то же — слишком открытое *у*, а когда этот слог безударный, то звук, приближающийся к тому, какой предполагается для старославянского ъ.

Появление *у* на месте слишком лабиализованного *о* — явление довольно распространенное, особенно в западных белорусских говорах. Усиление губного произношения *о* бывает после губных согласных и особенно перед губными, а из последних первое место принадлежит *у̯* (*ў*). Иногда после перехода *о* в *у* с этим последним сливается в один звук неслоговой *у̯* (*ў*). Примеры: дру́бненькие (Бесс. Б. П. 40), дарува́ла (Шейн Б. П. 215 Лепп.), панувʼіци (ib. 285), шануваць (ib. 263), кувалиха, кували (но *кывалев*, Шейн. Мат. I, 44 Чаусск.), волу́ў (ib. 27 Слуцк.), домуў (ib. 18, 280), кумаро́зо (Ром. I—II, 218 Сенн.), садувая (ib. 166), пупрошу́ (ib. 216 Орш.), пугоре́ло (ib. 218 Сенн.), пували́ (III, 15 Сенн.), кува́ль (ib. 211), поéхув (ib. 245), суба́чи (ib. 21), пухува́ць (ib. 20), гулувў́ (ib. 27 Рогач.), пувисиў (ib.), суби́ (ib. 26), разыскувать (VI, 348 Черик.), скував (при *сховали*, ib. 45 Горецк.), благуслувению (ib. 255 Мстисл.), винуват (835 ib.), по етуму пумосту (378 ib), рувня (Гродн. у. сев. часть) (А. И. Соболевский. Опыт, стр. 97); особенно распространен этот переход в некоторых смоленских говорах, притом во втором слоге от ударяемого к началу: пумага́й, пумина́ли, пувяле́ния, пумяло́м, пусмотрю́ и т. д. (Ельнин. у.) (Шахм. «РФВ», XLVIII, 59); budzie puu aśminki (Бодян.-Войнил. 148, л. 3б. Слуцк.), ruuny (Федер. I, 207 Дворецк.), zasu̯uwausie (II, 33 Лысков), abu̯usiòm (III, 111 Молчадь), rasparóu̯ zaróu̯, krou̯, dróu̯, kamaróu̯, załatóu̯ka и др. (ок. Дятлова Слоним.) (Я. Розвад. Uwagi o dyftongach... Mat. i prace I, 219), karu̯ukam (Клих 150 Сенежичи), hału̯uka (ib. 164) (ср. еще у него, стр. 231); в «Материалах», полученных в ответ на академические программы: куштува́ць, пустува́ць, булуваць, дзивува́цца, гудува́ць (№ 4 Могил. губ.), кумарóво, кува́ть, хува́ть, сува́ть, снува́ть (№ 9 Бых.), сува́ць, снува́ць (№ 14 Новоалекс.), закували (№ 16 Бых.), *схува́йся* ты ў старыя места; ни ве́дыиць, куда *сува́ть;* мамка ста́ла кро́сны *схува́ць* (№ 18 Витебск. у.), ру́ўненько (№ 21 Слуцк.), намуўли́ў (№ 24 Новогр. у. по р. Уше), куваць (№ 32 Орш.), паклонуў ни дае́ (Розенф. 4. Вилейск.). Слитие *у* из *о* со следующим неслоговым *у̯* (ў) в zu̯sim (совсем, Федер. I, 123 Мстибов), суняйко (Малев. 97 Слуцк.) (из *суўн-*, *соўч-*, *солн-*). Не во всех, однако, приведенных примерах с полной решительностью можно говорить о фонетических явлениях; так, в глагольном суффиксе *-уаа-* вм. ожидаемого *-ова-* звук *у* мог явиться и под влиянием настоящего времени, где старинный суффикс *-уjе-* (*хую*, *спую* и т. д.). На подобное объяснение наводит сходное явление украинского языка. Далее, некоторые примеры с *у* перед губным взяты из местностей, где и без этого условия распространено *у* вм. ожидаемого *о*, что обнаруживается из дальнейшего изложения.

Довольно часто, особенно в южных областях Белоруссии, можно наблюдать *у* на месте *о* (=прарусскому o) в слогах закрытых. В по-

добном положении гласный вообще бывает несколько у́же, особенно если следующий согласный мягкий; эту закрытость и неопределенность гласного усиливают еще два обстоятельства — безударность и притом конечного слога, а также в местоименном окончании местного падежа (*-м*) лабиальный звук. Несколько иначе представляет дело акад. А. А. Шахматов[1], выводя это *у* в слоге безударном из старинного дифтонга, явственного в данных говорах только под ударением; но как же тогда объяснить многочисленные случаи *у* в закрытых ударяемых слогах? Первое место среди относящихся сюда примеров и занимают формы местного падежа прилагательных и местоимений мужского и среднего рода: чи́стум (Бесс. Б. П. 114. 1. 20), ў чи́стум поли (Шейн. Мат. I, 61 Слоним.), на круце́нькум бярашку́ (Игум. у., А. И. Соболевский. Опыт, стр. 87), на бе́ленькум камени (с. Щорсы Новогр. у., ib 89), об гэ́тум (Игум., ib. 93), у цёмнум леся (с. Колбча Игум., ib. 94), у пе́рвум (Бобр., ib.), у нашум (Гродн., ib. 97), на гэ́тум све́ци (с. Лаша Гродн., ib.), ў чы́стум поли, на жубўтум пясубчку (Малев. 8 Слуцк.), pòtum (после, Федер. II, 18 Свислочь, 195 Шидловцы), u załatùm kréśli (ib. 47 Дворецк), u czỳstum poli (ib. 78 Свислочь), ab świnùm każùszku (ib. 100), pa odnŏm, u tŏm (ок. Дятлова Слоним. Я. Розвад. Uwagi o dyftongach... Mat. i pracè, I, 218), v adnúm mieśće (Клих 8 Полонная), ab hétum ib., ab bédnum ib. 12) (ср. еще у него, стр. 231), ў чы́стум, жо́ўтум (Мат. Б. № 5 Слуцк.), ў до́брум, здоро́вум, при ка́ждум и т. д. (№ 10 Мозыр.), ў жо́ўтум пяску (№ 12 Подлесье Слуцк. у.), ў чы́стум (Ст. Свержень Минск. у. № 23), гэ́тум (ib.), ў чистум поли (Любчь Новогр. у. № 29). Но творит. пад. м. и ср. рода ед. ч., имеющий подобное же окончание на *-ом*, не суживает *о* в *у*, так как в нем *о* из прарусского ъ: вало́м, ваўко́м (ср. Розвад. Mat. i pracе, 218). Примерно в тех же местностях известны и формы местн. и дат. пад. ж. рода на *-уй* вм. *-ой:* под той грушкуй-сивушкуй (Ром. V, 78 Рогач.), у вяликуй дорози (д. Круговичи Новогр. у., А. И. Соболевский, Опыт, стр. 90), правуй (Нов.-Свержень Минск. у., ib. 92), каждуй (Игум., ib. 93), на паповуй, цёмнуй (Бобр., ib. 94), ў гэ́туй (д. Новоселки Гродн. у., ib. 97), на туй гары (Малев. 20 Слуцк.), мніе́ младуй (ib. 113), го́ркуй доли (ib. 8), dzièdawuj daczcỳ (Федер. II, 49 Изабеллин), u lùdzkuj pòstaci (ib. 239 Рожанка), pa takụ̀j pàszy dòbruj (ib. 295 Лысков), pa adnùj kartòpli (ib. 345 Гнезна), u tŏj, adnŏj (ок. Дятлова Слоним. Я. Розвад. Mat. i pracе I, 218), a u tuị̀ voscy (Клих 8 Полонная), na hétuị̀ kupińe (13 ib.), na étuị̀ harý (33 ib.), ᵘvel'ıkuị̀ daróże (ib. 148 Басин) (ср. еще у него, стр. 231), об хорбшуй, на чо́рнуй, в гэ́туй, на всякуй (Мат. Б. № 10 Мозыр. у.), ў но́зуй хаце (Басловцы Слуцк. у. Мат. Б. № 12). *У* из *о* перед *j* (*i*) известно и в творит. пад. ж. рода: з ма́ткую, дарбгую, ёлкуй (Добров. Ельнин. у.) («РФВ», XLVIII, стр. 56), барылкую, горкую горэлкую (Лепп. Шейн,

[1] «Исследования в области русской фонетики». Варшава, 1893, стр. 97.

ib.). То же в им. пад. м. рода на *-ой:* pakŏi̯ (Клих 230), пбкуй (покой, Шейн Б. П. № 755 Минск) свуй вянубчек (Малев. 110 Слуцк.). В формах на *-ой* сужению *о* в *у* содействовало, кроме закрытости слога, еще положение *о* перед *j* или *i̯;* в последнем примере, судя по ударению, можно видеть и полонизм. Гласный *у* (*ю*) имеем и в род. пад. мн. ч. в случае его безударности, но это на юге: братюв, сёструв, дядкув, теткув (Ром. Мат. Гродн. I, 185 Слоним.). То же в местн. пад.: ў сусіеднюй вёсцы [Сержп.), Прымхі (104 Слуцк.]. Несомненно, мягкостью последующего согласного *т* и закрытостью слога следует объяснять *у* в почти общебелорусском *хуц'* (=хоть, хотя): ср. Шейн Б. П. 20 Лепп., 140 Витебск.; Ром. III, 4 Сенн., Мат. Б. № 4 Могил., № 18 Витебск. (А мне — дык *хуць* ба што; *хуць* ня уежно, дык улежно), № 32 Орш. (хуть) и т. д. Наконец, можно отметить несколько случаев, взятых из разных записей, появления *у* на месте *о* в слоге закрытом, в которых можно бы видеть влияние закрытости слога, но также нельзя исключать и польского, а иногда и северноукраинского влияния. Таковы, напр.: *гуд* (Ром. III, 27 Рогач.) *Буг* (ib. 88; Гродн., А. И. Соболевский, Опыт, стр. 97), *у*тэтый (=от [вот] этый) (Ром. VI, 61 Гомельск.). я́бл*у*нь (Ром. I—II, 166 Сенн.), *и*n dzie ka (вот где) (Федер. II, 186 Лысков), łõm (ок. Дятлова Слоним. у., Я. Розвад. Uwagi o dyftongach... Mat. i prace, I, 217), płut (ib.), hŏrba (ib.), kalŏdka (ib.), davŏlńe (ib.), dr*u*mny (дробный, ib.), t*ú*lki (ib.), w*u*n (ib.), u kustŏx, pa lesŏx (ib. 218); дат. пад. мн. ч. bahatyrŏm, vałŏm, bratŏm (ib.), bolš, ⁿŏkna, Pólšč (ib.), dvór u dv*u*r, hód u h*ú*t, sakŏl и т. д. (Клих, 230—231 Новогр. и др.); *бул* (Мат. Б. № 12 Стволовичи Новогр. у.). «Что-то среднее между *у* и *о*» слышится в слогах закрытых и в м. Любчи Новогр. у. (Мат. Б. № 29); п*у*д носом (с. Юриновка Новгород-Север. у.) (А. И. Соболевский. Опыт, стр. 99); за б*у*р (Малев. 97 Слуцк.), ж*у*нка (ib. 110), удбз*у*нька, пара́д*у*нька, (ib.).

Почти на всей территории Могилевской губ., особенно в Рогачевском уезде, и в некоторых юго-восточных областях Витебской, насколько можно судить по данным сборников народных произведений, распространено своеобразно закрытое произношение *о*, вследствие чего этот звук приближается к *у*, а иногда и вполне совпадает с ним. Некоторые примеры из этой местности мы уже приводили, когда говорили о крайней лабиализации *о;* теперь отметим случаи, где о влиянии лабиальных согласных не может быть и речи: п*у*горе́ло (Ром. I—II, 218, Сенн.), н*у*чуваць (III, 3 ib.), за ме́рк*у*ю (IV, 210 Клим.), б*у*гу-родзица (V, 68, 116 Люцин., 40 Горецк.), б*у*гуро́дзицы (ib. 25 Могил.), п*у*сли *у*бида (III, 322 Рогач.), п*у*йдом (88 ib.), тв*у*ѐ жисци (=твоей жизни, 89 ib.), л*у*моетца (ломается, 90 ib.), зд*у*роў (91 ib.), ск*у*збу (сказал, ib.), п*у*сияў (27 ib.), *у*твищаа (ib.), п*у*спытбў (но *тоды*, ib.), *у*дна (26 ib.), р*у*скужи (ib. 27 Сенн., из *роскажи*), чул*у*вича (ib. из *чолов-*), обп*у*чував (ib. VI, 1 Чаусск.), п*у*гудуватца (ib. 27 Черик.) вярёвк*у*ю

разъмерила (ib. 73 Клим.), курчевъя (ib. 355), тйху, мой жарабок (ib. 440 Сенн.), царевна тройкую по горыду прикатыитца (ib. 465 Клим.), стрецицъ з музыкую (ib. 469), сухутá (но *крысытá*, Шейн. Мат. I, 182 Витебск. у.), бýляй (более, Ром. III, 91 Рогач.), хýчаш (ib. 27), шту (III, 27 Рогач.). Рассматриваемая черта в отдельных случаях иногда замечается и в других местах: bu janá (Клих 13 Полонная), zójże tu k tamú, tu k tamú (ib. 16), tó dóbre (ib. 27), štu bažýć (ib. 23), s subóru (ib. 17), Рузáлька (Шейн Б. П. 96 Лепп.) (под влиянием *Рузя* и *рýжа?*), *бугуро́дзица* (Мат. Б. № 9 Бых., № 15 Игум.); *у* на месте *о* отмечено в м. Заблудове Белост. у. Мат. Б. № 19, ст. Жедне того же уезда (пудъесць, пустуяць, гулувá) (ib.); в дифтонге *óў* звук *о* довольно сжатый, почти *у* в селах Олекшицы и Лаша Гродн. у. (ib.); буцян (Отч. 10 Скрудалина Иллукст. у.), хýду, лúху (наречие, ib. 13 Колюбаки Великолуцк. у.). В «Опыте русской диалектологии» А. И. Соболевского (СПб., 1897) собраны, между прочим, случаи появления *у* на месте *о* из с. Краснозаборья Рославл. у. (пувилá, стр. 80), сев. части Могил. губ. (ib.), Орш. у. (пумагаць, стр. 81), Городищ. вол. Горецк. у. (абубрать, ib.), с. Микулич Игум. у. (стр. 87).

В самых западных белорусских областях, где особенно сильно польское влияние, в появлении *у* (или дифтонга) на месте *о* иногда можно видеть и полонизмы. Таково, напр., следующее место, записанное в Суховоле (Федер. III, 5 № 9); jäk to bułò kiedyś ciàżko na świèci, *niespakúj*, ot szwèdzka wajńà byłá, *mnŭstwo rŭznaho wŭska* ciahałósie pa świèci и т. д.

Белорусское сужение *о* в *у*, несомненно, явление, развившееся на местной почве и сравнительно не особенно древнее; во всяком случае оно явилось позже возникновения *о* с предыдущей мягкостью согласного на месте *е*, так как и это последнее *о*, как увидим в отделе об изменениях *е*, также подвержено переходу в *у* (*ю*); но оно возникло еще тогда, когда чувствовалась разница между *о* прарусским и звуком, появившимся в известных случаях на месте *ъ*, так как *о* из *ъ* сужению в *у* не подвержено[1]. Как явление сравнительно позднее, да кроме того и не общебелорусское, оно и в старинных памятниках нашло незначительное отражение. Последнее заключение найдет для себя документальное подтверждение, особенно когда исключим мнимые случаи перехода *ǫ* в *у*. Таковы:

а) Носящие характер описок, объясняемых чисто палеографически, хотя, руководясь аналогией раньше приведенных случаев из живых говоров, в некоторых из таких примеров можно бы допускать и фонетические явления: *оукрꙋ* (окрéст, 44б Сб. XV в. Публ. б. № 391), *хоуроуґви* (17б ib. при *хороуґви*), без *роузоума* (98б ib.), зо *встꙋкоу* (с востока, 77 ib.), *суботую* или шабасом звали (44б Катих. 1562 г.), *ѡпочинꙋть* (93б Библ. кн. XVI в. Вил. публ. б. № 262), а *ꙋржие*

[1] Этим положением устраняется недоумение Клиха об *о* вм. *и* в таких примерах, как творит. пад. *tuyżyком*, с суфф. *-ok* (syuok), со вторично вставленным *о* (ah n) и т. д. (Mat. i prace, II, 332).

мое (20б Псалт. XVII в.), на заслун^{ъ} (15 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), х^{ъ}чуси (81 ib.).

б) Случаи появления *у* под влиянием морфологических причин — особые образования: доко*уле* (177б Четья 1489 г.), отко*уле* (57б), ѿто*уль* (161); доку^{ѧ} (1 Сб. XV в. Публ. б. № 391); по*хуль*, поку*ле* (Скор. 1 32, Ср. 10, 54, 59; Е 4б), ѿкуле (1 33б ib., рядом с *доколѣ*, *похолѣ* ib. 1 24, И 25б, Л 29), ѿтк^{ъ}ль (12 Библ. кн. XVI в. Вил. публ. б. № 262). Кроме того, что подобные наречия очень распространены в разных западнорусских памятниках, они с суффиксом *-ул*ь известны и всем живым белорусским говорам. Такого же происхождения *у* в словах: ^{ъ}беспечили (18 Статут 1588 г.), тутушнихъ (Витебск. гр. 1593 г.), ^{ъ}богатисѧ (96 Катих. 1562 г.); в приведенных глаголах, несомненно, приставка *у-*. В словах: *сусѣдъ* (гр. 1465 г.), *соуседи*^{м} (45—45б Псалт. XVI в.), *суседи* (Бел. Арх. I 1577), *соу*гнавъ (215б Лет. Авр. XV в.) приставка *су-* легко выводится из **сж**. Здесь же следует говорить об *у* предлогов *жу* и *ву*, напр.: в*у* всей. (гр. 1399 г.), к*у* отцу (гр. 1492 г.), к*оу* смутливости (2б Сб. XV в Публ. б. № 391), к*оу* датїю (27б ib.), к*оу* чти (77б, 90 ib). приде^{ш} во*у* црт^{в}во (22 ib.) к*у* концу (Скор. Э 2б), к*у* и́стинъному (4 предисл. к Катих. 1562 г.), к^{ъ} полудню (7 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), к^{ъ} вечерови (50б), к*у* чти (62б) и т. д. Оба эти предлога могут подражать *су-*, который обыкновенно встречается в сложных словах [ср. *сумахнули* (Розенф. 25 Вилейск.), но и отдельно: ў́чора *су*-вячо́ра (ib. 2)]: *су* неба (Ром. VIII, 509 Черик.), *су* воды (ib. 510), но можно видеть в *жу* и полонизм (*жи*), а *ву* считать образованным в подражание ему, хотя *ву всей* можно прочесть и иначе: *в увсей*, а тогда предлога *ву* не будет.

в) Исключить нужно и те примеры с *у*, которые представляют слова иностранные, уже имевшие во время заимствования их белорусами *у* или *о* слишком закрытое; таковы: епископа (гр. ок. 1300 г.), аръхиепископомъ [Бел. Арх. II 1539 (XVII в.)], известное с *у* уже древнейшим старославянским памятникам, напр. Супр. р. XI в. (**епископъ**), так как было взято из среднегреческих диалектов со слишком сжатым *о;* кор^{ъ}ноу (рядом с *хорогоу*, 40 Сб. XV в. Публ. б. № 391), Супрон (Бел. Арх. II 1533), Унуфрея [ib. 1535 (XVII в.)], коро*у*ноують (10 ib.), кору́на (гр. 1540 г.), оў́кор^{ъ}нова^{т} (22 Псалт. XVI в.), коро*у*н^{ъ}е^{т} (102 ib.) — под влиянием польск. koruna, чешск. koruna, korunovati; оў́па^{р}с^{ъ}не (39 Псалт. XVI в.) при народн. польск. parsuma, сту́йте (стойте, 105 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), польск. stójcie.

После всего сказанного более или менее несомненных слов, отражающих переход *о* в *у*, окажется мало: щадку́мъ нашимъ (гр. 1408 г. Казим.), *у*ларь (орарь), *у*гарки (огарки, XV в. Слуцк. из Недешева), а*у*столо^{ѧ} (229б Четья 1489 г.), сгро*у*маженыѣ (94 Сб. XV в. Публ. б. № 391), пото*у*пле е́сть (7б ib.), пото*у*плены (30 ib.) (ср. подобный случай и в Псалт. 1609 г., изобилующей украинизмами: ѿ пото*у*плѣнѧ 7).

кароулъ (26б Лет. Авр. XV в., 27 ib. при лат. Carolus), мужаиски кнзь (266 ib.), бдларьнаго (410 ib.) (ѳрарьнаго); Никулаю (532 Евр.), Микулаевича (533б ib.) (очевидно, такое же образование, как былинное *Микула*), вїкѵмїю (88б Сб. XVI в. Крас.), хуть (желание, расположение, 76б, 184 Катих. 1562 г., хотя можно бы видеть здесь и влияние чешского chut'), зѵбы сѵ̃ ꙗко рѵгатины (41б Псалт. XVII в.). И в приведенных примерах собственные имена, да и некоторые нарицательные, со своим *у* могут представлять народное перетолкование, а иногда и диалектические полонизмы.

Дифтонги на месте *о*

Дифтонги на месте прарусского *о* известны большей части тех же южных и западных белорусских говоров, которые знают и *у* на месте *о*, причем дифтонги обыкновенно бывают под ударением и только в слогах закрытых; случаи появления дифтонгов вне ударения и в открытых слогах немногочисленны.

Прежде чем перечислять примеры появления дифтонгов на месте *о*, сделаем маленькое отступление: скажем несколько слов о дифтонгах в белорусском вообще. Прежние исследователи русского языка и собиратели народных белорусских произведений не упоминали о белорусских дифтонгах. Впервые этого вопроса коснулся Н. Янчук в ст. «Из научной поездки в Белоруссию»[1]. Статья эта отчасти послужила у него материалом для другой: «По Минской губернии (заметки из поездки в 1886 г.)»[2]. Рассуждая о языке посещенных им местностей, Янчук, между прочим, говорит: «Особенность, которую мне впервые случилось здесь подметить и которой я не знал по записям других собирателей, касается произношения ударяемого *ѣ*, *о*, *ё*, как *іе*, *уо*, *юо*, с ударением на первой из каждых этих двух гласных, напр.: *сі̀ело*, *вуо̀л*, *мюо̀д*... Такое произношение в Минской губ. я слышал в уездах: Игуменском, Минском, Слуцком и Бобруйском; ...в северной части Игум. у. и в восточной и ю.-восточной Бобруйского ударение в названных дифтонгах, или двугласных, ставится уже не на первой, а на второй части... и таким образом дается перевес первоначальной, основной гласной, между тем как первая часть дифтонга остается только в виде слабого призвука» (стр. 69). Из приведенной тирады следует, что в настоящих, так сказать, дифтонгах Янчук ясно различал двугласный звук, с ударением на первой части. Впрочем, Янчук только впервые старался формулировать условия появления дифтонгов в белорусском, записи же с дифтонгами из Слуцкого уезда раньше появления статей Янчука имелись у П. В. Шейна и напечатаны им уже в 1887 г. (Материалы, т. I). Правда, Шейн не представлял себе ясно сущности

[1] Напечатана в «Минском Листке» за 1887 г., № 9 (ср. еще № 32).

[2] Ср. «Труды этнографического отдела Об-ва любителей естествознания», т. IX, 1889, (ср. «Белорусы», т. I, стр. 261—262).

белорусских дифтонгов, равным образом не знал, когда возможно их появление; отсюда у него непоследовательность и некоторая путаница в записях. Данными, имеющимися у Шейна и Янчука, воспользовался в 1892 г. и А. И. Соболевский («Очерк русской диалектологии, II. Белорусское наречие», стр. 19, 23, 24, 25), пока без критики материала. Под влиянием перечисленных трех работ, отчасти, может быть, и самостоятельно, начали отмечать дифтонги и другие лица, исследовавшие белорусский язык или по крайней мере изучавшие его[1]. Но особенно решительно высказался за возможность дифтонгов в белорусском языке и старался научно обосновать их А. А. Шахматов в работе: «Исследования в области русской фонетики», 1893, стр. 94 sq. В это же время о существовании дифтонгов в белорусском языке знал и я, но представлял себе этот предмет неясно (ср. «К истории звуков...», стр. 219 sq.). Много записей с дифтонгами напечатано в ст. М. Довнара-Запольского: «Заметки о белорусских говорах. 1. Говор Ново-Сверженской волости Минского уезда» («Живая старина», 1893, № 1); но теоретические обоснования здесь те же, что и у Янчука. Во многих случаях, но очень непоследовательно, показаны дифтонги *у͡о* и *ґ͡о* в издании Е. А Ляцкого: «Материалы для изучения творчества и быта белорусов. 1. Пословицы, поговорки, загадки» (М., 1898). Под влиянием «Очерка диалектологии» проф. Соболевского один любитель филологического знания, ныне уже покойный, Н. И. Чудовский написал статью о слуцком говоре (ср. «РФВ», 1898, № 3 и 4), где много места уделяет и дифтонгам. Прочтя эту статью еще в корректуре, будучи лично знаком с ее автором, я старался узнать, как он себе представляет дифтонги. Мои разговоры и расспросы заставили усомниться в правильности написания Чудовским дифтонгов. Я нарочно съездил в те места, откуда в названной статье имелись записи, прислушивался на месте к произношению разных лиц и разочаровался в своих поисках: я заметил лишь в очень редких случаях некоторый след неслогового *ŭ(ў)* перед *о* (ср. «РФВ», XL, 325 sq.). Однако я не потерял окончательно надежды найти где-либо настоящие дифтонги (в духе Янчука) в белорусском языке. Поэтому в составленной мною по поручению Отделения русского языка и словесности Академии Наук «Программе для собирания особенностей белорусского наречия» 1897 г. уделяется достаточно места и вопросу о дифтонгах (ср. § 7, пп. 3 и 4; § 8, п. 6). В это время вышел I том собрания М. Федеровского: «Lud białoruski na Rusi litewskiej» w Krakowie, 1897, где дифтонги *ŭo*, *ĭe* пользуются полным правом гражданства и большим распространением. Не доверяя своим прежним наблюдениям, я снова посетил многие из тех местностей, откуда имелись записи у Федоровского и отчасти у других исследователей, отмечавших дифтонги (ср. «РФВ», 1901, № 3 и 4, 275 sq.), и опять не нашел *ŭo*, *ĭe*. Повидимому, был знаком с «Белорусской программой» и изданиями

[1] См. «Календарь Северо-Западного края» за 1889 г., под ред. М. Запольского.

Федеровского, а может быть и Клиха С. Малевич, которому принадлежат «Белорусские народные песни» (СПб., 1907), выдерживающий в песнях и сказке, записанных им в Слуцком уезде, систематически написания с дифтонгами *уо́* и *іе́*, а также оговаривающий эту особенность в «Кратком очерке звуков, форм и строя речи живого белорусского наречия» (стр. 7—8). Он характеризует известные ему дифтонги только тем, что в них в произношении преобладает второй гласный. Окончательно выяснились мои недоразумения при чтении замечаний Яна Розвадовского о передаче звуков в редактированных им II и III томах сборника Федеровского (ср. т. II, 1902, стр. XIXX) и особенно его статьи: «Uwagi o dyftongach ię, uo̯ w południowozachodniem narzeczu białoruskiem (Mat. i prace, I). При чтении этой работы, а также Э. Клиха: «Teksty białoruskie z powiatu Nowogródzkiego» (Mat. i prace, II, стр. 230 sq.) обнаружилось, что под дифтонгами в белорусском языке разные исследователи понимают различные фонетические явления, как то: слишком лабиальное произношение согласного, предшествующего *о* (ᵘо) (Mat. i prace, I, 219); развитие перед *о* нелогового *ŭ* (*ŭо*), причем *о* бывает иногда слишком сжато (*ŭо*); произношение *о* при особой артикуляции таким образом, что начинается в произношении *о* слишком сжатое (*ȯ*), иногда *ŭ* (*у*), а кончается звуком *о* открытым нелоговым (*uo̯*), причем последнее может быть еле заметным (*ȯ°*, *u°*, *ů*). Проф. Розвадовский отчасти сам побывал в тех местностях, где, по Федеровскому, слышатся дифтонги, и убедился, что белорусские дифтонги никоим образом не *ŭо* и не *i̯е*, а скорее *uo̯* и *ię* или, точнее, по принятой им литовской графике *ů* и *ё*, т. е. звуки, произносимые не при одной артикуляции: начинается *u* и *i*, а при окончании звука положение звука для *о* и *е*, причем основная часть первая, стоящая, кроме того, в ближайшем соотношении со свойством предшествующего согласного; та или другая степень ясности артикуляции конца дифтонга зависит от темпа речи: в медленном произношении указанные свойства артикуляции яснее; в быстрой же речи дело идет к утрате дифтонга. «Iestto całkiem wyraźne, pośrednie stadyum, prowadzące prawdopodobnie do zupełnej monoftongizacyi w przysłosci, to znaczy do jednolicie artykułowanego sonantu» (Mat. i prace, I, 213). Далее проф. Розвадовский продолжает: «Takie nie jednolicie artykułowane sonanty, których niepodobna nazwać wprost dyftongami, spotykają się często: n. p. często brzmią tak litewskie ë, ů...» (ib. 214) и ниже, говоря о дифтонгах в середине слов, он замечает, что «bardzo wyraźnie artykułowanego dyftongu już się nie słyszy» (ib.).

Если принять все сказанное в соображение и обратить внимание на способ речи белорусов вообще, которые в большинстве случаев говорят медленно и любят несколько протягивать конечные слоги, то придется признать для юго-западных областей белорусской территории существование на месте прарусских *ō*, *ē* и *ъ* дифтонгов отмеченного проф. Розвадовским типа, доступных, однако, наблюдению (да и то

не всегда) только лиц, известным образом подготовленных к этому[1]. Слишком лабиальное произношение *o* или, точнее, сильная лабиализация согласного, предшествующего *o*, особенно если этот согласный губной или задненёбный, дело очень обычное у белорусов и распространяется не только на прарусское *ō*, но и на всякое другое *o*, даже из *ъ* (v^{u}o$\underset{\cdot}{u}$k). Впрочем, как правильно замечает проф. Розвадовский, «tendencya ta wystęрowała indywidualnie, u jednych osobników silniej, u drugich słabo, albo wcale nie. Zresztą ten sam człowiek wymawia niezupełnie jednako, zależnie od tempa» (Mat. i prace, I, 219).

При таких свойствах дифтонгического произношения у белорусов совершенно понятно, почему старинные западнорусские памятники не представляют никаких их следов. Отмеченные в названной раньше работе А. А. Шахматова (стр. 97) случаи появления ѣ вм. є в суффиксах -ѣнькє и -тѣль, а также в некоторых отдельных словах в западнорусской Четье 1489 г. следует отнести к простому смешению ѣ и є в западнорусских памятниках, тем более, что в той же Четье масса таких случаев с ѣ, где дифтонгического произношения предположить невозможно (всѣму 196б, всѣмѫ 209, свѣтъ, зв. пад. 156б, правѣдное сонцъ 154 и т. д., ср. «РФВ», XXI, 66), а с другой стороны, имеется є там, где ожидали бы видеть ѣ (греха 16, оувидєлъ 20, доєхалъ 44б, венцы 146 и т. д., ср. «РФВ», XXI, 66). Для дифтонгов *úǫ* (*y͡o*) и таких следов указать нельзя. Понятно, отчего не отмечали дифтонгов и первые собиратели белорусских народных произведений, и, только начиная с 1887 г., указывается эта черта.

Переходя теперь к перечислению примеров с дифтонгами на месте *o*, мы сгруппируем имеющийся в изданиях народных белорусских произведений материал, не различая, где это не указано, случаев слишком лабиального произношения согласных перед *o* (^{u}o) от случаев настоящих дифтонгов разных оттенков, так как все это можно установить только при проверке записей на месте. Дифтонгическое сочетание является только на месте основного русского *o*.

1. Положение в конечном закрытом слоге. Прарусское *o*, вследствие утраты *ъ* и *ь* в следующем за ним слоге, несколько продлилось и, очутившись в закрытом слоге, значительно сузилось. Со временем вообще закрытость слога, помимо утраты глухих, содействовала появлению дифтонга, притом не только на месте прарусского *o*, полученного из обшеславянского языка, но и на месте того древнерусского *o*, которое, напр., развилось в формах полногласных. Ударяемость слога усилила произношение гласного, что и содействовало обнаружению того или другого рода его дифтонгичности. Примеры из записей Янчука (вм. условного *o* везде восстановляем *y͡o*, причем слоговым большей частью следует считать *y* (*uǫ*), на нем же предпола-

[1] Ср. «Mat. i prace», II, 230, 232: «co nieraz możeby trzeba przypisać niedoskonałości mojego ucha», — скромно замечает Клих в свое оправдание, что на месте ожидаемого дифтонга он замечал только узкое *o*.

гается и ударение): твуой (№ 7 Бобр., № 13 ib.), на туой дарозе, по русуой касе (№ 20 ib.), куонь (№ 22 ib., 76 ib.), муой (№ 25 ib., 27 ib., 96 ib. 29 Игум.), в свуой край (№ 27 Бобр.), женишкуом (дат. пад. мн. ч., № 51 ib.), на туом кони (№ 53 Игум., ср. 54 ib.), вуол (№ 63 Бобр.), буог (№ 71 Игум.), на двуор (№ 76 Бобр.) и др.; у Шейна: долуой (Мат. I, 602 Слуцк.), буог (ib. 306), туом (95 Мозырь), пируох (в рифму *тururyx*, ib. 60); у Ляцкого (Посл. Борис.): буог (1, 4, 57), пуоп (но тут же *боб* 14), мюод (17), гнуой, гуод (18), двуор (20), за нуос (ib.), свуой снуоп (23), куонь (27), хвуост (34), вуол (44) и др.; у Чудовского («РФВ», XL, 60), где можно видеть и лабиальное произношение предыдущего согласного[1]: мўой, нўочь, пирўо́х, вўол, стўол (Слуцк. у.); у Довнара-Запольского («Живая старина», 1893, 1, 8—10): сакуол, пахуот, чабуор, муой, твуой, разбуой, пастуой, на аднуом, варанцуом и т. д. (Ново-Свержен. вол. Минск. у.); в собрании Федеровского примеров масса: bu̯oh (I, 4 Дворецк.), даже в полонизме bu̯og (I, 14 Янов.), bu̯olsz (I, 6 Мстибов), zdalu̯ok (I, 15 Лысков), nadau̯ku̯òł (I, 93 ib.), toj ru̯ok (I, 157 Свислочь), hrebliu̯ i mastu̯ou̯ (I, 164), backu̯òm (dat. pl., I, 301 Свислочь), wau̯ku̯òu̯ hrumàda (II, 270 Лысков), u̯ miechŭch (III, 183 Волков.) и т. д. У него есть даже алфавитный список «wyrazów i form, w których przed akcentowaną samogłoską *o* pojawia się *u*» (II, XXI sq.). Как можно видеть из разъяснения проф. Розвадовского (ib. XXIX), дело с дифтонгами в западнобелорусском языке обстоит иначе, однако примеры, приведенные Федеровским, говоря вообще, правильны; adu̯òj, adnu̯òm, Antu̯òn, asu̯ot; bu̯ok, chwu̯ost, daru̯òs, du̯om, druhu̯òj; hnu̯oj, karu̯òu, ku̯ość, łu̯oz, mu̯oh, naru̯òd, nu̯oz, pu̯od, pu̯ou̯, Ruhu̯òr, su̯ol, twu̯oj, wu̯oz, złu̯ość, żywu̯òt и т. д. В ответах на белорусские программы, разосланные Академией наук: ни мўо́г (№ 10 Комаровичи Мозыр. у.), сыноўо́х (ib.), руо́у, дуо́м (ib.), волуо́с, миж кустуо́ў (ib.), гвуо́здзь, бацькўо́ў (ib.) и др., «*o* как *y* не произносится, но как *уо:* буор, вуон...» (№ 13 Кобыльникск. вол. Свенц. у.); у туом кажуси (№ 23 Старый Свержень), аднуой, буор, туом и др. (№ 29 Любчь Новогр. у.), буор, туом (Мат. М. № 8 Скород. вол Мозыр. у.), гуод, тхуор, вулуо́ў, вуўкуо́ў, горуо́д, друозд и т. д. (№ 9 Шерешево Пружан. у.); у Малевича: руо́ў, муо́й, пуо́й (8), гуо́т (20), гуо́рш (21), гуо́р (Слуцк. «Живая старина», 1907, 1, 34). Наибольшее число примеров, вдобавок систематизированных, приведено в названной раньше работе проф. Розвадовского (Mat. i prace, I, 216—219). Вот более типичные из них: akałŭt, astrŭh, bŭk, łŭś, marŭz, ᵘŭś, atŭs, kŭść, pa lesŭx (рядом с lesŏx) и т. д. Клих, занимавшийся под руководством Розва-

[1] «Везде в этих случаях первый звук ў короткий и, напротив, сильно преобладает второй *о*, так что даже ударение падает на этот звук».

довского, в изученной им местности Новогрудского уезда вообще отмечает мало случаев с дифтонгами (Mat. i prace, II, 230—233): pú°p. ku-n, tu-i̯, pazwő l, pa^{u}uső-x; но там же отмечено много слов в подобном положении со слишком сжатым *o*, почти *u* (dvòr, dvùr, hŏd, hút и т. д.), а также с лабиализованным согласным (na t^{u}óm, sak^{u}ół, st^{u}ół, B^{u}óx, t^{u}oi̯, n^{u}oć и т. д.), иногда даже при лабиализации согласного имеется сжатый гласный (v^{u}ős, b^{u}ŏp, nar^{u}ŏt и др.); обычны случаи и без всякого сжатия гласного и его лабиализации: b'arú v^{u}ős, ana v ó s kładúć (38 Полонная), pakói̯, woł, ńiebóś, v adnóm, u dwaróx и т. д.

2. Положение в середине слов в закрытом ударяемом слоге, получившемся большею частью вследствие утраты глухого в следующем за ним слоге. Примеры: у Янчука: нуожки (№ 7 Бобр.), руоднои (ib. № 14), руодного (ib. № 20, 31), коруоўки (ib. № 21), не буойса, чобуотки (ib. № 25), никуольки (ib. № 26), червуонцы (ib.), подвуорье, (ib. № 28), в уочки (ib. № 56), у нуожках (ib. № 64), туольки (ib. № 95), руодны (ib.); у Шейна: голуоўка (Мат. I, 602 Слуцк.), молуочливыя (ib. 96), дуобровою (ib. 57), туомасо (тоймасё) (ib.), доруожка, пуойдзе (ib. 28), червуонцеў (ib. 58), гуосьцика (но *гось-цих* ib. 59) и др.; у Чудовского («РФВ», XL, 60): бўóльша; пўóйдзешь, тўóльки, дорўожка, рўóдны (но *ро́дненькіи*), жўóнка, рўóўня; у Довнара-Запольского; буольша, нявуольна, дуонька, буольна, гуорка, вуочками, злуотничку, халуодная, збуорщик, дуоўга, вуойська и др.; Казлўóўски, Баранубўски (Ляцк. Посл. 43 Борис.); у Федеровского всюду примеров масса: kǫolki (I, 5 Дворецк.), bǫondu (I, 379 Лыскоз), pǫomszy (II, 50 Изабеллин), pâświli hǫòuca (II, 106—107 Рось) и т. д., или у него в известном списке (II, XXI sq): asǫòbno, aswǫòjczäny, bǫòjka, chwǫòjka, darǫózka, hǫòrka, kǫónczycsa Lǫòzki (название деревни), mǫòcny, nabǫòźny, niebǫòszczyk, nǫòzdry, ǫ̀jczäńko, płǫòjma, pǫòjduć, rǫòzga, słǫònco, tǫòlki, wǫòdka, zbǫòrnia, źǫònki и т. д. Напомню, что *uo* у Федеровского = ů. В ответах на белорусские программы: замуожны (богатый), замўóжных, коруоўка, луожко, друобны и т. д. (№ 10 Комаровичи Мозыр. у.), карўóўка, дарўóшка, дрўóбны дощ (№ 12 Слуцк. у. Подлесье) (только после *р*); доруожка, пуойде (№ 29 Любчь Новогр. у.); друобный, доруожка, пуойдзе (Мат. М. № 8 Скородн. вол. Мозыр. у.); буочка (ib. № 9 Шерешево Пружан. у.); гуорка, друббны, буольшы (Малев. 8 Слуцк.), муоцно (ib. 20), дуоббро, малуодшая (ib. 21). В середине слов проф. Розвадовский (Mat. i prace, I, 217—218) реже наблюдал ů или нечто подобное, обыкновенно он встречал сжатое *o* (*ò*, *u*): spŏ°nka, nŏška, apú°šńi, hú°dny, hŏ°zdry (217); примерно так же обстоит дело и в записях Клиха (Mat. i prace, II, 230 sq.): t^{u}ónka, ž^{u}ónka, k^{u}ónno, p^{u}óiźe, ł^{u}ošk̀o и т. д. с предыдущим лабиализованным согласным; вуòльнаго («Живая старина», 1907, 1, 34 Слуцк.), куòску (ib. 35).

3. Имеющиеся записи народных произведений представляют несколько случаев появления дифтонга на месте прарусского *о* в слоге открытом на конце слов или в середине. Несомненно, что некоторые из таких примеров возникли в записях лишь по недоразумению или по ложной аналогии, но некоторые случаи, ввиду повторения их почти во всех собраниях, повидимому, отражают действительность. Здесь, конечно, не станем повторять тех случаев, которые приведены нами уже раньше и представляют в связной речи закрытый слог (как *пуо-мши*, *пуо-йдзешь*). Сюда относятся у Янчука: малуодочки (№ 8 Бобр.) (по аналогии *молуодка*, хотя и последнее слово, с полногласием, представляет в своем дифтонге подражательное явление), руосочка ро-ситца, руосочку (№ 19 ib.) (по непонятной для меня причине), застуолейко (№ 28 ib.) (по аналогии *застуольле*), мнуого (№ 51 ib., № 55) (известное и другим записям, как увидим ниже), нуожечки, руожечки (№ 55) (по аналогии *нуожка, руожки*), голуовочках при *голуовках* (ib.) (с подражательным дифтонгом), нуожках (ib.), молуодочка (№ 65 ib.), молуодочек (№ 74 ib.); у Шейна: руожечках, коруовочки (со вторичным дифтонгом), нуожечках (Мат. I, 96 Слуцк.), подвуодоньки (ib. 27); у Ляцкого: вуо прывязка (6), на вуо-дулю ў нуос (22), буо аткусиць (26), хтуо любиць (28); у Чудовского («РФВ», XL, 60): мўбгилки, бўбжўом (под влиянием *буог?*); у Довнара-Запольского («Живая старина», 1893, I, 9—10): малуодушку, даруожачку, варуоцячак, малуодак (все четыре слова с дифтонгом подражательным в полногласных формах), нуовяньки, рыбалуовы и др., в которых дифтонг мог явиться под влиянием образований от тех же корней с закрытым *о:* на живуога, залатуому. Есть подобные случаи и у Федеровского (II, XXI): bierǫ̀za, lǫ̀ko, mǫ̀hiłcy, sztokǫ̀läk; Розвадовский, не находя возможности для подобных случаев предположить прарусское *ō*, допускает даже для сравнительно часто встречающихся слов смешение дифтонгов и лабиализованных согласных, предшествующих *о* (Mat. i prace, I, 218—219). У Клиха (Mat. i prace, II, 232) в случаях рассматриваемого разряда только отмечается лабиализация согласного, предшествующего *о:* daǩ^{u}bi̯u p^{u}òra b^{u}óty. Дифтонг в открытом слоге может быть и с продленным гласным: мўоо й гэ (Сержп. 11 Слуцк.) (может быть). В ответах на белорусские программы также указываются подобные примеры, хотя и редко: буоже (№ 10 Комаровичи Мозыр. у.), нуожечка (ib.), мнуого, штуо (№ 13 Кобыльн. вол. Свенц. у.), мнуого, коруовочки, нуожечка, штуо (№ 29 Любчь Новогр. у.), мнуого, коруовочки (Мат. М. № 8 Скородн. вол. Мозыр. у.), вурубна (с дифтонгом в полногласной форме) (ib. № 9 Шерешево Пружан. у.), саскубчыў (Малев. 21 Слуцк.), жубнка, дарубшай (ib. 21) (даже в полногласной форме), ў гублас (ib. 116) (тоже), нагавубр'-

ваць (ib. 21) (после *р*, очевидно, слышится гласный неполного образования).

Из трех рассмотренных положений дифтонги в известных говорах наиболее часто встречаются на месте прарусского *о* в слогах закрытых, главным образом в конечных; в открытых это явление необычно, так как в них нельзя предположить прарусского *ō*. Если встречающиеся примеры не могут быть объяснены аналогией образований от тех же корней с гласным закрытым, то с полной вероятностью можно утверждать, что мы имеем дело не с тем или другим видом дифтонга, а с лабиализацией предшествующего зруку *о* согласного.

Во всех приведенных примерах дифтонг был в слоге ударяемом. Но в сборниках белорусских произведений попадаются изредка случаи и дифтонга *о͡у* в слогах безударных, но все же закрытых с древнерусским *о*. Так, у Шейна (Мат. I), напр., читаем: жо́ўту͡ом (602 Слуцк.), беле́сенькуо͡й, тонёсенькуо͡й, но́зуо͡й (38 ib.), дуо͡бро́ою (57 ib.) и др.; у Чудовского («РФВ», XL, 60): вўойна́, бўбжўом, бўою́сь, ўоўто́рок, пивава́рўоў и др.; у Довнара-Запольского: дзевачкуо͡м (но это слово можно читать и с ударением на конце); у Федеровского (II, XXI sq.): brȁtu̯o̯u̯, brȁtu̯o̯m, pu̯onczòszka, zabitu̯o̯j, u̯ siomu̯o̯m naĭwyż-szu̯o̯m niebi (I, 9), u̯ paròchowu̯o̯m stozi (Федер. I, 107 Лидск.). В Мат. Б.: под гру́шкуо͡й (№ 29 Любчь Новогр. у.); в Мат. М.: чистуо͡м, новуо͡м, белуо͡м (№ 8 Скородн. вол. Мозыр. у.), у пьятуо͡й, другуо͡й (№ 9 Шерешево Пружан. у.). В «Отчете»: на чистуо͡м поли (3 Браслав). Проф. Розвадовский безударных *ŭ* не наблюдал: «nieakcentowane ŭ, ó brzmią: 1) przed akcentem = *a?*... 2) po akcencie = ó lub *u̯*...» (Mat. i prace I, 220). Из рассмотрения приведенных примеров можно видеть, что записей с дифтонгами без ударения вообще мало. Уже было указано в отделе о переходе *о* в *у*, что в подобном положении, вместо ожидаемого дифтонга, вне ударения в слогах закрытых в юго-западных белорусских говорах явилось *о* слишком закрытое, а перед ударением обыкновенно возникает *а*, о чем речь после. Я даже думаю, что и в приведенных немногочисленных случаях дифтонгов вне ударения следует видеть либо описки, точнее — написание по аналогии ударяемых слогов, или обозначения лабиального произношения согласных, предшествующих гласному *о* в конечных закрытых слогах, а иногда и в открытых, как это, напр., явствует из примеров, приведенных у Клиха: ха́ĭкᵘо (9 Полонная), hórkᵘo (ib.), ýúrkᵘo (11 ib.), báb̆ᵘo (233), l'ixᵘo (ib.) и др.

Маловероятными с теоретической точки зрения представляются случаи появления дифтонга под ударением и вне его на месте *о*, возникшего в позднейшую эпоху древнерусского языка из *ъ*, будет ли он в сочетании с плавным *р* и *л*, или другими согласными. В этом случае никоим образом нельзя предположить для древнерусского языка долгого *о*, так как вследствие утраты глухого, напр., в конце слова, в слоге, предшествующем ему, глухой только усилился в *о*. Однако

разные памятники и в этом отношении представляют, хотя и немногочисленные, примеры. Как смотреть на них? Нам самим не приходилось слышать подобных слов, но если записи передают действительные факты языка, а не теоретически построенные написания, то придется видеть в них позднейшие подражательные явления. Таковы случаи:

буорздых Довн.-Зап. 9;

вуозьмуць Довн.-Зап. 8; впрочем, для белорусского и украинского языков диалектально, может быть, придется предположить, кроме приставки **къʒ-**, еще *оз-* (о чем речь после; ср. еще А. И. Соболевский. Очерки, стр. 105, 2 вын.), перед которым может быть и приставочное *в;*

вуоўх Довн.-Зап. 9; Ляцк. Посл. 1, 6 Борис., здесь также *вуо́ўка:* wŭǫk, wŭǫkam Федер. III, 57 Лидск.;

гуорняца (горнется, прихиляется) Довн.-Зап. 9; не под влиянием ли *гуорница* = **горьница**?;

друоў (**дрѣкъ**) Мат. Б. № 10, Федер. II, XXII (drǫǫ);

dŭźdź Федер. III, 283 Новогр. у. (но строкой ниже там же — dȍźdź);

dǫȍǫho Федер. II, XXII (**длъго**);

здуох (**нʒдъɣлъ**) Ляцк. Посл. 21, 39 Борис.;

куожный Чудовск. 60, Мат. Б. № 10, kǫȍźän Федер. II, XXII; в основе этих форм ставлю **къжьдо**, хотя они могли бы быть образованы и от местоименной основы *ко-;*

kǫǫbàsa Федер. II, XXII, kŭǫlasŭ ib. III, 110;

krǫǫ (**кръвь**) Федер. I, 86, krŭǫju III, 19, Слуцк. у.;

пуовях (**плънъ**) Довн.-Зап., 9;

суох Ляцк. Посл. 42 Борис.;

туой кажа Мат. Б. № 29 (**тън**), где, быть может, подражание дат.-местн. пад. ж. рода ту͡ой (= **тон**);

туолж Ляцк. Посл. 44 Борис.;

туорба Малев. 8 Слуцк. (также и в укр.);

-ŭch — окончание местн. пад.; примеры приведены раньше. Но в этом окончании, как увидим в морфологии, -*ŭ̆*- стоит не на месте основного славянского **ъ** (**ɣъ**), а **о**(**ɣъ**).

В рассмотренных доселе случаях на месте прарусского *ō* (отчасти *о* и даже **ъ**) появлялся дифтонг *ŭ̆*, *ŭǫ*, или *ǫǫ*, с слоговым или неслоговым *и* перед *о*. Есть, однако, свидетельства собирателей белорусских народных произведений, что некоторым говорам известен и особый дифтонг *о͡у* с неслоговым *ŭ̯* после гласного. Так, у Шейна (Мат. I, 602 Слуцк.) читаем: иоу͡н, то͡ум, во͡уйску, или (ib. 306) — вороуцечак, или (ib. 248 Слуцк.) — лябиоу͡дкою, (ib. 263) — дроу͡бны, (266 ib.) — бо͡ур. Подобные написания у Шейна, вообще при редакционной неаккуратности его сборников, казались мне недосмотрами (вм. *у͡о*). Однако и Довнар-Запольский («Живая старина», 1893, 1, 13) подтверждает существование дифтонга *о͡у* (не из основных групп *о* + *в*, *о* + *л*): «юго-

восточный угол Минской губ., по сделанным нами записям из Древновической волости Речицкого уезда, знает о͡у на месте *о*...: сто͡улька, бо͡уг, ко͡унь». О дифтонге о͡у при особых условиях свидетельствует и Никифоровский (Мат. Б., 131) для Витебского уезда. Отвечая на запрос белорусской программы, не слышится ли *о͡у*, он говорит: «Весьма редко, и то при пении, слышится оў, напр. усе *дроўбчыи птоўшки* зляцелиси ў сыр дрямучий *боўр. Штоў?* (когда стоит единственным вопросительным словом)». У Ром. Мат. Гр. II: жоунка 10 Волк., воуза ib. 11.

Из ссылок при примерах на дифтонги, а также на основании других свидетельств можно составить примерную карту распространения рассматриваемого явления. Оно занимает отчасти или полностью уезды: Бобруйский, Бельский Гродненской губ., Белостокский, Волковыский, Гродненский, Игуменский, Лидский, Минский, Мозырский, Новогрудский, Пружанский, Речицкий, Слонимский, Слуцкий, Сокольский. На юге граница достигает украинской области, а не севере идет примерно по линии через Гродно, Лиду, южнее Минска, через Игумен и Бобруйск. На западе, по свидетельству Федеровского (II, XXI), «postępując ku granicy Królewstwa, to *u* coraz bardziejpzanika. W gwarze sokólskiej w wielu wyrazach całkiem go już nie słychać». Такое же ослабление дифтонгического произношения и на востоке. Именно, в северной части Игуменского уезда и в восточной и юго-восточной Бобруйского, по приведенному раньше (стр. 123) свидетельству Янчука, ударение бывает на второй части дифтонга, т. е., значит, наблюдается лишь лабиальное произношение согласных, предшествующих *о:* «первая часть дифтонга остается только в виде слабого призвука», еще далее и этот «призвук» исчезает, так что на восточной окраине Бобруйского уезда и Речицкого уже слышится чистое *о*. Конечно, спорадически дифтонгическое произношение *о* можно слышать и севернее (ср. примеры из Свенцянского уезда и даже Новоалександровского — Браслав), особенно по границам с литовцами; с другой стороны, далеко не везде и в очерченном районе можно замечать дифтонги[1]. Влияние литературного русского языка, а также польского — через школу, церковь, войско содействует произношению с чистыми гласными.

Дифтонгическое произношение прарусских гласных *ō*, *ē* и *ѣ*, кроме отмеченных белорусских говоров, известно и североукраинскому наречию, примыкающему к белорусской области. Отсюда естественно можно сделать предположение, что эта общая черта указанных языков диалектально восходит к позднейшей эпохе прарусского языка и свойственна была языку того племени, которое легло в основу белорусской народности и в то же время жило по соседству с племенами, вошедшими в состав украинской народности, а таковым являются дреговичи. После

[1] В ответах на разосланную Академией наук белорусскую программу некоторые наблюдатели категорически заявляют, что у них нельзя слышать дифтонгов. Таковы сообщения под № 7 из с. Гатова Минск. у., № 8 Шацкой вол. Игум. у., № 9 с. Мокрого Бых. у., № 11 с. Плюс. Новоалекс. у.

татарского нашествия это племя потеснено было несколько на север, но затем, с уходом татар, оно распространилось на юге далее за Припять в область северных украинцев. Так как у украинцев уже существовало сжатие прарусских гласных $\bar{o}$, $\bar{\delta}$ и $\bar{\imath}$ в случае закрытости слогов, т. е. примерно в тех же условиях, когда в белорусских говорах были дифтонги, то северные украинцы и заимствовали эту черту вместе с некоторыми другими (твердость *р*, иногда *дз* и *ц*, аканье) у белорусов. На заимствование у белорусов этой черты, по мнению А. А. Шахматова («Исследования», стр. 119—120), указывает зависимость у северноукраинцев появления дифтонга от ударения, как и у белорусов. Под влиянием языка западной ветви других среднерусских племен, утративших прарусские долгие гласные, явившиеся из *о*, *е* в слогах, за которыми следовали слоги с конечными глухими, и дреговичи начали терять дифтонгическое произношение известных гласных и утратили бы его окончательно, если бы не было поддержки в этом отношении со стороны соседей литовцев, из которых некоторые со временем совершенно обрусели (голядь, ятвяги). Таким образом, белорусские, как и северноукраинские, дифтонги восходят к одним и тем же основным звукам и одинаково древни, только в белорусском языке, не имея поддержки в говорах, так сказать, тянущих к русским, они на пути к исчезновению; в украинских же говорах они идут по пути дальнейшей перегласовки в направлении к *і*. Сравнение со случаями сжатия *о* в *і* в украинском и может служить критерием при определении, где в белорусском следует видеть настоящие дифтонги, а где лишь простую лабиализацию согласного, предшествующего *о*[1].

Переход *о* в *а*

Рассмотренные до сих пор переходы *о* в *у* и дифтонг не носят общебелорусского характера, они свойственны только известным местностям; переход *о* в *а*, к рассмотрению которого приступаем, в той или другой степени имеет общебелорусский характер.

Тут, собственно, идет речь о переходе *о* безударного в *а* безударное; но в сборниках народных белорусских произведений можно указать несколько примеров, где как будто и под ударением стоит *а* на месте *о*. Таковы: на б*а*к (Дмитр. II и Ск. Вильн. 12 Диснен.), г*а́*луб (ib. 47 Новогр.), nâ nâcz (Федер. I, 4, Дворецк.), ўз'аў jагò *за лап* (за волосы, за лоб), (Новогр.), х*а*ц' (хоть), г*а́*лас, *кал*я м*е́*льницы (Мат.

[1] На дальнейшем исследовании вопроса не стану останавливаться, так как это дело украинской диалектологии. Литература предмета имеется у А. И. Соболевского. Очерк русской диалектологии. III. Малорусское наречие («Живая старина», 1892, IV, стр. 12—39). Самый процесс перехода *о* в *і* рассматривается, между прочим, в работах А. А. Потебни: «Два исследования», 103—104 и «К истории звуков русского языка» («Филол. зап.», 1876, 1, 47); П. Житецкого: «Очерк звуков истории малор. наречия», 115; Е. Огоновского: «Studien auf d. Gebiete d. ruthenischen sprache», 21 sq.: А. А. Шахматова: «Исследования в области русской фонетики», гл. 10: О дифтонгических сочетаниях в западнорусских наречиях (110—129).

Б. № 8 Шацк.). Появление *а* в таких словах, как *хац'*, на *бак* и под., в которых *а* на первый взгляд кажется стоящим под ударением, объясняется именно отсутствием в связной речи ударения на этих словах: хац', примыкая к предыдущему или последующему слову, является энклитикой или проклитикой, а тогда *о* безударное естественно переходит в *а*. В словах *на бах*, *на нач*, *за лап* ударение на *на-* (*на́бах*, *на́нач*) и *за* (*за́лап*), поэтому и здесь *а* является на месте *о* безударного: *каля*, старинный местный **колѣ**, ставши предлогом, сливается в одно целое со следующим зависящим от него существительным, и оба слова имеют одно общее ударение, которое может быть и не на предлоге, как здесь, или же не на той части предлога, где оно стоит при отдельном употреблении этого слова [ср. *калé саду* (Мат. Б. № 24 Студзёнка), kalè waròt (Федер. II, 18 Волков.), kalè jejè (ib. 167]. В слове же *га́луп* (**голжвь**), если его не следует читать *галу́п*, именительный применился к другим падежам, где это *а*, будучи безударным вследствие перехода ударения на окончание, является совершенно правильным заменителем безударного *о*. *Га́лас*, если не заимствование из какого-либо другого языка (ср. польск. hałas, шум, укр. *галас*), могло образоваться параллельно при обычном *го́лос* под влиянием слова *галас'и́ць* (плакать): ;ä̀кú там шум и галас (какой там шум и вопль), га́ласу нараб'и́'ли (произвели шум). По непонятной для меня причине в некоторых местах говорят вм. *у́голь* — *уга́ль* (с. Комаровичи Мозыр. у. Мат. Б. № 10, м. Слободка Новоалекс. у. ib. № 14, с. Долгое Игум. у. № 15, с. Микуличи Речицк. у. № 17 ib., д. Черная Себеж. у. № 28 ib., с. Герасименки Орш. у.) (*уга́ль*, *уга́лля*), *вуга́ль* (Витебск. у. № 18 ib., с. Ореховно Лепп. у. № 27). Подражает огласовке глаголов вида многократного *а* при полногласии в *вороча́ться*, изредка встречающемся в белорусских говорах (Мат. Б. № 15, Орш. № 32 ib.). В старых западнорусских памятниках это явление находит отражение в единичных случаях: по марю (Сб. XVI в. Чуд. 57). Встречающееся в Тайне тайных XVI в. *на разѫ* (14) представляет заимствование из церковнославянского, а не *а* на месте *о*, так как в белорусском языке известно только *ро́зум*.

Переход *о* безударного в *а* вместе с таким же переходом *е* безударного в *а* с предыдущей мягкостью согласного, или так называемое а к а н ь е, одна из выдающихся черт белорусской фонетики в области гласных. Этот переход в той или другой степени известен и старым западнорусским памятникам, начиная с древнейших, и продолжается до сих пор на всем пространстве белорусского языка; причем в одних областях всякое или почти всякое *о* безударное переходит в *а*, в других на месте *о* безударного возможны, как увидим ниже, и другие гласные.

Старые западнорусские памятники, благодаря консервативности исторической орфографии, отмечают переход *о* в *а* лишь случайно: его выдают невольные ошибки или недосмотры неопытных писцов, причем чем более навыка имел переписчик в традиционном письме, тем

менее сказывается в его рукописи интересующая нас особенность. Удерживаются даже такие древнерусские черты, как *о* на месте иностранного *а* [*О*ксентей (Бел. Арх. 1 1606)], как приставка *роз-* [розницу (Бел. Арх. 1 1592)], корень *роб-* [робити (Бел. Арх. I 1577)]. Есть и такие старые западнорусские памятники, где нельзя указать ни одного несомненного примера перехода безударного *о* в *а*. Количество невольных случаев аканья зависело также и от того, какой местности уроженцем был переписчик или автор известной рукописи: смольнянин, могилевец, северный минчук больше акают, чем полешук. Несомненно, что белорусское аканье, напр. XVI в., было в подробностях несколько иное, нежели современное в соответствующей местности. Но памятники старого западнорусского наречия в большинстве случаев еще не распределены по известным местностям, поэтому свидетельства их могут иметь только общий характер. Вот эти данные относительно перехода *о* в *а*, извлеченные из разных памятников. Грамоты XIII—XV вв.: *А*лкердъ (1359 г., Смол.), *А*нофрей (1399 Полоцк.) (Недеш. 9). *а*ктября (1406 г.) (Арх. С. 1, по копии), а пасле (= опосля? Л. 233 1478 г.), да Куконоса, да освеценого короля, з *а*бою сторон, ста*а*ить (гр. 1478 г. Полоцк.), за*а*лбзы (= жолозы — **жлѣзы** 1486 г.) (Арх. С. XI). В последнем примере писец на *за-* мог смотреть и как на известный предлог; да тебе (гр. 1496 г.) и др. Четья 1489 г.: пра*а*цаеть (20б, 90б), ба*а*гатьство (58б), ка*а*рабль (93б), обрада*а*ваннꙗ (162б), ка*а*мольное (137, при *коромола* 249. *коромолити* 166б), пода*а*баеть (175), пота*а*пта (207б), мола*а*ныꙗ (182, при молоныꙗ, 248). В некоторых из приведенных примеров *а* может быть объяснено и совершенно палеографически: под влиянием *а* следующего слога, а в *пращаеть* можно видеть и морфологическую особенность. Псалтырь до 1492 г.: па*а*чинающи (254б), са*а*веты бесовскиꙗ (184б). Сборник XV в. Публ. б. № 391: незбе́дные́ жида*а*ва (2), с та*а*бою (4), тра*а*ꙗ (11), госпа*а*же (4), на нага (6б), ка*а*ли (14), та*а*гды (64б, 90б), па*а*то (64б), ма*а*гли (14), па*а*роуши́сѧ (22б), па*а*роушоне (49), *а*бвиноу (37б), *а*ны (92), оу сторана (78б). Прибавим: праданъ (335 рук. Синод. библ. № 203). Сюда же следует присоединить еще несколько случаев, в которых *а* можно объяснить и действием ложной аналогии, таковы: благосла*а*вленїе (86, под влиянием *слава*), тела їс*а*ва (22б, под влиянием род. пад.), старост*а*ю (31, по аналогии формы им. пад.). Влиянием аканья объясняется и появление *а* в нескольких словах, заимствованных из польского или других языков, как: часто кратъ (częstokroć, 22б, 96), часто кра (43б, а быть может, по памяти о **кратъ**?), ка*а*хали (kochali, 41), *а*хт'оврѧ (октября, 44), Герада (рядом с *Герода* 52), Бараба (рядом с *бораб*оу 21), са*а*тона (26б, при *сотока* ib.), сота*а*на (29б), матки па*а*ганки (45б, при *пога*м'ского 94). Не будет аканья, а простое заимствование из польского в следующих случаях: ласка*а*ве (łaskawie, 1б), ѡгарнѡули (ogarnęli, 50б), прова*а*дила (prowadziła, 79б). Скорее морфологическое, а не фонетическое явление в таких случаях, как: оуказа*а*вати се (30б), не заказа*а*ва (39),

ѳказава (49), приказава (31, 65), неслыхаваны (33б), вымоураваны (44б), пописавали (83), погʻлатаёть (86), одновa (однажды, 43, об окончании ниже). Ист. Сборник XV в. (Лет. Пер. Суздл.): грамаду (4), караблихъ (8), ахабивъ (14), манамаха (104), помагающа (4б), помагаю (52). В последних двух примерах морфологическое явление. Литовские летописи: манастырь (68 Крас.), -ри (90 Крас.), гмаѳть (83 ib.), рыѳкгалтѳ (70б Крас. обыкновенно *рыѳкголт*), за мазыре[м] (79 ib.), карабле[х] (80 Крас.), сара звою̑е (76 ib., вм. *сорáж* — сураж?), зʻ навагородка (67 Крас., при *ковгородок*, *на ковегородце*), начова[л] (83 Крас., 87б ib.), витовтавы[м] (81б ib.), Витовт горазда живеть (3 Вил.), стаяти (4 ib.), старонам (10 ib.), польтараста (44 Увар.), брат Ольгирдав (ib.), безa всякого (48 ib.), иных бояр многa постиналь (33 ib.), Манама[х] (1б Супр.), карабла (7 ib.), Рагнединiноу (11б ib.), за полътары (72б ib.), начовал (ib.), размаиты[х] (13б Рум.), захавати (22 ib.), ѣыгаи[л] (Археол. 68), мѳраваного (73 ib.), много лиха ѳчинила (89 ib.), мазыре[м] (453 Евр.), тура[х]скаого (453б ib.), в Магилеве 525б (ib.). В приведенных примерах есть, однако, такие, которые имеют сравнительно мало значения; таковы собственные имена, а также иностранное слово *манастырь*. Не будет аканья в словах, подобных *непомалá* (83 Крас.), где вид многократный. Летопись Авраамки XV в.: пропавѣдаше (32), ѿ славенца (67б), с братамъ (68), к наоугородчемъ (78), начовалъ (101), начевать (373), поваѣвавъ (187), златаоуста (302), с навгородци (306), братолюбно (ib.), свои злый наровъ ѿбнажи (306), не сматра (379). Менее достоверные случаи аканья представляют некоторые собственные имена и слова иностранные: авгоустъ актавїѣ въ снъ (18б), саломию (39, при *соломиина* 38б), конана (174), трѵфана (277б), манастыра (230б, ср. монастыра 419), по двѣ нагатѣ (55б), грамату (165, при *грамотоу* 165б). Сборник XVI в. Позн.: Анцалотъ и Анцолотъ, Малгарыа и Малгорѣа, Арленъдэйский вм. ѡрленъдэйский (19, 64), горатанский (103, при *гохотинский* 86), инаходникъ (143, 156, при *иноходникъ*), паганинъ (118), нагавицу (142). Аканье в иностранных словах имеет менее значения, так как *а* в таких словах народ мог поставить, держась какой-либо аналогии с словами живого языка или ложной этимологии; впрочем, такие случаи имеют уже то значение, что свидетельствуют о склонности переписчиков к произношению безударного *о* как *а*. Сборник XVI в. Крас.: Саломонъ (неск. раз). Статут 1529 г.: гараздъ (вар. *гохаздъ*, 182); *а* в этом слове могло явиться и под влиянием следующего слога (*-ра*): *гаразд*ъ встречается и в украинских памятниках (Соболевский. Лекции, 4, 90); повалали (польск. povołali, 385), отвалаючи (вар. *отволавши*, ib.). Статут 1588 г.: касовати (72), сенажати (327); в последнем *а* может быть под влиянием окончания род. пад. Гродн. Акт. кн. XVI в.: паруку (27), паручники (рядом с *поручники* 23), сенажати (327), Авруцкого (рядом с *Овруцкого* ib.), манѣты (33), манастыра (50), выганяють (2, при *выгоняеть* ib.), заганялъ (43, морфологическая особенность). В других актовых

книгах: г*а*л*а*пуза, г*а*нчара, *а*динъ, г*а*релки, с*а*ломы и т. д. (Недешев, 12). Тайна тайных XVI в.: йспа'лнаютсѧ (4), здаровьѐ (5б), ѡ҃быходы ѐгѡ тамашн'нїй (14б), пр'ираженейшии (15б), ѡ҃блаженїѧ (24), каханьѐ (25), капание[м] (28), крававыѧ (31), вла[жи] (45б), по горадо[х] (47б), караб'леникъ (48б), гарачими (57), даловъ (56), но ток'мо г*а*лары не мый (64), ламанѣ (67б), ва[ди]ти (72б), ѡ҃снавати (77), староне (82б), с'тар*а*не (ib.), что прѧтив'но планите ѐгѡ (8), *а*мочивъ (44б), дасыти (42), по да'статкѹ (48), др'емата (31), растропотпасть (36), моркавъ (44б), скопас'ти (84б), воз'рас'тѫ (66б), разѹменъ (84), никакого *а* дѣла (61б), ѡ҃дного*а* (15); в последних двух словах *а* может быть рассматриваемо и как морфологическое или, скорее, явление аналогии — подражание окончанию родительного падежа имен существительных. Тут же ѡ҃*сожаю*, которое свое *а* могло заимствовать из именительного падежа. В Библии Скорины, равно как и в Литовском Статуте, случаев аканья почти нет, так как при печати текст должен был пройти через несколько рук, притом людей опытных. У Скорины отмечено (Влад. 259): *золотарев*, где можно видеть и передачу особой огласовки полногласных форм, *маиисто* (Ср. 13, 13б). Катихизис 1562 г.: г*а*раздъ розс'мотрети (211), ѡ҃навлало (235), чл*а*нки (члены, 236б при польск. członek, если не опечатка, то ввиду ударяемости (?) *а* — след знакомства с нередкой в старославянских памятниках формой **членъ**, серб. *члан*, словин. članek). В *блаюславеное надеи ѹ҃ждать* (5 предисл.), *о насекыѭ бл҃гославенѣ* (3 предисл.), *бл҃гославилъ* (73) следует видеть скорее явление словообразования, нежели фонетики. На аканье указывают и случаи появления *а* в глаголах вида многократного, как: пом*а*гали (170б), л*а*мати (98), позв*а*лаютъ (63б, рядом с *полгаетъ* 43). Катихизис 1585 г.: роз*а*рв'аны (9б), с*а*домъскїи (4), кат*а*хи́змъ (1б, при *катехизмъ* 1). Евангелие Тяпинского 1580 г.: м*а*ланыа (34, 42), прї н*а*гах (49), л*а*малъ (34, мало имеет значения). Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: рад*а*сть (48б). Псалтырь XVI в.: на д*а*розе (7), на д*а*рогѹ (87б), оу҃зд*а*рови҃ (10), здарова (19 б), здаро҃*а* (39, 39б), вд*а*вицъ (65б), гр*а*маде [34, 70б, при ц.-слав. **грамада** и **громада** (Миклош. Lexic. p.-sl.), польск. gromada, укр. *громада*], вжо бѹдѹ҃ любы тобѣ *слава* з *малитвы* ѹ҃стъ мои[х] (21б), заб*а*гатити (63), *гатѹетсѧ* — валька (27б), гор*а*рили 43б, пок*а*ри҃ (48), ѡ҃вари҃ (80), в б*а*лване[х] (81б, впрочем, последнее слово встречается с *о* и с *а*: **балванъ** и **болванъ**, но на преимущество формы с *о* указывает литовское bálvonas, да и в нашем же памятнике встречается также ѡ҃ *болзане*[х] 98); ѡ҃ вси[х] смоутка҃ (34), ѡ҃ века҃ (120), рамн*а*ю (62). В трех последних случаях аканье можно бы объяснить и не влиянием безударности слогов, а некоторым другим путем: ѡ҃ смоутка҃ и ѡ҃ века҃ первоначально могли быть род. пад. ед. ч., а затем лишь писец, более внимательно отнесясь к своим источникам, поправил на род. пад. мн. ч.; *рамнаю* свое *а* могло позаимствовать из им. пад. ед. ч. Кроме безударности гласного, влияние некоторых посторонних соображений можно видеть в аканье следующих

слов: бѫдова^не *которая* (129), *страшна* и сто ѥ има (99); в обоих случаях существительное по своему окончанию напоминало женский род (*бѫдова е* можно читать и *будова́н'н'а*), и при механическом отношении к делу легко было и прилагательному придать подобное же окончание. Особую группу составлят *седмера чюдо* (29), где в *а* можно видеть и окончание мн. ч., что вполнѣ согласно со смыслом данного соединения. Наконец, в таких примерах, как: *паходи* (37), *дакѫкы* (54б) оу *пасро^жоу* земли (74б), *за* всего ср^ца (88), *да* оугло (118) — следуе видеть смешение похожих предлогов и приставок *по*, *до*, *зо* (= *изъ* и *съ*) с *па*, *да* (союз), *за*. Опять иначе можно взглянуть на аканье в словах иностранных: *к*арабли (48б), *пага*ски^х ѩзыко^х (45), паганове (при *погано* 82 ib.). Во всех подобных случаях *а*, может быть, и не на месте древнерусского *о* [хотя слова подобного рода и встречаются у нас: в полацѫ (116б), *оу* полаца^х (131 Псалт. XVI в.)], а проникло сюда снова из иностранных языков, которые западнорусскому переводчику могли быть известны. Конечно, не представляет аканья *єдинова* (однажды, 61), так как здесь явление морфологическое; сюда же относятся глаголы вида многократного, в которых аканье можно видеть только с точки зрения современной орфографии, как: выг*а*наю ма (67б), позв*а*лаѥшь (52), л*а*малиса (44), зламле и^х (7б), хр*а*мали (20б); во всех этих глаголах *а* старинное. Сборник XVI в. Чуд., писанный, вероятно, в смоленской или витебской Белоруссии, отличается большим обилием случаев аканья. Вот несколько примеров, взятых нами из описания сборника Попова: слов*а* вм. *слово* (почти постоянно), *а*коньце (59), т*а*бою (ib.), с*а*мнѣние (67), ник*а*ма (85), сыр*а*сть (63, 63б), пр^рка^м (творит. над., ib.), прощ҃броз*а*ва (ib.), с*а*творим^м (4), с*а*творѝ (7), токм*а* (6), ѳѝлипп*а*вж (ib.), *а*блако^м (ib.), дастоѝ (7), не быха^м (12), митр*а*полѝты (47), гр*а*зѣ (50), нїѳ*а*та (54б), к*а*го (56б), *а*рла (57), пр^народ*а*^м (61б), скр^лжпа (63), в постн*а*^м, бо сабо^ницѣ (63б), г*а*товы^м (65), *а*бьхожденію (67), чюнамж (71б), хворастъ (84б), липов*а*ї (*-ой*, *-ый*) (84б), свѣтл*а*еї преславное (106), ѿ втар*о*^м (124б), страшно мѣст*а* се (124б), с патрѝарх*а*^м и *а*ков*а*^м (ib.), цркавни (161б), мѝтропалите (165), нѣкаторы (ib.), во *а*рдѣ (ib.), нѣкае (165б), нѣкатар*а* (ib), по калѝце времени (165б), пато^м (166, 187б), совакупѝ (167), втары (167б), *а*садж (при ѿсадж 168б), т*а*бою (170б, 333б), превелик*а*е (170б), быха^м (172), с*а*творьше (ib.), дастовѣрными (181б), ѿстрава (204), в*а* а (280б), к*а*ньчина (ib.), ко їдало^м (329б), с*а*творь (325б), с*а*бою (329б), гор*а* (331), клѝрасо^м (331б), д*а*волне (333), с*а* многаю силою (338б), р*а*стовска (503б), їсида^р (503б), *а* то^м (586б), дабротѣ (622б), атрокавѝце (ib.), *а*лень (724), сталпѣ (ib.), воз*а*пие (724б) крѣпасть (746б) и т. д. Евангелие 1616 г.: ѡппадрóмѣ (2сξз). Сборник XVII в. Вил. № 107: ѵ мнастырѣ (33, но тут же *монастыра*), провадѝла (117), ѿтапаетъ (15) — старая форма, удержанная лишь благодаря аканью. Псалтырь XVII в.: авиронаво (114); застановѝ воды (65), в падоле плачу (79), побудова собѣ ꙗко палаци высокие (70б), палац*а*^м

(27); имеют мало цены: злáмле (43), шлáмли (ib.), потвáрае (21), пóпомáгае (7б) и под. Сборник XVII в. Син. № 790: снегъ у колснá выпалъ (141б), крылáса (=клироса, 153б), слнцо яснзя (281, «РФВ»). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: прáславле (52б), впрáвади (19), храмá (210б), а также: примнáжаючы (Бел. Арх. I 1603), вызвáляет, вызвáлят (ib.) — правильная форма глагола вида многократного, сохранявшая свое *а*, несмотря на аналогию форм некратных, благодаря существовавшему в языке писца переходу *о* безударного в *а*. В данным случае и других приходилось приводить как примеры аканья собственно правильные формы глаголов вида многократного с *а*, так как в живой белорусской речи под ударением в подобных случаях обыкновенно бывает *о:* ўдвоиваць, ўнавóживаць (Мат. Б. № 5), устрóиваць, выпóрваць (ib. № 8), покóшиваць (ib. № 13), панóшаваў парóбляваць (ib. № 31) и др. Случаи с *á* встречаются реже (ср., Мат. Б. № 7 и 16).

В Бел. Арх., I: Хáму Калиту (1606 г.), челáвека (ib.), храмцов (1694), Гáйков (ib.), Máйсей (ib.), Анáпревич (ib.), Харáпончык (ib.), Розáвко (ib.), Дарáшенко (ib.); II: Субáчовъщина [(при *Субочъ*) 1532 г. (коп. XVII в.)], бáбровые (ib.), Митрáханъ [1533 (коп. XVII в.)], горáдничого (ib.), Кáрнило [1534 (коп. XVII в.)]. Возможны и опечатки.

Особую группу составляют случаи аканья, где *о* древнерусское из начального иностранного *е* переходит в *а:* Бел. Арх. I: Áлена (1624, при *Олéна*), Áвхим (1694), Áсипович (ib.), Áсипа (ib.), Áхрем (ib.), Áстап. (ib.), Áвтушко (ib.), Áлисеевич (ib.).

Приступая к указанию примеров перехода *о* в *а* в современных белорусских говорах, мы должны в общих чертах воспроизвести то, о чем говорили в I томе «Белорусов» (стр. 193—197), когда давали общую характеристику белорусских говоров. Там было указано, что в отношении аканья вся белорусская область распадается на несколько полос: в одних местах усиленное аканье, в других умеренное белорусского типа, в третьих умеренное аканье русского типа; есть, наконец, говоры, где аканье заметно ослабевает и выдвигается оканье. Конечно, строгих границ между этими областями установить нельзя: можно только приблизительно указать местности, где преобладает тот или другой вид аканья, причем, насколько можно судить по записям народных произведений, островки аканья разных типов, иногда довольно обширные, попадаются часто в тех местностях, где им не следовало бы быть. В пограничных областях между типичными полосами возможно смешанное аканье. Приложенная нами в I томе «Белорусов» карта «Белорусских говоров» розовой краской довольно точно передает степень аканья в той или другой местности. Именно, если от м. Пропойска Могилевской губ. провести несколько ломанную линию на запад к Днепру, затем по этой реке подняться почти до Могилева и дальше в северо-западном направлении до границы Сенненского уезда с Минской губ., а затем

идти на запад, южнее г. Борисова и далее, захватывая отчасти даже Минский уезд, потом подняться на север к г. Докшицам, а отсюда по направлению к Свенцянам до белорусской границы, то обозначим область наибольшего аканья с юга и запада; с северо-востока граница этой области идет — к юго-западу от Себежа, Витебска, на Горки, Чаусы к Пропойску. Здесь почти всякое *о* и *е* безударные обращаются в *а (я)*. К юго-западу от этой области расположены умеренно акающие белорусские говоры. Восточная и южная граница этих говоров может быть определена приблизительно, если провести черту от Черикова к Новозыбкову на юг, а от последнего города на запад по южным частям Гомельского уезда, Бобруйского, Слуцкого, Новогрудского на Слоним, Волковыск и далее на северо-запад до устья р. Ротничанки (Друскеники). Умеренное аканье указанной области состоит в том, что в известных слогах часто после ударения и реже в слогах, предшествующих ударяемым, но не соседним с ними, здесь возможно сохранение *о* и *е* безударных или звуков неопределенных, приближающихся к ним; допускаются здесь, особенно в южных частях, в безударных слогах и слишком закрытые, неопределенные *о* и *е* (почти *у* и *и*). К югу от указанной группы говоров раздается речь, которая может быть названа белорусско-полесскою. Здесь аканье еще слабее, а на границе с украинцами появляется только спорадически. Зато здесь очень распространены лабиализованные сжатые *о (у)* и дифтонги. Ослабевает аканье и на границе с поляками.

Северо-восточная половина белорусской речи в отношении аканья напоминает соседние южнорусские говоры. Витебские говоры и говоры северной части Смоленской губ. на месте безударных неопределенных гласных *о* и *е* знают, кроме *а (я)*, также *ы* и *и* и вообще гласные неопределенные (умеренное аканье); в юго-восточной области аканье несколько сильнее, особенно в отношении *е*, но также возможны *ы* и *и*, а затем и слишком сжатое *о (у)*.

Все отмеченные типы в подробностях будут рассмотрены ниже и освещены соответствующими примерами из сборников народных произведений.

Какие причины вызвали белорусское аканье, распространяться не стану, так как этот вопрос всесторонне рассмотрен в исследовании акад. А. А. Шахматова «Русское и словенское акание» («РФВ», XLIII, 1—91 = Сборн. статей, посвященных учениками и почитателями Ф. Ф. Фортунатову); кроме того, на основную причину аканья — падение безударных слогов с *о* и *е* в белорусском, обращение гласных безударных в звуки более или менее неявственные и неопределенные, указания у меня делались неоднократно и раньше. Эти неявственные звуки в большинстве говоров были открытые, широкие, вследствие чего в более сильных по отношению к экспираторному ударению слогах обращались в звук вполне явственный или неопределенный *а;* в других слогах в говорах с сильным аканьем тоже преобладало *а* неопределенное, иногда довольно близкое к *о* широкому; в говорах умеренно акающих

господствуют в редуцированных слогах широкие *о* и *ă*, превращающиеся лишь в слогах перед ударением и в конечных открытых, если тому не мешают другие обстоятельства, в *а(я)*. В умеренно акающих говорах закрытые гласные (*у* и *и*) на месте неопределенных (*о* и *е*) бывают только — первое при губных и задненёбных звуках вследствие лабиализации, а второе — обыкновенно при палатализованных последующих звуках. В говорах пограничных, мало акающих, неопределенные *о* и *е* больше становятся закрытыми. В белорусских говорах, акающих сходно с южнорусскими говорами, стали гласными неявственными и неопределенными не только безударные *о*, *е*, но также *ы* и *и;* отсюда явилась возможность, в зависимости от положения к ударяемому слогу, а также к гласным соседних слогов, появления, кроме *а* безударного различной окраски, также звуков *ы* на месте *о* и *и* на месте *е*. Ожидаемое чередование гласных на месте неопределенных в говорах с разного рода аканьем нередко нарушается — в окончаниях слов под влиянием разного рода аналогий фонетических и особенно морфологических, а в середине слов — в зависимости от гласного в слоге ударяемом, а также от качества согласных, лабиализирующих или палатализирующих примыкающие к ним гласные.

Прежде чем перейти к рассмотрению случаев замены *о* безударного посредством *а* в разных белорусских говорах, еще припомним уже давно установленные в науке трудами профессоров А. А. Потебни, В. А. Богородицкого и других положения о силе слогов в южнорусских и белорусских говорах в отношении к ударяемым, именно: если ударяемый обозначить через 3, то предыдущий ему по силе будет 2, а второй от ударения к началу 1 (1.2.3′, или — ⁻ ⁼); после наибольшего напряжения выдыхания в ударяемом слоге является опять самый слабый слог (1), а затем, в случае открытости, бывает более сильный слог (2) или, в случае закрытости, такой же слабый (1). Значит, полная формула силы слогов и, следовательно, ясности гласных в отношении к ударяемому слогу будет следующая: 1.2.3′.1.2 (открытый) и 1.2.3′.1.1 (закрытый). При большем количестве слогов в начале (третий от ударяемого к началу) возможно на них второстепенное ударение, также несколько усиливающее слоги и, следовательно, ясность гласного.

Звук *а* на месте *о* безударного в сильно акающих говорах

В сильно акающих говорах и примыкающих к ним непосредственно с юга умеренно акающих по-белорусски говорах звук *а* на месте *о* очень распространен. Вследствие этого собиратели белорусских народных произведений, придерживающиеся исторической орфографии (Шейн, Романов и др.), обыкновенно не передают аканья, употребляя, как в русской литературной речи, в таких случаях *о;* польские собиратели поступают как раз наоборот: везде ставят *а*, даже там, где в известных местностях, а также в языке отдельных лиц возможно и *о*. Они

поэтому в искусственных произведениях, написанных на белорусском языке, везде употребляют *а* на месте безударного *о*. Ниже, приводя примеры этого явления, пользоваться показаниями разных собраний приходится с большою осторожностью. Последняя еще необходима и ввиду того, что собиратели, вследствие привычки к аканью в русской литературной речи, вообще придают мало значения этой особенности. Изучение сборников, а также показания наблюдателей рассматриваемых говоров дают возможность предположить, что в них всякое безударное *о*, предшествующее ударяемым слогам, обыкновенно переходит в *а*. С полной достоверностью можно предположить, что эти *а* не одинаковой ясности и силы: более явственно *а*, стоящее непосредственно перед ударяемым слогом; впрочем, и оно может иметь разные оттенки в зависимости от согласного, следующего за ним, а также отчасти гласного в ударяемом слоге. Но в сборниках народных произведений эти оттенки обыкновенно ничем не обозначаются. Отступления орфографические, а может быть и в произношении, как увидим ниже, конечно есть.

Итак, *а* на месте *о* безударного в слогах, предшествующих ударяемому: мал*а*́душки (Дм. П. и Ск. Вильн. 12 Диснен.), п*а* бар*у́* (ib.), з*а*лат*о́*го (ib.), в*а*л*а*чоннички (Шейн Б. П. № 139), тв*а*ймý (ib. № 398 Лепп.), п*а*пе́ли (Демб. 1. 524 Черик.), р*а*ней таг*о́* (ib. 3. 524 Чаусск.), ни б*а*ю́ся (ib. 8. 525 Бых.), д*а*чка́ (ib. 42. 532 Могил.), р*а*дж*а́*ла (ib. 2. 545), п*а*йд*у́*, д*а*рогаю (ib. 28. 542 Горецк.), т*а*пар*ы́* (ib. 3. 524 Чаусск.), п*а*рядзи́ла (ib.), в кар*а*г*о́*дзи (ib. 18. 527), п*а*стялю́ (ib. 27. 529), р*а*схадзи́ла (ib. 42. 531 Могил.), п*а*сяр*е́*д (ib.), г*а*лас*у́*иць (ib. 28. 542 Горецк.), п*а*маладзе́ла, п*а*зал*а*це́ла (ib. 278. 576 Могил.), п*а* дг*а*р*у́*, п*а*л*а*ж*ы́* (Мат. Б. № 9 Бых.), п*а*дружы́ли, н*а*шле́г, сг*а*и́х, да хар*о́*шый, д*а*вжо́н, *а*твича́я, м*а*йго́, п*а*рас*е́*нка и т. д. (ib.), с*а*бе́, м*а*та́в, с*а*ве́т, пр*а*си́ть, *а*твяза́ў, зол*а*то́я и т. д. (ib. № 16), гал*а*ва́, *а*ре́х или г*а*ре́х, пашла́, сг*а*ю́, маг*у́*, в*а*ран*ы́*я и т. д. (ib. № 11 Новоалекс., ср. № 14 ib.), таг*о́*, п*а*маладзе́ла (рядом с *голова*, ib. № 13 Свенц.), к*а*ли́сь, к*а*ралеўстве, *а*зяў (= озяў вм. възалъ), к*а*рали́ху молодуя, в*а*йну, хап*и́*ла, м*а*лад*а́*я и др. (ib., колебание в написании, а может быть и в произношении), п*а*маладе́ла, но: сыкат*а́*ть (ib. 27 Лепп.), в*ы*л*а*ж*ы́*ў (ib. 32 Орш.), св*а*йго́, дзив*а*в*а́*лася, кал*и́*, *а*дбере́ць, *а*дар*е́*ць (Отч. 3 Новоалекс.), м*а*лад*з*е́ньку, в*а*ран*ы́*я (ib. 4), сал*а*в*е́*енько (ib. 5), з*а*лат*ы́*е сучки л*а*м*а́*ла (ib. 6), гал*а*в*о́*ю, см*а*р*о́*дки (ib. 7), не к*а*х*а́*й ты г*а*лубца, м*а*лад*ц*а́ (ib. 8 Иллукст.), к*а*з*а́*ў, г*а*р*а*р*у́* (ib. 10), к*а*ляд*а́*, з*ы*л*а*т*э́*й, гал*а*в*а́*, м*ы*лад*э́*й, Бу(ъ)г*а*р*о́*дзица и др. (ib. 26 с. Микулино Орш. у., с некоторыми особенностями северо-восточных говоров).

Звук *а* на месте *о* безударного в слогах, следующих за ударяемыми, употребляется без достаточной последовательности; обыкновенно он бывает в слогах открытых конечных; в слогах же открытых, непосредственно следующих за ударяемыми, если за ними есть еще слоги, возможно и *о*, как и в говорах с умеренным аканьем; в слоге закрытом после ударяемого, содержащем суффикс *-очка*, бывает *а* по аналогии окончания им. пад. на *-а;* то же следует сказать и относи-

тельно окончания творит. пад. *-ай* вм. *-ой* со звуком неопределенным. Примеры: ду́*а*чка (Шейн Б. П. № 119 Невел.), не́чег*а* (ib. № 392 Лепп.), мило́г*а* (ib. № 397), бы́стр*ай* (раце́) (ib. 435), пья́ног*а*, ста́рог*а* (ib. № 439 Лепп.), ро́д*а*м (Шейн. Мат. I, 234 Орш.), ра́н*а* (Демб. 1. 524 Черик.), не́л*а* (ib. 3. 524 Чаусск.), маладо́г*а*, барабо́г*а* (ib. 7. 525), но́г*а*г*а*, хо́лад*е* (но *хо́лоду*, Мат. Б. № 9 Бых.), шестирк*а*, довг*а* (ib. № 16), д*а*лёка видин, е́т*а*г*а*, хар*а*бшг*а* каня, на не́б*а* (ib.), бе́л*а*г*а* (но *родного*), бы́стр*ай*, траўк*ай*-мура́ўк*ай* запасли (но *родной матульки*, *пад а́ рох*, ib. № 11 с. Плюсы Новоалекс. у.), но́рыг*а*, сен*а* (им. пад., ib. № 14 м. Слободка), зо́лот*а* (им. пад.), бяле́нькаг*а*, до́ўг*а* билися (но рядом — *доўго ваявали*); з карали́х*ай*, оре́х*а*ў и др. (ib. № 13 Свенц.), хо́ладу, до́бр*а*г*а* (ib. № 27 Лепп.), но́рыг*а* (ib. № 32 Орш.), дзе́в*а*чка (Отч. 3 Новоалекс.), с по́ўн*а*чи, ро́з*а*чка, ляни́р*а*му (ib. 4), пане́н*а*чку, спа́т*а*ньки (ib. 6), г*э́*н*а* (это), с саба́к*а*м (творит. пад., ib. 10 Иллукст.), дзе́шев*а* (произношение стариков, ср. род.), уто́р*а*к (ib. 26 с. Микулино Орш. у.).

В говорах, умеренно акающих по-белорусски, примыкающих с юго-запада к сейчас рассмотренным говорам, на месте *о* безударного также обыкновенно бывает *а*. Но тут, как мы уже говорили в свое время, когда приводили примеры на *о* безударное (стр. 116 sq.), возможно и сохранение без перемены *о* безударного или же переход его в звук неопределенный, близкий к *о*. Звук *а* на месте *о* в рассматриваемых говорах всегда бывает перед ударяемым слогом, довольно часто бывает в конечном открытом слоге, стоящем после ударяемого непосредственно или через слог, если этому не мешает морфологическая аналогия случаев с ударяемыми слогами тех же категорий; *а* на месте *о* в других положениях бывает значительно реже. Примеры: *а* из *о* неударяемого в слогах перед ударением: ма́е (Дмитр. II. и Ск. Вильн. 16 Новогр.), неулав*и́*ли (ib.), ба́г*а*тому (Дыб. 31 Посл.); у Демб.: ў бар*у́* вад*у́* бяр*у́*, бал*о́*ци (14. 526 Рогач.); в моих записях из с. Березовца Новогр. у.: гар*у́*щая (1), бал*и́*ць, св*а*йго́, молад*а́*я (ib.), разабј*а́*тца, *а*дзи́н, *а*л'*а́*на, сажы́на («Обзор», 39), нач*у́*я (1), хар*о́*шая, ст*а*я́ла (ib.), к*а*ре́нейка (3), ворань́, молады, золат*о́*я (2), п*а*хо́дом (4) и др., из Новоселок Трок. у.: дв*а*р*а́* (61), г*а*лас*о́*чкаў (60) и т. д.; ў*а*тры, м*а*ўч*а́*ць, г*а*вар*у́*, прах*а*дж*у́*ся и т. д. (Мат. Б. № 5 с. Грицевичи Слуцк. у.), м*а*л*а́*нка, п*а*шоў, р*а*зар*е́*ў, *а*пасленяму, *а*дагн*а́*ли и др. (ib., № 6 Диснен.); «*о*, на которое не падает ударение, у нас всегда произносится как *а*» (ib.); п*а* маст*у́*, кат*а́*, пар*а*с*е́*, м*а*лат*к*и́, успамян*у́*ў (ib. № 7 с. Гатов Минск. у.), пад*а́*ў, г*а*в*е́*рыць, вад*ы́*, з*а*лат*а́*я, пага-вар*ы́*ли и т. д. (ib. № 8 м. Шацк. Игум. у.), м*а*лан*н*я́, сал*о́*дки, в*а*ран*ы́* конь, к*а*пт*а́*н, хр*а*нц*и́* и т. д. (ib. 15 с. Долгое Игум. у.), г*а*ўц*а́*, г*а*в*е́*с (ib. № 19 д. Мигово Гродн. у.), п*а*м*а́*лу, п*а*йду п*а*пал*о́*дную, хадзе́м, п*а*к*а*ц*и́*ўся и др. (№ 21 с. Блячин Слуцк. у.), раб*и́*, нябожа, то и бог д*а*пам*о́*жа, п*а*рас*я́*, попрас*и́*ли, п*а*ган*я́*ем и т. д. (есть и написания с *о* вм. *а* (ib. № 23 Новый Свержень Минск. у.), с таб*о́*ю, хар*о́*ша, *а*гар*о́*т, малад*у́*ю (но *посылаци*) и т. д. (ib. № 24 с. Студзёнка Новогр. у.),

палажы́ў, *баловáць*, *сабе* и т. д. (есть и отступления) (ib. № 25 м. Городище Новогр. у.), *павіе́зли тапить*, *абýдва*, *паганя̀я* и др. (ib. № 29 м. Любчь Новогр. у.), *пазалóта*, *малакó*, *дабрó*, *тапары́* и т. д. (ib. № 31 м. Илия Вилейск. у.). С. Малевич (8 Слуцк.) в своем сборнике подчеркивает, что *о* безударное переходит в *а*, причем более интенсивно произносится в слогах, непосредственно предшествующих ударяемым: *кáхóвл*, *áрóл*, *гáлáвá*, *мáлáды́*, *áгáрýóт*, *пáлáжы́ць* и т. д. Умеренно акающим и отчасти слабо акающим говорам юго-западной Белоруссии посвящены и новейшие польские собрания белорусских народных произведений Федеровского и Клиха. У того и у другого, кроме массы примеров аканья, имеются еще и теоретические статьи о рассматриваемом явлении у белорусов. Федеровский (II, XXIV sq.) в теоретической статье о белорусском аканье говорит, между прочим, следующее: одною из главнейших особенностей западнобелорусского языка (к которому он относит главным образом говоры уездов Лидского, Сокольского, Новогрудского, Слуцкого, Слонимского, Волковыского, но территорию вообще представляет шире: na północ ... południowy okrawek gub. wileńskiej, na zachód... do rzek Biebrzy i Niemna, na południe opiera ą się o puszezę białowieską... I, VII) является незаметное, но постепенное исчезновение этого аканья, что особенно бросается в глаза на южной границе белорусов, но также и на целом пространстве Литовской Руси по мере приближения к последним белорусским поселениям над Бобром по соседству с мазурами (II, XXIV—XXV). В полной силе аканье выступает в северо-восточной части описанного пространства. Исчезновение аканья в первом слоге (втором от ударения к началу) уже можно наблюдать в западной части Новогрудского уезда, а приближаясь к Слонимскому и Волковыскому уездам, можно заметить и во втором слоге (первом перед ударяемым); впрочем, в слоге перед ударяемым *а* больше всего держится, даже в пограничных местностях. Постепенное исчезновение аканья (zanik akania) на письме автор обозначает посредством *ä* и *â*, которые надо читать не как e^{a} или a^{o}, а как неопределенное *о* (или *å*).

Имея все сказанное в виду, приведем несколько примеров из Федеровского на появление *а* на месте *о* безударного в слогах, предшествующих ударяемым, из уездов: Лидск.: m*a*jà, h*a*hószaczak, *a*ddàj, zr*a*bila (I, 107); p*a*dymáje sia (I, 254), d*a* p*a*ławiny (I, 296), k*a*lásku (I, 317), h*a*spadàr (II, 235), s*a*kų̀liku, p*a*maż̀y̆, ų swajù d*a*róhu malakòm (ib., II, 238), p*a*stan*a*wìła (III, 45), pāszŭų (III, 57) и др.; Новогр.: zł*a*wìli (III, 20), w*a*dà (ib.), sien*a*kòs (III, 283), p*a*czynàjuć (ib.), daż̀dż̀ù, p*a*p*a*dymàjä (III, 284), t*a*łkawàci, h*a*w*a*ry̆ci (III, 14), ų k*a*rcòų (III, 21) и др.; Слуцк.: w*a*jnà (III, 19); Гродн.: t*a*mù, ų *a*dn*a*jè, p*a*tapì, h*a*d*a*wàlisia (III, 22), zał*a*màųsia, p*a*mòż̀ä, t*a*bòju (III, 164); Слоним.: da h*a*spadarà, pr*a*sićsia, t*a*hò, *a*dnà (I, 4), p*a*r*a*bczùk, *a*czýma (I, 5), d*a*kùl, p*a*lecieła (I, 8), k*a*tòra, p*a*hledzièli, p*a*d*a*sypàli (II, 97), ch*a*dzìų d*a* *a*dn*a*jè m*a*ł*a*dzicy (III, 179), h*a*spadỳnia, d*a*h*a*dàųsia (III, 190) и др.; Волков.:

chaciéła, parǫ̀och, adnahò, abamleła (I, 5), maładzìcu, astáusie (I, 6), hawarỳć, pokazỳ (I, 7), charaszeńko, adczyni (I, 10), ų ahòń, dachadzìć, panapiekàje, haławà, darahàja (II, 71), haspadarǫ̀ų (III, 31), zachòdzić dla adnaè chàty, maładzìca, kǔǫbasù (III, 110), snapkǔǫ, paszǔǫ, tadỳ и др.; Сокольск.: zachwarèǫ, z ahniòm, nie rabili (I, 6), pabłogasławiǫ (I, 12), nie mahu chadzì, paprabùj, aenajèju nahòju, pahawarýliz sabòju и т. д. (II, 82), wajewàli, akòpy (III, 21), haławà, rabìć (III, 149) и т. д.

Из рассмотрения приведенных нами примеров, выбранных совершенно случайно из разных мест сборника Федеровского, можно видеть, что они не совсем совпадают с теми теоретическими положениями об аканье в юго-западной Белоруссии, которые приведены нами из его рассуждений выше. Правда, аканье приведенными примерами далеко не исчерпывается: осталось еще *а* с предыдущей мягкостью на месте *е* (о чем речь в своем месте после), равным образом мы еще не рассматривали случаев появления *а* из *о* безударного в слогах после ударения, где дело обстоит несколько иначе. Но все же из приведенных примеров можно видеть, что переход *о* безударного в *а* у Федеровского несколько преувеличен. Обращаемся к сборнику Клиха, посвященному одному Новогрудскому уезду. И у него имеются теоретические рассуждения об аканье (233 sq.). Насчет *о* безударного он говорит: «O przed akcentem zwykle przechodzi w *a*, więc np. tab'é, załatý, baranawál'i, tahó, katóry, aná, aný, hara, maxaví́ké, palaváńo, bałoto, ahóń, paléno, maładý etc.» (234). Случаи сохранения безударного *о* у Клиха отмечены только в предлогах и приставках, но те же слова указаны у него и с *а* (ib.). Другие случаи с *о* отмечаются реже (235). Издаваемые им тексты вполне соответствуют выставленным им теоретическим положениям.

В слогах, следующих за ударяемыми, звук *а* на месте *о* безударного в умеренно акающих говорах вообще встречается реже, чем перед ударением; впрочем, в некоторых говорах, особенно лежащих по соседству с сильно акающими говорами, и здесь *а* вм. *о* довольно часто. Примеры: ц́и́хог*а* (Дыб. 58 Посл. Новогр. у.), ба́ц́к*а*, м́а́с*а* (вин. пад., ib. 167 Посл.), бог высо́к*а*, пан да́л́о́к*а* (ib. 56), дурно́г*а*, другó г*а* (ib. 528 Посл.); в сделанных мною записях в с. Березовце Новогр. у.: нял́ю́бог*а* (1), по́вод*а*м (4), бе́лог*а* (3), пе́рыйк*а* (4), бра́цейк*а* (ib.), ворано́г*а* (56), жо́нк*а*ю (33), дзяўчи́н*а*чка (10), гаре́л*а*чку (ib.), дзе́в*а*чка (11), ву́л*а*чка (ib.) (объяснение форм на *-аю* и *-ачка* дано раньше, стр. 142—143), ѣал́и́кадн́у; из записей в с. Новоселках Трок. у.: дварани́н*а*ў (61), да но́в*а*г*а* (ib.), мило́г*а* (60); из ответов на белорусские программы: ра́н*а*, но́в*а*го, ду́д*а*чка, по́в*а*д*а*м (№ 5 с. Грицевичи Слуцк. у.), тымча́с*а*м, до́бр*а* (наречие), Лыск*а* (им. пад.), ра́з*а*м (творит. пад.), д*а* пане́н*а*к (№ 6 Диснен.), на́шаг*а*, нивóдн*а*го, дзя́дзька (но *татжо*, № 7 Минск.), на се́н*а*, на хо́л*а*дзе, ли́х*а* (ср. род. им. пад.), абара́н*а*к, сяло́, збе́гл*а*ся (но *на д'и́зо*), не́кл*е* цу́д*а*, гэ́т*а*му, жа́л*а*бу и др. (№ 8 м. Шацк Игумен. у.), е́жм*а*, уцэка́йм*а* (пов. накл.), бага́т*а*

(гораздо, ib. с. Долгое), Нёман (род. пад. *Нёмна*, № 19 д. Мигово Гродн. у.), хурма́нак с пяць, не́йка*а*ё се́но, пало́дна*а*ваць (№ 21 с. Бля-чин Слуцк. у.), со́лада*а*к, плы́тника*а*ў, пальца*а*м (творит. пад.), коло зача-пи́ла*а*сё, хо́ра*а*шо (№ 23 м. Старый-Свержень Минск. у.), па ку́ба*а*чку, галу́ба*а*чку, щы́ра*а*го (№ 24 с. Студзёнка Новогр. у.), прубла*а*мку, бо́л-ба*а*тки, разу́мна*а*му (№ 29 м. Любчь Новогр. у.), дарагó*г*а, пирамало́т-на*г*а, карóва*а*чка, барóда*а*ўка, хóлодна, гóлад и т. д. (№ 31 м. Илия Вилейск. у.), суни́чна*а*я лицо (Розенф. 18 Вилейск.). В сборниках Феде-ровского: karòb*a*czku (I, 107 Лидск.) na bácka (ib. 254), pùh*a*ju (ib. II, 236), tut*a*ka (ib.), pad wòs*a*m (ib.), niawièd*a*mo (ib. 238), m*a*czko (ib. 239), spòsab*a*m (III, 45 ib.), wų̆k*a*m, hèt*a*, tabak*a*ju (ib. 57), nièk*a*liś, piärściòn*a*k, hètaho sàm*a*ho (III, 20 Новогр.), Daniła z Ściepàn*a*m, charòz*a*ju pahòd*a*ju, pad parkàn*a*m, nie miła (ср. род), wų̆ln*a*ść (III, 14 ib.), drèw*a*k, trùdn*a* и др. (ib. 15), palc*a*m (III, 22 Гродн.), Niòm*a*n (ib. 164), nà nâcz, patòp*a*u, hòłaŭ (I, 4 Слоним.), a pų̆ón*a*czy, srébn*a*ho (I, 5 ib.), niwied*a*mo (I, 8 ib.), jàh*a*dy, jàw*a*r, rasic*a*ju (II, 97 ib.), zàh*a*radu (III, 179 Слоним.), jazy̆k*a*m (ib.) pàcie-ra*ŭ* (I, 5 Волков.), ų̆sielak*a*ho, kų̆òst*a*czki, z Boh*a*m (I, 6 ib.), wiesiò-l*a*mu (II, 71 ib.) dziàdźk*a*wi (ib. 73), szwiedzk*a*jĭ wajny (III, 19 ib.), niezàd*a*ų̆no (I, 6 Сокольск.), apòstoł*a*ų̆ (I, 12 ib.), hałòų̆k*a*ju (II, 82 ib.), ų̆ pràw*a*je oko (II, 83 ib.), ław*a*ju (III, 5 ib.) и т. д. Клих (стр. 235) свидетельствует, что в той части Новогрудского уезда, на которую простиралось его наблюдение, конечное безударное *о* переходит в *а* только в некоторых словах, напр. tám*a* (ka?), prám*a* v́adóm*a* и др., tám*a* ṕiúć (89 Негневичи), v́élm*a* (26 Полонная); в других положениях *о*, стоящее после ударяемого слога, может переходить и в *а*, но может оставаться и без перемены. Примеры перехода: hét*a*jo sałóm*a*ju, vój-t*a*vyx, b'edn*a*ho, párabok, zół*a*t*a*, kavá*ł*ak, výsk*a*cyła, já*h*ady, ṕerep*a*łax, łap*a*ć, sór*a*k и др. Но вообще случаев употребления *а* на месте *о* в слогах, стоящих после ударения, в умеренно акающих говорах сравни-тельно не больше, чем и употребления *о* безударного, о чем у нас уже была речь раньше.

Переходя от рассмотренных говоров к югу, мы находим еще боль-шее ослабление аканья, а на границе с украинским языком лишь спора-дическое аканье; вследствие этого южную часть умеренно акающих белорусских говоров назовем с л а б о а к а ю щ и м и. Случаи перехода *о* безударного в *а* в них довольно редки. Чаще они встречаются, как увидим из примеров, в некоторых частях Речицкого и Гомельского уездов. Примеры перехода *о* безударного в *а* в слогах п е р е д у д а-р е н и е м: мала́дый п*а* тарѓу́ хо́дзиць (Демб. 9. 525 Гомель), хадзя́ину, палявóму (ib. 3. 538), табé хадзи́ць, тагó, тапоры́, памаладзéла (Мат. Б. № 17 с. Микуличи Речицк. у.), по двару́, палажы́ў, маладóго, маé, свасю́, магóм, Галéна, назé (ib. № 30 м. Юревичи Речицк. у.), гавóра, говару́, п*а* капе́йцы, *а*въёс, у вадных гадáх, у вадна́го́, ураджай харóшы, *а*хóты, *а*сталúся, калú (Отч. 25, с. Красное Гомельск. у.), говару́,

гавóрэ, абóдва, панюс, здарóў, касцэ́ (ib. 27 м. Брагин Речицк. у.), аддасцёце (ib. с. Хойники Речицк. у.), хадзіў раджáць (ib. 30 с. Беловеж Пружан. у.), ўдавá, у вагóнь (ib. 32 м. Хорощ Белосток. у.). В слогах, стоящих после ударяемых, очень мало случаев перехода *о* в *а:* дýдачка, пóвадам (Мат. Б. № 17 Микуличи Речицк. у.), пóвадом, бéлаго, хóладу (ib. № 30 Юревичи Речицк. у.), рóстам и умалóтам (Отч. 25 с. Красное Гомельск. у.), серанький (ib.).

Обращаясь к появлению звука *а* на месте *о* безударного в северо-восточных белорусских говорах, мы должны заметить, что хотя все эти говоры акающие, но *а* на месте *о* безударного в них является значительно реже, чем в Западной Белоруссии. Причиной этого служит сильное развитие в них редукции безударных гласных, вследствие чего только в более сильных слогах возможно (да и то не всегда) *а;* в более же слабых обыкновенно бывает на севере и отчасти на востоке *ы* (о чем речь после) или звук, вполне неявственный и неопределенный, близкий к *ъ*, но все же не *а*. Здесь мы только отметим встретившиеся нам случаи появления *а* в этих говорах; о системе же замены в них безударных гласных вообще будем говорить в отделе о переходе *о* безударного в *ы*. Эта северо-восточная группа белорусских говоров, в отношении аканья часто совпадающая с соседними русскими говорами, пока изучена вообще недостаточно. Причиной этого является то, что лучшие сборники Романова и Шейна вообще не обозначают случаев появления *а* на месте *о*. Опираться на сборник Добровольского опасно в том отношении, что можно за белорусские говоры посчитать чисто русские, да и он более внимательно отмечает *ы* на месте *о* безударного, нежели *а*. Придется руководствоваться главным образом ответами на белорусские программы, разосланные Академией наук, но и ответов этих получено из рассматриваемого района мало. Таким образом, сведения наши в общем будут довольно отрывочны. Обо всей северо-восточной области белорусских говоров будем говорить вместе, так как в отношении замены *о* безударного посредством *а* в этих говорах вообще наблюдается сходство; отличия в своем месте будут подчеркнуты.

Переход *о* безударного в *а* в северо-восточной группе белорусских говоров в положении перед ударением наблюдается, напр., в следующих случаях: вылачóбники (Шейн Б. П. № 138 Витебск.), вылачóбникыв (ib.), пыдварóтница (ib.), мыгатý (№ 720 ib.), зылатэ́й (№ 138 ib.), тыпары́, пылажúў, пымыладзéла, мыладэ́й, сахý, дварóў (Мат. Б. № 18 Витебск.), арех, атцóм. дарóги, свайгó, атпустú, кымарóв, бальнéй (ib. № 26 Себеж.), касúў, парá, гаспадзúн, майгó, галсвý, сваймý, камý, карóвы (ib. № 28), харашó, маладзець (ib.) (Соболевский, Опыт, стр. 74), кыласóм кыласúста (Шейн Б. П. № 237 Сураж.) (Велиж); хаджý (Демб. 19. 257 Мстисл.), Ражствó (ib. 20. 257), палажúв, харавóда (ib. 19. 527), оттварúлися варóта, вайшлú са двара́, хадзú, сыпрацúўница мая́ (Отч. 12 с. Купуй Великолуцк. у.), пайшóў, на гарé, маладзéц, сухатá, красатá (ib. 13 с. Колюбаки), прасни́сь,

*в*аздýй, *в*акнó, *б*а*г*амóльная и т. д. (15 ib.), *аб*ара*ц*и́ўся, ма́йго (с. Бобровки Ржевск. у. Этногр. сб. 1), *в*ада́, нама*ч*и́лись, ка*л*яда́, царна*б*ро́вый, ха*д*зили с пра*ш*е́нием, цатыры ка*р*бóве, сха*в*а́ўся, *б*а*г*аро́дзица, зыла*т*ы́и, ма*л*а*нн*я (Отч. 18 с. Холмец Ржевск. у.), за*л*ата́й, *а*дна́й, ўв *а*гонь, *а*д мяне́ (ib. 19 с. М. Туд), ма́йго́ (ib.), па́юць, ма́я, вых*а*дзи́, г*а*рба́тая (ib. 16 с. Иоткино Бельск. у. Смол. губ.), с*ака*ци́лися, па*ч*ина́ли, гару́ (ib. 17), г*а*ра́ды, гъла*в*а́ (ib. 20 с. Спас-Твердилицы Смол. у.), *а*нна́, да*р*а*г*о́й, ма*в*о́, на да*р*о́ги (Духовщин. у.) (Соболевский, Опыт, стр. 76), г*а*ла*в*а́, ма*л*а́дня́ (молния), са*л*о́ткий, ма́йго́, ба*л*я́ць, па*ш*о́ў (ib. 21 с. Акуличи Брянск. у.), зара*д*зи́ла, ба́ру́, *а*ўса́ и др. (ib.), г*а*ва́ру́, г*а*ла*в*а́, та́бе́ (ib. 23 с. Семец Трубч. у.). В слогах, стоящих после ударения: сцыдыба́л*а* (ср. род) (Дембр. 51. 552 Клим.), мыла́до́г*а*, но́выга (но *бе́дныго*), та́тынь*ка* (Мат. Б. № 18 Витебск.), ра́н*а* (ср. род), го́лыв*а* (род. пад.), е́т*а* де́л*а*, зьвесн*а*, го́р*ат* (ib. № 26 Себеж.), быстр*ай* (творит. пад. ж. рода), по́выд*ам*, за мно́г*а* (ib. № 28), до́брыга (ib.) (Соболевский, Опыт, стр. 74), яг*а*дка (Отчет, 12 с. Купуй Великолуцк. у.), што ет*а*, што бе́л*ая* каре́ння (ib. 13 с. Колюбаки Великолуцк. у.), ра́д*а*сци (ib. 15), зо́лст*ам* (но *масло́м*) (ib., 16 с. Иоткино Бельск. у. Смол. губ.), я́г*ада* з я́г*адай* (ib. 17); «В Бельск. и Смол. у.: у то́га высо́ког*а* дуба, яко́г*а*» («Белорусы», I, 223), во́р*ан* (с. Бобровки Ржевск. у. Этногр. сб. I), е́т*ат* (Отч. 18 с. Холмец Ржевск. у., 19 ib. М. Туд), палци́н*аю*, ми́л*аго*, пирахо́д*ачки*, го́л*азу* (ib. 22 с. Акуличи Брянск. у.). По свидетельству сборников В. Н. Добровольского, говоры уездов Смоленского, Ельнинского, Поречского, Красненского, Духовщинского, Бельского и Рославльского, составляющие в общем одно целое, имеют *а* вм. *о* ударяемого не только в слоге, непосредственно стоящем перед ударением, но и во втором перед ударением: х*а*ра́шо́, пр*а*да́ю́, г*а*ла*в*а́ и т. д. (ср. Соболевский, Опыт, стр. 79).

Переход *о* в *ы*

Переходу в *ы* подвержено главным образом *о* безударное. Но есть несколько случаев, общих и украинскому языку, когда в белорусских говорах появляется *ы* на месте *о* ударяемого. Таковы: *глы́п* (*глыбъ* Мат. Б. № 3 Могил. губ., hłyb Клих 238), сравн. степень *глы́бей*, *глы́би*, *глы́бищь* (становится более глубоким, Сл. Нос. 114) от корня **глъб-** рядом с **глжб-** глубина, *глыж*, *глы́тка* (глотка, Мат. Б. № 4 Могил.), *кры́шка* (крошка) от глагола *кры́шыць*, который также имеет формы с *ы* ударяемым: *кры́шыць*, *кры́шым; кры́хатка*. Распространенность слов корня *крых-* подтверждается показаниями старых и новых собраний белорусских произведений: Микуцкого: Белор. слова (Изв. 181), Дмитр. П. и Ск. Вильн. 36 Новогр., Мат. Б. № 5 (Слуцк.), 8 и 15 (Игум.), 10 (Мозыр.), 11 и 14 (Новоалекс.), 13 (Свенц.), 18 (Витебск.; интересные примеры, приведенные Никифоровским: бабы кры́шуць капусту; у маслёнки кры́шка масла), 23 (Минск.), 25 и 29 (Новогр.), 31 (Вилейск.); Мат. М. № 8 (Мозыр.), 9 (Пружан.). Сюда же при-

надлежит *чернобрывый* (ср. Дмитр. П. и Ск. Вильн., 36 Новогр., а также Мат. Б. № 5, 6, 8, 10, 11, 13, 14, 15, 18, 25, 26, 29, 31, Мат. М. № 8 и 9, Розенф. 62). Изредка еще встречается *дрыжыки* от *дрыжаць* (дрожать): продаваць дрыжики (Игум. у. м. Шацк Мат. Б. № 8, 9 Бых., 10 Мозыр., ср. еще № 7 и 23 Минск. у., № 11 Новоалекс. у.). Во всех приведенных случаях *ы* в слогах *лы—ры* на месте основных славянских **лъ—ръ** с *ъ* слоговым. В подобных случаях, как увидим после, при отсутствии ударения на этих слогах, обыкновенно бывает *лы—ры*, под ударением же, как и в русской литературной речи, обыкновенно *ло—ро*. Естественно вследствие этого было бы, когда являются *лы—ры* ударяемые, видеть в них подражание образованиям от тех же корней без ударения на *ы*. Однако в других аналогичных случаях (*блóх—блыхá*, *крóй—крывú*) подобных подражаний не заметно, вследствие этого придется искать других, более подходящих объяснений. Проф. Р. Ф. Брандт (ср. наш «Обзор звуков...», стр. 37, вын.) видит в *крых* долготную огласовку: krūs при краткостной *кръх* = krŭs и дифтонговой *крух* = krous; в *чернобрыв*— переделку первоначального эпитета ***чрьна бръı***. Объяснение первого случая довольно правдоподобно; но второе малодоказательно: прилагательное было бы произведено от основы, а не от именительного, который в форме на *ы* в белорусском и украинском, вероятно, и не встречался. Насмешливое *дрыжики*, конечно, непосредственно произведено от глагола *дрыжáць*. Иначе объясняется нередкое в белорусском *лыжка* (напр., Ляцк. Посл. 6 Борис.), которое является простым заимствованием из польского (łyżka).

Говоря о появлении *ы* на месте *о*, конечно, следует исключить такие случаи, как: пы нямнóжку, пы дзисятку (Шейн Б. П. № 67 Витебск.), пы болóту (ib. № 136 Лепп.), кы горóды (к огороду, ib.), тыт дзед (ib. 754 Витебск.), прыти нова лéта (против н. л., Бесс. Б. П. 1); во всех приведенных примерах *ы* стоит, собственно говоря, на месте *о* безударного, о чем речь ниже; сюда же принадлежат случаи, когда в оживленной речи слышится глухой звук, напр., в таких выражениях: скажы хъць слово (Малев. 7 Слуцк.). Не относится сюда и *тый* (вм. *той* — тот. Мат. Б. № 27 Лепп.), так как здесь явление морфологическое — подражание именам прилагательным (*слепы́й*).

Я уже заметил, что появление *ы* на месте *о* особенно распространено в области безударных гласных. Но и здесь следует различать явления двоякого рода: 1) появление *ы* на месте *о* в старинных безударных сочетаниях **ръ—лъ**, стоящих между согласными, свойственное всем белорусским говорам и украинскому языку, а может быть бывшее известным в позднейшую эпоху общерусской жизни и всему русскому языку и лишь утраченное в русских говорах[1], и 2) появление *ы* на месте неопределенного, редуцированного *о* в позднейшую эпоху жизни

[1] Ср. А. А. Шахматов. Русский язык. Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона. Россия. 1900, стр. 572; Е. Ф. Будде. Лекции по истории русского языка. Казань, 1907, стр. 141.

нéкоторых белорусских говоров (главным образом северо-восточной группы), — явление, известное и умеренно акающим русским говорам.

Явление первого рода обнимает ряд таких случаев, как **кръвавъ**. **дръжатн**, **блъха**, **слъза крьстнтн** и т. д. (во избежание повторений в дальнейшем, присоединим сюда и замены **рь—ль**), в которых глухие **ъ** и **ь** только под ударением в древнерусском языке (конечно, если представлялось такое положение) заменялись посредством *о* и *е;* когда же они были безударными, то, как и всякие глухие в подобном положении, обыкновенно выпадали; но звуки *р* и *л*, находясь в середине согласных, вторично вокализовались, обращаясь в *r̥* и *l̥*, из чего уже в белорусском и украинском языках развивались слоги *ры — лы*, *ри — ли* с довольно неопределенными гласными: *крыва́вы*, *кроў—крыві́*, *дрыжа́ць*, *блыха́*, *глыбо́кі*, *слыза́*, *трыва́ць*, *хрысці́ць* и т. д. Сделать такое предположение, как мы уже отметили в свое время («Белорусы», I, 98), заставляет нас существование до сих пор слоговых *r̥* и *l̥* в подобных случаях в тех славянских языках, которые знают сонанты: ср. серб. *кр̏ва*, чешск. krvavý, slza и др., а затем спорадическое существование слоговых в некоторых угрорусских говорах. Даже как будто слышится слоговое произношение и кое-где в Белоруссии, ср.: *ксцiць*, *ксцiны*, *хрсцiць*, *крвавый*, *трвaць*, *дрвiць* (Сл. Нос.), хотя здесь такие написания могут обозначать и слова заимствованные. Таким образом, собственно говоря, в рассматриваемом явлении нет нерехода *о* безударного в *ы*, а появление *ры—лы* на месте вокализовавшихся *r̥—l̥;* говорить здесь можно лишь о появлении безударного *ы* на месте ожидаемого, но не успевшего возникнуть *о*. Появление слоговых *r̥* и *l̥* после исчезновения глухих можно предположить в известную эпоху для всего русского языка (Соболевский, Лекции, 4, стр. 54). В южнорусских памятниках явление это может быть доказано уже в половине XII в., а в западнорусских в XIII в. (ib.). С тех пор написания с одним плавным или же с глухим при нем можно встречать, хотя и не часто, в разных западнорусских памятниках вплоть до XVII в. включительно. Не во всех написаниях, конечно, придется видеть слоговые плавные: кое-где предположим простые традиционные приемы письма—палеографическую особенность (написания **-рѣ-**, **-рь-**, **-р̄-**), кое-где польское влияние в написании, а может быть и в произношении; подобное предположение с полной вероятностью должно быть отнесено к памятникам, начиная с половины XV в., когда уже не менее обычны написания с *-ры- — -лы-*. Примеры написаний с *-р-* (на месте **рѣ** и **рь**): Псалтырь 1296 г. кр̀ви (неск. раз). Четья 1489 г. мр̀твѣном (153), см̀рти (197), см̀рть (214) и много других от корня *мр̀ть-* («РФВ», XXI, 63), ц̀рков (219б), кр̀щенье (252б). В таких случаях может быть опущено титло, но можно видеть также и обозначение слоговых согласных. Сборник XV в. Публ. б. № 391: натр̀гъ (44ю), хр̀щены, ѡхр̀щеный (63б). Сборник XVI в. Позн.: ѡкр̀вавилъ (112), тр̀валость (192). Сборник XVI в. Крас.: оу̑мр̀ти (42). Статут 1588 г.: кр̀вавы (31), кр̀вавы' (16), кр̀вавые (135), тр̀вати (76);

вытрвати (90). Начиная с этого памятника, наверняка можно говорить о полонизмах; Евангелие 1616 г.: задржа̀лъ (кг б), затрвбжѝсѧ (ка), трвбги (кг б), на оу̀трни (чз), з' крвѝ (кз). Сборник XVII в. Вил. № 107: трвалъ (66). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: трвога (7), потрвожи̂ (111), потрвожилъ (113б), трвоги (143б), затрвожоный (255б), повѣ̀трны̑ (3б). Псалтырь XVII в.: стрвожено (9б), трвожишъ (18, 18б), трва̀е (22б), потрвожилисѧ (24б и т. д.), вн̏трно̂ти (55).

Написания с *ы* при плавных *р* и *л* по памятникам могут быть прослежены только с XV в., причем, вследствие смешения твердого и мягкого *р* в белорусском, вместо *ы* (при *о* русской литер. речи) может быть написано и *и* и, наоборот, *ы* на месте *и* (при *е* русской литер. речи). Грамоты: роскрывавленья (1432 г.). Четья 1489 г.: дрыжаху (9б), задрыжа̂ (45) содрыгахоусѧ (144), крывава (45), грытань (83б), стримъглавъ (181б). Летопись Пер. Сузд: XV в.: дрыгахоуся. Сборник XV в. Публ. б. № 391: дрыжи̂ (3), дрыжачий (4б), дрыжати (5б), задрыжал (8), зад'рыжала (13б), дрыжача ѝ скры̑таюче (20), кривви (3б, 12, 67б), кривавый (6), христи̂ ѐсми (26), хр̂ъ хрищо̂ (27 б) христиче (35б); в последнего рода случаях как *х* явилось в слове **крьстнтн** под влиянием *Христос*, так могло под влиянием этого же слова проникнуть сюда и *и*. Но и слова, произведенные от **крьстъ**, также имеют *и:* на кристе (10б), ѡкристи̂ (63б), ѡ̀ крищенїю (64б), крищенїа (68). Сюда же принадлежит ѡ̀патриности (46, 48, 96) со слогом *ри* на месте польского *r* (opatrności). Литовские летописи: крывавымъ (41 Супр.). Сборник XVI в. Позн.: ѡкрывавити (39), крываво (177), крывава (193), крывавыми (189), трывати (118), трывала (100, 177, 224), до вытрывана (195), дрыжить (199), дрыжачой (203), стрывожоны (214), брынучи (польск. brnąć), ѵ̀ хрыбте (141), стрыма (очевидно, ударение на конце, 128, 130, 140, 153), в стрымени (95, но *при стрэмени*); в последнем слове для *-ры-* основанием служит старослав. **стръмень**. Сборник XVI в. Крас.: не ст'ривалый (218), ѡкристи̂ся (68). Статут 1529 г.: кривавою (146). Статут 1588 г.: некривавых (169). Гродн. Акт. кн. XVI в.: на брыви (3). Тайна тайных XVI в.: нак'рыши'вши (41б), дрыжющее (34б), дрыжю (52). Библия Скорины XVI в.: гримети (Ср. 65), кривавыми (Е 28), дрыжащае ногы (18б), задрижало (ПП 7). Евангелие Тяпинского 1580 г.: дрижачи (49б), стривожился (3), тривають (21б), блыщачисѧ (бълещащесѧ, 55). Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: брывми (96), дрыва (107), дрыжа (124), скрышѝ (112), дрыжӣ землѧ (109), свекрыви (32б), слыза (**слꙑзѧ**, 88). Псалтырь XVI в. Наряду с общерусскими заменами (ср. *крови* 12б, 57б) находим *ры — ри:* кривви (9б), крывавыми (27), крывви, (55б), з дрыжа̂емь (8), дрыжали (16), дрыжати (18б), вздрыжа̂аю̀ (18б, 78), дрыжанье̂ (54б), задрыжали (109б), трываючаѧ (21), трыва̀т (71б), трывати (91, 123), трыва̀е (116б), брыви (14б), скрышӣ (76б). Евангелие 1616 г.: дрижимѡ̀ (лз), дрижачи́ (2рмв). Сборник XVII в.

Син. № 790: громъ—*гримелъ* (162б, 163б), гро^{м} *гриме* (280 «РФВ»), *кривавые* (280 ib.). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: *дрижа*ѣ (3б), *дрижали* (265), *скригитаючи* (32б), и *брим*ѣе трꙋбы (56), трꙋбы *забрима* (82б), *брим*ее трꙋбы (82б). Псалт. XVII в. Рядом с с ѡ *крови* (40б), *скрегта* (35 и др.) имеем: *задрижали* (24б), *дрижали* (36), *дрижа*а (37б), *скригита* (125б), *тривати* (28), *трива* (52б), *стривожоны* (41б, 85б), *стривожилися* (60б), *затриво* (78б), *глыбоки* (95б), *глыбоки* (85б).

Преемственно от старины это явление продолжается и в современном языке, где, напр., имеем следующие слова с *ры* из **ръ** при литер. русск. *ро:* броў — брывí, грымóты (Розенф. 60 Мин.), дрывá — дроў, дрыжáць (*дрыжы́ць* Лящк. Посл. 5 Борис.), дрыганýць, кроў — крывí, крывáвый, крышы́ць, трысцíнка — тросць (Ром. III, 135); с *лы* из **лъ** при литер. русск. *ло:* блыха — блох (но известно и *блаха* Мат. Б. № 5 Слуцк., № 11 Новоалекс.), глыбóкий, глыкáць и глытáть, глынýць (ср. Отч. 10 Иллукст. *праглыни*), я́блыко (ср. jabłyczko Федер. II, 299), яблынí (Розенф. 63 Минск.), лыгý, лыжешь и т. д. (из **лъгж** к глаголу *лягць*, Мат. Б. № 29 Новогр.). Как можно видеть из ответов на белорусскую программу, разосланную Академией наук, и из других источников, все эти слова известны с указанной огласовкой во всей Белорусской области[1].

Только северо-восточные белорусские говоры, примыкающие к умеренно акающим русским, и отчасти соседние с ними с юго-запада сильно акающие белорусские говоры в пограничных местностях знают появление *ы* на месте *о* безударного, а также, как мы говорили в свое время (стр. 102 sq.), и на месте *а* безударного, совпавшего в этих говорах в одном звуке с *о* безударным. Такой перемене *о* в *ы* предшествовала полная редукция этого звука, затем установились в словах известные чередования *ы* и *а* безударного в зависимости от положения в отношении ударения, а также к тем гласным, которые были в ударяемых слогах. Эти чередования постоянно закономерного характера не имеют и различаются часто даже по разным местностям одного и того же уезда, но все же более постоянные чередования установить возможно. Рассмотрим примеры.

В слогах, предшествующих ударяемым. Тут замечается некоторое различие между словами с одним слогом перед ударением и многими. С одним слогом: Витебск. у.: двыра (Шейн Б. П. № 138), мырá (моря́, ib.), снынá (ib.), выдá, гырá, пыля́м, рысá, кысá (Мат. Б. № 18); Велиж. у. (б. Сураж.): дыбрá (Ром. IV, 88); Себеж. у.: пыднялся, сыхá (но *сахý*), двырá, згыня́ить (но *дарóги*, *свайгó*, *парý*, *бальнéй*) (Мат. Б. № 26); Диснен. у.: крывáць (Шейн Б. П. № 91); Лепп. у.: кылы́ (Шейн Б. П. № 224); Орш. у.: пыслóв (Ром. IV, 15), кылá, кытá (но *калý*), кымáр (Мат. Б. № 32); Сенн. у.: кызá, пыплáкыв

[1] Материал собран, между прочим, в статье акад. А. А. Шахматова «К истории звуков русского языка». — «Известия», 1903, № 1, стр. 337 sq.

(Ром. I—II, 213), дычка́ми (Ром. III, 245); Могил. губ.: выдня́ (Мат. Б. № 4), хыдзя́ин (ib.); из соседних мест Смол. губ.: кыза́ (Добров. I, 12. 36); Ельнин. у.: тывар дыста́ть, скыта́, рыга́тина (ib.); Рославл. у.: сыва́, хрыма́ть, прыда́ў и др. (Шахм. «РФВ», XLVIII, 49); Духовщ. у.: пыжа́луста («Белорусы», I, 222).

Из рассмотрения приведенных примеров легко видеть, что в слоге, непосредственно стоящем перед ударением, *ы* возможно только тогда, когда в ударяемом имеется *а;* при других же гласных в ударяемом слоге в предударном обыкновенно *а;* таким образом, в рассматриваемом положении как бы диссимиляция слогов. В слоге втором от ударяемого к началу обыкновенно тоже бывает *ы*, в непосредственно предшествующем ударяемому бывают на месте *о* звуки *а* и *ы*, последний больше перед *а* ударяемого слога, хотя есть и отступления; напр., Витебск. у.: выры́та́ (Шейн Б. П. № 138), пыдваротница (ib.), выдына́й (ib. 760), вылачо́бники (ib. 138), вылачо́бникыв (ib.), гылыва́х (ib.), мыгату́ (ib. 750), пызыба́вився (ib. 138), гылыва́, дыбрыта́, бырыда́, тыпары́, пылажи́ў, пымыладзе́ла, мыладо́га (Мат. Б. № 18); Велиж. у. (б. Сураж.): гылову́ (*о* безударное здесь и в других примерах, конечно, следует читать как *а*) (Шейн Б. П. № 757), гыспыда́х (ib. 218), кыласо́м, кыласи́ста (ib. 237), кылыха́ла (ib. 299), мылыда́я (ib.), рызобра́в (Ром. IV, 88); Невел. у.: сыкота́ць (Шейн Б. П. № 29, при *сожота́ци*, чит. *сажат-*, ib. 30); Себеж. у.: рызыгра́лся, рыссярди́лся, кымары́, кымаро́в, дырыга́я, гыварю́ и т. д. (Мат. Б. № 26); Лепп. у.: пызбира́лися (Шейн Б. П. № 220); Орш. у.: мылода́й (Ром. IV, 15), гыворю (ib. 16), тыпары́ (Мат. Б. № 32), зы́латэ́й, мы́лада́й, роги зы́лотэ́я (Отч. 26); Сенн. у.: пыгляде́в (Ром. IV, 101), кыло ба́бы (Ром. III), гылоси́ (плачь, ib. 405), зылота́я (ib. 245), и к кыролю́ (ib.), зылотый (ib.), к ыгняны́й ряце (огненной, ib. 246), хырошо́ (ib.), пыбягу́ (ib. 19), рысска́в (ib. 20), выперьку́ (и *воперька́*, ib. 264), выпярёк (= веприк, ib.), зылоты́х (Ром. I—II, 213), пыхова́в (ib.); Бых. у.: сыколы́ (Шейн. Мат. I, 183); Могил. губ.: гывары́ла (Мат. Б. № 4); Борис. у.: са̄щапиць, за̄чапитца, за̄сабой (Ляцк. Посл 1), па̄магачы́ (помощники, ib. 7), што ыканом е́дзя (ib. 37, из *ох'он-*); Великолуцк. у.: сыпраци́ўница (Отч. 12); Ржев. у.: зылаты́и (Отч. 18).

Звук *ы* на месте *о* безударного в рассматриваемой области также распространен и в слогах, следующих за ударяемыми, особенно в непосредственно стоящих за ударением; напр. Витебск. у.: сы́ным (Шейн Б. П. № 138), сы́рым (ib.), но́выга, ду́дычка, се́тычка, та́тынька, кра́сынька, напи́лкым и т. д. (Мат. Б. № 18); Велиж. у. (б. Сураж.): дзе́вынька (Шейн Б. П. № 196), ры́ныk (ib. 218), вы́тыпило (Ром. IV, 87); Себеж. у.: ро́дым, до́мым, ми́лыга, го́лыва, ша́пынька, за́хыт сонца, ми́лысьливый (Мат. Б. № 26), по́выдам (ib. № 28); Лепп. у.: ма́тынка (Шейн Б. П. № 95), се́тычку (ib. 7), перехро́стычку (ib.), коля́дынька (ib. 93), ры́ныk (ib. 136); Орш. у.: быга́тыму (Ром. IV, 21), кылы са́мый дороги (ib. 20), доро́гый (ib. 15), бе́дныго (ib.); Сенн. у.

гéтыго (Ром. III, 211), нáныч (ib. 245), тáмыцьки (ib. 18), ягнéнкым (ib.), з бáбый (ib. 2), пыплакыв (Ром. I—II, 213); Бых, у.: подрýжечкый (Шейн Б. П. № 147), дáўный (ib. 175), вýткый (уткою) (ib.), мóлыдзиц (Шейн. Мат. I, 183); Чаусск. у.: клáдычцы (Демб. 6. 582); Могил. губ.: рáдысь (Мат. Б. № 4); Борис. у.: зá-мы̆лы̆да (Ляцк. Посл. 26), но сваё вокa (ib 2); Новоалекс. у.: вóлысы (Шейн. Мат. I, 17), Рославл. у.: гóрыда, тёплинькыга (Шахм. «РФВ», XLVIII, 51). Звук *ы* после ударения спорадически встречается даже в юго-западных белорусских говорах; так, повсеместно распространено *пóтым* (затем, после: ср., напр., Мат. Б. № 29 Новогр. у., Федер. I, 6 [potym] Волков. у.), хотя можно бы видеть здесь и смешение формы местного (*томь*) с творительным (в данном случае заимствованным у имен прилагательных); таков же нередкий в разных местностях суффикс *-ынька*, вм. *-оньха* (*субóтынька*, *сирóтынька* Мат. Б. № 24 Новогр. у.), *-ынький* (*сúзынькая* Розенф. 59 Минск.).

Как местное явление, переход *о* безударного в *ы* в старых памятниках не находит отражения; нам попадось только три подобных случая, из которых лишь один вполне доказателен: *старыму* (гр. 1405 г., Недешев, 22), остальные же могут быть объясняемы и иначе; таковы: прелюбыдеéмь (Катих. 1562 г. 34б), в котором можно видеть морфологическое явление; масло, *которые* сплынѹло а҃ на бородѹ... и которое сплынѹло а҃ на подолѣ ѡдежи е (Псалт. XVI в. 131); здесь, насколько можно судить по второму *которое*, вероятно, простая описка.

В заключение статьи о переходе *о* безударного в *ы* можно отметить, что в слогах, наиболее слабых в отношении ударения *ы*, получившееся из редуцированного гласного, очень неопределенно по своему звуку, так что с полным правом может быть обозначаемо посредством *ъ*. Некоторые исследователи (напр., Клих, 237, 238) отмечают иногда в слоге втором от ударяемого к началу и непосредственно следующем за ударяемым такой звук даже в юго-западных белорусских говорах[1], где вообще перехода *о* безударного в *ы* не бывает.

Переход *о* в *э* (после задненёбных в *е*)

Общебелорусских случаев появления *э* на месте *о* нет. Но зато довольно распространены местные явления в этом роде. Звук *э* на месте *о* вполне явствен, так как он бывает только под ударением. Прежде чем высказаться в том или ином духе относительно этого явления, перечислим случаи, когда наблюдается указанный переход.

1) Очень распространено в разных местах Белоруссии местоименное окончание дат. и местн. пад. ед. ч. *-э́й* вм. *-о́й* (= он) в формах *тэ́й* и *одно́й*. Нами отмечены эти формы в Лепп. у. (Шейн Б. П. № 138,

[1] Впрочем, некоторые примеры Клиха сюда не относятся: слова, начинающиеся с *гу-*, *су-*, *гагу-*, *иту-* (оты-), имеют *ы* в предлоге в подражение словам, начинающимся с *и* (атыйшоў, разыскаў и т. д.), где *ы* плод отвердения коренного *и*: čeцnykóm имеет здесь суффикс *-ык-*; jablyko имеет *ы* в слоге *лы* = *лъ*, как в «глыбокий».

Мат. Б. № 27), Витебск. (Шейн. Мат. I, 23, Мат. Б. № 18), Себеж. (Мат. Б. № 26 и 28), Могил. губ. (Мат. Б. № 4), Могил. у (Ром. IV, 49), Рогач. (Ром. III, 90), Минск. (*з аднэй дощички* Розенф. 79), Горецк. (*по'днэй итази* Ром. VI, 42), Быx. (Мат. Б. № 9 и 16), Орш. (Мат. Б. № 32), Новоалекс. (Мат. Б. № 11 и 14), Диснен. (Мат. Б. № 6), Свенц. (Мат. Б. № 13), Билейск. (Мат. Б. № 29 и 31), Ржев. (Отч. 18), Брянск. (Отч. 21), Трубч. (Отч. 23), Бесс. Б. П. 177 (*однéй* из неизвестной местности); кроме того, известна форма род. пад. ж. рода *тэй* из *той* [= др.-русск. **тоѣ** (Мат. Б. № 5 Слуцк. у., ib. № 6 Диснен. ib. № 9 Быx., № 18 Витебск., Отч. 27 Речицк. у.) Брагин (у тэи)]; также *однэй* [сыбралиси детки да ня 'днэй матки (Мат. Б. № 18 Витебск.)]; та же форма является в роли творит. пад.: *тэй* из *той* (= др.-русск. **тою**), также *аднэй* (Мат. Б. № 5 Слуцк., 6 Диснен., 18 Витебск., 26 Себеж.), аднэю рукой (Ром. VI, 40 Горецк.); наконец, форма *тэй* известна в роли им. пад., и в этом она подражает именам прилагательным с ударением на окончании, о чем речь ниже: тэй двор (Мат. Б. № 9 и 16 Быx.), тэй бóльший пошов (Ром. VI, 32 Черик.), клас тэй (ib. 40 Горецк.), тэй коваль (рядом с *той дурачок*, 325 Рогач., Отч. 26 Орш.).

2) Повидимому, в тех же местностях известно окончание им. пад. имен прилагательных м. рода ед. ч. *-э́й*, а после задненёбных *-е́й*, при общебелорусском *-ы́й*. Рассматривать в данном месте это окончание, а не относить его в отдел о звуке *ы* нас заставляет то обстоятельство, что в тех белорусских говорах, которые знают это *-э́й*, а также в соседних с ними русских, оно возникло в более позднюю пору из *-ой*, развившегося в свою очередь из *-ъй* на месте *-ы́й* с *ы* неполного образования. Примеры — у Шейна Б. П.: святэ́й (№ 138 Витебск.), зылатэ́й (ib.), выдынэ́й (760 ib.), молодэ́й (562 ib.), другэ́й (№ 101 Быx.), маладэ́й (№ 254 Лепш.), дурнэ́й (570 ib.), воронэ́й (633 ib.), другэ́й (655 ib., ср. ib. № 56, 59 Городок.); у Романова: такéй-сякéй (IV, 15 Орш.), такéй кривэ́й (ib. 177 Сенн.), домовэ́й (V, 1 Витебск.), старэ́й собака (III, 15 Сенн.); у Добровольского: бялэй другэй (1, 12. 43); Потебня («Два исследования», стр. 59) приводит из Смоленской губ. и Ржевского уезда Тверской губ.: якэ́й, святэ́й, золотэ́й; в Мат. Б.: пычинальничку чарвон *зылотэ́й;* идéць *сляпэ́й*, а за им *другéй тахéй* (но *у други раз*, № 18 Витебск.), злэй (№ 20 Август.), маладэ́й, дарагéй (№ 26 Себеж.), другэй (№ 29 Вилейск.); у меня о Отчете: сляпэ́й (Великолуцк. 12), конёк мой сильнэ́й (ib. 13), якéй злэй (Бельск. 16), большэй (ib. 17), *другéй* земский нацальник (Ржев. 18), сляпэй (ib.), мушкéй (ib.), злэй, сляпэй (Гомельск. 25), зылатэй и др. (Орш. 26). Должно быть, в этих местах известно *-эй* также в дат. и местн. пад. ж. рода ед. ч. [у другéй хаци (Ром. IV, 31 Горецк.) на страснэ́й нядзéли (Отч. 18 Ржев.)] и в род. и творит. ж. рода [золотэй, сляпэй (Мат. Б. № 28 Себеж.), ў другéй такéй жонки (Отч. 22 Акуличи Брянск. у.), другéю (рукою) (Ром. VI, 393 Сенн.)]. В формах женского рода имен прилагательных *-эй* из

таких же падежей, как и у местоимений. От прилагательных на *-эй* возможен и средний род на *-эе:* злэ́е (Шейн. Мат. I, 553 Горецк.). В тех же говорах спорадически *э* заходит и в им.-вин. пад. мн. ч. имен прилагательных: музыкéя и женьския (Ром. V. 147 м. Монастырщина), шклянэ́я вочи (ib. III, 7 Сенн.), роги зылотэ́я (ib.), тэя дво́рныя усе́рдзилися (Ром. VI, 30 Черик.), яке́я дро́вы (ib. 147 Клим., Орш.), браты тэя поехали (ib. 255 Мстисл.), бацька из маткой старэя (ib 288), браты тэя злэя духи искушаюць (ib. 466 Клим.), мошэньники вы такéя (ib. 464), ро́ги зылатэ́я (Отч. 26 Орш.). В приведенных сейчас случаях, конечно, не может быть речи о переходе *о* в *э*, так как для рассматриваемых форм в белорусском предполагается окончание *-ыя*.

3) Звук *э* встречается еще в местоименных наречиях *худэ́йу* (kudeju (Федер. I, 146 Свислочь), кудэ́ю (Отч. 32 Дунайчицы Слуцк. у.)], *тудэ́йу* (Малев. 113 Слуцк.), *с'удэ́йу* [сюдэ́ю (Отч. 32)] при общебелорусских *худо́йу*, *тудо́йу*, *с'удо́йу*. Здесь, как и в раньше рассмотренных случаях, *э́* в сочетании *-э́й*.

4) Наконец, попадаются случаи, когда *э́* заменяет ударяемое *о* и не перед *і̯* (*j*): нивядэ́мо чый (Отч. 32 Гродн. у. им. Понемунь), пэрэскэ́чыць (Отч. 31 Беловеж Пружан. у.), tudèmo (Федер. I, 93 Шидл.) при обычном *тудома́*, sudéma (Клих 16 Полонная, при *сюдома́*).

В старых западнорусских памятниках рассматриваемое явление отражения не имеет; отсюда можем заключить, что оно происхождения не особенно древнего. Но как, спрашивается, объяснить его? На первый взгляд, при рассмотрении явлений, описанных в пп. 1—3, такой причиной, влияющей на переход *о́* в *э́*, может показаться *і̯* (*j*), следующий за этими гласными. Однако в тех же говорах существует целый ряд слов с окончанием на *-ой* ударяемое [*мой*, *твой*, *стой*, *рой* (пчел) и т. д.], в которых *э* не бывает; и замечательно, что в каком-нибудь *той* (дат.-местн.) гласный *о* такого же происхождения, как в *мой*. В образованиях типа *злей* (им. пад.) гласный *о* такого же происхождения, как в *крой*, *мой* (пов. накл.); между тем в тех белорусских говорах, которые знают прилагательные в им. пад. на *-эй*, глаголы в повелительном наклонении все же имеют *-ый: закрый* (Мат. Б. № 18) и др. Спорадическое *крэ́йу* (*krèje* Федер. II, 92 Свислочь) встречается совсем в других местах. Отсюда можем заключить, что рассматриваемые явления не строго фонетические[1] и нуждаются в особых объяснениях. В свое время («Обзор», 1885, § 47 и 48), под руководством проф. Р. Ф. Брандта, я объяснял эти окончания путем разных «сделок» окончаний. В настоящее время о «сделках» не решаюсь говорить, но допускаю влияние одних форм на другие. Так *тэй* — *одне́й* из *той* — *одно́й* могло явиться под влиянием *моей*, причем твердость согласного осталась из основных форм. Подражание формам на *-ей* стало тем более

[1] Объяснение этого окончания, предложенное А. А. Шахматовым («Исследования в области русской фонетики», Варшава, 1893, 39 sq.), мне кажется недостаточно обоснованным.

возможным, что кроме *той — одной* в некоторых говорах стали употребляться более распространенные формы *тойе́й — одноёй* (ср. *одноёй* Бесс. Б. П. I, Мат. Б. № 7 и 32). Последние формы, кроме того, могли и стянуться в *тэй—одноэй*. В некоторых местах такие образования могли возникнуть и под польским влиянием. Когда появилась форма дательно-местного на *-эй*, то она могла проникнуть в родительный и, наконец, в творительный падежи. Формы имен прилагательных женского рода в родительном, дательном и других падежах на *-эй* подражают местоимениям. Что касается именительного мужского рода на *-эй* (*свято́й*), то объяснить его удовлетворительно трудно. Несомненно, когда в косвенные падежи женского рода в подражание местоимениям проникло *-эй*, то оно могло зайти и в именительный мужского рода, который по своему *-ой* ничем не отличался от них. Проникновение *-эй* в твердое различие поддерживалось и окончанием мягкого, где всегда было *-ей*. От посредствующей ступени с *ы* (ср. «К истории звуков...», стр. 201) в настоящее время я отказываюсь, так как произношение *ы* в некоторых случаях как *эй* в чешском, напр., языке возможно только в долгом слоге (какового для русского языка здесь предполагать нельзя), кроме того, в чешском посредствующей ступенью было *-ай* (ср. J. Gebauer. Historická Mluvnice, т. I, стр. 281). В окончание именительного, множественного числа *-эя* звук *э* мог проникнуть не фонетически, по аналогии других образований с *э*, где это *э* могло показаться окончанием основы. Наречия на *-эйу*, возникшие из *-ойу*, образования не древнего; они могли бы подражать таким же окончаниям местоимений женского рода; жаль только, что в тех местностях, где эти слова встречаются, неизвестны мне местоименные формы на *-эйу*. Немногочисленные факты, указанные в п. 4, несомненно свидетельствуют о фонетическом появлении в некоторых местностях *э* на месте *о;* впрочем, формы на *-эма* могут подражать наречным же образованиям от тех же корней на *-эйу*.

Еще можно встретить в разных сборниках белорусских народных произведений случаи безударного *э — е* на месте *о*. Но вследствие безударности рассматриваемого гласного нельзя говорить с полной достоверностью о явственном *э — е* на месте *о*. Сюда относится несколько явлений:

1) Ближе всего к рассмотренным такие случаи, как *гэ́тэй* (Шейн Б. II. № 2 Лепп.), где то же образование, что в *тэй*, хотя возможно и усомниться в вполне явственном произношении конечного *э*: *за гэ́тэ* (Мат. Б. № 8 Игум.).

2) В сборнике Бессонова, в песнях, записанных в неизвестной местности, но, вероятно, на юге Белоруссии (так как безударные гласные оставлены без изменения), читаем: *чи́стее* (114), *богда́ноўскее* (38). Если бы такие формы встречались в областях, знающих в мужском роде *-эй — -ей*, то *е* среднего рода объяснялось бы, как в *зле́е*, под влиянием *э* мужского рода. Если же эти формы южнобелорусские, то здесь можно видеть украинское влияние.

3) В юго-западной Белоруссии отмечены случаи появления *е* на месте *о* в предлоге *про*: predaj (Федер. II, 77 Мстибов) (неск. раз), predàu̯ (ib. III, 101 Гнезна); то же в старинных памятниках: препитаѣть, препитанїй (192б Катих. 1562 г.), предолжь (37 Псалт. XVI в.). Думаю, что и здесь не фонетическое явление, а смешение предлогов-приставок *про-* и *пре-* (из *пере-*).

4) Морфологическое явление следует усматривать и в некоторых других случаях употребления *е* на месте *о*, попадающихся в старинных памятниках, каковы, напр., *репътати* (71б Катих. 1562 г.) при ст.-слав. **ръпътъ**, если здесь не заимствование из чешского (reptati) или польского (reptać), *символемъ* (112 ib.), *прорежѳе* (12, 20б Псалт. XVI в.) — под влиянием *реку*. Несомненный чехизм *за себою* (11 Сб. XV в. Публ. б. № 391) (чешск. sebou).

5) Собиратели белорусских произведений из поляков нередко употребляют *е* безударное, напр., в формах творит. на *-ėm*, в суффиксах *-ek*, *-eczka* и в некоторых других случаях, где следует предположить в древнерусском *о* на месте **ъ**. Клих (стр. 237) с *е* на месте редуцированного *о* и *а* в Новогрудском уезде отмечает, напр., следующие слова: razem, tymčásem, ńitek, śiroteńka, hałádek, párabek, śv́iren, dóbremu, mátečka, śerézineiu, z hésteiu, zędoueį и т. д. При этом он считает нужным заметить: «nawiasowo dodam, że to *e* na miejscu pierwotnego *o*... nie jest jednak identyczne z *e* pierwotnem... a różni się od niego mniejszą precyzją artykulacyjną». А на мой взгляд, здесь звук неопределенный **ъ**, который только по привычке к польскому произношению и орфографии можно передавать через *е*. Да и сам Клих по временам держится такого же взгляда, когда тождественные с указанными случаи передает иначе — с неопределенным гласным: za carăm Haróxəm 9, búłək, ałádək 14, dóktəra 23 и т. д.

Переход *о* в *е* (*jo* в *je*)

Подобно праславянскому переходу *jo* в *je*, а также *о* после смягченных согласных в *е*, в старых западнорусских памятниках можно найти в собственных именах *е* на месте *о*, стоящего после *j* и смягченных согласных. Нам встретились в Сб. XV в. Публ. б. № 391: 'єрда̑ реку (25), 'єзопа (Иосифа) (1), 'єзепа (37) ѡ їёве (39); в Лет. Авр. XV в.: ѐсифа (92), ѐсифь (161б); в Сб. XVI в. Позн.: ѳберы (ubiori) Євиша (Jowiszá) (180); Толезы (Tolozy) (197), Атыльлёвъ (Atylów) (180); в Библ. Скор. XVI в.: ѳ еръдана (Ц 141); в Ев. Тяпин. 1580 г.: 'ердана (25б), в 'ер'дане рецѣ (43); в Псалт. XVI в.: й'єрда̑скоє̑ (43б), 'ердань (115); в Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: иева (284б); в Псалт. XVII в.: а̀ иер̑дань вернѳ̑ста (126). Конечно, в тех же памятниках бывают также формы с *іо* и даже, в подражание старославянским словам с начальным **ѥ**, с *о* (ср. стр. 113 sq., а также): Іорьдану, во иордани (Д 2б Библ. Скор.), йор̑дане (126 Псалт. XVI в.), оу ѡ̑сиѳс (84 ib.) и др. Живая речь знает *е* в собственном имени

Ёсипка (Шейн Б. П. № 1 Лепп.), при *Осип*, где *е* также легко выводится из *іо-*. Но в старых грамотах и современных белорусских говорах можно встретить и другие имена с *е:* *Елександро* (Вил. Акт. 4, 1432 г.) из др.-русск. *Олєксандр;* *Ехремка* (Шейн Б. П. № 682 Борис, но несколько ниже — *Охремка*). В двух последних случаях *е* на месте *о* (а может быть и *а*, так как *о* безударное должно было замениться посредством *а*) должно быть объясняемо менее всего фонетически, разве придется допустить какое-либо приставочное *j*, а тогда *jo* фонетически могло перейти в *е*.

В тех местностях, которым известно *е* безударное, звук *о* основной или же вторичного происхождения, под влиянием предшествующего *j* или смягченного согласного, также может переходить в *е:* jenў (Федер. I, 4 Дворецк.), jenà (ib. 68 Суховоля). Как увидим из морфологии, в этом случае *j* зашел из косвенных падежей в именительный *он—она́—оно́*. Под ударением *jон* сохранилось, а без ударения *jона́—jоно́—jоны́* перешли в *jена́—jено́—jены́*. Сюда, повидимому, относятся и такие случаи, как *тол'же* [с ним то̂ке ѣ т людѕ (501 Евр.), не толке по вся лета (ib. 505), не толке и (ib. 516б)], хотя в нем можно видеть и русское влияние: шеўко́выя (Бесс. Б. П. 3), молодзи́цею (Шейн Б. П. № 23 Лепп.), медзи́цею (ib.)[1] и под., где *о* вторичное возвратилось после смягченных согласных к первоначальному звуку. В последних двух случаях можно видеть и простой орфографический прием.

Переход *о* в *и*

Тут будет речь о сходных явлениях, но вызванных разными причинами.

Так, 1) в говорах, знающих на месте *о* безударного в известных слогах *ы*, начальное *о* безударное в нескольких словах изменяется в *и*, так как *и* в начале слов не бывает; таковы слова: *истры́ць* [Ром. III, 245 Сенн., Шейн. Мат. I, 136 Борис (лемеши йстрила), Мат. Б. № 4 Могил. губ., ib. 9 Бых., ib. 14 Новоалекс. ib. 18 Витебск. (як у миги-лёвский губерни, так жа са́мо и ў нас — ножики *истря́ць* об бруски, а сярпы́ — напи́лкым), ib. 26 Себеж., ib. 28, ib. 32 Орш., Ром. VI, 357 Мстисл. (*и*стриця, найстрила)] и производные, напр., *найстры́ць* (Мат. Б. № 4), *итнине* [Ром. IV, 198 Клим. (будзеш ты ў смоле неўтолимой, итнине и до-веку)], *ипять* (Ром. VI, 41 Горецк.) (слово употребительное в белорусском языке), пламенным *игнём* (Добров. I, 225 Смол. у.), *игаход*, *игухе́ц* (Мат. Б. № 28 Себеж.); залажи лашадям па хунту сена и па гарцу *иўса* (Добров. IV, 5); в тех местах Белоруссии, где вместо *свирен* известно *амбарь*, это слово обыкновенно имеет вид *имба́рь* (очевидно, из *омбахъ*) (ср. Мат. Б. № 4, 5, 9, 16). Во всех приведенных случаях *и* не на месте *о*, а заменило гласный редуцированный, явившийся на месте *о*[2]. Странно только, отчего в бело-

[1] Ср. «Обзор звуков...», стр. 47.

[2] Ср. А. А. Шахматов. Русское и словенское аканье. — «РФВ», т. XLIII, стр. 64.

русском такое незначительное количество примеров подобного перехода.

2) Переход *о* безударного в *и* в середине слов встречается, напр., в следующих случаях: *мигилёвскый*, *мигилевскую* (Ром. I—II, 205 Перер., Мат. Б. № 9 Бых.), *мигилеўскую* (№ 17 Речицк., № 18 Витебск.). Такой переход *о* в этом слове может быть объяснен уподоблением гласного предыдущего слога последующему. Вероятно, не звуковое явление *и* вм. *о* в суффиксе *-истъ* вм. *-остъ: молодистъ*. Иногда *и* вм. *о* в конечном слоге: *ажи* (вм. *ажо* Ром. VI, 136 Сенн. у.).

В старых западнорусских памятниках также есть случаи появления *и* на месте *о*, но они, за малыми исключениями, не объясняют рассматриваемых нами явлений; часто они носят характер описок. Так, в Статуте 1588 г. читаем: *ширикость* (134), куда *и* могло зайти из первого слога; в Тайна тайных XVI в. читаем *приходитисѧ* (55), где может быть и смешение предлогов; в Катих. 1562 г. *с пильностїю* (142), вероятно, опечатка; в *не тольки* (ib.) — явление словопроизводства, где *и* предполагает **ъі**; в Библ. кн. XVI в. Вил. № 262 *молодисти* (93б) похоже на описку, хотя суффикс *-истъ* можно слышать и в живых говорах; несомненно, описки в следующих случаях, взятых из Сборника XV в. Публ. б. № 391: лод*и*вику (75б, людовику), прим*и*вали (97), п*и*гиному (34б, поганому). Морфологическое явление представляют: ѳб*и*ръ (убор, Библ. кн. XVII в. Толст. № 158 л. 166б), на ѳб*и*ри (68 ib.). Здесь *и* как и в слове *убирать*.

Исчезновение *о* безударного

Явление, о котором мы будем говорить, больше наблюдается в старых западнорусских памятниках и в большинстве случаев носит характер описок, а не отражения живой особенности; некоторые случаи представляют особые образования. Нам встретились: д_сагноули (22б Сб. XV в. Публ. б. № 391); в Литовских летописях: под_баеть (2 Вил., при *подобает* 28 Увар.); ты с ним *гораздъ* живешь (29 Увар., при *гораздо* 3 Вил.), хотя в *гора́дъ* здесь можно видеть и синтаксическую особенность; много *изымалъ* (37 Увар. вм. *изымало*) — вероятно, описка; зане *бъ* тогда (10 Вил. вм. *заме бо*); в Лет. Авр. XV в.: нов_торсци (99, при *новоторьскоую* 79б); в Псалт. XVI в.: сѣбѣ (45, если только это не хитрое написание вм. *собѣ*), _коло (85б, вм. *около*), представляющее особое образование; схнѳти (125б) (**съхнѫтн**), в котором только отступление от теперешнего литературного произношения, а не от старины. В живых говорах пропуск *о* безударного встречается очень редко: ла́дки печець (вм. *оладжи*, Зап. I, 337), горбд (огород), _городзе (Шейн. Мат. I, 108 Вил. губ., Мат. Б. № 5 Слуцк., 7 и 10 Минск., 9 Бых., 14 Новоалекс.), горо́д, горо́дина (18 Витебск.), но, вероятно, здесь мы имеем особое морфологическое явление; так же нужно смотреть на *чаро́т* вм. *очерёт* (arundo — камыш) (ср. Мат. Б. № 8 Игум., 9 Бых., 10 Минск. и т. д.); гонёк (гориць гонёк ... пошов к гоньку к етому, Ром. IV, 201 Черик.), етъ табѣ (ib. I—II, 227 Белиц. Гомельск.,

пох–вала (схоронила, Шейн. Мат. I, 544 Слоним). Сюда, быть может, относятся случаи пропуска *о* (или обращения его в глухой звук) в глагольном суффиксе *-ова-:* пазавид'вали (Малев. 21 Слуцк.) (ср. ниже о суффиксе *-ыва-*).

СУДЬБА Ъ И ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ *О*

В предыдущей статье об *о* мы неоднократно указывали, что в этом звуке в белорусском совпало и то *о*, в основе которого лежит праславянский звук *ъ*. Разные переходы этого звука в другие мы уже отмечали в своих местах. Здесь коснемся тех моментов в истории *ъ* и его заместителей, о которых мы еще не имели случая говорить.

Что касается употребления буквы *ъ* в старых западнорусских памятниках, то об этом мы говорили в очерке палеографической стороны названных памятников. Здесь добавим, что в этих памятниках он, между прочим, употребляется для обозначения твердости предшествующего ему согласного, хотя и не всегда. Можно встретить в старинных западнорусских произведениях немало примеров, когда даже на конце слов, особенно предлогов, твердость не обозначается, для чего, впрочем, часто имеется основание даже в орфографии старославянских памятников; твердость не обозначается и в случае взметывания конечных букв под титлом. Нечего и говорить, что *ъ* опускался в середине слов, когда он не обозначал гласного *о*. Примеры: виленскиѫ мѣстичоѫ, паѫ по мосто, оу троцеѫ (гр. 1432 г. сент. 23), к– вѣчнои, безрадѫ'ство, протоѫ, людеѫ и др. (гр. 1432 г. сент. 27), с–мѣроу ячменю (32 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), заложыл– (68 Сб. XVI в. Кунц.) и т. д. Стремлением при посредстве *ъ* обозначать твердость согласного можно объяснить и многие случаи появления в памятниках *ъ* на месте ожидаемого *ь*, напр.: Четья 1489 г.: мъзды (52б, 67), есмъ (246), кровъю (195); Библ. Скор. XVI в.: ꙋшъю (Пр. 9), дъневе (I 11б), о вѣсехъ (Д 20); Псалт. XVII в.: ꙋволокаешъ чти (31) и т. д.

О звуке *ъ* в старых западнорусских памятниках уже не может быть речи. Еще в позднейшую эпоху прарусского языка всякий *ъ*, стоявший под ударением, кроме конечного, а также в словах многосложных с *ъ* в нечетных слогах, считая с начала, переходил в звук *о*, или, как обыкновенно говорят, прояснялся в *о*. То же наблюдается в старых западнорусских памятниках и в современных народных говорах, напр., при ст.-слав. **дъждь** имеем зап.-русск. *дожчъ* (напр., в Ев. Тяпин. 1580 г. 9б), совр. белорусск. *дождж* (напр., Шейн Б. П. № 363 Диснен.), на месте осн. **Немъчъ* имеем: *за немочъ, по немчу* (гр. 1387, 21), совр. *Н'о́мъч — Н'о́мча*. Такое же «прояснение» происходило и в предлогах, примыкавших к слову, начинающемуся с нескольких согласных. Однако такие закономерные случаи «прояснения» *о* под влиянием разных причин уже в древнерусском языке рано были нарушены. Что касается старых западнорусских памятников и современных белорусских говоров, то в них отступлений от выставленных положений масса. Так:

1) *о* из *ъ*, появившееся под ударением, в случае безударности слога обыкновенно исчезало. Однако можно отметить случаи, когда и безударное *о* из *ъ* удерживается, конечно, по аналогии тех форм данного слова, где оно под ударением. Напр., цр҃кова҃ (57б Сб. XV в. Публ. б. № 391), сведоки (гр. 1432 г. сент. 27, вм. обычного *свѣджи*), монога (**мъногѧ**, 169 Сб. XVI в. Чуд.) (если это не описка), з моху (Бел. Арх. II 1532) (XVII в.); в современных говорах: лоп — лóба [w lob'a (чит. *лобя*) Вериго Pod. 32 Лидск.] = **лъбъ** польск. łeb — łba, рот — рóта (Зап. V 120), рóту (Зап. I 363), ў ратý (Ляцк. Посл. 15 Борис.), раты́ (Мат. Б. № 8), ў роци (Иллукст. Отч. 10, при старослав. **рътъ**, чешск. ret — rtu), да люборы (= к любви, от им. пад. *любова?*) (Розенф. 15 Вилейск.), мох — мóху (mochu Федер. I, 7 Волков.), как и в северно-русских говорах (ср. Колосов, Обзор, стр. 1), мозоком прокормили (Ром. III, 121 Клим.). Интересно: прошнулася яна с свойго сынá (Ром. VI, 207 Гомельск.). В слове *лоб* гласный не выпадает даже в тех говорах, которые по тем или другим причинам имеют на месте *ъ* не *о:* jak óko u̯ łèbi (Федер. II, 33 Лысков), na łèbi (ib. 107 Рось), то па вуху, то па *лэбе* ўсяк цярэбе (Мат. Б. 31 Вилейск.), где в *е* полонизм, в последнем примере поддержанный рифмой; na łu̍bé mé̍sec (Клих 104 Щорсы), где *у* на месте *о* безударного; у лыбе (Мат. Б. № 13 Свенц. у.), где *лы-* из *лъ-*, как в *глыбокий*. Очень может быть, что во всех перечисленных формах неорганическое появление гласного обусловливается стремлением уклониться от редких созвучий *лб*, *рт*, *мх*. Появление ударения над гласным из *ъ* в косвенных падежах, где оно есть, следует считать вторичным[1].

2) По аналогии предлогов и приставок, оканчивающихся на гласный, и предлоги на *ъ*, т. е. после утраты в произношении глухого, если таковой был, оканчивающиеся на согласный, стали развивать после себя *о;* в старинных западнорусских памятниках, да иногда и в современном белорусском языке, этот «прояснившийся» гласный бывает не только тогда, когда это возможно в современной русской литературной речи[2], но даже перед одним согласным следующего слова, а иногда и перед гласным, как можно видеть из следующих примеров: сопасти (82, 100 Четья 1489 г.), вокушаючо (172 ib.), предотеча (221 ib.), ѡ҃то всеѣ (2 Сб. XV в. Публ. б. № 391), ѡ҃то встока (51 ib.), во ѣкроузе 67 (ib.), ото всихъ (гр. 1432 г.), во лѣ҃ (25б Лет. Авр. XV в.), во ѡ҃рдоу (68 ib.), во ѡ҃дежа (131 ib.), ко ѡ҃лгердоу (93б ib.), со собою (366б ib.), ѿзо ѡ҃снованиѧ (70 ib.), изо ѡ҃нтонова манастырѧ (230б ib.), изо ѡ҃чью (222б ib.), в Лит. лет. XV—XVI вв.: во Вилне (28 Увар.), во Вилии (27 ib.), во великои (ib. 27 ib.), ко дочце (1 Вил.), ко городу (28 Увар.), ко брату, ко князю (ib.), со нѣмьци (29 ib.), со бра-

[1] Проф. Р. Ф. Брандт («Начертание славянской акцентологии», 141) представляет себе дело несколько иначе.

[2] Как: ѡдопхнул 21 Сб. XVI в. Позн., подойме 195, соꙋдравшы слепоту 3б Предисл. к Катихиз. 1562 г., передо мною 51б Псалт. XVI в., ѡгóтнетъ 62 Псалт. XVII в., ѡгоꙋмешъ 109б ib.

томъ (ib.), возвратѝшисѧ воспа҃ (69б Крас.), нѣвозем'ши (89 Крас.), невозе҃ши (79б ib.), возвратисѧ (96 Супр.); надо мною (142 Сб. XVI в. Позн.), ѿто всихъ (38 ib.), розодралъ (141 ib.), розобралъсѧ (78 ib.), во великꙋю (160 Сб. XVI в. Крас.), вок'рат'цѣ (16, 61 Тайна тайных XVI в.), безо льщенїѧ (без обмана, 63 ib.), вометаємѡ (6б Катих. 1585 г.), обовѧзуѣть (246 б Катих. 1562 г.), во сыну своемъ иво брате (И 62 Библ. Скор. XVI в.), во воню (А 107б ib.), ко полудню (Ч 8б ib.), ко словамъ (П 45 ib.), предословие, соꙋтиралы (И 70б ib.), не зоꙋмыслу (Ср. 31 ib.), отоврели (Б 12 ib.) и др.; неи҃богоговориваи (109 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), во ср҃цу (14 Псалт. XVI в.), ѿ҃востанью (42б ib.), во ч҃ти (46б ib., рядом с *въ чти* 49б), во землю (88 ib.), возыщѣ҃ (118 ib.), возывати (23 ib.), соборо҃ (сборов, 17 ib.), ѿ҃то всѧко҃ печали (54 ib.), гониманиихъ (7б Сб. XVI в. Кунц.), во волосеницꙋ (278 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), во ѯсте҂ (43 Псалт. XVII в.), во ѧмѣ (37 ib.), во день (61б ib.), во ѩмѧ (129б ib.), разобице (разбейте, Мат. Б. № 11 Плюс. Новоалекс. у.) и др. Конечно, нельзя думать, чтобы в случаях, подобных перечисленным, гласность *ъ* чувствовалась еще в XV—XVII вв. настолько, что при тех или других условиях служила поводом для замены его посредством *о:* эта замена произошла в подражание случаям старинного прояснения, с одной стороны, и предлогам, оканчивающимся на гласные, — с другой, как об этом уже была речь. В некоторых живых белорусских говорах по особым причинам указанные предлоги могут иметь и особую огласовку: *кы*, *сы*, *зы*, *вы* и даже *ву*, *ку*, *су*[1].

3) Говоря о прояснении *ъ* в *о*, не следует смешивать действительных случаев с только кажущимися: дело в том, что старинные писцы, видя, как часто в рукописях чередуются *ъ* и *о*, смотрели иногда на эти буквы как на равнозначные, вследствие чего, с одной стороны, находили возможным посредством *ъ* и обозначать твердость согласных, с другой — ставить *ъ* и на месте *о*, и наоборот — употреблять *о* на месте *ъ* непроизносимого. Примеры из грамот в достаточном количестве приведены А. И. Соболевским в статье «Смоленско-полоцкий говор», напр., *ъ* вм. *о:* быхъмъ (гр. 1229 г.), тъваръ (гр. ок. 1230 г.), гъстьи (ib.), вътчиноу (83, 155 Лет. Авр. XV в.), вътьциноу (138 ib.), даже — свою в ѡ҃чиноу (172 ib.), своеи въотчинѣ, своеи въотчины (172б ib.), върдоу (81б ib. при *вордоу* 84 ib.), с събою (123 ib.) и др. Но вообще подобных случаев мало. Гораздо больше случаев употребления *о* вм. *ъ*, т. е. употребление *о* не в смысле гласного звука: берьго (гр. 1229 г.), про всѣхо (215б Четья 1489 г.), боудѐ҃ посажено (95б Сб. XV в. Публ. б. № 391) (если это не особенность синтаксиса), бꙋ кого лежало товаръ (392 Лет. Авр. XV в.), недостато҃но и вбо҃ ѣсми҃ (87б Псалт. XVI в.) и др. Очень может быть, что сюда принадлежат некоторые из приведенных нами в этой статье случаев употребления *о* в окончании предлогов там, где этому звуку не следовало бы быть. Не орфо-

[1] См. о них статью Л. Л. Васильева. К характеристике сильно-акающих говоров. — «РФВ», т. LVIII, стр. 241 sq.

графическое и не фонетическое явление следует видеть в *о* на конце некоторых собственных имен, каковы: оу Полотеско (гр. ок. 1300 г.), витеᵇ̃ско (75 Крас., 80б ib.), да͡емѫ лоуᵛ̃ко (77(8)б ib.), мѣᵛ̃ско (Минск. 88 ib.), на смолеᵛ̃ско (90 ib.) и др. Во всех этих названиях городов, представляющих из себя имя прилагательное, можно подразумевать слово *место*, что в Литовско-Русском государстве, под влиянием польского языка, означало город. Морфологическое явление также в *о*, стоящем в окончании названий лиц: шварно пошлеᵛ̃ (67б Лет. Крас.), кнᵛ̃зь михайло пдоберезскиᵛ̃ (84б Крас.).

Видя в *о*, появившемся на месте древнего ъ, средство для придачи благозвучия словам, народ вставил такое *о* и там, где оно само не могло возникнуть, так как не имело для себя соответствия в основном славянском языке. Я разумею случаи появления *о* в сочетаниях немой + плавный, где прежде, когда еще произносился конечный глухой, трудности для выговора не было; но затем неудобство для произношения таких созвучий, как *гл*, *тр*, *глж*, заставило вставить *о* неорганическое по образцу слов, представляющих *о* = ъ, напр.: агóнь (ср. ѡгонь 71б Псалт. XVII в.) = ст.-слав. **огнь**, угбл'л'а = **жглнѥ**, гóлка = **нгла** и др. Впрочем, неорганические гласные сначала, быть может, в виде глухих возникли в подобных случаях еще на почве древнерусского языка (ср. Соболевский, Лекции, 4, стр. 53).

Вследствие правильного соотношения слогов с *о́* и без него в словах типа *сóн — снá* (**сънъ — съна́**) в русском литературном языке явилась возможность установить такое соотношение и в слове *рóф — реá* (*рóв — роса́*), где *о* не из ъ. Белорусский язык этого пропуска *о* не знает: в нем *роў — рóвя*, что наблюдается и в старинных памятниках: въ ровѣ (гр. 1497 г.), ровы (37 Статут 1588 г.), ровомъ (Бел. Арх. I 1605).

В нескольких случаях в Сб. XV в. Публ. б. № 391 под польским влиянием на месте ъ является *е:* везравши (22), ве тренадцетеᵛ̃ (56), ве дне (56б), ве детинности (64), ве двоу̯ (89), зе двоунадцетї (1б), седраᵛ̃ (8б), себралисе (36), се спижами (49б), наде всеᵛ̃ (10), смоутекъ (2), пребытеᵛ̃ (65), смерти крижевноѥ (3б) (польское влияние здесь содействовало удержанию *е* от расширения в *о*).

О случаях нефонетического появления на месте ъ звука *у* в предлогах **къ** и **въ** у нас уже была речь в своем месте, когда говорили о появлении *у* на месте *о* (стр. 122).

Отступление от современного употребления в другую сторону находим в *на встохоу* (39б), *со в'стохоу* (49), *схноути* (94б Сб. XV в. Публ. б. № 391); в *кторе* (82б ib.) полонизм.

В заключение статьи о заместителях основного славянского ъ отметим, что как возможно было в древнерусском языке появление в группах согласных, неудобных для произношения нового ъ, а затем и его заместителя при известных условиях *о*, так и в современном белорусском иногда наблюдается появление неорганического глухого, что на письме довольно близко к истине обозначается посредством *ы*, конечно, краткого: Расплетýць кóсыньку *брацíтыхи* (см. Колосов, Обзор, стр. 9,

прим. 1), нявестъка, хустъка, пастъка (ловушка, Отч. 26 Орш.). То же, повидимому, в старых памятниках: ѳѹныдаментъ (68 Сб. XVI в. Кунц.) (ср. «К истории звуков...», стр. 9 и вын.). Не знаю, можно ли так же смотреть на *ы* в блжни чистиї *сердцемы* ако тиї бга *ѵ'раты* (10б Катих. 1585 г.); в живой речи глухой можно наблюдать иногда только в середине слов, в группах неудобных для произношения.

ЗАМЕНЫ ОБЩЕРУССКОГО *Е*

Белорусский язык унаследовал из общерусского языка звук *е*, в котором совпали основные славянские *є* и *ѣ* в тех случаях, когда последнее заменилось гласным явственным, напр.: в'ас'ел'л'а = **весельк**, д'зен' = **день**. Ничем не отличается от общерусского и то *е*, которое еще до разделения русского языка явилось в формах полногласия на месте основных славянских сочетаний *er* — *el*; с ним, конечно, совпало и *е* из *ъ* в древнерусской группе *ъr* из основного славянского *ъr*. На почве белорусского языка с этим *е* совпал и звук, обозначавшийся в древнерусском буквой *ѣ*. Но так как *е* из *ѣ* всегда дает о себе знать в разных фонетических явлениях, то историю этого звука в белорусском языке для удобства изложим особо.

Унаследованный из общерусского языка звук *е* отличается свойством смягчать предшествовавшие ему согласные, а в начале слов и после гласных он имел перед собою *j* или *i*. Только несколько слов (напр., *еще, езеро, еи*) в древнерусских памятниках употребляются в начальном слоге без *j* (ср. Соболевский, Лекции, стр. 40). Умягчительным звук *е* и остался в белорусском языке. Но в нем со временем, благодаря влиянию главным образом польского языка и заимствованиям из последнего, а также влиянию украинского языка и некоторым фонетическим явлениям в самом белорусском языке, развился и звук *е* неумягчительный (*э*), распространенный в разных говорах не в одинаковой степени. Постепенное проникновение его в белорусский язык можно проследить и по старинным западнорусским произведениям.

Вообще в них дело с *е* так же обстоит, как и в других русских памятниках того же времени, но иногда замечается и кое-что особенное. Так, имеются случаи, когда под иноземным влиянием перед умягчительным *е* пишется еще *и:* в Сб. XV в. Публ. б. № 391 — їесть (45б), в Псалт. XVI в. — выслѹхаиѥ бгъ (55б), в Библ. Скор. — поколѣниєи (Ч 5б), оправданиєи (Л 4б), для безакониєи (Ц 237), братиєи (Н 41б), змиєи (Пр. 24б), сиротиєю и вдовициєю (Ср. 57) и др. — явление, впрочем, довольно странное, может быть и не фонетическое[1]. Подобные случаи очень немногочисленны и могут быть объясняемы орфографией польских и чешских источников отмеченных переводов.

Зато мы имеем несомненные доказательства того, что для звука *е* твердого, который сначала встречался только в заимствованных словах, уже с XV в. начали употреблять особое написание *э;* значит, *е* обозначало

[1] Ср. П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина, стр. 254—255.

звук не твердый. Примеры: в Сб. XV в. Публ. б. № 391: в словах иностранных — *экъсеквїе́* (15), *э́морройса* (20б), *инъ э́ксъцельсисъ* (70); в Сб. XVI в. Позн.: в словах, взятых из польского языка — рыцэ́ръ, посэ́льство (130), бэ́зэцный (132), литэ́ры (176), комэ́ту (189), сведэ́цства (194), ѡхэ́ндожне (287), сэ́ймъ (288), жадэ́нъ (78), гэ́тманъ 178 и т. д. (Archiv IX, 356); в формах: сэ́рцэмъ (223), набэ́ль (191), не мѣ́й ми за злэ́ (26), естэ́мъ (200) и т. д.; в подражание им *э* зашло даже и в русские слова на место *е* — *ѣ* после отвердевших согласных: цэсарэ́мъ (225б), Дмитрэевичъ (260), на рецэ́ (ib.) и др. В современных белорусских говорах преобладает звук *е*, но есть и *э*. Почти общебелорусскими считаются: 1) *гэ́тый* — *гэ́тот* (Мат. Б. № 28 Себеж.), в некоторых местностях уступающий место слову *гэ́ный* или употребляющийся рядом с ним (ср. Мат. Б. № 4 Могил. губ., 6 Диснен., 8 Игум., 11 Новоалекс., 14 ib., 31 Вилейск.); кое-где, повидимому, *е* не вполне твердо: *е*тый (Мат. Б. № 9 Бых.), *е́та* (Шейн Б. П. № 175 ib.), *е́таго* (174 ib.), при *е́тым* (272 ib.); 2) *гэй;* 3) реже *эх* (обыкновенно *ах*); 4) *сэ́рце* даже в областях, отдаленных от Украины и Польши: на-ще сэ́рьца (Никиф. Мат. Б. № 18 Витебск.); 5) *уздэ́чка:* ни так вожки, як ўздэ́чка (хороша) (ib.), уздэ́чку [Шейн Б. П. № 263 (Сураж.) Велиж.]; 6) остальные слова, больше заимствования из польского и украинского (от духовенства и начальных учителей), употребляются только в отдельных районах, более или менее обширных: аптэ́ка (Мат. Б. № 4 Могил. губ. и др. места), апэ́тыт (ib. № 4), бэ́зна (ib. № 4), бессмэ́ртны (ib. № 15 Игум.), губэ́рня (ib. № 10 Мозыр. и др. места), импэ́т (ib. № 4 Могил. губ.), ивангэ́лия (ib.), карсэ́т (ib. № 10 Мозыр.), комэ́дыя (ib.), мястэ́чка (ib. № 31 Вилейск.), мэ́ртвый (ib. № 4 Могил. губ.), пратэ́са (хоругви, ib. № 5 Слуцк.), протэ́кзия (ib. № 31 Вилейск.), пэ́ўна (вероятно, ib. № 4 Могил. губ.), пэ́рлы (ib. № 5 Слуцк., 13 Свенц., 31 Вилейск.), сквэ́рна (от всякия сквэрны) (ib. № 15 Игум.), смэртэ́льны (ib. № 8 Игум.), смэ́рыд — шмэ́рыда (смерд, ib. № 4 Могил. губ.), спасэ́не (ib. № 5 Слуцк., 9 Бых., 15 Игум.), стэ́рва (ib. № 4 Могил. губ.), твэ́рда (название буквы, ib. № 4 Могил. губ.), тутэ́йшы (местный, здешний, польск. tutejszy, ib. № 10 Мозыр., 31 Вилейск. и в других местах), тэ́рка (ib. № 10 Мозыр.), чвэ́ртка (ib. № 20 Август.), шкарпэ́тка (носок, ib. № 4 Могил. губ.), бэз воли (Ляцк. Посл. 5 Борис., рядом с *бяз злэ́дзия* ib. 26, *биз вады́* ib. 54), бязды́нная (ib. 11) и др. Кроме этих отдельных слов, звук *э* известен и в целых фонетических категориях: именно, он всегда бывает вм. *е* после *р* в тех местностях, в которых этот звук отвердел, что, как известно, наблюдается в большей половине Белорусской области; далее *э* слышится и после всех других вторично отвердевших согласных: *ц* (= осн.-слав. **ц**), *ж*, *ш*, *щ*, *ч:* б'арэ́з'ина, цэ́ркоў, жэ́рц'и, шэ́ўчык, щэ́б'ет, чэ́рц'и. В отдельных говорах *э* бывает и в других случаях. Так, говоря о звуке *о*, мы отметили целую группу говоров, где в *-эй* переходит в известных формах сочетание *-ой;* впоследствии мы увидим, что во многих местах *э* бывает в окончании им.-вин. пад. мн. ч. твердого различия; наконец, в самых

южных белорусских окраинах *э* на месте *е* можно наблюдать, не без украинского влияния, после губных: цепэ́рэшний, грэбэ́, бэрэ́ и т. д. (Мат. М. № 9 Пружан.), зэ́убэр, пэрэскэ́чыць (Отч. 24 Пружан. Беловежь); то же у Любеча Городн. у. Черн. губ. Отч. 24, в Луненце, Лунине и Дятловичах (север Пинск. и Мозыр. у.), где *э* не только после губных, но иногда и после других согласных (Отч. 28, 29).

Переходя к рассмотрению изменений звука *е* на белорусской почве, необходимо коснуться тех причин, которые вызвали эти изменения. В этом случае наблюдается большая аналогия с теми условиями, при которых происходят те или другие изменения звука *о*. Среди этих причин и здесь первенствующее место принадлежит ударяемости или безударности того слога, в котором стоит *е:* только в ударяемом слоге бывает вполне явственный звук *е;* в безударных слогах он приближается то к *и*, то к *а* в зависимости от причин, о которых речь после, а если бывает лабиализован, то переходит и в *у;* иногда он становится совершенно неопределенным звуком, напоминающим **ь**. Другой важной причиной, вызывающей изменение *е*, является положение его в отношении к окружающим его согласным; перед твердыми согласными он бывает довольно широк, а перед мягкими *е* довольно узок (ср. стр. 38). Если ему приходится стоять после палатальных согласных и перед мягкими, то он становится особенно узким, почти *и*. Если в таком соседстве окажутся лабиальные или лабиализованные согласные, то *е* тоже произносится лабиально — *ӧ*, дальнейшей ступенью чего является обращение такого *ӧ* в обыкновенное *о* с предыдущей мягкостью согласного (*ё*). Этот получившийся из *е* звук *о* может на белорусской почве подвергаться всем тем изменениям, что и основной *о*, напр., переходить в *у*, дифтонги и т. п., лишь перед таким *о* его заместителями бывает мягкий согласный, если только он не подвергся вторичному отвердению. Появление некоторых заместителей звука *е* находится в связи также с тем, какой гласный имеется в соседнем слоге, особенно в ударяемом, следующем за безударным с *е*.

Принимая во внимание все указанные обстоятельства, можно объяснить разные фонетические изменения, которым подвергается звук *е* в белорусском языке.

Хотя под ударением можно слышать вполне явственный звук *е*, однако не следует думать, чтобы всякий древнерусский *е* ударяемый сохранялся в белорусском без изменения. Если за *é* следует твердый согласный, а в некоторых словах и в конечном слоге, то он переходит обыкновенно в *о* (*ё*). Таким образом, вполне явственно слышится только то *е*, за которым стоит мягкий согласный, т. е. ɛ узкое: кам'ɛ́н'н'а, чɛсц' = **каменьѥ**, **ѥсть**; перед следующим твердым согласным — только в некоторых особенных случаях бывает *е:* гäты, jäлка, чäрствы, с'а́рп.

Что касается *е* безударного, то оно известно в неизменном виде далеко не во всей Белоруссии. На основании существующих изданий народных белорусских произведений точно установить, в каких областях и когда возможно *е* безударное, довольно трудно, так как прежние

издатели народных произведений в отношении *е* обыкновенно держались исторической орфографии; новейшие же более исправные издания не обнимают всей белорусской области. В нашем распоряжении по этому предмету имеются следующие данные.

Звук *е*, довольно явственный, можно слышать во всей белорусской области в окончании таких слов, как *мяне*, *цибе*, *уже*, *мае* и др., когда они, не имея на себе логического ударения, тесно примыкают к следующим за ними словам: jо̀н м'ан'ɛ л'у́б'иц', ц'иб'а̀ ла́йуц', ма́йа го́с'-ц'и̯ки̯, ўжа̀ прышо́ў? и т. д. В подобных примерах *е* от перехода в другие звуки удержала аналогия большинства случаев, когда подобные слова не являются проклитиками, а имеют на себе ударение.

Что касается вообще *е* безударного и его сохранения в разных белорусских областях, то здесь наблюдается аналогия с тем, что нам известно относительно *о* безударного. Именно, когда на месте *о* безударного бывает *а*, тогда же в соответствующих образованиях с *е* бывает тоже *а* (только с предыдущей мягкостью согласного *-я-*), о чем у нас речь после. Это «яканье» в некоторых говорах (сильно акающих) белорусского языка достигает высших пределов, так что эта особенность выставляется даже как отличительная черта белорусского языка; но, с другой стороны, в белорусских говорах с умеренным аканьем случаев с *е* безударным больше, чем случаев с *о* безударным. «Яканье» очень заметно ослабевает по направлению к юго-западу, а на границе с украинцами и поляками и совершенно исчезает. Таким образом, в сильно акающих белорусских говорах *е* безударное, можно сказать, совершенно отсутствует, хотя в имеющихся записях, даже довольно исправных, примеры с *е* изредка попадаются; в умеренно акающих говорах сохранение *е* вполне явственного или довольно неопределенного может быть определено теми или другими законами; в говорах слабо акающих уже наоборот — *а* на месте *е* является редкостью. В говорах северо-восточной группы, больше умеренно акающих по-русски, *е* безударное, как увидим в своем месте, чаще переходит в *а* или *и*, а без перемены не сохраняется. В сборниках народных произведений опять-таки и здесь иногда встречаются написания с *е* безударным, которое, конечно, в индивидуальном произношении можно слышать, но нельзя сказать, чтобы такие случаи отличались полной несомненностью.

Итак, сначала приведем несколько примеров написаний *а* *е* безударным из сильно акающих говоров и северо-восточных, умеренно и сильно акающих по-русски: *е*лова́тый [похожий на ель, а м. б. *я́ловый* (бесплодный), тогда *je* из *ja*] (Шейн Б. П. № 444 Борис.), нерадзи́лась (ib.), нёсбира́ла (ib.), непаго́дливая (Демб. 42. 531 Могил.), селезёночка (Шейн. Мат. I, 7 Орш.), поедна́лися (Шейн Б. П. № 5 Лепп.) — примеры сомнительные и еще несколько таких же там же, напр.: де́шево, белю́сенький, ка́меня и т. д., дэ́рева (Шейн Б. П. № 441 ib.), на си́нее мора (Ром. V, 41 Сенн.), мя(*е*)ртвяки (Отч. 23 Трубч.), ня(*е*)су, ня(*е*)сешь, мя(*е*)не (ib.), плечо́ (Демб. 19. 527 Мстисл.),

варонéнькие, булáненький (Отч. 22 Акуличи Брянск. у.), капáець, сúзенький, беленькая (Отч. 13 и 14 Великолуцк. у.).

Если на вышеприведенные примеры можно полагаться только с большой осторожностью, так как они могут оказаться плодом недосмотра собирателей и редакторов белорусских произведений, то ниже приводимым случаям, взятым из умеренно акающих белорусских говоров, можно доверять вполне. Их поддерживают показания всех достоверных сборников и наши личные наблюдения. Причем в северной части умеренно акающих говоров случаев с *е* безударным меньше, в южных значительно больше. Если иногда встречаем колебания в одной и той же местности, то это зависит от того, произносились ли отдельно слова или в связной речи (в последней звуки неопределенные), грамотно ли по-русски или по-польски то лицо, над которым производились наблюдения или от которого делались записи, или нет, и вообще от индивидуальных особенностей речи. Как общее наблюдение для рассматриваемых говоров можно установить следующее: в них большею частью остается без перемены то *е* безударное, которое стоит во втором слоге от ударяемого к началу, а также в слоге, непосредственно следующем за ударяемым, если этот слог не конечный и, особенно, если он закрытый. Звуки *р* и шипящие, стоящие перед *е* в указанных слогах, содействуют обращению *е* безударного в *ä* или даже *а*, если этому не мешает мягкость следующего согласного (о чем речь после). Примеры: в слогах, предшествующих ударяемым: серября́стый (Бесс. Б. П. 4), ясен ме́сяц перякро́ю (ib. 64), не така́я (ib.), зеляны́м (ib. 37), селязе́нька (ib. 24), перяхо́ду (ib. 11) — все из неизвестных, но умеренно акающих местностей; из Новогр. у.: н'ɛпäрɛп'и́ва́й (Дыб. 247 Посл.), п'äразбу́д'з'а (ib. 91 Посл.), wierabjóŭ (ib. 102 Посл.), cieciarúk (ib. 423 Посл.); в моих записях из с. Берёзовца: перапе́ч (22), селяни́на (23), зеляно́ (ib.); в Мат. Б.: пяреляце́ла, пяреначу́йце (№ 24), пярелéтую (ib.); у Федер. III: niedaczùuszy (284), miedżwièdzi wielìsia (21), piärściònak (20), niebauki (ib.); у Клиха: čełaváki (35), hräbú, hreběš (но hraběom) (58), ńe tréba, peret śmercu. čärasło, čälá (233), śärädá, pereka´iц и т. д. (234); Слуцк. у.: семярых, зеляно́ (Мат. Б. № 5), перева́жвай, дзеравяны́е (ib. № 21), ўвесци́ (ib.), неха́й, земля́ (и — няхай, зямля́), еще [(«здесь лучше среднее между *е* и *я*») Чудовский («РФВ», XL, 59)]; о говоре этого же уезда читаем у Малевича (9), что в слогах, удаленных от ударения, звук *е* довольно явствен, хотя он и более близок к *я;* в редких случаях имеем *е* чистое и даже *е* закрытое: ся°рада́, ся°рабро́, ця°цяру́к, дьзя°сяци́, синяе мора, пшаничнае поле и др. (9), кажа[в] (20), на поля° (ib.), вяселле[я] (ib. 96); Игум. у.: дзесяци́ (Мат. Б. № 8), семярых, зеляно́ (ib. № 15); Минск. у.: не перапива́й, зелянава́тый (Мат. Б. № 7), лета́ючы (ib. № 23); Слуцк. у.: czäławièk, jemù, czämùż, jesccè (Федер. II, 235, 236), piaräbiràła (ib. 238); Городн. у.: siämirènki, dziewiaciòro, niäsiè, jänà, jämù, jäjè (Федер. III, 22), Слоним. у.: jemù, ziemli, żäbràk, sieradâwiecznyje (Федер. I, 4), czäławieczku (ib. 5), jenà (ib.), siehoni (ib.), cierpì, pierästali, palecièła (ib. 8),

p*ie*rahòryli, s*ie*strỳcu, s*ie*radòlsza (ib. II, 97), palä*c*iòli, jenỳ (ib. III, 136), z*ie*mla (ib. 5), Śc*ie*pânie (ib. 18), c*ie*pièi̯ża (ib. 24), w*ie*czèru (ib. 41). u̯s*ie*lakich (ib. 42), w*ie*sièlo (ib. 45), w*ie*czarnìcy (ib.), dz*ie*siaciòm (ib.) и т. д.; Волков. у.: u̯ c*ie*mnòm liesi, p*ie*räw*ie*dù̯, z*ie*mlanki, p*ie*räna*c*zäwâu̯ (Федер. I, 6), z*ie*lònaho, dz*ie*wiacì, p*ie*ru̯jdzie (ib. 7), p*ie*räkìnułosie (ib. 8), n*ie*ĕchutko (ib. 10), p*ie*räżagnâjećsie (ib. 22), p*ie*älecieła (ib. 111). z*ie*ziula u zazula (ib. 182), heto byz p*ie*ramieny (ib. 265), lädàsztuju. pryn*ie*äsièsz, u̯s*ie*hò, n*ie*siè (ib. II, 71), pa ledù (ib. 227), b*ie*rècio (ib. III, 121), w*ie*żlì, pläczỳma (ib. 150), p*ie*rajszłò (ib. 152) и т. д.; Сокольск. у.: n*ie*ĕzâdau̯ho, czekaje, w*ie*liki (Федер. I, 6), żeniè (ib. 12), prepiłujuć (ib. 15), u c*ie*biè, p*ie*räw*ie*rnùć, w*ie*rnìsie (ib. II, 82) jehò, jemù, jenâ. c*ie*biè n*ie*czỳstych (ib. 150), n*ie*sièm, żänìešie (ib. III, 26), prechòdzić. jednahò (ib. 27) и т. д.; из южных окраинных уездов: семярых (Ром. I—II, 12 Белица Гомельск. у.); «*е* без ударе́ния ... остается без перемены», за исключением случаев после шипящих, *ц* и *р*, когда бывает *а* (Мат. Б. № 10 Мозыр.), перайшоў (ib.), невi͡эстки, церпi͡эў (ib.); зелено-ва́тый (ib. № 17 Речицк.), сцерегуць (ib.) (но есть случаи и с *я*), пераки́немся (Отч. 27 Речицк.), нема (Отч. 24 Городн.), несе́ (ib. 32 Белост.), вэсе́ле (ib. 29 м. Дятловичи Пинск. у.). В слогах, стоящих после ударения, случаев сохранения *е* безударного в умеренно акающих говорах еще больше; приведем несколько примеров: миленькому (Бесс. Б. П. 64), купа́ленька (ib. 65) — из неизвестной умеренно акающей местности; потре́б'ан; ду́рɛн' (Дыб. 177 Посл. Новогр. у.), х'и́цер (ib.), в'ɛча́р (Дыб. 66 Посл. ib.), бал'у́щɛйе да м'ину́щɛиé (Дыб. 80 Посл. ib.), ум'ира́йе (Дыб. 99 Посл.), оттуда же (с. Березовец) из моих записей: зру́блена (20), си́неньким (24), на каме́нейку да на бе́леньким (ib.), бра́цейка (ib.); оттуда же Мат. Б. № 24: гука́е, ў не́мые дошки, ле́цечкоў, ра́ненько; papadymàjä (Федер. III, 284 Новогр.), skàżä (ib.), е́дзе (Мат. Б. № 21 Слуцк.), завихайцеся (ib.); каже (Мат. Б. № 8 Игум.), пытае (ib.), ка́меня (ib. № 15), вы́береш (ib. № 23 Минск.), ми́ленький (ib.), spytajä (Федер. I, 108 Лидск.), padymajecsia (ib. 254); pàn*ie*ńki (ib. I, 4 Слоним.), każä (ib.) wièdaj*ec*i*e*, (ib.) chòcz*ä*ci*e* (ib. 5), lèdźwiä (ib. II, 19), jêdz*ie*sz (ib. III, 42), u̯ziràjecs*ie* (ib. I, 5 Волков.), dziec*iä*m (творит. пад., ib. 43), karowu z ciel*ä*m (ib. 62), wiec*iä*r (ib. 157), zielje (ib. 169), czäĥò zajczku płaczäsz (ib. II, 19), hawo-räno (ib. 71), sumùj*ec*i*e* (ib.), wiecz*ä*r (ib. I, 8 Сокольск.), Lucỳpera (ib. 14), kàmień, chłopiec (ib. II, 150), waròczajecs*ie* (ib. III, 25), зна*е* (Отч. 32 ib.), будзе (ib.), висе́ле (Отч. 32 Белосток.), чистэ поле (Отч. 29 Дятловичи Пинск. у.).

Переход *е* в *о*

Одною из выдающихся особенностей древнерусского языка является развитие в нем мягких согласных, к которым относятся общеславянские смягченные согласные перед *j*, а также бывшие полумягкими, т. е. те зубные согласные (*т*, *д*, *с*, *з*, *р*, *л*, *н*), которые стояли

перед *и;* в подражание этому последнему положению в общеславянском языке были полумягкими, а в древнерусском стали мягкими те же согласные в положении перед *ь*, *е*, *ъ*, *а*. Затем и губные согласные (*б*, *п*, *в*; *м*) в подобном же положении стали мягкими; лишь если им приходилось стоять в конце слов перед *ь*, если в других формах тех же слов им не приходилось стоять перед *и*, они обыкновенно из полумягких обращались в твердые (начало чему было положено уже, вероятно, в диалектах общеславянского языка). На развитие мягких согласных, несомненно, оказала влияние аналогия смягченных шипящих и свистящих. С другой стороны, задненёбные *г*, *к*, *х*, а также губной *в* уже по природе своей были лабиальными, т. е. выговаривались при таком растворе рта, какой необходим для произнесения гласных преимущественно лабиальных *о* и *у*. В подражание этим согласным и другие в соединении с *о* и *у*, а также с *а*, *ъ*, лабиализировались. Впоследствии такое твердое лабиализированное произношение согласных распространилось на все вообще сочетания согласных с непалатализированными гласными. Эта палатализация и лабиализация согласных произвела большие изменения в области гласных и согласных, приходящих в непосредственное соприкосновение друг с другом. Гласные, предшествующие смягченным согласным, стали несколько уже, а предшествовавшие лабиализованным согласным могли лабиализоваться. Это особенно сказалось уже в общерусском языке на звуке *е* (из *е* основного и *ь*), который после мягких согласных перед твердыми перешел в *ö:* вм. *јего*, *чему*, *женъ*, *день* (из **дьнъ** род. пад. мн. ч.) явились *јöго*, *чöму*, *жöнъ*, *д'öнъ*. Звук *е* конечного слога еще в общеславянском после смягченных согласных заменялся посредством *ö*, но после несмягченных оставался без перемены. Вследствие этого в древнерусском языке многие случаи с *ö* уступили свое место окончаниям на *е* по аналогии последних образований.

В таком положении было дело со звуком *ö* и *е* в древнерусском языке при распадении его на диалекты. Появление *ö* после мягких согласных перед твердыми не зависело еще от ударяемости или безударности слога. Если обратимся к письменным свидетельствам древнерусского языка, то там, конечно, написаний с *ö* не найдем, так как такой буквы не имелось в употребляемом алфавите; но этот звук после отвердевших впоследствии согласных совпадал с *о;* поэтому в древнерусских памятниках и нередки написания *жо*, *шо*, *чо*, *що*, *цо* на месте ожидаемых сочетаний: согласный мягкий + *ö* (ср. Соболевский, Лекции, 4, стр. 59 sq.).

Рассматриваемая особенность древнерусского языка перешла и в говоры, легшие в основу белорусского языка, и западнорусские памятники, начиная с самых древних, знают написания со слогами *жо, шо, чо, що, цо;* но в белорусском языке вследствие отвердения *р*, сюда присоединяется еще *ро*. Вот примеры из разных памятников (приводим случаи с *о* вм. *е* пока только в слогах безударных): Грамоты и акты: вашому, нашому (1284 г.), цоловати (1399 г.), ихъ жо

правомъ (1432 г.), мѣстичовъ (1432 г.), чотыриста (ib.), чоломъ (1406 г. и 1503 г.), чостовати (1486 г.), бочок (1499 г.), нашою (1432 г.), впишомъ (1486 г.), дѣльницо (1454 г.), вашого, нашому, такжо (XV в.), чолóм [М. А. 1 (XVI в.)], нашои [(нашей) В. А. 2 (1432 г.)], хочомъ [В. А. 4 (1432 г.)], чотыри (ib.), помочою (ib.), жоны [В. А. 26 (1536 г.)], допýщон [В. А. 27 (1536 г.)], ничого (ничьего, ib.), чоловѣка [В. А. 44 (1602 г.)] и др. Четья 1489 г.: чомоу (23), жона (14б), даючо (16) породившой (47б), домочадцовъ (70б), вихромъ (95), подай жо (187 б) и т. д. Сборник XV в Публ. б. № 391: жона (35), хотачо (28б), держачо (29, рядом с *гледаче* 33), шодшо говорите (31б), оушодшо (рядом с *шодше* 34б), наймилейшоє датко (2), лежачого (98б), с вѣчора (87б). Летописи: старшого (2 Вил.), ничого (4 ib., а может быть, следует читать *ничóго*), Наримонтовічомъ (12 ib.), чоломъ (39 Увар.), с которы жо (64б Крас.), чотыри (76 ib.), кочова (87 ib.), начова (87б ib.), жьглищо (71 ib.), сторожою (249 Позн.). Сюда, конечно, относится и *целеваніе* (54 Увар.), форма, лежащая в основе областного русского *цяловать* (А. А. Шахматов, Исследования в области русской фонетики, стр. 162). Отчасти сюда же принадлежит *с сокирами* (54 Увар., из **секъірамн**); отвердение *е* под влиянием польск. sokiera. Летопись Авраамки XV в.: ожо (387б), на жоравѣ горѣ (82), жолоза (163), насожоны (231б), шолонѣ (97), на юрышовѣ оулицѣ (119б), тахтамышовыми (139б), вышолъ (86), нашому (246б), начовалъ (101), чоломъ (168б), вѣчомъ (212б), щолкановщина (79б), спающомоу (149б), новгородцовъ (76б), цолованьє (244). Позн. Сб. XVI в.: чоловѣкъ, чольнейшый (193), чотыромъ (91), чотырыста (141), жона (114), мачохи (178), нашого, ничого, послушонъ, не моцонъ, набожонъ, чостовавшы (230), серцо (92), тымжо (107) и др. (Archiv IX, 359). Статут 1588 г.: нашого (1), мачохи (92), едучого (291), чого (80), чоловѣкъ (11), чожоземьцы (1), рочницою (15), заграницою (100) и т. п. Тайна тайных XVI в.: шоптанїа (9б), жолоукъ (53б), чого (65) ничоо (18), ситцова моць (63б), срцом (64). Особый случай *козоро* (67), но серб. *козорог*, ческ. kozorožec. Библия Скорины XVI в.: жона (П 10б), жолтеишие (Л 25б), жолудком (Ц 181, но *желудокъ* 1 20), пражономъ (Ц 77), с мужомъ (Пр 35), пригожо (И 30б), плачомъ (Ю 10б), дедичомъ (Б 28, но тут же *дедичемъ*), дадковичовъ (Ч 73б), вышолъ (С 12), шоломъ (Ц 35), старшому (Ср. 9б), раздельшому (МПК 118), овощовъ (Л 54, но чаще *овощевъ*), сверщокъ (Л 22), помощою (А 99), оцотъ (П 39), гарцовати (С 44б), царицо (Э 10б), вихромъ (Ц 186б), десаторо (И 59б, но *десатеро* В 15, чешск. desatero), учителомъ (Б 2б), писомъ (Н 31, litterarumpijsem). Катихизис 1562 г.: дѣвочомъ животѣ (127); Евангелие Тяпинского 1580 г.: вашо (34), ѡ чотырехъ (34б), пасочое стадо (49), вечору (51б), всерцо (52б), бешоного (12), заблужоное (24б), жону (26), чоловекъ (ib.), вашого (ib.), серцомъ (5б), чожоложницою (6б), подножокъ (ib.), над месцомъ (3) в шо-

ст'ую (27), ѡт шостое (44б) бывшое (44б) вечору (51б). Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: судящому (15б), жилищохъ (19б), нашого (49), жона (71). Псалтырь XVI в.: чоужоземцеⷨ (68), жона (128б), жоны оўриевы (51б), чого дела (14), почомѹ (73б), ѡборонцою моиⷨ (19). Сборник XVI в. Кунц.: хотящому (68). Евангелие 1616 г.: чогобжъ s и под. Сборник XVII в. Вил. № 107: послѣдовавшою (4б), ѡчаявшомуся (2), без чого (94), чотыры (15). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: жонѹ (7б), божое (27), вчора (44б), з мачохою (75б). Псалтырь XVII в.: жона (121), б҃жое мѣсто (24б), посилкуючое (52), вчорашни (91б), чотыридесѧ (98б), пѹстошачое (145б), послушо (76), щодробливо (81б).

Не во всех, однако, приведенных примерах, как увидим после, следует видеть *о* безударное: когда в белорусском языке развилось аканье, в написаниях с *о* на месте *е* можно усматривать и неточное обозначение звука *а* (*я*). Еще следует сделать одно замечание относительно происхождения *о:* в некоторых из приведенных примеров оно обязано своим появлением не лабиализации *е* перед твердым согласным (*ӧ*), а возникло путем аналогии соответствующих образований тех же форм твердого различия, о чем речь после в своем месте. Таковы, напр., формы: нашою (гр. 1432 г.), породившой (Четья 1489 г. л. 47б), наймилеишое (Сб. XV в. Публ. б. № 391, л. 2), пасѣчое (Ев. Тяпин. л. 49) и др.

В дальнейшей жизни среднерусских говоров, в том числе и западной части их — белорусского языка, в качестве решительного фактора звуковых явлений выступает ударение. Оно сохраняет слоги ударяемые в полной силе и ясности, а безударные сильно ослабляет, доводя разные гласные их до совпадения. Ударение и в рассматриваемом нами явлении произвело то существенное изменение, что *ӧ* ударяемое обратилось в *о* чистое, причем предшествовавший ему согласный остался мягким. Таким образом стало: жо́н, д'о́н. Что же касается случаев с безударным *ӧ*, то последнее в зависимости от говоров, места в слове, соседних слогов, подвергшись в той или другой степени редукции, заменилось другими гласными. Звук *о* здесь на месте *е* попадается или в говорах слабо акающих [чорт заборэ́ (возьмет) — с отвердевшим губным (Лунин Пинск. у. Отч. 28), персцёнёчек (Мат. Б. № 17 Речицк.), му́жом (Ром. I—II, 2 Белица Гомельск.), ў мёду́ (Шейн. Мат. I, 204 Бобр.), czoцpscì (Федер. II, 48 Слоним.), тут еще поддержка в *ц*, bierècio (берите) (ib. III, 121 Волков.), susièdzio žali (ib. II, 196), может быть — третёму (Бесс. Б. П. 115), чому́ (ib. 117), если эти формы из записей на юге Белоруссии, *іона́, іоіо́, іому́* (Гильтебр. CCX Гродн.)] или знакомых отчасти и с севернорусским оканьем [ёна (Шейн. Мат. I, 198 Пореч.), ёны (557 Бельск.), иди́ннё, пити́ннё (Добров. л, 7. 14)], или же в записях лиц, старающихся держаться ложноэтимологического письма, хотя материалы ими приводятся из несомненно акающих местностей [дзяўчёночо́к (Шейн Б. П. № 14 Лепп.), но рядом *пираменачак, дочок* (ib. № 31 Велиж.) (Сураж.), жоме́ры

(выжимки, корень *жьм-*, Сл. Нос. 157), полёвание (Бесс. Б. П. 118), бои́тёся (150 Борисов.), *ioнá* (Дмитр. II. и Ск. Вильн. 122 Диснен.), оре́ц'*o*, гуля̀ецi*o* (ib. 120)], или, наконец, появление *o* (*ё*) безударного может быть объяснено действием аналогии подобных же образований твердого различия [се́рцо (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 45 Новогр.), со́нцо (57), моро (101), купа́лё, зеллё (Кар. 5 ib.), зван'о (ib.), найле́пшое (Шейн. Мат. I, 225 Новогр.), весе́лё, чы́стоё полё (Мат. Б. № 29), кудраваё дьзераво (Малев. 113 Слуцк.), mо́ro (Клих 17 Новогр.), и рólо (ib. 103), čohó (ib. 84), чистоё полё (Шейн. Мат. I, 61 Слоним.), нашого (Шейн Б. П. № 12 Лепп.); сюда же можно подвести и раньше указанные *чому, iocó* и под.; такие же примеры: zdarenio (Федер. I, 5 Слоним.), życio (ib. 174), wielikajo wiesielo (ib. 130 Волков.), kaszèczajo plemia (ib. 183), iniejo (иней, ib. 157), u moro (ib. 176).

Вследствие всего сказанного в современных говорах белорусского языка переход *е* в *о* обусловливается главным образом ударяемостью слога. Что же касается окружающих такое *е* согласных, то предшествующие ему мягкие согласные в некоторых случаях по причине вторичных отвердений (шипящих, *ц* и р) стали уже твердыми[1]; что касается последующих твердых согласных, то перед вторично отвердевшими такой переход *е* в *о* иногда не происходит, но, с другой стороны, он бывает в конечном открытом слоге; в последнем случае не без влияния аналогии соответствующих образований твердого различия. Вследствие этого переход *е* в *о* для современного белорусского языка можно формулировать так: *е* ударяемое переходит в *о́*, когда за ним нет мягкого согласного. Примеров на переход *е* в *о* можно привести массу, так как это явление наблюдается во всех белорусских говорах и притом замечательно последовательно, но мы ограничимся лишь немногими; зато более подробно остановимся на отступлениях от русской литературной речи. Примеры: 1) переход *е́* в *о́* перед твердыми согласными: намётки (нам'о́тка — полотенце, завязываемое на голову вм. платка, Шейн Б. П. № 2 Лепп.), уцёк (ib. 69), жо́нки (ib. 9), учо́ра (ib. 46 Могил.), ничо́го (ib. д. 4 Лепп.), весёлка (радуга, Сл. Нос. 49), в'ɛс'о́лко (аист), прыв'о́ў, воробьёў (Бесс. Б. П. 19), шо́стая (Гом. III Сенн.), людзём (ib. 15), вазьмём (Кар. 61 Трок.), зелёный, засыпёна (Ром. I—II, 375 Сенн.), ўмёр, зьд'зёр (Малев. 8 Слуцк.), людзём (Ляцк. Посл. 14 Борис.), чёпкий (Добров. I, 6.2 и т. д.); 2) звук *е́* переходит в *о́* на конце слов (больше, конечно, по аналогии соответствующих форм твердого различия): усё (Бесс. Б. П. 1), ўсё (Шейн. Мат. I, 242 Бельск. у. Смол. губ.), майо́, jайцо́, гум'анцо́, дас'ц'о́ и т. д.

Как и в русской литературной речи, в белорусском языке, вследствие противодействия разных причин, о которых речь ниже, явились некоторые отступления от закона перехода *е́* в *о́*.

[1] Искони твердое *э* в *о* ни в коем случае не обращается. Нам встретился только в Сокольском уезде довольно широкий звук, почти *а*, на месте *э* в «*г*аты ро́к» Мат. Б. № 2, но на *а* здесь можно смотреть и как на безударный гласный.

а) Оказались случаи сохранения *е* перед твердым согласным. Тут прежде всего следует оговорить согласные, отвердевшие уже на белорусской почве, — *ж*, *ш*, *ч* и *щ*. Так как их отвердение произошло позже обращения *é* в *ó*, то перед ними обыкновенно и не происходит этого расширения: ад'з'ѐжа, пад'з'ѐш (ср., напр., Мат. Б. № 7 Минск., ib. 9 Бых.), адзе́жи (Ром. I—II, 375 Сенн.), надзе́жа (Мат. Б. № 23 Минск.), адъзе́жу (Малев. 22 Слуцк.), дзе́шыва, це́ща (Мат. Б. № 4 Могил., 5 Слуцк. 7 Минск., Малев. 8 Слуцк.), несе́м (Мат. Б. 9 Бых.); вторично отвердело в белорусском и *р;* в таких случаях и перед ним не бывает расширения: с'ӓрп, в'ӓрх (ст.-слав. **срьпъ**, **врьхъ**), жерточцы (Ром. I, 234 Гомельск.) (**жрьдь**), цецерка, вечерка (Шейн. Мат. I, 256 Бельск.) (в этих словах суффикс *к*—**ьк**). Сюда же примыкают и такие инфинитивы, как: прым'ӓрзануц' [ме́рзнуць (Мат. Б. № 4 Могил. губ., № 11 Новоалекс. у.) м'е́рзнуць (Малев. 8 Слуцк.)], ўм'ӓрц'и, зд'з'ӓрц'и, ц'ӓрц'и, п'ӓрц'и; во всех этих образованиях предполагается первоначально не твердый *р* (ст.-слав. **рь**), да, кроме того, последние три инфинитива представляют белорусские новообразования; таково же *л'ӓгчы* (ст.-слав. **лєшти**); этой же категории принадлежит и вторично образованное причастие — abdzi*e*rtu (Федер. I, 145). Далее не бывает перехода *é* в *ó* перед твердой даже основной согласной, когда *е* стало ударяемым в более позднюю пору, а первоначально не имело на себе ударения; в подражание таким случаям могли не расширять *е* в *о* и слова сходных образований со старинным ударением. Здесь я имею в виду формы причастий прошедшего времени на **-лъ** типа: ўм'о́р, зд'з'о́р, жо́р, прын'о́с, т. е. имеющие перед конечным согласным *é*, которое в мужском роде правильно переходит в *ó;* в женском и среднем роде, равным образом и во множественном числе, эти причастия не изменяют *е* в *о*, несмотря на его ударяемость и на отсутствие за ним мягкого согласного. Поэтому к указанным причастиям имеем женский и средний род и множественное число с *ӓ:* ўм'ӓрла [поме́рла (Шейн Б. П. № 211 Диснен., Дыб. 123 Посл.) (pamierła) у́ме́рла (Мат. Б. № 7 Минск. у., Малев. 8 Слуцк.), *-ӓрло*, *-ӓр'ли* [умерли (Ром. III, 60 Гомель)]; зд'з'ӓрла (ср. Мат. Б. № 7 Минск.), *-ӓрло*, *-ӓр'ли* [зъдъзе́рла (Малев. 8 Слуцк.)]; жӓрла (ср. Мат. Б. № 23 Минск.), *-ӓрло*, *-ӓрл'и;* прин'ӓсла [ср. Мат. Б. № 7 Минск., № 15 Игум., принесла (Малев. 8 Слуцк.)], *-ӓсло*, *-ӓсл'и;* ўце́рла (Ром. I—II, 430 Орш.). В подобных образованиях ударение первоначально было на конце. Иною причиной — польским влиянием — объясняется появление *е* и в мужском роде: jᵘon pryniès i kàźä (Федер. II, 82 Сокольск., польск. przynies), впрочем, там же zaniòs. Подобное произношение в женском, среднем роде и множественном числе с *ӓ* распространено в Новогрудском уезде и, как можно судить по ответам на белорусские программы, известно и другим областям. Кое-где можно слышать и *о* в таких случаях. Влияние аналогии одних форм на другие в белорусском языке иногда идет другим путем, нежели в русском языке; вследствие этого, напр., в подражание какому-нибудь *н'ас'ѐш,*

н'ас'ѣц', н'ас'ѣц'а [ср.: пасмиетца (Шейн. Мат. 1, 273 Слоним.), пъеце (Мат. Б. № 15 Игум.), куда идѐтя (Ром. III, 100 Гомель), дярѐтца, вядѐть и т. д. (Добров. I, 8. 16)] стали говорить и *н'ѣс'а́м*, т. е. 1-е л. мн. ч. глаголов перестало пользоваться звуком *о́*, заменив его посредством *е́:* соу́е́м (Шейн Б. П. № 68 Бых.), мы живе́м (Ляцк. Посл. 51 Борис.), вядзе́м (Мат. Б. № 5 Слуцк.), забъе́м (Кар. 61 Трок.), идзе́м (Шейн. Мат. I, 183 Смол.) и др. Впрочем, и *о* в 1-м л. не невозможно: *жыв'о́м* рядом с *жыв'а́м*. Иное дело *ходзе́м* (Шейн. Мат. I, 7 Орш.); как в форме повелительного, *е* подражает глаголам с основами настоящего на *-е* (несем), где *е* из основного ѣ = *oi*. Не бывает перехода *е́* в *о́*, как и в литературной русской речи, в словах книжных, относящихся к религии, которых, впрочем, в белорусском языке очень мало, напр., *хрäст* (ср. Мат. Б. № 7 Минск.), употребляющееся довольно редко; обыкновенно польск. *крыж* и даже *хрост* (крест, Шейн Б. П. № 720 Бых., Зап. II, 728), род. и *хрста́*, но *хрост* род. *хрысту́* — значит крещение (*х* под влиянием *Христос*); далее сюда принадлежит *не́бо* (caelum) (Мат. Б. № 7 Минск.). Отсутствие перехода *е* в *о* в некоторых производных словах, как: jäлка (Ляцк. Посл. 11 Борис., Мат. Б. № 7 Минск., № 15 Игум., Федер. III, 97) (jèłku), а'па́нка (опенки, Мат. Б. № 7 Минск,, 15 Игум., 18 Витебск.), сялезе́ночка (Шейн. Мат. I, 7 Орш.) объясняется влиянием слов от тех же корней, имеющих *е* перед следующей мягкой согласной: в данном случае — *ель*, *пень* [и даже *опеньки* (Мат. Б. № 13 Свенц.)], *селезень*. Непонятны для меня: к'ля́пка [кле́пки (Зап. I, 324 Мат. Б. № 13 Свенц.)], маладзе́хна (Дмитр. II, и Ск. Вильн. 76 Новогр.), меду (Шейн. Мат. I 520 Слуцк.), мед (Мат. Б. № 10 Мозыр.), пес (ib. № 8 Игум., № 10 Мозыр., Малев. 8 Слуцк.), дале́ко (Мат. Б. № 8 Игум.). В последних словах, может быть, не белорусское, а особое польское произношение.

б) Стали возможны случаи перехода *е́* в *о́* и перед мягким согласным: дал'о́к'ийа, на кл'о́н'ä[1], ран'о́ѣс'ѣн'ка, б'ал'о́с'ѣнка, н'из'о́с'ѣнка (ср. Шейн Б. П. № 548 Витебск.), ёсць (Шейн Б. П. № 697 Диснен., Мат. Б. № 8 Игум., № 28 Себеж.), ío$\overline{\text{сть}}$ (Бесс. Б. П. 30, 35); стане́ься (станешь, Ром. III, 255 Черик.), перс$\overline{\text{тё}}$не́чек (Бесс. Б. П. 115) се́лета (Шейн Б. П. № 314 Лепп.), бяле́синький (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), ёю (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), маёю (ib. № 7 Минск.), майо́й, твайо́й, свайо́й и т. д. Все эти отступления могут быть объяснены: 1) влиянием других образований от тех же корней, в которых переход *е* в *о* — органический: *дал'о́х'ийа* при *дал'о́жо*, *на к'ло́н'ä* при *кл'о́н*, *ран'о́с'ѣн'ко* под влиянием таких форм, как *рано* и др., *перстёнёчек* при *п'арси'о́нок;* 2) формы *jо́йу*, *майо́й* по образцу *то́йу*, *до́брой*. Странно jо́с'ц', jо́с'ц'äка (очень редко с *je:* jèscieka, Федер. II, 63 Волков.) при отсутствии вообще перехода *е́* в *о́* в глаголах, а в данном случае даже при *е* литературной русской речи: не видеть же здесь

[1] По на *чарназ'е́м'ä*, не *в'ѣд'о́т'е*, *в'ѣд'о́ш* а *в'адз'е́ц'е*, *в'адз'е́ш* (ср. Я. К. Грот. Русское правописание, стр. 16—17), *азяхэ́дзиць* (при *азяхо́*, Розенф. 80 Минск.).

праславянского jösti; быть может, эта дифференциация допущена в языке для отличия от jɛc'ц' = ѣсть.

в) На конце слов во многих формах оказалось *é* вместо ожидаемого *ó*. Сюда относятся: а) *é* в окончании именительно-винительного падежа множественного числа имен существительных и местоимений: дзеўкé, венкé, чапцé (Дмитр. II и Ск. Вильн. 137 Новогр.), валэ́ (Мат. Б. № 2 Сокольск. и др. места), своé (Дмитр. 45 Новогр., Изв. 176), плачу гроши не твоé, а своé (Мат. Б. № 18 Витебск.), твае́ (Дмитр. 14 Белост., Мат. Б. № 5 Слуцк.) и мае́ (Шейн Б. П. № 93 Лепп., Мат. Б. № 5 Слуцк. и № 10 Мозыр.) и др. Во всех этих случаях *е* из древнерусского *ѣ*, бывшего в указанных падежах мягкого различия; твердое различие подражает мягкому; в местоимениях могла действовать аналогия и таких образований, как *тѣ*, *онѣ*, *однѣ*; б) *é* в окончании родительного падежа, наблюдаемое в некоторых западных говорах у имен существительных женского рода: *од зямлé*, *из ружé*, *вóз травэ́* и т. д. (Мат. Б. № 2 Сокольск.). И здесь *е* такого же происхождения, как и в вышерассмотренных образованиях именительно-винительного падежа множественного числа; в) *é* в окончании родительно-винительного падежа личных местоимений: мяне́ (Шейн Б. П. № 410 Лепп. и др. места), цибé, сибé (Дмитр. II и Ск. Вильн. 38 Новогр. и др. места), яé (Шейн Б. П. № 141 Витебск.). Некоторые (Соболевский, Лекции, 4, стр. 186) и здесь в формах *мене* и т. д. видят в окончании *ѣ*, зашедшее сюда впоследствии под влиянием именных форм. Но так как в белорусском именные формы родительного падежа на *е* (*э*) очень редки, а *мене*, *цебе*, *себе* — образования общебелорусские, имеющие аналогию и в украинском языке, то не вижу основания предполагать в них *ѣ;* г) *é* в окончании наречий — н'ä, ўжä (ср. Мат. Б. № 10 Мозыр.), jашчä (яще, Мат. Б. № 5 Слуцк., № 10 Мозыр., Малев. 8 Слуцк. и др.) — потому, вероятно, что эти слова, тесно примыкая к другим, часто не имеют на себе ударения. Отметим еще несколько спорадических случаев, когда *é* и в среднем роде единственного числа не перешло в *ó:* усé (всё, Дмитр. II. и Ск. Вильн. 99 Новогр.), маè (моё, ib. 16), тоè перья (Бесс. Б. П. 17), хорошé (Ром. I—II, 48 Гомельск.), ты хочеш усè знаць (Сержп. 95 Слуцк. 1926), што я мàю, то маè (244 ib.).

И переход *é* ударяемого в *ó* в старинных памятниках так же находит отражение, как и подобный переход *е* безударного в *о*. И здесь писцы обозначают его только после вторично отвердевших согласных, в других же случаях они не имели средств для передачи умягчительного *о;* впрочем, иногда в качестве невольных ошибок и после мягких согласных они пишут *о;* при чтении таких примеров, конечно, не следует видеть отвердения согласных. Вот несколько примеров из разных памятников. Из грамот и актов: купьцомъ (XIII в.) (Соболевский, Смол.-полоцкий говор), ѡто кназа семона (гр. XIV в.) (Собол. и Пташ. № 43а), мужомъ, речохъ (1470 г.), ещо купцомъ, ужо (XV в.), сто рублóвъ (XV в. Недешев, чит. *-л'ов*), зъ лугами хмелóвыми (чит. -л'о-,

ib.), шостꙑ (Б. А. 1. 14.), селцо (М. А. 1, начала XVI в.), чотырóх (ib. 23, 1527 г.), вжо (В. А. 27, 1536 г.). Бел. Арх. I: вжо (1577), Сиомка (1694); II: до Чорънае (1534, XVII в.). Четья 1489 г.: присѫжоное (52), дн҃омъ 66 (чит. *дн'ом*), нашодши (86), вжо (94 и др.), ещо (173), печора (114.) коворъ (чит. *ков'ор*, 152) и т. д. Сборник XV в. Публ. б. № 391: оужо (2), ещо (5б), пришо҃'єсми (2б), нарожо҃ (18б) ѿ оужовъ (4), чосны҃ (61), пашо҃ши — нашо҃ (98б) и т. д.; слозы (15б, чит. *сл'озы*), кглорїа (gloria, 70), прїатело҃ (36б, чит. *-л'óв*, а м. б. и *прїятéлев*, przyjaciołów), королѡ҃ (19б, чит. *-л'ом*), оубелоны (32б, чит. *-л'óных*), сажновъ (86 чит. *-н'оў*), камено҃ (61), имено҃ (20), конома (62), дновъ (85б), оучьновъ (2б), оучное (5б) и др. (везде с мягким *н*). Летописи: пекарцомъ (2 Вил.), пополъ (5 ib.), съжогъ (66б Крас.), корачо҃ (73), вжо (71 Крас.), пошо҃ (65б), со ц҃омъ (68б), жонки (484б Ерр., но и *женки*, ib. 485). Летопись Авраамки XV в.: сѣмона (чит. *С'ем'она* 420б, рядом с *семенъ роди*, ib.), Фодора (чит. *Ф'одора*, 90, рядом с *Федоръ*, ib.), сыньчомъ (85). Сборник XVI в. Позн.: ѳчоный, нестрыжоны, ѡблежоца, пораженъ, ѡсажоными, ѡточоны, прымушона, вароную, збуроные, пречоных҃ъ, ѡтвороны, сожжоѣ҃ъ, спустошона и т. д. (Archiv IX, 358), шодшы, шолъ, зъжогъшы, пожогъ, почоншы и т. д.; но в подобных же положениях и *е* не менее обычно. Сборник XVI в. Крас.: ещо 196. Статут 1588 г.: грабежóмъ (202), шóстого (59), ещо (8), продки (полонизм? przodek); Гродн. Акт. кн. XVI в.: Шломичъ (33), чит. *Шл'омич* от *Шлёма*), Хацкеловичъ (58, чит. *Хацкел'ович* от *Хацкель*). Тайна тайных XVI в.: сѣнтабро҃ (79), шóсто҃ (61), жол'тъ (31б), поушо҃ (18б). Библия Скорины XVI в.: жолчию (Пл. 7б, но *желчь* П 8), рожоное (Л 35), мужовъ (Ц 70), чоботъ (Р 7, но *чеботъ* В 47б), чолъ (Ц 233б), чолнъ (А 77), шолъ (С 12), шолкъ (Б 45), шосътыи (Ю 19б), измено҃но (Д 16б, чит. *измѣн'оно*), пелыномъ (Пл 8, если не от *пелынъ*) и др. Катихизис 1562 г.: господаромъ (54б), господаровъ (59б), царомъ (59), шостаѧ (205б). Евангелие Тяпинского 1580 г.: вѣжо (34б), шодъши (24б), печорою (29), ѳжо (4), зажогъ (30б), ѳчоны'е (32), пришолъ (43б), речоное (44), сѳчок (8б). Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: пришолъ (12), пришо҃ (12, 95б), женцовъ (32), ѡ дновъ (110, чит. *д'новъ*), въ всомъ (ср. «РФВ», 1893, Шахм.), мечомъ (12), но *ꙗхабъжь* (129) (ср. «К истории звуков...», стр. 99). Псалтырь XVI в.: по ночо҃ (131), оўжовый҃ (16), вжо (11), пошолъ (130), в ничо҃ность (41), оўменшоны сѳ (15), скрѳшоное (52, но тут же *скроушеный*). Сборник XVI в. Кунц.: вы҃валоны' (73, чит. *выхвал'оны*). Сборник XVII в. Вил. № 107: весiолъ (142б), шовъ (= шелъ, 125). Псалтырь XVII в.: ѳжóве (162), прошо҃ (14), хрѳщо҃ (68), пчóлы (130), ненасычóного (104 и др.). Сборник XVII в. Син. б. № 790: Рогачове (162). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: нашо (27), ѡ҃шолъ (30), пришовъ (40б), мужо҃ (123б, и *муже* ib.), трохъ (265б).

Ничего общего с рассмотренным явлением перехода *é* в *ó* не имеют следующие особенности:

1) появление *ó* при русском *é* в слове *пóп'ал* — *пóп'ала* [или *пóпил* — *пóпилу* (Мат. Б. № 18 Витебск.)], как и в северо-западном отделе славянских языков. Как видно из единогласных показаний памятников и ответов на разосланные Академией наук программы, явление это общебелорусское, притом с давних пор: ср. попелъ (Псалт. 1296 г.), попело[м] (278 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158);

2) несколько похожее отличие от русского можно указать в *бóжык* — *вóжык* — *гóжык* (ср. стр. 114), при русском *ёж*, *ёжик* — слове общебелорусском, известном и старым памятникам; так как *ужъ* мы читаем и в списках «Моления» Даниила Заточника и нек. др. памятниках (ср. И. И. Срезневский, Материалы, II, стр. 633), то отсюда можно сделать заключение, что оно небезызвестно было вообще русским говорам;

3) во многих белорусских говорах можно слышать формы 1-го л. мн. ч. повелительного и даже изъявительного наклонения с *о* вм. *е*, причем согласный перед *о* тверд [напр., из Мат. Б.: могóм (№ 7 Минск., 8 Игум., 21 Слуцк.), идóм (5 Слуцк., 7 Минск.), éдом (21 Слуцк.), нежóм (7 Минск.), сякóм (8 Игум.), завóм и др.], но все эти примеры отчасти представляют из себя морфологическое явление, отчасти же отвердение согласных, вследствие этого о подобных случаях речь в другом месте;

4) старинные памятники иногда представляют чередование *е* и *о* в одних и тех же словах: *на сем'ъ* (20) и на *сом'ъ* (8 Статут 1588 г.). Здесь форма с *е* — несомненный полонизм, а форма с *о* — тот же полонизм, только принявший отчасти русскую окраску: *о* на месте *ѣ*; в старославянском языке это слово имело вид **съньмъ** откуда — *сонмъ*. Такое же чередование в *свѣдѣ*[п]*ство* и *свѣдо*[п]*ство* (118 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), *свѣдо*[п]*твъ* (132 Псалт. XVII в.). И это польское заимствование объясняется, как и выше. Другие случаи употребления *о* вм. *е*, встречающиеся изредка в старинных памятниках, должны быть рассматриваемы как явления морфологические, особые образования, таковы: завтро и завтре (48 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), заутре него дня (87б ib.), солночный (72б Сб. XVI в. Чуд.), сокерами (Псалт. XVII в., польск. sokiera) при *съкырами* (74б Псалт. XVI в.) (др.-русск. **сокыра** и **секъыра**), всеморо (82б ib.) — подражает старинным образованиям.

Переход *е* в *а*

Переход *е* в *а* является аналогичным, или точнее — представляет полное сходство с переходом *о* в *а*, так как, собственно говоря, и здесь переходит после смягченного или вообще мягкого согласного *о* в *а* (*ё* в *я*); распространение этого явления в белорусских говорах и условия, вызывающие его, те же, что и при переходе *о* в *а*; встречающиеся отличия вызваны особыми, специфическими причинами.

И рассматриваемый переход — специальная принадлежность области безударных гласных.

Прежде чем перейти к рассмотрению перехода *е* в *а* в подробностях, необходимо оговорить несколько случаев, встречающихся в старых и отчасти современных памятниках, где такой переход бывает под ударением. Это — вясла имъ изъ роукъ выбиша (Четья 1489 г.) и еще два подобных случая (ib. 94б и 246). Если в этом примере нельзя предположить ударения на конце, то для белорусского языка такой переход непонятен. *А* на месте *е* под влиянием соответствующих польских образований возникло в следующих случаях: оу выхвалѧ́ю (103 Псалт. XVI в.), розмышлѧ́е (124 ib.) (rozmiślánie у Врубл. 1540 г.); ро҃мышлѧнє҃м мои҃м на каж'ды часъ (139 Псалт. XVII в.) (rozmyslăniem Радив. б. 1563 г.), в ро҃мышлѧню мое҃м (37б, 11а). В *гаты рóх* (Мат. Б. № 2 Соколка) — *а* собственно безударно вследствие утраты в связной речи ударения; karáń (корень, Федер. II, 10 Волков.) — ударение на конце явилось впоследствии. Непонятны для меня *асли* вм. *если* (слóва, неупотребительного в белорусском) (Мат. Б. № 9 Бых., Ром. VI, 327 Орш.).

Переход *е* безударного в *а* с предыдущей мягкостью согласного в белорусском языке возник не непосредственно: переходной ступенью было *о* из *ӧ* после мягких согласных и перед твердым, в которое, как мы уже говорили (стр. 171), перешло еще в общерусском всякое *е* в указанном положении; из древнерусского такое *о* было получено и западной частью среднерусских говоров и здесь под ударением осталось без перемены, а без ударения перешло в *а* (*я*). Впоследствии в подражание таким случаям с *а* (*я*) из *о* (*ё*) явились новые случаи аканья, где уже *е* непосредственно переходило в известных слогах в *а* (*я*), если не перешло в *и*. Явление перехода *ѣ* безударного в *а*, как и переход *о* в *а*, находит отражение и в старых памятниках, хотя далеко не в таком количестве примеров, как можно бы ожидать. Причиной этого является, как и в других случаях, стремление писцов строго держаться традиционного письма, затем передача этого перехода полуэтимологически через *о* после шипящих, *ц* и *р* (о чем мы уже говорили в свое время). Вследствие сказанного *а* (ѧ и ѧ) вм. *е* встречаем вообще не часто. Именно: Псалтырь 1296 г. — ищѧзаѥть, хотя это написание может передавать старославянское ишѣзаѕати. Грамоты и акты: паркгаминѣ (1499 г. Арх. С. VI, 3), Брaславскимъ (ib. VI, 2, 1499 г.) — оба примера маловажные, как слова чужие; *Я*ропкинъ (1486 г.), *Я*ронимъ (1496 г. Недешев). Бел. Арх. I: *Я*роним (1548), *Я*хим (1603); II: мы тоя убачивши [1533 (XVII в.)], бегляцовъ [1530 (XVII в.)]. Народное перетолкование в случаях: Савостьянович (Бел. Арх. I 1694), Гарасим (ib.), дастаментъ [Бел. Арх. II 1531 (XVII в.)] рядом с *тастамент*ъ из testamentum. Четья 1489 г.: и речи весела еще работы измѣна (157), во єгиптѣ на ягиптаны (171), вясло́ (93), предотечава возыграния (223б) и др. Сборник XV в. Публ. б. № 391: жана (82), на чале҃ свои҃ (33б),

коли кажа (24), были жидове дрыжача и скрытаюче (20), ѹслышавша оуси (35б), свѣто ѣсть крищенїа (68). Отмеченное явление сказывается и в некоторых словах, заимствованных из польского: машкали (51б), машкати (72, при польском mieszkać) и др.: Ист. Сборник XV в. (Лет. Переясл.): Любяча (45), мачясѣ (69), бяшя (14, 3-е л. ед. ч.), млънїа освѣтиша всю землю (52, хотя здесь можно видеть и смешение чисел). Летописи: Нарамонтъ 1 Вил., рядом с *Наримонтъ* 27 Увар., при посредстве *Наремонтъ* с отвердением *р*), до вечара (70б Крас.), Гарасима (88б ib.), на кремѧцѹ (88), Явнутию (28 Увар.), при *Евнутия* (ib.), Жаславль (2 Вил.) при *Жеславль* (73б Крас., хотя в последнем примере *е* можно выводить и из *а* (*я*)), кнѣжаньи (69 ib.), ѡбема тыми кнажаньи (229 Позн., рядом с *кнежени* 232 ib.) может быть объясняемо иначе; чатыри (63 Археол.), Витяѧляне, Витябленъ (254 б. Евр.). для васиѧя (530б ib.) (веселья — со вторичным отвердением *е*). Летопись Авраамки XV в.: творахоу — держаща (75б), издалеча (131), ѓа нѣаго (201б, может быть и морфологическим явлением), замчаны (351, при посредстве *зѧчены* — с *е* на месте сильно редуцированного *и*). Тайна тайных XV в.: крѣчата (59), жана (88б), потратьѧ (62), врема зимнае (54), на тоща сръце (66б). прѣща ста (68), повет'рена (75б), Катихизис 1562 г.: негожа (непристойно, 55б, 159), причащанье (46), розмышланьѧ (48) — сюда, верно, не относятся. Евангелие Тяпинского 1580 г.: поцалѹю (38б), поцаловалъ (ib.); в приведенных примерах *-цал-* на месте *-цел-*, откуда общерусское *-цол-* (ср. Соболевский, Лекции, 4, стр. 91; А. А. Шахматов, Исследования..., стр. 161); бешаных (5б, но здесь может быть и аналогия образований на *-анный*). Библия Скорины: выстерагатиса (Влад. 259), где можно видеть и особую огласовку полногласной формы на белорусской почве; времана (Д 34 — *я* можно объяснять стремлением провести окончание именительного ед. ч. во всех падежах), огнянымъ (Влад. 259), огняны (Пр. 27б) — построены по аналогии с такими образованиями, как *румяный*. Библ. кн. XVI в. Вил. №, 262: имани (61б, 64б) (*я* как выше), жалаите (53), ѿ гр҃салима (128) (из *ер-*), болазниви (87б, по аналогии образований вроде *боязливый*). Псалтырь XVI в.: състарѧса (38), приперазѧса (94б), плама (чит. *пл'ам'а*, 105), выкорана̑са (37б), выкорани (52б), ѩзрлавъ (72б). Остальные случаи, встречающиеся в этом памятнике, имеют другое объяснение (см. «Зап.-русск. пер. псалт.», стр. 180—181). Сборник XVI в. Чуд.: аво (5, 749), ѧво (85), сжа (164), амж (рядом с емж, 56б, 61б, 167б), земладѣльца (47), чадо моа, любовнаа (47), дмитреавича (165), з далеча (169). Сборник XVII в. Син. № 790: слнцо ясная (281 «РФВ»). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: которыи дерава (102), понеси копию которая въ р҃цѣ твоей ѣ (112) (А коли понесъ копие — ib.), прыследовать (288б), ѡто тобѣ праказѹю (переказую = поручаю, 106б), цалуй (21), поцалова (23, тут же *поцѣловавши;* ввиду такого написания с *ѣ* можно бы видеть в *-цал-* и полонизм). Псалтырь XVII в.: шам-

рѣли (при польск. szemráli, 114б) (ср. еще «Зап.-русск. пер. псалт.», стр. 180—181). На основании приведенных примеров трудно сказать, каким законам подчинялось появление *а* на месте *е* безударного в том или другом слоге в старом западнорусском языке, тем более, что многие из приведенных примеров, как мы уже отчасти говорили, могут быть объясняемы и иначе. Здесь прибавим, что веселя (Четья 1489 г. и др. подобные примеры), зневоленя, вызнаня (1609 г. Недешев) объясняются расширением конечного *ä* в *а* по другим причинам: ср. подобное явление в украинском языке, хотя он аканья не знает (*каміння — каміня*, *весілля — весіля*).

Что касается современных белорусских говоров, то, как мы уже имели случай говорить при *а* из *о*, здесь более или менее точно можно определить условия появления *а* на месте *е* в говорах сильно акающих и умеренно акающих. В первых на месте *е* безударного во всех слогах предударных обыкновенно преобладает *а*, если этому не мешает мягкость следующего за данным слогом согласного; в слогах же после ударяемых тоже бывает *а*, если не мешает этому аналогия тех же форм, стоящих под ударением. В говорах же умеренно акающих, в направлении с северо-востока на юго-запад, переход *е* в *а* постепенно ослабевает, причем часто на месте *а* перед твердым согласным, а также на конце после шипящих является *ä* широкое, а затем и просто *е*. Говоры северо-восточной группы в отношении появления *а* на месте *е* сходны с соседними южнорусскими говорами.

Дадим сводку примеров с пояснениями по местам.

Говоры сильно акающие. Гласный *а* (*я*) на месте *е* в слогах, предшествующих ударяемым: *α*) непосредственно перед ударением: р*а*вéць (к раўцú: **рюти — реветь**) (Шейн Б. П. № 47 Орш.), зямля́, жан*а*́, пш*а*ни́ца, мян*е*́ и др. (Мат. Б. № 32 ib.), пякём (Отч. 26 ib.), ч*а*рцéй (Шейн Б. П. № 76 Лепп.), чаму́ (ib. 1), ягó (ib. 16), завязúце (ib. 2), пялю́шка (ib. 3), мядóк (ib. 9), бярёза (ib. 12), вядзú (ib. 4), цябé (ib. 6), вярнúся, зялёный, вязýть (Мат. Б. № 27 ib.), хрзьбúнную (Шейн Б. П. № 1 Полоцк.), хрястóм (ib.), вярнúсь, у мяне́ (Демб. 3. 524 Чаусск.), вязýць, зямле́ (ib. 39. 531), зялёный (ib. 3. 582), кузняцóв (Демб. 1.524 Черик.), у мяне́ (ib. 25. 541), ляцú, нясú (ib. 42. 532 Могил.), вячéрыць (ib. 279. 577), са вялúкими (ib. 42. 531), дзяреўня, бярвéння, бярóг, сцярóг (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), бярéць (Демб. 44. 532 Сенн.), царкóвныя (Ром. III ib.), узляцéв (ib.), пчала (ib. 7), янó (Демб. 34. 543 Горецк.), поўмярáли (Шейн. Мат. I, 548 ib.), на зялéзных (Ром. III, 95 Бых.), ямý, вярнýвся, Ягóрий, яе (Мат. Б. № 16 ib. м. Гейшин), пшанó, жанá, бярý (но *зимля́*, ib. № 9 с. Мокрое), трáщиць (Шейн. Мат. I, 27 Свенц.), сястрúца, зялёна (наречие), щанё, ягó, ваяваць (Мат. Б. № 13 ib.), цяпéр, мядзьвéць, паляжы́, ня вúдзяў, цябé, лябéцька, увяжы (Мат. Б. № 6 Диснен.), вясной, напяклó, паляцéў, ў зямлú (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), бярý, жанúтца, вятóх, нясцú (ib. № 14), цяпéр (Отч. 3 ib.), мянé (Отч. 4 ib.), ня вúдзяли (ib.), зялёны (Отч. 9 Иллукст.),

β) В слогах, удаленных от ударяемого к началу, *а* на месте *е* тоже встречается, но не так часто, как в слогах, непосредственно предшествующих ударяемому: в этих слогах *е* был сильно редуцирован, и так как перед ударением уже обыкновенно бывал *а*, то в слогах, удаленных от ударения к началу, притом большею частью перед мягким согласным, обыкновенно бывает *и;* впрочем, и здесь *а* (*я*) также попадается: из неизвестной местности: пя́рянясу́ (Бесс. Б. II. 12), пярясу́д (ib. 6), развясялю́ (ib. 12), ча́стова́ць (Шейн Б. II. № 6 Лепп.), сялезёночка (Шейн. Мат. I, 7 Орш.), дзяраўля́ны, зялянó, сямярды́х, ша́сьцярых, ча́лавéк (Мат. Б. № 6 Диснен.), ча́тырох (Мат. Б. № 9 Бых.), стра́мянó (ib. № 16), цяцярýк, зяляновáтый, пира́бира́й (ib. № 11 Новоалекс.), ни пира́пива́й, у дзисяцирды́х (ib. № 14), пярапеўцы (Отч. 7 ib.), сярабрó, сялязёночка, пяралíчиць (Мат. Б. № 13 Свенц.), дзяравя́нный (ib. № 32 Орш.), сярабро́м (Шейн Б. II. № 46 Могил.). Насколько можно судить по показаниям источников, *а* во 2-м и 3-м слогах от ударяемого к началу особенно обычно после *ж*, *ч*, *ш* и *р*, изредка после других согласных. *А* на месте *е* в слогах, стоящих после ударяемых: бóжа (зв. пад., Шейн Б. II. № 94 Лепп.), хóча́цца (ib. 96), нядзе́лянце (ib. 399), встава́йця, цяши́ця (Демб. 1. 524 Черик.), ку́йця (ib. 3. 524 Чаусск.), што, зялёный дубя, на ель нахилився (ib. 582), йму́ща́ства (Ром. III, 44 ib.), гавóря (из *гавóре* = говорит, Демб. 34. 543 Горецк.), хóдя, нóся (3-е л. ед. ч., ib. 303. 579 Могил.), устыва́йця, слу́хыйця (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), вóсянь (Ром. III, 11 Сенн.), на мóра, на синям мори (Ром. V, 41 ib.), гóра гара́ваць (Шейн. Мат. I, 74 Диснен.), аб жывóя (Ляцк. Посл. 12 Борис.), у вóча́к, хвасьцища — дурнища, на́цьця хвост (Мат. Б. № 6 ib.), слухайтя, вязи́тя, ўба́ча (3-е л. ед. ч.), прыдя (ib. — из убаче, прыде, Мат. Б. № 9 Бых.), бу́дя (3-е л. ед. ч., ib. № 16), на́ша́го, пясóча́к (ib. № 11 Новоалекс.), зéляный (Отч, 5 ib.), си́няга, си́няю, си́нянький, дзера́ва (им. пад. ед. ч.), устава́йця, вóсянь, вóзяра (им. ед.), на си́ням, ми́лянький (Мат. Б. № 13 Свенц.), В тех же местах, как увидим после, очень обычно и *и* в слогах стоящих после ударения.

В умеренно акающих белорусских говорах случаи появления *а* на месте *е* вообще встречаются реже, чем в сильно акающих говорах, и, как мы уже отмечали при безударном *о* (стр. 143 sq.), *а* является только в определенных местах. Обыкновенно *а* бывает только в слоге, непосредственно предшествующем ударяемому, и в конечных открытых слогах, если этому не препятствует аналогия тех же образований с ударяемым конечным слогом. В слогах, удаленных от ударяемых к началу и в непосредственно стоящих за ударяемыми, *а* встречается довольно редко, притом главным образом в областях, соседних с сильно акающими; чем более к югу, тем все больше и больше аканье ослабевает, и, как установлено наблюдениями К. Нича[1]

[1] Próba wyjaśnienia genezy przechodzenia w narzeczu białoruskiem nieakcentowanego *e* в *a* Almae Matri Jagellonicae ... Leopoli. MCM). Работа, имеющая некоторое значение по

над сборниками Федеровского, *ä* и даже обыкновенное *е* часто бывает и в слогах, непосредственно предшествующих ударяемым и стоящих на конце слов в изглашении. Приводить много примеров не станем, так как их достаточно дано в отделе об *о* безударном. Случаи появления *а* на месте *е* в слогах, предшествующих ударяемым: зялёного (Бесс. Б. П. I), н'*а*глу́п (Дыб. 110 Посл. Новогр. у.), ча́ты́ры (Кар. 20 ib.), няйдзи́, сяльцо́ (ib. 22), мяцёный, цясо́вый, вясе́лийко, без цябе (Мат. Б. № 24 ib.), вярни́сь, бяру́ (ib. № 25), вячэ́ру, ляжа́ть, развяза́ў, яго́ (ib. № 29), сцяро́г (Шейн. Мат. I, 234 Ошм.), ящэ́, мяне́ (ib. 234), позлята́ли (Шейн. Мат. I, 36 Виленск.), нядзе́ля, пяце́лька, сяро́дак, пяре́пись, жале́за, пажа́ўцэ́ў, жани́цца, жа*а*ре́бная, ча*а*рни́ла, защапи́ў и т. д. (Мат. Б. № 31 Вилейск.), няма́ (Шейн. Мат. I, 65 Игум.), два вясе́льи, яны́ мяне набили, ка́ля ме́льни, ща*а*рба́ты, пярсцёнак, сяло́, уцячы́, ня би́ (Мат. Б. № 8 ib.), нясець, бярець (ib. № 15), бяру́ (Дембр. 14. 526 Рогач.), мяне (ib. 59. 556), мядзвидзь (Ром. III, 27 ib.), сястра́, пша*а*ни́ца (Мат. Б. № 5 Слуцк.), дзяржа́льнем, вяли́ка, бяре́ця, зя цябе́, ящэ́, сяго́дня (ib. № 21), мяне́, ня гэ́так, вяли́зный (Мат. Б. № 7 Минск.), няббжа, мядзьвэ́ць, слязу́, да Яре́мич, дзяржа́ць (ib. № 23). В слогах, не непосредственно предшествующих ударяемым, как уже сказано, *а* редко: прябыва́е̄ть (Бесс. Б. П. 21), зяляно́ (Кар. 70 Трок.), ня щабе̄чуць (Шейн. Мат. I, 65 Игум.), не пяра́пива́й, цяцяру́к, дзяравя́ны, сямяры́х, сяляни́на (Мат. Б. № 8 ib.), ща*а*сцяры́х, ча*а*лаве́к, ча*а*тыро́х (ib. 15); после шипящих и в Слуцк. у. (ib. № 5), дзеравяны́е ви́лки (ib. № 21), дзяржучы́ся (Мат. Б. № 7 Минск.), пярабира́чку, цямнато́ю, цярас ле́с, ча*а*лаве́чак (ib. № 23), пяреле́тую, пяреляце́ла (ib. № 24 Новогр.), дзяравя́нный, сярабро́ (ib. 25), пира*а*ня́ся́, пира*а*ляцы́, жа*а*рабё, чарциня́ты, ша*а*пиля́е (Мат. Б. № 31 Вилейск.), приляце́ли (Шейн. Мат. I, 60 Слоним.) зямля́, зялёны (Малев. 9 Слуцк.). Примеры из сборников Федеровского, представляющих материалы из уездов Лидского, Новогрудского, Слуцкого, Гродненского, Слонимского, Волковыского и Сокольского. Расположим их по уездам. Лидск.: m*ia*nié (I, 108), pad-w*ia*ziècia (II. 235), n*ia*chàj (236 ib.), na z*ia*mlè (ib.), p*ia*räbirâła, p*ia*razsmiajè, n*ia*wièdamo, n*ia*mà i niamà, janà, jahò (ib. 238), b*ia*z dúchu (ib.), w*ia*selle (III, 44), p*ia*ramianiu (ib. 45), cza*ł*awièk (ib. 57), n*ia* paznâu (ib. 86); Новогр.: cz*a*mù, P*ia*trù, na z*ia*mlu (III, 283), ściäraz*y* (ib. 14), p*ia*czèni, pryn*ia*słà, cabry, cz*a*hò (ib. 15); Гродн.: pryw*ia*ła, zan*ia*sì, sz*a*lmòustwo (III, 22); Слоним.: m*ia*sam żarè (I, 254), pier-*a*hòryli (II, 97), us*ia*mu (III, 6), wieczarnicy (ib. 45), cz*a*ćwièrtu, wies*a*lìc-sia (ib. 45); Волков.: l*a*hczèj (I, 8), pier*a*kaciusie (ib. 11), pal*a*wânio (II, 71), idz*ia*ciè (ib. 27). Но вообще в записях из Слонимского, Волковыского и Сокольского уездов примеры с *а* на месте *е* перед слогами ударяемыми — большая редкость; обыкновенно сохраняется *е*, о чем у нас речь была в своем месте. Клих (233 sq.), характеризуя

собранным материалам, но не по выводам, которые уже давно в общих чертах установлены мною в «Обзоре звуков и форм белорусской речи».

известный ему говор Новогрудского уезда, утверждает, что *е* перед ударением обыкновенно переходит в *а*, но есть и случаи с *ä*. Последних мы уже касались; тут отметим несколько примеров с *а*: śm*а*tánu, za'v*а*źém, ńabóho, uń*а*śì, v*а*róuka, žańicse, 'per*а*načevác', tr*а*šč'ý', śačé, čać'vér, 'p*а*run, č*а*r*а*dá и т. д. (стр. 233). В слогах, стоящих за ударяемыми: улúч*а*нька (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 67 Новогр.), бýдз'*а* (Дыб. 91 Посл. ib.), вéч*а*р (Кар. 20 ib.), брáцейк*а* (ib. 24), нáш*а*му (ib. 22), винó наш*а* (ib. 23), айцéц едз*я* (ib. 24), вставайц*я*, восянь, на сúн*я*м, возяро (Мат. Б. № 25 ib.), кáж*а* (3-е л. ед.), дýр*а*нь, вы́сякли (ib. 29), дзéвяра (Кар. 60 Трок.), скач*а* хата, скач*а* печь (Дембр. 293. 578 Рогач.), сúняго, сúняю, синяньким, дзéраво (Мат. Б. № 5 Слуцк.), бярéц*я* (ib. № 21), кóлл*я*, брýсс*я* (ib. № 7 Минск.), послýхайц*я*, знáц*я*, хто éдз*я*, дýмаяц*я*, вóсяў (=осей), (ib. № 23), пусцúц*я* (Мат. Б. № 8 Игум.), вóсянь (ib. 15), нóс*я*, прóс*я*, хóдя, говóр*а*, кúпя (3-е л. ед. ч. из *-е-*, Вилейск. Мат. Б. № 29), рáдуйцяся (Шейн. Мат. I, 61 Слоним.), вырв*а*шь (с отвердевшим согласным, ib. 489), вóсянь, мúляньки, соняйко (Малев. 9 Слуцк.), брат йгр*а*я (Розенф. 10 Вилейск.); ý Федеревского из Лидск. ў.: haraszócz*a*k (I, 107) (но *h* — szoczäk 317), Jàszcz*a*ru (ib.), czỳszcz*a*ny (317 ib.), zastupàj*a* (II, 235), wyw*i*arnuų (ib.); dàjc*ia* (236 ib., но nacie — ib.), chłop*i*ac (238 ib.), màc*i*ary (239 ib.), u wiècz*a*ry (III, 44), budz*'a* (ib.), màj*a* (имеет, 86 ib.); Новогр. у.: chòcz*a*c*i*a (III, 283), skàż*a* (ib.), charòsz*a*ju pahòd*a*ju (14 ib.), budz*i*am (ib.), wòl*a*n (15 ib.); Гродн. у.: wỳb*i*ary (III, 22), papièr*a*dzi (164 ib.); Слоним. у.: wýsz*a*ų (I, 8), trejc*i*amu (III, 45); Волков. у.: ptùsz*a*czko (II, 71), bièr*a*hu (ib. 73); Сокольск. у.: susièdz*i*aų (I, 6). По Клиху (234), в известных ему местностях Новогрудского у. *е* после ударения не переходит в *а*, но все же попадаются случаи написаний с *а* и *ä:* naš*a*ho, žár*a*nyx, úpeč*a*nyx, máć*a*ry, výńáśl'i и др.

Заканчивая отдел перехода *е* в *а* в умеренно акающих говорах, следует коснуться еще более редких случаев. Это 1) *а*щé (Мат. Б. № 19 Гродн. у. д. Мигово, Отч. 27 Речицк.), *а*щó (ib. № 8 Игум.), *а*ščе (Клих. 38 Новогр.). Несомненно, что здесь *а* не непосредственно на месте *е:* переходною формой было *ощé*, т. е. начальное *е* перешло сначала в *о*, как в *ожик*, а это последнее в *а;* значит, здесь собственно переход *о* в *а*. 2) В разных местах Белоруссии, кроме *мáцяры*, можно слышать *мáтары* [ср., напр., «трасца тваей матары» (Мат. Б. № 31 Вилейск.), mátary (Клих 188 Новогр.)], особенно в ругательствах. Я думаю, что отвердение согласного *т* в этом слове следует объяснять заимствованием: *матары* развилось из *матэры*, по всей вероятности, взятого у соседей-украинцев.

Переходя к говорам, пограничным с украинскими, вообще слабо акающим, отметим, что ближе всего примыкают к сейчас рассмотренным говоры Гомельского и Речицкого уездов, особенно северных их половин, знающие еще в достаточной степени *а* на месте *е* [ср. сцярёг (Дембр. 16. 526 Гомельск.), цябе (ib. 9.525), нялгá (Ром. III,

387 ib.), нярóвть (ib. 1), семярых (Ром. I—II, 12 ib.), плача, [-ет] (Ром. III, 1 ib.), няздарóво (Отч. 25 ib.), яще (ib.), бéлянький (ib. 25), жанá, нáшаго, у мянé, семярых (Мат. Б. № 17 Речицк.), перякинемся (Отч. 27 ib.), вясéлле (ib.)]; затем следует Мозырский уезд, представляющий лишь незначительные следы рассматриваемого явления, преимущественно после *р*, *ч* и шипящих [ср.: да нашаму́ королю (Шейн. Мат. I, 96), шастóк, ночазáць, жазáць, разщадрыўса, царкóўны, перайшóў (Мат. Б. № 10)], и остальные окраины, где *а* (*я*) вм. *е* попадается уже спорадически.

В белорусских говорах северо-восточной группы, больше умеренно акающих по-русски, рассматриваемый переход *е* в *а* также довольно распространен; но во многих случаях в зависимости от положения слога в отношении к ударению, а также к стоящему за ним мягкому согласному и даже гласному следующего слога, особенно ударяемому, вм. *а* (*я*) имеем *и*, о чем речь после. И здесь наичаще бывает *а* (*я*) в слоге предударном (когда в ударяемом нет *а*) и в конечных открытых слогах. Примеры — в слогах предударных: жярабóк (Шейн Б. П. № 67 Витебск.), жанíў (ib. 44), цяпéр (ib. 34), по жану́ (но *жина*), пшанúца, сирябрó, дирявó (в сохе), вязýць, царькóвка, чарвóнцы (Мат. Б. № 18 ib.), чаго [Шейн Б. П. № 42 (Сураж.) Велиж.], мяды́ (Шейн Б. П. № 56 Городок.), рыссярдился, ярó, ямý, ня бýду, вярнýлся, яще (Мат. Б. № 26 Себеж.), на'зярá, ўбярóмся, цябé, ня вéдаю, сястрыцка, у яé (ib. № 28), цяшúця (Демб. 20. 527 Мстисл.), три сяльі (ib. 51. 552 Клим.), заплятúся, сястрóю, ляжúть (Добров. 8. 17 Смол. губ.), нясéць (Отч. 20 Смол.), сяльó (ib.), нядзеляк (Отч. 17 Бельск. Смол. губ.), сярябрá (Отч. 14 Великолуцк.), напляваць (ib. 12), цяпéрь (Отч. 18 Ржев.), пирявзú (Отч. 22 Брянск.), пирявóс (ib.), зиляненькая (ib.), мя(е)ртвякú (Отч. 23 Трубч.), ня(е)сý, ня(е)сешь (ib.), мя(е)не (ib.) и др. В слогах, стоящих после ударения: слýхайця (Мат. Б. № 18 Витебск.), Христóс жа (ib. № 26), пúшитя (ib.), вáшай (ib. № 28), куйця (Демб. 20. 527 Мстисл.), слýхайтя, падúтя (Добров. I, 8. 17. 2 Смол. губ.), на нáшя поля (Отч. 12 Великолуцк.), зéлля капáець (ib. 13), бéлая карéння (ib.). Не располагая в достаточном количестве надежными материалами из северо-восточной области, не имею возможности точно формулировать законы появления *а* из *е* в этих говорах. Повидимому, язык не терпит *а* из *е* перед *а* в слоге ударяемом; конечное *а* после удвоенного согласного в словах среднего рода может быть и иначе объясняемо: из *ä* в конечном открытом слоге (ср. А. А. Шахматов, Исследования..., стр. 69 sq.).

Переход *е* в *и*

Мы видели, что всякое древнерусское *е*, которому приходилось стоять перед твердым согласным, переходило сначала в *ö*, а затем под ударением изменялось в *о* (*ё*), а без ударения обращалось в *а;* так

что без изменения оставалось только то *е*, которому приходилось стоять перед мягким согласным; вследствие этого оставшееся в белорусском языке, как и в русской литературной речи, *е* было вообще закрытое, узкое (ɛ); естественно, что такое узкое *е* под влиянием разных причин могло подвергаться дальнейшему сужению и доходить до *и*. К числу таких причин относятся, кроме мягких согласных, окружающих *е* с обеих сторон, еще закрытость слога с *е;* в случае безударности крайняя редукция звука *е*, вследствие чего, приблизившись к *и*, он легко мог совпасть с ним; возможно было при некоторых условиях и другого рода обращение *е* в *и*, о чем речь в своем месте.

Случаев перехода *е* ударяемого в *и* очень мало, и они отчасти мнимые. Это в современной речи разные замены известного наречия-предлога, который в старославянском имеет вид **между**. Повсеместно в Белоруссии он звучит *м'иж* (ср. *миж*ь—*миж* в Мат. Б. № 4 Могил. губ., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 13 Свенц., 14 Новоалекс., 17 Речицк., 18 Витебск., 23 Минск., Клих 189 (мій) Новогр., Шейн Б. П. № 578 Лепп. и т. д.); в старых памятниках — м*и*ж (55 Лет. XV в. Вил.). В таком виде, являясь односложной проклитикой, это слово тесно примыкает к управляемому им существительному (миж двирей пальца ни клади) и теряет свое собственное ударение, вследствие чего *е*, сильно суженное, так как находится в закрытом слоге между двумя мягкими согласными, обращается в *и*. К форме *м'иж* тесно примыкает *про́миж* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), *пмі́жь* (ib. № 6 Диснен., Клих 194 Новогр.), *мі́жи* (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 11 Новоалекс., 18 Витебск., 28 Лепп., Отч. 14 Великолуцк., ib. 18 Ржев), *мі́жда* [мижда родными, став мижда ими (Мат. Б. № 18 Витебск.), ср. еще ib. 14 Новоалекс., 26 Себеж.], *мі́жду* (ib. № 13 Свенц.), в основе которых и лежит *м'иж*. Так же следует объяснять *б'из* (= **без**); какое-либо biz jejè (Федер. II, 114 Слоним.) имеет *і* из *е* безударного, стоявшего вдобавок среди двух мягких согласных; развившись в подобных случаях, *і* могло потом стоять и под ударением: biz minie (ib. 54 Волков.), и даже перед твердым согласным: биз рагбў (Розенф. 29, Вилейск.). В старых западнорусских памятниках так следует объяснять *нижь* [ни҃ (136); ни҃ли (126) при *не҃ли* (233 Сб. XVI в. Крас.), нижьли (10б), нижели (3б), нижели (51б Тайна тайных XVI в.)], хотя можно видеть здесь и влияние *ни*, которое вообще в белорусском смешивается с *не*. Старинные памятники представляют еще и другие случаи появления *и* на месте *е* ударяемого, но многие из них удовлетворительного объяснения не имеют. Так, в грамотах встречается Олькирда (Ольгерда, 1440 г.), где *ер* заменилось посредством *ир*, может быть, под литовским влиянием; истлибы [если бы, В. А. 41 (1543 г.)], если это не описка или не опечатка. В Летописи Авраамки XV в., в которой по-новгородски смешивается *ъ* и *и*, встречаем: не мидлаща (281), оумидлилъ (405), чистно (277), грическому (317), тивирїн (18б); здесь *и* проникло на место *е* по аналогии появления *и* на месте *е* из *ъ*. Еще встречается *и*

на месте ожидаемого *е* в некоторых заимствованных словах, где необычную звуковую подстановку можно объяснять народной этимологией или вообще перетолкованием подобных слов; таковы случаи: *планита* рядом с *тое планеты* (74б Тайна тайных XVI в,), *сарацэнинъ* (139, 141) и *сарацынский* (171 Сб. XVI в. Позн.) (*э* и *ы* вм. *е* и *и* после вторично отвердевшего *и*), *сихимова* и *сихемова* (27б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) *сына карцева* и *сы кареѣ* (254 ib.).

Настоящая область распространения *и* на месте *е* — это в безударных слогах, притом перед мягкой согласной. Тут у нас опять полная аналогия с тем, что мы видели при рассмотрении звука *о:* как последний перед лабиальными согласными лабиализировался и обращался в известных говорах в *у*, так и здесь *е* перед палатальными согласными, палатализируясь, слишком суживается и переходит в *и*. С другой стороны, в северо-восточной части белорусских говоров на месте подвергшегося редукции безударного звука *о* (и совпавшего с ним *а*) при известных условиях появлялось *ы*, так и здесь в тех же говорах на месте редуцированного *е* (и совпавшего с ним *а* с предыдущей мягкостью согласного) безударного появляется *и*. В отделе об *о* мы рассматривали еще один ряд явлений: возникновение *ы* в безударных слогах на месте старинных сочетаний **лъ**—**ръ**, окруженных согласными, с *ъ* неслоговым; то же и здесь мы должны отметить появление *и* на месте старинных сочетаний **лѣ**—**рѣ** с неслоговым **ѣ**. Таким образом, в отделе о появлении *и* на месте *е* безударного нам придется рассматривать три рода явлений; из них только одно носит общебелорусский характер, а два местные.

Общебелорусским характером отличается появление *и*, а после вторично отвердевшего *р* и *ы* при вторично вокализовавшихся *r* и *l* после выпадения *ъ* в сочетаниях **рѣ**—**лѣ**, о чем мы уже высказали свои соображения раньше при *ы* из *о* (ср. стр. 149 sq.), где приведены и соответствующие примеры из старинных произведений. Здесь отметим только примеры на появление *и* на месте ожидаемого *е* безударного в старинных сочетаниях **рѣ**—**лѣ** при современных литературных русских *ре—ле:* брысци́, бры́ду, скрысе́ння (Добров. I, 123 Ельнин.), грыме́ць, дрыгва́ (топкое болото; ср. druhwa Федер. I, 153 Волков.), крыни́ца, скрыгита́ць, стрыма́ (при *стрэ́мя*), трыбу́х (Мат. Б № 31 Вилейск.), трыва́ць, ўтрыма́ць (Малев. 20 Слуцк.), трывога (ср. Klich, 209), стрывожыцца, стрыка́ць (делать упреки, Сл. Нос.), (чешск. strkati), хрыбёт (но *храбе́тнуу косточ́ку*, Ром. III, 357 Рогач.), хрысци́ць (но *хращоною* Ром. III, 167 Бых.), блищаць (и *блыща́ць*), лев ись *ли*винятыми (Ром. VI, 383 Сенн.) (редкий случай вокализации *л* в начале слова), kłynіè (Федер. II, 51 Волков.) (**клѣнеть**), kłynuczy̆ (ib. 141) (ст.-слав. **клѣнжшти**), слиза́ (но и *сляза́*); как можно видеть из примеров на **лѣ**, возможно вторичное отвердение слогового *l*, прежде чем при нем развился гласный. Акад. А. А. Шахматов («Известия», 1903, № 2, стр. 335), допускающий вокализацию и слога *ъ* в группе согласных (zwь̥nt̆ti), относит сюда: зви́нели (Добров. I, 632), зви́неть

(ib. II, 202), *твитéть* (ib. I, 161), *твитуть* (ib. I, 216). Это произношение находит соответствие, как увидим после, и в написаниях старинных западнорусских произведений.

Два остальные случая перехода *е* безударного в *и* имеют не одинаковую площадь распространения. *И* из палатализованного безударного *е* известно в говорах умеренно акающих по-белорусски, т. е. там, где встречается в тех или других случаях и *е* безударное в чистом виде, или в качестве неопределенного широкого *ä;* в этих же говорах большею частью известно и *у* на месте *о* безударного; изредка такое *и* придется предполагать и для сильно акающих белорусских говоров. Что же касается *и* в известных слогах рядом с *а(я)* на месте редуцированного *е,* то этот переход более свойствен северо-восточным белорусским говорам, т. е. в тех же местах, где бывает и *ы* на месте *о* безударного. Рассмотрим сначала последнее, как более типичное явление. Область его распространения та же, что и для *ы* из *о.* Отчасти этот переход захватывает по окраинам и сильно акающую белорусскую область. Переход *е* в *и* бывает во всех безударных слогах, хотя непосредственно перед ударением *и* бывает обыкновенно только перед *а́(я́)* в ударяемом слоге (реже перед другими гласными); чаще этот звук в слогах, удаленных от ударяемых к началу и в непосредственно следующих за ударяемыми, особенно в закрытых. В этой группе белорусских говоров *и* на месте *е* возможно и перед твердыми согласными.

Приведем примеры.

И на месте *е* в слогах, предшествующих ударяемым: α) стоящих непосредственно перед ударением: пы дзися́тку (Шейн Б. П. № 67 Витебск.), пацира́ла (ib. 423), литаиць (67 ib.), висна́, принисла́ (Шейн. Мат. I, 126 ib.), мидо́вого (ib. 21), зимля́, систра́ (но *сястри́ца*), жина́ (Мат. Б. № 18 ib.), йна́ (Ром. IV, 87 Велиж.), миня́, тибя́, вирста́ (Мат. Б. I, 26 Себеж.), жина́, дзивя́цира (ib. № 28), сибя́, нима́ (ib. № 4 Могил. губ.), ина́ (Ром. III, 15 Орш.), зилина́ (Ром. I—II, 382 ib.), систра́ (Мат. Б. № 32), сирида́ (Отч. 26 ib.), ина́ (Ром. IV, 52 Горецк.), тогды йны (ib. 11), жына́тыми (Шейн. Мат. I, 56 ib.), низна́ю (Демб. 19.527 Мстисл.), ни далита́я (ib. 40. 550 Черик.), ины́ (из *ены*, Ром. III, 37 Клим.), ина́ (Демб. 12.526 ib.), йго́ (Ром. III, 123 ib.), падпириза́ла (Демб. 243. 573 Сенн.), яны жи ста́ли (Ром. IV, 129 ib.), мижды́ (Ром. I—II, 203 ib., хотя здесь может быть то же *и*, что в *м'иж*), йѐ (ея, ib. 10) ина́ (Ром. III, 96 Бых.), цисо́ву (Шейн Б. П. № 3 Лепп.). чирвоны (ib. 4, отчасти по другой причине), чибо́ты (ib.), чире́з (ib. 5), растриса́нный (ib. 96), дзися́того (ib. 124), циля́, круциля́ (Ляцк. Посл. 4 Борис.), зимля́ (ib.), сирба́лы (ib. 22), дзеля́ во́ши (ib. 10), в Вилейск. у. предлоги *перед* и *через* произносятся как *пирад, цирàс,* также вм. *безо—биз а* (при безударности конечного *о*, Мат. Б. № 31), зимля́ (ib.), дзися́тка, ищé (ib. № 11 Новоалекс.), сига́лета (ib. № 14), лижáть, дивиря́, бриха́ла (Добров. 1, 11. 35 Смол. губ.), нима́ (Отч. 12 Великолуцк.),

свикра́тку (Зап. V, 95); из неизвестной местности: тисо́выя (Бесс. Б. П. I), мижа́х (ib. 96). β) В слогах, удаленных от ударения к началу слова: пиракинемся (Шейн Б. П. № 66 Витебск.), симяры́х (Шейн. Мат. I, 19 ib.), зимлянэ́й, зилинывáтый, чилавéк, сирябро́, симяры́х, ни припива́й, цицярю́к, мидавэ́й, дзиривя́нный, силязёночка, шистяры́х, читыро́х (Мат. Б. № 18 ib.), пиристáнуць, нисите́, сирида́, впиряди́ (ib. № 26 Себеж.), вирабъи́ха, зилинова́тый (ib. № 28), трипака́ (Отч. 9 Иллукст.), ў чырапо́чку (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), врямяна́ (Демб. 44.532 Могил.), дримату́ (ib. 277. 576) жирабца́ (Шейн Б. П. 514 Орш.), з либя́ды (Демб. 291. 578 Горецк.), зилянéнький (ib., 27. 529 Черик.), сизинький, силязéничка (Демб. 11.525 Клим.), бирягу́ (ib. 11. 526), пярисыпа́ючи (ib.), силязень (ib. 13. 526), грибушко́м (Ром. I—II, 149 Сенн.), ни адна́ (Демб. 7.525 Чаусск.), ни вярну́ся (ib. 3.524), зилено́ (Шейн. Мат. I, 4 ib.), ни баю́ся (Демб. 8.525 Еых.), дзигцявы́я (ib. 6. 525), либя́ды (Шейн Б. П. № 7 Лепп.), зиляну́ (ib. 11), биз подбшвы (ib. 133), циляжéнушка (телега, ib. 418), чирвонцы́ (Мат. Б. № 27 ib.), пирапраси́ў (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 49 Диснен.), пирихриси́ў (перекрестил, ib. 103), пиранясу́ (Кар. 62 Трок.), пиранисла, пиравярну́ўся, кливяту́, дзиравя́ны и т. д. (Мат. Б. № 31 Вилейск.), пирайшла́, пирад и́м (ib. № 11 Новоалекс.), ўдзисяцирых (ib. № 14), чыловéчыва (Шейн. Мат. I, 17 ib.), вичаро́м (Добров. I, 11.35 Смол. губ.), зилинова́т (Отч. 18 Ржев.), пирявóс (Отч. 22 Брянск.), пирявязи́ (ib.), зилянéнькая (ib.), пирахбдачки (ib.), пираеду (Розенф. 9 Вилейск.); из неизвестной местности: дивяры́ (Бесс. Б. П. 96), зилянéть (ib. 104). Таким образом, в слогах, предшествующих ударяемым, заместители безударного *е* обыкновенно располагаются так: *и—а(я)—´*, отступления довольно редки и больше из местностей, соседящих с сильно акающими говорами или даже захватывающих их (примеры см. раньше, стр. 182 sq.).

И на месте *е* в слогах, следующих за ударяемыми: ма́иць (но тут же *споведа́ець*, Шейн Б. П. № 61 Витебск.), бягу́чыга (*-чего*, ib. 138), сыно́чык (Шейн. Мат. I, 21), на́шиго, си́нию (*-ею*), дéриво, вóсинь, вóзиро, ми́линький, чарвóниц (Мат. Б. № 18 ib.), лю́линьки [и *лю́леньки*, Шейн Б. П. № 27 (Сураж.), Велиж.], спа́циньки (и *спа́ценьки*, ib.), спа́циньки (ib. № 1 Полоцк.), пачу́иш (Ляцк. Посл. 5 Борис.), го́ры (=горѣ хуже) (ib. 38), вéчир, больши(-е), згиня́иць (Мат. Б. № 26 Себеж.), здра́стуйци, вучи́цель, дзивя́цира, вéдаиш, з вóсини (ib. 28), *-иць* вм. *-ець* (умéиць, зисева́иць) безударного (Великолуцк. Отч. 13), зна́иць (ib. 22 Брянск.), чирвóниц, ёсьцика (Мат. Б. № 31 Вилейск.), панимаиш, ма́иць, зéдиць, пиракинимся (ib. № 11 Новоалекс.), синига, пла́чыць, ни ма́иш (ib. № 14), ко́рыня (Отч. 4 ib.), пта́шички (ib. 5), купа́линька (Отч. 9 Иллукст.), кара́ишь (Кар. 68 Трок.), дарбжинька, ма́линький, кукуиць, вéцир (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), повин (из *повен—поўны—*полънъ), вбзира, умеиць (Отч. 26 Орш.), дарóжинька (Шейн Б. П. № 16 Лепп., но и *дорóженька*), бабу́синька (ib. 3, и *баба́сенька* ib. 4), бóли (болѣ) (ib. 12), бу́дзишь

(ib. 8), хо́чиць (ib. 12), дзяшо́винько (ib. 22, но тут же *торгóвенько*), звоно́чик, подоло́чик (ib. 25), Ве́цир ве́ець, ве́цер ве́иць (хиазм в расположении гласных, вероятно, обязан своим происхождением записывавшему песню, ib. 394), бу́дзиць (Демб. 2. 524 Гых.), нихай пычу́иць (ib. 28. 542 Горецк.), ни маишь (ib. 25. 528 Черик.), бра́хпинька, ро́днинький (44. 551 ib.), ска́жиць пыйци (ib. 38. 550 Сенн.), молодзе́иць (Ром. I—II, 24 ib. — но там же *загибаéць*), лиси́ицый (Ром. III, 11 ib.), ку́дзирки рысчисав (Демб. 11. 526 Клим.), вы́нись (Шейн. Мат. 1, 116 Минск. губ.), при́дзиць (ib. 27 Свенц.), будзим (ib.), будзиць, рассе́имся (ib. 234 Ошм.), хо́чыць, рого́чыць (ib. 11 Борис.), соро́чик (ib. 201), садзи́цисе (2-е л. мн. ч., ib. 37 Слуцк.), сабира́йцися, прызнава́йцися (Розенф. 2 Вилейск.), вы́лициў (ib. 8), с щасцимдоли́ий (ib. 69 Минск.), ле́пший го́сцицы (ib. 23 Вилейск.), сдзела́шь, пла́чишь (Шейн. Мат. I, 550 Волков.[1]), йдзе́ци, малойцы! (Мат. Б. № 24 Новгор.). Из приведенных примеров можно видеть, что появление *и* на месте *е* после ударения очень распространенное явление в северо-восточной группе белорусских говоров, далеко заходящее на юго-запад и проникающее даже в умеренно акающие говоры. Однако, если присмотреться к приведенным примерам, то окажется, что часто они малодоказательны в отношении рассматриваемого явления. Именно среди них много случаев появления *и* перед окончаниями глаголов, где оно могло явиться, с одной стороны, как плод сужения *е* перед *ц* мягким, *ш* бывшим мягким, а с другой — и не без влияния глаголов с основами на *-и-*, типа *гаси́ць*, *лю́биць*. Далее, среди примеров также много случаев с суффиксами *-еньк-*, *-ек-* и под., которые могли иметь *и* на месте *е* по смешению со сходными суффиксами *-иньк-*, *-ик-* и др. Во многих случаях *и* на месте *е* также в отрицании *не*, где просто можно видеть смешение отрицаний *не* и *ни*. Такие случаи можем отметить на далеком юго-западе: nidaŋno (Федер. I, 6 Сокольск., ib. 8 Слоним.), ni znaju (ib. 112 Волков.), ni leciáć, nibaraka, nibawam, nimà (оттуда же, Нич, 61).

Уже в своем первом исследовании по белорусскому языку («Обзор», стр. 50) мною установлено наблюдение, что когда слог с *е* стоит непосредственно перед ударяемым и сам ударяемый слог содержит звук *е*, то в безударном слоге может быть *и*, притом на всем пространстве белорусской территории. Такое *и* имеем, напр., в словах: м'ина́ [мине́ (Мат. Б. № 18 Витебск., № 11 Новоалекс., Отч. 19 Гжев., Отч. 22 Брянск., Дмитр. П. и Ск. Вильн. 17 Новогр.), miniè (Чечот 1846, X) при mienie (Федер. I, 5 Слоним., ib. II, 54 Волков. и др.)], ц'иб'а́ [тибе (Мат. Б. № 26 Себеж.), цибе (ib. № 11 Новоалекс., Дмитр. П. и Ск. Вильн. 34 Новогр.), цибе́ (Отч. 22 Брянск.), cibiè (Федер., 1, 112 Волков. и др.)], с'иб'а́ [sibiè (Федер. 1, 89 Волков.)], йийа́ [па ije (Федер. II, 101 Волков.)], ц'ип'а́р [ципе́р (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), cipièr (Чечот 1846, X] при ciepier (Федер. I, 5 Слоним.).

[1] Сюда не относится lìtàło (Федер. II, 213 Волков.), так как здесь *и* на месте исконного *ѣ*.

причем тут *и* из *е* вторичного: **тъпьрво**], н'*и*д'з'е́л'а [нидзеля (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 19 Новогр.), nidziela (Федер. I, 5 Слоним.)], *зв'ин'ец* (впрочем, ср. еще стр. 188), *н'им'а́* (nima i niema у Чечота 1846 г., X). Отчасти сюда подходят и примеры, приведенные у Нича из сборников Федеровского: bźëz pieramieny, nźë hräszy̆, da Mźèraczy (Межиречья) (Нич, 58, 59), где на *iё* можно смотреть только как на *i*. Значит, во всех приведенных случаях на появление *и* из *е* влияла мягкость согласных, окружающих *е*, т. е. в *и* усмотрим дальнейшую палатализацию узкого *ė*.

Не фонетическое явление, а скорее смешение сходных предлогов-приставок представляет: пр*ы*дзиўнейшии (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 53 Новогр.), пр*ы*широ́кое (ib. 128, смешаны *прѐ-* и *при-*).

Аналогичный рассматриваемому переход *о* в *ы* в старых западнорусских памятниках нашел самое незначительное отражение; однако переход *е* в *и*, как вызванный большим комплексом причин и отражающий не только местное, но отчасти и общебелорусское явление, сказывается в большем числе случаев и в старинных памятниках. Конечно, и здесь не все примеры одинаково ценны и могут быть отчасти объясняемы морфологическими причинами. Вот эти случаи. Четья 1489 г.: кл*и*писа (5 б), мертв*и*ца (35, 204) *-овъ*, *-ило* (119), *-ими* (128 б), при *стремъглавъ* (13) — стр*и*мъглавъ (181б, собственно относящиеся к другому отделу, ср. стр. 188 sq.), ѡвер*и*чиса (144), х*и*ровимомъ (159б), с*и*рофѣми (203), -овъ (209б), завтр*и*ни (241). Сборник XV в. № 391: оу́ ма'*и*стате (29), зв*и*на (ꙁвьнѣти) (11), зв*и*начий (27б), занькелъ пой*и*совый (97), ѡбыча'*и*ми (68б), ѡбыча'*и*ми (23); в последних трех случаях в *и* обращается *е* вторичное из *а* (ср. стр. 111 sq.); впрочем, в творит. на *-'ими* можно видеть и окончание *-ïми*, т. е. точнее **-ьмн**. Может быть, не совсем фонетическое явление в творит. ед. ч. на *-имъ*: раз'майтѣ ѡден*и*мъ (46), делан*и* *и*мъ (57), блисканïимъ (53), прѣ ѡбличь*и* твой (2, 35б), перѣ злакнен*и* (33). Чисто фонетический переход *е* в *и* в следующих случаях: нест*и*рьпливои (70б), за створит*и*ла (12б), тр*и*ма слоугама (62) (не без влияния образований типа **рь—ль**, см. стр. 188), завеш*и*ны были (22), были принес*и*ны (54); в выражении «ахъ *ти* мн*е* ахъте мне» (13б) трудно решить, какой звук вторичный, так как обе формы (дат. пад. *ти* и *тъ*) одинаково употребительны в белорусском. Ист. Сборник XV в. (Лет. Пер.): Пер*и*аславецъ (15), пер*и*аславци (ib.), Пер*и*аславль (33), съжалис*и* [73, на месте *е* из *а* (стр. 104 sq.), хотя в *си* можно видеть и форму дат. пад.], смол*и*нску (71, *и* под ударением?). Летописи XV—XVI вв.: зв*и*нигороду (14 Вил.), зв*и*нигородъ (40 Увар.), *и*ще (48 ib.), цр*и*гро́ски (86 Крас.), ѡкиянъ (64б ib.). Летопись Авраамки XV в. Много случаев *и* из *е* (=**ѥ**, **ь**). обыкновенно под ударением, особенность новгородская, хотя кое в чем можно видеть и указание на *е* узкое (ср. «Особенности...», стр. 10, 12): изв*и*стью (255), тф*и*рици (129), г*и*димона (79), мак*и*донанинъ (30б), по сев*и*рѣ (severus) (20б), з*и*нонъ (17б, 23), на рѡбїжи (95), мѣра ж*и* (42),

оумираху дѣти пре̑ ро̑телимь (262б), гостѝви (393б) и т. д. Тайна тайных XVI в.: хочиши (79б), тробоу'имъ (78б), п'ритерпишь (84б, *и* под влиянием *при?*), споко'инъ (36, где *и* могло зайти из косвенных падежей). Библия Скорины XVI в.: прозвинить (I 11б), звинель (Пр. 27б), проклину (Б 24), проклинеть (Ср 9б), заклину (Б 41), клинуса (Б 77) и др. Катихизис 1562 г.: нихай (35б), презвитира (239б), аптыкари (76б) (с отверд.). Катихизис 1585 г.: чри̑са (3б). Евангелие Тяпинского 1580 г.: йдимо (44б), перейдимо (48, предполагается ударение на *-мо*). Сборник XVI в. Позн.: Малгорѣи и Малгарыи (168). Псалтырь XVI в.: али (=але—по, 53б), а̑ли (38б), неприа̑телими быти мнѣ (135, из *неприателеми*, а это последнее из *-лями*), в злости̑ свои̑ (108б, хотя здесь может быть и описка, под влиянием следующего *свои̑*), припоа̑са̑ (19б, 20, 30, но в представлении пишущего это слово могло распасться также на *при+поа̑са̑*), ѡ̑ стра̑но̑м соуде бо̑жіи̑м (97б, хотя здесь может быть и заимствование из ц.-слав. **божиимъ**). Сборник XVI в. Чуд.: ра̑ви̑ (623), ши̑стої тысещи (64б), симиѡ̑ (734). Сборник XVII в. Син. № 790: Гедиона (163, 166, рядом с *Гедеона*). Псалтырь XVII в.: тани̑ско̑м (65). Как и в других случаях, примеры перехода *е* в *и* в собственных именах и словах иностранных особой цены не имеют.

Переход *е* в *у* (*ю*)

Когда в древнерусском языке звук *е* в известном положении обратился в *ӧ*, а затем в *о* с предыдущим мягким согласным, то он в некоторых отношениях вполне совпал с *о* основным и в дальнейшей своей судьбе вполне следовал этому гласному. Мы уже видели, что *о* может подвергаться усиленной лабиализации, вследствие чего он становится очень закрытым, близким к *у;* то же и при тех же самых условиях и в тех же белорусских говорах происходит и с *о* (*ё*) из *е*. Появление *у* (*ю*) на месте *о* (*ё*) не зависит от ударения, но под ударением довольно явственно, тогда как в слогах безударных слышится закрытый неопределенный звук. Мы можем указать следующие примеры на переход *е* в *у* (*ю*): перед следующей лабиальной согласной: танцу̀ваци (Шейн Б. П. № 65 Бых.), нучу̀ва̀ць (Ром. III, 3 Сенн.), плю̀ваць (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), клю̀ва̀ць (ib.), зарю̀в (заревел, ib. № 18 Витебск.), paszи̯ц̯ (Федер. I, 260 Слоним.), paši̯ц̯ (Клих 85 Новогр.) paẃõ̯ц̯, na skaj̯úm, pa j̯õm, čõm, traśõm, śmaj̯õmśo, l'j̯õm, klučõ̯ц̯ (ib. 231), цю̀мный (Ром. III, 88 Сенн., 88 Рогач.), на синю̀м мори (Янчук Поездка, № 54), цю̀мны (Малев. 8 Слуцк.). В некоторых из приведенных примеров *у* (*ю*) могло зайти и по другим причинам, напр., в неопределенное глаголов с суффиксом *-ева-* и в произведенные от последнего формы из настоящего времени, где *у* (*ю*) исконно; в тех примерах, где *у* (*ю*) в конечном закрыгом слоге и притом ударяемом, на появление закрытого звука, кроме лабиальности конечного согласного, могли влиять и эти последние обстоятельства. Звук *у* (*ю*) на месте *е* в закрытом слоге, особенно

конечном (в дополнение к некоторым вышеперечисленным примерам): пунюс (Ром. III, 88 Рогач.), юн (ib. 90), кулюс (= колес, 27 ib.). В Рогачевском уезде, впрочем, и помимо закрытости слогов обыкновенно бывает сжатое *о* (*у*) на месте *е;* но то же и в других местностях: цютка (Мат. Б. № 12 Новогр., ок. Стволович), панюс (= понёс, Отч. 27 Речицк.) (Брагин), нюс (Малев. 8 Слуцк.), юн (ib.), малой (ib.), mut (мёд, Клих 156 Новогр.), jun kaže (ib. 30), usiuj ruok (= весь, Федер. I, 183), ab spiàszczuj kralèuni (ib. II, 195 Волков.), na kuràczuj naziè (ib. 220 Слоним.), об хорошуй (Мат. Б. № 10 Мозыр.), ж жытнюй мукй (Малев. 9 Слуцк.), на верхнюй палицы (ib.), сьлёзунька, дарожунька, сяшунька (ib.), źelőn, jon, lox, pryẃús, joj, źelanőj, k svatúj, parőt, zőnka, svőkra, slőska jagžoš (Клих, 231). Отчасти под влиянием аналогии образований от одного и того же корня с закрытыми слогами, отчасти под влиянием других причин явилось *у* (*ю*) в таких случаях, как slőzońki (Клих, 231 Новогр.). Есть, наконец, несколько примеров появления *у* (*ю*) в конечном открытом ударяемом слоге: ужý (Шейн Б. П. № 757 Витебск.), тут ужу ён (Ром. IV, 22 Орш.), став ужу проси́тца (Ром. VI, 123 Мстисл.), змяйю (= змейё, Ром. III, 322 Рогач.); то же слово подчеркнуто в Мат. Б. № 32 Орш. Конечное *у*, вероятно, явилось при посредстве *ӥ* из *ӧ* (*е—ӧ—ӥ—и*) (ср. А. А. Шахматов, Исследования..., стр. 64). В некоторых случаях *у* (*ю*) следует объяснять вообще закрытым произношением *о* (*ё*) в данной местности: слю́зы (Зап. V, 115), чулувича (Ром. III, 27 Сенн.).

Рассматриваемый местный переход в белорусском языке — явление довольно позднее, когда уже, повидимому, утратилась память о возможности продления гласного *ӧ* из *е* основного, так как *у* (*ю*) нередко и на месте *е* из *ь:* впрочем, образования этого последнего рода можно считать также возникшими по аналогии случаев с *у* (*ю*) на месте *о* (*ё*) из *е* основного. Старинные западнорусские памятники отражают это явление в немногочисленных случаях. Именно: Грамота 1383 г. (17): стрыю р҃о҃. Сборник XV в. Публ. б. № 391: занюѫ (1), заноуѫ (без обозначения мягкости *н*, 7). Летописи: занюѫ [так как, 74б Крас., 77 (8)б ib.]. Летопись Авраамки XV в.: семьюнъ (56б, м. б., здесь неудачная попытка передать с'ем'ён), коижю: прї семъ разꙗлѣниє языкомъ: по странамъ коижю: своа нравьї приаша... (4), трофана (277б), вероятно, вм. *Трюфана*, точнее Trüfana. Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: тютоньии брата (-ё-, 290б).

Дифтонги на месте *е* и *ӧ* (из *е*)

В тех говорах, которые знают дифтонги на месте *о* = древнерусскому *о̄*, возможны дифтонги и на месте *е*. Причем так как последнее в древнерусском или сохранялось в виде *е* довольно узкого или в виде *ӧ*, то дифтонги могли возникнуть на месте того и другого: на месте *ē* — *ię, ë* (по Развадовскому) и на месте *ō* — *uǫ, ů*. И здесь дифтонги обыкновенно являются только под ударением и в слогах закрытых; отступле-

ния немногочисленны. Условия возникновения указанных дифтонгов, территория их распространения, связь с украинским сжатием гласных нами подробно рассмотрены при *о*. Поэтому здесь ограничимся только приведением примеров.

Дифтонг *ie*

Когда основное русское *е* очутилось в закрытом слоге, ставшем таковым вследствие утраты глухого в следующем слоге и поэтому несколько продлившемся, то в некоторых из южных и западных белорусских говоров такое *ē* заменилось звуком смешанной артикуляции: начинаясь *i*, звук оканчивался *е* кратким, т. е. получилось *ię;* в некоторых говорах это соотношение частей несколько изменяется в том смысле, что одна из частей слишком ослабевает и слышится почти простой закрытый звук. Приведем примеры из разных сборников.

1. В конечном закрытом слоге: из «Поездки» Янчука (подставляем дифтонги на месте подчеркнутых букв): мі͡еч (10 Бобр.), пі͡еч (ib.), мі͡ед (28 ib., в ориг. *мед*, а не *мёд*), сі͡ем, піеч перепі͡еч (ib. 55); из Довнара-Запольского («Живая старина», 1893, 1): пасьці͡ель, і͡есць (11 Минск.); Шейн. Мат. I: піеч (Слуцк.); Мат. Б.: мі͡э̯ч, пі͡э̯ч, пліэ̯ч (№ 10 Мозыр.), сі͡э̯м годы (ib.), ші͡есьть (№ 29 Новогр.), мі͡ёд (ib.); Мат. М.: пі͡ечь (№ 8 Мозыр.), пі͡éч, ji͡éсьць (есть, Малев. 8 Слуцк.), пасьці͡ель (85 ib.); в сборниках Федеровского: sz*yieść* pałcâu̯ (I, 279 Волков.) (sz*ieść* II, XX), Andrį̀ėj (II, XIX), kurį̀ėj (II, XX); у Розвадовского (Mat. i prace, I): šï°ść (216).

2. В закрытом слоге в середине слова: у Янчука: вясі͡еля [(в ориг. *вясѣля*), 5 Бобр., ib. 55 (в ориг. *веселе*) — оба из *весе́лье*]; у Довнара-Запольского: пі͡ечка, мані͡ерка, трі͡еска (11 Минск.); Мат. Б.: пі͡э̯ръе, зі͡э̯лье, на зі͡э̯млю (№ 10 Мозыр.), тали͡э̯рка (ib.), паві͡езли (№ 29 Новогр.), пі͡ёкло (Малев. 8 Слуцк.); у Федеровского: sr*i*ębra (I, 110 Волков.), tr*yjej*czy (I, 308 Слоним., 302 Волков.), aa-czį̀ėpnaho (II, XXI), charasz*i*ėńko (ib.), czį̀ėpcy, (dr*i*ėmluć (ib.), pier*i*ėsty (II, XX), pl*i*ėuka (ib.), star*i*ėńki (ib.), tal*i*ėrka, tr*i*ėska (II, XX), tr*i*ėsnuć, tr*i*ėzwy (II, XXI), szëšć lët (III, 22). Проф. Я. Розвадовский, установивший собственным наблюдением, как следует читать дифтонгические написания у Федеровского, именно *ię* как *ię*, к приведенным нами примерам из Федеровского иногда относится с большою осторожностью: так, он читает — a·čï°pnoho (-*čïp-*) (отчепного, 215), как раньше приведенное šï°ść; даже утверждает (стр. 216), что слышал tréjci, xarašéńko, staréńki — без всякого дифтонга; с дифтонгом у него лишь tr*i*ęska.

3. Под влиянием образований, подобных приведенным в первых двух пунктах, дифтонги могли явиться в словах от тех же корней даже в том случае, когда известным слогам приходилось становиться открытыми, напр.: пі͡ечечки (под влиянием *пі͡ечки*, Янчук 10 Бобр.),

жоуніеры (ib. 26), скіепочку (ib. 55), таріелочку (ib.), міеду (Довн.-Зап. 11 Минск.), szczyjèpiny Федер. I, 297 Волков.), udyeryć (ib.), udyjerysz (ib. 294), udjèryć (ib. II, XXI), cätjèry (II, XIX ib.), kàkarjèku (ib.), scjèlicsa (II, XX ib.). И тут проф. Я. Розвадовский подчеркивает, что люди дятловские произносили čatyry, да и г. Керсновская, главная вкладчица в сборник Федеровского, обыкновенно говорила čatĭ°ry — не с полным дифтонгом. Клих (229 стр.) на месте прарусского *e*, стоящего в слоге закрытом, в Новогрудских говорах дифтонгов не отмечает, а только или суженное *e* (v́ešĕlo, śĕm, śim, ṕĕč, pat p'ĕču, p'ĕču, p'ĕgo и др.), или же удлиненное *ē* (šēść).

В перечисленных примерах дифтонги — в ударяемых закрытых слогах, но изредка можно встречать примеры с дифтонгами и в слогах безударных и даже открытых: в белорусской программе № 15 Игум., подчеркнуто *будзіcь*, *будзіе;* те же два примера написаны в программе № 25 Новогр.; бу́дзіе, пры́дзіе (Мат. М. № 9 Пружан.).

Во всех приведенных случаях в дифтонг *ię* обратилось *e* = основному русскому и праславянскому *e;* лишь в одном случае в дифтонг обратилось *e*, развившееся на белорусской почве из *a* (удэ́рыць); *e* = *ь* в дифтонг обыкновенно не обращается. Впрочем, нам встретилось несколько случаев с *ię* и на месте *e* = *ь*; таковы: ціесьць (Мат. М. № 9 Пружан., ст.-слав. **тьсть**), sjercо (Федер. I, 339 Волков., ст.-слав. **срьдьце**), czjèrpać (ib. II, XIX, ст.-слав. **чрьп-**), ljeu (= lew, II, XX ст.-слав. **лькъ**). Примеры последнего рода во мне вызывают недоверие.

Теоретически возможно допустить, что дифтонгическое произношение *e* в известном положении в некоторых говорах было известно и старому западнорусскому языку, но доказать это по памятникам невозможно. Указание на дифтонгическое произношение *e* обыкновенно видят в употреблении на его месте *ъ* в тех случаях, где теперь дифтонг. В западнорусских памятниках, смешивающих *ъ* и *e*, таких примеров масса [мъчь, вдарънье, весълие (Четья 1489 г.), зъльа (Сб. XVI в. Позн.), пъръе (Библ. кн. XVII в. Толст. № 158 и др.)], но там же, как увидим со временем, еще больше примеров с *ъ* на месте *e* из *ь*, в слогах открытых, в закрытых перед твердыми согласными и вообще в таком положении, где дифтонга никак предположить нельзя.

Дифтонг *иǫ*

Перешедший в западную ветвь среднерусских говоров из прарусского языка звук *ǫ́*, развившийся на месте *e*, стоявшего после мягкого и перед твердым согласным, сохранился в белорусском языке, как известно, под ударением в виде *o* с предыдущей мягкостью согласного. Когда такому *'ǫ́* приходилось стоять в закрытом слоге, будь это конечный или в середине слова, он в известных юго-западных говорах мог иметь одинаковую судьбу со звуком *o* основным, т. е. превращаться в дифтонг. Примеры:

1. В конечном закрытом ударяемом слоге: в «Поездке» Янчука (на месте подчеркнутого *ё* пишем согласно его разъяснению *юо*): принюоз (14 Бобр.), на юой (ib. 26), к юой (ib., где *о* и дифтонг скорее по морфологическим причинам), берюоз (51 ib.), со вторичным отвердением *р*), весюол (96 ib.); в Мат. I Шейна: іоун (602 Слуцк., вероятно, вм. *юон*); у Довнара-Запольского («Живая старина», 1893, № 1): сярюот (серед, Минск.); у Ляцкого (Посл. Борис.): люог (22), нюос (26), жюон (33), прывюоз (35), юон (48, на месте *е* вторичного из *jo*), упюор (50); у Чудовского («РФВ», XL): нябюос (род. пад., 60 Слуцк.): в Мат. Б.: люог, подмюбў, мюбд, нюос, юон (№ 10 Мозыр. Б.), цяжўбл (ib.), юон (№ 12 Слуцк.); имеется некоторый намек относительно существования дифтонгов и в Свенц. уезде (Мат. Б. № 13); юбн (№ 20 Август.); в Мат. М.: понюос (№ 8 Мозыр.), весюол (ib.), чюорт (№ 9 Пружан.), принюос (ib.), нюбс, вюбс, любх, мюбт, жубр. крубст (Малев. 8 Слуцк.); у Федеровского: lu̯oh (I, 4 Слоним.), zdalu̯òk uże czutnò (I, 15 Волков.), ju̯on (I, 4), wiûz (III, 7 Волков.), abńuòs (II, XXI), czu̯om (II, XXII), czuźu̯òj, czujų̇òj (II, XXII), dalu̯òk (ib.), dźu̯ob (ib.), dźu̯on (ib.), dźwieru̯òch, ju̯oj (ib.), kalu̯òs (ib.), kaś'uòł (ib.), miu̯òd (ib.), nap'u̯òk (ib.), nieb'u̯òs, ńuos (II, XXIII), raźu̯òn (ib.), swaju̯òj (II, XXIV), ślu̯oz, uću̯òk (ib.).

2. В слогах ударяемых закрытых в середине слова: у Янчука: бяроўозку (12 Бобр.), бярўозка (ib.), слюозками (17 ib.); у Потебни («Два исследования»): берюозка (101 Заблудово Белост.); у Шейна (Мат. I): лябіодкою (248 Слуцк., чит. *лябюод-*); у Чудовского: любюбдка (60 Слуцк.); в Мат. Б.: понюусса, прывюбўса, расплюбўса, нелюонка, намюбтка, селюбдка, цюбтка (№ 10 Мозыр.), помюбр (b.), цюбтка (19 Белост.); в Мат. М.: сюолко (село, № 9 Пружан.), жубнка, цюбмны (Малев. 8 Слуцк.); у Федеровского: czaćwu̯òrka (II, XXII), kaczu̯òłka (ib.). Приведенные в п. 1—2 примеры не противоречат и личным наблюдениям проф. Я. Розвадовского, так как и у него имеем, напр., uću̯k, atśu̯k; но он в некоторых случаях, подобных приведенным, видит просто сжатое *о̀* (žǒnka) и, кроме того, указывает, как следует читать напечатанные у Федеровского дифтонги: именно не *u̯o*, а *uo̯*. Поэтому в приведенных нами не из сборников Федеровского примерах, где ударение на второй части дифтонга, будем видеть не дифтонг, а лишь лабализованное произношение предшествующих гласному согласных; в некоторых случаях придется допустить перед такими гласными и *u̯*. Подобное лабиальное произношение отмечает для Новогрудского уезда и Клих: l$^{u̯}$ox (21), ž$^{u̯}$ǒncy (при žònk$^{u̯}$*a*, 14), i$^{u̯}$oi (13).

3. Под влиянием случаев, подобных приведенным выше, явилась возможность проникновения дифтонгов и в открытые слоги в словах, образованных от тех же корней: пазьдзюорочком подпережуся (Янчук

51 Бобр.), bierǫ̀za (Федер. II, XXI), Jǫ̀zyb (II, XXII ib.), pacǫ́raczki (II, XXIII ib.).

Как и при *о* основном, и здесь можно найти в сборниках написания с дифтонгами и в слогах безударных, напр.: вéсюол (Мат. Б. № 29 Новогр., хотя возможно здесь ударение и на конце), трéйцюом (Мат. М. № 8 Мозыр.). Насколько такие случаи соответствуют действительности, сказать не можем.

И на месте *ȯ* из *ӧ* = *е* дифтонг возможен только тогда, когда это *о* с предыдущей мягкостью согласного предполагает основное *є*, а не **ь**. Есть, однако, кажется, единственный случай, когда дифтонг *ǫ* является на месте *'ǫ́* из *ъ*. Это в белорусских заменах причастия **шьлъ**: йшуоў, вайшуоў, знайшуоў (Мат. Б. № 29), ǫwajszǫ̀ǫ (Федер. I, 4 Слоним.), pryszǫ̀ǫ (ib.), iszǫ̀ǫ (ib. II, XXII), pāszǘǫ (ib. III, 57). Отчасти сюда относятся: чуорт (Ляцк. Посл. 14 Борис.), чуорны (Малев. 8 Слуцк.).

Старые западнорусские памятники никаких следов рассмотренного явления не представляют.

Исчезновение *е* безударного

Е безударное, ставши звуком неопределенным, может и совершенно исчезнуть, что иногда и происходит, притом не без влияния морфологических причин. В живой речи *е* часто исчезает в союзе *же*, особенно в случае его удвоения: дай жеж_, няси ж_, гэ́то ж_ и т. д. В старых западнорусских произведениях подобных случаев больше: гекст дї̀ѣсъ (haec est dies) (Сб. XV в. Публ. б. № 391, стр. 72), Казимръ (гр. 1440 г., если только здесь не пропуск титла), _пискуплю (гр. ок. 1300 г. и др.), где *е* не было уже в тех языках, из которых это слово заимствовано; в Лит. лет.: преж_ (36 Увар.), юж_ (*южде* — которую, ib), тое ж_ зимы (41 ib.), при *тое же зимы* (8 Вил.), занже (10 ib.), н'ижьли (10б Тайна тайных XVI в.), на тожъ место (Библ. Скор. С 44), даж' до тыхъ часовъ (ib., 38); в Псалт. XVI в. *ни̏ли* (52б)— полонизм (niżli в соответствующем месте польского оригинала); так же, вероятно, нужно смотреть на это слово и в других местах; Псалт. XVI в. — ни̏ (34б). Следует еще отметить странный пропуск *е* в *_слúба* (если бы, Отч. 27 Любавичи Орш. у.). Тут, очевидно, неумелая передача заимствованного из литературной речи слова, так как *если бы* белорусам неизвестно, у которых *коли бы*. Наконец, повсеместно в Белоруссии может выпадать *е* в форме род. и дат. местоимений притяжательных: *мойгó*, *твойгó*, *свойгó*, *моймý*, *твоймý*, *своймý* (ср. Шейн Б. П. № 103 Бых., ib. 201 Лепп., ib. 415 Сенн., ib. 413 Витебск., Зап. V, 91, 117, Ляцк. Посл. 4 Борис., Мат. Б. № 5—15, 16—18, 26—28), но возможны образования и без выпадения *е:* моегó (Шейн Б. П. № 147 Бобр.), своегó (ib.). Выпадение *е* будем также видеть в *заплащй йщэ* (Ляцк. Посл. 12 Борис.), *на йгó* (ib.); таково же *щэ* Дмитр. П. и Ск. Гр. 178 Новогр., из *йще*).

СУДЬБА *Ь* И ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ *Е*

Говоря о разных заменах звука *е*, мы неоднократно касались и *ъ*, который еще в общерусском в известных случаях перешел в *е*. Здесь рассмотрим те явления в истории *ъ* и его заместителя *е*, о которых мы еще не имели случая говорить.

О букве *ъ* с палеографической точки зрения мы уже говорили в своем месте, когда рассматривали старые западнорусские памятники. Здесь добавим, что *ъ* в этих памятниках обыкновенно показывает мягкость предшествующих ему согласных, хотя в некоторых случаях, напр. при *л*, эта мягкость часто не обозначается, а с другой стороны — при шипящих, *ц* и *р*, хотя и ставится *ъ*, но он употребляется здесь по орфографической традиции, не обозначая мягкости вторично отвердевших согласных. Под влиянием югославянского письма *ъ* вообще смешивается с *ѣ*, не указывая на мягкость, о чем у нас была речь в палеографическом отделе. Ввиду последнего обстоятельства, говоря об обозначении мягкости, можно иногда впасть в ошибку, приняв графическую особенность за обозначение звуковой черты. Указание на мягкость согласных можно видеть, напр., в следующих случаях: любъви (гр. 1265 г.,) подъ лѣты (гр. 1440 г.), зе́мьское [В. А. 8 (1443 г.)], ви́леньский [В. А. 4 (1440 г.)], руськии (ib.), хотя уже и *русскии* [В. А. 4 (1432 г.)], большиньство (Лет. I Вил.), христіаньскую (9 ib.), бо҃ъ҃знивъ ꙗко заѣць (11 Тайна тайных XVI в.), судьми (Библ. Скор. Пр. 9, но там же и *судꙑмъ* вследствие смешения *ѣ* и *ъ*), очью (ib. I, 22б) козью (ib. № 45, но *козьихъ* № 67). Некоторые даже из немногочисленных приведенных примеров малодоказательны, так как могут только передавать старинные написания, хотя кое-где в суффиксах *ъ*, быть может, обозначает и живые явления языка: ср. пага́н'ство (хотя и *поганьство* Сл. Нос., 435), м'еща́н'ск'и, ру́с'ки (но и *руски*) — особенность, впрочем, не общебелорусская. Иногда *ъ* опускается в тех местах, где ему надо быть непременно: на *зезде*[x] (74 Статут 1588 г., вм. на *зьез-*, па *сѣъзд-*), *отеждаючи* (ib. 28, вм. *отьежд-*, *отъѣжд-*).

Что касается звука *ъ*, то он уже был утрачен в позднейшую эпоху древнерусского языка и заменился под ударением, кроме конечного *ъ*, а также в словах многосложных с *ъ* в нечетных слогах, считая с начала, посредством звука *е*, или, как обыкновенно говорят, *ъ* прояснился в *е*. Это наблюдаем и в древнейших западнорусских памятниках: *день, лен, весь* (повсюду). Во всех других случаях древнее *ъ* обыкновенно исчезало в произношении, оставляя после себя лишь мягкость согласного, да и то не всегда, особенно в середине слов. Но такая правильная замена древнего *ъ* в зависимости от разных причин очень рано нарушилась. Так:

1) В суффиксах *-ьств-*, *-ьск-*, как это нередко бывает и в других древнерусских памятниках, *ъ* «проясняется» в *е:* Полотескъ (гр. 1265 г.), оу Полотеско (гр. ок. 1300 г.), Полтескъ (Лет. Крас. 3, 11), по҃тескъ (ib. 67), Плотескъ (Лет. Увар. 29), Видьбескъ (гр. 1265 г.), бобруескъ (гр. 1387 г., 21), Смольнескъ (гр. 1492 г.), Смолнескъ (Лет.

Крас. 87), Пинескъ (Лет. Вил. 1, 68б Крас.), в' матборескомъ праве (Сб. Пал. Сн., изд. в Вильне), воинества (Четья 1489 г. 43, 74б), цр̃ество (66 ib., Катих., 1562 г. 8), цареств̀ (209 ib.), таинество (Четья 1489 г. 110б), богатество (80б ib.); всегда у Скорины (ср. Влад., стр. 263—264, 63 Катих. 1562 г.), богатества (7 Катих. 1562 г., 85 Сб. XVI в. Позн.), богатеств̀ (183 ib.), бг̃атество (63, 82 Тайна тайных XVI в.), женескъ по̃ (84 ib., ср. Библ. Скор. Л 52б), царескъ престолъ (ib. Ц 203), пекарескъ стареишина (ib. Б 73б, но тут же *пекарскии*), Васанескъ (ib. В 55б), Хевронъскии (ib. Н 21б и др.), мидескъ и прьсескъ (120 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262). Приведенные сейчас прилагательные притяжательные и раньше названия городов, как представляющие из себя краткие формы, вследствие непроизносимости конечного глухого, естественно, выдвинули чистый гласный *е* в слоге предпоследнем; в некоторых словах этому могло содействовать и ударение, которое в древнерусском иногда ставилось не там, где теперь.

2) *Е* появляется на месте *ъ* в некоторых отдельных словах, где теперь этого звука нет; таковы: *дение* (16 Четья 1489 г., если это не хитрое написание вм. **дьнии**), *лести*^{и} (44б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), *лестива* (ib. 47б), *лестива̃* (37б), *мещю*, *съмещения* (Добрян. Описание рук. Вил. Публ. б., стр. 24); совр. Волков. da lewicy (до львицы) (Федер. II, 66), *лёну* (Ром. IV, 87 Велиж.). *Е* зашло в эти слова из других образований от тех же корней, имеющих на месте *ъ* звук *е* (день, лесть, месть, лев). Сюда же принадлежит: *женцомъ* (18 Ев. Тяпин. 1580 г.), *жѣнцы* (18б ib.), *женцовъ* (32 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) — согласно теперешнему белорусскому произношению, вопреки русскому. Сюда отчасти относятся: *кленѫтсѧ* (67 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), *клени* (91б ib.), *кленеть* (19б Катих. 1562 г.), сол'неца (44 ib.), где *е* явилось вторично для устранения неудобства произношения.

3) От случаев, подобных приведенным, представляющих действительно появление гласного *е* на месте древнего *ъ*, следует отличать случаи мнимые с *е*, представляющие лишь орфографический прием. Таковы, напр., написания известной грамоты 1229 г.: *будѣте* (будеть), *дѣкть* (дѣкть), *имаете судити* (3-е л. ед. ч., Четья 1489 г. 208б), *оугожеши̃* (311б Лет. Авр. XV в.), *в мегновение* (313б ib.), хотя в последних двух случаях диалектически и могло слышаться *е*.

4) На месте праславянского *ъ*, не стоявшего под ударением и в слогах, неудобных для произношения, гласного обыкновенно не бывало. Вследствие этого на месте древнерусских *чьстн*, *тьстя* и производных от них в старых западнорусских памятниках встречаем: а) *чти* (с пропуском непроизносимого *с*) в Сб. XV в. Публ. б. № 391 л. 77б; в разных летописях: 38, 48 Увар., Крас., Лет. Авр. XV в. л. 287 (в велици чти соуще), Статут 1588 г. л. 4, 435, Тайна тайных XVI в. л. 2б, Катих. 1562 г. л. 251б (ко чти), 223, 71, 17 (въчти, кьчти), Библ. кн. XVI в. Вил. № 262 л. 106б, Псалт. XVI в. л. 49б,

Библ. кн. XVII в. Толст. № 158 л. 33, 62б, 93б, 17б, Псалт. XVII в. л. 29; (чт҃и) Сб. XV в. Публ. б. № 391 л. 90, 96, Сб. XVI в. Крас. л. 106 (въ чт҃и мети), (вь чьти) 48 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262, (во чт҃и) Псалт. XVI в.; (чсти) 382 Статут 1529 г., Статут 1588 г. л. 484, 89 (чъсти), (чстенъ) 38 Лет. Увар., (ѹчъсчо҃) Библ. кн. XVII в. Толст. № 158; (ѡ цти и ѡ даре҃) 86 Лет. Крас.; (ку чти) Бел. Арх. II 1533 (XVII в.). Все это формы предполагают современную белорусскую *ц'ц'и;* обыкновенно, впрочем, говорят *ў час'ці́;* б) *тьста* (Лет. Крас. л. 76, Археол. 62, Сб. XVI в. Позн. 250 рядом с *тесте*), тьста (Лет. Крас. 68, где *ъ* вставлен по известному палеографическому приему в группе согласных), ко цьст҃ю (ib. 82), *цтя* (Лет. Вил. л. 5, 31 Увар., 42 ib.). Последняя форма наиболее соответствует действительному произношению: ср. *ко сцю* (Шейн. Мат. I, 63, 73 Горецк.), но есть и *цéсця, своймy сътю* (Ром. 87 Бых.). Может быть, живые явления: в) *княства* (179 Статут 1588 г., если не пропущено титло) и г) *по̀ вышстью* (по выходе, 242 ib.).

5) Ничего общего с вышерассмотренными случаями не имеют такие, где *ь* только графически заменяет *е*, как: печьрьскій (ст.-слав. **пештерьскъ**, 50 Лет. Авр. XV в.), жьстка (ст.-слав. **жестъка**, 85б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), льжѹ (ст.-слав. **лежѫ**, ib. 34).

6) В подражание случаям пропуска *е* из *ь* безударного в одном слоге исчезло и *е* безударное основное: по *шти* лактїи (11 Лет. Авр. XV в.), в живой речи обыкновенно *шсці́*. Следует отметить, что в белорусском языке пропуск органического *е* менее развит, чем в русской литературной речи. Так, белорусы говорят: л'от — л'о́да [лёдом (Зап. V, 84)], ка́мен' — ка́мен'а.

7) С другой стороны, в подражание случаям появления *е* на месте *ь*, в слогах, неудобных для произношения, вставили *е* на месте разве вторичного *ь*, развившегося после утраты конечного глухого перед плавным, способным к вокализации в группе согласных: храберъ (87б Тайна тайных XVI в.), совр. zubr̀ór (при zubr ст.-слав. **зѫбръ**) (Федер. I, 448 Волков.), с'ас'ц'о́р (ст.-слав. **сестръ**), в'ец'а́р (**вѣтръ**), рубе́л' (жордка, которою притискивают воз с сеном, а также *рубль*, ст.-слав. **ржбль**), в'ап'а́р, мудз'о́р, źaḿèl' (Верига Pod. 20 Лидск.) и др.

В заключение статьи о заместителях основного славянского *ь* отметим, что раз было возможно в древнерусском языке возникновение в группах согласных, неудобных для произношения, нового *ь*, то и в современных белорусских говорах возможность появления глухого также не устраняется, что на письме довольно близко к истине обозначается посредством *и*, конечно, очень краткого: с струме́н (из *стремен*), но́жики не вымáли; паберу́ць я́ечки пасту́шики (см. Колосов, Обзор, стр. 9, прим. 1), на табе, небоже, чито мне негоже (ib., из пословиц Киркора), за гэ́то, чито і҃он падушы́ў рублем дятей (Мат. Б. № 29 Новогр.), мине [дат. пад., Шейн Б. П. № 425 (Сураж.) Велиж.]; то же Мат. Б. № 13 Свенц., причем прибавлено: «звук чуть слышен»;

кинягиня (Никиф. Приметы, 63). Если в первых двух примерах можно бы видеть смешение суффиксов **-ьк** и **-нк**, то в остальных примерах, несомненно, следует говорить о глухом. Нечто подобное встречаем спорадически и в старых западнорусских памятниках: пѹшиками бити (182б Акад.), доволино (31 Катих. 1562 г.), дрожичи (ст.-слав. **дрождиꙗ**, 76 Псалт. XVI в.).

ЗАМЕНЫ ОБЩЕРУССКОГО ѣ

Праславянскому и прарусскому языкам свойствен был особый звук *ѣ*, произносившийся, быть может, как *i͡e* или *e͡e*, причем одна из частей дифтонга могла становиться неслоговой и суживаться. Этот звук был свойствен русскому языку даже в эпоху распадения его на говоры, так как судьба *ѣ* неодинакова в восточнославянских языках. Среднерусские говоры, западная часть которых вошла в состав белорусского языка, рано смешали этот звук с *е*, вследствие чего в них со временем *ѣ* и *е* окончательно совпали в одном звуке *е* умягчительном[1]. Когда образовался белорусский язык, то в нем уже не было звука *ѣ*, а остались только те или другие заместители его.

Совпадение *ѣ* и *е* произошло позже обращения последнего перед твердыми согласными сначала в *ӧ*, а потом в *о* с предыдущей мягкостью согласного; вследствие этого, хотя *ѣ* и *е* совпали в одном звуке, но *е*, заместитель *ѣ*, перед твердым согласным не мог обращаться в *о*, а переходил в *ӓ*. Таким образом, тогда как *е* из *е* основного и совпавшего с ним в известных случаях *ъ* сохранилось только в виде ɛ узкого, так как этот звук возможен был лишь перед мягким согласным, *е* из *ѣ* сохранилось и в виде ɛ и *ӓ:* п'ɛ́л'и (**пѣлн**), j ɛ́л'и (**ѣлн**), с одной стороны, и п'äў (**пѣлъ**), jäў (**ѣлъ**) — с другой. Широкое *ӓ* на месте *ѣ* слышится и на конце слов там, где он сохраняется без изменения. Мною отмечено *неа͡=нѣ, нѣт* (Отч. 25 Могил.). Таким образом, в белорусском языке *ӓ* всегда предполагает *ѣ*, исключая некоторые случаи, где *ӓ* на месте *е* вызвано особыми обстоятельствами, о которых речь была в своем месте; *ӓ* вместо ожидаемого *о* с предыдущей мягкостью согласного также в словах, заимствованных из польского [бавэ́лна (Шейн Б. П. № 20 Лепп.)] украинского и других языков [na tarɛ̀łcy (Федер. III, 15 Новогр.)].

Смешение ѣ и е

Это совпадение *ѣ* и *е* в одном звуке в белорусском языке исконное; по крайней мере в старинных памятниках смешение букв *ѣ* и *е* (а по ним мы только и можем судить о звуках) встречается все время, начиная с самых древних, причем в одних памятниках замена **ѣ** по-

[1] Непонятно для меня утверждение С. Малевича (9), что в слуцком говоре «произношение звука *ѣ* вообще более мягкое, чем в великорусском наречии»: как будто звук *е* на месте др.-русск. *ѣ* отличается от звука *'е* на месте др.-русск. *е*.

средством є наблюдается очень часто, в других реже, смотря по тому, насколько писец усвоил традиционную орфографию. В последнее время в работах некоторых ученых заметна тенденция установить какую-либо систему в употреблении *ъ* и *е* в древнерусских памятниках[1], поэтому для подобных выводов, если они допустимы, постараемся дать материала побольше и поразнообразнее. Употребление **є** вместо **ѣ** мы встречаем, напр., в следующих случаях: Грамоты XIII—XV вв.: ныне (1264 г.), немечкому (ib.), поѣхаѣ (ib.), хати (ок. 1330 г.), киеве (1432 г.). Четья 1489 г.: река (9б), розделилъ (12б), греха (16), оувиделъ (20, 108), девицю (31б), на светиле (26), в храме (36), доѣхалъ (44б), посинели (144б) и др. Псалтырь до 1492 г.: всехъ (150), теломъ, к тобе (ib.), заповедь (326), притерпевши (127) и др. Сборник XV в. Публ. б. № 391: разделца (1б), седите (5б), 'ести (6б), петоу^{х} (8), заи^{ѣ} (ib.), неме речи (13б), 'езда (46б), матице (59б), детинности (64), бе^{ѣ} (85б), ѡбрезовают'се (88б), целовають (93). Летопись Пер. Суздальск. XV в.: ѡ сн^{ѣ} его Сифе, начя пръвее, хлевця, нарицаеме (1), Днепръ (ib.), лесу темже (ib.), зверь (2), ездити (9), прибегоша (10), многоценьны (11), полѣтеша (12), повѣленію (22), свѣте (36). Летописи: лечити многы лѣкарствы (10 Вил.), к рецѣ (5 ib.), пріехалъ (6 ib.), седѣлъ (7 ib.), дета (89б Крас.), приезду (4 Вил.), ехати (2 ib.), поехалъ (4 ib.), поедеть (5 ib.), бе, дети (12 ib.). выеду (32 Увар.), победою (41 ib.). Летопись Авраамки XV в.: речѣ (=рѣцѣ, 58б), рыбе (23б), въ храмѣ ркоуче в ропате (335), ѡтоле (113). Сборник XVI в. Позн.: местце, месецы, вселъ (156, 157), детей (160), стену (139), повемъ (40), розсечы (141), бежи (40), вере (130), зъелъ (152), дела (88), тесныны (213) и т. д., (въ) тѣле (222), две, ѡбе (147), виделъ (155 и др.); после отвердевших согласных даже *э:* на рецэ (260), лупэ (244), добрэ (188), дозрэть (213 и др.). Сборник XVI в. Крас.: редькїй (140 и др. при массе правильного употребления в корнях). В окончаниях обыкновенно *е:* по ѡбѣде на цареве дворе (36—37), къ сивил'ле (37), перевеѣ (27), ѡ красе (13), з'лодей (103). Статут 1588 г.: кроме (84, 27), опеце (82), при мачосе (92), седѣть (138) и т. д.; вообще *ъ* употребляется очень редко. Тайна тайных XVI в.: оу козорозе (70б), следѣеть (57б), по зас'лѣзе (15б), ѣст'воу (10), -ою (3), неведомоѣ (9б), с'меховъ (3), ѡ доб'ре и зле (2б), мере (2б), престжпили (1), м'ноголетѣнъ (88), изьсилеѣть (усилится) (1б). Библия Скорины XVI в.: влесе, две лете, на светѣ, дева, хлеба и т. д. (Влад. 253). Катихизис 1562 г.: свѣдѣтво (23б), детокъ (1), беседе (244). Катихизис 1585 г.: лiеность (2б, на польский лад, а м. б. следует читать как дифтонг?). Евангелие Тяпинского 1580 г.: вер'ный (36), ветье (28б), свет'ло (5), сеѣлъ (36), неѣ^{ѣ} (27), чоловеку (46), хлебовъ (51б), велелъ (57), дета (29б, 45, но и *дитa* 3). Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: совѣте (69), седить (94б). Псал-

[1] Ср. работы Л. Л. Васильева: «Богдановский Златоуст XVI века» («Известия», 1905, № 3, стр. 319 sq.); «Вологодское евангелие XVI века» («РФВ», т. LVII, стр. 261 sq.).

тырь XVI в.: *ѣ*, обозначая звук, тождественный с *е*, постоянно смешивается с ним, причем *е* даже преобладает: ѿ гдѣ (8б), в гнѣве (10), нетъ (36б, 53б), *ѣ*сти (50б), зъѣла (68), седѣли (ib.), в дуброве — высекли (74б), повѣте (109б), деи (114б), две стене (117) и т. д. Сборник XVI в. Чуд.: повесть (4), по аѣле (ib.), ѣды (5б) и т. д. — множество примеров. Сборник XVI в. Кунц.: бежите (68), нынешнего (50). Евангелие 1616 г.: ѣжджаетъ оа и др. Сборник XVII в. Вил. № 107: умети (15). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: ехаѣ (17б), ести будете (61), сечите (113б), маце (75б), невѣстце (34). Псалтырь XVII в.: ѣлъ (66), ѣ далъ (104). Рассмотрев приведенные примеры, вряд ли можно сделать какое-либо заключение об употреблении *е* на месте *ѣ* в старых западнорусских памятниках вообще; можно, пожалуй, иногда говорить о той или другой орфографической системе известного памятника, но и только.

Не меньше случаев представляют старые западнорусские памятники и обратного употребления *ѣ* на месте *е*. Таковы, напр.: Грамоты и акты XIII—XV вв.: перѣже, на пѣрѣдѣ, бѣрѣзѣ, сѣрѣбра, дѣрѣвъмь, не бѣдѣть, смолѣньскѣ (гр. ок. 1230 г.), рѣмѣнь (ок. 1330 г.), купцѣви (ib.), любѣцькъій (ib.), вѣрхъ (ib.), бѣрковьска (ib.), немцѣмъ (ib.), зѣмль, зѣмли, зѣмлянинъ (1394 г.), ратманѣ, вѣликии, мѣжи, такжѣ, бѣзъ, нѣ, розницѣю, рижанѣ, землѣю (1407 г., писан в Риге, в полоцком экземпляре этого нет), всѣго, пишетѣ, вѣлитѣ (1475 г.), мѣщанѣ, вѣселуемъ, такжѣ (1476 г.), линѣю (1480 г.), сѣлница, крѣхаѣ, зѣмли, алѣксаѣдровскаа, ѡзѣры, бѣрезовица, вѣрбиловъ, вѣликое, шестидѣсѧ XV в. (Сб. Пал. Сн. Вил. № 3). Четья 1489 г.: ѣние, возмѹщѣние (12б), оутешѣние (21), моучѣние (29), знамѣние (26б), исполнѣние, чтѣние (36б), вдарѣнье (107) и т. д.; *-тѣль:* создатѣль (156б); отдельные слова: бѣздны (109, 144 и др.), весѣлие (18, 169), жѣньскии (16, 34), колѣсницѫ (209б), мѣчь (85б и др.), по всеѣй земли (26, 41), по всѣму свѣту (196б), въ нѣмъ (212б), въ сѣмъ мѣстѣ (219), к нѣй (233), придѣть (154), зовѣть (244), прибѣгнѣть (264б), свѣтѣ (зв. пад., 156б), правѣдное сѣнцѣ (154), рабѣ (зв. пад., 186б), лицѣ его ꙗко сѣнцѣ (254), жидовѣ (200), разумѣйтѣ (172б), людѣй (187б), волѣю (200), избѣрѣтѣ (200б), воиньства (166, где *ѣ* на месте *ь*). Псалтырь до 1492 г.: нѣ садеть (1 псал.). Сборник XV в. Публ. б. № 391: пѣвно (6б), вѣрхъного (12б), ѡ днѣго (31б), с вѣчора (87б). Ист. Сборник XV в.: сѣрби (1), чюдѣса (9), смѣрть (ib.), идѣшь (10), послитѣ (18), к нѣму (32), старѣцъ (ib.), знамѣніа (41), бѣзднѣ (47), вѣсноу (64), осѣни (102). Летописи XV—XVI вв.: поѣдеть (4 Вил.), нѣму (12 ib.), нѣ добылъ (5 ib.), перевезѣться (ib.), бѣру (6 ib.), нѣльзе (282 Позн.) в' полѣ (accusat. 82б Крас.), имѣна (84б ib.), с нѣю (80 ib.) и т. д. Летопись Авраамки XV в. (особенно перед мягким согласным): вѣлїкоую (94), сѣмѣ (109), развѣрже миръ (116), нѣмѣцкыи (81), теремѣць (207б), цѣлова (85, при *цѣлованьѣ* 84), нѣ хощете (99б и др.). Сборник

XVI в. Позн.: мѣчъ, нѣльзе (282), зѣльа (149). Статут 1588 г.: обызатѣлемъ (71), перѣдъ (73), пѣредъ (183), винѣнъ (190), тепѣръ (178); иногда рядом *ѣ* и *е:* гдѣ, статутѣ, панстве, князстве (1). Тайна тайных XVI в.: лѣвъ (67), вѣщь (1б), вѣщы (52), ктѣплотѣ (42), вѣрхъ (36б), вѣ҃ (34б, 9б), ѿ тѣбе (19б), за тебѣ (9б), боудеть (16б), а̀ в'сѣ чт'о писано (16б), сѣбе (5б), вѣликїй (28), ѻ҃б'ретѣшь (19б), ворожѣнїѐ (35б). Библия Скорины XVI в.: сѣ азъ (Б 38б), чи морѣ есмъ азъ (112), заднѣвъ (Р 2), вѣвѣл' (ПП 4), пѣ (Ц 85б), кнѣму (С 32б), овѣць (Б 86б) и др., но вообще такие случаи редки. Катихизис 1562 г.: частѣй (3б), ѿ нѣгожь самого (5б предисл.), третѣго (2б), мѣне (ib.), имѣни (ib.), десатѣро (2), дѣсятословиѐмъ (2), потѣраеть (3 посвящ., ѻ҃вѣлъ (3 ib.) Евангелие Тяпинского 1580 г.: сол'цѣ (им. пад., 34б, 44), жѣнихъ (35б), ѻ҃лицѣмер'ников (52б), ѵ҃чѣники (26б), жѣною (26), хочѣмъ (27), можѣмо (27), нѣбѣсного (26, рядом с *небесное* 26б). Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: мѣчь (95), мѣнша҃ть (99б), на҃ всѣю (116), всѣа (117б), вышнѣго (118б), прошѣніа (120). Псалтырь XVI в.: вѣ҃чный (15), быковѣ тѵ҃чны (23б), всѣ сема (24), вивѣ҃ (29б), дѣроугѵ҃ (30, выгрѣгнѣ҃ш (30б), с нб҃сѣ (33), правѣ҃ного҃ (38б), за ѿ҃дѣжѧ (68), телѣць (69), пѣрвеи҃ (72б), навѣрнѵ҃тса (73), на҃ѿвѣчкы (74б), вѣснѵ҃ (75). Евангелие 1616 г.: зѣлье (мг б). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: ѵ҃тѣкали (2), ѵ҃тѣка҃ (28, старинное *ѣ?*), привѣлъ (30), звѣлъ (58б), тѣла (12б), пѣръ (при *перѣ* 60б), пѣрье (72), зо всѣю (43). Псалтырь XVII в.: сокѣрами (56б), прилѣтѣли (112б); вероятно, сюда относятся: задрѣмлѣ (146б), дрѣма҃ла (152б, при др.-русск. *дремати*, хотя ц.-слав. дрѣмати).

Если, рассматривая замены *ѣ* посредством *е*, трудно было допускать какие-либо гаданья — не говорю уже о звуковом значении указанного смешения написаний, но даже о системе в употреблении одной буквы вместо другой, — то здесь на основании случаев замены звука *е* посредством *ѣ* можно уже сделать какие-либо предположения. Так, в большинстве приведенных примеров *ѣ* стоит на месте *е* не только мягкого, но в то же время узкого, или, как иначе говорят, закрытого. Такое предположение в свое время (1886 г.) было сделано А. А. Шахматовым[1]; однако, ввиду многих отступлений от указанного закона, а также соображений, высказанных А. И. Соболевским по поводу названного исследования (ЖМНП, 1887, ноябрь), придется наблюдение Шахматова признать лишь отчасти соответствующим действительности. Тем же А. А. Шахматовым в другой работе («Исследования в области русской фонетики», стр 97) сделано предположение, что ѣ во многих случаях, конечно, в закрытых ударяемых слогах на месте прарусского *ę*, обозначает дифтонг *ie*, о чем у нас уже была речь (стр. 126), когда говорили о появлении дифтонга в некоторых белорусских говорах

[1] «Исследование о языке Новгородских грамот XIII—XIV века». Оттиск из I тома «Исследований по русскому языку».

в таких случаях, как *пі̂ечь*, *шіесть* и под. Конечно, из большого количества разнообразных примеров можно подобрать нужный материал для иллюстрации рассмотренных нами дифтонгов *іе* на месте основного *е*, но еще останется масса таких примеров, которые никак нельзя будет использовать и объяснить, а это набрасывает тень на правильность сделанного А. А. Шахматовым предположения, тем более, что памятники, употребляющие *ѣ* на месте *е*, относятся к разным местностям, тогда как дифтонг *іе* на месте *е* известен только в юго-западных белорусских областях.

После всего сказанного несомненным является только тот факт, что смешение *ѣ* и *е* в старых западнорусских памятниках указывает на совершенное исчезновение с древних времен в белорусском языке особого звука *ѣ* и на замену его посредством *е*. В настоящее время эту черту следует считать общебелорусской особенностью. На месте бывшего *ѣ* под ударением теперь везде звук *е*, конечно, перед мягкими согласными более узкий, чем перед твердыми, где он довольно широк. Примеров приводить не станем, так как это общераспространенное явление; укажем лишь несколько случаев из говоров юго-западных, где, как увидим ниже, есть некоторая память о *ѣ* в виде дифтонгов. Под ударением: дзеукé, венкé, чащé (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 137 Новогр.), свáе (ib. 45, Изв. 176), твáе (ib. 14 Белост.) (везде *е* вм. *ѣ* вследствие неправильного понимания этих форм), ụwa śпіè (Федер. I, 144 Волков.), miedżwiè̀dnik (ib. III, 61), ap čałavéku, ab bédnum (Клих 12 Новогр.).

Вне ударения звук *е* на месте *ѣ* известен в тех же говорах, какие знают и *е* безударное вообще, особенно в южной части умеренно акающих говоров. Перед ударением, так как *ѣ* во втором слоге от ударения к началу встречается очень редко, таких примеров почти нет [отвечаець (Ром. IV, 46 Горецк.)], зато после ударения звук *е* обычен уже в Лидском и Новогрудском уездах, а южнее господствует; но ближе к украинской границе звук *е* на месте *ѣ* и в слоге, стоящем непосредственно перед ударением. Примеры: pryjeżdżàje (Федер. I, 238 Лидск.), s*ie*dzić (ib. III, 62), s*ie*nakòs (Федер. III, 283 Новогр.), s*iä*nawaci (ib. 16), b*iä*da (ib. 17), śḿeiéšše, śḿeiécsa, śḿeiúcs*a* (но śḿaṷso) (Клих. 59 Новогр.), az*iä*ciéj (Федер. III, 22 Гродн.), zaśw*ie*cìụ̀ (Федер. I, 4 Слоним.), b*ie*żyć (ib. 5), s*ie*daj (ib.), sm*ie*jà̀lisia (ib. II, 97), zasp*ie*wàła (ib. 57), pa ścieniè (ib. III, 69), zahreszyli (ib. 1, 6 Волков.), s*ie*dzièụ̀ (ib. 7), b*ie*lùsienki (ib.); dz*ie*ciè̀j (ib. II, 82 Сокольск.), w*ie*drò (ib.), перамени́ўса, присе́дáли (Мат. Б. № 10 Мозыр.), Степáна (Бесс. Б. П. 1), венóчки (ib. 28, при *вянóчки* ib.) — из неизвестной местности. В слогах после ударения: бóцех (Шейн Б. П. 30 Невел., при *бóцях* 29 ib.), ворóцех (ib. 392 Лепп., 30 Невел.), в лéцех (Зап. V, 252[1]), ў сáдзе (Кар. 38 Новогр.),

[1] В свое время («Обзор», 46, § 88), неясно представляя изменения безударных гласных по белорусским говорам, я представлял эти примеры иначе: видел в них появление *е* на месте *а*, явившегося вследствие аканья на месте основного *ѣ*.

парóзе (ib. 39), дарóзе (ib.), состáрела (Мат. Б. № 24 ib.), увидзели (ib.), v adnùm mẽśće (Клих 8 ib.), u daróźe (ib. 148), kresle (Федер, I, 107 Лидск.), дóбрэ (добрѣ, Мат. Б. № 8 Игум.), к дубúнцэ (ib.), uhlędzieła (Федер. I, 5 Слоним.), wyrăsaų (ib. II, 97), wỳspawiedalisie (ib. 1, 6 Волков.), posłe (ib.), u wodce (ib. 12 Сокольск.), ў лi͡эсе, в стóзе, на мáце (Мат. Б. № 10 Мозыр.), абéдзве назé (Отч. 27 Речицк.).

Дифтонг на месте ѣ

Утверждая, что совпадение заместителей *ѣ* с *е* — черта общебелорусская, нельзя умолчать о том, что в юго-западных окраинах Белоруссии, отчасти сходно с северноукраинскими говорами, в той или другой степени известно и дифтонгическое произношение того звука, который стал на место древнерусского *ѣ*. Этот звук *іе*, причем неслоговою здесь является обыкновенно вторая часть, так что на месте *ѣ* получается *іę, ё* (по Розвадовскому), собственно звук смешанной артикуляции — начало *і*, а конец *е*; соотношение этих частей не везде одинаково: иногда слышится почти *і* (*і*^{е}), а иногда перед *е* замечается краткий неслоговой гласный *і̯* (*і̯е*). Такое узкое произношение звука *е* на месте *ѣ* иногда зависит от слишком мягкого согласного, стоящего за ним в слоге закрытом, развитие неслогового *і̯* перед *е* в некоторых случаях зависело от предшествующего ему согласного, напр. губного (ср. у Довнара-Запольского: *бі̯елый*, зьр*і̯*ер, чалар*і̯*ек («Живая старина», 1893, 1, 10). Район распространения дифтонга *іę* тот же, что и дифтонга *иǫ*, и материал по интересующему нас вопросу имеется в тех же сборниках и исследованиях, что и для *иǫ*.

С дифтонгом *іę* мы уже встречались, когда говорили о *ѐ* в закрытых ударяемых слогах. Дифтонг *іę* (а после отвердевших согласных и твердых *їę* — *уę*) на месте *ѣ* праславянского, а в некоторых случаях и прарусского бывает и в слогах открытых, а также конечных; единственное условие появления дифтонга — это ударяемость слога.

Приведем примеры:

1. Дифтонг *іе* в к о р н я х — открытых, закрытых перед твердыми и мягкими согласными: из «Поездки» Янчука (на месте подчеркнутого *ѣ* ставим *іе*, без обозначения ударения): недзі͡еленьку (3 Бобр.), ві͡есы (ib.), мі͡есто (4 ib.), нядзі͡елю (5 ib.), мі͡есяць, і͡едуць (6 ib.), гарі͡елочки (8 ib), сві͡ечечка (9 ib.), лі͡ето (ib), ві͡ечечко (10 ib.), і͡ехала (12 ib.), подбі͡есци (подбежать, 13 ib.), бі͡егаци (ib.), арі͡ехоў (14 ib.), арі͡ешки (ib.), абі͡едало (21 ib.), ві͡ек (ib.), і͡едзь (25 ib.), сусі͡едочки (30 ib.), мі͡ели, присьпі͡ели (30 ib.), кві͡еци (31 ib.), посі͡ею (52 ib.), рі͡епу (ib.), кві͡еточка (53 Игум.), дзі͡евочка (ib.), кліеточку (55 Бобр.), недзі͡ель (57 ib.), сьмі͡етки (ib.), лі͡евой (60 Игум.), пі͡ее (73 Игум.), дзі͡етки (74 Бобр.), залі͡езных (75 ib.), рі͡ежмо, і͡ежмо (87 Минск.), бі͡една (95 Бобр.), свой ці͡ень (97 ib.), грі͡ее (97 ib.).

В «Материалах» Шейна: дзіе͡ (1, 98 Слуцк.), бесіе͡да (компания, общество, 28 ib.), гарі͡елочку (27 ib.); у. Довнара-Запольского («Живая старина», 1893, 1): *ліе*сци, *бі*елы, ў *лі*еси, сьв*і*ет, *ці*ешця, *сі*ели, хз*і*еба, *сі*ера (серая) и др. (11 Минск.[1]), сьп*і*елянька (ib. Мозыр.). Из Слуцкого уезда приводит несколько примеров на дифтонге *ie* и Чудовский («РФВ», XL, 61), но тут же замечает: «...в этих словах скорее слышится *je*»; проверяя записи Чудовского, я слышал только умягчительное *е*. Сборник С. Малевича, касающийся того́ же Слуцкого уезда, систематически проводит дифтонгическое написание с *ié* на месте *ѣ*; впрочем, в «Кратком очерке звуков» (стр. 9) замечено, что есть случаи отсутствия дифтонга даже под ударением: цэло (цело), бе́дняньки, белянькаго (37), прыје́дьзя (38), пајели (39 и др.). С *ie* у него, напр., показаны: мяці́елица (8), хлі́еп, зьві́ер, бі́елы, дъзі́ет, ці́ело (тело, 9), ры͡шаци, ји́ехаў (29), сусі́едьзи, ў лі́ес (33), сьві́ету (37), ије́сьци (39), гарыўлку (41), ві́ек (46) и т. д. На поставленный мною вопрос об *ie* в Белорусской программе из некоторых мест получились ответы, свидетельствующие, что наблюдатели слышали нечто особое, а не только умягчительное *е*. Так, в Мат. Б. № 10 Мозыр. читаем: ві͡э́ра, кал і͡э́ка, мі͡э́дзь, неві͡э́стки, зъі͡э́ў, і͡э́хаў, і͡э́ли, ры͡э́цце и др.; № 13 Свенц.: сі͡ени, хлі͡ев, бясі͡еда; № 29 Новогр. (м. Любчь): дзі͡ед, сі͡ели, лі͡ес, сні͡ех, пі͡ець, цыэл; в Мат. М. № 9: прибі͡е́г, лі͡есом, хры͡ен, мі͡ель, ночлі͡е́г. Но особенно много примеров на *ie* на месте древнерусского *ѣ* у Федеровского, который даже дает целый алфавитный список слов и форм, в которых перед ударяемым *е* стоит *ы* или *і*, составляющие с ним одно целое (т. II, стр. XIX—XXI). Правда, список этот может быть сильно сокращен, если из него выпустить а) случаи на *ie* из основного *е*, б) все местные падежи и именительные множ. ударяемые и в) глагольные формы на *-ѣмъ*. Вот несколько из приведенных у Федеровского примеров: ci̯èdzić ci̯ер (следовало бы писать по его системе cyed-, суер, так как *с* везде твердое), ci̯èły (правильнее cyjeły) dzień (I, 327 Волков.), präz cyjeło żniwo (291 ib); (не понимаю только, зачем j в середине; а может быть дифтонг *ie* здесь распался на два слога?), hari̯èch, hri̯ech, hrieć (ale hrèjé-sie. Странно!), ijèchaų (II, 290 Волков.), mnié ijèści chòczäc-sie (143 ib.) — оба с распадением дифтонга на два слога, li̯èki, lièto, li̯èźć, naczli̯èch, nari̯ekać, patri̯èba (у Рожан, Озерницы и Лыскова), prari̯èch, pri̯èsny, ri̯èszato, ri̯èswy, stri̯ècha, stri̯eć zali̯èzo (Волков.) и żäli̯èzo. Кстати напомню, что во всех примерах из сборников Федеровского *ie* следует читать, по заявлению проф. Розвадовского, как *i̯e*, а иногда даже как *ï̯e* (ср. Mat. i prace, I, 212 sq.). Клих (Mat. i prace, II, 229), рассмотрев заместителей *ѣ* в разных случаях в изученном им говоре Новогрудского уезда, никак не мог услышать настоящего дифтонга *i̯e*,

[1] В записях из того же места (Свержень), сообщенных в «Матер. Б.» № 23 Фурсевичем, дифтонг *уо* кое-где указан, но об *ie* нет и помину.

а замечал либо сжатое *ė*, либо протянутое *ē;* в конце концов, стараясь заметить выставленный проф. Я. Розвадовским звук *ё*, наблюдал в некоторых немногочисленных случаях звук *ýᵉ* — *iᵉ*, близкий к дифтонгу, и, не решаясь сказать, что этого дифтонга в новогрудских говорах, вероятно, нет, всю вину сваливает на себя: «tylo moie nieprawne ucho nie zdołało istoty tego dźwięku należycie ocenić».

Все исследователи дифтонг *ie* обыкновенно допускают на месте *ѣ* только под ударением. Но иногда, вероятно, по недосмотру записывающих, дифтонг заходит и в неударяемые слоги: зацьвіетáе, вы́біегла (150 Минск. Шейн. Мат. I), стры́еля́ць (Мат. М. № 9 Пружан.).

2. Дифтонг *ie* в суффиксах. Тут прежде всего приведем примеры:

а) На *ie* из *ѣ* в окончаниях имен — α) падежи местн. и дат. ед. ч. и им.-вин. двойств. ч.: три копіе (Янчук 3 Бобр.), табіе (7, 13 ib.), в навиніе (ib.), на сталіе (ib.), сабіе (8 ib.), мніе (13 ib.), дваріе (19 ib.), касіе (20 ib.), маладзіе на вадзіе (ib.), на куціе (25 ib.), у углі́е (52 ib.), собіе (54 Игум. ib.), дзьвіе бярозе (57 Бобр. ib.), у крывіе (90 Игум. ib.), табіе (Шейн. Мат. I, 150 Минск., Довн.-Зап. 11), Масквіе (ib.), у концы́е, щацы́е (ib.), гдзіэ́ (Мат. Б. № 10 Мозыр.), табіе́, сабіе́, нозіе́, барадіе́ (Мат. Б. № 29 Новогр.), гындзіе́, на століе (Мат. М. № 9 Пружан.), мніе (39), сабіе́ (42), табіе́ (46), на сваём дворы́э (49), ка мніе́ — сираціе́ (ib.), ў стараніе́, на акніе́ (62), тры дачкіе́ (53, два раза без переходного смягчения), дьзвіе́ (59 и др., Малев. Слуцк.), дьзіе (ib. 28), źie, ukućię, na vaźie (Розвад. 213), u smalĭe, na źemlíe (ib. 214), dupliè (Федер. II, XIX), na harię̀ (ib.), rięssię̀ (Слоним. ib.), pa ruccię̀ (ib.), u małassyjè (в молоке, ib. I, 349 Волков.) — с распадением дифтонга на два слога; β) род. пад. ж. рода: скуки сваіе (в оригинале *свае*, Янчук 97 Бобр.), тваіе бабы (Мат. Б. № 29 Новогр.), моіе, твоіе, своіе (Мат. М. № 9 Пружан.); γ) в им.-вин. пад. мн. ч., где в мягком различии в древнерусском было *ѣ* (при ст.-слав. ѧ); в белорусском языке по аналогии мягкого различия этот *ѣ*, или точнее — его заместитель зашел и в твердое различие, вследствие чего он очутился после твердого согласного; причем, однако, подобные образования в белорусском не одновременны: в более древних *ѣ* или его заместитель *ie* умягчает предшествующий ему согласный, хотя образования и производятся по твердому различию, напр., *усіе бояра* (Янчук 31 Бобр.); в более поздних, отчасти под влиянием безударных образований винительного на *-ы* в окончании слышится твердый согласный, т. е. дифтонг *ые* и лишь после задненёбных *ie:* жанцы́э́, касцы́э́ (Мат. Б. № 10 Мозыр.), браты́-э («что-то среднее между *ы* и *э* слышится»), воўки́-э, куцы́-э (ib. № 29 Новогр.), усіе́ (Малев. 20 Слуцк.), валы́э́ (39 ib., 10 ib.), браткіе́ (52 ib.), тапчы варагіе́ (93 ib.), да дзя°вачкіе́

да сęстрыцы (95 ib.), мулярыэ̯ (114 ib.), дубыэ̯ (115 ib.), abadýę, bratúe, krupýę, daxtarïę, xruščïe (Розвад. 213), zvanýe (ib. 214). В медленной речи проф. Розвадовский даже слышал *i̯* между *y* и *e:* kšenzý^{i}e, при ином произношении можно слышать здесь и *yï:* zai̯cï, т. е. только некоторое протяжение конечного *ы;* при быстрой речи дифтонг несколько сокращается: žaŋk'f^{e}; δ) в суффиксах имен существительных и сравнительной степени: гардзіею (Янчук 16 Бобр.), милэ̯йшы, цемніэ̯й (Мат. Б. № 10 Мозыр.), citri̯ęjszy (Федер. II, XIX), stari̯ejszy (ib. XX); Розвадовский перед j наблюдал здесь монофтонги: lexčï̯i̯ и даже lexčę̈i̯ (Мат. i prace, I, 214), что́ и естественно, так как здесь можно и не видеть *ъ*. Вообще он замечает, что только в изглашении слова можно слышать более или менее ясный дифтонг; в середине же слов, будь это слог закрытый или открытый, ясно выраженного дифтонга *ię* наблюдать нельзя.

б) Дифтонг *ię* из *ъ* в глагольных формах. α) В форме неопределенного и произведенных от нее причастиях на *-лъ:* захаціэ̯ль (Мат. Б. № 10 Мозыр.), bali̯èć, hari̯èć (Федер. II, XIX, ср. haryjeci ib. I, 316 Волков.) и др., прилеціели (Янчук 3 Бобр.), посьміели (26 ib.), поглядзіела (56 ib.), зашуміела (Шейн. Мат. I, 247 Слуцк.), сустрыеў (Довн.-Зап. 11 Минск.), церпэ̯ў (Мат. Б. № 10 Мозыр.), надзіэ̯ўшы (Малев. 63 Слуцк.), сося^{e}нка гарыэ̯ла (ib. 66), ляціёў (ib. 74), захварыэ̯ли (ib. 76), ni balyjèn̥ (Федер. I, 291 Волков.), nahryjeu̯szy (ib. 269); β) в формах 1-го и 2-го лица мн. ч. повелительного наклонения, причем *ъ*, первоначально свойственное основам настоящего с суффиксом *-е-* (*несе-*), распространилось и на глаголы с суффиксом *-и-* (*хвали-*): не сядзіеце, обламіеце, озьміеце, обярыеце (Янчук 8 Бобр.), хадзіем (10 ib.), задавіеце (66 ib.), жніэм, берэ̯це, хвалэ̯м и т. д. (Мат. Б. № 10 Мозыр.), несіетё, горіем (ib. № 29 Новогр.), пайдзіёця, прывядзіёця (Малев. 63 Слуцк.), шліёця^{e}ся (ib. 79), памажыэ̯ця (92 ib.), накармёця (ib.), нарвіём (31 ib.) и т. д. [но: абабъём, возьмём (ib. 75)], zaščaríeće или — 'ri^{e}će, hari^{e}ce (пашите), służýęće, zvaríće (Розвад. 215); γ) не совсем белорусское *иът* = ніету (Янчук 97 Бобр.), ніет (Довн.-Зап. 11 Минск.).

в) Дифтонг *ie* = *ъ* в приставке *иъ:* ніэхто (Мат. Б. № 10 Мозыр.).

Читая статью о дифтонге *ię* на месте *ъ*, можно было заметить, как неоднократно делаются оговорки относительно того, что этот звук не всегда произносится одинаково. Иногда даже в говорах, вообще знающих дифтонги, он приближается к *i* или *e* и совпадает с ними. Так, неуловим этот звук для специалистов, не говоря уже об обыкновенных наблюдателях! Вследствие этого, а также имея в виду, что *ię* известно только юго-западным окраинам Белоруссии, и приходится говорить, что вообще *ъ* в белорусском языке совпал с *е* в одном звуке. Даже если и придавать некоторое значение дифтонгу *ię* на месте

ударяемого *ѣ*, то следует помнить, что в тех же говорах этот же звук *іе* известен и на месте *е* основного, хотя только в слогах ударяемых закрытых, обыкновенно перед мягким согласным. Значит, и здесь будет совпадение звуков *ѣ* и *е* в некоторых случаях в одном дифтонге *іе*.

Звук *о* (*ё*) на месте *ѣ*

Мы уже имели случай говорить, что хотя *ѣ* и *е* в белорусском языке совпали в одном звуке, но судьба их заместителей не вполне одинакова. Это зависит от того, что указанное совпадение произошло после того, как основное *ѐ*, стоявшее после мягкого согласного и перед твердым, перешло в *ӧ* и *о* с предыдущей мягкостью согласного. Следствием этого было прежде всего то, что *е* из *ѣ* в *о* (*ё*) под ударением перед твердым согласным и на конце слов не обращается. Есть только несколько случаев, притом не во всех белорусских говорах одинаковых, в которых по аналогии сходных образований с *о* (*ё*) на месте *е* основного звук *о* (*ё*) заходит и на место ударяемого *ѣ*. Тут отчасти бывает некоторое совпадение с русской литературной речью, отчасти же имеются самостоятельные случаи. Так, насколько можно судить по ответам на белорусские программы, разосланные Академией наук, почти всюду в Белоруссии произносят *гн'ӧзда(ы)* (ст.-слав. **гнѣздо**), *в'ӧдра(ы)* (ст.-слав. **вѣдро**), *зв'ӧзды* (**звѣзды**), конечно, в тех местах, где это слово вообще известно, так как у белорусов обыкновенно говорят *зӧры*, *м'ад'з'в'ӧдак* (малый медведь); *гнёзда* у меня отмечены под № 5 и 12 Слуцк., 23 Минск. и 8 Пружан. (Мат. М.), *вёдра* — № 5 и 12 Слуцк., 8 Игум., *звёзды* — № 14 Новоалекс., 28 Себеж. (рядом со *звёзды*); *звёзды* говорят и в некоторых местах Новогр. у., *мядзвёдык* — Мат. Б. № 14 Новоалекс. Далее говорят *с'ӧж* (ст.-слав. **сѣкло**), *паб'ӧх* (**побѣгло**) (но Слуцк., прибег Мат. Б. № 12), *асл'ӧп* (ср. Малев. 8 Слуцк. *асьлёп*), хотя в последнем примере *ӧ* должно быть из *ё* (ст.-слав. **ослѣпѭтн — ослѣпло**). В Волков. у. можно слышать *б'ɛс'ӧда* (ст.-слав. **бесѣда**): u biesiodzi (Федер. I, 213), biesiòdu (ib. II, 61), biesiòda (ib. 160), *гаршкал'ёп* (Малев. 3 Слуцк.).

Переход *ѣ* в *а*

Вследствие совпадения с *е*, будучи безударным, *ѣ* подвергается всем тем же изменениям, что и *е*, и поэтому переходит и в *а*, притом в тех же слогах и тех же говорах, в которых этому переходу подвергается и звук *е*. Но так как *ѣ*, как можно видеть из предыдущих отделов, перед твердыми согласными не обратилось в *о*, то посредствующей ступенью к его переходу в *а* было не *о* (*ё*), а *ӓ*.

Звук *а* (*я*) на месте *ѣ* в сильно акающих говорах в слогах перед ударением: ц*а*на́ (Шейн Б. П. № 90 Лепп.), надз*я*лю́, сц*я*на́ (ib. 79); смяшли́вы (ib. 123), пяю́ць (ib. 186) на месте *ѣ* вторичного, из **пѣжть*, сядзе́ли (ib. 13, **сѣдѣлн**), гнядо́й, сяде́ць (Мат. Б. № 27 ib.), р*а*ка́ (Шейн Б. П. № 47 Орш.), бягу́ (Ром. III, 292 ib.), сляпэ́й, ў сянёх

(Отч. 26 ib.), стра́льцо́в (Демб. 8.525 Бых.), на ца́па́х на зялезных (Ром. III, 95 ib.), дяда́ми (Мат. Б. № 16 ib.), дятёй (ib.), збяднёли (ib.), пяю́ць (Демб. 39.531 Чаусск.), рячёй (Ром. V, 5 ib.), сядии (ib. 93 Церков. вол.), бялёюць (Демб. 43.532 Могил.), бялок, бялмо, стра́льцы́, пынямецку (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), ра́це́ (Демб. 4. 581 Горецк.), спяши́ць (Ром. I—II, 100 Сенн.), к ра́це́ (Ром. III, 2 ib.), бяду́ (ib. 7), сякёру (ib. 19), сядзи́ць (ib. 36), отвяци́в (Ром. IV, 187 Черик.), сядзёци (Ляцк. Посл. 23 Борис.), цалёйшы (ib.), граха́м (ib. 33), на страсе́, бя́жы́ць (Мат. Б. № 6 Диснен.), мидзьвядзя́ (и *мидзьвидзя*, ib.), гняздо́, звязда́, лячы́ўшы, пясо́чак, смяя́ўся (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), ў сянёх, ля́сы́ (ib. № 14), цана́, пяску́, дзяцюко́м, свяя́цца, бялёнькага (Мат. Б. № 13 Свенц.).

В слогах после ударения: дзвёсця (Ром. III, 196 Бых.), ў ви́дяў, ўри́дяли (Мат. Б. № 9 ib.), ў ле́ся, ба́бя (ib. № 6 Диснен.), ў гаро́ся (ib.), уви́дзяли (ib. № 13 Свенц.), на пракóся (Кар. 65 Трок.), ви́дзяли (Отч. 4 Новоалекс.), нявольня (из *невольнъ* — нельзя, Отч. 9 Иллукст.), канёчня (Ляцк. Посл. 26 Борис.), кошца сьмех, а мышца сьмерць (ib. 18), на торзя (ib. 50), у поця (ib. 56); из неизвестной сильно акающей местности: ў го́родя (Бесс. Б. П. 6), ў горо́дя (ib. 46), а ў ле́ся, у ле́ся, да на ве́ряся (*веряс* — вереск erica vulgaris, ib. 15), по небя ходила (ib. 33), на ля́ўца (ib. 159). Рассмотренные говоры, кроме *а* на месте *ъ*, знают также и *и*, обыкновенно перед *а́*, а иногда в конечном слоге открытом, о чем речь у нас в другом месте.

В говорах умеренно акающих *а* на месте *ъ* бывает обыкновенно только в слоге, непосредственно стоящем перед ударяемым: бля́ды́й [бля́дый (Сл. Нос.) — полонизм]; грах'и́ (Дыб. 67 Посл. Новогр.) л'ака́рства (ib. 18), россяка́я (Кар. 32 ib.), бяжи́, подбяга́й (ib. 32), пояжджа́я (ib. 34), вяно́к (ib. 38), освяци́ (ib. 37), сядзели, сядзи́ць, сядзёць, дзяця́тко [К. Аппель («О белор. наречии», «РФВ» 1880, III, 221) и отзыв на эту статью Бодуэна-де-Куртенэ в «Филол. зап.», 1880], ля́сы́ (Ром. IV, 91 Рогач.), орахи́ (ib. III, 12); в Мат. Б. из Новогр. у: дзяўчы́на, дзяци́нка, бя́ды́, ў хляве́ (№ 24), цана́, дзяда́ми (№ 25), сядить, ямо́, яду́ть, мяшо́к (№ 29); из Слуцк. у.: бяда́ (№ 5), не наяжджа́йце, дзяўча́тки (№ 21); из Игум. у.: вядро́, засмяя́ўся (№ 8), яси́, бялёицца (№ 15); из Минск. у.: дзяўча́та, сляды́, грахи́ (№ 7), сустрача́ць, лястке́ (№ 23); из Вилейск. у.: дзяды́, размяни́, нямы́, сяку́ (№ 31); из Август. у.: слеепэ́й (№ 20); в сб. Малевича из Слуцк. у.: бялок, мяшо́к, бяда́, рака́, цана́ (9); у Розенф.: ни ўгнявици (58 Минск.); в сб. Федер.: Лидск.: siadzìć, wianoczku (1, 107), piaramianiu (III, 45), paprуb'ahali (ib. 62); Новогр.: bialèńki (III, 15), padbiažу̀ (ib. 17), śm̨aiúšo, śm̨aiómšo (Клих 59 ib.); дзятка́ми (Шейн. Мат. I, 42 Слоним.), сустрака́ла (Ром. V, 5 Гомельск.), дяды́ще (Ром. III, 34 ib.), пяски́ (Ром. I—II, 117 ib.), рака́, цана́, ляса́ (Мат. Б. № 17 Речицк.), сля́пы́, бяда́ (Отч. 27 ib.). В местах, лежащих к югу от означенных, в уездах Сокольском, Волковыском и отчасти Слонимском, затем в Мозырском и на границе

с украинскими говорами *ѣ* перед ударением сохраняется без изменения. В слогах, стоящих после ударения, в умеренно акающих говорах *а* на месте *ѣ* является очень редко: дзвéсця (Мат. Б. № 25 Новогр.), вы́сякли (ib. № 29), ў ро́тя (во рту, ib.), paĥib*ia*l (**погъвѣлъ**, Федер. III, 18), уґи́дяли (Ром. III, 64 Рогач.), ле́пяй (Мат. Б. № 8 Игум.), ў ле́ся, ў ро́ця (ib. № 15), на це́ля (на теле, ib. № 7 Минск.), да́ляй (ib. № 23), ўґи́дзяў (ib. № 17 Речицк.), st*à*r*a*łasieb (старелась бы, Федер. I, 279 Волков.); довольно часто *а* на месте др.-русск. *ѣ* в им.-вин. пад. мн. ч. имен прилагательных: *но́выйа, с'и́нийа;* но здесь возможен также и *е;* иногда бывает звук неявственный; в Слуцком говоре, описанном Малевичем, «слышится звук более близкий к *я*, чем к *е*» (стр. 9): дварóвыя° (20), царския° дачкіе́ (21), у ніе́йкия° высокия° палацы (ib.). Подробнее об этом окончании в морфологии.

В говорах северо-восточной группы переход *ѣ* в *а* также наблюдается больше в слогах, непосредственно стоящих перед ударяемыми, так как после ударения, да и в слогах предударных, в зависимости от гласного, стоящего в ударяемом слоге, часто бывает *и* (о чем речь после). В слогах предударных: лясы́, ляса́в, дяды́, дявчи́на, цвятóк, сляды́ (Мат. Б. № 18 Витебск.), бялóху (Ром. V, 1 ib.), лясóк [Шейн Б. II. № 32 (Сураж.) Велиж.], с*а*ньми́, дзяцьми́ (Мат. Б. № 26 Себеж.), сядзе́ў, ц*а*ны́, ряки́ (ib. 28), пяскóм (Демб. 11, 526 Клим.), сядзе́ла (ib. 12. 536,); из неизвестной местности: стряльбу (Бесс. Б. II. 13), утяшатися (ib. 25); из Смол. губ.: твятóк, сякéтца, рязни́к (Добров. I, 7.11). В слогах, стоящих после ударения, в отмеченных говорах на месте *ѣ* обыкновенно бывает *и*.

Рассматриваемый переход *ѣ* в *а* находит отражение и в старых западнорусских памятниках. Но тут прежде всего следует исключить мнимые случаи такого перехода; таковы:

1) Явные полонизмы. Узнать их легко потому, что в них на *а* (*я*) обыкновенно падает ударение. Белорусский язык не знает *а* (*я*) на месте *ѣ* ударяемого. Встречающиеся очень редко в сборниках народных произведений формы, вроде bl*a*sk (Федер. I, 4 Слоним.), прямо взяты из польского языка. Иногда над *а* (*я*) ударения в заимствованных словах и не бывает, но зато оно занимает предпоследний слог, хотя в данном слове по-белорусски оно должно стоять именно на *ѣ*. Примеры несомненных полонизмов: се мало стати (62 Сб. XV в. Публ. б. № 391), преследованїе — пресладованїе (76 ib.), наслáдуючы (225 Сб. XVI в. Позн.), наслядовалъ (86 Статут 1588 г.), цаловáлъ (Ев. 1616 г. ѳ), цалы' (сaлу, 49б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), цалую ночъ (ib. 113б, 170б).

2) Не указывают на аканье и случаи, где на месте *е* стоит *а* (*я*), будучи вызвано условиями словопроизводства; таковы: поколя (гр. 1340 г.), докола (гр. 1349 г.), потоля (гр. 1383 г.), ѿтола (Лет. Крас. 81), ѿтула, кромя (33 Статут 1588 г.) и под. (приведенные у Недешева из грамот), нельзя (Псалт. XVI в. Рум. муз. № 335), нельзя

(Катих. 1562 г.). Во всех таких случаях в окончании можно видеть и особый суффикс, который вообще не редкость в древнерусских памятниках (ср., напр., частое *нынѧ*), да и в живых говорах, особенно под ударением: *окромя́*. Ягич («Критические заметки», стр. 48) видит в подобных случаях влияние деепричастий на *я*. Сюда же принадлежит *далеча* (169 Сб. XVI в. Чуд.), объясняемое отчасти фонетически: из *ѧ* после *ч* (ср. Шахматов, Исследования..., стр. 63). После всего сказанного более или менее надежных случаев перехода *ъ* в *а* (*я*) окажется мало: къ сѣлищю Крахаевъ (там же *Крѣхаевъ*, гр. XV в. Сб. Пал. Сн. Вил. № 3), ѵвидалъ (18 Сб. XVI в. Позн.), видалъ (284 ib.), видя сонъ (469б Евр.), ѵзралъ (205, 240 ib.), ядалъ (37 Гродн. Акт. кн. XVI в.), болазниви (87б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), състараѧсѧ (38 Псалт. XVI в.), иѧцаленіѣ (389 сб. XVI в. Чуд.), вылазъ (47б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), стараюсѧ (ста́раюсь, 106 Псалт. XVII в.).

Переход *ѣ* в *и*

Употребление *и* на месте *ѣ* довольно распространено в разных белорусских говорах. Но тут следует строго различать явления фонетические от морфологических. Тогда как последние в большей или меньшей степени встречаются почти повсюду в Белоруссии, первые свойственны только некоторым ее мостностям. Да и, кроме того, не все они одного рода: часть фонетических явлений вызвана сильной редукцией безударного *е* на месте *ѣ*, а часть возникла вследствие сильного сужения гласного *е* на месте *ѣ* под влиянием соседних палатальных согласных.

И встречается на месте *ѣ* ударяемого и безударного; сначала рассмотрим случаи первого рода. Тут есть случаи мнимого перехода *ѣ* в *и* и подлинные. Только кажущийся переход представляют, напр., предлоги *дли* (подле, Шейн Б. П. № 572 Лепп.), *ли* (ib. 409 Витебск.), в которых гласный собственно безударный, так как предлог тесно сливается с следующим за ним именем. Подлинный переход *ѣ* в *и́* можно наблюдать только на южных и северных окраинах, как плод влияния на юге — украинского, а на севере — новгородского говора. Впрочем, на севере *и́* на месте *ѣ* часто возникает и вследствие палатализирующего влияния соседнего согласного: *ись* (ест, Этн. сб. 257 Ржев). Несомненно, севернорусское влияние в *и́вный* (Пореч.), съедобный (Добров. IV, 264). На юге *и́* вм. *ѣ* в уездах Гомельском и Рогачевском: дзи́д (Ром. III, 26 Рогач.), ня умию (ib. 92), зьи́жця, си́ли, хли́ба (ib. 89), ли́с (ib. 88), утви́щаа (ib. 27), зъи́ли (Ром. IV, 103 Гомельск.), поби́г, би́гав (ib. 102), изди́лана (ib. VI, 61 Гомельск.); изредка в некоторых местах Слуцкого уезда: си́лы (сели), ли́с, умию, си́ни (сени) (Малев. 9); ли́ва (левого, Шейн. Мат. I, 95 Мозырь), пос(и)хаў, копиек (Отч. 28 Лахва Мозыр. у.), пое́(и)ду, собе́(и) (Отч. ib. Петриков Мозыр.), захоци́ў, ми́(е)сяц, не дзи́(е)лаў (Отч. 28 Лунинец и м. Лунин Пинск. у.), дзи́(е)д, хли́(е)ба, ули́(е)з и др. (ib.

29 Дятловичи), zo dźwi nidzièli (Федер. II, 227 Волков.); в отдельных словах изредка встречаем *и́* на месте *ѣ* даже в Новогрудском уезде: cýlnu noč (Клих, 28), cýłuju pózu (ib. 38), praz l'iwo (l'iǫo) vúxo (ib. 152, но там же paję́xoǫ, l'eś); из неизвестной южной местности у Бессонова Б. П.: *бис* (бес, 57), соби́ (ib. 41), гори́ли (ib. 82).

Безударное *ѣ* переходит в *и* в тех же местностях и при тех же условиях, при которых является *и* и на месте *е*, т. е. в северо-восточной области Белоруссии и отчасти в средней, соседней с ней, с сильно акающими белорусскими говорами. Сказанное, однако, больше касается слогов, стоящих перед ударением. В слогах, стоящих за ударяемыми, *и* на месте *ѣ* очень обычно в дательном и местном падежах имен в разных говорах отчасти и вследствие влияния мягкого различия на твердое; иногда *и* в этих формах заходит даже под ударение. Также и в немногочисленных случаях появление *и* на месте *ѣ* безударного в глаголах не обошлось без влияния основ на *-и*. Кое-где на *и* из *ѣ* в умеренно акающих белорусских говорах взглянем как на сужение звука *е* под влиянием соседних палатальных согласных. Приведем примеры. В слогах предударных в северо-восточных говорах *и* на месте *ѣ* обыкновенно бывает перед *а* ударяемого слога, переходя в *а* перед другими гласными; в говорах, лежащих к юго-западу, также попадается безударное *и*, хотя и реже и не только перед *а* ударяемым: *бида́*, стриля́ць, пы *дида́х*, *лиса́ми*, у дьви́нанцытым годи (Мат. Б. № 18 Витебск.); то же в слогах, удаленных от ударения к началу: *викува́ць*, *лисово́й*, *ризани́*, *ризако́м* (ib.), зры́жа́лыся (**рѣдъкъ**, Шейн Б. П. № 138 ib.), *рика́*, *цына́* (Мат. Б. № 26 Себеж.), *пия́ць*, *бидава́ць*, *звизда́* (ib. 28), *линьця́вый*, *рыка́*, *дзида́ми*, *лика́рства*, (Мат. Б. № 4 Могил.), *а́твича́я* (ib. № 9 Бых.), *пияць* (=петь, ib. № 14 Новоалекс.), *ида́ли* (Шейн Б. П. № 145 Сенн.), *запи́яв* (Ром. IV, 87 Велиж.), *рыпився* (Ром. III. 305 Бых.), *сине́х* (Шейн. Мат. I, 355 Лепп.), *рыка́* (ib. 8 Витебск.), *дзицёночка* (ib. № 6 стр. 22 Смол.), но *сыножаци* (ib. 236 Минск.), *бида́* [ib. 106 Виленск. губ. (из Киркора)], *бида́* (Ляцк. Посл. 4 Борис.), *падсива́ла* (ib. 10), *адвича́я* (ib. 12), *миня́я* (ib. 21); в Смол. губ.: *стриля́ть*, *бида́* и т. д. (Добров. 1. 7. 10). Относительно говоров Витебской губ. интересно наблюдение Шейна (Б. П., 528), который говорит, что в середине и на конце *ѣ* переходит в *и*, после *р* в *а*, в начале слов в *я*. В говорах, лежащих южнее, *и* в слогах предударных очень редко: *звинчаў* (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 192 Белост.), *стрила́* (ib. 54 Новогр.), *насмиетца* (Шейн. Мат. I, 273 Слоним., если здесь не подражание старинному неопределенному: **емнатися** при настоящем **смѣкшнся**); из неизвестной местности: *литова́ло* (Бесс. Б. П. 49). В слогах, стоящих после ударения, по указанным раньше причинам *и* на месте *ѣ* в северо-восточных говорах господствует, а в юго-западных очень обычно на всей территории белорусского языка: *вы́исць* (Ляцк. Посл. 32 Борис.), *ў ро́ци*, *ба́би* (Мат. Б. № 18 Витебск.), *мущини* (Ром. V, 58 ib.), *ў леси* (Мат. Б. № 16 Бых.), *ў дарози* *су́жинька*, *у дарози*, | при-

вязаў коника к бярёзи (Шейн Б. II. № 631 Лепп.), на лютым марбзи (ib. 641), состáрившць (ib. 191), городзи (ib. 82), на колбдзи (Шейн. Мат. I, 33 ib.), при дарбзи (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), па цéли (= телу, ib. № 23 Минск.), у хаци (Шейн Б. П. № 467 Борис.), вы́вияти (Бесс. Б. II. 150 ib.), царстви, государстви (Ром. III, 254 Черик.), ў леси (ib. 10 Сенн., 163 Гомельск.), у доми [ib. 20 Сенн., I—II, 3 Белица (Гомельск.), IV. 202 Черик.], ў месци (ib. III, 20 Сенн.), ў рбци (ib. 37 Клим.), на ниви (Ром. IV, 46 Горецк.), по рынки (к им. пад. *рынок* 122, ib. 123 Сенн.), ў кусьци (ib. 188 Мстисл.), баби (ib. 219 Черик.), ў леси (ib. 216 Мстисл.), ў роци (во рту, Ром. V, 82 Вендор. вол.), правдзи (Ром. I—II, 11 Сенн.), у ворбтих (ib. 23 Рогач.), порози (Ром. III, 12 Сенн.), в дорози, к бярёзи (Демб. 267. 575 Могил.), кóлядзи (Шейн. Мат. I, 43 Слоним.), по лавци, по лапци (но *по липце, потылице*, ib. 22 Гомель), ви́дзили (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 54 Новогр.), ўмéсци (вместе, ib. 157), вы́лициў (Розенф. 8 Вилейск.), бáби, мáми, ў гарбси, ў рови, лáўцы и др. (Малев. 9 Слуцк.), adzieży stozi (Федер. I, 107 Лидск.), babi (дат. пад., ib. 296), ab dzièucy (ib. III, 44), u ùoziery (ib. III, 20 Новогр.), niejakòmś czasi (ib. I, 6 Волков.), u załatùm kzèśli (ib. II, 47 Слоним.), na tuom świeci (ib. 1, 6 Сокольск.), в шуби (Шейн. Мат. I, 161 Слуцк.), ў городзи (ib. 165 Пружан.); даже под ударением: саби (себе, Шейн. Мат. I, 61 Слоним.), na ruccy (на руке, Федер. I, 22 Волков.). Влиянием глаголов типа *любúць* следует объяснять появление таких образований, как: видзили (Кар. 70 Трок.), побольшившць (Ром. I—II, 285 Сенн.), вячериць (Демб. 279. 577 Могил.), ўцерпив (Ром. IV, 16 Горецк.), мы лядзúли (глядели, Ром. III, 28 Рогач.).

И старые западнорусские памятники знают переход *ъ* в *и*, сказывающийся в появлении в них *и* на месте ожидаемого *ъ* и *ъ* на месте *и*. Конечно, если в них мы встречаем *и* вм. *ъ* и *ъ* вм. *и* под ударением, то это будет не белорусская черта, а влияние соседних украинских или севернорусских говоров. Такие случаи, напр., в Летописи Авраамки XV в., где читаем, с одной стороны: ѻпрѣсночнаѧ (27б), в печениги (49), на нимци (63б), нитоу (нет, 94б), ѡришокъ (183б) и т. д., с другой — рѣзы (= ризы, 424), судѣти (374), свѣнѣны (свинины, 351 — при *свѣнѣни нѐ ѣсти* 350), заимствованные писцом, быть может, из севернорусского или юго-западнорусского оригинала[1]. Такие же случаи: свидительствуеть (37 Четья 1489 г.), терпити (11 Сб. XV в. Публ. б. № 391), надиѧсѧ (32б Супр.), възшѵмúли (61б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), в лúвици (в левой руке, 91б ib.), владúтелѧ (95б ib.), волóдителемъ (104б ib.), сѣдúти (106б ib.), дивера [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.) Витебск.], на дивера [Бел. Арх. II 1500 (XVII в.) Полоцк. (при *з деверичичомъ* (ib. 1533) XVIII в.], про-

[1] Ср. «Особенности письма и языка рукоп. сб. XV в., именуемого Летописью Авраамки» («Варшавские университетские известия», № III, 1899, стр. 11 sq.).

минялъ рядом с *променилъ* [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)], *тисно* жити [Бел. Арх. 1532 (XVII в.)], Обальцы — все с *и* ударяемым на месте ожидаемого *ѣ*, с другой стороны — *ѣ* вм. ожидаемого *и́*: творѣли (64, 166), асѣискии (193б), ѡлександрѣа (184), херовѣму (236 и др. в Четье 1489 г.), мѣръ, мѣра, мѣру (мир, 8 Супр.), построити мѣра и оустроиша миръ (9 ib.), пролѣлъ (161 Катихиз. 1562 г.), ѡполѣлъ (опалил, 117 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), вѣдета (= видета, 37б ib.), се в ней крѣли (= скрывались, 114 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) (зкрили — ib.). Несомненно, что все сейчас приведенные случаи смешения *ѣ* и *и* обязаны своим появлением украинскому влиянию. Кое-где, перед мягкими согласными, можно бы объяснить *и* из *ε* дальнейшим сжатием. В *досмотрили* (гр. 1398) (Собол. и Пташ. № 18), конечно, старина (**съмотрнти**). Не совсем ясна для меня причина чередования *е* (из *ѣ*)[1] и *и* в старинных произведениях да и в теперешней живой речи в слове *Минск:* около Менска (141 Сб. XVII в. Син. б. № 790), до Минска (ib. 144б), Менск (Мат. Б. № 7 Мин.).

Что касается случаев на *и* безударное из *ѣ*, то тут чаще всего встречается *и* в дательном и местном падежах имен существительных с основами на *-а*, *-о* и *-и* (ъ), напр., вѣр*и* (гр. 1388 г. Недешев), на рец*и* (гр. 1396 г. ib.), при Казимер*и* (гр. 1444 г. ib.), в Краков*и* (1595 г. ib.) и т. д.; в город*и* (122б Лет. Авр.), ѵ турм*и́* (146 Сб. XVI в. Позн., при ѵ *турмѣ*), в дѵши и тѣл*и* (31, 279 Сб. XVI в. Кунц.), на свѣт*и* (64б Сб. XVII в. Вил. № 107). Переходу *ѣ* в *и* в подобных случаях содействовала, кроме безударности слога, аналогия мягкого различия [ср. вышеприведенное *в дѵши*, ѡ *плачи* (36 Сб. XVII в. Вил. № 107) и др.]; здесь, значит, действие аналогии в сравнении с русскими говорами пошло как раз в противоположную сторону: в русском возобладало твердое различие, а в белорусском мягкое. Говоря о переходе *ѣ* в *и*, конечно, нужно устранить примеры, подобные следующим, приводимым у Недешева: у Вильн*и* гр. 1386, 1451, 1478, 1503 гг. и т. д., где местный падеж на *и* образован от именительного Вильна, каковое слово до сих пор живет в устах народа[2]. Замену *ѣ* через *и* можно встретить и в некоторых отдельных словах, именно: св*и*дительствуеть (37 Четья 1489 г.), пересм*и*ханыа (168 ib.), но первое слово с огласовкой корня *вид-* вм. *вѣд-* и в русских говорах, где *и* вызвано диссимиляцией со следующим слогом; во втором слове в *смих-* *и* могло зайти из *смиатисѧ*. Там же встрѣчаются слова *зацвила* (113), *свитающю* (150 ib.), но *и* в них

---

[1] В «Дополнениях и поправках» к 3-му вып. II тома «Белорусов» Е. Ф. Карского после *ѣ* стоит знак вопроса, во вставке, сделанной лично Е. Ф. Карским на полях авторского экземпляра 1-го вып. 1 тома «Белорусов», этого знака нет. (*Ред.*).

[2] В эту же категорию у Недешева лишь по недосмотру попали такие слова, как — слузѣ нашему Юркови Козенят*и* 1424 г. (где основа на ѧт), въ ширьк*и* полъ мили (где наречие ѵширки в своем окончании, вероятно, не представляет дат.-местного падежа, а скорее винительный множественного числа; если бы это была форма дат.-местного падежа, то еще произошло бы смягчение задненёбного).

старинное, а в русском языке *ѣ* обязано влиянию слов *свѣт* и *цвѣт*. Так же следует смотреть *на свитаю* (56б Псалт. XVI в.), *процвитае* (38 Сб. XV в. Публ. б. № 391). В целом ряде памятников нередко встречаются глагольные формы с *и* вм. *ѣ*, напр. Сб. XV в. Публ. б. № 391: не вид*и*ло (3), вид*и*ла (13б); Лет. Авр. XV в.: вид*и*ти (129б), вид*и*вши (7 Супр.); Сб. XVI в. Позн.: повед*и*ла (13), повед*и*лъ (18), ѡтповѣд*и*лъ (220); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: ненавид*и*лъ (95); Псалт. XVII в.: зненавид*и* (90). Во всех таких образованиях следует видеть скорее морфологическое, нежели фонетическое явление, — подражание глаголам с основой на *-и*, т. е. то же, что иногда наблюдается, как мы видели, и в современных говорах.

Наконец, отметим отдельные слова с *и* вм. *ѣ*, в которых *и* также иногда можно объяснять и не редукцией вследствие безударности гласного: покр*и*ти (38 Сб. XV в. Публ. б. № 391), д*и*тинность (ib. 63б) (в обоих случаях можно видеть влияние следующего слога), д*и*ля лѣпъшее твердости (гр. 1478 г.), ѡ м*и*рилѣхъ (369б Лет. Авр. XV в.), свѣд*и*нїа (6б ib.), ѡсел*и* (7б и др.), полатын*и* (228 Сб. XVI в. Позн.) при *полатыне*, л*и*карьс'твѡ (43 Тайна тайных XVI в.).

Случаи появления *ѣ* на месте *и* безударного, как: лѣхоиманию (251б Четья 1489 г.), помнѣли (90б Лет. Крас., хотя **помьнѣтн**), Швитрѣгаило (29 Лет. Увар. рядом с *Швитригаило*), изгнѣ̂ть (348 Лет. Авр. XV в.), по завѣсти, той зѣмѣ (ib. 252б), на оулѣцѣ (ib. 215 и т. д.), невидѣмою (171б Сб. XVI в. Чуд.), з' дóброй вóлѣ âнѣ (= анй), дѫшѣ нáши (кд Ев. 1616 и др.), загнѣлисѧ (9б Псалт. XVII в.) — хотя и можно бы объяснять переходом звука *и* в *е*, о чем у нас речь ниже, но ввиду того, что подобных случаев в живой речи вообще нет, лучше видеть здесь отражение влияния юго-западной графики, свидетельствующей о смешении в украинском языке звуков *ѣ* и *и*

Переход *ѣ* в *ы*

Основной славянский глагол **колѣбати** в одном старинном памятнике встретился с *ы:* акы колыбел *колыбалис* хоромы (Увар. сп. Лит. лет. 57). Сомнения нет, что мы имеем здесь дело не с фонетическим явлением, а или с украинским влиянием [*колибати;* впрочем, то же встречается и в старозападнорусских памятниках: колибалисѧ (85 Супр.)], или же с действием аналогии со стороны стоящего рядом слова *колыбель*.

Переход *ѣ* в *у*

На переход *ѣ* в *у* мне известен пока лишь один пример: стр*у*чая (= встречает, Ром. VI, 340 Бых.). Объяснение — несколько сложное — затруднений не вызывает. Безударный звук *е* из *ѣ* перед ударяемым слогом с *а́* перешел в *и*, а этот последний по какой-то причине лабиализовался, обратившись в *ӥ*, а затем в *у*.

ЗАМЕНЫ ОБЩЕРУССКОГО *и*

Общерусский звук *и*, насколько можно судить о нем по современным наречиям русского языка, был умягчителен. Эта его особенность сохранилась и в белорусском языке. В последнем, когда звуку *и* приходится начинать слово, перед ним бывает нёбный согласный элемент, того же самого образования, что и *і*, большею частью неявственный йот (*й* или *i̯*), а в некоторых случаях наблюдается и явственный *j*: jum, jŭm'ŭ, но — Йил'л'а [ср. i̯íwina, na i̯íḿeńo, i̯anýˊ i̯idúć (Клих 248 Новогр.), dau̯ i̯im (ib. 9), ńe i̯iźeśe (ib. 109), pa v́érxu i̯idúć, kal'iji i̯ahó (ib. 248), брат jим кажа[3] (Малев. 21 Слуцк.), jимя́, jи́каўка (ib. 10)]. Неявственный йот или *i̯* неслоговое (*й*) слышится перед *и* и в середине слов, после гласных: майи́м'и. В старинных произведениях *и* никогда не йотировалось, как и в современной русской орфографии; лишь два раза сделана попытка отметить это явление в Катихизисе 1582 г.: *и*ѩсточнѝкъ, *и*ѩные 2.

По своему происхождению белорусский звук *и* равен прарусскому и общеславянскому *i*: дз'*ив*'и́тца = ст.-слав. **дивитисѧ**, *йид*'з'*и́* = **идѧ**. Но в белорусском языке есть *и* и другого происхождения — из *і* неполного образования, стоящего перед *j*, в тех случаях, где в старославянских памятниках имеется **ьн** и **нн**, а в древнерусском языке тоже преобладает **нн**, хотя бывает и **ьн** (ср. Соболевский, Лекции, 4, стр. 229 sq.). В этом случае белорусский язык совпадает с украинским, тогда как русские говоры пошли по другому пути, развив из *і* неполного образования в указанном положении *ъ*, а затем *е*, вполне явственное под ударением. Образований с *-ий*, при русском *-ей*, в белорусском языке несколько, как то: а) Имена прилагательные на *-ий:* с'и́н'*ий*, а также имена существительные с подобными окончаниями: Іу́р*ый* (со вторичным отвердением *р*). Как видно из приведенных примеров, *-ий* обыкновенно стоит вне ударения, вследствие чего в данном отношении здесь *и* малохарактерно, так как подобный звук в белорусском мог бы получиться и из *е* безударного. Аналогичные случаи под ударением как бы говорят за *е:* верабе́й, салаве́й, змей, зме́йка (ст.-слав. **зм҃ьи — зм҃ии**, серб. *змај*), Іurèj (Федер. II, 305 Лидск.) [ср. śv́atýˊ Іurèi̯ (Клих 11 Новогр.), даже *мл адшей зяць* (Шейн. Мат. I, 615 Игум.)]. Несмотря на это, выдвигать рассматриваемую черту побуждает нас аналогия окончания именительного падежа единственного числа твердого различия, где и под ударением только *ы* (злы́й). О чем говорит история наречия, увидим после. б) В родительном падеже множественного числа имен существительных, но тоже только вне ударения: ко́ний (Шейн Б. П. № 165 Лепп., Ром. III, 5 Сенн.), гроший (Шейн Б. П. № 758 Витебск., Добров. I, 13.48—49 Смол.); *-ий* может сливаться в один звук: мала гроши дав (Демб. 150. 563 Могил.), кони добрых (Шейн. Мат. I, 587 Горецк.), ци кони ня меў (Розенф. 5 Вилейск.), сичас (Ром. III, 15 Сенн.), гро́ши*й*, ко́ни*й*, мидве́ди*й* (Мат. I. № 18 Витебск.). И здесь под ударением обыкновенно *е;* интересные в этом отношении фразы записаны под № 26 Мат. Б. Орш.: Ци ви́дзиў ты ко́ний, Пайду́ возьму́

канéй, всюду говорят: людзéй, свинéй, гусéй, курéй. Очевидно, в обоих рассмотренных случаях *е* явилось на месте *ъ* ударяемого, как в русских говорах, хотя во всех подобных случаях в старославянских памятниках и древнерусских имеем **ьн**—**нн**: **славьн, людьн** — **славнн, людни** (из др.-русск. примеры у А. И. Соболевского, Лекции, 4, стр. 229 sq.), и, следовательно, могли бы ожидать в белорусском *-ий*. 3) Исключительно господствует, и притом больше под ударением, *-ij-* в формах глаголов — в настоящем и повелительном, где в русских говорах *-ej* или *-'j-*: пошúй (Шейн Б. П. № 324 Лепп.), пошúи (Бесс. Б. П. 172), напúйся (Зап. V, 265), убúй (Шейн Б. П. № 153 Витебск.), шию (т. е. шújу, Зап. V, 256; Ром. IV, 61 Горецк.), пошию (ib. III, 16 Сенн.), вúся (= вейся, Дембр. 16.547 Могил.), ни (= ней, Шейн. Мат. I, 24 Борис., 4 Чаусск.), ня би жóнку (Ляцк. Посл. 46 Борис.), ni bi nas (Федер. I, 127 Волков.). Подобные же показания дают и ответы на белорусские программы, в которых такие формы отмечены везде, напр.: шыю, ни (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), напися (№ 5 Слуцк.), шыe, напúса (№ 12 Слуцк.), брúюся (ib.), напúйся (№ 7 Минск.), брúюсь (№ 16 Бых.), брúюся (№ 27 Лепп.), шúю, напúйся, брúюсь (№ 28 Себеж.), даже при обыкновенном белорусском *льлю́* (= лью, на месте осн. leją, ст.-слав. **лѣжѫ**) в некоторых говорах имеем: лию́ (Мат. Б. № 10 Мозыр., № 14 Новоалекс.); там же отмечено: ўлúйся (влей себе); шúючи (Розенф. 60 Минск.). Глаголы отступлений от выставленного положения не представляют. Очевидно, в них *и* поддерживалось влиянием неопределенного, где этот звук общеславянский. 4) То же сочетание *-ij-* наблюдается и в корнях некоторых имен существительных: шыйа (= шея): шыя (Мат. В. № 16 Бых.), шию (= шею, Кар. 63 Трок.), на шыю (Малев. 20 Слуцк.), змúя (Зап. V, 91), но здесь в *и* могло обратиться и *е* безударное, тем более, что под ударением в этом слове *е* (змéйка).

Звук *и* из *i* неполного образования, стоящего перед *j*, при старославянском **ь** и **н**, русском литературном и народном *е*, можно проследить и по старым западнорусским памятникам, но и здесь формы с *-ej-* тоже не редкость.

Так, с одной стороны, мы имеем: берестúискую, ѿ кнaзúй (гр. 1349 г.), на завьтрúѣ [гр. 1387 (22)], большúй (гр. 1406 г.), шúи (гр. 1433 г.), пѣнaзúй (род. мн. ч., I Сб. XV в. Публ. б. № 391), чúею моцею (8 ib.), за шúю бьють (7 ib.), ѿколо шѣ (29б ib.), 8 йоудúй (42 ib.), Евнутúй (Лет. Вил. I), Кестутúй (ib.); Кестутúи отець (Лет. Увар. 27); отметим еще: Юрьúи (13 Вил.), третúй (2 Лет. Авр. XV в.), антонúй (60 ib.), до шúи (359б ib.), лактúи 11 (род. мн. ч., ib.), волостúй (172 ib.) и т. п.; даже попадаются там же написания, как: Юрьи (60), днúй (84, 100, 117, 223 Сб. XVI в. Позн.), людúй (189 ib.), конúй (218 ib.), панúй (74 ib.), зъ змúемъ (118 ib.), змúи (146 ib.), змúя (106 ib.), забúѣть (123 Сб. XVI в. Крас.), за шію (вар. *шією*, 259 Статут 1529 г.), боже мя убúи (122 Статут 1588 г.), грошúй (25 Гродн. Акт. кн. XVI в.), конúй (27 ib.), бúйте на мою шію

(51 ib.), шиею выдати [Бел. Арх. II 1532 (XVII в.)], шїи (75 Тайна тайных XVI в.), на шиѝ (21б ib.), днии (Библ. Скор. 1 15б), бии (Ц 173б), биитесѧ (Ц 205), напиисѧ (Б 42), излии (Пл 7), вылии (С 14б), на шиѝ ѣго (24б Ев. Тяпин. 1580 г.), шиѧ (84 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ѡ шїи (за шеи, 113б ib.), вылїй (82б Псалт. XVI в.), бїй мѧ (10 ib.), побиѣшь (56 ib.), бїите (83 ib.), змиѝномꙋ (57б ib.), шиѣ (= шеи, 129 ib.), шию (ib.), ѳленїи (29б ib.), неприатели (род. пад. мн. ч. -лиѝ, 31 ib.), небе҃пѣ҃ностиѝ (127 ib.), ѳеностиѝ (75б), ѳсправе҃ливенїй твои҂ (122 ib.); шїю (102б Сб. XVII в. Вил. № 107), побию (3б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), забию̃ (7 ib.), ѡбиешъ поло҃ (167б ib.), локти҄ (2б ib.), мужобиицꙋ (103 ib.), на шию (36б ib.), шию (143 ib.), мужи҄ (79б ib.), боли҄ (ib. 145б), ильжиш҄е (154 ib.), выли҄ гнѣвъ (71б Псалт. XVII в.), бию̃чи (75 ib.), ѡстриѣ (90б ib.), шию (150б ib.), ѡ крови҄ (40б ib.), дни҄ (138 ib.), зми҄ то҄ (109б ib.), много трꙋдностиѝ (50 ib.), справе҃ливо҃ти҄ (138б ib.).

С другой стороны, те же памятники дают немало примеров и с *-ej-* ударяемым и безударным: Грамоты: Юрѣй (гр. 1499 г.), Деонисей (гр. 1497 г.), третея (1486 г.), Софея (гр. 1405 г.), линѣю (гр. 1480 г.). Сборник XV в. Публ. б. № 391: рожай чл҃вчей (3), марей (10), тиверѣѣви (23б), тиберею (24), зы ѝндеи (40). В приведенных собственных именах *ѣ* в сочетании *-ej-* на месте иностранного *i*, так что эти примеры менее ценны, чем другие. Далее: излею (7 Ист. Сб. XV в.), хотя здесь можно видеть и старину (**излѣѭ**) и даже полонизм, но только не в приставке. Летописи XV—XVI вв.: Евнутеи (27 Увар.), Кестутей (3 Вил., 5 ib.), Дм҄итреи (66б Крас.), Димитреевъ (42 Увар.), Дмитреевіча (11 Вил.). Летопись Авраамки XV вв.: по особенностям письма данного произведения *-ej-* больше передается через *ѣй*, хотя в последнем можно бы видеть и *їй:* рыбѣй хвостъ (23б), животворащей крт҃ъ (24), нектарей (34б), игнатей (68б), кейстоутей (94б), волостей (171б), чернихъ людей (66б), василеи (96б, ср. 90б), дмитрею (270), копейнымъ (60), бес трѣй кунъ (400), конѣй (138б), василѣй (96), григорѣй (162), левонтѣи (54б), ѥремѣѧ (16), сѣгорѣ цр҃квѣй (с҃ѣі. 54). Сборник XVI в. Позн.: днеи (19, 103, 129), ѡдну змею (145). Статут 1529 г.: самъ третей (381), на третей рокъ (162). Статут 1588 г.: зымене҄ (46), именец҄а свои (72), жеребе҄ (404), назавтрее (152), дозавтрее (237), поветрее (155), копея (28), иншую матерею (24), апеляцеею (244), канъцляреи (35, в трех последних случаях *е* в *-ej-* из иностранного *i*). Гродн. Акт. кн. XVI в.: Василей (3), копѣю (76), комисѣю (21). Бел. Арх. I: копею (1588), пан Василей (1603); II: самъ третей [1530 (XVII в.)], на Ѡвъдокея [1531 (XVII в.)]. Тайна тайных XVI в.: зодѣи (63б), зодѣа (79), со скорпеѝ (73), на козеи ро҃ (61б). Библия Скорины XVI в.: жребеи (Пр 4б и др.), иней (1 11 и др.), змеи (Д 39), заповедеи (Д 12), ѩблонеи (ПП 6б), ѳшеи (Ср 44б), днеи (Д 26б), конец (Ц 198б и т. д.). Катихизис 1562 г.: Лаврѣ҃тей

(6 посвящ.), поньте́истем' (111б), больше́и (33б, хотя последнее могло образоваться и по аналогии с *новъи*). Евангелие Тяпинского 1580 г.: поколенеѝ (27). Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: безаконеи (50), мьстеи (65), зелеѝныхъ (86), вылеютсѧ (50, если это не полонизм — wylewać), ѡ҃блею҃ (86б). Псалтырь XVI в.: людеѝ покорны᷑ (19б), ты᷑ людеѝ (20б), манасеѝ (59б), приказанеи твои᷑ (119б, 122б), змеѧ (93б), зам'еевы̀и (135), злосте' (72), повѣтрее᷒ (68б), жеребеѝ (23б). Так же, вероятно, следует смотреть и на формы лепеѝ (86), бо̀леѝ (52, при ст.-слав. **больи**), хотя в таких случаях можно видеть и отражение форм на *-ъи*. Сборник XVII в. Син. № 790: Юреѝ (142, 167). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: локте' (2б).

Если рассмотреть приведенные примеры на *-ej-*, то нельзя не заметить, что они принадлежат к случаям, перечисленным нами в пп. *а* и *б*, т. е. они отражают те же явления, какие отчасти замечаются и в живой речи, знающей в этих случаях под ударением обыкновенно *-ėj-*. Безударное *-ej-* старых западнорусских памятников отчасти отражает живые явления, которые тогда могли быть, отчасти же подражает случаям ударяемым. В некоторых примерах в ударяемом *е* просто можно видеть обычного заместителя прарусского *ъ*.

www.ruslang.ru

Переход *и* в *ы* или звук, близкий к последнему

Рассматривая приведенные по разным поводам примеры на *и*, уже можно было заметить, что на месте последнего иногда является *ы*, напр., после вторично отвердевшего на белорусской почве *р*. Переход этот *и* в *ы* находится в зависимости от согласных, предшествующих *и*. Так, после шипящих *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и *р*, где он тверд, а также после *ц*, равного общерусскому *ц*, вместо *и* обыкновенно бывает *ы*, причем если за таким *ы* следует мягкий согласный, то он, конечно, бывает несколько у́же, скорее *и*᷒; в окраинных говорах, примыкающих к русским, вполне определенный *и* бывает и после *ч* и *щ*. Сборники белорусских народных произведений обыкновенно не отмечают или отмечают очень непоследовательно эту черту; не лучше обстоит дело и в ответах на разосланные Академией наук белорусские программы; зато польские сборники белорусских народных произведений (Федеровского и Клиха), держась польской графики, в таких случаях всегда пишут *y* (*ы*). Ударяемость и безударность слогов здесь не имеют никакого значения. Приведем примеры: *лежы́* (Шейн Б. П. № 97 Лепп.), *пяры́на* (ib. № 91 Диснен.), *хло́пчыки*, *жабру́ючы* (ib. 86 Витебск.), *бачыў* (ib. 98 Лепп.), *шы́я*, *щы́рый* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), *цыга́н* (ib. № 5 Слуцк. и т. д.), *žy̆lì*, *wièry̆li* (Федер. III, 3 Сокольск.), *czy̆sto* (ib. 4 Волков.), *szy̆jami* (ib. 5 Сокольск.), *šy̆dár* (Клих 208), *žy̆ła* (ib. 220), *čy̆nĕ* (ib. 177) и т. д. Во всех приведенных случаях тонкий слух, быть может, заметит некоторое отличие от настоящего *ы*, именно *ы*᷒, а перед мягкими согласными даже *и* (*жы́*᷒*ла* и *жи́*᷒*л'и*).

Звук *ы*, или очень близкий к нему, получается также на месте начального *и*, стоящего после предлога, оканчивающегося на твердый согласный. Очевидно, твердость предшествовавшего согласного содействовала устранению того палатального элемента, который обыкновенно бывает перед начальным *и*. Согласный предлога перед *j* или *i̯* не мог стать сам мягким, так как этому мешала аналогия большинства случаев, когда за предлогом следуют слова, начинающиеся с твердого согласного. Примеры: адышбў, зыскаў, падыгрывае и т. п.; особенно часто это *ы* появляется в форме глагола *ишоў*, куда *и*, как увидим после, зашло из настоящего времени и вследствие своей безударности может обращаться в *й* (йшоў). Когда после предлога это *и* перешло в *ы*, оно часто после себя еще восстанавливало *й:* обыйшлá (Шейн. Б. П. № 625 Лепп.), подыйшла (Ром. III, 7 Сенн.), адыйшоў, зыйшлися, сымáць (Малев. 10 Слуцк.). Иногда *ы* и после других проклитических или энклитических слов: как *Ывáн* (Ром. IV, 134 Могил.), *пан ы мужык* (Малев. 20 Слуцк.).

Появление *ы*, или звука близкого к нему, на месте *и* после вторично отвердевших согласных, а также после искони твердых известно и старым западнорусским памятникам, начиная с древнейших. Так, в них мы читаем:

1а) после шипящих: Дружыловичъ (гр. 1406 г.), будучымъ (гр. 1480 г.), зачавшы (гр. 1480 г.), чтучы [В. А. 23 (1535 г.)], дожыдающе (98б Лет. Авр. XV в.), ѵставшы (Сб. XVI в. Позн.) (ср. Archiv f. sl. Phil. IX, 364), нищыѵ (4 Тайна тайных XVI в.), овощы (163б Сб. XVII в. Син. № 790) и т. д.; б) после *ц:* в средцы (6б Ев. Тяпин. 1580 г.), на правицы (111б Псалт. XVI в.) и т. д.; в) после *р:* пры боку (гр. 1480 г.), сотворыши (35 Лет. Увар.), рыᵐскаво (159 Сб. XVI в. Чуд.), агары (15б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) и т. д.;

2) после твердых согласных в предлогах: из ыное (XIII в.) (Соболевский, Смол.-полоцкий говор), сыною братьєю (гр. 1386 г.), ізыідеть (ок. 1400 г.), отышолъ (гр. 1499 г. Недешев), вы̀ншихъ [(=в инших) В. А. 20 (1526 г.)], зы̀ншихъ [(=из инших) В. А. (1503 г.)]; Привил. 1457 г.: зыйдеть (32); Сб. XV в. Публ. б. № 391: с ыными (40), сы йсрагелѧ (41), зы йндеи (в последних двух примерах еще восстановлено первоначальное *и*, так что *ы* отнесено к предлогу), зымаютъ (1), зымати (ib.), зымали (ib.), ѿд ыныхъ (54б); Ист. Сб. XV в.: изымаша (57); летописи XV—XVI вв.: ѵ вызбахъ (254 Позн.), зы менѧ (240 ib.), ѵзыйти (235), зышлисѧ (239 ib.), ѡдышла (288 ib.) и т. д.; Лет. Авр. XV в. в предлоге *кы* вм. *къ:* кы изборьскоу (93), платити кы йстъцю (391б); и здесь *ы* собственно на месте *и*, стоящего после твердого согласного: кыстьцю, кызборьску; *и* в приведенных примерах восстановлено вторично; Литовские лет.: ѵзыйти (235 Позн.), зымѣнѧ (240 ib.), ѵвызбахъ (254 ib.), и в ызбаˣ (492 Дубр.), оув ы̀баˣ (66б Археол.); Сб. XVI в. Позн.: зыншими (224), выншыхъ (214), зымали (8), выгре (55), ѵвыную землю (6)

ѵвышную землю (23), ѡдыйме (191) и т. д. (Archiv IX, 360); Статут 1529 г.: въ ыншихъ и выншихъ (173). Статут 1588 г.: выньшомъ (181), зыменя (30, 11, но там же *зъ именя*); Гродн. Акт. кн. XVI в.: одыищетъ и отищетъ (27); Бел. Арх. I: обыходятъ (1577), з ыншыми дворы (1548), обыйтисе (1605); II: у в ыменю, у в ыйменье [1533 (XVII)], у в ыйменьи своемъ [1539 (XVII в.), 1533 (XVII в.)] у в Ыйвана [1538 (XVII в.)]; Библ. Скор. XVI в.: отышолъ (С 10б), одышла (Ц 14), сынымъ (Ч 15), зыними (Э 3б), изыму (МПК 81), обышедъ (14б), сысподу (Б 53б), предыдаху (Б 60 и др.); с восстановлением *и:* изыйде (С 32), обыйду (ПП 5), обыйметъ (ПП 4б), предыйдуть (А 79 и др.); Ев. Тяпин. 1580 г.: зыщеть (23), ѻтышолъ (26б, 29б), ѻтышлї (31); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262 г.: выныхъ (1), възышо[д] (104), възышли (84), ѡтыимайс[я] (96б), ѡбыще (87б); Псалт. XVI в.: зышла (11б), прев[з]ышли (39б), ѡбыходй (55), оузышо[у] (80), возыска[х] (34), возыще (ib.); с восстановлением *и:* ѻтыймѵтсѧ (13б), ѻбыйме и[х] (35), єсли взыидѵ (34б), зыиди (138), выйде (140); Сб. XVII в. Син. № 790: увышолъ (172б); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: зыститсѧ мова твоѧ (130), зыстѧ (148) (з-истится, исполнится); Псалт. XVII в.: вы'ме (3б).

У Скорины иногда встречаются формы вроде *възойдемъ* (Б 64), *обойманіе* (Л 50), где образование такое же, как в современных русских говорах. Не думаю, чтобы это было живое явление в Полоцкой Белоруссии XVI в., попадающееся у Романова (IV, 186 Черик.) *соймеш* мне странно; таково же *адойдзиш* (Ляцк. Посл. 10 Борис.). Очень может быть, что такие формы являются плодом русского влияния.

В южных белорусских окраинах спорадически можно встретить на месте *и* звук *ы* иного рода — просто украинскую особенность, зашедшую в белорусские пограничные говоры (напр., около Любеча, ср. Отч. 24). В старинных западнорусских памятниках также иногда попадается подобная черта, объясняемая либо украинским происхождением писца, либо украинским оригиналом, с которого копировал данное произведение переписчик; иногда в *ы* на месте *и* после *д* и *т* можно видеть и полонизмы. Примеры: на твердосты, милосты (гр. 1499 г. Константина Острожского), ровнаты и подвышаты (гр. 1409 г.), Вытовътовымъ (ок. 1400 г.); Позн. Сб. XVI в.: Володымера, змовывшися (Бодянский, О моих поисках..., стр. 9, 10); в Лет. Авр. XV в.: вымъчаты (4б), портыща (37б), люды кр҃ти (48), на пло[щ҃а]ды (124), а кѷзый ростовьскыхъ (113б), не вылазыти (397), в свасы (126), истребы[д] (47), быюще (221б), в кыевы (380б), выдока (389), выдаи мы (177), поушкамы бивъ (184) и др. Есть даже случаи смешения *ъ* = *и* с *ы:* ныции (19б, = неции), ѻубъткъ (убытки) исчести (156), монастърѣ (204). Вероятно, писец Летописи Авраамки был южного происхождения, или по крайней мере из Полесья, хотя и жил в Смоленске. Встречающиеся у Скорины случаи с *ы* на месте *и* объясняются как полонизмы: Филистымланомъ (Б 47), Едысы (Э 5б), Іосыфъ (Б 7б),

сыклевъ (Ч 66 и др.); Сб. XVI в. Кунц.: Константына (1); Сб. XVII в. Син. № 790: видымый, зымовалъ (152б); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: Филистыно (145, везде *ы* в этом слове), в быблѣи (71б, при *библѣи* 73б).

Наконец, *ы* на месте ожидаемого *и* в отдельных словах в той или другой местности. Таково, напр., *Мыки́та* (Шейн Б. П. № 254 Лепп.) из *Никита*, наверное, сближенное со словом *мы́кать*; или *найдзы* (не иди), если это не описка: Найдзы ве́дзьма | У моё жи́та (Шейн Б. П. 268 Сураж.); розы́нок (ib. 32, = польск. rodzynek); гысподы́н, уны́кнуць (но: зни́ку ни даець), сны́тка (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), на ijè *zy*ryli (смотрели, Федер. II, 101 Волков.), *сы*за голубка (Розенф. 13 Вилейск.).

Переход *и* в *й* (и *у*)

Если произнести *i* слишком лабиально (а таким оно бывает, когда, напр., перед ним и после него стоит губной согласный), то получится звук, изображаемый в немецкой азбуке посредством *ü*, напр., zab'üwáje (Клих 19, 241 Новогр.), pazab'*и*цáтyje (ib. 241). Сюда, вероятно, относится: присмо́тр*ю*вали (рмв б. Ев. 1616 г.). После вторично отвердевших согласных это *й* может перейти в *и* полного образования или в краткое: муж*у*ки́ (Ром. VI, 91 Горецк., Мат. Б. 9 Бых., 28 Себеж., 18 Витебск.), ж*у*рува́ць (ib.), ц*у*рува́ць (ib.), мужы̆ка́ (Ляцк. Посл. 28 Борис.). Во всех приведенных случаях *у* могло явиться и под влиянием соседних слогов с таким же звуком. Сюда принадлежит и parazwièszй̆wali (Федер. I, 95 Волков.).

Переход *и* в *е*

Говоря о переходе *и* в *е*, следует различать два рода явлений; одни представляют действительно переход *и* в *е*, или точнее — появление *е* на месте неопределенного звука, заменившего сильно редуцированное *и* безударное, другие явления представляют мнимый переход *и* в *е*, так как в последнего рода случаях *е* ударяемое явилось непосредственно из *ь* ударяемого, хотя и стоящего после *j*, каковая группа (*jь*) в русских говорах дает *и*.

Сначала рассмотрим появление *е* на месте *jь*. Сюда принадлежат некоторые формы слова *jайцо́* и производные от него с ударением на суффиксе: jайа́ц, jайєчко, jайа́шн'а [ср. я́чки (Шейн Б. П. д. № 90 Лепп.), яец (Ром. III, 1 Гомельск.), яец, яечка, яечня (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 29 Новогр.), яешня (ib. 5 Слуцк. и т. д.), иєц, иечко (ib. 18 Витебск.), еец, еечко, еечня (ib. 30 Речицк. и др.); в том или другом виде эти слова общебелорусские]; трайа́цк'ий = Троицкий; такое произношение названий местных урочищ тоже общебелорусское (ср., напр., Мат. Б. № 7 Минск., 9 Бых., 13 Свенц., 17 Речицк., 26 и 28 Себеж., 27 Лепп., 18 Витебск.; в самом Витебске официально называются: *Троє́цкая церковь*, *Троє́цкое кладбище*, к которым ведет

Трое́цкая ул., в Минске есть *Трое́цкая гора*). Первое слово, имеющее отражение и в старинных памятниках [ср.: по десети ѥцъ (Бел. Арх. II 1531) (XVII в.), ꙗ̀ѣч'номъ (28 Тайна тайных (XVI в.)], выводится из *jajъцé*, род. *jajъць* и т. д.[1], а второе [тоже встречается в старинных памятниках: троецкиѣ (Бел Арх. I 1624), троецъкого (Бел. Арх. II 1532) (XVII в.)] из *трojьц-*, так что форма с *е* представляется совершенно правильной заменой основной (ср. «Известия» 1903, № 2, стр. 338, 341).

Другие случаи с ударяемым *е* на месте ожидаемого *и* больше морфологические явления, как: пячé (род. пад., Мат. Б. № 2 Сокольск.), u naczyjè (Федер. I, 271 Волков.), хвалéце, tyszyecie (Федер. I, 316), садзецеса (Шейн. Мат. I, 88 Речицк.), и др., о чем речь в своем месте; таково же *своéми* (Э. С. III, 207), образованное, как *теми*. В Бел. Арх. I: з жыдами тамошнеми (1604).

При дальнейшем рассмотрении случаев действительного перехода *и* в *е*, обыкновенно безударного, следует иметь в виду, что такой переход иногда можно рассматривать как полонизм; иногда в формах с *е* можно видеть и старинные образования, сохранившиеся в народной речи. Так, довольно обычно в некоторых говорах, примыкающих к польским областям, образование глаголов вида несовершенного с *е* (основное *ѣ*) там, где в русских говорах *и:* умерaиць (но и umirać, Федер. I, 7 Волков.), збералися (Мат. Б. № 13 Свенц.), сберáлися (Бесс. Б. П. 1), утерáючи (ib. 90), сберáла (115), прибераецца (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 82 Новогр.), прибераць (ib. 187 Минск.), aziernùsie (Федер. II, 62 Волков.); то же и в старинных памятниках: Сб. XV в. Публ. б. № 391: зажегали (55), оуберали (77б); под влиянием таких случаев *е* в *оусмери* (82); сюда, вероятно, принадлежат и *изоумелисе* (34б, 37), *творели* (56) — с *е* ударяемым; Катих. 1562 г.: розбѣралъ (39б, отсюда *розбѣранью* 113б), ѡберaѣть (23б), ѡберати (67), съберати (48), ѡмераючи (133б), затѣрають (47б), дозерати (67), незапераю (196б), роз'жегаѣть (155); Сб. XVI в. Кунц.: запирали (68б); Бел. Арх. I: выберат (1605). Не знаю, как смотреть на сохранение в белорусском языке основной славянской огласовки глагола **сѣдѣти**: видеть ли здесь старину, или же польское влияние (siedzieć); ввиду распространенности глагольного корня *сѣд-* в современных белорусских говорах и старинных западнорусских памятниках вероятнее первое. Так, *сядзѣць* из *сѣдѣть* мы имеем, напр., в Могил. губ. (Мат. б. № 4), Слуцк. (ib. 5), Свенц. (ib. 13), Лепп. (ib. 27) и др.; седзючы (Шейн. Мат. I, 26 Борис.); в старинных памятниках: седять (гр. 1492 г.), седѣлъ (7 Вил. лет.), седелъ (28 Гродн. Акт. кн. XVI в., Ев. Тяпин. 1580 г. 39, 95 Сб. XVI в. Позн.), седить (96 ib.), сежу (286б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), седишъ (73 Псалт. XVII в.), седи (25б, 102 ib.), седѣли (104 ib.). В таком же положении образования от старинного **помьнѣти**, польск.

[1] Несколько иначе представляет дело Р. Ф. Брандт. Лекции по исторической грамматике русского языка, стр. 42.

pomnieć; вспо^{м}нѣвши (14б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), по^{м}нѣлъ (285б ib.), помнели (291б ib.), запомне (35 ib.), вспомнелъ (61б Псалт. XVII в.), в'спомне (107 ib.), запомне (62б). Таковы же — щаде́ти (61б Тайна тайных XVI в.) при ст.-слав. **штѧдѣтн**, смѣетца (Ром. IV, 16 Орш.) при ст.-слав. **смѣѥтъсѧ** (неопр. в белорусск. правильно *с'м'ија́тца* = **смѣѥтнсѧ**), сверѣпи (9 Лет. Вил. XV в.) = **сверѣпъ**; в *дѣтѧ* (89б Лет. Крас. XVI в.) старина (**дѣтѧ**) или полонизм (dziecię); полонизмы в *столеч'ников* (3 Тайна тайных XVI в.) (stołeczny), *метрополит'ан'ске* (74 Сб. XV в. Публ. б. № 391) (metropol.), *залева́итца* (Этн. Сб. 259) (zalewać). *Е* вм. *и* в собственных именах, как *Казимеръ* [гр. 1444 г., XV в. (Б. А. I)] и др., должно найти такое же объяснение, как *е* в *Володимеръ*, преобладающем почти во всех древнерусских памятниках (ср. «Русское правописание» Я. Грота, 5, стр. 59, вын.). Наконец, не следует видеть перехода *и* в *е* в таких случаях, как *вѣдѣти* (89 Сб. XVII в. Вил. № 107), *вѣдета* (37б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), *ѡполѣлъ* (опалил, 117 ib.) и др., рассмотренные раньше, когда говорили о смешении *ѣ* и *и*. Здесь *ѣ* даже под ударением. Правда, в галицко-волынском наречии, как отметил А. И. Соболевский («Очерки», стр. 100), тоже встречается переход *и́* в *е́*: *же́дове*, *ме́ро-сь*, *прине́че* и т. д., но и в этом случае примеры в западнорусских памятниках, подобные вышеприведенным, не могут считаться туземными. Странны и для меня непонятны случаи, встречающиеся в Тайне тайных XVI в.: *ѝс'крѣнешь* (17), во *к'не́зе накратовѣ* (в книге Иппократовой, 50б). Повидимому, писец, видя употребление *и* на месте *е*, допускал и обратное. *Е* в корне *хрест-* [хрестиянская (24 Статут 1588 г.), *хрѣсти҃стѣй* (3б Катих. 1562 г.), *хрестиѧнъ* (5 Сб. XVI в. Кунц.)] легко объясняется сближением слова этого корня с *крестъ*. Часто встречающееся *оденъ* [напр., *каза҃ми ѡдѣ҃ ѡ҃ ни҃* (54 Тайна тайных XVI в.) рядом с *ѡдинъ*, *ѡденъ* (64 Сб. XVII в. Вил. № 107)] может быть образовано по аналогии косвенных падежей, где гласный звук беглый: как к родительному *бе́дного* именительный *бе́ден*, так и к *одного* образовано *оден;* может быть, даже над этим *е* и не было ударения: влияние польского jeden; возможно здесь и образование с суффиксом *-ьнъ*, как в местном украинском *е́ден*.

После всего сказанного переход *и* в *е*, быть может, следует видеть в случаях: досе́ць (Шейн Б. П. № 325 Лепп. = польск. dosyć, ст.-слав. **досытн**, **досыть**), на станцее (Бесс. Б. П. 43), станцея (Мат. Б. 13 Свенц., 17 Речицк.), *-ая* (27 Лепп.), ло́мець, (ломит, Э. С. III, 202), прихелю́ся (ib. 209), и́стенный (Мат. Б. № 10 Мозыр., 17 Речицк., 27 Лепп.), хресце́янский (ib. 13 Свенц., 17 Речицк.), и Wileju (в сочельник, Wigilya) (Федер. I, 199 Сокольск.), mierowy (мировой, ib. III, 186); *е* вм. *и* встречается и в Смоленской губ. (Бельск. у., Добров. I, 3.6). Сюда же следует отнести и появление *е* на месте *и* безударного в 3-м л. ед. ч., напр.: ку́ре, сма́ле, це́рпе, хо́дзе, но́се и т. д. (Мат. Б. № 31). Нельзя не признать в приведенных

случаях фонетического перехода, но он произошел не непосредственно в *е* из *и*, а первоначально *и* безударное сильно редуцировалось, обратившись в неопределенный звук, на месте которого в говорах, допускающих *е* безударное, явилось *ė*, а в других, как увидим ниже, даже *а*. Старинным западнорусским произведениям этот переход также был известен: хотяче [В. А. 4 (1432)], жаждаюче (ib., хотя эти формы можно возводить и к основным на **-жште**), вельи́ [(река Вилии) гр. 1443 г. (хотя здесь, как и в других подобных случаях, можно видеть и какую-нибудь особую этимологию)]; Четья 1489 г.: противетиса (75б, 101); Сб. XV в. Публ. б. № 391: прєшоры (85), достоёнъ (20), достоёньство (66) (в последних двух примерах *е*, может быть, под влиянием таких образований, как *удостоенъ*), трёнадцетє (56); Ист. Сб. XV в.: сѣнодикъ (52); летописи XV—XVI вв.: во бо̀льшеньстве (27 Увар., но *в бо̀льшинстве* 1 Вил.), за рекоу велью (66 Крас.), Велии, Вельи (5 Вил.), Велию реку (37 Увар.) (во всех случаях под влиянием **велнн**?); Лет. Авр. XV в.: поповечь (375), галелѣ́искоую (36б), дѣте боꙗрьскѣй (175), хто что вынесле (88б); два последние примера могут быть объясняемы и иначе: в них *е* может заменять *ѣ*, которое в данном памятнике чередуется с *е*, а тогда в *дѣтѣ* и *вынеслѣ* будут явления морфологические; Сб. XVI в. Крас.: боудоу̀ верети (60) (описка?); Статут 1588 г.: достоенствъ (44); Тайна тайных XVI в.: помедлев'ши (87), пистесь (piscis, 68), неп'реꙗтелꙗ (15), а̀прелꙗ (79, под ударением, как и в других русских памятниках. Соболевский, Лекции, 4, стр. 85); Катих. 1562 г.: 'Ег̀натїй (15б), во'ен'скую (79б); *е* в случаях вроде: находемъ (53б), приступѣмо (138), не оучете (53), (все формы изъявительного наклонения), может представлять и звуковое явление, но также могло явиться и под влиянием таких форм, как *делаем*, *делаете* и т. д.; Рукоп. Отд. Вил. Публ. б. стр. 211: ревизея (1568 г.); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: розчетевъ [(рассчитав) 90 (описка?)]; Псалт. XVI в.: чинꙗчиє зло̀ выкоранꙗ̀сѧ, ѡ̀жидающеѐ г̀а в дѣдѝство ѡ̀змѹ̀ть землю (37б), *блгвщегга* ѡ̀дер̀жать (38), приходили ѿ ꙗ̀зыка во ꙗ̀зы̀, ѝ ѿ цр̀ствїꙗ *оувышнє̀ лю*ᷣ (105, чит. *оув ы̀ншее*), ста̀ршѐство (113), достоѐство (131б), б̀жѐє приказа̀є (37, где, однако, *е* может и не быть равным основному **н**, а представлять из себя окончание нечленного прилагательного (*божи—божа—боже*, последнее из **божьѣ**), ненавѐю (135), премѐноу̀ (92); Сб. XVI в. Чуд.: прочеꙗ грады (170), ѳеѡ̀ѳѐлъ (219); Сб. XVI в. Кунц.: дꙗволъ (5), во истѐну (45); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: ꙗ̀почела з нимъ (11б), лехта̀р (60б), лѣхтарѹ (ib., и *лѝтарѹ* ib.), вытръвес'ꙗ (141); Псалт. XVII в.: не препомина̀ (58б); Бел. Арх. I: старшенством (1694), на кермашы (1694). Если *ѣ*, стоящее в некоторых случаях на месте ожидаемого *и*, не простой графический прием, а обозначение звукового явления, то и в таких случаях можно видеть переход *и* в *е*, напр., Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: лѣлѣꙗ и лилѣꙗ (60б), в библѣи (73б, ср. 71б), матерѣи (*-ии*, 6), в фамилѣи (6б), месопотамѣи (22), в медѣи (в Мидии, 285), седекѣеви (251, седекиа (ib.).

Переход *и* в *а*

Звук *е*, получившийся из редуцированного *и*, может подвергаться и дальнейшему переходу в *а*, что бывает в тех говорах, которые не знают в данном слоге безударного *е*. Так, мы имеем, напр., сяротé (Бесс. Б. II. 145, при польск. sierota), вяшнёвы (ib. 37), горучáми (Ром. I—II, 162 Гомельск.), приговарáвала (ib. 125 Перер.) (но, может быть, здесь явление морфологическое: суффикс *-ыва-* нетерпим в белорусском), товарáшов (ib. 63 Белиц. Гомельск.), старáка (ib. VI, 10), чáсло (41 ib. Горецк.), мяне удàрáш (49 ib.), спрашáваець (53 ib.), вяшнёвый (Мат. Б. 13 Свенц.), таварашоў (ib. 31 Вилейск.). 3-е лицо глаголов с *и* безударным, как можно было видеть выше, стало оканчиваться на *е*, чтó, конечно, произошло и не без влияния образований типа *пúше*, *знае;* это *е* из *и* и заменилось в говорах, знающих такие образования, посредством *а:* ни ўбáча, ўкрáдя (Мат. Б. № 9 Бых.), нбся, прбся, хóдя, гавóра, кúня (ib. 29 Вилейск. и др. места), брат хóдя (Розенф. 10 Вилейск.), ци любя ён каго (ib. 75 Минск.).

Переход *и* в *і̯* (*й*)

Звук *и*, будучи безударным, когда ему приходится стоять за гласными данного слова или предыдущего, если это начальное *и*, может становиться неслоговым, напр., к цéркоўца йтú (Бесс. Б. П. 78), кто ня йдеть (ib. 84), а й пытáетца (Шейн Б. П. № 15 Лепп.), ды й там (ib. 591), я й наéду (Кар. 54 Новогр.), аб жывоя й думаиць (Ляцк. Посл. 12 Борис.), нейдзя (=иє нде — негде, Мат. Б. № 4 Могил. губ.), зы йголкыый (ib. 18 Витебск.), зайграйця, за ймéням (ib. 31 Вилейск.), йшóў, зайграáць, пя°раймáць, йгрúща (Малев. 10 Слуцк.), да такого й такого двара (ib. 20), ńi i̯šłá, my i̯šl'i, tréba i̯ći, kàmuška i̯skàć, to i̯ dóbre (Клих 248 Новогр.) и т. п. Если перед таким *и* стоит согласный данного слога или предыдущего слова, то оно в *й* не обращается.

Очень кратким *і̯*, почти неслоговым, бывает *и* в суффиксах глаголов вида многократного: razhavàrўvaц (Клих 11 Новогр.), zdarўwajeć-sie (Федер. I, 22 Волков.) — в обоих случаях *ў* на месте *й* после вторично отвердевшего согласного.

Переход *и* в известных случаях в *і̯* неслоговое в белорусском языке существует издавна, насколько можно судить о нем по тем способам обозначения *і̯*, какие применяются писцами старинных рукописей. В самых древних памятниках они обыкновенно совершенно не обозначают неслогового *и*, употребляя на месте всякого *и* букву **н**. Но уже начиная с западнорусских памятников XV в., над *и*, обозначающим неслоговой звук, ставится какой-либо знак, вроде ', ˘, ˆ; но чаще после гласного, за которым должен был следовать неслоговой *и*, или над ним обыкновенно ставится знак ", ', ', ¨; есть случаи, когда обозначение *и* неслогового совсем отсутствует. Приведем примеры на *и* неслоговое в старых западнорусских памятниках, там, где этот звук

несомненен, насколько можно судить вообще по данным русского языка: грамоты: с нашею сило._ и с нашими помочми (гр. 1389 [г.), на_ лѣпшоую [гр. 1383 г. (17)], шосты'_ (Б. А. I, 14.), до ваше_ милости, ваше_ милости слуга, онъ ваше_ милости отповѣдаетъ (1465 г. Мих. Ол. в Ригу, пис. в Полоцке); Четья 1489 г.: александри_скии (105), не бо_сѧ дв҃це (83)[1]; Сб. XV в. Публ. б. № 391: наимиле_ шїи (2); Лит. лет. XV—XVI вв.: люди_ много посекоша (51 Вил.), болѣвъ 7 дни_ (40 Увар.); Лет. Авр. XV в.: съ много_ скоростию (137), бж҃ьѣ_ помощию (252б), гл҃ть моуисе_ (2), на сина_стѣи горѣ (6б), красота жити_скаѧ (202б) и др.; Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: той бо҃дѣ҃ (86б); Псалт. XVI в.: то_ б҃гъ мои҃ (60б), бл҃венныи҃ то_ моу҃ (41б, в последних двух случаях *то* может быть явление синтаксическое), споко_ные (в польск. spokoyney, 16); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: заби'_мо (32б), в дѣ҃ то'_ (56); Псалт. XVII в.: мо'сеѡвою (63б) мойсе'_ (102б). Если опираться на приведенные способы обозначения *и* неслогового в старинных западнорусских памятниках, то собственно для белорусского языка можем отметить переход *и* в *й* в следующих случаях: в грамотах и актах: выймаемъ (СВ. 5. 1432 г.), служба йшла (XV в.), на йме Θедько, не йду (1573 г. и др. у Недешева); Статут 1588 г.: вышемѐненых (2, причем *й* [ˈ] можно относить к предыдущему и последующему слову), выґрати (223); Сб. XV в. Публ. б. № 391: наимилеша (14б); Библ. Скор. XVI в.: А йди Б 38б (A gdi), пойди С 4б, сойми (П 38), възойдемъ (Б 64); всѧки_ хлебъ (Ср. 37б), трети_ народъ (Ср 37б), руски_ еврейски_, гречески_ ꙗзыкъ (МПК), смутны_ (Б 73) (причем в прилагательных на *ы* — *и* можно видеть и слитие *й* с предшествующим гласным); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: найдетель (84б); Псалт. XVI в.: повыймали (37б), ѡ҃ меню (= о йменю 90б), наибо҃лей (51б), найгл҃бшїи (61б); Сб. XVI в. Кунц.: ѡ҃_м'ени (5б); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: на'_мѧ 33б, а ймѧ мое (49), ийшовъ (9), и_'шолъ (195б), а йди (91б), и ймѣлъ (190б), ꙗзрайле҆ (28), израйлѧ (46б, 188); Ев. 1616 г.: пóйсковати ме; Псалт. XVII в: во_'мѧ мое (88б), во ймѧ (129б, 130, 131), во йменю (148); бо҆ше'_ (13), при'_дѳ҃ (17б). Из приведенных примеров можно также видеть, что белорусскому языку для образования превосходной степени свойственна приставка

---

[1] В «Заметках по белорусскому наречию» («РФВ», т. LXXVI, 1916) Е. Ф. Карский на стр. 136—137 пишет: «Довольно обычное явление в современном белорусском наречии представляет форма «ня бóсь» = «не бойся», «однако»: Н я б о с ь, бярёза, | н я б о с ь, белая. Ром. VIII, 421 Город., ср. Ром. Мат. Гр. II, 196 Волков., н я б о с ь, бярозка | н я б о с ь, матулька, | н я б о с ь, родная. Зап. V, 603 Шейн. Лепп.; н я б о с ь ён гэтаго на зробиць = однако и т. д. Быть может, отражение этого образования следует видеть и в старом западнорусск. наречии: не ѳоса дѵ҃це. Четья 1489 г., 83 (ср. «Белорусы», II, 1, 272, 378). Как объяснить здесь исчезновение *й*? Рядом с «ня бось» народная речь знает только «бойся»; очевидно, в первом образовании сочетание js без поддержки следующего гласного изменилось в śś—ś».

Указанные Е. Ф. Карским страницы 272, 378 — в данном издании это страницы 230 и 304. (*Ред.*).

най-; между тем старые памятники дают немало примеров и с *на-;* как: налѣпѣй (Арх. С. III, 2, 1492 г.), намений (81б Тайна тайных XVI в.), намен'шїй (13 ib.), набо̀лш'и (11б ib.), налеп'ший (3б ib.), нагор'шаа (Катих. 1562 г.), навыш'шего (2 предисл. ib.), наперв'ей (8б ib.), наболей (1 посвящ. ib.); накрашшаѧ (83 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); нацꙋднейшїи (46 Псалт. XVI в.), наглꙋбшй (89 ib.), насытшиѣ (64 ib.), намилейший (111 ib.); наболѣй (38б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), начистшиᵐ (60 ib.); што набога̃шие (23б Псалт. XVII в.), наможне'ши' (27 ib.), наболшеᵐ (39б ib.), наподлѣ'шиᵐ (80 ib.), наскорѣ' (104б ib.). В подобных написаниях можно бы видеть пропуск обозначения *й*, но можно на дело смотреть и иначе: рассматривать эти формы как образованные с префиксом *на-*, как в русском былинном *на̀большший.*

Смена *й* на *ў*

Смена *i̯* на *u̯* (а быть может описка) в следующем случае: на з̑оусть (наизусть, 72б Сб. XV в. Публ. б. № 391) (а м. б. следует читать *на звусть?*).

Исчезновение *и*

Постепенно сокращаясь, безударный *и* может дойти до нуля и совершенно исчезнуть. В некоторых словах, насколько можно судить по данным других славянских языков, особенно северо-западной группы, а также по украинскому языку, основное *jь* оставалось, быть может, без перехода в *и*, а только утрачивало безударное *ь*, не бывшее слоговым; естественно, что *j* перед согласным исчезал бесследно. Иногда исчезновение *и* поддерживается и другими, не только фонетическими причинами, напр., аналогией с другими образованиями и народной этимологией.

Так, с отпадением начального *и* имеем слова, образованные от глаголов *имѣти — именовати: м'ɛц' — ма́йу* [ср. мі͡ець (Малев. 10 Слуцк.)] и старинное *мѣти, меновати:* або менилъ (387 Статут 1529 г.), первоменованные (1 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ста̃ менуе̃ (22 Псалт. XVI в.), менꙋе̃ (31б ib.), менꙋю̃ (52б ib.), мети (Библ. Скор. XVI в. Ср. 14), мел' (ib. 16), мають (Ср 8 и др.); в *имамъ поставити* (гр. 1393 г.), конечно, церковнославянское влияние; не мейте (60б Псалт. XVI в.), мѣ (86б ib.), мѣлъ (64б Сб. XVII в. Вил. № 107), мѣетъ (26б ib.); мѣти (35 Псалт. XVII в.). Во всех этих случаях отпадение *и* явление старое, известное украинскому и польскому языкам.

Отпадение *и*, несомненно сначала редуцированного, довольно часто в *го̀лка:* го̀лачки (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 209 Новогр., Мат. Б. № 25 ib.), гу̀о̀лка (Малев. 10 Слуцк., Клих 248); *граць* (Мат. Б. № 25 Новогр.), граць, гры́ща (Малев. 10 Слуцк., Клих 248). Как отдельные редкие случаи отметим *сьци* из *исьци* (итти, Мат. Б. № 25 Новогр.),

тальянский (Шейн Б. П. № 405 Витебск.); *мянюшки* (Малев. 10 Слуцк., бранные прозвища), слово, известное и в других говорах.

И отпадает также в некоторых говорах в образованиях от корня *ин:* nàčeį (Клих 189 Новогр.), daj _nàkszaho (= дай инак., Федер. III, 158 Волков.), toj _nàdszu siermiàhu złażyųszy (ib. 242). В двух последних примерах стоявшее в начале *і* могло слиться с *j* предшествовавшего слова.

И отпадает и в приставке-предлоге *из-* — *ис-*, в чем, как увидим после, нельзя не видеть влияния предлога *съ:* споведати (36б Четья 1489 г.), понемъ _Заславъ (236б ib.), такъ _стомилсѧ бы (6б Сб. XV в. Публ. б. № 391), _з Гродна (4 Вил. сп. Лит. лет.), з Гродна (4 Вил. сп. Лит. лет.), _з Вильни (5 ib.), _з города (8 Вил.), приде _с Киева (2 Супр.), _з обѫ сторонъ (22 Статут 1588 г.), _зъ ѻсобливого (2б предисл. Катих. 1562 г.), _з чоловековъ (59 Ев. Тяпин. 1580 г.), _с нихъ (1 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), _з вѣковъ (86б ib.), _з щѣлинъ (83б ib.), _злишо[к] (87 ib.), _спове[д] (32 Псалт. XVI в.), _з ни[х] (107 ib.), _з мр҃твы[х] (8 ib.), _зъ ѻгипта (79 ib.), _зъ ѡц҃въ (68 Сб. XVI в. Кунц.), _з милости (64б Сб. XVII в. Вил. № 107), _з стада (17б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), _згине душа ѡ нас _зра'лѧ (51 ib., даже в кажущемся предлоге *из* слова *израиль и* отпало), члв҃къ _зъ изра'лѧ (188 ib.), _з сиѡну (36 Псалт. XVII в.). Из современной речи: _здаўна (Шейн Б. П. № 410 Лепп.), _звѐсна (Ляцк. Посл. 3 Борис., ib. 49), _з мо́ра вады ня вылиць (ib. 13), с ха́ты (= из хаты), спо́в'ец' [споведзь (Малев. 10 Слуцк.)], С'и́дар и т. д. (другие примеры будут приведены после).

Вряд ли имеют какое-либо отношение к потере безударного *и* такие случаи, как *питъє* (2 Четья 1489 г.), *бъюще* (95 ib.), *ночью* (71 ib.) и под. Во всех таких случаях *ъ* может считаться древнее *и*, так как последний мог произойти из *ъ* под влиянием следующего за ним *j* (ср. Соболевский, Очерки, стр. 78); так что здесь мы можем видеть только потерю произношения *ъ*.

С одной стороны, безударность гласного *и*, а с другой — аналогия так называемых «архаических» глаголов содействовали потере *и* и замене его на письме через *ъ* в формах повелительного наклонения единственного числа, а вследствие стремления провести одинаковую огласовку во всех лицах и числах повелительного — и во множественном числе. Напр., боудь (44 Четья 1489 г.), видьте (26б ib.), помыслъ (280б ib.); мыслъ ѡ҃ъ неи (8 Тайна тайных XVI в.); не выходьте (34 Ев. Тяпин. 1580 г.), видьте (110 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); выа҃снь (15б Псалт. XVI в.), ѡ҃свѣтъ (19б ib.), оу҃чинь (31 ib.), чинь (37 ib.), выторгнь (70 ib.), не замолчь (111б ib.), вскликньте (63б ib.); ѡ҃далъ (132б Псалт. XVII в.); та же потеря *и* обозначается и через *ъ* после отвердевших согласных в единственном числе, а во множественном и совершенно не обозначается: оу҃зр҃овъ (10 ib.), ѡ҃стоу҃пъ_ теж (10б ib.), мов'те (63б ib.). И в живой речи таких примеров немало: посо́бъ мне, татка; оты́дъ прочь (Мат. Б. № 18 Витебск.), су-

стрень (Демб. 15. 547 Могил.), отдышъ (Ром. IV. 212 Клим.), зрббъ и т. д. (подробнее об окончании повелительного см. в морфологии).

Отметим, наконец, несколько отдельных случаев утраты *и*, наблюдаемой в языке старых западнорусских произведений, отчасти свойственных и русским говорам, но, насколько нам лично известно, чуждых живому белорусскому языку: таково *л* вм. *ли* в вопросительных предложениях: видали лъ (86 Четья 1489 г.), во мнѣ лъ (37 ib.), вѣроуєте лъ (103 ib.); больши лъ было (3 Вил. Лет., при *ли* 29 Увар.); навратитесѧлъ (Библ. Скор. XVI в. В 57), весилъ (ib. А 152), ѡкропиши мѧ исопомъ и ѡчищѹсѧ, ѡмыеши ли... (52 Псалт. XVI в.). Частица *ли* в живой речи в вопросах вообще не употребляется: обыкновенно *ц'и* (тн), *чы* (czy). Частица *ти* имеет вид *ть:* не стыми ть тѧ пришо (6б Сб. XV в. Публ. б. № 391), же *ть* тѧ йдоу (ib. 12б); да быть (Библ. Скор. Ср. 22б), малолить (ib. Б 54б). Еще примеры: сиѧєть и сѣѧєть (86б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); есь набылъ (56 Псалт. XVII в.), всади есь (73б ib.) — оба несомненные полонизмы, так как и вообще форма *есми* не употребляется у белорусов.

О слишком неявственном произношении безударного *и* свидетельствует и следующее место в Сб. XV в. Публ. б. № 391: гъ реклъ — полатыне домину *дикъстъ* (72) (dixit). Там же еще пропуск *и* в *господ'оди'а* (29), по ногами *господна* (29б). Вероятно, особое этимологическое образование, а не пропуск гласного *и* в таких случаях, как *оу домхоу* (ib. 53), *с домх'оу* (58). Конечно, описка в *п'ревитѧжьшь* (18 Тайна тайных XVI в.).

ЗАМЕНЫ ОБЩЕРУССКОГО *ы*

Белорусский звук *ы* по характеру своему ничем не отличается от *ы* русского и польского (*y*). И происхождение его такое же, т. е. он равен основному славянскому *ы*, напр., јазы́к = ѩзъıкъ, бывáц' = бъıвáтн.

Кроме такого *ы*, равного основному славянскому, имеется еще *ы* и другого происхождения — из *ы* неполного образования, стоящего перед *j*, в тех случаях, где в старославянских памятниках имеется ън и ъıн, а в древнерусском языке тоже преобладает ън, хотя бывает и ъıн (ср. Соболевский, Лекции, 4, стр. 229 sq.). Как и относительно звука *и* подобного происхождения, в этом случае белорусский язык совпадает с украинским (имею в виду украинские заместители основного славянского ъı), тогда как русские говоры пошли по другому пути, развив из *ы* неполного образования в отмеченном сочетании *ъ*, а затем *о* вполне явственное в указанном положении под ударением. Образований с *-ый-*, при русском *-ой-*, в белорусском языке несколько, именно: а) в окончании именительного падежа имен прилагательных полных на *-ый* (*-ий* после задненёбных), или после слития *й* с предыдущим *ы* в один звук *-ы* (*-и* после задненёбных): святы́й (Бесс. Б. П. 1), святы́ (ib. 115), друг*ий* (Ром. III, 5 Сенн.), лих*ий* (Шейн Б. П. № 24 Лепп.), злы́й,

слепы́й (Мат. Б. № 7 Минск., 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 13 Свенц., 25 Новогр., 28 Себеж. и др.), злы́, слепы́ (ib. № 5 Слуцк., 6 Диснен., 15 Игум. и др.), мужик ня вясёлы (Малев. 21 Слуцк.), жывы́ аб жывоя й думаиць (Ляцк. Посл. 12 Борис.), малы́ дождж (ib. 13); б) в настоящем и повелительном некоторых глаголов: змы́итца (Шейн Б. П. № 219 Лепп.), ры́иць (ib. 651), вы́ець (Изв. 176), накры́ю (Зап. V, 251), ры́етсь, мы́етсь (Э. С. 238 Ржев.), вымыю (Демб. 26, 528 Черик.), вымыець, мый (пов. накл., Ром. IV, 190 Клим.), вы́еш (ib. 1 Гомель), выють (Добров. I, 313 Духовщ.), выя сабáка (Ляцк. Посл. 6 Борис.), мы́я (ib. 10), мыю, выю, накрыю, рыю (отмечено в Мат. Б., как повсеместное белорусское); любопытно: *закры́й* свою мя́лицу; покуль я ўсих *обмы́ю* ды обшию (ib. № 18 Витебск.). Почти во всех приведенных случаях принятая орфография не передает *j*, но он слышен перед следующим за *ы* гласным. Звук *ĭ* предполагается в настоящем времени глаголов приведенного типа на основании соображений, изложенных в статье Р. Брандта: «О мнимом переходе *ы* и *и* в *о* и *е*» («Граммат. Заметки», 26 sq.); в) такого же происхождения *ы* и в именах существительных, произведенных от указанных глаголов: свáдзьба слаўнá пéсьнями, хаўтуры́ — *вы́ями* (Ляцк. Посл. 39 Борис.).

Это белорусское *ы*, развившееся из звука неполного образования, исконно. Старинные западнорусские памятники обыкновенно знают сочетание *-ый-*, как можно видеть из нижеприводимых примеров: сватый (2 Лет. Авр. XV в.), седмый (2б ib.), таковый (175 Статут 1529 г.), какій (385 ib.), злый (9 Псалт. XVI в.), святый (142, 167 Сб. XVII в. Син. б. № 790), злы' (7 Псалт. XVII в.), нѣмы' (10 ib.), йны' (121 ib.), глухи' (10 ib.), ꙗки' пожитокъ (42б ib.) и т. п. Я привел несколько примеров на *-ый* у имен прилагательных, притом только под ударением; само собой разумеется, что без ударения всегда подобное окончание[1]. Случаи на *-ой*, сходные с теми, какие встречаются в более поздних памятниках русского происхождения, очень редки: присла цр̄ь татарскыи *зовомои* (177 Лет. Авр. XV в.), боудь повышо̄ которои соӯти и҃ме̄ земли (95 Псалт. XVI в.). Нельзя не обратить внимания, что в приведенных примерах *-ой* после двух *о* в предыдущих слогах. Очень может быть, что это простые описки. В глагольных формах *-ый-* безусловно господствует во всех памятниках: ѡткрыєть (27 Сб. XVI в. Позн.), ѡкрыєть (1б Тайна тайных XVI в.), ныють (28 ib.), не кри҃сѧ (Библ. Скор. Ср. 36), сокри҃юсѧ (ib. 26б), вырыє'тся (65 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), не рыи (94б ib), въскрыешь (32б ib.), оўкрый (18 Псалт. XVI в.), помый (57б ib.), ѡкрыє̄ (29б ib.), ѡмые шаты (89 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), ѡкри҃ю (4 ib.), вырие҃шъ (62б ib.), ўныє̄ (104 Псалт. XVII в.).

---

[1] На полях авторского экземпляра Е. Ф. Карским отмечено существительное с *ый* в основе: промы́йна (*-могила*) Бел. Арх. II 1533 (XVII в.). (*Ред.*).

Таким образом, господство слога *-ый-* на месте прарусского *-ъ̆й-* из основного славянского *-ŭj-* — явление общебелорусское, свойственное этому языку во все время его существования. Появляющееся изредка в старинных памятниках *-ой-* или современное северо-восточное белорусское *-эй-* (злэ́й, сляпэ́й, яке́й, другéй, роги зылатэ́я), о чем у нас речь была при *о* (стр. 155), не представляют отступлений, а возникли в более позднее время, как и русское местное *-эй-* в соседних областях.

Переход *ы* в *и*

В этом отделе приходится говорить о нескольких разнородных явлениях, зависящих от различных причин, но приводящих к одному и тому же — к звуку *и* на месте *ы* какого бы оно происхождения ни было.

Прежде всего рассмотрим общебелорусский и вместе с тем общерусский переход *ы* в *и* после задненёбных согласных *к, г, х*. Эти согласные, сочетавшиеся в основном славянском всегда с *ы*, в русском языке, вследствие сильного развития палатализации разных согласных, когда им приходилось стоять перед гласным среднего ряда (*ы*), обратились не в чистые средненёбные *к, г, х*, а в средненёбные палатализованные *к', г', х'*. Понятно, что и гласный среднего ряда (*ы*) после палатализованных согласных не мог долго оставаться таковым, а перешел в передний ряд, обратившись в *и*[1]. Таким образом, вм. *кы, гы, хы* явились сочетания *к'и, г'и, х'и*, напр., в словах: к'и́н', паг'и́б'ɛл', х'и́тры, л'бхк'и́, друг'и́, сух'и́, ваўк'и́ и т. д. Этот переход *ы* в *и* после задненёбных, насколько можно судить по показаниям современных восточнославянских языков и по древнерусским памятникам, начался еще в общерусскую эпоху, но закончился сравнительно поздно, так как старинные памятники вряд ли исключительно по традиции письма еще долго рядом с *и* употребляют после задненёбных и *ы*. Можно допускать, что одно время перед *ы* стояли и настоящие средненёбные *к, г, х*, не палатальные, так что сочетания их с *ы* могли быть с одинаковым основанием передаваемы на письме и через *кы, гы, хы* и *ки, ги, хи* (ср. А. И. Соболевский, Лекции, 4, стр. 131). Оставляя более подробное рассмотрение этого вопроса до отдела согласных, здесь отметим только, что уже в самых старых западнорусских памятниках после задненёбных имеем *и*, но рядом с *ы:* с одной стороны: ризк*и*и, латинеск*и*и, латинеск*и*мь, княгин*и*, лих*и*и (Смол. дог. с Ригой 1229 г.), ближник*и* (74б), исторг*и*и (38), друг*и* (75 Псалт. 1296 г.), на берег*и* (23б), некак*и*й г'рех*и* (26 Сб. XV в. Публ. б. № 391) и т. д.; с другой: смольнеск*ы*и, латинеск*ы*мъ, Р*и*гы (гр. 1229 г.), рижь-к*ы*ми (гр. 1264), геѡрг*ы*и (47б Лет. Авр. XV в.) и т. д.

Непосредственно сюда примыкает *и* в корне *гид* = **гъıД-*[2] (о чем мы уже говорили при *а*), напр., в словах: г*и*дкий (гадкий, Изв. 178,

[1] Ср. А. А. Шахматов. К истории звуков русского языка. Смягченные согласные. СПб., 1898, стр. 42.

[2] Ср. А. А. Потебня. Два исследования: о звуковых особенностях русских наречий, 29 примечание, стр. 95.

Сл. Нос. 112) и производных от него, zhidzić (опротиветь, Федер. I, 384 Волков.). Рассматриваемый корень со звуком *и* известен и старинным западнорусским памятникам: не *ги*дѹ*и* (94 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), *ги*дѹетсѧ (15б ib.), кожа моя стрескалася и з*ги*довалася (ib.).

По неясной для меня причине наблюдается *и* вм. ожидаемого *ы* в некоторых белорусских говорах и старых западнорусских памятниках в словах *висо́кий*, *ни́не*, *ти́сяча*, напр.: *ви*сока́ (Шейн Б. П. № 411 Лепп.), *ви*сокий (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 9 Бых., 10 Мозыр., 15 Игум., Отч. 27 Речицк. Брагин), *ви*соченный лес (ib. 18 Витебск.), *ви*соко (Отч. 28 Мозыр.) и др., но не повсеместно; старинным памятникам, как обычное явление, слова этого корня неизвестны, хотя, вероятно, под украинским влиянием иногда подобные образования и попадаются: *ви*сокихъ (29 Лет. Увар.), но в этом списке литовских летописей есть несколько украинизмов. Два другие слова в живых белорусских говорах встречаются очень редко, что́ относительно *нын҃е* и вполне естественно, так как это слово книжное, точнее церковное: и ни́на й присна (в славословии); пры́поди ты от ни́ну й до́ вику (Мат. Б. № 18 Витебск.), итн*и*не и до веку (Ром. IV, 198 Клим.), н*и*начы (теперь, Вит. К. С.). Слово *тисяча* из живых говоров известно только в южных белорусских областях [напр., Мат. Б. № 10 Мозыр., ц*и*сячу (Сержп. 150 Слуцк.), ц*и*сяч (117 Сержп. Слуцк. 1926)], в чем можно усматривать и украинское влияние, а может быть, и сохранение особой старой огласовки. Но зато оба эти слова с *и* очень распространены в старинных западнорусских произведениях, в чем иногда можно бы усматривать польское или чешское влияние: польск. ninie, niniejszy, чешск. tisič. Приведем примеры: *нинѣ* — в грамотах и актах: н*и*не̂ [1387 г. (22)], н*и*не (ок. 1407 г., 1432 г., 1440 г), н*и*нешним (1432 г.), н*и*нешние (ib.), н*и*нѣ, н*и*нѣшним (1505 г.) и др.; в Четье 1489 г.: н*и*не (21, 23 и др.), н*и*нешнии (20б и др.); в Сб. XV в. Публ. б. № 391: н*и*не (2), н*и*нейшого (40б); в Сб. XVI в. Позн.: н*и*не, до н*и*нешнего дна (148); в Библ. Скор. XVI в.: н*и*нешнему (В 4б); Ев. Тяпин. 1580 г.: н*и*не (29б ib. и др.); *тисяча* — в грамотах: т*и*сяча (1432 г.); Бел. Арх. I: т*и*сеча (1593 и 1596), т*и*сечу (1596); в Четье 1489 г.: т*и*сачей (213), т*и*сечника (262); в Сб. XV в. Публ. б. № 391: т*и*сецин (1), т*и*сачей (26б); в Лит. лет. XVI в.: т*и*сача[x] (83б Крас.); Сб. XVI в. Позн.: т*и*сечъ (147); Тайна тайных XVI в.: т*и*сача (80, 16); Библ. Скор. XVI в.: т*и*сещи (Ч 7); Ев. Тяпин. 1580 г.: т*и*сечъма (25), т*и*сачамъ (22), т*и*сечей (49, 53б); Псалт. XVI в.: т*и*сача (93), т*и*сачоу (105); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: т*и*сячъ (12), т*и*сячи (15б), т*и*сача (64, 84); Сб. XVII в. Вил. № 107: т*и*сяча (33); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: т*и*сечѧ (56), т*и*сѧча (79б); Псалт. XVII в.: на т*и*сѧчѧ (110б), т*и*сѧче' (94), т*и*сѧча (ib. 91б), т*и*сеча (79б). Вообще можно сказать, что *тисяча* в старых западнорусских памятниках преобладает; встречается, конечно, и *ты-*

сяча: тысеча (гр. 1398 г., 1499 г.), тысечы (147 Сб. XVI в. Позн.), тысѫщи (118б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262). В живых белорусских говорах возобладало *тысяча*, вероятно, не без влияния русского литературного языка, так как простой народ в своем счете вообще редко доходит до тысячи.

Еще одно образование обращает на себя внимание, в котором можно бы усматривать появление *и* на месте *ы*, это — дзира́, дзира́вы, дзи́рка, дзира́виць (Сл. Нос. 131), dziru (Федер. I, 188 Волков.) (или под влиянием польского языка — дзюра́, дзюравы, напр., Мат. Б. № 7 Минск., 15 Игум. и т. д.), при русском *дыра́*, *дыря́вый*. Но больше оснований за себя имеет образование с *и*, как произведенное от глагола **дьрати — драти** (ср. Я. Грот, Русское правописание, 5, § 58), хотя в древнерусских памятниках встречается и то и другое: заплати *дироу* кго (Сб. 1076 г.); изыде *дырею* градною (Ипат. лет.). Старые западнорусские памятники знают только образование с *и:* *дир'кою* (81б Сб. XV в. Публ. б. № 391), *дира* (45б Ев. Тяпин. 1580 г.), *дири*, *диравыи* (Библ. Скор. Б 44, и 2б, 51, ПП 4б) и др. Есть даже *ю*, как полонизм: в *дюре* (100б Псалт. XVI в.).

Остальные случаи появления *и* на месте ожидаемого *ы* в живых говорах и в старинных памятниках могут быть объясняемы только украинским влиянием. Так, у меня отмечены: *а куди ти?* (Мат. Б. № 21 Слуцк. у.) (вопрос-восклицание, всегда употребляемое батраком, когда нужно было отогнать скот; обыкновенно этот человек всегда говорил чисто по-белорусски); *ви́мя* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); странное: *опину́ўся* (Шейн Б. П. № 193 Лепп., при общебелорусском *апын'и́ўс'а*). Примеры из старинных западнорусских произведений: Сб. XV в. Публ. б. № 391: *вида*^{н} (8б), *сино*^{м} (1б); Лит. лет.: *сину* (29 Увар.), *сина* (28 ib.), *синовь* (ib.), *ви*^{м}*ли* (76 Крас.); Лет. Авр. XV в.: ѿ поустина (243), *новимъ* го̀ромъ (305), *иниѣ* изымаша (accusat., 61), *чернихъ* людей (66б), *ми* приѣхомъ и т. д.; *називаѣть* (2б посвящ. Катих. 1562 г.), *мл*^{т}*тина* (91 ib.), *мл*^{т}*тину* (38б ib.) — два последние не без влияния *милостив;* Библ. Скор. XVI в.: *гординю* (МПК 14), *труди* (1 6б), *ѣзик* (МПК 3), *мичитъ* (1 10б); Сб. XVI в. Чуд.: *бити* (330), *билѝ* (ib.), *помисли* (180); Сб. XVII в. Син. № 790: *старости* крычевского (153).

Переход *ы* в *у*

Особенность, о которой ниже речь, если не ошибаюсь, впервые замечена Н. Янчуком во время его этнографической поездки по Минской губ. в 1886 г.[1] «В речицких говорах я знаю, — говорит он, — одну интересную особенность, которая на первых порах может показаться странною: это именно употребление *у* вместо *ы*, напр., *му*, *сун*, *буж*, *буйстрый* — мы, сын, бык, быстрый и т. п.» Если обра-

[1] Ср. Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, кн. IX, стр. 70.

титься к записям из Речицкого уезда, то там найдем следующее: штóбу (Шейн. Мат. III, 398), рéчки бýйстрые (ib. 413), в бýйстрой рéченьки (ib. 423), путáць (= пытать — спрашивать, ib. 394), путáвся (ib. 413), путáе (ib. 421), попутáць (ib. 393), путáци (Довн.-Зап.[1] 110) рядом с *пытался* (ib.), копýцики (Шейн. Мат. I, 1 ч., 82), новух ульях (ib. 88), Пýшна чеща, пушна, Прýцив зя́ця не вýшла (ib. III, 409), што-ж ву не путáеце нас, чаго му пришлú (ib. 393), ву (ib. 394, 403, 407), нóвуми сенями (I, 1 ч., 82), вувяў (ib. II, 640), вудаé (ib. III, 425), вýйму (ib. 414), вунимáе (ib. 410), вýпиць (Довн.-Зап. 110), вýпивши (Шейн. Мат. III, 395, 397), вупивáе (ib. 410), вýпусьцили (ib. II, 54) рядом с *вы́пусьциў* (ib.), вурéзывае (ib. III, 415) вýскочили (ib. II, 469), вухóдзиць (ib. III, 410, 411), вýцяну (ib. II, 54), вýезд (ib. III, 417), дóбре здорóву (= здоровы, ib. 393), перейдзú сéни бáцькову (ib. 399), бáцькову кóни (ib. 420), свёкрову кони (ib.), рушничкú готóву (ib. 402), перéзву (= перезвы, ib. 412), вóйтову сын (ib. 416), сúвуй собулéчки (ib. 413), кучарáвуй повóзничку (ib. 420), часовýе стояли (ib. II, 52), му (ib. III, 395, 403, 407, 416), мýсьлями (ib. II, 641), мýютца (ib. III, 425), из солóму (ib. II, 53), музукую (Ром. VI, 469 Клим.), вуходзиць (ib. 26 Черик.), суравéшка (Розенф. 54 Минск.) (где *у* вызвано особой народной этимологией). В Хойниках Речицкого уезда я слышал *пуль* (пыль, Отч. 28). Во время этнографической поездки летом 1903 г. мне пришлось встретиться с одним плотовщиком (плытником) из М. Петрикова Мозырского уезда. Несмотря на то, что это был человек бывалый, после губных он решительно произносил только *у* вм. *ы:* вýпиў, гарáдавýя (= городовые), пошлú му у гóродзи Кременчýгу, вýдуць и одберýць плутú (= плыты — плоты), мой плут, абу живóго пусьцúли. В ответе на белорусскую программу из Мозырского уезда (д. Заполье и с. Комаровичи), № 10 Мат. Б., по рассматриваемому вопросу читаем следующее: «В именах прилагательных имен. пад. множеств. числа слышится вместо *-ые, -ыя* окончание *-уе:* худýе, слепýе, пъя́нуе, дóбруе, бі̯э̄луе, ці̯э̄луе, мі̯э̄днуе». Несколько дальше там же читаем: «Буква *ы* вообще не заменяется другими звуками: мы, вы, ты, дым..., но в некоторых случаях вм. *ы* слышится *у:* помýўса, забýлосо (забыло), рассупáецца, колухáлосо, мýло, подумаласа, букú, насупáй..., вýдзи (выйди), вýшеў (вышел)..., в новух, вýем»; то же Шейн. Мат. I, 114 Мозыр. Изредка подобное явление замечается и в других местах (ср. А. И. Соболевский, Опыт, стр. 94—96), напр., вýшеў (Шейн. Мат. I, 40 Слуцк.), вýдзи (ib. 37, 57). zabúṷso (Клих 84 Новогр.), vupraháị (ib. 10), vuprahác (ib. 214, хотя обыкновенно *вы-:* výarać, výćeć и т. д. ib. 214), u nóṷuie karýta (ib. 120), héto ṷúmeńo (вымя, ib. 22), paputáiuso (ib. 241), vuxódźić da stáiṅi, zúby poṷubiváła (ib.), z kałubièli (Федер. II, 346

[1] М. В. Довнар-Запольский. Заметки по белорусской этнографии. «Живая старина», 1894, № 1, стр. 110—114. Записи относятся к волостям Якимовичской (с. Рудня), Дудичской, Дернавичской (с. Мухоеды) и Дзяковичской (с. Дзяковичи).

Волков.); неопред. *вуя́ць* к *выю* (Мат. Б. № 14 Новоалекс.); навыму-ва́ло (ib. № 21 Слуцк.). В старинных памятниках встретился только один сомнительный случай в Катихизисе 1562 г.: властывує (183, в чем можно усматривать и описку: *у* = *у* польскому, т. е. *ы*).

Как можно видеть из приведенных примеров, переходу в *у* подвергается всякое *ы*, даже развившееся в некоторых случаях из *и* (не знаю, подходят ли сюда такие случаи, как *пругож* Ром. IV, 88 Велиж., *пругожанький* Ром. I—II, 255 Рогач.), но в говорах Речицкого уезда и прилегающей местности Мозырского этот переход наблюдается только после губных *б*, *п*, *в*, *м*; после других согласных здесь везде *ы*: сы́на (Шейн. Мат. II, 53), тогды́ (ib. 53, 469), чаты́рыста (ib. 53), госуда́рыни (ib. 54), закрыва́й (ib. 641), зык (Довн.-Зап. 111), палты́ну (ib. 110), воды́ (Шейн. Мат. III, 399), сто злó-тых (ib. 395) и т. д. Это наблюдение исправляет неточность у Янчука. И в других местностях рассматриваемый переход замечается обыкновенно при губных, стоящих впереди или после *ы*, а также при следующих задненёбных; отступления редки, вызванные, быть может, какими-либо морфологическими причинами (им. пад. мн. ч. прилаг.). Но какая причина этого перехода? Янчук не прочь видеть здесь дославянскую старину; но вряд ли это так. Формы вроде *сивуй плут*, *муютца* представляют *у* на месте *ы* не основного славянского, а ставшего таковым уже на почве отдельных восточнославянских языков (белорусского и украинского). Я думаю, что единственной причиной такого местного перехода является слишком лабиальное (как при *о* — *у*) произношение губных и задненёбных в названных говорах.

Ничего общего с рассмотренным явлением не имеет появление *у* на месте *ы* в формах глагола *быти:* *бува́й* (Гильтебр. CCXXXIV Гродн.), *бува́ў*, *пробува́ў* (Шейн Б. П. 141 Витебск.), *бу́ў*, *булó* и под. (Шейн. Мат. II, 52), *була* (ib. I, 34 Гомельск.), *бува́ли* (ib. 70 Орш.), *було* (Ром. I—II, 162 Гомельск., 216 Орш.; III, 92 Бых., 18 Сенн.; IV, 158 Мстисл.; V, 98 Витебск.; 95 м. Микулино), *булó*, *бувайтя* (Смол. Добров. 1, 12. 37), *буў* (Ром. III, 88 Рогач.), *бува́й*, *бува́ў* (Мат. Б. 10 Мозыр.), *бувай* здоров сусим дваром (из волочебной песни, ib. № 18 Витебск.), *бува́ли* (Отч. 9 Иллюкст. у. Фабианово), pazab*u*vacse (Клих 241 Новогр.) и т. д. Уже давно высказано мнение, что в подобных случаях *у* в корень *бы-* зашло из форм *буду*, *будь*, хотя перед *ў*, напр., в формах *буў*, *бува́й* и под. в некоторых говорах на месте *ы* могло явиться *у* и фонетическим путем.

Переход *ы* в *э*

Действительный переход *ы* в *э*, а не кажущийся, как в именительном единственного числа прилагательных на *-эй* в северо-восточных областях Белоруссии, — явление очень редкое в белорусских говорах. Мне известны случаи подобного перехода только из северо-западной области, это *кудэ*, вм. *кудú* (Мат. Б. № 20 Август.), и формы

родительного падежа единственного числа существительных: хустка сястрэ́, бочка вадэ́, воз травэ́, из руке́ (с умягчением задненёбного, Мат. Б. № 2 Сокольск. у.). Однако приведенные случаи могут быть рассматриваемы и иначе — как морфологические явления. Начнем с окончания родительного падежа. В той же местности обычны образования: *од земле́* и под., в которых конечное *е*, несомненно, равно древнерусскому ѣ (отъ ѕемлѣ); и как в древнерусском, под влиянием мягкого различия, это окончание заходило и в твердое, где на месте ы являлось тоже ѣ (мрытвѣ Сб. 1073 г., рнѕѣ Ев. 1092 г. и т. д. (ср. А. И. Соболевский, Исследования в обл. русской грамм., стр. 30 sq.), так и в белорусском звук *е* с предыдущей твердостью согласного зашел и в твердое различие, конечно, в сравнительно позднее время, так как древнему ѣ соответствовало бы *е* умягчительное. И *куды́* можно бы возводить к древнему кждѣ, как видно из примеров, собранных у И. Срезневского («Материалы для словаря древнерусского языка», т. I, стр. 1359), довольно распространенному в старом языке. *Куды́* оказало влияние только на отвердение *д*.

Из всего сказанного естественно следует вывод, что переход *ы* в *э* явление, как фонетическое, мнимое.

Старым западнорусским памятникам и в таком виде переход *ы* в *э* неизвестен.

Дифтонги на месте *ы*

О дифтонгах на месте *ы* приходится говорить с некоторой осторожностью и оговорками. Так, прежде всего нужно устранить один случай, в котором действительно слышится *ы̯е:* чат*ы̯е*ры (Довн.-Зап. Минск., «Живая старина», 1893, I, 19), czät*y̯je*ry (Федер. I, 333 Волков.). Но здесь *ы̯е* не на месте *ы*, а на месте *э*, так как числительное *четыре* по-белорусски обычно *чатэ́ры* (ср. Ром. Мат. Гр. 1, 205 Слоним.), как в польск. cztery, хотя встречается и *чаты́ры*. Еще с таким же дифтонгом отмечено не народное слово *кватыеха* (Довн.-Зап. ib.). Очевидно, что в приведенных примерах под ударением дифтонг на месте звука *е*, как при *ѣ*.

Лишь по недоразумению можно говорить о дифтонге *ы̯е* на месте *ы* в именительном падеже множественного числа имен существительных (ср. Довн.-Зап. I, 18), так как и в подобном положении *ы̯е* возникает под ударением в известных говорах на месте *е* из *ѣ*, явившегося в твердом различии в подражание мягкому, о чем у нас уже речь была при *і̯е* из *ѣ*.

Повидимому, действительно дифтонги на месте *ы* в духе проф. Я. Розвадовского наблюдал Клих в Новогрудском уезде. Он упоминает (на стр. 241) о спорадически выступающем звуке, обозначаемом им через *ӳ*, который произносится при неодинаковой артикуляции, начинающейся для *ы*, а кончающейся для *и*. Примеров он приводит очень немного, притом часто с *ы* вторичным, на месте основного *и:* pr*ӳ* kańá, tr*ӳ* kápě, z haław*ӳ*, m*yžӳ*k. Как видно из примеров, такой ха-

рактер носит *ы* только ударяемое. Насколько произношение, отмеченное Клихом, соответствует действительности, не могу сказать, так как я неясно представляю описываемый звук (*ы͡і*, *ъ̄ⁱ?*), да и наблюдать мне приходилось в белорусском языке под ударением только обычное *ы*.

Переход *ы* в *а*

Звук *а* является в некоторых белорусских говорах только на месте *ы* безударного; причем этому переходу предшествовала крайняя редукция *ы*, обратившая его в звук неявственный и неопределенный; не осталась без влияния и аналогия обратного перехода *о* безударного и совпавшего с ним *а* в *ы*, после чего в народном сознании эти звуки явились естественными заместителями друг друга. Район распространения перехода *ы* в *а* выяснится из примеров: маленькáми (Шейн Б. П. № 91 Диснен.), бéленькáми, золотнéнькáми (ib. № 610 Лепп.), вымáта (ib. № 103 Бых.), палáя (Ром. I—II, 122 Перер.), с чернáми бровами (ib. 123), разнáми тьветами (ib. 161), разнáми цвятамы (ib. III, 188 Бых.), жалав *ба* и я стаць (ib. 254 Черик.), патаетца (ib. 264 Сенн.), балá (Шейн. Мат. I, 481 Витебск.), ссалаець (Ром. IV, 184 Мстисл.), ён лёхкам ударом лошадзь ударив (ib. VI, 50 Горецк.), тыя три дочки разнáми скúдаваютца звярыми (ib. 51), пататца (ib. 110 Черик.), посалаеть (ib. 310), сагратъ (ib. 376 Мстисл.), пошов у сад и нащыпав разнáх, разнáх (плодов) три вузельчыки (ib. 379 Клим.), балá (ib. 381), на мòгалку (ib. 470 Сенн., на могилу), бы́ў *ба* (Ляцк. Посл. 15 Борис.), жалаў *ба* (Мат. Б. № 17 Речицк.), таи грошы, таи разумные (ib. 24 Новогр. Студзёнка); в последних трех примерах *ы*, конечно, безударное; «патаетца, бала, вымата — слышал от лиц Могил. губ. Мстиславльскаго и Климовическаго уездов» (Мат. Б. № 29), малèнькáми дзетками (ib. 31 Вилейск.). Как можно судить на основании приведенных примеров, рассматриваемая черта более свойственна говорам центральной Белоруссии.

Изредка эта особенность, повидимому, отражается и в старинных западнорусских памятниках, но не самых древних. Причем на месте *ы*, кроме *а* безударного, пишется иногда и *о*, вообще чередующееся с *а*. Так, в Сб. XV в. Публ. б. № 391 читаем: которомн (88) (в чем можно видеть и описку под влиянием двух предыдущих *о*); в Лит. лет. Крас.: не могли тѣрпети *великое* налоги ѿ невѣрныѫ лахо҃ (84б) (если это не род. пад. к *великая налога*); в Псалт. XVI в. встречается также несколько примеров рассматриваемого перехода, но они имеют мало значения. Имею в виду глаголы: распалаѣ (возгорается, при польск. rozpala, 13), запалаѣсѧ (воспламенится, при польск się rozpali, 19), запала҃ (zápalił, 80). Во всех приведенных случаях, конечно, можно бы видеть *а* на месте *ы;* или даже *о*, так как и образования вроде располаєсѧ (będźie palał у Врубля 1540 г.) 50б, также встречаются; но ввиду того обстоятельства, что в польском оригинале, который передает подобные формы, везде встречаются образования с *а*, хотя и от

другого, но родственного глагола, — придется и на приведенные случаи взглянуть лишь как на неудачные полонизмы. Понятно, что в ином роде будут формы: выслух*ава* (102б) рядом с *вы́слуховалъ* (ib.), а̂бо которо̑ё были ве̑рны г҃ꙋ бг҃оу (99, надпис. пс. 98 в Псалт. 1609 г., котóрый, что согласно с польским, где którzy byli wierni). Подобные раньше рассмотренным примеры в Ев. 1616 г.: пал*ава* (ча б), и в Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: ѡгꙋ̑ палаючи (59б), ѡгня палаючого (258). В этом же роде случаи и в Псалт. XVII в.: ѡ̑гнь палаючи (108), выр*ава*вали (56б). В последнем примере, как и в раньше указанном *выслухава̂*, суффикс *-ава-*, так как белорусскому языку *-ыва-* вообще мало свойственно (ср., напр., Мат. Б. № 11 Новоалекс.: раскі́д*ава*ць, обма́н*ава*ць и др., № 31 Вилейск.: распис*ава*ць пастук*ава*ць и др.).

Сокращение *ы*

Будучи безударным, *ы* иногда сильно сокращается, доходя почти до полной потери; причем этот неслоговой неопределенный звук, если за ним следует *в* или *ў*, сильно лабиализуется, обращаясь в *у* краткое, или звук, обозначаемый старославянским **ъ**. Такой звук слышится на месте ожидаемого суффикса *-ыва-:* раска́зъваць, отка́зъвае (Новогр.) (ср. Потебня, Два исследования, стр. 62), pakàzŭwaj (Федер. I, 4 Слоним.), pokàzŭwaųsia (ib.), razkàzŭwać (ib. II, 56 Волков.); совершенное исчезновение безударного *ы* или пропуск на письме **ъ** можно видеть, напр., в prysłuchòųwajècsia (*-выва-*, Федер. II, 47 Слоним.).

Исчезновение *ы*

Совершенного исчезновения *ы* безударного в современных белорусских говорах нет; но старинным памятникам оно, повидимому, известно в тех же случаях, что и в современной русской литературной речи, т. е. в форме *бы*, но и таких случаев мне известно очень мало: немоглиб (Библ. Скор. Ю 24б, Псалт. XVI в.) , ꙗко (128); вероятно, описка — т_сачию (11 Сб. XV в. Публ. б. № 391).

ЗАМЕНЫ ОБЩЕРУССКОГО *У*

В белорусский язык перешел из древнерусского языка звук *у* двоякого происхождения: из основного славянского *и* и **ж**, напр., ду́нуц' (= ст.-слав. **доу҃нжти**), му́ка (= ст.-слав. **мжка**), гу́биц' (= ст.-слав. **гоу҃бити**), но́ву (= ст.-слав. **новж**), суседи́ (= ст.-слав. **сжсѣдъ**), сустрика́я (Шейн Б. П. № 400 Городок. = ст.-слав. **сжстрѣчатъ**), сустре́ли (Бесс. Б. П. I), с*у* ди́тками (ib. 82 Гомель = ст.-слав. **сж д**...). Если звуки *а — о — е*, будучи безударными, вследствие своей неявственности отличались от ударяемых, то относительно *у* ударяемого и безударного решительно невозможно ничего подобного утверждать, так как и безударное *у* произносится, вообще говоря, вполне явственно. Есть, однако, такие положения, когда *у* безударное становится неслоговым и тогда, конечно, отличается от *у* ударяемого.

Переход *у* в *ў*

В *ў* неслоговое (*ŭ*) переходит только то безударное *у*, стоящее непосредственно перед ударяемым слогом, с которого начинается слово. Если предыдущее слово оканчивается на гласный звук, то такое начальное *у* непременно бывает неслоговым, в некоторых южных говорах, быть может, приближающимся к согласному *в;* но если начальному безударному *у* предшествует слово, оканчивающееся на согласный, то *у* может и не становиться неслоговым.

Явление это в белорусском языке исконное, известное всем памятникам старого западнорусского языка; только в них писцы не умели передавать *ў* неслоговой, употребляя начертания звука, близкого к нему, именно *в*, как это и теперь делают украинцы, да и некоторые издатели белорусских народных произведений. Приведем примеры — из старинных памятников. Грамоты и акты XIII—XVI вв.: ни намъ *в* сѣбе въ Смоленске (1284 г.), *в*ъгорьскимь (1349 г.), *в*чинилъ [1497 г. (Арх. С. I, 3)], хотя здесь, как и в других местах, можно видеть и особое морфологическое образование с предлогом **въ**; *в*ъ насъ (1465 г. Полоцк.), *в*памятавшы (1492 г.) и *в*бозство (= нищих, 1486 г.), *в*же (1499 г.), *в* насъ (1492 г.), въчинили (1478 г. Полоцк.), *в*жо [1536 г. (В. А. 27)], въслышить [1505 г. (ib. 14)], *в*меншати [1511 г. (М. А. 3)] и т. д. Псалтырь 1296 г.: *в*добь. Четья 1489 г.: *в*жасайсѧ (11б), *в*же (16), по*в*ченъ (29б), во *в*ъстѣхъ (37б), по*в*чѣние (39б), не*в*гасимомъ (44), *в*богихъ (47), во *в*тробе (48), *в*тѣхо (99б), *в*ченикомъ (198). Привил. 1457 г.: *в*знавши (28). Сборник XV в. Публ. б. № 391: по *в*лици (по улице, 70б), *в*ъжищомъ (ужи́щем, веревкой, 72б). Ист. Сборник XV в. Лет. Пер.: *в*ъмираетъ (24), *в* него. Летописи: где *в*жо (65 Крас.), *в*ме^{р} (65б ib.), не *в*мѣли (65 ib.), а *в*ъслышавъ (66б ib.), *в*тека^{ии} (64б ib.), палемо^{н} *в*родилъ тре^{х} сно̄въ (65 ib.), *в*'дѣлъ (удел, 72 ib.), *в* мене (75 Крас.), а *в* того кн̄зѧ (82 ib.), *в*ътече (73б Крас.), *в*ме^{р}ла (80б ib.), *в*зналъ (256 Позн.), на*в*рочыщахъ (286 ib.), дани *в* нихъ бирали (260 ib.), *в*же (2 Вил., 6 ib. 29 Увар.), *в*жѣ (30 Увар.), бо *в* него (8 Вил.), *в* нихъ (ib.), *в* князя Кестутія (28 Увар., но *у князя* 2 Вил.), *в*топити оу реце (51 Увар.), на*в*чи (1 Супр.), и *в*мре (17 ib.), рыданіе не*в*толимо (23 ib.), за *в*де^ (= в удел, 49б Археол.), *в*томони (при *оутамонъвъ* 102б Супр.), где *в* на месте *у* из *о*. Сборник XVI в. Позн.: *в*чынити (129), *в*него (96), не*в*мѣеть (115), *в*хватилъ (118), *в*горъскихъ (185), во *в*покою (186), по*в*текали (206), *в*ъспокоили (209), за*в*хо (150), *в*зналъ (256), на*в*мѣ (5), навчылсѧ (60), *в*мерети (61 и др.) Сборник XVI в. Крас.: не*в*го^{л}'н^{ъ} (173), *в*'ченїе (176). Статут 1529 г.: *в*жо (147), *в*богіе (150), *в*меръ (162), *в*ъ чіего (379), *во в*радника (у урядника, 387). Статут 1588 г.: не*в*меючи (212), *в*ряды (27), ни*в*кого (81), на *в*ъбогого (123). Гродн. Акт. кн. XVI в.: *в*ъ него (2), на *в*лици (на улице, 300). Бел. Арх. I: *в*жо (1577), *в*рочища (ib. 1603), *в* Оршы (ib. 1624); II: *в*порность [1532 (XVII в.)],

далъ *в*покой [ib. 1530 (XVII в.)], *в*билъ [ib. 1530 (XVII в.)]. Тайна тайных XV в.: *в*ъ оучениковъ (40б), а коли *в* человека (66б), лечатсѧ *в* кого ниб҃ж҃и (51б), не *в*' коей мдрости йсполненъ (49б), невчи (19б), *в*'зоры (узоры 6), *в*'богъ (65б), и *в*каꙋючи (52). Библия Скорины XVI в.: во *в*гробе (Б 45б), на*в*ъчитежь (I 11), на*в*чилъ (Пл. 4б), люди *в*ченые (Б 2), во *в*ста (Ю 15б), во *в*стехъ (И 10, но отдельно везде: ꙋста), и *в*жаснулсѧ (Б 50), и *в*коризна (Б 62), *в*же (Б 60б), во *в*мени гаданиѧ (Б 82), а *в*богіи (И 58, но ꙋбогі и В 49), свое *в*ъпование (II 8), не*в*мер (Б 70), *в*наво҃доносора царѧ и ꙋ валтызара царѧ и ꙋ дариѧ... и *в*ъ кира царѧ (Д 1б—2), *в*реза (МПК и др.). Апостол Скорины 1525 г.: ѡ *в*мꙋченьи (1б), на*в*ченію (ib.). Катихизис 1562 г.: *в*же (6б), *в*же'(38б), на*в*'чаѣть (17, 4), на*в*'чанїе (17б). Катихизис 1585 г.: по*в*ченїю (1), *в*живаю҃т' (89б), на *в*радѣ (а ниже — *на* ꙋрадъ, 55б), *в*ра҆дники (51). Евангелие Тяпинского 1580 г. не представляет *в* на месте *у*, но в нем встречается интересный пример: ꙋчинилъ (сотвори) (29б) при почти общем во всех памятниках *вчинилъ*. Ясно, что это последнее написание со своим *в* из *у* явление фонетическое, а не морфологическое. Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: *в*тихнеть (33), *в*'же (87), *в*'тѣшителѧ (88), и *в*чителемъ (95), ѡ *в*мꙋченьи (1б). Псалтырь XVI в.: *в*'чилъ (7), и *в*'читесѧ (7б), на*в*чи (26), на*в*ъчю (24), на*в*чалисѧ (39б), вы*в*чи (92б), на*в*чи҃сѧ (121). по*в*ча҃сѧ (38б), а *в*ка҃ (укажи, 11), *в*казꙋе҃ (27), во *в*жасе (66б), *в*жасе (116б), до *в*покою҃ (64), во *в*покои҃ (130) и *в*поминае҃ (8б), *в*поминати (47), *в*ъстереже҃ (15), *в*'смѣюсѧ (53), во *в*стехъ (32), о'ꙋ *в*ста҃ (58б), *в*далило҃ (112), *в*снꙋ҃ (15б), *в*смири҃ (90), не *в*знали (16), не *в*лекнетсѧ (27б), при*в*готова҃е (14), в'же (7, 50), не *в*зрель (14), *в*богѡго (24), *в*множи҃ (19), *в*'чини (7), *в*чикы (9), не*в*стройны҃ (79), не *в*паде҃ (7), а҃ *в*предили (18б), *в*мы҃ (73б), не *в*тека҃ (89), па҃чинꙋ (41), *в*хова҃й мѧ (16б), *в*дер҆жи (34б), *в*бива҃ (80б) и т. д. Сборник XVII в. Син. № 790: на *в*рочищу (138), за *в*рядника (ib.), *у* него (142), на*в*чоныхъ (145), *в*дарили (154), *в*рожай (164б), *в*теха (279 РФВ). Библ. кн. XVII в Толст. № 158: в долинѣ *в* дꙋба ма҃*в*рина (8). *в* тебе (у тебя, 56), сѣлъ *в* потока (209), *в*же (32б, 86, при ꙋ*же* 39), *в*ористо (68), и *в*щепилъ (4), *в*теклъ (32б), *в*дыри҃ (257, при ꙋ*дыри҃* ib.), за*в*тре (48, при *за*ꙋ*тро* ib.), коронꙋ золотую *в*около (около, 60) (из *ухоло*). Псалтырь XVII в.: *в*дѣлъ (110б), и *в*мѣетно҃ти (136), *в* сусѣдо҃ наши҃ (71б), не будет *в* тебе бг҃а (75б). Число подобных примеров из старинных западнорусских произведений можно бы в несколько раз увеличить, если бы выписывать все их, но и приведенных достаточно, чтобы видеть, насколько рассматриваемая особенность была распространена в старину. В современных говорах *ў* вместо *у* в отмеченном положении явление общебелорусское, как можно видеть хотя бы из следующих примеров, взятых нами из Мат. Б.: ня ўме́иць (№ 4 Могил. губ.), ня ўме́ю (№ 14 Новоалекс., № 28 Себеж.), ўмець (№ 23 Минск., № 25 Новогр., № 26 Себеж.), *в*мець (№ 17 Речицк., № 18 Витебск.), ўмёр (№ 5 Слуцк., № 15 Игум., № 23 Минск., № 25

Новогр., № 26 и 28 Себеж., № 31 Вилейск.), *вмёр* (№ 17 Речицк., № 18 Витебск.), *ўмёрци* (№ 7 и № 23 Минск.), *ўвидзяў* (№ 8 Игум.), *ўббги* (*-ий*, № 8 и 15 Игум., 23 Минск., 25 Новогр., 26 и 28 Себеж.), *вббгий* (№ 17 Речицк., № 18 Витебск.), *ўзяць* (№ 8 Игум.), *ўбиць* (№ 10 Мозыр., № 23 Минск., № 25 Новогр., № 26 Себеж.), *вбиць* (№ 17 Речицк.), што *вбыв*, то въехыв (№ 18 Витебск.), *ўдарила* (№ 28 Себеж.), *ўцёк* (№ 31 Вилейск.); в сборнике Малевича: *ўббги*, *ўдача*, *умі͡ець*, *няўдалы* (10 Слуцк., рядом с *убоги*, *удача*, *умі͡ець*); у Клиха из Новогр. у. (247): ᵘBóha, ᵘxapíła, pan ᵘžo, staję́ ᵘkancý и др. Как видно из последних примеров, *ᵘ* бывает даже после согласного звука предыдущего слова. Если предыдущее слово оканчивается тоже на *ᵘ*, то *ᵘ* + *ᵘ* сливаются в одно *ᵘ* только несколько протяжнее: naš͡bᵘ ᵘž͡b, byᵘ ᵘjejé, даже račúᵘžo (ib.), где *ᵘ* глагола слилось с *и* слоговым.

Переход *у* в *ы*

Переход *у* в *ы* наблюдается только в некоторых местностях и притом в отдельных словах, — обстоятельство, говорящее за то, что мы, по всей вероятности, имеем дело не с чисто фонетическим явлением, а с последствиями особого словопроизводства. Таковы: 1) *слых* (Шейн Б. П. № 91 Диснен.) (слух, молва); об ём и слыху нема (Сл. Нос. 592); ср. еще Мат. Б. № 8 Игум.: носятся слы́хи; № 29 Новогр.: раздаўся слых о том; № 18 Витебск.: а ци в слых табе наша песинка? (волочебная песня); № 31 Вилейск.: нима слыху ад вучициля; Ром. VI, 21 Гомель: слыху няма. В этом слове, несомненно, следует видеть приравнение к *слыха́ц'* — *слы́шац'*, или считать его производным от *слыха́ц'*, т. е. мнимо-первичным словом. Тут же следует упомянуть *выслышаў* (Мат. Б. № 17 Речицк.). 2) Очень распространенное в белорусском *бы́тто* — *ни́бытта* (будто бы, Мат. Б. № 6 Диснен., № 27 Лепп.), быдто (ib. № 8 и 15 Игум., № 11 Новоалекс., № 9 Бых., № 17 Речицк.), нибы́дто я видив тибе (№ 18 Витебск.). Сюда же примыкает *бы́ццым* — *бу́ццым* (будто, ib. № 4 Могил. губ.), *бы́ццам* (ib. № 14 Новоалекс.). Во всех этих случаях на появление *ы* оказали влияние образования от корня *бы-*. 3) В mіżdy saboju (Федер. II, 174 Волков.) не *у* перешло в *ы*, а имеем особое образование, где такое же *ы*, как в творит пад. мн. ч. 4) Довольно редкое — *за́мыж* (Шейн. Мат. II, 54, № 79, Мат. Б. № 26 Себеж.); раски́нула де́вынька вумом, да й кувырь за́мыж (ib. № 18 Витебск.). Очень может быть, что здесь безударное *ы* передает довольно неопределенный редуцированный звук. 5) Так же следует объяснять *ко́хшын* (Ром. III, 4 Сенн., при обычном белорусском *кохшу́н*) и 6) *хаски́ныв* (Ром. IV, 88 Велиж.). Непонятно для меня 7) *крыжо́к* (подчеркнуто в оригинале) (Ром. IV, 135; На ж табе, кажа, крыжо́к и накрыць на голове... ён... одным кружком накрывся). Может быть, здесь ложная аналогия со словом *крыть?*

В тех белорусских говорах, которые знают *ы* на месте *а* безударного, возможно появление *ы* на месте *у* в формах винительного падежа женского рода имен прилагательных, где *-ыю* собственно из *-аю* (о чем речь после): всякыю (Мат. Б. № 26 Себеж.), у ту́ю ў са́мыю руи́ну, низьмерныю силу (ib. № 18 Витебск.). Но и здесь фонетическое явление лишь в том, что на месте безударного *а* явилось *ы*.

Старинные западнорусские произведения представляют несколько примеров рассматриваемой особенности, но также сомнительного характера: в них можно видеть и морфологические явления, таковы: ѡслышитисѧ (Лет. Авр. XV в.), выслышавъ (Библ. Скор. XVI в. Б 53, Э 9б) (хотя здесь можно видеть и просто переделку чешского wslyssew), вьздышны^{x} (воздушных, 38 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ты да^{ѳ} пока^{р}мъ оу слышны^{и} ча^{ѕ} [139 (czázu słussnego) Псалт. XVI в.].

По аналогии появления *ы* на месте *у* можно было бы ожидать перехода *у* с предыдущей мягкостью согласного (*ю*) в *и*, но мне такие случаи неизвестны. Несомненные чехизмы в *плачичу* (30 Сб. XV в. Публ. б. № 391), *капитули*^{м} (ib. 71, при *капитоулю* 38б ib.). Быть может, это явление (точнее возникновение *й* на месте *ю*) отражается в двояком написании в грамотах и актах имени *Люборт*ъ и *Либорт*ъ: ср. *Либо*рта (гр. после 1341 г.).

Переход *у* в *о*

Переход *у* в *о*, если не мнимое явление, то во всяком случае морфологическое и распространяется на очень ограниченное число случаев. Да и из них следует исключить два слова, на которые я прежде ссылался. Имею в виду *опо́хнищь* в следующем примере (Шейн Б. П. № 517 Лепп.):

Коли ў цябе, жо́нка, ды пятух здо́хнищь.
Тады табе, жонка, голова *опо́хнищь*.

Как видно из Словаря Носовича (487), *похнуць*, *похци* общебелорусское слово, представляющее особое образование; то же подтверждает и Е. Р. Романов (Мат. Б. № 3); общебелорусское его распространение известно и из других данных (ср. Мат. Б. № 4 Могил. губ., № 6 Диснен., № 11 и 114 Новоалекс., № 26 и 28 Себеж. и др.). Но нельзя и того отрицать, что *похну́ць* имеет значение *пухнуть* и произведено от одного и того же корня **пъхъ-**. Другое слово с мнимым переходом *у* в *о* — *лог*, нацр., у Шейна Мат. I, 478 Вилейск.: *логи* (луга), ср. еще Мат. Б. № 3 и 4 (Могил. губ.), 6 (Диснен. лаги́), 9 (Бых.), 13 (Свенц.), 18 (Витебск.). По Романову (Мат. Б. № 3), это слово общебелорусское и, как указывает Н. Я. Никифоровский (ib. № 18), имеет в сравнении с *луг* другое значение: «низменность в отношении смежной возвышенности». В нем тот же корень, что и в слове *логчи́на*. Как будто фонетическое явление в слове

чоў = чуў (слышал), взятом из следующего места сборника Бессонова (стр. 4, № 74. 15—16):

Нихто того́ ни чоў, ни бачиў,
Только чу́ло Небо да Земля.

Что здесь не опечатка, видно из того, что к этому слову сделана выноска: то же, что *не чул*. Романов (Мат. Б. № 3) также допускает эту форму, признавая ее частной чертой.

Рассматриваемый переход находит отражение и в старинных западнорусских произведениях, но там нельзя поручиться, что мы имеем дело с звуковым явлением, а не с графическим приемом. Дело в том, что в старых памятниках *у* часто имеет вид ѹ, и если писец не дописывал ˇ, то естественно оставалось *о*, часть *у*. Нам встретились следующие примеры: Четья 1489 г.: дрожино (245б), литоргие (95б), єросолимъ (133б), но *литоргие* часто встречается и в других памятниках (напр., в Галицк. Ев. 1296 г.), а последнее слово может передавать лат. Hierosolema; Сб. XV в. Публ. б. № 391: хорогви (17б), порочникоу (ib); Грамоты конца XV в.: постите (= пустите, л. 242); Лет. Авр. XV в.: *оустапати* поправлено из оустаупати (131, с аканьем); Статут 1588 г.: тивоновъ (224); Тайна тайных XVI в.: глопость (34б), ходобе (42), ро̑ же́лта (67), кро̑ло (37б), самои̑ (89б), бесто̑ лицо̑ (= бесстыжий 10 ib.), ликарь'ство̑ (*-у*, 43). Собственное имя *Самоилъ* в таком виде встречается и в других памятниках, даже позднейших; Псалт. XVI в.: ѡ звокоу (103), самои̑ (99); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: ѡ самоиле (140б), самоиль (141), самоилъ (141б).

Переход *у* в *а*

В тех белорусских говорах, в которых сильной редукции подвергаются не только звуки *о* — *е*, но и другие гласные безударные, возможно появление *а* и на месте *у*. А. А. Шахматов («Русское и словенское акание», «РФВ», XLVIII, 84) находит возможным во всех относящихся сюда случаях видеть фонетические явления, но я допускаю возможность, напр., в винительных падежах на *-аю*, видеть и морфологические явления. *А* на месте *у* представляют следующие случаи: свíснаў (Бесс. Б. П. 173, Мат. Б. № 9 Бых., № 31 Вилейск.), раскíнаў (ib. № 6 Диснен.), уся́каю (Бесс. Б. П. 1), бо́жаю (ib. 2, Мат. Б. № 9 Бых., 13 Свенц., 17 Речицк., 31 Вилейск.), гэ́ткаю (ib.), усилякаю (ib.), рэчку широкаю и глыбокаю (Розенф. 41 Минск.). В старинных памятниках: Анапреевич (Бел. Арх. I 1694). В тех говорах, где вместо безударного *а* бывает *ы*, и здесь, как мы уже отметили в свое время, бывает *ы*. Я полагаю, что в формах на *-аю* не могло не сказаться влияние именительного падежа на *-ая*.

Совершенно аналогично переходу *у* в *а* в формах на *-ую* появление *ја* на месте *ји* в тех же образованиях: каралиху молоду́я и бе́дную (Мат. Б. № 13 Свенц.). В этом, впрочем, не чисто белорусском образовании в конечном *я* можно бы видеть и замену *ѣ*, как в *самоѣ*.

Исчезновение безударного *у*

Отпадение безударного *у* замечается только в слове *дз'а́куй* (благодарю) из *дз'а́куйу* (последнее также употребляется, ср. Кар. 61 Трок.) — образование, явившееся не без влияния окончания повелительного наклонения.

ПЕРЕДАЧА ОБЩЕРУССКИХ ПОЛНОГЛАСНЫХ ФОРМ

В своем месте мы уже имели случай говорить, что общеславянские сочетания *or̥ — ol̥*, *er̥ — el̥*, стоящие между согласными, или, по формуле Миклошича, tor̥t — tol̥t, ter̥t — tel̥t, в древнерусском языке, еще в эпоху его единства, перешли в сочетания torot — tolot, teret — telet, т. е. в нем явились, как принято говорить, полногласные формы. Как свойственное общерусскому языку, это явление во всем его объеме унаследовано и белорусским языком. Будучи менее подвержено влиянию церковнославянского языка, чем русская литературная речь, белорусский язык даже в большей чистоте отражает полногласие, часто сохраняя его там, где в русской литературной речи имеем другое. Старый западнорусский язык в этом случае является прямым преемником древнерусского летописного языка и речи грамот, давая формы церковнославянские лишь в памятниках, представляющих сильную церковнославянскую стихию; польская огласовка спорадически замечается в переводных произведениях с этого последнего языка. Чтобы наши утверждения не были голословными, приведем примеры из старинных произведений и современного языка, причем будем выставлять главным образом такие случаи, которые, отражая старину, в то же время или вышли из употребления в русском литературном языке, или же сохраняются в другом виде: вообще будем отмечать по возможности более редкие случаи. Итак:

1) *-ороо-*, *-оло-*, *-ере-* в старинных западнорусских произведениях: Грамоты и акты XIII—XV вв.: *полотескъ* (1265 г., при *полтескъ* в некоторых памятниках, о чем после), *володѣти* (1432 г.), *головных* (ib.), *нагороду* (1480 г.), *хоромъ* (1486 г.), *веремА* [1388 г. (23)], *веременемъ* [1387 (21), 1393 г.], *серебро* [1387 г. (22)], *сьрьбра*, *дьрьвъмъ* (ок. 1230 г.), *бьрьзѣ* (ib.), *на пьрьдѣ* (ib.), *перьже* (ib.). Четья 1489 г.: *хоробрыми* (39), *вороГа* (26), *сорома* (23), *соромѣйсА* (161), *хоробрость* (140), *забороло* (82), *оболока* (52б), *володѣти*, *долони* (126), *веремени* (52), *пережь* (41) и др. Сборник XV в. Публ. б. № 391: *ѿдъ превороты* (1, с полонизмом в первом слоге), *сторона* (40, 45б), *волости* (9), *пере* (35б), рядом с *пре* (2), *оумерети* (42). Ист. Сборник XV в.: *воробьи* и *веребьи* (12), *вьребьи* (ib.). Литовские летописи: ко *Горо́ному* (91б Супр.), *поло* (65б Крмс.), *волохи* (ib.), *боронишася* (13 Вил.), *холопъ* (2 ib.), *сторожею* (7 ib.), *сере́ний сн̄ь* (65б Крас.), даже не *перепѹстили* (вм. *не пропустили*, 85б ib.). Летопись Авраамки XV в.: в *сторожо́* (93б), *вологу* (398), *жолоза* (163, 217), *безвременаныа* (203), *серебра* (250б, при неполногласной

форме в некоторых других памятниках), постерéчи (89), мерéти (261). Сборник XVI в. Позн.: волосы (129), ворота граду (115), подъ городомъ (126), полома (189, об ином виде огласовки в другом месте), волочыти (166), несполохалъ (39). Сборник XVI в. Крас.: боронити (104—105, 113), чрезъ (31 и др.). Статут 1529 г.: хороминѣ (383). Статут 1588 г.: новгородскимъ (Новогрудским, 75), головнéшого (98), сором отилъ (220), нагороженья (123), объголошонъ (120), жерéбе' (404). Бел. Арх. I: померы волосное (власное, 1588). Тайна тайных XVI в.: хоробр'огò (37), городы (12б), поросатины (64б), ворожѣнiѣ (35б), оболока (65б), соло́ко (39), гòлова (3), стеречи́сѧ, верéма (19б), чрез' (2), пережде (51), перешлогò (76б). Библия Скорины XVI в.: на стороницахъ (Ц 3б), объволокуть (Ц 98б), поздоровили (С 39), оболокласѧ (Ю 16б), сорому (Ср. 32б), шоломъ (Ц 35). Катихизис 1562 г.: норовы (2б посвящ.), нагороженьѧ (162), полоненьємъ (8б), померéти (194), верéдити (76б), верещить (64б), верéскомъ (голосомъ верéскливымъ, 65). Евангелие Тяпинского 1580 г.: коровать (11, 45) (образование вторичное), ворога (7), -ги (31б), сторожу (35), порох (50б), король (2, 28б), незаборонáйте (не препятствуйте, 26б), ѕздоровилъ (29), ѕсдромеютьсе (30), засоромїлъ (31б), городы (44б), на ѻболокахъ (34б), ѻболокъ (55), ѻболоченъ (43), бологий (блажен, 35), серебро, черéселъ (12, 35), берéме (15), чрéеве (2Б), в' чрéево (52б), верéщали (28б), перéкладалъ (28б), берéмена (32), сьстерéжї (44б), перéднейшоé (32). Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: пережде (15), пережь (32б), ворогъ (19), сором отите (32), хоро'брыхъ (84), поворозъ серебреныи (92), черéво (102), верéма (87б), верéтенница (105), перéворотныхъ (= превратных) (97), умерéте (87б), стерéчи (87), волочилисѧ (113), полома (111), болозе (= хорошо, 14), болозѣ (94), долонь (88), головными (84), солодокъ (83), володѣешь (63), въ ѡболоцѣ (59), молодица (31б), молоденьцомъ (= парням, ib. — полонизм с русским полногласием). Псалтырь XVI в.: порох (7), борони (27), ѿворо́ца (27б), въздорѣ (42б), не засорома (119б), сторожю (136), ѿболокъ (97б), ѿболоко (57), ѿболоко (67), ѻболокома (79б), соло́ки (122б), поломе (29), жерéбей (23б), черéва (23, 70), "ѡперезѣ́сѧ (112), перéказа (120б). Евангелие 1616 г.: пожерéти (2си б). Сборник XVII в. Вил. № 107: ѡхолоды (102б), ѡбороча (105), ѕмерéти (95). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: порохъ земны' (8), сором оту, сором оты (75), коропатвы (= куропатки, 165б), на ѡболока (4), ѡболоклъсе во волосениц ѕ (278), жерéби. Псалтырь XVII в.: сторожѕ (11б), сором ота (21), порохом (22), нагородилъ (= наградил, 39), ѡборо́ца (47б), коронѕетъ (106б), роспростороншъ (133б), полома (78б), до ѡболоко (5), ѿболоки (100), соломше (139б), зóлото (126б), дерева (56б), берéма (9б), берéме (76б), перé (11б, 135б), перепрешъ (32б), верещѕ (143), верещá (127) и т. д.

В современных белорусских говорах полногласие в полной силе, хотя и не все слова, перечисленные из старинных западнорусских про-

изведений, известны современной речи. Кроме того, вследствие известных звуковых перемен в области гласных чистая огласовка *ого—оло—ере* иногда соответственно изменяется, смотря по местностям. Приведем примеры; большинство их имеется в Словаре Носовича; взятые из других источников имеют при себе цитаты: *борони́цца* (защищаться), *забороня́ць* (запрещать), *бохо́нитца* (он бранится, Ром. I—II, 424 Могил.), *во́рог* [враг, ср.: маи *варагі́* (Розенф. 48 Минск.)], *коровáць*, *нагохо́да*, *норови́стый*, *оборочáць*, *ратцогак* (Федер. I, 158 Волков.), *пох* (прах, пыль), *со́ром* [ср.: *сýбрам* (Малев. 10 Слуцк.)], *сохо́мецца*, *стохо́жа* (стража), *стохо́нка*, *болозе́й*, *балазе́* (Мат. Б. № 5 Слуцк.), *-ей* (ib. № 8 Игум.), *былозе́* (ib. Витебск.), *волóдоваць* (Ром. III, 96 Бых.), *володовáть* (Мат. Б. № 9 Бых.), *волокци́*, *волоку́* (тащу), *волóский*, *голóвный*, *голóвно*, *голосúць*, *дóлонь*, *бболоки* (Мат. Б. № 9 Бых.), *за болоки* (Ром. III, 132 Клим.), *солóдкий* [на *солóдкие* мяды (Изв. 186); ср. Мат. Б. № 4 (Могил. губ.), 5 (Слуцк.), 6 (Диснен.), 8 (Игум.)], *сылодéй* (ib. № 18 Витебск.), *солáдак* (ib. № 23 Минск.), *салýóтки*. (Малев. 10 Слуцк. и др.), *сполóхацца* (испугаться), *charомina* (Федер. I, 124 Волков.); *оло* из осн. *el:* *золóзы* (Мат. Б. № 9 Бых., но чаще иначе, о чем после), *полóн*, *молокó*, *молóдзиво* (вм. *молозиво*, ст.-слав. **млѣсти**, под влиянием *мóлод*), *молóць*, *полóць*, *полóва* (мякúна), *берéме*, *вéред*, *веребей* (но чаще, как увидим после, иначе), *вéреме*, *верещáць*, *верецéнница*, *жéребей*, *жеребóк* (Мат. Б. № 9 Бых.), *жарабóк* (ib. № 5 Слуцк.), *перéж*, *серéдний*, *чéрево*, *чересло́* (часть сохи); город Гродно окрестный народ называет *Гóродно*.

2) Огласовка церковнославянская вм. полногласной встречается нередко в старинных западнорусских произведениях церковного характера; в переведенных с польского церковнославянизмы редки [*позлáцонъ* (141 Сб. XVI в. Позн.), где может быть и чешское влияние, *8мрети* (142 ib, может быть и полонизм), *подъ градомъ* (127 ib.), *храбрыниче* (136 ib.); *дрéво* (30 Сб. XVI в. Крас.), *прéстали* (118 ib.) — в обоих случаях можно усматривать и полонизмы; *зрáвьé* (9б Тайна тайных XVI в.), *храберъ* (87б ib.), *срѣбрю* (12 Катих. 1562 г.), *вранiи* (59б Ев. Тяпин. 1580 г.); церковнославянизмы в Псалтыри XVI в. отмечены в исследовании этой рукописи на стр. 168; *срéбра* (136б Псалт. XVII в.), *срéбро* (126б ib.), хотя здесь, как и в других рукописях, это написание может отражать и основное **сьребро**]; бывают церковнославянские формы и в оригинальных произведениях [ср. *злáтыми* (41 Увар. сп. Лит. лет.) рядом с *поясы золотыми*]; в живых белорусских говорах церковнославянизмы кое-где попадаются в областях, подвергшихся сильному русскому влиянию [злáто—срéбро (Мат. Б. № 18 Витебск.), А де тáя кирчéмка, | Што *млыдáя* шынкáрка (Шейн Б. П. 218 (Сураж.) Велиж.)] — с *ы* на месте *а* безударного; в том же роде: А наш князь *млады́й* ни сам подавáець, але намéсьничка мáець (ib. стр. 367[1]), *млада́* (Шейн Б. П. № 425

[1] Впрочем, здесь, быть может, и поправка издателя песен, так как две строки выше читаем: «также наш князь м л о́ д ы й, купи́ў вянок д р о́ г и й» — с польской огласов-

Лепп.), *жрябёнка* (Ром. III, 248 Сенн.), или как формы, зашедшие под книжным влиянием (напр., *благословёнство* Сл. Нос., *пламя* ib., им подражает — *бла́дать* (владеть) Сл. Нос., z kraléunaju Федер. I, 20 Волков.); насчет очень распространенного *сребро* (Мат. Б. № 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 Игум. и др., Малев. 10 Слуцк.) при *серебро* (напр., *сярабро́* Мат. Б. № 6 Диснен., *сирабро́* ib. № 14 Новоалекс., *ся°рабро́* Малев. 10 Слуцк. и др.) трудно утвердительно сказать, с чем мы имеем дело: со старинной ли, церковнославянской, или польской огласовкой. В этом же роде *древо* (*древе* Шейн Б. П. № 152 Витебск., ср. еще 154 ib.; *на дрэви* Розенф. 16 Вилейск.) при *дзерево*, которое может быть равно и ст.-слав. дрѣво и польск. drzewo. Чисто народное образование в *литёплый* (ли- = лѣ-, елетеплый) (Miklosich. Vergl. Gramm. 1^2, 427).

3) Несомненные полонизмы в следующих образованиях: *кролю*, *кролевой* (гр. 1393 г., Arch. Sanguszk. 1), *гроды* (ib.), *вгодислава* (гр. 1400 г.) (Собол. и Птащ. № 48), *здровье* (гр. 1405 г.), *оуздровилъ* (103б Четья 1489 г.), *ѡздровлаху* (154 ib.), *кроли* (38б Сб. XV в. Публ. б. № 391), *ѡбротивсе* (41 ib.), *вроти^а* (49 ib.), *в облоки* (30б ib.), *злото* (53 ib.), *ѡблочи^ии^ся* (97 ib.); в Литовских летописях: *кролевну* рядом с *хоролевну* (8 Вил.), *кроле^вства* (86 Крас.), *хлопъ* (29 Увар.), *грода* (38 ib.), *здро^ъл* (64б Крас.); в Сб. XVI в. Позн.: *кроль*, *кролица* (124), *злото* (129), *позлоцонъ* (139), *повразы* (95), *поздровилъ* (134); *прэ-* вм. *пере-* очень часто; *сромоцьские* (84 Катих. 1562 г.), *превращеннемь* (5 Катих. 1585 г.); Статут. 1588 г.: *ростропного* (82); Тайна тайных XVI в.: *ростропенъ* (23, 29б), *ростропотного* (70 ib.); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: *сромота* (55б), *вро^т* (67), *въ цимбале^х доброглосны^х* (82б), *оукротѣють* (98); в Псалт. XVI в.: *наврота^г* (10б), *кроле^ми на^д кро^ми* (22), *оўзровъ* (10), *оўв оброн^ѳ* (14), *прожны^х* (27), *ѡ^т строжи* (129б), *сло^кости* (22), *млоде^т* (62); *злото* (29б Сб. XVII в. Вил. № 107); от *кроля* швецкого (143 Сб. XVII в. Син. № 790); *власяниц^ѳ* (33б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158). В живой белорусской речи также попадаются полонизмы, но вообще редко; чаще они у белорусов католиков, напр.: *хло́пец* и *хлапе́ц*, *крулева́ць*; *млод царевич* (Ром. VI, 313 Городок) *злото* (ib. 325 Рогач.). Слово *облако* встречается в нескольких видах, причем в некоторых можно усматривать и полонизмы, напр., *обло́ки* (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), *вдблуки* (с *у* на месте *о*, ib. 16 Бых.); даже *аблакй* (ib. 8 Игум., 13 Свенц.) и *во́блаки* тоже можно возвести к образованиям с *-ло-*.

Нельзя видеть полонизмов в таких случаях, когда *о*, особенно будучи безударным, утрачено в народных произведениях для стиха:

Приляце́ли *вро́ны* (Шейн Б. П. № 79 Лепп.);
Возьми́, бра́ця, во́стрый ме́ч,

кой. Также и следующий пример (ib.): «до вашей воеводы м л а д о й» (у Шейна без ударения) следует исправить в «млодай».

Снимý *глóву* з бéлых плéч [ib. № 218 (Сураж.) Велиж.];
Эй там во *грóдзе*,
Там ва *грóдзе* саслучúлася бядá (Кар. 50);
Наш князь *млóдый*
Купúў вянок *дрóгий* (Колосов, Обзор, стр. 52);

мнié млодуй (Малев. 113 Слуцк.); *злóто* в песнях (ib. 10). Сюда же принадлежат: жав_рòнык (Смол. Добров. I, 10. 23), жàв'ронок (Мат. Б. № 9 Бых., 26 Себеж.), к_роль (неоднократно, напр., Ром. 111, 304 Бых.). Пропуск первого гласного в *-оро-* можно подозревать иногда и в старинных произведениях, но с полной достоверностью утверждать этого нельзя. Может быть, сюда относится *Вълодимиръ* (28 Ист. Сб. XV в.), где *ъ*, однако, может обозначать и звук *о*.

4) В современных народных произведениях и отчасти в старинных западнорусских памятниках нередко бывает такая полногласная огласовка, в которой после *р* и *л* стоит *а* вм. ожидаемого *о* и *е*. Напр., *верабéй*, *вераб*ъя́ми (Мат. Б. № 5 Слуцк., 8 Игум.); то же с переходом *е* безударного в *и:* *вирабей*, *вирабъями* (ib. № 6 Диснен., 13 Свенц., 28 Себеж., 31 Вилейск., Ляцк. Посл. 33 Борис.); или с переходом *а* в *ы:* *вирыбъя́ми* (ib. № 4 Могил. губ.); при стремлении придать более этимологический вид этой форме она преобразуется в *веробъями* (Мат. Б. № 7 Минск., 9 Бых., Ром. I—II, 196 Могил.): *веробъиху* (Ром. 14, 219 Черик.), *серадá* (Сом. V, Гомельск.), *биражóчкам* (Кар. 60 Трок.), *вираценкам* (ib.), *вераценница* (Мат. Б. № 13 Свенц.), *верацéльница* (ib. 8 Игум.), *сéрыбро* (из *серабро*, Шейн. Мат. I, 235 Горецк.), *čeravíki* (Клих 154 Новогр.), *śe'adóršy* [ib. 206 (средний)], *селязéнечка* (Ром. I—II, 271 Сенн.), *силязéнь* (Мат. Б. № 6 Диснен., 14 Новоалекс.); предлоги-приставки *пере-* и *передъ* часто имеют вид *пера-* и *перадъ:* *перасушúць* (Ром. III, 21 Сенн.), *пераведзем* (ib. 182 Рогач.), *перахриститца* (Ром. V, 40 ib. 19), *пераначував* (Ром. III, 4 Сенн.), *пераскóчу* (Ром. I—II, 4 Рогач.), *перастóила* (ib., 45 Могил.), *нóраў* (Смол. Добров. I, 10.29), *золатóму* (Шейн. Мат. I, 65 Игум.) и т. д. Если принять во внимание, что во всех приведенных случаях *а* на месте *е* или *о* стоит в слогах безударных, больше непосредственно предшествующих ударяемым, то окажется возможным видеть во всех приведенных формах простое аканье, а там, где *ы*, — видеть дальнейший переход безударного *а* в *ы*, о чем у нас была речь раньше. Почему *е* перешло в *а* без предыдущей мягкости согласного, будет понятно, если обратим внимание на то, что это *е* стоит после *р*, подвергшегося вторичному отвердению. Несколько иную, однако, окраску приобретает картина, если мы обратимся к старинным западнорусским произведениям. Тут мы найдем, напр., что в Библии Скорины совершенно нет случаев аканья; а между тем попадаются полногласные образования рассматриваемого типа, как *золатарев* (Ц 238), *выстерагатиса лъсти* (Ср. 16б). Подобное написание в Лит. лет.: Новаго*рада* (11 Вил.), по го*радо*ѫ (47б Тайна тайных XVI в.) и в Позн. Сб. XVI в.: *чеpова*

(Брюкн. IX, 362). Возможно, конечно, что и у Скорины подобные написания также представляют отражение аканья, которое в других случаях не обозначается; но общебелорусское распространение слогов *-ера-*, *-ора-*, *-ола-* во всем языке, при возможности появления новых полногласных огласовок, как увидим ниже, заслуживает все же внимания.

По недостаточно ясным для меня[1] причинам, находящимся, повидимому, в связи с местом ударения и утратой долготы в древнерусском языке, еще в эпоху общерусского неделимого языка основные славянские сочетания tor̥t, tol̥t, ter̥t в некоторых случаях изменились в tɑ̆r̥t, tɑ̆l̥t с редуцированными гласными при слоговых согласных (ɑ̆ обозначает слишком краткий неопределенный гласный). Когда сочетания tor̥t, tol̥t перешли в конце общей жизни русского языка в torot, tołot, тогда и на месте tɑ̆r̥t, tɑ̆l̥t явились tɑrɑt, tɑłɑt. Редуцированные гласные в этих последних сочетаниях заменялись гласными полного образования в зависимости от следующих больше ударяемых слогов: гласные при *r* и ł уподоблялись гласным следующего слога известных образований, а затем уже при изменении получившихся таким образом слов и новых от них производствах оставались без изменения; иногда допускаются и смешанные сочетания[2]. Это так называемое третье полногласие. Область его распространяется и на основные славянские сочетания tъ̆r̥t, tъ̆l̥t, о чем речь в другом месте. Здесь отметим только примеры появления tɑrɑt, tłɑt на месте ожидаемых torot, tołot. Это:

от общерусск. pol̥sk- образовался глагол *пелескнуць*, *пескаць* (проливать, производить плеск, Сл. Нос.), где *е* в *-еле-* обязано влиянию 3-го л. ед. ч. *пелесчéть* с его *-нé-* (ср. Шахматов[3] 360/308); корень тот же, что и в *полоскать;*

от общерусск. pol̥s- образовались *пелесануць*, *пегесоваць* (ударить кнутом, наказать плетью, Сл. Нос.) под влиянием *пелеснéть* (Шахм. 360/307); сюда же принадлежит *пилёсы* (полосы); корень тот же, что и в *полосовать;*

от общерусск. sołp- образовалось *селепанýць*, *селепáць* (проворно черпать, хлебать, Сл. Нос.) под влиянием *селепнéть* (Шахм. 360/310); тот же корень, что в ст.-слав. **ѣсълапнтн** или белорусск. *высолопиць*. Акад. Шахматов сюда относит — *целепнуць*, *целепаць*, но естественнее относить их к общерусскому tъ̆łp-, о чем у нас речь будет после;

---

[1] Для составления нижеследующего отдела главным пособием служит статья акад. А. А. Шахматова: «К истории звуков русского языка. Полногласие» («Известия ОРЯС», 1902, № 1 и 2; 1903, № 1 и 2). Но и глубокоуважаемый А. А., как видно из его же заявления («Известия ОРЯС», 1903, № 1, стр. 298), во второй половине названной статьи не доволен приложенным им в IV главе объяснением процесса перехода tort, tolt и т. д. в tɑ̆r̥t, tɑ̆l̥t и т. д. Может быть, со временем откроются неточности и в предложенных им здесь поправках.

[2] Ср. А. А. Шахматов. К истории звуков..., гл. IV, § 3—22.

[3] В ссылках на статью Шахматова первая цифра указывает на стр. № 2 «Известий» за 1902 г., а вторая цифра на стр. № 1 «Известий» за 1903 г.

от общерусск. pol̥men- образовалось *по́лыме*, «где *о́лы* непосредственно из *а́лы*, в силу... диссимиляции *а* и *ы*» (Шахм. 352/308). Звук *l̥* перешел в *лы* независимо от качества следующего слога, так как ударение не на нем, а на предыдущем слоге. *Лы* могло явиться здесь и по ложной аналогии с такими образованиями, как *блыха́;* во всяком случае в *по́лыме* нельзя видеть *ы* на месте *о* безударного, так как это слово общебелорусское;

от общерусск. vor̥x- (ср. *ворох*) образовано *вары́хнуць*, *вары́хаць* (собств. *ворых-*) (шатать), где *-оры-*, по Шахматову (364/313), явилось на месте *ar̥* перед выпавшим впоследствии *ъ*, стоявшим за *х* (из *vor̥hъ-nùti);

от общерусск. sol̥p- образована частица *солы́п* (показывающая мгновенное вытягивание языка, Сл. Нос.), где *-олы-* по той же причине (Шахм. 366/310);

от общерусск. vor̥x- образовано *повору́хнуцца* (повернуться нечаянно), *ворухаць* (искать в голове), *ворушы́ць* (Сл. Нос). Как видно из первого глагола с суффиксом *-ну-*, мы ожидали бы здесь *-уру-*, но под влиянием обычного *-оро-* имеет смешанный тип *-оры-* (Шахм. 368/313);

от общерусск. sol̥p-, кроме раньше отмеченной частицы *солы́п*, происходит еще глагол *солупну́ць*, *солу́п*, *вы́солупиць* (Сл. Нос.), где *-олу-* объясняется так же, как в предыдущем случае (Шахм. 369/310);

от общерусск. tor̥x- с удвоением образовано *тарара́хнуць*, где *а* в *-ара-* под влиянием глаголов с суффиксом *а*, как *тара́хаць*, *тра́хаць*, откуда *тра́хнуць* (ср. Шахм. 379/311, 347/311). От той же основы происходит *штурхнуць* (толкнуть, из šь-tor̥x-) (Шахм. 336/311).

Очень напоминают рассмотренные образования, но должны быть объясняемы иначе следующие слова:

z par*é*siem (Федер. I, 197 Волков.), но так же скажут и в некоторых других местах; общебелорусск. *пахася́*, т. е. *похося́*. Здесь (в *паре́с'ам*) *э* явилось по аналогии чередований безударного *-ра-* с ударяемым *-рэ-* из основного *-ре-* (как *б'аре́м'ем'ам*);

жухаве́ль из žer̥v-, поскольку возможно образовать такую форму на основании литовского gervė и местного белорусского *жо́хов* (Сл. Нос.). Поставленная в заглавии форма, сходная с украинской, да в общем и с русской, представляет плод осмысления, народной этимологии. В старинных произведениях *жеравль* [жеравлевый (43 Тайна тайных XVI в.)], как и в ст.-слав. и отчасти других славянских языках;

муравей́, *мура́шка* из mor̥v-, ст.-слав. **мравии**; в старинных западнорусских произведениях тоже *мѫравей* (11 Тайна тайных XVI в.), вероятно, сближено народом со словом *мурава;*

корѫка — встречается очень часто в разных памятниках, напр. гр. 1388 г. (23): корунѣ, у Скорины, ср. еще *до корѫны* (73 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262). Как слово иностранное corona, естественно, не

уложилось в рамки полногласия, и это не только в русском, но и в других славянских языках: ст.-слав. **кроуна**, болг. *корона*, сербск. *круна*, чешск. *korunа*, польск. *korona;* в западнорусском естественнее всего видеть чешское влияние.

Есть несколько образований в современном и старом языке, которые напоминают полногласные образования, но ничего общего не имеют с полногласием, это: *гаразд*ъ (Позн. Сб. XVI в., 248), совр. *гора́здый* (Сл. Нос.), ст.-слав. **гораздъ**, собств. имя Гора́с҃ос в житии Климента. Иногда сказывается стремление придать в некотором роде полногласную огласовку и словам иностранным: П*ароскове*ѧ (Позн. Сб. XVI в. 231, ср. греч. παρασευή), Ск*ири*кгайломъ (гр. 1386 г.), Ск*ири*гаилу (Лит. лет. Увар. 32), Ск*ире*гаило (37 ib.).

Чтобы покончить с полногласием, необходимо остановиться еще на одном обстоятельстве. Общеславянские сочетания *or*, *ol*, *er* по причинам акцентным, но еще недостаточно выясненным, в некоторых случаях заменились сочетаниями *or*, *ol*, *er*, которые в общерусском языке не должны были обращаться в *оро, оло, ере,* а могли сохраняться без изменения. Конечно, аналогия полногласных образований и здесь сказывалась, вследствие чего могли явиться полногласные формы рядом с *ор, ол, ер* (ср. «Известия ОРЯС», 1902, № 2, стр. 311 sq.). В белорусских говорах и рассматриваемые образования находят отражение во все время существования языка; так, в гр. 1387 г. (21) читаем: по*л*тескъ (при *полоцкомъ*), в Рад. лет. По*л*тескъ (при род. *Полотьска*), По*л*тескъ (182 Акад.), По^ческъ (21 Рум.), Во*л*ъдимеръ (11 Супр., при *Вълодимерѣ* ib. 2), Всево*л*ъ^ (ib.), — вероятно, только орфографическая особенность; на сто*х*ьницахъ (Апо́ст. Скор. 1525 г. предисл.), *вер*'тено (Скор. II 47б) в современном языке: в*ерх*ени́ца (при обычном *верхецённица*), зо́*л*зы (Miklos. Vergl. Gr. I², 426, Мат. Б. № 6 Диснен., Новоалекс.), за́*л*за (ib. 28 Себеж.), если это не заимствование из польского (zołza. Ср. Lorenz. Geschichte d. Pomoranischen Spr. 1925, 27) (при обычном *золоза́* Сл. Нос.), зал́зы (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 8 Игум., 31 Вилейск.), залозы (гр. 1486 г., ст.-слав. **жлѣзо**), *за-* не без влияния известного предлога [ср.: залоза (Малев. 10 Слуцк.)]; бо*рх*нова́ць (Шейн. Мат. I, 20 Борис., 3 ib.), шко*рл*у́па, ско*рý*па (Сл. Нос.), иногда *корва́ць* при *короваць* [ср.: ко*рх*вати (Ром. I—II, 1 Мстисл., 208 Перер.). Правда, все такие случаи можно объяснять и простым пропуском одного безударного *о*].

Сюда, вероятно, относятся: зо*л*ваньку (Дмитр. П. и Ск. Гр. 53 Белост.), за*л*ви́ца (Розенф. 20 Вилейск.), за*л*ви́цы (ib. 76 Минск.) при русск. и общем белорусск. *золовка*; впрочем *золвица* можно выводить и из zъ̨lv; ст.-слав. **ꙁлъка**, болг. *злъва*, серб. *заова*, чешск. zelva.

Не имеет сюда никакого отношения *паршу́к* или *пахси́к* (ср. parszuczki Федер. I, 117), как сохраняющее литовскую огласовку paršas, откуда это слово заимствовано (ср. «Белорусы», I, 135).

Чисто морфологические явления в *умéрци*, *цéрци*, *пéрци* при общерусск. *умерéть*, *терéть*, *перéть*; речь об этих образованиях и подобных им (здзерци, зберци) в другом месте.

ПЕРЕДАЧА ДРЕВНЕРУССКИХ СОЧЕТАНИЙ

ъr—ъl, ьr—ьl

Основные славянские сочетания *ъr — ъl*, *ьr — ьl* при переходе в общерусский язык подверглись изменению в том смысле, что плавные утратили слоговой характер, но тем усилили слогообразующую роль предшествующих им неслоговых глухих; последние перешли в глухие слоговые и таким образом явились, употребляя формулу Миклошича, tъrt—tъlt, tьrt—tьlt; впрочем, последнее сочетание вследствие отвердения *l* перешло в tъlt. Когда в древнерусском языке глухие заменились звуками *о* и *е*, последние явились и в указанных образованиях: tort—tolt, tert. В таком виде рассматриваемая огласовка перешла и в белорусский язык, подвергшись лишь соответствующим звуковым изменениям; поэтому мы имеем теперь: гóрп, стоўп, воўк, см'ерц', пóўны, чóўна (и даже *повеч*, *човеч* — с *в* перед *е*), сярпóк (Демб. 17.527), дзяржучы́ся (Мат. Б. № 7 Минск.), źerkačá (Клих. 35 Новогр.), zza Mцoцczadi (Федер. I, 4 Слоним.), słцoцpa (= столба, ib. 15 Волков.), koцbasy (ib. 157), wûцk (ib. III, 57 Волков.), mцlàu (I, 49 ib., из *молвлял* — *моўўл'áў*, с сильной лабиализацией *о* и со слитием его со следующими неслоговыми *и* — *мул'аў*). Интересно: *балбатáць*, фамилия *Болбат* — с сочетанием *ол* при *оў*. Звукоподражание?

Старые западнорусские памятники не представляют каких-либо звуковых отличий от живой речи в передаче рассматриваемого явления; иное дело графика: здесь не редкость после плавных встретить ъ или ь, в чем можно усматривать и некоторый отголосок старинной орфографии, основывавшейся, как увидим ниже, и на действительно звуковом явлении, и палеографический прием старых западнорусских произведений, устраняющих внешним образом посредством написаний с глухими стечение согласных. Вот несколько примеров: Гр. 1341 г. Кест. и Люб.: *торговать*; Четья 1489 г.: *горъдый* (57), *торъжество* (74), *долъженъ* (3б), *столъпа* (31), *волъхву* (64б), *мълъвитъ* (215), *сверьгли* (76), *терьпѣлъ* (151б), *перь|вѣе* (253, ь обозначает мягкость), *скверънымъ* (56), *смерътный* (56б), *жертва* (61б), *перъвый* (76), *теръплю* (62б) и др.; Сб. XV в. Публ. б. № 391: *бръздей* (6б), *солнцемъ* (73б), *йз толъщеи* (6б), *бавол'ною* (59б); Лет. Авр. XV в.: *верьстъ* (164б), *верьсты* (4); Библ. Скор. XVI в.: *зеръцало* (Ю 2б), *долъгою* (Пр. 26), *серъдце* (II 5б), *черьви* (I 22б); *перъвъго* (Э 8); Ев. Тяпин. 1580 г.: *долъжонъ* (25б); Библ. кн. XVI в. Вил. (262): *мерътвого* (33), *жерцъ* (90б); Тайна тайных XVI в.: *ѡко зерко* (11); Псалт. XVI в.: *сто̑къ* (75), *пожерлъ* *ѡгонь* (81б); Сб. XVI в. Чуд.: *перъста*[м] (5).

Если общерусским сочетаниям tъrt, tъlt, tьrt приходилось стоять перед слогом с глухими ъ и ь неслоговыми, полукраткими, что́ особенно часто случалось в конечном слоге, то *r* и *l* перед группой согласных становились долгими и развивали после себя слоговой элемент, который уподоблялся глухому, стоящему перед плавным; таким образом, получились сочетания tъrъt, tъlъt, tьrьt, что́ при появлении на месте ъ и ь звуков *o* и *e* давало torot, tołot, teret. Вследствие влияния одних образований на другие такая огласовка проникала и в те случаи, когда за указанными группами и не было слога с неслоговыми ъ и ь. Это так называемое второе полногласие. Белорусский язык, впрочем, не богат примерами в этом роде; сюда принадлежат:

вяро́ўка (из осн. слав. vь̥rv-, ср. Слуцк. *вяроўка* Малев. 10), известное и другим восточнославянским языкам (ср. Шахм., «Известия», 1902, кн. 1, стр. 298);

городость (Четья 1489 г., стр. 163) (из осн. слав. gъ̥rd-); в таком виде современному языку неизвестно;

жерело́ и производные от него (Сл. Нос.) (из осн. слав. žь̥r-l-, ст.-слав. **жрьло**); ср.: жерело (91 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); известно это слово и украинцам;

жере́нцы (Сл. Нос.) уменьшительное от ***жорны*** (осн. слав. žь̥rn-), известно в Тверской и Смоленской губ. (Шахм. ib. 300);

кочере́жник (Сл. Нос.) (место возле печи, где стоит кочерга, ухват и помело) (из осн. слав. ko-čь̥rg-); такая огласовка известна и в других восточнославянских языках (Шахм. ib. 301);

молон'н'а́, мылыння́ (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), мылання́ (ib. 14 Новоалекс.), молодня́ (Сл. Нос.) (из осн. слав. mъ̥ln-, ст.-слав. **млъ҃нн**), очень распространенное в разных русских говорах (Шахм. ib. 301—302), известное и старому западнорусскому языку: моланьı (182 Четья 1489 г.), молоний (225б Лет. Авр. XV в.), маланьı (34, 42 Ев. Тяпин. 1580 г.);

остоло́п (Сл. Нос.) (не народное, из осн. слав. stъ̥lp-) очень распространено в русских говорах (Шахм. ib. 304); ср. белорусское ***сто́лоп*** (Отч. 9 Иллукст.);

на́толочь (Сл. Нос.) (натолочь народу на торгу) (из осн. слав. tъ̥lk-), встречается в русских говорах (Шахм. ib. 305);

приполо́з (Шейн. Мат. II, 391) (из осн. слав. pъ̥lz-), ср. полозачии (126 Четья 1489 г.);

скоропіамъ (Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) (осн. слав. skъ̥rp-);

торговля (осн. слав. tъ̥rg-), в торго́вли (71б Тайна тайных XVI в.); в живом языке неизвестно;

холомьскы (83 Лет. Авр. XV в.) (из осн. слав. xъ̥lm-), неизвестное живой речи;

чо́венъ — с *в*, зашедшим из косвенных падежей, где оно было в слоге закрытом (осн. слав. čь̥n-), ср.: в чолонъ (222 Лет. Авр. XV в.);

то́вист (Сл. Нос.) (из осн. слав. tъ̥lst-), *в* зашло из ***то́ўстый*** (Шахм. ib. 308).

По недостаточно ясным для меня причинам, находящимся в связи с ударением и долготой слога, общерусские сочетания tъrt, tъlt, tьrt, как и сочетания tort, tolt, tert, о чем у нас была речь раньше (стр. 253), в некоторых случаях изменились в tȯrt, tȯlt с звуком ȯ слишком кратким, неопределенным гласным, который и подвергался изменениям больше в зависимости от гласного следующего слога. Это, по терминологии акад. А. А. Шахматова, «третье полногласие». Не стану останавливаться на предполагаемых причинах появления того или другого звука перед плавными, а иногда и после них, так как они указаны в работе Шахматова, а только перечислю эти слова, расположив их в алфавитном порядке:

бала́каць (из общерусск. bъlk-, Шахм. 353/304), балакѣрови (гр. 1388 г.) (Собол. и Пташ. № 6);

будура́жиць, будара́жиць (из общерусск. tъrg-, Шахм. 371/312);

бу́ркнуць (кинуть в воду, из общерусск. bъrk-, Шахм. 336/304);

га́ркаць (из общерусск. gъrk-, Шахм. 333/306), того же корня;

гы́ркнуць (сказать что-либо непонятное, Шахм. 337/306);

гиргита́ць [говорить (про евреев) от общерусск. gъrg-, Шахм. 306, «Известия», 1903, № 1];

дзеўбе́нь, дзеўбану́ць, дзе́убаць (из общерусск. dъlb-, Шахм. 339/307);

долуба́ць (того же корня, Шахм. 368/306);

кара́скаць, кара́скацца (лезть, из общерусск. kъrsk-, Шахм. 355/307);

ка́ркаць (из общерусск. kъrk-, Шахм. 307, «Известия», 1903, № 1);

келза́ць (взнуздывать); кел (зуб, Сл. Нос.) (из общерусск. kъlz-, Шахм. ib. 307), если не взято из польск. kiełzać;

кывярзе́нь (род лаптя, из общерусск. vьrz-, Шахм. 333/314);

мала́нка (Ляцк. Посл. 2 Борис., Мат. Б. № 6 Диснен., Малев. 10 Слуцк., Федер. I, 154 Волков.), małanka (из общерусск. mъln-, Шахм. 355/307);

мирги́ць, мирга́ць, мирга́юць (Кар. 64 Трок.) (из общерусск. mъrg-, Шахм. 339, 349/308);

мы́ржнуць (проворчать, из общерусск. mъrk-, Шахм. 337/308);

пырха́ць (фыркать, из общерусск. pьrx-, Шахм. 349/309);

пы́рхнуць, пы́рхаць (порхать, из общерусск. pъrx-, Шахм. 338/309);

пы́рскнуць (брызгнуть, из общерусск. pъrsk-, Шахм. 338/309);

тыркну́ць, вы́тыркнуць, ты́ркаць (совать, тыкать, из общерусск. tъrk-, Шахм. 338/312); сюда же принадлежит:

тырча́ць (из общерусск. tъrk-, Шахм. 349/305);

са́ркаць (храпеть, из общерусск. sъrk-, Шахм. 334/311); слово мне неизвестное;

харка́ць (из общерусск. xъrk-, Шахм. 335/315);

целепа́ць, целепе́нь (т. е. телепать, из общерусск. tъlp-, Шахм. 360, 361/312); в связь с solp- этих образований не могу поставить;

цы́ркаць (доить) (из общерусск. cьrk-, Шахм. 373/305);

чирво́ный — почти общебелорусская форма, *черво́ны* — только под польским влиянием, из общерусск. čьrv-); ср.: сто чирвонцов (Демб. 9.525), море чирвоне (47 Сб. XV в. Публ. б. № 391, при *червоного мора* ib.), чїрвонеѣтца (22 Ев. Тяпин. 1580 г.), з моря чи^{р}воного (53 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); чи^{р}воное (113б Псалт. XVII в.);

чиркну́ць (ударить, из общерусск. čьrk-, Шахм. 349/305);

чири́кнуць (резнуть, того же корня, Шахм. 362—305);

чубара́хнуць, чебурахнуць (из общерусск. bъrx-, Шахм. 371/305);

ша́рхаць, ша́рхнуць (из общерусск. šьrx-, Шахм. 337/311);

шурхаць (отбрасывать, того же происхождения, из общерусск. šьrx-, Шахм. 349/311);

шоро́хнуць (произвести шум, того же происхождения, Шахм. 363/311);

швыргну́ць, швыргнуць (бросать, из общерусск. šь-vъrk-, Шахм. 349/313);

шолбохаць, шолохну́цца (шатать, из общерусск. šьlx-, Шахм., 364/311).

Некоторые из приведенных образований с двумя гласными по обе стороны плавных напоминают «второе полногласие»; по всей вероятности, и опираются они не на общерусское tъrt—tьlt, а на tъ̯rt—tь̯lt, откуда с переходом ъ̯ в α, т. е. гласный неслоговой неполного образования, получились tαrαt—tαlαt.

Ничего общего с рассмотренными формами не имеют слова с *ар* вм. *ор*, явившиеся под польским влиянием: ка*р*ков наших (Бел. Арх. I 1606), ба*р*ц, га́*р*дый, га́*р*досц (Сл. Нос.) и под.; также *ил* в *килбасе́* (Ляцк. Посл. 20 Борис.) и *ло* в *сло́ньца* (ib. 23) объясняются из польских *eł* (kiełbasa) и *ło* (słońce) при белорусск. *коўбаса́*, *со́нца*.

В переводах и изданиях Скорины, сделанных, как известно, с чешского, замечается изредка попытка передавать чешский вокальный *r*: см*ы*ркъ (Ср 39б) (smrk), см*ы*рчиною (Д 37б) (smrčina), ѡстꙑрчи (МПК 77б) (strk), ани в*ур*ꙁкнути (Н 22б) (ani wrknuti) (ср. Владимиров, Докт. Фр. Скорина, стр. 266).

Есть еще несколько отдельных случаев, принадлежащих сюда, в которых по разным причинам встречаются отступления от выставленных раньше положений; это: ѡмразишаса при новослав. *омерзишася* (37, 50б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), представляющие разные образования от разновидностей одного и того же корня; нефонетическое явление в переделке слова *карлижи* в *краликове* (109 ib.); в двух случаях **въꙁрѣчѣть**, как слово не народное, подверглось переделке в *въ*ꙁ*ор'четь* (ib. 90), *въ*ꙁ*ор'чешь* (92 ib.), как если бы в старославянском было **-ръ-** из осн. слав. *ъ̯r*, а не **-рѣ-**. В *рас͡тергнем'* (Скор. Псалт. 1517 г. и МПК 4б) отступление только от слова *расторгнемъ* (из *-търг-*), но оно имеет за собой историческое основание, будучи того же корня, что и *растерзать* (**растрьгнжтн** встречается уже в Остромировом евангелии).

ПРИСТАВКА ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Приставка звуков в белорусском языке чаще всего наблюдается в начальном слоге при *р* и *л*, а также при *в*, когда за ними следуют согласные, вследствие чего получается затруднение при произнесении начального слога. Такое стечение согласных в большинстве случаев бывает вследствие того, что за начальным согласным выпал *ъ* или *ь* безударный. Если примем во внимание, что в таком положении *р*, *л*, *в*, *м* способны становиться слоговыми, то станет ясным, почему перед ними появляется гласный звук. Последний в этом случае и не будет «приставочным», а естественно развившимся перед слоговыми согласными. Такое развитие гласных в начале слов перед слоговыми согласными, ставшими таковыми по причинам акцентным, можно наблюдать и в старинных памятниках белорусского языка, начиная с древнейших пор. Когда развились гласные перед слоговыми согласными в начале слов и когда таким образом была устранена трудность произношения начальных слогов, этими же гласными язык стал пользоваться уже как «приставочными» и в других случаях, когда получалась вообще группа согласных, трудная для произнесения в начале слов, а иногда и помимо этого обстоятельства, просто по аналогии случаев, имеющих в начале приставочные звуки. Часто возникают в начале слов приставочные звуки и по другим причинам — вследствие смешения сходных или похожих образований, а также по ложной народной этимологии.

В качестве приставочных звуков, какого бы они ни были происхождения, у юго-западных белорусов особенно распространено *и̯* (за гласным предыдущего слова часто превращающееся в *й*), но бывает и *о*, как безударное, могущее изменяться в *а;* у северо-восточных белорусов преобладает приставка *о* — *а*, но бывает и *и* — *й*. Приведем примеры.

Приставочные *о* — *а: Орша* (город). Первоначально ударение, вероятно, было на конце и только при соединении с предлогами ударение ставилось на *о́:* ко́ Ръши [ср.: на́ Ръши (Начальн. Лет. по Лавр. сп.)], а затем с развитием гласного перед *р* по аналогии подобных случаев ударение навсегда оставалось на *о*. Название этого города несколько раз встречается в Литовских летописях: к Орши (рядом с *граду же Рши* 9 Вил.), поиде к Орши, Ршане затворишася (39 Увар.), ко р҃ши прихо҃длъ (78б Крас.), і ѡршане (71б Археол.), градъ҃ ѡ҃ши (492 Дубр.); таково же *Опскова* [изо Ѻпскова (5б Супр.)], где приставка гласного подражательная; *аржаны́й:* со осенскими со оржа́ными (Бесс. Б. П. 3, ср. еще Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 14 Новоалекс., 17 Речицк., 27 Лепп., 28 Себеж.), аржа́ный (ib. 11 Новоалекс., 13 Свенц., 31 Вилейск., Сл. Нос.), аржаны́ (Малев. 10 Слуцк.), аржа́нище (Сл. Нос.); *ар҃жа́* (ржавчина, Сл. Нос.): аржа́венне (покрытое ржавчиной болото), оржа́вый и др. (Сл. Нос.); *арцы́* (название буквы *р*) (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); *арехучи* (Четья 1489 г. стр. 2, 15 и др.), многѡ҃ѥ҃ гѡворѧ҃ ѡ҃ дш҃и моеѩ҃, нетъ *а҃рехучи* ѥ҃мꙋ҃ збавѣ҃ѧ (8 Псалт. XVI в.) (wiele ich którzy mowią duszy moiey [rsekąc] niemaś on żadney...). В живых белорус-

ских говорах это слово неизвестно, поэтому, быть может, лучше читать *а режучи:* присоединение причастий к изменяемым глагольным формам посредством союзов — дело очень обычное в древнерусском языке; в «Слове о полку Игореве» неоднократно встречается *а ркучи:* Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ а ркучи (ср. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, изд. 2-е, Харьков, 1888, стр. 185, 192, 197); *ораллй* [при обычном *ро́ли* — пашни (Сл. Нос.)] (Шейн Б. П. № 216 Лепп.) рядом с *при раллй* (ib. 217), но и *об ораллй* (ib.). Так как *р* здесь стоит перед гласным, то причины для фонетической приставки гласного не было; *о*, быть может, заимствовано у глагола *оха́ц';* **алгаць:* аўгеш (Добров. I, 13.55 Смол. Ельнин.), алже́ш (Мат. Б. 31 Вилейск.); *альхяны́й* (Мат. Б. № 15 Игум., № 26 и 28 Себеж.), *аль'я́ный* и производные от него (Сл. Нос., Мат. Б. № 13 Свенц. и др.); *оўтохо́х* (вторник, Шейн Б. П. № 540 Лепп., Мат. Б. № 25 Минск.), аўто́рак (ib. 31 Вилейск., Малев. 10 Слуцк.), autorek (Клих. 56 Новогр.); интересно: воўто́рок (Мат. Б. № 13 Свенц.), где не только приставлено *о*, но еще перед последним *в*, ўаўто́рык (ib. 15 Игум.), ўаўторок (ib. 7 Минск.); то же в старинных произведениях: на ѵторокъ (287 Сб. XVI в. Позн.), ѵвовторокъ (281, 289 ib.); другие случаи приставочных *о — а: аххора* (кабан, Вит. К. С.); *ахаж:* сма́ку як ув *а*ра́ку (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), одного *а*рака нема (Ром. VI, 296 Орш.); *амше́нник*, амша́ра, амшиць (Сл. Нос.); *амла* (Добров. I, 95 Ельнин.); *Амцислаз* (название города *Мстиславль*, Сл. Нос.); *ахаби́на*, *абара́нак* (Малев. 10 Слуцк.) — представляют какое-то особое словопроизводство: первое встречается еще в виде *гарабина* с приставочным *г* (ср.: гараба́й — воробе́й), а второе от *об-варить* (ср. польск. obarzanek); *Одарочка* (Дарья) (Шейн Б. П. № 1 Лепп., Мат. Б. № 9 Бых. 10 Минск.); *опасле́днему* (ib. № 710 Борис., Мат. Б. №№ 26 Себеж., 31 Вилейск.), *-ний* (ib. 27 Лепп., 28 Себеж.), ты *ак* ручайку (Ром. III, 322 Рогач.), иццъ туды, *адзе* скоцину гоняюць (Ром. V, 1 Витебск.), da *atvarahú* (Клих, 22 Новогр.); старое *ѫхроме того* (53б Катих. 1562 г.). В последних семи примерах чисто фонетическим путем приставочный звук явиться не мог.

Приставочный *и: ижжа́* (Смол. Добров. I, 13.55, Сл. Нос., Мат. Б. № 4 Могил. губ., 7 и 25 Минск., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс., 15 Игум., 17 Речицк., 27 Лепп.), на йржи (28 Себеж.), шэрсьтъ мыя *и*ржой зырасла; *и*ржу опте̄рти (Ром. VI, 383 Сенн., ср. Малев. 10 Слуцк.), ижа́винне (Сл. Нос.), иръжавлет' (Библ. Скор. XVI в. Ср. 21б), и йр'жа (8 Ев. Тяпин. 1580 г.), иржа (152 Сб. XVII в. Син. № 790), от иржицы (гр. 1594 г. Недешев); *ижжа́ць* (Шейн Б. П. № 692 Диснен., Сл. Нос., Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 Минск., 9 Бых., 18 Витебск., 27 Лепп., Малев. 10 Слуцк.), ирза́ць (Мат. Б. 15 Игум.), кони ирзу́ць (Розенф. 32 Вилейск.), си́льнинька йрзали (ib. 70 Минск.), иржӯть (Бесс. Б. П. 53); *ижжи́ще* (Сл. Нос., Добров. I, 639 Ельнин.); *иржа́ный:* иржа̀ная зернитка (Мат. Б. № 31 Вилейск.), *ирва́ць* (Сл. Нос., Малев. 10 Слуцк.), орды йрва̄ть (Бесс. Б. П. № 46), василёчки

йрвати (ib. 78), йрвать (Ром. I—II, 20 Гомельск.), ирванець (ib. III, 3 Сенн.), *-нетца* (ib. IV, 81 Бых.), ирвала (ib. III, 53 Сенн.), ирваў, ирвець (Добров. I, 234, 639 Ельнин., ср. Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 Минск., 18 Витебск., 26 Себеж., 27 Лепп.), траву йрваць (Розенф. 77 Минск.), ирвóта, ирвáки (Сл. Нос.); *ирдзель:* ирдзель дзевка (краснощекая, Сл. Нос.), ирдзель (Вит. К. С.); *ирдзень* (то же, говорится о мужчине): красен, як ирдзень (Сл. Нос.); оба происходят от **ръдѣти**; мне эти слова неизвестны; насколько они народны, не могу сказать; *ирцы́* (ср. раньше *арцы*, название буквы *р*) (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); та же форма в своем глагольном значении у Скорины: й йръци (Ч 15); л'ăў — *ил'ва́:* отвижи цяпер ильва (Ром. III, 48 Сенн.), ильва (Мат. Б. № 7 Минск., 9 Бых., 14 Новоалекс., Добров. I, 495 Ельнин.), ильви́ца (Добров. I, 493), ильвянёнка (ib. 497). Сюда же принадлежит прилагательнос *ильвов*, нередкое, напр., в старых западнорусских произведениях: кнг҃ню Ильвовую [Бел. Арх. II 1499 (XVII в.)], Ивана И҃вовича (69 Археол.), илвовича (256 Сб. XVI в. Позн.), ильвовича (ib. 270), надъ ильвомъ (ib. 220), ѡбра҃ йл'вовъ (59б Тайна тайных XVI в.), владыку илвовского (156 Сб. XVII в. Син. № 790); л'он — *ил'ну́:* ильном (Шейн Б. П. 142 Диснен.), ильну (Мат. Б. № 8 Игум., 5 Слуцк., Гродн. Акт. кн. XVI в. стр. 28), ильни́ца (Мат. Б. № 18 Витебск.), *ильня́ный* (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), ильняны́й (ib. № 14), ильняной (Ром. V, 76 Могил.); *ильну́ць* (льнуть, Сл. Нос.) — слово ненародное; *илга́ць* (Сл. Нос.), илге́ш (Шейн Б. П. № 759 Витебск.), я илгала; пайду, хазяйка, илгать (Добров. I, 665 Бельск., Мат. Б. № 18 Витебск., 27 Лепп., Добров. I, 468 Ельнин.), ильже́ш (Мат. Б. № 14 Новоалекс.), илга́в (Зап. I, 297), *илгу́н*, *илга́нне* (Сл. Нос.); из старинных западнорусских произведений: со҃ йлжа є҃ (85б Тайна тайных XVI в.), йлжеть (Скор. Ю 9), йлъжу (А 106б ib.) слово йлживое (Ю 7 ib.); заимствованное из польского lżejszy в Библ. кн. XVII в. Толст. № 158 тоже передается с приставочным *и:* и *ильжи'ше* ему бывало (154); слово *лесть* должно бы иметь род.* *ильсти*, сущ.* *ильстецъ*, прил.* *ильстивый*, но современные народные говоры не знают этого слова; в старом языке они употреблялись и именно с приставочным *и:* й йлсти (Скор. Ср 6б), й ѻ҃ йлстивом с҃рци (ib.), ильстец' (ib. А 32б), й йльстивость (ib. Ср 59), тогда ильстиве (А 29 ib.), йльстит' (ib. 97б) и др. (Влад. Скор. 265); *илкнуць* (глотнуть): илкнув и захлебнувся (Сл. Нос.); обыкновенно употребляется с приставкой: *полкну́ць* (проглотить), причем *л* может вокализоваться другим способом: полыкну́ць, *имла́:* имглою (Ром. I—II, 355, 81 Сенн.), z imhły (Федер. I, 145 Волков.), imhłá (Клих, 182 Новогр.); *имша́* (польск. msza зашло и к православным): na imszy̓ (Федер. II, 99 Волков.); *имховую* (Ром. V, 122 Орш.), *имхами* (ib. IV, 177 Сенн.); *имшком* (= мхом, Ром. Мат. Гр. II, 71 Слоним.); *имча́ць:* paimczàli (Федер. II, 76 Волков.), *paimczą̀usia* (ib. 241 Лидск.), *paimczą̀usie* (ib. III, 137 Волков.). В подражание перечисленным случаям фонетического развития *и* перед известными согласными этот звук появился и перед другими группами согласных,

но уже в качестве приставочного звука для устранения неудобного зачина слова. Таково *и*, напр., в *истужка:* исту́жки (Шейн Б. П. № 333 Лепп., Мат. Б. №№ 27 Лепп., 31 Вилейск.), исту́жачками (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 13 Диснен.); *игруша:* игруши (Ром. IV, 81 Бых., Мат. Б. №№ 26 и 28 Себеж., 27 Лепп., 31 Вилейск., Малев. 10 Слуцк.), *-шины* (ib. 80), игру́шою (Шейн. Мат. I, 97 Рогач.); *искры́пка:* (й)гра́ў на йскры́пцы (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), на йскрипки (ib. № 28 Себеж.); *иску́сный* (вкусный; напр., Мат. Б. № 10 Минск., ib. 27 Лепп.); интересно: *истрава* [на истраве (на пище) 81 Археол., на и́страву (504 Евр., то же Никиф., Увар.] при совр. *страва*, хотя здесь можно видеть и особое морфологическое образование.

Особо следует рассматривать приставку *и* в предлоге *съ: ис — из* вм. *с — з*. Фонетически *и* перед *с* явиться никоим образом не мог, а зашел сюда он вследствие смешения этого предлога с *из*, который в свою очередь мог терять свое безударное *и*. Смешение этих предлогов тем легче произошло, что *с* перед голосовыми согласными переходило в *з*, а *з* предлога *из* перед безголосными согласными обращалось в *с*. Таким образом на месте этих двух предлогов получились безразлично употреблявшиеся (без нарушения, однако, управления падежами): *с — з* и *из — ис* на месте *съ*. Уже в старых западнорусских памятниках читаем: што *и*скрыто (40, 89 Четья 1489 г.), несторья *и*съ его помо́ники (48б ib.), то *и*здѣлати (128 ib.), тагатиса́ и́с королемь, поити и́с татары, *и*съ его земля́ми, *и*съ его братомъ (гр. 1349 г.); *и*спросу (гр. 1503 г. Недешев), лѣть бѣ пожаръ *из* боурею (88б Лет. Авр. XV в.), во *и*зброи (польск. zbroja) (54 Лит. лет. Увар.); *и*спапою (Житие Алексея в Сб. XV в. Публ. б. № 391), *и*скоролевою (95 Сб. XVI в. Позн.), *и*зсобою (132 ib.); й *и́*снедать (Скор. II 45б), е́же *и*сказуетса́ (ib. P 3б), *из* сыномъ (147б Сб. XVII в. Син. № 790), *и́*зъбудовали (119 Псалт. XVII в.), *из'* в'оскомъ (157 ib.), *и́*зъ м'осеѡ[м] (115 ib.), *и́*з собою (147 ib.), *из*ъ слугою (136 ib.) и т. д. Из современных говоро́в: ен *и*зделав (Ром. III, 216 Бых.), *из* бабый (ib. 427 Сенн.), кров *и*с кровью (ib. V, 75 Могил.), *и*сказав (ib. IV, 154 Черик.), *-жу* (ib. III, 188 Бых.), *и*скуй (ib. 60 Гомельск.), *и*знов (ib. 17), *изги́нуць, изъе́сци* (Сл. Нос.).

Когда таким образом оказалось приставочное *и* перед предлогом *съ*, то явилась возможность приставить тот же звук и к другим предлогам. Изредка встречаются примеры приставки *и* перед *къ*[1]: *и*к ей (Ром. III, 12 Сенн.), пригнав бочонок *и*к берегу (ib. 65 Рогач.), *и*к кыролю (ib. 245 Сенн.), тоды ён *и*к цару (Ром. VI, 8 Гомельск.), поедзыця *и*к цару (ib. 46 Горецк.), пришов *и*к колоди́жу (ib. 255 Мстисл.), *и*к Полоцку (29 Лит. Лет. Увар.), *и*к кольбе (55 Сб. XVI в. Позн.), *и*к королю (18, 91, 95 ib.). Как будто приставочное *и* в прошедшем *инял* = ст.-слав. ѩлъ (здесь не только *н* приставочное, но и *и*): Евнутия *и*нялъ (28 Лит. Лет. Увар., 2 Вил.), не *и́*нали (108 Псалт. XVI в.).

[1] Несколько иное объяснение *икъ* дано у Л. Л. Васильева («РФВ», т. LVIII, стр. 256—257).

На почве приставки *и* к предлогам нужно объяснять и следующие примеры: Евнутию даль *Ижеславль* (л. 86б Супр. Лит. Лет.); в других списках, однако, читаем: Евноутью дали Жеславль (л. 171б Акад., 73б Крас.), Е. дали Жаславль (л. 438 Вил.); вследствие этого в *Ижеславль* можно видеть недосмотр переписчика, который, как видно из отрывка Публ. б. (F. IV, 238), мог допустить еще большее искажение: Е. дал Нйславль (л. 486б). Сюда же относится: хотела йжати (Скор. Р 4б).

Может быть, мнимый случай приставки *и* в союзе-наречии *иде* = ст.-слав. относительному **ндє** (ὅπον): идзе (Шейн Б. П. № 528 Лепп.), не́йдзе [где-то, ib. № 641, 26 (Сураж) Велиж.], *и*дзе (Ром. III, 3 Сенн., 12, Мат. Б. № 4 Могил. губ.), кылы того выстрывà, идé жылá першыя жонка яго (Ром. VI, 203 Витебск., Мат. Б. № 18 Витебск.); де [айдé, йде] конь пыкытáитца, там усё шарсцинка остáнитца; покажи мне, иде іость рай (Добров. I, 225 Смол. у.). Говорить о приставочном *и* дает некоторое право то обстоятельство, что это слово иногда встречается в виде *идé* (Бесс. Б. П. 65). В Библ. Скор. XVI в. имеется подобная же форма: й йгде (Б 4, Ср 16б и др.); то же в Ев. Тяпин. 1580 г.: и игде.

В глагольной форме *ишóў*, ишлú (напр., Ром. III, Вых.) *и* не приставочное, а зашло из форм настоящего времени глагола *итти*, о чем речь в морфологии.

В одной рукописи XVI в. (Тайна тайных) встречается несколько непонятных случаев приставки *е: ебо* й несот'ворено, *ѣбо* нѣ ник'то раз'вей бг̃а. *'ебо* доб'ро *ѣгѡ* злѡ *ѣ*... (4). Повидимому, здесь *е* самостоятельное слово, и мы имеем дело с синтаксическим явлением. По крайней мере такое же *е*, но уже в качестве приставочного, встречается иногда и в живых белорусских говорах. Имею в виду песни, записанные в Мозырском уезде и напечатанные у Шейна (Мат. т. I, ч. 1, стр. 56—57):

Дай пошла ж ена дай дорогою...
Дай сустрэкае Паўла з Петром:
«Ой, Паўле, Петро, слуги Божие!
Чи не бачили сына моего?»
Е Паўле каже: «дай не бачили»,
Е Петро каже: «дай не туойма́со»...
Е там стояла жидска школа,
Дай взели Христа, дай замучили...
Е шупшинкою дай потперезали,
Е ожинкою ручки звезали... и т. д.

Или (ib. 59 № 39):

Е ў однэ окéнце — ясно слонцэ свецiць...

Или (ib. 60):

Е чим же тых госьцей дай частоваци...

СЛИТИЕ (ВЫПАДЕНИЕ) ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Слитие рядом стоящих гласных звуков стало возможным лишь тогда, когда один из них вследствие своей безударности становится слишком кратким и неопределенным, т. е. редуцируется; трудно сказать, что физиологически происходит: сливается ли такой звук с предыдущим гласным в один, или — что вероятнее — совершенно исчезает. Если бы в белорусском языке были долгие гласные, то было бы видно, с чем мы имеем дело: со слитием ли, или простым выпадением гласных. В пользу выпадения, повидимому, говорит то, что остается всегда предыдущий гласный.

Рассматриваемое явление наблюдается в начале слов обыкновенно после предлогов, наречий и союзов, и в середине, а также в окончании слов, напр., в сложном склонении, где именная форма может сливаться с местоименной. Это слитие гласных (или выпадение их) наблюдается и в старинных западнорусских произведениях.

В начале слов слитие гласных или отпадение их находим, напр., в следующих случаях (наибольше их в сборниках Романова, который на месте пропущенного, по его мнению, гласного ставит апостроф ' или ʿ): яны 'бодвы (= яны-ободвы, Ром. IV, 126 Клим.), вовк на 'дным ини (ib. III, 19 Сенн.), ня 'тдавав (ib. I—II, 9), яны ʿбóя (ib. IV, 200 Черик.), ня ʿбогревшыся (ib. 201), став ли грубки ʿбогреватца (ib.), ня ʿтпусьцёмши (ib.), не ʿтвярнув (ib. 202), построили хорошый двор сабе и по ʿдзели дзяцей (ib.), вырекáетца ʿт яго (ib.), стали ʿбедаць (ib.), хорошо ʿдзев (ib.), я ямý и ʿтказав, не ʿтвярнув (203), и ʿпяць (= иопять, ib. 205), коло ʿвчарка (ib. 209 Клим.), за ʿвин (= заовин, ib. 210) и т. д. у Романова; интересно после *ў:* не дав ʿбогретца (рядом с *у яго обогретца*, Ром. IV, 203 Черик.), тэй пошов — 'бáя пошли (= обое, Ром. VI, 32 Черик.), на 'гарбд (Ляцк. Посл. 18 Борис.), за 'дно (ib. 31), на 'дну (одну, ib. 32), па 'бедзи (по обеде, ib. 48); в Мат. Б.: ня 'тходзиць (№ 7 Минск.), за 'дно (№ 7 Минск., 9 Бых., 14 Новоалекс., 26 и 28 Себеж.), ня 'ткажы (Шейн Б. П. № 585 Лепп., 9 и 16 Бых., 17 Речицк., 26 Себеж.), ни 'ткажы (14 Новоалекс.), ня 'тдаеш (9 Бых., 17 Речицк., 26 Себеж., Кар. 2 Новогр.), ни 'тдаеш (Мат. Б. № 14 Новоалекс.), за 'болоки (№ 9 Бых., 26 Себеж.), на 'зярэ́ (ib. 28 Себеж.), сенобрóк (= сено оброк, Шейн Б. П. № 687 Борис.), сóнячы (сее ночи; Сержп. Прымхі, 238), д'аб зямлю́ (Розенф. 37 Минск.), няддáм, ня'ддьзярэ́ш, свавóльны (Малев. 10 Слуцк.); na (a)dnú, da (a) dnahó, da (a)véc (Клих 260), pa(a)tkładała (ib.). Примеры из других русских говоров приведены А. А. Шахматовым («РФВ», XLVIII, 63 sq.). В старинных западнорусских произведениях: оупоце (= оу опоцѣ) (15 Сб. XV в. Публ. б. № 391), сороужаютсѧ (58 Тайна тайных XVI в.; из *со-ор-*, хотя можно обойтись и без такого соображения, выводя *сор-* из **съор**), ѣ не *вомѣто* жадному (ib. 39б, из *во-ѣмѣ;* но можно в этом слове видеть и описку: вомѣ = вѣмѣ, причем ˇ опущено), бот'се (= *бо-ото-се*, потому что вот, 5 предисл. Катих. 1562 г.).

Особый род слития конечного гласного *и* с начальным *и*, вероятно, кратким, представляют формы будущего времени, известные в юго-

западной Белоруссии, типа: раб'и́ц'иму (= робици и́му), хвалицьму (Мат. Б. № 8 Игум.) (с дальнейшим сокращением *и*), йци́му (ib. № 10 Мозыр.), хвали́циму (ib. № 17 Речицк.) и др., о чем подробнее в морфологии.

Что касается слития или выпадения гласных в середине и на конце слов, то тут, кроме отдельных случаев, необходимо указать следующие группы таких явлений, развившихся не без влияния морфологии. Это:

а) В родительном и отчасти дательном падежах местоимений притяжательных *мого́, твого́, свого́, мому́* и т. д., встречающихся в некоторых белорусских говорах [(ср. Зап. V, 257 Белост., Шейн Б. П. № 342 Лепп., Гильтебр. CCXVII Слоним., Мат. Б. № 13 Свенц.), заняси́ ты таму́, хто мил сэрцу *маму* (Ляцк. Посл. 4 Борис., ср. еще Гродн. Акт. кн. XVI в. мого 54)], где *оіе* слилось в *о*. *О* в приведенных формах лишь этимологическое написание вм. *а*. Очень может быть, что эти формы явились и не без влияния образований твердого различия на *-ого, -ому*, как *того́, тому*.

б) В некоторых падежах имен прилагательных полных, оканчивающихся на *аіа, иіи, оіе, уіе*, также следует видеть слитие гласных: *пьяна* толо́ка (Зап. V, 99), стала *зеле́на* будро́ва горе́ци (Шейн Б. П. № 256 Витебск.), у нашаго кума *бе́ла* бяреза повалилась на дваре́ (ib. № 12 Лепп.), druhâa (Клих 104 Новогр.), у *цисо́ву* колыбель (Шейн Б. П. № 3), *уно́ву* светли́цу, кумку *молодзе́ньху* (ib. 4), на *чи́сто* поле, на *си́ня* мо́ря (ib. № 163 Витебск.), стои́ць дре́вцо *то́нко, высо́ко,* ли́сцем *широ́ко* (ib. № 153), ай добры паны *до́бры,* пригоня́тые *ли́хи* (ib. № 279 Лепп.), щипи́, кума, яго́дки, кото́рыя *соло́дки, а кото́ры го́рки,* то для моей жонки (ib. № 9), за гэ́тэ (Мат. Б. № 8 Игум.), усё сво царство (Ром. VI, 456 Сенн.) и т. д. Откладывая до морфологии и синтаксиса подробное рассмотрение вопроса о кратких формах белорусских имен прилагательных, здесь пока отмечу, что в белорусском языке и в качестве сказуемого может служить членная форма прилагательного; а видеть во всех приведенных формах членные образования заставляет место ударения, так как в нечленных формах ударение в большинстве случаев было бы на конце: *пьяна́, зелена́, добры́* и т. д. Если сопоставить белорусское ударение в приведенных формах с сербским, то найдем также подтверждение нашего взгляда; в сербском к акцентовке присоединяется еще долгота для членных форм: белорусск. *до́бро* = серб. *дȍбро̑;* белорусск. *до́бра* = серб. *дȍбра̑;* белорусск. *до́бру* = серб. *дȍбру̑;* белорусск. *до́бры* = серб. *дȍбри̑, дȍбре̑*. Но нечленные формы предполагают и в сербском ударение насуффиксное: *дòбро* (= чакавск. и осн. серб. *добро̀*), *дòбра* (= осн. *добра̀*), *дòбру* (= осн. *добру̀*), *дòбри, дòбре* (= осн. *добрѝ, добрѐ*). Подобное же акцентное различение членных и бесчленных форм проводится и в словинском языке[1]. Из старинных памятников сюда относятся: тва (Гродн. Акт.

[1] Ср. Р. Брандт. Начертание славянской акцентологии. СПб., 1880, стр. 106.

кн. XVI в. 53), свовольне (ib. 45, если это не полонизм), котори ся мѣли (64б Псалт. XVII в.).

в) В конце слов в некоторых белорусских говорах распространено слитие *i̯i̯* в *i:* пошí, пи, кóни (род. пад. мн. ч.), сúни (им. пад. ед. ч.), примеры чего неоднократно по другим поводам приводились раньше; такому же стяжению подвергается *yi̯* (*-ый*) в именительном падеже имен прилагательных, о чем подробнее в морфологии, где будут приведены и исторические материалы.

г) По наблюдению Клиха (Mat. i prace, II, 240) после выпадения неслогового *i̯* между гласными наступает уподобление сочетания *ae* из *ai̯e* в глаголах, а затем может произойти слитие их, быть может, не полное, так как Клих в таких случаях слышит продолженный звук: nazyvâacsa, paźirâa, puskâaš, nasbírâam, spéva'a, paźirá, pereimá, paźirâaš (86) и т. д. Сюда, вероятно, следует отнести *жа* из *каа* (Сержп. 235 Слуцк. 1926), из кажа, *мо* из *можѐ?* (ib. 183).

Наконец, слитие гласных наблюдается в некоторых отдельных случаях: bâło (из byało — by^{a}ało, Федер. II, 71 Волков.), пазирáе бáло (Сержп. 99), бало смеетца да піэ́сни паé (ib. 101), бàло ўсе робіць уперѐк (233 Сержп. Слуцк. 1926), błaasłavi (с пропуском слабого *h*, Клих 36 Новогр.), Błaavéščeńo (ib. 56), бла̄славúць (Розенф. 55 Минск.), па̄ддаю (ib. 76), ŏ лежани (134б Катих. 1562 г., где можно видеть и форму от *лежане* с удвоенным согласным), данилъ (117 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) (народное образование?); повидимому, особые морфологические образования в следующих случаях: жéбрŏть (121 Псалт. XVII в.) (= жебрують), карачи каралъ (130 ib.), зоставлачи (31 ib.). Не думаю, чтобы следовало видеть стяжение в *ирусалимъ, призвадить* (Добров. I, 13.54), *'ерей* (18 Катих. 1562 г.): в первом *и* на месте безударного *е,* а во втором приставка *про-* смешана с *при-,* в третьем слитие *іе* произошло не на белорусской почве.

КОЛИЧЕСТВО БЕЛОРУССКИХ ГЛАСНЫХ

При распадении общерусского языка, трудно сказать, были ли в нем долгие гласные: древнерусские произведения не дают по этому предмету указаний. Лишь судя по звуковым явлениям современных восточнославянских языков, можно предполагать в некоторых случаях вторичную долготу тех или других гласных для конца общей жизни русского языка, а может быть, лишь для древнейшей эпохи отдельной жизни известных языков. Можно считать в настоящее время несомненно доказанным в науке фактом, что с утратой в произношении конечных глухих и в некоторых случаях глухих в середине слов гласные *о* и *е* предшествовавших им слогов стали долгими; однако эта долгота сохранялась непродолжительное время, да и то не во всех восточнославянских языках: несомненно, она была одно время в говорах, легших в основу украинского языка, и может быть, и в говорах, составивших юго-западную часть белорусского языка. Однако долгота

и в указанных говорах вскоре уступила место качественным отличиям в гласных. В юго-западнобелорусских говорах явилось в известном положении особое произношение *о* и *е*, как *uo̯*, *ie̯*, называемое обыкновенно дифтонгическим; с *ie̯* совпало здесь и произношение древнерусского *ѣ*. Однако насколько указанное произношение было повсеместно даже в юго-западной Белоруссии, трудно сказать, да и дифтонги белорусские в настоящем их виде долгих звуков не представляют.

С другой стороны, из всего предыдущего изложения можно было видеть, что в белорусском языке очень распространены краткие звуки, но становятся они таковыми лишь в связной речи, находясь вне ударения: кӑля́ ты́ну (Розенф. 33 Вилейск.), пӑдӑ мной (ib. 70 Минск.), ся̆ро̆т нбчы (Малев. 20 Слуцк.) — редкие случаи обозначения этой краткости и в сборниках народных произведений. Следы таких кратких гласных можно видеть и в старинных западнорусских памятниках. Краткость гласных, как мы видели из предыдущего изложения учения о гласных, бывает иногда настолько велика, что гласные становятся неслоговыми, напр., *i̯* и *u̯*, а иногда и совершенно исчезают. Однако по своей природе (а не по положению в речи) и эти гласные звуки, кроме неслоговых *i̯* и *u̯*, произносятся не короче всякого другого гласного.

Таким образом, мы можем утверждать относительно современного белорусского языка, что в нем есть гласные звуки средней продолжительности, но ни кратких, ни долгих нет. Последние могут появляться в каждом слове при особых условиях, ничего общего не имеющих с природой гласных. Гласные протягиваются при душевных волнениях и аффектах, вызванных каким-либо сильным чувством: гневом, страхом, изумлением и под., или когда в прилагательных протягиванием гласных хотят обозначить усиление качества, или когда не договаривают часто употребляющихся слов, или когда происходит неполное слитие гласных в слове и еще при некоторых других обстоятельствах, о чем речь ниже.

О протягивании слогов, как бы удвоении гласных в речи, произносимой с сильным волнением или с целью особой убедительности, свидетельствуют ответы на некоторые белорусские программы. Так, Рамзевич (№ 4 Могил. губ.) пишет: «Под ударением всегда растягивается гласная с стоящею при ней (вернее — после нее) согласной; это усиливает значение любого слова и выражения, произносимого с азартом: че́ррци! Да́рръя! чы́р*вына!* Бо́ж*жухна ты мой!* Хвыла́! (или: хула́) *ттабе́* Бо́жа! Подчеркнутое здесь произносится скоро, как бы мимоходом». Несколько иначе то же наблюдение отмечают и другие лица, напр., Лагун (№ 8 Игум.): «Когда (говорящий) высказывает свое горе, удивление, речь делается протяжною: А бо́ожухна, а ба́ацюхна!» Другие наблюдатели подтверждают то же, как видно из их замечаний и примеров, как: Ратуу́йце, добрыя людзи! Ухадзи́, дуу́рынь! Цюуй — га́а (№ 11 Новоалекс.), сосе́едухна, кумбочек (№ 15 Игум.), а Бо́ойжа мой! Ну ходи́ (№ 17 Речицк.), а Го́споди! Идзи́! (№ 28 Себеж.). Никифоровский (№ 18 Витебск.), очень интересно

характеризуя речь белорусов, насчет долгих гласных замечает: «Понятно, что для вящшей выразительности и убеждения говорящий, кроме жестов, растягивает гласные». Современные краковские издания белорусских народных произведений латиницей также свидетельствуют о продлении гласных и усилении согласных в словах, произносимых с сильным чувством: trach (Федер. I, 154 Волков.), trrrach (154 ib.), trach (ib. II, 285 Сокольск.), jůn *bōch!* tùju babu (ib. III, 101 Волков.), miedźwièdź zarůų i *babōuch* (ib. 56), jená *babōų-h* (ib. 101), razbůjnik *bēnc* naziemlu (ib. 40), dròng *łōp!* złamàųsie (ib. 55) и т. д., dōbro (Федер., I, 5 Слоним., 11 Волков., 50 ib.); или в рассказе с сильным одушевлением (Федер. I, 75 Волков.); Utųom czuje ażnò ł rukatū! harszki z palicy, z piēczy, kī, kōczerhi, dzie, sztò stajało, pādaje na ziemlu. Об эмфатическом удлинении гласных, причем слова произносятся как бы по складам, говорит и Клих (стр. 155, 156, 241); так произносится выражение: ź͡éųko ź͡avica, rusája kášic*a;* ź͡ąų, ź͡ąų, ź͡édóųá. dáčka, kōće brá͡e; hūsk'i s'pa͡ć; ųýtres ź ieią ųšó čýsto; ē, ńē, kaže, ńe dąm; hąk; ō, káže, daųnó; ą, vaųkè na ċebé; ńimą; ną lixo и т. д.

Еще протягивается ударяемый гласный, даже как бы делается после него маленькая пауза в прилагательных превосходной степени, чем народ как бы наглядно старается показать обилие качества: чарню́... синька, бялю́... синька [Мат. Б. № 31 Вилейск., ср. еще № 18 Витебск., в отделе синтаксиса (§ 140), где даже обозначено хроматическое ударение в словах: *вялúзный*, *страшéнный*]. Свидетельства о протягивании гласного имеем в Мат. Б № 4 Могил., 14 Новоалекс. О том же, повидимому, говорят и написания с долгим гласным в польских сборниках: baba starája straszną́ja... (Федер. II, 166 Волков.), agrāmnìsty kamień jak charòmina (ib. 124) (странно, что протянуто неударяемое *a*), wały takije błahiēnkije māje (ib. 10), wielīzny (ib. 15 Слоним.), baba takāja (= совсем) asmērgana (ib. 45 Волков.), wiēlka (= очень большая, ib. 49 Сокольск.), poųniūtku (ib. 50 Волков.), ludzi takije rādyje (ib. 61). Протягиванием ударяемого гласного и повторением слова означается усиление качества и в других случаях: ach tu dūrniu, durniu! (Федер. 10 Волков.).

Естественно протягивание гласных при вопросах: sztō tūt takoje? (Федер. I, 60 Волков.); для означения долго тянущегося, повторяющегося действия: kōrmić, pōić (Федер. I, 143 Слоним.). В одной сказке рассказчик протягивает ударяемые гласные, чтобы затянуть речь [a za każdym słowam aciahàjećsie, kab daųżèj hawaryų (Федер. I, 73 Волков.)], czȳsto, rastū, rastū, rastū (ib. 72).

Протягивается гласный в недоговоренных словах, междометиях: kā (= говорить, говорят, как вводное слово, Федер. I, 7 Волков.), stajù-kā- a ty? Zeżv-kā-kali Bųoh zabìų (ib. 61 и т. д.), to mō (= может быть) inam czort hroszej daść (ib. 26), jeszczèmō (= может быть еще, b. 71), aa (= так вот, ib. 10), oū! (= да, ib.), ō, to ni zaraz zajedziesz (ib. 21), ȳ, szto tabiè za mnoju barukāć sie (ib. 30), ē (= ооо! ib. 50).

Когда белорусы ведут обычный разговор, то, по славам Никифоровского (Мат. Б. № 18 Витебск.), «речь отрывиста и при этом с надсадкою в голосе, точно говорящий заика, натуживается» (§ 63). Отсюда понятны кажущиеся неуместными удвоения гласных: *сааdзе* (Мат. Б. № 24 Новогр.), *ааczy̆nićsie* (два раза = отч...) (Федер. I, 333 и 334 Волков.).

В случаях слития гласных, происходящего, так сказать, на наших глазах, гласные кажутся тоже долгими: zūsim из zuu̯sim (= совсем, Федер. I, 6 Волков.), bało (= бывало, ib. 7, 10 и др.), siōni из śeʰóńi (= сегодня, ib. 8), niēcka mhła (II, 99), бласлави (Розенф. 29 Вилейск.), блаславиць (ib. 55 Минск.), паддаю (ib. 76) и др. Мне бы хотелось отнести сюда и многочисленные случаи написания в сборниках Романова на *-аа*, *-уа*, *-уу*, *-ау*, без *j* (вм. *-ая*, *-уя*, *-ую*, *-аю* по принятой орфографии), как *тáа*, *дóбраа*, *знáа*, *скáзуа*, *дóбруу*, *свáу:* ён призыва*а* (Ром. VI, 15 Гомельск.), выпива*а*, пригоня*а* (ib. 19), т*аа*, котор*аа* (ib. 51 Горецк.), копе*а*чку (ib. 82 Бых.), погуля́*ам* (ib. 215 Гомельск.), тая можа ти ня зн*аа*, т*уу* спросить (ib. 217), ён вынима*а* совсим сыро*а* (ib. 341 Бых.), м*аá* (моя), тва́ дуобр*аа*, зн*аа* (Малев. 10 Слуцк.), сельск*ăа* (ib. 20), харубшай (ib. 21), на так*уў* гору (ib. 20, причем здесь, как и в других подобных случаях, конечное *ў* не равно *u̯*), дубр*уў* награду (ib. 21), на як*уў* згубу (ib. 22) и т. д. В некоторых подобных случаях, равно как и приведенных в отделе о слитии гласных из сборника Клиха (стр. 324), следует видеть не удвоение гласного, а обозначение долготы.

В характеристике белорусских согласных мы видели, что некоторые согласные, напр. *с*, прибавлю еще *ц*, *р*, а может быть, и другие длительные могут больше протягиваться, нежели русские или польские; да кроме того белорусы вообще говорят медленно; вследствие этого гласные, предшествующие таким согласным, а также группам их, могут казаться протягивающимися. Я думаю, что этими причинами можно объяснить частые написания в польских белорусских сборниках разных слов с долгими гласными; возможно, что рассказчики по каким-либо причинам личным протягивали гласные в известных словах. Замечательно, что иногда обозначается долгота в таких случаях, где бывают дифтонги и гласные сжатые. Вот несколько примеров из разных мест: jā (Федер. I, 65 Волков.), nādtō (4 Слоним., ib. 142), pāszu̯ou̯ (ib. 32 Сокольск.), bahāctwo (ib. 38 Волков.), uciekājuć (ib. 49), płācz (ib. 60), pāmczàlisie (ib. 66, II, 241 Лидск.), tāk (ib. I, 61 Волков.), hōlić (ib. 51), chōć (ib. 92), i u̯ ru̯ōt i u̯ ru̯ot (в одном и том же примере два разные написания) (ib. 93), prōsto (ib. 91), prrōsto (ib. II, 67), krēkać (I, 38 Волков.), źmiēle, zamniē, ŗiēzać (ib. 73), z jēłki (ib. 51), z trēskam (ib. 47), trēśnie (ib. 61), adziēżaju (ib. 67), umiēje (ib. 92), czȳsto (= совершенно, ib. 10, ib. 11, ib. 118), prȳdzi (6 Сокольск.), prȳdzie (72 Волков.), hȳcel (ib. 218), zȳskŭwać (II, 18 Волков.), śmiejūćsie (ib. I, 45).

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

Мы видели («Белорусы», I, 86—87), что древнерусские говоры, легшие в основу белорусского языка, унаследовали от общерусского языка следующие общеславянские согласные:

1) *р*, *н*, *л* чистые и смягченные (палатализованные), когда им приходилось соединяться с *j*;

2) задненёбные *к*, *г* (*g*), *х*, *h* — последний звук диалектно в произношении некоторых лингвистических единиц, а также вообще в некоторых отдельных формах (напр., род. на *-oho*); звук *г* (*g*), как увидим ниже, вскоре был вытеснен звуком *h*;

3) зубные *д*, *т*, *з*, *с*. Последние (*з* и *с*), а также сложный зубной *ц* могли быть и мягкими (палатальными), если они получались путем смягчения *г*, *к*, *х* (бозе, реце, стресе);

4) нёбные смягченные *ж*, *ч*, *ш* на месте *г*, *к*, *х*, когда им приходилось соединяться с *j* или гласными переднего ряда (умягчительными); *ж* и *ш* получались также на месте сочетаний *зj* и *сj*; сложные согласные получались: *щ* из *скj* и *стj*, *ждж* из *згj* и *здj*;

5) губные *б*, *п*, *м* и зубногубной *в* чистые; смягченными они бывали только тогда, когда за ними следовали *л* мягкий (люблѫ, куплѭ, землѧ, ловлѭ). *В* мог чередоваться с неслоговым *ў*, или точнее с билабиальным *w*, когда ему приходилось, напр., после задненёбных *г*, *к*, *х* стоять перед *о*, *у* (гвоздь, квокчеть, хворост);

6) от некоторых диалектов общеславянского языка русским праязыком унаследована черта, перешедшая затем и в белорусские говоры, состоящая в упрощении групп *дл* и *тл* в *л* (пал, плел), а также *дн* и *тн* в *н* (ванѫти, освьнѫти).

В западную группу среднерусских говоров, легших в основу белорусского языка, перешли и те особенности, которые развились на почве древнерусского праязыка («Белорусы», I, 89—90):

1) завершился переход сочетаний *dj* и *tj* в *ж* и *ч*, начавших смягчаться еще в общеславянскую эпоху при посредстве *д'ж'д'* и *т'ш'т'* (межа, свеча);

2) вследствие тесного сближения в произношении согласных и следующих за ними гласных произошло усиление «непереходного» смягчения согласных (палатализация) зубных (*т*, *д*, *с*, *з*, *р*, *л*, *н*), не стоявших

перед *j*, а лишь перед *и*, а затем, в подражание ему, и перед *ъ*, *е*, *ѣ*, *а*. Лишь согласные губные *б*, *п*, *м* и зубногубной *в*, бывшие на конце слов перед *ъ*, если в других формах тех же слов им не приходилось стоять перед *и*, обыкновенно из полумягких обращались в твердые (*столомъ* из *столъмь*, *в томъ* вм. *въ томь*);

3) с другой стороны, некоторые согласные, как задненёбные *г*, *к*, *х*, а также губной *в*, уже по природе своей бывший лабиальным, выговаривались при таком растворе рта, какой необходим для произношения гласных преимущественно лабиальных *о* и *у*. В подражание этим согласным и другие в соединении с *о* и *у*, а также с *ѫ*, *ъ* лабиализовались. Впоследствии такое твердое лабиализованное произношение согласных распространилось на все вообще сочетания согласных с непалатализованными гласными. Эта палатализация и лабиализация согласных произвела большие изменения в области гласных и согласных, приходящих в непосредственное соприкосновение друг с другом. Какие изменения произошли от этого в области гласных, мы видели из предыдущего отдела; в области же согласных, особенно после утраты в произношении глухих, произошли уподобления одних согласных другим в отношении их твердости и мягкости.

Приведенные согласные, унаследованные западной частью среднерусских говоров от общерусского языка, в дальнейшей своей жизни на белорусской почве подвергались разным изменениям, причем в них можно видеть или дальнейшее развитие черт, бывших в зародыше диалектно уже в общерусском языке и вследствие этого отчасти известных и другим восточнославянским языкам, или же явления, исключительно возникшие на почве западнорусских говоров после выделения их из общерусского языка. В дальнейшем изложении и придется постоянно подчеркивать это обстоятельство.

Из рассмотрения изменений древнерусских согласных на белорусской почве выясняется, что они отчасти могут быть подведены под известные причины, зародившиеся уже в общерусском языке. Важнейшая из этих причин та же, которая вызвала большое расстройство и в области гласных, именно — утрата в произношении конечных *ъ* и *ь*, а также тех глухих в середине слов, которые потеряли свой слоговой характер. Это, как мы в свое время говорили, те глухие, которые не были под ударением, а также которые находились в слогах, стоящих за сочетаниями с гласными чистыми; в случае, если в слове многосложном были только глухие гласные, то терялись, кроме конечных, те глухие, которые стояли в слогах четных, считая с начала.

Главнейшими последствиями утраты глухих в области согласных было — на конце слов появление согласного изглашения, а в середине образование новых согласных групп, в которых должна была произойти ассимиляция и диссимиляция звуков, вставка и выпадение согласных, сходные с теми, какие происходили еще в основном славянском и отчасти уже в индоевропейском праязыке, когда при словопроизводстве получались необычные сочетания согласных. Возникли и новые случаи

встречи согласных с *j*, следствием чего было удвоение согласных, а в некоторых говорах и слитие их в один звук.

Некоторые изменения в области согласных объясняются действием аналогии сходных образований, а иногда даже являются результатом народной этимологии или какого-нибудь перетолкования.

ЯВЛЕНИЯ, СВОЙСТВЕННЫЕ ВСЕМ СОГЛАСНЫМ

Уподобление согласных

Когда с утратой глухих явились новые группы согласных, то последние стали уподобляться друг другу как по звучности, так и по мягкости, равно как и по месту артикуляции. Готовясь произнести в связной речи какой-либо звук, мы приспособляем свои голосовые органы, настроенные на произнесение этого звука, к произнесению следующего за ним и тем самым, несколько изменяя самое положение органов, изменяем и произносимый ими звук. Таким образом, явление уподобления оказывается физическою необходимостью; не допустить его можно лишь тогда, если в группе данных согласных вставить частичные неопределенные гласные, что в произношении скажется в некоторых паузах между согласными. Как физическая необходимость, явление это старинное, всегда свойственное языку, происходящее в новых группах по преемственности, в подражание старым, и теперь. Насколько можно видеть из описания этого явления, оно представляет из себя ассимиляцию регрессивную, так как последующий согласный в известном отношении уподобляет себе предыдущий согласный. Иногда (при *j*) ассимиляция бывает прогрессивная и регрессивная вместе.

Уподобление согласных распространяется на группы их а) в середине слова и б) на группы согласных между словами (последний согласный предыдущего и первый следующего, если между словами нет паузы).

Переход голосовых в безголосные и наоборот

Группы согласных в одном и том же слове (куда мы также отнесем и соединения с предлогами, так как последние с зависящим от них словом составляют одно целое) подвергаются 1) уподоблению по звучности.

Вследствие этого *α*) голосовые согласные, если им приходится соединяться с безголосными, переходят в безголосные. Сборники белорусских народных произведений прежние, как отчасти и современные, придерживаясь традиционной исторической орфографии, обыкновенно не обозначают этого перехода; в этом отношении они не отличаются и от старинных западнорусских произведений, в которых следы рассматриваемого перехода попадаются лишь как невольные ошибки и недосмотры писца. Вследствие сказанного приводимые нами примеры будут немногочисленны. Таковы случаи: dzio*ch*ciem (Чечот. 1846 г. 114), лёжко (Бесс. Б. П. 45), молоццу (из *молотцу*, Зап.

I, 295), дарошки, небо́щик (из *-шчик, -жчик:* от *небожьсхъ*, Дмитр. II. и Ск. Вильн. 35 Новогр.), поўдарбшки (Кар. 54 Новгр.), рашство́ (Шейн Б. П. № 146 Лепп.), потколодный (Ром. V, 116), потходзиць (ib. IV, 214 Черик.), пот таким (ib. 215 Клим.), уссодзим (ib. III, 130), бытом так (= будто, 212 Бых.), банка (ib. 427 Сенн.), ни бытом (ib. 359), лотки (ib. 356 Рогач.), берёский (ib. 264 Сенн.), кохцях (Ром. I—II, 29 Гомельск.), кохцям (Шейн. Мат. I, 670 Бобр.), дорошки (414 Ошм.), повешьте (ib. 1 Горецк.). Ответы на белорусские программы почти единогласно свидетельствуют об этой черте: ср. бу́тка, апцеса́ць, лёхки, ле́сци [Мат. Б. № 5 Слуцк., № 6 Диснен. № 8 Игум. (но там же *людзки, ле·ци*), № 10 Мозыр., № 11 и 14 Новоалекс., № 13 Свенц., № 17 Речицк., № 18, Витебск.]. ўвесци (от *везу*, № 21 Слуцк.), опчеса́ць (№ 30 Речицк.), друща́тка (из *-шч-, -жч-*, Розенф. 29 Вилейск.), ка́ска (= сказка, Малев. 20 Слуцк.), галу́пка, лю́щки, лі́е́сьци, дарубшка (ib. 12). Даже у Федеровского обыкновенно этимологическое письмо и лишь в редких случаях звуковое: jeczcze (= ѣдите, II, 47 Слоним.), adzinàccaciam (ib. 67 Волков.); лучше рассматриваемое явление отражается в сборнике Клиха: nátto, śvetka, lutśki, patstávių, słapšy, párapka, matuśké, rassýpoų, ráspisku, spaṁańeće, stųška, dušsy, ćaško, jećce (ib. 255), ap čałaveku (ib. 12). К предыдущим примерам еще прибавим из живой речи: *нат ты́ном, лу́пка* (лукошко), *бу́ц'ц'а*. Из голосовых звуков повсеместно в Белоруссии не обращается в безголосный *в*, так как этот звук после гласного или в начале слова и перед следующим безголосным согласным обыкновенно переходит в *ў* неслоговое: ла́ўка (Мат. Б. № 8 Игум. и др.), ўс'ɛй, ўс'ал'а́ки, ўкаран'и́лас'а, забаўка, конаўка и т. д. На каком-то недоразумении основываются у Клиха (стр. 255) написания: fśej, fśúdy, fśaki, fkarańiłaś — с *ф*, какового звука в белорусском языке слышать не приходится. Не знаю, как смотреть на оба ответа из Быховского уезда (Мат. Б. № 9 и 16), в которых в соответствующем месте (ответ на § 43 Программы) приводятся слова с голосовыми гласными: лично этих мест я не посетил, а допускать теоретически присутствие глухих после голосовых согласных в указанной местности вряд ли возможно. Рассматриваемое явление находит отражение и в старинных произведениях, но в очень редких случаях; *ис торуна* (гр. после 1341 г. Кест. и Люб.), *ис сполна* (гр. 1432 г.), *петнатцать* (гр. 1499 г.), *свѣтки* (гр. 1450 г.), *свѣтчѫ* (гр. 1487 г.), *щеткомъ* (гр. 1450 г.) (то же, что *счадкомъ* 1492 г.), *ис* стародавна (гр. 1450 г.), *съ* Кракова (XV в., Сб. Вил. Пал. Сн. № 3); Четья 1489 г.: пресподнжю (279); в Сб. XV в. Публ. б. № 391: *ис* хоустъ (21б), *сполнатьсе* (26б), *ис* силною (46), *ис* своими (52б), *ис* собою (56, в последних двух случаях старинное *с* предлога *съ* только не перешло в *з*), *ѿпцевати* (84б, польск. obcować); Лет. Пер. Суздал. XV в.: *исъ* Соуждали (59), *исъ* Плъскова (53); Лит. лет.: *ис* Троковъ (31 Увар.), *с* Кракова (34 ib.), ѣха^{m}чи (Евр. 458,

где *т* — подражание таким образованиям, как *пришедши*), двена^{тц}а^{т} (Дубр. 487), Витепска (Супр. 91), Витепскъ (473б Евр., при *Витѣ-скаго*, 48б Дубр.), Витофтъ (491 ib.), Витоѳтъ (488б), Витоѳта (Погод. № 1404а, л. 693), блиско (Евр. 524б), *с* чѣжи^{х} сторо^{н} (83 Крас.), *с* Киева (66б Крас.), даже — со кгда^{т}ска (80 Крас.); Лет. Авр. XV в.: сковоротькѣ (114, 207б), морткѣ куньи (208б), м̃ навосковъ (265б), подвоскою (274б), двоунат̃цати (486), дроугынат̃ца^{т} (208б) полътретыт̃чать (269б), мерско (202), йс перетаславла (114б), бес трѣй (400б), скрежчюще (128); Сб. XVI в. Крас.: йс тебе (41), йс^{ъ} смысловъ (18б); Статут 1588 г.: ѯбеспечили (18), сподданныхъ (= из *п-ых*, 22, 229), обеспечность (31), а *с* тыхъ (49); Гродн. Акт. кн. XVI в.: росказалъ (18); Тайна тайных XVI в.: *с*'каз^{а}и (= исказилъ, 5), зака^{т}це^{х} (7б), бесто^{м} лицо^{м} (10), ѿ мжс'твѣ (42); Библ. Скор. XVI в.: свет'кове (Р 7), досветчити (Ч 15), светки (Ц 3б); Катих. 1562 г.: ме'рскую (87б), промеш'ку (62), исцелаючи (47), расчыни^{х} (43), воста'вшего (78б), рос'смотри (213), бесплодны (61б), для скажоного (189) и даже — *съ* всѣхъ (= из в., 179); Катих. 1585 г.: *с* котѡрыхъ (= из к., 2); Ев. Тяпин. 1580 г.: светъкохъ (25, но *посъведчъ* 57б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: свѣтки (16), исчезнѯть (54б), сполнить (88б); Псалт. XVI в.: ѣ спытѯєть (14б), *с*' черева (23), *с* сыно^{ъ} (139б), *с* костела (9), скѡшали (= искушали, 80б), *с* краѣ^{ъ} (131б), свето^{ъ} (91, под влиянием *свѣтки*); Сб. XVI в. Чуд.: тщерь (621б), сле^{ч}ка (734); Сб. XVI в. Кунц.: с расужденіемъ (*-зс-*, *-сс-*, 56); Сб. XVII в. Вил. № 107: *с* чого (98); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: лѧцѯшки (62б), лѧцушки (198), тзыко^{м} хлепта^{ъ} водѯ (123б, но тут же *хлѣтать*); Псалт. XVII в.: спо^{м}ни (*въсп-*, *ўсп-*, 56), сходѯ (*възх-*, *ўсх-*, 59б), стратили (60б), досвѣтчъ (161б). Встречающиеся в разных памятниках: бчолы (**бъчела**), напр. Гродн. Акт. кн. XVI в. 146, Псалт. XVI в. 117, не нарушение рассматриваемого закона, а лишь этимологическое написание.

β) Безголосные согласные, если им приходится стоять перед голосовыми, переходят в голосовые. Заметим при этом, что в белорусском языке, как и в других славянских языках[1], не бывает перехода безголосных в голосовые перед *л*, *р*, *н*, *в* и *м* (тл'ец', труба́, нн'о́м, св'ят, хм'ел'), так как они по своему произношению приближаются к гласным и не требуют более близкого приспособления к ним согласных.

Прежде чем приводить примеры на указанный переход, следует коснуться двух белорусских предлогов, с которыми нам часто придется иметь дело, это: *з* и *одъ*.

---

[1] Довольно странное, однако, замечание читаем в рукописи одного из корреспондентов Бодянского из Смоленской губ. (Бумаги Бодян. № 162, л. 6б), который утверждает, что предлог *съ* (и вообще *с*) перед *в* и *м* тоже переходит в *з*: *звать*, *змак*. Очень может быть, что эти образования построены теоретически, по ложной аналогии с такими случаями, как (приведенные у него же) *звычай*, *з им* и др. (Я бы прибавил еще: *з миской*), в которых в предлоге *з* по другой причине, как увидим после.

В первом, как мы уже отчасти имели случай говорить, в белорусском совпали старинные *из* и *съ*, причем, уже начиная с древнейших произведений, безразлично стали употребляться в смысле ex и cum *из—ис*, *з—с;* об *и* мы говорили в отделе гласных, относительно же согласного заметим, что возобладал *з*, который употребляется не только перед согласными голосовыми, не только перед *л*, *р*, *н*, *м*, *в* (кроме старинных соединений с *с* не предлогом), но даже и перед гласными; *с* возможно только перед безголосными согласными, но и здесь нередко *з* в качестве ложноэтимологического написания.

Предлог *од* возник из старинного *отъ* отчасти звуковым путем: в положении перед голосовыми согласными, отчасти же по аналогии предлогов, оканчивающихся на *д* (подъ, надъ, перед) — объяснение И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. И здесь *д* возобладало и употребляется даже перед гласными; *т* возможно только перед безголосными, хотя и сюда по ложной орфографической аналогии иногда заходит *д*.

Таким образом, в нижеприведенных примерах с *з* и *од* правильнее говорить лишь о сочетаниях *з* и *д* с голосовыми, а не о переходе *с* и *т* в голосовые, хотя этот переход в древнейшую пору, действительно, произошел.

Переход безголосных в голосовые имеется в следующих примерах: *а*д*д*аць (Шейн Б. П. № 3 Лепп., Дмитр. П. и Ск. Вильн. 75 Новогр.), *з*буду́ю (Шейн Б. П. № 7 Лепп.), *з*бирала [Бесс. В. П. 27, но в тех же сборниках: *з* ку́мом (Шейн Б. П. № 5 Лепп.), *з* своим (Бесс. Б. П. 5), з Юрьям (ib. 32)], ен издзелав (Ром. III, 216 Бых), *из* бабый [ib. 427 Сенн., при *кров ис кровъю* (ib. V, 75 Могил.), *и*сказав (ib. IV, 154 Черик.), *-жу* (ib. III, 188 Бых.), *и*скуй (ib. 60 Гомельск.) и т. д. с *с* перед безголосными]; перед плавными *в* и *м*, а также перед *j* и гласными, вставленными после предлога в группе, неудобной для произношения, тоже *з: з*лезай (Кар. 61 Трок.), *и*знов (= снова, Ром. III, 17 Гомельск.), *з* либяды (Демб. 291.578 Горецк.), *з*ъела (Шейн. Мат. I, 36, Виленск.), *з*ъеў (30 Лепп.), *з*ъили (Ром. IV, 103 Гомельск.), што *з* им робиць (ib. III, 24 Сенн., хотя *исыйшов* Ром. I—II, 20 Гомельск.), *з*ъеў (Ляцк. Посл. 10 Борис.). И в Мат. Б. отмечаются случаи удержания *з* в таком же положении: *з* лесом, *з* руками, *з* веником, *з* мякиной (№ 4 Могил. губ. и др.), *з*дзелаю (№ 11 Новоалекс., № 14 ib., № 17 Речицк.) *з*ъесть (№ 27 Лепп.), *з*им (= с ним), Тамаш пашоў *з*ялаўкай (= с *ял-*), *з*янкам (= с *Янж-*), *з*ѐльнику (= из *ельн-*), *з*юлькай (= с *Юльж-*, № 31 Вилейск.). [но: свет, смага (№ 5 Слуцк., № 10 Мозыр., № 7 Минск.), с печы, с тѐрбаю, с хаты (№ 8 Игум.) и др.]. Из приведенных примеров можно видеть, что перед плавными *м* и *в* только на месте предлога *съ* имеется *з*, старинная же приставка *с-* (происходящая, конечно, из предлога *съ*), а также коренное *с*, стоящее перед указанными согласными, в *з* не переходят. Странное отступление представляет довольно распространенное *змирный* (= **съмѣренъ**, Мат. Б. № 8 Игум., № 9 Бых., № 13 Свенц., № 16 Бых., № 18 Витебск., № 28 Себеж.), слово, вероятно, занесенное в белорус-

ский язык в более позднее время солдатами вм. местного *рахма́ны*; иногда также в этом роде можно встретить *змотру́* (Мат. Б. № 10 Мозыр.), опять-таки зашедшее из русского языка на место бѣлорусского *гля͡джу́*. Еще в Этнографическом Сборнике (I, 268) читаем: *злёз* (= слёз), *зме́рць*, где на *з*, вероятно, смотрели как на предлог, что во втором слове этимологически правильно (= др.-русск. *съмьрть*). Тут же припомним *зват*, *змак*, приведенные в выноске на стр. 275. Еще примеры на *отъ-одъ*: *одомкну́ти* (Бесс. Б. П. 32), *од* речки, *адыгнали* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), *ад* мяне́, *ад* речки, *ад* луга, *адагнали* (ib. № 5 Слуцк., № 6 Диснен., № 7 Минск.), *ад* гумна (№ 11 Новоалекс.), *аддай* (ib.), *ад* вулицы, *ад* дому, *адапры*, *адагнаў*, *ад* акна, *адыйшо́ў*, *адыска́ў* и др. (№ 31 Вилейск.) и т. д. (при *аткинь*, *атпраўлю* № 5 Слуцк., *ат цибе́*, *ат сибе́*, *ат хаты* № 11 Новоалекс., *атадьвинул* № 26 Себеж.). В сборниках народных произведений, равно как и в ответах на белорусские программы, иногда *д* бывает даже перед безголосными [*од копы́* (Бесс. Б. П. I), *одчиня́етца* (Шейн. Б. П. № 24 Лепп.), *од цябе́* (ib. 85 Витебск.), *адпраўлю* (Шейн. Мат. I, 22 Борис.), *адки́нь*, *адпраўлю* (Мат. Б. № 7 Минск., № 18 Витебск.) и др.], в чем хотелось бы видеть простой недосмотр ссбирателей народных произведений; если же это явление живое, то придется допустить частичный гласный после *д*. Примеры из сборника Розенфельда: *зма́жицца* (27 Вилейск.), *з* аднэй (79 Минск.), *аддала́* (15 Вилейск.), *аддаўбы* (25 ib.) и даже — *адкацися* (24 Минск.), *адчини́ варо́ты* (ib. 53); в сборнике Малевича: *збиў*, *звали́ўся*, *з* гары, *з* дуба, *з* берега, *ад* брата, *ад* матки, *ад* вады, *ад* мяне, *ад* лу́га, *ад* жалié*за*, *г* богу (т. е. *ґ бо́гу*) и т. д. (12 Слуцк.), *з* листам (20 ib.), *адвет* (ib.), *назат ад* яго (ib.); *až̈äniųsie z druhoju* (Федер. I, 75 Волков.); у Клиха: *addyxá́*, *adžanú*, *túdžo*, *ɛłavić*, *ɛmućić*, *ɛvić*, *ɛiéxaų*, *kaźbý*, *ǫ́źmeżże*, *svázbu*, *xóźvyž ṕeźźeśát* и др. (255), *xcą za moho* (ib. 19). Еще следует оговорить несколько отдельных примеров, это: *дхапака́* (jcн удáрыў драпака́), при русском *тѣпака́*, слово, вероятно, переиначенное в угоду *дра́паці* (драть), *g гаха́* — со звуком *g*, а не *г* (*h*), как и естественно на месте *к*. Если в словаре Зизания (стр. 122) приведено белорусское слово *глу́мохъ*, то здесь будет переход *к* в *г* перед *л*, так как обычное белорусское слово — *клу́мок*, *клу́мка* (мешок с ношею, сумка).

Переходя к примерам из старинных произведений, заметим, что и здесь приходится иметь дело главным образом с предлогами *з* и *од*. Грамоты и акты: *з* доубровами [1383 г (17)], и нову (и снова, 1432 г.), *зъ* дѣтьми и съ женою (1406 г.), *зъ* данью (1454 г.), *зъ* бояры (1442 г.), так і *здержали* (ок. 1400 г.), *здоровъю* (1476 г.), *шездесятъ* (1478 г.), *зубожали* [В. А. 20 (1526 г.)], *одъ* Олексеева Хреста (1398 г.), *педма* копами (*пятью* из *пятьма*, 1497 г.). Четья 1489 г.: коли *з* оболока (52б), вышли *з* города (122, в обоих случаях, конечно, остаток старинного *из*), *здѣ* (35), *зблюлъ* (47б), *згорѣла* (50). Сборник XV в. Публ. б. № 391: *зборъ* (32), *здрапавши*

(99), *з* мертвыѫ (30, = из м.), злоутьца; но рядом с подобными случаями имеем звездоу (42), з'вездоу (82), слоутьца (2), свычаю (38б), сы йсрагела (41), сгроумажныѥ (94), йс датко (48б); перед гласными предлог *съ* — *из* может оканчиваться и на *з* и на *с*: из оучны своими (36), съ Акова (39б). В подобном же положении, как с *с*, дело находится и с *д*: ѡдь юдаша (1), ѡдь ва (ib.), ѡд домоу (1б), ѡджила (14), ѡд нѣго єсми (31б), ѡдъ ѡцевъ (88б); но рядом с подобными случаями встречаем: ѡд превротны (1), ѡдъцвитати (90). Летопись Пер. Суздл. XV в.: *з* голода (92), *з* города (112), здѣржати (36). Литовские летописи XV—XVI вв.: *з*бирати вои свои (12 Вил.); со матерью и *з* братіею и *с* скарбомъ своимъ (30 Увар.); зобрался з жоною и *з* дѣіми и скарбы своими (64б Крас.), *з* братьею (4 Вил.), *з* братомъ съ княземъ (3ib.) и т. д., а *з* нею (38 Увар.), *з* нѣмци (3 Вил.), *из* градомь (с городом, 41 Увар.). Летопись Авраамки XV в.: здоровѣ (73), здоровъ (96), здѣлаша (86б), в зборнѣи (94б), згони (114б), згорѣ (157б), зговоривъ (221), *з* доновьского (138б); после того, как предлог *съ* обратился в *з*, на письме еще иногда восстанавливается и *с* и вследствие этого получается как бы удвоенный предлог: по бѣлѣ *сз*ыма (42б), ѡблакъ тученосень *сз* дожемъ (266). В том же памятнике иногда наблюдается излишняя этимологизация: пожечника (= стреляющего из пушки, 260б), по жлахоу (= по шлягу), куда *ж* зашло вм. *ш* из опасения допустить ошибку против этимологического письма. Сборник XVI в. Крас.: *з*ъ двы (41), згорий (253). Статут 1588 г.: *з* глупъства (5), здавна (1), *з*ъ земли (8), *з* двору (11), се звело (83), змова (2), за зникнемъ (30), *з* нимъ (191) и даже — зысчетъ (544), *з*ъ стороны (22), *з*ъ своими (62), *з*устого (87), одослано (99), одыти (96). Гродн. Акт. кн. XVI в.: зо всими (66). Бел. Арх. I: прозбу (1548), *з* мещаны, *з* бояры (1548), *з* сеножатми (ib.); II: *з*ъели [1530 (XVII в.)], кгъ другому [1531 (XVII в.)]. Тайна тайных XVI в.: з'боужаєть (43), з'беретса (33б), из'бываютса (85б), з'верхѫ (82б), з'мыслію (42б), з'лиганіе (26), но также — и с'смирение (18), в'се и'найдешь (75); но — ис'мышлаешь (12). Катихизис 1562 г.: прозба (165б, 182), *з*бору (2 предисл.) з'дши (но — и стѣла, 192), здругомъ (35б), згожает'са (59б), по згл'ажею (3 предисл.), згрѣхомъ (191), зводити (91), звѣроію (36б), зложенол (152б), з'нову (снова, 2б предисл.), знаидешь (37), знесло (3б посвящ.), ѡгнь спалъ из'неба (87б), змает'ностеи (95), зрал (38), цер'ковъ 'естъ злюдеи (159б), здрадою (88), *з*бавлю (166); в этом же памятнике встречаем и ложноэтимологические написания: въс'зданіе (123б), прѣкнеши (137), стережижьса (34б), роз'кажеть (54б), ветже (ведь же, 124), роз'шираютъ (68). Катихизис 1585 г.: ѩко бы *з*главъ (2). Евангелие Тяпинского 1580 г.: *з*жѣчи (18), здалека (39), *з*ъ гробовъ (48б), *з*родомъ (16б), змилуисе (58б), *з*вычаи (57), оброкидалъ (59б, = опрокидал), зошлисе (57), зозволатьса (44), даже — зойди з'креста (44), *з*ъсер'цъ (25б), *з*съ каганъцами (35б) (с удвоенным предлогом). Библия Скорины: одь великости (Пр 19б), свадба

(Б 40б), но также перед безголосными и гласными: ѡд человѣка (Б 16б), одъ Аптекаревъ (ПП 7б), одогнали (И 7). Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: зровнитсѧ (63), збирати (85), збирала (31б), здѣвками (ib.), зводатъ (1), звѣсть, зверху (19б), зниходи̑ то бы доло᷍ на землю (88), гь̑ змꙋчилъ мене (31б), зострили (80), даже ѡдчаѧніе (87б). Псалтырь XVI в.: прозбы (17), зборꙋ (9), збита (31), збираѥ̂ (33), згрешаючи᷑ (26), згрешникы (28б), зъ злишко᷑ (31б), звелъ (23б), зветшаѥ̂ (49б), звысокꙋ (117), зринꙋтый (60б), тои знищи̑ (111), з нб̑съ (141), змерены (40б), з молодыми (141б), збави̑ (45), зъе́ли (27б), зга̑дею̑ (45), зѧла (68), зѣсти (100б) оу зобра᷑ю (84б), зо вси̑ᵡ, за всего ср̑ца (88), зомлею̑ (12), зо зна᷑ю̑ (50б), зотре᷒ (8б), зошлисѧ (35б, 48б), зоꙋ̑цы (107), даже перед безголосными: з̑ стороны (9), зстꙋпе᷑ю̑ (25), зстꙋпи᷑ (30), зъ смꙋткꙋ (33б), с удвоенным предлогом — з̑с тайны̑ᵡ (18). Сборник XVII в. Вил. № 107: в прозбѣ (34б), пазнокти (26), з нимъ (15), з нее (207), незличоное (88). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: про᷑бу (141), ѡдосла̑ (267), з вами и з наслѣ᷑мъ (4), змыслъ (3б, 261), зъѣлъ (32б), зѣсте (50б), з трема (2), зпꙋщу (2б), зпущу (49), з полѧ (19б), даже — зсучое (145), ззбавилъ (23б), зъ ѡлтаре᷑ (64). Псалтырь XVII в.: про᷑ба (46б), збираю̑ (10б), згромадилисѧ (1), з гнѣву (1б), з голодꙋ (44), здоро᷑вѧ (9), зве᷑рхꙋ (30), звыча̑ (134б), з ними (6), знищаю̑ (7б), ѡдновисѧ (106б), зрада (38), зровнае̑ (82), змилуешъсѧ (105б) и т. д.; также имеем з в подобном положении и на месте из: збавенѧ (11), з бо᷑ги (13), збави́теле᷑ (131), з земли (81), злечи (16), з неща᷒сѧ (4), з ни̑ᵡ (68), з него (7), з мене (10б); как и в других памятниках, и здесь з не редкость перед безголосными и даже гласными: зпора̑ку (24б), з пѣсне̑ (158б), з тыми (84б), з которихъ (31б), з собою (81), зсѣлосѧ (136б), зступи᷑ (66б), зстꙋпую̑ (127б), зосхсꙋ̑ (6), зо всѝми (136), збснꙋ (149).

Переход твердых в мягкие и наоборот

Кроме звучности, группы согласных подвергаются еще 2) уподоблению в отношении палатальности. Вследствие этого:

α) уже в позднейшую эпоху общерусской жизни, с развитием в языке палатальности, и при согласных, не бывших лабиализованными или твердыми, когда им приходилось соединиться не только с *j*, но также с *и, е, ѧ, ъ* и *ъ*, начали становиться довольно мягкими и согласные, предшествовавшие им, конечно, если этому не мешала артикуляция последних. В белорусском языке степень мягкости согласных, предшествующих мягким, неодинакова как в зависимости от характера самих согласных, так отчасти, вероятно, и от области распространения того или другого говора. Иногда не непосредственно стоящий перед умягчительным гласным согласный бывает только средним согласным, т. е. не твердым, но и не таким мягким, как стоящий перед гласным, иногда же палатальность целой группы согласных,

стоящих перед смягчающим гласным, бывает одинакова. Так как уловить средние согласные можно только очень развитым слухом при непременном условии наблюдения над живым произношением, то в данном случае, когда нам приходится судить больше по изданиям народных произведений и по обозначению этой мягкости на письме, мы будем говорить только о мягких согласных, не различая средних. В подражание, так сказать, исконным группам мягких согласных явились и новые группы, это — когда твердому согласному, за которым когда-то стоял глухой гласный, со временем исчезнувший в произношении, приходится стоять перед мягким. Понятно само собою, что если исчезал глухой *ъ*, особенно равный *jъ*, то согласный, стоявший перед ним, уже искони был мягок, а не стал таковым впоследствии перед мягким согласным (ср.: па*л*'чык, ко*н*'чык). Прежде чем сделать более детальные выводы по рассмотренному явлению, приведем примеры: умягчение в старинных группах: *цъ*ви́ла́ (Розенф. 65 Минск.), *зъ*меем (Ром. IV, 106 Могил.), музь*ж*ея (из *мужъск-*), женськия (ib. V, 147 м. Монастырщина), ки́яўськи, *цъ*ві́ет, *зъ*вязда́, *съ*ві́ет (Малев. 12 Слуцк.), jíе*съ*ци (ib. 21), на *съ*ві́ёци (ib.), ня *съ*мі́ёў (ib. 22), *съ*лі́ет (= след, ib. 78), пас*ъ*ці́ёль (ib. 85), даже — *къ*ві́етка (ib. 88), женьськи(й), зьес*ъ*ць, *цъ*вет, *зъ*визда́ (Мат. Б. № 4 Могил. губ., ср. еще № 5 Слуцк, 6 Диснен., 16 Бых. и др.), зе*мъ*лю (16 Бых.), *с*'х'итры́ц', va śńe (Верига Pod. 20 Лидск.), dziewićwieczer (Чечот 1846 г., 113, 119) (даже с обращением *ч* в *ц* перед мягким *в*); у Клиха: śv́et, śv́atý, napaśviu̯, i̯eść, ńeščaśćo, na paradv́éśńe, raśli, mýśli, ślezá, ślózy, ślad·é, zaḿérźńe, źḿeja, źv́aści, źv́azdý, źleści, čecv́oro, ćv́erózy, ćv́atôk, źv́er, źv́éry, ḿeźv́éć и т. д. (255), śv́iń́e (48), raśćéš (58); búdzie źle (= для) cibie (Федер. II, 101 Волков.). Умягчение в новых группах, возникших вследствие выпадения глухого *ъ: изъ* ямы (Ром. III, 405 Сенн.), (т. е. iż jamy **изъ ямы**), *зъ*есь (ib. 18 Гомельск.), *зъ*мирно (ib. 196 Бых.), *зъ*зели (= съели, Шейн. Мат. I, 535 Борис., где *j*, умягчив предшествовавший ему согласный, сам уподобился ему по органу произношения; об этом подробнее в другом месте); са*мъ*ки (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), ще*пъ*ки (ib. № 16 Бых.), ни зъвя́ня (Розенф. 56 Минск.), ня ў*зъ*любили (Малев. 21 Слуцк.) (группа, в старину не имевшая глухого), *зъ* jим (ib. 22); у Клиха: śḿerć, śpić, śpók, pǒźńiće, из **поздьн**, но *з* здесь непосредственно не соприкасалось с *ъ*), źḿenić, źbiu̯, źńiḿe, źo̯r, źliu̯ и др. (255), paććahnúu̯ (ib. 14), ćereź vósku (ib. 27), dźwie (Федер. II, 339 Волков.).

Как можно видеть из приведенных примеров, умягчению подвергаются главным образом

с перед *j*, *в*', *л*', *н*', *ц*' (= *т*'), *м*', *п*', *к*' и *х*' (редко), *с*';
з перед *j*, *в*', *л*', *н*', *м*', *б*', *дз*', *з*';
д перед *в*', обращаясь в *дз*';
т перед *в*', обращаясь в *ц*';
м перед *л*';

к перед *ѳ'* (редко);
н перед *к'* (редко);
п перед *к'* (редко).

Легче всего наблюдать умягчение на *д* и *т*, так как они, становясь мягкими, переходят в *дз* и *ц*. Но если мы имеем при *дно* местн. *дн'ä*, при *дз'ен'* род. *дн'оў*, при *дотла — на тл'ä*, при *ц'ац' — тн'еш*, то явно, что эти звуки *д* и *т* перед *н'* и *л'* умягчению не подвергаются и, следовательно, не уподобляются им в отношении палатальности, оставаясь, быть может, средними согласными. Губные звуки *б*, *п*, *м* и зубно-губной *в* (или чаще неслоговой *ў*) при соединении с *j*, перед которым утрачен *ь* (= ĭ), тоже мягкими не бывают: *бjу*, *пjу*, *с'ämja*, *ўjу*, о чем подробнее после. Перед мягкими *к* и *х* умягчение предшествующих согласных происходит редко, так как они стали соединяться с умягчительными согласными сравнительно поздно.

Переход твердых согласных перед мягкими в мягкие проследить по старинным западнорусским произведениям довольно трудно, так как в них это явление, как и в современных изданиях народных произведений, обыкновенно не обозначается; изредка в середине групп согласных попадается *ь*, но он может быть и простым орфографическим приемом для устранения внешним образом стечения согласных. Больше значения имеет постановка *ь* после предлогов перед словом, в начале которого слышится *j*, но и такие примеры не могут всегда считаться вполне достоверными показателями рассматриваемого явления, так как западнорусские писцы под влиянием югославянской графики на конце слов нередко писали *ь* вм. *ъ*. Усомниться в правильности обозначения мягкости посредством *ь* в группах согласных у старинных писцов побуждает в некоторых случаях и то обстоятельство, что получаются несоответствия с современной речью. Приведем примеры: Сб. XV в. Публ. б. № 391: *сь* акова (39б), шкодьливых (89, но в живой речи *-дл'-*, а не *-д'л'-* или *-д'з'л'-*), ꙋдьцвитати (90); грамоты: *сь* ѣвлашко[м] (XV в., Вил. Сб. Пал. Сн. № 3), пашьнями (1455 г., простой орфографический прием?); Лит. лет. XV—XVI вв.: земьлею (8 Вил.), иньшии (84б Крас., здесь смягчение, быть может, и не перед *ш*, а перед старинным *ь*); Лет. Авр. XV в.: итьти (243б), аньтиохи́й (32), высокоў́мьльвїи (120)[1]; Гродн. Акт. кн. XVI в.: зьехалъ (40); Тайна тайных XVI в.: и́зьсилеєть (б), и́зь ґ́языка (1), и́зьаснитсѧ (8), и́зь живота (30), изьгни́є (77), єздать вь 'єго зе́млю (9), зьби́рать (13б); Катих. 1562 г.: казьни (4б), басьни (18б), о́бы҃дѣнїе́м (84); Катих. 1585 г.: справѣ́дьливо́сть (8б) (теперь *-дл'-*), возьлюблѣнь (9); Ев. Тяпин. 1580 г.: тесьлинъ (19), дасьтьли (24), лисьтье (29), милосьть (33б), ѣсьть (26), сьлепы́й (32б), о́чисьть (ib.), старосьте (40), вазьна (40б), несьтї (44), посьведчъ (57б), ѣсьть (26); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: изы҃снатѣ (126б), ч̑лчьихъ (88, здесь, может быть, и морфологическое явление, а не обозначение

[1] Другие примеры см. в нашем исследовании: «Особенности письма и языка рукописного сборника XV века, именуемого Летописью Авраамки», стр. 51.

мягкости шипящего согласного): Псалт. XVI в.: аньтихрте (12), мьсти (12б, ь старинное, но оно не удержалось бы, если бы не обозначало мягкости согласного), вьстереже (15, пример мало доказательный, так как *е* здесь должно обратиться в *ў*), єсьми (28), ѿбьтажиласѧ (32), ѿбъѧває (21), зьéли (27б), свѣлосьти (39б); Сб. XVI в. Чуд.: помышьлю (62ł, хотя здесь *ш*, явившееся из *с* мягкого, могло и не быть мягким), земьлю (724б).

β) С другой стороны, если мягкому согласному, за которыми в старину следовало ъ, после утраты последнего в произношении приходилось стоять перед твердым согласным, то он переходил в твердый. И здесь не все согласные, за которыми стоят ъ, и не перед всеми твердыми обращались в твердые, как это можно видеть из нижеследующих примеров: разýмны (ст.-слав. **разоумьнъ**), пýтны (ст.-слав. **пѫтьнъ**), ц'бмны (ст.-слав. **тьмьнъ**), кáмцы (ст.-слав. **коньцн**), кбмскаго (ст.-слав. **коньскаѥго**). Здесь отвердение согласных происходит только перед *н, с* и *ц* суффиксов **-ьн-**, **-ьск-** и **-ьц-**, т. е. только перед зубными, искони твердыми или ставшими таковыми впоследствии; перед задненёбными и губными мягкость сохраняется: н'áн'ка, гáн'ба, в'ɛ́д'з'ма, н'ɛ́л'га (= нельзя), вóл'ха, колас'úс'ц'ɛн'ко, д'з'áвын'ка и т. д. В старинных произведениях, если судить по письму, отвердение согласных происходило, повидимому, и перед *м*: ѡсмы [гр. XV в. (по копии XVII в.)], не возму (25, Катих. 1562 г.), седьмого (ib. 2б), ѻсмое (ib. 88), писма (1 предисл. ib.), ѡзмѫть (37б Псалт. XVI в.), хотя и ѡзмеⁿ (85б ib.). Впрочем, все такие случаи, ввиду, напр., есьмо Гродн. Акт. кн. XVI в., лучше оставить под сомнением.

В большинстве белорусских говоров указанному переходу в твердые перед зубными *н, с, ц* подвергается и *л* (с'илно, сáлцо, бабы́лство), которое в русской литературной речи обыкновенно остается мягким. Но так как в белорусском эта особенность не повсеместная, то подробнее рассмотрим ее при *л* после.

Переход свистящих в шипящие и наоборот

Согласные группы 3) подвергаются уподоблению по качеству, т. е. по артикуляции. Вследствие этого:

α) свистящие согласные, когда им приходится стоять перед шипящими, обращаются в шипящие. Это явление особенно легко проследить на предлоге *съ*, когда ему приходится стоять перед словами, начинающимися с шипящих: *иж* жаной (Ром. VI, 326 Рогач.), параé*жж*ая (прил. Ляцк. Посл. 40 Борис.), *ж* жыдáми, *ш* шáпки *ш* чóрным (Мат. Б. № 4 Могил., 5 Слуцк., 7 Минск., 11 и 14 Новоалекс., 16 Бых., 17 Речицк., 18 Витебск. и др.), *ш* чырвоным, вышаў *ш* шкоды (8 Игум.), *ш* шапки (18 Витебск.), пора*шш*óрывала (Розенф. 4 Вилейск.), *ж* жалóсци (ib. 16), *ж* жы́там, *ш* шáбляю, *ш* чýбртам (Малев. 12 Слуцк.), *ш* чужых (ib. 106), *ж* жáлю (ib. 108 и др.), таковы же: б'е*ж* жалудз'ей, б'е*ш* шы́ла, скро*ж* жы́та, скро*ш* шáрс'ц', бе-шчупакóў (из *беш*

щупахоў); Налецели голубы | *Иш* чужой стараны (Бодян. № 148, стр. 14 Слуцк); у Федеровского: dòszczaczki (I, 324 Волков.), szczoupłòsie (II, 95 ib.); у Клиха: ž žýdem (8 Новгор.), ńeščasny, raščypiła, žžać, jéžžo и др. (256). Этот переход известен и старым западнорусским произведениям: ро*щ*ет (из *рощчетъ* — росчетъ, гр. 1226 г.), *щ*атькомъ (из *нчадїхомъ* — счадкомъ, гр. 1394 г.), *щ*еткомъ (тоже, гр. 1450 г.), *ш*ествиемь (*шшествиетъ* — сшествиемь, гр. 1405 г.); Сб. XV в. Публ. б. № 391: ѡнъ *йжь* жонами говорй (10б), *йж* жолъчию мешаный (13), и'*ж* жидо (20), *иж* жидми (Житие Алекс.), *ижжимаю* (48), ро*ш*ширила (69б); Лет. Пер. Суздал. XV в.: *ижже* (12 *из изжже* — *ижжже*); Лит. Лет. Увар. XVI в.: Швитригаида *ижлезы* (из *жл-*) выпустилъ (44); Сб. XVI в. Позн.: *щ*орным (= *шчор-, с чорн-*) щытомъ (Брюкн.) (Archiv IX, 363); Бел. Арх. I: щого (= *с чого*, 1592), II: *жъ* жоною [1530 (XVII в.)], бли*шъ*ший (1533); Статут 1588 г.: по-вы*ш*шати (37, с восстановлением *с* из *повысити* и уподоблением его следующему за ним *ш*), хотя можно ставить этот глагол и в связь с сравнительной степенью *вышший* (ср. 32 л.) = **кышьн, къышьшнга** и т. д., *щ*адъковъ (= *из чад-*, 84), *ш*чимъ (23); Гродн. Акт. кн. XVI в.: вы*нешши* (266); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: вывы*ш*шалъ (263).

β) И ш и п я щ и е согласные в свою очередь, когда им приходится стоять перед свистящими, п е р е х о д я т в с в и с т я щ и е. Это явление особенно сказывается на 2-м лице глагола, когда после *-шь* следует возвратное местоимение *-ся*, а также в формах имен прилагательных, когда перед суффиксом *-ьск-* стоит *ж*, *ш*, *ч*. Приведем примеры: дожджéсся (дождешься, Зап. I, 387), жýрисся (журишься, Дмитр. П. и Ск. Вильн. 69 Новогр.), кýрисся (ib.), бóисься (Бесс. Б. П. 98, с дальнейшим уподоблением по мягкости), мускáя (из *мусхáя*, *-жскáя*, Дмитр. П. и Ск. Вильн. 243 Диснен.), бóзькаго (Бесс. Б. П. 4 — грамматическое написание вм. *бóсьхаго* из *божьскаго*), волóский (из *волошьск-*); наýчисься (Ром. III, 36 Сенн.), до*щ*це (ib. 255 Черик., из *дочьце*), матусцы [ib. I—II, 13 Гомельск. (Белица)], опынéсься (очутишься, ib. III, 10 Сенн.), на куриной нóзцы (ib. VI, 289 Орш.), мизь сóбку (меж собой, ib. 380 Клим.), фляцце (из *фляжце*, Шейн. Мат. I, 452 Слуцк.), речеццце (ib. 77 Речицк.); ни атрасéсся (Ляцк. Посл. 2 Борис.), ўдаéсся (ib. 24), па ни́та*щ*цы (ib. 33); в Мат. Б.: навýчысься, да*щ*це, плясце (фляжке, № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум.), задýмаисься (№ 14 Новоалекс.), наýчысься (17 Речицк.), наýчисься, баúсьця, задýмыисьця (18 Витебск.), задумаесься (28 Себеж.), нааресься, наесься (31 Вилейск.), ўрéццы (23 Минск.); у Розенф.: мáма*щ*ци (59 Минск.); на старбгам*щ*цы (41 Минск.), астанúсься (61 ib.), ня вéрнисся (72 ib.), жéнисся (91 ib.); баисьця, сабираесьця Парич.; у Малевича: падымясься, мáтусцы, нубсцы (ножке, 12), баисься (20 и др.); у Федеровского: ad ссі (= от *чьти, чести*, III, 90 Слоним.), u bòccu (в бочке, III, 125 Волков.); у Клиха: na darùscy (9 Новогр.), *az* za ušýma traščýć (29 ib.), daccý, bóccu, réccy, źéscy, mátuscy, u*ć*ýčyśśe, baiiśśe и т. д. (256). Старинным западнорусским памятникам эта черта также известна. Так, в грамотах и актах читаем:

любѣцьскый (*-чьск-*, ок. 1330 г.), розтво хво [из *рожьство*, *з* этимологическое написание вм. *с* из *-сс-*, 1387 г. (22)], несвизьский (1388 г.) (Собол. и Пташ. № 6), рыскимъ (рижскимъ — рисскимъ, 1479 г.), грецькое въры (*-чьск-* 1440 г.), Глусца (Глушца, 1497 г.), острозкій (собственно *-ск-* из *-жьск-*, 1499 г.), острозкого (ib., 1497 г.), мнозство (*-жьство*, 1409 г.), и вбозство (*-жьство*, 1486 г.); Сб. XV в. Публ. б. № 391: до мѣста парискаго (76, из *-жс- — -сс-*), розлоуца (2, из *-чц-*). Нередко, однако (конечно, на письме), шипящие остаются и без перехода: сведечства (8б), сведечство (8, 19б), свѣдочьства (18), свѣдечство (30), пътачство (54, в последнем случае даже с заменой *ш* на *ч*). Не звуковое явление переход *ж—ш* в *с* в повелительном *ѥсте хлѣбъ* (38): здесь подражание изъявительному наклонению, тем более, что и предполагаемая форма *пѣжьте* была бы вторичного происхождения; Лит. лет. XV—XVI вв.: острозкый (3 Вил.) (*-жск-*), татьвескимъ (72б, Крас.), намѣстництво (14 Вил.), волоского (47 Увар.), ческое (48 ib., 86 Крас.), лѫцоскъ (85 ib., из *Луцскъ* — Лучскъ), к дотьце (Супр. 85б, т. е. *доцца* из *дочьць*), Шице (Археол. 98, из *Шишць*); Лет. Авр. XV в.: новоторсци (99), новоторьскоую (79б, при *новторжьци* 123б и даже *ис торжьшкоу* 88); Статут 1588 г.: в бозство (= убожество, 35), князства (= княжьства, 1); Гродн. акт. кн. XVI в.: музскихъ (*-жьск-*, 7б); Бел. Арх. I: князства (1548), II: уступаесься [1537 (XVII в.)], своей доцце [1533 (XVII в.)], доцце, дотъце [1530 (XVII в.)]; Ев. Тяпин. 1580 г.: сведоцъство (*-чьств-*, 33б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: убойсся (14). Читая подобные примеры перехода шипящих в свистящие в старинных произведениях, нельзя забывать, что иногда мы имеем дело, быть может, и с полонизмами.

Уподобление по артикуляции касается также и отдельных согласных, а не только целых их групп, но об этом удобнее говорить при отдельных согласных.

Слитие согласных

Если согласные, получившиеся после уподобления, окажутся одинаковыми, то в произношении собственно не слышится двух явственных одинаковых согласных звуков, а один усиленный в произношении, как бы долгий звук, а иногда и простой звук. В этом последнем случае можно говорить о слитии согласных звуков; таково, напр., росто (Бесс. Б. П. 29) из *росство*, *рожьство*, raśćeluć (Клих 257) из *рассц'ел'ѫц'*, *разст-*, raščéml'ivajuc ib. Иногда встретившиеся однородные согласные (но не одинаковые) тесно сливаются между собою, так что составляют один сложный звук, таковы *тс* (из *тс* и *дс*), сливающийся в *ц*, напр., в слове люцкий (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 10 Мозыр., 13 Свенц., 17 Речицк. и др.), блоц'кий; в некоторых словах дело оказывается еще сложнее, напр., в *слу̯ц'кий*, из *случьский*, где *-чс-*, точнее *-т'шс-*, сначала изменилось в *-т'сс-* или *-цс-*, а затем *-цс-* слилось в *-ц-*; бо́скую (Ляцк. Посл. 13 Борис., из *-жс-*, *-сс-*); в *нашо* (ib. 1, натощак) *т* слилось со следующим *щ*.

Примеры слития согласных из старинных западнорусских произведений нами отчасти уже приводились в этом отделе; здесь прибавим: Грамоты и акты: руськая (1264 г.), рускомъ (1440 г.), расудица (1486 г.); Сб. XV в. Публ. б. № 391: свецкѝ (65б, из *-тс-*); Лит. лет. XV—XVI вв.: группа однородных согласных *тс* часто сливается в *ц;* в *ц* иногда обращается и *тц;* при этом один из слившихся согласных может быть восстановлен вторичным путем: Свяцъславли кнегини (36 Увар.), свацслаѓ (78 Крас.), внаѓцтвѣ (75 ib., первое *т* восстановлено, вероятно, только на письме), лацкѡ (из *латского*, 79 ib.), жомоицьского (64 Крас., *с* только пишется, но не произносилось) внацьство (79б Крас.), месцо (64б Крас., из *мѣстьце*); Лет. Авр. XV в.: лоутши вѣра (97б, из *лучьши* — *лутшиши*), кнацинъ (253), новгороцькии (51, ср. 67б), новоторци (123, из *-ржьсц-*, *-рсси-*), свѣского короля (100), плачетца (152б); Бел. Арх. I: меским станом (1548), свецким (1600). Иногда в подобных образованиях восстанавливается еще и первоначальный согласный: новгородцкому (174), даже — оу новгородьтца (418б); Сб. XVI в. Крас.: во'станеѓ (118); Тайна тайных XVI в.: рас'мотревъ (1), 'срос'мотрѡᵐ (5б), растовлати (2) роскозати (7), рас'лабленоую (59б), востанеть (86), ве'рнеца (73б), двѣнацатьа днѣ (78), се'мнацать (79), лоу'тши (из *лоучьши* — *тшиш*, 83б); Катих. 1562 г.: кназьтва (2 предисл.), кнажа'цкиѥ (4 предисл.), турецкимъ (8б), сромоцьскиѥ (84, *цьс* вм. одного *ц*); Ев. Тяпин. 1580 г.: богацъства (17б, *ст* восстановлено вторично), люцъское (23, *с* восстановлен вторично), люцские (31), на месцо (44, из *мѣстьце* — мѣсцце), шли 'впустоѣ месцо (50б); Библ. кн. Вил. XVI в. № 262: изѮлъ (33), розчетевъ (9), безаконеи (50); Псалт. XVI в.: безакониѣ (11б), бе-злогѡ (13б), не розеваѣ (68), восиаѣ (72), росоуди (75б), рослова (ib.), потверди (52); впрочем, попадаются случаи и без указанного слияния: чоужело'зства (51б), дѣдицьство (7б), противоположное явление — йзгзцезло (74). Слитие однородных согласных находим только на письме, но не в произношении: пощезали (62), щезаѥть (65б); Сб. XVI в. Кунц.: богаᵘтво (1), с расужденіем (56); Сб. XVII в. Син. № 790: швецкаго (142); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: же звѣрѧты дикими травѮ елъ (з *зв-*, 293); свѣдеᵘство (на полях киноварью — свѣдоᵘства (118); Псалт. XVII в.: возри (83), роступилаѧ (114), драпеᶻᵏтва (47), Ѯбоᶻтво (51), zзвитеᶻтвоᵐ (19), звитаᶻтво (101), товáриѓво (97), свѣдеᵘтва (8), пророᵘтво (13), Ѯчастниᵘтво (147), ищеᶻли (54б).

Однородность звуков в связной речи

Закон однородности звуков, т. е. соединение голосовых с голосовыми, безголосных с безголосными, твердых с твердыми и мягких с мягкими, шипящих с шипящими и свистящих с свистящими, наблюдается не только в группах согласных, находящихся в середине слова, но также в группах, образуемых концом одного слова и началом следующего. Здесь, однако, уподобление согласных происходит лишь тогда, если после предшествующего слова нет никакой даже самой ми-

нимальной паузы: при остановке образуется согласное изглашение, которое, как увидим после, уже подчинено другим законам. Теснее всего со следующими словами соединяются предлоги, которые с управляемыми ими существительными можно рассматривать даже в логическом отношении за одно слово; затем, не имея собственного ударения, тесно примыкают к следующим словам и отчасти к предыдущим разные союзы и частицы; наконец, и совершенно самостоятельные слова при быстрой речи с соблюдением логических ударений сливаются друг с другом в особые синтактические и логические группы, в которых конечные согласные одного слова и начальные следующего другого в звуковом отношении составляют одну группу. В таких группах находят отражение все те явления, которые рассмотрены нами выше:

1) Переход голосовых перед безголосными в безголосные и наоборот: а муой жа *ш* ты (Малев. 21 Слуцк.), *яг* зачуя° (ib. 106), siu*t* tut (Федер. I, 218 Волков.); особенно обстоятельно исследовано рассматриваемое явление у Клиха: ja*g*žož (9 Новогр.), ja*g* b'édnaho (ib. 27), u ḿeńé jež͡žónka i jeść u ḿeńé s'ästrá (ib. 55), (jeść после слития *ść* в *ś* обратилось сначала в *jeź*, а затем *ź* перешло в шипящий *ž*), ja*g* dam, pałkóuńi*g* búźe, ta*g* vóćec, vóu*g* zadušýu, bra*d* b'e*s* soli, uo*d* zhińeš, xaźiź, búžeš, čuź żywáia naž báryn, étyh bratóu, za jih zámuš, ḿěh hróšei, ka*p* kúryc*a* móže*p* ty, źe*t* kaže, hóło*t* tadý, ra*t* što, pabúć tut, ra*s* kryčyč, pal'é*s* tudá, źeš tvói, aš płače, Bo*x* xaźiu и т. д. (257—258). Некоторые из приведенных случаев на переход голосовых в безголосные можно объяснять и иначе: видеть после первого слова некоторую паузу, в каковом случае голосовой сам собою переходит в безголосный независимо от следующего безголосного. Тою же причиной следует объяснять и нередкие случаи с безголосным согласным перед голосовыми (nóžyk зламáўс'а), а также перед плавными, *м* и *в* (пу*т* масла, наза́*т* рук'и). Приведенные у Клиха (стр. 258) написания, вроде f šýbu, в действительности не встречаются: белорус скажет только *ў шы́бу*. Перед плавными, *м* и *в* и в связной речи, как и в середине одного и того же слова, безголосные обыкновенно не переходят в голосовые [сóрок н'адз'éл', пук лазы́, гарщóк разб'и́ўс'а, аднáк мы, на с'в'ят вы́шаў и т. д. (ср. Клих, 258)].

2) Переход твердых согласных перед мягкими в мягкие и наоборот. Примеры на переход твердых согласных в мягкие в значительном количестве мы приводили выше, когда приходилось отмечать переход предлога *з — с* в *з' — с'*, а также тех же согласных в окончании других предлогов; тут прибавим: ćereś vósku, b'eź źvarei, ioń ńa búźe, źévéc synóu, xoz zrób'ic', admukáz zamke, даже xo*t* na słúžbu (с утратой вследствие отвердения свистящего характера), ńaźvét na uóžyka (то же с переходом *дз* в *ц*), bažy*d* dak bažyć и т. д. (Клих 259). Конечно, в медленной речи отмеченных случаев уподобления согласных может и не быть, когда говорящий, по аналогии большинства случаев с неизменеными согласными, старается выдержать основную огласовку без перемены.

3) Переход шипящих согласных перед свистящими в свистящие и наоборот: ты гарэ́з' з'э́мл'у? рӑжӑс са́ло, йду́ жа͡дж жы́то, м'ад'з'в'ӑч шл'а́йӓтца, но͡ч' ц'о́мнайа, п'ӓч зал'ӑзнайа и т. д.; у Клиха: ź́eśeč štuk. múšič šmat, xoč čełávéka, as stajíć, az za móro, xtoś ćebé, štoś ćepér. kryz ź́eržała и т. д. (259).

Если конечный согласный одного слова (особенно предлога, союза) и начальный следующего одни и те же (будут ли они по происхождению одинаковы, или же стали таковыми вследствие уподобления), то они могут сливаться в один долгий согласный или даже в простой, что равносильно выпадению предыдущего согласного: рад'з'и́д'з'ич'а́, найи́ч'ал'а́, п'ара̄до́мам, йон прос'ӣд'з'а̄да, с'ӓча̄ду́ба и т. д.; у Клиха (269): ро (ź́) ź́veryma, zaišou kurcú (вм. z. k. k.), vyćax straxi (вм. v. s. str.) и т. д. При таком стечении однородных согласных возможно даже выпадение некоторых из них, особенно конечных согласных предыдущего слова: йеж жонка (есть жонка), о чем речь в другом месте.

ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНЫХ В АБСОЛЮТНОМ ИЗГЛАШЕНИИ СЛОВ

Выше было выяснено, что в изглашении слов в связной речи согласные подвергаются тем же изменениям, каким подлежат группы согласных вообще. Иначе обстоит дело, когда получается изглашение абсолютное, т. е. когда за данным словом никакого другого не следует, или если и следует, но данное слово отделено от него паузой, мешающей произойти уподоблению согласных. При таком изглашении слова вообще замечается некоторое ослабление всех конечных согласных, но особенно это заметно на голосовых (исключая плавные, *м* и *в*), которые переходят в безголосные, так как дрожание голосовых связок после произнесения гласного конечного слога в таком случае прекращается. Впрочем, по недостаточно ясным для меня причинам белорусские согласные изглашения не столь слабы, как в русском или других славянских языках (кроме, конечно, украинского и сербского); в некоторых местностях они очень близки к звучным, составляя, так сказать, середину между теми и другими. Эту черту белорусских согласных в изглашении уже давно отметил П. А. Бессонов[1]. В двух ответах на белорусские программы, разосланные Академией наук (№ 9 и 16 из Бых. у.), тоже, повидимому, имеется в виду указанное свойство конечных белорусских голосовых согласных. В сборниках народных белорусских произведений обыкновенно употребляется историческая орфография, которая не дает материала для должного освещения рассматриваемого явления; традиционная орфография в отношении к согласным изглашения употреблена даже в сборнике Федеровского. Вследствие указанного обстоятельства примеров на рассматриваемый пере-

[1] «Сборник белорусских песен», т. LXXVI: «У белорусов звучные *б*, *г*, *д*, *ж*, *з*, в конце слов, не переходят так решительно, как у великорусов, в *п*, *к* и *х*, *т*, *ш*, *с* (боп, сток, бох, рят, ношь, вос) и сохраняют гораздо тверже звучную свою упругость».

ход приведем немного. Именно: хоць же*ш* (= *жеж*) (Шейн Б. П. № 588 Лепп.), вы́ду*ш* (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 35 Новогр.), чагб*ш* (Кар. 53 Новогр.), до*щ*ь (Дмитр., 13 Диснен.), бо*х* (Ром. IV, 15 Орш.), ат но*х* (Добров. I, 189 Пореч.), тое*ш* (тое же, Шейн. Мат. I, 574 Диснен.), ду*п* (ib. 637 Борис.), до*щ* (Отч. 14 Великолуцк.); те же примеры обыкновенно приводятся и в ответах на белорусские программы: дзе*т*, бо*п*, бо*х*, ре*ш* (Мат. Б. № 5 Слуцк., 6 Диснен.), до*щ* (8 Игум., но *зладзь*, *лесь*, ib.) [ср. еще 11 Новоалекс., 13 Свенц. (тут же отмечены *злаць*, *лезь*), 17 Речицк., 18 Витебск., 21 Слуцк. (бо*х*), 25 Новогр. (но *режь*)]. Относительно *в* даже в Себежском уезде по соседству с русскими замечено, что оно не заменяется «буквой *ф*»: дро*в*, церко*вь*, сыно*в* (26 Себеж.); очевидно, и здесь оно в изглашении обращается в *ў*. Везде пишет в изглашении даже в связной речи безголосные согласные в своем сборнике С. Малевич: дру*х*, бу͡о*п*, бу͡ох, гры*п*, му*ш*, ры͡з*ш*, грась, са*т* (12 Слуцк.), га*т* и му́бцно (ib. 20), гу͡о*т* (ib.) наза*т* ад яго (ib.), га*т* саскубо́чыў (ib. 21), а га*т* быў царски сын (ib.), съліе́*т* (след, ib. 78) и т. д. Довольно систематически переход согласных в изглашении отмечается также в сборнике Клиха (хотя у него иногда проглядывают не столько факты, сколько теория). На стр. 260 он приводит случаи появления безголосных в изглашении, хотя следующие слова начинаются с гласных, что следует объяснять некоторой паузой после согласного голосового окончания: ź*et* addáu̯, sa*t* atsáźim, parо́*t* uskóčyć, ka*p* uźau̯, sła*p* ašče, zara*s* ammýi̯u, palé*s* u śv́ire*n* (я в подобном выражении всегда слышал: пал'ɛз'ус'в'и́рън), storăš u dóma, kudýš iẓéš и т. д. Такое произношение, конечно, особенность отдельных лиц, а не общая данной местности. В произношении отдельных лиц можно наблюдать и совершенно противоположное явление, отмеченное там же у Клиха, — появление в некоторых случаях голосовых на месте безголосных перед гласными следующего слова (конечно, по аналогии случаев соединения таких согласных с голосовыми в начале следующего слова): ta*g* éto (здесь и на самом деле есть голосовой в начале следующего слова: так гэто), i̯a*g* uzi̯éźe (точнее -*u̯z*-, где *k* опять перед голосовым), da*g* užo (из u̯žó) и под. Принимая во внимание все данные, имеющиеся в нашем распоряжении по рассматриваемому вопросу, мы приходим к заключению, что в абсолютном изглашении во всем белорусском языке существует переход голосовых в безголосные. В некоторых местностях, а также в произношении отдельных личностей конечные голосовые, особенно *з*, *ж*, *д'з'*, в выговоре несколько ослабляются, но не вполне переходят в безголосные, что выражается в том, что после таких согласных слышится еще частичный гласный. Причиной, вызвавшей такое отступление от общего стремления славянских языков менять в абсолютном изглашении голосовые в безголосные, по всей вероятности, служит аналогия таких форм данных слов, в которых конечным голосовым приходится стоять перед гласными.

Вследствие стремления строго держаться исторической орфографии и в старинных западнорусских произведениях рассматриваемое явление находит очень незначительное отражение: безголосные в конце слов на месте голосовых стоят лишь как невольные описки невнимательных переписчиков или корректоров. Нам встретились следующие немногочисленные примеры: князь (Лит. Лет. Увар. 50), оу четверхъ (40 ib.)[1]; в Лет. Авр.: пришеть (**пришьдъ**) ратью (123), синеоузъ (43) с *з*, поставленным на месте *с* из желания избегнуть погрешности против орфографии, требующей на конце слов голосовых, хотя бы и произносились безголосные; Тайна тайных XVI в.: крови мало бѫть (24), может быть, сюда относится — ѳранцоусовъ (ib. 29), куда *с* могло бы зайти из именительного падежа, но возможно здесь и особое образование; Библ. Скор. XVI в.: ѿ врахъ (МПК 7б); Катих. 1562 г.: дощъ (85), скажиш ми тепѣрь = скажи же, 202, сюда же относится и ложноэтимологическое написание *обачижь* (25б) (2-е л. изъявит. накл.); Псалт. XVI в.: в дѻ (131б), ложноэтимологическое написание в *адъ* вм. *атъ* (= пусть, не) в фразе: нехай не потопить мене боура воⷭна, *ад*ъ не пожреⷱ маⷭ глоубокость (68) (хотя можно бы видеть здесь и переход *т* в *д* перед *н* в связной речи, что, впрочем, необязательно); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: лѧцѫхами (133), куда *х* могло зайти из именительного падежа *лаҷцух* (обычное белорусское *лаҷцы*, *лаҷцуґа́* и т. д.), хотя здесь может быть и полонизм (łańcuch); Псалт. XVII в.: бо́же не гордѷ (34), что можно рассматривать как *не горди же*, хотя в польск. — nie wzgárdzisz o boźe. В одном случае можно говорить только о мнимом переходе *з* в *с*, это в *черес* (гр. 1440 г.), чере ѿце (1 Сб. XV в. Публ. б. № 391), так как с *с* древнейший вид этого предлога.

УДВОЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

Вследствие утраты в произношении глухих гласных, происшедшей еще при распадении древнерусского языка, в белорусских говорах происходит также в известных случаях удвоение согласных. Оно состоит в том, что согласный звук протягивается в произношении, причем это протяжение в разных говорах, в произношении отдельных лиц и даже в отношении к отдельным звукам бывает различно: от почти двойного согласного до вполне явственно произносимого одного согласного. Вполне явственное произношение двух согласных, с некоторой паузой после первого, можно наблюдать лишь тогда, когда по особому, так сказать, наказу медленно произносят отдельное слово.

Удвоение согласных в белорусском языке происходит от нескольких совершенно различных причин. Так:

α) Оно бывает в словах, заимствованных из других языков с удвоенным согласным, где, собственно говоря, и глухой в подобных случаях

[1] Относительно этимологии этого слова держусь мнения А. И. Соболевского («РФВ», 1889, т. XXII, стр. 301), а не И. В. Ягича («Критические заметки по истории русского языка». СПб., 1889, стр. 65).

не пропущен, так как его не было. Таковы, напр., случаи: а*сс*есар (Дмитр. П. и Ск. Гр. 177 Новогр.), а*сс*екура́тор, а*сс*истентка, а*сс*истовацъ (Сл. Нос.), употребляемые, кроме первого слова, изредка интеллигентным классом белорусов; или *Га́нна* (при *Гану́ля*), изредка *каса* — общеупотребительные. Но вообще белорусы мало знают иностранных слов с удвоенным согласным и в том незначительном числе заимствований, какое у них существует, произносят один согласный (кла*с*, гра́*м*ата, *л*имина́ция [иллюминация], канцэ*л*я́рыя, су́бота, кам*с*а́р, па*с*ажы́р, пру*с*а́к, а*ж*ура́т, Радзиви*л* и др.), следуя в этом случае либо произношению того языка, при посредстве которого к ним зашли заимствованные слова, либо отражая исконное нерасположение славян к удвоению согласного в иностранных словах. Мне кажется, что и в чисто народном *Гаґна* удвоение *н* существует только по аналогии удвоения этого звука в именах прилагательных и причастиях, вызванного особыми фонетическими причинами. Старинные западнорусские произведения в рассматриваемом отношении не дают почти никакого материала. Там встречаем иногда удвоение согласных, больше в собственных именах, как плод разных этимологических недоразумений или особого осмысления и словопроизводства иностранных непонятных слов на белорусской почве, таковы, напр.: а *сс*арра (5 Лет. Авр., где, быть может, отражение вообще усиленного произношения *с* у белорусов), ро҃ *съсалѵ* (= роди саалу, 3 ib., по той же причине, или — что вероятнее — по особой народной этимологии), Ле*вв*ии (Библ. Скор. XVI в. И 5), На*вв*инъ (И 33б, с вторым *в* вставочным перед *и* после *ѵ*, в каковой роли в древнейших памятниках является также *ґ*; чтение первого слова см. у А. В. Михайлова «Книга Бытия прор. Моисея в древнеславянском переводе», вып. III, Варшава, 1903, стр. 233), е*пп*ископъ (ib. А 141), тастаме҃тъ (113б Псалт. XVI в., т. е. т-мен*ттъ*), где в удвоении согласного, вероятно, простая описка.

β) Очень часто удвоение согласного происходит совершенно случайно вследствие утраты глухого между двумя сходными согласными от природы, или ставшими таковыми вследствие уподобления голосового безголосному или наоборот. Особенно часто такое удвоение бывает при соединении предлогов-приставок, оканчивающихся на *д*, *т*, *з*, *с*, к корням, начинающимся с тех же согласных; у некоторых из таких предлогов даже и глухого не было уже в основном славянском языке. Примеры: по͡тты́ном, а͡ттварыцца, гэ́т͡то [здесь, ср. Мат. Б. № 21 Слуцк., гэтта дощ (Розенф. 57 Минск.)] из *гэто* + *то;* на́тта (очень, ср. Малев. 20 Слуцк. и др. места) из *над* + *то*; по͡ттыка́ц', а͡дда́ц', падда́къваць, ис͡с'а́ч, рассудз'и́ц', ра͡ззу́цца (чаще *разу́ццца*), б'а͡ззу́бы, кры́нны (ср. kyrýnny Клих 187, при обычном *журыны*), ма́с'л'анны (ср. maślenny Клих 188), ссуши́ў (Розенф. 27 Вилейск., 65 ib.), уссеў (Ляцк. Посл. 51 Борис.), ssok (Верига Pod. 17 Лидск.); у имен прилагательных, впрочем, обычно не бывает удвоения согласного при стечении одинаковых согласных на конце корня и в начале суффикса: *ру́ск'и;* в скло-

нении слов перед ударяемым слогом также не бывает удвоенного согласного: адзи*нн*áнцатую (Ляцк. Посл. 19 Борис.). Иногда, впрочем, удвоенный согласный в прилагательных слышен: гульли́вая (Ляцк. Посл. 48 Борис.), гулли́вы (Отч. 17 Бельск. Смол. губ.), kónna (Верига Pod. 24 Лидск.). Бывает удвоение и вопреки словопроизводству: свинны́ лыч (Ляцк. Посл. 5 Борис.). К рассматриваемому отделу принадлежит и удвоенный согласный в таких случаях, как: н'ас'éе̂с'с'а, жжа́л'у (о чем у нас уже была речь, стр. 457 sq.), а также — с'агóнна, амма́нъвай, аччын'и́, пав'анча́цца и т. д., дзеваччина (Розенф. 74 Минск.), о чем ниже. Здесь же отметим неясное образование с удвоенным согласным: бу́цц*ы*мъ (Сл. Нос. *будто* из *будь цем?*). Из старинных западнорусских произведений: по истин'нѣ (14б Лет. Авр. XV в.), найт*и*н'ноу (1 Тайна тайных XVI в.), оучен*нн*ици (1 посвящ. Катих. 1562 г.), оучен'ники (213 ib.), йстин*нн*ою (11 ib.), йстин*нъ*ны (3б Катих. 1585 г.), ѿпоущен*ъ*нѡ (3 ib.), ѡсм'*м*а часть (91б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), йсти*н*на (90 Псалт. XVI в.). В приведенных примерах *истинна*, несомненно, должна быть выводима из женского рода прилагательного **Истиньна**, и в других словах неорганическое удвоение *н* вызвано подражанием именам прилагательным на коренное **-н+ьн-** суффикса; в *осмый* к **осмь** прибавлен по ложной аналогии суффикс **мъ**. Вероятно, простые описки следует видеть в случаях: ѿ*т*оима (75 Лет. Авр. XV в.), о*тт*отнитѣ (отсеките, 44 Лит. Лет. Увар., ѿ*т*ыймаисѧ (95 Библ. кн. XVI Бил. № 262), зе̑|*ми* (48 Псалт. XVI в.).

γ) Удваивается (или лучше — усиливается) в произношении согласный, когда слова произносятся с особым чувством, с азартом: бо*жж*а мой! (Добров. I, 70 Бельск. у. Смол. губ.), че́*рр*ци! чы*рр*вына! Бо́*жж*ухна ты мой! Хвыла *тт*абѣ, божа! (Мат. Б. № 4 Могил. губ.). То же бывает, когда хотят голосом обозначить обилие качества в именах прилагательных: шырачэ́*жн*ы(й), бальшэ́*жн*ы(й), талщэ́*нн*ы(й) (ib., ср. еще № 9 Бых., 14 Новоалекс., 18 Витебск.), ca*ll*utki ruok (Федер. I, 28 Волков.).

δ) Рассмотренные до сих пор случаи удвоения согласных не являются особенно характерными для белорусского языка: они возможны и в других восточнославянских языках; их мы коснулись лишь для полноты изложения. Вполне типичным белорусским явлением оказывается то удвоение согласного, или усиленное его произношение, какое происходит и теперь всякий раз, когда известным согласным приходится вследствие выпадения ъ сталкиваться с *j*, стоящим перед гласным звуком. Это явление белорусский язык из всех восточнославянских языков разделяет еще с украинским языком. Тут, собственно говоря, тоже происходит уподобление звуков, только более сложное, чем то, которое мы рассмотрели раньше. После утраты древнего **ь**, чередовавшегося здесь с **н**, согласный звук, стоявший перед ним и бывший вследствие этого довольно мягким, еще более умягчался, вполне при-

ближаясь к *j*, а этот последний по прогрессивной ассимиляции вполне уподоблялся предшествующему ему согласному по органу произношения; таким образом, на месте группы — «согласный + *j* + гласный» из древнерусской группы «согласный + ьj (или нj) + гласный» получалась группа — «двойной (или усиленный) мягкий согласный + гласный». Удвоенный или усиленный согласный в разных белорусских говорах неодинаков: иногда он почти совпадает с простым согласным. Так, повидимому, дело обстоит с давних пор. Старинные западнорусские памятники, вообще держась традиционной орфографии с ъ, допускают и написания с удвоенным согласным, но чаще с одним согласным; о происшедшем удвоении согласного, а затем о слитии его свидетельствует лишь отсутствие ъ. Правда, в старинных произведениях удваиваемый согласный чаще взметывается под титлом, а в таком случае можно говорить и о двойном согласном. Еще следует отметить то обстоятельство, что удваиваются перед *j* лишь те согласные, которые не отвердели вторично и притом окончательно и, следовательно, не утратили способности соединяться с *j* и становиться мягкими. Впрочем, в этом отношении не все белорусские говоры, как увидим из примеров, согласны между собою: в одних, напр., местах губные удваиваются, а в других нет; нечего и говорить об *р:* оно удваивается лишь в северо-восточной группе белорусских говоров, где оно бывает и мягким.

Появление двойного или усиленного мягкого согласного в группе «согласный + *j*» возможно было уже в основном русском и даже праславянском языке, если не итти еще в более отдаленную древность; так по крайней мере придется объяснять смягчение согласных перед *j*. В белорусском и украинском языках повторяется то же самое явление, но только в группах из согласного + *j*, возникших в более позднее время. Старинные западнорусские памятники дают нам следующее: а) Удвоенный согласный: ни*чч*ого [гр. 1536 г. (В. А. 27)], И*лл*иничы [гр. XV в. (по копии XVII в. Бел. Арх. I)], с ко*лл*емъ (1578 г.), ста*нн*я [1598 г. (оба из Недешева)], хре*стьт*янского (30 Привил. 1457 г.), брата*нн*ю (29 Лит. Лет. Увар.) (= брата*нн*ѫ 3 Вил.), плат*т*е [77 (8) б Лит. Лет. Крас.], Ана*нн*ью (136 Гродн. акт. кн. XVI в., с удвоенным согласным и с восстановленным на письме ъ), в'ни*ттй* трете* (42 Тайна тайных XVI в.), возда*нн*е (Библ. Скор. XVI в. Пл. 9б), безако*нн*е (ib. Д 12), искорене*нн*е (Пл. 8б), въспомина*нн*е (1 2б), ѿдава*нн*ѧ (ПП 5б), настоѧ*щ*ю потребою (32б Катих. 1562 г, = настояшччу, россказа*нн*емь (4б Катих. 1585 г.), превраще*нн*емь (5 ib.), побѫже*нн*емь (4 ib.), замо᷄ча*нн*емь (4б ib.), подѫще*нн*емь (ib.), тре*тьт*ий (27б, 31, 58 Ев. Тяпин. 1580 г.), в'тре*тьт*ю (27 ib.), тре*тьт*его (24 ib.), тре*тт*его (22б ib.), о᷄бли᷄чьѧ (97б Псалт. XVI в., с восстановленным еще на письме ъ), бо᷄жое приказа*нн*ѧ (200б Сб. XVI в. Кунц.), коре*нн*е (29 Сб. XVII в. Вил. № 107, но тут же: корѣня), И*лл*иничов (Бел. Арх. I 1624), И*лл*я (ib. 1694). Вероятно, описка в удвоении согласного в следующих случаях: бе᷄*л*окъ

очины (31б Тайна тайных XVI в.), глубокосьсти (24б Ев. Тяпин. 1580 г.), освѣчъ (26б Псалт. XVI в.); б) Один согласный, получившийся путем слития удвоенного или усиленного в произношении согласного; в некоторых случаях можно говорить и о полонизмах: Грамоты XIII—XV вв.: постригаия сукон (гр. 1432 г.), как своя братя (1405 г.), медю [1579 г. (М. А. 28)], с осетю (овиномъ, 1579 г.), Божою [божьею, 1536 г. (В. А. 27)], ведомостю (ib.), братя (ib.), ку гашеню (ib.); отдаия (Бел. Арх. I 1599), держаню (ib. 1562), с печатю (ib. 1600); Лит. лет. XV—XVI вв.: братт'я, брат'ею (34 Увар.), воплощѣє (64 Крас.), имѣя (64б ib.), вси князя смоленскии (41 Увар.), по божю попоущению (43 ib.); Позн. Сб. XVI в.: не носить оружа (28); Статут 1588 г.: збоя (39), печатю (28), зымѣя; Катих. 1562 г.: хртане (241), поучемъ (2б посвящ.), въ те'рпени (45б), по з'глаже"ю (3 предисл.); Катих. 1585 г.: паньство (5б), деветю (4б); Ев. Тяпин. 1580 г.: камен'е тое (4б, можно чит. и *каменье*), корена (4, 17б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: прихожая, хожѣя (22), захотѣє (86б), вѣдає о весѣє (87б); Псалт. XVI в.: ѡбавѣа (22б), в осужению (11), зебраєⷭ (ib.), згоршѣє (51), ѡ сѧможеⷩ є́ (82), оу выхвала"ю (103), не єдѣемъ (109), размышлѧе (124), стоаю (126б), поколѣа (81б), поколѣ̆ (81); Сб. XVI в. Кунц.: послаю (68); Ев. 1616 г.: сумнѣе (кд б); Сб. XVII в. Вил. № 107: даю (33), весѣемъ (202), с похотю (213), вонностю (15), на третей (ib.), цркою (ib.), *д*аволами (117б), имѣн'а 33 (можно чит. и *имънья*); Сб. XVII в. Син. № 790: деревемъ (142б), имене (имение, 162), збожю (163б), плинскую (154), по Или (рядом с *до Ильи* 167), при веселю (170); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: рѹгае (2б), едéе и пиѣ (187); знадвора (2б); Псалт. XVII в.: здорова (9), збавена (11), дрижа (37б), на свитаню (24б), згинена (39), карана (11), в ромышлаю (11б, 37б), имънами (28б), поколъна (52б), росказана (133), выбавене (3б, 39б), спъваеⷨ (25б), щаста (5б), переⷯсмрети (11б), пароженⷨ (59б), милосреде (134) и др. Очень может быть, что некоторые из приведенных сейчас примеров, напр., с *р* под титлом, или *в*, и не принадлежат сюда, так как под титлом можно подразумевать не один согласный, но и *ъ;* другие примеры могут быть объясняемы и как полонизмы; иногда просто пропущено *ъ* или *ъ*, как в *обꙗвилъ* (109 Катих. 1562 г.); но во всяком случае вообще и здесь можно видеть один согласный, ставший на месте удвоенного или усиленного в произношении согласного звука. Стремление писать простой согласный вместо удвоенного в памятниках до того распространено, что иногда не замечаем даже органического удвоения согласного: ѡчины (114) (из **отьчины** при посредстве *оччины*). Написание «согласный + *ъ* + гласный» также употребительно в тех же памятниках, напр.: роскрывавленья (гр. 1432 г.), збожъя [гр. 1545 г. (М. А. 11)]; Четья 1489 г.: питъє (2), завистью (25б), посланьа (40б), копьемъ (56б и др.); Лит. лет. XV—XVI вв.: с матерью (3 Вил.), Кестутью (1 ib.); Сб. XVI в. Позн.: ѡружъемъ (114); Статут 1588 г.: збожъе (39), именья (9),

соколье (38б); Тайна тайных XVI в.: глоубооу҃мье (36б), счастьи (71), зравьѐ (9б), голѹбачьи҃ (43); Катих. 1562 г.: познанье (3ю), напоминаньѐ (2б посвящ.), ѹ траченью (2б предисл.), приреченьа (97б); Ев. Тяпин. 1580 г.: прии҃стье (34), ѹ҃тыи҃тьѐ (49), заседаньѐ (32), битье, роспатье (27б), Илья (44б), каменьѐ (ib.), братьи҃ (42), каменье (44б), деревъе (53), колосье (45б), листье (34б), ветье (28б), коренья҆ (17), втернѐ (ib.), и҃меньѐ (26б), приказаньѐ (31б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: уторгненья (22), рольа пола (31б), наказанья, каранье (95), на вербьихъ (79), свинъи (98б); Псалт. XVI в.: безводье^{м} (109), стретѣньѐ (58), квѣтьѐ (57б), срок҃гостью̀ (7б), ѡ҃ востанью̀ (41б); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: волъють (89); Псалт. XVII в.: в собранъи (1), зелье (6), з поганбенье^{м} (58), щастъе (131), приказанья (124) и т. д.

Все те явления, касающиеся удвоения согласных в соединении с *j*, которые были в старых западнорусских памятниках, отражаются и в живой белорусской речи[1]: преобладает в большинстве говоров удвоение согласного или усиленное его произношение; говоры юго-западные часто знают один согласный, как в польском языке; в этих же говорах иногда (но очень редко) сохраняется и *j* или *i̯* перед гласным, притом после всех согласных. В случае удвоения или усиления согласного оба согласные бывают мягкими, что в разных изданиях памятников обыкновенно обозначается посредством *ь* после первого согласного; когда *ь* не бывает, то все-таки группу согласных следует рассматривать как мягкую, но отсутствие *ь* указывает не на удвоенный согласный, а скорее на усиленный в произношении. Вторично отвердевшие согласные, конечно, мягкими не бывают. Другие особенности удвоенных согласных групп будут видны из примеров.

Итак, основные группы «лj, нj + гласный» переходят в белорусском в *л'л'*, *н'н'*; примеры на *л:* подпóлля (Шейн Б. П. № 36 Лепп.), собóллю (ib.), éллю (Зап. I, 316), Илли (Бесс. Б. П. 1), ральлé (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 82 Новогр.), весéлля (Гильтебр. CLXXIII Диснен.), льлю́ся (Зап. V, 241), ллюць (Зап. I, 256), Ильли (Ром. IV, 216 Мстисл.), похмельля (ib. III, 16 Сенн.), скульля (ib. 19 Гомельск.), красилле (Дембр. 1, 524 Черик.), абаллець (ib. 18, 540 Чаусск.), наллю (ib. 6, 525 Бых.), оболлецца (Шейн. Мат. I, 120 Бельск. Смол. губ.); na vaśel'l'i (Верига Pod 24 Лидск.), на вясéлли (Ляцк. Посл. 6 Борис.), гóллю палитà (ib. 8), с пахмéлля (ib.13), на крыллям (ib.), угаллёў (ib. 16), у вýлли (ib. 17), прамíма ллець (ib. 30), скулля (ib. 41), на Иллю (ib. 23); в Мат. Б.: вясéльля (или *вясéлля* № 4 Могил. губ., № 13 Свенц.), вясéльле (или *вясéлле* № 9 Бых., № 10 Мозыр. № 11 Новоалекс., № 17 Речицк., № 25 Новогр., № 28 Себеж.), Илья́ [или *Илля́* № 4 Могил. губ. (там же *ды Илля́*), № 7 Минск., № 9 и 16

[1] Иногда попадаются случаи протягивания согласного, стоящего за ударяемым слогом, и помимо указанной причины: молокó... вылълила за плечи. Ром. III, 46, Сенн. (несколько раз).

Бых., № 10 Мозыр., № 11 и 14 Новоалекс., № 15 Игум., № 13 Свенц., № 25 Новогр., № 28 Себеж., № 31 Вилейск.], со́льлю (или *со́ллю* № 5 Слуцк., № 9 и 16 Бых., № 10 Мозыр., № 11 Новоалекс., № 13 Свенц.), пахме́лля (№ 7 Минск.), подпо́лля (№ 18 Витебск.), ко́льля (№ 31 Вилейск.); в Отч. 1903 г.: Ильля — Илля (10 Иллукст., 15 Великолуцк., 18 и 19 Ржев., 22 Брянск. Акуличи, 23 Трубч., 27 Речицк.), ны Jильлю́ (26 Орш.), вясе́льля — вясе́лле (10 Иллукст., 19 Ржев., 23 Трубч., 27 Речицк., 26 Орш.), зе́лля (13 Великолуцк.), бездзе́лля (ib.), засто́лля (16 Бельск. у. Смол. губ.), льлю (19 Ржев. 21 Брянск. Акуличи), сольлю (26 Орш.), галлё (Розенф. 40 Минск.), ллюцца (ib. 46), засто́бля (ib. 56), раллю́ (ib. 76), на ранний раллици (ib.), налле́цца (ib. 78), кры́ллийками (ib. 86), Илль́ю (ib. 90), вясе́льля (Малев. 12 Слуцк.), вяселле[a] — вяселя[e] (ib. 96). Примеры с неусиленным звуком: па зеле (Дмитр. П и Ск. Гр. 54 Новогр.), вяселе (Мат. Б. № 5 Слуцк.), весіе́лё (№ 29 Новогр.), вэсе́ле (Отч. 29 Дятловичи Пинск. у.), Иля (ib, Мат. Б. № 8 Игум., 16 Речицк., 29 Новогр.), wiesièle или wiesièlo (Федер. II, XXVI) — выставлены, как обычные формы. Клих (стр. 251) сочетаний с *-lé-* вообще не допускает, изредка у него *-lo — -lu:* kupálo, uhólo, żélo, ẃešélo, sőlu. По своим личным наблюдениям, могу отметить, что *-л-* не усиленное в случаях, подобных рассматриваемым, вообще редко; наиболее часто встречается *в'ас'ɛ́л'о*, вероятно, не без польского влияния (wesele). Наконец, от древнейших времен и до сих пор допускаются и случаи соединения *л* с *j* или *i:* на Ilju pounu piecz chleba nalju (Чечот 1846 г. 116), pryszou Ilja (ib.), у́льи (Бесс. Б. П. 2), Илья, зе́лье, вясе́лье (Мат. Б. № 12 Басловцы Слуцк. у.), pieräd Ljoju (Федер. I, 374 Волков.), praślè Lju (ib.), Iliécsa, Iiuc, paxḿélio, ẃešélio, źelio, halio, Lia.

Примеры на усиленный *и:* порадзе́ння (Шейн Б. П. № 3 Лепп.), бара́нню (ib. № 36), благове́щеннико (Зап. V, 79), езжа́нне (Гильтебр. CLXXIII Диснен.), свиньни (Ром. III, 20 Сенн.), *-ей* (ib. 4), *-мяччих* (ib. V, 96 Гомельск.), яболньню (ib. III, 127 Клим.), сожареньня (ib. 254 Черик.), име́ньня (ib. 215 Бых.), вывяду род и пляменьня (ib. V, 108 Город. Витебск. губ.), пращенне (Демб. I. 524 Черик.), свиння́ (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), одзе́нне (ib. № 11 Новоалекс.), гуля́нне (ib.), пале́ньня (ib. 31 Вилейск.), каменння (ib.), у сумле́ньню (ib.), у име́ньню (ib.), коре́ння (Отч. 13 Великолуцк.), малання́ (ib. 18 Ржев.), свинння́ (Ляцк. Посл. 4 Борис.), сьвиньне́ (ib. 24), каме́ння (ib. 7), гараваннийка, панава́ннийка (ib. 8), кахання (ib. 10), с дура́ння (25 ib.), прычащ́а́ння (ib. 42), a͡deńńa (Верига Pod. 16 Лидск.); на ваява́ння, на гара́вання (Розенф. 1 Вилейск.), щабята́ння (ib. 52 Минск.), на пячення (ib. 75), сьвиньня (Малев. 12 Слуцк.), бацьви́ння (ib. 105). Случаи с неусиленным согласным: спачива́не, полява́не, спасыла́не (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 53 Новогр.), кахане (Дмитр. П. и Ск. Гр. 33 Новогр.), адзе́не (ib. 184, явный полонизм), свиня́ (Отч. 10 Иллукст.), jèźdźanie, spaczywànie (или *-nio-*) (Федер.

II, XXVI), pakaléńo, naśéńo, źýiżeńo, huláńo, kaḿéńo, aźéńo, naǯśńa, pa ǫubráńi, z baʹvíńe, pamyšléńa, śvíńa, žýźńu и т. д. (Клих. 251 Новогр.). Подобные образования на *-н'е*, *-н'о*, *-н'а*, *-н'у*, насколько мне известно по личному опыту, довольно распространены в юго-западной Белоруссии. Формы на *-нj* + гласный я могу отметить, только ссылаясь на Клиха (стр. 251), так как от простого народа их не слыхал; лица, прошедшие школу, конечно, могут сказать kaxáńi̯o, varańi̯o, kaḿéńi̯o и т. д.

Третий плавный — *р* подвергается удвоению или усилению в произношении (да и то не всегда) лишь в тех белорусских областях, которые вообще знают *р* мягкое; весь же юго-запад *р* не удваивает: зверъё [Гом. I—II, 14 Гомельск. (Белиц.)], перъя (ib. IV, 101 Сенн., III, 305 Бых.), перъям (ib. V, 60 Гомельск.), Ягоръю (ib. 42), звяръё ня бегая (ib. 26 Могил.), Маръячкой (ib. III, 60 Гомельск.), перъячка (Отч. 3 Новоалекс.), перъяйка (ib.), два Юръя (Ляцк. Посл. 9 Борис.), святы́ Юръя (ib. 41), надворъи (Розенф. 58 Минск.), а также согласные по этому предмету показания ответов на белорусские программы (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 и 12 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 8 и 15 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс.) и новейших собраний [пе́ръя (Малев. 12 Слуцк.), па надво́рьи (Розенф. 27 Вилейск.), padvǒri̯o (Клих 251 Новогр.)]. В тех же местностях возможно и непосредственное соединение неудвоенного *р* со следующим гласным: пі͡е́ра (мн. ч., Мат. Б. № 29 Новогр.), padvǒro, ṕe̋ro (Клих 251), загóрä и т. д. Удвоенный *р* имеем, напр., в следующих местах: Пава лита́ла ўсе пави́стая | Роня́ла *пе́рьря* ўсе золоти́стые (Шейн Б. П. № 163 Витебск.), Святэ́й Яго́рьря, святога́ Яго́рьра (ib. № 138 Витебск.), перъря (Шейн. Мат. I, 110 Борис., ib. 112, 100 Витебск.), Юръры (ib. 136 Борис.), Ягорьря (Добров. I, 14. 58 Смол. губ.), святоя Юрьря (Мат. Б. № 18 Витебск.), Яго́рря (ib. № 28 Себеж.), звярьрё (ib. 18 Витебск.), звяррё (ib. 28 Себеж.), перьря (ib. 18 Витебск.), пе́рря (28 Себеж.). Из тех же местностей: осиротив отцом и *матерю* (Ром. VI, 91 Горецк., из *мацерхю* — матерью); там же возможно и *рj*, быть может, под русским влиянием: Ягорья [Отч. 18 Ржев., 22 Брянск. (Акуличи)], хотя другие согласные в тех же говорах удваиваются.

Основные сочетания **вьj**, **пьj**, **вьj**, **фьj**, **мьj**, когда им приходится стоять перед гласными, обыкновенно не подвергают согласный удвоению или усилению в произношении, так как губные и зубногубные согласные в большинстве белорусских говоров в положении перед *j* отвердели, вследствие чего указанные группы в белорусском языке обратились в *бъj*, *пъj*, *ўj*, *фъj*, *мъj*, а при этом условии говорить об удвоении смягченного согласного не приходится; таким образом, общебелорусским произношением будет: в'ärabjóm, п'ärapjóm, здарбўje, с'amjá, куфjó; бъюць (Ляцк. Посл. 5 Борис.), вы́пъим (ib. 6), дзе пъюць, там и ллюць (ib. 10), симъя (ib. 47), бъецёся (Ром. III, 189 Бых.), сабъю (ib. 2 Сенн.), забъюць (ib. 4 Сенн.), пъяные (ib. 15), бъе (ib. IV, 80 Бых.), отобъе́шь (ib. V, 43 Гомельск.), пъяный (ib. IV,

14 Могил.), сямъёй (ib. V, 42 Гомельск.), веробъиху (ib. IV, 219 Черик.), веробъями (ib. I—II, 196 Могил.). В подтверждение того, что губные и зубногубные не удваиваются, мы имеем почти единогласные свидетельства в ответах на белорусские программы (ср. Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 8 и 15 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс., 28 Себеж.); то же находим и в новейших собраниях белорусских народных произведений [бъе́ (Кар. 29 Новогр.), пъе́ (ib.), ры́бъя, Дзямъян, саўю (Отч. 26 Орш.), выпъю, набъю, саўю (Малев. 12), p̨iu, u̯ýp̨iu̯é, p̨iányje, zab̨é, ḥarab̨ú, śém̨iu и т. д., i̯a u̯iú, skataun̨ió, žydaun̨ió, patcérkaun̨iu и т. д. (Клих[1] 252)]. Кое-где, однако, известны и удвоенные или усиленные согласные губные или зубногубные, напр.: зъ ворабе́м (Шейн Б. П. № 60 Витебск.), ры́ббя (ib. № 91 Диснен.), подла́ввя [ib. № 36 (Сураж.) Велиж.], Дземмя́на (Шейн. Мат. I, 498 Минск., Мат. Б. № 25 Новогр.), щукорыбьбия кось (Мат. Б. № 18 Витебск.), куффё (ib. № 25 Новогр., но там же *совъю́*); иногда можно слышать и некоторое удвоение *в:* skata^{u}wi̯o (Клих 252) (я бы написал — скатаўв'о́), где собственно *в* после гласного обращается в *ў* и после себя развивает несколько мягкий *в*, а может быть и неслоговой *ў:* на салаўви (=соловье, Ром. Мат. Гр. II, 90 Слоним.). В некоторых говорах возможны также формы с смягченными губными и зубногубными без *j* или *i̯* не удвоенными: Д'з'ɛм'а́н, падла́в'а, но такие образования очень редки.

Основные славянские и древнерусские сочетания **зьj**, **сьj**, **дьj**, **тьj** + гласный на белорусской почве в большинстве говоров подверглись переходу в *з'з'*, *с'с'*, *д'з'д'з'* (*д'д'*), *ц'ц'* (*т'т'*) + гласный. Тут обращают на себя внимание группы *д'з'д'з'* и *ц'ц'*. Если принимать в расчет только их свистящий звук, а не орфографию, то группы эти представляют только усиленные *д'* и *т'* мягкие свистящие, а не слишком сложные соединения, как может показаться, судя по орфографии. Однако эти две группы в разных говорах, а иногда и в одном, но в речи разных лиц представляют еще иного рода особенность: в них первый звук (*д* и *т*) может терять свой свистящий характер, т. е. те минимальные *з́* и *с́*, которые с ними тесно слились; вследствие этого возможны более упрощенные группы *д'д'з'* и *т'ц';* первая часть этих групп на мой слух даже представляется немягким согласным. Приведем примеры: удвоение или усиление в произношении *з'* и *с':* в'а́з'з'а [пошли у *Вя́ззя* | там увя́зли (Шейн Б. П. № 55 Витебск.)] *хи́ззем* трясе́ць (Зап. I, 420, заззяиць Дембр. 18.540 Чаусск.), рысьсюю скуру (Ром. III, 292 Орш.), колосься (ib. IV, 46 Горецк.), з гряззю (Ляцк. Посл. 13 Борис.), рыззё (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), кассё (ib.), валосься, калосься (ib. № 18 Витебск.), źźeli (Клих 48 Новогр.) (з'jɛ́л'и — съели). Удвоение или усиление в произношении *д'з'* и *ц':* суддзя́

[1] В том же месте он говорит о некотором умягчении губных и приводит примеры вроде: p̨ié, vyp̨iem, b'i̯es и т. д. или skataun̯wi̯ó при skataun̨ió ib. 11, с чем нельзя согласиться для данной местности (Новогр. у.).

(Шейн Б. П. № 199 Лепп.), попаддзя́ (Зап. I, 432), ли́сццем (Шейн Б. П. № 57 Витебск.) [в этом же слове может и не быть удвоенного *ц*: лисцем (ib. № 98 Лепп.), так как, ввиду предшествующего *с*, получилась бы слишком сложная группа], куцьцю́ (Зап. V, 76), тре́ццим (Шейн Б. П. № 90 Лепп.), судьдзю (Ром. IV, 189 Мстисл.), судьдя (ib. III, 396 Рогач.), суседззями (Шейн. Мат. I, 57 Мелешковичи Минск. губ.) (*j* развит вторично, если только здесь не описка), пападзьдзя (Ляцк. Посл. 17 Борис.), куцьци (ib. 1), куцьцю (ib. 20), сьме́цьця (ib. 23), жыцьцё (ib. 12), трецця (Дмитр. П и Ск. Гр. 180 Новогр.), тре́цьцюю (Ляцк. Посл. 2 Борис.), treśśi (Верига Pod. 18 Лидск.), ра treśśaj hadiñe (ib. 23), *братьця* его обсоветовались (хитрое написание вм. *бра҂ц҃ц҃а*, Ром. III, 254 Черик.), третьций (ib.), третьцему (ib. 19 Сенн.), третьтяй (ib. 17 Гомельск.), *-тяю* (ib. 32), *-тьцию* (ib. IV, 133 Черик.), *-тьцюю* (ib. III, 9 Сенн.), *-ттяе* (Шейн. Мат. I, 77 Гомельск.), трецций (Демб. I, 524 Черик.), тре́ттяя (Ром. I—II, 121 Перер.), жалудьдя (ib. VI, 325 Рогач.), третьтий (ib. 203 Витебск.), белый скатертю закрыт (ib.), бицьця́ (Ляцк. Посл. 28 Борис.); в Мат. Б.: пӓпыддзя́ (№ 4 Могил. губ.), пӓпыдздзя́ (ib.), судзьдзя (№ 13 Свенц., 14 Новоалекс., 15 Игум., 28 Себеж.), судьдя (№ 18 Витебск., 27 Лепп.), суддзя́ (№ 31 Вилейск.), куцця́ (№ 4 Могил. губ., 7 Минск., 11 Новоалекс.), сча́сцця (№ 28 Себеж.), сва́цця (№ 11 Новоалекс., 18 Витебск., 25 Новогр.), свацьця (№ 13 Свенц.), сватьтя (№ 9 Бых.), сва́тця (№ 17 Речицк., и 25 Новогр.), жыццё (№ 4 Могил. губ.), быгацця (ib.), брацьця (№ 31 Вилейск.), шуме́цця (№ 18 Витебск.), шмяццё (ib.), сва́цця (Отч. 18 Ржев.), *трецции* празник (ib. 15 Великолуцк.), плацце (ib. 18 Ржев.), судзьдзя (ib. 26 Орш.), трэццим (Розенф. 9 Вилейск.), тре́цця (ib. 77 Минск.), сва́цьця, су́дьздзья (Малев. 12). Изредка можно наблюдать слитный согласный: смертю (Ром. I—II, 121 Перер.), сча́сьця (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), *-це* (№ 5 Слуцк.) (в обоих последних случаях слитию содействовало скопление согласных), сваця (Мат. Б. № 5 Слуцк.), судзя (ib. № 8 Игум., 17 Речицк., 25 Новогр.). Повидимому, чаще, чем в других местах, случаи со слитым согласным встречаются на юго-западе, напр., в Новогрудском уезде, по крайней мере Клих отмечает только: płáćo, žýćo, líšćo, ṕeret sḿérćų, rádoscu, trećaio, u tréćum, trećäcók, suźa (стр. 251), у него же отмечены suźiá, kaśió. Со слитым согласным находим примеры и в других собраниях: трецее (Дмитр. П и Ск. Гр. 33 Новогр.), счасце (ib. 189) (отчасти вследствие стечения трех согласных), пирад сме́рцю (Ляцк. Посл. 35 Борис.) (во всех других случаях у него удвоенный согласный; здесь, несомненно, влияние стечения трех согласных).

Основные славянские и древнерусские сочетания **жьj**, **шьj**, **ꙑьj** + гласный переходят в двойной согласный + гласный. Так как шипящие, как увидим со временем, почти повсеместно на белорусской почве отвердели, то удвоенный или усиленный, а также простой согласный на месте указанных групп бывает тверд; в сборниках народных про-

изведений иногда только можно встретить *ч* мягкое. Приведем примеры: божжу (Шейн Б. П. № 100 Себеж.), замýжжа (ib. № 296 Сураж.), врáжжа (Зап. I, 274), пéшшу (Шейн Б. П. № 11 Лепп.), подпéччя (ib. 36), овéччю (ib.), с пóмоччу (Зап. I, 258), лýччи (из лоучьи, Шейн Б. П. № 410 Лепп.), сýччийко (Шейн д. № 22 Городок.), на сучча (Ром. III, 37 Клим.), ночьчу (ib. 36), за печчу (ib. IV, 18 Горецк.), чаловиччия пищи (ib. 103 Гомельск.), коровиччаго (ib. V, 23 Дятловичи), по'быччу (из **обычью*, ib. VI, 26 Черик.), птушаччых (ib. 286 Орш.), божжам (ib. IV, 202 Черик.), замужже (ib. I—II, 24 Перер.), ружжо (ib. 139 Гомельск.), *-ом* (ib. III, 35 Бых.), ружжи (=*жья*, Шейн. Мат. I, 583 Диснен.), божжи храм (ib. 136 Борис.), божжаго (ib.), роскошшу (Ром. I—II, 146 Перер.), обычьчу (ib. 12 Гомельск.), сучьча [=сучье, ib. 171 Гомельск. (Белиц.)], сучча (ib. III, 2 Сенн.), ноччу (Добров. I, 325 Смол. у.), божжа наказання (Ляцк. Посл. 5 Борис.), пярýнбóжжая стрэлка (ib. 36), калá ушшу (около ушей, ib. 21), з рэччу (ib. 38), сабаччая (ib. 39), пьянúччинька (Розенф. 21 Вилейск.), ружжó (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), бóжже (ib. № 9 Бых., 13 Свенц., 16 Речицк., 25 Новогр., 28 Себеж.), мужыччó (ib. № 4 Могил. губ.), пыляччó (ib.), клóчча (№ 7 Минск.), у ваччý (№ 4 Могил. губ.), ноччу (№ 9 Бых.), сучча (№ 31 Вилейск.), запéчча (№ 18 Витебск.), зарéчча (ib.), зацишша (ib.), ножжё (ib.), божжия дзело (Отч. 26 Орш.), збóжжа (Малев. 12 Слуцк.), аблúчча (ib. 21). Примеры на слитые шипящие: збоже (Дмитр. П. и Ск. Гр. 41 Новогр.), счастё (Мат. Б. № 29 Новогр.), бýожо (ib.), божа воля (Отч. 10 Иллукст.), lǫoh za pieczu (Федер. I, 4 Слоним.), łyčo (=лычье — лыки), zbožo, Bŏžaho и т. д. (Клих 251). Впрочем, в последних примерах на формы прилагательного «божий» можно смотреть и иначе: не видеть в них слития удвоенного *ж*, а рассматривать их как произведенные от прилагательного *бóжый, бóжая, бóжее*, в котором только гласные в окончании стянулись.

Другие белорусские согласные удвоению не подвергаются, так как одни из них (задненёбные) с йотом никогда не соединяются, а для других (*щ*, *дж*) нет подходящих положений.

В заключение отдела об удвоении согласных коснемся некоторых вопросов, имеющих отношение ко всем удвоенным согласным.

Мы видели, что в разных местностях рядом с удвоенным согласным или же слитым после удвоения попадаются и случаи сохранения *j* (орфографич. ь), как в русской литературной речи, притом даже в таких местах, как юго-запад Белоруссии, где менее всего можно бы ожидать подобных форм[1]. Чем объяснить их существование? Естественнее всего казалось бы видеть влияние русской литературной речи; однако одного этого влияния мало. Мне кажется, что образования на согласный + *j* (*i*) + гласный поддерживаются и возможными в бело-

[1] Любопытное наблюдение отметил еще в 1846 г. Чечот (XII): mówi się po krewicku nad Niemnem: wieć-je; hal-je, pahulań-jo, Jú-je (чит. Иўе), bajar-jo... nad Dźwiną zaś: wiećcie, zastolla, wiasiella, ralla, aralla, biasdolla, plemieńna...

русском образованиями на согласный + *ĭj* + гласный [на Иллю́ пирапе́чку нали́ю (Ляцк. Посл. 23 Борис.), слёзами *ли*ются в рифму — водзицы сы*пи*ются (Мат. Б. № 13 Свенц.), *ли*ю (ib. № 14 Новоалекс.), рыб*ия* икра (ib. № 29 Новогр.), суд'з'ийа́], в которых *и* исчезает на наших, так сказать, глазах.

Из приведенных примеров можно было также видеть, что часто в одной и той же местности в отношении к усиливающимся звукам не одно и то же расположение. Так, напр., в Слуцком и Новогрудском уездах случаев со слившимся после усиления *л* очень мало, тогда как с *и* в подобном же положении случаев очень много; ср., также *Илля, бо́жже,* даже *Дземмя́на,* но *судзя́* (Мат. Б. № 25 Новогр.). С другой стороны, иногда один и тот же звук в одном и том же говоре в одних словах бывает усилен, в других нет, напр., Мат. Б. № 5 Слуцк.: *вясе́ле,* но *со́льлю;* ib. № 17 Речицк.: *вясе́лле,* но *Иля́.* Не знаю, как объяснить это разнообразие. Очень может быть, кое-что можно отнести на неточность записей. Возможно, что тут сказывается и влияние ударения: безударность предшествующего гласного хотя и не исключает удвоения, но не благоприятствует ему[1].

Еще следует рассмотреть одно обстоятельство, являющееся типичным для украинского языка и менее характерным для белорусского ввиду его аканья, это — появление после удвоенного или усиленного в произношении согласного звука *а* или *е* на месте древнерусского **є** в группе **-ьк**. Как можно было видеть из приведенных примеров, в белорусском преобладает *-а* (вясе́льля), на юго-западе, однако более обычны образования на *-е* (вясе́ле). Как объяснить это разнообразие? Прежде всего приходит на мысль аканье, по которому в сильно акающих говорах и конечное *е* безударное должно перейти в *а*, а в говорах, умеренно акающих, такое *е* должно сохраниться без изменения. Но дело в том, как показали исследования А. А. Шахматова («Исследования в области русской фонетики», Варшава, 1893, стр. 65 sq.), здесь мы имеем дело с довольно сложным явлением: еще в древнерусском после усиленного или двойного мягкого согласного в слоге безударном было *-а* на месте *-ä;* отсюда естественно появление и в белорусском *-а; -е* же могло явиться на месте *-jo* в слогах ударяемых, а затем распространиться и на случаи без ударения. Его поддерживали при отсутствии удвоения или усиления согласного в юго-западных областях и обычные образования среднего рода на *-ле, -ре* (поле, море).

Прогрессивная ассимиляция звуков в белорусском языке ограничивается только случаями уподобления *j* предшествующему ему согласному; могу отметить еще один-два случая подобного уподобления других согласных, после чего как бы получается группа удвоенного согласного: na czczo (натощак), Федер. I, 210 Волков., из **тъштє**, в котором с выпадением глухого начальное *тш* дало *ч*, а *т* конечное ему уподобилось); несколько похожи на него случаи: jeszcze (ib. II,

[1] Ср. Р. Ф. Брандт. Лекции по исторической грамматике русского языка. М., 1892, стр. 137.

47 Слоним., из *пжице*, где *ц* стал шипящим, уподобившись предшествующему согласному *ш* из *ж*), дажджэ́шся (Ляцк. Посл. 41 Борис., из *дажʒдзешься*, где *дз* уподобился предшествующему ему *ж*). К примерам на прогрессивную ассимиляцию относятся еще: *ѣшча*, госьти, *ѣшча* (Ром. VIII, 415 Витебск., при *пьсътя*, *пьсътя* Добров. II, 360), вочаньня крепкую (Ром. III, 121, Клим., где уподобление по мягкости). Не знаю, можно ли предположить для старого западнорусского языка форму *гдрже* (622 Чуд. Сб. XVI в.), т. е. *горьже* из **горьхъ*, как это бывает в соседних русских говорах, а тогда мы имели бы еще особый случай прогрессивной ассимиляции.

ИЗМЕНЕНИЯ, КОТОРЫМ ПОДВЕРГЛИСЬ ОТДЕЛЬНЫЕ ДРЕВНЕРУССКИЕ СОГЛАСНЫЕ И ИХ ГРУППЫ

Йот (*j* и *i̯*)

В предыдущих отделах, говоря как о гласных, так и согласных, мы неоднократно касались звука йот в основном славянском, древнерусском языке и белорусском языке, так как влияние этого звука на изменения гласных и согласных велико. Здесь скажем подробнее о нем.

Звук йот уже был в основном славянском языке (средненёбный фрикативный), как унаследованный в некоторых случаях от основного индоевропейского языка, напр., в слове juxa (ср. белорусск. *j̓у́шка* Шейн Б. П. № 29 Невел. [юшка]), лат. ius, лит. jušė. Но в общеславянском же языке с ним совпал *i̯*, напр., в i̯o (= ст.-слав. **ѭ**) из осн. **i̯ām* или в окончании им. мн. ч. *-j̓ьe* из осн. **eies* (ср. ст.-слав. **пѭтьıє**). Очень может быть, что с ним совпал и тот йот, который на славянской почве развился в начале некоторых слов, как jelenь (**ѥлєнь**), греч. ἔλαφος, или же в jestь (**ѥсть**), греч. ἔστι, лат. est и т. д. С другой стороны, если судить по заменам йота в потомках основного славянского языка, нельзя не видеть, что славянский йот в разном положении не один и тот же: перед гласными в начале слова, отчасти после согласных в середине он довольно близок, напр., к немецкому *j* спиранту, хотя и не совпадает с ним вполне; между же гласными, а также на конце слов после гласных — он не что иное, как *i̯* неслоговое, тот звук, который мы изображаем посредством *й*. Отсюда, а также на основании некоторых других соображений и для основного славянского приходится предположить, что в нем «в одном звуке *j* совпали звуки *i̯* и *j* в начале слова и в середине слова после согласных, те же звуки *i̯* и *j* совпали в одном звуке *i̯* в середине слова между гласными, или короче: *i̯* и *j* перед гласными изменились в *j*, после гласных в *i̯*»[1]. Я бы прибавил к этому выводу, что *j*, а не *i̯* диалектно было и после *ъ*, ставшего со временем неслоговым, так как в соединении с таким *j* произошло в некоторых языках удвоение согласных, чего не могло бы быть перед *i̯* неслоговым.

[1] А. А. Шахматов. К истории звуков русского языка. Смягченные согласные, стр. 3.

Как обстояло дело в общерусском языке до распадения его на говоры и затем в эпоху первых письменных памятников, можем судить только на основании показаний современных восточнославянских языков, так как для этого не дают достаточного материала старинные памятники, для которых на первых порах взята была орфография старославянская, не имевшая особого написания ни для *j*, ни для *i̯*, и только отчасти передававшая оба эти звука в некоторых памятниках посредством ⷽ, соединенного черточкой со следующим гласным (ⷽк, ⷽи, ⷽю, ⷽѧ, ⷽѫ), а затем употреблявшая для «йотованного» *е* даже особое написание (ϵ, Ꙗ, ε). Восточнославянские языки единогласно свидетельствуют о том, что в общерусском дело обстояло примерно так же, как и в общеславянском языке. Даже украинский язык, в котором вторично произошло отвердение некоторых смягченных согласных перед *е* и *и*, знает *j* в начале слова и *i̯* после гласных.

Переходя к белорусскому языку, отметим, что в нем дело с йотом в таком же положении, как было и в общерусском языке; только в нем, мне кажется, стало больше случаев возникновения *j*. Именно, насколько можно судить по явлениям удвоения согласных, а также по отсутствию склонности к мягкому произношению губных в старинных группах бьj, пьj, вьj, мьj, в белорусском языке после утраты в произношении ь, происшедшей еще в древнерусском языке, вместо *i̯* перед следующим гласным явился *j*, звук вполне согласный. Этот *j*, как мы видели, в области гласных действовал так же, как и смягченные им согласные: находясь перед гласным, в случае безударности его, содействовал его сужению — обращению *ja* в *je*, *jo* тоже в *je*, *je* иногда в *ju*: *jaж* — *jäжáйа*, *jон* — *jäчá* и *jнá* [ина (Бесс. Б. П. 37 и т. п.)], а на конечное безударное *ѐ* в некоторых говорах произвел обратное действие, обратив его в *а*. Стоя за согласными, в белорусском *j*, после взаимного уподобления, содействовал, как мы видели, удвоению их или усилению в произношении. Таким образом, в белорусском языке, за немногими отличиями, йот сохранился в том же виде, как и в русском и украинском языках. Именно:

В начале слов перед гласными бывает *j*, заменяя собой как *j* праславянский, так и приставленный позже в диалектах общеславянского языка. Этот *j* хотя и не совпадает с *i̯* неслоговым, но по звуку своему все же несколько разнится и с *j* немецким, вследствие чего некоторые исследователи не прочь смешать его с *i̯*. Такое *j*, напр., в словах, предполагающих *j* в родственных языках: jäхац', лит. joti; jарынá, готск. jēr, ст.-в.-нем. jār; jáвор, лит. javoras (заимств.); jáлк'и, лит. jālus; или в формах местоимения *jaгó*, *jaмý*, *jим* и т. д. даже после предлогов [по ём (Ром. I—II, 145 Гомельск.), ў ём (ib. 325, 190 загадка), у яѐ (ib. III, 3 Сенн.), в яё (Шейн. Мат. I, 76 Гомельск.), до ее (ib. 67 Слуцк.), до ёи (ib. 519 Слоним.), за ёю (ib. 286 Орш.), у их (Ром. III, 3 Сенн.), у ём (Смол. Добров. I, 18. 117), зь jим (Малев. 22 Слуцк.)] при лит. jis, jáк, ст.-слав. ꙗко того же корня (Miklosich Et. Wb., 107); белорусский язык, как и русский, знает

начальное *j* и в тех словах, в которых этот звук был приставлен еще в диалектной жизни общеславянского языка, напр., jазы́к, ст.-слав. **ꙗзъıкъ**, др.-прусск. insuvis, jе́с'ц' ст.-слав. **ѥстъ**, лат. ēst; já́гада, лит. ûga; já́блыко, ст.-слав. **ꙗблъко** и **аблъко**, нем. Apfel; jагн'á, ст.-слав. **ꙗгнѧ** и **агнѧ**, лат. agnus; jайцó, ст.-слав. **ꙗицє**, лат. ovum, греч. ᾠόν; já́с'ьи, лит. ûsis и т. д.

После гласных бывает *i̯*, особенно на конце слов: жал'е́йу, ст.-слав. **желѣѭ**; мы́йеш, ст.-слав. **мꙑıєши**; ла́йе, ст.-слав. **лаıѥтъ** и т. д., где йот в суффиксе *jo*—*je* (ср. лит. lóju, gróju, spė́ju, др.-инд. rā́yati и т. п.); двóйа, ст.-слав. **двоѥ**, лит. dvejì; тóйу, ст.-слав. **тоѭ**, ст.-лит. taja; мой (из **мойѕ*), лат. meus (из mejos); вой, знай, ст.-слав. **ꙁнаи** — в последнем слове на месте общеславянского *i*.

В белорусском языке, как я уже заметил, после утраты неслогового **ъ**, предшествовавшего *i̯*, последнее обратилось в *j*; сохранившийся только после согласных, не способных соединяться с *j*, как *р*, во многих говорах и губные: *падвóр'а*, *бj́у*, *пj́у*, *с'амjá* и т. д.

Рассмотрим случаи замены йот в белорусском языке другими звуками.

1. На месте *j*, повидимому, стоит *л'* в слове *л'а́два* [ср. **лѣдва** (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 163 Новогр.), тоже повсеместно, в Сл. Нос. *лéдва*, *лéдве* и *лéдви*, ср. старинное — *лéва* (Археол. 43б)] при русск. *едва*, т. е. *jädzá;* то же известно и в чешском языке, где старинные памятники знают jedva и ledva (ср. Histirická mluvnice jaz. česk I, 529), а также в польском, где есть jedwa и ledwa. Однако вряд ли можно говорить здесь о переходе *j* в *л:* старославянский язык знает **кдѣва**, но знает также **лѣ**, откуда ***лѣдѣва**; в древнерусском языке также имеем *лѣ* в смысле *еле* [лѣ живу ему сущу (Соф. вр. 6827 г.)] и *еле* [**клѣ**, **кль**: оставиша еле жива суща (Псков. 1 л. 6978 г.)]; литовский язык знает advos и ledwai. Отсюда можем заключить, что перед нами не фонетический переход, а особое морфологическое явление, или если и звуковой переход, то происшедший не на белорусской почве, а в диалектах общеславянского языка.

Еще в одном случае как будто чередование *л* и *й* (*i̯*), это — в *бра́цилки* (Шейн Б. П. № 440 Лепп., можно слышать и в некоторых других местах) при обыкновенном *бра́ц'ийк'и* (Сл. Нос.), но лучше и здесь видеть разные суффиксы. В этом же роде чередование в окончании известного города *й* (старинное) и *л'* (современное): Гомеи горо (Евр. 527) — Гомель. Еще одно слово в этом отношении может привлекать к себе внимание: дал'бо́ (Федер. I, 144 Волков. da/bo), дал'ибо́ (Сл. Нос., далибог), но это несомненное заимствование из польского, где и следует искать его объяснения, а не ставить в связь с нашим *дай-бог*.

2. Несомненно на месте *й* (*i̯*) имеем *в* в *пóв'ас* (źwiazać, pòwiesam Федер. I, 273 Слоним.) при обычном *пóйас*, но и эта замена вряд ли фонетический переход: *в* в этом случае не могло явиться под влиянием *в'аза́ц'*.

3. Древнерусское *j*, повидимому, отпадает в слове **кіцє**, которое в белорусском часто имеет вид *ащé* рядом с *jащé* (ср. ашче Клих 174 Новогр. и др. места особенно на юге); но это *ащé* можно прямо возводить к др.-русск. *ощe* (ср. И. И. Срезневский, Материалы, стр. 852).

В Супр. списке западнорусских летописей нам встретился случай пропуска *й* в сравнительной степени (если, конечно, это не описка): *стахеши* (4)[1].

В одном случае *й* отпадает в конце (или лучше в середине слова): *н'абóс'* (не беспокойся, конечно) — ni bṓś (Федер. II, 38 Волков.). Не влияние ли здесь союза *бо?*[2]

Орфографическую особенность, а может быть, и живое явление следует видеть в нередких пропусках *j* между гласными в старинных памятниках под югославянским влиянием (ср. стр. 75), а в современных записях, вероятно, из желания обозначить слитное произношение гласных (ср. стр. 270).

На белорусской почве, как это отчасти наблюдается и в других восточнославянских языках, при некоторых условиях могут возникать *j* и *i̯* вторичные, являющиеся для приставки к гласным и для вставки между ними. Такой йот встречаем, напр., в следующих случаях: да *ягóнь* (= да йагонь, Шейн Б. П. № 147 Бобр.), того *ягня́* (ib.), *я* (= а) пыта́лися слаўнаго му́жа (ib. № 143), тоды б ты *ю* хатку ўлетела (Ром. I—II, 41 Гомельск.), где *ю* = й + ў = *в;* по *ю*лочцы ходить (ib. 129), по *ю*лицы пройшов, три недели *ю* постели лежала (ib. Гомельск.), просилася жена *ю* мужа, *ю* лузи, *ю* лужочку, за хорошим чалавеком *ю* плацийках ходзиць (но тут же: чалавеком ў чаравичках) (ib. 24 Сенн.), на *ю*лку (Шейн. Мат. I, 81 Речицк.), два *ю*ланы молодые, *ю*ланы *ю* хату, ох мати, мати, *ю*ланы ў хати, би ты *ю*ланов, лучьче *ю*лана поцаловати (Ром. I—II, 164 Гомельск.), усе травка муравица — *я*лыя цветóчки, уси цветики *я*лыя, один цвет *я*лейший (ib. 160), *я* й вянки вици (Отч. 9 Иллукст.). Здесь мы имеем дело с тем же явлением, какое свойственно и некоторым сильно акающим русским говорам и состоит в появлении йота в таких случаях, когда слово, начинающееся с гласного, следует за словом, оканчивающимся гласным звуком; в этом положении естественнее всего говорить об *i̯*. Иногда *i̯* (или *j*) бывает перед гласным, начинающим стих или предложение[3]. Отметим, что подобное явление иногда наблюдается и в других славянских языках, напр. в чешском: *j*u studénku stala (Gebauer, Hist. Mluvn. § 454, 7). Общебелорусское явление представляет приставочный *j* в *jон* [ён (Шейн Б. П. № 60 Витебск.), іона (Дмитр. П. и Ск.

---

[1] Ср. А. Л. Погодин. Образование сравнительной степени в славянских языках. — «Известия ОРЯС», 1903, № 1, стр. 206—211.

[2] См. сноску на стр. 230.

[3] Материал по этому предмету старый и новый рассмотрен А. И. Соболевским в «ЖМНП», 1901 октябрь («Из истории русского языка», 396 sq.), а также в «Этн. обозр.», кн. XXXIX, стр. 169—170.

Вильн. 122 Диснен. и т. д.)], куда он зашел из косвенных падежей, где он органический (*jaго*, *jамý* и т. д.).

Старинные памятники изредка представляют *j* приставочный, но лишь в тех случаях, где он возможен был уже в древнейших памятниках старославянского и древнерусского языков: тъ єхонию ѡ҃ *юзъ* свободи (17 Лет. Авр. XV в., но ѭзꙋ уже в Сб. Святослава 1073 г.), *юже* (*жже*, Библ. Скор. XVI в. Ц) (Владимиров, Докт. Фр. Скорина, стр. 151), бл҃о*ю*ханьє҃ (54б Тайна тайных XVI в.).

В рассматриваемом случае *i*, значит, вставляется для устранения стечения гласных, для плавности речи. Когда йот стал играть такую роль, то, естественно, явилась возможность обращаться к нему, поставляя его вообще между словами, где он мог содействовать плавности речи: а *й* пытаетца (Шейн Б. П. № 15 Лепп.), мою *й* голóвочку (Бесс. Б. П, 3, 84, 85), я *й* паéду (Кар. 54 Новогр.), ды *й* там (Шейн Б. П. № 591 Лепп.), нейгдзе (ib. № 26 Велиж.), дайжа (= даже, Ром. VI, 37, 38 Горецк., 301 Черик.) (белорусы так же не умеют справиться с зашедшим к ним руссизмом, как и в древней Руси с ц.-слав. **дажДь**, вместо которого обыкновенно писали **дажє**), лисица-псица *й* кросны *й* тчець (Розенф. 90 Минск.), во *й* ци любишь ты мяне (ib. 11 Вилейск.). На появление такого *й*, несомненно, оказало влияние и *й* безударное, стоящее больше перед словами, начинающимися с гласного или после гласного окончания слова, на месте союза *и*, о чем у нас была речь в отделе о гласных.

Несколько подходит сюда волковыская форма pierä*j*niàś (Федер. II, 99), где после приставки, кроме обычного *и*, еще вставлено *й*. По образцу древней вставки йота между гласными вставляется *й* между гласными в словах заимствованных: *дыйáхон*, *хрысц'ийáн'ін* и др.

Вставка нового *j* наблюдается в некоторых южных местах Белоруссии после губных, которые вследствие отвердения теряют способность соединяться с умягчительными гласными: пъять (т. е. п*j*ат' — почти повсеместное на юго-западе произношение) (Ром. IV, 102 Гомельск.), пъятую (ib. I—II, 191 Белица), пьять (неточная орфография вм. *пѣ*-, Шейн. Мат. I, 566 Сенн.), пьятоя (ib. 525), въерст (Ром. IV, 103 Гомельск.), тридевъять (ib. V, 96), повъез (ib. VI, 63), вjоз (Мат. Б. 19 м. Заблудов Белост. у.). Новый *j:* павьюоу (Сержп. 58 Мозыр.), пóламьем (ib. 48 Слуцк.), мъёд (Ром. Мат. Гр. II, 67 Слоним.) умъёр (ib. 70). Нечто подобное, но только после других согласных встречаем и в старинных произведениях: частьꙑ҃ (73 Тайна тайных XVI в.), мещанье (85б Катих. 1562 г.), страстьꙑ҃ (92 ib.).

Еще отметим приставку йота в некоторых случаях в конце слов: Да вжей (уже) матка (Шейн. Мат. I т. II в., 214 Слуцк.), я бóльший ня буду (Никиф. Приметы, 59 Витебск.), писалий б болий (Добров. I, 70 Бельск. у. Смол. губ.), буог (думая) инáчый (Ляцк. Посл. 57 Борис.), если только не следует рассматривать это образование, как *иначѣй*, т. е. если не видеть здесь известное окончание сравнитель-

ной степени (ср. подобное явление в других славянских языках, напр., в чешском. Gebauer. Hist. Ml. 533, 12). И старинные памятники западнорусского письма представляют несколько подобных случаев: в зан Воидила (29 Лит. Лет. Увар.), частій своее не тратять (148 Статут 1529 г.), въ заставій (342 ib.), або менилъ боришникій (387 ib.), нехай прилней ѓзы (133 Псалт. XVI в.), хотя́й хо́чете (ѯв Ев. 1616 г.), хотѧ и не вѣдаю (Псалт. XVII в.), хотѧ ѡни (122б ib.) (в обоих примерах *хотяй*). Однако все приведенные примеры очень напоминают собой описки.

В одном случае *й* может показаться вставленным в середине слова после гласного, это — в слове *кроиники* (Сб. XVI в. Крас. 73), но эта вставка произведена еще в польском языке, откуда это слово заимствовано: kroynika (ср. Archiv IX, 391).

ПЛАВНЫЕ *Р, Л, Н*

Плавные согласные *р*, *л*, *н* уже в основном русском языке были как твердыми, так и мягкими. Последние становились таковыми при соединении их с *j;* с ними затем совпали и те *р*, *л*, *н*, которым приходилось стоять перед *і*, *ь*, *е*, *ѣ*, а также *е* носовым (ѧ), со временем обратившимся в русском языке в *а*.

Р

В более позднюю эпоху, при распадении русского языка, в западных частях среднерусских говоров стали обнаруживаться случаи вторичного отвердения *р;* так что уже из древнерусского языка в белорусский язык плавные перешли в твердом виде и в мягком, причем диалектно уже было положено начало отвердению *р*. Если мы обратим внимание на то, что твердый *р* на месте мягкого знают иногда старославянские памятники, что в настоящее время исключительно твердый *р* знают сербы и отчасти словинцы, что *р* мягкий в чистом виде неизвестен полякам и чехам, то можем придти к заключению, что диалектно нерасположенность к мягкому *р* уже была заложена в основном славянском языке и что одна часть русских племен пережила твердость *р* еще в общеславянскую эпоху вместе с некоторыми югославянскими диалектами. Припомним дреговичей возле Солуня. Соседство поляков с белорусской прародиной поддерживало эту склонность к *р* твердому, вследствие чего последняя оказывается повсеместной у потомков дреговичей — юго-западных белорусов. Радимичи рано ушли от соседства с поляками, вследствие этого твердость *р* у них не развилась вполне: до сих пор, как увидим, существует колебание — то твердый *р* на месте мягкого, то мягкий на месте твердого. Школа и соседство русских в последнее время содействуют восстановлению правильного у них употребления *р* (ср. «Белорусы», I, 95).

Как обстоит дело с твердым и мягким *р* в настоящее время у белорусов, мною довольно точно это выражено на карте белорусских гово-

ров в I томе «Белорусов». Рассматриваемая черта очень существенна, так как по ней все белорусские говоры могут быть разделены на две группы: юго-западную — твердоэрую и северо-восточную — мягкоэрую. Граница между этими говорами приблизительно проходит, начиная от Корсовки (станция СПб.-Варшавск. ж. д.), к юго-востоку — около Себежа, Городка, Витебска, Горок, Чаус, Пропойска, через р. Беседь к границе Черниговской губ., здесь почти по границе Гомельского уезда к Новозыбкову и далее на юго-восток до границы белорусской области (ср. «Белорусы», I, 193). Как увидим из примеров, указанная граница только приблизительная, так как и к северо-востоку от нее нередко можно слышать произношение с твердым *р* вместо мягкого, а еще чаще можно встречать мягкий *р* на месте исконного твердого, что, конечно, может говорить только о том, что когда-то и в данном месте не чувствовалось различие между твердым и мягким произношением. Подтвердить сказанное можно не только современными данными, но и свидетельствами старинных западнорусских памятников. Начнем с них. Хотя они писаны в разных местах, но твердый *р* вместо мягкого знают почти все они. Грамоты и акты XIV—XVI вв.: сентебр*а* (1395 г.), тер*а*ть (1398 г.), Др*ы*сы (до 1399 г., вкладная в Ев. Погод. № 12), Дмитрѣ, Двор*ы*ковичь (Недешев, XIV в.), серебр*ы*ный (1405 г.), генвар*а* (XV в., Вил. Сб. Пал. Сн. № 3), оур*а*дех (1432.), непр*ы*ятеля (1480 г.), пр*ы* боку (ib.), товар*ы*шовъ (1492 г.), кр*ы*вды (1497 г.), писарѣ (1499 г.), пр*ы* томъ [1536 г. (В. А. 27)], потер*а*лъ (8 Гродн. Акт. кн. XVI в.), двор*а*номъ (27 ib.), серебр*а*ное (2 ib.), архимандр*ы*тъ (4 ib.). Четья 1489 г., олтарѣ (234б), вихромъ (95, 209б). Привил. 1457 г.: писар*а* (35). Сборник XV в. Публ. б. № 391: прегр*а*зны^{м} (54), Фр*а*гове (78б), трѳ̑ (38), трѳ̑ (31б), трома (73б). Летопись Переясл. Суздальск. XV в.: бр*ы*чь, мор*а*. Литовские летописи XV—XVI вв.: смешение *р* мягкого с твердым встречается довольно редко: дека^{б}р*а* (87б Крас.), тр*ы* (89б ib., 82б ib.), цесарѵ̑ (64б Крас.), постр*ы*гласѧ (68 ib.), пр*ы*городки, пр*ы*ехалъ, Бр*а*нску (Бодян. О моих поисках, 11), сотвор*ы*ши (35 Увар.), пекаромъ (29 ib.), покор*ы* сътворити (13 Вил.), Друцкыи (39 Увар. рядом с *Дрюцку* ib., дрюцки^{м} 70 Крас.), Игор*а* (5 Супр.), створ*оу* тризноу (9б ib.), по мор*оу* (27 ib.), зар*оу* (56б ib.), постр*ы*гсѧ (51 Археол.). Летопись Авраамки XV в.: р*а*заньскою (62б), р*а*заньскаи (161б), бр*а*ньскы (91, рядом с *бр*ѧ*цовъ*), цр̑ъ (203), бур*а* съ вихромь (225), ноѧбр*а* (306б), тр*ы*зноу (324). Сборник XVI в. Позн.: кор*э*нье (149), пр*э*мире (186), Дмитр*э*евичъ (260), тр*э*тюю (188), ср*э*бро (99), пов*ѣ*тр*э* и др., внутрѣ (167), говор*ѹ* (93), цар*а* (168), в*ѣ*р*э*те (212), нев*ѣ*рѣ (248), Тр*ы*щанъ, Р*ы*чардо (129), Р*ы*ѵ̑съ альтусъ (Riuus altus 213), Даналбр*ы*го (131), ѵ̑мор*а* (135), говор*а*ть (123), ѵ̑зр*а*ть (94), л*ѣ*кар*а* (104), стр*а*снулъ (95), ростр*а*съ (151), зор*а* (153), ѧпр*а*нулъ (ib.), ѵ̑пр*а*мый (122), гор*а*чность (178), скур*а*ныхъ (174), звер*а*тъ (205), вр*а*ды (уряды, 288), пор*а*докъ (181), на вечер*ѹ*, къ вечер*ы* (120) и т. д. (Archiv IX, 364). Правильные орфографиче-

ские формы изредка тоже попадаются [цыприсова (121), чотыри (19) и др.] Статут 1529 г.: врaди нка (387). Статут 1588 г.: писарa (39), гдръ (1), теперъ (54), золотары (24), гдру (65), порaками (119), матерыстыхъ (7), пры насъ (10), прымовку (11), отвороные (28), напередъ (43), товарыши (61), прывильевъ (105), крывды (108), прычинъ (157), прысязе (342), порадку (194). Бел. Арх. I: вперод (1603), номераючи земли (1562), Бранеск (1548), господарa (ib.); II: до Грази (1534). Тайна тайных XVI в.: сѣнтабро^{м} (79б), стрычи (85). Библия Скорины XVI в.: вихоръ (Ц 172б), вихромъ (186б), цару (Ч 47), простру (И 9), крык (1 47б), пастыръ (Пр 26б), стрыщи (Б 57б), брытва (Ч 16б), рызъ (А 14б) и др. Катихизис 1562 г.: потѣраеть (3 посвящ.), потѣраютъ (86), ѳраники (57), царa (64), градыи (даже в ц.-слав. тексте, 217б), говорачи^{х} (101), ѳстерогъ (126б), господаромъ (54б), прыато (7б), сторычный (33б), пастыры (51), цары (53б), матеры (70б), теперъ (147, 104б), розшираютъ (68). Катихизис 1585 г.: тры (7). Евангелие Тяпинского 1580 г.: хорые (45б), Хрыстосъ (2), Хрыстовы (1), при морѳ (5), къ мору (46, морю), ѿмерать (8б), цръ (3, в ц.-слав. тексте, переданном с зап.-русск. оттенками). Библ. кн. XVI в. Вил. 262: крычу (20), крычитъ (14), ꙗ говорѳ (124), закрыча^{х} (129), товарыша (88), цро^{м} (122б), прaмы^{х} (101). Псалтырь XVI в.: брѳхо (18), на крыжѳ (21б, хотя по-польски na krzyżu), нѳтръ (11), ноутръ (30б), тры (32б), брытва (52б), ѿ крыкѳ (54б), псaтырѳ (57), корысть (при ц.-слав. **корнсть**, чешск. kořist, польск. korzyść, 66), горѳча (68), прѳ (**пьржѫ** accus., 44, 75б), крывды (82), зверъ (103), нозры (115б), товарыѣ (120б), выпраноула (121б), скрына (130—130б, skřině—skrynia), црѳмои (138б). Сборник XVI в. Чуд.: еппа рым скаво (159). Сборник XVI в. Кунц.: манастырa (5), пастырa (9), прыношахѳ (1). Евангелие 1616 г.: царъ (ei), теперъ (кг. б), зарѳ (2сз б), брыкихъ (кѳ б), брыдит' (л б), крык'ѳ (ка), трѡма (рн б), трѡ (2 рмз б). Сборник XVII в. Вил. № 107: сотворѳ (41), манастыромъ (33б), чотырy (15), манастырa (202б). Сборник XVII в. Син. № 790: календаръ (141б), теперъ (152), крыласа (клироса, 153б), отрымали (158), рострыга (173), цару (277 «РФВ»), брaски (282 «РФВ»). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: звѣръ (1б), царъ (190б, 7б, 40б), царѳ (165б, 193), ѡлтарa (57б), до ѡтарa (63, 63б при ѡтарѣ 63б), на ѡтарѳ (63б), ѡлтаровъ (92б), пекаръ (35б), агаръ (11б), абарою (ib.), агары (15б), внѳтрь (2б), теперъ (49), писаро^{м} (175б), писарa (247), в трома (2б), блгодарѳ (10б), ѳзрѳ (50, 92б), морѳ (53, 211), брѳхо (120б), крѳчко (61), ѳдаръ (48), ѳдарѳ (= ударь, ударю, 50б), буру (= разрушаю, 188), стрычь (75б), скрыни (60, при *схрини* ib.), скрынѣ (143, при *схриню* 143б). Псалтырь XVII в.: ѿворѳ (12б, 63б), розмѣрѳ (1-е л. 46), присмотрѳсѣ (132б), царѳ мо' (20, 79), ѿ пастырѳ израи^{л}ски' (72б), морѳ (113б, 154б), до морa (74, 116б), ѡлтарa (19б), писарa (22), ѳсмираѥ (24б), прагнѣ (17б, 79, 96), прáгнула (132б), ѱа^{л}тыро (42), теперъ (136, 147), вовнѳтрь (122).

Само собой разумеется, что в тех же памятниках, как отчасти попутно это уже указывалось между приведенными примерами, встречаются и правильные написания с *р* мягким — в одних памятниках больше, а в других меньше; но в тех же памятниках, как увидим из ниже приводимых примеров, нередки случаи соединения *р* с гласными *а*, *и*, *ю*, *ъ* вместо ожидаемых *а*, *ы*, *у*, *ъ*, т. е., повидимому, употреблено *р* мягкое на месте *р* искони твердого. Так мы имеем, напр.: Четья 1489 г.: днепра (247). Сборник XV в. Публ. б. № 391: которие (3), ригали (7б), проривала (11), вырити (63). Грамота 1499 г.: которій. Летопись Авраамки XV в.: прюскаа (185б), стариа (354б), р|данїе (151б), оукритиса (182). Статут 1588 г.: старие (37), которимъ (35), добрихъ (179). [Рядом с такими написаниями, конечно, есть и правильные: горячомъ (524), кривду (117), вряды (27), которые (41) и др.]. Гродн. Акт. кн. XVI в.: до Супряслы (3). Бел. Арх. I: Захаря (1694 Могил.); II: Дрижаки [1535 (XVII в.)], рижъ [1538 (XVII в.) Полоцк.]. Тайна тайных XVI в.: скорь словесы (89б). Библия Скорины XVI в.: крити, корись (если это не старина: **корность**, чешск. kořist', польск. korzyść), ридати, рицерское (В 3б), рибы (Ч 27), смудрими (И 34), старихъ (Ср 62б); но такие же случаи есть и с *ы* (Владимиров, Докт. Фр. Скорина, стр. 266); желнера (Ц 82б), зубра (В 30б). Катихизис 1562 г.: срѣбрю (12), ѡбрюсъ (13), берютъ (200), сарꙗю (100б), вꙗгорю (101б), ѿкрилъ (3б посвящ.), которихъ (11б), покриваѣтъ (19), которїе (72), рибы (79б), Кришковскїй (6 предисл., а в конце книги *Крышковскїй*). Катихизис 1585 г.: добрихъ (7). Евангелие Тяпинского 1580 г.: некотрие (43б), которий (3), которие (32б), дари (9), добрие (ib.), добрии, мудрии (35), которими (44б), грꙁеть (8), добримъ (26б), мудрихъ (35), рибу (16б), рибы (9, 51б 52, 53), рибокъ, риболовы (43, 44), въ гори (55), подъ крила (33, если это не отражение старинного написания: **крло**, польск. skrzydło). Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: по ринку (130б), ѡсподарињю (109), оуздрижала (129б). Псалтырь XVI в.: скрили (35), ѿригнуло (46). Евангелие 1616 г.: выражали (мв), крилѣю, оукрилъса (os б). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: после *р* вм. *ы* чаще *и*, но вместо *ъ* обыкновенно *ꙁ*: окрию (4), прикриѣ (3б), бриждь (59), сари (genet.) (11б), который и котори (172), котории (4), котори (45б), добри (4б), ласкавы и добри (37), литери (1), ѡфери (6), дари (accus., 38), на ѕбири (68), Кирꙗ царꙗ (255б). Псалтырь XVII в.: крилъ (5), гризли (55), ричачи (109), вѣри (genet., 8), гори (78б), добри (bonus., 129), быстри (celer., 148), которие (55б).

Как смотреть на приведенные написания? Видеть ли в них звуковое явление или только орфографические колебания? Как увидим ниже, употребление мягкого *р* в некоторых случаях вместо твердого бывает и в живой белорусской речи, но только в говорах северо-восточных или на границах между твердоэрыми и мягкоэрыми говорами. Естест-

венно, если бы оказалось подобное явление в памятниках, которые можно было бы приурочить к северо-восточной области Белоруссии, мы в примерах, подобных приведенным, видели бы живое явление языка. Очень может быть, что в Летописи Авраамки, писанной в Смоленске, в переводах Скорины из Полоцка и, быть может, некоторых других памятниках это было живое явление; но мягкое *р* вместо твердого находим и в памятниках, несомненно, писанных на юго-западе Белоруссии (Лит. Ст. 1588 г., Катих. 1562 г., Ев. Тяпин. 1580 г.), где уже нельзя говорить об *р* мягком на месте твердого, как о живом явлении; несомненно, здесь мы имеем дело с чисто орфографическим явлением. Для писца, который везде произносил твердое *р*, хотя и видел написания *ри*, *рѧ*, *рю*, *рь*, совершенно безразличным казалось написать подобные сочетания и на месте основных русских *ры*, *ра*, *ру*, *рэ*; так что, вследствие сказанного, и приведенные написания из старинных памятников с мягким *р* на месте твердого, как возникшие вследствие безразличного отношения писцов к написаниям с твердыми и умягчительными гласными после *р* или даже из опасения погрешить против употребления мягкого *р*, свидетельствуют об утрате уже в старину мягкого произношения *р* в белорусском языке. Эта особенность характеризует большинство белорусских говоров и теперь; и в настоящее время ученик-белорус, а иногда и прошедший обучение, допускает в произношении и на письме ошибки, подобные приведенным из старинных западнорусских произведений, а простолюдины, особенно неграмотные, часто физически не могут произнести мягкого *р* и при настойчивом стремлении к усвоению мягкого произношения сначала между *р* и умягчительным гласным как бы произносят *i*, затем особенно мягко произносят *р* и только в конце концов усваивают русский выговор. Все сказанное, конечно, относится лишь к юго-западной области, на северо-востоке *р* твердое встречается только спорадически. Для заезжих наблюдателей, каким в свое время был П. Бессонов, может даже показаться на основании беглого знакомства с записями из восточных областей Белоруссии, что современная белорусская речь знает почти повсеместно *ря*, *ре* (мягкое), *ри*, *рё*, *рю* вместо старинных, свойственных письменному языку, *ра*, *рэ*, *ры*, *ро*, *ру* («Белорусские песни», LXI). Конечно, совсем иначе представляют себе дело более внимательные исследователи белорусского языка, хотя они вдаются в другую крайность: так П. Шейн («Белорусские народные песни», стр. 529) утверждал, что «*р* не терпит за собою ни мягких гласных, ни полугласной *ь*».

После всестороннего рассмотрения вопроса о твердом и мягком *р* в современном белорусском языке по изданиям народных произведений, свидетельствам современных исследователей, особенно Е. Р. Романова, и нашим личным наблюдениям, можно придти к заключению, которое нами уже отмечено выше, что в этом отношении белорусская речь распадается на говоры твердоэрые и мягкоэрые. Приведем примеры

из той и другой области. Юго-западные говоры твердоэрые. Из сборников Шейна — Б. П.: рад, врад, цара, порадок, румка, горэлка, рака и т. д. (Зап. V, 813) — в статье об отличительных свойствах белорусского языка со ссылкой на Могилевскую и Витебскую губ., в текстах же песен обыкновенно стоят после *р* умягчительные гласные, хотя попадаются и фонетические написания: гóрки (acerbus, № 9 Лепп.), наварыла (ib.), горэ́лочка (ib.), господару (№ 139), трох (№ 164) и др.; его же Мат. I: рэчаньку (№ 4 Горецк.), рэ́дя (= рождáя, 21 ib.), посварылася (25 Борис.), запрагайце (27 Слуцк.), рабая (61 Слоним.), на яворы (76 Речицк.), говораць (34 Дрисн., 76 Речицк.), ядранистаё жита (145 Борис.), на подворъя (151 Игум.), сцярогъ (234 Ошм.); II: крычаць (1 Волков.), ўстрэкаець (4 Борис.), ўпярод (5 ib.), цяперъ (5 Волков.), сустрэ́ў, до цара (11 Минск.), бог говора (16 Игум.), пошли ик мбру (ib.), господара (20 Бобр.), дзерава 28 (Борис.), корашкй 31 (Горецк.), на раку́, бераж6к (47 Новогр.), чатырыста, государу (53 Речицк.), пирачитала (56 Свенц.), ўперот (57 Гродн.), бераг (59 ib.), встяроr (110 Гомель), устярагу (111 ib.), тры сыны (118 Полоцк.), звера (ib.), пирамерив (146 Клим.), удырыўшись (175 Мозыр.), кацярына (197 Витебск.), жарабенок (199 ib.); III: радком (237 Слоним.), трэба (252 Борис.) и т. д. Так как Романов приводит записи больше из местностей, знающих мягкое *р*, то в его собраниях примеров на вторичное отвердение *р* мало; приведем несколько из них: зарэжам (III, 90 Рогач.), у корань (I—II, 11 ib.), горувэць (41 ib.), серебрана серэжка (100 ib.), брухо (111, 20 ib.), рыгами (211 ib.), корэньня (V, 14 ib.), мора (ib.), царъ (70 ib.), паравезци (III, 27 Рогач.), пу тэй горэ (90 ib.), цару (IV, 48 Могил.), говору, румку (49 ib.), з горачыя крыви (V, 18 Гомельск.), царам (3 ib.), сустракала (5 ib.) и т. д. Отвердение *р* столь обычное явление в записях из рассматриваемого района, что можно было бы привести бесконечное число примеров, но они ничего нового не внесли бы; поэтому для образца ограничимся очень немногим: багатыр (Ляцк. Посл. 3 Борис.), цара (ib. 9), з граззю (ib. 13), цяперъ (Розенф. 81 Минск.), сьцярóх, скрыпка, ўрэ́мя (Малев. 11 Слуцк.), гбрачо (ib. 20), ruoų mora (Федер. I, 96 Волков.), uhràz (ib. 110), bura (ib. 154), prychodzić (ib. 139 Сокольск.), achryścić (ib. 142 Слоним.), zara (ib.), zahrymič (151 Лидск.), kroku (II, 292 Волков., 303, при русском *крёх*), na pièradzi (III, 25 Сокольск.), haworaś (ib. 26), piaramianìu (ib. 45 Лидск.) и т. д.; Клих (стр. 251) также утверждает, что *р* утратил мягкость в белорусских говорах (конечно, известных ему юго-западных); но перед основными *е* и *ъ* в новогрудском говоре он слышал смягчение *р*, которое временами производило на него впечатление не мягкого согласного самого по себе, но согласного, за которым был слышен мягкий элемент *і* (что он обозначает посредством r^{i} или $r^{\prime i}$): na dvarе, dvar'é и под. Очевидно, или Клих записывал подобные примеры у лица грамотного, которое старалось как-нибудь произнести мягкое *р*, или же — что вероятнее — он неумело записал дифтонг *іе*

на месте *ѣ*, чтб после *р* следовало бы обозначить латиницей посредством *ye*, т. е. допустил ту же орфографическую, так сказать, погрешность, какую в свое время сделал и Федеровский (II, XIX—XXI), писавший, напр., abrjèzÿwać, dvarjè, hrjech и т. д. В ответах на разосланные Академией наук белорусские программы из юго-западных говоров также сообщаются сведения об отвердении *р:* царъ, зыр*а*, р*ы*ка, гывар*у*, гавбр*ы*ць, сцяр*о́*г, ястр*ы*б, стр*а*льцы (Мат. Б. № 4 Могил. губ. Орш. и Сенн. у.), запрог (ib. № 5 Слуцк.), кр*ы*чы́ць, цяперъ, бярысяя (ib. № 6 Диснен.), р*а*бро, бр*ы*дкий (ib. № 7 Минск.), прад*у́*, гр*а*зь, дур*а*нь, запр*о́*гшы, выр*а*заў, добрэ, ур*а*тник, пярастала, сам*о́*му цар*ў* (ib. № 8 Игум.), прастяр*о*г, тяперъ (ib. № 9 Бых.), гр*ы*веньки, гр*ы*бы́ (ib. № 10 Мозыр.), ў бр*у́*ху, на р*а*ц*е́* пир*а*йшла, пар*а*док (ib. № 11 Новоалекс.), р*а*д, пяр*а*личиць, сир*о*д двору, ст*р*амёну (ib. № 13 Свенц.), ўтрох, гр*а*шчи, кур*а*ня́, тр*ы*м*а́* (ib. № 17 Речицк.), Петрок, пярабир*а*чка, цяр*а*с лес, выпр*а*г, тр*а*сца (ib. № 23 Минск.), ня пр*а*дзен, бяр*ы*, р*а*бина (ib. № 24 Новогр.), царъ, стер*о́*г, тр*ы*м*а́* (ib. № 27 Ленн.), запруог (ib. № 29 Новогр.), багатыр*ы*, тр*ы*б*у́*х, р*а*шотник (ib. № 31 Вилейск.). Из моих заметок во время поездки в 1903 г.: цеперъ (Отч. 8 Иллукст.), зыр*ы*в*е́*ць, царъ, на стр*а*с*е́* (ib. 9), гавар*у́* (ib. 10), гавбр*а* (ib. 25 Гомель), хрост, царъ и царь, гывар*у́* (ib. 26 Орш., хотя преобладает правильное употребление *р* мягкого), гавбрэ (ib. 27 Речицк.), р*а*к*а́* (ib.), р*у*мочку (ib. 28 Мозыр.), бэр*ы́* (ib. 30 Пружан.), говор*у́* (ib. 32 Белост. у.) и т. д.

Северо-восточные говоры мягкоэрые. Из этих говоров примеров придется приводить очень мало, так как в них удерживается такое же произношение *р*, как и в литературном русском языке. Из этих говоров целесообразнее отметить отступления в другую сторону — употребление мягкого *р* там, где должно быть твердое; равным образом будем указывать, где при господствующем правильном употреблении мягкого *р* спорадически встречается и *р* вторично отвердевшее. Естественно, что в местностях, пограничных с твердоэрыми говорами (что иногда бывает даже в одном и том же уезде), наблюдается смешение *р* твердого и мягкого; чем больше будем отодвигаться к северо-востоку, тем все правильнее употребляется мягкое *р*, хотя изредка и здесь попадается *р* твердое на месте мягкого и даже *р* мягкое на месте твердого. Приведем примеры сначала из пограничных областей. Себеж. у.: в Мат. Б. № 26 Ф. Колотовкин сообщает, что *р* произносится так, как следует, исключая слова *сахарь* и *знахарь*, т. е. допускается мягкое *р* там, где должно быть твердое; в другом сообщении оттуда же (Мат. Б. № 28) В. Покровский утверждает уже другое, что вообще *р* произносится большею частью твердо; примеры приводятся смешанные: *царъ, гавару, на' зярэ, ярыну́, ўбярóмся, дрэнь*, но: *на ряку́, рика́;* в этом же роде сведения оттуда же и в «Опыте русской диалектологии» А. И. Соболевского [варя (73), цяперь (74), бярёза (ib.), но: хр*а*сцицель, пр*а*мо, звяр*ы* (ib.)];

в лежащем к востоку Невельском уезде и соприкасающемся с ним Городокском Витебской губ. уже отмечается мягкое *р* даже на месте твердого: старя́ццa, сахарь, ря́мка (Мат. Б. № 28), не говоря уже о правильных формах с *р* мягким: бяряжки (Ром. V, 14), хрящоному (ib. 290), трёх (ib. VI, 150), моря (ib.), но там же *пераяры* (Ром. V, 108); относительно следующего пограничного Витебского уезда имеем такие сведения: «Относительно твердого и мягкого произношения *р* не замечается устойчивости; в то же время видится, что в местном говоре как бы нарочно делается обратное произношение, напр.: кр*и*ша, кр*и*ло, ободр*а*л (ободрял), кр*у*к, кр*у*чо́к... старя́вся, чаи́ с сахаря́ми» (Никиф. Мат. Б. № 18); там же и правильное употребление: кряжжё, кряжи́ны, сюды зирь, цырянушка, но — *дрижить*; такие же данные относительно этого уезда встречаем у Романова: рябоху (V, 1), беряги (ib. 15), Прячиста (ib. 34), беряжи (ib. 41), бярёзка, кряпчей (ib. 59), типерь (VI, 203), но — кр*ы*жовы́е (V, 48), звер*а* (VI, 202), рябёнка и з р*а*бёнкым (ib. 203) (*а* и *я* подчеркнуты самим Романовым), мор*ы*м (ib.). Лежащий к северу Велижский уезд большею частью правильно употребляет мягкое *р:* цяперь (Ром. IV, 87), будуць пряжу прясь (ib.), ў тряпкых (ib.), пераксцилася, запрёх (ib.), даже *стрясь* (страсть, ib.), но также *пругож* (88 ib.) Лежащие к северу южные окраины Псковской губ. уже не знают смешения *р* твердого и мягкого (ср. Отч., 12, относительно Великолуцкого уезда). Мягкоэрые говоры Могилевской губ. все знают в той или другой степени смешение мягкого и твердого *р*. Зародыши этого явления можно наблюдать уже среди твердоэрого населения, напр., Оршанского, Могилевского и даже других уездов: ряка и — р*а*ка, царъ, говор*у*, старяться (Мат. Б. № 32 Орш.), царь и царъ стыряцца (Отч. 26 ib.), моря (Дем. 43, 532 Могил.), пасирёд (ib. 42, 532), гор*а*чия (Ром. V, 26 ib.), но заря (ib.) при *зара* (ib. 38), пер*а*стало (ib. 25) и др.; ряку, дворяку (Ром. I—II, 238 Сенн.), выпярьку́ (III, 264) ряце (ib. 246) и т. д.; даже далее на западе и юге встретим *р* мягкое: сцярёг (Дем., 16, 526 Гомельск.), ряд (= рад), старятца (Ром. III, 417 Бых.). В восточных мягкоэрых областях Могилевской губ., конечно, при преобладании правильного употребления *р* встречается и смешение твердого и мягкого *р:* Горецк. у.: цэрькви (Ром. IV, 16), ўцерьпив (ib.), черяпочку (ib. 61), ряцé (ib.), перямыв (ib.), цяперя (ib. 66), рябер (V, 8), царя (ib. 30), но — ляночак не пр*а*ден (Ром. I—II, 3), царъ (ib. V, 3), цар*у* (ib. 12), няўрэдна (ib.) и даже — дряць (Ром. V, 101), топорём (ib. IV, 52); Чаусск. у.: звярёв (Ром. IV, 10), посмотряць (ib. 41), дóбря (ib. V, 77, = **добрѣ**), но — пряжи́ла (Ром. IV, 40, из *пражила* — прожила), неспрявядливость (ib. 41), зарябúць, обрябев (оробел) (ib.), зряботано (ib. 45), ободрявсь (ib.); Черик. у.: пациряв, чирéз (Демб. 28, 529), уперяду, у серяду (Роман. III, 254), черявики (ib. IV, 130), вячеряць (ib. 131), Прячистой (ib. V, 21), но — ў страсé (в стрехе, Ром. I—II, 241), спр*а*же (ib.), пер*а*вѐрнетца (ib. IV, 131), старятца (Собол. Опыт, 82); то же и в уездах более

восточных: Мстисл. у.: ярь (Ром. IV, 184), грячихи (ib.), жерябёнка (ib. 186), скряни (ib. V, 175), горючия (ib.), но — чераз (Ром. I—II, 101), орол (ib.), повечерай (ib. 102), наговоруся (ib.), пругожая, прасци (ib. 244), прыговорыть, говоры, тры («Сб. белорусск. заговоров начала XIX в.») (ср. Отчет о присужд. премий П. Н. Батюшкова. СПб., 1904, 21); в Клим. у.: писарь (Ром. I—II, 20), царя, царьскому (Ром. III, 121), запрягали (ib.), рячей (ib. 120), рябешачка (ib. 205), но — ў горасци (Ром. III, 120), говоруць (ib. 36), повячерав (ib. IV, 127) и даже — старявся (ib. III, 121), старяйся (ib. 132), постарявся (IV, 197), нарядзив (ib. 127). Смешение твердого и мягкого *р* известно и лежащим к югу белорусским говорам Черниговской губ. [ср. Собол. Опыт, 99: бяроза, но — трясти (Сураж., там же Новг.-сев. у.)]; восточнее, в Акулицкой волости Брянского уезда, этого смешения уже нет: Ягорья, пирявбс, ряки (Отч. 22). Самые крайние белорусские говоры на востоке занимают юго-западную часть Смоленской губ. В настоящее время эти говоры, подвергшись сильному русскому влиянию, утрачивают некоторые белорусские черты; что же касается *р*, то по свидетельству Добровольского («Смоленский этногр. сборник», 1, 16, 86, 88, 89, 90, 91 и 92) вообще заметно смешение *р* твердого и мягкого (прасветлый, дохтарь, сталярь, румка, кряпива, товарыщи). Это огульное утверждение подтверждается и данными, собранными по отдельным уездам; причем, однако, самые восточные уезды не смешивают *р*, как можно видеть из следующих примеров, по уездам Рославл.: на пирякраи (Добров. I, 174), гримучая (ib. 177), бирягй (ib. 208), нутрёў (ib. 209), тримать (ib. 210); Красн.: грючить (Добров. II, 1); Смол.: бирягов (Добров. I, 179), мать — Прачистый (ib. 186), апрядялил (ib. 224), несколько рядей (ib. 225), гряхи (ib. 325), аряхоў, жарёху (ib. 715), ср. еще Отч. 20; по Пореч.: хрябетный (Добров. I, 180), морй (ib.), гарючу (189 ib.), чарыўники и чарыўники (ib. 213); по Духовщ.: миряни (Добров. I, 310), пряма (ib. 312), пумарю (ib. 313), у Питирь (ib. 713), угорь (ib. 311), но тут же *угдръ*, угра и *вугра;* Бельск.: на брюхи (Добров. I, 69), трясца (ib.), рятуй (ib. 70), бирягитя (ib. 350), запрёх (ib. 352), упирёд (ib. 666), даже — дрюх (ib. 16.91), дохтарёв (ib. 706, ср. еще Отч. 16—17). Самый северо-восточный угол с некоторыми белорусскими особенностями — это юго-западная часть Ржевского уезда Тверской губ. Здесь *р* вообще выдержан правильно: цяперь (Отч. 18), перед (Пятрóм ib. в М. Туде), не как общая особенность, у меня отмечено даже *царъ* (Отч. 19).

Из предыдущего выяснилось, что в разных белорусских говорах не одна и та же судьба основного русского *р*. Отсюда понятно, почему и на месте старинного сочетания **рьj** в одних говорах нет удвоения *р*, тогда как в других оно есть, как это мы видели выше.

Ничего общего с удвоением *р* под влиянием следующего *j* не имеет усиленное его произношение, иногда наблюдаемое в некоторых гово-

рах: змирр̀но (= смирно, Ром. III, 196, Бых.), сярр̀едний (ib.), прр̀ошнувсь (ib.), рр̀ежуць (ib. 197), br̀àźnie (Федер. 30 Волков.), tr̀eś (ib. 93), pr̀osto (ib. 161), pr̀uć (ib. II, 323), zacirka diur̀r̀ (ib. III, 86), особенно в возбужденной речи, при ругани: чер̀р̀ци (Мат. Б. № 4).

Согласный *р* вследствие резкости своего звука в белорусском вообще не подвержен переходу в другие звуки. Впрочем, как и в других языках, если в слове есть несколько *р*, происходит диссимиляция этих звуков, вследствие чего один *р* переходит в *л*. Таковы, напр., случаи: алар (орарь, Сл. Нос.), то же в старинных западнорусских произведениях: уларь (Акт. Зап. России, I, XV в.) («РФВ», XII, 26), дiлка бўларьнаго (Лет. Авр. XV в., 410), впрочем, это слово, как иностранное и ненародное, для белорусского языка малохарактерно; таково же *крилосъ* (гр. 1499 г.), как и русское народное вообще, *Люрихъ* (4 Супр.); более типично — *сребляные* (Шейн Б. П. № 139), но такое произношение неповсеместно, ср. еще sreb*l*eńy słupok i załatý (Клих, 204 Новогр.). В иностранных словах и других, вследствие народного перетолкования, возможно появление *л* на месте *р*, напр.: лефе́тӧр (ефрейтор, Сл. Нос.), ли́мар (ib.) и производные от него (шорник), калидор, калаурить (Добров. I, 16.83), л'и́цар (рыцарь) и др.]. При склонности белорусов в начальном слоге ставить *л* при *р* во втором, естественно, и сохранение в первоначальной форме слова *тале́рка* (ср. Мат. Б. № 7, 8, 9, 10, 13, 14, 18 и т. д., Ром. IV, 100 Сенн., повсеместно), нем. Teller при литературном русском *тарелка*. Сохраняет старину также иностранное слово *ве҃блюдовъ* (17б Библ. кн. XVII в. Толст. № 159); полонизм в *пелґримо*м (11 Псалт. XVII в.).

Мнимый переход *р* в *в* представляет *хвабры* [на хвабром кони (Ром. V, 77 Чаусск.)], которое имеет для себя аналогию в чешском chabry (Gebauer. Hist. Ml. 1,353, и его же Slovnik starčeský). Очевидно, *р* в этом слове выпало, а после *х* перед *а* развился *у̯*, на месте которого явился *в*.

Появление *и* на месте *р* в слове *и'а́хрут* вм. *ра́хрут* следует объяснять народной этимологией этого слова (из *нехрутить*).

Вследствие резкости своего звука и способности обращаться в слоговой *р* вообще не подвержен выпадению. Однако, когда с утратой глухих получалась группа, очень неудобная для произнесения, то и *р* мог выпасть. Мне известно, однако, таких только два слова: *гончар* и производные от него — *гончарка*, *гончарова́ць* (Сл. Нос. и др.) из *гърнчарь* (как и в русском литературном языке) и *ксцины* (напр., Мат. Б. № 11, 14, 15, 18, 32 и др. Сл. Нос.) и производные от него, при *хрысц'и́ны*, из *хърстины*, как и в польском произношении (chrzciny).

Повидимому, вставочный *р* в наречии *прӧсл'а*, *прасл'а́* — после, встречающемся в некоторых говорах юго-западной Белоруссии: praślè Wielìkadnia Федер. I, 350 Волков., pierajszu̯òu pròśla tabò jakìś czas II, 114 Слоним., próśle taho ib. 132 Волков.

Л

Древнерусский звук *л* в белорусском языке подвергся следующим переменам.

1) Явились новые случаи его вторичного отвердения. Именно на бо́льшей части белорусской территории, начиная от крайнего юго-запада, звук *л*, за которым когда-то стоял *ъ* в суффиксах *-ьн-*, *-ьц-*, *-ьст-*, после утраты в произношении глухого звука уподоблялся следующему за ним твердому согласному и становился твердым. В этом отношении белорусский язык представляет полную противоположность русскому, в котором отвердение согласных, стоявших перед твердыми, именно не распространилось на *л*, которое в указанном положении осталось мягким. Нельзя сказать, чтобы и в белорусском языке отвердение *л* произошло во всех случаях и на всей территории. Мы можем привести только единичные случаи этого перехода: очевидно, влияние русского и отчасти польского произношения действует сдерживающим образом на белорусское отвердение *л*. Так дело, повидимому, обстояло в этом языке все время, так как и древние памятники не дают много примеров этого перехода; да кроме того, как это уже отмечено в главе о старинной орфографии, древние писцы часто не обозначали мягкости *л*, так что, встречая в рукописях и старопечатных книгах написание *л* вм. *ль*, еще нельзя вполне решительно утверждать, что мы имеем дело с *л* твердым. К приведенным в палеографическом очерке примерам здесь прибавим следующие: Грамоты и акты: Смо*л*нане (ок. 1230 г.), ме*л*никъ (гр. после 1341 г. Кест. и Люб.), во*л*на [вольная, 1536 г. (В. А. 27)], по*л*скимъ [1432 г. (В. А. 4)], ви*л*ни (Вильни ib.), се*л*цо́ [нач. XVI в. (М. А. 1)]. Сборник XV в. Публ. б. № 391: нава*л*ностїю (7) (хотя знак ' может обозначать здесь иь), па*л*ци (63 б), па*л*цемъ (81). Литовские летописи XV—XVI вв.: бо*л*ши (3 Вил.), бо*л*ше (12 ib.), ве*л*ми (3ib., 4 ib., Крас. 65), ѡ[х]га (Олега 82 Крас.) (пример сомнительный), подо*л*скую (14 Вил.). Катихизис 1562 г.: пи*л*ными (1б посвящ.). Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: *л*ва (64б), ко*л*к'о (сколько 46). Псалтырь XVI в.: *л*во[ч] (35б, 57б), *л*в'а (93б, но — *львенята* 104), 'а*л*бо̀ (50 б), а*л*'ботъ (ib., и здесь, как и раньше, знак ', может быть, указывает на мягкость *л*), си*л*не́йши (19), прили́ *л*а (46, 61б). Евангелие 1616 г.: па́*л*цѡ̀въ аі. Сборник XVII в. Вил. № 107: па*л*цы (26б), ѕ Мѣ*л*цехъ (собств. имя, 33). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: зубы бѣ*л*ше (42б), бо*л*шей (49), в ко*л*ца[х] (60б), выпѫща́*л*ныхъ (74), *л*виного (264 б). Псалтырь XVII в.: *л*во[ч] (1, 4б), *л*вѧто[ч] (43), ве́*л*ми (8, 128), фа*л*шъ (4б, при польск. fałsz), нава́*л*но[ч]ти (8), бо*л*ше' (20б), неприате[х]ми (43б), по*л*ны' (*поле*ѧ*ой* из *польный*, 103), доку́*л*же (8б). Как можно видеть из приведенных примеров, *л* становится твердым вообще перед твердыми согласными, а не только перед *н*, *ц*, *с*, перед которыми чаще всего происходит указанное отвердение.

Обращаясь к свидетельствам современной белорусской речи по указанному вопросу, находим следующие случаи с отвердевшим *л* перед твердыми согласными (преимущественно *н, ц, с*): пал̀цы, кол̀цо, мал̀цы, довол̀но, бол̀но (Бодян. № 162 л. 7 Смол.), пал̀цом (Ром. V, 88 Орш., I—II, 227 Гомельск.), бобыл̀стви (ib. IV, 160 Мстисл.), бол̀но (41 Горецк.), сил̀ный ib. III, 94 Бых.), довол̀ны (ib. 182 Клим.), крыл̀ца (ib. 188), цѣл̀ный (ib. V, 83), мал̀цы (ib. I—II, 230 Сенн.), мал̀ъцы (Добров. I, 16.85 Красн.), сил̀ъный (Добров. I, 16.85 Смол. у., 148 ib.), śiłno (Клих 207), pałcy, widełcy (Чечот 1848 г. 113), na pałcy (Федер. I, 62 Волков.), сал̀цо [Мат. Б. № 21 Слуцк. (Морочь)], давуо̀лан (132 Сержп. 1926 Слуцк.) (па̀лац — у него же), sałco (Клих 203 Новогр.), стра̀лца (Шейн. Мат. II, 26 Горецк.), крыл̀цом (Розенф. 33 Вилейск.), на зацял̀ку (ib. 27), kołce, pałcy, piłnować, ćełny (рядом с kolcy, palcy, pilnowás, ielny), ńeśmerteł̀ny, łnu (рядом с lonu) и т. д. (Клих 255 Новогр.). Подобные же примеры находим и в ответах на белорусские программы почти со всей территории, где слышится белорусская речь, кроме северных частей (Себеж., Витебск. и Лепп. у., где подобная черта не отмечена): пал̀цы, видэл̀цы, сил̀на, довол̀ный, мал̀цы, стра̀лцы (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 Игум.), здесь еще: кол̀цэ, са̀л̀цэ, рыл̀цэ [9 Бых., 10 Мозыр., 15 Игум., 16 Бых., 17 Речицк., 19 Белост. (Городок), 31 Вилейск. и др.]. В одних местах подобных примеров указывается больше, в других меньше.

По недостаточно ясным для меня причинам иногда отвердевает *л* и в других положениях. Таково общебелорусское *пылъ* (м. род) — пыль [пылъ поднявся от ветру (Сл. Нос.)], местное — стол̀аръ (Ром. III, 322 Рогач.). Довольно нередко написание *-ла-, -лу-* в старинных западнорусских произведениях, причем на подобные написания можно смотреть и как на обозначение отвердения *л* и как на неискусную передачу сочетаний *-л'а-, -л'у-*, т. е. *la-, -lu-*. Примеры: кол̀утъ (гр. ок. 1479 г.), того дел̀а (деля, 8б Сб. XV в. Публ. б. № 391), прокл̀аты (82б ib.), ѿтол̀а (97 ib.), л̀ахомъ (3 Лет. Пер. Сузд. XV в.), пл̀асаша (19 Лет. Авр. XV в.), перел̀ославл̀а (114б ib.), настрѣл̀анъ (233 ib.), въ Авел̀у (231 Катих. 1562 г.). Написания *лысхавицѫ* (131б Псалт. XVI в.) при *блисхавицы* (97б ib.) не представляют ни отвердения, ни умягчения *л*, так как то и другое слово передает подобное чередование в польском языке (bliskawica и błyskawica), под влиянием которого, вероятно, и допущены отмеченные написания. Преобладает в современном белорусском, впрочем, *бл'ісхав'ица* или *бл'исха́ўжа*.

2) В некоторых местах Могилевской губ. наблюдается неорганическое умягчение *л*, для меня совершенно непонятное, это в слове *польный* (Мат. Б. № 4 Орш. и Сенн.), *на польную волю* (Ром. IV, 185 Мстисл.), то же и в других местах. Вероятно, подобные образования следует возводить к древнерусскому *пъльнъ*, представляющему огласовку второго полногласия. Не ясно умягчение *л* в слове *лацно́ути* (алкати, 55б. Сб. XV в. Публ. б. № 391), польск. łaknąć.

3) Особенно замечательным изменением древнерусского *л* твердого в белорусском языке является переход его в *ў* неслоговое (*u̯*) в тех случаях, когда оно стоит после гласного в слоге закрытом, ставшем таковым после утраты *ъ*. По этой черте белорусский язык сближается с украинским. Вероятно, первоначально в том и другом языках подобный переход в *ў* был возможен только на месте др.-русск. *-ъл-* из осн. слав. *-ъ̯l-*, так что из *-ол-* являлось *-оў-* (воўк из др.-русск. вълкъ); затем такой же перемене было подвержено конечное *л* в несклоняемом причастии прошедшего времени (*ішоў* из **шьлъ**, *даў*, *быў* и т. д.); наконец, это *ў* из *л* зашло в слоги закрытые в середине некоторых немногочисленных слов после других гласных (*поўтара́*, *Даўма́тоўцына* из *Долм-*, *жаўн'а́р* из *жолн-*, *ма́ўпа* при *ма́лпа;* очень редко в других подобных словах).

Предполагать подобную последовательность меня заставляют следующие обстоятельства. Русский и особенно белорусский звук *л* твердое, вследствие своей заднеязычной артикуляции имеет тембр, близкий по акустичному эффекту к гласному *у* [ср. С. Булич, О произношении русского *л* (польского ł). — «РФВ», XXIII, 83]. Отсюда естественность перехода *л* в *ў;* но склонность к такому переходу могла развиваться после гласных, подобного же, как и *у*, происхождения, а таковым несомненно является *о*, которое в белорусском, часто становясь закрытым, очень приближается к *у*. Аналогичное явление в этом отношении представляет язык сербский, где на месте основного славянского *ъ̯l* также имеем звук *у*, как дальнейший результат заменителя слогового согласного при посредстве гласного *о* с *у* неслоговым. Когда *ў* развилось на месте *л* в слоге закрытом в указанном положении, то, естественно, по аналогии появления такого *ў* могло возникнуть тоже *ў* и на месте *л* в закрытом слоге вторичном, каковым чаще всего оказывался конец причастия на *-лъ* вследствие утраты в произношении глухого. Сербский и словинский языки в этом отношении опять могут составить для нас аналогию.

Наконец, даже если стать на почву только белорусского языка, то и здесь мы найдем для высказанных соображений подтверждение: в середине слов, как увидим из примеров, *ў* является только в сочетании *-оў-* на месте др.-русск. *-ъл-;* если иногда встречаем его и на месте основного *-ол-*, то, очевидно, это *-ол-* в более позднее время смешано с *-ол-* из др.-русск. *-ъл-*. После других гласных на месте *л* в середине слова *ў* встречаем очень редко, как плод аналогии, так сказать, правильных образований с *ў*. После других гласных в середине слов поэтому *л* твердое сохраняется в белорусском без перемены (ср.: гара́лка, га́лка, кава́лка, го́лка, кача́лко, в'и́лк'и и т. д., см. еще Клих 249—250; звук *к* здесь не причем: во́ўка).

В конечных слогах *л* = *ў* только в прошедшем времени: имена существительные в именительном и других падежах на конце знают только *л* твердое (вол, кол, ку́б'ал, дз'а́ц'ал, кобы́л, арбл, м'ил и т. д.). От перехода в *ў* звук *л* в таких случаях удержала аналогия других

форм подобных слов, где *л* стояло перед гласным. В причастии на *-лъ* этого не было потому, что самый переход *л* в *ў* в этих причастиях произошел, как я указал, довольно рано и, кроме того, аналогия форм с *л* была не обширна.

Переход *л* в *ў* в указанных положениях общебелорусский; отступления от него встречаются больше на окраинах (кроме южной); поэтому примеров можно бы привести массу, но мы ограничимся немногим: тóўстаго (Шейн Б. П. № 7 Лепп.), шоўкóвые (ib. 8), сóўнцем (ib. 128), ўзяў (ib. 66 Витебск.), бувáў, пробувáў (ib. 141), браў (ib. 2 Лепп.), даў (ib.), моў (= молви), (ib. 142 Диснен.), совнушко (Ром.[1] III, 127 Клим.), довжны (ib. 95 Бых.), дювбать (из *дз'äўбáц'*, ib 12 Рогач.), подоткнуўся (137 Витебск.), ковбасу (ib. IV, 32 Горецк.), мувчать (ib. V, 34 Ветка и т. д.), прамаўчал (Добров. I, 666 Бельск. Смол. губ.), ваўкá (Ляцк. Посл. 5 Борис.), гарэ́ў (ib. 7), маўчы́ць (ib. 30, но *гол* ib. 8); вуб́ўк, стуб́ўп, туб́ўсты, пуб́ўны, быў, даў и т. д. (Малев. 11 Слуцк.); в Мат. Б.: пóўны, вóўна, баўтýн, жаўтóк, чаўнок, тоўсты, муўчаць, абмуўляць, вуўнянка, вуўкулáк, ныгами ўсё буўтáиць, куўбасы, жуўнá, куўзáцца (№ 4 Могил. губ. Орш. и Сенн., но *гарэлжа*, *кабы́л*), даў (но *стол*, *пол*, № 5 Слуцк.), маўчáць (но *кол*, *кобылка*, № 6 Диснен.), жыў (ib.), пашоў, увязáў и т. д. (ib.), даўжыня́ (№ 7 Минск.), ўспамянýў, грамянýў, минýў (ib.), дóўги, éздзиў (но *вясёл*, № 8 Игум.), покрáтаў (ib.), вы́цягнуў, хацéў (ib.). «На месте *л* твердого слышится *в:* дав, быв, довжына, мовчать и т. д., а не *ў*», № 9 Бых. Не знаю, действительно ли здесь *в*, а не недоразумение со стороны наблюдателя, так как в других ответах на программы обыкновенно отмечается, что получившийся на месте *л* звук ближе к *у*, чем к *в*, или среднее между *у* и *в* (ср. № 4, 6 «совершенно почти схож с *у*»; 8 «переход этот ближе к настоящему *у*»; 13, 27 «у молодежи слышится *в* и *ў*»). Продолжим примеры: остáўса, боўтáць, косúў (но *лба. солдат*, *лгаць*, № 10 Мозыр.), церш̆э́ў (ib.), зрабиў, даўжынá (№ 11 Новоалекс.), убрáўся (ib.), азя́ў (13 Свенц.), абмаўля́ць (14 Новоалекс.), як жив Нестирка, крутив, питав, ехав, став, вярнувся (16 Бых.), довга (ib.), радоваўся (17 Речицк.), проéхав дывжиню́ (18 Витебск.) (и замечание: такое *у* ближе к *в:* пошов), с дóўгим, здамáў (21 Слуцк.), опáў, памóўка (23 Минск.), быў, ўзяў, поўный (но *гол*, 28 . Себеж.), касиў, еў (ib.), абаўдзéў, маўчú (31 Вилейск.) и т. д., пярапéўцы (перепелке, Отч. 7 Новоалекс.), а рцбцпасzу (Федер. I, 5 Слоним.), рцоц darohi (ib. 21 Волков.), ацtará (олтаря, ib 6), rusáцka (ib. 76 Сокольск.), hółaц adarwáц (ib. 110, Волков.), wцoцkámi (ib. 193) и т. д., zaiš́oц, raźiцś́o, kínuц, vóuna (также vóцvna, vó[n]wnaju), sóцńejko (но sónco из sóцnco) taučý и т. д. (Клих 249). Из слов *пóўны*, *чоўна* звук *в* (из *у*) зашел и перед гласный: пóвин, чóвин (Мат. Б. № 4, 18 Витебск.), чóвян (5 Слуцк.), чóвян (11 Новоалекс.), тóвист (при *тоўстый*,

[1] В данном случае и в других Романов часто пишет *в* вместо *ў*, притом довольно непоследовательно.

Сл. Нос.) и т. д. В гласном *е* и его заменах в этом слове следует видеть следы второго полногласия, хотя *е* в сочетание *-оўн-* могло бы быть здесь вставлено и в подражание суффиксу *ен* (=ьнъ: славен, ровен). К случаям, где появляется *в* из *л* и перед гласными, относится еще: лен довег (=долог) Ром. I—II, 141 Гомельск.[1]

Переходу в *ў* подвергается, как мы говорили, лишь *л* твердое и притом стоящее только после гласного. Вопреки этому закону находим *ў* в редких случаях и при других условиях. Так, имеем *бо́ўшый* (Отч. 28 Мозыр.) (у Петрикова), где сначала, вероятно, *ль* стало твердым, а затем перешло в *ў; хто вжéць* (кто лжет, Зап. I, 457), где на обращение *л* в *ў* оказало влияние связное произношение (хтоўжéц'). У Бесонова (Б. П.) приведено несколько случаев с *ў*, где ожидали бы *л:* Мико́ўка (15), горо́ўку (21), хва́ўды (40); во все подобные случаи *ў* по ложной аналогии могло быть вставлено собирателем или издателем народных произведений, но по той же аналогии и говорящий мог внести в подобные слова звук *ў*.

На окраинах, кроме южных, можно находить и сохранение *л*, в чем следует видеть в одних местах влияние соседей русских, в других поляков. Если иногда в указанном положении встретим *л* твердое и в середине белорусской области, то в этом увидим влияние школы или военной службы. Примеры: ўзя*л*, увыйшо*л*, привяза*л* (Мат. Б. № 26 Себеж.), nakarmiłby, napoiłby, srebra, zlota nasypałby (Федер. I, 128 Волков.); даже Клиху спорадически случалось наблюдать подобное произношение: vžáł i pašół, načał и др. (стр. 250).

Подвергшееся вторичному отвердению *л* переходу в *ў* не подлежит. Отсюда естественное заключение, что переход *л* в *ў* совершился раньше вторичного отвердения *л'*.

Как противоречащий аналогиям исторической орфографии вообще и не имеющий соответствующего обозначения в существующей азбуке, переход *л* твердого в *ў* находит мало случаев для своего подтверждения в старинных западнорусских произведениях. Там изредка на месте ожидаемого *ў* из *л* встречается *в;* иногда же наоборот пишется *л* и на месте *в* основного, особенно в глагольных формах (окончаниях причастий прошедшего времени), так как для писца-белоруса один и тот же звук слышался в окончании в формах *взялъ* и *взявъ*; если затем деепричастие прошедшего времени оканчивалось на *-вши*, то и перед *-ши* писцы находили возможным ставить *л*, произносимое ими как *ў*, на месте этимологического *в*. Приведем примеры: Грамоты: Витозда (из *Витолда*, 1442 г.), Вовчькевичъ (1497 г.), обѣстився (до 1500 г. Недешев), довгость (1557 г. ib.) и нек. др. случаи; *при князи Витолде* и *при кн. Витовте* (Бел. Арх. I 1624). Четья 1489 г.: не вдовзѣ (247, поправлено на *вдолзъ*). Сборник XV в. Публ. б. № 391: коли оу теле жи$^{\wedge}$ е́сми бы$^{\wedge}$ (27 б), где на *жи*$^{\wedge}$ можно смотреть, как на *жиў* = жилъ. Тут обращает еще на себя внимание передача неко-

[1] В «простыг» (простых) Ром. III, 28 Сенн. *г*, конечно, не на месте *л*, а явилось из *простыпуць;* значит, здесь *л* отпало после *г*.

торых форм глагола **млъвити**, который по-белорусски должен был бы звучать *моўвиць;* это: молви̑ писмо (50), молы̑ (5, 45), молы̑ єванкгелиста (50), молы̑ крисостому (6б) мола̑ (48б), молатъ тежъ и жидова (52), молать (85). По всей вероятности приведенные необычные формы представляют искусственные написания, явившиеся плодом орфографического компромисса между народными образованиями с *моўв-* и книжными с *молв-* (ср. *млъвить* в рук. Син. б. № 367). Литовские летописи XV—XVI вв.: случаев появления *в* (= *ў*) на месте *л* встретилось несколько, но довольно сомнительного достоинства: большею частью в формах прошедшего времени, на которые можно смотреть и как на причастия, только употребленные своеобразно: А как *услышавъ* князь Святослав, што идеть на него Скиргайло, и онъ исполчивъ воя и поиде против (10 Вил.), А какъ к Вилни *пріехавъ*, князя великого Кестутья, оковавши, и послалъ къ Креву (7 ib., 33 Увар.), Ягаило *переступивъ* тыи правды мовитъ (7 Вил. = переступилъ — молвить, 33 Увар.). Некоторое отражение появления *ў* на месте *л* в *смовивши* (1 Вил.) рядом с *смолвивши* (27 Увар.). Сборник XVI в. Крас.: несомненных случаев, указывающих на переход *л* в *ў*, нет. Может быть, сюда следует отнести такие примеры: цр̑ь бо̑ше молч'а *видѣвъ* (35), где на *видѣвъ* можно смотреть и как на **видѣлъ** (plusquamperfectum), и как на **видѣкъ**; как *нарѣди*с*я* вышо*л* (491 Дубр.)' оу вольторокь 53б (Супр.), где *л*, произносимое как *ў*, поставлено на месте *ў* из *в* основного. Статут 1588 г.: сажавокъ (при *сажавка*, где *в* в закрытом слоге, 45), примовку (из *примолвку* — моўўку, 11). Гродн. Акт. кн. XVI в.: взглянулши (166). Тайна тайных XVI в.: сажевку (65). Библия Скорины XVI в. Рядом с формой *млвити* (Ц 142б) встречается: мовилъ (П 3), мовила (П 9б, из *моўв-*). Катихизис 1562 г.: абы єсь долг'о *живъ* на зем'ли (49б). Евангелие Тяпинского 1580 г.: тогды исусъ *пославъ* (посла, 28б). Псалтырь XVI в. Может быть, на переход *л* в *ў* указывает смешение *в* с *л* в таких случаях, как: ѡберну̑ши (71), взя̑ши (81б), пожи̑ши (91б), ѡвори̑ши (107б). Можно видеть здесь также влияние особого рода польской орфографии, хотя у Врубля в указанных местах *л* нет: obrocíwszy sie, będzie żyw. Сборник XVI в. Кунц.: мовити (2). Сборник XVII в. Вил. № 107: хотя бымъ — *видѣвъ* (66б), мовячи (93), шовъ (125), заклявши (167). Сборник XVII в. Син. № 790: жеребя волкъ *заевъ* (152б), громъ *гримевъ* (163б), ковзота (167б), оженився (172), шевковыя (281 «РФВ»). Сюда же относится: у волторок (156б, 162б, при *у вовторокъ* 139). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: и напере̑д всѣ̑х взявс'е бѡдова̑ (1), а ве̑шъе дѡбное едалъ, а̑ воды мѣсто росу *лиза̑* (10), бы*л* са*м* иса̑ *прода̑* (22), коли весь наметъ ѡшука̑ (ѡбы'скавъ, 25б), затвориво*с*я (32), пыта̑ (38б), все што *пославъ* (40б), и *живъ* р̑лѣтъ и видѣ*л* (43), и живъ амвра*м* лѣт р̑лз (44), кгды *кривс*я ѡ фараѡна (44б), дотъкнѡвс*я* (71б), и собра̑с*я* (43), самъ бы *собра̑с*я выкупити (77б), теды ѡслухавши мѣхиседекъ *ийшовъ* (9), ишовъ (3), Авраа*м* теды вставши рано додна, сына ѡбуди̑

и двȣ младе̑цовъ, и набравши дро̑ на ѡсла, *и'шо̑* на мѣстце на которое ему богъ росказа̑ (16б) Ика̑ко̑ тежъ *и'шо̑* зачатою дорогою (26), народъ — *ишовъ* зними (51б), бл̑вивши царꙗ *вышо̑* прочъ (41), абы̑ наше̑ (27), не наше̑ (25б), Богъ *наше̑* неправо̑ слугъ твои̑ (39), если наше̑ (43), перешо̑ есмъ (26), пошовъ (17б), всадивши — *пошо̑* (25), пошо̑ бы̑ (25), коли пришовъ (40б), былъ пришо̑ (7б, 28б, 32б). Псалтырь XVII в.: прина̑ ма. и в ыа̑ з во̑ (wybawił, 19). Таким образом, переход *л* твердого в *ў* по памятникам может быть прослежен только с XV в. Но так как это же явление известно в украинском языке, то можно предположить, что начало ему диалектически бы́ло положено еще во время общей жизни русского языка.

4) Говоря о заменах древнерусского *р*, мы отмечали, что если в слове встретится два *р*, то возможна диссимиляция слогов; то же иногда происходит и при двух *л:* одно из них переходит в *р*. Так в Литовской летописи по сп. Красинских читаем при *латыгала* (71б) — *латыгорьское* (ib.). Перехода *л* в *р* не представляют *переперки* [перепѣрокъ (84б Библ. кн. XVII в. Толст. № 159), перепе̑рки (112б Псалт. XVII в.)], так как это полонизм (przepiórki).

5) Уже общерусскому языку было свойственно появление в группах *бj, пj, вj, мj* звука *л'* на месте *j* в суффиксах, а основному славянскому языку подобное явление свойственно было и в корнях. В белорусском языке эта связь *j* и *л* изредка проявляется и теперь, как это мы видели из случаев чередования *j* и *л* (стр. 303); здесь отметим редкие случаи появления *j* на месте *л:* корабе*л*ьщики и корабе*й*щики Ром. (VI, 200 Мстисл.), *j*ustèrko (вм. *люстэрко*, Федер. II, 251 Слоним.), pòjen (вм. *повен*, ib. III, 58 Волков.).

6) Из приводимых выше примеров можно было видеть, что в слове *мо́в'иц'* звук *л* в древнерусской группе *-ѣл-*, обратившись в *ў*, слился с *в* и таким образом исчез; подобное исчезновение *ў* из *л* и в *со́нцэ*. Явление, свойственное белорусскому языку, как и другим восточнославянским языкам, — отпадение *-л* из *-лъ* в причастии прошедшего вр. несклоняемом после *р* (з'д'зор, ўм'ор), *к* (п'ок), *г* (мох), *з* (грыс), *с* (н'ос). Примеры из старинных произведений на отпадение *л:* рекъ (32 Лит. Лет. Увар. = реклъ 6 Вил.), побѣгъ (134 Брюкн., Archiv IX), вмеръ (126 ib.), ȣтекъ (184 ib.), здохъ (223 ib.), е̑сми є̑го перемо̑ (15б Псалт. XVI в.), бъ̄ — вспомогъ (87 ib.), выторгъ (23 ib.), рекъ безȣмный̑ (53б ib.).

Н

Звук *н* менее других подвергся изменениям в белорусском языке. Он обыкновенно сохраняет свой характер, унаследованный от древнерусского языка. Случаи отвердения *н* мягкого в современной речи встречаются в отдельных словах, напр., *л'и́н* (ли́на, Шейн Б. П. № 480 Лепп.) — общебелорусское (Сл. Нос.) и редких образованиях, похожих на описки: яблын*а* (Э. С. III, 209), се́н*ы* (сени, Шейн Б. П. № 670

Борис.), ски́нся (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 44 Новогр.), дн*у*е (ib. 63), син*а*му (Шейн. Мат. I, 355 Лепп.); чаще случаи подобного отвердения в старинных западнорусских памятниках, хотя нельзя поручиться, что в написаниях *н* + твердый гласный мы имеем дело с явлением фонетическим, а не орфографическим. Примеры: зад*н*ую (= заднюю, гр. 1399 г.), вѣрхъ*н*ого (12б Сб. XV в. Публ. б. № 391), ѝз оуч'*н*ами (35б ib.), ѵ̀ тен̂а̀ (44б) сров*н*а̂ѣтсе (59б ib.), с Добры*н*ою (15 Лет. Пер. Суздал. XV в.), кам*н*ами (41 Лет. Увар.), ию*н*а (163б. Лет. Авр.), при*н*ялъ (17 Сб. XVI в. Крас., чит. *принял?*), с'ров'*н*а̂ѣтсѧ (239 ib.), сров'-*н*аю̏сѧ̀ (247 ib.), въ име*н*ахъ (37 Статут 1588 г., чит. *именях?* из *им'ѣн'н'ах*), прорав' *н*ыва̂ѣ (29 Тайна тайных XVI в.), ров'*н*али (27 Катих. 1562 г.), ѵ̀рав*н*аю (133 ib.), приправ*н*ася (223 ib.), последны̀й дн̄ь (189 ib.), стародав*н*ыѧ (1 предисл. ib.), ближ*н*ого (22, 3 ib.). теперешн*н*ого (23 ib.), мѣ*н*шае̂ть (99б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), приров*н*аютьсѧ (94 ib.), тѣ*н*ъ кры (56б Псалт. XVI в.), прирова*н*ᵐсѧ (28б ib.), дн̄ы надн̄ы (60, 102б, 128б ib.), хотя здесь можно видеть и морфологическое явление; осе*н*ъ (165б Сб. XVII в. Син. № 790), вста*н*мо (182 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), столѣт*н*ому (12б ib.), не зров*н*ае̂ (82 Псалт. XVII в.), прирови̂ (86б ib). Среди приведенных примеров чаще всего встречаются образования от глагола *ровнати* при современном *раўн'а́ц'* и *раўна́ц'* [ровна́ць (Сл. Нов.) и при др.-русск. *ровнати*, между прочим, в Смол. гр. 1229 г.] и *ровняти* (И. И. Срезневский, Материалы, т. III, стр. 128), польск. równać, чешск, rovnati. Ясно, что здесь мы имеем дело не с чисто фонетическим явлением, а скорее с морфологическим — особым образованием.

Изредка *н* твердое подвергается вторичному умягчению. Однако в некоторых случаях о таком умягчении можно говорить только по отношению к русскому литературному языку, на самом же деле оказывается мягкость старинная; конечно, со временем по образцу старинных форм явились и новообразования. Относящихся сюда случаев нам известно немного: бара*нь*ком (Ром. III, 292 Орш.), стака*нь*чик (ib. 212 Бых., Мат. Б. № 28 Себеж.), же*нь*ский (Мат. Б. № 27 Лепп, и нек. др. места), же*нь*ский, дереве*нь*ский, стака*нь*чык, ку̂о*нь*ский (Мат. Б. № 29 Новогр. в окрестностях м. Любчи), *н*ю́жда, *н*южный чиловек (Мат. Б. № 18 Витебск.), довольно часто можно слышать наречие *конешня*, вероятно, взятое из польск. konieczn!e (ср. Мат. Б. № 5 Слуцк. и др.). Но особенное внимание обращают на себя слова с суффиксом *-ина*, которые повсеместно в Белоруссии изменили свое окончание на *-иня;* очевидно, здесь произошло смешение с суффиксом *-ыня* (= ъ нн): выши*ня́*, доўжы*ня́*, шыры*ня́*, таўщы*ня́* (ср. Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 и 15 Игум., 7 и 23 Минск., 9 Быхов., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 17 Речицк., 25 и 29 Новогр., 28 Себеж.), а в подражание им даже *старшыня́* (Мат. Б. № 8 Игум.). Старинным западнорусским произведениям также известны случаи вторичного умягчения *н*: бла̂говѣр*н*аго (72б Лет. Авр.), по полугрѣв*ни* (339б ib.) — оба примера недостаточно веские: в последнем можно

видеть простое смешение *и* и *ы*, что́ нередко в рассматриваемой рукописи, а в первом примере можно видеть смешение основ на *-ŏ* и *-ĭŏ*; особенно много таких примеров в Библии Скорины XVI в.: должи*ꙗ* (Б 15 и др.), в'должи*ю* (И 68б), шири*ꙗ* (Б 15 и др.), в'шири*ю* (И 70), выши*ꙗ* (Б 15 и др.), во выши*ю* (И 70, 72), свыши*и* (Пл 4б), глуби*ꙗ* (П 36), во глуби*и* (Пр 29б), г*ꙗ*съ (1 11б, 31 и др., **гѣоусь**, чешск. hnis, польск. gnus), по*ꙗ*кающих (И 61б), пророки*ꙗ* (И 30), г*ꙗ*шаютьс*ꙗ* (1 24б, ср. П. В. Владимиров, Докт. Фр. Скорина, стр. 270); в Сб. XVI в.: вышиꙗ, шириꙗ (Владимиров, Обзор, стр. 30); в Псалт. XVI в. явление морфологическое представляет умягчение в следующих словах: грѣши^{и} (38), куда *и* мягкое зашло под влиянием таких форм, как грѣшни^{й} (37б), ветрьни^{х} (103, **вѣтрьнъ**), недоста́ти' (58б); Сб. XVII в. Син. б. № 790: г*ꙗ*су (вонь, запах, 139б), из живой речи: камарэ́ча, авады́ й уселяки *г*ꙗ*с* во́чы им повыедали (Сержп. 59 Мозыр.).

По чисто физиологическим причинам переднеязычное *и* переходит в задненёбное ɷ (я, впрочем, своим слухом не улавливаю разницы между *n* и ɷ) перед *к* и *г* = *g* (в словах, заимствованных): žóɷki (Клих 25 Новогр.), z ráɷku (ib. 29), tóɷkaho, svárɷki, łáreɷku, stróɷgi и т. д. (Клих 256); тоже отмечено перед *г* и *č*: gałéɷźo, téɷča (ib., оба слова, взятые из польского); даже в связной речи конечное *н* перед *к* переходит в ɷ: ioɷ káže (Клих 258).

Есть несколько случаев, где язычный носовой *н* заменяется губным носовым *м*. Это общебелорусские да и общерусские *М'икала́й, М'ик'и́та*, известные и старинным западнорусским произведениям: *М*икита, *М*иколай (Бел. Арх. I 1694), *М*иколаевъ (2 предисл. Катих. 1562 г.), *М*икитѣ (11б Лет. Авр.), *М*икитинъ (163б ib.) и частные местные случаи: вымма́я (Бесс. Б. П. 20, из *вы́има́йа* — вынимая), позам*у́*зданы (Шейн Б. П. № 152 Витебск.), замузда́ць (ib.); под влиянием последних образований возникло *музде́чки* (Шейн. Мат. I, 538 Игум.).

Местной особенностью оказывается появление *л* на месте *н* в слове *свищелъник* (Мат. Б. № 28 Себеж.), *коло́пы* (вм. *конопли*, ib. № 16 Бых.), в этих примерах диссимиляция звуков; еще реже этот переход наблюдается в заимствованном слове *комната:* ў комлаци (Ром. III. 185 Рогач.). Не будет перехода *н* в *л* в najmiel̀szy (Федер. I. 117 Волков.), najmiel̀szu (ib. 178), sama miel̀sza (ib. II, 174), так как здесь можно видеть образование от прил. **мѣлъкъ**.

Как местную особенность отметим появление *й* на месте *н* мягкого после гласного в суффиксах *-ен'ж-, -он'ж-:* но́чейка, бу́сейко (ласкательное *аистик*).

Согласный *н* в некоторых случаях является вставочным и приставочным звуком. Так он вставляется не без влияния украинских говоров на юге вместо *j:* па́мн'ац' — **памать**, под влиянием *помн'ыц'*. Такие случаи, как *зн'ац'* (ст.-слав. **съмать**), *снедать* (Бесс. Б. П. 2 **съмѣдати**), не представляют *н* вставочного, а удерживают *н* основной, который скрывается в *ъ* предлога *съ* (cum). По образцу таких случаев в совре-

менной речи *н* иногда (но очень редко) является и помимо предлогов: каб не *н*яла (чтобы не брала, Ром. V, 99), а также вообще в качестве вставочного в *оны́ча, зануздáц', п'ярэн'áц', н'ухац'* (под влиянием предложных глаголов, как *зн'ýхац'*). Приставочного *н* в современном белорусском не бывает даже после предлогов на *-з* перед формами местоимения **н — ц — к**; стечение гласных здесь с удобством устраняется сохранением старинного *j*: *по ём, у яе, у их, за ёю* и т. д., т. е. *па jом, ў jайé, ў jих; за jóйу* и т. д. Старинные западнорусские памятники были более щедры на приставку *н:* они, повидимому, знали *н* и перед формами местоимений **н — ц — к**. Приведем примеры на вставочный и приставочный *н:* єсмь *н*алса (гр. 1386 г.), не *н*ати [гр. 1387 (21)], *н*атца (9б Сб. XV в. Публ. б. № 391), й *н*авши (27 ib.), йс *ни*[м] (22 ib.) (хотя *оу ёмъ же*, 42б ib.), абы како и *н*ати (98 Лет. Пер. Сузд. XV в.), в *н*ятство дали (13 Вил. Лет.), и *н*емъши его (73б Лет. Крас.), вероу емоу *ин* ли (41 Лет. Увар.). В последнем случае перед *н* приставочным даже развился *и*: не *н*алса (212 Лет. Авр. XV в.), ѵ *н*его (50 Статут 1588 г.), з *н*имъ (191 ib.); иногда этой приставки и не бывает: на_ихъ (83 ib.), женоу по*н*ати (64 Тайна тайных XVI в.), и *н*ати (87 Библ. кн. XVI в. Вильн. № 262), и *н*ахъ ѐго (83б ib.), не *н*али веры (80 Псалт. XVI в.), оу*н*иде (80б ib.), межи *н*ими (1 Псалт. XVII в.), еси *н*ею (45б ib.), пре[з] *н*его (65 ib.), з *н*ими (6 ib.).

В одном старом памятнике встречается странный пропуск *н:* ни _Ѣмцемъ (ни немцем, гр. 1399 г.).

ГУБНЫЕ *Б, П, М* И ЗУБНОГУБНЫЕ *В* И *Ф*

Характеризуя в свое время губные и зубногубные звуки белорусского языка, мы имели случай говорить, что все они могут быть и твердыми и мягкими. Но это положение следует несколько ограничить: мягкими они могут быть только в середине слов в древних сочетаниях с **ѣ** (м'а́рка, б'а́лы, в'а́ра, п'а́на), **є** (п'єч), **н** (б'иц', п'иц', в'и́д'з'єц'), **ѧ** (п'ац', в'аза́ц', м'а́хк'и), **ь** из *ĭ* (ц'єн') и с их заместителями на общерусской и белорусской почве (п'ок, б'ох, в'аду́, м'ане́ и т. д.). На конце слов перед древним **ь** из *ĭ* бывают только твердые губные, что́ в окончании существительных мужского рода произошло, вероятно, не без влияния твердого различия; таковы, напр., общебелорусские случаи: голу*б* (ср. Мат. Б. № 6 Диснен., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 15 Игум., 17 Речицк., 18 Витебск., 23 Минск., 25 Новогр., 26 Себеж., 31 Вилейск.), се*м* (Мат. Б. № 6 Диснен., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 15 Игум., 17 Речицк., 18 Витебск., 23 Минск., 25 Новогр., 26 Себеж., 31 Вилейск.), восе*м* (Мат. Б. № 8 Игум., 31 Вилейск.), сы*н* (Мат. Б. № 7 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 15 Игум., 17 Речицк., 18 Витебск, 25 Новогр., 31 Вилейск.), прору*б* (Мат. Б. № 23 Себеж.), кроў (Мат. Б. № 8 Игум.), кро*в* (Мат. Б. № 26 Себеж.), разяў (Мат. Б. № 6 Диснен., 13 Свенц., 17 Речицк., 25 Новогр.), пастаў (Мат. Б. № 6 и 7 Минск.). Твердыми бывают губные и зубногубные

согласные и тогда, когда им приходится стоять в середине слов перед *j* в группах *бj*, *пj*, *вj*, *мj*, (*фj*), получившихся после утраты в произношении **ь** в старинных сочетаниях **бьj**, **пьj**, **вьj**, **мьj**, (**фьj**), хотя последние сочетания чередовались с **бнj**, **пнj** и т. д., где губные и зубногубные должны были быть мягкими. Примеры из живых белорусских говоров на указанное отвердение мы уже приводили, когда нам приходилось говорить об удвоении согласных под влиянием следующего за ними *j* (ср. стр. 296 sq.). Здесь прибавим, что в некоторых говорах отвердение указанных звуков происходит спорадически и в других положениях, напр., перед *а* из старинного ѧ, причем, как в некоторых украинских говорах, после отвердевшего губного развивается *j*: тридевъять (Ром. V, 96 Гомельск.), пъяць, авъёс, мъя́со, памъяць (Отч. 27 Речицк. у. м. Брагин, ср. Мат. Б. № 5 Слуцк., № 10 Мозыр.), завъяз (ib. № 17 Речицк.[1]), то же в Гомельском у. (Ром. IV, 15), пъяць (при *пяць*, № 23 Минск. м. Старый Свержень), auj̇ȯs (овёс, Федер. III, 156 Волков.), ргуцj̇ȕz (привёз, ib. 108), перед другими гласными: Мыки́тка (Никитушка, Шейн Б. П. № 254 Лепп.), ве́льмы (весьма, ib. № 449), мы́ску (миску, ib. № 543); во всех этих трех случаях отвердение *м*, или скорее появление *ы* на месте *и*, вызвано не без причин морфологических и не без влияния народной этимологии. Сюда же относится отвердение *п* в приставке *пере-*, *перед-*, иногда кое-где наблюдаемое: *па*равязом, *па*рад жнивом (Парич.), *ра*ra√o̯u̯, *ра*ra√éźi, na *ра*radʹéśńe (Клих 261 Новогр.), рядом с ṕereʹéźi, pereʹéo̯u̯ и под.; тут, повидимому, уподобление следующему слогу с *а* неумягчительным. Еще редкие единичные случаи: *па*рловы (Кар. 71 Трок., Мат. Б. № 6 Диснен., 13 Свенц., 17 Речицк., 23 Минск.), *умэр*ших (Ром. V, 83 Любин. в.), *скв*эрного (ib. 349 Город.); общебелорусское в иностранном слове *губа́рн'а* (губэрни, Ром. IV, 61 Горецк.).

Белорусское отвердение губных и зубногубных находит для себя подтверждение и в старых западнорусских произведениях: Грамоты и акты: земълю [1398 г. (хотя здесь ъ может быть и чисто орфографической особенностью — для разъединения стечения согласных)], церковъ (1492 г.), здоровъю (1476 г.), пъючи (239). Гродн. Акт. кн. XVI в.: Демъянъ (1 ib.). Бел. Арх. II: *вы*ну [= вину, 1531 (XVII в.)], *Вы*тебъска [1530 (XVII в.)] Шмытъ [1533 (XVII в.)], *мы*лый [1532 (XVII в.) Крожи] — рядом с: *ми*тникъ [1533 (XVII в.) Полоцк.], вы*ми*шляти (ib.). Сборник XV в. Публ. б. № 391: избавъ (22). Литовские летописи XV—XVI вв.: нелюбовъ (3 Вил.), оувеликоу любовъ (38 Увар.), ѡсмъ (270 Позн.), семъ (73 Крас.); здесь же отметим: копъи (90 Крас.), для *вас*ия (= веселья, 530б Евр.). Летопись Авраамки XV в.: цр҃квъ (95, 119б), любовъ (148б), скорбъ (147б, 246б). Сборник XVI в. Позн.: ѡсмъ (270), семъ (129), мовъ (ib.), мовъте (169), справъ (143) и др. Сборник XVI в. Крас.:

[1] На севере Белоруссии *пъяць*, *мъясо*, *памъяць*, *ўремъя*, *завъяз* можно слышать только у евреев, да отчасти у немцев (Никиф. Мат. Б. № 18 Витебск.).

кр'овъ (145). Тайна тайных XVI в.: в' любовъ (5), любовъю (3б), кровъ (53б), даловъ (56), а пѣаница (66б, 86б), голоубъ (11). Библия Скорины XVI в.: любовъ (1 29ю), кровъ (1 47б, Пл 10б), направъ (Ср 7), молвъ ему (Б 13), доловъ (Ц 185, С 17), есмъ и т. д. Катихизис 1562 г.: церъковъ (2 посвящ.), любовъ (47б), чр҃въ (164б). Евангелие Тяпинского 1580 г.: голубъ (4б), незабъѣш' (26б), пѣю (38), деревъ'е (53б). Псалтырь XVI в.: голѹбъ (54б), ѡбъıви (39), ѡбъıснили (97б) (в двух последних случаях ъ может быть просто удержание старинного написания вместо ожидаемого фонетического с ь), пъıные (109б), справъ (imperat.), розлъ (84), добреславъ (182б), цркввъ (27б, 133), цр҃мъ (98б, но *здрыжа҃емь* 8), вемъ (9б), выповѣмъ (12), дамъ (7б), єсмъ (23б, но *єсмь* ꙗ҆ 50б, ꙗ *єсмь* 124). Евангелие 1616 г.: любѡвъ (ks б). Сборник XVII в. Вил. № 107: вѣмъ (1-е л. ед. ч., 15), пѣючи (206б). Сборник XVII в. Син. № 790: церковъ (154). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: семъ (9), ѡсмъ (17), мовъ (imper., 18б, 52б, чр҃въ 54). Псалтырь XVII в.: здоровъл (36б), выбавъ (36, 127б), мовте (59б), в цр҃ковъ (23б), кровъ (30б, 71, 97б, 115б).

Во всех приведенных примерах твердым оказывается согласный, который стоял больше перед ь из ѣ. Но есть несколько случаев отвердения согласных и в другом положении. Тут прежде всего устраним случаи мнимого отвердения *в* в *Давыдъ* и производных от него [Давыдову (255 Сб. XVI в. Позн.), да*вы*довому (28б Тяпин. Ев. 1580 г.), да*вы*довъ, да*вы*дъ (31б ib.)], так как подобная огласовка известна и древнецерковнославянским памятникам; не станем говорить здесь и о явных чехизмах, как *сва*тый (чешск. svatý) (9б Сб. XV в. Публ. б. № 391), де*ва*тоё (devátý) (94 ib); впрочем, в некоторых полесских говорах: *ва*ночок (Ром. Мат. Гр. I, 145 Пружан.), *сва*круху (ib. 146), чаць*во*рты сь*во*кар (Парич.), чаць*во*рты (Сержп. Прымхі 104 Слуцк.). После всего сказанного с отвердевшими согласными окажутся: мол*ва*ше (340 Лет. Авр. XI в.), прѣста*вы*ти (242 Катих. 1562 г.), на*пы*хаѭть (63 ib.), з высокоу҃мъıл (73 Псалт. XVI в.) — в последних трех случаях, быть может, под украинским влиянием.

В тех случаях, когда губным и зубногубным согласным приходилось стоять непосредственно перед *j* («йотованными гласными») уже на почве общерусского языка, а в корнях и общеславянского языка, они переходили в *бл*, *пл*, *мл*, (*фл*): грабл'а́, канóпл'а, з'амл'а́, лаў'л'ý, (патрáфл'у). Только перед *а* из ѧ губной + *j* (если *j* в таких случаях можно предположить) не переходит в губной + *л'*: л'ýв'ац', лóв'ац', хотя по аналогии с теми *бл'а-*, *пл'а-*, в которых умягчительное *а* = ꙗ, и перед ѧ мог развиться *л* после губных, так что иногда можно слышать: jашы́ кýпл'ац', л'ýбл'ац'; подобным образом вторичное *л* иногда развивается и перед *е* из основного *ъ* в форме повелительного: купл*е́*ця ягадки! [Ст. Красное, Моск.-Брянск. ж. д. (Смол. губ.) Мат. Б. № 12], и в других случаях — ѡсыпл*ь*те (83 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262). С другой стороны, применение одних форм к другим могло произойти и в другую

сторону: как *проспи́с'а*, так и *проспюся* (Гильтебр. CCXXXIV Гродн.). Да и *ку́пл'ац'*, видимо, подражает *купл'у́*. Сюда не относятся явные полонизмы: трафати (рядом с *трафлати*), цблапати (119 Сб. XVI в. Позн.), Земянских (38 Статут 1588 г.), збавени (200 Сб. XVI в. Вил. № 107).

Теперь рассмотрим изменения отдельных основных русских губных и зубногубных.

Б

В некоторых белорусских говорах звук *б*, когда ему приходится стоять перед носовыми *м* и *н*, уподобляясь им, переходит в носовой: дромны (Шейн. Мат. I, 424 Слоним. 519 ib.), дромне́нькия (Ром. Мат. Гр. I, 205 Слоним.), дру͡бмных сьле́з (Малев. 106 Слуцк.), амман (Мат. Б. № 5 Слуцк., № 26 Себеж., Малев. 12 Слуцк.), амма́н'ваць, аммыли́ўся (ib.), амануць (Ляцк. Посл. 4 Борис.), аммачил (Мат. Б. № 26 Себеж.), аттýю́ць, аттачуła и др. (Клих 256—257 Новогр.), даже kат ńeńe, štoт maјá (ib. 259); но вообще этот переход в белорусском языке редкий.

Вследствие народного перетолкования имеем *м* на месте *б* в *мярло́га* (Мат. Б. № 18 Витебск.).

Уже в основном славянском языке перед *н* звук *б* склонен был к выпадению; то же от старины сохраняется и в белорусском языке: г'и́нуц' (хотя в ст.-слав. гыбнѫти), погыноу^{т} (256 Сб. XVI в. Крас., при *погыбне͡* ib. 159). Редкий случай выпадения *б* в приставке *об-* перед *j:* к табе оявимся Ром. VI, 82 Бых. В старинных произведениях *б* иногда выпадает и в других соединениях: волшествомъ (186б Четья 1489 г., если это не простая описка), въ лщани (вм. *блещани*, псалом 67, ст. 14 Псалт. в Библ. кн. XVI в. Вильн. № 262). В слове *блискавица* *б* отпадает перед *л:* и лыскавицꙋ (131б Псалт. XVI в.), блисни лыскавицею (138 ib., при *блискавицы* 97б), блиска͡е͡ (19 ib.).

П

Звук *п* вообще сохраняется без перемены; иногда только в некоторых говорах бывает его переход в *б:* скрыбочка (Ром. III, 256 Черик.); никакого отношения сюда не имеют *кабот* (Шейн. Мат. I, 536 Горецк.), так как оно не находится в связи с *копотом, кабат* (корсет, Сл. Нос.)[1].

От глубокой старины соблюдается выпадение *п* перед *н*, хотя иногда вторично *п* восстановляется: ка́нуц', заснýц', потанýц', л'нуц', нол'и́нуц'. Интересный пример выпадения *п* находим в Сб. XVI в. Крас.: крап'лѧ его не *оужанеть* (237).

М

Отметим только переход *м* в *н*, когда соседним звуком оказывается зубной: корчбнца (Шейн. Мат. I, 331 Ошм.), возьни (Ром. III, 4 Сенн.), возьнитя (ib. VI, 361 Орш.), возьню (= возьму, Ром. V, 182), кбн-

[1] Слово «кабат» акад. Ф. Е. Корш сопоставляет с новогреч. καββάδιν («Слово о полку Игореве», XXVII).

ныта (Мат. Б. № 18 Витебск.); а иногда и без указанного условия: мехом дже (= дует, Ром. VI, 325 Рогач.). Какова область распространения этого перехода *м*, мне неизвестно.

В

Изменения древнерусского *в* в белорусском очень характерны, составляя одну из типичнейших черт этого языка, проявляющихся в течение всей его исторической жизни. Эти изменения обусловливались особым характером белорусского *в*, становящегося то билабиальным *w*, то приближающимся перед лабиальными гласными к *u̯*. Черта эта бросается в глаза нерусским наблюдателям. Так, Клих говорит про изученный им новогрудский говор (242), что сотнями можно бы находить в его записях примеры билабиального *w*, но также обильно представлены и примеры с *u̯* — притом только перед гласными, как можно видеть, напр., из следующих случаев: *wo̯uk*, *wóśmy*, zra*b́iu̯* *wam*, bara*naẃál'i*, na *woz* и т. д. (обыкновенное *в* у него передается через *v*), *u̯ý́p̣e*, *u̯ałě́*, *u̯ot*, *u̯on*, *u̯a u̯śex*, do *U̯aršávy*, tra*u̯u* и т. д. (242), ⁿot (8), ⁿoń tam (25), kara^{n}áć (75); то же в Мат. Б. № 24 Новогр.: ни быўаў, в Отч. 12 Купуй Великолуцк.: ўу́лица, ўось. Вследствие такого своего характера белорусское *в*, когда ему после утраты в произношении глухого приходилось стоять на конце слов, обращалось всегда в *ў* (напр., кроў); то же с ним происходит и в середине слов, когда *в* стоит после гласного и перед согласным, перед которым выпал глухой (д'з'а́ўцы); наконец, в *ў* обращается и всякое начальное *в*, за которым исчез глухой, когда оно стоит перед согласным (ўз'а́ў, ўју́). В последнем случае, если предыдущее слово оканчивается на согласный звук, *ў* из *в* может становиться вполне слоговым. Особенно это следует сказать относительно *ў* из *въ*, будет ли последний в роли предлога или приставки. В этом случае предлоги *въ* и *у* вполне совпадают по звуку и различаются лишь в зависимости от падежа, стоящего после них. Совпадение *въ* и *у* усиливается еще от того, что и *у*, будучи безударным, может становиться неслоговым и, следовательно, совпадает с *въ* в указанном положении в одном *ў*. На мой слух в юго-западных белорусских областях разницы между *ў* в начале (после гласного предыдущего слова) и в середине слов, с одной стороны, и между *ў* в изглашении — с другой, не наблюдается. В восточной области на конце слов *ў*, повидимому, более краткое, чем в начале слов, где оно очень близко к *у*. То же находим и в свидетельствах других лиц. Так, в Мат. Б. № 9 Бых. наблюдатель пишет: «Перед *в* слышится *у* полное: увесь, увобхват, увознав, увыйшов и т. д.». Любопытно здесь в начале *у*, а в конце — двух последних слов *в*. Предлог *у* вм. *въ* отмечается перед согласным в Новоалександровском уезде (Мат. Б. № 11). *У* не краткое в начале слов отмечает и Никифоровский (Мат. Б. № 18 Витебск.), с оговоркой, однако, что у пожилых (старосветских) женщин можно уловить и *ў*. Повидимому, по указанным соображениям в сборниках Романова нередко *в* на месте ожидаемого *ў*, которое у него тоже употребляется.

Рассматриваемый переход *в* в *ў* так типичен для белорусского языка, что все собиратели белорусских произведений, начиная с древнейших, так или иначе старались его обозначать. Даже старинные писцы, старавшиеся держаться традиционной орфографии, и те очень часто обозначают этот переход, обыкновенно в начале слов, употребляя на месте этимологического *в* написание *у* (оу, 8, ꙋ).

Приведем примеры рассматриваемого перехода, начиная со старинных западнорусских памятников, знающих *у* на месте *в* уже с XIII в.: Грамоты и акты XIII—XVI вв.: *оу*здумалъ, *оу*схочеть, *оу* Ризѣ, *оу* Русе гостить, *оу*стоко, *оу* Смольнѣскь, *у*зяти и т. д. (1229 г.), *у*нукъ [XIV в. (Собр. гос. гр. и дог. II № 8)], *у* Полотеско (ок. 1300 г.), *оу*зати (ок. 1300 г.), *у* торунь (после 1341 г. Кест. и Люб.), *оу* русскои земли, *оу* холмѣ, *оу* вину, *оу*зати, не *оу*схочеть (1349 г.), *оу* полотскоу [1383 г. (17)], *оу* вилни (1386 г.), *оу* правдѣ (ib.), *у*се [1387 г. (21)], *оу* литовской земли (въ землѣ, ib.), выше *оу*се нше братье (ib.), в чѣть и *оу* славу (ib.), и *оу* низъ (ib.), ведомо *оу*семъ [1387 г. (22)], *у* четвергъ (1399 г.), *оу* смоленску и *оу* брестьи въ новѣгородку *оу* мѣнску въ ковне [1432 г. (В. А. 2)], *оу*сю [1432 г. (В. А. 4)], *оу* нем (ib.), *оу* троцех (1432 г.), в литовскомъ и *оу* русскомъ (1440 г.), *у*зяли (ок. 1440 г.), *у*зводили (1442 г.), а *оу* томъ (1450 г.), *оу* слуцку (1487 г.), писанъ *у* Степани (1497 г.), *у*схочеть [1536 г. (В. А. 27)], *у* волтари [1579 г. (М. А. 28)], *у*место (30 Гродн. акт. кн. XVI в.), *у*нукомъ (65 ib.), Унучко (130 ib.) (рядом с обычным *Внучко*). Бел. Арх. I: Адама Унучка (1596), *у*писали (1694), стаушы (ib.). Четья 1489 г.: *оу*дова (16), *оу* послѣднии днь (78), *оу*стокоу (85), *оу*зали (196), *оу*злила (114), *оу*зложить (86б), *оу*зышли (234). Судебник 1468 г.: *у*звѣсить (47), *у*верху (25 ib.). Сборник XV в. Публ. б. № 391. Это явление особенно наблюдается в предлогах и приставках *въ-* и *въз-*, реже в других случаях: *оу* третемъ капитоулю (4), *оу* майстате (29), *оу* сторàна (78б), *оу* нб (5б), *оу* раю (22), вѣроующи *оу* себе (28), *ѵ* тена (44б), *оу* крегкости (49), *оу* место (50), *оу* єи (58, в ней), *оу* не (59), *оу* боты ѡбоуть єго (62), *оу* долж'иноу (86), в обе и *оу* вечерю (90б), *оу* той (94б), *оу*з гороу (14), *оу*з горѵ направитисе (24), *оу*споменоу (ib.) *ѵ*станїа (30), *ѵ*здрастъ (40б), *оу*зведа (63), *оу*зростоу (90), *оу* том' то *оу*сходоу (38), *оу*сто (ib.) (*ѵ*стокоу 99 рук. Син. б. № 331), *оу*стоны (44б), на *ѵ*стоце (45б), *оу*завши (1б), то *ѵ*за (54б), *ѵ*зали (56), *оу*кроу — *оу*за (7), *оу*хопи (36), *оу*сегды (9б, 51б), *оу*сегда (40б, 65б), *оу*довою (99), *оу*си плачте (4б), межи *оу*сими, *оу*си (5, рядом с *вси* ib.), *ѵ*си (30), безъ *оу*сакоє (91б). Летопись Переясл. Сузд. XV в.: *оу* Киевъ (12), *оу* Кыевѣ (67), *оу* Соуждали (75). Литовские летописи XV—XVI вв.: были *у* великой милости и *в* ласце (1 Вил.), быти *у* Вилни (2 ib., 5 ib.), *оу* Вилни (30 Увар.), быти... *у* любви (2 Вил.), также *у* великихъ дружбахъ были (ib.), *у* Гроднѣ (4 ib., 30 Увар.), *у* Троцехъ (5 Вил.), *оу* Троцех (31 Увар.), *у* его воли быти (4 Вил.), поидетъ *у* Нѣмци (ib.), поиде *у* Жомотьи (5 ib.), *оу* Жомоти поидѣ (31 Увар.), *въ* Нѣмци и

у Прусы (8 Вил.), *у* тотъ час (5 ib.), опять *у* войско свое отъехати (6 ib.), *у* мое войско (ib.), отъехати *у* рать (7 ib.), *у* вежу (ib.), *оу*садити *оу* вежю (33 Увар.), порты *у*складши (7 Вил.), *оу*скласти (34 Увар.), *оу*сточнии (восточные, 48 ib.), *оу*схочетъ (49 ib.), великыи чти *оу*здаша имь (38 ib.), *у* портехъ (7 Вил.), *у* Витебску (8 ib.), крестити Литву *у* латынскую вѣру (8 ib.), *у* трупехъ (10 ib.), не*оу*стоупаюся (30 Увар.), *оу* пятницю (36 ib.), *оу*витеⷭскѫ [77 (8) б Крас.], *оу* четвер'гъ (81б ib.), оувоити (71 Крас.), потомъ пошли немномъ *оу*верхъ (64б ib.), не *оу*дашася емоу (37 Увар., вм. обычного *не вдашася*), не *оу*зял (43 ib.), *оу*заˆ (53 Супр.), оузаˆ быˆ (182 Акад.). Летопись Авраамки XV в.: на*оу*городчемъ (78), *оу* ладогѣ (86). Сборник XVI в. Позн.: *ѵ*лѣзли *ѵ*лугъ (129), *ѵ*ставшы и *ѵ*шла *ѵ*комору (131), *ѵ*ехалъ *ѵ*градъ (въехал в г. 131), *ѵ*симъ купцомъ (135), *ѵ*стань (137), *ѵ*вошли *ѵ*шатеръ (99), *ѵ*сталъ (всталъ, 104), *ѵ*зроству (178), *ѵ*весь (205), *ѵ*вугрехъ (208), *ѵ*нутры (156). Сборник XVI в. Крас.: *оу* великꙋю нꙋжѵ и въ хоудобѵ (157), *оу*зъıвави ми (108), *оу*споминати (140). Статут 1529 г.: а *у* дворехъ (168). Статут 1588 г.: *ѵ* вежи (13), *ѵ* войску (19), *ѵ* великомъ (22), *ѵ* везенью былъ (26), *ѵ* заруку *ѵ*падываетъ (32), *ѵ* дорозе (62), *ѵ*сихъ (76), *ѵ* томъ (104), *ѵ* вочы (89), *ѵ* суду (183), *у*схочутъ (230), *ѵ*место (211). Тайна тайных XVI в.: *оу*зати (77б), *оу* козорозе (70б), *оу* каждой з'вѣздѣ (67б), *оу* великоѵю бедѵ *оу*падеⷯ (88б), *оу*ведешь (5), *оу*зрос'тж (69), *оу*зв'арить (46б). Библия Скорины XVI в.: *ѵ* дворъ (А 33б), жита *ѵ* снопы связаны (Б 76), жезлъ *ѵ* змию обратилсѧ (И 14б, но И 15 — обратитсѧ во змию), се вдарю жезломъ *ѵ* воду (И 15), грѣшныи *ѵ*падаеть *ѵ* злое (1 23б), въ грѣхъ *ѵ*вести (Б 71б), вже *ѵ*сходить (Б 60б), дане*оу*менитсѧ вамъ въ безумие (1 50б), *оу*скормити (И 6), *ѵ*звалилъ (Б 60), *оу*зышолъ (Ц 192), *оу*зъгорковъ (В 64б и др.). Катихизис 1562 г.: *ѵ* потѣ (38), не *ѵ*палъ *ѵ* пленицу бесов'скую (35), *ѵ* стомъ (12б), *ѵ* житию (14), *ѵ* томъ словѣ (5б): Катихизис 1585 г.: *оу* вильни (1). Библ. кн. XVI в. Вил. № 262. *у* земли (в земле, 12), якобы *у* великомъ сокровищи (1б), *оу*заⷯ (128), *оу*радѣтсѧ (105), *оу*здрижала (129б), ѡбратитсѧ *о'у* землю (92б, 126). Псалтырь XVI в.: *о͡у* аде (10), *о͡у* сет'кѵ свою (13б), *о͡у* томъ (19), *о͡у* дворе (29), *о͡у* мнѣ (40б), *о͡у* верѵ (47), *о͡у*нѵтри (52), *о͡у* хлѣба мѣсто (53б), *о͡у* воротеⷯ (68), *о͡у* грамаде (70б), *о͡у* пасроⷣкоу земли (74б), *о͡у* морю (78), *о͡у* кроⷯ (80б), ѵ пропаⷯ (89), *оу* гробеⷯ (ib.), *оу* которомъ (а раньше везде — *в* котором, 129б), *оу* храмѵ (131), *оу*всⷯ (81), нехаи *оу*нйде (88б и т. д.), оусе (всё, 126), наⷣ *оу*семи (131). Такое же изменение *в* в *ѹ* в предлоге **въ**ꙁ, на месте которого в этом памятнике является *уз- — ус-*: *о͡у*сходы слнца (67), *о͡у*спомниⷯ (77б), *о͡у*скликните (48), *о͡у*зьавиⷯ (74), *оу*зышоⷯ (80). Сборник XVI в. Чуд.: наж̀гороⷣскаⷯ (447), -скѝ (455), -скы̀ (730б), ѡ̀ èреси наж̀гороⷣсте (754), где ж, конечно, обозначает *ѹ* из *в*. Евангелие 1616 г.: чере[з] *оу*вѣсь рѳкъ

(2со б), не *б̀ук̑сить* вечéрѣ моéи (2 рξз б). Сборник XVII в. Вил. № 107: *б̀* манастырѣ (33). Сборник XVII в. Моск. № 790: *у* Смоленску (141), снегъ *у* колена выпалъ (141б), *у*сказалъ (149б), *у*зялъ (169). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: *б̀*весь (2), *б̀*зявши (182, 288, рядом с *взявши* ib.), *б̀*зложи^ (211, рядом с *взложи*ᵡ ib.). Псалтырь XVII в.: *б̀* вѣчное поганбее (70), *б̀* выроку твоеᵡ (144), *б̀*сюды (53б), *б̀*спомина^ (62б), *б̀*зрадб̑ю (99б). Примеров рассматриваемого перехода из старинных памятников можно бы указать огромное количество, но и приведенных достаточно, чтобы видеть, как переход *в* в *ў* распространен. Старинные писцы не затруднялись ставить *у* на месте *в*, так как в некоторых случаях в известном положении слышалось настоящее *у*, кроме того, западнорусских переписчиков отчасти поддерживал пример подобных написаний в памятниках южнорусских, псковских и даже отчасти новгородских (ср. Соболевский, Лекции[4], стр. 120).

В современном белорусском языке, как уже было сказано, рассматриваемый переход повсеместный. Соседи с юга — украинцы — также его знают. Приведем по нескольку примеров из разных сборников. Рыпинский, Białoruś (1840 г.): a ûsiò; Чечот (1846 г.) для *у* употребляет *ú*[1]: słaúnoho, staúlaje, úsio 1, ú kamory i ú abory 2, u naszych dzieciukōú prāúdeńki niet (3) и т. д. В старейших русских изданиях для *ў* из *в* еще нет особого обозначения: *у*довушка *у*дова (Нос. Посл. 1852 г., 59), *у* поле дзьве воли (ib. 60, но *холявки* ib. 61); колько *у* вишенце (Микуцкий, Изв. 1854 г., 180), ляци *у* щирые боры (ib. 179, но *домов* ib. 182), козў *у* лапци обуваць (ib. 182 и т. п.), мы *у* трех (Дмитр. П. и Ск. Гродн. 33), збау*ляло* (ib.), *у*сю (ib. 34), дзе*у*ка (ib. 39), чаму *у* цибе (ib. 35), падзи*у*люся (ib. 37), стау дзе*у*чонку унимаць (ib. 39). С 70-х годов уже более или менее правильно обозначается *ў:* Дмитр. П. и Ск. Вильн.: ваіб̑ўникъ (62 Новогр.), ўвмеешь (112 Диснен.); Бессонов Б. П.: усё мураўкою (1), слаўнаго (ib.), Пауловскаго (ib.), волочобничкоў (32), пяўцом (ib.), ластоўка (7), короў (ib.), ўспомогу (8), ўзяўся (12), ўзложу (23), узсести (52, вследствие скопления согласных полное *у*) и т. д.; Шейн Б. П.: ўложи (№ 4 Лепп.), ўсю (ib.), орéхоўя (ib. № 291), ўець (ib. 340), сынóў (ib. № 1), постáў (ib.), домóў (ib. № 2, № 274 Сураж.), конéў (№ 11 Лепп.), солоўя́ (ib. № 69), баў (забавляй, № 90 ib.), ўзяў (№ 66 Витебск.), безголóўя (ib. № 37), здорóўя (ib.), соўéм (№ 68 Бых.), долóў (№ 570 Витебск.), узрощéна (№ 363 Диснен.), узбудзи́ли (№ 103 Бых.) (*у* полное перед двумя согласными) и т. д.; Шейн. Мат. I: царёўны (77 Речицк.), играючи ўспяваючи (151 Игум.), ўю (вью, 66 Лепп.), вероятно, только орфографическая неточность — *славуному* (= слаўному 51 Игум. и т. д.); Романов: ўкину (I—II, 19 Рогач.), узяв я жану не ў по любви (ib. 21 Гомель), сам жа ўзыйду (ib.), ўсю, я ў шиночок (ib. 25), ўзмежку (III, 18 Сенн.), ўнучку (ib. Гомель) (а на стр. 17 *унучка*), ўлезла ў мех (ib. 14), ўсих (ib. 4 Сенн.), (но *усю* 27 Рогач.), ўлась (власть,

[1] Piszę takie *ú* ze namieniem prawem dla rozróżnienia od *u* samgłoski, VIII.

IV, 185 Мстисл.), у неўкатарам, ня ў том, Дзмиенаўна, сыноў, ноги у сирабрѐ, ноги ў зо̀лати, благаславиў усих трёх, было̀ ўрѐмя у Пятроўку (VI, 150 Городок.) и т. д.; Дембовецкий: ў новай церкве (154. 563), ўзойдзя (ib. 4. 538 Гомельск.); Добровольский: но̀раў (I, 10.29 Рославль), кѐки ў мори (ib. 10.30), усе, устàнь, укусна (ib. 13. 52 Бельск. Смол. губ.), жо̀раў, жо̀раўля, Симяноў, дириўня, Аўдотьинэ (ib. 20 Бельск.), коўрига хлеба (ib. 666), пашли умéстих (вместе, ib. 665) и т. д.; Ляцк. Посл.: з лаўки далоў (5 Борис.), ўсюды (10 ib.), на узвейвéцяр (19 ib.), на лаўцá (23 ib.), здароўя (47 ib.); Розенфельд: паўю̀ць (30 Вилейск.); Малевич: ўнук, ўдава, царэўна, кру̀бў, ў том, пташка ўляці̀éла ў хату (11 Слуцк.), зну̀бў (21 ib.), чараўни́ца (74 ib.), што ў ту̀нкуй, ў зялёну, дзя°учыначки (75 ib.) и т. д.; все ответы на белорусские программы также отмечают *ў* на месте *в* в известном положении; кое-где, как и в приведенных выше примерах, не отрицается возможность появления и *у*. Мат. Б.: тро́ўка, муро́ўка, ўзёў (№ 1 Минск.), хто ў е́тым дому́ (2 Могил. губ.), ўю́, цаўё, аўцá, раўцы́, дамо́ўки, ўсим, ўзлез (4 Орш. и Сенн.), за ўну́кам, ня ўлезли ў мех (5 Слуцк.), аўто́рак, ўсюдых, шесь гадо́ў, лаўцы (6 Диснен.), ста́ўня, адпра́ўлю, ў у́се, ўстреў (7 Минск.), ня ўзяў ничога мой кра́ўны, ўле́тку, наўздагон (8 Игум.), ўся́каю, ла́ўка, ра́коў, у цыгана́ был конь, а ў мужыка (9 Бых.), даўно́, ўстаўшы, дру̀бў, ба̀цькоўщына, ўраз (сейчас, 10 Мозырь), ў ле́се, праўнук, с кро̀ўю, ўдоўж, ўзлягла́ (11 Новоалекс.), карўоўка, ў рутце́, здароў (12 Слуцк.), йикаўка, ўсих, каўта́н, узноў (13 Свенц.), оўсу́, ў ле́цех, ўсей, цви́ўшы (17 Речицк.), у тую ў самыю, усё, ды ўсяких, ды ўсё, а ў руце ў яго (18 Витебск.), зноў (19 Белост.), ноўца́ (ib. Гродн.), Гаўгусто́ў (20 Август.), плытникаў, ўзяли́ (23 Минск.), ня ўлез, у слет (26 Себеж.), у сарако́х (27 Лепп.), умерти (ib.), дзе́ўце, ўдова́ (28 Себеж.), здаро̀бўика (ib.), по-ўз ха́це (около хаты), поўз траве́, каро̀ўкаў, ў мяшку́ (29 Новогр.), дрыўмѝ, ўкус (вкус), патра́ўка, ўнуча́ты (31 Вилейск.) и т. д.; мои записи в Отчете 1903 г.: ўлес ў мех, быў ў штанах (9 Иллукст., рублёў ib.), сыпрациўница (12 Великолуцк.), бласлаўляўся (12 ib.), сакаци́ўши (17 Бельск. Смол. губ.), ўзяў (18 Ржев.), ў лесе (ib. 19), ўмёр (20 Смол.), ў однэй, ўсей [21 Брянск. (Акуличи)], дзяўчо́нка (ib. 22), торгуўля, Терехўўка, иде ў чяс (24 Городн. Черниг. губ.), паласы ў змене, фунтоў восим (25 Гомельск.), быў ў лапцёх, мястоў (26 Орш.), ў бульви (32 Сокольск.). Новейшие польские собрания народных белорусских произведений обыкновенно довольно правильно передают *ў*: *w* b'ad'è (w = ў) (14 Верига, Pod. Лидск., *w*żaw 17 (ib.), *w*śo (19 ib.); у Федеровского, по наблюдению проф. Розвадовского (ср. II, XXXI), довольно теоретически употребляется *u̯* на месте *в:* следует ему быть только после гласных предыдущего слова или в середине слова: nau̯ kryż (= на-в-кр-) (I, 378 Волков.), paspiłòu̯wўwać (ib. 348), wўsypau̯szy u̯siej mieszok (ib. 32 Сокольск.), ja was usìch, bo u̯dawu̯òju (II, XXXI), a u̯ jŭj, co u̯ Bòga, skûl uzialìsie (III, 3 Сокольск.), karalèu̯nu (ib. 4 Волков.), bahàtyje u̯siè (ib. 5 Слоним.), zyszòu̯szyś

(ib. 14 Новогр.), byų sobiè ų baćkŭų (ib. 86 Лидск.). Клих, вообще тонко различающий *ў*, пишет: daųńéį, za ųśéx, da ų šýįu, tam udavá (но и «da héteje udavý» ib.), i ųśé (16 Новогр.), učóra, pasaząu u kancý, ųzáų, ząeréųńi (75 ib.) и т. д. Из приведенных примеров, взятых из разнообразных сборников и различных мест, нельзя было не заметить также, что в произношении начального *ў* из *в* замечается некоторый индивидуальный произвол, не всегда принадлежащий наблюдателям, но часто и самим говорящим по-белорусски.

Если предлогу *ў*, получившемуся в известном положении из *въ* = *ў*, приходится стоять перед *о* или *ы* (а иногда *у* и даже изредка перед другими гласными), то он развивает после себя вторичное *в*, которое является, таким образом, как бы приставочным перед следующим гласным (увадно́, увыйшо́ў, увýси). Такое *ув* может получиться и иным путем: стать на месте удвоенного предлога **въвъ*, который на основании показаний старинных западнорусских произведений, как увидим ниже, придется предположить (н'и ўва што́); это удвоение спорадически известно и в современных севернорусских говорах: вов чистом поле, вов сине море, вов высок терем (Рыбников, Песни, II, 250, Екатеринб. у.); иногда *ув* — *ўв* естественно образуется из двух *вв* (одного предлога, а другого — начального согласного следующего слова: ўвяла́), а в слове *ўв'ɛ́с'*, вместо *в'ɛс'*, под влиянием косвенных падежей (ўс'а́го́, ўс'аму́ — и т. д.). Старинные памятники также знают *ув* всякого происхождения, причем после *ув* даже иногда писали ъ (увъ), и этот последний прояснялся в *о* (ни вво што). Ясно отсюда, что писцы не смотрели на *в*, как на приставочный звук, а как на часть предлога. Приведем примеры. Грамота 1492 г.: дали есмо *увъ* отчину. Четья 1489 г.: *оуъ*одной вѣре (57), *оуъ*тари (196б), *оуъ*огонь (263), *оуво* снѣ (97, 34), *въво* снѣ (34, что́, конечно, следует читать *ўво с.*). Сборник XV в. Публ. б. № 391: *оуъ*городе, *оуъ*оболоки (262). Летописи XV—XVI вв.: *ѵв*осне (245 Позн.), *ѵв*орлове гнезде (ib.), *ѵв*обедъ (264 ib.), *ув* одинацствѣ (2 Вил.), и *ув*опъсковѣ (85 Крас.), *ув*обѣ^{а}нѵю порѵ (85 ib.), *ув*ѵго^{р}ск*ѵ*ю (85б ib.), *ув*ы^{з}б^{а} (78 ib.), *ув*отамановъ (82б Крас.), жили межи собою *вов* покои (66б ib., можно разложить и на — *воўпокои*). Летопись Авраамки XV в.: оу вольгерда (109б), ѿ^{т}ша — оуво ѿндрѣ^{я}на оу захарьи́на (111), о́ўвъ оуспени^{я} с^{т}ѣ́й бц̄и (286б), оуво ѿц̄а (373б), о́ўво ѿжѣ (там же: *на ѿвожи*, 233б), *ув* ы^{з}б^{а} (66б Археол.). Сборник XVI в. Позн.: *ѵв*осне (245), *ѵв*орлове гнезде (245), *ѵв*отамановъ (260), *ѵв*обедъ (264), *ѵв*овторокъ (281), *ѵв*ыную землю (6), *ѵв*овсихъ (219, 221), *ѵв*ойти (184), вов покои (12, очевидно, *воўпокои*). Статут 1529 г.: ни *ув*ошто (167), вовпокой (161). Статут 1588 г.: *ѵв*обозе (52), *ѵв*одну (138), *ѵв*ездѣ (199). Гродн. Акт. кн. XVI в.: *ув*опеку (42), ўвотказе (47), *ув*отца (42), *ув*ызбе (233). Бел. Арх. I: *ув*около места (1577), *у в*обедве руки (1605); II: *ув* оступехъ [1530 (XVII в.)], *у в*одинъ домъ, *ув* отъца (1532), *ув* осслицу (1532), *ув* опеку (1533), *ув* отца (1538), *ув* ыменю, *ув* ыйменье (1533), *ув* ыйменьи своемъ (1539). Библия Скорины XVI в.:

*ѵ҃в*обувь (А 37б), *ѵ҃в*ошла (Э 6), не иди прѧмо *оув*очи имъ (Ц 75б), вложи ногу *ѵ҃в*оковы (Ср 13) и др.; сюда же относятся подобные же случаи, напечатанные у Скорины раздельно, как: *ѵ҃ в*око (Ср 25б), *ѵ҃ в*очи (Ц 214), *в в*одежу (Л 37), *у в*овцахъ (Б 35б), *в в*органы (Б 14б), *ѵ҃ в*ореху (П 3б), *ѵ҃ в*олеи (Ц 77), *ѵ҃ в*огни (Ц 172б). Евангелие Тяпинского 1580 г.: *ѹ҃в* не обозначается: въвоиди (7б), въвоидеть (9), въвоидете (ib.), въвошолъ (10), ѵ҃вошолъ (24), ввоити (24б, 26б, 32), не ввоидете (24б), вв'ошто (8б), вв'осне (2б, 3б). Псалтырь XVI в.: *оув* особе (126б), *оув* олею (94), *оув* оболокоу (97б), *о҃ув* ѻ҃вл҃ею (41), *о҃ув* обетници (56), *о҃ув*ошли (67б), *о҃ув*ойдо҃ (27), *о҃ув*ойде (16б, 42б), *о҃ ув* оброно҃ѵ (14), *о҃ув*ь збытко҃ (22б), *о҃ув* ѵ҃хо (18б, 54), *ѻув* ѵ҃чи҃ко҃ (108б), *о҃ув* ѵ҃ста мои (41б), *оу҃в* ѵ҃ста҃ (46, 57б) и др. На приставочность *в*, может быть, указывает такой прием письма, как *о҃у* | *в*ѵ҃сте҃ (9б), где *в* перенесено в следующую строку; но с другой стороны о принадлежности *в* предлогу как будто говорит такое образование, как *оуво всѝ* (137), где в окончании предлога перед группой согласных, неудобной для произношения, еще прибавлено *о*. На месте *ѹ҃в* из **въ** и здесь иногда находим *вв — вво:* ни в'во што (68б), и̑ ввошо҃ (106), и вв органе҃ (142б). Сочетание **въ оу-** иногда изменяется в *ову-:* воу вьтискоу (72б). Сборник XVII в. Вил. № 107: и *ѵ҃в* езде (15), *ѵ҃в*ошли (67). Сборник XVII в. Син. № 790: *ув*овторокъ (139), *ув*осень (144), *ув*олвове (141б), война была *у Вифлянтехъ* (162б, ср.: *до Виф-лянтъ* 163), *у Вомстиславлю* (= Мстиславлѣ, 166б), *у в*огородехъ (168б), *ув*ышолъ (172б). Псалтырь XVII в. *ѹ҃в* не обозначается: и вво'дѵ҃ (23б), вво'дѣте (103), ввѣсь (112), по ввѐ часъ (150).

Примеры из современных нам белорусских говоров: ўвесь (Гильтебр. CCLXXIV Вилейск.), у водны́м (Шейн Б. П. № 91 Диснен.), уво'бхваци (Ром. IV, 158 Мстисл.), коли уводнаго (ib. III, 15 Сенн.), увышовши (войдя, ib. 254 Черик.), увыйшов (ib. 3 Сенн.), увомри (ib. IV, 218 Клим.), увозна́в [ib. I—II, 13 Гомельск. (Белица)], я увопьюся (Шейн. Мат. I, 4 Чаусск.), увотри (ib. 152 Лепп.), на ўвесь (Ром. V, 4 Рогач.), увесь (ib. IV Горецк.), у вотца (ib. VI, 254 Мстисл.), увыйшли у лес у вогромный (ib. 342 Бых.), дали яму хва҃теру ўвы вдовы (ib. 71 Клим.), у вадно́ (47 Ляцк. Посл. Борис.), у вавечки (50 ib.); Мат. Б.: ўвесь, ўв обхва́ци, ўвызна́ў, ўвыйшо́ў, ўватри́, ўв агонь [№ 4 Орш. и Сенн., ср. 5 Слуцк., 6 Диснен., 9 Бых. (тут же *увознав*), 10 Мозыр., 12 Слуцк., 13 Свенц., 15 Игум., 26 Себеж., 28 ib.]. Иного происхождения *ув* в *уво́лю* (вволю), *увяли* (Мат. Б. № 18 Витебск.); у Федеровского: na dniè u̯ wùleju (I, 357 Волков.), u̯ wusi (в ухе, ib. 210), u̯ wu̯oka (ib. 47), u̯won bièdny (II, 275). Клих (246) полагает, что предлог *uv* возник вследствие смешения *в* и *у* при посредстве, конечно, *ў:* ja̯ný uv akńo, livan uv adnú, ja̯on uvłažýu, ńe u̯vaźmu (246), pa̯u̯wymája̯uć (32).

Есть недостаточно ясные для меня случаи (но несомненные) появления на месте *ў* из *в* звука *о:* za*o*siody (всегда, Федер. I, 290 Волков., ib. 296 Лидск., ib. 307 Волков., II, 180 ib.), и *ѧзяў* за руку (Мат. Б.

№ 13 Свенц.), дъа́бэл *а*зяў ды ўлез (Шейн. Мат. III, 258 Борис., но тут же *тогды ўзяли*), *о*зем (10 Вил.). Не знаю, как смотреть на эти довольно редкие случаи: появление *о* на месте *ў* из *л* известно в сербском языке, значит, можно бы видеть зачаток такого же явления и в белорусском, но «заос'бды» очень единичный случай, чтобы по нему приходить к каким-либо общим выводам, да и *о* здесь не на месте *л;* «аз'а́ў» из «оз'а́ў» могло бы примениться и к «оз'му́», о чем у нас речь ниже.

Белорусское *в* из основного русского *в*, как звук часто переходящий в *ў* неслоговое, мог в некоторых случаях и легко исчезать в начале слов и даже в середине их. В начале слов чаще всего это отпадение бывает в приставке *воз* (из осн. **къʒ-**), которая поэтому и обращается в *оз-* (аз'му́), хотя для этого случая можно бы подыскать и другое объяснение[1], тем более, что это явление известно и украинскому языку. При отсутствии *о* та же приставка вместо *вз-*, если не переходит в *ўз-*, обращается просто в *з* [зл'и́нуц', зы́д'з'е, стручая (Ром. VI, 340 Бых.), pórtki złażу̯ц, zýʒ́e sónco, spaṁeńéće и т. д. (Клих 247 Новогр.)]. В живой белорусской речи приставка *оз-* вм. *воз-* вообще встречается редко (*азьмі́* и *вазьмі́* Мат. Б. № 11 Новоалекс., только *азьми* Мат. Б. № 31 Вилейск., aźmí Клих. 114 Новогр.), но старинные западнорусские памятники знают ее в достаточном количестве случаев: узвозника [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)], узвещали (ib. 1532), ѡдно ѡзле того кравца (ib. 1535), озмуть (Бел. Арх. I 1604) оземши (ib. 1548), оземши [Бел. Арх. II 1532 (XVII в.)], озма (13 Вил. Лет., 11 ib.), не оземъ Вилни (10 ib.), ѡзмоуть (при *възмоуть*, 7б Супр.), ѡзми (124 Сб. XVI в. Позн.), ѡзметь (130 ib.), ѡзме (187, 219 ib., рядом с *возметь* 239 ib и др.), озметь (180 Статут 1529 г.), ихъ ѡзметь (186 Статут 1588 г.), озмї (3б Ев. Тяпин. 1580 г.), ѡзьми (27 ib.), о́з'ми (воз'ми, 45 ib.), о́зьмите (30б ib.), озмѫ́т (4б ib.), ѡ́змѣ (102 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ѡ́змоу (76 Псалт.), ѡ́змеⷨ (85б ib), ѡ́змете (97 ib.), о́змѣ (114 ib.), ѡ́змѫ́ть (37б), о́змоу (135 ib.), ѡзмитеⷨ (87б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158, при *а возми* 88 ib.), встань возми дѣтѧ, а ѡ́ми ѥ́ за рѫ́ку его (16 ib.), не ѡзмѣ (29 Псалт. XVII в.). Та же приставка *въз-* в виде одного *з* встречается, напр., в следующем месте: зненавиди (90 Псалт. XVI в.), стретилъ (27 Гродн. Акт. кн. XVI в.), стретили (87 Псалт. XVI в.), стречи (93 ib.), ѿ сходѫ́ (50 ib.), стривожилися (60б ib.), стривожоны (85б ib.), споминаѣть (39б Катих. 1562 г.), зненавидѣ (69б Псалт. XVII в.), будѣ споминано (24 ib.), споминати (49б), не спомина (71б), спомина́ли (158 ib.), не зыщѣ (88б ib.). Отпало *в* и в заимствованном из польского właśnie — łaśnie (Федер. I, 142 Слоним.). Еще в двух редких случаях отпало *в*: askaḍ́ (восковы́й, Клих 174), śo (= u̯so, ib. 207). Не будет отпадения *в*

[1] Ср. А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка. К., 1884, стр. 103, 2 вып.

в *от, ото* при русском литературном *вот* [ѡ҃то (41 Сб. XV в. Публ. б. № 391), се ѡ҃ (вот) себе (62 ib.), ѡ҃же (89 Катих. 1562 г.), ѡ҃ (234 ib.), ѡ҃то ѣ (4 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), ѡ҃то (164б)], так как в русском литературном языке *в* приставочное. Нет отпадения *в* и в слове *восемь:* осмдесят, осмого (Бел. Арх. I 1588). Еще отпало *в* в слове *озле* (22 Гродн. акт. кн. XVI в.). Такое же oŝdzieka (вот здесь, Федер. II, 50 Волков.). Еще примеры из живой белорусской речи: серуоўно (=все равно, Сержп. 179 Слуцк.), пили о́тку (=вотку, Ром. Мат. Гр. II, 209 Волков.).

И в середине слов также возможно выпадение *в;* причем тут в одних случаях выпало *в* еще на праславянской почве, и в белорусском это явление отражается лишь как старина, в других случаях выпадение произошло, несомненно, на белорусской почве вследствие того, что *в* в известном положении произносилось как *ў;* наконец, в некоторых старинных написаниях можно усматривать и орфографический пропуск *в*, которое должно было стоять под титлом. Отражение праславянского выпадения *в* имеем на месте ожидаемого сочетания *бв: о́бот, об'аруцъ', о́блах*, хотя рядом с ними существуют новообразования с другим значением: *абво́т, абв'аруцъ'*. То же встречаем и в старинных произведениях: обесити (5 Лит. Лет. Вил.), обѣшонъ (382 Статут 1529 г.), обесили (169 Гродн. акт кн.); в этом же роде: ѡ҃балившисѧ (30 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), не ѡ҃балѧю (188 ib.), ѡ҃балены были (24 Псалт. XVII в.), ѡ҃бали́ли (56б ib.), но *ѡ҃бвеща́ли* (объявляли, 105б ib.). На белорусской почве *в* выпадает, напр., в следующих случаях: здра́стуй (Дмит. П. и Ск. Вильн. 56 Новогр., Мат. Б. № 28 Себеж.), где группа *ств* упростилась в *ст*, как и в русском литературном произношении; пе́рши (вм. неправильного *первши* Бесс. Б. П. 1), как отчасти и в старинных памятниках под польским влиянием: пе́рвши (1542 г. В. А. 39), пабзку (Ром. Мат. Гр. II, 209 Волков.), крусуалася (Шейн. Мат. I, 118), кукуала (ib. 119 Бельск. Смол. губ.), дзеушка (ib. 118, Мат. Б. № 5 Слуцк., ib. № 13 Свенц., ib. № 29 Новогр., Розенф. 1 Вилейск., 3 ib.); в *деюшчи* (Ром. VI, 454 Сенн.) на месте выпавшего *в* вставлено *j;* взятое из польского nawet часто имеет вид *на́эт — на́ат* [naät (Федер. I, 36 Волков.), naat (71 ib.), nāt (II, 85 ib.)]. Древние памятники только русские знают это выпадение[1]. В старинных произведениях прежде всего обращает на себя внимание пропуск *в* в группе *вл* в памятниках смоленского происхождения — Летописи Авраамки XV в.: ѣрослалъ дворъ (223б, но *изаславлъ* 55, *ѡжеславли* 51), на даньслалѣ оулицѣ (163), даньслальци (166, но *до даньславлъ* 118б), ратьслала (180), ворослалъ (322), до ѣколѣ оулицѣ (229б), на ѣколи оулици (279, но *ивана ѣховли* 270). Как смотреть на эту черту? Она не свойственна живым белорусским говорам. Почти в тех же словах пропуск *в* отме-

[1] Ср. А. И. Соболевский. Из истории русского языка. — «ЖМНП», ч. 296, стр. '23.

чен А. И. Соболевским[1] в Новгородской летописи по синодальному списку XIII—XIV вв.; известна эта черта отчасти и псковским памятникам (Соболевский, Лекции[4], стр. 26). Если приведенные нами примеры не представляют заимствований из бывших у Авраамки новгородских оригиналов, то придется распространить эту черту и на старый смоленский говор. Еще пропуск *в* встретился в следующих случаях: врачество (250 Четья 1489 г.), четъертое (гр. 1399 г.), першый (245 Сб. XVI в. Позн.), черленый (262 ib.), по^{з}движенїе (210 Сб. XVI в. Крас., из *повздвиженїе* при *повоздзиноутисѧ* 121 ib.), плюгаствѣ (83б Катих. 1562 г.), запоѣдаю (заповедаю, 220 ib.), хоробу (12 Ев. Тяпин. 1580 г.) (как в польск. и чешск. яз., где choroba), пришестиѧ (41 Псалт. XVI в.), жи^{до}скомоу (132 ib.). Очень может быть, что в группах *-вств-*, *-ств-* *в* пропущено лишь писцом, а в произношении было.

Звук *в* является также в роли приставочного в некоторых случаях. Эту роль *в* исполнял перед начальными ъ и ъі уже в основном славянском языке; в общерусском была склонность к развитию этого звука перед начальным *о*, если оно было в слоге закрытом вследствие того, что ъ или ь следующего слога стали неслоговыми. Отсюда приставочное *в* в подобном положении в украинском языке, а также в народной и в некоторых словах в литературной русской речи (восьми, вотчим). Но господствует приставочный *в* в белорусском языке: в нем перед каждым начальным *о*, а иногда и перед *у* может развиваться *в*, которое в некоторых говорах принимает характер неслогового *ў*. Такое *в* приставочное знает весь белорусский язык, кроме юго-западного уголка, начиная от Волковыска, Гродна и Соколки, где в роли приставочного все чаще и чаще выступает *ґ* = *h* (ср. «Белорусы», I, 195); то же отчасти вообще замечается на юге Белоруссии, по соседству с украинцами. О развитии приставочного *в* после предлога *у* (больше из *ў*) мы уже говорили; здесь рассмотрим другие случаи. Все сборники изобилуют примерами приставочного *в*, поэтому приведем лишь несколько для образца: *в*ойцу (Дмит. П. и Ск. Вильн. 54 Новогр.), *в*бчками (Бесс. Б. П. 12), *в*ýточка (ib. 24), *в*осéннею (Шейн Б. П. № 1 Лепп.), *в*ýлка (улица, ib. № 34 Витебск.), *в*окнóм (ib. № 11 Лепп.), *в*бстрым (ib. № 138 Витебск.), ни*в*один (Добров. I, 14.57 Смол.), на *в*острови (Ром. V, 12 Горецк., ib. III, 182 Рогач.), на *в*оболки (облака, ib., IV, 188 Мстисл.). *в*ойстрым (ib. 145 Мстисл.), ни*в*одныя (Дембр. 207.569 Сенн.), *в*очи (Ром. III, 7 Сенн.), *в*осянь (ib. 11), *в*обс (Шейн. Мат. II, 467 № 24), *в*ольха (ib. 1, 20 Борис.), *в*орле (ib. 349 Игум.), *в*осударь (ib. 556 Волков., с развитием приставочного *в* после отпадения *ґ*), на*в*учили (ib. 246 Ошм.), *в*уцица (Дембр. 11.526 Клим.), *в*ум (Ром. IV, 217 Клим.), *в*умныя (ib. VI, 254 Мстисл.), *в*ухо (ib. III, 20 Сенн.), тую *в*икону (ib. 322 Рогач.), при*в*украсным (ib. 127 Клим.), *ў*от (Ляцк. Посл. 2 Борис.), *ў*бсинь (ib. 50), у *в*адно^{е}уха (ib. 47), ясны *в*очи (Розенф. 21 Вилейск.), цеща *в*узнáла (ib. 92

[1] «Одна особенность старого новгородского говора». — «РФВ», т. XVI, стр. 351.

Минск.), ни*в*одзин, *в*огник, *в*осинь, *в*озиро, *в*оба, *в*ум, *в*уж, *в*улица, *в*утка, *в*ось (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), те же примеры встречаются и в других ответах на белорусские программы; прибавим к ним еще несколько: *в*обмацком (ib. № 7 Минск.), *в*умны, *в*учыць (ib. № 8 Игум.), *в*овцы, *в*ок*о́*шко, *в*о́спа, *в*отрубы, *в*о́хыць, *в*ох = *в*ох, *в*ус, *в*уга́ль (ib. № 18 Витебск.), *ў*уч*и́*ць (ib. № 28 Себеж.), *в*усны́ (уста, ib. № 31 Вилейск.). Из польск. изданий: wu̯ospa v. u̯ospa (Федер. I, 147 Слоним.), u̯ó̜dzieka (ib. II, 181 Волков.), nau̯uczáje, ńau̯dáłyje, u̯ukínuć, ńe u̯uńéju, ńimá u̯u xáć́e, vúlica, vúško, vúlei̯, vóič́eńko (Клих 245 Новогр.), vóǵer, vomleu̯áć́, wóžyka, wóśmy, u̯ókny, u̯oič́eńko, u̯ǵźera и т. д. (ib. 246). Конечно, рядом с подобными формами, представляющими разнообразие в оттенках приставочного *в*, возможны и формы без всякой приставки, особенно в устах грамотных лиц. Старинные западнорусские памятники, хотя и в редких случаях, но тоже знают приставочное *в:* посполоу *в*олт'ора (81 Сб. XV в. Публ. б. № 391), да *в*одного (до единого, 92б ib.), дѣвка *в*учинить (375б Лет. Авр. XV в.), а держ'и̑ *в*овторо̑ (62 Тайна тайных XVI в.) (ср. Ягич, Критич. заметки по ист. р. яз., стр. 68), *в*ѫжъ (Библ. Скор. XVI в. Ср 21б), *в*ѫжева (Ср 14б), ꙗко *в*ось обращающаꙗсѧ (Ср 53б), облечешисѧ в' *в*одежу (Л 37 ib.), *в*окрестъ (59 Катих. 1562 г.), до *в*осени (174 Сб. XVII в. Син. № 790), з *в*оспы (174 ib.), на *в*улицахъ (165 ib.). Сюда относятся, конечно, и многие из примеров, приведенных раньше при *ув-*.

Вставку согласного *в* в середине слов можно указать в следующих случаях: па*в*у́к (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 7 Минск., 8 Игум. и т. д.), напо*в*а́ци (напатати, Дмитр. П. и Ск. Вильн. 34 Новогр., Изв. 185, Мат. Б. № 4 Могил. губ.) (ныпу̑*в*а́ць), напо*в*а́е (Ром. I—II, 59 Перер.), причем здесь *в* заменило утратившийся і; сподзе*в*а́цца (Мат. Б. № 5 Слуцк., 7 Минск., 17 Речицк. и др.); таково же *ц'и́гун* и *цив*у́*н* (Сл. Нос., бояцца не цивуна, а его бизуна), *ахво́та*, где *в* вставлено по особой народной этимологии — от *хватать:* а*х*вотно (Шейн Б. П. 183 Диснен.) ох*в*оту (Ром. III, 65 Рогач.), -та (ib. IV, 15 Орш.), иду на х*в*оту (ib. V, 48 Витебск.), ах*в*отица на х*в*оту (ib. VI, 70 Клим., Мат. Б. № 8 Игум., № 18 Витебск.), и производные: ах*в*отны, ах*в*очи, ах*в*отник, заах*в*оциўся (Мат. Б. № 31 Вилейск.), апля*в*уха (Ляцк. Посл. 21 Борис.), сура*в*е́шка (Розенф. 54 Минск.), на*в*учыла (Малев. 22 Слуцк.), ра*w*i̯k v. pau̯k (Федер. I, 246 Волков.), zaro̜*w*in (запоин, ib. II, 156 Слоним.), ach*w*o̜taju (I, 10 Волков.). Старинные западнорусские произведения также знают вставочное *в* и почти в тех же самых случаях: тив*у*номъ [гр. 1443 г. (В. А. 8)], Радив*о*нъ (гр. 1478 г.), надев*а*ючисе (6 Сб. XV в. Публ. № 391), напов*а*ного (15б ib.), ав*и*ноу̑ (37б ib.), ѡх*в*отн'о (52 ib.), лев*о*нтѣ́й (54б Лет. Авр.), ѡх*в*очихъ (93 ib.), ѡх*в*очий (172 ib.), на*в*уку (4 Гродн. Акт. кн. XVI в.), тив*у*ном (Бел. Арх. I 1606), на*в*уки [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)], ѡх*в*очь (28 Тайна тайных XVI в.), надѣ*в*атиса (168б Катих. 1562 г.), надева̑сѧ (14б Псалт. XVI в.), надѣ*в*аю̑щи̑сѧ (17б ib.), сѧ надѣ*в*аю̑

(155б Псалт. XVII в.) (во всех приведенных случаях *надъватися* значит *надеяться*).

Рассмотрим еще менее важные перемены основного русского *в* на белорусской почве, в некоторых случаях только мнимые. Это:

а) Переход *в* в *г* = *h* в слове *явор*, наблюдаемый лишь кое-где: *ягора* (Ром. III, 263 Гомельск.), зялены *ягор* (Шейн. Мат. I, 70 Орш.); более часто *г* вм. *в* в *гараб'éй* (haraḃeį Клих 180 Новогр. = воробей), где на *в* взглянули как на приставочный звук и заменили его другим приставочным.

б) Переход *в* в *б* в слове *бла́даць* (владеть, Сл. Нос.), где *бл* явилось под влиянием *о-бладать;* еще *вядбвабнаго* (Дмитр. П. и Ск. Гр. 21 Новогр. вм. *ядзабнаго*) в подражание следующему *б*.

в) Переход *в* в *м* в редком отдельном случае *раздумаць* (под влиянием *дму*, Ром. III, 257 Черик.), *выдума́ць* (= выдувать, Ром. V, 182), а также в суффиксе причастия *мш* вм. *вш*, тоже довольно редком в белорусском языке: уéхамши (Шейн Б. П. № 714 Витебск.), запалёмши (Ром. IV, 46 Чаусск.), проглыцёмши (ib. III, 129 Клим.), помолёмшись (ib. IV, 200 Черик.), спорадзёмши (Шейн. Мат. I, 548 Горецк.), ўзямшы (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), ўехамши (ib. № 18 Витебск.) и др.; но здесь, несомненно, явление морфологическое[1], вследствие чего и говорить о нем подробнее будем в морфологии.

г) Мнимый переход *в* в *р* представляет слово *схрозь* (Мат. Б. № 5 Слуцк., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 18 Витебск., 31 Вилейск. и т. д.) при русском *схвозь*. Но оба эти слова, находящие отражение в других славянских языках (словин. skozi, skoz, серб. *схроз*, чешск. skrze, польск. wskróś) и даже известные старославянскому языку (**скроzѣ** Супр. р., **скроzѣ** Mikl. Lex. Palaeslov.-gr.-lat., 843), имеющие одно и то же значение, — разного происхождения[2]; так что здесь явление морфологическое.

д) Такой же кажущийся переход *в* в *с* представляют слова *сжус* (Мат. Б. № 18 Витебск.), *сжусный* (Мат. Б. № 5 Слуцк., 9 Бых., 10 Мозыр., 18 Витебск., 31 Вилейск. и др.), заменяющие русские *вжус, вжусный*. Хотя приведенные слова и довольно распространены в белорусском языке, но они, вероятно, заимствованы из русской литературной речи, причем несколько изменен их состав в том отношении, что употреблен другой предлог. Белорусское простонародье употребляет слова *сма́х, сма́шный*.

е) Сомнителен переход *в* в *л* в слове *слабо́да* (ср. Мат. Б. № 5 Слуцк., 8 и 15 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 18 Витебск., 31 Вилейск. и т. д.) и производных от него, а также в отличающемся от него по

---

[1] Ср. Н. Н. Дурново. (Южно)великорусские деепричастия на *мчи* и *мши*. «РФВ», т. XLVIII, 1902 г., № 3 и 4, стр. 407 sq., то же в «Сборнике статей, посвященных Ф. Ф. Фортунатову».

[2] Ср. «РФВ», т. XXII, стр. 135—136, ст. Р. Ф. Брандта.

ударению *слóбода* или *слабадá* (большая деревня), при литературном русском *свобода*. Я не могу примкнуть к Миклошичу (Etymol. Wrtb. svĭ-) и видеть здесь фонетическое явление, а скорее допускаю предположение Р. Ф. Брандта («РФВ», XXIV, 184), что на это изменение *в* в *л* повлиял какой-нибудь другой корень, напр. *слаб-*. Указанная замена в белорусском языке произошла уже давно: старым памятникам она известна с половины XV в., а может быть, и раньше, так как общерусские памятники еще более раннего времени тоже знают ее (ср. Материалы И. Срезневского, III, 415 sq.): ослобожаемъ [гр. 1432 г. (В. А. 4)], выслобомили (освободили, гр. 1478 г). слободж (210б Четья 1489 г.), выслобонилъ (Библ. Скор. Ц 80), слободни (104 Катих. 1562 г.), ѡ слободи (45 Псалт. XVI в), ѡслобожѫ тА (51 ib.), ѡслободи (59 ib.), давши слободы албо волности (156 Сб. XVII в. Син. б. № 790).

ж) Если не опечатка в пословице *Еламýтка на йсяхия штýки хýтка* (чтобы привлечь парня, девушка готова на все, Зап. I, 259), то имеем появление *й* на месте *ў* из *в*. В Новогрудском уезде и в некоторых других случаях бывает *j* на месте *в* = *ў:* япрýк, ерба, ієрбы (Мат. Б. № 29), забили япра (Ром. Мат. Гр. I, 147 Слоним.), jepruká (Клих 42), jerbý (ib.), japrúčy (ib. 182), jeprúk (ib. 133), jerba (ib.), jerbałózowy (ib.). В żyjè, żyjùć (Федер. I, 9 Сокольск.), — конечно, полонизмы.

з) Группы *пв* из *пъв* и *хв* в старинных памятниках иногда заменяются посредством *ф:* волфъ (179 Четья 1489 г.), фалиⁱⁱⁱ (= *хвал-*, 45 Археол.), фаленъ (12 Позн. Сб. XVI в.), зуфалоє (19 ib.), пофалы (117 ib.), филю (15, 223 ib.), ѫфатилъ (39 ib. и др., рядом с *хвала, хватить* и т. д.), лиѳою (лихвою, 88 Статут 1588 г.), под' фрастъми (Библ. Скор. 1 35б), ѫфаючи (надеясь, 8 Катих. 1562 г., из польск. ufać = оуповати), фалу (29 Ев. Тяпин. 1580 г.), форымъ (больным) быломъ (36б ib.), форого (ib.), ѳоробѫ (5б ib.), ѳорых (10б ib.), форобы (17 Псалт. XVI в.), все ѳоробы (102 ib.), поѳалити (10б ib.), кѫ фалею (83б ib.), кѫ ѳале (132 ib.), в лиѳѫ (16б ib.), зафорала (117 Сб. XVII в. Вил. № 107), ѫфатила (Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), ѫ форосте (16б ib.), вофоватА (153 ib.), уфала, уфаленый (Р. О. Гильтебр. 217) (гр. 1585 г.), волфы [ib. 184, (1669 г.)], уфать [ib. 219 (1669 г.)]. Переход *пв* и *хв* в *ф* не белорусский, так как и *ф*, вообще говоря, белорусскому языку неизвестен. В словах, взятых из польского, следует видеть полонизмы; в других же можно видеть украинское влияние.

В заключение отдела о *в* отметим два примера, в которых видим как бы умягчение *в;* это — *вибралъ* (161 Катих. 1562 г.) и *лихвѣ* (121б Псалт. XVII в.). Однако эти случаи можно и иначе толковать: в первом собственно *ы* заменилось посредством *и* (украинское влияние), а во втором суффикс *-арь* чередуется с *'арь*, как и в польском (при старом lichwarz новое lichwiarz).

Ф

Звук *ф*, неизвестный в основном славянском языке, развился в его потомках отчасти путем заимствования из неславянских языков, отчасти же самостоятельно, как вторичное явление — на месте *в̯* при встрече его с безголосными звуками или же в абсолютном изглашении. В белорусском языке все обстоятельства сложились против возникновения *ф:* иностранных слов вследствие замкнутости жизни белорусов в их языке оказывается мало вообще, а со звуком *ф* еще меньше; звук *в* вследствие своей близости к *у* неслоговому в конечном слоге и в слоге закрытом в середине слова в положении после гласного обыкновенно обращается в *у* неслоговое и никогда не переходит в *ф*[1]. Вследствие сказанного, в белорусском языке звука *ф* вообще нет. Его можно слышать лишь от лиц, грамотных по-русски или особенно по-польски, да и то в словах иностранных: собственных именах и нескольких нарицательных [*Филúп* (Мат. Б. № 28 Себеж.), *фурманка* (ib. № 4 Могил. губ.), *куфéрку* (Бесс. Б. П. 145), *фунт*, *фáрба*, *фасóл'а*, *патрá'фиц'*, *картóфл'а*, *фам'úл'ийа* и немн. др., или из старинных произведений: *филиппомъ* (60б Четья 1489 г.), *филипп* (231 ib.), *оу викгоре* (4 Сб. XV в. Публ. б. № 391), *форма* (64 ib.), *ва шивого* (13 Псалт. XVI в.), *афѣри* (14 и др. с *ф*, Псалт. XVII в. и т. д.)]. Обыкновенно же, начиная уже с древнейших памятников, встречаем другое, именно:

а) *хф*: *ch*fartùch (Федер. I, 5 Слоним.), a*ch*f*i*arawą̀sia (ib. 8), *ch*fasku masła (ib. 88), *ch*f*i*gu (ib. 153 Волков.), *х*f'iga, a*х*f'icer, Xf'édar, a*х*f'icýna (Клих 254), *хф*окусьник (Вит. К. С.). Эта огласовка не имеет соответствия в старинных памятниках, да и в современном белорусском языке в других местах, повидимому, неизвестна. Очень может быть, что на подобном произношении сказывается влияние польского языка. Если бы подобное произношение удалось доказать со стороны настоящих белорусов, то мы имели бы здесь исходный пункт для понимания заместителей *ф* слов иностранных в белорусском языке (*ф* → *хф* → *хв* → *хў* → *х̂*);

б) *хв*. Это сочетание имеем, напр., в словах: *Хвёдор* (*-дыр*, *Хвéдар*, ср. Мат. Б. № 4 Могил. губ., 6 Диснен., 10 Мозыр., 15 Игум., 16 Бых., 17 Речицк.), *Хвядóбра* (ib. 31 Вилейск.), *Хвадзéй* (ib.), *Хвúлька* (ib.), *Хвóмка* (ib.), *Хвёкла* (ib. 28 Себеж.), *хвартýх* (ib. 4 Могил. губ., 10 Мозыр.), *хвáбрыка* (4 Могил. губ. 7 Минск.), *хвасóн* (ib. 4 Могил. губ.), *ахвицéр* (Шейн Б. П. № 402 Лепп., Мат. Б. 4 Могил. губ.; 7 Минск.), *хвамúлия* (ib. 10 Мозыр.), *хвунт* (ib. 13 Свенц., 31 Вилейск.), *картохвель* (ib. 28 Себеж.), *хвáўды* (Бесс. Б. П. 40). Из старинных произведений: *хлавиманъ* (140 Четья

[1] Иногда встречающиеся у Клиха написания с *f* в указанном положении (напр., uf śćehno, *f* staiñi, *f* cérkoų, *f* šýbu стр. 258, u nóčy *f* subótu, ųwąjsóų *f* xátu, *f*śej, *f*stavàj и т. д. стр. 241 и др.) основаны на каком-то теоретическом заблуждении; быть может, подобные слова подслушаны им от русского, поляка или даже еврея белорусского.

1489 г.), *хвѣ*ка (87б Сб. XVI в. Крас.), *хв*едя (21 Гродн. Акт. кн. XVI в.), не*хв*едовское улицы (Бел. Арх. I 1577), *х*ва̂шивы̑ боговъ (57 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158). В отношении указанной замены *ф* посредством *хв* белорусский язык сходен с украинским;

в) *х*. Эту замену *ф* встречаем, напр., в следующих случаях: Ви*х*лее́м (Зад. V, 70), Хилимо́н (Бесс. Б. П. 138), Хадо́рка (Шейн Б. П. № 38 Витебск.), Хве́ня, *-юшка* (ib. № 68 Бых.), Хадо́ська (ib. № 335 Лепп.), Хвадо́риха (ib. № 358 Лепп.), Хи́мочка (ib. № 668 Борис.), Хома́ (Хама́, Хыма́, Мат. Б. № 4 Могил. губ., 8 и 15 Игум., 10 Мозыр., 17 Речицк.), Хо́мка (ib. 4 Могил. губ., 16 Бых.), Хлор (ib. 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 и 15 Игум., 10 Мозыр., 18 Витебск., 27 Лепп., 28 Себеж., 31 Вилейск.), Хрол (ib. 16 Бых., 26 и 28 Себеж.), Хили́пп (ib. 26 Себеж.), Ану*х*рэ́й (ib. 28 Себеж.), *х*унт (ib. 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 и 15 Игум., 10 Мозыр., 14 Новоалекс., 16 Бых., 17 Речицк., 18 Витебск., 28 Себеж., 31 Вилейск.), карто́*х*ля (ib. 4 Могил.), *х*рацу́з (ib.), панто́*х*ли (ib.), *х*урма́нка (ib.), *х*у́ра (ib. 10 Мозыр.), *х*urmán (Клих 254). В старинных произведениях: *х*ома [гр. 1388 г. (Собол. и Пташ. 6), 63 Сб. XV в. Публ. б. № 391, 81б Сб. XVI в. Крас.], Ходорца (гр. 1486 г.), и ѥв*х*имиа (63б Супр.), до ѥхи҃пие (89б Сб. XV в. Публ. б. № 391), оу ви*х*ли҃ме (18 ib.), *х*ому (31 Гродн. акт. кн. XVI в.), Я*х*им (Бел. Арх. I 1603), Хома (ib. 1605), Хаму (ib. 1606), Ходор [Бел. Арх. II 1531 (XVII в.)], Хотей [ib. 1533 (XVII в.)], Митра*х*ан (ib.);

г) *п*. Случаи употребления *п* на месте звука *ф* довольно распространены: *П*илип (Шейн Б. П. № 254 Лепп., Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 и 15 Игум., 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 17 Речицк., 18 Витебск., 25 Новогр., 27 Лепп., 28 Себеж., 31 Вилейск.), Воси*п* (ib. 4 Могил. губ., 14 Новоалекс., 16 Бых., 27 Лепп., 28 Себеж.), Оси*п* (ib. 8 Игум., 9 Бых., 25 Новогр., 28 Себеж.), Еси*п* (ib. 10 Мозыр.), Ёзы*п* (ib., 31 Вилейск.), Язэ́*п* (ib. 6 Диснен., 13 Свенц., 15 Игум., 27 Лепп.), А*п*ана́с (ib. 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 и 15 Игум., 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 14 Новоалекс., 17 Речицк., 18 Витебск., 25 Новогр., 28 Себеж., 31 Вилейск., Дмитр. П. и Ск. Вильн. 103 Диснен.), *П*анас (ib. 27 Лепп.), *П*инагон (Афиногеи, 31 Вилейск.), *П*ёкла (9 Бых.), *П*екля (10 Мозыр.), *П*екла (ib. 15 Игум., 16 Бых., 17 Речицк., 18 Витебск.), тра́*п*лю (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 137 Новогр.), тра́*п*иў (Ляцк. Посл. 45 Борис.), *п*рапцуз, панто́*п*ли (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), карто*п*ля (ib. 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 и 15 Игум., 10 Мозыр., 17 Речицк., 25 Новогр., 31 Вилейск.), Luci*p*eru (Федер. I, 14 Сокольск.), szu*p*làdku (ib. 97 Волков.), prancy, ku*p*érek, ka*p*tán, kú*p*a (Клих 254). В старинных произведениях: Сб. XV в. Публ. б. № 391: до кай*п*ы бискоупа (8), не*п*'тали҃ (27б), *п*или҃ (63), со*п*їй (70), ѐпи*п*аний (85) (ἐπιφάνεια); гр. 1486 г.: *П*илипца, Мичи*п*орца; Бел. Арх. I: Ана*п*реевич (1694), Ники*п*ора (1606); II: Ники*п*оръ [1533 (XVII в.)], Су*п*ронъ [1533

(XVII в.)]; Лет. Авр. XV в.: въ всь гепсїманию (38); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262; и҃ѫ ѯ ѡ҆кна дбмѫ моегѡ через' портѫ мою смотрѣла ѣсми (96); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: трапилиса (33), потрапи с҃ (214б). Замечательно, что *п* является только на месте *ф* родственных языков, но не на месте греч. ϑ; *Пекла* (*Фекла*) не представляет отступления, так как народ приблизил это собственное имя к корню *пек-*, *Пинагон* — имя редкое и слишком переделанное;

д) *т*. Этот звук заменяет *ф* из ϑ только в тех словах, которые зашли к католикам-белорусам через Польшу; таковы: *Т*бдор [Шейн Б. II. № 543 Лепп., Мат. Б. № 5 Слуцк., 8 Игум., 18 Витебск. (*-дыр*), 27 Лепп. (*-дар*), 31 Вилейск.], *Т*ома́ш (ib. 31 Вилейск.), *Т*умаш (13 Свенц., 27 Лепп.), *Т*ымаш (ib. 18 Витебск.), *Т*е́кля (чит. *Тэ́хля*, ib. 5 Слуцк., 8 Игум., 13 Свенц., 25 Новогр., 27 Лепп., 28 Себеж., 31 Вилейск.). То же в старинных произведениях, изобилующих полонизмами: *т*омы (47б Сб. XV в. Публ. б. № 391), *т*ома҃ (62б ib.);

е) *в*. В Псалт. XVI в. на месте *ф* встретилось *в:* по҃д *в*икгоурю (figura, 77).

ЗУБНЫЕ *Д*, *Т*

Судьба основных славянских и древнерусских звуков *д* и *т* на белорусской почве одна и та же. Оба эти звука, когда им приходится быть мягкими, т. е. стоять перед смягчающими гласными — будут ли это соединения старинные или новые, — а также мягкими согласными, становятся слишком мягкими и при этом приобретают свистящий оттенок, как бы развивая после себя *з* (после *д*) и *с* (после *т*), которые с ними тесно сливаются; таким образом, на месте их возникают звуки *ʒ́* и *ć*, передаваемые русской транскрипцией посредством *д'з'* и *ц'* или (как Бессонов и Романов) посредством *д͡* и *т͡*. Это так называемое дзе́канье и це́канье — одна из самых характерных особенностей белорусского языка (ср. д'з'е́ц'и, с'ид'з'и́ц'). На окраинах юго-восточной, а также отчасти восточной и северной свистящий характер мягких *д* и *т* постепенно исчезает; с распространением русских школ дзеканье и цеканье иногда нарушаются и в центральных говорах. Отсюда понятно, что в разных белорусских сборниках можно встретить написания и с *д* и *т* на месте ожидаемых *дз* и *ц;* иногда, впрочем, подобные написания и не соответствуют живому произношению, так как лица, записывавшие или издававшие народные произведения, с преднамеренной целью приближения их к литературной русской речи, чтобы сделать понимание их доступнее обыкновенному интеллигентному читателю, употребляли *д* и *т* (так, напр., поступал Носович в словаре, хотя и не последовательно, то же отчасти и у Романсва, а также Никифоровского и нек. др.); иногда *д* и *т* следует относить к простым недосмотрам или неуменью передавать рассматриваемые свистящие звуки.

Явление дзеканья и цеканья развилось на белорусской почве самостоятельно, не позже XIV в. Соседство польского языка, в котором есть подобное, но не вполне совпадающее с белорусским явление[1], только поддерживало его (ср. доводы в пользу этого в I томе «Белорусов», 165—168). Старинные западнорусские памятники дают примеры рассматриваемого явления, однако, только с начала XVI в., да и то иногда в них можно подозревать полонизмы. Старинные писцы вообще всячески избегали обозначать свистящее произношение мягких *д* и *т*, стараясь употреблять историческое письмо часто, быть может, с целью отличить его от польского письма; по крайней мере в Тайне тайных XVI в., одном из интереснейших памятников для характеристики западнорусских особенностей в языке, на лл. 67б, 68 приводятся в русской транскрипции польские вирши[2]: и здесь писец всячески старается избегнуть употребления *дз* и *ц* (а также *рж*) и ставит по возможности *д*, *т* (и *р*): счас*т*ьѧ, маѧ*д*вадокъ, злос*т*и. Стремление избегнуть *дз* и *ц* даже в заимствованных словах заметно и в других памятниках: Ра*д*ивила (Бел. Арх. I 1548), обеца*т*ь (2б предисл. к Катих. 1562 г.), *д*ьѧкоую (127 ib.), на *т*итрахъ (174 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158). Вследствие указанного обстоятельства в старинных произведениях примеров на данное явление вообще встречается немного, если исключить из них те, в которых можно видеть полонизмы. Нам встретились: лю*дз*и [гр. 1409 г. (Арх. С. 1, 7), 1538 г. (В. А. 28)], но его можно рассматривать и как полонизм (ludzi); несомненное цеканье в *метаци* (Лит. Метр. VI, 9) (Владимиров. Докт. Фр. Скорина, стр. 272, вын.); пов*д*зе [гр. 1543 г. (В. А. 41)], лю*дз*ьми добрыми (Акты В. А. К. XXXVI, 252 Мин. 1582), жеръ*дз*ье озеродное

[1] Любопытно, что еще в XVII в. Ю. Крижанич («Објасньење виводно о писмѣ словѣнскомъ», стр. 42) обратил внимание на эту разницу в произношении польском и белорусском: польские zapowiedź, miłość и т. д. он передает посредством *заповыджъ*, *милосчь* и т. д., а про белоруссов говорит, что они вместо *бу́дет*, *хо́дит*, *са́дит* произносят *бу́дзјечь*, *хо́дзичь*, *садзичь* или *бу́дјечь*, *хо́дичь*, *са́дзичь*, «и таково бри́дко о́дурно изговарање, чајут бити не́токмо праведно и подлинно, него јешче то́нко, ла́годно, и дворанско». Очевидно, из двух вариантов белорусского произношения «дворянским» следует признать с мягкими шипящими, а чисто свистящее — простонародным.

[2] Л. 67б: Ѥ тымъ козѣ́ла
козы́ и посѣ́ла
кѣ́рки не пѣ́ваю
бо ктомъ счастьѧ немаю
не бы́ бо мнѣ моцна.
а дѣлазни нехдодзаю.
бо ктомъ здѣ́ровїѧ некедаю...
Л. 68б: ѥмъ шко́рпїѧ. маѧдвадокъ
злости прсу́нѣ
и здѣровїѧ пе́рвен крзо́къ.
ю кроки нигды не пѣ́раю,
бо ктомъ здровїѧ позбе́лаю
ю до лезни ра́ко хоцѣ,
мо чле́ки вокатка...

(ib. 260), зан'же мн'ого *наложыцъ* маю (42 Тайна тайных XVI в.) — случай недостаточно веский, равно как и следующий оттуда же: а не ѡбр'етишл'и пѫти и^{3}быти тошн'ицы сѣ (47б); в таком же роде и следующие примеры из Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: и^{ж}с тенникомъ каплють гѫбы чѫжее и сла^{ѣ}че ѡлѣю *глаголецъ* єє (95), мало снѫ мало дремоты мало ѡбн'ем рѫкѫ лежати; и прийдеть как *ходецъ* худоба твоа (95б). В этих примерах *глаголецъ*, вероятно — речь, а *ходецъ* — тень (?), или *ходыцъ*, чешск. chodec. Не лучше и те примеры, которые собраны Недешевым («РФВ», XII, 28—30). В некоторых из них, касающихся перехода *д* в *д'з'*, как *Кгродземскомъ*, следует видеть полонизм, на что указывает *кг* = *g*; другие примеры относятся к более позднему времени [*дз*юбали (1589 г.), гвоз*дз*икъ (1679 г.), челя*дз*и и др.]. Примеров на *ц'* и *т'* встречается как будто больше, хотя некоторые из них сомнительного достоинства. Так, в неопределенных на *-цъ* (не *ци*) можно видеть и полонизмы [радицъ (1581 г.), апеловацъ, еднацъ, слацъ (1585 г.), маемъ подековацъ (1589 г. и т. д.)], то же и в некоторых других словах (чверцъ = czwerc); *в мѣсцъ нашомъ* (1568 г.) может восходит к *мѣстце*, в данном примере может быть только упрощение группы согласных; *кесесце* (1582 г.) можно производить от *кезъска* из *кезъстка* (впрочем, рядом стоит *кезъстъ*). Остальные более или менее достоверные примеры относятся к сравнительно позднему времени [*ц*еляцины, *ц*емнозеленого (1679 г.), Мацька, Мицьково (XVI в.), Арцемъ, *Ц*имошку (1681 г. Недешев) и др.]. Таким образом, в старинных западнорусских рукописях *д'з'* и *ц'* встречаются очень редко; что касается печатных произведений, то в них даже и в таких незначительных зачатках этого явления нельзя видеть: рука корректора всюду старалась устранить всякие следы его.

В современных изданиях народных произведений дзеканье и цеканье обыкновенно передается, хотя и не всегда с достаточной последовательностью. Приведем для образца несколько примеров: из Чечота 1846 г.: *dz*ień, *c*iekli, pamietajuć *c*isowyje (1), *dz*ietok, h *'z*ie (2) и т. д.; из Носовича (пословицы 1852 г.): кра*дзец*ь, *ц*ётка (9), и*дзе* чорт не орав, там и се*яц*ь не бу*дзец*ь (21) и т. д.; из Дмитриева П. и Ск. Гр.: гля*дзи́ц*ь, *дз*еучину веду*ц*ь (60 Новогр.), люб*яц*ь мине мала*дз*енькие (61 ib.); П. и Ск. Вильн.: *дз*ве (16 Новогр.), *дз*е (27 ib.), вы́е*дзь* (40 ib.), *здз*е́нчик (насмешник, 74 ib.), раз*дзе́*уся (89 ib.) и т. д.; из Бессонова Б. П.: де̄тьми (1), де́рявый (30), де̄ (где, 95), гне́̄ться, бье́̄тся (4) и т. д.; из Шейна Б. П.: *дзе́вяць* (№ 1 Лепп.), *дзеся́*тую (ib.), *дзвена́дц*аць (№ 2 ib.), *дзиця́*тка (№ 3 ib.), *дзеньку́*ю (№ 10 ib.), запряжи́*ц*е (№ 2 ib.), е*сц*ь (№ 5 ib.), *дзи́ц*ел (№ 44 Витебск.), мя*дзве́дзь* (№ 46 Могил.), ми*дзя́*ные (№ 91 Диснен.), вя*цви́*сты (ib. № 142), воро*ци́мц*есь (№ 95 Себеж.) и т. д.; Мат. I: *дзядцько* (чит. *дзяцьжо* 13 Гродн.), слобо*дзиў* (ib. 61 Слоним.), споро*дзила* (ib. 33 Дрис.), расхо*дзи́*ся (ib. 95 Мозыр.), по*ждзи*це (ib. 108 Виленск. губ.), лю*дзей*, су*дзиц*ь (ib. 118 Бельск. Смол. губ.), ни *дзивиц*ися (176 Борис.), ў горо́*дзи* (ib. 165 Пружан.), *ц*емным (ib. 96 Мозыр.),

*ц*е (= те, ib. 454 Бельск. Смол. губ.), на плоце ў злоце (ib. 240 Минск.), постукиваець (ib. 6 Слоним.), в болоии (ib. 33 Лепп.), полецела (ib. 35 Минск.), *дзиия* (ib. 76 Речицк.) и т. д.; из Дембовецкого: су*дзиции* (10. 525 Гомельск.), *дз*вери (ib. 22. 587), хо*дзяину* (ib. 3.538, под влиянием *ходить*), хо*дзиць*, во*дзиць* (ib. 9. 525), прихо*дзя* (ib. 4. 538), вый*дзи* ды *дз*евычка (ib. 14 526 Рогач.), маци ни бу*дзила* (ib. 59. 553), ви*дзяв* (ib. 13. 526), й*дзе* (ib. 19. 527 Мстисл.), си*дзя*, гля*дзя* (ib. 28. 542 Горецк.), бу*дзець* (ib. 33. 543), хва*дзея* (ib. 1. 581 Орш.), пилнава*ць* (ib. 2. 524 Бых.), ўро*дзився* (ib.), в карагодзи (ib. 18. 527 Чаусск.), мала*дзела*, пазалацела (ib. 278. 576 Могил.), паха*дзила* (ib. 1. 524 Черик.), ложа засцелина (ib. 30, 529), пасцялю посцеличку (ib. 27. 529), идзець (8. 546 Орш.), ци ён тябе ни кахаиць (ib. 9. 546), дасцё (ib. 305 579 Могил.), куйця, цяшиця (ib. 20. 527 Мстисл.), скажиць пайци (ib. 38. 550 Сенн.), цябе (ib. 5. 582 Чаусск.), церими (ib. 11. 526 Клим.), паляцели (ib. 17. 527 Гомель) и т. д.; из сборников Романова I—II: приляцели, на ворбцях, дацци *Дз*ямидку (169 Орш.), коця, есци, *дзи*цяцю (170 Сенн.) и т. д.; III: молодзён (младенец, 292 Орш.), есьци хочець (ib.), стаць (254 Черик.), спаци (3 Сенн.), цяпер (48 ib.), *дз*весця (196 Бых.), маць (ib.), запрэгци (92 Рогач.), царсцьви (125 Клим., в этом слове, как и в других, переходу *т'* в *ц'* не мешает *в*), хресцянин (ib. 186 Бых.) и т. д.; IV: опяць, месьци, пбйдзем, будзець (12 Горецк.), обходзиць, цячець (14 Могил.), ля*дзи*, хицяр (20 Рогач.), бу*дзя*, хоцела (34 ib.), пяць*дз*есят, кусьцик (40 Чаусск.), отвечаець (46 Горецк.), смерцю (218 Клим.), зы цябе (87 Велиж.), хоцела (ib.), отвясциць (отвечать, 212 Клим.) и т. д.; V; *дз*явица (15 Орш.), ня*дзель* (4 Сенн.), хо*дзици*, бяседоваци, не бываци (89 Витебск.), цябе (6 Могил.), ня *'дз*ин (2 Витебск.), си*дзяць* (6 Могил.), Бугуро*дзица*, просци, *дзяц*юцкии (14 Городок.), на во*дзе*, плюнуць (16 Черик.), ходзили, *дз*явицы, поможець (24 Люцин.) и т. д.; VI: заповедзь, говорицъ, *дз*евки (26 Черик.), спрашиить, лятеть, день, видили (70 Клим.), ў груди, можеть (123 Сенн.), одежу, айде ваша смерть (130 Мстисл.), родить (180), дети, будя (246 Бых.) и т. д.; у Добровольского о белорусском дзеканье в Смол. губ. замечено (I т., 19. 126); «...порой *д* и *т* только приближается к *ц;* является звук, не передаваемый транскрипцией — дрожащий — не *дз* и не *ц*, но не *д* и не *т*. В местностях белорусских *д* и *т* явственнее заменяется в произношении *дз* и *ц*. Люди грамотные совершенно отвыкают от дзеканья — считают дзеканье принадлежностью «пушнова» («мужицкыга») наречья». В записях народных произведений даже из белорусских местностей у него обыкновенно не обозначается *дз* и *ц*. С другой стороны, анонимный наблюдатель смоленских говоров (Бодян. № 162, стр. 6) отмечает *д'з'* там, где его не имеется даже в западной Белоруссии; это смягчение *д* в *дз* перед *н'*, *л'*: *дз*нёв, *дз*нём, *дз*линный, *дз*ля. Здесь *дз* даже может изменяться в одно *з*: *з*ля чаго, *з*нём, *з*линный. У Ляцкого (Посл.): *дзе, дзе́*тца (5 Борис.), е́*здзиць* (11 ib.), *дз*ьвух (11 ib.) и др.; из Мале-

вича: глядзи, идзе, ніедзя (20 Слуцк.), мядзвіедзь (21 ib.), цьсемный (ib. 105), цьси (ib. 113) и т. д. Оставляя в стороне другие русские издания белорусских народных произведений, приведу только примеры из ответов на белорусские программы. Мат. Б.: пиць, дзеци, цемя, циха, будзиць, дзики(й), нядзель, цень, дзверы, дзве, дзвинаццыць, мядзведзь (№ 4 Могил. губ., Орш. и Сенн.), дзет, лесци (5 Слуцк.), дзеўца, уцякци (6 Диснен.), цёмно, дзяржучыся (7 Минск.), попадзя, цихо (10 Мозыр.), йдзе, годзи, бацько (ib.), раздзярыце, дзицяци (11 Новоалекс.), дзиравы, сапци (12 Слуцк.), едзем, кинуць (12 Свенц.), целя, дзевяцьдзесят (15 Игум.), будзе, есць, шкодзиць (17 Речицк.), дзеци, пустуяць (19 Белост.), пайдзи (ib. Волков.), палядзи (ib. Слоним.), дзякей, брацьмеце (ib. Гродн.), леньце (смотрите, 20 Август.), нядзеля, ехаць (23 Минск.), дзяцьми, пяцёх (25 Новогр.), дзе, жаць, гаспадзин вучиціль (28 Себеж.), зацьвярдзеў, дзьвери (31 Вилейск.). Новейшие польские собрания белорусских народных произведений на месте *д'* и *т'* мягких обыкновенно пишут *dz*, *d'* (условно вм. *dź* в транскрипции Карловича) или *ʒ* и *c:* Вериго, Podania: a*d'*ín, stra*c*a*ć*, ś*d'*í, zjeś*ć* (19 Лидск.), bu*d'*a, sa*d'*ić (74 ib.) и. т. д.; Федеровский: *dz*ień, prȳ*dz*ì, świeci, wi*dz*ić (I, 6 Сокольск.), czu*ć* lu*dz*iėj (ib. 15 Волков.), lecić (b. 42 Слоним.), wiè*dz*ma. zrabièciä, *dz*ień, każu*ć* (II, 164 Лидск.), kalìścic, *dz*iäciėj (III, 22 Гродн.), i*dz*iè, piärściònak (ib. 20 Новогр.), nazynàju*ć* (ib. 19 Слуцк.) и т. д.; Клих: *ć*eńóta, *ć*épéreka, *ć*vét (177), *ʒ*e*ć*ińec, *ʒ*véšć*e* (179) и т. д.; мои наблюдения: спаць (61 Трок.), ты*дз*ень, заиграецъ (Отч. 8 Иллукст.), цёрци, *дз*вюх (ib. 10), ха*дз*и, хвалиць (ib. 12 Великолуцк.), раскоцюцца, саха*дз*илися (ib. 17 Бельск. Смол. губ.), жалеецъ, придзёць, на людзём (ib. 18 Ржев.), нясецъ (b. 20 Смол.), заблудзила, *дз*явица, пяци [ib. 22 Брянск. (Акуличи)], идзецъ (ib. 23 Трубч.), жаци, *дз*яўчаты (ib. 25 Гомельск.), ходзёмо, несциму (ib. 27 Речицк.), у горадзи, облупиць (ib. 28. Мозыр.), *дз*е вы *дз*ели [ib. 29 Пинск. у. (сев. часть, Дятловичи)], *дз*веря, хочеце (ib. 30 Пружан.), *дз*іет [ib. (Беловеж.)] и т. д.

Приводя примеры, я старался, по возможности, представить все белорусские уезды дзекающие и цекающие. Но я должен припомнить здесь верное наблюдение Добровольского, что люди более или менее образованные стараются избегать указанной черты. Этим нужно объяснять подчас некоторую непоследовательность в записях народных произведений из одних и тех же мест: напр., у Дембовецкого и у меня *дз* и *ц*, а у Романова *д* и *т*. Очень может быть, что объекты наблюдения у разных лиц были различные, но и сами наблюдатели, больше коренные белорусы, могли не воспринимать свистящего оттенка *д'* и *т'*. Интересное замечание по этому предмету читаем у Никифоровского (Мат. Б. № 18, § 38): «...относительно сего я много раз спорил со сторонниками *дз* и *ц*, — каковых звуков я не улавливаю». Со временем, внимательно прислушавшись к чистому русскому произношению, белорусы-наблюдатели замечали разницу в своем и, напр., русском литературном произношении. Так, Романов в I—II вып. почти везде употреблял

д и *т* в тех случаях и говорах, где в следующих выпусках уже пишет *дз* и *ц* или *д̄* и *т̄*. Впрочем, по белорусским окраинам, как отчасти я уже отмечал раньше, слышится дзеканье и цеканье послабее, нежели в центре, а иногда и совсем исчезает. Этим объясняются отчасти *д* и *т* в таких случаях, как: ходи́ла, деўка (Шейн Б. П. № 373 Витебск., № 407 Невел.), будешь, пройтить, тяремочек, варкуить, ходить, будить (ib.), вмеить, лятев (Шейн. Мат. I № 634 Велишков. вол. Витебск.), выть, гомонять (ib. № 1 Гомельск.), есть (Ром. III, № 12 Рогач.), смертю (ib.—II, 17 Гомельск.); в Мат. Б. замечания о слабых *дз* и *ц* сделаны относительно Быховского уезда (№ 9 — дети, будя, дявица; № 16 — дятей шестирка), Витебского (№ 18 — Господь-кормицель, лидяць, сидючи, отвясциць и т. п. — смешение и непоследовательность в написаниях говорит, повидимому, за малую разницу между сильно мягкими *д'* и *т'* и *д'з'* и *ц'*), Себежского (№ 26— дьвери, обхвати, кричать). В своем «Отчете» я отметил смешение мягких *д'* и *т'* со свистящими *д'з'* и *ц'* или отсутствие последних в некоторых местах Великолуцкого уезда (12), у Жиздринских палех (21), у Городнянских белорусов Черниговской губ. (24), около Лунина Пинского уезда (28). Впрочем, вопрос о том, в каких местах по окраинам Белоруссии отсутствует дзеканье и цеканье, вследствие необходимости дальнейшего непосредственного наблюдения, мною недостаточно еще уяснен.

Звук *ц* мягкий из основного русского *т* в некоторых говорах в произношении иногда протягивается, «особенно, когда ударение падает на последний слог» (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), который заканчивает *ц*. То же иногда и в середине: цьси (Малев. 113 Слуцк.), цьсёмны (ib. 105) и др.

Вследствие того, что в белорусском языке совершенно исчезли *д* и *т* мягкие, когда приходится передавать иностранные слова с *-ди-* — *-ти-*, часто употребляют *д* и *т* твердые; *дыя́кан* (при обычном *дзя́кон*, ср., напр., Шейн Б. II. № 78 Лепп.), *дъяволы* (Ром. IV, 123 Сенн.), *дыявол* (ib. 41 Горецк.), *латы́нск'и* (при обычном *лац'и́нск'и*); то же иногда наблюдается и в туземных словах; *дя́дыще* (Ром. III, 34 Гомельск., любопытно в ругательствах — *матары*, ср. стр. 272). Отвердение *д* иногда замечается перед суффиксом *-ба:* жани́дбу (Шейн. Мат. I, 492 Витебск.), жани́дба (Мат. Б. № 18 ib.). Здесь мы имеем дело со вторичным отвердением *д* и *т*. Его мы замечаем и в старинных западнорусских произведениях. Впрочем, здесь некоторые примеры скорее представляют только графический прием, а не звуковое явление; таковы формы на *-дми* и *-тми*, где только пропущено обозначение мягкости: дѣтми (гр. ок. 1300 г.), людми (гр. 1480 г., Лет. Вил. 5), лю̀ми (Лет. Крас. 64б), честми (Лет. Вил. 12), печатми (311 Статут 1588 г.), лю̀ми (52б Тайна тайных XVI в., то же 33б- Сб. XVII в. Вил. № 107), людми (139 Сб. XVII в. Син. № 790); то же в других случаях орфографического характера; будте (гр. 1341 г. Кест. и Люб.), дядко (7 Статут 1588 г., 28 Гродн. Акт. кн. XVI в.),

сѫдба (37б), сѫдбы (31 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); не обозначена мягкость отчасти вследствие того, что конечная согласная писалась над строкой: приехат (Лет. Увар. 33), в рат дат правду (33 ib.), быт (= быти, 43б Ев. Тяпин. 1580 г.); склоняемые слова иногда, повидимому, переменяли основу: дождъ (192 Катих. 1562 г.), дождy не было (144 Сб. XVII в. Син. № 790), дожды (142 ib.), на гды (132 Псалт. XVI в.), гдъ (8, 100б Псалт. XVII в.), ѡпятъ (8 Сб. XV в. Публ. б. № 391) — очевидно, чехизм (opět). После всего сказанного отвердение *д* и *т* окажется в немногих случаях, из коих в некоторых можно усматривать украинизмы или образования под влиянием польского языка; дытынецъ (гр. 1409 г.), Константынъ (гр. 1499 г.), латынсиє (108 Сб. XVI в. Позн.), латынникомъ (ib.), третал (1б Катих. 1562 г.), тыраннъ (80 ib.), едыно (jedyno, 219 ib.), посреды (56б ib.), лѫнтаыковъ (lunatyk, 5 Ев. Тяпин. 1580 г.), чини собѣ рѫчаи во на поити ими лѣсъ *ростащь* (87 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), двана́дцатъ (Ев. 1616 г. 2 мг б), ногты́ (10 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), филистыскую (83б Псалт. XVII в.), ѡпатъ (105 ib.), неправостъ (97 ib.), сутъ (98 ib.) — во всех трех последних случаях, повидимому, нет основания предполагать какое-либо иностранное влияние.

В старинных западнорусских произведениях и в современных говорах можно указать несколько случаев вторичного умягчения *д* и *т*. Сюда относится слово *с'ц'ю'з'о́ный* (ср. Сл. Нос.: *сцю*дзень, *сцю*дзёный, *сцю*дзёнка; сцидзеного (Шейн. Мат. I, 128 Смол. у., Ром. III, 8 Сенн., ср. еще Мат. Б. № 4 Могил. губ., 6 Диснен., 9 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 18 Витебск., 31 Вилейск. и др.), встречающееся в таком виде в древнерусских памятниках вообще (ср. Соболевский, Лекции[2], стр. 121) и в старых западнорусских памятниках: стюденоє (222 Сб. XVI в. Позн.), стюдено (43 ib.), с'тюдены (рядом со *стждено, стѣсене*, 30 Тайна тайных XVI в.). Что касается других примеров, где *д* и *т* стоят перед *и* вм. *ы*, то в них умягчение основывается на переходе *ы* в *и*, о чем мы уже говорили в отделе о гласных (стр. 235 sq.). В *завстыдаются* (85б Псалт. XVI в.) может быть тоже вторичное умягчение *д*, но возможно видеть также и описку. В слове *wацéты* (waćɛty, Парич. = вот еты) *ц'* явилось из *t*+*j* (jety).

О замене основных славянских *dj* и *tj* посредством *ж* — *дж* и *ч* в данном месте говорить не приходится, так как белорусский язык унаследовал уже от общерусского языка *ж* и *ч;* лишь *дж* развилось на его почве из *ж*, о чем и скажем при *ж*.

Рассмотрим еще изменения, которым подвергаются в отдельности *д* и *т* на белорусской почве.

Д

Звук *д'з'* в собственном имени «Димитрий» почти повсеместно в Белоруссии упрощается в *з:* Зми́цяр и Зми́цёр (ср. Шейн Б. II.

№ 142 Диснен.). Но здесь, вероятно, народное перетолкование, причем на *з* смотрели, как на предлог. Иначе следует объяснить *з* мягкое в предлоге *з'л'е — з'л'а* (для): źle taho (Федер. I, 117 Волков., 166 ib.), зле одно дела я табою нидаволин (Добров. Смол. Сл. Ак. Н. 11, 2712), здля (= для, Ром. Мат. Гр. II, 169 Гродн.). Так как этот предлог встречается и в южнорусских говорах, не знающих дзеканья (Калужск., Курск.), то можно предполагать здесь переход *д'* в *з'*, смягчившееся в *з'*, тем более, что *гля* (= для) известно русскому языку (Даль 1^2, 369).

Звук *д'з'*, когда ему приходилось стоять перед *ц* (в состав которого входит *т': т'с*), бывшим в более древнюю пору звуком мягким, после обращения в *ц'* в группе *ц'ц'* (из основных **-дьц-**) мог обращаться в *й:* малойцо́м (Шейн Б. 119 № 102 Лепп.), молойцы́ (Бесс. Б. П. 1), малойцу́ (146 ib.), па малбйцу (Розенф. 46 Минск., ср. Довн.-Зап. Полесье, 150, Добров. II, 4). В старинных западнорусских памятниках только *ра́йцы* (= радьци, советники, ср. Рук. Отд., 210), зра'ци (39 Псалт. XVII в.), как в польском. Вообще рассматриваемый переход мягкого согласного перед другим мягким, тожественным с ним, в *й* (*j*), наблюдаемый, как увидим после, и у других согласных (ср. ЖМНП, 1901, окт., 399, ст. А. И. Соболевского), известен отчасти русским говорам и особенно польскому языку.

В разных белорусских говорах довольно распространено полное уподобление *д* следующему за ним тоже зубному *н* в отношении носового резонанса, вследствие чего на месте группы *дн* (из осн. **-дьн-**) является *нн:* вяликоньню (Ром. I—II, 444 Сенн.), вялика́нню (Мат. Б. № 5 Слуцк., № 9 Бых.), у виликбння рано обення (ib. № 18 Витебск.), палу́ннываць (ib. № 4 Могил. губ.), сягонни (Шейн. Мат. I, 28 Витебск.), *-ння* (ib. 436 Игум.), сяня (Ляцк. Посл. 29 Борис.), сягбнни, ся́нни (Мат. Б. № 4 Могил. губ., ср. еще № 13 Свенц., № 31 Вилейск.), ся́нишния (о молоке), ра́нишния (ib. № 18 Витебск.), śahóńńe (Клих 8 Новогр.), и со слитием двух *н:* siehòni (Федер. II, 51, Волков.), анна́ (одна, Розенф. 88 Минск., Мат. Б. № 26 Себеж.), anno (Федер. I, 5 Слоним.), онно (Ром. Мат. Гр. II, 4 Слоним.), онна (Шейн. Мат. I, 138 Поречье) онни (ib. 596), рбнной, ронном (ib. 184, а также ib. II, 388), ронная мамка (Розенф. 39 Минск.), рбнаго бацюшки, рбнной матушуки (Отч. 14 Великолуцк., Мат. Б. № 4 Могил. губ.), абення (Добров. I, 18. 112 Смол.), галонну (Ляцк. Посл. 43 Борис.), спанница (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), спан'н'и́чка (юбка), annož, rŏńńeńki, spańńička (Клих 256). По аналогии с подобными образованиями явилось *поннял* (Мат. Б. № 26 Себеж.), где *нн* = осн. **-дън-** из **дъj-**. Из старых памятников можем отметить только: анизан'нымъ (2б Тайна тайных XVI в.).

Д, перед *с* мягким обратившись в *т'* и слившись с ним в *ц*, усиливает свою первую часть, так что получается как бы переход *д* в *ц*. Это явление наблюдается в числительных (**десѧ-**): adzinàccaciam (Федер. II, 65 Волков.), dvanaccać (Вериго Pod., 33 Лидск.), трыцать (Ро-

зенф. 25 Вилейск.). Можно слышать и произношение с *ц* на месте *д* основного, стоящего перед *ц:* пац'ц'аг'н'и́.

Перед шипящим *ч* на месте *д* можно слышать *ч:* рач̆ čas (Клих 49 Новогр.).

Как единичную замену *д*, отметим *г* (вероятно, *g*): огнажды (Ром. IV, 212 Клим.).

Также единичный случай, похожий на описку, в *ж* (в группе *жц*) на месте *д* (*дц*): дважцатеры (115 Гродн. Акт. кн. XVI в.). Написание *дастамежтъ* [testamentum Бел. Арх. II 1531 (XVII в.)] — результат перетолкования.

Звук *д* в основном сочетании *тт* из *дт*, как и в общерусском и старославянском, по преданию заменяется через *ст:* гусли (из * гжттлн), jа́сл'и (из *jаттли).

Еще следует коснуться нескольких случаев выпадения *д*, отчасти ведущих свое начало еще из общеславянского языка, где оно распространено было диалектно. Таково: а) Выпадение *д* перед *л:* так, при взятом из польск. *видэ́льцы* (Сл. Нос.) имеем *ви́лы, ви́лки;* при русском литер. *оседлость* имеем *оселость* (30 Статут 1588 г.). Однако в некоторых заимствованных словах сочетание *дл* сохраняется: *абеца́дло* (азбука), *быдло* (скот), *повы́дло* (варенье), *кова́дло, малевы́дло, мазавы́дло;* то же отчасти бывает и в некоторых белорусских словах: *бодли́вы, м'ядл'ен'е*, особенно в тех случаях, когда после *д* выпал гласный; *ху́дла* (название собаки, которая имеет шерсть похожую на *худзе́лю*, Сл. Нос.), *для — дли* (Бесс. Б. П. 3) из *д'з'е́л'а* (дѣлꙗ), но и с выпадением *д: ля* из *для — подля* (подлꙗ[ѣ], Дмитр. П. и Ск. Вильн. 232 Новогр.). б) По преданию от старины *д* выпадает перед *н* суффикса *-нж-*: от корня *гл'ад- — гл'а́нуц'*, от корня *студ- — застыну́ц'*. в) То же наблюдается перед *м*: от корня *руд- — рум'а́ный*, при ст.-слав. сѣдмь — *с'ям, с'о́мый;* то же в старинных произведениях: семый (1 Сб. XVI в. Позн.), семомъ (9 Статут 1588 г.), сѣмого [Акт. 1539 г. (В. А. 35)], семого (Бел. Арх. I 1577), семыи (Библ. Скор. Ц 141), семого (31 Ев. Тяпин. 1580 г.), семъ (53б ib.), семы (65 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158). Впрочем, в словах *семь д* выпадает иногда уже в памятниках XI в.: *семое число* (Miklosich. Lex. Palacoslov.-gr.-lat. 835). г) Собственно на белорусской почве *д* выпадает в группе *-здн-* из осн. *-ꙁдьн-*, что́ зависело от утраты глухого: *пра́з'н'их, по́зно*. То же в старинных западнорусских произведениях: Четья 1489 г.: празникъ (52), позно (153), бѣзна (206); Сб. XVI в. Позн.: позно (244); Библ. Скор. XVI в.: позныи (В 26б), позно (Ц 195), празники (Б 20б), празна (Пр 55 и др.); Катих. 1562 г.: празновати (46); Ев. Тяпин. 1580 г.: празьнїкъ (37); Псалт. XVI в.: бе҃на безноу (43б), празники (75); Сб. Чуд. XVI в.: пра҃ничнаѧ (124б); Сб. XVII в. Син. № 790: празники (141б), позная 166. д) В группе *-рдц-* из осн. русск. рдьц- также выпадает *д: са́рца,* ср.: серце (А 168 в Библ. Скор.), серцъ (25 Ев. Тяпин. 1580 г.). е) Лишь один случай выпадения *д* нам известен в группе *-здр-:* ѡ нозрѣ҃ (216

Тайна тайных XVI в.), но здесь может быть и описка. ж) Довольно редкий и для меня не совсем понятный случай пропуска *д* перед *-ши* деепричастия прошедшего времени, несколько раз попавшийся в сборниках Федеровского: wyszeczy (II, 66 Волков.), paszèczy (ib. 140), zajszeczy (ib. 194). Такие образования на *-чи* вм. *-ши* мне неизвестны (обыкновенно *вы́шоўшы* и под.). з) Верное наблюдение отмечено Клихом (253) относительно пропуска *дз* в таких формах, как pryxó(ź)ić, ꙗaixó(ź)i[ć]. Такие примеры изредка и мне приходилось слышать.

В подражание старине *д* в некоторых словах, больше заимствованных из польского, вставляется: а) В группе *-зр-: зайздросц'*. В старинных западнорусских произведениях такое вставочное *д* имеем в словах: зд*р*адне, зд*р*адца (58 Сб. XVI в. Позн., рядом с *зрадне, зрадца* 132, *зражати* 107), здр'азити (127 Сб. XVI в. Крас., при *зр'ады* 154), зд*р*ады (2 Статут 1588 г.), зд*р*ад^{ы} (Псалт. XVII в. 1б 10, 31, при *зрада* 38, *зрад^{ы}* 4б), здра^{х}ливы^{м} (120 ib.). б) В группе *-рл-:* синогор*д*лица (97б Сб. XV в. Публ. б. № 391, польск. sinogardlica). в) В группе *-зн-:* нераз^{д}нитс^{ѧ} (58б Тайна тайных XVI в. г) В группе *-жр-:* пон*д*равился (Мат. Б. № 26 Себеж.) (руссизм). Будем видеть полонизм в *модли́та^{ы}ў* (Ляцк. Посл. 24 Борис.).

Можно бы говорить о вставке *д* в очень распространенном в юго-западной Белоруссии слове *бо́рздо* [ср. Мат. Б. № 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум., 11 Новоалекс., Клих 175 Новогр. (borzdo)], бо́рздзенько (Мат. Б. № 17 Речицк.), *бу́рзды* (Малев. 12 Слуцк.) и производных от них при северо-восточн. *бо́рзо* и производных (Сл. Нос.). Это типичное слово «борзд» известно и старинным западнорусским произведениям, являясь в них характерным показателем белорусского происхождения памятника. Вот несколько примеров. Четья 1489 г.: борздо (45), оу борздѣ (260 и др.). Литовские летописи XV—XVI вв.: во борздѣ (33 Супр.), бо^{р}з^{л}ыми ко^{п}ми (43б Археол.). Сборник XVI в. Позн.: борздый, боръздый, борздо (11—12 и др., Archiv IX, 363), Статут 1588 г.: борз*д*ымъ (31). Библия Скорины XVI в.: рядом с *борзо* (И 61 и др.) чаще *борздо* (Ср. 23б, П 12 и др.), *борздыи* (Ср 51), *борздои* (Ср 20б), *борздеи, борздее* (Б 84). Сборник XVII в. Син. № 790: кони бо^{р}здыя (282 «РФВ»). При рассмотрении приведенных образований естественно припоминается польское bardzo — слово того же корня bъrz- и то же со звуком *д*. Но откуда здесь *д*? Для обычной вставки, повидимому, причины нет. Не является ли здесь *д* следом особого суффикса? Или, быть может, в белорусском какое-либо влияние слова *борозда*?

Т

Можно указать несколько случаев появления *д* на месте *т*, объясняемых разными причинами, но менее всего фонетическими. Таковы случаи: а) *дах* (Шейн Б. П. № 1 Лепп., № 46 Могил., Бесс. Б. П. 73) и его разновидности: дык (Шейн Б. П. № 181 Диснен., Бесс.

Б. П. 113), дек (Бесс. Б. П. 59). В приведенных случаях нельзя не видеть влияния союза *да;* б) tùdakawa (здесь, Федер. I, 94 Волков.) — под влиянием *туда*, хотя оно, несомненно, происходит от *тут;* в) нога подопчетъ (Библ. Скор. XVI в. 1 47), подопташа (ib. Ц 199) — основаны, быть может, на ложноэтимологическом написании; разложено на *под-о-пт-* вм. *по-топт-*, хотя подобные слова могли существовать и в живом произношении, будучи заимствованы у чехов или поляков, знающих — deptati, deptać, где *д*, повидимому, следствие диссимиляции слогов. Несомненный полонизм в *прыдантáў* (Отч. 5 Новоалекс.). Ложноэтимологическим написанием объясняется *д* в подщахус (МПГ 5б Скор.), не ссылаите его *дща* (ib. Ц 14), дщета и др. (Владимиров, Докт. Фр. Скорина, стр. 273); педма копами [пятью копами, гр. 1497 г. (Арх. С. I, 4)]. Не знаю, живое ли или только орфографическое явление в *судки* (Ром. III, 122 Клим., ib. 196 Бых.). Какая-то особая этимология в *каўдýн* вм. *каўтýн* (ad kaudunà Федер. I, 437 Волков.).

Звук *т* в предлоге *от-* перед *д*, перейдя в *д*, вследствие диссимиляции звуков в некоторых говорах переходит в *н:* andàu (Федер. III, 160 Волков., ib. I, 162), andauszy (ib. 372), andać (ib. 330) — все из м. Свислочи; andauby [Федер. I, 325 Волков. (Мстибов)], andavái [Клих 151 Новогр. (Сенежичи) 261 ib.].

На месте *т* мягкого в группе *т'т'с*, или на белорусской почве *ц'ц*, обыкновенно является *й*, как и в польском языке: *ойца* [Шейн Б. II, № 707 Борис., Бесс. Б. П. 56, Мат. Б. № 5 Слуцк., № 31 Вилейск. (вбйчим), № 18 Витебск. (ни ў маць, ни ў ойца) и т. д.]. К нему образован и именительный *айцец*, куда *й* запло из косвенных падежей; таково же очень распространенное в белорусском *трéйц'и* из *трéц'ц'и:* трейцим («РФВ», XIII, 266 Новогр.), трейций (Шейн. Мат. II 215 Слуцк.), trejci (Федер. I, 6 Волков.) и т. д.

Т мягкое заменяется посредством *ч* в вопросительной частице *чи* (ср. Бесс. Б. П. 4 и др.), существующей отчасти рядом с *ц'и* (ср., напр. *ци—ци* Ляцк. Посл. 56 Борис., но у него же ib. 37: пытая маран чы цёпла у паляц). Однако ввиду украинского, польского и чешского *чи*, czy, čі скорее *ц'и* следует выводить из *чи*, хотя они могут быть и разного происхождения: *ц'и* может быть равно **тн** et, vero. Впрочем *чи* не носит общебелорусского характера. Иногда *ч* бывает на месте *т* (белорусск. *ц'*) и в других случаях: *чисóвые* (Шейн Б. П. № 341 Лепел.) вм. *цисовые*, вероятно, под влиянием *чáсáц'* (обтесывать). Сюда же принадлежит *чысах* (тесак, Ром. VI, 203 Витебск.).

Иного рода изменение *т* в *ч* происходит вследствие уподобления *т'* (ставшего сначала мягким *т'* — *ц'*) следующему за ним *ч:* на маччиной пасцели (Дмитр. П. и Ск. Гр. 68 Новогр.), аччиняя (Отч. 4 Новоалекс.), аччыни́ць (Малев. 166 Слуцк.), раччу́, krosna čče, aččytau karaččej (Клих 256 Новогр.), aǎ čeho (ib. 258); дальнейшая ступень слитие двух *ч* в одно: a(d)czäpisie (Федер. II, 195 Волков.). Далее старинные западнорусские произведения иногда обозначают указанное

уподобление: оччинѣ (гр. 1475 г.), очьчинѣ (ib.). Из рассмотрения приведенных примеров можно видеть, что здесь мы имеем частный случай общего закона перехода свистящих (*ц'* из *т'*) перед шипящими в шипящие.

В одном случае *т* переходит в *ч* вследствие уподобления звуку *ч* следующего ударенного слога, это: *чажо́л* (Ром. I—II, 133 Рогач.)[1]. В юго-западной Белоруссии этого слова нет: там *ц'а́шки* или *ц'ашки́*.

Так как звук *ц* состоит из слития группы *т'с*, то естественно, что перед мягким *т* звук *т*, предшествующий ему, становится мягким, или на белорусской почве обращается в *ц'*; таким образом, из группы *-тц-* имеем *-ццц-*: бра*ццы* (Розенф. 6 Вилейск.), си́*ццо* (Новогр.), karyśśo, mássu, aśśinać, paśśahní и т. д. (Клих 256). Не всегда, впрочем, бывает это уподобление на самом деле: *тц* (или точнее *-тт'с-* усиленная первая часть *ц*) также допустимо: бытцам (Ляцк. Посл. 47 Борис.). Последнее обстоятельство, вероятно, является причиной того, что основная группа **тьц** в таких словах не дала *йц*.

Иного рода группа *-ццц-* в 3-м л. ед. и мн. ч. глаголов и в неопределенном, как: пыта́ецца (Шейн Б. П. № 15 Лепп.), нажи́цьца, водзи́цьца (ib. № 22), зна́добицца (ib.), дзе́ецца (Бесс. Б. П. 180), жени́цца (ib. 8), не спи́цца, мякчи́цца, ажани́цца (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 96 Новогр.), ни́цицца (нитится, Розенф. 28 Вилейск.), aziràjacca (Верига Pod. 16 Лидск.), drowa natnuśćio i na sani nakładuśćsio (Федер. I, 176 Волков.), дра́цца, прас'и́цца и т. д. Во всех таких случаях сочетание *т'с* в конечном слове дало *ц* [ср.: сдасца (Ляцк. Посл. 17 Борис.), расудица (гр. 1486 г.)], причем перед ним мог быть восстановлен еще *т*, сохраняющийся или в неизменном виде [*ро́битца*, *зва́тца*, ср. старинные: жалова̀ца (74б Лит. Лет. Крас.), ослухаетъца (25 Ев. Тяпин. 1580 г.), надѣетца (14б Библ. кн. Вил. XVI в. № 262)], или же уподобившийся следующему *ц*. В юго-западных белорусских говорах в указанном положении (3-е л. ед. и мн. ч. и неопр.) иногда не бывает перехода *т* + *с* в *ц*: боиць*ся*, боя̀ць*ся* (Мат. Б. № 19 Гродн.), prosićsia (Федер. I, 4 Слоним.), jakżä my dzielićsia budziam (ib. 172), hòjdajećsia (ib. 309), barukacsa (ib. II, 10 Волков.), wydziwićsio (ib. I, 175 Волков.), bieda stàniećsio (ib. 175).

Еще в общеславянском языке в основной группе *-tt-* первый согласный перешел в *s*. По преданию от старины, то же явление происходит и в белорусском языке: *гн'ас'ц'и́* при *гн'ату́*, *пл'асц'и́* — *пл'ату́* и т. д.

Звук *т*, как и *д*, подвержен в некоторых случаях выпадению. Одни из них отражают старину, другие же произошли на белорусской почве. К первым принадлежат — выпадение *т* а) перед *л* суффикса *-ло*: *пам'ало́* (от корня *мат-*); б) перед *н* суффикса *-нъ-*: лепену́ць (при *лепета́ць*, Сл. Нос.). На белорусской почве *т* выпадает в сочетаниях *-стл-* (из *-стьл-*) и *-стн-*: слац', щас'л'и́вы, шаснацца́ц'; звесна

[1] Ср. заметку С. Булича в «РФВ», т. XXI, стр. 241: «Народное «чижо́лый» (тяжелый)».

(Ляцк. Посл. 49 Борис.), чэсны (Малев. 20 Слуцк.), с'в'и́снуц'; в *слуп* (из осн. русск. *стълпъ*) видим польскую огласовку (słup), указывающую на заимствование этого слова белорусами, знающими и общерусское *стоўб* из *столб;* такой же полонизм и в белорусск. *шхло́* из *стьхло*, польск. szkło. В *ўпусьице* (упустите, Шейн. Мат. I, 194 Пореч.), вероятно, опечатка. Пропуск *т* преимущественно во вторичных группах, получившихся после утраты глухого, известен и старым западнорусским памятникам: в группе *-стл-:* если (21 Катих. 1562 г., рядом с *єстли* 2 посвящ. ib., *єстълибы* 10 ib.), видь *єсли* дорога злости во мнѣ (135 Псалт. XVI в.); впрочем, пропуск *т* в *если* встречается редко (прибавим еще *єстьли* 24 Сб. XV в. Публ. б. № 391); щесливеи (46 Псалт. XVI в.), счасливе (242 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), щасливы^{м} (52б, 150 Псалт. XVII в.), щасливи (54 ib.), слали (стлали, 84б Сб. XVI в. Чуд.), посла$^{\wedge}$ са^{х}лови на вышка^{х} и спалъ (147б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); в группе *-стн-:* сласнаи (10 Сб. XV в. Публ. б. № 391), чосны^{х} (61б ib.), почесны^{м} (92б ib.), намесника (гр. ок. 1400 г.), чесныи (гр. 1405 г.), намѣсники (1б Супр.) настраснои не^{д}ели (97б ib.), намѣсницѣ (70б Лет. Авр. XV в.), шеснадъцатое (187 Статут 1588 г.), жалосные (Библ. Скор. XVI в. Э 21б), намесник (ib. Р 7б), чеснои (ib. А 145 и др.), часныє доходы (63б Катих. 1562 г.), злосницы, злосни$^{\wedge}$ко (7 Псалт. XVI в.), темносны^{х} (19 ib.), оўчасники (46б ib.), милосницы (59 ib.), милосникы (87 ib.), злосники (6б Псалт. XVII в.), злосникови (31 ib.), злосни$^{\wedge}$ко (34, 53 ib.), жалосны^{м} (18б ib.), жалосны$^{'}$ (19 ib.), зл$^{\wedge}$ли́вое (103 ib., хотя здесь *т* можно видеть и под титлом); в других более редких группах *-стр-:* срокгостью (15 Статут 1588 г.), сро$^{'}$го^{м} (53б Псалт. XVII в.), в чем. в виду кг и $^{'}г = g$, можно видеть и полонизмы; сраненъ (95б Катих. 1562 г.) (странен)—быть может, опечатка; еще *т* отсутствует в *сьвьдьство* (153 Катих. 1562 г.) и *мьсхои* (127 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158). В современной речи часто слышим *на́ще* [на́ ще сэ́рца (Никиф. Приметы, 65, Мат. Б. № 18 Витебск.)] вм. *натще*, где *т* выпало вследствие большого стечения согласных.

Звук *т* мягкий, находясь в изглашении слова после *с*, обратившись в *ц* мягкое, очень часто отпадает, так как в противном случае на конце слова получилась бы сложная группа согласных *с'т'с';* примеры: ёсь, есь, дась, ра́дась, за́вись (Э. С. 257 Ржев.), злось (Ром. IV, 40 Чаусск.), болезь (из *болесть*, ib. I—II, 155 Болотн.), чесь (ib. 453 Сенн.), есь (ib. III, 3), есь (ib. 10), дась (ib. 3), прясь (ib. 634 Витебск.), чесь будзя (Розенф. 26 Вилейск.), шесь курэ́й (ib. 29). Подобное отпадение можем отметить и из старинных произведений: *шерсь* козью (Библ. Скор. И 66б), стрась (Сл. Зизания 124). Сюда же принадлежит *шессот* (Р III, 197 Бых. и др. места), где в первой части слова *шес-* из *шесць*. Отпадает *т* (*ц'*) в слове *мац'* часто в известном ругательстве: ma (Клих 188 Новогр.). Не будет отпадения *т* в *во* (вм. *вот*, Бесс. Б. П. 4 и др.), так как это только другой вид того же слова, без *т* = **тъ**.

В некоторых группах согласных, повидимому, для благозвучия, *т* вставлялось, начало чему положено было отчасти еще в основном славянском языке. Такое вставочное *т* имеем, напр., в словах *го́стрый, страча́ц'* (встречать). Как отражение основного славянского явления, эта вставка *т* известна и старым западнорусским произведениям: Лит. лет. XV—XVI вв.: *стр*ете (38 Увар.), *стр*етиша (ib.), *стр*етилъ (28 bi., 2 Вил.), *стр*етить (2 ib.), *стрѣ*ти (11 ib.) и *стрѣ*тили (67б Крас.); Лет. Авр. XV в.: *стрѣ*ти ма вѣсть (101), *стрѣ*те є͡го (104), оу*стрѣ*тоша (63б—64), и *стрѣ*тоша͡ (93); Библ. кн. XVI в. Вильн. № 262: по*стра*матсѧ (56); Псалт. XVI в.: *стр*етѣнье͡ (58); *т* встречается в старых памятниках в слове *пастѣити* при современном *па́с'в'иц';* вы́па*ст*вилъ (115 Статут 1588 г.), па*ст*вилъ (89 Катих. 1562 г.), па*ст*вать (83б, 98 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262). Еще вставлен *т* в *о́стени*ᵀ (93 Псалт. XVI в.), повидимому, под влиянием ст.-слав. **стѣнь**.

ЗУБНЫЕ *з*, *с* И СЛОЖНЫЙ ЗУБНОЙ *ц*

Судьба основных славянских и общерусских звуков *з* и *с* в белорусском языке, какого бы они ни были происхождения (из основных слав. *з* и *с* или из ѕ, явившегося на месте смягченного *г*, и *х*), в общем аналогична. Оба эти звука могут быть как твердыми, так и мягкими, причем мягкость их усилилась уже на общерусской почве, так как в старину в соединении с *j* они были подвержены переходному смягчению. Вследствие украинского и польского влияний иногда на месте ожидаемых мягких *з* и *с* встречаем твердые звуки. В живой современной речи отвердение указанных звуков вообще встречается довольно редко: общебелорусск. *сэ́рцэ*; *сы*зый (Шейн. Мат. II, 194 № 2), *сэр*дэнка (Кар. 82 Трок.), воскрасэнийку, милосэрному (Ром. V, 61 Могил.) и т. д. Старинные западнорусские памятники отвердение *з* и *с* знают чаще: оу *сы*рый (в Сирии, 39 Сб. XV в. Публ. б. № 391), *су*ю (сюю = сю, гр. 1264 г., 1405 г.), своя*сы* (57 Лет. Пер. Сузд. XV в.), на березы́ни рецѣ (Лит. Лет. Крас. 68, 88), кня*зм*и (8 Лит. Лет. Вил., если это не орфографическая только особенность), вза́ша миръ (166 Лет. Авр., если не описка под влиянием *а* следующего слога); в *изаславлѣ* (55 ib.) скорее народное перетолкование (и-за-слав-); кн͡з*а* (рядом с *кнѧ*зѧ 178 ib. = **къняза**), прозбою (44 Статут 1588 г.), нельз*а* (51б Катих. 1562 г.), не возму (223 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), колодязъ (58 ib., но *колодезь* ib.), возму́ (128б Псалт. XVII в.).

Основной славянский и древнерусский звук *ц* (не на месте *т* мягкого) восходит к звуку *к*, подвергшемуся переходному смягчению в свистящий еще на общеславянской почве; в белорусском этот переход происходит, как увидим, лишь по преданию, и говорить на почве этого языка приходится о звуке *ц*, как унаследованном из общерусского языка. В современном белорусском языке он бывает только тверд, но это свойство, как увидим ниже, позднейшего происхождения.

Рассмотрим особенные замены основных русских *з*, *с* и *ц*.

Под польским влиянием на месте *з* в некоторых случаях имеем *дз: дзво́ны*, *дзвонять* (Бесс. Б. П. 124), *дзвиняць* (Шейн Б. П. № 182 Диснен.).

На месте группы *з'з'* не без польского влияния иногда имеем *йз:* войзрѣлъ (122 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), по҃зри ку морѣ (211 ib.), во҃зри (272 ib.). Из живой речи подобные случаи мне неизвестны.

Не место здесь говорить о том, что *зj* в основном славянском изменялось в *ж*, так как этот переход уже в вполне законченном виде из древнерусского перешел в белорусский язык и здесь неизменно происходит по преданию (ма́жу, пäраважа́ц'); мы отметим только более редкие случаи, где в основном славянском этого перехода не было, а он развился впоследствии, отчасти даже на белорусской почве, таковы: колодзя́жу (Ром. IV, 120 Бых.), колодзи́жу (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), колоде́ж (ib. № 9 Бых.), dražńiĺi (Клих 257); из старинных произведений: не соблажнѧитесе (5б Сб. XV в. Публ. б. № 391, но то же и в ст.-слав. **съблажнѧтѧ**), дражнили (7 ib.); не дражнитсѧ (79 Катих. 1562 г.), съблажнѧетсѧ (99 ib.); в *поборжаютъ* (ib.) следует видеть или образование от корня *борз-*, или же полонизм; дра҃на҃ (83 Псалт. XVI в.), дра҃ни҃ (85б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158).

Иного рода *ж* на месте *з* (и наоборот) в некоторых говорах Псковской губ. Это смешение *ж* и *з* свойственно и некоторым северно-белорусским говорам; впрочем, примеров на *ж* вм. *з* я не знаю, если не относить сюда не совсем ясного свидетельства неизвестного автора в рукописи Бодянского № 162, стр. 6, о том, что в некоторых местах Смоленской губ. *з* перед гласными мягкими и согласными плавными произносится шепелевато, т. е. звуком средним между *з* и *ж: зю̀хаць, зи́мню, на взяселыя* (= на взнясеньня). Отражение этого явления изредка встречаем и в старинных памятниках, писанных в данной области: *ижеславлй҃* (51 Лет. Авр. XV в.); впрочем, и в некоторых других памятниках, особенно западнорусских, слова, произведенные от собственного имени *Изяслав*, имеют *ж: Жаславль*, *Ижаславль* в так называемых Литовских летописях. В этом же роде у Авраамки *ж* вместо *з* и в словах: суждаль (53), на суждали (53б), суждальцевъ (55 и др.) того же корня. *Ж* в этом слове знают и многие другие памятники, не смешивающие звуков *ж* и *з* (нет ли тут аналогии корня глагола *ждать?*).

В заимствованном слове *хозяин*, особенно распространенном в восточной Белоруссии, на месте звука *з* часто слышится *д* или его замена перед умягчительным гласным *дз:* ходяин (Ром. I—II, 374 Сенн.), ходзя́ю (ib. 453), ходзяйка (ib. III, 79 Речицк.); ср. еще Мат. Б. № 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 16 Бых., 31 Вилейск. (*ходзяин* и *хазяин*). Нет сомнения, что народ поставил это слово в связь с глаголом *ходить;* любопытное замечание относительно этого слова

делает Никифоровский (Мат. Б. № 18 Витебск.): «*хыжáин*[1] и *кыжайка* — от *ходить* (за своим добром)».

С

Чисто звуковой особенности белорусского *с*, состоящей в несколько усиленном произношении этого звука, мы касались в общем очерке звуков белорусского языка [можно *ссорбмицца* (Никиф. Приметы, 83; Мат. Б. № 18 Витебск.), śnicśsie (Федер. I, 48 Сокольск.)]. Дополняя там сказанное, заметим, что не следует смешивать с обычно усиленным белорусским произношением *с*, таких случаев, где *с̄* (и отчасти *з̄*) находит для себя и грамматическое оправдание: так выставленные у Миклошича (Vergl. Lautehre 457[15]) *зза стола*, *ззуць* (= из-за стола, иначе было бы *за стол*), **съʒоутн**. Особь статья усиленное *с* при произношении с особым чувством, в возбужденном состоянии (Мат. Б. № 18 Витебск., Федер. II, 95 Волков.). Знали ли усиленное *с* старинные западнорусские произведения, сказать трудно, хотя попадаются такие написания, где стоит два свистящих вместо одного, каковые случаи можно объяснять и ложноэтимологическим письмом, но можно видеть в них и неумелое обозначение усиленного произношения *с:* не по*сс*агнéть (13 Тайна тайных XVI в.), *йз'с* кн'игъ (13 ib.), через*с* писмо (88 Псалт. XVI в.), *зс* того (59б Псалт. XVII в.). Несомненно ложноэтимологическое написание в следующих примерах: същастънымъ (т. е. *ссч-* вм. *сч-* или *шч-*, гр. 1475 г.), безъществоующа (вм. *бесч-*, *бешч-*, 3 Тайна тайных XVI в.).

В Сборнике XVI в. Позн. польск. waśń передано посредством *вазнь* (185, 188). Таким образом, здесь перед *н* имеем переход *с* в *з*.

Еще в основном славянском *sj* переходил в *ш* (нóша, п'ишý); этот переход от старины продолжается и в белорусском языке, не составляя его исключительной особенности. Но в белорусском языке на месте *с* бывает *ш* и другого рода, развившееся спорадически там, где ему не должно бы быть места; имею в виду такие случаи, как: *шáры* [шéрая (Шейн Б. П. № 41 Орш.), шерыя (ib. № 246 Лепп.), шéра (Бесс. Б. П. 24), да ляцéли гýси шéры (Кар. 28 Новогр.), шэ́ры (Мат. Б. № 4 Могил. губ., № 5 Слуцк.), шéрый (ib. № 9 Бых., № 11 Новоалекс., № 13 Свенц., № 18 Витебск., № 27 Лепп., № 28 Себеж,, № 31 Вилейск. и др.)], *шáбл'а* [шáбля (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 129 Новогр.), шáблю (Кар. 50 ib., ср. Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 Игум., 11 Новоалекс., 27 Лепп., 31 Вилейск. и др.)], *дóшка* — *дашкá* [ст.-слав. **дъска**; ср. Мат. Б. № 4 Могил. губ. (дóшка и дышкá), 5 Слуцк., 7 и 23 Минск., 9 Бых., 10 Мозыр., 13 Свенц., 18 Витебск., 27 Лепп., 28 Себеж., 31 Вилейск. и др.], *шум'áтн'ик* (Шейн Б. П. стр. 308 Витебск.), *крыштáл'* (крышта́лю, Шейн Б. П. № 620 Лепп.). Давно уже Гейтлер (Starobulharská Fonologie. V Praze, 1873, стр. 114), рассматривая подобные случаи, видел остатки обще-

[1] Со смягчением *dj* в *ж* по известному общерусскому закону.

славянского *ш* на месте позднейшего *с*. Но, отмечая подобные случаи в белорусском языке, мы должны смотреть на дело проще: видеть влияние польского языка, особенно в словах заимствованных, к которым прибавим еще из старинных произведений: *пришт҃а* (27 Сб. XV в. Публ. б. № 391), *ѡ наштію* (о наитію = об отыскании 69 ib.), *шкаредне* (67б ib.), *вшемощ'ный* (45б ib.), *з вышт҃а* (112 Псалт. XVII в.). В некоторых из приведенных слов белорусское *ш* передает польское *ś*. В *шум'а́т҃и'их* вм. *сметких* можно видеть народное перетолкование этого слова — подравнение к слову *шум*. Слово *до́шка* ввиду польск. deska, а также местного белорусского *до́щка* [Мат. Б. № 18 Витебск., № 31 Вилейск. (*дошки*, но *дащок*)] и старинного *дощъка* [Катих. 1562 г. 4)] дощцѣ (ib.) должно быть выводимо из *дощка*, получившегося путем неорганического смягчения *ск* в *щ* с восстановлением *к*: *до́шка* будет лишь упрощением *дощка*. Отметим еще *прошкулася* (Ром. VI, 207 Гомельск.).

Иного рода *ш* из *с* в *шл'у* (**съльжь**), razmyšlá́i (Клих 257 Новогр.). *вымышлили* (6б Катих. 1562 г.), *перезышили* (9 Псалт. XVII в.), *вызыший* (50 ib.), где происходит смягчение *с*, подражающее старинному, отчасти даже находящее в нем оправдание (**razмъшлѧтн**).

Наконец, еще особого рода *ш* на месте *с* в словах *лишии* (лисий, гр. 1399 г.), *преставиша* (**прѣстависѧ**, 51б Лет. Авр.), где несомненно отражение заимствованной севернобелорусскими говорами от исковских особенности, состоящей в смешении *ш* и *с*, о чем подробнее при *ш*. Интересно свидетельство об этой черте в одном смоленском говоре, которое находим в рукописи анонимного автора в Собрании Бодянского (№ 162, стр. 6): «*с* шепелеватый звук (средний между *с* и *ш*) имеем только перед гласными мягкими, полугласною *ъ* и согласною *в*, когда за нею находится гласная мягкая: сёлито, ся̀нни, йёсь, йись, святэй, свита̀иць, валосьси». Как будто сюда же относится *пошлушка* (Супр. 104), хотя здесь можно видеть и описку под влиянием следующего *ш*.

В некоторых говорах Витебской и Смоленской губ. двойное мягкое *с*, какого бы ни было происхождения первое *с* (из *с* и *ш*), изменяется в *сц*, т. е. в группе *с'с'* вставляется *т* (*с'т'с'*); возможно и дальнейшее упрощение указанной группы в *с'т'*: боисьця, заду́мыисьця, сьцешь (Мат. Б. № 18 Витебск.), ба́исьтя, заду́мыисьтя, вало́стя, стеш (Смол. губ.) (Соболевский, Опыт, стр. 79), кида́исьтя («РФВ», 1884, № 3 Рослав.), забаўляисьтя (Добров. I, 71 Бельск. у. Смол. губ.).

Окраинные юго-западнобелорусские говоры знают вторичное отвердение *с* в окончании возвратных и страдательных глаголов на **-сѧ**: купаўса, подаўса (Шейн. Мат. I, 57 Слуцк.), садзецеса (ib. 88 Речицк.), прасиўса, напиўса, даласа, прасилосо, напилисэ (Мат. Б. № 2 Сокольск.), купаўса, наеўса [ib. № 5 Слуцк. (Киевская вол.)], напиўса [ib. № 19 Гродн. (М. Берестовица, но там же *напилася, боя́цься, боя́цься*)], нае́ўса, нае́лосо, смеялиса б (ib. № 20 Август.), здзержаўса [Отч. 28

Мозыр. у. (Петриков)], zaśmiejaųsa [Федер. I, 132 Волков. (Свислочь)], astaųsa (ib. 133), zrabiųsa, zabàwiųsa [ib. 128 (Рось)], spadabałasa (ib. 129), czysto spałòchaųsa (ib. 178), barukacsa, barukalisa (ib. II, 10), karòwa haniàłasa pa poli (ib. 51), wiernùłasa (ib. 168) и т. д.; Клих (стр. 261) тоже вскользь упоминает о непалатальном *s* в возвратном местоимении *śa:* udałosa, zwiłosa Бодян. Войнил. (№ 148, л. 3б Слуцк.). Таким образом, «саканье» можно наблюдать в части Белоруссии, лежащей к югу примерно от линии, идущей через Августов, Гродно, Новогрудок, Слуцк, Речицу. Так как «саканье» считается очень вульгарным, то грамотные и бывшие в городах обыкновенно стараются его избегать; вследствие этого в настоящее время оно сильно ослабевает, будучи вытесняемо «сяканьем»[1]. Как объяснить это *-са?* Несомненно, оно не древнего происхождения: из старинных памятников я могу отметить только *по̀несласа* (57 Псалт. XVI в.), да и этот пример, ввиду того, что в предыдущем слоге *а*, не особенно веский. При объяснении нужно исходить из форм глаголов на *-ца, -ца*, которые объяснены мною раньше (стр. 355). Когда в них *ц* стало твердым, то и *-ся*, бывшее в таких говорах только в прошедшем времени, тоже отвердело, обратившись в *-са*. Из прошедшего времени *-са* вторично могло зайти и в настоящее время на место *-ца*. Перемена *а* в *о* и *э* в этих окончаниях обусловливается причинами, о которых была речь в области гласных. Попадающееся рядом с *-са -ся* — результат позднейшего восстановления первоначального вида местоимения возвратного.

Может быть пропущено *с* в словах: ко̀зки (35), ѿ ко̀зкости (56б Псалт. XVI в.). Но тогда перед нами будет явление морфологическое, а не фонетическое.

Сочетание *пт* (или лучше *пц*) в глаголах *грап'ци́, схупц'и, храпц'и́* по образцу вторичных образований **грестн, урѣстн** распространяется вставкою *с* в *псц:* грапсц'и́, храпсц'и́, dzieųbści (Федер. I, 89 Слоним.). Впрочем, и формы с *пц'* не менее употребительны. Таким образом, в указанных образованиях *с* как бы вставочное. Лишь орфографическую вставку можно видеть в *жеучъстивыми* (220 Статут 1588 г.), *въщинати* (47 ib., т. е. *въс-чин-* вм. *въч-*). Несомненно, вставочное *с* в формах местоимения *гэтый*, стоящих после предлогов, оканчивающихся на *з* из *с:* z hésṭym ḿaxóm (Клих 13 Новогр.), praz hésṭuju (ib. 22).

Ц

Как возникший путем смягчения *к*, звук *ц* в древнейшую пору общерусского языка был звуком только мягким: об этом свидетельствуют данные древних русских памятников, а из живых восточнославянских языков показания украинского. Однако уже с XIV в. начинается отвердение этого звука (ср. Соболевский, Лекции[4], стр. 138). В древнейших западнорусских памятниках *ц*, повидимому, еще был

[1] Ср. замечания по этому предмету Федеровского, II, XXVIII: «Reflexivum w połączeniu z trzecią osobą czasu teraźniejszego».

мягок, но затем и здесь, как и в русских памятниках, началось его отвердение. Приведем примеры из разных памятников: *лицю* (XIII в.) (Собол., Смол.-полоцкий говор), Гриць (гр. 1388 г.) (Собол. и Пташ. 6), истьцю (гр. 1405 г.), мѣсяця (гр. 1432 г.), рядцямъ (гр. 1475 г.); Четья 1489 г.: темницю (141), по лицю (107); Сб. XV в. Публ. б. № 391: ланцюхи (9б, при *лемьцоу* — цепь 8б), молодцю (12б), ѡвцю (ib.), шибеницю (24), по слнцю (85), таблицю (33б), ѡуцо (76б), полецѧмъ (12), моцѧми (28б), двць (93б), цибоулю (7б), блискавици (25); Летописи XV—XVI вв.: отцю (32 Увар.), оу пятницю (36 ib.), вполоцькѹ (68б Крас.), кполоцькѧ (74б Крас.), дроуцькы (67 Крас.), летописець (64 ib.), но: на рецэ (260), луцэ (244), по велицэ дни (242 Позн.); Лет. Авр. XV в.: йсьцю (391б), соулици (231б), новгороцій (119б), теремѣць (207б), нѣмѣць (76б) и др.; Сб. XVI в. М. Син. б. № 331: слнцѧ (99); Сб. XVI в. Позн. только твердое *ц*: месецэй (26), моцъ, моцъю (217); Статут 1588 г.: ѳундацыи (102); Гродн. акт. кн. XVI в.: литцомъ (215); Библ. Скор. XVI в.: месецѧ (Ю 4), концю (I 17б), царици (Э 21б), на шибеници (Э 7) и др.; Катих. 1562 г.: оц҃ъ (5б предисл.); Ев. Тяпин. 1580 г.: гольцы (59), слепъцы (28), всердцы (6б), овцы (12б, 15), моцы (14б), цыншъ (24), границы (3б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: пѣснивцю (3), прегждницю (6б), ѡвець (12), срѧцю (96), срѧцю (101б); Псалт. XVI в.: столець (12б), горнець (7б), вдавиць (65б), трцю (36б), працю (111б), правици (27), ꙗзыци (64б), с первѣци (132), ѡвци (20б), з ѡци (113), таемници (21б), палаци (70б), но млнцо (116), ѡцы (23, 65), на правицы (111б) и т. д.; Сб. XVI в. Кунц.: сердцы (43); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: на шибеницы (-ѣ, 36); Псалт. XVII в.: шалѣцы (8б), злѣницы (140б).

Как можно видеть из приведенных примеров, колебание в употреблении твердого и мягкого *ц* тянулось долго, постепенно склоняясь в пользу твердого произношения, которое окончательно возобладало только в XVII в. В современном белорусском языке *ц* древнерусское только твердое, вследствие чего, напр., в некоторых говорах вместо конечного *е* = *ъ* из *оі* является *ы* (ў канцы), да и в других случаях везде отвердение (јалав'ац, царкаўца, сарце, цалы, вад'з'йцайу и т. д.). Я знаю только один случай, когда *ц* мягкое: это в *ц'в'ат* — *ц'в'ец'ц'и*; здесь мягкость вторичная: перед следующим мягким *в*. Таким же твердым бывает и *ц*, возникшее на белорусской почве из *тс* в 3-м л. ед. числа, а также в середине слов при суффиксе, начинающемся с *с*: *прóс'ицца, гах'áйуцца, багáцтво, Луцка* из *Луцска* — *Лучьска* (гр. после 1341 Кест. и Люб.).

На месте *ц* иногда (но очень редко) является *с*: mо́sno, ńism*ɑ*, bahástvo (Клих 256—257 Новогр.). На что-то в этом роде намекает Никифоровский, говоря: «В словах, оканчивающихся на *цъ*, заметна подставка *с*, напр., купéцс, конéцс, подлéцс» (Мат. Б. № 18 Витебск.), хотя здесь можно предполагать суждение и об усиленном произношении *ц*. Не переходом *ц* в *с*, а особым производством следует объяснять

чередование указанных звуков в *цмок* и *смок* (сказочный змей; Сл. Нос., Мат. Б. № 3 Могил. губ., № 18 Витебск. и др.); кроме того, здесь и трудно сказать, какой звук на месте другого. Если не описка в пользу польского оригинала, то, вероятно, переход *ц* в *с* и в одном старинном памятнике: *з* прасы [100б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158 (pracy)].

В сравнении с литературной русской речью белорусский язык представляет несколько случаев, в которых является на месте *ц* звук *ч*, таковы: *чепь*, *чепáць*, *зачепáць*, *чепáцца*, *зачепúць*, *чепля́ць* (Сл. Нос.), *чáпл'а*; или из старинных произведений: *чепью* (101б Лет. Авр. XV в.), *зачепк'ъ* (94 Сб. XV в. Публ. б. № 391), *зачепаше* ѣдица (Ц 8 Библ. Скор. XVI в.), *зачепити* (135б Псалт. XVII в.). Сюда, вероятно, следует отнести: головбю ѳ землю *челѣючи* (Ев. 1616 г. мг б), где *ч — чи* произведено, повидимому, от *чело* и с глаголом *целовать* в связи не находится. Однако в приведенных примерах не будет перехода *ц* в *ч*, а особые образования, объясняемые разными причинами (ср. Соболевский, Лекции[4], стр. 151), причем древнейшие образования окажутся на стороне белорусского языка.

Наконец, на северной и северо-восточной окраинах белорусского языка, как местная черта, развившаяся под влиянием соседних северно-русских говоров, замечается смешение *ц* и *ч*, вследствие чего в одних местах обыкновенно на месте *ц* является *ч*, а на месте *ч*, наоборот, звук *ц* (о чем см. при *ч*), в других господствует только одна из этих особенностей. Воинская повинность, отхожие промыслы и школа постепенно вытесняют смешение *ц* и *ч*. Приведем примеры мены *ц* на *ч*: *черква* (Шейн. Мат. Б, 142 Витебск.), *кучуець* (Ром. IV, 47 Горецк.), *падцырича* (ib. 87 Велиж.), *челый* (ib.), *жанитча* (ib.), *чарства* (ib. V, 353 Город., 422 Велиж.), *крыльчо* (ib. 354 Велиж.), *серча* (ib. 401), *мылоденча* (ib. 402), *черьква* (ib. 406), *чарь*, *чарича* (ib. 417), *тройча* (ib.), *пятничъ*, *чудотворец* (ib.), *чарстьви* (ib. VI, 150 Город.), *расчвитаит* (Отч. 5 Новоалекс.), *чарь*, *черква* [ib. 16 Бельск. у. Смол. губ. (Иоткино)], *чарь*, *черква*, *чыган* (Мат. Б. № 26 Себеж.); «смешение *ч* и *ц* в местностях Себежского уезда, прилегающих к Опочскому Псковской губ.» (ib. № 28 Себеж.), *чарства*, *вулича* [Этн. Сб. Ржев. у. (с. Бобровки) (Соболевский, Опыт, стр. 76)], *чарствия*, *чеп*, *чирамония* (Добров. 16, 82 Смол. губ.). Переходу в *ч* подвергается не только *ц* основное славянское и древнерусское и не только *ц* из *тс*, но иногда даже *ц* мягкое из *т* мягкого: *анчихристов*, *анчихристы* (Ром. V, 355 Город.). Откладывая более точное определение области распространения смешения *ч* и *ц* до рассмотрения замен основного русского *ч*, здесь отметим только, что указанная замена известна и старинным памятникам смоленско-полоцкого происхождения. Так, в грамотах мы читаем: *купьчь*, *купчемъ*, *гочкыи* (1229 г.), *немѣчь* (ок. 1230 г.), *немечькому* (1264 г.), *полочьскую* (ib.), *полочькая* (ib.), *черньчи*, *челованию* (ок. 1300 г.), оу *Витебьще*, оу *Смоленьще* (1399 г., *щ* или *шч* = *сц*), у *Полочьку* (1404 г.), у *Полочьсце* (1405 г.); в Четье 1489 г.:

цр҃ичинъ (78); то же в Лит. лет.: с попы цр҃ичыными (16 Супр.), хотя оба эти произведения, особенно первое — и не севернобелорусского происхождения; Псалт. до 1492 г.: кльцаше и кльчаша, рукоп. витебского происхождения; в Лет. Авр. XV в.: новгоро҃чкый (67, ср. 72б), без новгорочкого слова (116), новгородьчи (73, ср. 166б, 203б, новгородчовъ (77б), наоу҃городчемъ (78), юрьѣвъ нѣмѣчкїй (81), сыньчомъ (85, ср. 205), наречаѣмый (36), в нарѣчаемѣмъ (37б, ср. 142), нарічаємаго (ib. 72), оуличи, оулїчѣ (118б, ср. 259), конечь (1), чр҃ква (10б), кочелъ (43б), в радоковїчахъ (158б при *в радоховицахъ* 110б, 158), ꙗзычи прїдоша (151) и т. д. (ср. «Особенности письма и яз....», стр. 22); в Библ. Скор. XVI в.: девичину ѿцу (В 43); в Бел. Арх. I: имениче Староселе (1603 Могил.), имениче названая Борова (bis, ib.); II: падъчерыча [(рядом с *падчерыця*) 1531 (XVII в.) Витебск.].

Об усилении *ц* из *к* в произношении речь при *к*.

ЗАДНЕНЁБНЫЕ *Г*, *К*, *Х*

Задненёбные звуки в белорусском языке в настоящее время, как можно было видеть из описания их (стр. 44—45), в отношении твердости и мягкости не отличаются от подобных же звуков в русском языке. Правда, мягкость их в современном белорусском ограничена положением перед *и* из основного *ы;* что же касается *е*, то перед ним мягкость задненёбных бывает в редких случаях, больше в заимствованных словах. На месте же основных сочетаний с *е* (из є и ѣ = *оі*) обыкновенно происходит переходное смягчение указанных согласных в шипящие или свистящие, что было уже в основном славянском и древнерусском языках. Если в некоторых белорусских говорах встретим *г*, *к*, *х* перед *е*, то это будут новообразования, развившиеся отчасти под влиянием соседних русских говоров. Нижеприводимые данные из старинных западнорусских памятников нам покажут, что процесс постепенного перехода задненёбных в средненёбные в белорусском языке происходил медленнее, нежели в русском, да может быть еще и до сих пор не закончился вполне, так как сочетания *гы*, *кы*, *хы* еще и до сих пор очень обычны в белорусском, особенно в междометиях и звукоподражательных словах (ср. стр. 45). Сказанное постараемся подтвердить данными из памятников языка. *Ы* после задненёбных встречается долго, хотя уже в древнейших памятниках можно встречать и *и:* Грамоты и акты: рижѣкыми (1264 г.), поискывати (ib.), Якымомь (1266 г.), дрогычинъ (гр. после 1341 г. Кест. и Люб.), мазовьскымь (1349 г.), рукы (и *руки*) (1404 г.), лу҃кы (название поместья) 1486 г.), Ригы, гочкыи, ветхыи (Собол., Смол.-полоцкий говор). Сборник XV в. Публ. б. № 391: выкыноу҃ (28, если здесь *ы* не под влиянием предыдущего слога). Летописи XV—XVI вв.: Витебскый (1 Вил.), Волынскый (ib.), Трокы (ib.), великый (ib.), великымь (ib.), коморникы (7 ib.), пушкы (13 ib.), ногы (1 ib.), многыми (64б Крас.), такыя дѣла (30 Увар.), жонкы (33 ib.), Дорогычи҃ (62 Арехол.). Лето-

нись Авраамки XV в.: геѡргы (47б), микӹта (168б), микытинѣ (259), мужаискы кнзь (266), в печенигы (49), погыбелъ (101), литоургыи (112б), иванъ холомьскы (83), бѣжичкы (84б), браньскы (91), скыму (82б, рядом со *сжимъ* 65б). Сборник XVI в. Крас.: слоугы (110), дрꙗгӹ (125), погыбнѣ (159), многы (99), недосткаы (ib.), паквы (101). Статут 1588 г.: потомькы (79). Библия Скорины XVI в.: погыбаю, гынеть (1 11, 18б и др.), многые (1 29б), ногы, стогы (1 30), хытрость (II 14б), хыжина (1 32б и др.). Катихизис 1562 г.: хыба 29, (118), похыбы (200б), наукы (52), присагы (17б), многыѥ (159). Библ. кн. XVI в. Вильн. № 262: другыѣ (1), драгыхъ (ib.), стежкы (79б), скынь (92). Псалтырь XVI в.: загыне (7), дорогы (8), терпеливость оубогы не загыне на векы (13), вчӥкы (11б), ꙗзыкы (24б), грехы (32 и др.). Сборник XVI в. Чуд.: трокӹ (734б). Евангелие 1616 г.: дла пыхы (*s*). В XVII в. дело обстояло уже так, как и теперь; это видно, между прочим, из следующего свидетельства Ю. Крижанича («Објасньење виводно о писмѣ словѣнскомъ», стр. 51): «Поколи у Лехбв нит окончâња на *Gy, Ky:* потбмъ и у Бѣлорýском писмѣ нигдѣ неузрѝш окончâња *Гый, Кый*». С другой стороны, после задненёбных уже рано встречаются *и* из *ы* и даже другие умягчительные гласные: Сборник XV в. Публ. б. № 391: на береги (23б), прегоркїѣ (3), некакиѝ (23б), грехи свѣтьске (26), скепають (59б), хотя трудно сказать, как произносилось здесь *е:* как *е* или *э*. Летопись Переясл. Сузд. XV в.: стрѣхи (12). Литовские летописи XV—XVI вв.: с кимь (3 Вил.), лахи (262 Позн.), Кимане (243 ib.). Летопись Авраамки XV в.: поверга (89), рка (116б), фекюдинъ (17б), полкь (94), верхь (170), пакъ (=паки, 147). Сборник XVI в. Позн.: з лихими (140), ланцухи (152), грєхи (155), погибъ (141), Кимане (243 и пр.). Сборник XVI в. Крас.: свѣ̈скїи (199). Библия Скорины XVI в.: крепкиѝ (Пр 11б), полки, ѡроки (1 5б), круги (И 57б), пастухи (Б 47б и др.). Катихизис 1562 г.: мѣхи (63). Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: скепаѣть (91б). Псалтырь XVI в.: грехи (32), погаскїи (7б). Псалтырь XVII в.: скрегетали (1).

Нерасположением белорусского языка к мягким *г, к, х* следует объяснять и сохранение до сих пор от старины в полной силе их переходного смягчения перед *е* (после *ц* — *э*, а также безударными заместителями его — *а* и *и*, переходящим в *ы*) = *ъ* из осн. *oi̯*, в чем белорусский язык совпадает с украинским и решительно отличается от русского, утратившего это смягчение; нет смягчения в свистящие перед *и* в именительном мн. ч. основ на *ŏ*, так как это *и* у них вторичное, на месте *ы*, окончания винительного падежа; если иногда в старинных памятниках и здесь встречаем свистящие, то это будет заимствование из церковнославянского языка. Вероятно, глубокий архаизм следует видеть в *урóцы* [уроцы, скацицеся (Ром. V, 88 Витебск.) и др.], *сурóцы* (Сл. Нос.), происходящих от корня *рех-: урок* — глаз; но в настоящее время эти формы не

чувствуются в своем истинном морфологическом значении: *ц* заходит и в другие падежи и новые образования: богословила от суроц (Ром. V, 146 Мстисл.), у раба божаго уроцы не бываци (ib. 89 Витебск.) (очевидно, им. пад. *уроца*). К редким случаям смягчения задненёбных в свистящие в формах именительного мн. ч. следует также отнести *тогды яна каа: кадуцы* цябе бяри! (Ром. III, 35 Быx., от *кадух* несчастье). Приведем примеры на смягчение задненёбных. Грамоты XIII—XV вв.: послуси (свидетели, 1266 г.), на дѣвцѣ (ib.), у Полочьсце (1405 г.), Владыцѣ (1409 г.), рѣчицѣ (1497 г.). Бел. Арх. II: на толоце [1530 (XVII в.)], доцце, дотъце (ib.); I: присязе (1548), в кузе (1592), в иншых крузех (ib.). Сборник XV в. Публ. б. № 391: оу женчоузе (54), на дорозе (54б), во к'роузе (67), оу коротце (2), оу поце (=въ опоцѣ, 15), в реце (30б), въ рꙋце твои (2), хорон'це (43), ѡ члонце[x] (45б), на ꙋтоце (ib.), в оце мъгненіи (во мгновении ока, 49), доч'це (70), оу сороце лѣтъ (90), патриарсе (66б). Литовские летописи XV—XVI вв.: тои жонце (7 Вил.), дотце (27 Увар.) (два раза: упрощено из *дочиць*), власце (27 ib., 1 Вил.), влас'це (73б Крас.), вла^це (73 ib.), к доцѣ своеи (73 ib.), реце (65б Крас.), кижити нановегоро^це — на полоц'кꙋ (избегнуто смягчение, 68 ib.), владозѣ (85 Крас.), оу троцех былъ (31 Увар., ср. 5 Вил.), во зборце (во Изборсце, 4 Супр.). Летопись Авраамки XV в.: по волзѣ (41б), по дорозѣ (142б), начало роустии землї (*и* на месте *ъ*: дат. пад. вм. род.), отбеже море далече и корабли на соусѣ (22, звук *с* может быть и не на месте *х*, а *ш*). Сборник XVI в. Позн.: ни ув-одномъ человецэ (13), к ласцэ (14). Статут 1588 г.: вомылце (в ошибке, 183), ꙋ дорозе (62), мачосе (92). Тайна тайных XVI в.: по зас'лꙋзе (15б), оў козорозе (70б), полицѣ (53). Библия Скорины XVI в.: на постѣльце (ПП 5), ꙋ реце (И 6б), к'телезе (Ср 53б), о присꙗзе (Ср 42б), о пососе (И 39б), к'сосѣ (1 37 и др.); даже во мн. ч.: о друзехъ (1 6), в'сапозех (ПП 9), во гресехъ (Ср 26б), при боцехъ (И 70 и др.). Катихизис 1562 г.: о бозе (61), присꙗзе (36); даже перед *и* в им. пад. мн. ч. — проступ'ци (48б). Евангелие Тяпинского 1580 г.: при дорозе (17, 27), матицѣ (19б, 20б), девце (19б), ѻ^ науцѣ (31б). Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: въ ѡболоцѣ (59), невѣстце (32), в начатцѣ (122), у пазусѣ (89б). Псалтырь XVI в.: бзе (54б), в тꙋзе (68б), слꙋзе (132б), дорозе (26), оу вальце (91б), в пысе (31б), ѡ̃ потѣсе (65). Раз встретилось странное смягчение *з* в *ш* перед *и* в вин. мн. ч.: переведꙋ на та й поставлю пре^ѡбличьеⁿ твоиⁿ *гръши* (пс. 49$_{21}$, л. 51). В польском оригинале интересующего нас слова нет. Сборник XVII в. Син. № 790: Сапезе (141б), владыце луцкому (146б), потросе (165б), о Дусе Святомъ (167). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: при дорозе (2), на дорозе (33), слузѣ (18. 26), книзѣ (43), на тоⁿ боцѣ (26б), ревецѣ (18б), двѣ дочицѣ (14, 23. 141б), маицѣ (23б), маце (75б), наꙋцѣ (44б), двѣ ныꝑцѣ (63б), невѣстце (34), ѡбѣдвѣ рꙋцѣ (74), ѡ пососѣ моемъ (26), противко тросѣ (110б).

в мнозѣ — в тросѣ (150б), на҆ц҃ѣ (= пасхе, 82б). Псалтырь XVII в.: на дорозѣ (4б, 81б, 123б), рꙋц҃ѣ (23, 59б, 123), слузѣ (86б). Смягчение в современных говорах вполне обычное явление: в лузи (Шейн Б. П. № 282 Лепп.), ў дорбзи (ib. № 333), ма́чисе, кроватце (ib. № 17), ў назе, ў бе́резе (Бесс. Б. П. 170). Относительно смягчения *к* заметим, что во многих белорусских говорах в *ц* оно смягчается только тогда, когда ему предшествуют согласные, пришедшие с ним в соприкосновение после утраты глухих, а также *ў* и *й:* ла́ўце, но́чейце, ласце (Бесс. Б. П. 2); когда же звуку *к* предшествует гласный, то смягчение бывает несколько иное: первая часть *ц* (*т'с*) усиливается, и получается почти *ти:* рутце́ (Гильтебр. CCLIX Вилейск.). Продолжим примеры из других сборников: дузе (Ром. III, 249 г. Белица Гомельск.), кошцы (ib. 20 Сенн.), поблагодарив старуси (ib. 254 Черик.), на той рацé (Дембр. 4.581 Горецк.), ў гэтой мисце (Шейн. Мат. I, 35 Минск.), рацце́ (= реке — с усилением *ц*, ib. 366б Слуцк.), раццэ (ib. 313 Ошм.), дзевце (ib. 314 Бобр.), у порози (Добров. 15.71 Смол.) и т. д. Странно: на сусе (на суше, Ром. I—II, 371 Гомельск.); аб сухи́м дуся (Ляцк. Посл. 43 Борис.); в Мат. Б.: дузе́, дзе́ўце, страсе́, ў парбзи, ў вусе (в ухе), руце́, рацé, ре́ццы (от *речка*), на сўси (вм. *суше*, № 4 Могил. губ.), а ббзе, ў чалаве́це, на дусе (№ 5 Слуцк.), ў гарбся (№ 6 Диснен.), на дзе́ўца (ib.), ў лазе́, на одной назе́, руцце (№ 7 Минск.), у муцце́ (№ 8 Игум.), к дуби́нцэ (ib.), доцце́ (№ 10 Мозыр.), на версе (ib.), на страсе́, на ре́цца (редьке, № 11 Новоалекс.), на сўсе (= на суше, № 12 Слуцк., 17 Речицк.), каралисе падкинула (№ 13 Свенц.); у ма́тушцы, у пе́чцы, к ла́вцы, куку́шцы, ны лясе́ (лехе, № 18 Витебск.), по св. Дуси (№ 23 Минск.), у кажуси (ib.), к ре́ццы (речке, ib.), флясце (№ 25 Новогр.), ў руце́, ў раце́, у горбси (№ 28 Себеж.); у выраце (№ 31 Вилейск.) и т. д. (ср. № 9 Бых., 16 ib., 17 Речицк., 15 Игум. и др.); дузіе́, дьзіе́ўцы, страсіе́, ў парбзи, на сасіе́, ў руццыэ, аве́ццы (Малев. 12 Слуцк.). Из польских собраний: matcy, żuoncy (Федер. I, 89 Волков.), ра kalejcy (ib. 91), na parozi (ib. 120), na wiersi (ib. 123, II, 304 ib.) и т. д. У Клиха даже отмечено (стр. 254) усиленное произношение *ц* из *к:* u ruccé, sabáccy, muzýccy и др.

Следует, однако, помнить, что переходное смягчение задненёбных в свистящие происходит только в склонении имен; что же касается глаголов, где это смягчение было в повелительном наклонении, то хотя в белорусском языке примета повелительного *ъ* = осн. *oi̯* сохраняется в виде *е* в полной силе, однако этого смягчения здесь не бывает: в спряжении по аналогии настоящего времени возобладало смягчение в шипящие, а в некоторых говорах даже допускаются новообразования с гласным *о*, перед которым смягчения задненёбных совсем не бывает: могом (Мат. Б. № 7 Минск., № 8 Игум., № 21 Слуцк.), пеком (ib. № 7 Минск.), сякóм (ib. № 8 Игум.) — формы повелительного и изъявительного наклонения.

Да и в склонении имен, несмотря на всю силу предания, по которому совершается переход задненёбных в свистящие, мы видим некоторые отступления. Так, хотя окончание именительного мн. ч. *е* — *э* в твердом различии, как увидим из морфологии, должно быть возводимо к древнерусскому *ѣ* особого происхождения, однако, перед ним никакого переходного смягчения не бывает, что и естественно, так как это *ѣ* новое и не равно осн. *oi̯:* варагіе́ (Малев. 93 Слуцк.) или у Дмитр. П. и Ск. Вильн. 137 Новогр.:

Дзеўже́ вино выпили,
Ишли дзеўже́ веньже́ виць,
Я молода́ чапце́ шиць.

Даже можно отметить единичные случаи в живых говорах появления под русским влиянием *г, ж, х* перед *е* из *ѣ*=*oi̯* (ср., напр., Мат. Б. № 13 Свенц. и еще кое-где); то же изредка даже в старинных произведениях под тем же влиянием: смолѣньскъ (гр. ок. 1230 г.), ѡ Воишвиже (46 Археол.), оу ладогѣ (86 Лет. Авр. XV в.), по маржѣ (20б ib.), во изборсжѣ (43 ib.), на усть пшагѣ рѣжѣ (97 ib.) и т. д.[1] Но вообще в старинных западнорусских памятниках случаи с несмягченными задненёбными встречаются очень редко. В живых говорах также иногда замечается стремление избегнуть смягчения согласных, вследствие чего у основ на *ŏ* в местном падеже на месте ожидаемого *е* = *ѣ* является *у:* у вух*у*, о бог*у*, у чалавек*у*, на дух*ý* (Мат. Б. № 8 Игум.), у брух*у* (ib. № 11 Новоалекс.) и др.

Смягчение задненёбных в шипящие от старины и до сих пор совершается правильно: бо*же* (40 Статут 1588 г., Библ. Скор. 3 36б), кня*же* (Ц 202 ib.), человече (Ср 9 ib.) и т. д.; то же и глаголах: сячешь (Шейн Б. П. № 67 Витебск.), мо́жеш; однако в некоторых говорах, по аналогии с другими формами глагола, указанного смягчения не бывает: *лгешь* (Шейн Б. П. № 759 Витебск.), бя́гиць (рядом с *бяжиць*, Ром. I—II, 23 Рогач.).

В корнях слов сочетания *ге-, же-, хе-* стали возможны только в заимствованных словах, а также в тех случаях, когда *е* = *э* [ге́бель, герцаць, геный, гетый (Сл. Нос.)], giega v. krämùch (Федер. I, 166 Волков.), кѐлзáние, ке́лих, кел (зуб), кеньги, ке́риць, кермаш, ке́ска (Сл. Нос.), ке́пики (Ляцк. Посл. 17 Борис.), kiepsko (Федер. I, 212 Волков.); из белорусских слов с *-же-* мне известно лишь *скепаець* (Ром. I—II, 244 Горецк., при обычном белорусск. *щепае*), *раскеп* — *раскёп* [в ночовках раскёп зделався (Сл. Нос.)] и производные от него (при обычном *рашеп*), встречающееся в такой огласовке, как мы видели, и в старых западнорусских памятниках.

Определив общий характер белорусских задненёбных и рассмотрев явления, общие всем им, коснемся истории каждого из этих звуков в отдельности.

[1] Ср. мое исследование: «Особенности письма и языка рукописного сборника XV в., именуемого Летописью Авраамки», стр. 19.

Как уже было отмечено во вводной главе, белорусскому языку, как и украинскому и отчасти южнорусским говорам, свойствен звук проточный *г* = *h*, какой слышится в русской литературной речи в словах *когда, бог*. Эта особенность свойственна белорусскому языку уже искони. Соображения наши о существовании этого звука в нем уже в X в. изложены в I томе «Белорусов» (стр. 96); старинные западнорусские памятники, начиная с древнейших, говорят о том же. Так, передавая иностранные слова, имеющие звук *h*, наши памятники на месте последнего употребляют *г*: *г*этманъ — польск. hetman (Сб. XVI в. Позн.), *г*эрбъ — herb (ib.), т*г*рени — threni (в оригинале чешск. библ., Библ. Скор. Пя 3), *Г*елии — Heli (ib. Ц), Із*г*алелевыхъ — Izrahelskjch (ib. Ю 4б), сына Ѯрова сына *Г*уръ — syna Hury syna Hur (в первом случае *г* отпущено, ib. № 59б) и др. Как отчасти можно видеть из некоторых сейчас приведенных примеров, *г* стоит на месте приставочного и вставочного *h* в словах иностранных даже тогда, когда в оригинале его нет, а стоит придыхание: ср.: исра*г*ела (41 Сб. XV в. Публ. б. № 391), *г*елена (ib. 261), а҃вра*г*амлѣмь (Библ. кн. XVI в. Вил. № 262 Псалт. 46, 10); конечно, в указанной роли может выступать только *г* = *h*. Как являющийся в роли придыхания или заместителя придыхательного *h*, этот звук в иностранных словах, а иногда и в русских, как увидим после, может и совершенно отсутствовать: анъе҃ла (4 Сб. XV в. Публ. б. № 391), ѠриеӀне҃ (12б ib.) Ѡриеновы (82б ib.). В иностранных же словах, имеющих *h*, в старинных памятниках может быть и *х*, как увидим после, каковая замена возможна только у звука *г* = *h*.

Но, что самое важное, в тех иностранных словах, которые имеют *г* = *g*, уже древнейшие памятники западнорусского и южнорусского письма употребляют особое написание *жг*, встречающееся с XIV в.: Скир*жг*айло (1387 г.), бур*жг*мистру (1397 г.) (Потебня, Заметки о малорусском наречии, стр. 71), скир*жг*айломъ (гр. 1386 г.), тур*жг*енево село [гр. 1387 (21)], пар*жг*аминъ (1499 г.); Сб. XV в. Публ. б. № 391: оу ѳи*жг*ре (4), *жг*алелий (5б), лон*жг*инъ (22), *жг*'рап'коу (33б), *жг*лорїа (70), жа*жг*ле (75б), же*жг*ларѧ (88б). Два раза это написание употреблено и в словах народных, повидимому, под польским влиянием: *жг*арбате (горбатые) (87), їс сина҃ *жг*оры (30б); Лит. лет. XV—XVI вв.: *жг*аиломъ (73б Крас.), бор*жг*ъ (65 Крас.), *Яжг*айла [2 Вил., а отсюда *Яжаило* (30 Увар.)], *Кг*едимина [Вил., а отсюда — *Кедимина* (27 Увар.)], Олг*жг*имонтовичомъ (12 Вил.), Ри҃*жг*о та (46 Археол.); Сб. XVI в. Позн.: *жг*анокъ (139), *жг*валтовати (138), сро*жг*ость (189), шпѣ*жг*ове (174), з*жг*рунту (183), бло*жг*ославеный (206), цэ*жг*ельней (209), олг*жг*ирдъ и т. д. (Archiv IX, 362); Статут 1588 г.: *жг*инчаломъ (кинжалом, 411), *жг*родскихъ (10), *жг*дыбы (3); Бел. Арх. I: колее*жг*у своего (1606), межы (= между) мор*жг*ами (1605); II: *жг*ъ другому [1531 (XVII в.)]; Тайна тайных XVI в.: ва*жг*'га (вес, 69); Библ. Скор. XVI в.: Ф*жг*и (Ц 95б), Ѯнъ*жг*ула

Ср 39б, жижымонта послѣсл. къ Апост. 1525 г. и др.; Ев. Тяпин. 1580 г.: *жъвалътъ* 14б, *ѯжгрунтована* 9б; Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: *инажири* (ὀναγροι) 68, *ѡжга* (псалм. 134,11); Псалт. XVI в.: *жгды* (8), *сроужгостью* (7б), *по вижгурою* (figura, 77), *плажги* (79); Сб. XVII в. Вил. № 107: *нижгды* (129); Псалт. XVII в.: *жгва товника* (48), *фижги* (68), *сроужго* (68б), *ѯжгрѯтова* (70б) и т. д. Естественно, что в тех же словах могло являться на месте *g* и *ж*, как звук более подходящий, нежели *г*: *ѡльжѣрта* (гр. 1349 г.), Лыгвены (51 Супр.), Лыньгвенiи [Никиф. и др., при *Лыжвенa* (32 Увар. и др.), *вижости* (2 Сб. XV в. Публ. б. № 391), *жолїашови* (ib. 34б, Голиафу), *жродски* (64 Статут 1588 г.), *жвалтом* (77 Тайна тайных XVI в.).

С XVII в. для передачи звука *г* = *g* рядом с *жг* появляется даже особая буква ґ: Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: *сроґи* (srogi, 2), *плаґи* (ib.), при *сроужго* (3б), *жгды* (5); Псалт. XVII в.: ґды (28), *ниґды* (135), *ѡ сроуго*м (53б), *пелґримом* (11), *фолґсва* (76б), *ґвалтъ* (38), *ґрѯнтом* (100 и др.), даже в чисто белорусском слове, где в группе *зг* слышится *g*: *роźґи* (148б).

Отмеченные особенности белорусского произношения и старинного письма совершенно правильно уже в XVII в. охарактеризованы Ю. Крижаничем (Објасньење..., 157: О глâсѣ чертúни г): «Бѣлорýсци сут изгубúли прâвиь глâс: и гласајут нé мнóго рàзлúчно от Х». Когда им случается передавать польские слова, то одни употребляют знак ґ, а другие «клâдајут двѣ чертúни КГ».

Перемены, которым подвергся *г* на белорусской почве, следующие:

а) Переход его в некоторых положениях в *g*. Это в группе *зг*, где явно слышится звук очень близкий к *g*: рóźga, мазgú, мизgá, рéźgини (ср. Мат. Б. № 4 Могил. губ., 6 Диснен., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 13 Свенц.[1], 15 Игум., 16 Бых., 29 Новогр. и др.); впрочем, в некоторых говорах, вследствие необычности звука *g* белорусскому языку, сочетание *зг* изменяется в *зж* — *зж*: рóźжа (Зап. V, 163, Мат. Б. № 9 Бых.), рóска (ib. 7 Минск.), мозж (ib. № 9 и 16 Бых., в последнем случае, может быть, только в абсолютном изглашении); то же в старинных произведениях: мозжу (178 Четья 1489 г.), мозжъ (94 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), роźжи (74 Псалт. XVII в.), розжою (89б ib., рядом с *розгу* 123).

б) Отчасти вследствие уподобления следующему *ж*, отчасти же по аналогии таких образований, как *м'áж'ж'и*, в слове *л'óж'и* (ст.-слав. **лѣгъкъ**) иногда может являться *ж* на месте *г*: лёжкий (Мат. Б. № 18 Витебск.).

в) В одном случае под влиянием народной этимологии вместо ожидаемого *g* имеем *д*: *дмахѯ* (106 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) вм. обычного *жмаху*, вероятно, под влиянием *дом*.

г) Так как белорусскому языку свойствен звук *г* = *h*, то естественно, что в старинных памятниках иногда на его месте находим *х*:

[1] Не совсем понятно для меня тут же сделанное замечание наблюдателя: «... в словах розга и мозг при склонении *g* переходит в *h*: мозги, розги».

жлахоу (330б Лет. Авр. XV в. (штлагъ), где можно видеть и народное перетолкование, стрехущи гробъ (184б Псалт. до 1492 г.), стрехуши бо воі хр̑та (184 ib.), хисторий̑ (25 Сб. XV в. Публ. б. № 391); в *лакцюхи* (96 ib.) при белорусск. совр. *лакцуг*, можно видеть и появление *х* на месте *h* и полонизм (łańcuch); намастыра св. Хлеба Бориса (152 Гродн. Акт. кн. XVI в.), где собственное имя *Глеб* смешано с *хлеб*, явившимся эпитетом к *Б*орис; ко ѡставленїю хрехомъ (32 Катих. 1562 г.), хрѣхѡвъ (146, ввиду повторения вряд ли это опечатка). Совершенно иного происхождения *х* из *г*, конечно, в изглашении и перед безголосными, о чем у нас уже была речь в своем месте (рох, л'бхк'и).

д) Изредка на месте *г* является *в:* вýсли (гжсли, Шейн Б. П. № 140 Витебск., Ром. I—II, 17 Рогач.). Это появление *в* на месте *г* объясняется смешением призвучных *в* и *г* с коренными, и как призвучные могут заменяться один другим, так стали заменяться и коренные.

Звук *г* как придыхательный в некоторых положениях произносился довольно слабо, редуцировался, и мог даже совершенно исчезать. Такое слабое произношение часто наблюдается α) между гласными в родительном ед. ч. местоимений и прилагательных: ńičó(h)o, ča(hó), ja(h)ó, héta(h)o, starša(h)o и т. д. (Клих 253 Новогр.), нимá *чаа* прыбиратца (Ляцк. Посл. 27 Борис); в некоторых других случаях: сябдни (Отч. 12 Великолуцк.), бласлаўляўся [ib. 14, из бла(h)аслаў-], bła(h)asławíć (Клих 253) и др. То же в старинных произведениях: бласловлѣнье, бласловляю (гр. ок. 1300 г.), кнаїнами (169б Сб. XVI в. Чуд., где можно видеть и замену *г* = *h* посредством *j*). β) В группе согласных *hl:* hla! (посмотри, Федер. I, 130 Волков., ib. III, 93 Слоним.), но тут же и la; то же la (ib. I, 39 Волков., ib. 94), Ярына, ля, ля, ля (Мат. Б. № 19 Берестовица Гродн.), лянь (ib. № 13 Свенц.), лидяць (ib. № 18 Витебск.), прышоў ў лес, *лянь* — збирае баба апенки (ib. 24 Новогр.), làńciesie (посмотрите, Федер. II, 103 Волков, ib. 190), па'лядьзиць (Малев. 22 Слуцк.), palańcie (Федер. I, 86 Волков.), palań (ib. 140, 174), palàńciä (Федер. II, 15 Волков.), palädzimò (ib. 75), не праляну (Дмитр. Гродн. 19 Новогр.), perelánuć (Клих 20 Новогр.), лядзи (Ром. IV, 52 Горецк.), лядзець (ib. III, 187 Бых.), поляджу (ib. I—II, 33 Гомельск.), лядети (ib. 177 Белиц.), мы лядзíли (ib. III, 28 Рогач.), полидзяць (ib. IV, 158 Сенн.), пылядзев (ib. 101), глы́каць и лы́каць (Мат. Б. № 11 Новоалекс., ср. *полыкаць*). γ) *Г* пропускается и в группах других согласных, а также в начале слов перед согласными: дзе (Шейн Б. П. № 393 Лепп., Мат. Б. № 5 Слуцк. и др.), чецвéр — чецверга (Зап. I, 450, Мат. Б. № 5 Слуцк., 23 Минск.), Ryhùòr (из *Григор*, Федер. II, 71 Волков.); то же в старинных произведениях: разнѣвавъсѧ (234 Четья 1489 г.), разневити ра҃ (79б Псалт. XVI в., *гнѣв-*), розромодѧ҃ (111 ib., *громад-*), четвѣр' (44 Катих. 1562 г.), бо рѣки (= бо греки, ib. 114). δ) *Г* мог исчезать в начале слов перед гласными: оспорад (Шейн. Мат. I, 246 Ошм.). В образованиях от этого слова особенно часто отпадение *г*

в старинных произведениях: ѡсподаремъ (гр. 1386 г,), нашъ осподарь (гр. 1407 г.), осподаремъ (гр. 1475 г.), на ѡсподарьскомъ (39 Четья 1489 г.), оспоже (ib. 49б), ѡсподарю (57 ib.), даже — хто е҃сподарь (211б ib.) — с пропуском целого слога; ѡсподарь (206 Лет. Авр. XV в.), ѡсп҃рѧ (107б), ѡсп҃рю (88б, 109), ѻвѧда (= говяда, 214 Катих. 1562 г.).

Звук *г* в белорусском, вследствие своего известного характера, играет также роль вставочного и приставочного звука.

Что касается вставки *г*, то она не переходит за границы удержания старинного основного *г* в тех случаях, где в церковнославянском и русском литературном языке бывает выпадение этого звука (в первом не всегда): *ц'агнýц, стагнáц', стóг'ä* — общебелорусские; в старинных произведениях: тѧгноули (6б Сб. XV в. Публ. б. № 391), тѧгне (7 ib., 50б ib.), тягнути (гр. 1443 г.), протѧгни (Библ. Скор. Б 39, И 9б), стогнание (ib. Б 7б), потѧгнѣть (33б Катих. 1562 г.), стягнѹлисѧ (110б Библ. кн. XVI в. № 262).

Приставка *г* в некоторых словах бывает общебелорусской, в других же носит характер местной особенности. Почти всюду в Белоруссии приставляют *г* в междометиях: га! гой! гэй! (Сл. Нос.); в местоимениях: гэ́ный, гэ́тый (Сл. Нос., Бесс. Б. П. 2, Шейн Б. П. № 2 Лепп., Шейн. Мат. I, 25 Лепп., Ром. III, 5 Сенн. Мат. Б. № 4 Могил. губ., 7 Минск., 10 Мозыр. и т. д.); Федер, I, 5 Слоним.: hètako; Клих: ab hétum, hédak (181), hésty (ib.), hél'iko (столько́, ib.); в словах: гара́ц' (Клих 190 Новогр.), згараў (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 71 Новогр.), гарбу́з (Сл. Нос.), гара́х [(Клих, 180 Новогр.), по горешки (Шейн. Мат. I, 233 Борис.)], нигбдзин (Мат. Б. № 8 Игум.), гужи́ (Шейн Б. П. № 8 Лепп.), гу́сеница; также в некоторых собственных именах, взятых при посредстве польского языка: *Гале́на, Га́нна*. Те же слова находят отражение и в старых памятниках: гужи, гужами (Библ. Скор. С 35к), гусеница (ib. Ц 144), гето҃ (117б Псалт. XVI в.), на гетой (138 Сб. XVII в. Син. № 790), Геремеѧ (XIV в. Недешев), гетакихъ (1589 г. ib.), Галены (Недешев); не белорусские особенности: гезеро (621 Сб. XVI в. Чуд.), гн҃варь (63 Тайна тайных XVI в.).

Очень распространена приставка *г* перед *о, а, ў* и отчасти другими гласными, начинающими слово, как местная особенность в юго-западной окраине белорусских говоров. Здесь приставочное *г* бывает и в тех случаях, где в других местах Белоруссии бывает *в* или *ў*. Приведем несколько примеров: *H*adocia (Федер. II, 57 Волков.), *h*a ładki (оладьи, ib. I, 170), a*h*ładki с перестановкой *h* (v. haładki, ib. 290 Слоним.), *h*adnà (ib. 22 Волков.), našo̯ *h*arłá, kab *h*aroł (Клих 96 Новогр.), гу́лица, гаўца́, гавéчки, гавёс (Мат. Б. № 19 Гродн. с. Миговo, ib. М. Берестовица, ib. с. Говейновичи Слоним.), гу́лоньку (Шейн. Мат. I, 471 Волков.), *h*aucù (Федер. I, 24 Волков.), *h*awieczki (ib.), majè *h*oucа (ib. 88 Слоним.), pa *h*ùlicy (ib. 24 Волков.), na *h*anuczu (ib. 130), *h*anuczi (ib. 170), *h*awios (v. awiòs, ib. 419), *h*oš (вот, ib. II, 155 Слоним.), *h*un (= вон там, ib. I, 7 Волков.), toż *h*'un dzie (вот где,

ib. 44), a *h*uń dzie (ib. II, 20 Слоним.), *h*ikaŋka, *h*ikniećsia (ib. I, 216 Слоним.), нима *г*айца (= нет отца, Ром. Мат. Гр. II, 170 Гродн.), да *г*иншым манéрам (Ляцк. Посл. 45 Борис.), *г*иньший (= иной, Отч. 28 Мозыр.), *h*inszahó (Федер. II, 114 Слоним.), *г*у́лочка, *г*одна́ковы (Мат. М. № 9 Пружан. у. м. Шершево); в речи отдельных лиц приставочное *г* можно наблюдать изредка значительно севернее (ср. Мат. Б. № 18 Витебск. к § 48).

В заключение отметим появление неорганического *г* перед *-чы* или *-ць*, окончаниями неопределенного, в тех случаях, когда основная группа **-кти* из **-гти* должна бы перейти на русской почве в *-чи* (ст.-слав. **-цти**): ма*х*чы, ба́*х*чы; стяре́ць (Мат. Б. № 9 Бых.).

К

Общерусский звук *к* на белорусской почве подвергается следующим переменам:

а) Он переходит в *g*, что бывает тогда, когда ему приходится стоять перед голосовым согласным во вторичных группах *кг* (из **къ г**), *кд* (из **къ д**), *кж* (из **къ ж**), где *к* = предлогу **къ**: g гара́, g hédakamu (Клих 105 Новогр.), g д'з'äраву, g жала́зу и т. д. (ср. Мат. Б. № 7 Минск., 10 Мозыр., 13 Свенц., 28 Себеж. и т. д.). Странно, что у Клиха (259) в указанном положении пишется и *h*: *h* žarkuį, pryxóźić *h* hétuį (ср. еще ib. 73).

Иного рода переход *к* в *g* наблюдается в сочетании *ск*, под польским влиянием иногда изменяющемся в *зг*: *лузга́*, *прыскаць* рядом с *брызгаць* (ср. Миклошич, V. G. 1^2, 456. 11).

Еще попадаются отдельные слова, в которых *г* заменяет *к* по недостаточно ясным для меня причинам: *г*урган (Ром. V, 116 Рогач.), *г*рꙋгл'ы (35б Тайна тайных XVI в.). Не будет мены *к* на *г* в: оу четверъ пораноу (2б Сборн. XV в. Публ. б. № 391), так как с *г* это слово обычно в разных древнерусских памятниках (ср. «РФВ», XXII, 301).

б) Звук *к* заменяется посредством *х* в следующих случаях: *с*) основное сочетание *кък*, вследствие утраты глухого обратившееся в *кк*, будет ли это в середине слова или же в предлоге перед словом, начинающимся с *к*, может сохраняться и без перемены: с одной стороны, ст.-слав. **мѧкъкъ** = мя*х*кий (Бесс. Б. П. 4), мя́*хк*ая (Шейн Б. П. № 441 Лепп.), мя*гк*ий (Мат. Б. № 9 Бых., 10 Мозыр.), мя*хк*ий (Мат. Б. № 13 Свенц., 14 Новоалекс., 17 Речицк.); с другой стороны: мя́*х*ка (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 61 Новогр.), мя*кк*а (Ром. I—II, 275 Сенн.), мя*хк*аю (ib. III, 322 Рогач.), мя*хк*у (Шейн. Мат. I, 576 Игум.), мя́*хк*ий и мя*кк*и́ (ср. Мат. Б. № 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 9 и 16 Бых., 18 Витебск., 25 Новогр., 28 Себеж.). То же колебание и в старинных западнорусских произведениях: м*ѧк'к*а (12 Сб. XV в. Публ. б. № 391), розм*ѧкч*и[ѫ] (82 ib.), живот' м*ѧг'к*їи и сла[ѣ]кї и (24б Тайна Тайных XVI в.), м*ѧк'к*осер'ды[ѣ] (19 ib.), м*ѧк*осер'дъ (10б ib.), м*ѧк'к*ии (100б

Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ꙗзыкъ мѧхи (106 ib.), мѧ̑хи (55б Псалт. XVI в.). Группа *хх* в современных русских говорах переходит в *хх* и тогда, когда первое *х* равно предлогу. В современном белорусском языке этой перемены, повидимому, нет [к кенни́цы (Шейн Б. П. № 663 Витебск.), к каню (Мат. Б. № 13 Свенц., № 14 Новоалекс.) и т. д.], да и предлог *х* обыкновенно заменяется посредством *до* (ср. Мат. Б. № 31 Вилейск. к § 45); однако старинные произведения и в этом случае знают в достаточном количестве примеров предлог *х: х* комора^{м} (96б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), изыде *х* кораблю (62 Сб. XVI в. Чуг.), поѣха *х* Краковꙋ (Дубр. 491б), пошоль *х* Киеву (Евр. 467); тот же предлог *х* появляется даже перед губными: пришо^{л} *х* пано^{м} (Евр. 462), *х* Ви^{л}ны (ib. 592б). β) Основное сочетание *хът*, вследствие утраты глухого обратившееся в *хт*, изменяется в *хт*. Этот переход замечается в общебелорусском *хто* (ст.-слав. **къто**) *нихто* (ср., напр., Бесс. Б. П. 55, Шейн Б. П. № 21 Леп., Ляцк. Посл. 55 Борис., Мат. Б. всюду, Сл. Нос.); в таком виде это местоимение встречается и в старинных памятниках: хто — нихто [гр. 1387 г. (21), 1406 г., 1407 г., 1432 г., 1497 г., 1505 г. (В. А. 14); Четья 1489 г. 30; Лет. Авр. XV в. 88, 88б, 138б, 284; Позн. Сб. XVI в. 115, 92, 134; Статут 1588 г. 1, Тайна тайных XVI в. 86б; Библ. Скор. XVI в. Л 24, С 9б и др.; Катих. 1562 г. 4 предисл.; Ев. Тяпин. 1580 г. 4, 44, 8; Библ. кн. XVI в. Вил. № 262 л. 15, 32б; Псалт. XVI в. 10, 13б, Сб. XVI в. Кунц. 30, Сб. XVII в. Вил. № 107 л. 15, 33б, 93; Библ. кн. XVII в. Толст. № 158 л. 1, Псалт. XVII в. 31б, 46], нѣхто (3 Вил.), нехъто (52б Тайна тайных XVI в.), хт'о (ib. 1б, 12, 39б), нихт'о (26б Ев. Тяпин. 1580 г.). Такое же *х* является и в других случаях в группе *хт:* дохторочек (Бесс. Б. П. 125), *х* tórhu (Клих 259 Новогр.), ахт'оврА (44б Сб. XV в. Публ. б. № 391), царь Тохта (69 Лет. Авр. при *царь Тохта* 70 ib.). γ) Наконец, *х* на месте *х* появляется в отдельных словах, так или иначе объясняемых: сюда прежде всего относится *хрест* и производные от него вм. *крест*, где *х* явилось, несомненно, под влиянием *Христос:* хрястóм (Шейн Б. П. № 138 Витебск.), *х*рещóныя (Бесс. Б. П. 31), *х*рисциць и *х*ресциць — и производные (Сл. Нос.), *х*rest (Клих 182 Новогр.) *х*расьця́нин (Малев. 191 Слуцк. и т. д.). Мена *х* на *х* в указанных образованиях известна уже старорусскому языку с древнейших пор, начиная с XI в. (ср. Соболевский, Лекции,[4] стр. 146); отражается она все время и в западнорусских памятниках: *х*р̑тъ єсмь целовалъ (гр. 1386 г.), *х*р̑тился (25б Четья 1489 г.), *х*ристи̑ (26 Сб. XV в. Публ. б. № 391), х̑ъ *х*рищо̑ (27б ib.), *х*ръщены (30б ib.) *х*ристиче (35б ib.), ѡ*х*рыщеный (63б ib.), сынъ *х*рѣстьны̆й (90 Лет. Авр. XV в.), ризы *х*ретцатыи (96б ib.). *Х* на месте *х* имеем далее в *грю́хаць:* Пошо́ў сту́кать, пошо́ў грю́хать | По ўсёй но́во̑й спа́льни (Шейн Б. П. № 407 Невел., ср. еще Зап. V, 849) — единичный случай, где *х* могло явиться под влиянием *грохот*. Такие же единичные случаи: храхали (7б Сб. XV в.

Публ. б. № 391, под влиянием предыдущего *х?*), ма*х*ара (80 ib.). Может быть *х* на месте *к* в *на речь Хзъ* (58б Лет. Авр. XV в.).

в) Теоретически возможно допустить переход мягкого *к* в *т* мягкое, что очень обычно в некоторых русских говорах; то же отмечает Клих и в известном ему белорусском говоре: s *t'*išeńáḿi (63 Новогр.), s ta*t'*im (рядом s taḱím, 65 ib. Полонная). Но я имею основание усомниться в существовании в белорусском такого перехода: *т* мягкое в новогрудском говоре перешло бы в *ц'*; я никогда ничего подобного в указанной местности не слыхал; очень может быть, что эксперт Клиха был или с каким-нибудь физическим недостатком в органах речи, или же лицо пришлое. Подобный переход в одном случае встречаем и в Летописи Авраамки XV в.: Ака*т*ьевицѣ (от *Ахахий*) нарицаеми и Волуи (135), но здесь совершенно естественно усматривать руссизм.

г) Основное сочетание kǫoi, принявшее в общеславянском диалектно вид *цзъ- жвъ-*, на почве общерусского языка распространялось в первой разновидности со смягченным согласным. В таком виде оно должно было перейти и в белорусский язык: в нем мы, действительно, находим более слабый вид этого корня только со звуком *ц*: *ц*висць (Сл. Нос.), *ц*ьвисцѝ (Малев. 192 Слуцк.), ćwicіè (Федер. I, 169 Волков.) и т. д. Что же касается имени существительного *цзет* и производных от него, то оно не имеет общебелорусского характера: рядом с ним употребляется *жвет* и даже *жвят*. Приведем примеры на то и другое: *ц*вет (Мат. Б. № 6 Диснен., 10 Мозыр., 11 Новоалекс.), *ц*вятки (ib. 8 Игум.), *ć*wiètoczki (Федер. I, 169 Волков.), *cv*ét (Клих 177 Новогр.) и др.; в записях из северовосточной Белоруссии на месте *ц* часто бывает даже *т: т*вице́ли (Шейн Б. П. № 668 Борис.) *т*вяточек (ib. 674), *т*ьвет, *т*ьвяточек, *т*ьвятки (Мат. Б. № 9 Бых.); даже чаще, нежели *ц*, встречаем в этом слове *к*, напр.: *к*ве́тка (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 52 Новогр.), мой ты рожаны *к*веце (Дмитр. Гродн. 52 Белост.), *к*ветками (Бесс. Б. П. 55), *к*вяци́ста (Шейн Б. П. 387 Лепп.), *к*ветушка (Ром. I—II, 364 Сенн.), *к*ве́тки (Розенф. 35 Вилейск.), *к*ві́тка, *к*вя́ты (Малев. 177 Слуцк.), *к*вя́тачки, *к*вя́тки (Мат. Б. № 6 Диснен.), *к*вет и *к*вет (ib. 18 Витебск.), *к*ве́тка, *к*вя́ты (ib. 31 Вилейск.), *kv*áty (Клих 222 Новогр.) и т. д. Эти две или даже три огласовки встречаем и в старинных западнорусских произведениях: *ц*вѣ͡ (23б Тайна тайных XVI в.), про*ц*векне͡ (94б Псалт. XVI в.), за*ц*виту͡ (95б Псалт. XVII в.), *т*вѣ́ть (23б Тайна тайных XVI в.), *к*вѣтьѣ͡ (57б Псалт. XVI в.), *к*ветноуть (94 ib.), квето (109б ib.) и др. (ср. «Исследование», 200), *к*вѣто͡ (77 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), *к*вин8чого (35 ib.), роз*к*витнуся (52 Псалт. XVII в. 96 ib.), ро3*к*витне͡ (96 ib.), *к*вѣты (95б ib.), *к*вѣ͡ (107 ib.). Как смотреть на это разнообразие в замене основного *к?* Сходно с белорусским дело обстоит и в украинском языке. *Цв* неопределенного ясно указывает, что мы имеем дело с общерусской заменой, *тв* является плодом упрощения этой

замены, происшедшей уже давно, так как это *т* известно и русским говорам[1]. Что же касается *кв*, то тут прежде всего напрашивается мысль о заимствовании из польского, на что указывает и *а* = *ѧ* под ударением (квя́ты), и употребление во многих белорусских говорах для обозначения flores — *краски*, а для colores — *фарбы*, причем *цвет* — слово мало распространенное; неуменьшенное *квет* встречается со звуком *е* тоже очень редко: обыкновенно *квя́ты*. Однако уменьшительно-ласкательные *кве́тки, кве́тачки, кве́цье* очень обычны повсюду в Белоруссии, и объяснять их распространение одним заимствованием довольно затруднительно.

В заключение отметим случаи утраты *к* и мнимой вставки его. Если не описка, то, повидимому, утрата *к* в *сро*^{м}*но* (17 Псалт. XVI в., у Врубля skromno). Не будет фонетической вставки в *никче*^{м}*но* [(12 Псалт. XVII в.), ничемность (Псалт. XVI в., псалом 38, 6)], так как здесь морфологическое явление (произведено от *ни к чему?*). Вторично восстановлено *к* в неопределенных на *кци: п'ѣкц'и́, звы́кц'и* вм. *п'ѣчы́* (ст.-слав. **пешти**),**звычы*.

Х

Основной русский звук *х* подвергается немногим переходам в белорусском языке.

Тут отметим появление на месте *х* звука *к*. Однако говоря об этом явлении, прежде всего необходимо исключить один случай мнимого перехода, это слово *корого́д* (хоровод, толпа, шум) и производные от него (ср. Сл. Нос. 736, Зап. V, 89): коровóд (Шейн Б. П. № 445 Лепп.), карагóд (Бесс. Б. П. 160, Роман. I—II, 138 Гомельск., Мат. Б. № 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск, 8 Игум. и т. д.); или у Скорины: Моисеи ѳзрѣлъ телець и корогоды (И 61б) (Владимиров, Докт. Фр. Скорина, стр. 271). Слово это известно и русским говорам (Даль^2, II, 170). Обыкновенно это слово сближают с *хоровод* и видят переход *х* в *к*. Но между этими словами разве только та связь, что *хоровод* представляет осмысление *корогод*[2]. В старых западнорусских памятниках *корогодъ* оказывало влияние и на заимствованное слово *хоръ* (χορος) в том смысле, что оно меняло свое *х* на *к*: їс *к*оры анг҃елскими (3б Сб. XV в. Публ. № 391), бѳ҃ди оу҃крашенїе ѿ҃ *к*орѣ є҃же хваленїе (Библ. кн. XVI в. Вил. № 262 псалом 146.$_1$), в *к*орѣ (ib. псалом 149.$_3$).

Вероятно, и другой случай тоже подлежит исключению, это *кло́пот—хло́поты* (клóпыты—клóпаты) и производные от него слова [ср. Сл. Нос., Малев. 178 Слуцк., Мат. Б. № 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 18 Витебск. (ня мела баба клыпотов — купила пырыся́) и т. д.], при литературном русском *хло́поты*, имеющее для себя параллели и в старых западнорусских памятниках: клопоты

[1] Белорусское *цвисти* ввиду мягкости *ц* может быть выводимо и из *твисти*.

[2] Ср. между прочим заметку Г. А. Ильинского в «Живой старине», 1907, № 1. стр. 39.

(32б Катих. 1562 г.), клопочѣсѧ (40б—41 Псалт. XVI в.), клопочете (254 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158). Оба эти слова тоже могут быть разного происхождения[1].

Остальные случаи также малоценны. Раз встретился пример, где *кн* вм. *жн: прочкнýлася* (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 113 Диснен.) вм. *прочихнýлася*, *прочхнýлася* (Сл. Нос.). Иностранное *пасха*, как уже было в ст.-слав. памятниках, иногда имеет *к:* христовой светлой паскѝ, паскý, паскóю (Ром. IV, 188 Мстисл. ср. Мат. Б. № 7 Минск., 9 Бых. и др.). Под влиянием *крест* и слова, происходящие от *Христосъ*, в старинных памятниках иногда встречаются с *к:* кр҃тъсъ (33 Сб. XV в. Публ. б. № 391), кристá (63б ib.), кр҃тїáне (47 Псалт. XVI в.). кр҃тіáне (82 ib.). Еще несколько случаев, так или иначе объясняемых, в которых имеем *к* на месте ожидаемого *х:* кал'дейскїѐ (40 Сб. XV в. Публ. б. № 391), калдеё (45 ib.), канáска (ханаанского, Библ. кн. XVI в. Вил. № 262 псалом 134.11), роковатисѧ (64б Тайна тайных XVI в., под влиянием rok?).

Как местную особенность одного белорусского говора, возникшего у обелорусившихся литовцев (м. Видзы Новоалександровского уезда Ковенской губ.), отметим появление *к* на месте ожидаемого *х*, каковой звук литовцам вообще неизвестен: *кочецця* (хочется), *екаць* (ехать, Отч. 3).

На месте звука *х* в некоторых старинных произведениях является *ф:* Малафия (168 Мстиж. Ев. XIV в.), антифии (196б Четья 1489 г.), ѳоробу [хвор-, Бел. Арх. II 1531 (XVII в.)]. Живому белорусскому языку эта черта неизвестна; в украинском бывает *ф* на месте *хв*.

Звук *х*, принадлежащий к той же категории, что и *г* = *h*, перед начальными гласными в иностранных словах иногда отпадает: на горѣ ᵛОривѣ (Хоривѣ, 10б Катих. 1562 г.). В одном случае оно является как бы приставочным: хробакᵘ (польск. robak, Сб. XV в. Публ. б. № 391). Однако старопольскому известно и chrobak, и это слово в таком виде могло быть в оригинале белорусского переводчика.

СРЕДНЕНЕБНЫЕ ШИПЯЩИЕ *ж*, *ш* И СЛОЖНЫЙ *ч*

В основном славянском *ж*, *ш* и *ч* возникали путем смягчения задненёбных *г*, *х* и *к* (ср. ст.-слав. **БОЖЕ**, **ДОУШЕ**, **УЛОВ'КЪУЕ**; *ж* и *ч* в более позднюю пору основного славянского языка может быть возникали и из **ѕ** и **ц**, стоящих в положении, в котором заднеёбные подвергаются смягчению (ср. ст.-слав. **КЪНЯЖЕ**, **ОТЬЧЕ**); *ж* и *ш* являлись также на месте основных *гj* и *сj* (ст.-слав. **МАЖЬ**, **ПНШЬ**); указанного происхождения шипящие унаследованы и общерусским языком. На почве этого последнего еще возникли особые *ж* и *ч* из основных славянских *дj* и *тj* (др.-русск. *межа*, *свѣча*); в *ч* обратилось и сочетание *кт* (из **ГТ** и **КТ**) в окончании неопределенного и существительных соответствующего образования (общерусск. *мочь*, *печь*). Все указанного происхождения

[1] Ср. Миклошич. Etymologisches Wörterbuch, 87: clhop-, 118: klepa-.

ж, *ш*, *ч* при посредстве общерусского языка унаследованы и белорусским языком: бо́жä, ду́шä, во́ўчä, ма́жу, кашу́, ураж*а́*й, малачу́, махчы́, ноч и т. д.

Как возникшие путем смягчения из задненёбных и зубных звуки *ж*, *ш*, *ч* в древнейшую пору языка, несомненно, были мягкими. В таком виде они перешли и в общерусский язык; мягкими были и в древнейшую пору древнерусского языка (Соболевский, Лекции[4], стр. 135). Если обратимся за справками к памятникам старинной западнорусской письменности, то увидим, что в них на первых порах преобладают сочетания шипящих с «мягкими» гласными *я* и *ю* (*жя* — *шя* — *чя*, *жю* — *шю* — *чю*), не говоря уже об обычных сочетаниях с *и*, *е* и *ь*; однако рядом с указанными написаниями вскоре появляются и слоги из шипящих с *ъ*, *о* и даже *ы* (*жъ* — *шъ* — *чъ*, *жо* — *шо* — *чо*, *жы* — *шы* — *чы*), не говоря уже об обычном соединении с *а*. Приведем примеры тех и других написаний по памятникам, чтобы видеть, как постепенно шипящие твердеют. Грамоты и акты XIII—XVI вв.: въ мь*жю*, промь*жю*, плате*жя* (1229 г.), тя*жют*ь (XIII в.), му*жь*ми (ср. Собол., Смол.-полоцкий говор), ри*жя*номъ (1407 г.), дер*жя*ти (ib.), полочя́не (ib.), на полочя́нех (ib.), ме*жю* (1405 г.), на*шю* [1432 г.; (В. А. 4)], но*чю*ють (1492 г.), Заруби*чю* (1433 г.), хо*чю*тъ (1407 г.), на*шю* (1432 г.), се́ли*щю* [XV в. (Сб. Пал. Сн. № 3)], Пьстру*чь* (1454 г.), на*шь* (1497 г.); с другой стороны: слы*шы*шь [ок. 1300 г. (гр. рижан в Витебск)], Дру*жы*ловичъ (1406 г.), Ми*жы*ка (1442 г.), слу*жы*ть (1456 г.), ѡтчызне XV в. (копия XVII в.), буду*чы*мъ (1480 г.), зача*вшы* (ib.), на*шы* (ib., 1456 г.), впамята*вшы* (1492 г.), о*шы*тки (1406 г., но там же *ошитховъ*), розумѣ́*ючы* [1535 г. (В. А. 23)], чту*чы* (ib.), приня*вшы* [1536 г. (В. А. 27)], ре*чы* (ib.), прислу*шыт* (ib.). Четья 1489 г. — почти всегда мягкие: ви*жю* (30б), воскре*шю* (178), хо*чю* (142 и т. д.). Судебник 1468 г.: кля*чю* (53). Сборник XV в. Публ. б. № 391 — обычная орфография: юда*шь* (1), прото*жь* (ib.), а*чь* (ib. и т. д.), но: оу*шо* (1), юда*шоу* (1б), оу *чо*мъ (ib.), полеца́*шъ* (2), оу*жы*вають (92 и т. д.). Летопись Переясл. Суздальск. XV в.: ко*шю*ли (3), *счю*валъ (44). Летописи XV—XVI вв.: Евнутьеви*чя*, Святослави*чя* (11 Вил.), начятъ (ib.), на*чя* (9 ib.), на*чя*ша (8 ib.), почялъ (ib.), реко*шя* (9 ib.), *чя*сто (3 ib., 8 ib.), мешкаю*чи* (65 Крас.), вро*чы*щахъ (286 Позн.), *жы*гали (47б Археол.), *чы*стость (59 ib.), Летопись Авраамки XV в.: до*жы*дающе (98б), ме*жю* (3б), скре*кчю*ще (128). Сборник XVI в. Позн.: хо*чэ*мо (98), *жэ*лѣ́зный (245), пер*шэ* прыро*жэ*нє (181), но*чъ*, помо*чъ*ю (217), пѣ́*шъ* (ib.), нару*чь*, нано*жъ* (110), кры*жъ* (109, 122), е*жъ*, нее*жъ* (134), *чы*нити, *жы*вый, се*чы*, но*жы*, ѕста*вшы* и т. д. (при *очи* 134, *слышитъ* 78, *животъ* и т. д.) (Archiv IX, 364). Статут 1588 г.: збо*жя*хъ (59), ме*жы* (101, 44), помо*жы* (40), гоне*чы* (8), приехав*шы* (192), ре*чъ* (8, 12), но*чъ* (63), об*чо*го (79), товари*шы* (27). Гродн. Акт. кн. XVI в.: ска*жю*ть (81), Ар*шю*лино (135). Бел. Арх. I: слу*жы*ти (1624), з ны*шы*ми (1548), в Ор*шы* (1624), стау*шы* (1694), на керма*шы* (ib.).

от всей братии старшой и мнейшой (ib.), Харапончык (ib.), у пущы (1577); II: бечы [(= бежать) 1533 (XVII в.)]. Тайна тайных XVI в.: хочиши (79б), дрыжющее (34б), наричют'ся (63б), напишю (12), во д҃шю (7), быв'шю (2б), за чюжеє́ (11б), ѡбрет҃шь (19б), нарѫжы (28), счетьшы (19б). Библия Скорины XVI в.: будешъ (Ч 50б), любишъ (Пр 17), хощешъ (Пр 18 и др.), жывъ (МПК 11б, Пр 3б и др.), жывыхъ (Е 7б), жыли (Н 24), вашы[м] (И 59; чаще и после шипящих) (Влад., Скор., 265); ч было мягко: у Скорины не встречается нигде ы после него, чаще после ч, нежели после ж и ш, встречаются ю, а: овча (Б 38б), чюдных (Ц 114 и др.) (Влад., Скор. 270). Катихизис 1562 г.: прошю (88б), чюда (37), пишючи (5б), межю (56б), причащатиса (47б), дочька (3), дол'жеишыи (195б), тажыт҃ (23), содравшы (3б предисл.), шоста (205б), почомѫ (1б), чотыри (ib.), маешъ (34б), ложъ (28). Катихизис 1585 г.: согр'ъшишъ (11б). Евангелие Тяпинского 1580 г.: з'вазываючых' (5), болшы (6), ищѫчыє́ (3б), божъє́ (30), нечуешъ (8б), чс'чать (чтут, 52б). Библ. кн. ХКV в. Вил. № 262: жыто (98б), пожычаа (103), на ложы[х] (34б), жылищы (37), покажы (35), злишо[и] (87), д҃шю (102б), м'жюрить (101б), защичюса (53), скажю (33), скоропишющаго (48); но: увижѫ (87), порожѫ (31), Псалтырь XVI в.: мечь (11), д҃шьна҃ (12), змажю (91), чюда (87б, 27, 109б), ѡ҃ чюдо[х] (107), чюдно (12), чюжїє́ (20б), възалчю (58), тоучю (80), д҃шю (27, 70б), навьчю (34), жи[до] скомоу (132), ловычи[х] (148); с другой стороны: бачте (79), д҃шоу (58), чоужоземце[м] (68), насычѫ (153), ѡ҃чя (125б). Сборник XVI в. Кунц.: мовечы (68), заложыл (ib.), бежыте (ib.), чювъствы (10), чювствъ (9); но тут же: чѫвством. Евангелие 1616 г.: пѡстишъ, намаѫжъ (ки б). Сборник XVII в. Вил. № 107: видечы (67). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: печъ (11б), хочъ (72б, 78б), фалшывое (268б). Псалтырь XVII в.: ложъ (42б), в до[ж]чъ (51, 155), досвѣтчъ (161), ѡдер[ж]жишъ (3), по[д]вышъ же ся (8), роскошъ (23, 132б). Трудно решить, чем можно объяснить такую непоследовательность старого письма; вероятнее всего, что шипящие в старых западнорусских говорах постепенно становились твердыми; а в XVI в. пошли по пути к окончательному отвердению; раньше всего начали обозначать эту твердость при и, вероятно, не без влияния польского языка и графики, особенно в памятниках XVI в.; затем отчасти одновременно с и начинают появляться написания и с другими «твердыми» гласными, пока, наконец, написания с «мягкими» гласными, поддерживаемые традициями письма, не исчезли окончательно. В позднейших памятниках замечается обратное влияние русской графики, следствием чего было усиление написаний жи — ши — чи. Есть основание думать, как мы уже говорили (стр. 45 и 175), что в белорусском языке окончательное отвердение шипящих ж и ш произошло все же позже, чем в русских говорах. Современный белорусский язык знает только твердые шипящие ж, ш, ч. В изданиях разных белорусских народных произведений обыкновенно эта твердость не обозна-

чается, как и в современной орфографии русского литературного языка: написания с *ы* можно встретить лишь как описки, опечатки. В ответах на разосланные Академией наук белорусские программы на вопрос о качестве шипящих имеются категорические ответы, что они тверды. Некоторые чисто научные издания отмечают *ы* после шипящих, но не ставят *э*, а только *е*. В польских изданиях латиницей обыкновенно правильное обозначение твердости шипящих. Приведем несколько примеров: боль*шы*м (Ром. III, 245 Сенн.), *жы*ли у ку*чы* (ib. IV, 201 Черик.), *жы*вём, *жы*ў, дача*р*е́й, ар*шы*н у вы*шы*ну, па*шо́ў* у пля*чох* (ib. VI, 150 Городок.), пла*шэ*й (ib. 151, запись преднамеренно фонетическая), но: *чим* (ib. 150), *чи*ста (ib.); седзю*чы* (Шейн. Мат. I, 26 Борис.), *жы*ву, дадаў*шы*, гадо*чы*к (Розенф. 66 Минск.), не́*чы*м шу́бку *шы*ци, маў*чы* (Ляцк. Мат. 98 Борис.), *шэ*рынькай (99), *жы*ват͡бочка, запра-*жы*ця (ib. 102), *жы*͡бо́рна, *шы*р͡боки, *чы*сты, гу͡бр*шъ* (ib. 21), шипящие *ж*, *ч*, *ш*, *щ* твердые: адзе́жа, шыць, чысты(й) Мат. Б. № 4 Могил. губ.; подобные же данные сообщаются и из других мест. Примеры из Федеровского: wìe*cz*ä́ra (I, 67 Волков.), ba*czyć* (ib.), ká*ż*ä (ib.), wy̆pau̯*szy*, *żyć* (ib. 77 Сокольск.), *ż*ywić (ib. 339 Слоним.), za*czy*nìlisia, u̯ziàu̯*szy*, ad*ż*ywìć (II, 164 Лидск.) и т. д.; из Клиха: čysto (177 Новогр.), šybáć (ib. 208), żyła (220 ib.). Из всех местностей, посещенных мною во время поездок по Белоруссии, только в одной я слышал вполне явственный мягкий *ч* (иде ў *чяс* Отч. 24), именно, в Городненском уезде Черниговской губ. Потебня, как уже отмечено (стр. 45), предполагает более мягкие шипящие в Ржевском уезде Тверской губ.

Рассмотрим особенности отдельных звуков.

Ж

Выше было сказано, что на месте основного славянского *dj* уже в общерусском языке развилось *ж;* этот звук затем перешел и в белорусский язык (межа). Однако в последнем в современном его состоянии и, как увидим, отчасти в старинном есть целый ряд слов, имеющих на месте осн. слав. *dj* не *ж*, а *дж* — звук слитный, аналогичный по своему произношению *ч*. Прежде суждения об этом явлении приведем примеры из разных мест: ра́*дж*у, ся*дж*у́ (Дмитр. П. и Ск. Гр. 24 Новогр.), ви́*дж*у, гля*дж*у́ (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 23 Новогр.), паха*дж*а́ци (20 ib.), су*дж*о́нушка (84 Новогр.), су*дж*у́, дога*дж*у́ (Бесс. Б. П. 98), заго*дж*у́ (задержу, ib. 98, 26), су*дж*о́ного (ib. 106), паха*дж*а́ючи (Кар. 41,9 Новогр.), ра́*дж*у (советую, Кар. 68 Трок.), прохо*дж*у́ся, добу*дж*у́ся (Ром. I—II, 2 Рогач.), ра*дж*а́ць (ib. III, 93 Бых.), нахо*дж*уетца (ib. 189), зво*дж*у (ib. 37 Клим.), разбу*дж*у (ib. IV, 131 Черик.), во*дж*у (ib. 217 Клим.), найро*дж*ай (ib. 180 Гомельск.), прово*дж*аць (ib. V, 349 Городок.), побу*дж*ала (5 Радч.), *-ае* (12 ib.), похо*дж*ено, побро*дж*ено (12 ib.), перегоро*дж*у (21 ib.), суря*дж*ала (24 ib.), прово*дж*али (24 ib.), хо*дж*у (Демб. 19, 526 Мстисл.), ра*дж*ала (ib. 2, 545 Могил.), ўра*дж*у́, пагля*дж*у́ (Ляцк. Посл. 41 Борис.),

сад͡жаюць (ib. 2), вид͡жу (Розенф. 39 Минск.), гляд͡жу (ib. 67) ўрад͡жа́й (Малев. 12 Слуцк.), урад͡жа́й (Сержп. 39 Мозыр.); в Мат. Б.: рыд͡жа́ць (№ 4 Могил. губ.), прахад͡жу́ся (5 Слуцк.), ви́д͡жу (6 Диснен.), рад͡жа́ць (8 Игум.), ви́д͡жу (но рядом *ражать*, 9 Бых.), проход͡жу́са (10 Мозыр.), род͡жу́ (11 Новоалекс.), гля́д͡чу́ (23 Минск.), прыгле́д͡чуся (ib.), уро́д͡жай (29 Новогр.) («произносится какой-то особенный звук, которого нельзя обозначить»), ра́д͡жу (31 Вилейск.), ви́д͡жу (Отч. 9 Иллукст.), sa*d͡ź*ù (Федер. I, 399 Волков.), хаʒ̆ú, saʒ̆ú, hlaʒ̆ú, рахаʒ̆а́ć и т. д. (Клих. 253—254 Новогр.). Если рассмотреть приведенные примеры, то нельзя не заметить, а) что *д͡ж* является только в тех словах, которые знают образования и с несмягченным *д*, больше в глаголах и очень редко в именах существительных; б) что в сборниках народных белорусских произведений рядом с указанными образованиями возможны в той или другой степени и образования с *ж*, число которых особенно увеличивается по направлению к северо-востоку. С другой стороны, если мы обратимся к памятникам древнерусского языка, то найдем, что в них на месте основного славянского *dj* встречается только *ж*, и никогда не бывает *д͡ж;* отсюда естественно предположить, что в таком виде эта замена основного славянского *dj* из основного русского перешла и в белорусский язык, напр.: ме*ж*и (гр. 1432 г., Сб. XV в. Публ. б. № 391, лл. 2, 4), пре*ж*е (9 Вил.), проме*ж*у (1 Вил.), съзи*ж*емъ (3б Лет. Авр. XV в.), гра*ж*анѣ (128б ib.), ѡде*ж*а (131 ib.), ѡбу*ж*оный (Сб. XVI в. Позн.), пре*ж*е (5 Сб. XVI в. Крас.), повѣ*ж*е (37 ib.), нꙋ*ж*ꙋ (157 ib.), схо*ж*ати (252 ib. и др.), нагоро*ж*енья (123 Статут 1588 г.), гра*ж*ане (55 Тайна тайных XVI в.), приро*ж*енїе (51 ib.), пере*ж*е (51 ib.), жа*ж*и (28 ib.), зво́уа*ж*аѣть (43 ib.), хо*ж*ению (Библ. Скор. XVI в. Пр 23б), гра*ж*ане (ib. Ю 20), во*ж*ъ, во*ж*емъ (ib: Ч 25, 26б), осу*ж*ати (ib. Пр 7), е*ж*ъ, е*ж*те (ib. Р 7 и др.), ро*ж*енна (113 Катих. 1562 г.), во*ж*ов' (ib. 5 предисл.), наде́*ж*и (1б Катих. 1585 г.), оде*ж*и (8б Ев. Тяпин. 1580 г.), во*ж*ъ (3 ib.), ꙋтверь*ж*еніе (1б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), пере*ж*е (15 ib.), наде*ж*а (15 ib., 98б), ви*ж*ю (117 ib.), чꙋ*ж*їи (51 ib.), ме*ж*оурѣчїа (1 ib.), приро*ж*еный (8б Псалт. XVI в.), нꙋ*ж*и (30б ib.), жа*ж*е (43б ib.), ме*ж*оу (66 ib.), увѣ*ж*ь (88 Сб. XVII в. Вил. № 107), во*ж*ꙋ мо' (38 Псалт. XVII в.) и т. д. Может быть, указание на *д͡ж* в следующем слове из Статута 1588 г.: кгинчало^{и} (411). Таким образом, древнейшие памятники белорусского языка в указанных случаях и не знают *д͡ж*. Отсюда естественный вывод, что *д͡ж* возникло в примерах, подобных приведенным, на белорусской почве, или точнее на белорусско-украинской почве (так как и украинскому языку эта черта известна) в более позднее время от одинаковых причин. К таковым относятся: 1) аналогия образований с сочетанием *ждж* (до͡ждж́а, прие͡ждж́аць) из осн. слов. *здj*, в каковой группе после обращения *dj* в *ж*, предшествую-

щее этому *ж* свистящее *з* уподобилось, обратившись в шипящее *ж*, а *д* возникло в середине по аналогии с изменением соответствующей безголосной группы *стj* в *щ*, т. е. *шт͡ш;* кроме того, для *д* в указанной группе была аналогия и в праславянском смягчении группы *зг* в *ждж*, упростившейся, напр., в старославянском в **жд** (**нжденж**, **раждьк**). Вообще в указанной группе *ждж* из осн. слав. *здj* сочетание *дж* не совсем совпадает с таким же сочетанием в раньше рассмотренных примерах (*ви́джу* и под.), так как в группах типа *дождж́а*, *приежджа́ць* уже в некоторых древнерусских говорах было особое сочетание, а не *ж* (*жч* в галицко-волынских, *жг* в новгородских, начиная уже с XI в., А. И. Соболевский, Лекции[4], стр. 35 sq.); да и западнославянские языки, смягчающие группы *dj* в *dz* — *z*, в рассматриваемом сочетании тоже знают шипящий звук и притом с *d* (ср. польск. wyje*ż*d*ż*am, чешск. vyjíž*d*ím). Старый западнорусский язык в указанных образованиях, как и современный белорусский язык, также знает *ждж*, отчасти передаваемое посредством *жч* или даже *ждч* Приведем примеры: дъ*жч*ѣвнымъ (Псалт. 1296 г.), ѣз*ж*ивалъ (гр. 1359 г. Недешев), розъе*жч*алъ (гр. 1398 г.), вые*жч*аютъ [гр. 1503 г. (В. А. 13)], прие*жч*аючи [гр. 1505 г. (В. А. 14)], прие́*жч*ик [гр. 1551 г. (В. А. 48)], въе*ждж*ати [гр. 1577 г. (М. А. 25)], приъ*здж*а́ючи [гр. 1602 г. (В. А. 44)], ѣ*ждч*ати (Р. О. 219, 1606 г. и т. д.), до*жч*ю (233 Четья 1489 г.), до^{жч}ева (81б Сб. XV в. Публ. б. № 391), оудо*жч*и (ib. 83б), до*жч*овы^{х} (ib. 86), до*жч*ъ (88б Лет. Крас.), е*жч*ива^{л} (71 ib.), до*ждч*у (23 Позн. Сб. XVI в., 270 ib.), є*ждч*алыє (46 ib.), прыє*ждч*аючомоу (200 ib.), є*ждч*ывалъ (235 ib.), нає*ждч*али (209 ib.), зъе*ждч*ало (182 ib. и др.), одъѣ*ждч*алъ (вар. ѣъѣ*ждж*алъ, 258 Статут 1529 г.), прие*жъдч*ые (1 Статут 1588 г.), прие*жъдч*ати (19 ib.), неотє*ждч*аючи (28 ib., 142 ib.), перее*жъдъч*имъ (37 ib.), нае*ждч*алъ (58 ib.), перее*ждч*ою (489 ib.), вые*жч*алъ (40 Гродн. акт. кн. XVI в.), з'е*ждж*ал (Бел. Арх. I 1579), уе*ждж*ати (ib. 1605), на людех прие*ждж*ых (ib. 1605), перее*ждж*ых (ib.), въе*жъч*алъ [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)], е*жъч*али (ib.), до*жч*у (248 ib.), до*жч*їть (7 Ев. Тяпин. 1580 г.), до*жч*ъ (9б ib.), до*жч*ь (106б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), до^{жч}ѵ̀ (106 ib.), до^{жч}ь (66 Псалт. XVI в., 140б ib.), в до^{ш} (ib. 131б, с переходом голосовых в соответствующих безголосные), до^{жч}ѵ̀ (80 ib.), дро*жчи* (76 ib., где *и* вставочное), ѿе*ждж*а́етъ (оа Ев. 1616 г.), до*жч*ъ (ai ib., 2ти ib.), изе*жч*атися (141б Сб. XVII в. Син. б. № 790), вые*ждч*али (167 ib.), до^{жч}ъ (2б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158, 29 ib.), до*жч*ъ (49 ib.), до^{жд}чъ (209 ib.), до^{жч}и (3 ib.), до^{жч}илъ сѣ^{р}кою (14 ib.), эъе^{жд}чали (163б ib.), вые^{жд}жа^{л} (166 ib.), ѵ̀е^{жч}ай (211 ib.), перее^{жч}ихъ (126б ib.), прие*жч*али (145б ib.), прие*жч*а^{л} (122 ib.), дро^{жч}и (59б Псалт. XVII в.), до^{жч}ъ (ib. 51, 66, 155), з до*жч*о͡ (ib. 112).

Несколько примеров из современных белорусских говоров: па*ждж*и (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 19 Новогр.), вые*ждж*ая (ib. 50 Диснен.), *ждж*е (ib. 112), до*ждч*ем (Гильтебр. CCLXXXV Вилейск.), гва*ждж*у́ (Шейн Б. П. № 47 Орш.), дб*ждж*ик [ib. 296 Велиж. (Сураж)], пое*ждж*а́е (ib. 306 Лепп.), пое*ждж*а́й (ib. 346), до*ждж*а́х (ib. 363 Диснен.), до*ждж*ами (ib. 319 Лепп.), да*ждж*и (Кар. 18 Новогр.), пазае*ждж*авала (Кар. 69 Трок.), ўзъе*ждж*аим (ib. 61), ўзъе*ждж*аюць (Шейн. Мат. I, 233 Ошм.), подо*ждж*и (Ром. III, 12 Рогач.), *ждж*е (ib. 212 Бых.), до*ждж*ик (Демб. 26. 528 Черик.), до*ждж* (Ром. III, 97 Бых.), до*ждж*и (Шейн. Мат. I, 189 Бельск. Смол. губ., ib. 20 Борис.), до*щ*ь (ib. 660 Ошм.); в подражание указанным образованиям и во*ждж*ались (вожались, Ром. III, 16 Сенн.), до*ждж* дурны (Ляцк. Посл. 10 Борис.), зае*здж*аци (Розенф. 13 Вилейск.), одъи*ждж*аю (ib.), прыи*ждж*ая (ib. 37 Минск.), пае*ждж*а́ю (Отч. 5 Новоалекс.), подобные же образования отмечаются в ответах на белорусские программы (ср. Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 23 Минск., 28 Себеж., 29 Новогр., 31 Вилейск.), pr'uje*ʒ́dʒ́*aje (Федер. I, 20 Волков.), do*ʒ́dʒ́* (ib. 180), са*ждж*ы́ (Малев. 21 Слуцк.), бар*ждж*ей (Мат. Б. № 21 Слуцк.), doʒ̨yk (Клих 178 Новогр.), daǯ̨u (ib. 254 и т. д.); то же сочетание *дж* остается здесь и в случае перехода *ж* (из *з*) в *г* вследствие диссимиляции звуков: прыя*гдж*а́й (Мат. Б. № 12 Минск. и др.), о чем после.

2) Сочетание *дж* могло возникнуть на месте *ж*, с другой стороны, и по аналогии образований от тех же корней с звуком *д;* отсюда понятно, отчего не бывает *дж* на месте осн. слав. *dj* в тех словах, которые форм с *д* не знают (чужы́, адзе́жа), и почему в существительных *дж* вообще редко (изредка *меджа́*, *ураджа́й*). Подобными же причинами следует объяснять появление *дж* и в украинском языке [1].

И на месте *ж*, которое должно бы получиться во второй части смягченной группы *зг*, также имеем *дж:* в'и*ждж*а́ц', ма*ждж*а́р (ср. ст.-польск. moʒ̨dʒ̨erz), ви*шч*ець (Вит. К. С.). На месте *жг* в одном слове спорадически встречается *джг: джг*нув (ударил, Ром. III, 256 Черик.), *дж*иг-нець (укусит, ib. 8 Сенн.), *дж*гучка (крапива), *дж*гучы — и еще несколько слов (Вит. К. С.); *дж* на месте *ж* из *г:* за*дж*игай (Ром. IV, 30, Горецк.).

В старинных западнорусских памятниках на месте осн. слав. группы *dj*, под церковнославянским влиянием, естественно встречается и *жд*, которое бывает также и на месте *zdj* [прие*жд*аючи (44 Лет. Увар.), пріе*жд*ивалъ (2 Вил.), прие*жд*ати (ib.), ме*ж*ю (3б Лет. Авр. XV в.), по мо*ж*еѣликоу (130б), жа*жд*ю (27б Тайна тайных XVI в., Библ. Скор. Пр. 16), наде*жд*а (ib. 1 6б и др.)], но то же *жд* иногда встре-

[1] Ср. Н. Коробка. Звук *дж* в малорусском наречии. — «РФВ», т. XXXIV, стр. 223 sq.

чается и в живых белорусских говорах: провождáть (Бесс. Б. П. 3, Изв. 178), вóждатца (Ляцк. Посл. 11 Борис.), важдáцца (Мат. Б. № 12 Минск.), абиждайтя (Добров. I, 213 Пореч.), обиждали (Мат. Б. № 10 Мозыр.), абиждáецца (Сержп. Прымхі, 31). Применительно к живой народной речи говорить здесь о церковнославянском влиянии не приходится; несомненно, *д* в приведенных примерах отчасти такого же происхождения, как и в словах, знающих *дж* на месте ожидаемого *ж:* оно зашло сюда по аналогии образований от тех же корней со звуком *д* (водить, обида). Впрочем, вообще такие образования в белорусском языке редки.

Кое-где под польским влиянием на месте ожидаемого *ж* или *дж* (из осн. слав. *д*) встречаем *дз:* похóдзáе (Шейн Б. П. № 98 Лепп.), урóдзáй (ib. № 368). Эта особенность естественно иногда сказывается и в старинных произведениях: нáдзы (191 Сб. XVI в. Позн., nędzy), знáдзоны (ib. 177, 202), нáдзное (ib. 201), не^{го}хо^{д}заю (67б Тайна тайных XVI в.), сюда же относится: покр'ив'деному (10 ib., где *-се-* следует читать как *-дзе-*), влáдза (260б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) — явный полонизм.

Звук *ж*, ставший на месте *з* перед следующим шипящим в слове *jaжджáц'*, в некоторых юго-западных говорах заменяется посредством *г = h:* прыягджай (Мат. Б. № 12 Минск.), budzie jeḥdziu̯ (Федер. I, 15 Волков.), pryjeḥdżajuć (ib. 39), pryjeḥdżaje (ib. 45), jeḥdzić (ib. 197), ujèḥdzisz (ib. II, 157), pryjeḥżáje (Клих 10 Новогр.), jéḥźić (ib. 17). Такую замену следует объяснять диссимиляцией звуков.

Слишком мягкий звук *ж* в старом западнорусском языке мог переходить в *й;* так следует объяснять современное название известного городка *Логойск* при старинном *Логожескъ* [гр. 1387 г. (21) из *Логожьскъ*].

Звук *ж* может заменяться посредством *з*. Тут следует различать несколько совершенно разнородных явлений. а) *З* на месте *ж* является в нескольких словах, представляющих это колебание и в некоторых других славянских языках, это: *зал'áзо* [зялéзная (Шейн Б. П. № 54 Витебск.), залéза (ib. 142 Диснен.), зялезным (Ром. V, 107 Город. Витебск. губ.), *-ных* (ib. III, 95 Бых.), *-ый* (ib. I—II, 449 Сенн.), зялезный (Отч. 9 Иллукст.), зялéзным (Мат. Б. № 4 Могил. губ., ср. № 9 Бых.), зилéзо, зилязни́к (ib. № 18 Витебск.) и т. д.]; с звуком *з* это слово известно украинскому языку и изредка русскому (Соболевский, Лекции[4], стр. 143); то же у Скорины в переводе Библии: в зелезных рукавицахъ (Ц 113); *железо* также известно белорусскому языку; *рзáц'* [зарзáли (Шейн Б. П. № 636 Лепп.), рзуць (Демб. 164. 564), зарзали (Ром. I—II, 46 Перер.), *-в* (ib. III, 124 Клим.), зарзаў (Розенф. 8 Вилейск.), зарзав (Ром. VI, 116 Черик.), си́льнинька йрзали (ib. 70 Минск.), рзуць (Мат. Б. № 4 Могил. губ., № 9 Бых., № 17 Речицк.), но *з* в этом слове архаизм: ст.-слав. **ръзати — ръжєть**]; в старинных произведениях еще встречается *золчь* рядом с *жолчь*, при

совр. *жоўч* [жолъчию (13 Сб. XV в. Публ. б. № 391) и *зо̄лчь* (28б ib.), *золчи* (346 Лет. Авр. XV в.)], но здесь *з* малохарактерно, так как уже в древнейших памятниках древнерусского и старославянского языков (между прочим в Ассем. Ев.) это слово встречается и в виде **жлъ ь** и **ꙁлъꙑь**, причем второе может быть и древнее, а первое образовано под влиянием прилагательного **жльтъ** (ср. «РФВ», XXV, 220); *золоза́* (Сл. Нос.), *зало́зы* — опухоль желез, как в укр., где при *жо́лзи* есть и *зо́лзи*; на *зо—за* могли смотреть как на предлог; в *з* слова *збанъ* [Ев. Тяпин. (ср. Соболевский, ЖМНП, ч. 311, 52), Ц 6б Библ. Скор.], как и в живой речи во многих местах, при польск. dzban, русск. литер. *жбан*, также могли усматривать предлог. б) По недостаточно выясненным причинам звук *ж* в окончании предлога *миж — памі́ж* (между) иногда переходит в *з* (а перед безголосными согласными в *с*): мизь етой (Ром. IV, 184 Мстисл.), mi*z* nuox (Клих 26 Новогр.), mis pańének, pamé*z* iix, paṁi*z* noh и т. д. (ib. 259). в) В областях, пограничных с Псковскою губ., мы ожидали бы встретить отражение местной псковской особенности — смешения *ж* и *з*, *ш* и *с*. Но имеющиеся у нас данные из современных говоров не дают материала для суждения о том, свойственна ли подобная черта белорусским говорам. Есть, правда, одно свидетельство (С. Микуцкого) о том, что «буквы *ш*, *ж* иногда произносятся (и в Смоленской губ.) *с*, *з*»; но приведенные примеры (харасò, нисурàз) далеко не вески[1]. Да и старинные памятники немного дают нам указаний в этом роде; в них на мену *ж* в *з* находим следующие примеры: манзельство [(чешск. manžel-) Житие Алексея (Сб. XV в. Публ. б. № 391)], кнꙗзити (344б Лет. Авр. XV в.), кнꙗзившоу (42 ib.), кнꙗзивъ (53б ib.), кнзенье (76б ib., ср. 300 ib.), но во всех этих формах *з* могло явиться вторично из слова **кънꙗзь**. Еще примеры с *з* имеем в Позн. Сб. XVI в.: зычы́ть (44), незычить (204), позычъ (115) и т. д. (Archiv IX, 363, при польск. życzyć), но в таком виде это слово встречается и в современных юго-западных белорусских говорах да и вообще повсюду в Белоруссии (см. Сл. Нос.); нѣ^{г} за^{х}ного̀ живого (58 Тайна тайных XVI в.); юже ста̀за (МПК 69б) (Влад. Скор. 275).

Редкий случай появления *цв* рядом с *жв* имеем в *цвирочку* (Шейн Б. П. № 414 Борис.) рядом с *жвиро́чку* (дресвы).

Жств, как в украинском, упрощается в *ств:* роство (Бесс. Б. П. 29).

Ш

О заменах основного русского *ш* в белорусском языке приходится мало говорить, так как вообще этот звук упорно сохраняется в своем виде. Указываемые ниже переходы *ш* в другие звуки больше единичны. Таковы:

а) Появление *ж* на месте *ш* под польским влиянием: *вы́жай* вм. *вышей* (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 185 Новогр.). В старинных произ-

[1] Ср. «Известия ОРЯС», т. IV, 1855, стр. 112.

ведениях нам встретился случай мнимого перехода *ш* в *ж* в *дольжи* (дольше) (33 Лет. Увар.), так как это правильная замена основной русской формы: ср. ст.-слав. **длъжє**.

б) Так же в единичных примерах встретилось *ч* на месте ожидаемого *ш:* полутчало (Ром. III, 246 Сенн.), akanuomcza (Федер. I, 23 Волков.), ѳалч'ивый (21 Тайна тайных XVI в.).

в) В некоторых словах на месте *ш* имеем *щ: щькодъ* (гр. 1475 г. вм. *шкодь*), тако *бѧще* има ѣму, ѣще *бяще* не кр҃щнъ (93 Лет. Авр.); не явилось ли здесь *щ* под влиянием причастных форм на -ѧще, тем более, что в XV в. *бѧше* уже не было живым явлением; далее, при русск. *горшок* в белорусском обыкновенно *гарщо́к* [Сл. Нос.; ср. у Скорины в Библии — горщекъ (1 50), над горщками (И 31)]; при совр. белорусск. *до́шк'и* (доски) у того же Скорины читаем: дощьки (1 48б, ср. Влад., 276); до мѵра́щки (Ев. 1616 г. рив б), при совр. *мура́шки* (муравья).

г) Кое-где в старинных памятниках севернобелорусского происхождения встречаем *с* на месте *ш* — особенность псковских говоров: васи бозѣ (348 Лет. Авр. XV в.), ускуи (ib. 76б, при *в ушьхуихъ* 116б); сюда может быть следует отнести *на соусѣ* (ib. 22), *разсирить* (29б Тайна тайных XVI в.).

д) Слишком мягкий звук *ш* в старом западнорусском языке мог переходить в *й*. Так следует объяснять современное название *м. Пропойск* при старинном *Пропошескъ* [гр. 1387 г. (21)] из *Пропошьскъ*.

ч

Мы уже говорили, что *ч* в белорусском языке, как и вообще в восточнославянских языках, является, между прочим, заместителем основной славянской группы *tj* (а также *kt* из *gt* в известном положении), напр.: плачу́, похаджа́ючи (Кар. 41 Новогр.), отвечаець (Ром. IV, 46 Горецк.), свечка и т. д. То же, конечно, находим и в старинных западнорусских произведениях: освѣченого (гр. 1440 г.), помочою (гр. 1432 г.), жеброуча (90 Сб. XV в. Публ. б. № 391), принесоуче (14 ib.), ачь (1б ib.), помочь (5 Лет. Вил.), с 'помо҃ю (82б Крас.), аче (3 Вил.), розвречї (169 Лет. Авр. XV в.), стручоный (193 Сб. XVI в. Позн.) будучими (10 Статут. 1588 г.), ворочаны (28 ib.), обчому (40 ib.), подлечи (**лєштн**, 12 ib.), ст'еречиса (57 Тайна тайных XVI в.), пл'ече (81б ib.), ст'рычи (85 ib.), помочи хотѣла бы (Библ. Скор. XVI в. Э 21б), мочи (1 32б), ѵтечи (Б 34), стереči (Пр 9б), свеча (П 31б), ропчуть (Пл 8б), смучахуса (Д 19), гледаючи (Пр 13 и т. д.), всемогучый (2 предисл. Катих. 1562 г.), печери (61б ib.), свеча (8, 47б Ев. Тяпин. 1580 г.), ѿсечи (24б ib.), аче (12 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), клевеча (103б ib.), смотрачи (91 ib.), смѵчени (70 ib.), течи (38б ib.), лѵкав'ствуючи҃ (53б ib.), сѵдачиѣ (7б Псалт. XVI в.), просвечає҃ (19 ib.), ѡбороча҃ (105б Сб. XVII в. Вил. № 107), ѵмираючѵю (66б ib.), ѡвочи (3б Библ. кн. XVII в. Толст.

№ 158), ѡвочъ (244б ib.), печера (17б, ib.). в печерѣ (113б ib.), ѡсвѣчае (60б Псалт. XVII в.), скрежече (7 ib.), бо҃чи҃ся (45б ib.), хочъ (24, 103б ib.). Живая белорусская речь и старинные памятники представляют и отступления от замены группы *tj* посредством *ч*. Так,

а) изредка наблюдается отсутствие переходного смягчения *т:* пал*т*ý (Шейн Б. П. № 564 Витебск., Розенф. 68 Минск., Мат. Б. № 13 Свенц., № 31 Вилейск.), ўчис*т*енїю (127 Катих. 1562 г.); но вообще эта черта в белорусском языке редкая; очень обычна она у соседящих с юга пинчуков (ср. М. Довн.-Зап., Песни Пинчуков, XVII).

б) Литературной русской речи известны заимствования из церковнославянского языка со звуком *щ;* белорусскому языку они не известны [ср.: ро́бячи, о́бчаство (Ром. IV, 180 Гомельск., Мат. Б. № 5 Слуцк.), о́бчыство (ib. 8 Игум.), абчаство́ (ib. 9 Бых.) и т. д.]; быть может, некоторый след церковнославянского влияния в нем представляют прилагательные-причастия, сохранившиеся в очень незначительном количестве, на *-ущий:* вочи завиду́*щ*ия, руки загребу́*щ*ия (Зап. I, 274), wadỳ żywù*szcz*aje i hajù*szcz*aje (Федер. II, 85 Волков.), kal'i pryńeśéš hajúščyje i źyúščyjä ɑadý (Клих 220 Новогр.). В старинных произведениях, находившихся под большим влиянием церковнославянского языка, *щ* на месте *ч* является естественно чаще, напр.: вѣроую*щ*и (28 Сб. XV в. Публ. б. № 391), пото боудоу*щ*и (ib. 91), ве*щ*ьбы (ib. 95б), помо*щ*ь (86 Лет. Крас.), свe*щ*енницы (259 Сб. XVI в. Позн.), со све*щ*ами (259 ib.), немо*щ*ны (51б Тайна тайных XVI в.), пе*щ*ы (87 ib.), све*щ*а (Библ. Скор. 1 17), ѡ гѡна*щ*и (31 Псалт. XVI в.), надева*щ*и҃ся на та (17б ib.), въпло*щ*енья (предисл. Катих. 1562 г.), дѣлаю*щ*ихъ (53б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), в пе*щ*ерѣ (113б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) и т. д. Тут следует отметить целую группу примеров, которые только внешним образом могут быть отнесены сюда: разумею неоднократно встречающиеся в могилевских и отчасти смоленских говорах формы глагола *отвечать* с *щ* вм. *ч:* отве*щ*ая (Ром. III, 35 Бых., ib. 95, ib. 212), отве*щ*аа (ib. 186 Рогач.), отвя*щ*ая (ib. IV, 49 Могил.), отве*щ*аець (ib. 19 Горецк., ib. III, 254 Черик.), отве*щ*ав (ib. IV, 188 Мстисл.), атве*щ*ать (Добров. 15. 76 Смол.). Однако здесь *щ* не на месте *т*, а *ст:* в тех же говорах встречаются и формы производные: отвясьциць (отвечать, Ром. IV, 212 Клим.), обвяс*ц*иць (Мат. Б. № 18 Витебск.), абес*ц*и́ць (обещать, ib. 28 Себеж.), отвес*ц*иць (ответить, ib.), которые и служат ключом к разгадке этого непонятного перехода.

Иного рода *щ* на месте *ч* имеем в словах: сверщокъ (Библ. Скор. XVI в. л. 22), сморщкы (1 22 ib.), *щ*ъхание (1 49б) при современных белорусских *сверщ* (Сл. Нос.), *сморчки, чханне.*

в) Вместо *ч* (больше из *т*, но также и другого происхождения) в живых говорах и в старинных памятниках иногда находим усиленный звук *тч* (= *тт'ш*): моло*тч*анка (Ром. III, 2 Сенн.), ци руччику, ци *падрутчику* (Дмитр. П. и Ск. Гр. 87 Новогр.) (в Вильн. 83—*поруччику*); первоосвѣ*тч*еные (гр. 1440 г.), мѣс*тч*ане (гр. 1432 г.),

досветчоно (24 Статут 1588 г.), посветъчали (239 ib.), если только два последние слова не произведены от корня *вѣд-* в слове *съвѣдъжа*, как это можно видеть даже из написания: досвѣ^{ч}чалъ (7 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), ѡсвѣ^{ч}чаесѧ (43б Псалт. XVII в.).

г) Как явный полонизм в живой речи, хотя и очень редко, встречается на месте осн. слав. *tj* звук *ц:* моц (крепость, сила, мочь, Сл. Нос.), моцный, моцнець, моцоваць (ib.), цуд, обецанка [обецанка, цацанка, а дурному радосць (Сл. Нос.)], обецаць (Сл. Нос.) — это более распространенные слова, особенно в юго-западных областях; повсеместно в Белоруссии говорят: цот — нецот [при русск. *чот* (Мат. Б. № 5 Слуцк., 8 Игум., 9 Бых., 23 Минск., 25 Новогр., 31 Вилейск.) (цотка)], междометие *цмож* [при русск. *чмож* (Мат. Б. № 18 Витебск.), ср. польские народные (заимствованные у белорусов?) cot, cotka, а также звукоподражание cmok], цебар, польск. ceber, др.-русск. *чьбръ;* на самом западе, где особенно много полонизмов, подобные образования чаще: там даже *со* (вм. *что*, Федер. I, 223 Сокольск. и др.). В старинных западнорусских памятниках, на которых польское влияние сильнее сказывается, и *ц* на месте ожидаемого *ч* встречается довольно часто, напр. (приводим для образца лишь по несколько случаев; иногда их можно рассматривать и как чехизмы): Сборник XV в. Публ. б. № 391: моць (9), моци (26б), с помоцью б҃жью (65б), моцно (7б), немоцѧ (73), тисецій (1), тисѧць тисячей (15), тисеце (39б), тисяцій (93б), ѡбецѧ єсми (1), ѡбецалъ (1б), ѡбецали (39б), полецаю (2,13), лаци'ей (12), шлахтица (66б). Литовские летописи: у великой моци (3 Вил.), моци (66б Крас.), помоць (88б Крас.), моцно (87б), нѣмоцо (немощенъ, 81б ib.), ѡбѣцала (68 Крас.). Бел. Арх. 1: моцне (1548), освецоным (ib.), обецати (ib.); II: немоцы [(= немочи) 1533 (XVII в.)], моцы не мелъ [1538 (XVII в.)]. Сборник XVI в. Позн.: ѡбецный (91), позлацонъ (141), позлоцонъ (139). Сборник XVI в. Крас.: моць (121). Катихизис 1562 г.: ѕ моцы (88), ѡсвецоны (2 предисл.), обецать (ib.), Евангелие Тяпинского 1580 г.: немоцъ (5б), моцы (9б), немоцные (44) Псалтырь XVI в.: ѡво (7). Псалтырь XVII в.: ѕмоцни мѧеси (17), ѡвоцы (68).

Ничего общего с полонизмами не имеет *ц* на месте ожидаемого *ч* в таких словах, как: тоўкаць (ст.-слав. **тлъкѫ ѣ**), грецки (гречки, Шейн Б. П. № 4 Лепп.), колядовщицки (ib. № 103 Себеж.), тоценые (ib.), подароцков, табацок, зацым (ib.), цасты (ib.), рукаўцык, пыдалоцык (ib. № 258), вяноцки (Шейн. Мат. I, 188 Пореч.), за цым (Ром. IV, 87 Велиж.), мацыхи, ноцуй, у ныцавенки, ницого, доцки, ны цасци, дыцка, падцырича (ib.), доцыр, доцка (ib. V, 315 Велиж.), нажитыцки (ib. V, 353), на ныц (ib. 354), поцестны (ib.), раныцки (ib.), цысто (b. 355), руцки (ib. 380), дянёцык, цасоцык (ib.), вецные (ib.), плацыть (ib. 401), цорну (ib. 404), цыловека (ib. 417), вецную память (ib. V, 423), цатыри, цатвярых (Добров. I, 661 Духовщ.), сястрыцка (Мат. Б. № 28 Себеж.), вецный (Отч. 9 Иллукст., ib. 16 Бельск. у. Смол. губ.), доцка, нацальник [ib. 18 Ржев. у. (с.

Холмец)] и т. д. Смешение *ч* и *ц* — старинная особенность новгородского говора, распространившаяся со временем на значительном пространстве севернорусских говоров. Естественно, что она рано проникла и в севернобелорусские говоры, в которых и находит отражение, начиная с древнейших памятников. Грамоты XIII—XV вв.: немчицю, бириц̑а (1229 г.), доконц̑анъ (ок. 1300 г.), полоц̑аномъ (1399 г.), поконц̑алъ (1409 г.) Летопись Переясл. Суздал. XV в.: коуц̑ковичь (83). Летопись Авраамки XV в.: пьсковїц̑їи (63, ср. 83б, 92б), псковїц̑ѣ (81б), псковїц̑а^{м} (95б), радимиц̑и^{ихъ} и̑ вятиц̑и (42б, ср. 44б, 330б), вятиц̑амъ (330б), ѣдоуц̑и (167), а ркоуц̑ы (207), сестрїчиц̑а (39б), ц̑лкъ (19б), ц̑инити (77б), ц̑ающе (311б), нѣц̑а (206б и т. д.). Сборник XVI в. Крас.: в ѡц̑ицовѣ (114) *ц* отражает ц.-слав. **ц** в **оц҃ѣстнтн**, поэтому здесь и в других подобных местах об особенности сев.-белорусск. говоров говорить нельзя. Библия Скорины XVI в.: родиц̑ь (И 25б), горнчаревых (Ср. 9б) и горнъц̑арева (Ср 54), сребра купец̑ьска (Б 40б), ѡчиц̑емъ (С 26). Катихизис 1562 г.: третеє ц̑асти конецъ (210) (ввиду единичности случая не опечатка ли?); Сборник XVII в. № 107: оц̑исти (36б). Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: на^{х} ѡц̑ыщение^{м} (74). Псалтырь XVII в.: ѡц̑ищонъ (40). В разных говорах вм. *через* встречается *церез* [ц̑е́ряз (Бесс. Б. П. 4), ц̑ерез (Шейн. Мат. I, 105 Виленск.), ц̑ираз сенички (Розенф. 61 Минск.), ц̑е́рэз, ц̑е́раз (Сержп. 12 Слоним.), ć̑erez vósku (Клих 27 Новогр.)], но здесь мягкое *ц* восходит не прямо к *ч*, а к *т* [ср.: *т*ераз (Ром. V, 133 Кошелево), *т*ераз сени (Ром. Мат. Гр. II, 61 Слоним.)], явившемуся вследствие диссимиляции слогов, так что эта перемена к рассматриваемому явлению не относится.

Из приведенных здесь примеров, а также раньше (стр. 363 sq.), когда говорили о переходе *ц* в *ч*, можно видеть, что смешение *ц* и *ч* в белорусском языке изредка встречается вообще в севернобелорусских говорах, но особенно распространено в части Себежского уезда, в Велижском, Бельском уездах Смоленской губ., Духовщинском, Поречском и Ржевском.

Есть несколько положений, когда в белорусском языке, как отчасти и в русском, *ч* заменяется посредством *ш*. Таковы:

а) Сочетание *чьн*, изменившееся после утраты *ь* в *шн:* помбшника (Шейн Б. П. № 147 Бобр.), скўшна (ib. № 422 Витебск.), рушничкóм (ib. № 688 Борис.), знашны (Ром. IV, 172 Сенн.), вешный (ib. V, 83), яшный (ib. I—II, 149), вешное (Шейн. Мат. I, 534 Слоним.), рушничком (Розенф. 69 Минск.), ошнуўся (Мат. Б. № 13 Свенц.), haršceš̑ik, ruš̑nik, smasnaja (Клих 256 Новогр.). В старинных памятниках это явление отражается очень редко: ѡпришне (43б Сб. XV в. Публ. б. № 391), ѡпрїшными (48 ib.).

б) Основное сочетание *чьт* после утраты глухого упростилось в *шт: што* общебелорусское (Шейн Б. П. № 23 Лепп., № 103 Бых., Бесс. Б. П. 4, Ром. IV, 184 Мстисл.), szto (Федер. I, 223 Волков. и т. д.) и в таком виде встречающееся в старинных произведениях

уже с древнейших пор: што, ништо, штобы, шт'о [ср. гр. 1284, 1386, 1397, 1432 гг., Четья 1489 г. 31б, 22 и др., Сб. XV в. Публ. б. № 391, 6б. 8, 13б, 5 Летописи 78б Крас. (хто што сееть то̄ то и пожнѐ), 4 Вил., 66 Крас., 80б ib. (нѣшто), Сб. XVI в. Позн. 115, 189 (нѣшто), Статут 1588 г. 2, Тайна тайных XVI в. 39б, 75 Библ. Скор. XVI в. П 12, 43 и др., Катих. 1562 г. 3б, 5б предисл. (штоса), Ев. Тяпин. 1580 г. 2, 2б, 44 (шъто), Библ. кн. XVI в. Вил. № 262, 13, 64 (низашто), Псалт. XVI в. 7, 87, Сб. XVII в. Вил. № 107, 34б, Библ. кн. XVII в. Толст. № 158, 1, 165, Псалт. XVII в. 32б, 33, 60б, 121 и т. д.]. Рядом, конечно, с *што* можно встретить в изданиях белорусских народных произведений *что*, как этимологическое написание (напр., Дмитр. П. и Ск. Вильн. 14 Белост.), то же и в старинных произведениях; в южных говорах, соприкасающихся с Полесьем, возможно и *що* (ср. Бесс. Б. П. 38. 42, Мат. М. № 8 Мозыр., с. Скородное, Отч. 29 Пинск., у. с. Дятловичи; Довн.-Зап., Песни Пинчуков, XX). Под украинским влиянием *що* кое-где и в старинных произведениях: що [69б Сб. XVI в. Кунц., то же, вероятно, обозначает у него и *шшто* (200б), *щобы* (65 Сб. XVII в. Вил. № 107)]. Вероятно, описка в *чобы* (чтобы 170б Лет. Авр. XV в.). В *шт* изменяется группа *чт* и в других словах: пóштываци (Шейн Б. П. № 8 Лепп.).

в) Известно еще несколько единичных случаев мены *ч* на *ш:* цыбу*ш*ок (Шейн Б. П. № 526 Витебск.), но*ш*лег (Ром. III, 429, Гомельск. Белица; ib. IV, 203 Черик.), našléx (Клих 190 Новогр.).

В некоторых говорах сочетание *чьт* упрощается и иным способом, переходя в *ст:* пости-што (Ром. IV, 184 Мстисл.), зни*с*тожиць (ib. 215 Клим., Добров. 16.79), źńistožyć (Клих 256 Новогр.). Может быть отражение этого перехода имеем в гр. 1399 г., где читаем *сто*, *шсто*, *чсто* на месте ѹьто.

Известное слово бъчела, имеющее в русской литературной речи вид *пчела*, в белорусском языке меняет свое *ч* на *щ:* п*щ*олки (Бесс. Б. П. I), п*щ*олычка (Шейн Б. П. № 754 Витебск.), p*szcz*oły (v. pczoły, Федер. I, 98 Волков.), в чем может быть следует видеть влияние польского языка (pszczoła).

В Библии кн. XVII в. Толст. № 158 два раза встретилось *щ* на месте *ч* в слове кѫчатн: в*щ*алоса (началось, 83б), и в*щ*алъса во ефремъ тумултъ (129б) — написание довольно странное, напоминающее описку.

Общерусский предлог *черес-* в белорусском языке заменяется предлогом, сходным по значению и близким по форме, но иного происхождения — *прес- прас-* [ср. präz połu (Федер. I, 351 Волков.) през (Сл. Нос.)], об этимологии его см. Miklos., Etymol. Wörterbuch, 244. В одном случае этот предлог встретился в виде *крез: k*räž toj dwu̯òr (Федер. I, 127 Волков.). Это *крез*, находящее для себя аналогию в болгарском, словинском, возникло в белорусском, вероятно, под влиянием *скрозь* (ср. Miklos. Et. Wrt. 115, kersŭ).

сложный шипящий *щ*

К звуку *ч* по своему характеру ближе всего примыкает в белорусском языке звук *щ*, произносимый как *шч*, т. е. *шт'ш*. И по происхождению он также ближе всего к *ч*; именно, он стоит на месте основных славянских *ctj* и *sk*, причем *tj* и *k* в известном положении перешли в *ч*, а предшествующее *s* уподобилось ему, перейдя в соответствующий шипящий *ш*. Так получились, напр.: гу́*щ*а (корень *густ-*), пер*щ*а́тку (Ром. III, 126 Клим.), то же в смоленских говорах: пи*щ*а́ць (от *писк-*, Добров. I, 17. 104). Естественно, что *щ* получается и из *сч* после уподобления *с* (обыкновенно предлог) следующему шипящему. Такое произношение *щ* в белорусском языке давнишнее, что легко подтвердить показаниями памятников: лови*шч*а (гр. 1398 г.) (Собол. и Пташ. 18), слыша*шч*е (33б Сб. XV в. Публ. № 391), оужи*шч*а (48 ib.), оу҃оупа҃ (62б ib.), ш'чепили (94б ib.). Орфографическое лишь отличие от указанных форм представляют: тре*сч*еньёмъ (54 Сб. XV в. Публ. б. № 391), *сч*епки (59б ib.), ѡ*сч*оупа҃ (64б), *сч*итили (защищали, 65б ib.), так как в них *сч* по звуку равно *шч*. Так же нужно смотреть на написание *сч* в Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: *сч*ири' (29б), ро*сч*ъки (розги 35б), *сч*ѹплы᷒ (36), привла*сч*ила (44б), въ*сча*ѧ҃ѕ (начался, 51), свѧ*сч*ени҃чеки' (67б), *сч*енѧти (164б), ѕ*сч*ѣ҃ (281). Вероятно, лишь орфографическая причуда в написании *сщ* и *шщ* в Сб. XV в. Публ. б. № 391 в некоторых словах вместо *шч:* приход*ащ*и᷒ (6), навѣ*сщ*ают (70б), навѣ*шщ*аны (76), ѿво*шщ*о҃ (94б); или: вѣ*щ*ѕ*ч*ого (166б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158).

Щ на месте *жьч:* дру*щ*атка (дружкб Ром. Мат. Гр. I, 217 Гродн.).

Как возникший путем смягчения, звук *щ* в старину, несомненно, был мягок; таким он был в древнерусском языке, но в эпоху появления памятников с признаками белорусского языка *щ* уже шло по пути к отвердению: в старинных памятниках рядом с «мягкими» гласными после *щ* находим и «твердые»: пи*щю* (109 Четья 1489 г.), мо*щю* (2б Тайна тайных XVI в.), побѣждающѧ (17б Сб. XVI в. Кунц. и т. д.); с другой стороны: ни*щы*᷒ (4 Тайна тайных XVI в.), ве*щы* (1б, 52 ib.), пе*щы* (87 ib.), пры*щы* (31б ib.), то*щы*᷒ (108 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ово*щы* (163 Сб. XVII в. Син. № 790), вѣ*щ*ѕ*ч*ого (166б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) и т. д. В современном белорусском языке *щ* только тверд: сы*щ*ыць (Шейн. Мат. I, 21 Витебск.), *щ*ыры (Малев. 12 Слуцк.), *щ*у́пак (ср. Мат. Б. № 4 Могил. губ.), ц *szczy*cie (Федер. I, 77 Сокольск.) и т. д.

Звук *щ*, как довольно сложный, в некоторых случаях подвергается упрощению в *ш*, особенно часто в слове *товарищ:* товары*ш*овъ (гр. 1492 г.), товари*ш*ы (28, 61 Статут 1588 г., Гродн. Акт. кн. XVI в. 8), товары*ш*а (Бел. Арх. I 1603), товары*ш*а (88 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), товары᷒ (120 Псалт. XVI в.), с товары*ш*о҃ (63 Тайна тайных XVI в.), товари*ш*о҃ (28 113б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), товари*ш*и (amici, 10 Псалт XVII в.). В современной речи это слово встречается в таком же

виде: това́ри*ш*, товари*ш*ов, товари*ш*ка (Сл. Нос. 747). Из других слов в старинных произведениях встретилось *умрътвленны*ꙑ̆ (67 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262).

Вероятно, только орфографическая особенность в записи из Ржевского уезда (Э. С. 269) *сш* на месте *щ:* ты прасшай, пра*сш*ай, весь белай звет. Так как вся фраза на русском языке, то и на *сш* здесь следует смотреть как на *шш.*

СОКРАЩЕНИЯ В СЛОВАХ[1]

Мы неоднократно говорили о пропусках гласных в зависимости от акцентных причин и об исчезновении согласных в группах, неудобных для произношения. Но белорусский язык знает случаи, когда в словах. особенно играющих второстепенную роль наречий, частиц, исчезают целые слоги, чаще в конце слов вследствие невольной редукции, а иногда и в начале; некоторые из таких слов своим появлением обязаны пропуску согласных между гласными и слитию последних. В конце отпали слоги в словах: *мо* (*може* — может быть, Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 10 Мозыр. 23 Минск.), mо͡о treba (Клих 93 Новогр.), mo (ib. 242 и т. д.), *тре* (*треба* — нужно, Мат. Б. № 4 Могил. губ. 5 Слуцк., 10 Мозыр.), tre (Федер. I, 305 Волков., 306 ib. Клих 242 Новогр. и т. д.), *нима* — *нема* (= не ма́ет — нет, Мат. Б. № 9 Бых., 10 Мозыр., 23 Минск., 28 Себеж., 31 Вилейск., Клих. 191 Новогр. и т. д.), *ку* — *ка* (= кажу́, ка́же — говорю, говорит, Федер. II, 113 Слоним.); дак я *ку*, што ведзьмары́ е ў ку͡ождум селі͡е (Сержп. 48 Слуцк.), na ka͡a (Клих 242 Новогр.), ka ib., *до* — *до* (довольно, Мат. Б. № 4 Могил. губ.); сокращения произведены в середине слов: *ба́ц̧ца* (= ба́чыцца — кажется, Мат. Б. № 4 Могил. губ., 9 Бых.. 15 Игум., 17 Речицк.), *ча́а* (= чага — чего, Мат. Б. № 4 Могил. губ., 9 Бых., 13 Свенц., 31 Вилейск. и т. д.), *бада́й* [= бог дай — пусть, чтобы, Мат. Б. № 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 9 Бых., 17 Речицк., 18 Витебск. (быда́й), 28 Себеж. (багда́й) и др.], в начале пропускается слог: *хай* (вм. *нехай* — пусть, Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 и 23 Минск., 8 Игум., 16 Бых., 28 Себеж., 31 Вилейск.), хаі skiń́e (Клих 241 Новогр.), *на́ч̌еі ńixtó* (иначе, ib. 241), za nàdszaho [иного, Федер. II, 173 Волков. и др. подобные более редкие случаи (ср. Клих 242)].

Перестановка слогов: *радзю́га* рядом с *дзеру́га* и *ганави́цы* рядом с *нагави́цы* (ср. «Белорусы», т. II, вып. 2. Варшава, 1911, стр. 36).

---

[1] Ср. еще «Белорусы», т. II, вып. 2. Варшава, 1911, стр. 133. *От ред.:* в авторском экземпляре второго выпуска второго тома сделано рукою Е. Ф. Карского в главе «Сокращенные слова» много замечаний. Все они будут внесены в текст нового издания указанного выпуска.

УДАРЕНИЕ

В своем месте мы уже говорили, что белорусскому языку в современном его состоянии неизвестно количество гласных — их долгота и противоположная ей краткость: в нем слогообразующие гласные средней продолжительности, как и в русской литературной речи. Вследствие этого и ударение в белорусском языке не носит хроматического характера, а вполне экспираторное, состоящее в усилении голоса на тех или других слогах в слове, как это наблюдается и во всех восточнославянских языках. Ударение это не ограничено каким-либо местом в слове и при разных изменениях последнего не всегда остается на одном и том же слоге: оно подвижное, свободное, могущее падать на последний слог (жäраб'á, дас'ц'б), предпоследний (л'ýцк'ий, гавóрыш), третий от конца м'ац'ɛл'ица, б'ăгайе), четвертый от конца (вббмацкам'и, бăгăйуцца), пятый (йáлов'ичына) и т. д. Чаще всего, однако, ударение бывает на одном из трех последних слогов, причем место его обуславливается до сих пор еще недостаточно выясненными законами. Находятся они, повидимому, в связи с праславянской долготой известных гласных и с качеством самого праславянского ударения, насколько об этом можно судить по данным сербохорватского и отчасти словинского языков, а также ближайше родственного славянским литовского языка. Одно несомненно, что место ударения в словах белорусского языка в общем совпадает с местом ударения в русском и украинском языках, а вместе с этими последними, как установлено теперь наукой на основании показаний других славянских языков, знающих вольное, разноместное ударение, совпадает с местом ударения в праславянском языке[1].

[1] Пособиями при изложении настоящего отдела служили: Я. К. Грот. О спряжении русского глагола и о важности в нем ударения; О глаголах с подвижным ударением; О русском ударении вообще и об ударении имен существительных; По поводу немецкой брошюры Кайслера о русском ударении. Все статьи в «Филологических разысканиях», т. I (т. II, 1899); Cl. Hankiwicz. Ein Beitrag zur Lehre vom kleinrussischen Accent (Archiv für sl. Phil., II); A. Verchratskij. Ein weiterer Beitrag zur Betonung im Kleinrussischen (Archiv, III); J. Hanusz. Ueber die Betonung der Substantiva im Kleinrussischen (Archiv, VII); Р. Ф. Брандъ. Начертание славянской акцентологии. СПб., 1880; Dr. Emil Ogonowski. Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg, 1880; А. А. Шахматов. К истории сербо-хорватских ударений («РФВ», т. XIX, XXIII, XXIV); Юрий Крижанич о сербо-хорватском ударении (ib. XXXII, XXXIII, XXXIV); Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung. I. Südslavische Dialektstudien. Heft I. Die serbokroatische

Показания живых русских, белорусских и украинских говоров относительно места ударения в тех или других словах, находящих соответствие в родственных языках — литовском, греческом, санскритском, не только свидетельствуют о праславянском характере русского ударения в отношении места в слове, но даже в известных случаях указывают и на соответствие его с основным индоевропейским (ср. Соболевский, Лекции[4], стр. 270—271).

Встречающиеся отступления от старины в современном русском языке в отношении места ударения произошли от разных более или менее серьезных причин. Так, уже в древнерусском языке немалое расстройство в месте ударения произошло вследствие падения в известных случаях глухих ъ и ь. Так, напр., слова с основами на *-й* мужского рода, насколько можно судить по данным литовского, греческого и древнеиндийского языков, почти всегда имели ударение на окончании: лит. medùs, sūnùs aštrùs, saldùs, viršùs, греч. βαρύς, ἡδύς (дорич. ἁδύς), ὠκύς, др.-инд. sūnúš, svadúš, āšús; между тем с утратой в русском языке в произношении конечного ъ, заместителя *-й* в окончании именительного *-us*, падавшее на него ударение естественно должно было перейти на предыдущий слог: сы́н, ме́д, о́стр, ве́рх, сла́д-кий (народное *соло́дкий*). То же следует сказать и относительно ь. Сравнение с литовским языком показывает, что основы на *-ĭ* часто имели ударение на окончании: ašìs, naktìs, žvérìs; širdìs, между тем в русском языке после утраты в произношении ь ударение естественно перешло на предыдущий слог: о́сь, но́чь, зве́рь, се́рд-це. В таком же положении находятся в некоторых случаях и заместители окончания *-ós*, где также вследствие утраты ъ ударение перешло на предыдущий слог (Соболевский, Лекции[4], стр. 272—273). Об этом же говорят и некоторые явления болгарского языка: нос-ъ‿т, прах-ъ‿т, гром-ъ‿т, нож-ъ‿т и др. (Archiv VII, 329). Перенос ударения в словах, подобных указанным, с последнего слога (ъ и ь) на предпоследний произошел не без влияния аналогии слов, в которых исчезнувший конечный глухой никогда не имел на себе ударения. Действие аналогии часто простиралось и на другие случаи, не имеющие отношения к глухим, так как нередко одни формы подражают другим, только внешним образом сходным с ними, но образованным различно и даже в разное время: как *на верху́*, так образовано и *на берегу́;* как *в ночи́*, так и *на площади́* и т. п. Эти две основные причины внесли уже в общерусском языке немалое расстройство в старинные соотношения слогов ударяемых и безударных.

Как, однако, постепенно оно расширялось, в настоящее время

Betonung südwestlicher Mundarten von Milan Rešetar. Wien, 1900 («Известия ОРЯС», 1901, № 1, стр. 339 sq.); А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907, стр. 267—278; Dr. W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik. I Band. Göttingen, 1906, стр. 187—250; P. Boyer. L'accentuation du verbe russe. Paris, 1895; G. Pérot. L'accent tonique dans la langue russe. Lille, 1900 (Travaux et mémoires de l'université de Lille. Tome IX). Последняя работа составлена главным образом по Ельсину и изобилует массой погрешностей всякого рода.

www.ruslang.ru

трудно сказать, так как в древнейших памятниках знаков ударения не находим, а в более поздних, когда знаки ударения уже ставились, последние иногда отражают и нерусские особенности, а югославянские, так как наша орфография того времени находилась под сильным влиянием правописной реформы, совершившейся на юге славянства.

Выше мы сказали, что белорусский язык в отношении места ударения в общем совпадает с русским и украинским языками. Это и естественно, так как белорусский язык заключает в себе все общерусские особенности, следовательно, не отступает от прарусского языка и в отношении места ударения. Дальнейшее исследование покажет, что это совпадение не только в тех случаях, когда, напр., ударение в русской литературной речи оказывается праславянским, но и в большинстве отступлений от основных ударений, очевидно развившихся еще на почве общерусского языка.

Однако белорусский язык очень рано стал жить своею самостоятельною жизнью; в это время акцентные соотношения в нем могли несколько измениться как под влиянием дальнейшего действия тех же причин, какие произвели некоторое расстройство в месте ударения еще в общерусском языке, особенно под влиянием аналогии, так и под влиянием новых факторов, разрушительно действовавших на систему белорусского ударения. К последним, несомненно, следует отнести влияние речи разных соседей белорусского народа, напр. поляков, украинцев, русских и даже отчасти литовцев. Особенно сильное влияние в некоторых местностях принадлежит польской речи. В зависимости от указанных причин изменилось кое-где место ударения в отдельных словах и даже целых категориях слов. Отсюда нередкие отступления от ударения и в русской литературной речи, иногда замечаемые в устах даже интеллигентных белорусов. Примеры укажем после в системе.

Принимая во внимание разнообразие состава белорусской народности в отношении племен, сливавшихся в одно целое, а также отмеченные влияния соседних языков, которым подвергалась та или другая часть белорусов, легко понять, что в отношении места ударения, говоря о всей белорусской области, можно встретить некоторое разнообразие. Достаточно, напр., сравнить показания Словаря Носовича и ответов на белорусские программы, разосланные Академией наук, чтобы убедиться в этом. Не касаясь пока места ударения в склонении существительных и спряжении глаголов, о чем подробнее говорить будем ниже, отметим здесь несколько примеров разногласия в месте ударения из других областей языка[1]:

а́бо (СН, МБ 4 Могил., 31 Вилейск.)

а́бы (МБ 4 Могил.)

або́ (МБ 7 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 29 Новогр., 31 Вилейск., 32 Орш.

абы́ (СН, МБ 3 Могил. губ., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс. 18 Витебск., 28 Се-

[1] Для большей удобочитаемости ниже в ссылках на Сл. Нос. будем пользоваться только буквами СН, а на Мат. Б. — только МБ, а при цифрах будем подразумевать №

беж., 29 Новогр., 31 Вилейск., 32 Орш.)

а́льбо (польск. albo, СН, МБ 4 Могил. губ., 32 Орш.)
альбо́ (МБ 7 Минск., 8 Игум., 11 Новоалекс., 29 Новогр.)

ба́гно (польск. bagno, МБ 11 Новоалекс.), **ба́гна** (СН, МБ 6 Диснен., 8 Игум., 13 Свенц, 18 Витебск.)
бага́но (МБ 3 Сокольск.)

ба́лван (польск. bałwan, СН), **ба́лвын** (МБ 4 Могил. губ.)
балва́н (МБ 8 Игум., 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 17 Речицк., 26 и 28 Себеж., 31 Вилейск., 32 Орш.)

ба́лваць (СН, МБ 11 Новоалекс., 15 Игум., 17 Речицк., 18 Витебск., 23 Минск., 31 Вилейск.)
баловáць (СН, МБ 4 Могил. губ., 9 Бых., 13 Свенц., 14 Новоалекс.)

ба́цькоўщына (СН, МБ 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 23 Минск., 25 Новогр., 32 Орш.)
бацько́ўщына (МБ 13 Свенц.)

беспро́спу (СН, МБ 4 Могил. губ.)
бяспроспу́ (МБ 13 Свенц.)

бли́жей (СН, МБ 14 Новоалекс., 23 Минск.)
ближе́й (СН, МБ 4 Могил., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 23 Минск)

бли́скавица (МБ 8 Игум., 17 Речицк.), **блы́сквица** (Ев. 1616 г. ξθ б), как в укр.
блискави́ца (польск. błyskawica, СН, МБ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 25 Новогр., 31 Вилейск., 32 Орш.)

бо́ндариха (СН)
бондары́ха (МБ 11 Новоалекс., 28 Себеж., 31 Вилейск.)

бо́ўдзила (МБ 11 Новоалекс., 13 Свенц., 31 Вилейск.)
боўдзи́ла (МБ 18 Витебск., 29 Новогр.)

бра́тацца (СН, МБ 11 Новоалекс., 17 Речицк., 23 Минск., 25 Новогр., 25 Себеж., 31 Вилейск., 32 Орш.)
брата́цца (МБ 28 Себеж.)

бра́товая (СН, МБ 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.)
брато́вая (МБ 3 Могил. губ., 9 Бых., 18 Витебск.)
братова́я (МБ 4 Могил. губ., 17 Речицк.)

бу́да (СН, МБ 4 Могил. губ., 26 Себеж., 32 Орш.), как в укр. и русск.
буда́ (МБ 11 Новоалекс., 31 Вилейск.)

вдру́гова (СН), ў другы́я (МБ 4 Могил. губ.)
удругòя (МБ 31 Вилейск.), в другóе (9 Бых.)

ве́зци [МБ 3 Могил. губ. (ве́зти)], как в укр.
везци́ [МБ 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 28 Себеж (везти́), 31 Вилейск.]

вели́кодный (МБ 14 Новоалекс., 18 Витебск., 29 Новогр.)

ве́рба (МБ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 13 Свенц., 14 Новоалекс., 18 Витебск., 29 и 28 Себеж., 32 Орш.)

ве́рбина (МБ 14 Новоалекс., 28)

ве́сци [МБ 3 Могил. губ., 28 Себеж., 31 Вилейск. (адве́сци)], как в укр.

ве́тох (МБ 28 Себеж.)

водзя́ник (СН, МБ 14 Новоалекс., 31 Вилейск.)

впе́ред (СН, упе́ред МБ 13 Свенц.)

вста́дзиць, *ўст-* (польск. wstydzić, СН МБ 25 Новогр., 31 Вилейск.)

вы́моўка (СН, МБ 23 Минск.)

вы́няць (СН, МБ 8 Игум., 10 Мозыр., 18 Витебск., 31 Вилейск.)

глы́каць (СН, МБ 4 Могил., 11 Новоалекс., 18 Витебск.), **гло́каць** (31 Вилейск.)

глы́бей, глы́бы (СН, МБ 4 Могил. губ., 18 Витебск., 23 Минск., 28 Себеж.)

го́лосно (СН, МБ 23 Минск., 31 Вилейск., 32 Орш.)

голо́та (СН, МБ 4 Могил. губ., 10 Мозыр.), как в укр.

го́рловый (МБ 13 Свенц.)

го́рячо (го́ряча, го́рычо) (МБ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 22

великоо́дний, *-ый* (СН, МБ 4 Могил. губ., 8 Игум., 10 Мозыр., 23 Минск., 31 Вилейск., 32 Орш.)

верба́ (ерба́) (СН, МБ 8 Игум., 11 Новоалекс., 22 и 23 Минск., 29 Новогр., 31 Вилейск.)

вербі́на (СН), как в укр.

вярбіна́ (МБ 11 Новоалекс., 31 Вилейск.)

весці́ (МБ. 11 Новоалекс., 13 Свенц.)

ветóх [СН, МБ 4 Могил. губ., 14 Новоалекс., 18 Витебск., 32 Вилейск. (витóх)]

водзяні́к (МБ 11 Новоалекс., 13 Свенц., 18 Витебск., 28 Себеж.)

ўпяро́д (МБ 6 Диснен.)

встыдзі́ць, *ўст-* (МБ 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 13 Свенц.)

вымо́ўка (МБ 11 и 14 Новоалекс., 31 Вилейск.)

выня́ць (МБ 23 Минск.)

глыка́ць (МБ 6 Диснен., 9 Бых.)

глыбе́й (МБ 14 Новоалекс., 26 Себеж., 31 Вилейск.)

голо́сно (МБ 3 Могил. губ., 6 Диснен., 11 Новоалекс.)

голосно́ (МБ 3 Могил. губ.)

голота́ (МБ 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 15 Игум., 31 Вилейск.)

горло́вый [СН, МБ 11 и 14 Новоалекс., 18 Витебск. (*-о́вэй*), 23 Минск., 31 Вилейск.]

горловы́й (МБ 6 Диснен., 8 Игум., 28 Себеж.)

горя́чо (гаря́ча) (МБ 14 Новоалекс., 18 Витебск., 28 Себеж.,

и 23 Минск., 31 Вилейск.)

гре́цковище (МБ 23 Минск., 31 Вилейск.)
гречи́ха (СН)
гру́бый (СН), как в укр.
гу́ба (МБ 4 Могил., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 28 Себеж.)
дзе́шевый (МБ 11 Новоалекс., 23 Минск.)
до́бер (МБ 4 Могил., 9 Бых., 23 Минск., 28 Себеж.)

до́лото (до́лыто; МБ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 15 Игум., 22 и 23 Минск., 32 Орш.)
до́чка [МБ 13 Свенц., Кар. Трок. (РФВ, XXI, 245)]

до́чухна (МБ 6 Диснен., 11 Новоалекс.)
дру́кар (СН, МБ 4 Могил., 25 Новогр.)

друко́ваный (МБ 8 Игум., 9 Бых., 11 Новоалекс., 17 Речицк.)
жоўцизна *жыв-* (МБ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 23 Минск.)
же́ребе (СН), же́рыбя (МБ 4 Могил. губ.)

жо́рновый (МБ 11 Новоалекс., 13 Свенц., 32 Орш.)

живи́на (СН), как в укр. (живи́на)
за́бавно (СН)

за́вод (фабрика, начаток) (МБ 3 Могил. губ., 15 Игум.)

32 Орш.)
гырячо́ (МБ 26 Себеж.)
грецко́вище (СН, МБ 11 Новоалекс.)
гречиха́ (МБ 22 Минск.)
грубы́й (МБ 22 Минск.)
губа́ (МБ 26 Себеж., 31 Вилейск.)

дзяшо́вый (МБ 13 Свенц., 26 Себеж.)
добе́р (МБ 4 Могил., 11 Новоалекс., 15 Игум., 28 Себеж., 31 Вилейск.)
долото́ (далато́, дылато́; МБ 6 Диснен., 13 Свенц., 14 Новоалекс., 26 Себеж., 31 Вилейск.)
дочка́ (СН, МБ 8 Игум., 11 и 14 Новоалекс., 18 Витебск., 23 Минск., 26 Себеж., 31 Вилейск., Ев. 1616 г. нд б), как в укр.
дочу́хна (СН, МБ 23 Минск., 31 Вилейск.)
друка́р (МБ 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 17 Речицк., 23 Минск., 31 Вилейск.)
друкова́ный (СН, МБ 4 Могил. губ., 14 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.)
жоўцизна́ (МБ 14 Новоалекс., 15 Игум.)

жеребя́ [жырыбя́; МБ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 23 Минск., 31 Вилейск. (жере-*бё*)]
жарно́вый (МБ 15 Игум., 31 Вилейск.)
жарновы́й (МБ 8 Игум., 23 Минск.)
живина́ (МБ 15 Вилейск.)
заба́вно (МБ 8 и 15 Игум., 11 и 14 Новоалекс., 17 Речицк., 26 Себеж., 31 Вилейск.)
завод (в разных значениях; СН, МБ 3 Могил. губ., 6 Диснен., 11 и 14 Новоалекс., 18 Витебск., 26 Себеж., 31 Вилейск.)

за́гвоздка [МБ 4 Могил. губ., 11 и 14 Новоалекс. (за́гвыздка), 18 Витебск., 26 Себеж., 23 Минск., 31 Вилейск.]

загво́здка (МБ 18 Витебск., 31 Вилейск.)

зада́рма, *-мо* (СН, МБ 11 Новоалекс., 17 Речицк., 23 Минск., 31 Вилейск.)

задарма́ (СН, МБ 4, Могил. губ., 31 Вилейск.)

за́каз (Ев. 1616 г. 2ма), как в укр., где *за́ка́з* Желехов.

зака́з (СН)

за́клыдка (МБ 4 Могил. губ.), как в укр.

закла́дка (МБ 9 Бых., 11 Новоалекс., 17 Речицк., 23 Минск., 31 Вилейск.)

за́кон (СН, МБ 4 Могил. губ., 31 Вилейск., Ев. 1616., г. ві б)

зако́н (СН, МБ 6 Диснен., 8 и 15 Игум., 14 Новоалекс., 17 Речицк., 31 Вилейск.)

за́куска (МБ 31 Вилейск.), как в укр.

заку́ска (МБ 14 Новоалекс., 17 Речицк., 31 Вилейск.)

за́вочно (МБ 29 Новогр.)

завочно́ (МБ 29 Новогр.)

за́пах (МБ 8 Игум., 17 Речицк.)

запа́х (СН)

заслу́говаць (СН, МБ 9 Бых.)

заслугова́ць (МБ 8 Игум.)

заслугова́ць (МБ 6 Диснен., 31 Вилейск.)

за́сек (СН)

засе́к (закром) (Новогр. и др.)

за́цирка (МБ 10 Мозыр.), как в укр.

заци́рка (СН, МБ 6 Диснен., 8 Игум., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 15 Игум., 17 Речицк., 31 Вилейск.)

за́цишный, *-но* (СН, МБ 4 Могил. губ., 10 Мозыр., 31 Вилейск., укр. за́тишний)

заци́шный, *-но*. (МБ 6 Диснен., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 15 Игум., 17 Речицк.)

за́ход (солнца) (СН, МБ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск., Ев. 1616 г., 2зі), как в укр. за́хід

захо́д (солнца) (МБ 13 Свенц.; в других значениях *захо́д* повсеместно)

за́хыща (МБ 4 Могил. губ., 18 Витебск.)

захо́ця (СН)

захоця́ (СН, МБ 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 23 Минск., 31 Вилейск.)

защёмленый (МБ 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск., защэ́млены 10 Мозыр.)

защамлённый, (МБ 13 Свенц.)

зво́нница (МБ 4 Могил. губ.)

звонни́ца, звони́ца (СН, МБ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 15 Игум., 31 Вилейск.)

зе́мный [МБ 11 Новоалекс., 31 Вилейск., Ев. 1616 г. кд б, 2чл б, Псалт. XVII в. 100 (укр. *зе́мний*)]

земны́й (МБ 8 Игум., 13 Свенц.)

Зми́тро (МБ 23 Минск., 26 Себеж. Дзми́тра 31 Вилейск.)

Змитро́ (МБ 9 Бых., 10 Мозыр., 17 Речицк.), **Змитро́к** (4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.)

змо́гци (МБ 13 Свенц., 31 Вилейск.)

змогци́, -чы́ (МБ 3 Могил. губ., 10 Мозыр., 11 Новоалекс.)

и́грыща (МБ 31 Вилейск.)

игры́ща, -ще (МБ 4 Могил. губ., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 18 Витебск., 23 Минск.)

и́мя и **и́ме** [СН, МБ 11 и 14 Новоалекс., 28 Себеж. (ср. серб. *и̏ме*)]

имя́ и **ймя́** (СН, МБ 4 Могил. губ., 8 Игум., 18 Витебск., 22 Минск., 31 Вилейск.), **в' ймА** (Ев. 1616 г. чв)

и́нный (СН, МБ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 22 и 23 Минск., 32 Орш.)

инны́й (МБ 13 Свенц.)

и́скра (МБ 8 Игум., 11 и 14 Новоалекс., 31 Вилейск., как в укр.)

искра́ (МБ 31 Вилейск.)

ка́товаць [СН, ка́тывыць (МБ 18 Витебск.)]

катова́ць (Новогр. и др.)

ке́лишек (СН, МБ 18 Витебск., 31 Вилейск., 32 Орш.)

кели́шек, *кил-* (МБ 8 Игум., 11 и 14 Новоалекс., 17 Речицк., 31 Вилейск.)

ко́ўзаць, ко́ўзацца (МБ 11 Новоалекс., 31 Вилейск.)

коўза́ць, коўзацца (СН, МБ 4 Могил., 23 Минск., 28 Себеж.)

колесо́ (Новогр. и др.)

kòleso (Федер. I, 217 Волков.), как в укр.

ко́ршин (МБ 3 Могил. губ.), **ка́ршун** (17 Речицк.), **ко́ршик** (3 Могил. губ.)

коршу́н (СН, МБ 3 Могил. губ., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 22 и 23 Минск., 31 Вилейск.)

кре́мень, *-минь* (МБ 11 Новоалекс., 18 Витебск., 22 и 23 Минск., 31 Вилейск.)

крамéнь (МБ 13 Свенц.)

ку́рица (МБ 15 Игум., Федер. I, 246 Волков.)

куры́ца, *-и́ца* (МБ 3 Могил., 11 Новоалекс., 26 Себеж., 31 Вилейск.), как в укр.

ла́тацъ (МБ 6 Диснен., 8 и 15 Игум., 11 Новоалекс., 17 Речицк., 18 Витебск., 31 Вилейск.)

лата́ць (СН, МБ 18 Витебск.), как в укр. (лата́ти)

ле́генький (ле́гонький) (МБ 9 Бых., 8 Игум., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.)

ляге́нький, лиге́нький (МБ 18 Витебск.)

лю́цкий (польск. ludzki, СН, МБ 8 Игум., 11 Новоалекс., 17 Речицк., 31 Вилейск., Псалт. XVII в. 108б)	**люцки́й** (СН, МБ 23 Минск.)
ма́лый (МБ 26 Себеж.)	**малы́й** (МБ 22 и 23 Минск., 31 Вилейск.)
ме́дзяный (МБ 23 Минск., Ев. 1616 г. 2 сді б)	**медзя́ный,** *мяд-, мид-* (СН, МБ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 9 Бых., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.) **медзяны́** (МБ 8 Игум.)
ме́зиный (МБ 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.)	**мизя́ный** (МБ 31 Вилейск.)
моло́дзинький (МБ 14 Новоалекс.)	**молодзе́нький,** *мала-, мыла-* (МБ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.)
мо́лоння (СН)	**молонья́** (МБ 3 Могил. губ., 9 Бых., 14 Новоалекс., 18 Витебск.)
мо́ркоўка (МБ 9 Бых., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.)	**морко́ўка** (МБ 31 Вилейск.)
мя́ккий и **мя́хкий** (МБ 11 Новоалекс., 13 Свенц., 23 Минск., 31 Вилейск.)	**мякки́й** (МБ 28 Себеж., 31 Вилейск.)
наза́ўтра (Новогр. и др.)	**nazaŭtrà** (Федер. III, 116 Лидск.)
нале́гци, *-легчы, -легть* (МБ 3 Могил. губ., 18 и 15 Игум., 11 Новоалекс.)	**налегцы́,** *ныляг-, наляг-* (СН, МБ 4 Могил. губ., 13 Свенц., 18 Витебск., 31 Вилейск.)
на́перед (на́пирыд) (МБ 14 Новоалекс.)	**напе́ред,** *-рыд, -рад* (МБ 4 Могил. губ., 8 Игум., 11 Новоалекс., 18 Витебск., 31 Вилейск.) **напяро́д** (МБ 13 Свенц.)
на́род, *-ыд, -ад* (МБ 4 Могил. губ., 8 Игум., Ев. 1616 г. 2н), как в укр. (на́рід)	**наро́д** (МБ 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 15 Игум.)
на́ўчаны (СН, МБ 8 Игум., 18 Витебск., 31 Вилейск.)	**нау́ченый** (МБ 13 Свенц., 14 Новоалекс., 17 Речицк.)
не́прияцель (МБ 10 Мозыр., 23 Минск., ср. Ев. 1616 г. лз, кв б)	**неприя́цель** (МБ 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 18 Витебск., 31 Вилейск.) **неприяцѐль** (МБ 31 Вилейск., вероятно, вторичное ударение: не́прияцѐль)
не́сци (МБ 3 Могил., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), как в укр.	**несци́** (МБ 10 Мозыр., 13 Свенц., 14 Новоалекс.)
нидачо́га (МБ 4 Могил., 31 Вилейск.)	**нидачаго́** (МБ 13 Свенц.)

низа́што (МБ 3 и 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.)
во́браз (МБ 4 Могил., 13 Свенц.)

во́пчаства (МБ 31 Вилейск.)
во́бщина (МБ 4 Могил.)

обы́чай (МБ 13 Свенц.)

озо́рник (МБ 18 Витебск.)

оке́нница (МБ 4 Могил., 10 Мозыр., 31 Вилейск.)
уво́ччи (МБ 13 Свенц.)
аржа́ный (МБ 4 Могил., 11 Новоалекс., 25 Новогр.)

па́робок (СН)

па́сыдка (МБ 4 Могил., па́садка 32 Орш.)
пе́кци (МБ 31 Вилейск.), как в укр. (Archiv II, 292)

пе́рци (пёрци) (МБ 3 Могил. губ., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.)
пи́саный (СН)
пи́це (МБ 23 Минск., 31 Вилейск.), пи́ця (4 Могил. губ.)
пле́менистый (МБ 11 Новоалекс.)
пле́снивиць (МБ 4 Могил. губ., 31 Вилейск.)
по́куцье (МБ 23 Минск.), по́куцьця (ib. 31 Вилейск.)
поло́са (МБ 22 Минск.), как в укр.
посу́дзина (МБ 6 Диснен., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 18 Витебск., 26 Себеж., 31 Вилейск.), как в укр. (посу́дина)
посе́кци, *-жчы* (СН, МБ 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.)

низашто́ (МБ 9 Бых.)

абра́з (МБ 4 Могил., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.)
обчество́ (МБ 11 Новоалекс.)
общы́на (МБ 9 Бых.)
община̀ (МБ 31 Вилейск.), как в укр.
обыча́й (МБ 4 Могил., 10 Мозыр., 11 Новоалекс.)
озорни́к (МБ 28 Себеж., 31 Вилейск.)
окени́ца (МБ 11 и 14 Новоалекс., 31 Вилейск.)
увоччу́ (МБ 9 Бых., 15 Игум.)
аржаны́й (МБ 6 Диснен., 8 Игум., 10 Мозыр., 13 Свенц., 14 Новоалекс., 17 Речицк., 26 Себеж., *-нэ́й* 18 Витебск.)
паро́бок (Новогр. и др.)
паробо́к (СН)
паса́дка (МБ 9 Бых., 11 Новоалекс., 15 Игум., 26 Себеж.)
пекци́ (пячы́) (МБ 10 Мозыр., 13 Свенц., 15 Игум., 31 Вилейск.)
перци́ (МБ 6 Диснен., 13 Свенц., 15 Игум., 31 Вилейск.)

писо́ны (Отч. 4 Новоалекс.)
пицьце́ (МБ 31 Вилейск.)

пляме́нистый (МБ 13 Свенц.)
племени́стый (МБ 9 Бых.)
плесне́вить (МБ 9 Бых.)
плисняве́ць (МБ 31 Вилейск.)
поку́цьця (МБ 31 Вилейск.)

полоса́ (СН)

посудзи́на *пыс-* (СН, МБ 4 Могил., 23 Минск., 31 Вилейск.)
посудзина́ (МБ 13 Свенц.)
пасячы́, *-жци́* (МБ 18 Игум., 13 Свенц., 31 Вилейск.)

пота́ней (СН, МБ 31 Вилейск.)

пота́ниць, -а́нець (СН, МБ 31 Вилейск.)

по́тым, -том (СН, МБ 9 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 22 Минск., 26 Себеж., 31 Вилейск.)

при́даное (МБ 3 Могил., 11 Новоалекс., 22 Минск., 31 Вилейск.)

при́дача (СН, МБ 4 Могил., 31 Вилейск.)

прилёгци, -чы (МБ 4 Могил., 11 Новоалекс., 23 Минск., 25 Новогр., 31 Вилейск.)

прывóдзины (МБ 31 Вилейск.), как в укр.

пры́миж (МБ 4 Могил., 23 Минск., 31 Вилейск., 32 Орш.)

прóвыдзины (МБ 4 Могил.)

pròrak (Федер. III, 136 Слоним.)

пы́ха (МБ 11 Новоалекс.); в укр. пыха́.

пъя́ница (МБ 6 Диснен., 8 Игум., 9 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц.)

ре́вци (СН, МБ 3 Могил. губ.)

рабóтаць (МБ 17 Речицк.)

ре́шето (МБ 22 Минск.), ў ре́шаце (Шейн Б. П. № 256 Витебск.), как в южноукр. (Ogonowski, Stud.)

се́рничок (МБ 9 Бых.)

сиви́зна (СН, МБ 11 Новоалекс., 31 Вилейск.)

сле́гци, -чы (МБ 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.)

потане́й (МБ 9 Бых., 13 Свенц., 23 Минск.)

потане́ць (МБ 9 Бых., 13 Свенц., 31 Вилейск.)

пато́м (МБ 13 Свенц.)

прида́ное (МБ 3 Могил., 8 Игум., 17 Речицк., 31 Вилейск.)

прида́ча (СН, МБ 8 Игум., 11 Новоалекс., 13 Свенц.)

прилегци́, -чы́ (МБ 13 Свенц., 31 Вилейск.)

прывадзи́ны (МБ 4 Могил.)

прыме́ж (МБ 13 Свенц.)

прово́дзины (СН, МБ 23 Минск., 31 Вилейск.)

правадзи́ны (МБ 13 Свенц.)

проро́к (СН)

пыха́ [Ев. 1616 г. s (для пыхы́), Псалт. XVII в. 104 (пых҃)]

пъяни́ца [СН, МБ 4 Могил. губ., 18 Витебск. (ягода)]

роўци́ (реўци́, раўсци́) (МБ 3 и 4 Могил губ., 8 и 15 Игум., 9 Бых., 13 Свенц., 23 Минск.)

рабыта́ць (МБ 4 Могил. губ.)

рашато́ (Шейн Б. П. № 755 Лепп., ib. 132)

серни́чок, -чык (МБ 4 Могил., 13 Свенц., 15 Игум., 23 Минск.)

серничо́к (СН, МБ 17 Речицк., 18 Витебск.)

сивизна́ (МБ 13 Свенц.)

злягци́ (МБ 13 Свенц., 31 Вилейск.)

сли́на, -*ня*, слю́на (СН, МБ, 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 15 Игум., 31 Вилейск.), как в укр.	**слина́** (МБ 13 Свенц.)
сме́шный, -*но* (МБ 3 Могил., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 23 Минск.)	**смяшны́й** (МБ 13 Свенц.)
смо́ла (МБ 13 Свенц.)	**смола́** (МБ 23 Минск., как в укр.)
со́кол (МБ 10 Мозыр., 13 Свенц., 17 Речицк., 26 Себеж.)	**сако́л** (МБ 4 Могил., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.)
со́пци (СН, МБ 31 Вилейск.)	**сопцы́** (МБ 4 Могил., 6 Диснен., 10 Мозыр., 11 Новоалекс.)
со́сна (МБ 11 Новоалекс., 23 Минск.)	**сосна́** (МБ 9 Бых., 10 Мозыр., 13 Свенц., 17 Рогач.)
стре́ха [как в укр. (стрíха)]	**стреха́** (СН)
сре́бро (МБ 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.)	**срыбро́** (МБ 13 Свенц.)
сы́ровадка (СН, МБ 3 и 4 Могил., 11 Новоалекс.)	**сыро́водка** (МБ 3 Могил., 8 Игум., 17 Речицк.) **сырова́дка** (МБ 14 Новоалекс., 28 Себеж.)
тво́рог -*ыг* (МБ 4 Могил., 6 Диснен., 13 Свенц., 18 Витебск., 26 Себеж.)	**творо́г** (МБ 11 Новоалекс., 28 Себеж.)
це́ля, -*ле* (МБ 4 Могил., 15 Игум., 18 Витебск., Зап. V 105)	**циля́** (МБ 4 Могил., тяля́ Бесс. Б. П. 102)
ци́хий (СН)	**cichì dzień** (Федер. I, 158 Волков.)
то́устый (СН, МБ 8 и 15 Игум., 13 Свенц., 18 Витебск., 23 Минск., 26 Себеж.)	**тоўсты́й, *тэ́й*** (МБ 3 Могил., 11 Новоалекс., 18 Витебск.), как в укр.
у́галь (ву́галь) [МБ 4 Могил., 8 Игум., 13 Свенц., 23 Минск., 26 Себеж. (у́гыль)]	**уга́ль** (вуга́ль, уго́ль) (МБ 3 Могил., 11 и 14 Новоалекс., 15 Игум., 18 Витебск.)
уме́рци (МБ 4 Могил., 11 Новоалекс.)	**умярцы́** (МБ 6 Диснен., 13 Свенц.)
уце́кци (МБ 4 Могил., 11 Новоалекс.)	**уцякцы́** (уцячы́) (МБ 6 Диснен., 8 Игум.)
хва́ла (МБ 13 Свенц., 11 и 14 Новоалекс.)	**хвала́** (хвыла́, хула́) (МБ 4 Могил., 9 Бых., 11 Новоалекс., 18 Витебск.)
хо́лодно (МБ 11 Новоалекс., 26 Себеж.)	**холо́дно** (МБ 3 Могил.)
хри́бит (МБ 4 Могил.)	**хрыбе́т** (МБ 13 Свенц., 14 Новоалекс.)

цы́цка (Новогр. и др.)	**цыцка́** (СН, МБ 3 и 4 Могил., 11 Новоалекс.)
Я́нко (Новогр. и др.)	**Iankò** (Федер. I, 118 Волков.)

Рассматривая ссылки при приведенных примерах, нельзя не заметить, что часто в одном и том же уезде и даже в одной и той же местности замечается разнообразие в отношении ударения в одном и том же слове. В некоторых случаях ударение, сходное с русским литературным, можно отнести на влияние школы; в ударении на предпоследнем слоге часто придется видеть польское влияние. Последнее несомненно в местностях, особенно подверженных польскому влиянию, как это и отмечают даже поляки-наблюдатели (ср. Федер. II, XXVI, и III, 136). Но и старое белорусское ударение здесь также продолжает существовать. «Dwoiste akcentowanie» отмечает Федоровский в западной части Слонимского и Волковыского уездов. «Stąd jeden i ten sam osobnik wymawia dany wyraz akcentując go z białoruska, albo też z polska», напр.:

ahłablàch и abłòblach,	nànawo и nanòwo,
babu̯òu̯ и bàbau̯,	nawiazàć и nawiàzać,
chwałà и chwàła,	pàciarki и pa'u̯òrki,
dwaru̯òu̯ и dwòrau̯,	prasìć и pròsić,
druhì и drùhi,	rasà и ròsa,
kasà и kòsa,	zmarỳć и zmòryć,
mòhiłki и mahìłki,	zmarỳu̯ и zmòryu̯ и т. д.
malìć и mòlić,	

В некоторых из приведенных в указанных местах примеров можно и не говорить о польском влиянии, а видеть обычное белорусское колебание в месте ударения (ròspiska и raspìska), или даже образования от разных основ (czartỳ и czèrci), о чем подробнее при склонениях и спряжениях. Но чаще это разнообразие в ударениях придется объяснять другими причинами, больше влиянием аналогии (подчас ложной) уже на белорусской почве. Сравнительно позднее возникновение некоторых случаев отступлений от общерусского ударения очевидно при первом взгляде на слово: ударение часто бывает на гласном, измененном вследствие своей первоначальной безударности (ср. *глы́бей*, *глы́кать*, *угáль*, *хри́бит*).

Когда даже приходится говорить об ударении одной и той же местности, и притом однообразной по составу своего населения — чистые белорусы, — то и тогда можно встретить разнообразие в ударении, даже в самых обычных словах, если для суждения о месте ударения, кроме данных живого говора, мы привлечем речь мерную — стихотворную: народные песни, а также некоторые попытки искусственной поэзии. В белорусских песнях очень обычна рифма, для получения которой нередко передвигается ударение; подобное же передвижение ударения вызывается также ритмом, особым схематическим складом стиха. Приведем несколько примеров:

У *бо́ру* при *дво́ру*
Служиў Яночка при *кро́лю*,
Выслужиў *су́ценьжц* до до́лу,
Сядлаў коника при свячы́,
Ездиў до де́вочки у *ночы́*,
Застаў де́ўку не сплючы́,
Тонку кашулю *шиючы́*,
Сильненько-жалосно *плачучы́*.

Бесс. Б. П. 31, № 54.

Як помёр мой нябо́щик,
Я тую бяду *у го́рщик*.

Бесс. Б. П. 141, № 147.

Учора з *вечёра*
Перепелка злецела...

Зап. V, 226.

Ци вином *зяленóм*,
Ци солодким *мядóм*...

Зап. V, 287.

В последнем двустишии размер: $\breve{}\,\breve{}\,\acute{}\,|\,\breve{}\,\breve{}\,\acute{}$

Плаваў чаўнок на раце,
Плаваў дзяцюк по *дзеўцé*...

Зап. V, 354.

Размер этих строк: $\acute{}\,\breve{}\,\breve{}\,|\,\acute{}\,\breve{}\,\breve{}\,|\,\acute{}$

Там гуляюць три таноч́ки,
Три таноч́ки, ўсё *дзевочки*...
Трем таночкам, усё *дзевочкам*,
Усё *дзевочкам мещаночкам*...

Зап. V, 356.

Стары ляжиць як колода,
Я молода як *ягóда*...

Зап. V, 404.

Вы *малóйцы* — молойцы́
Накижи́ця той *дзеўцы́*...

Кар. «РФВ», XII, 127.

Пашли́ яны́ ў бор па *ягóды*,
У бор па *ягóды* ўсе па салóтки...

Кар. «РФВ», XXI, 245.

Размер последних двух строк:

$\breve{}\,-\,\breve{}\,\acute{}\,|\,\breve{}\,-\,\breve{}\,\acute{}\,\breve{}$
$\breve{}\,-\,\breve{}\,\acute{}\,\breve{}\,|\,\breve{}\,-\,\breve{}\,\acute{}\,\breve{}$.

Вот пример нарушения ударения в искусственных стихах, писанных ямбом ($\breve{}\,\acute{}$):

Чуть зóлок — ён *стрельбу́* за плечи,
Заткнеть сякéру за *поя́с* —
Завсёгды хóдить бор *стяре́чы*
И птýтак бить з ружжá Тарас.

«Тарас на Парнасе».

При суждении о нормальном белорусском ударении принимать во внимание отступления, подобные приведенным, не приходится: в противном случае мы бы потеряли всякий критерий при определении места ударения. Подобные соображения относительно украинской речи уже давно высказаны Ганкевичем (Archiv II, 113).

Для суждения о белорусском ударении в руках исследователя много средств. Для определения места ударения в старину важны показания древних памятников. К сожалению только, не всегда можно положиться на показания этого рода, так как в древнейших из старинных рукописей знаки ударения ставятся очень редко, а в более поздних, до появления печатных книг с знаками ударения, последние проставляются часто применительно к югославянским оригиналам белорусских рукописей или просто применительно вообще к югославянским памятникам, по которым обучался писец. Иногда в рукописях знаки ударения проставляются и совершенно произвольно, без всякого основания. Вот несколько примеров таких ненадежных ударений из старинных рукописей: Тайна тайных XVI в.: бѡ̀раньѐ (43б), гѡ̀лова (3), ѡ́собноvіѡ̀ (2), оу̑зростѫ́ (69), соу̑прѫ́женіе́ (12б), ѡ̑бы́ходы (14б), ѡ̑блаженїѧ́ (24) и т. д.; Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: волѡ́киту (110), са́ды (87), псалтири (82б), попе́лъ (82), волѡ́дителемъ (104б), вра́si (41), ѡ́лею (68), же́ланїе (39), зе́ло (ib.), помѡ́щь (ib.), заповѣ́ди (им. пад. мн. ч., ib.), де́сницѫ (70б), те́лца (49б), ѡправ́данїа (39), земли далекиѣ (106б), ѡноѐ земли (132), го́ворю (89), ска́жю (33), е̑́сми (31б), е̑́смо (77), в'зро́сѫтть (31), прекло́ни (56), пи́хаи (104б), вы ѡбра́зилъ (79) и т. д.; Псалтырь XVI в. № 335 Рум. м.: по́коуе̑ (117), ѡ̑бѡ̀локо̑ (67), гѡ̀ра (66), гѡ̀рѣ (7б), ѿ до́рогы (8), ѡ̑бѡ̀ронцою̀ (19), никакогѡ̀ (9), е̑̀диногѡ̀, ни̑́гѡ̀ (48б), твое́го (68б), в рѫ́коу твою́ (31), своему́ (105б), и̑щѫ́рчи́й (135), долгѡ̀тръпѧ́чїй (11), нез̑́ного̀ (16), подобногѡ̀ (8б), вбогѡ̀го (24), гѡ̀лоубиныѣ (66), бѡ̀яти (27), пе́речли (23б), ро́сшири̑ (8), спогѡ̀да̑́ (41), гѡ̀ворили (43б), не оу̑бѡ̀юсѧ (8); Сборник XVI в. Крас.: ѡ̑дер̑жи̑ (54), сталосѧ́ (ib.), цесаря́ (ib.), во̑нѫ́ю (ib.), великы́й (72), мешкаю́ть моужики (ib.), и з рѫ́сью́ (ib.), ѡ̑крѫ́тѣ́ства (ib.), и неполю́би̑сѧ́ (73), побои́щи (90б), колѫ́гоу́ (ib.), з́ литвою́ (ib.) и т. д.; но вряд ли в приведенных случаях акут вообще указывает на ударение.

В начале XVI в. явились и первопечатные западнорусские книги. В них знаки ударения встречаются, но на первых порах не обозначают усиления голоса в словах. Так, в изданиях Скорины ´ ставится на начальных гласных и на конечном *е;* на всех остальных конечных гласных ставится `; но даже и в чисто орфографическом отношении эти знаки проставляются непоследовательно (ср. Владимиров, Докт. Фр. Скорина, стр. 251). Подобным образом обстоит дело и в Катихизисе 1562 г., где акут и гравис еще не обозначают ударения; то же в Евангелии Тяпинского 1580 г. (ср. на л. 18 — сеюючему, своѐи, т'рава ѝ ѡ̑вощъ, выторгиваюючи, занехаѝте; на л. 25 — которий, ѡ̑д'ного, ѝ жону ѐго ѝ дѣти, к'ланяюючисе; на л. 52 — в'п'лаванью, ѡ̑ четьверт'оѝ,

ѵфа̀йте; на л. 31 — ю̀д'ском', ѝродъ, з людей, о̃ни, в' виѳлиѳ́ме, ю̀довы̀м и т. п.).

С конца XVI в. старопечатные книги уже более или менее систематически проводят постановку знаков ударения. Так, в Катихизисе 1585 г., напр., читаем: православ́нымъ, к повче́нїю, вел'мѝ поле́зно, ꙗзы́ка, нѡ́во, преложо́но, дрѵ́кованъ ро́кѵ и т. д. Начиная с XVII в., постановка знаков ударения уже является постоянной принадлежностью печатных книг. В дальнейшем исследовании мы и воспользуемся данными одного из самых чистых западнорусских изданий этого времени — Евангелие Учительного, напечатанного в 1616 г. в Евье возле Вильны[1].

И рукописные книги XVII в. уже более систематично и последовательно отмечают ударение, чтб, напр., наблюдается в Псалтыри XVII в. М. Публ. и Рум. музея № 1017, откуда нами собрано порядочное количество просодированных слов (ср. «Западнорусские переводы псалтыри», стр. 264—268), которыми и воспользуемся при дальнейшем изложении.

Что касается данных по ударению из живой белорусской речи, то тут прежде всего следовало бы положиться на личный опыт, но я боюсь, что литературное русское произношение уже наложило на него свою печать, и поэтому по возможности свои соображения буду подтверждать ссылками на печатные источники. Между ними первое место занимает Словарь Носовича, которым вообще удобно пользоваться, а затем ответы на белорусские программы и, наконец, сборники народных произведений, конечно, не стихотворных, а прозаических.

В основу Словаря Носовича положено белорусское наречие, господствующее в Могилевской губ.; поэтому и проставленное в нем ударение характеризует произношение восточных говоров. Носович в своем словаре приводит лишь те белорусские слова, которые по своей форме отличаются от литературных русских; жаль, что у него не приведены слова, сходные с литературными русскими по форме, но отличающиеся от них по ударению.

В ответах на белорусские программы (Мат. Б.) имеется особый отдел «Ударение». В программе под этим отделом помещены в алфавитном порядке слова, взятые больше из Словаря Носовича, с его же ударениями, которые, как мне казалось, в западной Белоруссии бывают на других местах. Как можно видеть из 32 ответов, мои предположения оправдались: большинство приведенных слов в разных местностях имеют различное ударение. В напечатанных ответах, не желая увеличивать количество однообразного материала, я поместил только более или менее замечательные случаи. Собственно говоря, в отделе об ударении следовало бы принять во внимание все слова, напечатанные в «Материалах для изучения белорусских говоров», так как в них

[1] Наш собственный экземпляр, которым мы пользуемся, начинается с s листа и оканчивается по второй пагинации листом ткв.

обыкновенно везде проставляется ударение; это отчасти мы и сделаем но только отчасти, так как привлечение всего материала в подробностях потребовало бы затраты громадного труда и в результате получился бы не отдел по истории белорусского языка, а особое исследование о белорусском ударении, для появления какового все же еще не сделано достаточно наблюдений и не собрано в полной мере подходящего материала, даже если принять во внимание и данные других сборников белорусского народного творчества.

Древнейшие издания белорусских народных произведений обыкновенно не обозначают ударений; причиной этого отчасти являются и типографские затруднения, так как не везде, особенно в провинциальных типографиях, имелись гласные со знаками ударений. Другие собиратели произведений народного творчества, как Шейн, ставят знаки ударения лишь в тех случаях, когда белорусское ударение отступает от литературного русского. Отчасти той же системы держится и Романов. В собраниях, выпущенных с чисто филологическими целями, ударение уже проставляется систематически. Сборники белорусских народных произведений, изданные поляками, также систематически проставляют ударения, опуская иногда постановку знаков акута или грависа только во втором слоге, который поляк, следуя своему родному выговору, произнесет с усилением голоса.

Имея в виду указать главным образом отличия белорусского ударения от общевосточнославянского, мы, естественно, при дальнейшем изложении будем пользоваться сравнением белорусских данных с русскими и украинскими.

МЕСТО УДАРЕНИЯ В СЛОВАХ ПЕРВООБРАЗНЫХ

Прежде всего следовало бы повести речь об отступлениях в белорусском языке при акцентовании основ слов первообразных: имен в именительном падеже, а глаголов в 1-м л. Но исполнение такого намерения окажется и затруднительным, и малоцелесообразным. Не всегда легко определить в белорусском языке слова первообразные: суффиксы, не влияющие на перенос ударения, иногда незаметно прирастают к корням, так что требуется большая опытность в сравнительном языковедении, чтобы отделить их; с другой стороны — в именах существительных, оканчивающихся на ъ и ь (из *ŭ* и *jъ*), с утратой глухих основа именительного оказалась односложной, где уже не может быть речи о месте ударения; далее, в белорусском языке немало слов иностранных, рассматривая место постановки ударения в которых, на чужой почве не приходится делить их на первообразные и производные; наконец, не думаю, чтобы и отступлений в акцентовании двусложных основ (слова первообразные женского и среднего рода) в белорусском в сравнении с русскими говорами оказалось значительное количество: эти отступления больше зависят от разных аналогий в словах производных; значительное число различно акцентованных образований этого

рода найдет для себя аналогию либо в народных русских говорах, или же будет указывать на уклонение от старины ударения в русской литературной речи.

Рассматривая в этом отношении собранные нами материалы, можем указать для примера лишь следующие отличия.

У имен существительных

1) В словах мужского рода с основами на *-ŏ* — *-ĭo* и *-й*

вепе́р (Сл. Нос., Мат. Б. № 3 и 4 Могил. губ.), *вопе́р* (ib.), *вапе́рь* (ib. № 18; ср. Энеиду Ровинского). Ударение здесь вторичное, как можно видеть, между, прочим, из серб. *вȅпар*[1].

Мо́йсей (Ев. 1616 г.; ξ) — подражает еврейскому жаргонному произношению.

соко́л (ср. стр. 404) при серб. *сòкô*, более старое образование, впрочем, известное и русским говорам.

тво́рог (Сл. Нос.), тво́раг (Мат. Б. № 6 Диснен.), тво́рыг (ib. № 4 Могил. губ., 13 Свенц., 18 Витебск., 26 Себеж.); но и сходное с литературным русским произношением *твороґ* также известно в Белоруссии (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 28 Себеж.). Впрочем, рассматриваемое слово, вероятно, не первообразное.

уга́ль, рассмотренное нами раньше (стр. 404), несомненно новообразование, о чем говорит, кроме *а́*, серб. *у̏гаљ*.

2) В словах женского рода с основами на *-а* — *-ĭа*

буда́ (ср. стр. 396), при русск. *бу́да* (Даль[2]), отражает старину: серб. *бу́да*.

ве́рба (ср. стр. 397), при русск. *верба́* (Даль[2]) и укр., серб. *ву́рба*, новообразование по аналогии множественного числа.

до́шка (Сл. Нос., Мат. Б. № 8 Игум., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), *до́щка* (ib. 18 Витебск.) и даже *до́ска* (ib. 22 Минск.), как и в укр., где *до́шка*, ввиду серб. *дȁска*, должно быть признано новообразованием, развившимся, вероятно, под влиянием винительного падежа: серб. *дȁска* — *дȁ̏ску* (Archiv VII, 374).

---

[1] В словах не односложных сербское штокавское ударение всегда на один слог ближе к началу, чем у русских и сербов-чакавцев, причем предлоги и отрицания примыкают к существительным и к глаголам и составляют с ними одно целое. Однако русскому и чакавскому ударению на начальном слоге и у сербов-штокавцев соответствует ударение на том же слоге (так как передвигать его дальше было некуда) и бывает двух родов: на кратких слогах нисходящее-краткостное, или резкое (̏ : о̏ко), на долгих нисходящее-долготное (̂ : мêсо). Отсюда легко сделать дальнейшее заключение: если в сербском штокавском бывает ударение восходящее-краткостное, или слабое (̀) на кратком слоге (вòда) или восходящее-долготное (′) на долгом (вино), то русское ударение должно быть на один слог дальше к концу слова: *вода̏, вино̏*.

дума́ (Сл. Нос., Мат. Б. № 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 22 и 23 Минск. губ., 25 Новогр., 26 Себеж., 31 Вилейск.).

искра́ (ср. стр. 400), при серб. *и̏скра*, новообразование и, повидимому, мало распространенное.

конопля (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), как в укр., серб. *конопље*, русск. *конопля́*, старина.

краса (99 Псалт. XVII в.) (ср. народное окра́са), при русск. литер. и укр. *краса́*, серб. *кра́са*, представляет новообразование.

мена́ (Ев. 1616 г. ξи б), при русск. *мена́* (Даль[2]), серб. *ме́на*, старина.

полоса (ср. стр. 402), насколько можно судить по серб. *пла̏са*, представляет старинное ударение.

слина (ср. стр. 404), при русск. *слина* и *слюна́* (Даль[2]), представляет отражение прарусского колебания в постановке ударения.

смола (ср. стр. 404), при серб. *смо̀ла*, полонизм.

сосна (ср. стр. 404) — общевосточнославянское колебание (Даль[2]).

стреха (ср. стр. 404). серб. *стрѐха*, старина.

у́да (Мат. Б. № 26 Себеж.), *у́да* (ib. № 3 Могил. губ., 11 Новоалекс., 23 Минск., 28 Себеж., 31 Вилейск.).

хвала [ср. Псалт. XVII в. 118, 128 (хва́лы)], колебание не без польского влияния, наблюдаемое и в украинском языке (хвала́), однако древним следует признать акцентование последнего слога: серб. *хвала́*.

3) В словах среднего рода с основами на *-ŏ* — *-i̯o*

багно́ (ср. стр. 396), подражает акцентовке таких слов, как *село́*.

до́лото (ср. стр. 398), при серб. *дле́то* из осн. dei̯tŏ, новообразование.

евангелие (эвангéлие Мат. Б. № 11 Новоалекс.), *аванге́лия* (ib. 13 Свенц.), *иванге́лие* (ib. № 31 Вилейск.), при *ва́нгиля* (№ 18 Витебск.), *ива̀нгилие* (ib. 31 Вилейск.), серб. *еванђелије*, могло бы отражать греческое и латинское произношение εὐαγγέλιον; но для белорусского лучше предположить непосредственное заимствование из польск. ewangielja.

лоно́ [Ев. 1616 г. 2ркз б, ср. Псалт. XVII в. 151 (лона̀)].

У имен прилагательных

бо́сый, босая, бо́сое (Мат. Б. № 22 Минск. губ.) представляет, повидимому, старинное ударение: укр. *бо́сий*, серб. *бо̑с*.

глупы́й, *-а́я, -о́е* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.) по месту ударения подражает более обычному в белорусском для обозначения того же понятия *дурны́й*.

грубы́й, *-а́я, -о́е* (ср. стр. 398) — новообразование: серб. *гру̑бӣ*.

др8і́й (Ев. 1616 г., рма), *дру́гий* (второй, Сл. Нос.), как в укр., русск. арх. *дру́гой*, серб. *дру̑ги̑*, очевидно, отражает основное произношение.

и́нный (ср. стр. 400), серб. *и̑ны̑*, может быть, и не отражает польского влияния.

ко́сый (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), как в укр.

малы́й, *-а́я*, *-о́е* (ср. стр. 401; Ев. 1616 г. кв б), как и в укр., новообразование: серб. *ма̑ли̑*.

на́гій (Ев. 1616 г. лд б), как в укр. и серб. *на̑ги̑*, старина.

не́мый (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), серб. *ни̑јеми̑*, старина.

про́стый (Мат. Б. № 22 Минск. губ., ср. Ев. 1616 г., ркд, Псалт. XVII в. 97), как в укр.

сами́й (Ев. 1616 г. 2 ξ б, ср. ib. кд б), как в укр.

стары́й, *-а́я*, *-ы́я* (Мат. Б. № 3 Могил. губ., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 22 и 23 Минск., 31 Вилейск.), при серб. *ста̑ри̑*, новообразование.

цихи́й (ср. стр. 404) в выражении: cichì dzień подражает своей акцентовкой таким выражениям, как *добры́-дзень*.

тоўсты́й (ср. стр. 404), такое же колебание, как в русск., где имеется *то́лстый* и *толсто́й* (Даль[2]).

У глаголов

и́каю (Мат. Б. № 13 Свенц. и др.).

Приведенных примеров достаточно, так как вообще подробное рассмотрение отступлений от места ударения в именительном падеже и 1-м л. ед. ч. слов первообразных оказалось бы малоцелесообразным: их все равно придется касаться, рассматривая место ударения в косвенных падежах, а также во 2-м и других лицах и разных формах глаголов. Не обойтись без упоминания ударения первообразных слов и при рассмотрении суффиксов, а также некоторых приставок, притягивающих на себя ударение.

МЕСТО УДАРЕНИЯ В СЛОВАХ ПРОИЗВОДНЫХ

Переходим к словам производным, образованным при посредстве тех или других *суффиксов*. Некоторые из наставок отличаются тем свойством, что притягивают на себя ударение; есть такие, которые могут быть в одних словах ударяемыми, в других безударными; наконец, есть и такие наставки, которые никогда не бывают под ударением[1]. Все виды этого рода суффиксов известны и белорусскому языку, который в отношении ударяемости или безударности их совпадает с русскими говорами, но в нем есть и некоторые отступления.

[1] Ср. Р. Ф. Брандт. Славянская акцентология, стр. 273 sq.

В суффиксах имен существительных

1) Слова мужского рода с основами на *-ŏ* — *-i̯ŏ* и *-ŭ*

Среди слов с суффиксами, имеющими на себе ударение, с одной стороны, встречаем такие, как *съва́чъ* (Ев. 1616 г. 2рк), *сеха́ч* (Сл. Нос.), *перу́н* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.) и под., сходные по месту ударения с такими же образованиями литературной русской речи, с другой — находим немало случаев, представляющих отступления от последней.

а) Рядом с *кожу́х*, род. *-уха́*, имеем и *кожу́ха*, правда, для рифмы: «До Ду́ха не здзевай кожу́ха» (Сл. Нос.); с другой стороны, при русском *ко́нюх* (Даль[2]) обыкновенно *коню́х*, *-ха́* (Сл. Нос., Мат. Б. № 22 Минск. губ.), как в укр.

б) При русск. *ко́ршун* и даже местном белорусск. *ка́ршун* (Мат. Б. № 17 Речицк.), *ко́ршин* (3 Могил. губ.), обыкновенно встречается *коршу́н*, *-на́* (Мат. Б. № 3 Могил. губ., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 22 и 23 Минск., 31 Вилейск.).

в) Акцентование слов с суффиксом *-ан* представляется в следующем виде: *кожа́н*, *-на́* (Сл. Нос.), *бара́н -на́* (Мат. Б. № 22 Минск.), *балва́н*, *-на́* (Мат. Б. № 8 Игум., 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 17 Речицк., 26 Себеж., 31 Вилейск.), при *балва́н*, *-а́на* (ib. 28 Себеж.) и даже при *ба́лвын*, *бэ́лвын* (ib. 4 Могил. губ.).

г) При литер. русск. *крестья́нин* имеем *крестьяни́н* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.).

д) У слов с суф. *-ай* встретились следующие более замечательные случаи: *обыча́й* (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 10 Мозыр., 11 Новоалекс.) при *обы́чай* (ib. 13 Свенц., звы́ча' 131б Псалт. XVII в.); *оу́ро́жай* (Ев. 1616 г. 2 рнз б) — несомненный полонизм или заимствование из украинского (Желехов. уро́жай), так как обыкновенно *урожа́й*.

Среди слов мужского рода с колеблющимися в отношении ударяемости суффиксами можно отметить следующие случаи:

а) При правильном, напр., *боро́х* (Мат. Б. № 18 Витебск.), *камино́х* (стекло для лампы, ib. 7 Минск.), имеем: *кили́шах* (польск., kieliszek, Мат. Б. № 8 Игум., 11 Новоалекс., 17 Речицк., 31 Вилейск.), *кели́шех* (ib. 14 Новоалекс.), но и *ке́лиших* (ib. 18 Витебск., 31 Вилейск.): *се́рничох* (ib. 9 Бых.), *сернича́х* (ib. 17 Речицк., 18 Витебск.), при правильном *серни́чох* (ib. 23 Минск.), *сярни́чых* (ib. 4 Могил. губ., 13 Свенц., 15 Игум.).

б) При *ялавец́* (Мат. Б. № 31 Вилейск.), *еловец́* (ib. 11 Новоалекс., 23 Минск.), имеем: *ялове́ц* (ib. 18 Витебск.), *подъяло́вец* (ib. 31 Вилейск.), *перве́нецъ* (Ев. 1616 г. 2 счs); отметим уменьшит. *блине́ц*, *-ца́* (Сл. Нос. 729).

в) Кроме слов *ба́ловних* (Сл. Нос., Мат. Б. № 18 Витебск.) и *баловни́х* (ib. № 9 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 17 Речицк., 18 Витебск., 23 Минск., 26 Себеж., 31 Вилейск.), отчасти, как и в русских говорах (Даль[2]), различающихся по значению, еще есть

балóўник (ib. № 13 Свенц.), *блѫ́днижъ* (ср. Ев. 1616 г. si, θi), при русск. *блудни́х*, ввиду серб. *блу́дни́х*—старина; рядом с *вадзяны́х* (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 13 Свенц., 18 Витебск., 28 Себеж.), совпадающим с русским, имеется и *вадзя́них* (ib. № 14 Новоалекс., 31 Вилейск.); *злóсник* [Мат. Б. № 4 Могил. губ., 8 Игум., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 13 Свенц. (злубсьник), 23 Минск., ср. Ев. 1616 г. ξи, как в укр.]; *озóрник* (Мат. Б. № 18 Витебск.), при *азарни́х* (ib. 28 Себеж., 31 Вилейск.); *тóржникъ* (ср. Ев. 1616 г. 2 чв б, как в укр.); *вýчельник* (Мат. Б. № 7 Минск.), при русск. литер. *учени́х;* серб. *у̏ени́х*, как в укр. *у́ченик* (Желех.) говорят, повидимому, за исконность ударения на начальном слоге; *чайни́х* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.).

г) Рядом с общевосточнославянским *хребе́т* (ср. *хрыбе́т* Мат. Б. № 13 Свенц., 14 Новоалекс.), серб. *хр̏бат* имеем *хри́бит* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), где *и* указывает на вторичность подобного образования.

д) Бывают отступления и в акцентовании слов на *-арь:* рядом с преобладающим в белорусском *дружа́р* (ср. стр. 398) имеем и *дру́жар*, быть может, своим ударением указывающее на первоисточник (нем. Drucker), откуда оно взято. В Ев. 1616 г. встречаем *о́лтарь* (2 рче), как в укр., где *о́лтар* и *ві́втар* (Желех.). Общебелорусск. *сто́ляр* (Мат. Б. № 22 Минск.; Даль, впрочем, отмечает зап. и *столя́р*) следует объяснять польским влиянием.

е) Не без отступлений в месте ударения бывают и слова на *-мень*, когда-то принадлежавшие к основам на согласные. Так, мы имеем *кре́мень* и *крамéнь* (ср. стр. 400), *ре́мень* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.); последнее ввиду серб. *рѐмен* может быть и старина.

ж) Редкое в белорусск. *о́лень* по своему ударению совпадает с диалектным украинским (Archiv VII, 236).

Из суффиксов мужского рода, никогда не принимающих на себя ударения, замечателен *-тель*, точнее — *ц'э'л*. Здесь отступают от обычного места ударения слова: *збави́цель* (ср. Ев. 1616 г. на б, ср. 131 Псалт. XVII в.), конечно, полонизм (zbawiciel); *при́яцель*, как в южноукр. (Archiv VII, 236), *пр̏ятель* (Ев. 1616 г. кв. б), ввиду серб. *пр̏ијатељ*, следует считать более древним образованием.

2) Слова женского рода с основами на *-а* — *-i̯а* и *-ǐ*

Слова, имеющие суффиксы с определенным ударением, и в белорусском языке обыкновенно правильно акцентуются. Есть отличия лишь среди слов, образованных с суффиксами, безотносительными к месту ударения. Таковы, напр., случаи:

а) С суффиксом *-ица: блі́скавица* и *блискави́ца* (ср. стр. 396), *залуви́ца* (Мат. Б. № 29 Новогр.), при серб. *з̏ловица,* полонизм; *звóнница* и *звани́ца* (ср. стр. 399); *зóрница* (ср. Ев. 1616 г., 2 Сов.), при серб. *зóрница*, новообразование; *ку́рица* и *кури́ца* (ср. стр. 400);

лъви́ца (ср. Ев. 1616 г. к), как в укр. (лїви́ця); *охе́нница* и *охени́ца* (ср. стр. 402); *прави́ца* (Сл. Нос., Мат. Б. № 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск., Ев. 1616 г., 101 Псалт. XVII в.), при серб. *пра̀вица*, укр. *прави́ця*, старина; *столи́ца* (ср. Псалт. XVII в. 100); *пъя́ница* и *пъяни́ца* (ср. стр. 403), ввиду серб. *пѝјаница*, старина в первом; *ре́сница* (Мат. Б. № 22 Минск.).

б) С суффиксом *-ина*, часто распространенным еще другими наставками: *ба́цькоўщына* и *бацько́ўщина* (ср. стр. 396) — такое же колебание, как и в укр. (ба́тькі́вщина); ве́рбина и верби́на (ср. стр. 397); *живи́на* и *живина́* (ср. стр. 398); серб. *живи́на* указывает на большую древность второго образования; не отступающее от старины, но как более или менее замечательное слово отметим *новина́* (Сл. Нос., ср. Ев. 1616 г. ріі б), как в укр., серб. *но̀вина; во́бщина*, *общи́на* и *община́* (ср. стр. 402); с древним ударением, вероятно, первое (серб. опћина); *посу́дзина*, *посудзи́на* и *посудзина́* (ср. стр. 402); *прысо́дзины* и *прывадзи́ны* (ср. стр. 403); *ровнина́* (ср. Ев. 1616 г. 2рп), как в укр. (рівнина́), серб. *равнѝна*, старина; *ры́бина* (у Даля[2] в этом значении нет; Мат. Б. № 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.); *сере́дзина* [Сл. Нос. (крестец у животных), Мат. Б. № 22 Минск.] — особое новообразование, так как русск. *серѐди́на* и серб. *срѐдина* говорят за ударение на предпоследнем слоге; *тростина́* (ср. Ев. 1616 г. 2т б).

в) С суффиксом *-ка* (из *-ъка* и *-ька*), часто распространенным еще другими наставками: *боро́давка* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.); *булавка́* (ср. Мат. Б. № 18 Витебск.); *дзе́витка*, *дзе́ситка* (ib. 31 Вилейск.); *дочка́* при *до́чка* (ср. стр. 398); *и́коўка* (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 18 Витебск., 23 Минск., 31 Вилейск.), при серб. *и́кавка* — новообразование; *мо́ркоўка* и *морко́ўка* (ср. стр. 401); *во́сьмирка* (Мат. Б. № 31 Вилейск.); *по́душка*, как в укр.; *се́мирка* (ib.); *цыцка́* (ib. № 3 и 4 Могил. губ.; 11 Новоалекс.); *це́почка* (редко; ib. 22 Минск. губ.); *ше́сцирка* (ib. 31 Вилейск.). Тут же отметим общебелорусское *музы́ка* (музыкант, Сл. Нос.), *мѫзы́ка* (Ев. 1616 г. 2сі б), известное с ударением на *ы* и русск. литер. речи («Молчи́т музы́ка боева́я», Пушкин).

г) С суффиксом *-ба: худо́ба* (Мат. Б. № 11 Новоалекс., Даль[2]), серб. *худба*, указывает на осн. *худобă*.

д) С суффиксом *-ва*, иногда распространяемым другими прибавками: *кропива́* (Мат. Б. № 22 Минск. губ)., *пло́тва* (ib.); особенно замечательны, как и в укр. (Ogonowski. Studien, 225), собирательные на *-ва*, употребляющиеся вместо множественного числа: *жидова́*, *татарва́*.

е) С суффиксом *-да: госпо́да* (да гаспо́ды, Мат. Б. № 8 Игум.), хотя серб. *го̀спођа* при дубровн. *госпђа*; интересны еще *свобода́* [(ср. Ев. 1616 г. ξs), как в укр. галицком (Archiv II, 113)]; *слабо́да* [Мат. Б. № 11 Новоалекс., 31 Вилейск. (свобода) при *слабада́* (усадьба)]; серб. *слобда* говорит за ударение на конце.

ж) С суффиксом *-ера: вече́ра* (Сл. Нос., как в укр. Ев. 1616 г. 2ми б., 2 р ξз б); за такую же акцентовку говорит и серб. *вѐчера*.

з) С суффиксом *-ота: голо́та* и *голота́* (ср. стр. 397), *грызо́та* (Сл. Нос., Мат. Б. № 31 Вилейск.).

и) С суффиксом *-на*, распространенным разными наставками: α) *-ух-на: ба́бухна* (Сл. Нос., Мат. Б. № 4 Могил. губ., 8 Игум., 10 Мозыр., 23 Минск., 26 Себеж., 31 Вилейск.), но *дочу́хна* и *до́чухна* (ср. стр. 398); β) *-из-на: ба́бизна* (Мат. Б. № 31 Вилейск.), *жоўци́зна* и *жоўцизна́* (ср. стр. 398), *сиви́зна* и *сивизна́* (ср. стр. 403).

к) С суффиксом *-иха: бо́нда́риха* и *бондари́ха* (ср. стр. 396), *гречи́ха* и *гречиха́* (ср. стр. 398).

л) С суффиксом *ов-ля: дарагоўля* (Мат. Б. № 31 Вилейск.), ср. стар. *до́роговля* (Даль[2]).

м) С суффиксом *-ïja* (=ѣа): *мо́лоння* и *мало́ння́* (ср. стр. 401).

н) С суффиксом *-ежь: мо́лодежь* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), как укр. *мо́лодїж*, очевидно, новообразование, если иметь ввиду серб. *мла́деж*, русск. *молодёжь*.

о) С суффиксом *-овь: дыраго́в* (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 18 Витебск.), русск. *до́роговь* (Даль[2]).

п) С суффиксом *-знь: бо́лезнь* (Ев. 1616 г. рд б), как в укр. (бо́лїзнь); *бо́лзнь* (ib. ві б, ла б), как в укр.

р) С суффиксом *-оть, -ость: до́броть* (ср. Ев. 1616 г. рлв б, 2 ма), *ла́схавость* (ib. кѕ), набо́жнисть (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), как в укр.: *набо́жність*.

с) С суффиксом *-ыль* (не русск.): *бу́тыль* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.).

3) Слова среднего рода с основами на *-о* — *-ïй̆*, а также на согласные

Суффиксы слов среднего рода больше безотносительны касательно места ударения. И здесь белорусский язык в общем не отступает от общевосточнославянского ударения, хотя кое-где отличия и имеются. Именно:

а) С суффиксом *-ïje* (=ѣє) в белорусском немало разного рода слов, часто замечательных не столько по месту ударения, сколько по образованию (о чем после), напр.: *баярьё* (Мат. Б. № 31 Вилейск.), *гречкаўё* (ib.), при *грецхо́вье* (Сл. Нос.), *кнутовъё* (Мат. Б. № 3 Могил.), *пуговъё* (Сл. Нос., Мат. Б. № 3 Могил., 11 Новоалекс., 28 Себеж., 31 Вилейск.).

б) Рассматриваемый суффикс может быть распространен еще прибавками: α) *-ан-ье: бра́тання* (Мат. Б. № 18 Витебск., 31 Вилейск.), при русск. *брата́нье* (Даль[2]), *ста́ра̂нке* (Ев. 1616 г. мд б), как в укр. (ста́ранє); *сне́дание* (Новогр. и др.), как в укр. (Archiv VII, 362) и *скеда́нне* (Сл. Нос.); β) *-ен-ье: бо́рення* (бо́рыння Мат. Б. № 4 Могил. губ., бо́раньне 31 Вилейск.); γ) *-т-ье жи́тïємъ* (Ев. 1616 г. 20), очевидно, передает ударение белорусского *жы́ця* зап. (ср. польск. życie) рядом с *жыцьцё* вост., серб., *жи́ће; пи́тье* (105 Псалт. XVII в.), как и совр. *пи́ця* (польск. picie) при *пицьцё* (ср. стр. 402), серб. *пи́ће*.

в) С суффиксом *-ство: вдо́ство* (Ев. 1616 г. мг), *во́пчаства* и *обчаство́* (ср. стр. 402), *семейство́* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.;

слово редкое), *старшéнство* (ср. Ев. 1616 г. пв б), *товáрищество* (97б Псалт. XVII в.), как в укр.

г) С суффиксом *-ище: гýльбище*, *грéцховище* и *грецхóвище* (ср. стр. 398), *íгрыще* и *игрыще* (ср. стр. 400), *клáдбище* (Мат. Б. № 23 Минск.).

д) С суффиксом *-це: вудовéйцо* (Мат. Б. № 18 Витебск.).

е) С суффиксом *-ето: рéшето* (ср. стр. 403), серб. *решѐто*, новообразование.

ж) С суффиксом *-ло: бóўдзила* и *боўдзíло* (ср. стр. 396). Сюда же примыкает *-сло: корóмысло* (Мат. Б. № 22), как в укр.

з) С суффиксом *-ко* (м. род), употребляющимся то под ударением, то без него: *бáцько* (Мат. Б. № 10 Мозыр.), *бáцька* (ib. № 4 Могил. губ. 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), *Янько* и Jankó (Федер. I, 118), как в укр. (Archiv VII, 236).

и) Интересна акцентовка в некоторых белорусских говорах слова *озерó* при *óзеро*, *вóзира*.

к) С суффиксом *-мо: пúсмо* стое (Ев. 1616 г. I б) — полонизм (pismo): серб. *пúсмо* говорит за ударение на конце.

л) И слова, принадлежавшие по своим суффиксам к основам на согласные, представляют также в некоторых случаях отступления от первоначальной постановки ударения kòleso (Федер. I, 217 Волков.), как и в укр., при обычном *хóло;* при *óсля* (Ев. 1616 г. ч б), имеем *вóўча* (Мат. Б. № 14 Новоалекс., 31 Вилейск.), *воўчанё* (ib.), *циля́* и *цéля* (ср. стр. 404).

В суффиксах имен прилагательных

Некоторые особенности в месте ударения у имен прилагательных совпадают с подобными же чертами русского языка и даже с дублетными формами литературной русской речи. Так, обычное в белорусской речи *далёко* (ср. Мат. Б. № 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.) известно и литературной русской речи (Р. Ф. Брандт. Акцентология, стр. 11). Краткие формы прилагательных по ударению иногда подражают полным: *дóбер* при *добёр* (ср. стр. 398), *горячо* при *гóрячо* и *горячó* (ср. стр. 397), о чем подробнее при склонении. Больше особенностей в акцентовании прилагательных полной формы.

а) С суффиксом *-ный* (из *-ьнъ*): при *зямны́* — *зéмный* (ср. стр. 400); *гóгосно*, *голóсно* и *голосно́* (ср. стр. 397); серб. *глâсно* говорит за *голóсно; набóжный* (Мат. Б. № 21 Минск. губ.), как в укр.; *рóзумный* (ср. Ев. 1616 г. 2с ξ и); *смéшный* и *смяшный* (ср. стр. 404); серб. *смијѐшан* говорит за последнее; *бжтвéный* (Ев. 1616 г. 2 рн б); *огнéный* (ср. ib. 2 спб б), как в укр., где *огнéнний; зáконный* (ср. Ев. 1616 г. рξе); *лáгодный* (ср. Ев. 1616 г. 0 б), как укр. *лáгiдний;* здесь отметим и своеобразное образование *бóязно* (страшно), ср. серб. *бȕдазан*. Сюда относятся и причастия, распространившие свой суффикс прибавкой наставки *-н-: защéмленный* и *защамлённый* (ср. стр. 399);

змéненный (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), *змéнины(й)* (ib. 4 Могил. губ.), *змі͡э́кены* (ib. № 10 Мозыр.); *писóны* (Отч. 4 Новоалекс.); *рóжденный* (Ев. 1616 г. 2рп0), при серб. *рођéнӣ*, предполагающем основное ударение на втором слоге; *дружóваный* и *дружовáный* (ср. стр. 398), *освобóженный* (ср. Ев. 1616 г. 31).

б) С суффиксом *-аный: мéдзяный, медзяны́й* и *медзяны́й* (ср. стр. 401); серб. *мѐден* говорит за ударение на начальном слоге, *аржáный* и *аржаны́й* (ср. стр. 402), *скѫ́раный* (Ев. 1616 г. 2сои), *пъяны́й, -нáя* (Мат. Б. № 22 Минск.), при обычном белорусск. *пъя́ный*.

в) С суффиксом *-иный: мéзиный* при *мизя́ный* (ср. стр. 401).

г) С сложным суффиксом *-очный: статóчный* (Мат. Б. № 31 Вилейск.) — полонизм, при *недостáточный* (ib. 9 Бых., 14 Новоалекс.).

д) С суффиксем *-кий* (из *-ъ‖ь, -ькъ*): *лю́цкий* и *люцкúй* (ср. стр. 401), *мя́кий* и *мяккúй* (ср. стр. 401); *лягéнький* при *лёгенький* (ср. стр. 400), *малéнький* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), *маладзéнький* при *молóдзинький* (ср. стр. 401), как в укр. (Ogon. st., 229).

е) С суффиксом *-овый: гóрловый, горлóвый* и *горловы́й* (ср. стр. 397); *дзéшевый* и *дзяшóвый* (ср. стр. 398); *жóрковый, жарнóвый* и *жарнавы́й* (ср. стр. 398); *пяткóвый* (Мат. Б. № 4 Могил. 11 Новоалекс.); *финúковый* (ср. Ев. 1616 г.), *шаўкóвый* (Мат. Б. № 7 Минск.[1]); *грóбовый* (ср. Псалт. XVII в. 127б). Тут же назовем одно существительное с суффиксом и формою прилагательного: *брáтовая, братóвая* и *братовáя* (ср. стр. 396).

ж) С суффиксом *-ивый: незлобúвый* (Ев. 1616 г. ла).

з) С суффиксом *-истый: болотúстый* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), *плéмянистый, племéнистый* и *племенúстый* (ср. стр. 402).

и) С суффиксом *-лый, -елый: жúлый, жúлая, жúлое* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), *застáрѣлый* (Ев. 1616 г. 2 се).

к) Суффикс сравн. ст. *-ее, -ей* обыкновенно имеет на себе ударение, хотя возможно оно (отчасти одновременно) и на других слогах: *ближéй* и *блúжей* (ср. стр. 396), *глы́бей* и *глы́бей* (ср. стр. 397), *красивéе* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), *первы́й* (Ев. 1616 г. ке б), *потребнѣ́йшій* (ib. ое б).

В неопределенном производных глаголов

Те или другие суффиксы основы неопределенного, повидимому, не влияют на место ударения в слове, по крайней мере в настоящее время в белорусском языке, так как можно указать большое разнообразие в месте ударения слов сходных категорий. Отметим только те случаи, которые представляют отличия в сравнении с русским литературным употреблением.

а) С суффиксом *-а: брáтацца* и *братáцца* (ср. стр. 396); *глыкáць* и *глы́жаць* (ср. стр. 397); *кúдаць* (Мат. Б. № 22 Минск., Сл. Нос.;

[1] То же, впрочем, иногда даже в русской литературной речи:

Татьяна поясок ш е л к о́ в ы й
Сняла...

«Евгений Онегин» Пушкина

там же есть и *кида́ць*, но с иным значением), ср. серб. *ки̏дати; ко́ўзаць* и *коўза́ць* (ср. стр. 400); *ла́таць* и *лата́ць* (ср. стр. 400); *о̀дѐржати* (Ев. 1616 г. 2 рпѳ б, ср. 2 ркз б, рле б, пг.); серб. *одр̀жати* говорит за ударение на суффиксе; *повъда́ти* (Ев. 1616 г. ои); *рабо́таць* и *рабыта́ць* (ср. стр. 403), как в серб. *рабо̀тати; ста́ратиса* (Ев. 1616 г. 2 чѕ); *чествова́ти* (ib., 2мп б), как в укр.

б) С суффиксом *-ова: ба́ловаць* и *баловáць* (ср. стр. 396), *заслу́говаць, заслугова́ць* и *заслуговáць* (ср. стр. 399); *ка́товаць* и *катовáць* (ср. стр. 400), *обка́товаць* (Мат. Б. № 23 Минск., 31 Вилейск., если только здесь мы не имеем с производным от *катать*); *наслъдова́ти* (Ев. 1616 г. ξа б); серб. *на̀следовати* указывает на правильность общевосточнославянского ударения; *побѐсьдовать* (ср. Ев. 1616 г. ли б); *потребова́ти* (Ев. 1616 г. ке б); *празнова́ти* (Ев. 1616 г. рг б), но серб. *пра̑зновати* указывает на основное ударение на начальном слоге; *преслъдова́ть* (преслѣдовали 146 Псалт. XVII в.); *ратова́ти* (Ев. 1616 г. нв б), как и в совр. белорусск., хотя есть и *ра́товаць* (Сл. Нос.), как в серб. *ра̑товати*.

в) С суффиксом *-ну* (= нж): *схапнуць* (Сл. Нос., Мат. Б. № 11 Новоалекс., 23 Минск., 25 Новогр.).

г) С суффиксом *-ѣ: ви́сьць* (ср. Ев. 1616 г. 2 сѳі), как в укр. (ви́сіти); *оздоро́вьць* (Ев. 1616 г. рмд б); *пле́снівіць, плесне́вить* и *плиснявéць* (ср. стр. 402); *покрасивéць* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.); *слышáць* (слышали 159б Псалт. XVII в.) подражает слову *слыхáць; оу̀тѐрпъти* (Ев. 1616 г. ξаб, 2рξ).

д) С суффиксом *-и: встыдзи́ць* и *встыдзи́ць* (ср. стр. 397); *застра̑шиць* (ср. Ев. 1616 г. і), как в укр. (Archiv II, 290), при серб. *стра̑шити*, старина; *застре́лиць* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), как в укр. (застрілити); *насме́шиць* (ib.); *настра̑шиць* (ib. № 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), как в укр. *по́ститься* (ib. 22 Минск. губ.), как в укр. (по́стити), вопреки показанию серб. *по̀ститисе*, предполагающему *посци́цься*, что и на самом деле преобладает в белорусском; *про́стить* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.) — новообразование (серб. прòстити); *ро́дить* (ib.) — то же (серб. ро̀дити); *стра́шыць* (Мат. Б. № 3 Могил. губ., 11 Новоалекс., 22 и 23 Минск. губ., 25 Новогр.), как в укр.; *улагóдзиць* (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 25 Новогр.).

СЛОВА ПРЕДЛОЖНЫЕ

Отступления в месте ударения в словах предложных бывают также нередки в белорусском языке, причем данные старинных произведений не всегда совпадают с тем, что мы имеем в живых говорах. И здесь колебания иногда напоминают подобные же явления в литературной русской речи, а также в говорах русского языка. Но вообще место ударения в предложных словах в восточнославянских языках не противоречит данным югославянских языков, в частности соотношениям

сербского. Встречающиеся в белорусском языке отступления иногда совпадают и здесь с показаниями сербского языка. Приведем примеры. Слова, начинающиеся с предлогов и приставок:

1) *во-:* вóйдетъ (Ев. 1616 г. 2 слг б), как и в живой речи, где *вóйдзе.*

2) *воз-:* вóзметъ (Ев. 1616 г. нѳ б) при совр. вóзьме.

3) *вы-.* Как во всех восточнославянских языках, эта приставка обыкновенно имеет на себе ударение: *вы́брамы* (Мат. Б. № 8 и 15 Игум.), *вы́рох* (ib. № 4 Могил., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), *вы́стѣжки* (Ев. 1616 г. и), *вы́зняетъ* (ib. 2а), *вы́хопаномъ* (ib. рмг б), *вы́стыглы(й)* (Мат. Б. № 10 Мозыр., 11 Новоалекс.), *вы́стыўши* (ib. 31 Вилейск.), *вытагнѣвши* (Ев. 1616 г. 2рд) и т. д.; но есть и отступления: *выгóнит'* (Ев. 1616 г. 2мз б), рядом с *вы́моўха* (ср. стр. 397) имеем: *вымóўха* (ib.), *вымóва* (Мат. Б. № 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.); рядом с *вы́няць* (ср. стр. 397) — *выня́ць* (ib.), *высыпа́ла* (Ев. 1616 г.).

4) *до-: недóимка* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.).

5) *за-: за́раз* (сейчас Сл. Нос., Ев. 1616 г. гі), *за́бавно* и *забáвно* (ср. стр. 398), *за́видно* (Сл. Нос.), известное и русскому языку (Акад. Сл.), *за́вирта* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), *за́вод* и *зазóд* (ср. стр. 398), *за́вязка* (Сл. Нос.), как и в укр., хотя серб. *за̀везка*, как в русск., *за́гадка* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), как и в укр., *за́гозка* и *загóздка* (ср. стр. 399), *загнилы́й* (ср. Ев. 1616 г. од), *за́годзе* (Сл. Нос.), *за́годзя* (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), *задáрма* и *заларма́* (ср. стр. 399), *за́каз* и *захáз* (ср. стр. 399), *захáсциць* (Сл. Нос.), *за́клад* (Мат. Б. № 22 Минск.), при серб. *за́клад*, указывающем на основное *заклáд*, как в русск., *за́клыска* и *заклáдка* (ср. стр. 399), *за́кон* и *закóн* (ср. стр. 399), серб. *за́кон*, укр. *закíн; за́конныкъ* (Ев. 1616 г. 2 рми), *за́конный* (ib. рѯе), *за́крутка* (Сл. Нос.), *за́куска* и *закýска* (ср. стр. 399), как в укр., *за́лизка* (Сл. Нос.), *за́лонь* (ib.), *за́мець* (ib.), *за́молого* (слишком рано) (ib.), *за́мест* (ib.), укр. *замíст, за́низка* (Сл. Нос.), *за́зочно* и *закóчно* (ср. стр. 399), *за́пах* и *запáх* (ср. стр. 399), *за́пусты* (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 6 Диснен., 13 Свенц., 14 Новоалекс., 15 Игум., 31 Вилейск.), *за́пѫсхи* (ib. 8 Игум.) (заговины), *за́сломка* (Мат. Б. № 22 Минск.), как в укр., *заслýгозаць, заслугóзаць* и *заслугоза́ць* (ср. стр. 399), *застáрълый* (Ев. 1616 г. 2се), *за́сором* (Сл. Нос.), *за́стазка* (ib.), как в укр., *застрáшить* (ср. Ев. 1616 г.), *застрéлиць* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), как в укр., *за́сха* (Сл. Нос.), *за́сцежь* (Сл. Нос.), *за́сежка* (Мат. Б. № 8 Игум., 31 Вилейск.), *за́сех* и *засéх* (ср. стр. 399), *за́сечех* (Сл. Нос.), *за́цирка*, как в укр., и *зацúрка* (ср. стр. 399), *за́цишный* и *зацúшный* (ср. стр. 399), как в русск. (ср. Акад. Сл.), *за́тхало* (Сл. Нос.), *за́тха* (ib.), *за́ход* и *захóд* (ср. стр. 399), *за́хыця, захóця* и *захоця́* (ср. стр. 399), *за́чи* (за глаза, Сл. Нос.), *за́чисно, за́чисць* (ощущение приятности, ib.), *за́шлый* (ib.), *защёжка* (Мат. Б. № 13 Свенц., 26 Себеж.), *защéлиць* (ib. № 4 Могил. губ., 31 Вилейск.), *защéмленный*

и *защамлённый* (ср. стр. 399), *за́щепка* (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), как и в некоторых русских говорах (ср. Акад. Сл.).

6) *из-: и́зсержки* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.). Слово не белорусское.

7) *на-: набо́жность, набо́жный* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), как в укр., *нагóрок* (ib. № 23 Минск. губ.), *на́звиско* (Ев. 1616 г. 2сме б), как в укр., *нѝймит* (ib. ѳ), как в укр., *нале́ци* и *налягци́* (ср. стр. 401), *нале́жать* (Ев. 1616 г. иі б), укр. *нале́жати, наня́ты* (Мат. Б. № 8 Игум.), *напе́хти* (ib. № 3 Могил.), *на́перед, напе́ред* и *напере́д* (ср. стр. 401), *на́род* и *наро́д* (ср. стр. 401), укр. *на́рóд* (Галицк., Archiv f. sl. Ph. II, 113), *на́рочко* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), *на́рост* (ib.), *наса́женое* (Ев. 1616 г. лв), *на́схры̑шїй* кв, *на́ўчаны* и *наўченный* (ср. стр. 401), *на́ходка* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), *на́сыпка* (Сл. Нос.), *на́толоком* (Сл. Нос.), *на́толочь* (ib.) *на́тица* (ib), *на́лвъ* (Ев. 1616 г. 2нѕ).

8) *най-: на́йдемося* (Ев. 1616 г. 2 нд б), но *найвыбо́рный* (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 23 Минск.), *найма́ный* (ib. 9 Бых., 31 Вилейск.).

9) *не-: незлоби́вый* (Ев. 1616 г. ла), *нена́вист'* (ib. 2ξ и, ср. кѕ б 2д б) и др., как в укр., *не́прїазнь* (ib. ла б, ср. чи), *не́приятель, неприя́цель* и *неприяце́ль* (ср. стр. 401), *не́прїателька* (ср. Ев. 1616 г. кѕ б).

10) *об-: во́браз* и *абра́з* (ср. стр. 402), *обра́зик* (Мат. Б. № 13 Свенц.).

11) *па-: пагóрок* (Сл. Нос.), *пагу́рак* (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), *па́робок, парóбок* и *паробо́к* (ср. стр. 402), *па́сыдка* и *паса́дка* (ср. стр. 402), хотя в старинных образованиях ударение обыкновенно на *па-: па́серб, па́сербка, па́сербица* (Сл. Нос.).

12) *по-: погóрок* (Мат. Б. № 3 Могил. губ.), *в'по́довжъ* (Ев. 1616 г. ξ'), *по́йзрѣвши* (ib. 2 мг б), *по́йсковати* (ib. ме), *по́жармъ* (ib. лг), хотя в современной живой речи обыкновенно *пожóрм* (Сл. Нос.), *по́жуцье* и *пожу́цьця* (ср. стр. 402), *по́мерли* (Ев. 1616 г. 2 смѳ б), *по́мремо* (ib. 2 рни б), *по́мрѫ̆т'* (ib. ξѳб), *по́нять* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), *по́руква, по́жар*, как в укр. (изредка можно слышать в Новогр. у.), *по́ступокъ* (ср. Ев. 1616 г. 2 ркд, 2 сн, 2 ξѕ б, 2 спа б), как в укр., *по́стѣль* (ib. 2 ли), *по́твара*^{x} (Ев. 1616 г. и), как в укр., при совр. *потво́ра* (Сл. Нос.), *похва́ла* (ср. Ев. 1616 г. ві), полонизм, *по́чет* (Сл. Нос., Ев. 1616 г. ма б), *пое́зд* (Сл. Нос.), *по́след*, как в укр. (Archiv VII, 252).

13) *под-:* pǫ̀dskak (Федер. II, XXVI), ср. укр. *пі́дскок*.

14) *пра-: пра́баба* ср. Ев. 1616 г. рі.

15) *при-: при́говор* (повсеместно), *при́даное* и *прида́ное* (ср. стр. 403), *при́дача* и *прида́ча* (ср. стр. 403), *напри́хлад* [Мат. Б. № 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 18 Витебск., 31 Вилейск. (полонизм naprzykład)], *пры́миж* и *прыме́ж* (ср. стр. 403), *при́нять* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), *пры́пех, пры́печек* (повсеместно), *при́повѣсть* (Ев. 1616 г. ѳ), *при́стоит'* (ib. еі б, лд б, мл), *при́сяга* [Мат. Б. № 22 Минск. губ. (при́сѣга Сл. Нос.)], *при́яцель*, как в южноукр. (Archiv VII, 236), *при́ятель* (Ев. 1616 г. кв б).

16) *про-: прóвыдзины*, *провóдзины* и *проводзúны* (ср. стр. 403), *продáнъ* (Ев. 1616 г. 2 ξг), но *прóдаешь* (Мат. Б. № 22 Минск.), *прóзрѣти* (Ев. 1616 г. 2 рпи б), *прóзрю* и т. д. (ib. 2 рпз), *прокл^ты́й* (кб), prò'rak (Федер. III, 136 Слоним.).

17) *роз-: роздáлъ* (Ев. 1616 г. 2 рξ), *рóзумный* (ib. ср. 2 сξ и), *раскáзни* (Мат. Б. № 31 Вилейск.), *роскáзѳемо* (Ев. 1616 г., мв), *роспáленѳю* (ib. 2 смѳ б), *рóсписка* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.).

18) *у-: не оўйдемо* (Ев. 1616 г. ла, 2тѳі), *улагóдзиць* (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 25 Новогр.), *оўлитозáлъсѧ* (Ев. 1616 г. ѳ), *умéрци* и *умярцú* (ср. стр. 404), *умёр — ўмерла* и *умéрла* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.) и даже *оўмерлà* (Ев. 1616 г. 2рме), *ўчта* (Сл. Нос.).

СОЕДИНЕНИЕ СЛОВ С ПРЕДЛОГАМИ

В русском литературном языке не только предлоги-приставки в словах, сложенных с ними, привлекают на себя ударение, но то же бывает в известных случаях и с предлогами в собственном смысле, когда от них зависят имена существительные и местоимения в том или другом падеже. Как это уже установлено в науке (ср. Р. Ф. Брандт, Акцентология, стр. 35—38), если предлог с зависящим от него словом составляет одно «наречеобразное» выражение, не имеющее после себя определения, то ударение обыкновенно бывает на предлоге, когда от него зависит «гибкое» слово, имеющее в данном падеже ударение на первом слоге. Как можно судить по некоторым наречным выражениям современного белорусского языка, а также по свидетельствам старинных произведений даже XVI в., в нем тоже было передвижение ударения на предлог, но в современных белорусских говорах это явление наблюдается редко, и предлоги большею частью не принимают на себя ударений, как и в украинском языке (Ogonowski, Stud., 230).

Приведу по нескольку примеров на соединение с разными предлогами больше из старинных произведений; из современной речи примеры приводятся лишь тогда, когда ударение бывает на предлоге.

1) *во: в' ночи́ и вóдни* (Ев. 1616 г. 2 счг), *въ вѣжи* (ib. 2 ои), *в' горѳ* (2 сξ в б), как и в совр. речи — *у гару́* (Мат. Б. № 31 Вилейск.), *в' гróбаж* (Ев. 1616 г. 2 рл ѕ), *завóшто* (Мат. Б. № 3 Могил. губ.), где *вóшто* рассматривается, как одно слово и даже ставится в зависимости от нового предлога, *низавóшто* (ib. № 3 Могил., 13 Свенц., 23 Минск., 31 Вилейск.).

2) *до: дó вечера* (Ев. 1616 г. 2н), *дó вѣка* (ib. мв).

3) *за: зá рѳки* и *зá ноги* (Ев. 1616 г. пѕ б), *зáто грóзилъ* (ib. 2 нг б), *нѣзáшто* (ib. ѕ); *уз'áў зá-лоп* (за волосы).

4) *на: нáвѣжи вѣжи̂мъ* (Ев. 1616 г. ки), *нá земли̂ и нáморι* (ib. 2 на; в первом примере даже при отсутствии ударения на начальном слоге), *нá землю* (109б Псалт. XVII в.), otó ná lixo (Клих 40 Новогр.), nà-nacz, nà-nowo (Федер. II, XXVI), *нáльво и̂ нáправо* (Ев.

1616 г. ξг), *на́ нб҃ѣ* (ib. чд б), *на́ небѣ и́ на́ земли* (ib. рли б), *на́ нб҃сехъ* (ib. 2а), *на́ небесе́х* (147b Псалт. XVII в.), *на́ небе* (ib. 107б, 154б), при совр. *на не́би* (Мат. Б. № 3 Могил. губ.), *на не́бя* (ib. 6 Диснен.), *на не́бе* (ib. 8 Игум.), но *на́ небе* (ib. 9 Бых.), *на́'чи* (на очи, Сл. Нос.), *на́ р8ки* (ib. 2 счв б), *на́свѣтѣ* (ib. рмв), хотя слово и не гибкое, *на́то дба́ючи* (ib. ла), *нѣна́што* (ib. мл, причем нѣ — не перетянуло на себя ударения). В словах, не имеющих в белорусском ударения на начальном слоге, обыкновенно ударение на предлог не передвигается: *на вила́х* (Мат. Б. 26 Себеж.), *на горо́ў* (Ев. 1616 г. 2 ѳ), *на лонѡ* (ib. 2 ркз б), na zaŭtrà (Федер. III, 116), *нъ на ко́го* (Ев. 1616 г. 2 рѳ), вероятно, ввиду того, что ударение на *ко́-* вторичное.

5) *надъ — на́тто* (Сл. Нос.).

6) *о: о́ землю* (Ев. 1616 г. о б), *о́што про́сите* (ib. ои).

7) *по: по́земли* (Ев. 1616 г. 2лд), *по́морю* (ib. 2на), *по́тым* (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 13 Свенц., 22 и 23 Минск., 26 Себеж., 31 Вилейск.), *по́том* (= затем, ib. 9 Бых.), *напо́тым* (ib. 4 Могил., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), но и *пато́м* (ib. 13 Свенц.); *даў по́ ўху* (= по физиономии).

8) *при: пры́ смирни ляжыць* (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 31 Вилейск.), *при́ сме́рци* (ib. 6 Диснен., 8 Игум., 11 Новоалекс., 13 Свенц.).

9) *со: зо́сну* (Мат. Б. № 13 Свенц.), *зо́снѡ* (Псалт. XVII в. 149), но *са сну́* (Мат. Б. № 6 Диснен.).

УДАРЕНИЕ В СЛОВАХ СЛОЖНЫХ

Откладывая подробное рассмотрение сложных слов до главы о словообразовании, здесь только в общих чертах коснемся акцентовки их.

1. В словах собственно сложных в восточнославянских языках обыкновенно бывает ударение на коренном слоге второй части (привожу примеры из белорусского языка): *висловў́хий* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), *кирпоно́сы(й)*, *доугомы́зы(й)* (ib. № 10 Мозыр.), *лиходзе́й* (ib. № 11 Новоалекс.), *сухосто́й* (ib. 28 Себеж.), *лихоле́ццe* (Сл. Нос.), *вербало́з* и т. д.

Но бывают и отступления от указанного положения: ударение переходит или на первое слово [*сыро́воджа* (Изв. 188), при *сыроводжа* и *сыровбджа* (ср. стр. 404), *странноло́бны* (Ев. 1616 г. ме б), где первое ударение собственно второстепенное, *одно́масны(й)* (Мат. Б. № 10 Мозыр.), *зло́дзей* (ib. 11 Новоалекс. и другие места под влиянием польского złodziej)], или даже на суффикс второй части, что обыкновенно бывает, когда вторая часть не есть первообразное слово: *долготерпе́ливъ* (Ев. 1616 г. лг б, ср. ib. 2 сг б, ib. ѳ б — слово не народное); любопытно: *белапа́сы* (Мат. Б. № 8 Игум.).

В сложных словах женского рода, оканчивающихся на мягкий согласный, ударение обыкновенно бывает на первом слове, как в русской литературной речи: *ко́новязь*.

2. В словах слитных ударение ставится на первом слове: *вялі́кдзень* (ср. Ев. 1616 г. ps), то же и в произведенном от него имени прилагательном: *вялі́кодный* и *вялико́дный* (ср. стр. 397), *по́лудѐ* (87б Псалт. XVII в.), то же и в живой речи: *ты́нь-трава* (Сл. Нос.), *Дуна́й-река* (Кар. 2 Новогр.), *оба́два, обе́дзве* (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 23 Минск.) и др. Особенно строго выдерживается акцентование первой части в словах, в состав которых входит повелительное: *прэ́йдзі́свет, сарві́дуб, похаці́горо́шах* (ввиду длинноты слова два ударения). Но и тут есть отступления: *свінта́тка* (Мат. Б. № 8 Игум.), *свавóля* (Сл. Нос., Зап. V, 132), *Владими́р* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.).

К сложным словам принадлежат и некоторые числительные. В отношении ударения от русской литературной речи отступают:

адзина́ццаць (ср. Мат. Б. № 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), ср. серб. *једàнаест*, укр. *одина́йцять;*
чатырна́ццаць (Мат. Б. № 22 Минск., 31 Вилейск., ср. Ев. 1616 г. 2ои), ср. серб. *четр̀наест*, укр. *чотирна́йцять;*
ше́сцьдзесят (Мат. Б. № 3 Могил. губ., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 22 Минск., 51 Вилейск.), при серб. *шездѐсе̑т*, предполагающем ударение на конце, укр. *ші́сдеся́ть;*
дзе́вяцьдзисят и **дзевицьдзисят** (Мат. Б. № 31 Вилейск.); серб. *деведѐс̑т* говорит за ударение на последнем слоге.

МЕСТО УДАРЕНИЯ ПРИ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ

В восточнославянских языках, как, вероятно, было и в основном славянском, место ударения очень часто меняется в тех или других формах при склонении и спряжении слов. В древнейшую пору языка, когда глухие (даже конечные) еще произносились и могли иметь на себе ударение, такого разнообразия в акцентовке, какое видим теперь, не было. Но это были очень отдаленные времена, когда об особенностях белорусского языка еще нельзя говорить.

Современный белорусский язык в общем отражает те же чередования в акцентовке склоняемых и спрягаемых слов, что и русский язык, но кое-где видим и отступления, развившиеся большею частью по той или другой аналогии.

МЕНА УДАРЕНИЙ В СКЛОНЕНИЯХ

Имя существительное

Все имена существительные в отношении удержания или мены ударения в именительном падеже распадаются на гибкие и негибкие. Последние, больше производные слова, обыкновенно удерживают ударение на одном и том же месте во всех падежах.

1) Слова мужского рода с основами на *-о* и на *-й*

Некоторые из негибких слов в белорусском языке переменили основное место своего ударения, но все же остались негибкими. Сюда, напр., относятся:

за́ко^{ѫ} (Ев. 1616 г. вi б, бе^{з} за́конѣ ib.);
за́конникъ, за́конника (Ев. 1616 г. 2 рми), за́конникови (ib. 2 рмѳ);
за́ходъ (ср. стр. 399), ѿ в'схо́дѣ и̑ за́ходѣ (Ев. 1616 г. 2зi);
збави́тель, збави́тела (Ев. 1616 г. на б), збави́теле^{м} (131 Псалт. XVII в.);
зло́дѣй (Ев. 1616 г. 2 слг б), зло́дѣеве (ib. ки б);
крестьяни́н, *-и́ну* (Мат. Б. № 22 Минск.);
на́родъ (ср. стр. 401), на́родѡве (Ев. 1616 г. кд б), на́рѡды (ib. 2н), на́роды (99, 128б, 119б Псалт. XVII в.), на́родове (22б ib), на́родѡви (Ев. 1616 г. мг);
не́приятель (ср. стр. 401), не́прїателa (Ев. 1616 г. лз), не́прїатели (ib. кв. б);
по́ступокъ, по́стѹпки (Ев. 1616 г. 2ркд), по́стѹпковъ (2ξs б, 2 сн ib.), по́стѹпками (ib. 2 спа б);
ре́мень, ре́мня (Мат. Б. № 22 Минск. губ.).

Иногда, впрочем, и здесь как будто замечается некоторое чередование: *на́рост — наро́сты* (Мат. Б. № 22 Минск.), *непрыя́цель* (ср. стр. 401) — *неприяце́ли* (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), хотя здесь можно видеть и полонизм, *горо́х — горохи́*, как в укр. (Archiv VII, 337).

Обращаясь к гибким словам, рассмотрим их в следующем порядке:

1. Слова, переносящие ударение на конечный слог, начиная с родительного единственного числа: *ме́ч — меча́ — мечи́* и т. д. В двусложных падежных окончаниях (*-ови, -ове, -ами*) ударение, конечно, бывает на предпоследнем слоге. Лишь в звательном падеже некоторых слов ударение подвигается к началу: ѿ бога́чѣ (Ев. 1616 г. 2 рнз б), kawàlu, kawalèńku (Федер. II, 174 Волков.), *по́не* (Шейн Б. П. № 561 Витебск.), *во́ўче* (Дыб. 201 послов.).

В словах рассматриваемого типа старинная акцентовка обыкновенно сохраняется на своих местах, напр.:

балоўни́к, *-ка́, -ки́, -о́ў* (Мат. Б. № 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс. и др.);
багаты́р, *-ра́, ры́, ры́о́ў* (Мат. Б. № 10 Мозыр., 13 Свенц.);
бога́ч, *-ча́* (Ев. 1616 г. 2 ркѳ);
боро́к, *-ки́, -ко́в* (Мат. Б. № 18 Витебск.);
маладзе́ц, *-ца́, цо́м* (Мат. Б. № 31 Вилейск.);
моты́ль, *-ля́* (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 31 Вилейск.);
хрыбе́т, *-ты́* (Мат. Б. № 13 Свенц.);
ячме́нь, *-ня́, -ню́* (Мат. Б. № 13 Свенц., 14 Новоалекс., 22 Минск.); мн. ч. *ячмени́*.

В подражание таким чередованиям естественно возникли и новообразования, отчасти находящие для себя аналогию и в русских, а также украинских говорах, напр.:

бара́н, *-на́, -ны́, -о́ў* (Мат. Б. № 22 Минск.);

балва́н, *-на́, -ны́, -о́ў* (Мат. Б. № 8 Игум., 9 Бых. и др.), но и *балва́на* (ib. № 28 Себеж.), *балва́ны* (№ 13 Свенц.);

берло́г, *-га́*, как в укр. (Archiv VII, 342);

во́ўк, *-ка́, -ки́, -ко́ў* (повсеместно);

вапе́рь, выпря, *-рю́* (Мат. Б. № 18 Витебск.);

коршу́н, *-на́, -ны́* (Мат. Б № 13 Свенц., 22 Минск. и др.);

перу́н, *-на́, -ну́* (гром) (Мат. Б. № 22 Минск.);

помочни́къ, *-ка́* (Ев. 1616 г. кв);

ра́к, *-ка́, -ки́, -ко́ў, -а́ми* (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск. и др.), даже зват. rakù (Федер. I, 175), но и *ра́ка, ра́ки, ра́коў* (Мат. Б. № 9 Бых., 13 Свенц.);

сто́г, *-га́, -ги́, -го́ў* (повсеместно), как в укр. (Archiv VII, 333), за что говорит и серб. *сто̀г, сто̀га* (Карадж.);

це́сць, цисьця́ (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 26 Себеж. и др.), но *те́стя* (ib. 9 Бых.);

хле́в, *-ва́, -во́м, -ве́* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.);

чайни́к, *-ко́м* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.).

Среди слов рассматриваемого типа нередки и те или другие отступления от старины, существующие часто рядом с правильными формами, отчасти уже отмеченными раньше, напр.:

баловни́к, *-ни́жи* (Мат. Б. № 26 Себеж.);

блу́дникъ, блу́дника (Ев. 1616 г. si);

встыдъ, встыдо^{м} (127, 157б Псалт. XVI в.);

гри́б, гри́ба́, гри́бу, гри́бом (Мат. Б. № 22 Минск.);

гро́ш, гро́ша (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 22 Минск.), гро́ши (деньги, ib. № 3 и 4 Могил., 23 Минск., 31 Вилейск. и др.); гро́шей (ib. 22 Минск.), гро́шаў (31 Вилейск. и др.);

жи́дъ, жи́да (Ев. 1616 г. 2па б);

зло́сникъ, зло́сникѡмъ (дат. п. мн. ч.) (Ев. 1616 г. ξи);

коне́ц, ко́нца в выражении *бяз ко́нца*, напр. в стихотворении «Вецер» в рифму *бяз со́нца;*

лове́цъ, ло́вца (род. п. ед. ч.) (Ев. 1616 г. 2рз);

олта́рь, до о̀лтара (Ев. 1616 г. 2 рче);

по́кут, у поку́це и у пакуце́ (Мат. Б. № 31 Вилейск.);

по́стъ, по́стомъ (Ев. 1616 г. о б, 2сое, в' по́стѣ ib. лг);

пру́т, пру́та (Мат. Б. № 8 Игум., 11 Новоалекс., 31 Вилейск., но и пруто́ ib.);

са́дъ, са́ды (112 Псалт. XVII в.);

сто́лъ, з' сто́лѳ (Ев. 1616 г. кз б);

су́дъ, сѳ́да (Ев. 1616 г. ни), сѳ́дѳ (ib. ркз б), соу́дѳ (ib. 2 ог б), су́ды (110б Псалт. XVII в.);

те́лец (как в укр.), те́льца (вин. пад.) (114 Псалт. XVII в.);
тру́дъ, трꙋ́дꙋ (Ев. 1616 г. а);
хрыбе́т, храбе́ты (Мат. Б. № 13 Свенц.);
ча́съ, ча́сы (8, 115 Псалт. XVII в. — полонизм?);
язы́к, язы́кым (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), при языко́м (ib. № 8 Игум., 9 Бых., 13 Свенц. и т. д.), языки (иностранные) (ib. № 3 Могил.) при языки́ (часть тела), языкꙋ (120б Псалт. XVII в.);
ячмень, *-ме́ня* (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), как в укр. (Archiv VII, 338).

Не без влияния акцентования последнего слога в косвенных падежах кое-где в Белоруссии появляется у слов мужского рода именит. падеж на *-о:* его глазо́ причиняеть суроцы (Мат. Б. № 18 Витебск.), особенно в собственных именах: Jankò (Федер. I, 118 Рось), Змитро́ (Мат. Б. № 9 Бых., 10 Мозыр., 17 Речицк.); иногда *-о* бывает и помимо ударения: Зми́тро (ib. № 23 Минск., 26 Себеж.), źbią mocno ùdo (Федер. III, 68 Сокольск.), о чем подробнее в морфологии.

2. Слова, переносящие ударение на конечный слог, начиная с именительного падежа множественного числа: *да́р — дары́ — дарóв.* Приведем несколько примеров:

бра́т, *-ты́*, *-тóў* (Мат. Б. № 4 Могил., 10 Мозыр. и др.);
ду́х, *-хи́* (во всех значениях) (Мат. Б. № 3 Могил. губ., 11 Новоалекс., 26 Себеж., Федер. I, 15 — duchiè zlyje);
ле́д, *лёду*, *лады́*, как в укр. (Archiv VII, 334), ср. серб. *лѐд*, *лѐда;*
ле́с, *-сы́* (Мат. Б. № 3 Могил. губ., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 31 Вилейск.);
о́браз (и обра́з), *-зы́*, *-зóў* (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.);
сто́г, *-ги́* (Мат. Б. № 3 Могил. губ.);
су́д, *-ды́*, *-дóў* (Мат. Б. № 8 Игум., 11 Новоалекс., 23 Минск.);
сы́нъ, зват. пад. сы́нꙋ (Ев. 1616 г. нв), сыны́ (ib. ѳ);
сы́р, *-ры́* (Мат. Б. № 9 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 23 Минск.);
со́кол, *-лы́*, *-ўóў* (Мат. Б. № 10 Мозыр.);
це́бар, *-ры́*, *-рóў* (ушат).

В подражание таким случаям, где старинная акцентовка удерживается на своих местах, возникли и новообразования:

дзе́д, дзяды́, дзядóў (Мат. Б. № 4 Могил. губ. 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск. и т. д.);
оре́х, арахи́, арахóў (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 10 Мозыр.) и т. д.;
па́н, *-ны́*, *-нóў* (Мат. Б. № 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр. и т. д.);
за́яц, зайцы́, *-цóў* (Мат. Б. № 22 Минск. губ.).

Отступления от старины, рядом с правильными формами, представляют следующие случаи:
да́ръ, да́рωвъ (Ев. 1616 г. 2 рнд б);

бра́тъ, бра́тѡвъ (Ев. 1616 г. 2s б);

до́лгъ, род. п. долго́ (Ев. 1616 г. 2ξг);

ду́х, ду́ху, ду́хи; ду́хоў (Мат. Б. № 13 Свенц.[1]), дѯхи (108 пс. XVII в.);

дзе́д, дзе́доў (Мат. Б. № 13 Свенц.[1]);

ме́д, мядо́м (Шейн Б. II. № 6 Лепп.);

мо́лот,- *то́м* (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск., малату́, малаце́ ib.);

па́н, *-на́* (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 23 Минск., на^{x} па́ны 156 Псалт. XVII в.);

у́с, у́сы, у́сов (Мат. Б. № 22 Минск.), как в укр. (Archiv VII, 326);

czór ł, czartу́ [при czèrci (Федер. II, XXVI)]; czartu̯òu [при czòrtau̯ (ib. XXVII)];

czás, czasòm (старое ударение, свидетельствующее об акцентовании окончания; Соболевский, Лекции[4], 274), czasòma [при czásam (Федер. II, XXVII)];

dół, dòłach [при dału̯òch (Федер. II, XXVII)];

dwor, dwòrau̯ [при dwaròu̯ (Федер. III, 137 вын.)].

3. Слова, переносящие ударение на конечный слог, начиная с родительного падежа множественного числа: *воўж — ваўхо́ў*. Относящихся сюда примеров однако мало:

wûu̯k, wûu̯ki [Федер. III, 137 вын., ср. ib. II, XXVII при wau̯kì, wau̯ku̯òu̯ (ib. II, XXVII) при wu̯òu̯kou̯];

обу́х, обу́ха, обухӯо́ў (Мат. Б. № 10 Мозыр.).

Чаще слова этого разряда вследствие аналогии косвенных падежей множественного числа переносят ударение на последний слог и в именительном множественного числа и даже в косвенных падежах единственного числа; таковы, напр., слова:

бӯо́г, бо́га, бога́, богӯо́ў (Мат. Б. № 10 Мозыр.), бо́г, *-ги́* (11 Новоалекс., 22 Минск., 31 Вилейск.), богѝ (76 Псалт. XVII в.); всими богѝ (98, 100б, 156 ib.), как в укр. (Archiv II, 120);

воўк, *-жа́*, *-жи́*, (-ке́, -кӣэ́), *-ко́ў* (Мат. Б. № 4 Могил., 6 Диснен., 9 Бых., 26 Себеж., 31 Вилейск. и др., отчасти раньше указанные); межи волкѝ (Ев. 1616 г. 2а б), межи во$^{\wedge}$ка́ми (ib.).

у́голь и уго́ль, *-ля́* (Мат. Б. № 3 и 4 Могил. губ., 13 Свенц., 14 Новоалекс., и др.), угли́ (обычно) при ву́гли (Мат. Б. № 13 Свенц.).

Подражание в акцентовке именительному множественного числа представляют формы:

в' гро́баѫ (Ев. 1616 г. 2рлs);

мѯжами (Ев. 1616 г.), зват. ед. ч. му́жу (Шейн Б. II. № 534 Борис.) следует ударению косвенных падежей ед. ч.

[1] Наблюдения производились, повидимому, над грамотным лицом.

4. Особый разряд представляют слова, переносящие ударение на окончание в косвенных падежах обоих чисел; ударение на корне бывает только в именительном единственного и множественного числа: *ко́нь — коня́ — ко́ни — коне́й*. В белорусском языке я не могу указать слов, которые бы в своей акцентовке вполне следовали указанной схеме; обыкновенно бывают отступления в ту или другую сторону, напр.:

ко́нь, *-ня́*, ко́ни, ко́ней, на ко́нях и т. д. (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 18 Витебск. и др.), как в укр. (Archiv II, 120), коня́, *-не́ў*, ко́ньми (Мат. Б. № 31 Вилейск.), зват. ко́ню (Зап. V, 125);

крамéнь и кре́мень, *-ня́*, *-ни́* (Мат. Б. № 13 Свенц.), при кре́миня кре́мня и т. д. (ib. 11 Новоалекс., 18 Витебск. и др.);

***кур,** ку́ры, куре́й (Мат. Б. № 26 Себеж.), ку́ры, *-ро́ў*, ку́рам (ib. 31 Вилейск.).

Сюда же принадлежит изменившее старое общерусское ударение: **окýнь** — окуня́ Шейн Б. П. № 8 Лепп.

5. Отдельно должен быть рассматриваем разряд существительных мужского рода, имеющих в именительном множественного числа ударение на окончании *-а́: го́лос — голоса́*. И самая форма на *-а́* и ударение в именительном множественного на окончании у этих слов в русском языке должны быть рассматриваемы как новообразование. В белорусском языке окончание *-а* не привилось, однако акцентование конечного слога в таких словах исключительно господствует, напр.:

бе́рег, берега́ [Мат. Б. № 3 Могил. (бераги́), 6 Диснен. (бяряги́), 11 Новоалекс. (бираги́), 26 Себеж. и др., как в укр. (Archiv II, 120)];

бо́к, боки́ (Мат. Б. № 3 Могил.);

во́лос, волосы́ (Мат. Б. № 22 Минск.);

го́лос, голосы́ (Мат. Б. № 18 Витебск.);

го́род, городы́ (Мат. Б. № 3 Могил. губ., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 26 Себеж., 31 Вилейск.);

пи́сар, писары́ (Мат. Б. № 7 Минск.);

по́лоз, полозы́, как в укр. (Archiv VII, 343).

Отступления в этом разряде редки и составляют часто особенности отдельных памятников или говоров:

вѣ́къ, въ вѣ́ки, на́вѣки (Ев. 1616 г. ки, 2 ои);

го́лосъ, го́лосиⷭ̀въ (Ев. 1616 г. лг б);

цвѣ́тъ, цвѣ́тѡвъ (Ев. 1616 г. 2 si).

2) Слова среднего рода с основами на *-ŏ*

Гибкие слова среднего рода в отношении ударения распадаются на два разряда: одни, выдерживая ударение на окончании в единственном числе, во множественном переносят его на корень (слова двусложные) или вообще на второй слог от конца (слова трехсложные, отчасти из

прежних двусложных с восточнославянским полногласием); другие, имея в единственном числе ударение на корне, во множественном переносят его на окончание. Слова мужского рода на *-о* по месту ударения не отступают от слов среднего рода.

Белорусский язык, вообще говоря, следует выставленным положениям, как можно видеть из примеров:

1. **ба́цька,** *-кі́*, *-ко́ў* [Мат. Б. № 4 Могил., 10 Мозыр. (ба́цько, *-кўо́ў*), 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.];
войско, *-кі́* (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), войска́ (ib. 26 Себеж.), *-ко́ў* (ib. 15 Игум., 28 Себеж.);
жи́то, *-та́* (повсеместно);
ле́то, *-та́* (Мат. Б. № 3 Могил. губ., 11 Новоалекс.);
сло́во, *-ва́* (Ев. 1616 г. 2 рна).

Немногочисленные отступления объясняются аналогией акцентования единственного числа:

во́йски (им. мн.) (Мат. Б. № 13 Свенц., 15 Игум.), во́йска (им. мн.) (ib. 28 Себеж.);
дро́ва (им. мн.) (Мат. Б. № 22 Минск. губ., Шейн Б. П. № 91 Диснен.), дро́вы (Зап. V, 238);
ле́ты (им. мн.) (Мат. Б. № 3 Могил., 11 Новоалекс., Зап. V, 256),
ле́та (им. мн.) (ib. 3 Могил.), пяць ле́тоў (ib. 31 Вилейск.);
мо́ра (им. мн.) (Шейн Б. П. № 91 Диснен).

2. Правильные чередования представляют:

ведро́, вю͡о́дра (Мат. Б. № 10 Мозыр.), ве́дры (ib. 31 Вилейск.), ве́драми (ib. 11 Новоалекс., 23 Минск.);
акно́, во́кна, во́кнаў (Мат. Б. № 7 Минск.).

И здесь имеются отступления, вызванные действием аналогии, напр.:
видра́ми (Мат. Б. № 18 Витебск., 26 Себеж.), вядзе́р (ib. 31 Вилейск.);
лица́ свои́ (Ев. 1616 г. ки б);
sieḫuo̯u и sio̯ɫau̯ (Федер. II, XXVII).

Слова многосложные гибкие, число которых вообще невелико, в отношении места ударения следуют двум выставленным разрядам:

1. **воро́та** (Ев. 1616 г. лѳ б), но в живой речи обыкновенно *воро́та* (Шейн Б. П. № 143, то же в Псалт. XVII в. 130б), *воро́ты* (Шейн Б. П. № 97, д. 75 Городок., Мат. Б. № 11 Новоалекс., 13 Свенц., 26 и 28 Себеж.. 31 Вилейск.), *варо́тами, у варо́тах* (ib.);
боло́то, *-та́* (Мат. Б. № 22 Минск.), как в укр. (Archiv VII, 354);
до́лото и **долото́** (ср. стр. 398) мн. ч. образуют к тому и другому: *долоты́*, *-бу́* (Мат. Б. № 15 Игум.); доло́ты (ib. № 26 Себеж.);

о́блако, аблаки́ (Мат. Б. № 8 Игум., 14 Новоалекс.). Формы с ударением на начальном слоге [о́боло́ки (Мат. Б. № 3 Могил. и 31 Вилейск.), вобла́ки (13 Свенц.) и даже обло́ки (ib. 11 Новоалекс.) восходят к слову м. рода о́блак];
о́зеро, ózieга (им. мн.) (Федер. I, 169) подражает ед. числу.
2. **Молоко́, моло́ки** (Мат. Б. № 4 Могил., 9 Бых., 15 Игум.).

3) Слова женского рода с основами на *-ā*

1. Двусложные слова, имеющие ударение на конце, в именительном и винительном падежах множественного числа обыкновенно переносят ударение на корень; по необходимости оно на корне и в родительном множественного числа; в белорусском языке на корне ударение часто и в звательном падеже единственного числа. Винительный единственного числа обыкновенно имеет ударение на конце. Примеры:

буда́ *-ду́*, **бу́ды** (Мат. Б. № 11 Новоалекс.);
ви́лы, на вила́х (Мат. Б. № 26 Себеж.);
града́, *-ду́*, гра́ды [Мат. Б. № 4 Могил., 8 Игум., 10 Мозыр., 31 Вилейск., 26 Себеж. (гридá — гря́ды)];
рака́, *-ку*, ре́ки (Мат. Б. № 4 Могил., 8 Игум., 31 Вилейск.);
свеча́, све́чи (Шейн Б. П. № 14 Лепп.);
смола́, *-лу́* (Мат. Б. № 23 Минск., 31 Вилейск.);
Θωма́ (Ев. 1616 г. prі б, зват. над. Θώмо ib. prі).

От указанного правильного чередования имеются отступления в разные стороны. Отметим:

а) Подражательное образование:

дума́, *-му́* (Мат. Б. № 4 Могил., 11 Новоалекс., 22 и 23 Минск., 25 Новогр. и др., мн. ч. ду́мы ib. 26 Себеж.).

б) Именительный единственного числа по ударению подражает именительному множественного:

до́шка (ср. стр. 360), до́шки, дашо́к (Мат. Б. № 8 Игум., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск. и т. д.);
пло́тва (ib. 22 Минск.);
смо́ла (ib. 13 Свенц.).

в) Косвенные падежи множественного числа подражают именительному: мо́лбахъ (Ев. 1616 г. 2тка б).

г) Именит.-винительный множественного подражает именительному единственного числа: войны̆ (Ев. 1616 г. 2ξ и б).

2. Особый раздел составляют двусложные слова, переносящие с окончания ударение на корень не только в именительном множественного, но и в винительном единственного числа, как в лит. žẽmá — žẽmą. Напр.:

зима́, зи́му, зи́мы (Мат. Б. № 10 Мозыр.);
коса́, ко́су, ко́сы (Мат. Б. № 13 Свенц.).

Но, вообще говоря, случаи акцентования винительного на корне почти не встречаются в белорусском языке; они все подражают словам первого разряда, имеющим ударение на *-у*, напр.:

верба́, *-бу́*, ве́рбы (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 22 и 23 Минск. и др.);
вода́, *-ду́*, во́ды (Мат. Б. № 3 Могил., 11 Новоалекс., 23 Минск., 26 Себеж., 31 Вилейск.);
веха́, *-ху́*, ве́хи (Мат. Б. № 10 Мозыр., 13 Свенц., 11 Новоалекс. и др.);
гора́, *-ру́*, го́ры (Мат. Б. № 4 Могил., 9 Бых., 26 Себеж. и др.), на гороу̀ (Ев. 1616 г. 2ѳ), в' горѹ̀ (ib. 2 с҃в б);
губа́, *-бу́*, гу́бы (Мат. Б. № 26 Себеж., 31 Вилейск.);
душа́, *-шу́*, ду́ши (Мат. Б. повсеместно), д'ѹ́шѣ наши (Ев. 1616 г. кд);
земля́, *-лю́*, зе́мли (Мат. Б. повсеместно);
зима́, *-му́*, зи́мы (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.);
коса́, *-су́*, ко́сы (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.);
нога́, *-гу́*, но́ги (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.);
роса́, *-су́*, ро́сы (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск. и др.);
рука́, *-ху́*, ру́ки (Мат. Б. № 4 Могил., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.);
соха́, *-ху́*, со́хи (Мат. Б. № 4 Могил., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 23 Минск. и др.).
сцена́, *-ну́*, сце́ны (Мат. Б. № 4 Могил., 11 Новоалекс., 23 Минск.);
цена́ *-ну́*, це́ны (Мат. Б. № 4 Могил., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 18 Витебск.).

Так же акцентуются и те слова, которые в именительном имеют вторичное ударение на окончании:

дочка́, *-ку́*, до́чки (Мат. Б. № 8 Игум., 11 и 14 Новоалекс., 18 Витебск., Ев. 1616 г. нд б и т. д.), дочо́к (Мат. Б. № 26 Себеж.);
цыцка́ *-ку́*, цы́цки, цы́цок и цыцо́к (Мат. Б. № 3 Могил. губ.).

Иногда здесь бывает и винительный с накоренным ударением, но в таких случаях возможен и именительный с ударением на предпоследнем слоге; вследствие этого бывает трудно решить, имеем ли мы дело с передвижением ударения, или нет, напр.:

гу́ба, гу́бу, гу́бы [Мат. Б. № 13 Свенц., 31 Вилейск. (на гу́бе) и др.];
ве́рба, ве́рбу, ве́рбы (Мат. Б. № 13 Свенц., 28 Себеж. и др.).

Может быть, сюда относятся:

пресвѣ́тлѹю за́рѹ (Ев. 1616 г. 2 с б).

Именительному мн. ч. подражает:

з **но̀гами** (Мат. Б. № 31 Вилейск.).

Новообразование в акцентовании: z rie̯kò̯u̯ (Федер. I, 155).

3. В остальных падежах множественного числа в рассматриваемых разрядах существительных ударение обыкновенно бывает на окончании. Но есть разряд слов, когда и в остальных падежах множественного числа ударение удерживается на корне, напр.:

судздзя́, су́дздзи, су́дздзям и т. д.

И здесь отступления возможны: трава́ми (Ев. 1616 г. ои б).

4. Слова трехсложные, ставшие таковыми в восточнославянских языках вследствие полногласия, и немногие по своей огласовке похожие на них, имея в именительном единственного ударение на конце, в винительном единственного и именительном множественного числа могут акцентовать первый коренной слог, реже предпоследний: впрочем, винительный единственного чаще сходен с именительным. Примеры:

борода́, бо́роду, бо́роды, бору́́бд (Мат. Б. № 10 Мозыр. и др.); вин. на бо́рода (154 Псалт. XVII в.), бороду́ (Мат. Б. № 4 Могил., 9 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц. и т. д.); им. мн. борбды (Мат. Б. № 4 Могил., 9 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 15 Игум., 23 Минск., 26 Себеж.).

Именительному множественного подражают другие падежи:

баро́дами, а барбдах (Мат. Б. № 31 Вилейск.);
борозна́, бо́розны (Ев. 1616 г. 2 рлз, 2 ке);

голова́, го́лову, го́ловы, голу́́бу́ (Мат. Б. № 10 Мозыр., 13 Свенц., 24 Минск.); вин. гылаву́ (ib. 4 Могил.), галаву́ (ib. 31 Вилейск.); им. мн. галбвы (Мат. Б. № 4 Могил., 31 Вилейск., 7 Минск., 26 Себеж. и др.); им. мн. ч. подражают другие падежи: галбвам (31 Вилейск.);

сирота́, си́роты, си́ротам (Мат. Б. № 22 Минск.), си́рота (8б Псалт. XVII в.), сирота́ми (ib. 121).

5. Слова негибкие, обыкновенно имеющие ударение на корне и во всяком случае не на окончании, в русском литературном языке и во множественном числе не меняют места ударения. В белорусском языке изредка и здесь возможно передвижение ударения на конечный слог, что обычно в украинском языке (Ogonowski, Stud. 225). Примеры:

булавки́ (Мат. Б. № 18 Витебск.);
majè **karawỳ** paduòj (Федер. I, 87 Слоним.), wyhaniaci karawý u pole (ib. 346 Волков.), karawỳ pryhnàu (ib. II, 294 Волков.), karawàm (ib. 298); обычно корбвы;
на нива́х (Мат. Б. № 26 Себеж.), обычно ни́вы;
ба́бухна, бабухна́ў (Мат. Б. № 8 Игум.);
за́пусты, запу́ст (Мат. Б. № 13 Свенц.), рядом с за́пустоў (ib. 15 Игум., 17 Речицк.);
гра́бли, грабе́ль, как в укр. (Archiv VII, 372).

Интересное чередование встречаем в Ев. 1616 г. ѳі: блудни́ца — блѣдницы.

Слова двусложные, имеющие ударение на начальном слоге (paroxytona), если они принимают в именительно-винительном множественного числа звук *-е* (*-ѣ*), всегда имеют ударение на конечном слоге: **хвалю́ жанке́** (Дмитр. П. и Ск. Вильн. № 82 Новогр.), **дзя˘ке́** (ib. № 137 Новогр.).

4) Слова мужского и женского рода с основами на *-ĭ*

Здесь бывают негибкими только слова многосложные с ударением на конечном слоге. Но в белорусском языке, как отчасти мы уже видели, многие из таких слов передвинули ударение к началу и все же остались негибкими, напр.:

бо́ѧзнь, бо́ѧзни (Ев. 1616 г. ла б, ві б);
до́броть, до́брoти (Ев. 1616 г. рлв б, 2ма);
ла́скавость (Ев. 1616 г. кѕ), ла́скавости (и б);
не́прꙗзнь (Ев. 1616 г. ла б), з' не́прꙗ^{ѕ}ни (чи).

В предложном слове *ненависть* ударение передвинуто в другую сторону, но оно все же не стало гибким:

нена́вист' (Ев. 1616 г. 2 ξ и), нена́висти (ib, кѕ б, 2дб), нена́вист'ю (ib. л б).

Слова односложные обыкновенно бывают гибкими, причем ударение

а) или падает во всех падежах на конечный слог, как в именах числительных на *-ть:*

пя́ць, *-ця́, -цью*; двана^{ѧ}цати́ (Ев. 1616 г. 2 мѕ).

Даже белорусские новообразования акцентуются по-старому:

пяцёх; пат'ма́ хлѣ́бами (Ев. 1616 г. 2 мѕ);

б) или стоят на конечном слоге, кроме творительного:

кро́ў, *-ві́,* кро́ўю (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 8 Игум., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 31 Вилейск. и др.).

В подражание образованиям негибким в единственном числе здесь возможны и отступления:

ў кро́ви (Мат. Б. № 23 Минск.), в' кро́ви (115б Псалт. XVII в.);

в) или в единственном числе и именительном множественного числа стоит на корне, а начиная с родительного множественного переходит на конечный слог; у некоторых из относящихся сюда слов и в местном единственного ударение бывает на конечном слоге. Приведем для примера несколько из относящихся сюда случаев с соответствующими отступлениями:

по грязи́ (Шейн Б. П. № 495 Лепп.);
пере^{ѧ} две́рми (Ев. 1616 г. на б);

дзе́ци, дзяце́й, дзиця́м (Мат. Б. № 4 Могил., 31 Вилейск., 23 Минск.), но дзе́цям (11 Новоалекс.);

жа́ль, у жалю́ (Мат. Б. № 23 Минск.), у жа́лю (6 Диснен., 31 Вилейск.), у жа́ли (ib.);

лю́дзи, *-дзя́м* (Мат. Б. № 22 Минск.), людзём (Шейн Б. П. № 217 Лепп., 338, Э. С. 257 Ржев., Зап. I, 471), но лю́дзем (Зап. V, 219), лю́дзем (Зап. I, 383), лю́дзях (Зап. V, 230);

но́чь, но́чи, ў но́чи, ночы́ (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 8 Игум., 23 Минск., 31 Вилейск.); тут же отметим наречие *ў ночу́* (Мат. Б. № 23 Минск., 31 Вилейск.), подражающее, вероятно, *в ночи́*, напр.: в' ночи́ (Ев. 1616 г. 2счг, 2н б) u̯ naczу̀ (Федер. I, 23 Волков.), но в' но́чи (Ев. 1616 г. 2 н), ѿ полно́чи (135 б Псалт. XVII в.);

пе́чь, пе́чи, на пе́чи, печы́ [Мат. Б. № 3 Могил. губ., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск., Шейн Б. П. № 73 Город. (ў пе́чи)];

ре́чь (в смысле польск. rzecz): двѡхъ ре́чїи (Ев. 1616 г. i, ср. ib. 2тѕ), всѣмъ ре́чамъ (ib. ка͡ б);

сме́рць, при сме́рци (Мат. Б. № 6 Диснен., 8 Игум., 11 Новоалекс., 13 Свенц.);

се́ни, сянём (Шейн Б. П. № 591 Лепп.), сянёх (ib. 57 Витебск.), но ў се́нях (Зап. V, 264).

5) Слова с основами на согласные

1. Слова среднего рода с основами на *-ен-* в именительном единственного числа чаще представляют новейшее передвижение ударения на конец:

имя́, ймя́, при более редком и́мя (ср. стр. 400). К нему и косвенные падежи часто образуются с новым ударением: йме́ни (Мат. Б. № 23 Минск.), ѝме́ни (110 Псалт. XVII в., 99, 147 ib.), име́ня (Мат. Б. № 31 Вилейск.), даже *дла̀ и̂мени̂ е̂го* (Ев. 1616 г. рмв); но и формы правильные в отношении ударения также встречаются: и́мяни, имяны́ (Мат. Б. № 8 Игум.), и́меня (Бесс. Б. П. 152);

племя́ (Мат. Б. № 7 Минск., 18 Витебск., 31 Вилейск.).

По оттяжке ударения к концу слова́ на *-мя́*, вероятно, подражают существительным на *-ѧт-* (ср. Archiv VII, 228).

2. Слова среднего рода с суффиксом *-ent-* (*-ѧт-*) имели в именительном падеже и в других ударение на этом суффиксе; но в белорусском языке возможно и передвижение ударения на корень, напр.:

быдля̀ (55 Псалт. XVII в.);
во́ўча (Мат. Б. № 31 Вилейск.);
же́рыбя при жырыбя́, жеребя́ (ср. стр. 398);
о̀сля̀ (Ев. 1616 г. ч б);
це́ля и циля́ (ср. стр. 404).

В белорусском акцентовании подобных слов продолжается то колебание, которое было, вероятно, еще в основном славянском языке, и до сих пор не завершилось в одну какую-либо сторону (Archiv VII, 228).

3. Из слов с суффиксом *-ес* отметим:

на́ нб҃сехъ (Ев. 1616 г. 2а);

о́ко: наречные выражения — **увоччу́** (дв. ч. оуню) (Мат. Б. № 9 Бых., 15 Игум.), **увоччи** (ib. № 13 Свенц.), падежи мн. ч.: **ѡчамъ** (Ев. 1616 г. 2 мв), **переѫчима́** (31б Псалт. XVII в.), **вочьми́** (Зап. I, 274);

у́хо: **в оу҃шѹ** (= оушню) **мои́хъ** (Ев. 1616 г. 2 см б), **оу҃хамъ** (ib. рѳ б).

Имя прилагательное

По отношению к ударению замечательны только краткие формы, так как в полных (членных) ударение во всех падежах остается неподвижным, будет ли оно древнее или развившееся на белорусской почве (ср. стр. 411). Однако имеем:

горло́вэй, *-а́я, -о́я* (Мат. Б. № 18 Витебск.);

мя́хкий, *-а́я, -о́е, -и́я* (Мат. Б. № 13 Свенц.), хотя здесь можно видеть и влияние также известной белорусам огласовки мяхкі́й (ср. стр. 401);

прокла́ты (Ев. 1616 г. мв), но **проклато́ю** (ib. мв б), **проклаты́й** (ib. к б), **проклаты́хъ** (ib. кг).

Но вообще, встречая в старинных и современных белорусских произведениях полные формы имен прилагательных в косвенных падежах с тем или другим ударением, мы должны предполагать и именительные с таким же ударением. Вот еще несколько встретившихся нам случаев с необычным ударением:

вто́рой смерти (Ев. 1616 г. ві б), **вто́рое** (ib., ri), как в укр.;
гро́бовыи (127б Псалт. XVII в.);
зе́мныи (104 Псалт. XVII в.), **зе҃ныи** (105б ib.), как в укр.;
мало́му (Мат. Б. № 31, ср. Ев. 1616 г. кв б), **мало́е** (ib. 2 чд, **малы́ю** ib. н);
мѣ́дяныe (117б Псалт. XVII в.), как в укр., где мі́дяний;
на́гого (Ев. 1616 г. лд б), как в укр.;
недостато́чному (163 Псалт. XVII в.);
о҃гне́ное (Ев. 1616 г. 2 спб б), ср. укр. огне́нний;
о҃свобо́женомѕ (Ев. 1616 г. зі);
про́стого (97 Псалт. XVII в.), как в укр.;
ро҃змнѕю (Ев. 1616 г. 2 с ξи);
роспа́ленѕю (Ев. 1616 г. 2 смѳ б);
strasznàja (Федер. I, 5 Слоним., ср. укр. стра́шний);
ра ciełòm świeci (Федер. I, 152, ср. укр. ці́лий);
оу҃зко́ою доро́гою (Ев. 1616 г. 2 ов, ср. укр. узки́й);
шо́стого (Ев. 1616 г. ма и повсеместно).

Относительно кратких форм имен прилагательных в белорусском языке следует помнить, что с ними часто совпадают упрощенные посредством слития гласных полные формы (ср. наш «Обзор звуков...», стр. 116—120) и что в белорусском вообще краткие формы прилагательных даже в роли сказуемого малоупотребительны; когда в народных произведениях они встречаются, то акцентуются как в русском языке, отражающем праславянское чередование (ср. лит. géras, gerà), вследствие чего их и легко отличить от стянутых форм, напр.:

весела́ (Зап. V, 191);

го́лосно (Мат. Б. №№ 23 Минск., 31 Вилейск.), вторичное краткое образование голосно́ (ib. 3 Могил.), но голо́сно (ib. 6 Диснен., 11 Новоалекс.) — сокращенная форма полного прилагательного;

гырячо́ и **го́рячо** (ср. стр. 397) — нечленные (краткие) прилагательные, но горя́ча (Мат. Б. № 14 Новоалекс., 18 Витебск., 28 Себеж.) — членная сокращенная форма;

добра́ ночь (Шейн Б. П. № 313), но до́бра (113 Псалт. VII в.);

до́рога (128б Псалт. XVII в.);

зелена́ (Зап. V, 191);

по́лна есть (136 Псалт. XVII в.) — форма стянутая;

солодка́ (Шейн Б. П. № 386), сло^{л}ко (Ев. 1616 г. 2рξi);

убрана́ (Шейн Б. П. № 98);

хороша́ (Шейн Б. П. № 6 Лепп.).

Наречия на *-о*, образованные от имен прилагательных на *-ы́й*, развивших ударение на последнем слоге впоследствии, как и в украинском языке (Archiv II, 124), имеют ударение на предпоследнем слоге: сле́по, глу́хо.

Даже в мужском роде, где нечленная форма уже по своему окончанию отличается от членной, тоже возможны колебания в месте ударения:

вято́х — вита́х при ве́тох (ср. стр. 397);

до́бир — до́бер, при добёр (ср. стр. 398). Серб. до́бар говорит за древность ударения на корне.

Местоимение

Акцентовка местоимений и некоторых имен числительных, изменяемых по местоименному склонению, представляет, особенно в старинных произведениях, несколько редких случаев, которые пока трудно подвести под определенные формы. Кое-где можно видеть украинское влияние. Эти отступления от русской литературной речи, да в большинстве случаев и от живого белорусского произношения, следующие:

ѡ ме́не (Ев. 1616 г. мд б), ѡ се́бе (ib. ξв), с передвижением ударения к началу, как и в укр., после предлогов (Ogonowski, Stud. 230), но менѐ (104б Псалт. XVII в.), как в совр. белорусск. речи;

весь: всею дꙋшею, всéю мыслїю (Ев. 1616 г. 2 пг), переѫ всѣмѝ (ib. кв. нв), межи всѣмѝ сваты (ib. чз);

его и т. д.: зáвтра 'еѝ до пéчи в'кидáют' (Ев. 1616 2ai), до нéго (ib. ξs);

и́нный (Мат. Б. № 4 Могил., 11 Новоалекс., 22 и 23 Минск.), инны́й (ib. № 13 Свенц.);

кто: нѣ на кóго (Ев. 1616 г. 2р), никóго (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), никóму (ib. 11 Новоалекс., 13 Свенц., 31 Вилейск.);

мой: моéго (Ев. 1616 г. 2сое б), как диалектно в укр. (Archiv III, 407), но неизвестно живой белорусской речи;

ния́кий: ния́кого (Мат. Б. № 11 Новоалекс.);

оба́два — обéдзве (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), абýдвы (ib.);

один: ꙉдинꙋ (лодью) (Ев. 1616 г. 2 рд);

сам — самый: самóга (Мат. Б. № 4 Могил., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 22 и 23 Минск., 31 Вилейск.), самóго (111 Псалт. XVII в.), при самогó (Мат. Б. № 9 Бых.); самóму (ib. № 22 Минск.); сáмо то (Ев. 1616 г. ξа б);

наѫ самы́й (Ев. 1616 г. 2ξ б), самы́й тѣла (ib., пѳ), самóе сꙋмнее (ib. кд б);

свой: своéмꙋ (Ев. 1616 г. 2 сг б, полонизм?);

сей: не на симѝ (Ев. 1616 г. ре), неизвестное живой речи; А. И. Соболевский (Лекции[4], 275) подобные образования считает древними, находя параллели и в Чуд. Нов. Завете (ср. раньше — всѣмѝ); ни да сёга (Мат. Б. № 31 Вилейск.);

такóвый: такóвогожъ (Ев. 1616 г. ла);

той: дла тóго (Ев. 1616 г. нв б, ib. рке б), за тымѝ (ib. рни б), нитóга, нитóму (Мат. Б. № 31 Вилейск.);

что: ни да чóга (Мат. Б. № 4 Могил., 31 Вилейск.), ничóго (126б Псалт. XVII в.), но ни чагó (Мат. Б. № 13 Свенц.), нѣзáшто (Ев. 1616 г. s), низавóшто (Мат. Б. № 3 Могил., 13 Свенц., 23 Минск., 31 Вилейск.), ни́што (114б Псалт. XVII в.).

Мена ударений в спряжении

Глаголы, как и имена существительные, в отношении ударения распадаются на негибкие, остающиеся таковыми во всех формах, и на гибкие. К старым негибким формам, носящим общерусский характер, прибавились и новые негибкие с вторично перенесенным ударением. И среди гибких глаголов в белорусском языке явилось несколько новообразований. Вообще же в белорусском языке, как и в русском, передвижение ударения в гибких глаголах начинается со 2-го л. единственного числа, причем неопределенное, 1-е л. ед. ч., повелительное наклонение, прошедшее на *-л* имеют сходное ударение, а 2-е и 3-е л.

единственного и 1-е, 2-е и 3-е л. множественного числа имеют передвинутое ударение. В передвижении ударения обнаружились и некоторые местные отличия на белорусской почве.

Неопределенное

Об отступлениях в акцентовании неопределенного уже было говорено в разных местах раньше. Хотя бы в неопределенном и было передвинуто ударение впоследствии, однако от него не отступают в этом отношении 1-е л. единственного числа, повелительное и прошедшее на *-л*. Отметим несколько более редких случаев постановки ударения в неопределенном:

заслугова́ць — заслугу́ю (Мат. Б. № 31 Вилейск.), но заслу́говаць — заслу́гую (ib. № 9 Бых.);

ме́шкать: ме́шкали (117 Псалт. XVII в.), ме́шкаю (71б ib., 101б ib.);

налягці́ (Мат. Б. № 31 Вилейск.), налягні́ (ib. № 13 Свенц.);

повѣда́ти (Ев. 1616 г. ои), повѣда́ю (ib. ξ);

показа́ти — покажѣ́мо (Ев. 1616 г. и б);

празнова́ти (Ев. 1616 г. рг б), празну́ете (ib. рд);

прылягці́ — прилягу́ (Мат. Б. № 13 Свенц.);

про́зрѣти (Ев. 1616 г. 2рпи, б), про́зрю, про́зри, про́зрѣлъ (ib. 2 рпз);

сиве́ць (Мат. Б. № 13 Свенц., 14 Новоалекс., 31 Вилейск.), сиве́ю (419 ib. 6 Диснен.);

ста́ратисѧ (Ев. 1616 г. 2чs), ста́рает'сѧ (ib. пб), ста́ралисѧ (ib. лв. б.);

стра́шить (ср. стр. 419) — стра́шу (Мат. Б. № 25 Новогр.).

Отступления от совпадения ударения неопределенного и 1-го л. настоящего редки или больше кажущиеся:

злова́ць — злу́ю, злуе́ (Мат. Б. № 7 Минск.), но и злу́е, хотя в последнем можно видеть и полонизм.

Настоящее время

О перемене места ударения в настоящем времени можно говорить только относительно глаголов гибких. Число их в белорусском не меньше, чем в русском языке. Сюда принадлежат больше глаголы типа писа́ть—пишу́—пи́шешь, а также хвали́ть—хвалю́—хва́лишь, терпе́ть—терплю́—те́рпишь. Вот несколько таких глаголов для примера:

говору́ — гово́рыш (говорю́ — гово́рышь) (Мат. Б. № 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 22 и 23 Минск., 26 и 28 Себеж., 31 Вилейск.); ср. серб. *гдвориш;*

галаси́ць — гало́сишь (Мат. Б. № 11 Новоалекс.);

змогу́ — змо́жам (Мат. Б. № 10 Мозыр.);

(**обновлю́**) — обно́вишъ (109б Псалт. XVII в.);

чиню́ — нечи́нѧтъ (Ев. 1616 г. 2ти), чи́нѧтъ (ib. 2ла);

одержу́ — о́дéржимо (Ев. 1616 г. 2 ркз б);
смалю́ — сма́лиш (Мат. Б. № 10 Мозыр.);
(**сужу́**) — су́дитъ (8 Псалт. XVII в.).

Отчасти по аналогии подобных образований, отчасти же по памяти о старине явились примеры вроде нижеследующих:

(**грешу́**) — грѣ́шимо (Ев. 1616 г. ei), грѣ́ша̃ (ib. л б);
(**грожу́**) — гро́зитъ (Ев. 1616 г. i);
(**краду́**) — кра́детъ (Ев. 1616 г. 2 ξг);
(**наверну́ся**) — наве́рнет'ca (Ев. 1616 г. ѳ б), се ве́рнꙋ̃ (108 Псалт. XVII в.);
(**нагорожу́**) — нагоро́ди̃ (Ев. 1616 г. 2ткв б);
(**отверну́**) — ѿве́рнетъ (Ев. 1616 г. кг);
(**ототну́**) — ѡто́тнетъ (62 Псалт. XVII в.); но ототне́ш (Мат. Б. № 15 Игум.);
(**пложу́**) — пло́дꙋ̃ (97 Псалт. XVII в.);
(**пилну́ю**) — пи́лнꙋ̃ю (147б Псалт. XVII в.);
помести́ть — поме́стишься (Мат. Б. № 22 Минск.);
пости́ть — по́стишъ (Ев. 1616 г. ки б), по́стишься (Мат. Б. № 22 Минск.), по́стите (Ев. 1616 г. ки б);
прости́ть — про́стишь (Мат. Б. 22 Минск.);
роди́ть — ро́дишь (Мат. Б. № 22 Минск.).

В некоторых случаях передвижение ударения к началу произошло, повидимому, уже в неопределенном. Так, хотя есть неопр. балова́ць (ср. стр. 396), а наст. вр. ба́лую, прош. ба́ловаў (Мат. Б. № 25 Новог.), пов. накл. ба́луй (ib.), но эти последние формы могли возникнуть при неопр. ба́ловаць (ср. стр. 396), выго́нит' (Ев. 1616 г. 2 мзб) к неопр. *выго́нить.

Встречаются и противоположные случаи удержания ударения в глаголах гибких во 2-м и следующих лицах на том же слоге, что и в неопределенном, вместо передвижения его к началу (как и в украинском языке, ср. Ogonowski, Stud. 227), напр.:

дзержа́ць — дзержи́шь (Мат. Б. № 22 Минск.), не держи́тъ (Ев. 1616 г. ла б);
кра́сци — краду́ — крадзе́ш, как в укр. (Ogonowski, Stud. 227);
могчи́ — могу́тъ (Ев. 1616 г. 2 ч б);
терпе́ть — терпи́тъ (Ев. 1616 г. 2с б), терпа̀тъ (ib. ві, оа, б).

Особенно распространено передвижение ударения к концу в следующих случаях:

а) во 2-м л. единственного числа глаголов бессуффиксных (повсеместно):

о́повѣ́сѝ (Ев. 1616 г. мд б);
дасѝ (Ев. 1616 г. ξѳ), даси́ (Бесс. Б. П. 26);
еси́ (=ѣси́, Зап. V, 124);

б) в 1-м л. множественного числа на *-мо* в тех местностях, где это окончание известно (как в укр. Ogonowski, Stud. 227): беремѡ̀ (Ев. 1616 г. 2роа б), вп҃ademѡ̀ (ib., гі), дрижимѡ̀ (ib. лз), зовемѡ̀ (ib. м), йдемѡ̀ (ib. ои), оживемѡ̀ (ib. пз), ѿдамѡ̀, принесемѡ̀ (ib., чи б), простимѡ̀ (ib. ла), плывемѡ̀ (ib. 2 нд), оу҃покоримѡ̀ (ib. и б), чтимѡ̀ (ib. ѯб).

Но в аналогичных случаях иногда и не бывает ударения на конце: ѿпо́стимо (Ев. 1616 г. ла), оу҃ка́жемо (ib. и б), сорóмѣ́имо (ib. гз б), спѣ́шимо (ib. 2нд б);

в) во 2-м л. множественного числа, как и в укр. (Ogonowski, Stud. 227): idziecìè (Федер. I, 21), идете́ (Мат. Б. № 22 Минск.), йдете́ (Ев. 1616 г. 2чи б), взете́ (Мат. Б. № 22 Минск.), стоице́ (Шейн Б. П. № 207 Лепп.), ядзице́ (Дм. П. и Ск. Вильн. № 147 Новогр.), дасьце́;

г) частица *-ся* в настоящем времени часто притягивает к себе ударение: останусь, *-ётся* (Мат. Б. № 22 Минск.); ѡ҃крести́тесѧ (Ев. 1616 г. ои).

Но в прошедшем на *-л* такой выдвижки ударения никогда не бывает: назва́у҃ся, узя́у҃ся и т. д. (как и в укр.: Ogonowski, Stud. 231).

На передвижение ударения к началу, часто даже в глаголах негибких, оказывает влияние предлог или приставка, напр.:

у҃зя́ць — во́зьмешь (Мат. Б. № 24 Минск.), во́змет҃ъ (Ев. 1616 г. нѳ б);
войти́ — во́йдет҃ъ (Ев. 1616 г. 2слг б);
замолча́ть — мы замо́лчимо (Ев. 1616 г. и б);
запрѣ́тисѧ себѣ̀ (Ев. 1616 г. ѯ г б) — за́притъ себѣ̀ (ib. нѳб);
зайти́, найти́ и т. д. — за́йдешь, на́йдешь, по́йдешь и т. д. (Мат. Б. № 22 Минск.), на́йдемосѧ (Ев. 1616 г. 2 нд б);
належа́ти — нале́житъ (Ев. 1616 г. 2 си б, 2сое б);
отпусти́ти — ѿпо́ститъ (Ев. 1616 г. ла);
подкопова́ти — по҃ко́пу҃ютъ (Ев. 1116 г. ки б);
помере́ти — по́мремо (Ев. 1616 г. 2рни б), не по́мру҃т҃ (ib. ѯѳ б);
пристоя́ти — при́стоит҃ (Ев. 1616 г. лд б, мд еı б);
росказова́ти — роска́зу҃емо (Ев. 1616 г. мв);
распорошова́ти — роспоро́шу҃ет (ib. віб);
уйти́ — не оу҃йдемо (Ев. 1616 г. ла, 2 тѳı).

Противоречит приведенным примерам:

оповѣ́да́ет҃ (Ев. 1616 г. кг).

Любопытны случаи передвижения ударения с корня на суффикс в настоящем времени, если только не произошло этого передвижения в неопределенном, напр.: ца҃ру҃ет҃ъ (102 Псалт. XVII в.), даже ѡ҃бе҃та́ет҃ъ (119 ib.) (если это не описка).

Прошедшее на *-л*

Следует различать два разряда форм прошедшего: у одних глаголов они бывают с неподвижным ударением, у других с подвижным. Первые во всех родах и числах имеют ударение на том же слоге,

что и в неопределенном, хотя бы в последнем на белорусской почве произошло отступление от старины. Примеры: подво́дил, перево́дил, наво́дила, отво́дила (Мат. Б. № 22 Минск.) (обыкновенно, впрочем, ударение на *-и-*), вы́слуховалъ (102б Псалт. XVII в.), вы́слухива^{ѧ} (116б ib.), выслу́халъ (130б ib.), розвя́за^{ѧ} (105б ib.), ѡзн'ами́лъ (106б, 113б), по́крила (113б. ib); отво́зили, приво́зили, подво́зили (Мат. Б. № 22 Минск.), гро́зилъ (Ев. 1616 г. 2 нг б), запло́дило (ib. 2 сѯз б), застра́шил' (ib. і), застре́лил (Мат. Б. № 22 Минск.) (но и застрали́ў), и́каў (ib. 13 Свенц.), ки́дал, ки́дала (ib. 22 Минск.), нале́жалъ, нале́жало (Ев. 1616 г. иі б ib. лв б), насме́шил (Мат. Б. № 22 Минск.) (но и насмяши́ў), ѳде́ржалъ (Ев. 1616 г. лѳ пг), ѳде́ржала (ib. рле б), ѳздоро́вѣлъ (ib. 1616 г., рмд б), ѳчисти́лъ (ib. 2к, совр. *ачи́сциў*), погле́дим, огле́делся (Мат. Б. № 22 Минск., обыкн. *-дзи́м*, *-дзе́ўся*), приближи́лсѧ (Ев. 1616 г. ѳ), присвои́ли (ib. кз, оба слова ненародные), ско᷍чи́лъ (ib. 2 спг б, обыкн. *ско́нчиў*), вско́чил, соско́чил (Мат. Б. № 22 Минск.), захо́дил, дохо́дило, нахо́дили, выхо́дило (ib.).

Прошедшие времена гибкие обыкновенно меняют ударение в женском и среднем роде единственного числа и во множественном числе, как нечленные имена прилагательные. По наблюдению Я. К. Грота («Филологические розыскания», т. I, 1885, стр. 363), наичаще подвижное ударение у тех прошедших на *-л*, которые происходят от глаголов, имеющих в неопределенном ударение на суффиксе *-ти*. В белорусском языке часто замечаются отступления от русского в пользу акцентования последнего слога во множественном числе и отчасти в среднем роде. Возможны также, под влиянием ударения мужского рода, отступления и в другую сторону: передвижение ударения к началу на один слог. Иногда предлог-приставка притягивает на себя ударение. Таким образом:

а) Вместо общерусского типа *бы́л—была́—бы́ло—бы́ли* имеем (отчасти как и в укр.: Ogonowski, Stud. 228):

бы́ў, *-ла́*, *-ло́*, *-ли́* (Мат. Б. № 9 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц.), было̀ (Ев. 1616 г. ѳ, ib., лд), byłò (Федер., I, 4 Слоним.), збыла̀ (Ев. 1616 г. лд), были́ (102б Псалт. XVII в., 129б ib., 135 ib., 148 ib., 161 ib.);

ўзя́ў, *-ла́*, *-ло́*, *-ли́* (Мат. Б. № 9 Бых., 11 Новоалекс., 24 Минск.), взалѝ (Ев. 1616 г. р б, ib. 2 рмѕ);

(**да́ў**, *-ла́*, *-ло́*) — дали́ (Мат. Б. № 22 Минск.);

(**жи́ў**, *-ла́*, *-ло́*) — жилѝ (Ев. 1616 г. кв, ма, чи 2зб), о̀жи́лъ (ib. ѳ);

(**нача́ў**) — начали́ (Мат. Б. № 3 Могил., Бых., 11 Новоалекс.);

(**пи́ў**) — пилѝ (Ев. 1616 г. 2аі).

Но есть и отклонения отчасти в пользу старины, отчасти под влиянием разных аналогий: бы́ла (Мат. Б. № 22 Минск.), взя́ло (ib. 24 Минск.), ўзя́ли (ib. 13 Свенц., 14 Новоалекс.), да́ла, пода́ла (ib. 22 Минск.), нача́ли (ib. 3 Могил., 13 Свенц., 14 Новоалекс.), почали (115 Псалт. XVII в.).

б) Вместо основного типа: *вёл—вела́—вело́—вели́*, где в предложных глаголах ударение может переходить на начальный слог, имеем (далеко, впрочем, не повсеместно): занесла, перенесли (Мат. Б. № 22 Минск.), не пасли (Ев. 1616 г. ме), померли (Ев. 1616 г. 2сое, 2смѳ б), не пꙗналѝ (Ев. 1616 г. 2 кѳ б), понялѝ (Ев. 1616 г. 2 csı б), почалѡ̀ (Ев. 1616 г.), почалѝ (ib. лд, Мат. Б. № 3 Могил.), приняла (Мат. Б. № 22 Минск.), приналѝ (Ев. 1616 г. ки б), продалѝ (Мат. Б. № 22 Минск.), прозрѣлъ (Ев. 1616 г. рм), роздалъ (Ев. 1616 г. 2рξ), оумеръ (Ев. 1616 г. ѳ), оумерла̀ (ib. 2 рме), умёр, умерла и умерла, умерлѝ (Мат. Б. № 22 Минск.), оунялѝ (Ев. 1616 г. лг).

В прошедших односложных, соединенных с предлогами-приставками, в живой речи (как и в украинском языке: Ogonowski, Stud. 230—231) ударение обыкновенно не переносится на приставку.

Деепричастия и причастия

Деепричастия настоящего времени обыкновенно имеют ударение на *-чи:* блꙋвачѝ (Ев. 1616 г. рі б), боючи́сѧ (Зап. I, 268), веселачи́сѧ (ib. 2д, 2че б), выдаючи́ (108б Псал. XVII в.), глядзючи́ (Шейн Б. П. № 238 Лепп.), гледзючи́ (Зап. V, 181), дрижачи́ (Ев. 1616 г. 2 рмв), живꙋчѝ (ib. ѳ), йдꙋчѝ (ib.), лежачѝ (ib. 2 лг), мстачѝ (ib. 2 лs), стоачи́ (ib. s), сидзючи́ (Зап. V, 75); но есть случаи и постановки ударений на корне: грѣшачи (Ев. 1616 г. ла), кончачи (ib. 2 смѳ б), мовачи (ib. s), млачиса (ib. 2рѳ б), боль'гꙋючи (ib. 2ѳ), седачи (ib. нв), ходзячы (Дыб. 295 Посл.), ходꙗчи (138б Псалт. XVII в.), хотачи и хотачѝ (Ев. 1616 г. 2иі б, 2ѳı). Деепричастия с ударением на *-чи*, несходные с русскими, обыкновенно совпадают с украинскими (Ogonowskı, Stud. 228).

Причастия настоящего времени больше подражают ударению 1-го л. настоящего времени, но есть и отступления. Причастия живой речи неизвестны, попадаются они больше в старинных произведениях. Вот несколько примеров: блꙋдачихъ (Ев. 1616 г. ме б), бо́ячихъ (ib., 2 рчв б), висачїй (ib. 2сѳі), входачїи (ib. 2 слд), лов'ꙗчи (148 Псалт. XVII в.), похо́дачее (Ев. 1616 г. ві), даючого (ib. 2 рпи б), дыхаючї ѝ (ib. ка), ратꙋючи (117б Псалт. XVII в.).

Деепричастия прошедшего времени в ударении больше подражают неопределенному: выстыўши, застыўши (Мат. Б. № 31 Вилейск.), вытагнꙋвши (Ев. 1616 г. 2 рд)., кидавши (ib. о б), пойзрѣвши (ib. 2мг б), постивши (ib. лг б), приближи́вшиса (ib. 31 б), рогнѣвиши (ib. еі б).

Неопределенному большею частью подражает в ударении и причастие прошедшего времени страдательного залога: вывышо́ны (100б Псалт. XVII в.), выбавени (20 ib.), вытрачени (110 ib.), завстыжени (137 ib.), наклонени (151 ib.), наполнены (109б ib.), ꙋнижо́ны (117 ib.), ꙋтиснены (128 ib.), прировнаны (28б ib.), постановлены (147 ib.), выбраны (101б ib.), выбраны (114б ib.), но: выбраны (Мат. Б.

№ 8 и 15 Игум.), вы́конаномъ (Ев. 1616 г. рмг б), высыпа́на (ib. мд), зара́женого (ib. 2рн б), зме́неный (Мат. Б. № 4 Могил., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), накры́шены(й) (Мат. Б. № 4 Могил., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), напбўнены (Мат. Б. № 8 Игум.), но: наполне́на (109 Псалт. XVII в.), наса́женое (Ев. 1616 г. лв), отве́дено, прове́дена (Мат. Б. № 22 Минск.), писо́ны (Отч. 4 Новоалекс.), поте́мнены (Ев. 1616 г. 2cos б), преслѣ́дованъ (ib. рв), прода́нъ (ib. 2ѯг), ро́жденный (ib. 2рпѳ), розлў́чены (ib. кг б), ре́чено (ib., 2 счs), оўпита́нного (ib. зі), прина́ты (ib. и б), наня́ты (Мат. Б. № 8 Игум.).

Неизменяемые части речи

Опуская те из них, которых мы уже касались в других местах, здесь отметим для примера некоторые отступления в ударении от русской литературной речи и особые образования.

але́ (Мат. Б. № 8 Игум.), але́бо (ib. № 3 Могил.), али́ (ib. № 4 Могил.);

ве́льми, ве́лми (8, 107б 128б Псалт. XVII в.), но: велмѝ (Ев. 1616 г. еі б);

взаччу́ (Мат. Б. № 13 Свенц.);

ўчо́ра (Мат. Б. № 4 Могил., 11 Новоалекс., 23 Минск.), ўчо́рых (ib. 4 Могил.), учо́рах (11 Новоалекс.), пазаўчо́ра, пазаўчорых (ib. 31 Вилейск.), вчора̀ (Ев. 1616 г. чѳ);

доку́л же (8б Псалт. XVII в.);

е̂сли (Ев. 1616 г. кѳ), как в укр. (Archiv III, 400);

за́годзя (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.);

зда́лека (Ев. 1616 г. 2рои б), но: здале́ка (159б Псалт. XVII в.);

йначе́й (Ев. 1616 г. мв б);

в' ко́ротце (Ев. 1616 г. ли б);

na zau̯trà (Федер. III, 116);

напо́тым (Мат. Б. № 4 Могил., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.);

наўмы́сля (Мат. Б. № 11 Новоалекс.);

на́мѣ (Ев. 1616 г. 2 нs);

нико́ли (Мат. Б. № 11 Новоалекс.);

отто́гды (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 31 Вилейск.);

в' по́довжъ (Ев. 1616 г. ѯ);

понева̂жъ (Ев. 1616 г. s б);

су́мно (Мат. Б. № 7 Минск.);

тудыма, тудо́ма и тудома́ (Мат. Б. № 29 Новогр.);

умы́сля (Мат. Б. № 4 Могил., 11 Новоалекс.); умы́сня (ib. 13 Свенц., 18 Витебск.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

АКАДЕМИК ЕВФИМИЙ ФЕДОРОВИЧ КАРСКИЙ

(БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА)

Евфимий Федорович Карский родился 1.I.1861 г. (по новому стилю) в семье учителя начальной школы села Лаша, Гродненской губ. и уезда. Белорус. Окончив Нежинский историко-филологический институт в 1885 г., где занимался под руководством известного слависта-лингвиста Р. Ф. Брандта, Е. Ф. Карский начинает преподавательскую деятельность сначала в средней школе — в Виленской гимназии — и лишь спустя восемь лет в высшем учебном заведении — в Варшавском университете (с 1.II.1893 г.; с 26.VI.1894 г. — в качестве профессора).

Научная деятельность Е. Ф. Карского началась еще в годы учения в Нежинском институте. 24.X.1893 г. Е. Ф. Карский защитил диссертацию на степень магистра русского языка и словесности, а 9.XI.1896 г. — докторскую диссертацию. За свои научные труды был удостоен в 1894 г. Русским географическим обществом большой золотой медали, избран в 1896 г. в члены Археографической комиссии Московского археологического общества. В 1898 г. Е. Ф. Карский был избран членом-корреспондентом Общества любителей древней письменности, награжден в том же 1898 г. Академией наук золотой медалью им. Батюшкова. В 1901 г. выдающемуся ученому-лингвисту присуждается малая Ломоносовская премия, в том же 1901 г. он был избран в члены-корреспонденты по Отделению русского языка и словесности Академии наук. В 1910 и 1913 гг. Е. Ф. Карский награжден премиями Батюшкова и Ахматова. В варшавский период своей научно-педагогической деятельности пользовавшийся всеобщим уважением ученый был избран в 1905 г. ректором Варшавского университета и переизбран в 1908 г. (в 1910 г. подал в отставку). С 1.I.1905 г. Е. Ф. Карский редактировал «Русский филологический вестник» (по 1917 г. включительно, когда журнал прекратил существование), сыгравший большую роль в деле развития русской лингвистической науки, в методике преподавания русского языка. 8.X.1916 г. Е. Ф. Карский был

избран в академики, и вся его дальнейшая деятельность связана с Петроградом. Е. Ф. Карский был членом правления и президиума АН СССР, директором Музея этнографии и антропологии АН СССР, председателем Словарной комиссии и Комиссии по русскому языку, членом комиссии «Наука и научные работники», редактором «Известий Отделения русского языка и словесности АН СССР» (с 1920 г.), «Известий по русскому языку и словесности», «Известий Комиссии по русскому языку», профессором Петроградского университета и членом Научно-исследовательского института при университете. 9. I. 1929 г. Чешская Академия наук избрала Е. Ф. Карского действительным членом Чешской АН.

Умер Е. Ф. Карский в Ленинграде 29. IV. 1931 г.

СПИСОК ГЛАВНЕЙШИХ ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА Е. Ф. КАРСКОГО[1]

1. Белорусские песни села Берёзовца Новогрудского уезда Минской губернии. — «Русский филологический вестник»[2], т. XII, 1884; т. XIII, 1885.
2. Обзор звуков и форм белорусской речи. М., 1885 (извлечено из т. X «Известий Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко» в Нежине).
3. Два новые источника для изучения белорусских говоров. Белорусский сборник Е. Романова, т. I. Киев, 1886. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. II. Шейна. Т. I, ч. I. СПб., 1887. — «Журнал Министерства народного просвещения»[3], октябрь, 1887.
4. Грамматика древнего церковно-славянского языка сравнительно с русским. Вильна. 1888. Издание последнее, 19-е, 1917.
5. Белорусские песни деревни Новосёлок-Затрокских Виленской губернии Трокского уезда. — «РФВ», т. XXI, 1889.
6. О суффиксах в русских словах типа *теленок, Васенька, рученька, беленький.* — «РФВ», т. XXII, 1889.
7. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. II. Шейна. Т. I, ч. II. СПб., 1890. — ЖМНП, ноябрь, 1890.
8. К истории звуков и форм белорусской речи. Варшава, 1893 («РФВ», т. XXIII, XXIV, XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX, XXX, 1890—1893).
9. К вопросу о разработке старого западнорусского наречия. Библиографический очерк Вильна, 1893. Труды предварительного комитета по устройству IX археологического съезда в г. Вильне.
10. Два памятника старого западнорусского наречия: 1) Лютеранский катихизис 1562 г. и 2) Католический катихизис 1585 г. — ЖМНП, август, 1893.
11. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. II. СПб., 1893. — ЖМНП апрель, 1894.
12. О языке так называемых литовских летописей. Варшава, 1894 (из «Варшавских университетских известий», № II и III, 1894).
13. Отчет о научных занятиях в библиотеках С.-Петербурга, Москвы и Вильны в течение летних месяцев 1895 г. — «Варшавские университетские известия», № VII, 1895.
14. Особенности письма и языка Мстиславова евангелия. — «РФВ», т. XXXIV, 1895.
15. Русские наречия *домой, долой.* — «Известия Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко» в Нежине, т. XV, № XI, 1895.
16. Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII вв. Варшава, 1896.

---

[1] Полная библиография трудов Е. Ф. Карского дана в статье академика Б. М. Ляпунова «Очерк жизни и деятельности академика Е. Ф. Карского». — «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», № 3, 1932.

[2] В дальнейшем употребляем сокращенное наименование — «РФВ».

[3] В дальнейшем — ЖМНП.

17. Программы для собирания особенностей говоров. III. Программа для собирания особенностей говоров белорусского наречия. Издание Отделения русского языка и словесности. СПб., 1897 (перепечатано во II томе «Известий Отделения русского языка и словесности» [1]). Изд. 2-е. Пг., 1916.
18. Из лекций по славянской кирилловской палеографии в Варшавском университете. Варшава, 1897 (из «РФВ» за 1896 — 1897 гг.).
19. Западнорусский сборник XV в., принадлежащий Гос. Публичной библиотеке, Q. I. № 391. Палеографические особенности, состав и язык рукописи. — «Известия ОРЯС», т. II, 1897.
20. Западнорусское сказание о Сивилле-пророчице по рукописи XVI в. Текст сказания его состав и язык. Варшава, 1898. (из «Варшавских университетских известий», № II, 1898).
21. Отчет о научных занятиях в библиотеках Москвы, Троице-Сергиевой лавры и Слуцка в течение летних месяцев 1898 г. — «Варшавские университетские известия», № IX, 1898.
22. Особенности письма и языка рукописного сборника XV в., именуемого Летописью Авраамки. — «Варшавские университетские известия», № III, 1899.
23. П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. I, ч. I, СПб., 1887; т. I, ч. II, СПб., 1890; т. II, СПб., 1893. Отчет о первом присуждении премий П. Н. Батюшкова. — «Записки АН по Ист.-филол. отд.», т. IV, № 1, 1899.
24. О влиянии поэтической деятельности А. С. Пушкина на развитие русского литературного языка. — «РФВ», т. XLII, 1899.
25. Надпись Самуила 993 г. — «РФВ», т. XLII, 1899.
26. Очерк славянской кирилловской палеографии (из лекций, читанных в Варшавском университете). Варшава, 1901 (переиздан в 1913 г., в 1915 г.).
27. Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII в. Варшава, 1901. Изд. 2-е, Варшава, 1902. Изд. 3-е, Варшава, 1912.
28. К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие. (В сборнике статей, посвященных Ф. Ф. Фортунатову. Варшава, 1902).
29. Два новых сборника белорусских сказок. (О книгах Романова и Федеровского). — ЖМНП, октябрь, 1902.
30. Митрофан Алексеевич Колосов. Из истории русского языковедения. — «РФВ», т. L, 1903.
31. Белорусы, т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. С приложением двух карт. Варшава, 1903.
32. К вопросу об издании снимков с древнейших русских грамот. — «Варшавские университетские известия», № IV, 1904.
33. Листки Ундольского, отрывок кирилловского евангелия XI в. Фототипическое воспроизведение текста и исследование письма и языка. Издание ОРЯС, СПб., 1904.
34. К вопросу о реформе русской орфографии. — «РФВ», т. LII, 1904.
35. Отчет о поездке в Белоруссию в 1903 г. — «Известия РГО», т. XLI, вып. IV, 1905. Отд. оттиск — СПб., 1905.
36. Малорусский Луцидарий по рукописи XVII в. Текст, состав памятника и язык. — «Варшавские университетские известия», т. IX, 1905.
37. Белорусы, т. II. Язык белорусского племени. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава, 1908.
38. Памяти А. С. Будиловича (биография и характеристика ученых трудов с портретом). — «РФВ», т. LXI, 1909.
39. Значение Н. В. Гоголя в истории русского литературного языка. — «РФВ», т. LXI, 1909.
40. Белорусы, т. II. Язык белорусского племени. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии. Варшава, 1911.
41. Значение М. В. Ломоносова в развитии русского литературного языка. Речь в торжественном собрании Варшавского университета 13 ноября 1911 г. — «РФВ», т. LXVII, 1912. — «Варшавские университетские известия», 1912.

---

[1] В дальнейшем — «Известия ОРЯС».

42. Белорусы, т. II. Язык белорусского племени. 3. Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки. Варшава, 1912.
43. Архангельское евангелие 1092 г. По поводу издания Румянцевского музея (Москва, 1912). — «РФВ», т. LXIX, 1913.
44. Белорусы, т. III. Очерки словесности белорусского племени. 1. Народная поэзия. М., 1916.
45. Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917. Из «Трудов Комиссии по изучению племенного состава населения России», 2. Переиздана в 1918 и в 1920 гг.
46. Белорусы, т. III. Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западнорусская письменность. Пг., 1921.
47. Белорусы, т. III. Очерки словесности белорусского племени. 3. Художественная литература на народном языке. Пг., 1922.
48. А. А. Шахматов как историк русского языка. — «Известия ОРЯС», т. XXV, 1922.
49. К столетию со дня выхода «Institutiones» И. Добровского. 1822—1922. — «Известия ОРЯС», т. XXVII, 1922.
50. Русская диалектология. Л., 1924.
51. Заслуги И. В. Ягича в изучении старославянского и русского языков. — «Известия ОРЯС», т. XXVIII, 1923.
52. Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области. — «Известия ОРЯС», т. XXIX, 1924.
53. Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР. — «Сборник ОРЯС», № CI, 1926.
54. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
55. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. — «Известия ОРЯС», т. II, кн. 1, 1929.
56. К истории белорусского языка в XVII столетии. — «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», т. III, кн. 1, 1930.
57. Червенский говор (из белорусской диалектологии). — «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», т. III, кн. 1, 1930.
58. Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава. Изд. АН СССР, Л., 1930.

ЛИТЕРАТУРА О Е. Ф. КАРСКОМ

1. Акад. Б. М. Ляпунов. Очерк жизни и деятельности академика Е. Ф. Карского. — «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», № 3, 1932.
2. В. И. Борковский. Академик Е. Ф. Карский. — «Ученые записки Ярославского пединститута», вып. 5, 1945.
3. Мікалай Лобан. Вялікі беларускі вучоны. — «Беларусь», № 10, 1945.
4. В. И. Борковский. Евфимий Федорович Карский. — «Русский язык в школе» № 1, 1951.
5. В. И. Борковский. Е. Ф. Карский как историк русского языка и палеограф 1861—1931). — «Известия АН БССР», 4. Июль—август, 1951.
6. М. А. Жидович. Е. Ф. Карский как историк белорусского языка. Там же.
7. Ю. Ф. Мацкевич. Е. Ф. Карский как диалектолог. Там же.
8. В. Вольский. Академик Е. Ф. Карский как историк белорусской литературы. Там же.
9. М. Я. Гринблат. Е. Ф. Карский как белорусский этнограф. Там же.
10. «Карский, Евфимий Федорович» — статья в БСЭ, изд. 2-е, т. 20, стр. 256.

ИССЛЕДОВАНИЯ Е. Ф. КАРСКОГО ПО БЕЛОРУССКОМУ ЯЗЫКУ

Труды по белорусскому языку Евфимия Федоровича Карского, профессора, а затем академика, — большая и важная глава в истории белорусского языкознания.

В 1884 г. появилась первая работа Е. Ф. Карского по белорусскому языку, и в течение 48 лет (вплоть до самой смерти автора) выходили в свет его исследования по этому языку, всегда занимавшие центральное место среди многочисленных (около 300) трудов этого выдающегося ученого[1].

В записке от 24.IV 1916 г. об ученых трудах Е. Ф. Карского, подписанной академиками А. Шахматовым, В. Перетцем, А. Соболевским и Н. Котляревским, в связи с предложением избрать Евфимия Федоровича Карского в ординарные академики, сказано, что «Е. Ф. Карского можно по справедливости назвать основателем белорусского языкознания и белорусской филологии».

Говоря в 1918—1920 гг. о современном состоянии научного изучения белорусского языка, П. А. Расторгуев в своей работе «Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии»[2] пишет: «По изучению белорусского языка и его говоров сделано много, пожалуй, больше, чем по изучению других современных наречий русского языка. Здесь всякий белорус, любящий свой язык, с особенной благодарностью должен отнестись к академ. Е. Ф. Карскому, в течение многих лет работающему над изучением белорусского языка» (стр. 250—251).

Е. Ф. Карский начал свою деятельность в области белорусского языкознания как собиратель памятников устного народного творчества.

---

[1] Перу Е. Ф. Карского принадлежат исследования в области истории белорусского и русского языков, современного белорусского и русского языков, белорусской и русской диалектологии, палеографии, старославянского языка, белорусской литературы, белорусского фольклора, этнографии и археологии.

[2] П. А. Расторгуев. Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии. «Курс белорусоведения». М., 1918—1920. Отдельный оттиск — П. А. Расторгуев. Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии. Из лекций, читанных в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 г. Оттиск из «Курса белорусоведения». М., 1918—1920.

В томе XII за 1884 г. и в томе XIII за 1885 г. «Русского филологического вестника» им опубликованы «Белорусские песни села Берёзовца, Новогрудского уезда, Минской губернии». Записано в селе Березовце непосредственно от певицы 59 песен, причем, как отмечает Е. Ф. Карский, «при записывании главное внимание обращено на язык, на верную передачу звуков белорусского говора, отсутствием чего особенно страдают существующие сборники белорусских песен»[1].

Тексты опубликованных песен Е. Ф. Карский снабдил подстрочными примечаниями, где проанализировал лексику песен, выяснив значение отдельных слов, их произношение, и дал ценные сведения по фонетике и морфологии (имеются замечания и по синтаксису) белорусского языка, в частности говоров Новогрудского уезда.

Так же точно, как в указанной выше работе, переданы черты говора и в статье более позднего времени — «Белорусские песни деревни Новосёлок-Затрокских, Виленской губернии, Трокского уезда»[2]. Автор статьи отмечает: «... не упуская из виду содержания песен, я заботился главным образом о точной передаче самого говора указанной местности»[3].

Поставив перед собой исключительно большие требования в отношении точности записи фольклора, Е. Ф. Карский и от других собирателей требовал той же точности. О необходимости точной записи Е. Ф. Карский пишет в многочисленных рецензиях на сборники произведений белорусского устного творчества. Е. Ф. Карский поощрял собирателей к дальнейшей деятельности, помогал им, откликался на каждый вышедший сборник.

Отметим, что помощь Е. Ф. Карского не ограничивалась только советами (устными и письменными). Когда П. В. Шейну было трудно разобраться в собранном материале по белорусскому языку, он посылал Е. Ф. Карскому корректуру, и Е. Ф. Карский охотно выполнял эту работу. III том «Материалов» П. В. Шейна не был полностью напечатан при жизни автора, и редактировал этот том Е. Ф. Карский.

Собиратели, составители сборников видели в Е. Ф. Карском строгого и внимательного наставника и руководителя.

Когда были опубликованы том I «Белорусского сборника» Е. Р. Романова и первая часть тома I «Материалов» П. В. Шейна, Е. Ф. Карский дал разбор этих трудов в рецензии, напечатанной в «Журнале Министерства народного просвещения» (ч. CCLII, октябрь, 1887 — «Два новые источника для изучения белорусских говоров. Белорусский сборник. Е. Романова, т. I. Киев, 1886. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. П. Шейна, т. I, ч. 1. СПб., 1887»).

---

[1] «РФВ», т. XII, 1885, стр. 124.

[2] Там же, т. XXI, 1889.

[3] Там же, стр. 243.

Е. Ф. Карский явно отдает предпочтение труду П. В. Шейна, хотя этот труд и не представлял такого обилия материала, как сборник Е. Р. Романова. В частности, Е. Ф. Карский отмечает, что Е. Р. Романов обратил мало внимания на фонетическую сторону записей. В рецензии на сборник Е. Р. Романова Е. Ф. Карский указал как на большой недостаток, что песни часто неправильно поделены на стихи, имеются неверно записанные стихи. Высоко ценя творчество белорусского народа, Е. Ф. Карский пишет: «Все белорусские песни, кроме незначительного числа экспромтов, строго музыкальны, и незначительное нарушение плавного их течения более или менее опытному наблюдателю сразу бросается в глаза» (стр. 322).

Внимательно следя за выходом последующих томов «Белорусского сборника» Е. Р. Романова, Е. Ф. Карский в дальнейшем с удовлетворением отмечает улучшение записей с 3-го выпуска (1 и 2-й выпуски вышли вместе), а о 9-м, последнем вышедшем в свет при жизни Е. Р. Романова выпуске пишет: «В отличие от других сборников Е. Р. Романова в данном при издании народных произведений строго выдержано фонетическое начало»[1].

Говоря о сборнике П. В. Шейна, Е. Ф. Карский подчеркнул в той же рецензии, что его составитель «П. В. Шейн, уже в 1874 году издавший свой первый сборник белорусских песен и вплоть до последнего года занимающийся собиранием произведений белорусской народной поэзии, очень обстоятельно ознакомился с духом и языком ее» (стр. 324). Отметив, что «в песнях попадается не мало случаев или сомнительных, или неточных, затрудняющих сделать тот или другой вывод о свойствах белорусских звуков» (стр. 329), Е. Ф. Карский указывает: «Впрочем, мы должны сознаться, что таких случаев очень мало, несравненно меньше, чем у г. Романова» (стр. 329).

Требование правильной, точной записи звучит во всех рецензиях Е. Ф. Карского на сборники белорусского устного творчества.

В критической заметке «Новые труды по белорусской этнографии (за 1895 год)», опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения» за май 1896 г., Е. Ф. Карский остановился, в частности, на записях белорусских песен профессором Адольфом Черным в его напечатанном в Кракове труде «Pieśni białoruskie z powiatu Dziśnieńskiego gubernii Wileńskiej. Zapisał Adolf Černý»[2].

Е. Ф. Карский подчеркивает, что проф. Черный записал песни неудовлетворительно, так как, вероятно, недостаточно познакомился даже с говором той местности, где произведена запись, и совершенно незнаком с русскими изданиями белорусских песен, например П. В. Шейна.

---

[1] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II. Язык белорусского племени. 3. Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки. Варшава, 1912, стр. 294.

[2] Разбор этого труда профессора Черного дан Е. Ф. Карским также в «РФВ», т. XXXV, 1896, в критической заметке под названием «Pieśni białoruskie z powiatu Dziśnieńskiego gubernii Wileńskiej. Zapisał Adolf Černý (помещено в «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», т. XVIII, 1895)».

Отмечая, что то или иное непонятное для составителя место в песне вызывало довольно длинные и ненужные соображения и рассуждения профессора Черного, Е. Ф. Карский говорит по поводу одного из случаев: «Стоило справиться у Шейна..., и место было бы совершенно ясно... Можно бы указать еще несколько мест в этом роде..., из которых можно бы убедиться, как полезно было бы для дела заглядывать и в русские издания» (стр. 162).

Собирая песни, Е. Ф. Карский одновременно изучает белорусский язык, старается выяснить действующие в нем законы, объяснить происшедшие изменения.

В 1885 г. в Москве появляется первая серьезная большая работа по белорусскому языку — «Обзор звуков и форм белорусской речи»[1].

Автор с полным правом говорит в предисловии: «Что касается ученых исследований по белорусской речи, то их, можно сказать, еще не существует...» (стр. 3), так как по белорусскому языку были напечатаны лишь отдельные статьи. Опубликованные ранее работы К. Аппеля «О белорусском наречии» (1880 г.) и И. Недешева «Исторический обзор важнейших звуковых и морфологических особенностей белорусских говоров» (1884 г.) и др. — лишь первые шаги к научной разработке белорусского языка.

Трудом Е. Ф. Карского «Обзор звуков и форм белорусской речи» было заложено основание для подлинно научного изучения белорусского языка.

Основной своей задачей автор считал обзор звуковых и формальных особенностей современной белорусской речи, поэтому исторических справок немного. Для этих справок автор извлек материал из сравнительно ограниченного числа опубликованных старинных памятников белорусского языка.

Источниками для выводов о современном белорусском языке послужили печатные сборники белорусского фольклора, «Словарь белорусского наречия», составленный И. И. Носовичем, и «Белорусские песни села Берёзовца, Новогрудского уезда, Минской губернии», собранные самим Е. Ф. Карским.

Автор ясно сознает, что материала сборников, составленных лицами, по-разному передававшими белорусские говоры, еще недостаточно и что требуется осторожность в выводах о звуковой системе белорусского языка. Е. Ф. Карский пишет: «При недостатке удовлетворительных изданий памятников народного творчества рассматриваемой нами области часто приходилось опираться на собственный опыт и назначать критерием свой говор, т. е. говор западной части Минской губернии, — конечно, критерий иногда очень односторонний» (стр. 9).

Во «Введении» к исследованию установлены границы области, занимаемой белоруссами, и численность населения, определены говоры белорусского языка. Автор сожалеет, что он не имел возможности

[1] Извлечено из тома X «Известий Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко» в Нежине.

побывать в разных местах Белоруссии и лично ознакомиться с их говорами. Эту задачу Е. Ф. Карский с успехом выполнил в дальнейшем.

Первая часть «Обзора» посвящена звукам белорусского языка, дана точная подробная характеристика всей его звуковой системы. Часть вторая рассматривает морфологию.

Продолжая кропотливую работу над изучением белорусского языка, Е. Ф. Карский публикует в 1890—1893 гг. исследование «К истории звуков и форм белорусской речи»[1]. Этот труд основан на детальном ознакомлении со старинными памятниками разных жанров и различных периодов, с белорусским фольклором и с живой белорусской речью. Особенно ценно то, что исследование построено на основании изучения рукописей, которые не были опубликованы.

Автор отмечает: «В деле изучения особенностей какого-либо говора отдавая предпочтение рукописям перед печатными изданиями, мы и обратимся к указанию особенностей в языке тех из рукописей, которые нам удалось добыть в Виленской публичной библиотеке»[2].

Старинные памятники исследуются им всесторонне. Так, при рассмотрении переводов церковных книг со старославянского на белорусский язык решается вопрос об авторе переводов, во всех случаях выясняются палеографические особенности рукописей, печатных книг, фонетика, морфология, синтаксические черты, вопрос об ударении (относительно тех книг, в которых оно проставлено), приводится список «более или менее замечательных слов», а также полонизмов.

Автор, применяя сравнительно-исторический метод, привлекает для решения того или иного вопроса по языку не только данные живых говоров белорусского языка (из произведений народного творчества, разговорной речи), но и факты других восточнославянских языков — русского и украинского, а также польского языка. Материалы старинных памятников и современного белорусского языка в многообразии его говоров позволили Е. Ф. Карскому исследовать фонетические, морфологические и отдельные синтаксические явления (в отделе «Морфология») в их развитии, объяснить факты современного белорусского языка. Объясняются, в частности, такие характерные явления белорусской фонетики, как аканье, *ў* на месте *в*, твердое *р*, фрикативное *ґ*, дзеканье и цеканье, удвоение согласных и др.

Е. Ф. Карский тщательно выясняет, в памятниках какого периода отмечена впервые та или иная черта, указывает на роль традиции в письме — сохранение исторических написаний. Автор сумел показать тесную преемственную связь современного белорусского языка с языком старинных белорусских памятников.

Труды Е. Ф. Карского по белорусской этнографии получили в свое время высокую оценку, выразившуюся, в частности, в том, что их

[1] Напечатано в «РФВ», т. XXIII и XXIV, 1890; т. XXVI, 1891; т. XXVII и XXVIII, 1892; т. XXIX и XXX, 1893. Отдельный оттиск — Варшава, 1893.

[2] «РФВ», т. XXIII, 1890, стр. 221.

автору по отзыву проф. А. И. Соболевского была присуждена в 1894 г. Русским географическим обществом большая золотая медаль.

После выхода в свет исследования «К истории звуков и форм белорусской речи» Е. Ф. Карским было опубликовано большое количество трудов по языку и палеографии старинных белорусских памятников, по белорусской диалектологии. Не останавливаясь на всех трудах Е. Ф. Карского в этих областях белорусского языкознания, отметим некоторые из них. Необходимо прежде всего подчеркнуть, что исследование старинных памятников шло параллельно с изучением белорусских говоров: первая работа находила подкрепление во второй и наоборот.

Е. Ф. Карский огромное внимание уделил старинным рукописям, хранящимся в архивах и библиотеках, изучению белорусских говоров лично на местах их бытования, проверке на месте сведений, которые даны в статьях отдельных собирателей.

В период до появления первого тома капитального труда Е. Ф. Карского «Белорусы» (вышел в 1903 г.) Е. Ф. Карским был напечатан ряд работ по языку и палеографии старинных белорусских памятников.

В «Журнале Министерства народного просвещения» за август 1893 г. опубликована статья Е. Ф. Карского «Два памятника старого западнорусского наречия: 1) Лютеранский катихизис 1562 г. и 2) Католический катихизис 1585 г.». Первый из памятников исследователь относит к числу «выдающихся памятников на старом западнорусском наречии» (стр. 406) и потому уделяет ему особое внимание.

В статье рассмотрены фонетические явления Лютеранского катехизиса 1562 г., морфологические явления, а также и отдельные синтаксические особенности (в главе, посвященной морфологии).

В конце помещен «список более редких слов, из которых многие следует объяснять, как полонизмы» (стр. 425).

В № II и III «Варшавских университетских известий» за 1894 г. опубликована работа Е. Ф. Карского «О языке так называемых литовских летописей»[1], которую автор считал дополнением к исследованию «К истории звуков и форм белорусской речи». В ней рассмотрены особенности языка литовских летописей: 1) по рукописи XVI в., хранившейся в Варшаве в библиотеке гр. Красинских, 2) по двум печатным изданиям: а) А. Н. Попова — «Летопись князей литовских» («Ученые записки» II отд. АН, кн. 1, СПб., 1854); б) Археографической комиссии — «Отрывок краткой Литовской летописи, находящейся в летописном сборнике, именуемом Летописью Авраамки» (СПб., 1893).

Е. Ф. Карский начинает исследование с анализа палеографических особенностей рукописи, в которой содержатся: «Летописець великого князьства литовъского и жомоицьского» и «Кроиники о великихъ князехъ литовъскыхъ», причем приводит в качестве образца орфографии и языка первую страницу «Летописца» и «Хроники».

---

[1] Отдельный оттиск — Варшава, 1894.

Анализируя язык литовских летописей, Е. Ф. Карский приходит к выводу, что это западнорусский язык со сравнительно незначительным количеством полонизмов, язык, в котором проглядывает стремление к употреблению церковнославянских слов и оборотов, и отмечает, что в некоторых списках летописи встречаются, хотя и очень редко, украинизмы.

В своей работе автор исследовал фонетику, морфологию и синтаксис (синтаксису посвящена отдельная глава) названных летописей (в отдельных случаях привлекается литовская летопись по рукописи Познанской библиотеки гр. Рачинских). В этом труде широко использованы материалы живых белорусских говоров. В конце работы помещен список более редких слов, где отмечены и полонизмы.

Приступив в 1893 г. к капитальному труду «Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII вв.» (Варшава, 1896), Е. Ф. Карский тщательно изучает в библиотеках Петербурга, Москвы, Вильны рукописи и старопечатные книги. Им исследовано восемь рукописных псалтырей и четырнадцать старопечатных, вышедших из типографий Западной Руси или обращавшихся в последней, для сравнения привлечены и другие старопечатные издания.

Во время подготовки труда «Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII вв.» Е. Ф. Карский обратил внимание научного мира на сборник, писанный на белорусском языке (с некоторыми украинскими особенностями) легко читаемой скорописью XVII в., Московской Синодальной библиотеки (№ 752). По мнению исследователя, этот сборник — «один из выдающихся памятников западнорусской письменности»[1].

В 1897 г. Е. Ф. Карский публикует работу о сборнике, заинтересовавшем его еще ранее, — «Западнорусский сборник XV века, принадлежащий Гос. Публичной библиотеке, Q. I. № 391. Палеографические особенности, состав и язык рукописи»[2].

В Варшаве в 1896—1897 гг. печатается труд Е. Ф. Карского «Из лекций по славянской кирилловской палеографии»[3], в котором даны сведения и о старинных белорусских памятниках.

В 1901 г. в Варшаве выходят «Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век» (переизданы в 1902 г. и в 1912 г.) и в том же году, там же — «Очерк славянской кирилловской палеографии», не только переработанное, но и значительно дополненное издание труда «Из лекций»[4]. «Очерк» выдержал несколько изданий (последнее — в 1915 г.).

---

[1] «Отчет экстраординарного проф. Евфимия Карского о научных занятиях в библиотеках С.-Петербурга, Москвы и Вильны в течение летних месяцев 1895 года». — «Варшавские университетские известия», № VII, 1895, стр. 7.

[2] «Известия ОРЯС», т. II, кн. 4, 1897 (Отдельный оттиск — СПб., 1897).

[3] «РФВ», т. XXXV и XXXVI, 1896; т. XXXVII и XXXVIII, 1897 (Отдельный оттиск — Варшава, 1897).

[4] Этот труд Академией наук был удостоен Ломоносовской премии. На том же заседании 29 октября 1901 г. Е. Ф. Карский был избран членом-корреспондентом по Отделению русского языка и словесности Академии наук.

В «Образцах» и в «Очерке», как и в работе «Из лекций», уделено должное внимание старинной белорусской письменности.

Отметим еще одну работу Е. Ф. Карского по изучению языка старинных белорусских памятников, опубликованную в «Варшавских университетских известиях» за 1899 г., № III: «Особенности письма и языка рукописного сборника XV века, именуемого Летописью Авраамки». Здесь рассмотрены палеографическая сторона памятника, фонетические, морфологические и синтаксические особенности, приведен словарь более редких в лингвистическом отношении слов и выражений. Автором выделены в указанном памятнике смоленского наречия черты, которые можно приписать влиянию соседних говоров — новгородского и белорусских. Анализ языка сборника позволил Е. Ф. Карскому высказать предположение, что переписчик памятника Авраамка — уроженец юго-западной Руси или, по крайней мере, Полесья.

Специальное исследование посвящено памятнику — сказанию о Сивилле-пророчице: «Западнорусское сказание о Сивилле-пророчице по рукописи XVI века. Текст сказания, его состав и язык»[1].

Автор устанавливает, что сказание написано белорусским языком, что церковнославянизмов в нем значительное количество, полонизмов же очень мало. Е. Ф. Карский отметил в сказании белорусские особенности в области фонетики, морфологии, синтаксиса, привел список более или менее замечательных слов.

Не останавливаемся на рецензиях и отзывах Е. Ф. Карского о трудах по белорусской этнографии, по белорусской диалектологии, хотя они сыграли, бесспорно, большую роль в белорусском языкознании[2], указывая пути развития этих областей знания, помогая собирателям в их трудной и ответственной работе.

Укажем отдельные работы Е. Ф. Карского в области диалектологии, вышедшие до появления «Белорусов».

В 1895 г. Е. Ф. Карский опубликовал статью «Заметки по русской диалектологии. Белорусское *оў* на месте *ál*—*áв*»[3].

Отмеченная выше статья — результат изучения автором белорусского говора местечка Волма (в 40 верстах от Минска) и окрестных деревень. Внимание Е. Ф. Карского привлекла особенность этого говора: *оў* с предыдущим твердым или мягким согласным (*ёў*) на месте общебелорусского *ал* — *ʌл*, *ав* — *ʌв* (*хазоў*, *доў*, *зоўтра*, *узёў* и т. д.)[4]. Так как в белорусских говорах ударяемое *а* обыкновенно сохраняется

---

[1] «Варшавские университетские известия», № II, 1898.

[2] За разбор «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» П. В. Шейна, напечатанный в «Записках» АН по Историко-филологическому отделению за 1899 г., т. IV, № 1, Е. Ф. Карскому была присуждена Академией наук золотая медаль им. Батюшкова. В 1902 г. ему была присуждена медаль им. Батюшкова за отзыв о трудах Е. Р. Романова.

[3] «РФВ», т. XXXIV, 1895.

[4] См. также сообщение под № 1, принадлежащее Е. Ф. Карскому и напечатанное в «Материалах для изучения белорусских говоров». — «Известия ОРЯС», т. II, кн. 2, 1897, стр. 562.

в чистом виде, то вполне понятен интерес, вызванный в научных кругах статьей Е. Ф. Карского.

Летом 1896 г. Е. Ф. Карский изучал говор деревни Жуки, расположенной в семи верстах к северу от уездного города Соколки Гродненской губ.

Внимание Е. Ф. Карского привлекли особенности, которые не были до того времени отмечены в белорусском языке: 1) род. пад. на *-е* у имен существительных женского рода на *-а* мягкого различия и на *-э* у тех же имен существительных твердого различия (после задненёбных *-е*), при этом только под ударением: *од зямлé, из рукé, хýстка сястрэ́, бóчка водэ, воз травэ́* и т. п. (*-е, -э* = древнерусскому *-ѣ*); 2) дат. пад. на *-ови* — *-еви* у имен существительных одушевленных: *сынови, жабракеви, жарабцеви* и т. п.[1]

В 1897 г. Е. Ф. Карским по поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук была составлена «Программа для собирания особенностей говоров белорусского наречия»[2].

Ответы на эту программу дали весьма солидный материал для изучения белорусского языка: его фонетики, морфологии, синтаксиса, словаря (Программа содержит все эти разделы. Большое внимание уделено в ней акцентологии).

Е. Ф. Карский лично редактировал сообщения с мест на программу, которые печатаются в «Известиях ОРЯС» и в «Сборниках ОРЯС» под заглавием «Материалы для изучения белорусских говоров», поместил и свои ответы на программу.

Е. Ф. Карский редактировал и «Материалы для изучения северномалорусских говоров, а также переходных от белорусских к малорусским», где имеются ценные данные и о белорусских говорах.

О том огромном внимании, которое уделял Е. Ф. Карский изучению белорусских говоров, свидетельствует, в частности, следующий факт.

Н. И. Чудовским в редакцию «Русского филологического вестника» была представлена статья «Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор». Прочитав статью до ее опубликования, Е. Ф. Карский, которому были хорошо знакомы говоры Подлесья и Басловцев Слуцкого уезда, главных пунктов наблюдений Н. И. Чудовского, подверг сомнению ряд выводов, в частности вывод о наличии в этих местах дифтонга *i͡e*.

Чтобы читатель «Русского филологического вестника» не был введен в заблуждение, Е. Ф. Карский в сносках к статье[3] отмечает оши-

---

[1] См. заметку «Некоторые редкие особенности белорусского наречия в Сокольском уезде Гродненской губернии». — «РФВ», т. XXXV, 1896. См. также сообщение под № 2, принадлежащее Е. Ф. Карскому и напечатанное в «Материалах для изучения белорусских говоров». — «Известия ОРЯС», т. II, кн. 2, 1897, стр. 562.

[2] Напечатана в 1897 г. во 2-й книге т. II «Известий ОРЯС» (Отдельное изд. — СПб., 1897; 2-е изд., Пг., 1916).

[3] Опубликована в т. XL «Русского филологического вестника» за 1898 г.

бочность ряда наблюдений автора; об этом же он говорит и в послесловии к статье, не перечисляя ошибок, но указав только, что дифтонга *i͡e* в Подлесье и Басловцах не существует. Кроме того, он помещает в том же томе XL «Русского филологического вестника» «Заметку относительно дифтонгов в народном говоре с. Басловцев и д. Подлесья, Слуцкого уезда, Минской губернии». Здесь, не ограничиваясь ссылкой на характеристику слуцкого говора, данную им в отчете о своих научных занятиях в течение летних месяцев 1898 г.[1], Е. Ф. Карский делает еще ряд замечаний — поправок к ошибочным выводам Н. И. Чудовского о дифтонгах в народном говоре в Басловцах и в Подлесье. Затем в IV томе, кн. 3-й «Известий ОРЯС» за 1898 г. Е. Ф. Карский помещает в «Материалах для изучения белорусских говоров» сообщение (под 12-м номером) о говоре указанной местности. Автор отмечает: «Поездка была предпринята нарочно, с целью проверить те интересные данные, которые сообщаются из этих мест в «Материалах для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» П. Шейна, а также в статье Н. Чудовского: «Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор», «РФВ», 1898, № 3 и 4 и отдельно)»[2].

Е. Ф. Карский указывает, что дифтонга *i͡e* в селе Басловцы и в деревне Подлесье нет ни на месте *ѣ* ударяемого в слоге закрытом или открытом, ни на месте *ѣ* безударного, ни на месте *е* в таких же положениях.

Летом 1899 г. Е. Ф. Карский знакомится с белорусскими говорами западной части Гродненской губ. и приходит к выводу, что народная речь здесь чисто белорусская.

Летом 1900 г. он изучает говор села Блячин.

Летом 1901 г. Е. Ф. Карский посещает Августовский уезд Сувалкской губ. и устанавливает этнографические границы в этой местности.

Эти наблюдения, имевшие место в 1899, 1900 и 1901 гг., обобщены в статье «Заметки по белорусским говорам»[3].

Личные наблюдения Е. Ф. Карского во время поездок по Белоруссии, а также материалы статей отдельных авторов о тех или иных белорусских говорах позволили ему определить территориальные границы белорусского языка.

В 1902 г. Е. Ф. Карским была напечатана в «Могилевских губернских ведомостях» (№ 8 и 9), а затем, с дополнениями, в «Известиях ОРЯС» (т. VII, кн. 3) статья «К вопросу об этнографической карте белорусского племени».

---

[1] «Отчет ординарного профессора Евфимия Карского о научных занятиях в библиотеках Москвы, Троице-Сергиевой лавры и Слуцка в течение летних месяцев 1898 года». — «Варшавские университетские известия», № IX, 1898. В «Отчете», рассмотрев особенности говоров села Басловцев и деревни Подлесья Слуцкого уезда, Е. Ф. Карский отмечает ошибочность выводов Н. И. Чудовского о наличии в этих говорах дифтонга *i͡e*.

[2] Приложение к т. IV кн. 3-й «Известий ОРЯС», стр. 1.

[3] «РФВ», т. XLVI, 1901.

Так как основой для определения границ послужил исключительно язык, то автор отмечает, что «очерченная ниже область скорее принадлежит белорусскому наречию, чем племени» (стр. 219).

Определяя подробно границы области с белорусским населением, Е. Ф. Карский тем не менее считал еще преждевременным опубликование этнографической карты, хотя она и была уже им составлена.

Устанавливая границы белорусского языка, исследователь учитывает не только фонетические особенности (им уделено особое внимание), но и морфологические, синтаксические черты, а также лексику белорусского языка.

Отмеченная статья лишний раз свидетельствует о том, какой огромный материал был собран Е. Ф. Карским по живым белорусским говорам, как тщательно самим автором изучались белорусские говоры.

С каждым годом все больше материала накапливалось для капитального обобщающего труда, каким и явилось многотомное исследование «Белорусы».

Летом 1903 г. Е. Ф. Карский предпринимает еще одну поездку по Белоруссии: он объезжает, начиная с северо-западной Белоруссии, северную, восточную, южную и западную границы белорусского языка со специальной целью определить более точно этнографические границы белорусского народа и языка, установить по возможности границы разных белорусских говоров, попутно сделать наблюдения над народным бытом, отчасти собрать и проверить новые и старые материалы по белорусскому фольклору.

В своем «Отчете о поездке в Белоруссию в течение летних месяцев 1903 года»[1] Е. Ф. Карский говорит, что поставленные обширные задачи вряд ли были бы выполнены, если бы им не были сделаны подготовительные работы, которые начались почти с 1886 г.

Как отмечает там же автор, о степени успешности его труда можно судить по первому тому его книги «Белорусы», напечатанному по окончании поездки на основании собранных и отчасти проверенных в течение командировки данных.

Том I «Белорусов» вышел в 1903 г.[2]; он содержит 466 страниц. И тем не менее Е. Ф. Карский не смог, ограниченный размером книги, как он говорит об этом в «Отчете», поместить в первом томе весь имевшийся в его распоряжении материал, и «Отчет» явился одним из дополнений к «Белорусам».

Как отмечено в заглавии, первый том представляет собой введение ко всему многотомному труду. Этот совершенно исключительный в истории славянских языков труд знаменитый славист И. В. Ягич назвал в письме к Е. Ф. Карскому великолепным[3].

---

[1] «Известия РГО», т. XLI, вып. IV, 1905.

[2] «Белорусы», т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. С приложением двух карт. Варшава, 1903.

[3] Е. Ф. Карский. К истории славянской филологии в конце XIX и первые годы XX ст. Три письма И. В. Ягича — «Slavia», т. VII, 1929, стр. 703.

В целях удобства изложения остановимся на содержании всех томов «Белорусов», хотя каждый из них отделен от другого значительным промежутком времени.

Том I содержит сведения по истории белорусского народа, его территории, языка, приведены данные по этнографии (приложена и этнографическая карта белорусского народа), археологии, рассмотрены говоры белорусского языка, дана карта белорусских диалектов.

Большую ценность представляют в томе I главы, содержащие «Очерк изучения живого белорусского языка и народной поэзии» и «Очерк постепенного ознакомления ученых с памятниками старого западнорусского языка. Изучение самого языка». Эти главы — тщательно изложенная история науки о белорусском языке. Автор остановился буквально на всех трудах, в большей или меньшей степени касающихся вопроса о белорусском языке.

У Е. Ф. Карского в первом и последующих томах «Белорусов» и в других трудах употребляются как термины *белорусский язык*, *белорусская народность*, так и термины *белорусское наречие*, *белорусское племя*. Те и другие находим в близком соседстве, буквально рядом, не только в тексте, но и в оглавлении.

Несомненно, что Е. Ф. Карский был вынужден пользоваться терминами *белорусское наречие* и *белорусское племя*, так как эта терминология была признанной, официальной терминологией, отступать от которой не допускалось.

«Описки», которые делал Е. Ф. Карский — белорусский язык, белорусская народность, — выражали его подлинное отношение к вопросу.

Белорусский язык рассматривается автором «Белорусов» как закономерно сложившаяся система.

Характерны первые строки тома I «Белорусов»: «В настоящее время не приходится много распространяться о том общеизвестном факте, что язык развивается вместе с народом, подвергаясь разным изменениям в связи с переменами в жизни самого народа» (стр. 3).

В своем исследовании автор стремился реализовать это верное положение, однако в основном теоретическом вопросе — об образовании белорусской народности и белорусского языка придерживался общепринятого в его время взгляда, ошибочность которого стала особенно очевидной после появления трудов И. В. Сталина по языкознанию.

Е. Ф. Карский полагал, что белорусская народность сложилась к XIV в. из древнерусских племен — дреговичей, радимичей и кривичей.

Таким образом, не учитывалось, что уже в эпоху, предшествующую возникновению Киевского государства — в дофеодальный период, имели место в значительной степени не племенные, а территориально-политические объединения, сложившиеся из более мелких племен, что с развитием феодальных производственных отношений и образованием единого древнерусского государства сложилась из восточнославянских племен единая древнерусская народность с единым русским языком.

Местные диалектные различия в пределах отдельных земель и кня-

жеств начинают развиваться в связи с ослаблением древнерусского государства и ростом политической и экономической самостоятельности земель-княжеств, сопровождавшимся их обособлением друг от друга.

В дальнейшем на основе единой древнерусской народности, в силу ряда экономических и общественно-политических условий, сложились в XIV—XV вв. три родственные восточнославянские народности, с родственными языками—русским (великорусским), украинским и белорусским, образовавшимися в результате развития и объединения тех или иных диалектов древнерусского языка.

Следует отметить, что Е. Ф. Карский выясняет политические и культурные условия, способствовавшие образованию белорусской народности, указывает на общность происхождения — из «общерусского языка» русского (великорусского), украинского и белорусского языков, выясняет не только черты, отличающие эти языки друг от друга, но и черты сходства, подчеркивает историческую народную тягу Белоруссии к России (в главе «Воссоединение Белоруссии с общерусской жизнью...»).

В томе I «Белорусов» особое внимание уделено фонетическим особенностям белорусского языка, его словарному составу, характеристике говоров современного белорусского языка.

Том I «Белорусов» — «Введение в изучение языка и народной словесности» содержит большой и ценный фактический материал и дает сведения по ряду вопросов, большинство которых более подробно и глубоко освещено в следующих томах «Белорусов» (фонетика, морфология, синтаксис белорусского языка, литература на белорусском языке).

В условиях дореволюционной России, когда официальные круги не признавали, что существуют *белорусский народ* и *белорусский язык*, когда в Белоруссии не было ни одного высшего учебного заведения, особенно показателен выбор эпиграфа, помещенного на титульном листе «Белорусов»: в качестве эпиграфа приведена строфа из стихотворения Ивана Неслуховского (Янки Лучыны) «Роднай старонцы»:

Сонца навукі скрозь хмары цёмныя
Прагляне ясна над нашай ніваю,
І будуць жыці дзеткі патомныя
Добраю доляй, доляй шчасліваю!

В этом эпиграфе — мечта ученого-белоруса видеть свою родину просвещенною, счастливою. Та же мечта и в эпиграфе к третьему выпуску тома III, вышедшему 19 лет спустя после опубликования первого тома. А в предисловии к третьему выпуску тома II Е. Ф. Карский указывает, что он работал с увлечением и с любовью к белорусскому народу, в особенности потому, что сам является природным белорусом.

В 1908 г. в Варшаве выходит 1-й выпуск второго тома «Белорусов» — «Белорусы. Том II. Язык белорусского племени. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия».

Этот выпуск, содержащий 607 страниц, дает исключительный по полноте, точности и убедительности научных доказательств материал. Привлечены старинные белорусские памятники, данные живых говоров. В этом выпуске имеется и глава, посвященная палеографии, — «Особенности письма западнорусских произведений, начиная с древнейших времен. (Палеографический очерк)». Научный интерес этой главы, написанной прекрасным знатоком восточнославянской палеографии, бесспорен.

В 1911 г. в Варшаве появляется 2-й выпуск тома II, содержащий «Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии» (в выпуске 423 страницы). При изложении рассматриваемых в выпуске вопросов автор указывает, принадлежит ли та или иная черта только белорусскому языку или она характерна в той или иной степени и для русского и украинского языков, отмечает степень распространенности и судьбу этой черты в самом белорусском языке.

Год спустя — в 1912 г. — в Варшаве выходит 3-й выпуск II тома «Белорусов», который дает «Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки».

Следует особенно подчеркнуть значение этого выпуска.

Если по фонетике и морфологии имелись до выхода «Белорусов» труды самого Е. Ф. Карского, работы других авторов, то по синтаксису белорусского языка Е. Ф. Карский располагал лишь собственными наблюдениями над живыми говорами, ответами на составленную им «Программу для собирания особенностей говоров белорусского наречия», материалом, извлеченным из произведений устного творчества и старинных западнорусских памятников (в напечатанных Е. Ф. Карским работах о старинных белорусских памятниках автор, как мы отмечали, исследовал и синтаксические особенности памятников).

Вполне понятно поэтому, что, указывая литературу предмета, Е. Ф. Карский не называет ни одной работы специально по синтаксису белорусского языка: таких работ не было. В «Очерках синтаксиса» исследуются синтаксические явления белорусского языка как современного, так и старинного (по материалам старинных белорусских памятников). Особенности белорусского языка изучаются сравнительно с другими славянскими языками (главным образом русским и украинским).

Для каждого интересующегося вопросами синтаксиса славянских языков названный труд является настольной книгой.

Третьим выпуском был закончен второй том, посвященный белорусскому языку.

Как указывал академик Б. М. Ляпунов, труд Е. Ф. Карского — второй том «Белорусов» «по тщательности обработки является почти беспримерным»[1].

[1] Б. М. Ляпунов. Очерки жизни и деятельности академика Е. Ф. Карского. — «Известия АН СССР по Отделению общественных наук», № 3, 1932 (Отдельный оттиск — Л., 1932), стр. 173.

Труд Е. Ф. Карского получил высокую оценку в ученых кругах[1].

Следует отметить, что II том «Белорусов» имеет не только огромное научное, но и практическое значение. Составители школьных грамматик по белорусскому языку широко пользовались как научными объяснениями языковых фактов, так и примерами, приведенными в этом томе[2].

Том III «Белорусов» посвящен белорусской литературе и содержит «Очерки словесности белорусского племени».

Выпуск 1-й (Народная поэзия), объемом в 571 страницу, вышел в свет в Москве в 1916 г.

Два последующих выпуска увидели свет после Великой Октябрьской социалистической революции и были напечатаны в Петрограде.

Выпуск 2-й (Старая западнорусская словесность), содержащий 234 страницы, вышел в свет в 1921 г., а 3-й выпуск (Художественная литература на народном языке), объемом в 471 страницу, — в 1922 г.

Не останавливаемся на томе III «Белорусов», так как наш очерк посвящен научному изучению белорусского языка. Отметим только, что в этом томе имеются высказывания Е. Ф. Карского по вопросам языка. В 1-м выпуске их немного. Во 2-м специальная глава, хотя и небольшая, посвящена весьма важному вопросу — «Выступление народного языка в Западной Руси в роли литературного органа». В 3-м выпуске — ценные замечания о языке писателей.

Е. Ф. Карский предполагал вновь обратиться, после окончания тома III, к проблемам строя белорусского языка.

На внутренней стороне обложки авторского экземпляра 1-го выпуска тома II Е. Ф. Карским составлен «Дальнейший план „Белорусов“». В этом плане имеется: «Т. IV. Словарь белорусского наречия: 1. Современного, 2. Старого западнорусского языка».

Словарь современного белорусского языка требует многолетних трудов не одного человека, а целого коллектива языковедов.

Это прекрасно понимал сам Е. Ф. Карский.

В предисловии к 3-му выпуску тома III, намечая очередные задачи по языку (в этом же предисловии сказано и о задачах по изучению белорусской словесности), автор говорит, что «по языку еще предстоит огромная задача составления полного белорусского словаря» (стр. IV), в котором было бы указано при каждом слове, свое ли это слово или заимствованное, есть ли ему соответствие в отдельных говорах русского языка, известно ли оно было древнерусскому языку.

Перечень предварительных работ (там же, стр. V—VI), которые, по мнению Е. Ф. Карского, должны предшествовать составлению этого

---

[1] За том I и 1-й выпуск тома II автор был удостоен в 1910 г. полной премии П. Н. Батюшкова, за остальные выпуски тома II в 1913 г. — премии Ахматова.

[2] На основе вышедших выпусков тома II «Белорусов» Е. Ф. Карским написан краткий популярный очерк — «Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением». Пг., 1918.

словаря, ясно говорит о том, что Е. Ф. Карский считал составление словаря делом целого коллектива.

Выполнение второй задачи, указанной Е. Ф. Карским, — составление исторического белорусского словаря, тоже планировалось Е. Ф. Карским (стр. VI—VII) как труд не одного, а многих лиц.

В годы работы над «Белорусами» Е. Ф. Карский уделял главное внимание этому капитальному исследованию, однако к данному периоду относится и ряд других работ Е. Ф. Карского в различных областях языкознания.

Из трудов по белорусскому языкознанию отметим, в частности, вышедшую в Петрограде в 1917 г. «Этнографическую карту белорусского племени» (из «Трудов Комиссии по изучению племенного состава населения России», 2)[1].

Как пишет автор в сноске 1-й на стр. 2-й, «настоящая карта и объяснительная записка к ней является новым значительно переработанным по последним вплоть до 1917 г. материалам изданием моей карты, составленной в 1903 г. (ср. Белорусы, I, 4—20, 185—191)». При определении этнографических границ исключительным признаком разграничения белорусов от других народов признается материнский язык. Поэтому, как указывает автор на стр. 2-й, этнографическая карта является и картой белорусского языка.

Годом раньше была опубликована статья Е. Ф. Карского «Заметки по белорусскому наречию»[2].

Автор пишет в начале статьи, определяя ее содержание: «Настоящие заметки касаются фонетики, морфологии и синтаксиса белорусского наречия и служат отчасти дополнением к тем данным, которые сообщены нами во II т. „Белорусов“» (вып. 1, 2, 3), отчасти сообщают новые наблюдения» (стр. 136).

Несомненный интерес представляет небольшая статья, опубликованная в том же году, — «Западнорусский ярлык хана Золотой орды Тахтамыша к польскому королю Ягайлу 1392—1393 г.»[3]

Автор устанавливает, что ярлык (сходного содержания с ярлыком на татарском языке, но не перевод с татарского ярлыка) писан «на старом западнорусском наречии» (стр. 169), «старейшим западнорусским полууставом» (стр. 170), и точно приводит текст ярлыка.

Следует отметить, что вплоть до последних дней своей жизни Е. Ф. Карский продолжал работать над «Белорусами» и в принадлежавшие ему экземпляры «Белорусов» вносил все новые сведения, делал дополнения, поправки.

После выхода в свет «Белорусов» появился ряд трудов Е. Ф. Карского по белорусскому языку.

В 1924 г. была напечатана в Ленинграде работа Е. Ф. Карского,

---

[1] В 1918 и 1920 гг. эта карта была переиздана (в 1920 г. — в качестве приложения к упоминавшемуся выше «Курсу белорусоведения»).

[2] «РФВ», т. LXXVI, 1916.

[3] Там же, т. LXXV, 1916.

которую автор называет отголоском его курсов по русской диалектологии, читанных в университете за последние 25 лет, — «Русская диалектология». В этом труде большое место отведено белорусскому языку.

Автор говорит об источниках и пособиях для знакомства с белорусским языком, указывает границы белорусского народа и белорусского языка, останавливается на вопросе об образовании белорусской народности и белорусского языка[1], дает характеристику белорусского языка, определяет главнейшие признаки белорусских говоров.

В 1926 г. вышел в свет труд Е. Ф. Карского «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР»[2]. В этом исследовании даны сведения и по истории белорусского языкознания.

Памятникам белорусской старинной письменности уделено должное внимание в капитальном труде Е. Ф. Карского «Славянская кирилловская палеография», вышедшем в 1928 г. в Ленинграде.

Эта работа находится в связи с напечатанными Е. Ф. Карским курсами по славянской кирилловской палеографии, но значительно отличается от них по широте разработки темы: привлечены новейшие материалы, исследования, изучены неизвестные раньше книги и документы и т. д. Вполне понятно, что все это получило отражение и в тех местах исследования, где говорится о памятниках белорусской старинной письменности.

Из работ Е. Ф. Карского специально по белорусскому языкознанию, опубликованных после выхода в свет «Белорусов», отметим исследования: «Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области»[3], «К истории белорусского языка в XVII столетии»[4], «Червенский говор (из белорусской диалектологии)»[5].

В своей работе «Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области» автор говорит преимущественно о влиянии русского языка на язык литовцев. Как отмечает Е. Ф. Карский, это влияние было настолько сильно, что оно проникло даже к прусским литовцам, которые не соприкасались непосредственно с белорусами. Имело место влияние белорусского языка на язык латышей, сказавшееся, как и в литовском языке, в словарных заимствованиях.

В статье говорится также о влиянии белорусского языка на язык татар и евреев, старых насельников литовского государства «еще во времена литовского и отчасти польского владычества» (стр. 16).

В работе «К истории белорусского языка в XVII столетии» рассмотрена «Триодь цветная XVII века», купленная в Орше проф. Л. Я. Лав-

[1] И здесь, как и в I томе «Белорусов» (см. выше), Е. Ф. Карский говорит, что в основу белорусской народности легли п л е м е н а: «дреговичи, радимичи и отчасти кривичи (полоцкие и смоленские)» (стр. 81).

[2] Е. Ф. К а р с к и й. Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР. — «Сборник ОРЯС», т. CI, № 1. Л., 1926.

[3] «Известия ОРЯС», т. XXIX, 1924.

[4] «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», т. III, кн. 1, 1930.

[5] Там же.

ровским (из Смоленска) и принадлежащая библиотеке Академии наук БССР.

Этот памятник белорусского языка написан в тот период, когда в литературном белорусском языке, под влиянием украинской образованности, употреблялись спорадически украинизмы.

Е. Ф. Карский дает палеографическое описание рукописи, рассматривает фонетические особенности триоди, специально останавливается на обозначении ударения, говорит о наиболее интересных чертах морфологии и синтаксиса, помещает список более или менее редких слов.

Статья о червенском говоре (говоре б. Игуменского уезда, Минской губ.) написана на основе ознакомления с изданием «Краёвы слоўнік Червеншчыны» (Минск, 1929). Она содержит высказывания Е. Ф. Карского не только по лексике, но и по фонетике, морфологии и синтаксису указанной местности, являющейся центральной белорусской местностью и интересной в отношении языка.

В нашу задачу не входит анализ всего того, что выполнено Е. Ф. Карским в других областях языкознания.

Тем не менее мы считаем необходимым хотя бы вкратце остановиться на некоторых трудах Е. Ф. Карского, помимо исследований по белорусскому языку[1].

Большое значение имеют труды Е. Ф. Карского по истории русского языка, в частности его исследования по синтаксису Лаврентьевского списка летописи, по письму и языку Мстиславова евангелия до 1177 г., Архангельского евангелия 1092 г., по языку Русской Правды по древнейшему списку, статьи о значении А. С. Пушкина, М. В. Ломоносова в развитии русского литературного языка и др.

Е. Ф. Карский был выдающимся палеографом. В статье, опубликованной в 1899 г., — «Надпись Самуила 993 г.» автор предлагает свое чтение некоторых восстанавливаемых мест. Специальная работа посвящена отрывку кирилловского евангелия XI в. — листкам Ундольского, которые исследованы со стороны палеографической и лингвистической.

Мы уже останавливались выше, говоря о работах Е. Ф. Карского в области белорусского языкознания, на учебных курсах Е. Ф. Карского по славянской кирилловской палеографии. Ряд изданий этих курсов послужил основанием для названной выше фундаментальной работы Е. Ф. Карского «Славянская кирилловская палеография». И до настоящего времени — это лучший труд по славянской кирилловской палеографии.

Перу Е. Ф. Карского принадлежит большое количество статей, посвященных деятелям (и выдающимся ученым, и скромным труженикам науки) в области славянского языкознания, преимущественно — восточнославянского языкознания. Эти статьи были в дальнейшем использованы

---

[1] Подробнее см. в нашей статье «Е. Ф. Карский как историк русского языка и палеограф (1861—1931)». — «Известия АН БССР», № 4, июль—август, 1951.

Е. Ф. Карским в труде «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР», о котором мы также говорили выше. История научной разработки начата в «Очерке» с древнейшего периода и закончена 1925 годом.

Отголоском лекций, читанных Е. Ф. Карским в университете, явился труд «Русская диалектология», построенный не только на отдельных монографиях — описаниях говоров, как это имело место у других авторов, но и на основе многочисленных ответов на программы Академии наук и Московской диалектологической комиссии, а в отношении белорусского языка — и личных наблюдений. Е. Ф. Карский всегда указывал (в частности, в «Очерке научной разработки русского языка в пределах СССР») на необходимость в первую очередь составить диалектологический атлас восточнославянских языков.

Е. Ф. Карским осуществлены замечательные издания: листков Ундольского (1904), Лаврентьевской летописи (1926—1928), Русской Правды по древнейшему списку (1930).

Перу Е. Ф. Карского принадлежит ряд методических статей по преподаванию русского языка, учебник для гимназий — грамматика древнецерковнославянского языка (с 1888 по 1917 г. вышло 19 изданий).

В журнале «Русский филологический вестник» и в «Известиях ОРЯС» напечатано огромное количество рецензий Е. Ф. Карского на научные труды в различных областях языкознания, на учебные пособия для высшей и средней школы.

Эти рецензии, несомненно, сыграли большую роль в развитии славянского языкознания, методики русского языка.

Как ни значительны труды Е. Ф. Карского по русскому языкознанию и палеографии, труды, прославившие имя их автора и в этих областях науки, мы, говоря об Е. Ф. Карском, всегда в первую очередь вспоминаем о нем, как о выдающемся белорусоведе.

Среди трудов по белорусскому языку и словесности, как мы неоднократно отмечали, первое место занимает многотомное исследование «Белорусы» — замечательный памятник, который поставил себе при жизни Е. Ф. Карский.

В. И. Борковский

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3
От редактора 7
Предисловие автора к первому изданию 9
Сокращения ко всему тому 11

БЕЛОРУСЫ

Какие звуки представляет современный белорусский язык . . . . . 35—48

Общее замечание (35). Гласные звуки: явственные и неявственные, широкие и узкие (35—37); от чего зависит тот или другой характер гласных (37). Характеристика ударяемых гласных — переднего ряда (37—38), среднего ряда (38), заднего ряда (38—39); безударные гласные (39—40). Частичные звуки в роли придыханий (40). Неслоговые *i̯* и *u̯* (40). Гласные дифтонги (40—41). Количество гласных (41). Согласные звуки: твердые, мягкие и средние (41—42). I. Простые согласные: *j* (42), *р*, *л* и *н* (42—43), *д* и *т* (43), *з* и *с* (43), *б*, *п*, *в* и *ф* (44), *г* и *g*, *к* и *х* (44—45), *ж* и *ш* (45). II. Сложные согласные: *д'з'* и *ц'* (45—46), *д͡ж* и *ч* (46); согласные трифтонги (ib.): *зд'з'* и *сц* (46—47), *ждж* и *щ* (47). Основания, которых держится автор при передаче белорусских звуков (47—48)

Особенности письма западнорусских произведений, начиная с древнейших времен. (Палеографический очерк) . . . . . 49—89

Общее замечание. Особенности памятников, писанных уставом: памятники XIII (49—52), XIV и начала XV в. (53—56). Особенности памятников, писанных полууставом: общий характер западнорусского полуустава (53—57), старший полуустав (57—58), младший полуустав (58—71); подражающие полуставу шрифты старопечатных книг (71—73); орфография полуставных памятников (73—75). Особенности памятников, писанных скорописью: время появления скорописи (76), общий характер западнорусской скорописи и ее отличие от восточнорусской (76—77); орфографические приемы скорописи (77—86); печатный шрифт, подражающий скорописи (86). Замечание об орфографии позднейших изданий народных произведений (86). К снимкам (86—89), помещенным на страницах 51—85

Исторический очерк звуков белорусского языка 90

Общее замечание (90)

Гласные звуки . . . . . 91—270

Общеславянские гласные, унаследованные белорусским языком (91); особенности древнерусского праязыка, перешедшие в белорусский язык (91—92); явления в области гласных, развившиеся на белорусской почве, и причины, вызвавшие их (92—93)

Замены общерусского *а:* каким основным славянским звукам он равен и общий его характер (91—94). Переход *а* в *о* (94—102). Переход *а*

в *ы* (102—104). Переход *а* в *э* (104). Переход *а* в *е* (104—111). Переход *а* в *и* (111—112). Переход *а* в *у* (112—113). Исчезновение безударного *а* (113) . . . . . .

Замены общерусского *о:* каким основным славянским звукам он равен и общий его характер (113—114). Причины, вызвавшие изменения звука *о* (114—115). Вполне явственный *о* ударяемый и безударный (115—117). Переход *о* в *у* (117—123). Дифтонги на месте *о* (123—133). Переход *о* в *а* (133—148). Переход *о* в *ы* (148—154). Переход *о* в *э* (после задненёбных в *е*) (154—158). Переход *о* в *е* (*jo* в *je*) (158—159). Переход *о* в *и* (159—160). Исчезновение безударного *о* (160—161)

Судьба *ъ* и его заместителя *о* (161—165)

Замены общерусского *е:* каким основным славянским звукам он равен и общий его характер (165); *е* и *э* (165—167). Причины, вызвавшие изменения звука *е* (167); *е* узкое и широкое (167); вполне явственное *е* ударяемое и безударное (167—170). Переход *е* в *о* (170—179). Переход *е* в *а* (179—186). Переход *е* в *и* (186—193). Переход *е* в *у* (*ю*) (193—194). Дифтонги на месте *е* и *ё* (из *е*); *ię* (195—196), *иę* (196—198). Исчезновение *е* безударного (198)

Судьба *ь* и его заместителя *е* (199—102)

Замены общерусского *ѣ:* его произношение в старину и теперь, судьба заместителей *ѣ* (202). Смешение *ѣ* и *е* в старинных памятниках (202—207). Дифтонг на месте *ѣ* (207—211). Звук *о* (*ё*) на месте *ѣ* (211). Переход *ѣ* в *а* (211—214). Переход *ѣ* в *и* (214—218). Переход *ѣ* в *ы* (218). Переход *ѣ* в *у* (ib.)

Замены общерусского *и:* его характер и происхождение (219—220); замена сочетания *ъj* (220—222). Переход *и* в *ы* или звук, близкий к последнему (222—225). Переход *и* в *й* (и *у*) (225). Переход *и* в *е* (225—228). Переход *и* в *а* (229). Переход *и* в *i̯* (*й*) (229—231). Смена *й* на *ў* 231). Исчезновение *и* (231—233)

Замены общерусского *ы:* его характер и происхождение (233—234); замена сочетания *ъj* (234—235). Переход *ы* в *и* (235—237). Переход *ы* в *у* (237—239). Переход *ы* в *э* (239—240). Дифтонги на месте *ы* (240—241). Переход *ы* в *а* (241—142). Сокращение *ы* (242). Исчезновение *ы* (242)

Замены общерусского *у:* происхождение *у* (242). Переход *у* в *ў* (243—245). Переход *у* в *ы* (245—246). Переход *у* в *о* (246—247). Переход *у* в *а* (247). Исчезновение безударного *у* (248)

Передача общерусских полногласных форм: происхождение и характер полногласия в древнерусском языке и современном белорусском языке (248—250); церковнославянская огласовка в белорусском (250—251); полонизмы (251—252); случаи особой огласовки: *ехa*, *охa*, *олa* (252—253). «Третье полногласие» (253—254). Смешанные образования, объясняемые действием аналогии (254—255). Сочетания *ор*, *ол*, *ер* на месте ожидаемых *оро*, *оло*, *ере* (255—256)

Передача древнерусских сочетаний *ър* — *ъл*, *ър* — *ьл* (256). «Второе полногласие» (257). Случаи, напоминающие «третье полногласие» (258—259). Инославянские огласовки в белорусском языке (259)

Приставка гласных звуков: *о* — *а* (260—261), *и* (261—263), приставка *и* к предлогам и наречиям (263—264), *ишоў* (264), приставка *е* (ib.)

Слитие (выпадение) гласных звуков (265—267)

Количество белорусских гласных (267—270)

Согласные звуки . . . . . 271—392

Общеславянские согласные, унаследованные белорусском языком (272);

особенности древнерусского праязыка в области согласных, перешедшие в белорусский язык (271—272). Явления в согласных, развившиеся на белорусской почве, и причины, вызвавшие их (272—273)

Явления, свойственные всем согласным. Уподобление согласных (273): переход голосовых в безголосные и наоборот (273—279); переход твердых в мягкие и наоборот (279—282); переход свистящих в шипящие и наоборот (282—284). Слитие согласных (284—285). Однородность звуков в связной речи (285—287)

Изменения согласных в абсолютном изглашении слов (287—289)

Удвоение согласных: причины, вызывающие это явление, и разные его виды (289—301)

Изменения, которым подверглись отдельные древнерусские согласные и их группы

Йот: *j* и *i*, новые случаи появления *j* (301—303); *л'* на месте *j* (303); *в'* на месте *й* (*i*) (ib.); отпадение *j* (304). Приставка и вставка *j* (*i*) (304—306)

Плавные *р*, *л*, *н:* общий их характер (306). *Р:* его отвердение, показание народных говоров и старинных памятников (306—314); усиленное произношение *р* (314). Переход *р* в *л* (315), *р* в *в* (ib.). Появление *н* на месте *р* (ib.). Выпадение *р* и вставка (ib.). *Л:* вторичное отвердение его (315—317) и умягчение (317). Переход *л* в *ў* (317—322). Переход в *р* (ib.), в *j* (ib.). Исчезновение *л* (ib.). *Н:* его отвердение (322—323) и вторичное умягчение (323—324), *н* заднеёбное (324). Переход *н* в *м* (ib.), *л* (ib.), *й* (ib.). *Н* вставочный и приставочный (324—325); пропуск *н* (325)

Губные *б*, *п*, *м* и зубногубные *в* и *ф:* общий характер этих звуков, случаи вторичного их отвердения (325—327) и умягчения (327—328). *Б:* его переход в *м* (328): выпадение *б* (ib.). *П:* его переход в *б* (ib.) и выпадение (ib.). *М:* его переход в *н* (328—329). *В:* его переход в *у* (329—334); сочетание *ув* — *ўв* на месте *ў* из *в* (334—335). Звук *о* на месте *ў* из *в* (335—336). Исчезновение *в* в начале слов и в середине (337—338). Приставка *в* (338—339); вставка *в* (339—340). Переход *в* в *г* (ib.), в *б* (ib.), в *м* (ib.); мнимый переход в *р* (ib.) и *с* (ib.), переход в *л* (340—341), в *j* (ib.), *пв* и *хв* в *ф* (ib.), умягчение *в* (ib.). *Ф:* редкость его в белорусском языке (342). Переход *ф* в *хв* (ib.), *хв* (342—343), *х* (343), *п* (343—344), *т* (344), *в* (ib.)

Зубные *д* и *т:* судьба их в белорусском языке в случае мягкости (ib.); дзеканье и цеканье (345—349); протягивание в некоторых случаях звука *ц* (349); *д* и *т* твердые вместо ожидаемых мягких (349—350); вторичное умягчение *д* и *т* (350). *Д:* *з* на месте *дз* (350—351); переход *д'з'* в *й* (351), *дн* в *нн* (ib.), *дс* в *ц* (351—352), *д* в *ч* (ib.), *д* в *г* (ib.), *тц* (*дц*) в *хц*, *тт* (*дт*) в *ст* (ib.). Случаи выпадения *д* в группах *дл* (352), *дн* (ib.), *дм* (ib.), *здн* (ib.), *рдц* (ib.), *здр* (ib.), *дш* (353), *одзи* (ib.); вставка *д* (ib.), *борздо* (ib.). *Т:* его вторичный переход в *д* (353—454), *н* (ib.), *т'* в *й* (ib.), *т* в *ч* *ци* и *чи* (ib.), переход *т'ц* в *цц* (355), *тт* в *сц* (ib.). Выпадение *т* в группах *тл* — *стл* (355—356), *тн* — *стн* (356), *стр* и др. (ib.), отпадение *т* (ib.); вставка *т* (357)

Зубные *з*, *с* и сложный *ц:* характер указанных звуков (ib.). *З:* появление на его месте *дз* (358); переход *з'* в *й* (ib.). Переход *з* в *ж* (ib.), в *д'з'* и *д'* (ib.). *С:* усиленное его произношение (359). Переход *с* в *з* (ib.), *ш* (359—360), группы *сс* в *сц* — *ст* (360). Вторичное отвердение *с* в суффиксе *-с'а* (= *ся*) (360—361). Пропуск *с* и вставка его (361). *Ц:* старинная мягкость этого звука и современная

его твердость (361—362). Переход *ц* в *с* (362—363), *ч* (363), чоканье (363—364)

Задненёбные *г*, *к*, *х*: их мягкость и твердость в белорусском языке (364—365). Переходное смягчение задненёбных (365—367); отсутствие ожидаемого смягчения (367—368). *Г*: его характер — *h* и *g* (369—370). Переход *г* (= *h*) в *g* (370) и *к* (ib.), *д* (ib.), *х* (370—371), *в* (371). Исчезновение *г* (371—372). Вставка и приставка *г* (372—373). *К*: переход его в *g* (373), *х* (373—375), *т'* (375), *цвет*, *квет*, *твет* (375—376); выпадение *к* и вставка его (376). *Х*: появление на его месте звука *к* (376—377), *ф* (377); отпадение *х* (ib.)

Средненёбные шипящие *ж*, *ш* и сложный *ч*: основной характер этих звуков, их прежняя мягкость и современная твердость (377—380). *Ж*: случаи *дж* в современном белорусском языке и памятниках старого западнорусского языка (380—383). Сочетание *жд* (383—384); полонизмы с *дз* (384). Звук *г* на месте *ж* (ib.); *ж'* переходит в *j* (ib.); появление *з* на месте *ж* (384—385); *жв* — *гв* (385); пропуск *ж* (ib.). *Ш*: появление на месте *ш* звука *ж* (385—386), *ч* (386), *щ* (ib.), *с* (ib.); *ш'* переходит в *j* (ib.). *Ч*: его происхождение (386—387); появление *т* на месте ожидаемого *ч* (387), звук *щ* на месте *ч* (ib.), *ч* = *тч* (387—388), *ч* = *ц* — полонизмы (388), заимствование из севернорусских говоров (388—389). Переход *чн* в *шн* (389), *чт* в *шт* (389—390), *ч* в *ш* (ib.), *ч* в *щ* (ib.), *через* и *през* (ib.) . . . . . .

Сложный шипящий *щ*: его происхождение и произношение (391). Его переход в *ш* (391—392) и, вероятно, только на письме в *сш* (392)

Сокращения в словах (392)

Перестановка слогов (392)

Ударение . . . . . 393—444

Общий характер и место белорусского ударения (393—394). Причины отступлений от старины (394—395). Разнообразие в отношении места ударения в самом белорусском языке в разных его говорах (395). Примерный список слов с разнообразным ударением (395—405). Необходимость пользоваться примерами только из прозаической речи, но не стихотворной (405—407). Источники для определения места белорусского ударения в старину (407—408) и теперь (408—409)

Место ударения в словах первообразных. Общее замечание (409—410). Особенности в месте ударения у слов первообразных: имен существительных (410—411), прилагательных (411—412), глаголов (412)

Место ударения в словах производных, образованных при посредстве тех или других суффиксов: имен существительных (412—417), прилагательных (417—418), в неопределенном глаголов (418—419)

Слова предложные (419—422)

Соединение слов с предлогами (422—423)

Ударение в словах сложных (423—424)

Место ударения при словоизменении (424). Мена ударений в склонениях: имен существительных (424—436), прилагательных (436—437), местоимений (437—438). Мена ударений в спряжении: неопределенное (438—439), настоящее время (439—441), прошедшее на *-л* (441—443), деепричастия и причастия (443—444). Неизменяемые части речи (444)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Академик Евфимий Федорович Карский (биографическая справка) 447

Список главнейших печатных трудов академика Е. Ф. Карского 449

Литература о Е. Ф. Карском 452

Исследования Е. Ф. Карского по белорусскому языку 453

Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Д. Э. Розенталь*
Технический редактор *Т. В. Алексеева*
Корректор *Р. Ф. Астафьева*

*

РИСО АН СССР № 3-120В. Сдано в набор 24/XII 1954 г. Подп. в печать 3/XI 1955 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 29,75 = 30,75+1 вкл. Уч.-изд. лист. 36,20. Тираж 6000. Т-09119. Изд. № 636. Тип. зак. № 1342. Цена 23 р. 70 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва Б-64, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В. О., 9 лин., д. 12